

ЗБІРНИК МАТЕРІАЛІВ НАДЗВИЧАЙНОЇ ДЕРЖАВНОЇ КОМІСІЇ з встановлення й розслідування злочинів, вчинених німецько-фашистськими загарбниками та їх по- плічниками

ПРОТЕСТ СОЮЗА ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА СССР^[1]

Союзом Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР отправлена в Женеву Международному Комитету Красного Креста следующая телеграмма:

«Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, заявляет решительный протест против неоднократных бомбардировок санитарных формирований и учреждений вторгнувшимися на территорию СССР немецкими войсками. С 22 по 28 июня немецкие бомбардировщики атаковали и разрушили госпитали в городах Гродно, Лиде, Минске, Смоленске. Они подвергли также бомбардировке с воздуха санитарный поезд в гор. Львове и целый ряд полевых санитарных учреждений, несмотря на ясное обозначение и видимость отличительных знаков, установленных Женевской конвенцией^[2] для этих учреждений. При бомбардировке пострадали медицинский персонал, раненые и больные, находившиеся на излечении в госпиталях».

ДИКАЯ РАСПРАВА НЕМЕЦКИХ ПАЛАЧЕЙ НАД РАНЕНЫМИ БОЙЦАМИ^[3]

Рассказ военврача 3-го ранга Г.А. Иванченко

Мне довелось видеть немало зверств немецких фашистов, от которых стынет кровь в жилах. На станции С. гитлеровцы сожгли госпиталь, в местечке Рудня они разрушили бомбами детский дом. И сейчас еще у меня перед глазами трупы семидесяти женщин и детей, залитых кровью, обезображенных, с оторванными руками. Но то, что совершили немецкие палачи над ранеными красноармейцами нашей части, не поддается описанию.

Бой начался в 6 часов утра. Наша часть, несмотря на сильный огонь врага, упорно отстаивала позиции у деревни И. Не имея помещения для госпиталя, мы перевезли раненых на опушку леса, и я приступил к операции бойца, раненого разрывной пулей. Мне помогала одна из санитарок, семнадцатилетняя Валя Бойко.

Неожиданно к опушке пробилась рота немцев и открыла по госпиталю огонь из винтовок и автоматов. Пули косили раненых, поднимающих головы с повозок. «Здесь шпиталь, шпиталь!» — громко закричал я. Фашистские негодяи отчетливо слышали мой голос, ясно видели, что это госпиталь, но и не подумали прекратить бешеную стрельбу.

Окружив повозки, немцы кинулись обыскивать раненых, выворачивали их карманы, вытаскивали деньги, часы, носовые платки — все, что попадалось. Когда солдаты закончили грабеж, офицер приказал раненым подняться и положить руки на головы. Раненый в руку красноармеец Шаламов, которому я всего за час до этого сделал операцию, не мог, конечно, поднять руки. Очкастый фашист в форме офицера с красным крестом на воротнике в упор выстрелил в Шаламова. Пуля пробила ему плечо, кровь залила всю гимнастерку. Тотчас я подбежал к бойцу и начал перевязывать его. Немецкий фельдшер ударил меня прикладом.

— *Вы же фельдшер*, — вскричал я вне себя от негодования, по-немецки. — *Зачем вы воюете с ранеными?*

Вместо ответа он еще раз ударил меня прикладом, и я упал.

К моей славной помощнице, санитарке Вале Бойко, подскочили двое солдат. Они обыскали ее и подвели к фельдшеру. Тот спросил что-то. Маленькая санитарка спокойно взглянула в перекошенное злобой лицо врага и промолчала. Фельдшер повторил вопрос: кто из раненых — командиры. Девушка отрицательно покачала головой. Тогда немец, отвратительно ругаясь, приставил винтовку к ее груди. Девушка разжала губы и плюнула мерзавцу в лицо. Немедленно раздался выстрел. Так погибла замечательная советская патриотка, чей светлый образ я навсегда сохранил в своей памяти.

Гитлеровский ублюдок в чине фельдшера продолжал издеваться над ранеными бойцами и командирами. Он ходил от повозки к повозке и прикладом избивал раненых, стараясь угодить по самому больному месту. Ударом приклада он раздробил череп тяжело раненому в голову лейтенанту Дилееву. Лежавший рядом с Дилеевым красноармеец Азимов попытался помочь лейтенанту. Фельдшер-палач в упор застрелил красноармейца.

Не знаю, сколько еще продолжалась бы дикая расправа гитлеровских головорезов над ранеными. Но тут невдалеке раздалось «ура». Группа наших бойцов подошла на выручку госпиталя. Фашисты открыли огонь из ав-

томатов и минометов, однако долго стрелять им не пришлось. Выскочивший из-за кустов ездовый^[4] Молчанов навалился на минометчика, выхватил у него штык и всадил ему в спину. С этим же штыком отважный ездовый ринулся на офицера и заколол его. Увидя, что офицер убит, немцы поспешно подняли руки. Поднял руки фельдшер-палач. Он упал на колени и молил о пощаде. Он был жалок и мерзок в эту минуту — убийца и трус.

Гневом и яростью наполняется мое сердце всякий раз, когда я вспоминаю об этой чудовищной расправе немецких дикарей над ранеными красноармейцами и командирами. Месть, беспощадная месть ненавистному врагу!

КРОВАВЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ МЕРЗАВЦЕВ ПРОДОЛЖАЮТСЯ^[5]

Продолжают поступать сообщения о новых чудовищных злодеяниях немецко-фашистских мерзавцев, попирающих международные правила и законы ведения войны. Среди белого дня гитлеровские бандиты охотятся за безоружными санитарными поездами и самолетами, из пулеметов расстреливают медицинских работников и раненых красноармейцев. Ниже мы публикуем один из актов о нападении фашистских самолетов на санитарный поезд.

«АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, настоящим подтверждаем нижеследующее: доставив раненых к месту назначения, наш военно-санитарный поезд выехал в обратный рейс. 5 ноября сего года в 16 часов 50 минут на перегоне между разъездом Пальцево и станцией Кафтино Калининской железной дороги поезд атаковали с воздуха четыре фашистских самолета. Они подвергли нас бомбардировке и пулеметному обстрелу. Самолеты летели на небольшой высоте и ясно видели опознавательные знаки Красного Креста на крышах вагонов военно-санитарного поезда. Фашисты дали короткую пулеметную очередь по поезду, после чего сбросили 4 фугасных и несколько зажигательных бомб. Одна фугасная бомба прямым попаданием разбила и зажгла вагон №15. Всего разрушено и сгорело 13 вагонов. Когда поезд остановился, мы подобрали раненых товарищей, выскочили из вагонов, сползли с железнодорожной насыпи и пытались укрыться в лесу. Фашисты с высоты бреющего полета открыли пулеметный огонь, чтобы помешать нам спасти пострадавших товарищей. Фашисты видели нас и охотились за нами. 30 минут мы лежали под непрерывным пулеметным огнем. Пули сыпались градом. Имеются жертвы. Убиты:

- 1) Посошникова Вера Васильевна — врач-хирург.
- 2) Кузнецова Валентина Дмитриевна — медицинская сестра.
- 3) Прокофьева Фаина Ивановна — проводница ленинградского резерва Октябрьской железной дороги.
- 4) Барабанова Мария Павловна — проводница ленинградского резерва Октябрьской железной дороги.
- 5) Звонарев Иван Платонович — раненый красноармеец, следовавший в батальон выздоравливающих.

Ранены:

- 1) Овсянников Никита Васильевич — старший фельдшер.
- 2) Чернышев Николай Григорьевич — зав. складом военно-санитарного поезда.
- 3) Константинова Анна Григорьевна — медицинская сестра.
- 4) Тонких Константна Тихонович — санитар.

Все вышеизложенное мы видели и пережили лично, о чем собственноручно написали настоящий акт:

Масленникова В.Д. — медицинская сестра.

Сухаго С.И. — начальник аптеки.

Тонких К.Т. — санитар.

Овсянников Н.В. — старший фельдшер.

Чернышев Н.Г. — зав. складом военно-санитарного поезда».

ЗВЕРСТВА ФАШИСТСКИХ ВАРВАРОВ В ЗАХВАЧЕННЫХ РАЙОНАХ

Крoвая расправа над женщинами и детьми

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 11 июля. (Спецкорр. ТАСС).

Жительница пограничного местечка Любачев Александра Викторовна Одарева, работавшая продавщицей в любачевском магазине, была подобрана постами подразделения N части через несколько дней после отхода наших войск на Львовском направлении. Трудно было представить, что этой седой, изможденной женщине всего 28 лет. Четыре ночи пробиралась она к своим частям, чтобы спастись от злодеев-гитлеровцев.

Одарева рассказала:

— *Захватив Любачев, гитлеровские солдаты стали рыскать по домам и расправляться с населением. Фашистские изверги вытащили из домов целые семьи, согнали их в кучу и оцепили. Остальным жителям приказали тоже выйти на улицу, но за оцепление их не пускали, и мы только издали могли видеть, что творилось там.*

— *Сначала никто не понял, что задумали злодеи, — говорит тов. Одарева. — Вдруг мы услышали крик женщины, потом стали кричать дети. Германский офицер подал команду. Цепь в одном месте расступилась, и люди были оттеснены к стене дома.*

Раздался выстрел. Палачи словно по команде выхватили клинки. Началось кошмарное по жестокости истребление людей — мужчин, женщин, детей. От ужаса и страха кровь застыла в жилах у тех, кого немцы заставили быть свидетелями этого неслыханного злодеяния.

Матери валялись в ногах у палачей, прося сохранить жизнь детям. Но бандиты на глазах у женщин приканчивали детей, а потом наотмашь, как попало, кромсали клинками взрослых.

— *Этого ужаса я не забуду никогда,* — заканчивает тов. Одарева. — *Проклятие фашистам!*

ЧУДОВИЩНЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ ОЗВЕРЕЛЫХ ФАШИСТОВ^[6]

Расстрелы стариков и детей, насилия над женщинами

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 31 июля. (По телеграфу от наш. спец. корр.).

Село К. после ожесточенного боя было занято нашими частями. Перед красноармейцами предстала жуткая картина погрома и бесчеловечных зверств. За считанные часы своего пребывания в селе фашисты разграбили дотла все дома. Десятки стариков, женщин и детей были подвергнуты мученической смерти. Гитлеровские бандиты упивались кровью беззащитных людей.

Фашистам удалось захватить санитарную машину с ранеными красноармейцами. Ее поставили в центре села, согнали сюда всех жителей и на глазах у них стали зверски пытать раненых. Негодяи-гитлеровцы немислимо мучили свои жертвы, выламывали им руки, выкалывали глаза. Трупы замученных бойцов были выброшены на улицу.

Один колхозник успел подобрать и укрыть раненого бойца. Но фашисты, как бешеные собаки, рыская по селу в поисках наживы, обнаружили этого красноармейца. Они его вытащили на улицу и убили. После этого палачи стали искать колхозника, скрывшего красноармейца. Не найдя его, фашисты начали истязать всех остальных жителей. Женщина с ребенком, пытаясь спастись, спряталась в погребе. Но кровожадные изверги немедленно бросили вслед ей гранату. Когда в погребе раздался взрыв, фашистские убийцы засмеялись.

Тем временем напор наших подразделений все усиливался. Будучи не в силах противостоять могучему красноармейскому удару, фашисты стали отступать. Напоследок, уходя из села, бандиты и насильники, несмотря на слезы и мольбы обезумевших от горя матерей, бросили в свои машины несколько пятнадцатилетних девочек. Как выяснилось впоследствии из допроса пленных, эти девочки предназначались для офицерских публичных домов.

Когда фашисты отступали, на пути им встретилась группа школьников, укрывавшихся в поле. Тотчас же затрещали пулеметы. Изверги методично и хладнокровно расстреливали подростков.

Лейтенант Железнов, действуя в тылу у врага, своими глазами видел, как злодейски расправляются немецко-фашистские захватчики с беззащитными мирными жителями.

— *В одном селе,* — говорит Железнов, — *остались только старик, да старуха, не успевшие эвакуироваться. Ворвавшись к ним в дом, германские офицеры, угрожая оружием, потребовали хлеба, сала и мяса. Бандиты бросились в сарай, где стояла корова. Старуха пыталась остановить одного из них. «Не дам вам, ироды, свою кормилицу», — со слезами закричала она. Душегуб-офицер полоснул ее кинжалом по лицу. Женщина упала, обливаясь кровью.*

Безмерны и чудовищны преступления подлой гитлеровской своры убийц и грабителей. В населенном пункте С. эти негодяи изнасиловали днем группу девочек-школьниц и потом тут же расстреляли свои безвинные жертвы.

Наши бойцы знают обо всем этом. Знают — и никогда не забудут! Жажда мести за кровь и муки наших людей удесятерит силы бойцов в борьбе против гитлеровского зверья. Фашисты жестоко расплатятся за все свои ужасающие злодеяния. Нет и не будет пощады бешеным фашистским псам.

НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИЕ ЗВЕРСТВА В БРЕСТЕ И МИНСКЕ^[7]

В Советское Информбюро продолжают поступать от советских граждан, вырвавшихся из захваченных немцами советских городов, многочисленные письма и заявления о чудовищных злодеяниях немецких фашистов. Ниже приводятся показания очевидцев страшных зверств гитлеровцев над мирным населением в советских городах Бресте и Минске.

Жительница Бреста, член жилищной комиссии Брестского городского Совета, Г.Я. Пестружицкая пишет:

«Фашисты в первый же день арестовали всех сотрудников советских учреждений, активистов общественных организаций, стахановцев железнодорожных мастерских и депо, предприятий и промысловых артелей. Арестованных вместе с семьями загнали на стадион «Спартак». Когда меня привели на стадион, там уже было больше тысячи человек. Два дня продержали нас под открытым небом без пищи и воды. Голодные дети плакали. На глазах у всех арестованных немецкий солдат ударил ногой плакавшую девочку лет трех-четырех. Мать бросилась было защитить ребенка, но фашист размахнулся и ударил ее прикладом в живот. Несколько мужчин запротестовали против издевательств солдат над детьми и женщинами. Солдаты избили их до полусмерти. Каждую ночь

на стадион врвались пьяные фашисты и насильно уводили молодых женщин. За две ночи немецкие солдаты увезли больше 70 женщин, которые потом бесследно исчезли. Мужья и братья этих несчастных женщин пытались защитить их. Фашисты пустили в ход пистолеты. Тут же на стадионе немцы застрелили около 20 мужчин. На третий день на стадион приехало несколько офицеров. Один из офицеров стал вызывать арестованных по списку. Всего было вызвано не меньше 200 человек. Их выстроили на северной стороне футбольного поля и расстреляли из пулеметов. Трупы расстрелянных валялись на стадионе три дня. После этого гестаповцы отобрали из арестованных граждан еще 250—300 человек и ночью увели неизвестно куда».

Бухгалтер сберкассы А.А. Бутко рисует в своем письме жуткую картину допроса арестованных советских граждан в штабе немецких войск.

«Меня арестовали вместе с группой финансовых работников города. Два дня нас держали в тюрьме. На третий день стали вызывать на допрос. Фашисты допытывались, где находятся ценности советских учреждений, предприятий и общественных организаций. До меня допрашивали железнодорожного рабочего Н.В. Брудного. Фашисты требовали от него, чтобы он назвал всех профсоюзных активистов, коммунистов, работников политотдела дороги. Арестованный упорно молчал. Палачи набросились на него и стали избивать. Ему сломали обе руки, разбили прикладом лицо и нанесли несколько штыковых ран. Ничего не добившись от советского патриота, офицер застрелил его. Долго издевались фашистские людоеды над беременной женщиной В.Л. Андрасюк. В конце допроса у нее спросили: подписалась ли она на «большевицкий заем». Когда она ответила, что подписалась, ей предложили написать заявление о том, что комиссары ее насильно заставили подписаться на заем. Андрасюк ответила: «Но это же неправда, ведь я сама это сделала совершенно добровольно». Тогда фантасты начали наносить женщине всяческие оскорбления и пытаться прикладывать к щеке курящуюся папиросу, кололи ножами в шею. Андрасюк не стерпела и сказала: «Что вы делаете, ироды, убийцы». Рассвирепевшие фашисты закололи ее штыками».

Вырвавшиеся из фашистского ада жители города Бреста — А. Зорын, В. Кривушка, Я. Морозов, В. Алесик, Г. Самосский и М. Заверженец сообщают, что за первые дни немецкой оккупации в городе Бресте расстреляно, замучено в застенках гестапо не менее 1 000 жителей.

Жена рабочего минского машиностроительного завода им. Кирова Любовь Фёдоровна Климчук сообщает в своем письме о зверском издевательствах немецких солдат над большой группой минских жителей, захваченных фашистами в 50 километрах от Минска и приведенных обратно в разрушенный город.

«В лесу нас нагнали 12 автомашин с фашистскими солдатами. Немцы остановили машины, соскочили на землю и без какого-либо предупреждения начали нас расстреливать из автоматов и винтовок. От пуль поганых бандитов погибло не меньше 50 человек, в том числе 18 детей. После этого нас оцепили и погнали в город. На наши просьбы и мольбы взять раненых немцы ответили ударами штыков и прикладов. Издеваясь над нами, фашисты не разрешали останавливаться. Тех же, кто падал, обессилев от потери крови, немцы прикалывали штыками. Фашистские изверги закололи и застрелили 35 человек. Никогда не забыть ужасного зрелища, очевидцем которого я была, в пяти километрах от Минска. Раненый немецкой пулей 15-летний мальчик Саша Свергун упал на землю и не мог подняться. Немецкий солдат начал бить его ногами и прикладом. Когда и это не помогло, фашист замахнулся штыком. Мать Саши бросилась к сыну и заслонила его своим телом. Озверевший фашист приколол штыком и мать и сына. До города нас дошло около 150 человек. В течение трех дней шли допросы. Каждый день от пыток и от фашистских пуль умирали по 20—25 человек. На четвертый день допрос прекратился. Оставшихся в живых 85 советских граждан немцы увели на дорожные работы в г. Смолевичи».

Заведующий районной библиотекой Михась Короткевич вырвался из немецкого концентрационного лагеря около Минска, куда фашисты сгоняют всех беженцев, перехваченных на дорогах. В своем письме Михась Короткевич раскрывает картину неслыханных издевательств фашистов над беззащитными людьми:

«Последние пять дней тысяча заключенных — взрослых и детей — не получала никакой пищи. На шестой день фашисты выдали нам гнилые селедки — одну на три человека. На тысячу заключенных фашисты привозят в день одну бочку воды. Во всем лагере имеется одна ржавая кружка. В лагере сотни больных, но им не оказывается никакой медицинской помощи. Трупы умерших от голода и побоев не убирались по неделе. 21 июля комендант лагеря заставил большую группу евреев вырыть котлованы. Когда ямы были готовы, евреев связали и бросили в яму. Затем фашисты приказали белоруссам, находившимся в лагере, засыпать евреев землей. Все белоруссы, как один, наотрез отказались выполнить это чудовищное приказание коменданта. Тогда рассвирепевшие фашисты из пулеметов расстреляли 45 евреев и 30 белоруссов. Каждый вечер комендант лагеря отбирал по спискам людей и утром их расстреливали в двухстах метрах от лагеря».

КРОВАВЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ ГИТЛЕРОВСКИХ ВОЙСК ВО ЛЬВОВЕ^[8]

В публикуемом сегодня сообщении Информбюро приводится ряд неопровержимых показаний потерпевших и очевидцев, свидетельствующих о том, какие чудовищные зверства и насилия учинили и чинят гитлеровские войска во Львове и во Львовской области. Кровь стынет в жилах, когда читаешь сообщения о том, как гитлеровские солдаты и офицеры расправляются с мирным населением—женщинами, стариками и детьми.

История еще не знала таких зверств, таких ужасов, какие доводится испытывать людям, захваченным фашистско-немецкими бандитами. С изощренностью садистов, растленных убийц они уничтожают людей. Одних

они расстреливают; других, собрав и связав веревками, давят гусеницами танков; третьих, заперев в сараях, сжигают; четвертых закапывают живыми в землю. Нечеловеческие муки и страдания приходится переживать женщинам и девушкам, попавшим в лапы фашистских солдат и офицеров. Изнасиловав женщин и девушек, немцы штыками и пулями приканчивают многих из них.

Поправ все правила и законы ведения войны, немцы штыками и прикладами добивают раненых красноармейцев. Санитарные поезда, повозки и самолеты, перевозящие раненых, так же, как и госпитали, подвергаются бомбардировке и обстрелу из орудий и пулеметов.

Эти зверства, насилия и пытки которым подвергают немецкие войска мирных жителей, не являются чем-то случайным. Они носят массовый характер. Не только во Львове и Львовской области, но везде, где фашистские солдаты, — там зверства и насилия. Факты неопровержимо доказывают, что массовые убийства мирных граждан, зверские надругательства над женщинами, стариками и детьми — это гитлеровский способ ведения войны. Немецко-фашистские войска, учиняя кошмарную расправу над мирными жителями захваченных сел и городов, выполняют директивы своего обер-бандита, людоеда Гитлера, директивы, вошедшие составной частью в военную доктрину армии гитлеровских головорезов. Гитлер писал: «Мы должны быть жестоки со спокойной совестью», «меня не удерживают никакие соображения теоретического или морального порядка». И фашистско-немецкие войска точно и методично осуществляют указания своего главаря. Со спокойной совестью они истребляют десятки и сотни тысяч мирных жителей.

* * *

Как только отряды пьяных солдат в офицеров вторглись во Львов, берлинское радио разнесло очередную геббельсовскую брехню о так называемых «зверствах большевиков». Геббельсовские молодчики, давно набившие руку на всякого рода фальшивках, быстро состряпали фотоснимки, долженствовавшие показать ужасы, творимые красноармейцами. Но, увы! В мире осталось очень немного людей, которые приняли за чистую монету геббельсовские «документы» и заявления. Только несколько газетенок в оккупированных странах, издатели которых давно закуплены немцами, преподнесли своим читателям эти фальшивки, как «достоверные факты». Вся же мировая печать единодушно высмеяла бандитскую уловку провокаторов из ведомства господина Геббельса.

Жители Львова, которые собственными глазами наблюдали, как фашистские войска вели себя после вступления во Львов, своими показаниями подтверждают то, что жертвы, которые приписываются геббельсовской пропагандой действиям частей Красной Армии, являются жертвами террора, организованного фашистскими убийцами.

Вот что рассказывает очевидица гнусных преступлений фашистских шаек во Львове, сотрудница Львовского музея художественных промыслов Ядвига Кнушевская:

«Это было ночью. Кругом было очень тихо, только время от времени раздавались крики пьяных немецких офицеров. Мы не могли уснуть. Впечатления прошедшего дня были слишком ужасными, чтобы можно было спать. Вдруг мы услышали душераздирающие крики. Что произошло? Это, оказывается, в дом по соседству ворвались штурмовики. Послышался звон разбитых стекол, выстрелы. Я решила посмотреть в окно, и сердце мое, кажется, остановилось от ужаса: немецкие солдаты, ворвавшись в квартиры, выбрасывали из окон полураздетых людей, а возле дома столпились немецкие офицеры, хватали выбрасываемых из дома женщин, срывали с них одежду, издевались над ними. Прошло немного времени, и мы увидели, как многих наших соседей немецкие солдаты куда-то погнали вдоль темной улицы. Сперва прошла одна группа, потом вторая, третья. Пьяные солдаты, выкрикивая ругательства, подталкивали женщин с детьми на руках. С минуты на минуту мы ждали, что и к нам ворвутся эти бандиты...»

Другой свидетель зверских расправ, учиненных гитлеровскими войсками над мирным населением, рабочий Львовского государственного ипподрома Стефан Коряк, живший неподалеку от дома, где находилась милиция, рассказывает о той же ночи следующее:

«Я не спал до самого утра и наблюдал, как немецкие солдаты в течение всей ночи приводили во двор милиции полураздетых мужчин и женщин. Привели девушку. Она была почти раздета. Пьяный офицер схватил ее. Девушка пыталась вырваться и нанесла офицеру удар. Насильник закричал, и тогда солдат охраны всадил штык в грудь несчастной девушки. Присутствовавшие при этой сцене другие женщины начали истерически кричать. Немцы, не желая, чтобы кто-либо наблюдал эти кошмарные сцены, открыли стрельбу в окна, из которых мы смотрели. Наступило утро. К этому времени во двор милиции немцы согнали больше двухсот человек. То, что началось в этот час, трудно описать... Дрожь пробегает по телу, когда все это вспомнишь...»

Петр Ермоленко, служащий артели «Стекло-зеркало», наблюдавший кошмарную расправу немцев с мирными жителями, показывает:

«Как только во дворе милиции начали стрелять, я решил посмотреть в окно и обомлел от ужаса. На моих глазах немцы из установленного в окне милиции пулемета расстреливали согнанных жителей. Спасаясь от пуль, некоторые кинулись бежать к воротам. Но там солдаты и офицеры избивали их прикладами и кололи штыками. Офицеры же открыли по несчастным стрельбу из пистолетов. Около десяти минут продолжалось все это. Я не мог выдержать всех этих ужасов и потерял сознание. Придя в себя и посмотрев в окно, я увидел, как немецкие кинооператоры и фотографы снимали горы трупов расстрелянных и заколотых граждан, а солдаты, стоящие рядом, обтирали штыки своих винтовок. Кажется, у меня от всего этого остановилось дыхание, — трудно представить что-либо более кошмарное...»

* * *

Город Львов, этот чудесный и прекрасный город, разграблен фашистами, а его жители испытывают на себе

все ужасы фашистского насилия и мародерства. Беженцы из Львова показывают, что по главным улицам города фашисты то и дело гонят толпы людей, избитых, истерзанных, замученных. Это делается, оказывается, для того, чтобы нагнать страх на всех остальных, подорвать волю к сопротивлению у всех, кто готовится бороться против фашистских бандитов. «Все дозволено» — это стало своеобразным девизом разбойничьей своры. И вот, ворвавшись в город, банды солдат и офицеров грабят квартиры и магазины и все награбленное имущество грузят на машины и увозят, убивают, подвергая пыткам, мирных граждан.

Отряды гитлеровских войск рыскают по селам, вешают польских и украинских крестьян, подвергают насилию женщин, грабят дома. Придя в одно местечко, шайка гитлеровских бандитов закопала в землю живыми семь человек.

Ворвавшись в другое местечко, они расстреляли 100 поляков, украинцев и евреев. Убивали на улицах, в домах — везде и всюду.

* * *

Разведчики части капитана Якушина нашли в лесу, недалеко от деревни П., рабочего Львовской обувной фабрики Яна Вахновского. Последний находился в обморочном состоянии. Яна Вахновского доставили в госпиталь, где он рассказал, как гитлеровские головорезы, ворвавшись во Львов, расправлялись с мирным населением.

«Мне не удалось вовремя покинуть Львов вместе с частями Красной Армии, и поэтому я вынужден был укрываться на квартире жены моего товарища З. Как только немецкие войска вошли в город, они начали пачками расстреливать граждан. Во двор милиции было согнано много людей, и всю ночь там раздавались стрельба и дикие крики несчастных. Через два дня я вместе с несколькими другими был арестован. Немцы нас сильно избили и бросили в подвал. Ночью нас разбудили. Вместе с другими пятнадцатью жителями нас погнали за город и предложили рыть большую яму. К утру яма была вырыта. Показались грузовики. Похолодела кровь в жилах, когда мы увидели, чем нагружены машины: на них были горы трупов женщин, детей, мужчин. Я видел на трупах убитых огромные раны, по-видимому, штыковые. Все тела были обезображены. Офицеры предложили нам бросать трупы в яму, при этом пьяные германские офицеры и солдаты ругали нас свиньями и торопили. Мы разгрузили машины. Вдруг немецкий офицер что-то закричал, обращаясь к своим солдатам, последние, накинувшись на нас, открыли стрельбу. Что случилось потом, я не помню. Когда я очнулся, было уже утро. Я понял, что я засыпан землей. Стряхнув ее с себя, я приподнялся, сел. Придя в себя, я с ужасом понял, что произошло. Я, видимо, был принят за мертвого и меня вместе с другими бросили в яму. Я попытался встать, но для этого не хватило сил. У меня было пробито плечо, костном был весь в крови. Собравшись с последними силами, я перевязал рану и стал ползти. Я думал лишь об одном — о том, чтобы как можно скорее покинуть эту ужасную могилу. В течение нескольких ночей я пробирался к фронту. Наконец, я добрался до одной деревни, где мне дали пищу и перевязали рану. Но больше я уже двигаться не мог и потерял сознание. Пришел в себя только в госпитале. Но и теперь я не могу отделаться от кошмара пережитых ночей».

Заключив свой рассказ, Ян Вахновский говорит:

— *Сейчас я думаю только об одном: как бы скорее выздороветь, набраться сил, взять винтовку и пойти в бой против фашистов, чтобы бить их и бить беспощадно и до конца.*

* * *

Рассказы очевидцев показывают, во-первых, что гитлеровская армия не останавливается ни перед чем в своей звериной злобе к людям, не желающим находиться в фашистском рабстве. Эти показания, во-вторых, еще раз иллюстрируют подлые приемы гитлеровско-геббельсовской пропаганды. Замучив, истерзав тысячи жителей Львова, фашистские убийцы пытались приписать это красноармейцам.

Мы превосходно знаем, чего хочет добиться Гитлер, учиняя зверские насилия, организуя эти казни и надругательства. Он и его свора хотят этим подорвать дух советского народа, его волю в борьбе против фашистских насильников. Однако, советских людей нельзя застрашать, нельзя запугать. Зверства фашистских насильников разжигают в советских людях ненависть к врагу, и эта ненависть испепелит гитлеровские полчища.

Изверги, мучители, проклятые всеми честными людьми мира, получают по заслугам: как кровожадные и взбесившиеся собаки, они будут раздавлены и уничтожены.

ДОКУМЕНТЫ О ЗВЕРСТВАХ НЕМЦЕВ В РОСТОВЕ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ^[9]

Наши бойцы и командиры, преследующие разбитые войска группы Клейста, увидели в городе Ростове, деревнях и селах Ростовской области страшную картину немецких зверств. Фашисты подвергают свои жертвы неслыханным мучениям, добивают и сжигают раненых, не останавливаются перед массовыми расстрелами ни в чем не повинных людей.

Злодеяниям гитлеровцев нет названия. Реками своей черной крови не смоют эти полуживотных, позора, который они навлекли на современную Германию своими преступлениями.

Мстить этим негодям, истребить их всех до единого! — вот к чему зовут публикуемые нами свидетельские показания и акты о фашистских зверствах.

РАСПРАВА НАД БЕЗОРУЖНЫМИ

Акт Составлен 26 ноября 1941 г.

Мы, колхозники села Аграфеновка, Родионово-Нецветавского района, Ростовской области, были свидетелями дикой расправы немецко-фашистских войск над безоружными жителями нашего района.

6 ноября на сельской площади собралось человек 100 мобилизованных для отправки в Красную армию. В полдень в село ворвались немецкие танки, мотоциклисты и пехота на автомашинах. Окружив мобилизованных, они расстреляли из пулеметов и легких пушек более пятидесяти человек.

Подписи: Твердуков, Бондаренко, Беспалова, Терников, Ковалева, Терникова, Конопля.

В г. РОСТОВЕ

МАССОВОЕ УБИЙСТВО МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, военный корреспондент газеты «Известия» старший батальонный комиссар Виленский Э.С., начальник отдела пропаганды и партийно-комсомольской жизни газеты 9-й армии «Защитник Родины» батальонный комиссар Хейфец К.Х. и красноармеец Ганин С.С. составили настоящий акт в следующем.

29 ноября 1941 г., войдя в город Ростов со стороны Нахичевани, мы увидели у разрушенного дома рядом со зданием управления железной дороги 48 трупов — мужчин, женщин, детей — граждан города Ростова, расстрелянных германскими захватчиками из автоматов. На стене дома ясно были видны следы пуль. Из опроса граждан нами установлено, что поводом для этого кровавого злодеяния послужил факт убийства возле этого дома немецкого солдата.

Верные своему кровавому принципу: «За одного немца — десятки русских», немцы зажгли дом, возле которого раздался выстрел, затем схватили без разбора всех выбегавших из горящего дома мирных жителей, а также случайных прохожих и всех их расстреляли.

О чем и составлен настоящий акт.

Старший батальонный комиссар

Э. ВИЛЕНСКИЙ.

Батальонный комиссар

К. ХЕЙФЕЦ.

Красноармеец С. ГАНИН.

В СЕЛЕ ВОЛОШИНО

ФАШИСТЫ СОЖГЛИ ПЛЕННЫХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ

АКТ

Составлен 25 ноября 1941 г.

Мы, нижеподписавшиеся, заместитель ответственного редактора газеты «Защитник Родины» (9-я армия) батальонный комиссар Сологуб П.И., начальник группы информации этой же газеты старший политрук Елецкий М.М. и заместитель начальника отдела армейской жизни редакции Бабенко И.Г., составили настоящий акт о нижеследующем:

Когда мы с передовыми частями Красной армии вошли в село Волошино Ростовской области, из которого были выгнаны немцы, то на северной окраине села в догоравшем сарае обнаружили 25 обуглившихся человеческих трупов. На основе показаний местных жителей установлено, что перед своим уходом немцы загнали в сарай 25 пленных красноармейцев, заперли их здесь и подожгли строение. Опознать сгоревшие трупы не удалось.

Об этом злодеянии немцев мы составили настоящий акт и прилагаем к нему фотографию, снятую в колхозном сарае, где находились трупы бойцов, сожженных фашистами.

Батальонный комиссар П. СОЛОГУБ.

Старший политрук М. ЕЛЕЦКИЙ.

Старший лейтенант И. БАБЕНКО.

В СЕЛЕ АГРАФЕНОВКА

РАССТРЕЛЯЛИ КАЖДОГО ТРЕТЬЕГО

Свидетельские показания восьми колхозников.

Мы, колхозники села Аграфеновка, Родионово-Нецветавского района, Ростовской области, Ковалев Семен Яковлевич и Ковалев Иван Семенович, были свидетелями диких бесчинств фашистов в нашем селе.

16 ноября 1941 г. к нам в хату вошел офицер с револьвером в руках и приказал мне и моему сыну Ковалеву Ивану Семеновичу следовать за ним. Когда мы вышли на улицу, там уже стояло под охраной другого офицера и нескольких солдат человек 8—10 мужчин из мирных жителей нашего села и окрестных деревень.

Собрав 25 человек колхозников, немцы повели нас к реке. Выстроив людей на крутом ее берегу, один из офицеров потребовал от нас выдачи виновника порчи линии связи, предупредив, что в противном случае каждый третий будет расстрелян. Мы об этом ничего не знали, но если бы нам и было что-нибудь известно — все равно ничего не сказали бы. Тогда офицер, тыча дулом револьвера в колхозников, приказал выйти вперед 8 человекам. Нас остальных отвели в сторону метров на двадцать. После этого офицер начал расстреливать выведенных на край берега поодиночке. Раненых добивали солдаты из винтовок.

Окончив расправу, офицер предупредил нас, что в случае повторения умышленной порчи связи будет расстреляно все село. Потом он приказал трупы расстрелянных бросить в прорубь.

Из жителей нашего села были расстреляны Жуков Сергей Петрович 17 лет и Щербатов Иван Матвеевич 35 лет. Колхозник Щербаков Иван Федорович 17 лет упал на лед, будучи раненым, и, когда ушли палачи, убежал в село Варилково-Крепинское, где и скрывался до прихода частей Красной армии.

Подписи: **КОВАЛЕВ С.Я., КОВАЛЕВ И.С.**

Вышеуказанное подтверждаем:

Колхозники с. Аграфеновка: Жукова Е., Щербакова И., Клименко С., Колосынков А., Ковалева А., Нидвигина М.

В СЕЛЕ КРАСНОГОРОВКА

ДОБИВАЮТ РАНЕННЫХ

Акт Составлен 26 ноября 1941 г.

Мы, нижеподписавшиеся, гражданки Чекмарева Анна Кузминишна, Мартынова Мария Николаевна, Мартынова Евдокия Николаевна, жители села Красногоровка, Славяно-Сербского района, составили настоящий акт о нижеследующих зверствах фашистской армии.

23 ноября, заняв наше село, немцы захватили в плен раненого лейтенанта Красной армии, над которым они учинили зверскую расправу. Лейтенанту выкололи глаза, разрубили топором живот. Затем корчившегося в предсмертных судорогах человека они облили керосином и, как оказалось впоследствии, подложили под него мину.

Спустя два часа к умиравшему лейтенанту подошел пионер 13 лет, ученик 5-го класса Серговской 18-й средней школы, Чекмарев Владимир Иванович с намерением чем-нибудь помочь ему. Только мальчик прикоснулся к лежащему, как мина взорвалась и истерзанный лейтенант и ребенок взлетели на воздух. Осколками мины убило также проходивших двух колхозников.

Грозя оружием, колхозницу Прудникову Анну Яковлевну немцы заставили варить им обед, потом, заявив, что щи недосолены, они ранили ее выстрелом в голову и бросили в кладовую, где она и умерла. Сын колхозницы Вася, пытавшийся оказать матери помощь, был зверски избит немцами. Колхозница Иванова Дарья, мать восьми детей, за отказ плясать перед группой офицеров была немедленно убита, и труп ее немцы выбросили к уборной.

Подписывая настоящий акт, просим товарищей бойцов и командиров отомстить негодьям-фашистам за эти мучения наших людей.

Чекмарева, Мартынова, Мартынова.

ДОКУМЕНТЫ О ЧУДОВИЩНЫХ ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЦЕВ^[10]

Кровавые убийцы

«Акт. Мы, нижеподписавшиеся, жители города Рогачево, Колосков Игнатий Иванович, учитель средней школы, Махлин Александр Иванович, Махлина Наталия Васильевна, Махлин Александр Александрович, проживающие по Колхозной улице, д. №5, Буров Владимир Иванович, проживающий по Колхозной улице, д. 22а, свидетельствуем, что 3 декабря немецко-фашистскими войсками, временно занявшими наши села, были расстреляны граждане нашего села Глоба, Сурогин, Кожанов Александр, Осташев Алексей, Гуреев, Бузинов, Воинов, Блохин Михаил Дмитриевич.

Фактом расстрела послужил пожар, возникший в местной аптеке. Немецко-фашистские грабители расстреляли указанных граждан, не считаясь ни с чем. Для расстрела захватили первых попавшихся, в том числе Комарова, Кожанова — учеников средней школы. В подтверждение указанного факта подписываемся:

Колосков, Махлин А.И., Махлин А.А., Махлина Н.В., Буров».

Бандиты и насильники

«Акт. Части немецкой армии, заняв дер. Поздняково, Коммунистического района Московской области, сразу приступили к грабежу, насилчанию женщин, оставшихся в деревне.

К гражданке Дудкиной Татьяне Ивановне, матери четырех детей в возрасте от 9 месяцев до 14 лет, ворвались 7 человек немецких солдат и по очереди насилчали ее.

Этот факт еще раз свидетельствует о том, что немецкая армия - сброд грабителей, бандитов, людей, потерявших всякий человеческий облик.

Бригадир колхоза «Всходы» Гусев.

Депутат сельсовета Легина».

Фашистские варвары

«Акт. Мы, нижеподписавшиеся, библиотекари Коммунистической районной библиотеки в с. Рогачеве, Касаткина М.С. и Колоскова Р.И., подтверждаем факт зверского расхищения культурных ценностей немецкими фашистами.

До наступления немцев в Рогачеве была районная библиотека с книжным фондом в количестве 18 с лишним тысяч томов, которой пользовалось постоянных читателей более 3 000 человек. Библиотека была с полным оборудованием, как-то: стеллажи, выставки, столы, стулья и пр.

После бегства фашистов библиотека представляет следующее: в детском отделении книги расхищены, сожжены. Во взрослом отделении книги сброшены со стеллажей, разбросаны по полу, большая часть из них порвана, оставшиеся свалены в кучу, смешаны с сеном и грязью. Стеллажи и обстановка поломаны, порублены, сожжены. Портреты писателей сорваны со стен, побиты, разорваны. Бюст Энгельса раздроблен в куски. В самом помещении библиотеки образовалась уборная.

Библиотекари Коммунистической районной библиотеки:

М. Касаткина, Р. Колоскова».

19-й АВТО-ВОРОВСКОЙ КОРПУС ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ^[11]

Советское Информбюро сообщило 15 июля, что у пленного германского унтер-офицера Отто Оппель оказалось 8 пар золотых и серебряных часов, 12 обручальных колец и различная серебряная церковная утварь.

Германское радио не осмелилось отрицать этот факт. Оно лишь усомнилось в своей передаче 17 июля, может ли один германский унтер-офицер награть столько часов. Фашисты явно недооценивают воровские способности своей армии.

В «Известиях» напечатан вчера фотоснимок того, что было обнаружено в захваченном германском танке. Оказалось, что «на вооружении» этого танка было 50 метров награбленного в Белостоке сукна, ботинки и дамские туфли, дамское белье и т.п. Не танк, а подвижной склад ворованных вещей. Не танкисты, а воры.

Этот мануфактурно-галантерейный танк не представляет исключения в германской фашистской армии. Командование знает это. Оно поощряет грабеж населения, так как только грабежом может существовать фашистская разбойничья орда.

Перед нами приказ германского генерала Гудериана после его поездки по частям 19-го корпуса. Этот приказ был обнаружен бойцами Красной армии среди документов разгромленного штаба фашистской части.

«Штаб 19 АК отд. АК.

Во время моей поездки по частям в течение последних дней мною замечены следующие недостатки:

1. На автомашинах валяются различные посторонние вещи; надо их убирать.
2. Многие солдаты начинают ходить в штатском. Это нужно всеми силами пресекать.
3. Многие офицеры носят иностранные головные уборы. Это роняет их честь.
4. Офицеры не должны без дела сидеть в машине, а управлять. Брать с собой собак на сидение воспрещается.
5. Дисциплина приветствий значительно упала. Надо подтянуться.
6. Автомашины необходимо разгрузить, они частично напоминают цыганские повозки.

Подобную недисциплинированность немедленно ликвидировать. В дальнейшем я буду лично принимать значительные меры.

Подпись: Гудериан».

В германской армии генерал Гудериан считается теоретиком по вопросам использования крупных мото-механизированных соединений. Он написал несколько работ по этим вопросам. Надемся, что хоть этих работ генерал Гудериан ни у кого не украл, потому что к воровству у него весьма благоприятное и снисходительное отношение.

Мы видим, он объезжал части своего корпуса и наблюдал, как перевозятся награбленные вещи. Его возмутило то, что эти вещи валяются на боевых машинах. Это придает танкам совсем невоенный вид «цыганских повозок». С заботливостью хозяина воровской квартиры генерал-теоретик предлагает ворованные вещи отгрузить и перевозить их в особых машинах.

Генерал видит, что солдаты надевают на себя одежду, награбленную у населения. Это явный беспорядок. Ворованное надо прятать, а не носить.

Только в этом и видит фашистский генерал нарушение воинской дисциплины. А грабеж сам по себе представляет «законное» явление в германской армии. Генерал Гитлера не хочет и не может бороться с повальным воровством. Он знает, что именно на грабеж погнался Гитлер свои полчища. Он знает также, что из профессиональных грабителей состоит фашистская банда, стоящая у власти в Германии.

Во время гражданской войны армия белогвардейцев и интервентов получила в советском народе заслуженное название Грабь-армии. Вот такую же Грабь-армию ведет теперь Гитлер на советский народ.

Нельзя нарисовать более выразительную картину германской фашистской армии, чем это сделал один из ее генералов. Он отмечает рост недисциплинированности в германской армии, начало разложения в ней. Это неизбежное последствие узаконенного в армии воровского начала. Вор не может быть стойким и мужественным бойцом. Вор дерется только за награбленное добро.

Воры боятся друг друга. Не для того ли фашисты-офицеры берут с собой собак на сидение автомашин, чтобы охранять мануфактуру, золотые часы, церковную утварь и другие вещи?

Не подлежит сомнению, что германские собаки ведут себя более достойно, чем германские фашистские офицеры.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКАЯ «ГРАБЬ-АРМИЯ»^[12]

Гитлеровские орды, ворвавшиеся в наши города, грабят и уничтожают все. Германское командование смущено прытью своих офицеров и солдат — первые эшелоны забирают все, ничего не достается штабам. Вот чем объясняется гнев «Уполномоченного главного командования германской армии». Публикуемый ниже его доклад, вопреки желанию его составителя, является страшным обвинительным актом против гитлеровской

«Греть-армии».
Уполномоченный
Главного командования
германской армии

Командный пункт.
24.7 1941 г.

Доклад о грабежах и разрушениях в населенных пунктах Советской России, занятых германскими войсками

Для того, чтобы получить данные о том, чем в основном вызваны большие разрушения в домах, на квартирах, а также ограбления магазинов, лавок и складов, я передвинулся в город В. вскоре после занятия этого города нашими частями.

В В. Восточной установил следующее: государственные магазины были планомерно эвакуированы и находились в смысле сохранности помещения и оборудования в сносном состоянии. Квартиры, т.е. жилые дома были забаррикадированы, а также большинство мелких торговых предприятий и складов на базарной площади. Некоторые магазины были частично ограблены. Складские бараки на вокзале были подожжены.

Населения не было видно. К 19.00 я наблюдал, как несколько солдат из проходящей мимо части, вооруженные ломом, врываются в забаррикадированный магазин. Несколько солдат вошло в магазин, но скоро покинуло его, не взяв с собой ничего. В данном случае речь идет о магазине, который торговал скобяными и железными изделиями.

С прекращением воздействия противника тотчас же начался поголовный грабеж. К следующему утру почти все магазины, которые накануне были закрыты, или частично ограблены, оказались почти полностью опустошенными. Немецкие воинские чины, которые в течение ночи вошли и расположились в В. Восточной, участвовали в поисках предметов потребления среди товарных остатков.

Утром я передвинулся к В. Западной, где находятся главные торговые улицы. Здесь все магазины и лавки были полностью опустошены, а оборудование разрушено. Низшие чины одной дивизии, колонны наших войск, а также офицеры и чиновники прочесывали город и участвовали в разборке товаров в магазинах и складах. Патрули, высланные после полудня, чтобы прекратить грабеж, ничего не смогли сделать. Я наблюдал, что солдаты тотчас же после того, как патруль прошел мимо, снова устремлялись в магазины. Возгласами и знаками давалось знать о приближении патруля. На магазинах, торгующих оптикой и фармацевтическими товарами, были прикреплены доски с объявлением, что вход в магазин запрещен и что его содержание объявлено конфискованным. Это не мешало солдатам подвергнуть эти магазины после повторного взлома новому ограблению. В этом снова принимали участие офицеры. Кроме установленного факта, 100 солдат участвовали в разграблении товарных остатков. Следует указать, что нигде ни один начальник не воспрепятствовал этому. Люди покидали в отдельных случаях машины и повозки, без головных уборов и снаряжения бродили вокруг, далеко отходя от своих машин и повозок.

В остальном установлено, что солдаты не только разграбили магазины, но и разбивали оборудование.

Подобно тому, как это имело место в К., Б. также и в В., можно было наблюдать, как военные громили оборудование и выбрасывали из окон различные предметы, не думая о том, что этим они вредят следующим частям. В одном из наблюдаемых мною случаев солдаты ночью ворвались в школу, которая за исключением нескольких разбитых стекол находилась в хорошем состоянии и выбрасывали стулья, книги и бумаги через закрытые окна, чтобы освободить классную комнату для ночлега. При этом в школе имелись широкие коридоры, где все эти вещи легко могли быть сложены. Можно считать, что солдаты обаяны всеобщей жаждой уничтожения.

ОТОМСТИМ ФАШИСТСКИМ ИЗВЕРГАМ ЗА НАШИХ ДЕТЕЙ¹³³

Фотодокументы кровавых зверств гитлеровских бандитов.

(Даны две фотографии: групповая - дети, одно тело полностью развалено, у второго практически оторвана нога..., и одиночная с несколькими пулевыми ранениями)

Они шли вдоль Псковского шоссе, по полю. Фашисты отняли у них кров и родителей. Дети уходили, спасаясь от пожаров, зажженных гитлеровскими головорезами, от бомб, сбрасываемых фашистскими самолетами. Гнусные бандиты заметили детей с воздуха. Немецкие летчики перешли на бреющий полет. Они хорошо видели, кто идет по полю, и все же открыли стрельбу. Три раза возвращались они и снова стреляли, чтобы добить советских детей.

Кровь наших детей взывает и священной мести! Гитлеровцы заплатят за каждого замученного ими ребенка, за каждую материнскую слезу, за каждую рану, нанесенную советским людям. Мы отомстим за все! И в счет окончательной расплаты войдут и эти дети, расстрелянные немецкими летчиками на Псковском шоссе...

Детоубийцы в германских мундирах — это бешеные звери, которых надо беспощадно истреблять.

ОТОМСТИТЬ!^[14]

В бою близ Порхова наши бойцы взяли в плен двух немецких солдат. У одного из них нашли советский паспорт за номером П-ПС №686903, выданный Екатерине Михайловне Михайловой, родившейся в 1923 году в Большом Пехове, Мало-Вишерского района, Ленинградской области, по профессии акушерке. Фотография — хорошее русское лицо. На паспорте пятна — следы крови.

Солдата спросили, как к нему попал паспорт советской гражданки. Он молчал. Потом он пробормотал: «Подобрал на дороге»... Тогда второй пленный рассказал о судьбе Михайловой:

«Мы стояли в деревне Большое Панкратово. Это было в понедельник 21 числа, в четыре часа утра. Он пошел по деревне, заходил во все дома, отбирал у крестьян деньги, вещи, грозил, что перестреляет всех жителей. Потом мы пришли в дом при больнице. Там находились врач и девушка. Он сказал девушке: «Следуйте за мной в комендатуру, я должен проверить ваши документы». Я видел, как она спрятала на груди свой паспорт. Он завел ее в сад возле самой больницы и там изнасиловал. Потом девушка бросилась в поле, она кричала, видно было, что она лишилась рассудка. Он ее нагнал и вскоре вернулся, показал мне паспорт в крови...»

Зверь, изнасиловавший и убивший Михайлову, солдат СС подтвердил показания своего приятеля.

Вот история Екатерины Михайловны Михайловой, русской девушки, которой было от роду восемнадцать лет. Эту историю должны узнать все люди нашей страны. Я гляжу на фотографию, и у меня в глазах темно от ненависти. Я вижу, как низкий дикарь, один из многих, выкормыш Адольфа Гитлера, тащил девушку на смерть. Страшные, подлые существа! Они ее обесчестили и убили — нашу дочь, сестру...

Есть чувства, для которых нет слов. Да и не слова здесь нужны — пули.

Отомстить за товарища Михайлову! Отомстить за все!

Илья ЭРЕНБУРГ

ФАШИСТСКО-НЕМЕЦКИЕ МЕРЗАВЦЫ^[15]

Люди столетиями вели войны и были свидетелями многих ужасных злодеяний, совершенных нападающими армиями насильников. Но все эти злодеяния, пережитые людьми за многие сотни лет, — меркнут перед кровавой «деятельностью» диких зверей — гитлеровских преступников, фашистско-немецких мерзавцев.

Полчища взбесившихся и опьяневших от крови гитлеровских гадов творят чудовищные преступления в захваченных ими районах. Имеются сотни фактов, когда кровавые фашистские собаки истребляли невинных женщин и детей, старых и больных, раненых и пленных красноармейцев. Кровавые насильники — гитлеровцы на своем пути сжигают наши города и села, истребляют наш народ. Захватывая население, они как скот гонят его плетью на каторжные тягчайшие работы. Фашистские изверги насилюют и сгоняют в публичные солдатские дома наших матерей, сестер и жен. На утеху своему «фюреру» — этой кровавой собаке — они расстреливают из пулеметов мирных граждан, топят госпитальные суда с больными и ранеными, бомбят санитарные поезда, расстреливают госпитали и санитарные самолеты. И одно за другим неслыханные преступления сменяются новыми, еще более неслыханными и бесчеловечными.

28 августа 1941 года при переправе через реку Ипуть немецко-фашистские войска, будучи бессильны преодолеть мужественное, стойкое сопротивление частей Красной Армии, собрали местное население города Добруш и под страхом расстрела погнали впереди себя женщин, детей и стариков, за которыми, прикрывая боевые порядки, пошли в наступление.

Озверевшие и потерявшие человеческий облик гитлеровские выродки не впервые так поступают. В сообщении Советского Информбюро еще 30 июля был приведен следующий факт: во время наступления в Ленинградской области в районе совхоза «Выборы», стремясь любой ценой сохранить свою шкуру, фашистские изверги под угрозой расстрела заставили женщин с детьми идти впереди наступающих немецких частей.

Эти злодейские факты еще и еще раз вскрывают звериное лицо подлого врага. Его жестокость, озверелость не знает границ. Таких преступлений мир еще не видел, таких чудовищных злодеяний не знала история человечества.

Наш народ никогда не забудет этих преступлений фашистских псов и палачей. Для фашистских мерзавцев не существует никаких правил ведения войны, никаких человеческих законов. Все это попирается зверьем в облики фашистских офицеров и солдат. Пусть же это зверье не посетует, если советские люди будут платить им кровью за кровь.

Око за око, кровь за кровь, смерть за смерть!

Кровавые преступления гитлеровских человеконенавистников порождают в сердцах советских людей неугасимую ненависть к врагу, зовут к расплате, закаляют нашу волю бороться до тех пор, пока не будут истреблены гитлеровцы — эти чудовища в образе людей.

Мы заявляем немецко-фашистским людоедам и негодяям — дорого вы заплатите за жизнь и слезы наших ма-

терей, сестер и детей! Весь советский народ клянется кровью замученных немецко-фашистскими мерзавцами советских граждан — не давать никакой пощады кровожадным гитлеровским бандитам.

Смерть за смерть! Кровь за кровь!

ДОКУМЕНТ О КРОВАВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГИТЛЕРОВСКИХ ИЗВЕРГОВ^[16]

«Акт. Мы, нижеподписавшиеся: старший политрук Вольнов, политрук Рязанцев и политрук Филимонов в присутствии гражданок Петрушкиной Александры Андреевны и Давыдовой Дарьи Семеновны, составили настоящий акт в следующем: сего числа в блиндаже у деревни Заовражье, Смоленской области, ранее занимаемой немцами, нами был обнаружен труп 20-летней девушки Колесниковой Марии Сергеевны, зверски замученной фашистскими бандитами.

При обследовании трупа обнаружено следующее:

- 1) У пострадавшей отрезан нос,
- 2) отрезаны губы,
- 3) отрезаны груди

ВОЛЬНОВ, РЯЗАНЦЕВ, ФИЛИМОНОВ

и родственники пострадавшей

ПЕТРУШКИНА, ДАВЫДОВА».

ЗВЕРСТВА ГИТЛЕРОВЦЕВ НАД ПЛЕННЫМИ КРАСНОАРМЕЙЦАМИ^[17]

Рассказ сержанта Коверсун

Наша рота прорвалась в расположение врага. Бой был упорный. Мы пошли в контратаку. В пылу боя вместе с несколькими бойцами, действующими под командой лейтенанта Крупеева, я забрался далеко и оторвался от своих.

Двигаясь по лесу, мы подверглись внезапному нападению врага. Сопротивлялись упорно, но фашистов было во много раз больше, чем нас. Силы наши в конце концов иссякли, не стало патронов. Нас окружили и взяли в кольцо. Началась чудовищная расправа. Варварским пыткам был подвергнут лейтенант Крупеев. Ему свернули голову, вырвали руки и продолжали надругательство над трупом. Зверски замучен был красноармеец Шупаев. Его пытали, кололи пятки штыками, плевали в лицо, избивали. Потом ему размозжили череп прикладом.

Фашисты походили на зверей, упивавшихся человеческой кровью. Палачи действовали, не торопясь, и старались причинить своим жертвам наибольшие страдания.

Как я остался жив, сам не знаю. Меня истязали, кололи штыком, избивали прикладом. По-видимому, я потерял сознание и фашисты сочли меня мертвым. Только это меня и спасло. Очнулся я ночью. Изуродованные до неузнаваемости тела моих товарищей лежали рядом со мной. Собрав последние остатки сил, я стал ползти вперед. Неимоверно болели руки и ноги. Кровь сочилась из ран. Я полз, напрягая всю свою волю.

Я знал, что свои где-то недалеко, и это ободряло меня. Но допозлу ли до них, хватит ли сил? Мне казалось, что я передвигаюсь долго, бесконечно долго. Наконец, я услышал родной голос.

— Кто идет? — спросил часовой.

Это были свои, мой родной полк, дорогие мои товарищи.

На утро, лежа на траве, весь перевязанный, но возвращенный к жизни, я рассказал бойцам и командирам о виденном и пережитом. Какой злобой загорелись их глаза, как сжимались от ненависти к врагу их крепкие руки. Варвары не уйдут от нашей мести! За каждую жизнь советского бойца фашистские гадины расплатятся десятками жизней!

ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

ДИКИЕ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА НАД ПЛЕННЫМИ^[18]

ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ, 6 октября. (Спецкорр. ТАСС).

Местные жители, вырвавшиеся из районов, временно захваченных немцами, рассказывают о страшных истязаниях, которые чинят фашисты над пленными красноармейцами. В концлагере, организованном немцами в городе Д., содержатся не только красноармейцы, но и все мужское местное население в возрасте от 16 до 60 лет, специальным приказом германского командования оно также объявлено военнопленным. Концлагерь в этом городе создан на небольшой территории, обнесенной колючей проволокой. Все военнопленные содержатся в грязных, холодных сараях. Уборных в этих сараях нет, крыши протекают. Красноармейцы лежат на голой земле. Шинели, сапоги, а у многих и гимнастерки отобраны немцами. Пленных кормят один раз в сутки жидким супом из бурчаных листьев; хлеба не дают. Недовольных этим режимом немцы жестоко избивают, а за попытки к бег-

ству расстреливают.

В смоленском концлагере от истощения и голода многие умирают. Ежедневно обессиленных и замученных воинов немцы запрягают вместо лошадей в повозки и заставляют их под угрозой смерти возить камни и песок. Больных фашисты расстреливают.

ЗВЕРСТВА НЕМЦЕВ НАД РАНеныМИ И ПЛЕННЫМИ КРАСНОАРМЕЙЦАМИ^[19]

ДОКУМЕНТ ПЕРВЫЙ

«Настоящий акт составлен 16 ноября 41 года колхозниками колхоза имени Калинина, Кировского района. Калининской области — Сидоровым Василием Сидоровичем, Лебедевой Евдокией Алексеевной, Голубевой Анастасией Семеновной — в том, что нами обнаружен труп красноармейца, захваченного немцами в плен в состоянии тяжелого ранения и затем брошенного в костер. Обгоревший труп передан нами красноармейцу Макарову Николаю Андреевичу и военфельдшеру Смекалову Николаю Ивановичу, которые похоронили его в деревне Дубовицы.

Акт подписали: *Голубева Анастасия Семеновна, Лебедева Евдокия Алексеевна и Сидоров Василий Сидорович*».

ДОКУМЕНТ ВТОРОЙ

«1941 года, ноября 14 дня, мы, нижеподписавшиеся — командир роты автоматчиков Глухарев А.Д., политрук роты автоматчиков Иоффе И.Я., красноармеец Костромин П.Д. и красноармеец Панычев А.А. — составили настоящий акт в том, что при взятии нашей ротой деревни Краспицы нами был обнаружен труп зверски замученного фашистами красноармейца, фамилию которого установить не удалось. У погибшего выколоты глава, отрублены обе руки и вырезана часть левого бока.

Акт подписали: *Глухарев, Иоффе, Костромин, Панычев*».

ДОКУМЕНТ ТРЕТИЙ

«Составлен настоящий акт 15 ноября 1941 года командиром батальона N стрелкового полка Горюновым Г.Г., начальником штаба батальона Алексеевым А.Ф. и политруком стрелковой роты Китайцевым в том, что:

1. По занятии нашим батальоном деревни Карманиха нами обнаружено там 5 обгорелых трупов, в которых по некоторым предметам обихода были опознаны красноармейцы;
2. Трупы валялись на пепелище деревенских построек, сожженных немцами при отступлении.

Акт подписали: *Горюнов, Алексеев, Китайцев*».

ДОКУМЕНТЫ О РАССТРЕЛЕ НЕМЦАМИ ПЛЕННЫХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В ВОЛОКОЛАМСКЕ^[20]

АКТ

20 декабря 1941 года при взятии города Волоколамск нашими войсками мы, нижеподписавшиеся, были свидетелями неслыханных зверств немецкого командования над пленными красноармейцами. В пятиэтажный дом по Пролетарской улице №3/6 13 декабря 1941 года были согнаны пленные красноармейцы. В доме произошел пожар. Немецкие солдаты запретили пленным выходить из дома и расстреливали каждого, кто пытался выйти или выброситься из окон горящего дома. В результате такой репрессии погибло в огне и расстреляно 60 пленных красноармейцев. Большое количество трупов было стащено в яму, находящуюся позади этого дома, где они и по настоящее время не засыпаны землей.

На лестничной клетке между 3 и 4 этажами до сих пор лежат необузданными 8 обугленных трупов. Много трупов погребено под обломками перекрытий здания.

Подписи: *Батальонный комиссар Буров, капитан Кошелев, лейтенант Иванов.*

Бывшие военнопленные: военврач 3-го ранга Лепекин, красноармеец Курдин.

Жительница Волоколамска Кросолупова.

ЛИЦО ГИТЛЕРОВСКОЙ АРМИИ^[21]

В ответ на мою статью, в которой рассказывается о кровавых зверствах фашистов на восточном фронте, радио из Берлина заявило на весь мир, что я бессовестно лгу, что своим окровавленным пером я сообщаю о злодеяниях германских солдат, страшнее которых ничего нельзя себе представить и, наконец, не краснея от стыда, я заявляю, что Красная Армия борется за настоящую человечность, за достоинство человека. Геббельс швырнул в эфир оскорбление мне, советскому писателю, он вынуждает меня ответить: Ложь! — самое страшное оскорбление для нас, советских писателей. Все наше искусство, — весь его пафос направлен к становлению и утверждению высоких моральных ценностей. Этого настойчиво требуют от нас 50 миллионов советских читателей, строящих своими руками материальные и духовные формы нового, нашего, советского мира. Быть заподозрен-

ным во лжи — значит получить от народа остракизм — изгнание из литературы, из социальной жизни.

Мы, советские писатели и граждане и наша Красная Армия боремся за правду. Человечность — имя этой правды. От имени ее заявляю на весь мир, всем, всем гражданам и воинам свободных: стран, борющихся с фашизмом, а также германскому народу я заявляю: немецкие солдаты и охранные отряды фашистов совершают столь непостижимые уму зверства, что — прав Геббельс — чернила наливаются кровью, и, будь у меня угрюмая фантазия самого дьявола, мне не придумать подобных пиршеств, пыток, смертных воплей, мук, жадных истязаний и убийств, какие стали повседневным явлением в областях Украины, Белоруссии и Великороссии, куда вторглись фашистско-германские орды.

Передо всей германской нацией поставлен грозный вопрос: может ли она, не протестуя, жить с такой славой?

Я привожу скупые и точные рассказы свидетелей, которые живы и находятся или в рядах Красной Армии или в лазаретах и в любой час могут быть опрошены международной расследовательской^[22] комиссией, если таковая будет создана.

«Я видел на окраине одной деревни близ Белостока 5 заостренных колов. На них было воткнуто 5 трупов женщин. Трупы были голые с распоротыми животами, с отрезанными грудями и отсеченными головами. Головы женщин валялись в луже крови вместе с трупами убитых детей. Это были жены и дети наших командиров». (Младший воентехник Дадашев С.П.).

«В Пинщине на поляне возле леса я видел истерзанный труп 15-летней девочки-пастушки. 7 немецких солдат изнасиловали ее, искололи штыками грудь и распорол живот». (Он же).

«Во всех деревнях и селах, где побывали германские войска, я видел трупы детей, женщин и стариков». (Он же).

«Подходя с группой разведчиков к селу Студеное, мы услышали душераздирающие крики. Это фашистские солдаты зажгли дом красноармейца и бросили в огонь его жену и детей...» (Бат. комиссар Л. Бейлинсон).

«В город Остров ворвались фашистские танки. Немцы согнали несколько десятков женщин и детей на огород и неожиданно начали расстреливать их из автоматов. Затем туда же привели еще около 25 женщин и тоже расстреляли их. Все это я видел своими глазами, находясь в укрытии возле этого огорода». (Политрук Чеботарев).

«В деревне Бронислава немцы на глазах у матерей зарыли заживо в землю троих маленьких детей, а затем застрелили этих женщин». (Донесение политуправления фронта).

«В колхозе им. Фрунзе немцы изнасиловали молодую женщину, председательницу колхоза, отрезали ей левую грудь и нанесли 2 ножевых раны...» (мл. сержант Агафонов).

«Находясь в глубокой разведке, в одной деревне, около гор. Пропойска, я видел, как немцы вывели из подвала старика, мальчика и маленькую девочку. Их о чем-то спрашивали и били. Затем выстрелом в упор был убит старик. Закричавшую девочку подняли на штык и бросили в сторону. Они заставили мальчика на все это глядеть, затем убили и его». (Пом. командира взвода Пляшечный С.Г.).

«К нам ворвались немцы. Двух 16-летних девушек ихние офицеры затащили на кладбище и над ними надругались. Затем приказали солдатам повесить их на деревьях. Солдаты выполнили приказание и повесили их вниз головами. Там же солдаты надругались над 9-ю пожилыми женщинами». (Колхозница Петрова из колхоза «Пахарь»).

Так, воспитанная Гитлером для построения «нового порядка» в Европе и во всем мире германская армия — эти современные джеки-потрошители животов — несут по следам своих танков навыки фашистской культуры. Они посылают своим невестам в Германию вместе с сентиментальными открытками одежду, обувь и съестное из ограбленных жилищ и магазинов (несколько сот запротоколированных фактов ограбления и прямого разбоя), и, упившись водкой, развлекаются по-фашистски, заживо анатомируя женщин и прикалывая детей.

Взбешенная своими грандиозными потерями, которых нельзя уже более скрывать и все труднее пополнить, смутно, сквозь туман алкоголя и крови, сознавая неизбежность конечного поражения в мировой войне, немецкая армия покрывает себя позором: она пыталась и убивает пленных. Так, прими же звание подлеца, германская гитлеровская армия! Вот факты:

«Меня, раненого и взятого в плен западнее города Великие Луки, немцы посадили в амбар, где находились 13 пленных красноармейцев и один капитан. Минут через 10 нас всех вывели из амбара и построили в одну шеренгу. Затем немецкий солдат вывел из строя капитана и двоих красноармейцев. Перед строем немецкие солдаты стали стрелять в упор в капитана, прострелили ему правую, затем левую руку, потом левую ногу, и правую ногу. Когда капитан упал, один из немецких солдат нагнулся и ножом отрезал ему нос, потом уши и концом ножа выколол глаза. Тело капитана судорожно содрогалось. Тогда другой солдат выстрелил ему в грудь и убил его.

С двумя красноармейцами немецкие солдаты сделали то же самое. Все немцы были пьяны.

После казни нам, оставшимся в живых, приказали закопать пленных и нас опять загнали в амбар. Три дня нам не давали ни воды, ни хлеба. Ночью мы сделали подкоп и ушли». (Красноармеец Быстраков Д.Е.).

«Около колхоза «Пахарь» был найден нами труп красноармейца Гофмана. Ему отрубили обе руки, выкололи

глаза, отрезали язык. Рядом с его трупом из обрубков его рук была выложена 5-конечная звезда».
(Колхозница Петрова).

«В деревне Охотичи я увидел 2 трупа замученных командиров Красной Армии. Крестьяне рассказали, что стоявшие в этой деревне немцы захватили в плен этих лейтенантов. Им приказали раздеться догола и допрашивавшие их били чем попало и кололи штыками, а затем зарезали. Их тела были покрыты колотыми ранами.

Здесь же в Быхове, на площади сооружены 4 клетки из колючей проволоки. В них заключено в каждой человек по 200 — раненых красноармейцев, красных командиров и невоенных — советских и партийных работников, среди них много 15—16-летних комсомольцев.

Немцы не кормят этих заключенных в клетках, ежедневно наливают немного воды в корыта, чтобы люди, умирающие от жажды, пили на четвереньках, и бросают в клетку десяток сырых картофелин. Я лично видел, как фашист солдат бросил в клетку шкуру, содранную с барана. Пленные грызли эту шкуру. Если человек захочет перейти с места на место в клетке, немецкие часовые в него стреляют. Я не знаю, что случилось с этими несчастными, мне удалось бежать...»

(Военный юрист Капустянский М.М.).

«Наше подразделение выбило немцев из деревни Я. Во дворе одного дома мы нашли 7 убитых красноармейцев. У всех были отрублены ноги. У одного распорот живот. Это сделали немцы перед тем, как бежать из деревни».

(Пулеметчик Петр Фанарьин).

Довольно. Список истязаний и мучений захваченных в плен, в большинстве случаев ранеными, воинов Красной Армии очень велик. Это не единичные печальные случаи, это система воспитания германской армии. Взамен обезчеловечения немецкого солдата — ему, автомату, разрешается развивать в себе темные инстинкты: потенциальный распутник — распутничай, потенциальный мучитель — мучай, наслаждайся предсмертными воплями, раздувай ноздри, потенциальный вор — воруй. За это, когда нужно, ты умрешь ради психопатического честолюбия Гитлера, ради концернов Герингов и прочей сволочи, заранее поделивших между собою все шесть материков земного шара.

Сотни миллионов честных и благородных людей всех стран мира, — включая и несчастную Германию, — все — на уничтожение в нашей прекрасной жизни кровавого и страшного распутства! Германская армия Гитлера должна быть уничтожена и выжжен до корня германский фашизм. — эта упрощенная система отбора людей на убийц и на подлежащих убийству.

Алексей ТОЛСТОЙ.

ОБРАЗОВАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ И ПРИЧИНЕННОГО ИМИ УЩЕРБА ГРАЖДАНАМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ СССР

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ ЗА ЗЛОДЕЯНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ИМИ В ОККУПИРОВАННЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ^[23]

...В нотах Народного Комиссара Иностранных Дел В.М. Молотова от 25 ноября 1941 года — О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных, от 6 января с.г. — О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях и от 27 апреля с.г. — О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных ими советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления, — направленных всем правительствам с которыми Советский Союз поддерживает дипломатические отношения, Советское Правительство возложило «*всю ответственность, за бесчеловечные и разбойничьи действия немецких войск, на преступное гитлеровское правительство Германии*» и заявило, что «*гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные злодеяния, совершенные против народов СССР и против всех свободолюбивых народов*». Советское Правительство сообщило также, что его органы «*ведут подробный учет всех этих злодейских преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия*».

Ознакомившись ныне с полученной информацией о чудовищных злодеяниях, совершенных и совершаемых гитлеровцами по приказу правительства и военных и гражданских властей Германии на территории Франции, Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии и Люксембурга, и предавая поступившую от представителей этих стран информацию широкой гласности, Советское Правительство настоящим вновь заявляет во всеуслышание, со всей решительностью и непреклонностью, что преступное гитлеровское правительство и все его пособники должны понести и понесут заслуженное суровое наказание за злодеяния, совершенные ими против народов Советского Союза и против всех свободолюбивых народов на территориях, временно оккупированных немецкой армией и ее сообщниками.

Советское Правительство одобряет и разделяет выраженное в полученной им коллективной ноте законное стремление обеспечить передачу в руки правосудия и привлечение к ответственности виновных в указанных преступлениях и приведение в исполнение вынесенных приговоров. Советское Правительство готово поддерживать направленные к этой цели практические мероприятия союзных и дружественных правительств и рассчитывает, что все заинтересованные государства будут оказывать друг другу взаимное содействие в розыске, выдаче, предании суду и суровом наказании гитлеровцев и их сообщников, виновных в организации, поощрении или совершении преступлений на оккупированной территории...

Народный Комиссар Иностранных Дел В. МОЛОТОВ.

Москва, 14 октября 1942 года

УКАЗ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ И ПРИЧИНЕННОГО ИМИ УЩЕРБА ГРАЖДАНАМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ СССР^[24]

Президиум Верховного Совета СССР

2 ноября 1942 года

Вероломно напад на Советский Союз, немецко-фашистские захватчики и их сообщники совершают на временно захваченной ими советской территории чудовищные преступления — пытки, истязания и убийства мирных жителей; насильственный увод в иноземное рабство сотен тысяч советских граждан; всеобщее ограбление городского и сельского населения и вывоз в Германию личного имущества советских граждан, накопленного их честным трудом, а также колхозного и государственного имущества; разрушение памятников искусства и культуры народов Советского Союза и расхищение художественных и исторических ценностей; разрушение зданий и разворовывание утвари религиозных культов.

За все эти чудовищные преступления, совершаемые немецко-фашистскими захватчиками и их соучастниками, и за весь материальный ущерб, причиненный ими советским гражданам, колхозам, кооперативным и другим общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Советского Союза, преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники несут всю полноту уголовной и материальной ответственности.

Для полного учета злодейских преступлений немцев и их пособников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР;

для объединения и согласования уже проводимой советскими государственными органами работы по учету этих преступлений и причиненного захватчиками ущерба;

для определения ущерба, причиненного немецкими оккупантами и их сообщниками гражданам Советского Союза, и установления размеров возможного возмещения за понесенный личный ущерб;

для определения, на основе документальных данных, размеров ущерба, понесенного советским государством, колхозами и общественными организациями и подлежащего возмещению, в соответствии со справедливыми требованиями советского народа; для установления во всех случаях, где это представится возможным, личностей немецко-фашистских преступников, виновных в организации или совершении злодеяний на оккупированной советской территории, с целью предания этих преступников суду и их сурового наказания, —

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик *постановляет*:

1. Образовать Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

2. Возложить на Чрезвычайную Государственную Комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков собрание документальных данных, их проверку и подготовку всех материалов о злодеяниях гитлеровских преступников и материальном ущербе, причиненном советским гражданам, колхозам и государству, в результате оккупации советских территорий армиями гитлеровской Германии и ее сообщников.

С этой целью Комиссии надлежит проводить возможно более полный учет —

а) фактов убийств мирных граждан и насилий оккупантов над беззащитными людьми, женщинами, детьми и стариками, а также фактов увода советских людей в немецкое рабство;

б) ущерба, причиненного гитлеровскими захватчиками советскому населению путем разрушения жилых домов и других строений, расхищения и уничтожения хозяйственного инвентаря, продовольственных запасов, скота и птицы, домашнего имущества, а также путем наложения на население контрибуции, штрафов, налогов и других поборов;

в) ущерба, причиненного вторжением и разбойничьими действиями немецко-фашистских оккупантов колхозам, кооперативам, профсоюзным и другим общественным организациям путем разграбления и уничтожения зданий, сооружений и оборудования производственного и культурно-бытового назначения, запасов сырья, материалов, продуктов и товаров, посевов сельскохозяйственных культур, лесных площадей, плодовых и других насаждений и иной колхозно-кооперативной собственности;

г) ущерба, причиненного оккупантами государственным предприятиям и учреждениям Советского Союза путем разрушения и ограбления заводов, фабрик, электростанций, шахт, рудников, нефтепромыслов, разных промышленных сооружений и оборудования, железных и шоссейных дорог, мостов, каналов и гидротехнических сооружений, станций и портовых сооружений, морских и речных судов, автомобильного и гужевого транспорта, средств связи, а также лесов, угодий, урожая, многолетних насаждений и иного всенародного достояния;

д) ущерба, причиненного гитлеровскими захватчиками путем расхищения и уничтожения художественных, культурных и исторических ценностей народов СССР, разрушения музеев, научных учреждений, больниц, школ, высших учебных заведений, библиотек, театров и других культурных учреждений, а также зданий, оборудования и утвари религиозных культов;

е) ущерба, причиненного населению и советскому государству эвакуацией граждан, промышленных предприятий, имущества колхозов и других общественных организаций вглубь СССР.

3. Предоставить Чрезвычайной Государственной Комиссии право поручать надлежащим органам производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к насилиям, зверствам, грабежам, разрушениям и другим преступным действиям гитлеровских оккупантов и их сообщников.

Возложить на местные органы государственной власти обязанность оказывать Чрезвычайной Государственной Комиссии всемерное содействие в ее работе.

4. Утвердить следующий состав Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследова-

нию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР:

Н.М. Шверник (председатель).

Академик И.Н. Бурденко.

Академик Б.Е. Веденеев.

В.С. Гризодубова.

А.А. Жданов.

Николай — Митрополит Киевский и Галицкий.

Академик Т.Д. Лысенко.

Академик Е.В. Тарле.

А.Н. Толстой.

Академик И.П. Трайнин.

5. Поручить Совету Народных Комиссаров СССР утвердить Положение о Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

ИЗ ПРОЕКТА ОТВЕТА НА НОТЫ АНГЛИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТ 3 ОКТЯБРЯ И 29 ОКТЯБРЯ 1942 Г.

Москва.

3 ноября 1942 г.

...Советское Правительство убеждено, что народы, выносящие на себе всю тяжесть нашествия гитлеровских орд и страдающие от чинимых оккупантами жестокостей, не будут удовлетворены, если наказание виновников этих жестокостей будет отложено до периода, который последует за заключением перемирия. Советское Правительство полагает, что все мероприятия, направленные к выявлению, расследованию и наказанию преступлений, совершенных гитлеровцами, встретят полное сочувствие и доверие заинтересованных народов, если они убедятся, что наказание гитлеровских преступников не откладывается на неопределенный срок, а последует немедленно, во всех тех случаях, когда это осуществимо.

Исходя из этого, Советское Правительство считает, что само по себе создание предложенной Британским Правительством Комиссии Объединенных Наций которая занялась бы собиранием материалов о жестокостях и иных преступлениях гитлеровцев, еще не может удовлетворить заинтересованные народы. Подобная Комиссия может оправдать возлагаемые на нее надежды и выполнить свою задачу в том случае, если ее деятельность по выявлению фактов жестокостей и иных преступлений и по собиранию улик против виновников этих преступлений будет завершаться преданием суду Международного Трибунала и суровым наказанием любого преступника из числа гитлеровских главарей, оказавшегося уже в процессе войны в руках одного из союзных правительств.

Советское Правительство считает целесообразным создание Комиссии Объединенных Наций для расследования преступлений и безотлагательного предания суду Международного Трибунала главарей преступной гитлеровской клики, по мере того, как они окажутся в руках властей союзных государств. Поскольку дело касается преступников, сыгравших существенную роль в разработке планов, подготовке и совершении преступлений гитлеровской Германией и ее сообщниками против народов Европы, названная Комиссия может сыграть положительную роль тем, что сведет воедино обвинительные материалы и улики, имеющиеся у всех заинтересованных правительств. По мнению Советского Правительства, подобное мероприятие, обеспечивающее заслуженное возмездие важнейшим гитлеровским преступникам, укрепит доверие народов к решимости правительств Объединенных Наций выполнить свои торжественные обещания о суровом наказании виновников и зачинщиков войны и послужит также грозным предупреждением о каре, ожидающей главарей гитлеровской Германии, еще продолжающих совершать свои кровавые преступления.

Советское Правительство считает наиболее целесообразным, чтобы расследование злодеяний остальных гитлеровских преступников, в том числе исполнителей преступных приказов гитлеровских главарей, производилось существующими или специально созданными для этой цели следственными органами заинтересованных правительств, за которыми остается право выделять и передавать Комиссии Объединенных Наций дела о наиболее тяжелых преступлениях для их слушания перед судом Международного Трибунала. Что касается Советского Союза, то Указом Президиума Верховного Совета от 2 ноября с.г. образована Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Указанная Государственная Чрезвычайная Комиссия не преминет передать Комиссии Объединенных Наций соответствующие материалы и в первую очередь касающиеся преступников, в рассмотрении дел которых Международным Трибуналом могут оказаться заинтересованными и другие Объединенные Нации...^[25]

АВП РФ. ф.06. оп.4. п.14. д.137. л 9—12.

ИНСТРУКЦИЯ О ПОРЯДКЕ УСТАНОВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩИКОВ^[26]

Одобрена Советом Народных Комиссаров Союза ССР 17 июня 1943 г.

1. В соответствии с Положением «О Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР», установление и расследование злодейских преступлений, учинённых против советских граждан немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, проводится республиканскими, краевыми (областными) комиссиями.

2. В районах военных действий, где ещё не восстановлена работа местных органов государственной власти, установление и расследование злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников производится органами военной прокуратуры при содействии командного состава частей Красной Армии.

3. В случае необходимости по поручению комиссий расследование преступлений немецко-фашистских захватчиков и их сообщников производится следственными органами.

4. Установлению и учёту подлежат:

а) факты убийств мирных граждан, насилий, издевательств и пыток, учинённых немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками над беззащитными людьми — женщинами, детьми и стариками;

б) факты увода советских людей в немецкое рабство;

в) факты пыток, истязаний и убийств, учинённых немецко-фашистскими властями и их сообщниками над пленными, больными и ранеными советскими военнослужащими.

5. Факты злодеяний, указанные в пункте 4 настоящей инструкции, устанавливаются актами на основании заявлений советских граждан, опроса потерпевших, свидетелей, врачебной экспертизы, а также осмотра места, в котором совершено это злодеяние^[27].

При установлении фактов злодеяний немецко-фашистских преступников необходимо обязательно указывать и выявлять виновников преступлений: организаторов, подстрекателей, исполнителей и сообщников, их фамилии, названий воинских частей, учреждений или организаций.

6. Акты должны содержать в себе, по возможности, точное описание совершённых преступлений: времени, места и способов их совершения.

В акте должны быть указаны: фамилия, имя и отчество, местожительство лиц, удостоверяющих факт совершённого злодеяния.

Акты подписываются лицами, принимавшими участие в их составлении.

К актам прилагаются все относящиеся к делу документы: заявления советских граждан, протоколы опросов, заключения медицинских экспертов, фотоснимки, письма советских людей, угнанных в немецкое рабство, обнаруженные приказы и распоряжения оккупационных властей и другие документы;

7. Акты составляются в 2 экземплярах. Один экземпляр актов республиканские, краевые (областные) комиссии немедленно направляют в Чрезвычайную Государственную Комиссию. Вместе с актами высылаются реестр актов. Второй экземпляр актов оставляется в распоряжении республиканских, краевых (областных) комиссий.

По второму экземпляру актов республиканские, краевые (областные) комиссии составляют обобщённые сведения об установленных злодеяниях, учинённых над гражданами СССР, по каждому городу, району, области и дополнительно представляют их в Чрезвычайную Государственную Комиссию.

8. В районах, освобождённых от немецко-фашистских захватчиков до 1 мая 1943 года акты о злодеяниях должны быть составлены и отосланы в Чрезвычайную Государственную Комиссию не позже 1 августа 1943 года.

В дальнейшем, в районах, освобождаемых от врага, акты должны составляться и представляться в Чрезвычайную Государственную Комиссию не позже, чем в месячный срок после освобождения района.

Председатель Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР Н. Шверник.

ИНСТРУКЦИЯ О ПОРЯДКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ГРАЖДАНАМ СССР И ИХ ИМУЩЕСТВУ ВТОРЖЕНИЕМ И РАЗБОЙНИЧЬИМИ ДЕЙСТВИЯМИ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ И ИХ СООБЩИКОВ

Одобрена Советом Народных Комиссаров Союза ССР 17 июня 1943 г.

1. В соответствии с Положением «О Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР», учёт ущерба, причинённого гражданам СССР и их имуществу вторжением и разбойничьими действиями немецко-фашистских оккупантов и их сообщников, проводится на основании заявлений потерпевших граждан Советского Союза.

а) в районах, освобождённых от немецко-фашистских оккупантов и их сообщников, — республиканскими, краевыми (областными) комиссиями;

б) в районах, не подвергавшихся оккупации, — Совнаркомом союзных и автономных республик, краевыми

(областными) исполкомами Советов депутатов трудящихся.

Республиканские, краевые (областные) комиссии, а также Совнаркомы союзных и автономных республик и краевые (областные) исполкомы заблаговременно извещают население через газеты или иным способом о приёме заявлений от советских граждан об ущербе, причинённом им немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками.

В случаях смерти главы семьи или отсутствия в семье потерпевших совершеннолетних, учёт ущерба производится без заявления потерпевших — республиканскими, краевыми (областными) комиссиями или Совнаркомом союзных и автономных республик, краевыми (областными) исполкомами Советов депутатов трудящихся.

2. В соответствии с пунктом 2 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 2 ноября 1942 г. учитываются следующие виды ущерба, причинённого немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками гражданам СССР и их имуществу:

- а) ущерб в результате увода советских людей в немецкое рабство;
- б) ущерб в результате наложения на граждан СССР контрибуций, штрафов, налогов и других поборов;
- в) ущерб в результате вынужденной эвакуации и реэвакуации;
- г) ущерб в результате уничтожения или разграбления домашнего имущества, хозяйственного инвентаря, продовольственных запасов, скота и птицы, а также разрушения жилых домов и других строений.

3. Учёт ущерба, причинённого работникам предприятий и учреждений, членам колхозов и артелей промысловой кооперации и их имуществу в результате эвакуации и реэвакуации, проводится в соответствии с пунктом 1 настоящей Инструкции через соответствующие учреждения, предприятия, колхозы и другие организации по месту работы потерпевших.

4. Ущерб, причинённый советским гражданам и их имуществу, устанавливается актами.

Акты составляются в 2 экземплярах на каждую потерпевшую семью в отдельности и подписываются лицами, принимавшими участие в их составлении.

В случае уничтожения самих селений или кварталов, когда составление отдельного акта на каждую потерпевшую семью затруднительно, акт составляется в виде акта-списка по форме, указанной в приложении №2^[28] к этой инструкции.

5. Оценка уничтоженного и разграбленного имущества производится по полной восстановительной стоимости или по стоимости приобретения в момент составления акта в следующем порядке:

Стоимость домашнего имущества, в том числе одежды и обуви, определяется по местным рыночным ценам.

Стоимость запасов сельскохозяйственных продуктов, а также неиспользованного урожая и стоимость прочего уничтоженного или разграбленного имущества и утвари, определяется по местным рыночным ценам. Причём ущерб, причинённый гражданам СССР в связи с принудительной продажей сельскохозяйственных и других продуктов, скота и имущества немецко-фашистским оккупантам, учитывается в размере разницы между рыночной ценой и ценой, уплаченной оккупантами.

Стоимость уничтоженных зданий и надворных построек определяется путём умножения объёма зданий в кубических метрах на цену кубометра здания данного вида. Площадь и высота постройки для установления объёма в кубометрах выясняются по документальным данным, свидетельским показаниям или путём обмера на месте. Цена кубометра, в пределах области, принимается средняя для данного вида зданий.

При определении стоимости кубометра следует применять различные цены для следующих видов строений:

- а) жилые дома городского типа — каменные, деревянные, облегчённые и временные;
- б) жилые дома сельского типа — каменные, деревянные, из грунтовых материалов;
- в) надворные постройки — сараи, амбары, гумна, погребов, бани и другие.

Размер затрат по ремонту частично повреждённых зданий определяется исходя из полной стоимости здания и степени повреждения. Степень повреждения здания определяется в процентах ко всей стоимости здания.

Стоимость погибшего домашнего скота определяется по местным рыночным ценам в момент составления акта; ущерб, понесённый вследствие уничтожения садов, виноградников и других многолетних насаждений, определяется путём подсчёта всех затрат, необходимых для восстановления насаждений и возмещения понесённых убытков от неполучения урожая за весь период, с момента уничтожения до момента восстановления, исходя из средней урожайности и средних рыночных цен.

6. Наряду с данными о размерах ущерба в денежном выражении по нижеперечисленным основным видам имущества, ущерб фиксируется в актах и в натуральном выражении:

Жилые здания — объём в кубометрах.

Надворные постройки, амбары, сараи и прочие — объём в кубометрах.

Машины и сельскохозяйственные орудия — в штуках.

Поголовье скота:

- а) лошади — голов,
- б) быки-производители — голов,
- в) коровы — голов,
- г) волы рабочие — голов,
- д) молодняк крупного рогатого скота — голов,
- е) свиньи — голов,
- ж) овцы и козы — голов.

Птица разная (куры, гуси, утки и прочие) — голов.

Пчёлы — пчелосемей.

Многолетние насаждения — количество деревьев и возраст.

Запасы сельскохозяйственных продуктов:

а) зерно — в центнерах,

б) мука — в центнерах,

в) картофель и овощи — в центнерах,

г) прочие.

Ценные вещи (золотые, серебряные и прочие) — с указанием ценности.

Произведения искусства, библиотеки, отдельные редкие книги, рукописи и другие культурные ценности (с подробным указанием значения, авторов).

7. Расходы, понесённые гражданами в связи с вторжением и разбойничьими действиями немецко-фашистских оккупантов: контрибуции, штрафы, налоги и другие поборы, учитываются в размере фактически произведенных выплат.

Причем эти платежи учитываются в той валюте, в которой они были произведены.

8. Республиканские, краевые (областные) комиссии или Совнаркомы союзных и автономных республик, краевые (областные) исполкомы Советов депутатов трудящихся представляют в Чрезвычайную Государственную Комиссию, по окончании работы в данном городе или районе, один экземпляр акта со всеми приложениями об ущербе, причинённом гражданам СССР.

Вместе с актами высылается в Чрезвычайную Государственную Комиссию реестр актов и обобщённые сведения об ущербе, составленные на основе актов по прилагаемой форме №3^[29].

Второй экземпляр акта хранится в делах республиканской, краевой (областной) комиссии или в Совнаркоме союзной, автономной республики, краевом (областном) исполкоме Советов депутатов трудящихся.

Комиссии принимают заявления от потерпевших в письменной и устной форме и выдают справку о составлении акта.

9. В районах, освобождённых от немецко-фашистских оккупантов до 1 мая 1943 г., акты об ущербе должны быть составлены, не позднее 1 августа 1943 г. В дальнейшем в районах, освобождённых от оккупантов, акты составляться должны не позднее чем в 3-месячный срок после освобождения района.

В прифронтовых и тыловых районах акты об ущербе должны составляться в месячный срок со дня возникновения ущерба, а по ущербу, возникшему до 1 мая 1943 г., — не позднее 1 августа 1943 г.

Председатель Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР Н. Шверник

АКТЫ И ДОКУМЕНТЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ И ПРИЧИНЕННОГО ИМИ УЩЕРБА ГРАЖДАНАМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ СССР

СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАПАДНОГО ФРОНТА О ПОЛОЖЕНИИ В РАЙОНАХ, ОККУПИРОВАННЫХ ПРОТИВНИКОМ

10 декабря 1941 г.

Совершенно секретно

*Начальнику управления
особых отделов НКВД Союза ССР
Комиссару Государственной
Безопасности 3 ранга
товарищу Абакумову*

Особым отделом НКВД 50 армии от агентуры и военнослужащих, вышедших из окружения, получены следующие сведения о состоянии территории, временно оккупированной противником:

В селе Королевка немцы убили беременную женщину за то, что она не разрешила им взять из печи приготовленную на обед пищу^[30].

В одной из деревень для стирки белья в лазарете немцы собрали 36 женщин, которых продержали до утра и всех изнасиловали. В этой же деревне немцы изнасиловали 16-летнюю девушку, после чего отпустили домой, пригрозив, что если она об этом кому-либо расскажет, то она и ее семья будут расстреляны.

В дер. Кочетовка немцы изнасиловали 14-летнюю девушку.

В колхозе Никульшино Починковского района Смоленской области немцы подвергли порке председателя колхоза и бригадира за медленную уборку картофеля и льна с полей колхоза. В этом же селе подвергли порке 13 колхозников за опоздание на работу.

Немецкий жандарм, производивший порку, предупредил остальных колхозников, что в дальнейшем за недобросовестное отношение к работе они будут расстреляны.

В Смоленске и Вязьме находится большое количество пленных, среди которых имеется много раненых. Пленным изредка выдают по стакану овса или ржи на одного человека и иногда по 3—5 картофе[лин]. Хлеб выдается очень редко — 1 килограмм на 10 человек.

Немцы отбирают у населения керосин.

В Белевском районе немцы издали приказ о мобилизации населения мужского пола от 19 до 50 лет.

В Одоевском районе немцы обложили все население налогом в размере 5-ти марок или 50 р. с каждого человека.

В Могилеве немцами назначен городским головой врач Филицын. В городе имеется полиция, на службе в которой состоят главным образом немцы, но есть и русские. В полиции работает секретарем Иванова Анна Алексеевна, быв. бухгалтер Могилевского педагогического училища. Кроме полиции в Могилеве имеется аппарат гестапо. В городе немцы открыли церковь и дом терпимости. Издается одна газета на немецком языке. Хождение по городу жителям разрешается с 6 часов утра до 7 часов вечера.

Деньги имеют хождение как немецкие, так и советские, причем одна марка приравнена к 10 рублям наших денег.

Евреев немцы выселили из города в местечко Дубровка, где используют их на тяжелых работах. Каждому еврею приколоты отличительный знак, хлеб им совершенно не выдается. В город Ельня из разных населенных пунктов немцы собрали 128 человек евреев, заперли их в сарай и сожгли. Пытавшихся выбраться из сарая расстреливали.

Среди личного состава германских частей наблюдается подавленное, упадническое настроение.

В одной из деревень под Тулой, оставленной немцами, было написано на немецком языке «Прощай, Москва!».

Через село Починка следовало 2 эшелона поляков со связанными руками, которые отправлялись в глубь Германии за отказ воевать против СССР.

Во всех селах Починковского района имеется много оружия (пулеметы, винтовки, гранаты, патроны и даже пушки), которое тщательно скрывается от немцев.

Зам. начальника ОО НКВД Западного фронта майор государственной безопасности Горгонов

ЦА ФСБ РФ, ф.14, оп.4, д.589, л.248—250. Опубликовано: Лубянка в дни битвы за Москву. По рассекреченным документам ФСБ РФ. М., 2002. С. 383—384.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ СЕКРЕТАРЯ БЕЛОСТОКСКОГО ПОДПОЛЬНОГО ОБКОМА КП(Б)Б В.Е. САМУТИНА СЕКРЕТАРЮ ЦК КП(Б)Б П.К. ПОНОМАРЕНКО ОБ ИСТРЕБЛЕНИИ, ОГРАБЛЕНИИ И УГОНЕ В ФАШИСТСКОЕ РАБСТВО МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБЛАСТИ ЗА ПЕРИОД С 7 ЯНВАРЯ ПО 1 МАЯ 1944 Г.

Не ранее 1 мая 1944 г.^[61]

1. Немецкий разбой и грабежи

Если раньше немцы и их ставленники пытались создать некую видимость законности своих действий, то сейчас от этой видимости не осталось и следа. В деревнях особенно восточной части области производятся сплошь и рядом облавы под различными предлогами (поиски партизан, самогонки и т.д.). Эти облавы сопровождаются

массовыми обысками, избиением и расстрелами ни в чем не повинных людей. Подобные налеты практикуются широко отборным бандитским элементом из немцев и предателей и имеют своей целью грабить и терроризировать народ. Только за последние дни такие облавы произведены в 14 деревнях Гродненского и многих деревнях Волковыского районов. В последнее время эти облавы имеют также своей целью вылавливание и угон на каторгу наших людей, скрывающихся и нежелающих ехать в Германию. Характерно, что немцы, вопреки своей пропаганде, не скрывают того факта, что увоз в Германию производится как наказание, пугают наших людей этим увозом. Народ, как правило, скрывается. Однако массовые облавы достигают цели. Из деревень, подозреваемых в сочувствии партизанам и особенно расположенных вблизи лесов, увозится все население. Только за последний месяц увезено из Индурской и Луненской волостей Гродненского района свыше 1 500 семейств. В Гродненском, Свислочском, Скидельском, Сокулковском районах установлены факты увоза по специальным разрешениям детей от 11 до 15 лет^[62].

Предлогом к массовому угону людей чаще всего бывает невыполнение контингента (поставок).

Что из себя представляет контингент?

В установлении размера поставок царит такой же произвол, как и во всей системе кровавого режима. В различных районах нормы разные, но всюду рассчитаны на ограбление и разорение хозяйства. К примеру, хозяйство (Сокулковский район) в 10 га должно поставить: ржи — 26 ц, овса — 7 ц, пшеница, гречиха, горох забираются полностью (если во время проверки в хозяйстве обнаружена пшеница, горох, гречиха — хозяйство ликвидируется, а семья уничтожается), картофеля — 30 ц, мяса свиного — 9 пудов, 1 корову, яиц от курицы — 200 шт., молока от коровы — 600 л. Кроме того поставляется табак, шерсть, конопля, куры, перья куриные, которые чаще всего крестьяне вытаскивают из своих подушек. Денежные поборы: за землю — 200 марок, от головы человека — 20 марок. Кроме того взимается плата за дом, за все строения, даже за собаку. Крестьянам области повсеместно запрещен убой скота и употребление мясо-жировых продуктов.

Достаточно немцу обнаружить у крестьянина жирный горшок, как хозяйство подвергается ликвидации, а семья уничтожается.

Это бесправное, хуже крепостнического, положение крестьянина в последнее время усугублено мерами, связанными с приближением фронта.

Еще в марте специальные жандармско-полицейские, гестаповские отряды заставляли крестьян обмолачивать весь хлеб, учитывая все до фунта, и отнимали весь посевной материал.

Под различными предлогами и без предлогов накладываются на деревни, сверх всяких контингентов, дополнительные поставки натурой (свины, коровы, хлеб, яички и т.д.). Достаточно одному мерзавцу заявить, что возле такой-то деревни видел партизана, как указанная деревня подвергается ограблению...

В районах, прилегающих ближе всего к линии фронта, приказом запрещено производить посев яровых. Поймавшего на поле за работой крестьянина избивают до полусмерти и даже расстреливают, хозяйство ликвидируется (Скидель, Волковыск).

Крестьяне, особенно лесных районов, выгоняются поголовно под страхом смерти на вырубку леса. Следует отметить, что немцы сейчас лихорадочно производят хищническую разработку лесов. Все население сгоняется на вырубку, вывозку и погрузку лесоматериалов, которые поспешно — эшелон за эшелон — отправляются на запад.

Работающими крестьянами управляют приклад и резиновые палки. За малейшую оплошность и без всякого повода — утешения ради — немецкие садисты тут же при всех привязывают свою жертву к дереву и в «назидание присутствующим» истязают резиновыми дубинками...

Довольно обширной информацией располагаем о Гродно и других мелких городах. Судя по этим данным, положение городского населения еще хуже сельского. В гор. Гродно, например, с 1 мая прекращена выдача продовольствия рабочим и служащим даже по карточкам. Ранее производившаяся кое-какая торговля сейчас закрыта. Условия работы исключительно тяжелые. Рабочий день [длится] 12—15 час. Получает рабочий в месяц, от 25 до 45 марок, за которые ничего не может купить. Городское население живет тем, что на рынке и в деревнях променивает последние пожитки. Немцы начали сейчас вывозить ценное оборудование табачной фабрики и пивоваренного завода. Вывозят также квалифицированных рабочих. Горожане — рабочие и служащие — усиленно ищут связей с партизанами. Наши связи с гор. Гродно достигли значительных размеров.

На целом ряде предприятий произведены аресты рабочих. Ежедневно появляются в цехах объявления о произведенных актах диверсий, о саботаже и о наказании мнимых виновников. Однако саботаж и диверсии не прекращаются.

В Белостокской обл. почти нет деревни, где бы не было 10—15 увезенных в Германию и нескольких семейств расстрелянных.

Недавно сожжена дер. Зеньки Гродненского района, а все жители уничтожены. То же самое учинили немецкие изверги с дер. Поповка Заблудовского района. Немецкие бандиты растерзали бывшего председателя колхоза тов. Студянка Белостокского района, семью зверски замучили. В дер. Карповцы Волковыского района недавно истребили 5 семей. 15-летнего Хомко несколько дней подвергали пыткам, а в довершение бросили на растерзание собакам. В дер. Сломянка Сокулковского района расстреляно 32 чел., из них: 6 мужчин, 11 женщин, остальные — дети, среди которых 2-недельный ребенок. В дер. Струпка того же района убито 14 ни в чем неповинных людей. Города и деревни пестрят объявлениями «командора^[63] Белостокской полиции безопасности», в которых сообщается об арестах и расстрелах сотен и тысяч людей, так называемых заложников. (Некоторые объявления прилагаются.)^[64]

Нет конца этому списку невинных жертв, нет границ немецким преступлениям.
Секретарь Белостокского подпольного областного комитета КП(б) Белоруссии Самутин
Партархив Института истории партии при ЦК КПБ. ф.4, оп.33а, д.478, л.142—144. Подлинник.

АКТЫ И ДОКУМЕНТЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию продолжают поступать акты^[31], заявления потерпевших, показания очевидцев о злодеяниях, совершаемых немецкими властями в советских районах, временно попавших под фашистское иго.

1. Немецкие оккупанты уничтожают памятники старины; расхищают сокровищницы культуры народов Советского Союза, грабят научные учреждения, музеи и библиотеки.

По приказанию немецкого верховного командования и «имперского министра по делам оккупированных восточных областей» Альфреда Розенберга из СССР вывозятся в Германию книги XIV, XV и XVI веков, оригинальные произведения живописи, графики, скульптуры русских и западно-европейских мастеров.

В январе 1943 года командующий 1-й танковой армией генерал-кавалерии Макензен, в присутствии начальника отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллера, взял из Ростовского музея Изобразительных искусств, эвакуированного в гор. Пятигорск и находившегося в помещении Лермонтовского музея, наиболее ценные полотна Рибейра, Рубенса, Мурильо, Иорданса, Верещагина, Коровина, Крамского, Поленова, Репина, Лагорио, Айвазовского, Шишкина; скульптуры — Донателло и другие экспонаты.

Ниже публикуется акт о вывозе немецкими властями ценностей Ростовского музея Изобразительных искусств.

«АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, председатель Культсекции консультационно-технического бюро Пятигорского горсовета Виктор Иванович Буланин, хранитель ценностей Ростовского музея Изобразительных искусств Мытников Александр Абрамович и директор Литературного музея «Домик Лермонтова» Яковкина Елизавета Ивановна, составили настоящий акт в нижеследующем:

Ценности Ростовского музея Изобразительных искусств были эвакуированы в Пятигорск^[32], где хранились с 4/1—1942 г. в помещении Литературного музея «Домик Лермонтова» до 7 января 1943 года, когда значительная часть музея была вывезена немецкими оккупационными властями.

Ценности Ростовского музея Изобразительных искусств, эвакуированные из г. Ростова на Дону и заключающиеся, в оригинальных произведениях живописи, графики и скульптуры русских и западноевропейских мастеров, а также ценного фарфора русских и зарубежных фабрик, упакованные в специальных ящиках, несмотря на принятые меры, вывезти из Пятигорска не удалось и поэтому во время германской оккупации они находились на складах Лермонтовского музея.

Первое время ценности Ростовского музея скрывались от германских оккупационных властей работниками Лермонтовского музея. 7 сентября представители Берлинской комиссии Розенберга явились к директору Лермонтовского музея и, заявив, что им сообщили в Ростове о наличии ценностей Ростовского музея на складах Лермонтовского музея, — предложили открыть склады и ознакомить их с содержанием ценностей Ростовского музея. После этого склады были опечатаны германскими властями.

В течение времени с 7 сентября 1942 года по 7 января 1943 года представители отдела пропаганды германской армии генерала Макензена неоднократно вскрывали ящики. При этих вскрытиях происходили изъятия наиболее ценных экспонатов, при чем это изъятие производилось иногда в присутствии самого генерала Макензена.

7 января 1943 года, по личному распоряжению начальника отдела пропаганды Миллера, и в его присутствии и в присутствии представителя генерала Макензена, ценности 14 ящиков за №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 16, 20, 22, переупакованные в 12 ящиков, были увезены на пятигорский вокзал, погружены в железнодорожные вагоны и в ночь на 9 января 1943 года вывезены из г. Пятигорска^[33].

Акт подписали: *Председатель культсекции консультационного технического бюро пятигорского Горсовета Буланин, хранитель ценностей Ростовского музея Изобразительных искусств Мытников, директор Литературного музея «Домик Лермонтова» Яковкина.*

24 февраля. г. Пятигорск».

Факт ограбления немецко-фашистскими захватчиками Ростовского музея Изобразительных искусств свидетельствует о том, что гитлеровское правительство и немецкие военные власти являются вдохновителями и организаторами грабежей в оккупированных районах^[34]. Неопровержимо установлено, что немецкие генералы принимают личное участие в грабежах культурных ценностей, принадлежащих народам Советского Союза.

2. В селе Сапогово, Курской области, немецкие оккупанты, отравили около 1 000 больных, находившихся на излечении в психиатрической больнице^[35]. Об этом чудовищном злодеянии свидетельствует следующий публикуемый ниже документ:

«АКТ

28 февраля 1943 года, нижеподписавшиеся, в лице представителя Курского областного Исполнительного комитета депутатов трудящихся Мальцева, судебно-медицинского эксперта военного врача III ранга Шварца, стар-

шей медсестры названной больницы Арепьевой Екатерины Ивановны, а также медсестры больницы Ткаченко Ирины Семеновны, в селе Сапогово Курской области, составили настоящий акт в следующем:

в декабре 1941 года, вскоре после оккупации немецко-фашистскими захватчиками города Курска и районов Курской области, в Сапоговской областной психиатрической больнице немецкими военными властями было организовано массовое умерщвление больных, находившихся в указанной больнице на излечении.

Путем опроса сотрудников больницы и местных жителей, Комиссия установила, что массовое умерщвление больных производилось путем их отравления 70% раствором хлоралгидрата, который в принудительном порядке давался больным во внутрь.

В общей сложности было умерщвлено около 1 000 человек больных, находившихся к тому времени на излечении в больнице.

Отравленные и умерщвленные больные были, по приказанию немецких властей похоронены в щелях-бомбоубежищах, расположенных на территории больницы.

При разрытии двух таких щелей-бомбоубежищ, расположенных против 7 и 9 отделений больницы, было обнаружено массовое похоронение^[36] умерщвленных. Только из двух этих щелей было извлечено около 300 человеческих останков.

Для организации массового умерщвления больных, в начале 1942 года в село Сапогово специально приезжал старший врач немецкого гарнизона города Курска Керн, который непосредственно проинструктировал назначенного немцами директора, больницы Краснопольского, каким путем производить отравление больных.

По словам очевидцев этого кошмарного злодеяния Босенко Пелагеи Ивановны, Машкиной Валентины Васильевны, коменданта больницы, Филист Константина Никитовича, Гречухиной Екатерины Тимофеевны и многих других, умерщвление больных психиатрической больницы путем их отравления было произведено в течение 3—4 дней. При чем некоторые больные, несмотря на свое душевное заболевание, поняли, что их хотят отравить, оказывали сопротивление и отказывались принимать яд. В таких случаях им производилось насильственное вливание яда.

При массовом похоронении отравленных имели место случаи, когда в щели сбрасывали еще живых людей, а в 2—3 случаях сброшенные туда больные даже выбирались из щелей и возвращались в больницу. После чего им была дана повторная доза яда.

Так как похоронение в некоторых щелях произведено небрежно и не глубоко, то были случаи, когда собаки растаскивали по территории больницы куски человеческих трупов.

О чем и составлен настоящий акт.

Акт подписали: *Мальцев, Шварц, Арепьева и Ткаченко. Село Сапогово, Курской области.*

3. После изгнания немцев из города Купянска, Харьковской области, населением было обнаружено 8 ям, в которых были свалены 248 зверски замученных и расстрелянных советских людей. Раскопка ям была произведена комиссией в составе украинского писателя К. Гордиенко, священника Николаевской церкви протоиерея Иоанна Протопопова, домохозяйки Белоцерковской, врачей: П. Гогина, В. Кошеева, Р. Гарницына и председателя Горсовета Тугай.

«АКТ

Граждане города Купянска сообщили о том, что немецкие оккупанты расстреляли большую группу мирных жителей города Купянска и Кушитского района. Комиссия в составе представителей советских и общественных организаций, а также населения, церковной общины и врачебно-медицинских работников 17 мая 1943 года произвела осмотр в яру у подножья Меловой горы города Купянска ямы, о чем и составлен настоящий акт.

При раскопке ямы, на глубине одного метра был обнаружен 71 труп расстрелянных жителей города Купянска и Купянского района. Среди них было 62 мужских трупа, 8 женских и трупик грудного ребенка. Все расстрелянные были без обуви, а некоторые, и без одежды.

Врачебно-медицинской частью комиссии констатированы следы диких пыток и увечий на теле расстрелянных. У некоторых были связаны руки железной проволокой. У ребенка была разможжена голова выстрелом на близком расстоянии.

Комиссия отмечает, что у многих раны не были смертельными и, очевидно, что этих людей сбрасывали в яму и закапывали живыми. Это также подтверждается гражданами, проходившими вблизи ямы, вскоре после расстрелов, видевшими, как над ямой ворошилась земля и был слышен глухой стон из могилы.

Среди расстрелянных многие были опознаны родственниками и присутствовавшими при раскопке гражданами.

Так были опознаны: Байдак Илларион Яковлевич — 37 лет, председатель Гусинского сельсовета, Купянского района; Старикова Елизавета Ивановна — работница Купянского куштшвейпрома; Берестовая Ольга Никифоровна — работница сахарного завода, председатель Заоскольского сельсовета; Ткаченко Сергей Арсентьевич — мастер-портной Купянского куштшвейпрома; Карайбога Петр Григорьевич — механик мельницы; Садовский Артем Петрович — рабочий-железнодорожник; Садовский Иван Маркович, счетовод колхоза «Стахановец» Куриловского сельсовета; Садовский Михаил Иванович — председатель колхоза «Стахановец» Куриловского сельсовета; Бутивещенко Иван Трофимович — колхозник из хутора Пристень; Харченко Василий Григорьевич — колхозник из хутора Пристень; Сухомлин Никита — колхозник из хутора Пристень; Болдырь Михаил Ильич — колхозник хутора Кругляковки; Сулига Иван Павлович — колхозник хутора Кругляковки; Погуляй Иван Лаврентьевич — председатель Петровского сельсовета; Мойсов Иван Кириллович — работник кооперации; Ковшарь Кирилл Андреевич — бригадир колхоза «Червона зирка», Куриловского сельсовета, в последнее время работал

председателем этого колхоза; Буймер Даниил Иванович — директор Купянского маслозавода; Сморшко Иван Герасимович — колхозник села Николаевки; Кравченко Петр Кириллович — колхозник села Куриловки.

Комиссия отмечает, что многие убитые настолько изуродованы, что их невозможно опознать.

Акт подписали: *председатель комиссии украинский писатель К. Гордиенко, члены комиссии — председатель горсовета Тугай, настоятель Николаевской церкви города Купянска Иоанн Протопопов, домохозяйка Белоцерковская, врачи П. Гогин, В. Коцеев, Р. Гарницына».*

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила следующие факты:

1) *Ростовский музей изобразительных искусств ограблен и вывезен в Германию командующим 1-й танковой армией генералом-кавалерии Макензеном и начальником отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллером.*

2) *Больные, находившиеся в Сапоговской психиатрической больнице в Курской области, отравлены по приказу немецкого коменданта Фляха и врача Керна, причем наблюдение за выполнением приказа Фляха осуществлял посредник — переводчик немецкой комендатуры Вегеманн.*

3) *Истязание и расстрел мирного населения в городе Купянске произведены по приказу начальника немецкой тайной полевой полиции Каргана и его заместителя Швайцэ.*

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за ограбление, истязание и массовые убийства мирных советских людей, произведенные в Пятигорске, Курске и Купянске, — командующего 1-й танковой армией генерала кавалерии Макензэна, начальника отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллера, коменданта Фляха, врача Керна, посредника переводчика, Вегеманна, начальника тайной полевой полиции Каргана и его заместителя Швайцэ.

ПЛАН РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ^[57]

Провести заседание областной комиссии, на котором заслушать ответ секретаря т.Смирнову, в каком состоянии принят материал от Ленинградской комиссии и какие предстоят задачи для завершения учета в целом по области.

Срок исполнения — 10/II.

Ответственный за выполнение — Предс. Облкомиссии т.Антюфеев.

Создать в каждом районе комиссии, а также технический аппарат с утверждением секретаря районной комиссии.

Срок исполнения — До 15/II.

Ответственный за выполнение — Отв.секретарь Смирнова.

Провести двухдневный семинар с секретарями районных комиссий.

Срок исполнения — 15—16/II.

Ответственный за выполнение — Отв.секретарь Смирнова.

Провести совещание с руководителями отделов, управлений и организаций.

Срок исполнения — 14/II.

Ответственный за выполнение — Член комиссии т.Барыгин.

Провести семинар с главными бухгалтерами отделов, управлений и организаций.

Срок исполнения — 19/II.

Ответственный за выполнение — Отв.секретарь Смирнова.

Выделить в каждый район уполномоченных и провести семинар с ними.

Срок исполнения — 15/II.

Ответственный за выполнение — Отв.секретарь Смирнова.

Получить от всех районов первоначальной обработки актов для просмотра областной комиссией^[58].

Срок исполнения — 15/III.

Ответственный за выполнение — Отв.секретарь Смирнова.

Организовать сплошную проверку всех отделов Облисполкома о ходе учета ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками.

Срок исполнения — 10/III.

Ответственный за выполнение — Отв.секретарь Смирнова.

Заслушать на областной комиссии не менее четырех председателей районных комиссий о ходе учета ущерба.

Срок исполнения — 20/III.

Ответственный за выполнение — Предс. Облкомиссии т.Антюфеев.

Заслушать на областной комиссии 3—4 руководителей отделов о ходе учета ущерба.

Срок исполнения — До 15/III.

Ответственный за выполнение — Зам.Пред. облкомиссии т.Семин.

Для оказания помощи районным комиссиям выехать на места членам комиссии в пять районов (Гдов, Порхов, Дно, Новоржев и Новоселье).

Срок исполнения — До 20/III.

Ответственный за выполнение — Облкомиссия.

Провести совещание с работниками НКГБ и прокуратуры по вопросу выявления злодеяний.

Срок исполнения — 5/III.

Ответственный за выполнение — Член Облкомиссии т.Лагунов.

Выделить пять главных бухгалтеров из отделов, управлений и организаций в технический аппарат Облкомиссии.

Срок исполнения — До 15/III.

Ответственный за выполнение — Зам.Пред. облкомиссии т.Семин.

Привлечь дополнительно два работника из Облплана и Облстатуправления, для составления доклада в целом по области.

Срок исполнения — До 20/III.

Ответственный за выполнение — Зам.Пред. облкомиссии т.Семин.

Получить от всех отделов Облисполкома весь материал по учету ущерба (акты, реестры и обобщенные данные).

Срок исполнения — До 20/III.

Ответственный за выполнение — Отв.секретарь Смирнова.

Получить от всех управлений и организаций подчиненных Наркоматам, обобщенные данные и реестры.

Срок исполнения — До 20/III.

Ответственный за выполнение — Отв.секретарь Смирнова.

Полностью закончить получение материалов по злодеянию от всех районов.

Срок исполнения — До 15/III.

Ответственный за выполнение — Член Облкомиссии т.Лагунов.

Закончить получение всех материалов по учету ущерба от районов с заслушиванием отчета секретарей районов ВКП(б).

Срок исполнения — С 20 на 1/IV.^[59]

Ответственный за выполнение — Отв.секретарь Смирнова.

Переплести весь материал по учету ущерба в тома с соответствующим оформлением.

Срок исполнения — До 10/IV.
Ответственный за выполнение — Отв.секретарь Смирнова.

Составить подробный доклад по соответствующим разделам в целом по области.
Срок исполнения — До 10/IV.
Ответственный за выполнение — Отв.секретарь Смирнова.

Оформить материал по памятникам старины с переплетением в альбомы на двух языках. Русском, английском.
Срок исполнения — До 10/IV.
Ответственный за выполнение — Архитектор т.Гедике.

Заслушать отчет о работе отв.секретаря Смирнову на областной Комиссии по учету ущерба.
Срок исполнения — До 13/III.^[60]
Ответственный за выполнение — Предс. Облкомиссии т.Антюфеев.

Полностью закончить в целом по области учет ущерба.
Срок исполнения — До 15/IV.
Ответственный за выполнение — Облкомиссия.

Отв.секретарь Областной комиссии по учету ущерба К. Смирнова.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОР. ХАРЬКОВА В ЦЕНТРАЛЬНУЮ КОМИССИЮ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗВЕРСТВ НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ О РАССТРЕЛЕ РАНЕННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ^[38]

гор Харьков
[Декабрь 1943 г.]^[39]

Мы, жители дома №14 по улице Тринклера и №3 Покровского переулка (Харьков), были свидетелями неслыханных зверств немецких оккупантов во время пребывания их в гор. Харькове. Во время второй оккупации при входе в город немцы расстреляли раненых красноармейцев, лежавших в госпитале, и одного из них повесили на дверях сарая дома №12 по улице Тринклера. Утром, выйдя во двор, увидели на дверях распятого раненого красноармейца. Руки были прибиты в горизонтальном положении гвоздями, ноги упирались в землю, голова с обрезанными ушами свисала, половые органы обрезаны, брюки спущены до колен, и на груди на повязке надпись: «Иуда».

(Далее следует 11 подписей.)
ЦГАОР СССР. ф.7021, оп.76, д.72, л.217

АКТ О ЗЛОДЕЯНИЯХ ГИТЛЕРОВЦЕВ В РАБОЧЕМ ЛАГЕРЕ СМОЛЕНСКОГО СД «ГРАНКИ»^[40]

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт, дабы засвидетельствовать неслыханные злодеяния гитлеровских мерзавцев в пос. Гранки^[41], а также сохранить для потомства высокий доблестный пример русских патриотов, которые, не смотря на все мучения, сохранили верность отечеству.

За два года кровавого хозяйничания в Руднянском районе гитлеровцы совершили бесконечное количество преступлений, из коих особенно страшно создание в поселке Гранки лагеря смерти для советских мирных граждан и военнопленных. В этот лагерь смерти немцы пригоняли по этапу мужчин, женщин и подростков из Витебска, Полоцка, Рославля, Смоленска и других городов. Заключение работало от темна до темна на торфоразработках, по пояс в воде. Кормили их скудной пищей из отбросов картофеля и павших лошадей. Ослабевших, опухших от недоедания людей надзиратели избивали березовыми палками и резиновыми плетками.

В лагере находилось, по неполным данным, свыше 800 заключенных.

В лагере было несколько камер смертников. В них сидели советские люди, которых немцы считали особо неблагонадежными. Смертников в течение длительного периода подвергали страшным пыткам. Вдоволь натешившись над своими жертвами, гитлеровцы выводили их на расстрел партиями по пять человек. Расстрелы производились в строго определенное время — в 12 часов дня и в 5 часов вечера. Тех, кто не мог идти, палачи пристреливали в камере и на носилках несли за смертниками, идущими на расстрел. За смертниками обычно шли

несколько заключенных с лопатами. Они рыли общие могилы. Когда яма была вырыта, смертникам приказывали раздеться догола, после чего их всех расстреливали. Вслед за тем расстреливали тех, кто рыл могилу.

Могилы заравнивали, закладывали дерном и забрасывали мусором, чтобы не оставалось следов. Однако уже сейчас обнаружено много таких заровненных могил расстрелянных. Расследованием точно установлено, что за поселком Гранки немцами расстреляно 17 пленных красноармейцев, а также местные жители: Таня Гурская — 17 лет — за то, что она еврейка, Лопатенко — 18 лет — за то, что он комсомолец, Меркушев — 50 лет — за то, что у него нашли пустой запал (капсюль), Давыденко — инвалид — за то, что он был участником финской войны. У помойной ямы близ одного из домов расстреляны и зарыты три неизвестных командира Красной Армии, в том числе один лейтенант, награжденный орденом Красной Звезды. На заровненную яму навален навоз. В поле зверски убиты три молодых машиниста. Поле запахано и засажено картофелем. У дверей одного двухэтажного дома расстрелян и тут же зарыт неизвестный юноша 19 лет. За водокачкой расстреляны женщина и пятнадцатилетний мальчик. Всего, по неполным данным, расстреляно и замучено свыше 160 граждан.

Нами было вскрыто и осмотрено несколько могил, в которых обнаружены трупы расстрелянных со связанными проволокой руками и истерзанными телами.

МОГИЛА №1. Труп молодой женщины. Волосы очень коротко острижены. Опущенные руки связаны толстой бечевкой, одета в одни трусы. Два входных пулевых отверстия расположены в задней стороне шеи. Шейные позвонки разрушены.

МОГИЛА №2. Три мужских трупа с пулевыми ранениями затылка и раздроблением свода черепа и челюстей.

МОГИЛА №3. Четыре мужских трупа. Первый труп — пулевое ранение левого глазного яблока с раздроблением неба и верхней челюсти, сквозная колотая рана левого плеча. Второй труп — колотая рана груди под левой ключицей, раздробление костей, свода и основания черепа с расхождением обломков и удалением мозгового вещества. Третий труп — колотая рана левого нижнего квадрата живота с выпадением кишечника, колотая рана лица с повреждением зубов, мягких тканей рта, глотки и шейных позвонков. Четвертый труп — пулевое ранение затылка с разрушением левого глазного яблока, колотая рана спины под нижним углом левой лопатки.

МОГИЛА №4. Пять раздутых мужских трупов в гражданской одежде с руками, связанными проволокой на спине. У всех трупов пулевые ранения с раздроблением костей свода черепа, челюстей, глазных яблок и шейных позвонков, что свидетельствует об умерщвлении описанных советских граждан выстрелами в рот и в затылок. Свидетельскими показаниями установлено, что советские граждане, замученные и умерщвленные немецкими мерзавцами, вели себя до последнего часа достойно, как и подобает подлинным патриотам Родины.

Установлено, что в день 1 Мая 1943 года немцы вели на расстрел семь молодых граждан со связанными за спиной руками. Эти молодые граждане кричали заключенным лагеря смерти: *«Прощайте, товарищи! Ждите! Скоро Красная Армия освободит вас от каторги и унижения!»* Вслед за тем юноши, уводимые на расстрел, стройно запели песню: *«Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек».* Немецкие палачи жестоко били смертников березовыми палками по лицу, но они продолжали петь и спели песню о Родине до конца.

В одной из обследованных нами могил был найден труп юноши в фуфайке. Никаких документов при нем найдено не было, но в рукаве фуфайки мы обнаружили драгоценнейшее для истории письмо, которое прилагается к настоящему акту. Это письмо молодой патриот спрятал в надежде на то, что придут воины Красной Армии-освободительницы, найдут его тело и прочтут это письмо. И вот мы, действительно, нашли его и прочли письмо, обращенное к нам. На обрывке немецкого конверта, испачканного грязью и, видимо, подобранного этим юношей где-то на дороге, он дрожащей от волнения рукой написал следующие волнующие строчки:

«Прощайте, родные советские люди. Нас сегодня убьют, а жить хочется. Остались верные Родине. Мы верим... Я, Алек... Сергеевич Кузнецов, русский, жил в... Мой товарищ — Саарестин Вальтер из Эстонской ССР, Остров Даго, мест...»^[42].

Отступая под ударами Красной Армии, немецко-фашистские мерзавцы 22 сентября 1943 года совершили новое преступление. Они сожгли по приказу немца Брикмана один из корпусов заключенных, в котором находились камеры смертников, а в других камерах которого лежали больные тифом. Всего заживо сгорело 42 человека.

Все описанные здесь зверства производились по приказу начальника лагеря смерти обер-лейтенанта Рудик и его помощника — коменданта Брикмана. Название своей воинской части немцы держали в секрете.

К настоящему акту прилагается заключение судебно-медицинской экспертизы по обследованию трупов замученных и убитых немцами советских людей; подлинник записки, найденной у расстрелянного немцами юноши А. С. Кузнецова; фотоснимки трупов советских граждан, зверски убитых немцами.

Акт подписали:

майор медицинской службы Данилов, майор Соловьев, военкор Б. Бачинский, армейский судебный эксперт, военврач II ранга Гольдфарб, капитан медицинской службы Дубовец, местные жители поселка Гранки: бухгалтер А.Я. Гривин, конюх П.А. Трошин, сторож Л.П. Пупков, работница А. Трошина.

К акту приложена печать Н-ской воинской части.

АКТ КОМИССИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ И ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ О МАССОВОМ ИСТРЕБЛЕНИИ ГИТЛЕРОВЦАМИ СТАРИКОВ, ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ В КОНЦЛАГЕРЯХ БЛИЗ ДЕР. ХОЛМА И МЕДВЕДОВ ДОМАНОВИЧСКОГО РАЙОНА ПОЛЕССКОЙ ОБЛ. В МАРТЕ 1944 г.^[43]

18 марта 1944 г. мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе председателя майора Балакова П.Ф., капитана Тапеенкова М.Ф., капитана медицинской службы Терехина А.Н., прокурора капитана юстиции Комиссарова, ст. лейтенанта Краснова, представителей от гражданского населения: Остапенко Петра Саввича 60 лет, уроженца гор. Жлобина, Костко Марии 37 лет, уроженки Кировской обл., Сидоренко Анны 60 лет, колхозницы, уроженки дер. Дубрава Домановичского^[44] района Полесской обл. обследовала немецкие концлагеря, в которых было заключено советское мирное население из районов Полесской, частично Орловской, Гомельской и Смоленской обл., освобожденных войсками Красной Армии 18 марта 1944 г., и установила:

Лагерь №1 расположен в 4 км северо-западнее дер. Холма, лагерь №2 — в 2 км северо-западнее дер. Медведов. Оба лагеря расположены в редком лесу на болоте под открытым небом. Площадь вокруг лагеря обнесена колючей проволокой в 4—5 рядов и заминирована. Обнаружено много мин замедленного действия.

Заселение лагерей началось гитлеровцами в первой половине марта 1944 г. Сюда под конвоем пригоняли женщин с грудными детьми, стариков и старух, подростков и детей. Это — советские люди, угнанные немцами из наших городов и сел при отступлении гитлеровской армии. В лагере №1 содержалось до 9 тыс. чел., в лагере №2 — до 40 тыс., среди них не менее 70 проц. стариков и детей. Как видно, все трудоспособное советское население — мужчины, женщины — отбиралось немцами и угонялось в Германию, а не способные работать направлялись в лагеря. Среди освобожденных из лагерей имеется немало таких, которые переводились из одних лагерей в другие по нескольку раз. В числе заключенных были жители Бобруйска, Жлобина, районов Полесской обл.: Октябрьского, Кировского^[45], Паричского и др.

В лагерях существовал самый дикий произвол и были созданы нечеловеческие условия существования. Люди не смели вырыть даже землянки; лишенные всякого продовольствия, они были обречены на вымирание. Лагерь находился под усиленной немецкой охраной. В пургу и в дождь женщины, старики и дети находились под открытым небом. Гитлеровцы запретили даже разводить костры. В лагерях имелось много случаев эпидемических заболеваний, обмороживаний. Больным никакой помощи не оказывалось. Истощенные голодом, продрогшие от холода, промокшие в болотах люди ежедневно умирали массами.

По заявлениям заключенных этих лагерей: 72-летнего старика Зайцева Луки Лаврентьевича из дер. Белица Жлобинского района и многих других, в лагере №1 ежедневно умирало до 60 чел., в лагере №2 — до 100 чел. Обессилевшие люди были не в состоянии рыть могилы: трупы умерших по нескольку дней лежали на поверхности в расположении лагерей или сбрасывались фашистами в ров возле колючей проволоки. За 3 дня пребывания в лагерях только из одной дер. Капустино Кировского района было расстреляно немцами 6 чел. Убиты:

Алешин Фаддей Пименович 70 лет, Гончаров Родион Константинович 86 лет, Гудкова Прасковья Кузьминична 70 лет, Иванова Марфа Григорьевна 66 лет, Иванова Анастасия Степановна 42 лет.

Немцы убивали советских людей без всякого повода. Они расстреляли 12-летнего мальчика Мишу Гусанова из дер. Козловичи Домановичского района только за то, что он вышел за пределы лагерей за водой для семьи. 82-летнего старика Глуцкого Ивана из гор. Жлобина фашисты расстреляли за то, что он хотел развести костер, чтобы обогреть малолетних внучат. У Погодиной Апполинии Максимовны заболели дети. Она стала требовать помощи, фашисты расстреляли ее вместе с 2 детьми.

На территории лагеря обнаружен труп 15—17-летней девушки, изнасилованной гитлеровцами. Груды девушки изрезаны, отрезан нос, изорваны щеки, изуродовано все тело. По дороге в лагерь также имеется масса трупов женщин, стариков и детей, уничтоженных немцами.

Раз в неделю фашисты привозили в лагерь 1 машину хлеба. Изголодавшиеся заключенные громадной толпой окружали машину, из которой гитлеровцы разбрасывали куски хлеба. Один раз во время раздачи хлеба машина подошла близко к заминированной площади, и на mine подорвалась Семенова с 2 детьми из гор. Бобруйска. 23-летнюю девушку из дер. Дубрава Домановичского^[46] района фашисты избили до полусмерти за то, что она хотела получить кусок хлеба.

На территории лагеря, а также за колючей проволокой имеется масса одиночных и групповых могил умерших от голода и убитых советских людей. Фашистские жертвы исчисляются тысячами. Во рву лагеря №2 длиной в 100 м и шириной 1,5—2 м имеется масса трупов, сваленных гитлеровцами. По рассказам заключенных, по раскопкам могил и собранным на территории лагеря трупам видно, что за 7 дней существования лагеря и на пути следования немцы истребили не менее 9 тыс. советских людей.

Председатель комиссии майор Балаков

Члены комиссии: Тапеенков, Комиссаров, Терехин, Краснов, Остапенко, Сидоренко

Бывшие заключенные лагерей: Асташова, Мамонова, Серегин, Батурин, Столяров и др.

Из протокола опроса А.М. Шевченко, жительницы дер. Виричев Рогачевского района Гомельской обл.^[47]

Не ранее 19 марта 1944 г.^[48]

15 марта 1944 г. нас перегоняли из Рудобелковского лагеря в лагерь, расположенный возле поселка Дерть. Нас гнали пешком под конвоем немецких солдат. Впереди меня шла женщина с 3 детьми. Откуда она и фамилии ее я не знаю. На вид ей было лет 30. Она устала и, не будучи в силах идти, села на краю дороги вместе с детьми. К ней подошли 2 немецких солдата. Я слышала, что она просила солдат оставить ее в покое, так как она не мо-

жет идти. Солдат из винтовки пристрелил эту женщину, а детей посадил на машину, которая шла в лагерь. Это я видела сама.

Кроме этого, я видела, как двое стариков, фамилии их я не знаю, устав, сели на краю дороги отдохнуть. Подошедший к ним немецкий солдат выстрелами из винтовки пристрелил их и ногами сбросил трупы на обочину дороги.

Расстрелы жителей на пути в лагерь были не единичными. Вдоль колонны слышалась стрельба конвоя. Я лично видела у дороги лежавшие трупы 3 мужчин, застреленных немцами впереди нашей колонны.

По дороге в лагерь немецкие солдаты избивали нас палками. Желая достать ребенку из сумки сухарей, я остановилась. Немецкий солдат, нагнав меня, ударил березовой палкой по голове и по рукам. Так он и не дал мне достать из сумки сухари для ребенка.

Из протокола опроса В.С. Мурашкина, жителя дер. Черная Вирня Жлобинского района Гомельской обл.^[49]

Не ранее 19 марта 1944 г

Большой лагерь у поселка Дерть был раскинут на болоте. Ограда из густо сплетенной колючей проволоки изолировала его от внешнего мира. Охрана была усиленная. Часовые, вооруженные винтовками и автоматами, стояли друг от друга на расстоянии 50 м. По углам ограды были расположены охранные вышки с установленными на них пулеметами. В этом лагере находилось не менее 10 тыс. детей, стариков и женщин. Построек или навесов на территории лагеря не было никаких. Лежали все на снегу, на голой земле, под открытым небом. Колодцев не было. За 4 суток нашего пребывания в этом лагере нам совершенно не давали дров. Отбирали у всех топоры, пилы и ножи. Поэтому разведение костров для обогрева промерзших и обмороженных людей было невозможно. За 4 суток на 3 машинах привезли хлеб для 10-тысячного лагеря. Причем характерно, что немцы ни одного раза хлеб не давали на руки. Обычно к ограде подъезжала автомашина; из нее немцы бросали хлеб через ограду в грязь. Заливаясь смехом, они старались попасть хлебом в лицо изголодавшимся людям. У всех содержащихся в лагере немцы отбирали документы. Отбирая документы, они производили тщательный личный обыск.

В лагере немцы чинили произвол и всячески издевались над беззащитными детьми, женщинами и стариками. Немцы забирали последние личные вещи обитателей лагеря. У меня стянули сапоги, оставив меня без обуви зимой. Я наблюдал 2 случая, когда немцы били мальчиков 10 и 12 лет за то, что последние намеревались поднять лежавшие у забора поленья дров. В этом лагере запретили и днем разжигать костры. За попытки нарушить это правило немецкие солдаты били деревянными палками. Как-то раз и я за это был избит немцем, который все удары наносил по голове до тех пор, пока я не свалился с ног без сознания. Холод и голод, царившие в лагерях, привели к болезни мою дочь Валентину, которая скончалась.

Режим, установленный в лагерях, — режим голода и болезней, страшные издевательства над нашими советскими людьми — все это привело меня к твердому убеждению, что немцы задались целью истребить нас, — детей, стариков, женщин, инвалидов, заключенных в лагерь.

Подпись

АКТ КОМИССИИ ИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ КРАСНОЙ АРМИИ И МЕСТНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ О ЗВЕРСТВАХ И ИЗДЕВАТЕЛЬСТВАХ НЕМЕЦКИХ ФАШИСТОВ НАД СОВЕТСКИМИ ЛЮДЬМИ В КОНЦЛАГЕРЕ У МЕСТ. ОЗАРИЧИ ДОМАНОВИЧСКОГО РАЙОНА ПОЛЕССКОЙ ОБЛ.^[50]

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе представителей воинской части капитана Муратова Хикматулла Ильясовича, врача капитана медицинской службы Сидоренки Павла Матвеевича, председателя Крюковичского сельсовета Домановичского района Евшука Федора Васильевича, председателя колхоза Крюковичского сельсовета Домановичского^[51] района Чвея Ивана Прокопьевича, составили настоящий акт о нижеследующем:

19 марта 1944 г. нами был обследован лагерь в 3 км северо-восточнее мест. Озаричи по правой стороне шоссе, идущей из Озаричей в Волосовичи. Нами установлено:

Лагерь по территории занимает площадь около 2 га. Расположен в редком сосновом лесу под открытым небом. Площадь лагеря огорожена проволокой в 1 ряд и в 5 линий по вертикали. По углам лагеря построены 4 наблюдательные вышки для охраны. Охрана лагеря была вооружена автоматами и станковыми пулеметами. По приказанию самих заключенных, в начале марта их насильно согнали и этапным порядком отправили на стн. Жлобин, откуда, погрузив в 3 товарных неотапливаемых эшелона, повезли в неизвестном направлении. Эшелоны прибыли на стн. Старушки, где их [заключенных] всех выгрузили и распределили по лагерям. В вышеупомянутый лагерь прибыло более 8 800 чел. Среди них подавляющее большинство жителей Белоруссии — Полесской, Гомельской и Могилевской обл., а также люди, угнанные немцами из других областей еще летом и осенью 1943 г. Большинство заключенных лагеря были дети всех возрастов, остальная часть — нетрудоспособные женщины (из них много кормящих матерей), старики, старухи и больные инфекционными болезнями.

Несмотря на то, что перед эвакуацией из родных сел и городов немецкие власти объявили жителям, что им разрешается брать с собой неограниченное количество вещей и продуктов питания, немецкие офицеры и солда-

ты отобрали все взятые жителями ценности, а по прибытии на место ограбили их вторично. Людей раздели и разули, отобрали имевшиеся у них продукты питания, не оставив хлеба даже для маленьких детей.

Режим лагеря был невыносим. Раздетые и голодные люди не имели права разводять костры, ходить в ближайшее болото, чтобы достать из-под мха несколько капель болотной воды. Категорически запрещалось приближаться к проволоке. За попытку приблизиться к заграждению расстреливали. Так, охрана лагеря расстреляла Жарикову Софью, жительницу дер. Смолка Чаусского района Могилевской обл., Родоман Феодосию, жительницу дер. Поречье Октябрьского района Полесской обл., и многих др. На проволоке висели противопехотные мины. При малейшем прикосновении к проволоке мины рвались, убивая и рая находящихся вблизи людей. Так, ранения от взорвавшихся мин получили Базелова Каролина, жительница дер. Белица Жлобинского района, Старовойтова Варвара, жительница дер. Замощаны Хомичского сельсовета Домановичского района, и др.

Охрана лагеря расхаживала по территории и избивала заключенных дубинками. Так была избита молодая беременная женщина, фамилию которой не удалось установить. Не выдержав пытки, она скончалась от преждевременных родов. У многих на теле были синяки и ссадины от побоев.

В лагере был установлен режим, рассчитанный на истребление людей и голодную смерть. Раз в неделю немцы подвозили к проволоке хлеб и кусками, как собакам, бросали его в толпу изможденных людей. Маленький кусочек хлеба после систематического голодания еще больше усиливал муки заключенных. Ежедневно в лагере умирало много людей от истощения вследствие систематического недоедания и от острых инфекционных заболеваний. Умерших в большинстве случаев не хоронили, и они лежали тут же, среди живых, распространяя трупный запах и эпидемии.

В ночь на 15 марта наступило резкое похолодание и выпал глубокий снег. Многие, не имея сил согреться путем движений, остались неподвижными и замерзли. В особенности замерзли дети, оставшиеся без родителей, и больные. Замерзли Валя Грабарь полутора лет, Старовойтова Анна, жительница Хомичского сельсовета Домановичского района, Грабарь Анна с 3-летним мальчиком Брониславом, жительница дер. Нестановичи Новосельского сельсовета Домановичского района, и др.

По всей вероятности, немецко-фашистские захватчики собирались расстрелять всех заключенных лагеря и для этой цели заставили самих заключенных вырыть огромный ров 6 на 3 на 2 м, куда уже было брошено 15 расстрелянных. Все подступы к лагерю были густо минированы противотанковыми и противопехотными минами. Однако немцы не успели выполнить свой злодейский замысел и оставили лагерь на произвол судьбы. Оставшиеся без охраны узники бросились бежать во все стороны и попали на минные поля. Многие из них получили серьезные ранения, а часть погибла. Вокруг территории лагеря обнаружено 5 трупов людей, взорвавшихся на минах.

О чем и составлен настоящий акт.

Члены комиссии: Муратов, Сидоренко, Евшук, Чвей.

Подписали от граждан: Галкина, Иванова, Семенова, Михайловская, Асташова, Мамонова, Лавецкая и др.

Из протокола опроса И.О. Романенки, жителя гор. Жлобина Гомельской обл.^[52]

Не ранее 19 марта 1944 г.

11 марта 1944 г., в субботу, к нам, в гор. Жлобин, на автомашинах прибыло очень много немецких войск; они прибыли со стороны Бобруйска. Среди них были жандармские части и части СС. Они разгружались в центре города на главной улице. Войск было много. Моя жена лично видела, как прибыла партия около 15 автомашин.

В ночь с 11 на 12 марта я с семьей находился в здании комендатуры. Примерно в 3 часа ночи в комнату, где были собраны жители, зашли жандарм и переводчик. Они приказали нам приготовиться, так как все население города эвакуируется в гор. Бобруйск.

Одновременно с этим мы слышали передачу по радио. Диктор говорил, что все жители города якобы для спасения от артиллерийского и минометного обстрела Красной Армии будут направлены в глубокий тыл. Жителям предлагалось захватить с собой все свои вещи и слушаться немецких солдат. Все, кто попытается убежать, будут расстреляны.

После радиопередачи всех жителей города жандармы погнали вдоль Первомайской ул., через полотно железной дороги, в район железнодорожной школы. Здание школы и большая площадь вокруг нее были оцеплены колючей проволокой, то есть создано подобие лагеря. Этот лагерь охранялся усиленным конвоем солдат войск СС и жандармов. Часам к 8 утра этот лагерь уже был битком набит жителями города...

Вскоре нас стали выводить из лагеря на площадь, где стояли эшелоны. У выхода из лагеря солдаты войск СС проверяли всех и отгоняли в сторону все трудоспособное население: мужчин, женщин и детей с 14-летнего возраста.

При этом солдаты безжалостно разлучали семьи. Я сам видел, как солдат отозвал в сторону одну молодую женщину, которая несла на руках 2-летнего ребенка. Он отделил эту женщину в группу трудоспособных, а ребенка, вырвав из ее рук, бросил в грязь.

Таких случаев было много. Над лагерем стоял сплошной стон и плач.

Жителей, которых пропускали на погрузочные площадки, сейчас же грузили в товарные вагоны по 50—80 чел. в каждый. Перед погрузкой солдаты отбирали у жителей лошадей, другой скот и повозки. Остальное разрешали грузить в вагоны. После погрузки немцы закрывали двери вагонов и закручивали их проволокой. Эшело-

ны были примерно по 60 вагонов каждый. Первый нагруженный эшелон отправился часов в 10 утра.

Меня отправили первым эшелонам. Мы прибыли на стн. Рудобелка в тот же день вечером. Там нас всех выгрузили из вагонов. При выгрузке жандармы приказывали все лишние вещи оставить в вагонах и взять с собой только то, что можно донести. Кто пытался взять все вещи, того солдаты избивали палками. Большая часть солдат и жандармов была пьяна. Отсюда нас пешком погнали в лагерь, расположенный примерно в 3 км от станции. По дороге конвой вел беспорядочную стрельбу, отстающих пристреливали, а в большинстве случаев избивали дубинками. В лагерь нас пригнали ночью.

Из протокола опроса Л.Л. Быковой, жительницы гор. Жлобина Гомельской обл.^[53]

Не ранее 19 марта 1944 г.

Мне 15 лет, и я хочу всем рассказать о том, как немцы превратили меня из здоровой девушки в больную и изувеченную.

Жила я с матерью и сестрой на Церковной ул. в гор. Жлобине. С Церковной ул. немцы переселили нас на ул. Поплавскую, затем всю Поплавскую ул. выселили, а дома сожгли... С улицы на улицу, из дома в дом нас перегоняли более 6 раз. 12 марта 1944 г., в 3 часа ночи, мы услышали сильный стук в окно; на вопрос матери: «Кто стучит и что нужно?» — послышался ответ на немецком языке, и разобрать можно было только отдельные русские слова «поехал» и «эвакуировать»... Всех согнали к немецкой комендатуре на стн. Жлобин. Больных, которые не могли самостоятельно передвигаться, грузили в машины и везли к вагонам, остальных гнали пешком. Потом всех людей, без разбора больных и здоровых, заталкивали до отказа в вагоны... Люди в вагонах лежали друг на друге, невозможно было пошевелиться, стоял сплошной стон и крик. Немцы закрыли дверь вагона и закрутили проволокой. В вагоне стояла неимоверная вонь, трудно было дышать... Так мы ехали более 12 часов. Выгрузили нас на стн. Рудобелка и ночью по колено в грязи нас повели. На вопросы: «Куда нас ведут?» — немцы-конвоиры отвечали, что ведут в деревню для размещения в теплых квартирах и что деревня находится всего в 1 км. Но мы прошли несколько километров, и нас завели в огороженное колючей проволокой место, которое находилось за с. Рудобелка. Это место представляет собой болото, по которому невозможно передвигаться. По дороге от станции в лагерь я видела много валявшихся трупов. Я слышала выстрелы и поняла, что людей по дороге расстреливали. Больная моя сестра совсем не могла двигаться, и немцы уже в лагере добились ее.

В этом болоте мы простояли 2 суток. Меня одолевала жажда, и я, так же как и другие, пила болотную воду, в которой стояла ногами.

Немцы привозили хлеб, но не раздавали его, а, как собакам, бросали через проволоку, и кто был в состоянии, набрасывался на хлеб.

Потом нас повезли во второй лагерь. Побывали мы там 1 ночь, и затем нас пешком погнали в лагерь около Озаричей. Лагерь этот находился в лесу и был огорожен проволокой. 2 суток мы находились под открытым небом. Шел снег и был сильный ветер. Я своими глазами видела, как взрослые и дети умирали от голода и холода. Весь лагерь был усеян трупами людей. Я обессилела и легла на снег. Мать накрыла меня простыней, предохраняя от ветра. Мимо прошел немец; я слышала, как он засмеялся и сказал: «собачья хата».

Ноги и руки мои опухли, я настолько ослабла, что не могла двигаться, и чувствовала, что меня оставляют силы, и хотела только одного: скорее умереть. У меня уже не было больше сил выносить эти муки.

На третий день пришли бойцы Красной Армии. Я плакала от радости, я знала, что теперь я спасена. Нас освободили из лагерей и оказали нам всем и мне, в частности, помощь. Нас приютили и накормили, и сейчас я чувствую себя гораздо лучше. Меня осматривал врач и сказал, что меня отправят в госпиталь и будут лечить. Немцы меня искалечили, но я знаю, что теперь меня не оставят, окажут помощь, и я снова буду здоровой...

Подпись

Из протокола опроса Ю.П. Барабановой, жительницы гор. Жлобина Гомельской обл.^[54]

Не ранее 19 марта 1944 г.

В лагерь у мест. Озаричи немцы очень много привозили больных тифом. Подъезжали на автомашинах к проволоке и сбрасывали их на снег на территорию лагеря. Я сама видела, как немцы привезли 6 машин с сыпнотифозными, в которых было более 100 чел. больных.

Многие из них, находясь в бессознательном состоянии, оставались лежать на снегу, и утром следующего дня я видела, что человек 50—55 уже были мертвыми, а остальные расплозились по лагерю и умирали в последующие дни.

Многие из этих привезенных больных сыпным тифом были раздеты и разуты (женщины в платьях, старики в легких пиджаках). Особенно мне запечатлелась женщина в возрасте примерно 40 лет. На ней было лишь черное платье, ноги босые, голова не покрыта. По тому, что волосы у нее были острижены под машинку, я полагаю, что она была взята из больницы. Эта женщина двигалась, пытаясь согреться, но утром я видела ее уже мертвой.

С этими сыпнотифозными были привезены 3 девочки в возрасте 3—5 лет и тоже раздетыми были брошены на снег, где они часа через 4—5 умерли, вернее, заморзлись. Родителей около них не было. Я пыталась с ними говорить, но они ничего не отвечали, а лишь плакали. Дети, как я определила, были здоровые, но спасти их не было возможности, так как ни одежды, ни жилья мы в лагере не имели.

Кроме этих, в лагерь привозили больных сыпным тифом и из ближайших сел Полесской обл. Сыпнотифоз-

ными наводнили весь лагерь, они лежали всюду, и многие умирали.

Подпись

Из протокола опроса Н.К. Журавлевой, жительницы дер. Слапище Рогачевского района Гомельской обл.^[55]

Не ранее 19 марта 1944 г.

...Ввиду того, что лагерь у мест. Озаричи, куда нас привезли, был полон народа, мне пришлось поместиться рядом с воротами. Прожила я в этом лагере 3 дня, после чего мы были освобождены Красной Армией.

Среди содержавшихся в лагере было очень много больных. Много больных привозилось, но некоторые заболели и в лагере. Среди больных большинство были тифознобольные. С тифознобольными немцы обращались исключительно варварски. Находясь около ворот, я наблюдала, как приходили машины с тифознобольными, которых выгружали, складывали в кучу друг на друга. Всего я видела 2 полные автомашины и 1 заполненную больными наполовину. Часть больных вышла из машин самостоятельно. Каждая машина вмещала до 40 чел., возможно, и больше. Всего тогда скинули свыше 100 больных. Их складывали прямо на большак, а нас заставляли перетаскивать их в лагерь. Женщины, увидя такую машину, сами бежали к ней и разгружали, так как из 100 чел. не менее 60 чел. было детей в возрасте от 1 до 5 лет. Взрослых молодых почти не было. Были старики и дети. В результате издевательского отношения из 100 чел. больных, скинутых из автомашин, не менее 40 чел. тут же умерли, а некоторые умерли позднее. Большинство из умерших были старики. Дети выживали. На одной из машин привезли больную девушку, на вид лет 17—18. Она была совершенно голая и очень больная, так что даже не отвечала на наши вопросы. Девушка 2 суток лежала на снегу голой, если не считать жалких лохмотьев, которые ей дали женщины. Через 2 суток она умерла. Смертность в лагере была большая. Я видела много трупов детей и стариков. Родные хоронили умерших здесь же на болоте. Одна из женщин считала могилы и насчитала 61 могилу.

Подпись

СООБЩЕНИЕ ВИННИЦКОГО ОБЛАСТНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ О ЗЛОДЕЯНИЯХ ОККУПАНТОВ ПО 24 РАЙОНАМ ОБЛАСТИ

*гор. Винница
12 мая 1944 г.*

Облстатуправление сообщает, что только по 24 районам области немецко-фашистскими захватчиками замучено, расстреляно и уничтожено населения 101 139 человек, угнано в Германию на каторгу 64 076 человек, в том числе по гор. Виннице замучено, расстреляно и уничтожено 41 620 человек, угнано в немецкую каторгу 13 400 человек.

Кроме того, в гор. Виннице уничтожено: театр Муз-драмы на 1 087 мест, кинотеатр «КИМ», центральная библиотека (книжный фонд разграблен). Разрушено 6 детсадов, 3 дет.ясель, 16 школ, 3 техникума.

Из 12 больниц, роддомов и других врачебных стационаров уничтожено 7. Уничтожены коммунальные предприятия: баня, трамвай, водопровод, канализация, одна из лучших гостиниц — гостиница «Савой».

Из 6 002 жилых домов разрушено 1 881.

Начальник статуправления

Госархив Винницкой обл. ф.Р-2355, оп.4, д.375, л.5

СПРАВКА ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ ПО УЧЕТУ УЩЕРБА ПРИЧИНЕННОГО НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ И ИХ СООБЩНИКАМИ ГРАЖДНАМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ НИКОЛАЕВСКОЙ ОБЛАСТИ^[56]

Николаевская областная комиссия представила в Чрезвычайную Государственную комиссию 47 610 актов на сумму 15 247 515 тыс. рублей, в том числе 969 актов, поступило от колхозов, на сумму 12 299 658 тыс. руб, 586 актов от учреждений культуры, искусства и религиозного культа на 144 966 тыс. рублей, 325 актов от государственных предприятий на 297 904 тыс. руб., 45 730 актов об ущербе, причинном гражданам, на сумму 2 504 981 тыс. рублей.

Ущерб по отраслям хозяйства характеризуется следующими данными:

1. Коммунальное хозяйство, 35 актов, на сумму 116 370.0 тыс. руб.
2. Местная промышленность, 16 -"- , -"- 9 172.0 -"-
3. Пищевая промышленность, 13 -"- , -"- 14 938.7 -"-
4. Промышленность строительных материалов, 2 акта, -"- 804.0 -"-
5. Дорожное хозяйство, 17 актов, -"- 27 103.0 -"-
6. Отдел социального обеспечения, 10 -"- , -"- 767.0 -"-

7. Торговля, 6 -"-,-"- 32 192.7 -"-
8. Обллегпром, 4 акта, -"- 5 866.0 -"-
9. Земельный отдел, 28 актов, -"- 57 951.0 -"-
10. Издательство и полиграфия, 13 -"-,-"- 3 443.0 -"-
11. Хозяйство исполкомов и т.д., 172 акта, -"- 18 477.0 -"-
12. Облтоп, 1 акт, -"- 298.0 -"-
13. Облстротрест, 4 акта, -"- 2 482.0 -"-
14. Обллеспром, 4 -"-,-"- 8 039.7 -"-

Итого: 325 актов, на сумму 297 904.0 тыс. руб.

1. Отдел здравоохранения, 118 актов, на сумму 27 191.1 тыс. руб.
2. Отдел народного образования, 457 -"-,-"- 103 599.5 -"-
3. Управление по делам искусств, 9 -"-,-"- 9 770.2 -"-
4. Управление кинофикации, 1 акт, -"- 4 344.3 -"-
5. Учреждения религиозного культа, 1 -"-,-"- 61.6 -"-

Итого: 586 актов, на сумму 144 966.7 тыс. руб.

Ущерб причиненный колхозам, 969 актов, на сумму 12 299 658.0 тыс. руб.

Ущерб причиненный гражданам, 45 730 -"-,-"- 2 504 986.0

Всего: 47 610 актов, на сумму 15 247 515.0

Областной Комиссией установлено, что немецко-фашистские захватчики и их сообщники уничтожили и разрушили в колхозах 9 058 строений, из них 1 160 жилых домов, объемом 335 568 куб. метров, 391 промышленно-производственных зданий, — электростанций, 4 928 животноводческих построек, 712 складов и зернохранилищ, 413 клубов и красных уголков, 257 детских учреждений, 1 197 прочих зданий хозяйственного назначения, уничтожили и разграбили 147 870 голов крупного рогатого скота, 106 822 лошади, 301 304 голов овец и коз, 157 871 свиней, 1 (*вписано от руки*) - верблюда, 769 392 голов птицы, 20 458 пчелосемей, 141 143 тонн зерна, 18 443 тонн картофеля, 10 858 овощей, 5 245 тонн прочих продуктов питания, уничтожили 708 400 га посевов зерновых культур, 18 430 (*исправлено от руки*) гектаров посевов картофеля, 8 438 га (*вписано от руки*) многолетних насаждений.

Немецко-фашистские оккупанты разрушили и сожгли 1 827 строений, принадлежавших государственным предприятиям и учреждениям, в том числе 896 жилых зданий объемом — 268 800 куб. метров, 6 электростанций, 324 промышленно-производственных зданий, 1 музей, 19 зданий больниц, поликлиник и амбулаторий, 146 школ, 39 клубов, театров, красных уголков, 9 детских учреждений, 1 библиотека, — складов, — животноводческих построек, — прочих строений хозяйственного назначения, отобрали и уничтожили 1 485 голов крупного рогатого скота, 946 свиней, 352 голов овец и коз, 999 лошадей, 594 голов птицы, 2 пчелосемей, 152 тонн зерна, 13 тонн картофеля, — тонн овощей.

Они уничтожили и вывезли в Германию 6 паровых котлов, — паровых машин, 2 локомотива, 21 дизель, — двигателей, 462 электромоторов, 136 металлорежущих станков, 53 деревообрабатывающих, 22 ткацких станка, 76 автомашин, 1 трактор, 40 сельскохозяйственных машин, 545 единиц разного сельскохозяйственного инвентаря.

Немецко-фашистские захватчики разрушили в гор. Николаеве лучшие здания — здание судостроительных заводов им. А. Марти и 61 коммунара — союзного подчинения, Областной Драмтеатр, здания 2-х кинотеатров, здание Облисполкома, Дом Красной Армии.

Большой ущерб причинили немецко-фашистские захватчики личному имуществу советских граждан, они уничтожили и разрушили 4 840 жилых домов, объемом 1 308 619 куб. метров, 2 997 надворных построек, отобрали 51 168 коров, 40 763 голов крупного рогатого скота (включая и молодняк), 26 661 свиней, 26 502 голов овец и коз, 2 985 лошадей, 861 457 голов птицы, 6 787 пчелосемей, 201 513 центнеров зерна, 153 062 центнеров картофеля, 26 582 центнера муки, — центнера овощей, уничтожили 71 962 деревьев многолетних насаждений.

Немецко-фашистские захватчики в Николаевской области убили и замучили 74 662 человек мирных граждан, 30 699 военнопленных, 25 884 советских граждан угнали в немецкое рабство.

Представленные акты Николаевской Областной Комиссией составлены в соответствии с инструкциями, одобренными, СНК СССР и могут быть приняты Чрезвычайной Государственной Комиссией к учету ущерба в сумме 15 247 515.0 тыс. рублей.

Ответственный секретарь областной комиссии Шиптенко

Приводится по фотокопии документа на сайте <http://history.mk.ua/?p=1193>

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ КОМИССИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ О РАЗГРАБЛЕНИИ И РАЗРУШЕНИИ УНИВЕРСИТЕТА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В 1941—1944 гг.

Не ранее 3 июля 1944 г. ^[65]

Белорусский государственный университет основан по декрету Ленина 11 июля 1921 г., в день первой годовщины освобождения Советской Белоруссии от белополяков.

С 1930 г. университет помещался в 4 специально выстроенных для него учебных корпусах, находившихся в Университетском городке. К моменту прихода немцев в Минск университетские корпуса были в полном порядке, [они] не пострадали от первой бомбардировки. Университет готовился отпраздновать свою 20-ю годовщину.

Белорусский государственный университет имел 6 факультетов: физико-математический, химический, биологический, географический, исторический, филологический.

В университете обучалось около 2 тыс. студентов. За 20 лет своего существования университет подготовил свыше 6 тыс. высококвалифицированных научных работников и преподавателей. Многие из них теперь являются профессорами, доцентами, ассистентами.

Профессорско-преподавательский персонал университета состоял из 150 чел., из них 17 профессоров и 9 докторов наук.

Учебные дисциплины разделены на 31 кафедру. За время своего существования университет выделил из себя 5 самостоятельных институтов: медицинский, педагогический, политехнический, народного хозяйства и юридический.

Белорусский государственный университет на протяжении всего своего существования был окружен заботой и любовью правительства и общественных организаций. Для оборудования его предоставлялось все, что вырабатывалось в Советском Союзе и, кроме того, ежегодно пополнялось оборудованием заграничными приборами, аппаратами, установками, литературой и т.д.

По свидетельству заграничных ученых, посетивших Белорусский университет в 1940 г., научное и учебное оборудование университета находилось на уровне лучших заграничных университетов. Это же подтвердили и некоторые немецкие ученые в начале войны. При университете были 3 богатых музея: зоологический, геолого-минералогический, историко-археологический; огромная библиотека и т.п. Кроме учебных корпусов, университет располагал 7 общежитиями для студентов и профессорско-преподавательского состава. Только по приблизительному подсчету все это оценивается в 79 090 тыс. руб.

Где же теперь все эти наши сокровища? Лежат во прахе по милости немецкого командования или увезены его солдатами к себе в фатерланд.

Университетский городок занят был немцами 29 июня 1941 г. В биологическом корпусе помещался сначала штаб армии, а потом — комиссар города и области Кайзер. Медицинский корпус и старый [корпус] Института народного хозяйства после [ухода] военных прочно заняли гестапо, СД и прочие, а физмат — железнодорожная связь.

После ухода из города военных частей (лето 1941 г.) в университете можно было наблюдать картину полного разгрома. Все валялось на полу в истоптанном, в изуродованном состоянии, загаженным, разбитым, разорванным. Но ценного здесь ничего уже не было. Лучшие аппараты и приборы изломаны или увезены целиком, сотни микроскопов (заграничных) из всех корпусов исчезли или валялись одни штативы от них, без оптических частей.

В кабинетах профессоров кроме общего разгрома наблюдалась картина дикого вандализма и мерзости вандалов XX века. В ящиках письменных столов, где хранились часто ученые труды, было нагажено и прикрито химикалиями из разбитых банок или какими-либо документами.

Что это не случайный разгул одной какой-либо пьяной части, доказывает то, что подобная же картина наблюдалась в противоположном конце города, за 7 км, в Академии наук, в политехническом институте, мединституте и т.д. Это — преднамеренное уничтожение и осквернение культурных ценностей захваченной страны. Это — результат специального «воспитания» и подготовки. В это же время в печати усиленно распространялась речь Геббельса об «интеллигентности и одаренности немецкой нации».

С приходом гражданских [оккупационных] властей (сентябрь 1941 г.) из биологического корпуса кое-какие остатки оборудования были переброшены в химкорпус. Сюда же были свалены остатки оборудования из медицинского корпуса и Института народного хозяйства (старый корпус), здания которого заняло гестапо. Химический корпус в это время представлял собою свалку Университетского городка. Таким он оставался с ноября 1941 г. до весны 1942 г., когда он вместе с биологическим корпусом понадобился под лазареты. В 3 дня приказано было очистить его. Но так как взамен помещения не было предоставлено, то мебель, химические столы, шкафы свалили во дворе, под открытым небом, [обувной] фабрики, откуда они через некоторое время совсем исчезли (по-видимому, сожжены солдатами, так как двор был под охраной военных и растащить их не могли). Оборудование и химикаты возили в подвал политехнического института, а оттуда — на Витебскую ул. Последнее приращение имущества Университетского городка при немцах нашло в деревянном сарае на Витебской ул. в виде груды лома и хлама... Библиотека заочного сектора была выброшена из физмата прямо на свалку вместе с приборами и была подобрана случайно проходившими или проезжавшими лицами. Университетская библиотека и другие уцелевшие библиотеки города разгромлены под руководством доктора Рихеля из Франкфурта-на-Майне, директора Кенигсбергской библиотеки.

Таково было отношение немцев к нашим культурным ценностям на том небольшом участке, который был доступен для нашего наблюдения...

Оценка стоимости уничтоженных немцами зданий и оборудования БГУ:

1. 4 учебных корпуса — 28 млн. руб.;
2. Газовый завод — 350 тыс. руб.;
3. 7 зданий общежитий — 12 млн. руб.;
4. Оборудование учебных корпусов — 10 млн. руб.;

5. Библиотеки (научная и учебная) — 3,5 млн. руб.;
 6. Иностранная литература — 0,24 млн. руб. (валютой).;
 7. Научное и учебное оборудование — 15 млн. руб. (валютой).;
 8. Химикалии и материалы складов — 2,5 млн. руб. (из них 1,5 млн. валютой);
 9. Музеи (зоологический, геолого-минералогический, историко-археологический) и оранжерея — 3 млн. руб.;
 10. Оборудование и постельные принадлежности общежитий — 4,5 млн. руб.
- Итого: 79 млн. 90 тыс. руб., из них валютой — 16 млн. 740 тыс. руб*

[Из свидетельских показаний комиссии]:

По физико-математическому факультету (Сиротин Д.)

«Мне, как воспитаннику и долголетнему сотруднику физико-математического факультета Белгосуниверситета, хотелось бы рассказать комиссии о судьбе имущества этого факультета и некоторых его работниках в период 3-летнего хозяйничания фашистских «культур-трегеров». Нижеизложенные факты происходили перед моими глазами.

До начала Отечественной войны факультет имел целый ряд богато оборудованных лабораторий и кабинетов по различным разделам физики, математики, механики, астрономии и обслуживался штатом высококвалифицированных сотрудников — профессоров, доцентов, ассистентов, преподавателей и лаборантов — общим числом свыше 35 чел. Оборудование лабораторий в равной степени использовалось и для обычного практикума и для научно-исследовательских работ.

Систематические конференции педагогов-математиков и физиков, созываемые в стенах факультета, его ведущая роль создали ему популярность во всей Белоруссии.

После прихода немецких оккупантов, усилиями целого ряда научных работников (... [66], Зубковича и др.) удалось организовать из оставшегося коллектива сотрудников БГУ группу, в задачу которой входило сохранение учебного и лабораторного имущества университета.

От бомбардировок Минска здание физмата не пострадало. По приходе немецких войск в здании были расквартированы последовательно 2 воинские части.

Летом 1941 г., когда мы получили возможность проникнуть на физмат, нашим глазам представилась не поддающаяся описанию картина хаоса и разрушения. Полы, усеянные осколками стекла, книгами, обломками различных приборов, пленками учебных кинофильмов, документами и т.д. Всюду следы пьяной оргии: бутылки из-под вина, консервные банки, окурки, в ящиках столов человеческие экскременты. При ближайшем осмотре бросилось в глаза исчезновение оптики, в частности, у таких ценнейших приборов как оптическая скамья, спектроскопы, микроскопы, телескопы, подсобный инструмент (ценой около 3 тыс. руб. золотом). Фотоаппараты исчезли или поломаны. Электроизмерительные приборы варварски и бесцельно приведены в негодность.

При физмате существовали установки машины Линде (для добывания жидкого воздуха) и рентгеновская. Обе эти установки, на которые было потрачено так много сил и средств, выведены из строя. Механическая мастерская с первоклассным оборудованием разгромлена. От станков остались лишь станины. Более мелкий инструмент исчез.

Среди груды фактического хлама еще можно было отыскать и привести в рабочее состояние некоторые приборы, главным образом измерительные. Оптика пропала безвозвратно. Но и над этими жалкими остатками приходилось ежеминутно дрожать, так как в корпус вереницами вваливались «хозяева» и самым бесцеремонным образом забирали себе тот или иной прибор, даже не выдавая ни к чему не обязывающей расписки. Настала осень, начались дожди. Окна выбиты, помещение не отапливалось, приборы портились.

К концу 1941 г. одна часть оборудования осталась в помещении физмата, другая, более ценная, и мебель переданы в Климоинститут, где в большинстве своем работали сотрудники физмата. Первая часть, в том числе и несколько тысяч экземпляров учебной литературы заочного сектора, была попросту выброшена при занятии помещения [немецкими] железнодорожниками. Вторая часть по распоряжению шефа института в мае этого года в 2 приема была сдана немецкому предприятию по сбору цветных металлов.

Так погибло имущество физмата, кропотливо и с любовью копившееся в течение 20 лет, лаборатории, в которых были воспитаны многочисленные кадры педагогов и научных работников...»

По химическому корпусу (Морковко И.П.)

«В химическом корпусе до начала войны были размещены 2 факультета БГУ — химический и географический, а также Институт санитарии Наркомздрава БССР. Корпус к приходу немцев оставался в полном порядке, подготовленным к празднованию 20-летнего юбилея БГУ.

В корпусе накоплены были значительные богатства и ценности, например: спектрограф ценой в 10 тыс. руб. золотом; 2 ультрамикроскопа, спектроскоп, микроскопы, различного рода ценные электроприборы, 2 эпидиоскопа, весовое хозяйство, состоящее из 60 аналитических весов и массы технических, коллоидная мельница, специальное оборудование для научной работы и т.д.; химический склад с большим запасом стекла, стеклянных изделий, реактивов и различного рода материалов; большой минералогический музей; богатые кабинеты по географии; ценнейшее оборудование. Санинститут (корпус) оборудован был газопроводом от своего газового за-

вода, водопроводом, электропроводкой, прекрасной кабинетной, учебной и химической мебелью...

Доступ в корпус [сотрудники] получили лишь к 1 августа 1941 г. К этому времени под влиянием «новой Европы» наши, построенные «дикарями», лаборатории, кабинеты, аудитории превратились в сплошной хаос и представляли картину кабака низшего пошиба, в котором справляли оргии банды разбойников. Бутылки из-под вина, водки валялись везде; обедки, окурки украшали подоконники; столы, стулья разбросаны; диваны оборваны; книги, записи, приборы разобраны, порваны, поломаны, загажены; стекла побиты; ящики в столах, углы в лабораториях, бутылки превращены в уборные...

Собравшимися научными работниками и сотрудниками БГУ, добившимися доступа в корпус, была произведена чистка здания и приведено в порядок имущество. При этой работе бросилось в глаза прежде всего то, что оптики всей без исключения не оказалось на месте — [она] исчезла бесследно. Исчезли также и запасы спирта этилового и заодно метилового (поэтому среди немецких солдат, по данным работников больницы, были отравления спиртом)...

Начался форменный грабеж корпуса немцами. Прежде всего представитель фельдкомендатуры №184 майор фон Тихерер взялся за вскрытие нескороаемых шкафов, причем первый шкаф химического факультета в деканате вскрывался в течение суток уголовником, вызванным из тюрьмы. Вскрытие происходило в присутствии профессора Осипенко и доцента Морковко. Вскрыв и обнаружив в нем платину и кварцевую посуду, майор фон Тихерер вынужден был дать расписку в том, что изъятый драгоценный металл и посуда будут отправлены в Берлинский университет.

Дальнейшее вскрытие производилось в отсутствие работников университета, которым было запрещено появляться в корпусе в течение недели. За это время майор Тихерер успел вывезти несколько полностью нагруженных машин из химкорпуса. Через неделю доступ в корпус вновь был разрешен. Оказалось, что все нескороаемые шкафы были вскрыты. Содержимое их частью исчезло, частью разбросано, документы порваны...

Из химкорпуса [оккупантами] вывезено: шкафов разных — 220 шт., столов (кроме химических) — 260, стульев — 1 060, табуретов — 400, вешалок — 15, диванов — 15...

Разгром немцами географического факультета БГУ

Географический факультет помещался в химкорпусе БГУ. Указанный корпус был сожжен немцами при отступлении из Минска. В первые дни после занятия корпуса немцами самое ценное имущество, как-то: микроскопы, геофизические приборы, атласы, карты и специальная географическая литература были забраны на Минскую картографическую фабрику. После эвакуации картографической фабрики из Минска, за несколько месяцев до ухода немцев из Минска, ими же было увезено указанное имущество. Фотолаборатория, геологический музей и остальное имущество разграблено было немцами при организации управления гебитскомиссара в биологическом корпусе БГУ.

Разгром производился под непосредственным руководством гебитскомиссара доктора Кайзера. На нашу просьбу не портить оборудования немцы отвечали ехидно и издевательски, что вообще русским больше не придется учиться в университете. Часть ценной литературы отдельных кабинетов кафедры была увезена также в Германию вместе с увозом литературы из библиотек».

Председатель комиссии профессор

М. Макушок

Члены комиссии:

ассистент кафедры математики БГУ Д. Сиротин,

доцент, кандидат географических наук Жилин,

доцент химфака И. Морковко,

библиотекарь А. Смольская,

старший преподаватель А. Марчик

ЦГАОР СССР, ф.7021, оп.87, д.125, л.23—41. Подлинник, рукопись.

АКТ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И ЗВЕРСТВАХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ В м. ИЛОКЯЙ МОЖЕЙКЯЙСКОГО УЕЗДА ЛИТОВСКОЙ ССР

18–19 октября 1944 г.

м. Илокяй Литовской ССР

Мы, нижеподписавшиеся военный прокурор, военный следователь в/ч 39887 гв[ардии] майор юстиции Зубров Константин Федорович, гв[ардии] майор юстиции Зарецер Михаил Абрамович, начальник отдела контрразведки в/ч 66818 Белянин Василий Иванович, инструктор политотдела в/ч 34433 майор Заиченко Данил Данилович, прокурор Можейкяйского уезда Горвянис Петрас, инструктор Можейкяйского укома КП(б)Л Дванренас Иозас, председатель поселкового совета м. Илокяй Казлоускас Казис, настоятель католического костела м. Илокяй Ксендз Дикавичус Витаутас, доктор м. Илокяй Лялис, Каречко Антонас, составили настоящий акт в нижеследующем:

С приходом немецко-фашистских захватчиков в м. Илокяй немцы сразу начали производить массовые рас-

правы над советскими гражданами, с этой целью они произвели массовые облавы, вылавливая при этом коммунистов, комсомольцев, советских активистов и евреев.

Путем опроса очевидцев расстрелов установлено, что расстрелы производились на еврейском кладбище, что юго-западнее м. Илокяй.

Осмотром места происшествия найдены три могилы, которые были комиссией вскрыты.

1-я могила — размером 15 м на 5 м. На глубине 1 м 85 см обнаружены беспорядочно сваленные мужские, детские и женские трупы в 4 яруса в количестве около 300. В подавляющем большинстве на трупах отсутствует обувь, некоторые трупы раздеты.

2-я могила — 10 м на 5 м, на глубине 1 м 75 см обнаружены беспорядочно сваленные мужские, детские и женские трупы. Обувь в подавляющем большинстве отсутствует, с некоторых снята одежда. Всего во второй могиле обнаружено до 100 трупов.

3-я могила — 4 м на 3 м, на глубине 75 см обнаружены 3 мужские трупа.

Всего, таким образом, в могилах обнаружено до 475 трупов.

Судебно-медицинской экспертизой было осмотрено 47 трупов, из них: 33 мужских, 9 женских и 5 детских. Судебно-медицинской экспертизой установлено, что все трупы имеют огнестрельные ранения в область верхней части туловища, многие трупы имеют по несколько ранений, что свидетельствует, что расстрел производился из стрелкового и автоматного^[67] оружия.

Основными виновниками массовых убийств и издевательств над советскими гражданами в м. Илокяй являются: немецко-фашистское командование, администратор Прибалтики Лозе, комиссар гражданской администрации Литвы князь фон Рентейльн, гебитскомиссар Шауляйского округа Гевекке, комендант м. Илокяй Хорс и немецко-фашистские пособники — непосредственные исполнители расстрелов, истязаний и издевательств над советскими гражданами: начальники немецко-фашистского националистического отряда Венкускас Казис, Петраускас Франциск, старший следователь Лукашевичус Стасис, члены отряда: Гляубертас Микас, Таурилас Казис, Янчаускас, Винчас, Грибаускас Антнас, Стрикайтес Болис, Вейтас Римвилда и другие.

Все они должны понести суровую кару за свои злодеяния, кровавые преступления.

О чем и составлен настоящий акт.

Военный прокурор в/ч 39887

*гв[ардии] майор юстиции **ЗУБРОВ***

*Военный следователь **ЗАРЕЦЕР***

Начальник отдела контрразведки в/ч 66818

*майор **БЕЛЯНИН***

*Инструктор политотдела в/ч 34433 майор **ЗАИЧЕНКО***

*Прокурор Можейкяйского уезда **ГОРВЯНИС***

*Представитель поссовета м. Илокяй **КАЗЛАУСКАС***

*Ксендз **ДИКОВИЧУС***

*Доктор **ЛЯЛИС***

КАРЕЧКО

ГА РФ. ф.7021, оп.94, д.423, л.27 (с об.). Заверенная копия. Машинопись.

Протокол допроса свидетеля Калошиса А.Ю.

11 октября 1944 г.

м. Илокяй Литовской ССР

Военный следователь военной прокуратуры воинской части полевая почта 28159 майор юстиции Автух допросил в качестве свидетеля нижепоименованного, который, будучи предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР^[68], показал:

Калошис Андрей Юрьевич, 1892 г.р., уроженец Ковенской губернии, м. Илокяй, по национальности латыш, образование 2 класса, из крестьян, по профессии портной, живет из своего труда как кустарь-одиночка, женат, семья из 3-х человек.

По существу заданных вопросов пояснил следующее:

После того, как началась война с Германией и была оккупирована территория Илокяйской волости, это было числа 25 или 26 июня 1941 г., местная полиция, по приказанию немецких военных властей, были согнаны все жители евреи [согнала всех жителей евреев] м. Илокяй в еврейскую синагогу, мужчины-евреи были забраны раньше и содержались под вооруженной охраной в синагоге около 12 дней. В начале июля все мужчины евреи под конвоем группами сопровождалась в район еврейского кладбища, где производился расстрел. Мужчин расстреливали днем. После расстрела мужчин были собраны также в еврейскую синагогу женщины и дети евреи м. Илокяй, и ночью к началу рассвета их стали под вооруженной охраной по группам сопровождать на место расстрела, т.е. туда, где были согнаны и расстреляны мужчины. Мой дом находится недалеко от места расстрела, так что я сам лично слышал стрельбу из автоматического оружия и винтовок. Когда кончился расстрел, я спросил в [...] одного немецкого офицера «Можно ли сходить посмотреть расстрелянных?» Он ответил мне, что можно. Тогда я пошел на место расстрела. Здесь я увидел, что расстрелянные лежали в двух кучах трупов. Некоторые лежали по одиночке, отдельно недалеко от двух груд расстрелянных. Мужчины-евреи были расстреляны и лежали трупы отдельно от трупов женщин. В это время, когда я подходил к месту расстрела, некоторые были

еще живые, шевелились и присутствовавшие еще в то время там два человека полицейские, неизвестные мне по фамилии, ходили кругом груды расстрелянных и выстрелами из винтовок пристреливали насмерть.

Расстреливали в голову, грудь и участки тела. Всего было расстреляно больше 300 мужчин, женщин и детей всех возрастов. Все евреи, которые находились в местечке, были расстреляны поголовно. Среди евреев мне известны следующие лица: семья [неразборчиво] Мендель состояла из 4-х человек все расстреляны, из них было 2-е детей возрастом до 13-ти лет, семья Берш[...]на состояла из 8 человек, все расстреляны, семья Ау[...]киса состояла из двух человек – расстреляны.

Из числа расстрелянных также были и раввины, [...] был расстрелян врач-еврей, по фамилии не помню. Имущество расстрелянных жителей евреев было разграблено полицией и частью другими лицами. Мне известно, что при расстреле евреев присутствовали немцы и полицейские, по фамилиям их я назвать не могу, так как не знаю. Больше пояснить по существу ничего не имею.

Записано с моих слов верно и мне прочитано.

А. КАЛОШИС

Военный следователь ВП в/ч 28159

майор юстиции **АВТУХ**

ГА РФ. ф.7021, оп.94, д.423, л.32–33. Подлинник. Рукопись.

Протокол допроса свидетеля Малукаса И.Ф.

11 октября 1944 г.

м. Илокяй Литовской ССР

Военный следователь военной прокуратуры воинской части полевая почта 28159 майор юстиции Автух допросил в качестве свидетеля нижепоименованного, который, будучи предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР, показал:

Малукас Иосиф Францевич, 1898 г.р., уроженец дер. Маргенека Илокяйской волости, житель м. Илокяй, по национальности литовец, малограмотный, из крестьян, имеет земли 5 га, женат, имеет 3-х детей, б/н.

По существу заданных мне вопросов поясняю:

До начала войны с Германией я работал в м. Илокяй в качестве члена волостного совета депутатов трудящихся. Когда немецкие войска оккупировали территорию Илокяйской волости, меня арестовал Пашкевич по приказу капитана литовской армии Пятраускаса — последний возглавлял полицейский участок в м. Илокяй. Сам Пашкевич работал при литовской церкви в м. Илокяй, а при оккупации немцами стал сотрудником полиции. До дня освобождения м. Илокяй Красной Армией Пашкевич проживал в местечке, где он сейчас, не знаю. Под арестом я пробыл пять дней, впоследствии был отпущен домой под запретом ходить по улице. Вместе со мной были арестованы и др[угие] граждане местечка. Часть из них были вывезены в другие тюрьмы, а часть были расстреляны.

Когда происходил расстрел мирных жителей евреев м. Илокяй, я в то время находился под арестом. После мне стало известно от других жителей местечка, что все еврейское население, сначала мужчины, было собрано в синагогу, которую превратили в «Гетто», а затем группами под вооруженной охраной вывозилось на еврейское кладбище и расстреливалось. После окончания расстрела мужчин-евреев, были собраны женщины и дети и тоже расстреливались. Расстрелы производились из автоматического оружия и винтовок. В момент расстрела присутствовали и расстреливали как немцы, так и полиция. Прямые исполнители расстрела мне не известны. Но знаю, что забирали из квартир жителей и держали их под стражей до момента расстрела следующие лица: Пашкевич, Жеймис Юлис, эти лица по национальности литовцы, жители местечка. Где они в настоящее время, мне не известно. Для копки ям для расстрелянных брали арестованных полицией. Все имущество расстрелянных было разграблено, лучшее полицией забрано, а все остальное разрешалось брать кому угодно, кроме лиц, кто питал симпатию к советской власти. Мне известно, что всех расстрелянных раздевали и только плохую одежду оставляли на расстреливавшихся. Сколько было расстреляно, точно не знаю, но не менее 300 человек. Больше по настоящему вопросу пояснить ничего не имею.

Записано с моих слов и мне прочитано.

И. МАЛУКАС

Военный следователь ВП в/ч 28159

майор юстиции **АВТУХ**

ГА РФ. ф.7021, оп.94, д.423, л.31 (с об.). Подлинник. Рукопись.

Протокол допроса свидетеля Тауяниса Ф.Ф.

11 октября 1944 г.

м. Илокяй Литовской ССР

Военный следователь военной прокуратуры воинской части полевая почта 28159 майор юстиции Автух допросил в качестве свидетеля нижепоименованного, который, будучи предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР, показал:

Тауянис Федор Францевич, 1888 г.р., уроженец м. Илокяй, по национальности литовец, образование — малограмотный, из крестьян, житель м. Илокяй, работает церковным старостой церкви м. Илокяй, женат,

имеет двух детей.

По существу заданных мне вопросов поясню следующее:

Вместе со своей семьей в м. Илокай я проживаю непрерывно с 1935 года. Жителей м. Илокай в большинстве знаю хорошо. В нашем местечке примерно до начала войны насчитывалось больше 200 хозяйств. Я слышал, что всего населения было около одной тысячи человек, из них было более 300 чел. евреев. С приходом немецких войск ими была установлена местная власть, также был создан полицейский участок. Старшиной в полицейском участке являлся Стрикайтис, по имени и отчеству не знаю, житель дер. Каушай Илокайской волости. Где он в настоящее время проживает, мне не известно. До него на этой должности [был] Патраускис, по имени и отчеству мне не известный, сам житель дер. Аркшва Илокайской волости. Где он в настоящее время проживает, мне не известно.

Числа 25 или 26 июня 1941 г. в м. Илокай были немцы, они дали распоряжение собрать всех жителей местечка евреев. Сначала собрали всех мужчин-евреев, что и было сделано — мужчины-евреи были собраны в еврейскую синагогу и взяты под стражу, женщин и детей в этот раз не собирали. Пробыв около двух недель в еврейской синагоге, все мужчины евреи были группами под конвоем сведены на кладбище и там расстреливались. После того как были расстреляны мужчины, вслед за этим собрали и женщин и детей также в еврейскую синагогу, а затем они были сведены и расстреляны на том же кладбище. Мне известны некоторые семьи-евреи по фамилии из числа расстрелянных там. Например: Балькин Янкель, расстрелян сам и жена, Берштейн расстрелян сам и семья больше [...] человек, по имени знаю семьи, которые расстреляны: Шалом, Лейба и другие. Для копии я слышал, что брались арестованные из тюрьмы. Все имущество было впоследствии разграблено. Мне известно, что в момент расстрела служили в полиции и принимали участие в массовом расстреле евреев: Гляубертас Николай, житель м. Илокай, Таурила Казимир, житель м. Илокай. Где они сейчас проживают или находятся, мне не известно. Дополнить что-либо по вопросу расстрела еврейского населения м. Илокай ничего не имею.

Записано с моих слов и мне прочитано.

Ф. ТАУЯНИС

Военный следователь ВП в/ч 28159

майор юстиции АВТУХ

ГА РФ. ф.7021, оп.94, д.423, л.30 (с об.). Подлинник. Рукопись.

Протокол допроса свидетеля Гердвайниса П.А.

11 октября 1944 г.

м. Илокай Литовской ССР

Военный следователь военной прокуратуры воинской части полевая почта 28159 майор юстиции АВТУХ допросил в качестве свидетеля нижепоименованного, который, будучи предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР, показал:

Гердвайнис Петр Альфонсович, 1899 г.р., уроженец дер. Кивили Шкодской волости, житель м. Илокай, по национальности литовец, малограмотный, из крестьян, по профессии сапожник, женат, имеет двух детей.

По существу заданных мне вопросов поясню:

В м. Илокай я проживаю непрерывно в течение 40 лет. За время войны с Германией я также жил в м. Илокай. Мне известно, что когда была оккупирована немецкими войсками территория Илокайской волости, в м. Илокай были организованы добровольческие отряды, именовавшиеся партизанами. Эти люди были против советской власти и выполняли все приказы военных властей немцев. На второй день после начала войны я был арестован Пашкевичем, который сразу вступил добровольцем в полицию. Под арестом я находился [8] дней. Затем был отпущен домой, не имея разрешения ходить по территории местечка, кроме как проживать в своем доме. Когда я сидел в тюрьме, все жители местечка, в первую очередь мужчины-евреи, были забраны полицией и заперты в еврейскую синагогу. Через 10–12 дней мужчин-евреев группами выводили на еврейское кладбище и там расстреливали из автоматов и винтовок. После расстрела мужчин, стали собирать женщин-евреек и их детей. Также собирали в еврейскую синагогу, а затем расстреливали на кладбище. Я сам видел, что перед расстрелом раввина полицейский Гляубертас резал ножом бороду ему, по фамилии раввина не знаю.

Всего было расстреляно свыше 300 человек-евреев: стариков, мужчин, женщин и детей. Я лично знал хорошо жителей-евреев, семьи которых расстреляны. Так, например, семья Левина, семья Шапира – бывший аптекарь, семья состояла из 3-х человек, семья Шапира Гершан, семья врача Еселевич из 3-х человек, семья Гликман Есель из 3-х человек и другие. Во время расстрела евреев и после состояли на службе в полиции, а также и после, следующие лица:

Бружас Петр Антонович, житель м. Илокай;

Бружас Антон Антонович, житель м. Илокай;

Шмейжис Петр Иосифович, житель м. Илокай, был в полиции в последнее время, в момент расстрела евреев он не принимал участия;

Гляубертас Михаил Владимирович, житель м. Илокай;

Альсэйка Казимир Антонович, дер. Стрипиняй;

Баужис, м. Илокай;

Навицкий Иван, житель м. Илокай;

Пашкевич – работал органистом при церкви м. Илокай.

Все эти лица принимали участие в собирании и конвое жителей-евреев на кладбище для расстрела, где в настоящее время все эти лица проживают, мне не известно, не так давно я видел Навицкого.

ГЕРДВАЙНИС

ГА РФ. ф.7021, оп.94, д.423, л.28 (с об.). Подлинник. Рукопись.

Протокол допроса свидетеля Казимира Козловского

12 октября 1944 г.

м. Илокяй Литовской ССР

Военный следователь военной прокуратуры воинской части полевая почта 28159 майор юстиции Автух допросил в качестве свидетеля нижепоименованного, который, будучи предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР, показал:

Козловского Казимир, отчества не имеет, 1897 г.р., уроженец дер. Труйкино, Шкудской волости, по национальности – литовец, образование 3 класса, житель м. Илокяй, женат, имеет 3-х детей, из крестьян, работает по найму в сельском хозяйстве.

Вопрос: Расскажите, свидетель, что вам известно по вопросу расстрела мирных жителей-евреев в м. Илокяй немецкими военными властями в 1941 году?

Ответ: В момент расстрела жителей-евреев м. Илокяй, т.е. 6 и 7 июля 1941 г. я находился в то время под арестом, я был арестован полицией, вместе с полицией ко мне приходил староста местечка по фамилии Вайткус Юсеф, житель м. Илокяй. Как фамилии полицейских мне не известно. Под арестом я находился больше 2-х месяцев. Затем был отпущен под надзор полиции. Мужчин евреев собрали в еврейскую синагогу раньше, дней за 10–12 до момента расстрела. 6 июля 1941 г. к вечеру мужчин-евреев из еврейской синагоги группами стали выводить на еврейское кладбище и там их расстреливали. К этому времени в еврейскую синагогу были собраны также женщины и дети. Когда окончили расстрел мужчин-евреев, сразу же после этого группами под вооруженным конвоем выводили женщин и детей на кладбище, где также расстреливали. Сколько было расстреляно в отдельности детей, женщин и мужчин, сказать не могу, но знаю, что всего было расстреляно около 300 человек, не меньше. По имени и фамилии могу назвать несколько человек: семья Кац Мендель состояла из 4-х человек. Жена Кац, по имени не знаю, в ночь расстрела родила ребенка, с которым вместе была расстреляна. Кац Лейб семья состояла из 3-х человек, все расстреляны. Семья Группеля Самсона состояла из 9 человек все расстреляны, в т.ч. 7 человек детей возрастом до 20 лет и др. Также расстрелян врач Еселевич, мне известно, что его вел на расстрел Чапорус Леон из дер. Гинталайцы Илокяйской волости, состоявший в то время в полиции, а также и Шарошницкий Иосиф житель дер. Наусядай Илокяйской волости. Мне известно, что в момент расстрела находились в полиции Рачус Иосиф, житель м. Илокяй, Стрикайтис Константин, житель дер. Наусядай, работал начальником полиции на участке м. Илокяй, Виндашус Казимир, житель дер. Гидримай Илокяйской волости, Альсэйка, по имени не знаю, житель дер. Кервяй, впоследствии ушел добровольцем в немецкую армию, Бружис Петр, житель м. Илокяй, Шмейжис Петр Иосифович, житель м. Илокяй, перед наступлением частей Кр[асной] Армии ушел с немецкими войсками, где находятся другие лица в настоящее время не известно. Все имущество расстрелянных жителей-евреев было разграблено полицией и другими неизвестными жителями. Дополняю, что в момент расстрела еврейского населения находился на службе в полиции Яцкус Викентий – житель м. Илокяй, в последнее время переехал в Вильно, но куда не знаю. Он с оружием в руках охранял арестованных жителей немцами, также собирал евреев из домов. Мне также известно, что в момент расстрела присутствовали немецкие солдаты и офицеры, которые проводили фотографирование расстрелянных. На следующий день после расстрела немцы все выехали из местечка, остались только полицейские, именовавшие себя партизанами, все они работали против советской власти и Красной Армии.

Больше дополнить по вопросу расстрела мирных жителей-евреев м. Илокяй ничего не имею.

Записано с моих слов верно и мне прочитано.

К. КОЗЛОВСКИЙ

Военный следователь ВП в/ч. 28159

майор юстиции **АВТУХ**

ГА РФ. ф.7021, оп.94, д.423, л.34–35. Подлинник. Рукопись.

Акт осмотра мест массовых захоронений в местечке Илокяй

12 октября 1944 г.

м. Илокяй Литовской ССР

Мы, нижеподписавшиеся военнослужащие военной части полевая почта 28159 майор юстиции Черфас, майор юстиции Автух, старшина Горянец, в присутствии жителей м. Илокяй Литовской ССР Козловского Казимира и Гердвайниса Петра Альфонсовича сего числа составили настоящий акт о нижеследующем:

Сего числа нами обнаружены в 800 м южнее местечка Илокяй на северной стороне еврейского кладбища две ямы размером: первая яма длиной 25 м, шириной 5 м, вторая яма – длина 10 м. Ширина [...].

В 1941 г. в начале июля при вступлении немецких войск в м. Илокяй, по приказу немецкого командования, зверски уничтожены были свыше [...] чел. жителей евреев, мужчин, женщин и детей. Все расстрелянные жители евреи м. Илокяй были закопаны в двух вышеуказанных ямах. О чем и составлен настоящий акт.

Майор юстиции **ЧЕРФАС**
Майор юстиции **АВТУХ**
Старшина **ГОРЯНЕЦ**
Жители местечка **КОЗЛОВСКИЙ** и **ГЕРДВАЙНИС**
ГА РФ. ф.7021, оп.94, д.423, л.36. Подлинник. Рукопись.

ЗАЯВЛЕНИЕ АРХИМАНДРИТА АГАФОНА НАСТОЯТЕЛЯ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ^[76]

*В областную комиссию по расследованию
немецких злодеяний
От настоятеля Псково-Печерского монастыря
архимандрита Агафона (Бубица).*

Заявление

Оккупация немцами территории Эстонии, в части, отошедшей именно к Псковской области, застала меня на посту настоятеля Зачеренского прихода. Я своими глазами видел, как полчища современных гуннов вторглись в наши мирные города и села. И в первые же дни их хозяйничанья в июле 1941 года, я услышал о гибели двух своих прихожан — мирных граждан, никогда не бравших в руки оружия — гр. дер. Заход, Зачеренской волости, и из дер. Лезги, той же волости, фамилии которых я уж запомнил. Их томили в тюрьме целую неделю, а затем в 10 часов вечера вывезли за деревню и расстреляли без суда и приговора, а тела их бросили возле дороги, для устрашения других. Утром по дороге шел на ярмарку народ и увидел эти наглядные останки кровавого преступления. И только на второй день родителям расстрелянных разрешили их подобрать, и я их отпел и предал прах их земле по христианскому обряду.

Разрешение на погребение было случайным исключением, которое допускалось только в первые дни немецкого хозяйничанья. Вскоре же наступили дни, когда всякое совершение обряда, отпевание, панихида и поминовение воспрещалось.

О втором случае. Мне так же известно о расстреле Ивана Васильевича Соловья с хутора Приданка, Ротовской волости. И этот человек так же томился три месяца в тюрьме и погиб безвинно от злодейской пули.

Подобные расстрелы с первых дней немецкого хозяйничанья имели широкое распространение. Эти расстрелы совершались во всех окрестных лесах вокруг города Печеры^[77], при чем священнослужителям воспрещалось всякое отправление треб по покойникам. По просьбе родственников из дер. Рагозино, Капковки и Бутырок дьякон городской русской церкви гор. Печер (Сорока мучеников) Василий Савин пошел в лес, к месту расстрела жертв фашистского террора, вместе с ним пошел и псаломщик Михаил Петрович Слесарев. Но по пути к этому страшному месту они были перехвачены специально организованной засадой, были арестованы, брошены в тюрьму, в которой и томилась 9 месяцев.

Сам лично я 1 апреля 1942 года так же подвергся высылке из тех мест, в которых я прожил почти 40 лет, в гор. Илуксте (район Митавы), причем предлогом высылки произведенной по распоряжению немецкой политической полиции «СС» послужило подозрение меня в агитации во время богослужения. И 9 месяцев периода изгнания я находился под надзором политической полиции являясь к ним отмечаться каждый месяц.

Там же под Ригой в лагерях Саласпилс погиб и мой брат Августин Петрович Бубиц, увезенный туда после ареста из гор. Печер и 3 года томившийся в заключении.

Перед уходом из Латвии немецких войск я был свидетелем-очевидцем разрушения ими православных храмов: Митавского городского собора и Вомундского монастыря, и ограбления имущества Преображенского Вомундского монастыря.

А после освобождения города Риги советскими войсками, я своими глазами удостоверился в чудовищных ограблениях и надругательствах над сокровищами и святынями псковских церквей. Самые уважаемые верующими иконы Черской Богоматери^[78], Христа Спасителя — Елизаровская, Ольгин Крест, Троицы, икона Казанской Богоматери были вывезены из Пскова, из церквей, где они находились в течении многих веков и отвезены в Ригу, причем их пытались вывезти и дальше, но сделать это помешало быстрое наступление наших войск. Там же, в Риге, я нашел и останки князя Всеволода-Гавриила, Довмонта-Тимофея, блаженного Николая и преподобного Иосафа Снятогорского^[79]. Останки эти были похищены из погребальных саркофагов в усыпальнице псковских князей Троицкого псковского собора. Похищенные святыни русского народа были в беспорядке и пренебрежении свалены в ящики, как мусор, перемешаны с мусором. И я сам, своими руками, их разбирал, привел в надлежащий порядок и в присутствии других священников подготовил их к перевозке и к возвращению в места их погребения, доставив их в Псково-Печерский монастырь. Одновременно я вернул и доставил в монастырь и значительную часть, икон, сосудов, облачения, священных книг, похищенных из Пскова и Новгорода. Но многих святынь и ценностей спасти не удалось. На моих глазах два жандарма, явившихся в Троице-Сергиевский рижский монастырь запаковали в ящик и увезли глубоко чтимую верующими икону Тихвинской Богоматери, одетую в драгоценную ризу. Очевидно она отправлена в Германию.

Большой ущерб нанесен во время немецкого хозяйничанья и нашему Псково-Печерскому монастырю. В период оккупации в монастыре располагался немецкий штаб, госпиталь. Звон колокольный и крестные хода воспрещались. Но самое большое зло, которое они причинили монастырю — был увоз ризницы, принадлежащей

монастырю. В нее собирались сокровища более 300 лет — с первых дней создания монастыря. Здесь были комплект принадлежностей для совершения Богослужений — кадило весом 3 ф. 66 зол., чаша весом более 3 фунтов и т.д., напрестольные золотые крест и евангелие, дары всех царей, начиная с Иоанна IV (Грозного) и кончая Николаем II, в том числе и дары Петра I: серебряные кубки, подаренные Иваном Грозным военная труба, кошелек, вилка, нож и ложка серебряные, серебряная пирожница. В нашей ризнице хранились и драгоценные облачения для совершения служб, подаренные Анной Иоанновной, Александром I, Александром II, Александром III. Общая стоимость ризницы знатоками определялась в 5 миллионов золотых рублей. Все эти вещи были упакованы в 3 ящика и отправлены в Ригу и там я сам видел как их грузили на автомашины и увезли, очевидно в Германию. Неоднократно обитель подвергалась и бомбежкам и артиллерийскому обстрелу, причем от вражеской бомбы погиб схиерископ Макарий.

Весь период пребывания немецких войск — был периодом постоянного гонения, угнетения, преследования служителей православной церкви и ее верующих. А такой факт, как помещение на почтовых марках изображения глубокочтимой псковичами и всеми верующими иконы Любятовской Богоматери, я лично безусловно расцениваю, как грубое кощунство, как надругательство над чувствами верующих, как спекуляцию на нашей святыхне.

Из тех документов, которые я сам лично видел, из тех разговоров, которые я имел с очевидцами, мне известно, что непосредственными виновниками ограбления и осквернения псковских церквей, кощунственного надругательства над останками псковских князей, ограбления Псково-Печерского монастыря, являются сотрудники рейхскомиссара Розенберга доктор Берг и профессор Грим.

Архимандрит Агафон.

АКТ №1 О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ В ГОРОДЕ ПАВЛОВСКЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ. СОСТАВЛЕН 11 ОКТЯБРЯ 1944 г., г. ПАВЛОВСК

Первыми жертвами фашистского террора явилось еврейское население. Немецкие солдаты врываются в квартиры мирных жителей, отбирали целые еврейские семьи, арестовывали их, а затем расстреливали, не щадя детей и стариков. Фашистские мерзавцы неоднократно собирали все население города, производили им медицинский осмотр для выявления граждан еврейской национальности.

В подвалах Павловского дворца-музея, превращенных немецкими варварами в гестаповский застенок, немецкие палачи пытали и истязали мирных жителей города Павловска. Сюда были согнаны первые группы еврейского населения, сюда были согнаны первые группы молодежи города, сюда были согнаны первые группы других жертв фашистского террора, которые после невыносимых пыток и истязаний расстреливались на территории Павловского парка в районе братских могил.

Уничтожив основную массу еврейского и другого населения в подвалах и парках Павловского дворца-музея, гестаповцы и немецкие воинские части одновременно с этими группами расстреливали мирных граждан и в других районах города.

Так в октябре м[еся]це группа евреев в количестве 25 человек была расстреляна немцами в районе парка около улицы Революции за домом №8 (бывшая дача Нечаева).

Несколько позднее в этом же районе была расстреляна вторая группа евреев в количестве 16 человек и среди них 20-ти летняя мать Иргал Серафима и ее 2-х летний сын Виктор. Немецкие варвары на глазах матери нанесли ранение ребенку, затем расстреляли мать и бросили к ней в могилу еще живого 2-х летнего ее сына.

Наряду со всеобщим уничтожением мирного еврейского населения немецкие палачи проводили массовое истребление советских граждан других национальностей. <...>

Комиссия на основании имеющихся в ее распоряжении документов и произведенных расследований установила, что за время оккупации города Павловска немецкими варварами из оставшихся в городе 15-ти тысяч мирных граждан различными путями уничтожено свыше 6 742 человек. Из которых с помощью расстрела и пыток — свыше 227 человек, путем повешения — 6-ть человек, путем умерщвления голодной смертью детей в так называемом «Детском доме» — 387 человек, путем умерщвления в результате организованного в городе голода — около 6-ти тысяч человек и угнано на немецкую каторгу свыше 6 200 человек, из которых погибло около 3 500 человек.

Следовательно, всего погибло от рук фашистских палачей свыше 10 242 человек мирных жителей города Павловска, не считая людей, находящихся на немецкой каторге, о судьбе которых Комиссии пока что ничего неизвестно, и кроме этого, немецкие палачи уничтожили в лагере для военнопленных свыше 1 000 советских бойцов, командиров и заключенных в эти лагеря мирных граждан окружающих сел и деревень.

Из числа организаторов и непосредственных исполнителей всех перечисленных злодеяний, учиненных в городе Павловске, Комиссии удалось установить некоторых наиболее выдающихся палачей и бандитов. К их числу относятся:

Комендант города Павловска обер-лейтенант Лядвич, комендант лагеря Бурхард, помощник коменданта лагеря Месслер, руководители отряда СД под именем Пауль и Евгений.

Этим немецким палачам в проводимых ими насилиях и издевательствах над мирными жителями оказывали активную помощь и содействие продажные душонки, изменники нашей Родины и предатели советского народа:

Городской голова Николаев С.И., впоследствии заменивший его бывший офицер царского флота Горлин, которого сменил впоследствии некий Золотухин, а также начальник городской полиции обер-полицмейстер Дубицкий В.С.

Председатель комиссии: Захаров.

Члены комиссии: Самсонов, Лащик, Игнатович, Васильева, Зеленова, Доронин, Островская.

ЦГА г. С.-Петербурга, ф.9421, оп.1, №195, лл.4-9

Приложение №6.

Заявление гражданки Киселевой Анны Ивановны:

В комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в городе Павловске от жителя г. Павловска Киселевой Анны Иосифовны, 1909 года рождения, уборщицы Горисполкома.

Мне известно о том, что в первые дни своего хозяйничанья в городе Павловске немецкие власти примерно в последних числах сентября и начале октября месяцев 1941 г. провели всеобщую регистрацию населения города, после которой приступили к массовому уничтожению мирных граждан еврейской национальности.

Так в октябре м[еся]це под конвоем немецких солдат с ул. Красных Зорь по ул. Революции мимо моего дома днем была проведена группа евреев в 25 человек.

Многим жителям города, в том числе и мне, было известно о том, что их ведут на расстрел, так как немцы об этом не скрывали, а наоборот приказывали мирным гражданам прибыть к месту расстрела евреев, хотя туда никто не явился.

Вся эта группа, в том числе молодая мать по имени Аня (фамилию не знаю) вместе с ее 3-х месячной дочерью, была расстреляна в парке у дачи Нечаева.

На второй день я ходила к месту расстрела, где лично видела еще незарытые трупы жертв фашистского террора, которые были беспорядочно брошены в воронку от авиабомбы.

13 февраля 1942 года была арестована с дома, в котором я жила, гр[аждан]ка Пушкина София, при чем на ней было одето хорошее меховое пальто, хорошие боты и другая одежда.

16-го февраля 1942 года, находясь в кухне во дворце, я видела, когда гестаповцы вели на расстрел гражданку Пушкину, причем она была одета в летнем платье и босая, я слышала крики и стоны ее с места расстрела, т.е. от района братских могил

Записано с моих слов верно: К сему Киселева

ЦГА г. С.-Петербурга, ф.9421, оп.1, №195, лл.45-47.

Приложение №9.

Заявление гр. Никитина А.Н.:

В городскую комиссию по расследованию немецко-фашистских злодеяний от жителя города Павловск Никитина Александра Никитича.

Заявление

Мне известно о том, что немецкими властями в городе Павловске расстреляна группа мирных граждан-евреев в количестве 16 человек около улицы Революции по шоссе ко 2-му Павловску, за домом, где стоит наблюдательная будка.

В числе расстрелянных 16-ти мужчин и женщин была 20-ти летняя мать Иргал и ее 2-х летний сын. Во время расстрела я находился в недалеке от этого места у Паркового колодца, где брал воду. Мать, Иргал Серафима, просила немецких палачей пощадить ее ребенка, говоря о том, что отец этого ребенка не еврей, а русский. Немецкие солдаты на глазах матери выстрелили в ребенка, которого по всей вероятности только ранили, так как я слышал вместе с отчаянными криками матери и стоны ребенка. Затем залповыми выстрелами были расстреляны все взрослые и сброшены в заранее выкопанную яму. После этого в эту же могилу, по всей вероятности, еще живой, ими был сброшен трупик ребенка.

К сему подпись товарища Никитина А.Н. заверяю: Председатель Павловского горисполкома Самсонов

ЦГА г. С.-Петербурга, ф. 9421, оп. 1, №195, л. 33.

Акт №12

1944 года сентября месяца 11-го дня:

Мы нижеподписавшиеся Председатель Комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний в городе Павловске Захаров П.Ф., член Комиссии Самсонов Н.Л., при участии представителя общественности города Павловска Тронина А.А. и Фомина сего числа на основании личного заявления гр[аждан]ки гор. Павловска Киселевой А.И. и жителя города Никитина А.Н. составили настоящий акт в нижеследующем:

Согласно заявления[м] очевидцев Комиссия установила, что немецкими захватчиками в 1941-ом году было расстреляно две группы мирных граждан города Павловска из числа евреев, одна из которых численностью в 16 человек и вторая численностью в 25 человек, а всего 41 человек. В числе этих жертв были расстреляны жертвы фашистского террора Иргал Серафима Яковлевна 1921 года рождения и Иргал Виктор Викторович 1939 года рождения. Расстрел был произведен на территории Павловского парка в районе ул. Революции за домом №8 (бы-

вшая дача Нечаева).

О чем и составлен настоящий акт.

Председатель Комиссии: В.Захаров.

Члены Комиссии: Самсонов.

Представители общественности: Тронин, Фомин.

Свидетель: Киселева, Никитин

ЦГА г. С.-Петербурга, ф. 9421, оп. 1, №195, л. 35.

Приложение №13.

Заявление и протокол допроса Григорьевой П.Н.:

В комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в гор. Павловске от жительницы гор. Павловска Григорьевой Прасковьи Никифоровны, года рождения 1897

Заявление

Прошу комиссию принять к сведению следующие виды немецких злодеяний.

Мне известно, что среди многих граждан гор. Павловска были расстреляны и повешены...

Были расстреляны в 1941 г. примерно числа 25 сентября Косяк Алексей Михайлович 1890 года рождения и его жена Врутская^[69] Нина, года рождения 1896.

Мне известно от некоторых жителей г. Павловска, что немецкие варвары очень много расстреливали граждан г. Павловска около братских могил и в парке.

К сему, Григорьева

20.X-1944 г.

Протокол допроса

Допросил уполномоченный Павловского ГО НКВД Фомин в качестве свидетеля гр[аждан]ку Григорьеву Прасковью Никифоровну, 1897 года рождения, уроженку Калининской области, д. Прасковьино, проживает в г. Павловске, ул. 3-ья Советская, д. 6, русская, работает в Горремстройконторе штукатуром.

Показания:

<...> Были расстреляны в 1941 г. примерно числа 25 сентября Косяк Алексей Михайлович 1890 года рождения г. Павловска.

Немецкие власти очень много расстреляли граждан города Павловска около братских могил в парке.

Григорьева

Допросил: оперуполн[омоченный] ГО НКВД Мл[адший] л[ейтенан]т милиции: Фомин

ЦГА г. С.-Петербурга, ф.9421, оп.1, №195, лл.39-41.

Из заявления Антоновой Тамары Андреевны:

В парке у братских могил расстреливали мирных граждан. Если кто проходил мимо этого места, то немцы их убивали.

ЦГА г. С.-Петербурга, ф.9421, оп.1, №195, л.56.

Приложение №14.

Заявление и протокол допроса гр-ки Громовой А.Г., акт №15:

В комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в городе Павловске от жительницы гор. Павловска гр[аждан]ки Громовой Акулины Григорьевны, 1906 года рождения, работающей в Горремстройконторе.

Заявление

Довожу до сведения комиссии о том, что мне известен следующий акт насилия над советскими мирными людьми, учиненный немецкими варварами в первые дни ихнего хозяйничания в городе Павловске.

Примерно числа 21-22-го сентября мы, группа мирных граждан города Павловска, т.е. я сама лично, Комарова Елизавета Павловна 1907 года рождения, Гаврилова Евдокия 1907 года рождения и некоторые другие, обнаружили на ул. Запасная, д. 6а (бывший дом Варгунина) сгоревший костер и на нем обгоревшие трупы и кости людей. Мы спросили у немецкого солдата-патруля о том, что «зачем же вы сжигаете наших красноармейцев», так как мы думали о том, что это сожжены трупы наших бойцов. На это нам поступил по-русски ответ, что это «сожжены коммунисты и жида».

Всего примерно на этом костре было сожжено не менее пяти человек

К сему - Громова

10 октября 1944 года

Протокол допроса

Допросил оперуполномоченный Павловского ГО НКВД Фомин в качестве свидетеля Громову Акулину Григорьевну, 1906 года рождения, уроженку Ленинградской области, Любыгинского р-на, д. Зачеренье, проживает г. Павловск, Толмачева ул., д. 7, беспартийная, русская, при себе документов нет, образование низшее, работает подсобной рабочей Горремстройконторы, одинокая, муж находится в РККА, находилась на оккупированной территории с сентября месяца 1941 г. по май месяц 1944 г.

Мне известно, что [совершен] следующий акт насилия над советскими мирными людьми, учиненный немецкими варварами в первые дни их хозяйничанья в г. Павловске.

Примерно числа 21-22 сентября мы, группа мирных граждан гор. Павловска, т.е. я сама лично, Комарова Елизавета Ивановна 1907 года рождения, Гаврилова Евдокия 1907 года рождения и некоторые другие обнаружили на ул. Запасная, д.ба (быв[ший] дом Варгунина) отгоревший костер и на нем были обнаружены обгоревшие трупы и кости людей. Мы спросили у немецкого солдата-патруля о том, что это сожжены трупы наших бойцов. На это нам поступил по-русски ответ, что это «сожжены коммунисты и жидаы». Всего примерно на этом костре было сожжено не менее пяти человек.

С моих слов записано правильно и мне зачтено вслух, в чем и расписываюсь.

Громова

*Допросил оперуполн[омоченный] Павловского ГО НКВД Мл[адший] л[ейтенан]т милиции: **Фомин***

АКТ №15

1944 года октября месяца 10-го дня

Мы, нижеподписавшиеся Председатель Комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний в гор. Павловске Захаров П.Ф., член Комиссии Самсонов Н.Л., представители общественности города Тронин А.А. и Фомин сего числа на основании показаний и личного заявления свидетеля — жительницы города Павловска гр[аждан]ки Громовой А.Г. установили, что немецкие варвары наряду с другими злодеяниями и видами уничтожения мирных граждан гор. Павловска производили уничтожение последних путем заживо сожжения их.

Так, 21—22-го сентября 1941 года ими была сожжена группа мирных жителей в количестве пять (5) человек по ул. Запасной у дома № 6 (быв[ший] дом Варгунина).

О чем и составлен настоящий акт.

*Председатель Комиссии: **В.Захаров.***

*Члены Комиссии: **Самсонов.***

*Представители общественности: **Тронин, Фомин.***

*Свидетель: **Громова.***

ЦГА г. С.-Петербурга, ф.9421, оп.1, №195, лл.42-44.

Заявление Андреевой З.А., проживающей по улице Первого мая, дом 7а, г. Павловск:

В районную комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в гор. Павловске От гр[аждан]ки Андреевой З.А., проживающей по улице Первого мая дом 7а г.Павловска.

Не по-человечески зверски немцы обращались с евреями. Долгое время пытали и мучили семью Шварцман (Иосиф Давидович — 1896 г.р., Рахиль Иосифовна — 1898 г.р., Римма Иосифовна — 1925 г.р., Изя Иосифович - 1928 г. р.). Ни в чем не повинные советские люди были расстреляны лишь только потому, что они по национальности евреи.

Расстреляна также гр[аждан]ка Пушкина София 1908 г.р., ранее работавшая в должности машинистки в Павловском горисполкоме

Все что известно мне из гитлеровских злодеяний.

Андреева

ЦГА г. Санкт-Петербурга, ф.9421, оп.1, №195, лл.13-14.

Заявление Зильберман Ольги Наумовны и акт №6

В районную комиссию по расследованию злодеяний немецких разбойников в г. Павловске от Зильберман Ольги Наумовны, проживающей г. Павловск, ул. Марата, 27

Заявление

Хочу сообщить в комиссию по расследованию о гитлеровских издевательствах над мирными гражданами во время оккупации ими гор. Павловска. Первой жертвой издевательства являлись евреи. Как только немецкими бандитами был оккупирован наш город, было предложено немедленно всем евреям явиться на регистрацию для получения специальных знаков различия в виде шестиконечной звезды, которую тут же пришивали к спине и на груди для того, чтобы еще поодаль спереди и позади видно было, что это еврей. Издевались всячески, а впоследствии расстреливали. Мне известно, что подобной страшной участи подверглись наши соседи по улице Слуцкой Самодумские. Самодумская Мария Исаковна 1891 г.рожд., Самодумский Моисей 1889 г. рожд., а также Лившиц Нюся 1925 г., проживавшая в нашем же дворе, и Давыдов Соломон Львович 1899 г.рожд. Издевались немецкие изверги немало и над русскими жителями.

Зильберман Ольга

Акт №6

2 ноября 1944 года мы, нижеподписавшиеся представитель комиссии по расследованию злодеяний Островская Ц.С., представитель общественности Тронин А.А., с участием жителя г. Павловска Зильберман О.Н., составили настоящий акт о нижеследующем.

Гражданка Зильберман О.Н. сообщила о зверском режиме, введенном немцами в г. Павловске за время их хозяйничанья. Нечеловеческое зверское отношение к мирному населению и в особенности еврейскому, которое явилось первой жертвой всевозможных гитлеровских издевательств. В первый же день появления немцев в гор. Павловске было предложено всему еврейскому населению пройти регистрацию для получения специальных знаков отличия в виде шестиконечной звезды, которую тут же пришивали к спине и к груди. Первоначально всячески издевались, а затем расстреливали. Такой страшной участи подверглись наши же соседи супруги Самодумские, семья Лившиц, Давыдов С.Л.

Немало издевались немецкие изверги и над русским населением. <...> В чем и составлен настоящий акт.

Председатель комиссии: Островская.

Представитель общественности: Тронин.

Заявитель жительница г. Павловска: Зильберман.

ЦГА г. С.-Петербурга, ф.9421, оп.1, №195, лл.17-19.

АКТЫ РАЙОННЫХ И ГОРОДСКИХ КОМИССИЙ СОДЕЙСТВИЯ В РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ И УСТАНОВЛЕНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

АКТ КИЕВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИССИИ СОДЕЙСТВИЯ В РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ О МАССОВОМ ИСТРЕБЛЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ЛАГЕРЯХ ПОСЕЛКА ДАРНИЦА КИЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

18 декабря 1943 г.

Комиссия в составе председателя Киевской областной комиссии содействия З.Т. Сердюка, членов: заслуженной учительницы школы УССР Н.И. Буриченко, полковника К.Р. Руденко, священника Николая Скоропостижно, при участии судебно-медицинского эксперта профессора Н.А. Шепелевского, судебно-медицинского эксперта ассистента кафедры судебной медицины Киевского мединститута доктора Г.И. Ведриган, профессора Я.И. Пивовонского, профессора Ю.Ю. Крамаренко, председателя исполкома Дарницкого районного Совета депутатов трудящихся Г.В. Григорьева и члена исполкома Б.Н. Ефимова произвела осмотр двух лагерей военнопленных, расположенных в Дарнице, и мест, где обнаружены могилы — ямы с трупами советских граждан, погибших в этих лагерях, а также производила эксгумацию и судебно-медицинское исследование этих трупов с целью:

- 1) определения количества погребенных,
- 2) установления причины смерти их,
- 3) определения давности погребения,
- 4) установления личности покойных.

При этом были получены следующие данные:

Поселок Дарница находится на левом берегу Днепра в 12 км от Киева, где сходятся железнодорожные линии, соединяющие Киев с Москвой и Харьковом. Он расположен среди леса, который с севера и востока переходит в крупный лесной массив.

Еще осенью 1941 г. немецкими военными властями это место было избрано для устройства лагерей военнопленных. Один из этих лагерей расположен на окраине Дарницы, между проходящим здесь шоссе и колеей железной дороги. Он занимает огромную площадь длиной 1,5 км и шириной около 1 км.

Эта территория представляет собой голую песчаную площадь, на которой в отдельных местах имеются остатки бывших здесь небольших строений, ныне сгоревших. Вся территория лагеря обнесена ограждением из колючей провололочной сетки, высотой около трех с половиной метров, которая состоит из трех, а местами из четырех рядов. Помимо этого, весь лагерь разгорожен такой же провололочной сеткой на отдельные участки, очевидно с целью разобщения содержавшихся пленных и еще более крепкой изоляции их.

По сообщению очевидцев и лиц, содержавшихся в лагере, последний был всегда еще оцеплен вооруженными часовыми с собаками, которые не подпускали на близкое расстояние приходящих родственников. Как показывают многочисленные свидетели, очевидцы и бывшие военнопленные, в лагере царил дикий, безудержный произвол. Жестокий режим, истязания и глумление над самыми элементарными человеческими правами, полное лишение пищи в течение продолжительного времени, холод, отсутствие возможности согреться и другие невыносимые условия существования влекли за собой тяжелое истощение, массовые заболевания и, как естественное следствие этого, очень высокую смертность. Помимо этого, количество жертв постоянно пополнялось еще систематически производимыми расстрелами в массовом количестве.

За полотном железной дороги в 326 м от лагеря имеются 4 ямы с опавшей землей размером 12 X 6 м. В стороне от этих ям есть еще одна яма размером 6 X 6. При раскопке одной из больших ям на глубине 1/2 м она оказалась заполненной трупами людей, беспорядочно лежащими один на другом, большею частью лицом вниз. Все трупы совершенно раздеты. Только на одном из вынутых трупов оказались поношенные брюки защитного цвета военного образца. На другом трупе найдена вокруг туловища тесемочка. У одного из трупов на ногах обнаружены носки. Извлеченные трупы — мужского пола (за исключением одного, который принадлежит женщине) в состоянии резко выраженного гнилостного разложения. У подавляющего большинства трупов обнаружены сквозные огнестрельные ранения черепа с раздроблением костей и обширными трещинами. На целом ряде трупов отмечаются осколчатые переломы нижней челюсти. Есть проломы черепа с вдавлением костей на обширном протяжении от удара тупым, твердым, тяжелым предметом.

При вскрытии [обнаружено]: подкожная жировая клетчатка совершенно отсутствует; в желудке и кишечнике не замечается никаких следов пищи.

Как показывают свидетели и очевидцы, в этих ямах находятся трупы командиров Красной Армии и политработников, которые расстреливались тут же на месте.

Другой лагерь был размещен на месте бывшего Авторемонтного завода. Площадь его меньше площади предыдущего лагеря. Этот лагерь также огорожен решеткой из колючей проволоки, которая делит его на участки различной величины. В этом лагере была расположена так называемая лечебница для военнопленных, помещающаяся в небольшом здании. Она должна была обслуживать оба лагеря. По показаниям местных жителей и других очевидцев, в том числе служащего на железнодорожных путях Кончаковского П.И., лечебница фактически не оказывала никакой медицинской помощи. Больные и раненые не имели никакого ухода, не перевязывались, лежали с повязками, пропитанными гноем, в ранах заводились черви, не получали белья и другой необходимой для больных людей помощи. Питание было ужасное. Медикаментозная помощь отсутствовала. Естественным следствием такой обстановки была массовая смертность. В имеющихся здесь зданиях частично были расположены пленные в чрезвычайно скученной обстановке. За этой территорией по направлению к лесу находится кладбище с могилами, расположенными в 5 рядов, за которыми находятся ямы, тесно соприкасающиеся одна с другой. Находящаяся в стороне от могил свободная площадь усеяна такими же ямами с опавшей землей. На каждой могиле есть дощечка с указанием фамилии, имени и отчества, года рождения и даты смерти. Есть дощечки с одиночными надписями и на 2—6 человек. При разрытии одной такой могилы с дощечкой на одного человека в ней оказалось 5 трупов, беспорядочно лежащих в самых разнообразных положениях, большею частью лицом вниз. Все трупы мужского пола в возрасте 20—40 лет, без одежды и обуви. Кроме этого, из стенок могилы выпячиваются части тел других трупов, зарытых в земле рядом с могилами. Таким образом, оказывается, что в могиле с дощечкой на одного умершего в действительности похоронено 6—8 трупов. Это обстоятельство указывает, что дощечки на могилах не являются показателями фактически произведенных погребений, а должны рассматриваться лишь как умышленная маскировка, имеющая в виду скрыть массовое уничтожение военнопленных.

Находящиеся за могилами ямы большею частью размером 6 X 3 м, но есть и больше. При разрытии одной из таких ям на глубине около полуметра она оказалась заполненной трупами, также беспорядочно лежащими в самых разнообразных положениях, без соблюдения общепринятого при погребении порядка. Все извлеченные трупы мужского пола. Одежда и обувь отсутствуют. Трупы в состоянии далеко зашедшего гнилостного разложения. Возраст 20—40 лет. Следов ранений или каких-либо других повреждений на этих трупах не замечается. Трупы очень истощены. По показаниям очевидцев, немцы привозили сюда трупы на машинах из большого лагеря и баграми тащили их к ямам, куда и сбрасывали. Тут же на кладбище имеются две могилы с дощечками, на которых обозначена одна и та же фамилия, имя и отчество, год рождения и дата смерти.

Кроме этих участков с ямами-могилами, по показаниям местных жителей и других свидетелей, в лесу и прилегающих окрестностях Дарницы есть еще места, где имеются такие же ямы с трупами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских исследований извлеченных трупов, на изучении материалов следствия и принимая во внимание количественные показатели трупов в разрытых ямах-могилах, а также данные обследования участков территории массовых погребений, приходит к выводу, что:

1. В указанных выше пунктах поселка Дарница и его окрестностях количество трупов военнопленных и дру-

гих советских граждан, умерщвленных и погибших в период временной оккупации немцами, исчисляется свыше 68 тыс., распределяясь следующим образом:

- а) на территории леса, около большого лагеря — 11 тыс. трупов,
- б) на кладбище и прилегающих к нему участках — 40 тыс. трупов,
- в) в других местах Дарницы и ее окрестностей — 17 тыс. трупов.

2. При разрытии ям-могил установлено, что в них не производилось погребения в обычном понимании этого обряда, а имело место беспорядочное сбрасывание и закапывание трупов, без соблюдения не только общепринятого в этих случаях отношения, а даже элементарных правил санитарии, на что указывает поверхностное и небрежное закрытие ям землей.

3. Обращает на себя внимание характерная особенность, что на всех извлеченных трупах одежда, белье и обувь совершенно отсутствуют. Только на отдельных трупах оказались такие предметы одежды, как поношенные брюки, а из белья — носки.

Один из этих трупов относится к погибшему от инфекционного заболевания. Трупы же расстрелянных совершенно раздеты. Подобное обстоятельство указывает, что снятие одежды и обуви, как правило, предшествовало умерщвлению советских граждан, что делалось, очевидно, с целью присвоения этого имущества в корыстных интересах.

4. При разрытии могил-ям не было обнаружено документов или каких-либо других предметов, которые могли бы служить как материал для опознания личности. Это может быть объяснено только намеренным обезличиванием убиваемых и погибших, чтобы скрыть совершаемые злодеяния.

5. Судя по результатам судебно-медицинских исследований трупов, эксгумированных из ямы, находящейся в лесу, давность погребения должна быть отнесена к первой половине 1942 г. В могилах и ямах на кладбище время погребения относится ко второй половине 1941 г. и первой половине 1942 г.

6. При судебно-медицинском исследовании трупов, обнаруженных в яме, находящейся в лесу, в подавляющем большинстве случаев причиной смерти были сквозные огнестрельные ранения головы с раздроблением костей черепа и обширными трещинами. Такие повреждения получаются при выстрелах из оружия сильного боя, как винтовка. В меньшем количестве встречаются обширные проломы черепа с вдавлением^[37] костей на значительном протяжении и оскольчатые переломы нижней челюсти. Подобного рода повреждения возникают от ударов с большой силой тупым, твердым, тяжелым предметом, каким надо считать приклад винтовки. Отдельные трупы, где отсутствуют повреждения, относятся к погибшим от голодания и инфекционных заболеваний.

Данные исследования трупов, извлеченных из могил и ям на кладбище, дают основания считать, что причиной смерти послужило голодание или инфекционные заболевания.

Во всех случаях огнестрельных ранений головы входные отверстия расположены в затылочной области и височной. Проломы черепа от действия тупогранных предметов находятся преимущественно в височно-теменной и лобной областях. Все эти повреждения относятся к категории смертельных.

Доказательством смерти от голодания являются истощенный вид трупов, полное отсутствие подкожной жировой клетчатки, отсутствие следов пищи в желудке и кишечнике. Это находит подтверждение также и в показаниях многочисленных свидетелей, удостоверяющих, что в лагерях военнопленных систематически лишали пищи, что неизбежно вело к смерти от истощения.

Определенный возраст погибших (20—40 лет), огромное количество трупов в разрытых могилах и ямах, одновременность погребения и однородные причины смерти свидетельствуют о систематическом, умышленно проводимом умерщвлении военнопленных, которое имело в виду преимущественно лиц мужского пола в самом цветущем периоде жизни.

8. И наконец, в качестве еще одного мероприятия, способствующего массовой гибели военнопленных, следует отметить огромную скученность в лагерях, крайне антисанитарную обстановку, отсутствие действительной медицинской помощи, размещение в холодных, неотапливаемых помещениях, а также отсутствие одежды, что и вызывало в конечном итоге эпидемическое развитие инфекционных заболеваний с неизбежным смертельным исходом.

Последовательно проводимые такого рода условия содержания военнопленных с полной убедительностью свидетельствуют о совершенно преднамеренном и обдуманном стремлении немецкого военного командования как можно в большем количестве добиться истребления военнопленных и других советских граждан.

(Следуют подписи членов комиссии.)

ЦГАОР СССР. ф.7021. оп.65. д.235. л.426-50

АКТ НЕВЕЛЬСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ РАЙОННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ В ГОРОДЕ НЕВЕЛЕ И НЕВЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ^[70]

1944 года, декабря месяца 21 дня Невельская чрезвычайная Районная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в городе Невеле и Невельском районе в составе: председателя комиссии Д.С. Карнетова, его заместителя А.И. Сафронова и членов комиссии: редактора

райгазеты Е.И. Бычкова, Райпрокурора И.В. Шаргина, капитана госбезопасности М.И. Капер, зав. отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б) А.Г. Долговой, капитана госбезопасности И.И. Жигалова на основании собранных материалов, опроса граждан и показаний свидетелей, а также других документов составлен настоящий акт о нижеследующем:

Оккупировав 15 июля 1941 года город Невель и Невельский район немецко-фашистские захватчики нарушили нормальную жизнь граждан Невельского района, лишили их всех политических прав. Немцы ввели и в городе и в селе кровавый террор и насилия.

Гитлеровская банда головорезов, по указке из Берлина, методически разрушала и уничтожала народное достояние, грабила и истязала граждан района. Тюрьмы, гестаповские застенки, виселицы, грабежи, поджоги и насилия — всюду преследовали советского человека.

В течении двух с лишним лет немецкие оккупанты держали наш народ в темноте и бескультуре. С приходом к власти фашистские громилы уничтожили и разграбили в городе и районе все учебные заведения, библиотеки, кинотеатр, клубы, красные уголки и избы-читальни. Гитлеровские мракобесы стремились к тому, чтобы лишить советский народ грамотности, вернуть его к средневековью и сделать послушным орудием в своих руках. Они полностью уничтожили все здания педагогического училища, общежития студентов, богатую библиотеку, в которой насчитывалось более 45 000 книг, хорошо оборудованные кабинеты: физический, химический, анатомический, военный и другие, причинив таким образом ущерб в 706 110 рублей. В районе разрушено и уничтожено 111 школ, из них 8 средних и 27 неполносредних, которые имели учебного, хозяйственного оборудования и книжного фонда на сумму 4 661 980 рублей. Во всех этих школах обучалось свыше 20 000 учащихся. Полностью уничтожены детская городская и районная библиотека с общим книжным фондом в 44 000 экземпляров. Читательский актив которых превышал 2 000 человек. Такой же участи подверглись 5 клубов, сельских библиотек с общим количеством книжного фонда в 20 500 экземпляров книг, 33 избы-читальни со всем их оборудованием и зданиями, 5 детских садов, которое посещало более 450 детей.

Поставив перед собой цель — уничтожение славянского народа фашистские изверги методически и планомерно проводили свои планы в жизнь. Как только оккупанты появились в районе они немедленно стали закрывать все лечебно-медицинские учреждения и не только закрывать, но и разрушать и грабить. Так полностью была растащена и частично разрушена районная больница на 180 коек. Медикаменты, хирургические и другие медицинские инструменты, оборудование, мебель, богатейшая медицинская библиотека — все было разграблено. Уничтожено все имущество, инструментарий и все ценности трех сельских больниц, а Кошелевская больница, имевшая огромное здание, в котором размещались: лаборатория, амбулатория, хорошо оснащенные генетологический, зубо-врачебный и другие кабинеты, хирургическое отделение — стерты с лица земля. В результате грабительской, разрушительной политики гитлеровцев прекратили свое существование три сельских врачебных амбулатории, городская и детско-лечебная поликлиника, детско-женская консультация и молочная кухня. Разграблены и сожжены 4 колхозных родильных дома, 12 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, трое детских яслей на 165 мест, дом отдыха для трихофитиков. Таким образом общий убыток исчисляется в 3 601 156 рублей.

В результате отсутствия лечебных учреждений в районе появилась большая смертность. Достаточно сказать, что по далеко неполным данным в районе, за время хозяйничания немецких оккупантов, умерло 3 000 человек.

Огромный ущерб фашистской грабь-армией нанесен промышленным предприятиям и города и района. Выведен из строя молочно-консервный завод, техническое оборудование, которого почти полностью вывезено в Германию. Заводу причинены убыток в 5 114 899 рублей. Разграблены и уничтожены 17 низовых молочных заводов, расположенных на периферии ущерб по которым выражается в 959 301 рублей, фашисты вывезли с плодово-ягодной фабрики все техническое и паросиловое хозяйство, а при отступлении подожгли здание. В огне погибли плодово-виновый цех, столовая, общежитие рабочих, бондарная мастерская, механическая мастерская, склад и жилой двух этажный дом. Таким образом убыток причиненный фабрике исчисляется в 4 358 523 руб. Гитлеровские громилы почти полностью разрушили шетинную фабрику. Погибли в огне и от разрушений почти все корпуса фабрики, столовая, здание детсада, клуба, театра, пожарного депо, конюшни, кузницы, электростанции и т.д. Все оборудование, готовая продукция, станки, машины увезены и часть приведены в полную негодность. Убыток по этой фабрике исчисляется в 3 499 841 руб. Развернутую сеть промышленных предприятий имел промкомбинат. Он насчитывал более 15 различных предприятий и мастерских, в которых работало свыше 300 человек рабочих. В результате нашествия фашистских громил все предприятия и мастерские промкомбината со всем оборудованием, сырьем и техникой были расхищены и разрушены. Промкомбинат понес убыток в 1 288 720 руб. Разрушены и полностью выведены из строя в райпищекOMBинате: колбасный цех, булочно-кондитерский, бараночный и папочный цеха, а также цех безалкогольных напитков. Сумма убытков нанесенная райпищекOMBинату исчисляется в 969 573 руб. Уничтожена фашистскими громилками и вся торговая сеть города и села. Только в городе уничтожено и разграблено 56 торговых точек, убыток от которых исчисляется в 8 177 100 руб. По Райпотребсоюзу, его заготконторе и 9 сельпо в результате нашествия гитлеровцев получен ущерб 8 549 830 руб.

Фашистские вандалы, огромный ущерб причинили городскому коммунальному хозяйству. Гитлеровские погромщики превратили цветущий город Невель в груды пепла и развалин. Электростанцию с сетью высокого напряжения, гостиницу, парикмахерские, гор.баню, прачечную и большое количество других коммунальных и частных зданий немецкие оккупанты сравняли с землей и этим нанесли ущерб только коммунальному хозяйству в 61 617 611 руб.

Особо сильно пострадало социалистическое сельское хозяйство. С приходом оккупационных войск колхоз-

ный строй был нарушен, фашистский сброд не знал границ грабежу, разрушений и мародерству. Они сожгли и разрушили 10 652 обобщественные постройки, разграбили и уничтожили обобщественного скота 53 262 головы, из которых 11 002 только лошадей. Уничтожено колхозной птицы 19 587 голов, 2 010 пчелосемей, растащено сельскохозяйственной продукции на 20 725 126 рублей, а всего убытки по коллективному сельскому хозяйству 711 507 504 рубля.

Фашистские варвары полностью уничтожили школу сельских механизаторских кадров, общежития для курсантов, столовую, мастерские и библиотеку с количеством 10 000 книг. Увезено и приведено в негодность 8 тракторов разных марок, 3 комбайна, 7 тракторных плугов, 2 молотилки МК-1100, 3 льнотеребилки, а также измерительные и слесарные инструменты. Стерты с лица земли обе машинно-тракторные станции. Сельхозмашины, тракторный парк, а также и оборудование в большей степени вывезены немцами и частично приведено в негодность. Только по Новохованской МТС было приведено в полнейшую негодность и угнано 60 тракторов, 5 комбайнов, 48 тракторных плугов и другой сельхоз. инвентарь и оборудование. Ущерб нанесенной школе механизаторских кадров и двум МТС исчисляется в сумме 3 332 603 рубля.

Немцам все было чуждо на советской земле и они не гнушались не чем — все уничтожали, разоряли и жгли. Так была полностью уничтожена вся лечебно ветеринарная сеть, фашисты разрушили районную ветеринарную лечебницу три сельских вет.участка и пять ветеринарных пунктов, причинив таким образом ущерб в 319 000 рублей.

Разрушены и разгромлены контрольно-семенная лаборатория, мясоконтрольная станция и само учреждение районного земельного отдела, которым причинен убыток в 621 224 руб.

Лапа фашистского зверя коснулась не только предприятий, учреждений и колхозов, государственного, кооперативного и частного имущества и материальных ценностей, но и самого ценного в нашем государстве — людей, граждан Невельского района.

Оккупировав город и район немецко-фашистские захватчики установили режим насилия, кровавого террора и принудительного труда для всего населения района. Фашисты издевательски относились к военнопленным. Так они 21 июля 1941 года во дворе дома №58 по витебскому шоссе расстреляли группу военнопленных красноармейцев свыше 60 человек и тела их тут же зарыли в двух ямах. На улицах города беспрестанно слышались винтовочные выстрелы и пулеметные очереди это расстреливались военнопленные бойцы и командиры Красной Армии.

Такова же участь ждала и мирное население города. Немцы схватывали их на улице и в домах и расстреливали без суда и следствия. Таким образом ими были расстреляны граждане города: Новиков Александр, Шалыгина Елена, Зарецкая Софья и Любовь, семья Тумашевич из 5 человек, семья Окуневых из 4 человек и многие другие.

Особенно лютовал фашистский зверь в августе 1941 года. Немецко-фашистские захватчики и их сообщники согнали группу еврейского населения в загородный парк «Голубая дача» и там после всяческих издевательств и избиений было зверски расстреляно более 800 человек женщин, детей и стариков, а трупы их были сброшены в ямы вместе с ранеными и живыми грудными детьми и зарыты в километре от парка в кустарнике. Другая группа населения города около 200 человек была согнана в зареченскую часть города — Петино, и там также зверски, после долгих мучений была расстреляна.

Свидетель Шаврова из деревни Крутелево, Невельского района полала:

«За период временной оккупации Невельского района в деревнях Б.Будница и Лехово немецкие оккупанты расстреляли 700 человек, из которых 197 человек только жителей Леховского сельсовета, остальные из других деревень. Похоронены они около церкви в деревне Лехово и на колхозном дворе в дер. Б.Будница. В феврале 1942 года немецкое зверье только за один день вырезало ни в чем неповинных 57 мужчин деревни Лехово».

Очевидец, житель деревни Мошенино, Невельского района Медведев показал:

«Веской 1942 года в нашу деревню приехали немцы, согнали всех жителей: мужчин, женщин, детей, построили их в два ряда и на их глазах расстреляли без суда и следствии граждан — Шаркова, Никитенко, Малковича и других, всего 6 человек, только за то, что в деревню якобы приходили партизаны, о которых население не доложило оккупантам».

На станции Опухлики дислоцировался штаб 263 немецкой дивизии, при которой размещался отряд СС, штабом руководил немец Гаутман Вальтер. Отряд СС охранял тыл дивизии и поддерживал фашистский режим в обслуживаемом им районе. У помещения штаба, около бывшего здания дет.санатории, была оборудована виселица, на которой было повешено 20 человек, в том числе учительница Березовской НСШ — Юринова Варвара Осиповна. На этой же территории и этим же отрядом было расстреляно 500 человек советских граждан.

Свидетель Кузнецов из поселка Опухлики показал:

«Арестованные приводились в штаб Вальтера на допрос, в процессе которого допрашиваемых избивали до полусмерти, а потом выводили в специальный сарай и расстреливали в затылок. Трупы из сарая немцы ни кому из мирных жителей не разрешали брать и если кто либо приходил за трупом, то назад уже не возвращался, его пристреливали в этом же сарае».

В декабре месяце в деревне Хмелище, Невельского района немецко-фашистские захватчики расстреляли 25 человек и сожгли 12 домов, а в дер. Овчино из пулемета расстреляно 72 человека: мужчин, женщин, детей и стариков и полностью выжжена вся деревня.

Вот, что рассказывает очевидец — пострадавшая гражданка Кибунова Зинаида Васильевна из деревни Филищево, Соминского сельсовета, Невельского района:

«11 декабря 1942 года около деревни Дергуны происходил бой между группой окруженцев Красной Армии и отрядом немецко-фашистских оккупантов. Окруженцы отошли и в деревню вступили немцы которые сразу же начали грабеж и учинили зверскую расправу над мирными жителями. 33 человека мужчин, женщин, детей и стариков немцы вывели на середину деревни, где был установлен пулемет. На глазах у всех они отводили по несколько человек в дом Шарипова Петра и в сених расстреливали их из пистолета в затылок. Первую на расстрел повели меня и Шарипову Марию с 5-ю малолетними детьми, будучи раненой в плечо я упала, а на меня навалились расстрелянные дети, женщины и старики. Когда все 33 человека были расстреляны, немцы натаскали хвороста и подожгли дом со всех четырех сторон.

Я выбралась из под трупов и пыталась покинуть дом, но меня заметил немец и вновь ранил на этот раз в голову. Я упала и потеряла сознание, когда я очнулась, то дом был весь в огне и мне удалось выбраться из этого дома. Немцев не было в деревни. Дом, а с ним и все расстрелянные, сгорел дотла.»

Граждане, Пальцев Роман Харитонович и Рыженкова Маланья Константиновна, Белинский Павел Тимофеевич, бежавшие из под расстрела показали:

«20 января 1943 года немецкие оккупанты согнали население деревень: Стряпиц, Городище и др. всего 178 человек в деревню Хмелинец, где учинили с ними зверскую расправу. 69 человек были сожжены живыми, а остальные 109 человек женщин, детей и стариков были поставлены около большой вырытой ямы и расстреливались. Люди получая даже легкие ранения падали в яму и их живыми закидывали землей.»

Сотни и сотни советских людей томились в фашистских застенках. Немцы приспособили по ул. Энгельса ряд зданий под тюрьмы, куда бросали мирных ни в чем не повинных граждан района только за то, что они советские люди, горячо любящие свою Родину.

Многие граждане, брошенные немцами в тюрьму, не выносили ужасных условий — ежедневных пыток, побоев и голода умирали на руках товарищей. Так умерли гр-н Васильев с Больничной улицы, Стрелков (бывший нач. пожарной охраны города), Премудров, Шахуха, Ловчий и другие. Многие кончали жизнь самоубийством. Например, Боварский — инженер плодочварочной фабрики, семью которого немцы полностью истребили. Часто к тюрьмам подъезжали автомашины и люди, увозимые на этих машинах, бесследно исчезали. Так исчезли из тюрьмы граждане Козлов Алексей, Логинов Борис и многие другие.

Гражданка Берлин Ксения Димитровна, проживающая в городе Невеле Глухому переулку дом №9 показала:

«Мой муж был арестован в сентябре 1941 года по подозрению, что он принадлежит к еврейской национальности. С первого дня его ареста я на протяжении 3-х месяцев утром, в обед и вечером ходила к тюрьме спрашивать жив ли мой муж и наблюдала лично, как из городской тюрьмы ежедневно рано утром и с наступлением темноты немцы на автомашинках вывозили по 45—50 человек арестованных в лес за поселок Зубарево и в поселок Петино на расстрел. Я слышала как стонали в кровь избитые и измученные люди, а немцы бесчеловечно били их прикладами и загоняли в машины. Были слышны крики отдельных арестованных «Прощайте погибаем», по моим подсчетам за три месяца немцы вывезли на автомашинках и расстреляли девушек, мужчин, женщин и стариков более 8 000 человек, в их числе и мой муж Берлин Андрей.»

На кануне советских праздников в 1941—42 и 1943 годах немецкие изверги арестовывали большое количество граждан и заключало их в тюрьму, как заложников. Так были арестованы в 1942 году кануне годовщины Октябрьской революции граждане Новиков Архип, Гребнева, проживавшая по ул. Урицкого дом №13/25 и другие, всего 29 человек.

Все принятые меры по истреблению советских людей гитлеровские людоеды считали недостаточными. Они в районе организовали два лагеря для военнопленных. Один на территории военного городка, с пересыльным пунктом на территории кладбища, второй на ст. Опухлики в 50 метрах от озера «Болоздынь». В обоих лагерях содержалось более 16 500 человек.

Согласно показаний свидетелей-очевидцев и освобожденных из лагеря товарищей Старовойтова, Архипова, Амосенок, Жгун, Козлова, Гололобова, Григорьевой, Украевой и других установлено, что в Невельском и Опухлицком лагерях гитлеровцы методически истребляли советских граждан. Режим, который был установлен в лагерях и каторжный труд были направлены к одной цели — быстрее истребить славянский народ. Военнопленные выносили голодное существование им выдавали на день по 200 грамм хлеба с примесью древесных опилок, и по поллитру, так называемого «супу».

В лагере нельзя было найти ни травы, ни коры на деревьях — все поедалось военнопленными. Истощенных от голода и антисанитарных условий военнопленных немцы заставляли выполнять тяжелые работы по заготовке леса и погрузке тяжестей на железнодорожные платформы и вагоны. Сырые, тяжелые бревна военнопленные носили на плечах за 500—1000 метров от полотна железной дороги. Отставших от усталости и бессилия пленных немцы избивали и плетью и палками, а особенно истощенных и больных пристреливали. Вспотевших от непосильной, тяжелой работы пленных немцы заставляли купаться, в период когда вода в озере начинала замерзать, а по краям уже образовывался лед. От непосильного труда голода и антисанитарных условий в лагерях ежедневно умирало от 35 до 60 человек. Таким образом, за время существования в Невельском районе лагерей в них погибло около 9 000 человек военнопленных красноармейцев.

Вот что рассказывает свидетель Старовойтов:

«Проживая в несколько десятков метров от военного городка, на территории которого был расположен лагерь военнопленных; я лично видел как ежедневно с пересыльного пункта гнали в лагерь пленных, которых к концу октября уже насчитывалось до 12 000. Пленные находились под открытым небом за забором обтянутого густой сетью ключей проволоки. Из лагеря круглые сутки слышались стоны больных, раненых и совершенно истощен-

ных. Я не раз слышал, как кто-то кричал: «Добей товарищ, устал мучиться, умираю».

За попытку передать хлеб военнопленным я был схвачен охраной и водворен в лагерь в августе 1941 года. Находясь в лагере военнопленных я собственными глазами видел как истощенные пленные еле-еле передвигались от бессилия собирали траву, кору с деревьев и другие отбросы и поедали их. Ежедневно в лагере умирало от голода 20-25 человек.

На окраине лагеря я видел могилу, на которой имелась надпись, учиненная военнопленными «Здесь зарыто 5 000 русских военнопленных, умерших от голода.»

Таких могил я видел в лагере еще несколько, но сколько в них похоронено жертв немецко-фашистских оккупантов — неизвестно.

Ежедневно немцы под силой оружия и палками выгоняли на земляные работы по две и более тысячи человек. Ежедневно можно было наблюдать как возвращаясь вечером с работы военнопленные несли на носилках обессиленных, умирающих товарищей, которые от непосильной работы и побоев не в состоянии были передвигаться.»

Гражданка Украева Надежда Артемьевна показала:

«В лагере было 4 500 военнопленных, из которых в живых осталось не более 350 человек. Я видела как немцы увозили их в поезде со станции Опухлики в сторону Невеля. Пленные настолько были истощенные и измученные, что из лагеря с поезде, расстояние 500 метров, не могли пройти и их подвозили на лошадях и автомашинах.

Много пленных в лагере умирало от заболевания тифом и дизентерией, от которых их вовсе не лечили. Пленные ели все отбросы, а летом грибы всех видов, в том числе и мухоморов, от которых отравлялись и смертность в лагере достигла больших размеров.»

Заняв город и район немецко-фашистские разбойники сразу же приступили к насильственному угону советских людей на каторгу в Германию. Угон в рабство осуществлялся специально созданной «биржей труда», которую возглавлял немец Отто.

Согласно приказа немецкого коменданта штаб-капитана Боммерт и начальника жандармерии гор. Невеля фельдфебеля Летель Карл население города Невеля обязано было явиться на регистрацию, проводимую «Биржей труда». Вскоре после окончания регистрации населения немцы объявили населению об обязательной явке всех граждан рождения 1925—36 годов для отправки в Германию на трудовую повинность, при чем население предупреждалось, что уклоняющиеся от мобилизации будут привлекаться к ответственности по законам военного времени вплоть до расстрела. Ужас гитлеровского рабства толкал советских граждан на причинение себе тяжелых увечий. Многие женщины и девушки, не желавшие превратиться в немецких рабынь сознательно увечили себя, лишь бы не попасть на фашистскую каторгу. Например, гражданка Григорьева Вера за уклонение от поездки в Германию была водворена в лагерь, где были невыносимые условия — каторжный труд, скверное питание и Григорьева чтобы не попасть в Германию решила умереть голодной смертью и добилась своего. Ее подруга умышленно сломала себе ногу во время работы.

Гражданка Болотникова Зина, проживающая по улице Урицкого 64 в гор. Невеле, продав все личные вещи на взятку подделав себе паспорт, уменьшив с свой возраст с 1926 на 1927 год, за что она подверглась избиению и водворению в лагерь, откуда была освобождена частями Красной Армии при освобождении города Невеля от немецко-фашистских захватчиков.

Фактов и примеров о зверствах немецко-фашистских оккупантов можно приводить без конца. Например, гражданка Петрова Устинья Захаровна из деревни Б.Будница, сейчас проживающая в городе Невеле по ул. Урицкого дом 72 рассказала:

«В 1942 году немецко-фашистские захватчики насильно угнали все население дер. Б.Будница на каторгу в Германию не дав никому ничего взять в дорогу.

Везли нас под конвоем в закрытых вагонах и мы не знали куда. В гор. Слуцк нас выгрузили из вагонов, построили и отправили в лагерь, где мы пробыли 5 недель. Режим в лагере был ужасный, по несколько дней мы сидели голодными, а иногда раз в день давали какую-то баланду. Больным медицинской помощи не оказывали. Одна женщина имела 3 детей от 4 до 8 лет, которые очень плакали и просили хлеба. Мать обратилась к немцу с просьбой выпустить ее, чтобы она могла достать хлеба для детей. В ответ на просьбу фашист выстрелил ей в рот и она упала мертвой.

Вторая женщина хотела выйти из-за проволоки и тоже получила выстрел в грудь и умерла. Люди плакали, стонали но на нас никто не обращал внимание.

Через 5 недель нас из лагеря отправили дальше и распределили на работу к хозяевам у которых приходилось работать по 16—17 часов в сутки.»

В результате зверской расправы гитлеровских палачей в Невельском районе замучено и расстреляно 20 000 чел. Угнано на каторжные работы в фашистскую Германию 6 831 чел.

Невельская чрезвычайная районная комиссия считает ответственными за совершенные злодеяния в городе Невеле и Невельском районе, за массовые убийства невинных мирных жителей, за убийство и истязание раненых и больных военнопленных, за ограбление и увод в немецкое рабство советских граждан, за разрушение колхозов, сел и деревень, фабрик, заводов и города Невель, за расхищение имущества общественных, кооперативных и государственных учреждений командующего 2-го автополевого корпуса генерала Шлем, нач. штаба 263 немецкой дивизии СС Вальтер, Шефа Невельской местной комендатуры майора Кайма, коменданта местной комендатуры №1/508 майора Кбас и его помощника капитана Крупп, начальника отдела Невельской полиции без-

опасности (СД) гауптшарфюрер СС Шторк Франц, палача Невельского отдела полиции безопасности унтершерфюрера <...> Франц, переводчика Невельского отдела полиции безопасности Фрич Франц, шефа Невельского отдела тайной полевой полиции (ГФП) обер-лейтенанта Бодэ Герман, начальника тайной полевой полиции капитана Шилинг, следователя Невельского отдела тайной полевой полиции обер-фельдфебеля Карт, шефа Невельской биржи труда Отто, начальника жандармерии гор. Невеля фельдфебеля Карл Летель и коменданта гор. Невель штаб-капитана Боммерт.

Все они должны понести суровое наказание за свои чудовищные злодеяния, совершенные против советских граждан в период временной оккупации города Невель и Невельского района, ныне освобожденных нашей доблестной Красной Армией^[71].

Председатель Невельской Чрезвычайной районной комиссии Д.С. Карнетов

Заместитель Невельской Чрезвычайной районной комиссии А.И. Сафронов

Члены Невельской Чрезвычайной районной комиссии: Е.И. Бычков, И.В. Шаргин, М.И. Капер, А.Г. Долгова, И.И. Жигалов.

ИЗ АКТА КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗВЕРСТВ И ЗЛОДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ГОРОДЕ ГЛУБОКОМ И ГЛУБОКСКОМ РАЙОНЕ ПОЛОЦКОЙ ОБЛАСТИ^[72]

1945 года, месяца марта, 23 дня

В результате расследования собрано большое количество показаний свидетелей и пострадавших, обнаружены документы и вещественные доказательства, на основании которых нами установлено следующее.

С приходом в Глубокский район фашистские захватчики учинили массовые репрессии и террор против мирных советских граждан и прежде всего против населения еврейской национальности. С первых же дней немецкие оккупационные власти произвели перепись еврейского населения, конфисковали их имущество, большую часть запасов продуктов и под охраной стали выгонять их на тяжелые работы. Немецкие патрули в пути следования к месту работы всячески издевались над ними, беспощадно избивали и расстреливали.

В сентябре 1941 года гебитскомиссар Глубокского округа Гохман издал приказ о переселении всего еврейского населения из домов, в которых они проживали, в дома специально выделенных кварталов по улицам: Карла Маркса, Энгельса, Красноармейской и Красных партизан. Эти кварталы немцы обнесли колючей проволокой и заборами и поставили усиленную вооруженную охрану. В организованное гетто немцы загнали 8 тыс. мужчин, женщин, стариков и детей.

Свидетель Шапиро Михаил Осипович, находившийся ранее в гетто, рассказывает:

«Евреи не имели права выходить из гетто. Был издан приказ, запрещающий нам пить и есть все, кроме хлеба, картофеля и воды. Норма выдачи хлеба была очень маленькая, нам запрещалось мыться в бане. Всем евреям было приказано одеть «латы», т.е. желтые звезды, как опознавательный знак еврейской национальности. Ходить разрешалось только по середине улицы. Очень часто немцы врываются в квартиры проживавших в гетто евреев, обкладывали их налогами — золотом, производили обыски, забирали все, что им нравилось, и если население не удовлетворяло претензий немцев в пределах той суммы налогов, которую они назначали, то полиция и жандармерия хватала этих людей и отправляли группами в урочище «Ворок», находившееся в 1,5 км от г. Глубокого, и там расстреливали».

Весной 1943 года немцы расстреляли за один день не менее 2 тыс. человек из гетто.

Жители г. Глубокое: Рыжкова Лидия Ивановна, Зубович Константин Лукич и другие, являющиеся свидетелями вышеуказанного факта, сообщили следственной комиссии:

«Весной 1942 года по приказу гебитскомиссара Гохмана все проживающие в гетто евреи, в том числе женщины и дети, были согнаны полицией и жандармерией на площадь Физкультуры. Там их разделили на группы и объявили, что одна партия будет отправлена для работы в Докшицкий район, а вторая партия будет работать в Глубоком. Первую партию евреев, в которой находились старики, женщины и дети, немцы погнали в урочище «Ворок». Некоторые из них, поняв, что их ведут на расстрел, пытались спастись бегством, но немецкая полиция и жандармерия расстреливала убегающих из автоматов. Вся группа в 2 тыс. человек была расстреляна в «Вороке». Расстрелы евреев производились в заранее выкопанных ямах. Всем им перед расстрелом приказывали раздеваться».

Свидетель Шапиро Михаил Осипович сообщает, что раздетым евреям немцы приказывали ложиться в ямы вниз лицом, а затем выстрелом в затылок убивали их. После расправы немцы собирали всю одежду убитых и торговали ею в своих магазинах.

Осенью 1942 года по приказу гебитскомиссара Гохмана в гетто было отобрано около тысячи нетрудоспособных стариков и инвалидов, а затем все они были расстреляны в том же урочище «Ворок».

Летом 1943 года специально прибывшие в г. Глубокое войска СС окружили гетто, где еще находилось 5,5 тыс. евреев, и начали уничтожать их пулеметами и ружейным огнем, гранатами и минами. Когда жители гетто стали оказывать сопротивление, войска СС и жандармерии сожгли дома, в которых находились евреи. Большинство людей было перебито и сожжено на территории гетто, а остальные угнаны немцами в урочище «Ворок» и затем зверски расстреляны. Только немногим удалось спастись. Всех убитых немцы закапывали там же, в урочище «Ворок».

Следственная комиссия располагает показаниями многих жителей г. Глубокое, которые были живыми свидетелями этого кровавого массового террора фашистских извергов над безвинными и беззащитными гражданами.

Комиссией установлено, что в 1941—1944 гг. немцы уничтожили 6 тыс. граждан еврейской национальности, проживавших в Глубокском районе.

В течение 1941—1942 гг. немецкие оккупанты систематически избивали и расстреливали цыган, таборы которых обнаруживали в лесах Глубокского района.

Свидетель Смольский Александр Яковлевич сообщает, что он в период оккупации проживал рядом со зданиями, в которых размещалась немецкая жандармерия и полиция, и сам лично видел, как жандармы и полицейские систематически приводили под конвоем к зданию жандармерии группы цыган по 20—30 человек, которых после допроса обычно уводили в урочище «Ворок» и там расстреливали, а их коней и имущество забирали себе. По словам Смольского, немцы таким образом уничтожили в течение 1941—1942 гг. около тысячи цыган.

Немецкая жандармерия и полиция арестовывали мирных граждан за малейшее подозрение в связях с советскими партизанами и совершали над ними зверские пытки и издевательства. Около Березвеческого лагеря советских военнопленных немецкие власти в 1942 году обнесли небольшой участок земли колючей проволокой и поместили туда для обозрения партизан и мирных граждан, арестованных за связь с партизанами.

Во время блокады, когда немцы пытались ликвидировать партизанское движение, они пригоняли в г. Глубокое толпы мужчин, женщин, детей, затем на машинах вывозили их в лес, находившийся между деревнями Лавриновка и Вариковщина, и там расстреливали. Расстрелы, пытки и издевательства немецкие оккупационные власти совершали также в деревнях и на хуторах Глубокского района. В Лучайском сельсовете немецкими оккупантами замучено и расстреляно за связь с партизанами и лояльность к Советской власти 2 человека... В Залесском сельсовете немецкие изверги замучили и расстреляли 28 мирных граждан, среди них Киселев Феокист Васильевич, 1889 года рождения, Керский Иван Владимирович, 1921 года рождения, и др.

Только на хуторах и в деревнях Глубокского района немецкие захватчики замучили и расстреляли 133 человека, среди погибших старики, женщины и дети. В целом по Глубокскому району немецкие оккупанты замучили и расстреляли в период 1941—1944 гг. 10 133 мирных жителя.

На основании заявлений граждан, свидетельских показаний и вскрытия ряда могил Комиссией установлено, что трупы расстрелянных немецкими захватчиками были захоронены в восточной части урочища «Ворок», расположенного в 1,5 км от г. Глубокое. Здесь обнаружены три могилы размером 5 X 12 и две могилы, одна из которых размером 8 X 60, другая — 12 X 16.

Наряду с расстрелами немецкие оккупационные власти насильно увозили советских девушек и юношей на каторжные работы в Германию. Из г. Глубокое немцы угнали в Германию 600 человек. В частности, из Узреческого сельского Совета — 57 человек, среди них Казимирская Мария Михайловна, 1926 года рождения, Кравенок Галина Васильевна, 1925 года рождения, Козак Анна Антоновна, 1926 года рождения, Кривенок Егор Антонович. Из Копыльщинского сельского Совета отправлено в Германию 65 человек, в числе которых Лукьяненко Евгения Григорьевна, 1928 года рождения, Кузьмич Виктор, 1929 года рождения. Всего по Глубокскому району немецкие захватчики в течение 1941—1942 гг. вывезли насильно в Германию на каторжные работы 1 130 человек.

*Председатель Комиссии **Решетников***

Члены:

*Председатель Глубокского райисполкома **Гурин***

*Капитан **Чернышев***

*Ст. лейтенант **Чухарев***

*Райпрокурор **Симоненко***

*Врач райбольницы **Леках***

*Настоятель Глубокской православной церкви **Игнатович***

*Секретарь комиссии **Саяпин***

ИЗ АКТА БАРАНОВИЧСКОЙ ГОРОДСКОЙ КОМИССИИ СОДЕЙСТВИЯ В РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ И УСТАНОВЛЕНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ^[73]

1 января 1945 г.

Барановичи

На основании неопровержимых фактов, свидетельских показаний очевидцев и пострадавших установлено, что немецко-фашистские захватчики в целях истребления граждан СССР по заранее намеченному плану создали целую систему концлагерей, тюрем и различных застенков, которые по мере уничтожения находившихся в них советских людей непрерывно пополнялись новыми жертвами.

В сентябре 1941 года на расстоянии 22 км от г. Барановичи, около железнодорожной станции Лесная, был создан лагерь военнопленных №337, в котором постоянно содержалось до 55 тыс. человек.

В г. Барановичи в центральной тюрьме были организованы отделения лагеря №337, где число военнопленных доходило до 20 тыс.

В декабре 1941 года в г. Барановичи для советских граждан еврейской национальности создается «гетто», в котором было до 15 тыс. стариков, женщин и детей.

В 1942 году в 18 км от г. Барановичи, по шоссе Барановичи — Новогрудок, в имении Колдычево был создан лагерь для мирных советских жителей всех славянских национальностей, в котором содержалось до 10 тыс. мужчин, женщин и детей.

Лагеря имели незначительное количество помещений летнего типа, без печей и нар, вмещавшие 30—40% находящихся заключенных. Территории лагерей огораживались несколькими рядами колючей проволоки, устанавливалась усиленная охрана с использованием дзотов, прожекторов, специально выдрессированных собак и даже вкопанных в землю танков. Заключенным воспрещалось общение с внешним миром. За попытку получить что-либо из продуктов или одежды заключенные расстреливались.

Обследованием мест захоронения в г. Барановичи и его окрестностях, а также многочисленными свидетельскими показаниями и заключением судебно-медицинской экспертизы установлено, что наряду с непрерывными и повсеместными убийствами отдельных советских граждан фашистско-немецкие захватчики производили и массовые расстрелы.

4 марта 1942 г. в 5 час. в лагерь, расположенный в г. Барановичи, с усиленной командой явились начальник барановичского гестапо унтерштурмфюрер Амелюнг Вольдемар, оберстлейтенант Шредер Вильгельм, главный врач Вихман Артур, начальник биржи труда гебитскомиссариата Гезеке, заместители гебитскомиссара Кванке Макс, гауптман Мислевитц, которые отобрали 3 400 человек, вывезли на автомашинах за город и в 300 м от железнодорожной канавы к 14 час. расстреляли их.

С 22 сентября по 2 октября 1942 г. из лагеря г. Барановичи под руководством начальника барановичского гестапо унтерштурмфюрера СД Амелюнга Вольдемара, заместителя гебитскомиссара округа Бертрама Курта, обершарфюрера Берхардта Отто, заместителя начальника полиции округа оберштурмфюрера Шлегера в течение 9 суток на автомашинах и в душегубках вывозились за город, на расстояние 3 километров (между деревнями Грабовиц и Глиниша) к заранее подготовленным ямам советские граждане: мужчины, женщины и дети. За этот период было расстреляно 5 тыс. человек.

С 17 декабря 1942 г. в течение месяца в г. Барановичи под непосредственным руководством начальника гестапо штурмфюрера СД Амелюнга Вольдемара и его заместителей: Бартеля Александра, унтерштурмфюреров Шаупеетера, Андераса Дадишека, майстеров Бригмена, Пегарца, обершарфюреров Берхардта Отто, Бреккера, Гинтера Александра, Андерса, унтершарфюреров Мулле, Шмауха, Шмиллеля производилось кровавое массовое уничтожение советских граждан.

За это время гитлеровцы расстреляли 7 тыс. человек.

В ноябре 1941 года на ст. Лесная прибыли эшелоны с военнопленными, которые также были уничтожены.

В конце июля 1942 года на ст. Барановичи в спецэшелонах привезли из разных городов Чехословакии чехословацких подданных с семьями, преимущественно интеллигенцию (врачей, инженеров, учителей и др.) — 3 тыс. человек. По прибытии эшелона на станцию привезенным было предложено оставить все свои вещи, сесть в машины и поехать на обед. Под предлогом обеда их вывозили за город на расстояние 2 км и расстреливали в урочищах Гай. Часть людей была умерщвлена во время перевозок в душегубках. Все их вещи немцы перевезли в гестапо, а затем продолжительное время отправляли эти вещи в Германию своим семьям.

С 7 по 29 июля 1944 г. накануне отступления немцев, под непосредственным руководством шефа концлагеря Колдычево обершарфюрера Иоганна Фрица было расстреляно 2 тыс. заключенных, а остальных 300, оставшихся в живых, угнали в Германию.

Жительница ст. Лесная Серафима Юдкевич, которая случайно осталась живой во время расстрелов, рассказала:

«13 марта 1942 г. нас, 42 человека, вывезли на автомашине за ст. Лесная. Когда машина остановилась возле ямы, мы поняли, что привезены на расстрел. Среди нас было 19 детей от 8 месяцев до 7 лет. Руководивший расстрелом немец, по имени Роберт, приказал всех грудных детей положить на край ямы, а матерям стать возле них. Когда расстреляли мужчин и женщин, не имевших детей, то по его команде немцы медленно штыками сбрасывали детей в ямы, а потом убили и матерей».

В лагере для военнопленных №337 была применена машина-душегубка, в которой в августе 1942 года в течение суток умертвили 720 человек, главным образом из командного состава в связи с их отказом от поступления на службу к немецкую армию.

Победоносное наступление Красной Армии заставило гитлеровцев с конца 1943 года приступить к сокрытию следов совершенных ими злодеяний. В этих целях гитлеровцы избирали различные способы, например строили кремационные печи для сжигания трупов, маскировали ямы-могилы и сажали на них деревья.

В концлагере Колдычево (урочище «Лозы») в ноябре 1942 года была построена кремационная печь, в которой сожгли 300 трупов заключенных, привезенных из барановичской и столбцовской тюрем. После сожжения 300 трупов действие печи было прекращено, а 6 человек заключенных, строивших ее, умерщвлены.

В Березовой роще «Арабовщина» массовые могилы сравнивали с поверхностью земли и на них насадили деревья.

В шталаге №337 многочисленные канавы и искусственные рвы, заполненные трупами, сравнивались с поверхностью земли, а рядом делались ложные одиночные могильные холмы.

Барановичская городская комиссия содействия в работе Государственной Чрезвычайной Комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков считает, что ответственные за зверства и

массовое убийство советских граждан в г. Барановичи и его окрестностях в первую очередь гитлеровское правительство, командование германской армии и непосредственные организаторы этого преступления:

1. Вернер Рудольф, оберфюрер, гебитскомиссар Барановичского округа.
2. Амелюнг Вольдемар, унтерштурмфюрер, начальник СД.
3. Доктор Хойзор, оберштурмфюрер.
4. Райндорфер, гауптштурмфюрер СС.
5. Мислевитц, гауптштурмфюрер.
6. Иоганн Фриц, обершарфюрер, комендант концлагеря Колдычево.
7. Шредер Вильгельм, оберстлейтенант, высшее управление СС и СД Барановичского округа.
8. Гольбрандт, гауптштурмфюрер, управление СС и СД Барановичского округа.
9. Барон фон Штакельберг, адъютант гебитскомиссара Барановичского округа.
10. Бертрам Курт, главный инспектор гетто г. Барановичи.
11. Мешке Курт, хозяйственный инспектор СД Барановичского округа.
12. Гипке, оберштурмфюрер, управление СС и СД Барановичского округа.
13. Шлегель, оберштурмфюрер, управление СС Барановичского округа.
14. Шефгольц Карл, оберштурмфюрер, начальник городского управления СС.
15. Ведель, оберштурмфюрер, городское управление СС.
16. Валелът, помощник начальника городского управления СС.
17. Доктор Вихман Артур, главный врач Барановичского округа.
18. Вольф Гельмут, заместитель гебитскомиссара Барановичского округа.
19. Крампе Макс, политинспектор при гебитскомиссариате Барановичского округа.
20. Гизеке, политинспектор отдела труда Барановичского округа.
21. Доктор Айхлер, государственный советник, начальник отдела труда Барановичского округа.

Все вышеупомянутые гитлеровцы были руководителями и непосредственными участниками пыток, угона в рабство, повешений, расстрелов и других методов массового уничтожения советских граждан.

Все они вместе с гитлеровским правительством должны нести суровую ответственность за совершенные чудовищные злодеяния.

Председатель Городской комиссии И. Михин

Зам. председателя А. Бурый

Члены: Левинсон, Чалов, Акулов, Роговский, Ржевский.

Председатель судебно-медицинской экспертизы врач Леонтьева

Судмедэксперты: Горбылева, Долецкая.

Майор медслужбы Сергеев

СВОДНЫЙ АКТ О ЗВЕРСТВАХ ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ НАД МИРНЫМИ СОВЕТСКИМИ ГРАЖДАНАМИ И ВОЕННОПЛЕННЫМИ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ^[74]

(не ранее 25 января 1945 года)

На основании актов, составленных районными комиссиями и жителями области, показаний очевидцев и свидетелей, а также материалов, опубликованных Чрезвычайной Государственной Комиссией, Смоленская областная комиссия по оказанию содействия в работе Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР установила:

Ворвавшиеся на территорию Смоленской области немецко-фашистские захватчики, выполняя указания германского фашистского правительства и германского военного командования, подвергли народное хозяйство области опустошительному разорению и произвели чудовищное истребление советских граждан.

Население области испытало на себе все ужасы гитлеровского «нового порядка». Повсеместно происходили массовые расстрелы мирного населения, самые ухищренные и разнузданные убийства людей различными способами, насилия и издевательства, массовый угон населения в немецкое рабство.

За период оккупации районов Смоленской области (в старых границах) — с 13 июля 1941 г. по 10 октября 1943 г. немецкие изверги расстреляли, повесили, сожгли и закопали живыми, отравили ядом и в душегубках, замучили в застенках гестапо 89 744 мирных советских граждан, от грудных детей до глубоких стариков, и свыше 121 тысячи военнопленных — бойцов и командиров Советской Армии, увели в немецкое рабство свыше 87 тысяч советских граждан (итоги по актам и спискам, представленным в Чрезвычайную Государственную Комиссию). Кроме того, в городе Смоленске и его окрестностях немцы истребили свыше 135 тыс. мирных граждан и военнопленных (сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии). Общее количество жертв злодеяний захватчиков по этим документам составляет около 433 тысяч.

Сопоставление этих данных с итоговыми донесениями районных комиссий показывает, что отдельными актами о злодеяниях и списками жертв охвачены не все преступления немецких извергов, особенно в отношении насильственного угона населения в немецкий тыл и на немецкую каторгу. Учитывая сообщения районных комиссий,

областная комиссия считает, что общее количество жертв злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Смоленской области должно быть принято в 546 086 человек, из которых:

а) погибло мирных граждан — 151 319 чел.

б) угнано в рабство — 164 630 чел.

Всего — 315 949 чел.

в) погибло военнопленных — 230 137 чел.

Итого жертв — 546 086 чел.

При этом из общего количества жертв в г. Смоленске, установленного Чрезвычайной Государственной Комиссией в 135 тыс. человек, отнесено к мирному населению 35 тыс. человек и военнопленных 100 тысяч человек.

Областная комиссия считает приведенные выше данные наиболее близкими к действительным, но заниженными, так как:

1) часть актов о злодеяниях немцев, составлявшаяся органами военной прокуратуры, бойцами и командирами Красной Армии непосредственно после освобождения тех или иных населенных пунктов, отсылалась в центр по линии военных органов, минуя областную комиссию;

2) составление актов о злодеяниях и списков жертв злодеяний по большому числу сельских Советов или групп сельских Советов не представляется возможным для районных комиссий вследствие полного опустошения этих сельских Советов и отсутствия в них населения. И до настоящего времени (т.е. спустя более года по освобождению) не функционируют некоторые сельсоветы в Гжатском районе (Батюшковский, Варгановский, Коробкинский, Костровский), в Кармановском районе (Плосковский), в Сафоновском районе Комаровский сельсовет лишь недавно возобновил свою деятельность и т.д.;

3) из-за разрушения и обезлюдения городов области также не представляется возможным составить списки и учесть количество населения, угнанного в немецкую неволю (например, по городам Смоленску, Вязьме, Дорогобужу, рабочему поселку Колодня и др.).

Ко времени освобождения области от вражеской оккупации в ней насчитывалось менее 900 тыс. человек населения, или только 40% довоенной численности (перепись 1939 года — 1 987,7 тысяч).

Кровавые злодеяния немецко-фашистских оккупантов имели место во всех без исключения районах и городах Смоленской области. Повсюду были массовые и одиночные расстрелы мирного населения, в большинстве неповинных стариков, женщин и детей. Повсеместным было применение виселиц. Факты массовых или групповых сожжений установлены также почти во всех районах области. Расстрелам, сожжениям советских людей, применению виселиц почти всегда предшествовали мучительные пытки и истязания.

Особенно выделяются по многочисленности расстрелянных граждан районы: Батурицкий — 1 391 человек (по актам), Вхотский — 1 514, Глинковский — 1 984, Ельнинский — 3 764, Куйбышевский — 1 244, Пречистенский — 909, Сафоновский — 954, Семлевский — 816, Темкинский — 1 484, Хиславичский — 2 280 и т.д.

Факты массового сожжения живых людей имели место в Батурицком районе — 461 человек, Гжатском — 357, Глинковском — 384, Дзержинском — 141, Демидовском — 299, Знаменском — 280, Мосальском — 483, Новодугинском — 139, Семлевском — 384, Сычевском — 213, Темкинском — 158, Тумановском — 156 и т.д.

Немецкие разбойники закапывали людей в землю живыми (Андреевский, Касплянский, Сычевский, Темкинский, Усвятский и другие районы), убивали граждан отравой (Дорогобужский, Понизовский, Тумановский районы) и в душегубках (Смоленск, Рославль), взрывали на минных полях (Велижский, Глинковский, Демидовский, Слободской, Сычевский, Темкинский и другие районы).

Массовым явлением была насильственная смерть мирных граждан от холода и голода: Вяземский район — 140 человек, Гжатский — 283, Медынский — 72, Мосальский — 173, Темкинский — 311, Тумановский — 322 и другие.

Особые массовые изуверства совершали немецкие изверги над еврейским и цыганским населением. Евреи и цыгане были истреблены поголовно и повсеместно.

Гнусные насилия над женщинами немцы совершали также во всех районах и городах области.

Массовый угон населения в немецкий тыл и на германскую каторгу производился оккупантами из всех без исключения районов и городов области. Особенно свирепые мероприятия в этом отношении немцы осуществляли в тех районах, где длительный срок пролегал через районы линия боевого фронта, а также в районах, близких к немецким рубежам обороны. Так, угнано в рабство из Вельского района 6 902 человека, Велижского — 2 059, Гжатского — 7 171, Кармановского — до 12 000, Сычевского — до 7 000, Темкинского — 8 054, Износковского — 4 500, Мосальского — 10 313, Юхновского — 4 341, Вхотского — 13 600, Знаменского — 3 988, Думиничского — 7 476, Ельнинского — 3 862. В зоне немецкой обороны Смоленска угнано в рабство из Ярцевского района 13 329 человек, Духовщинского — 4 169, Пречистенского — 9 797, Батурицкого — 6 506, Руднянского — 5 000 и т.д.

Массовая гибель военнопленных имеет место не только в лагере для военнопленных, где они злодейски истреблялись, но и в пути следования. Дороги, по которым немецко-фашистские захватчики вели пленных, покрывались трупами замученных и убитых. Так, например, на судебном процессе над фашистскими преступниками в Харькове вскрылось, что из 15 тысяч человек заключенных, отправленных из Вяземского лагеря в Смоленск, к месту назначения дошли только 2 тысячи человек. В лагерях военнопленных — Смоленском №126, Рославльском №130, Вяземском, Сычевском, Гжатском, Дорогобужском, Екимовичском №112, Кармановском, Усвятском, Мосальском, Руднянском, Пречистенском, Спас-Деменском и других военнопленные массами гибли каждоднев-

но от холода, голода, болезней и непереносимых пыток и истязаний, а также от непосильного труда для измученных людей.

В Смоленском лагере №126 истреблено не менее 115 тысяч военнопленных, в Рославльском — 120 тысяч, Вяземском — 15 тысяч, в Сычевском — свыше 3 тысяч, Дорогобужском — свыше 1 800 человек и т.д.

Гибель военнопленных (расстрелы, сожжения и т.д.) небольшими группами на остановках или этапах следования отмечается в актах почти всех районов.

Конкретными виновниками злодеяний немцев на территории Смоленской области, непосредственными исполнителями преступлений над мирными гражданами и военнопленными бойцами и командирами Красной Армии областная комиссия считает лиц из состава германского военного командования, офицеров и солдат воинских частей и чиновников немецких оккупационных властей, поименованных в представляемом списке^[75].

Председатель областной комиссии Д. Попов.

Член областной комиссии Зорохович.

Секретарь областной комиссии Бландовский.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО) ф.1630, оп.1, св.61, д.367, л.10—11 об.

АКТ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГОРОДСКОЙ КОМИССИИ О ПРЕДНАМЕРЕННОМ ИСТРЕБЛЕНИИ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ВАРВАРАМИ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДА И УЩЕРБЕ, НАНЕСЕННОМ ХОЗЯЙСТВУ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ ГОРОДА ЗА ПЕРИОД ВОЙНЫ И БЛОКАДЫ^[80]

Немецко-фашистские захватчики, напав на Советский Союз, в первые же недели войны стремились захватить Ленинград — крупнейший политический, экономический, культурный и научный центр страны — и обрушили на него десятки отборных дивизий, тысячи самолётов, танков и орудий.

Национальная гордость русского народа — Ленинград, колыбель самого демократического строя в мире, славился своими передовыми, технически высокооснащёнными фабриками и заводами, являлся рассадником новейшей технической мысли и кузницей лучших инженерно-технических и квалифицированных рабочих кадров. В предвоенном 1940 г. ленинградская промышленность выпустила продукции более чем на 14 млрд. рублей. Ленинград вместе с тем — один из важнейших транспортных узлов страны, куда сходятся важные железнодорожные и водные магистрали. Ленинградский торговый порт с годовым грузооборотом более 3 млн. тонн связывает Советский Союз со всеми важнейшими морскими портами мира.

Город более чем с трёхмиллионным населением насчитывал около 32 тыс. коммунальных жилых домов, разветвлённую сеть коммунальных и культурно-бытовых предприятий, обеспечивающих его транспортом, электроосвещением, водопроводом, канализацией и другими бытовыми удобствами.

Крупнейший культурный центр — Ленинград насчитывал 60 высших учебных заведений с 85 тыс. учащихся, 101 техникум с 35 тыс. учащихся, 28 театров, 516 кино, 146 клубов и домов культуры, 722 массовых библиотеки, 43 музея, обслуживавших в год свыше 7 млн. посетителей.

Многие ленинградские культурные учреждения — Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей, Государственная Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина, Государственный Академический театр оперы и балета имени С.М. Кирова и др. — пользуются мировой известностью. В Ленинграде, крупнейшем научном центре страны, находились ряд научных учреждений Академии наук СССР, более 100 научно-исследовательских учреждений и многочисленные научные кадры.

Архитектурные ансамбли Ленинграда представляют большую культурно-историческую и художественную ценность. Более чем за двухсотлетнее существование города в нём воздвигнуты сотни архитектурных и скульптурных монументальных сооружений, вошедших в мировую сокровищницу искусства. Город украшали выдающиеся зодчие: Земцов, Растрелли, Старов, Деламот, Кваренги, Воронихин, Захаров, Тома де Томон, Монферран, Стасов, Фальконет, Козловский, Клодт и др. В Петербурге — Ленинграде народ любовно создавал замечательные архитектурные памятники, начиная с построек первых лет существования города (домик Петра I, дворец в Летнем саду, дворец Меншикова и др.), воплощая в них достижения замечательной русской культуры. Народ сохранял и оберегал творения своих зодчих, умножая и развивая дальше свою культуру.

Замечательные архитектурные и художественные памятники, музеи Ленинграда привлекали внимание не только отечественных, но и многочисленных иностранных учёных, деятелей искусства, литературы, политических деятелей и туристов.

Гитлеровские захватчики рассчитывали захватить Ленинград, чтобы расхитить его величайшие ценности, фабрики и заводы, разрушить его исторические и культурные памятники, уничтожить его высокую русскую культуру, поработить и уничтожить его население.

Когда планы немецко-фашистских империалистов захватить Ленинград потерпели полный крах, их армия перешла к длительной осаде и блокаде города. Эта осада планомерно и сознательно использовалась гитлеровцами для разрушения города и уничтожения его населения путём методических бомбардировок с воздуха и систематических артиллерийских обстрелов.

Преднамеренное разрушение города, его зданий, предприятий, архитектурных и культурно-исторических ценностей, убийства мирного населения выполнялись немецко-фашистскими войсками, блокировавшими Ленинград, в соответствии с указаниями немецко-фашистского верховного командования, что подтверждается за-

хваченными приказами и другими документами^[81], а также показаниями пленных гитлеровцев и многочисленными фактами, ряд которых уже приводился в советской печати.

На основании документальных материалов, актов, экспертиз, заявлений, свидетельских показаний, а также на основе тщательного расследования, произведённого специальной комиссией в составе:

Председателя Ленинградской Городской Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, депутата Верховного Совета СССР А.А. Кузнецова, Председателя Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся П.С. Попкова, Депутата Верховного Совета СССР Я.Я. Кубаткина, Заместителя председателя Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся Е.Т. Фёдоровой, Главного архитектора Ленинграда, члена-корреспондента Академии архитектуры СССР Я.В. Баранова, Члена Городской Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков Б.П. Страупе, Вице-президента Академии наук СССР Л.А. Орбели, Академика А.А. Байкова, Председателя правления Союза советских писателей Н.С. Тихонова, Патриарха Московского и всея Руси Алексия, Уполномоченного Комитета по делам искусств при СНК СССР в Ленинграде Б.И. Загурского, Директора Государственного Эрмитажа академика И.А. Орбели, Члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора искусствоведческих наук, профессора М.В. Доброклонского, Декана энерго-машиностроительного факультета Ленинградского Политехнического института им. М.И. Калинина, доктора технических наук, профессора В.Р. Шретер, Декана юридического факультета Ленинградского Государственного университета, заслуженного деятеля науки, доктора юридических наук, профессора А.В. Венедиктова, Ответственного секретаря Ленинградской Городской Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников Л.Я. Куприяновой.

Установлено:

Преднамеренное разрушение немецко-фашистскими захватчиками города, его культурно-исторических памятников и истребление населения

Оказавшись не в состоянии взять Ленинград штурмом, немецко-фашистские захватчики решили кольцом блокады задушить город с трёхмиллионным мирным населением. 8 ноября 1941 г. в Мюнхене Гитлер заявил: «Ленинграду придётся умереть голодной, смертью...». Начиная с сентября 1941 г., все 900 дней блокады, Ленинград, несмотря на то, что в нём не было крепостных сооружений, подвергался бомбардировкам с воздуха и систематическим артиллерийским обстрелам, преследовавшим цель разрушения города и убийства его мирного населения. Всё это делалось преднамеренно, по приказам немецко-фашистского военного командования.

Немецко-фашистские варвары планомерно готовились к разрушению Ленинграда. Советское Информбюро 14 января 1942 г. сообщало, что «Германское информационное бюро распространило сообщение о том, что будут во всех районах Ленинграда «по указанию полит. комиссаров» производятся взрывы общественных зданий и якобы уже разрушены вокзалы, почтамт, правительственные здания, школы, жилые дома и другие здания. Германское информационное бюро ссылается при этом на показания каких-то советских пленных...».

Эта гнусная ложь, как сообщало тогда же Совинформбюро, «свидетельствует о том, что немцы, подготавливая в широких масштабах бомбардировку невоенных объектов Ленинграда, стремятся заранее снять с себя ответственность за подобные варварские действия...».

Подобное же сообщение о действиях немецко-фашистской артиллерии было сделано Советским Информационным бюро в оперативной сводке за 6 декабря 1943 г.:

«Артиллерия немецко-фашистских захватчиков, расположенная под Ленинградом, вот уже в течение многих месяцев систематически обстреливает жилые кварталы Ленинграда. Потерпев полный провал всех попыток захватить Ленинград, немецко-фашистские злодеи в бессильной злобе вымещают свои военные неудачи на мирных жителях. Известно, что в данное время в Ленинграде военных объектов нет, потому для всех очевидно, что систематические обстрелы города имеют одну цель, а именно: разрушение жилых зданий, уничтожение памятников культуры, истребление мирных жителей Ленинграда».

О преднамеренном разрушении историко-художественных и культурных объектов Ленинграда свидетельствуют документы, захваченные при разгроме штаба одной из артиллерийских группировок немцев во время разгрома фашистских войск под Ленинградом в январе 1944 г.

Среди захваченных документов обнаружены планы Ленинграда, на которые были нанесены такие «военные» объекты, как музеи, дворцы, институты и т.п. Например, Эрмитаж значился как объект №9, Аничков дворец (Дворец пионеров) — объект №192, Институт охраны материнства и младенчества — объект №708, больница имени Эрисмана — объект №89, жилой квартал на Большой Зелениной улице — объект №757.

Каждому номеру объекта соответствуют свои артиллерийские данные: прицелы, калибры и типы снарядов.

Немецко-фашистские захватчики сознательно нарушали международные конвенции, которые в своё время были подписаны официальными представителями германского правительства. Так, например, в подписанной Германией, наряду с другими странами, в Гааге конвенции было сказано, что «при осадах и бомбардировках должны быть приняты все меры к тому, чтобы щадить насколько возможно храмы, здания, служащие целям науки и искусства и благотворительности, исторические памятники, госпитали и места, где собраны больные и раненые». (Из статьи 27 4-й Гаагской конвенции.)

Приведённые факты свидетельствуют о том, как бесцеремонно глумились немецко-фашистские вандалы над принятыми международными установлениями.

Зверское истребление мирного населения Ленинграда путём блокады, бомбардировок и артиллерийских обстрелов

Когда гитлеровский план захвата Ленинграда штурмом провалился, немецко-фашистские захватчики начали осуществлять новый коварный план: истребление мирного населения города путём голодной блокады, уничтожение его бомбардировками с воздуха и артиллерийскими обстрелами. Город, отрезанный немецко-фашистскими извергами от всех имеющихся путей сообщения со страной, понёс тяжёлые человеческие жертвы от голода.

Нарушая все международные установления, гитлеровцы обрушили на мирное население города — на женщин, детей и стариков — фугасные, осколочные и зажигательные бомбы, артиллерийские снаряды, которыми немецкие батареи били по жилым домам, улицам, площадям и скверам. Немецко-фашистские захватчики сбросили на Ленинград 107 158 фугасных и зажигательных бомб, свыше 150 000 тяжёлых артиллерийских снарядов. От бомбардировок и артиллерийских обстрелов было убито 16 747 ленинградцев. Кроме того, было ранено 33 782 мирных граждан — женщин, стариков и детей^[82].

Среди погибших от варварских обстрелов много представителей интеллигенции, выдающихся деятелей культуры, науки и техники. Был убит осколком снаряда крупнейший архитектор, член-корреспондент Академии архитектуры СССР Ильин Л.А., погиб при артобстреле доктор технических наук профессор Шишко Л.П., профессор Казарновская С.С. и др. Фашистские злодеи несут ответственность за гибель во время блокады таких выдающихся представителей науки, как известный физиолог академик Ухтомский, крупный микробиолог профессор Владимиров, и многих других.

Немецко-фашистская артиллерия с беспримерным цинизмом и жестокостью обстреливала места скопления мирного населения, наиболее людные перекрёстки, трамвайные остановки, парки и скверы.

Как показывают материалы допросов пленных, немецкими артиллеристами были пристреляны места наибольшего скопления населения на улицах. Наиболее многолюдные трамвайные остановки и оживлённые перекрёстки улиц составляли у немецких варваров особый перечень объектов для обстрелов. В журнале боевых действий 768-го артиллерийского дивизиона резерва германского главного командования имеются записи:

«5 декабря 1941 г. обстреливал 25-ю снарядами скопления народа на Крестовском острове в северной части Петербурга. По-видимому, это были эвакуируемые...».

Пленный фельдфебель Фриц Уепке, командир 2-го орудия 2-й батареи 2-го дивизиона 910-го артиллерийского полка, показал:

«Для обстрела Ленинграда на батареях имелся специальный запас боеприпасов, отпущавшихся сверх лимита в неограниченном количестве... Все расчёты орудий знали, что обстрелы Ленинграда были направлены на разрушение города и уничтожение его гражданского населения. Поэтому они иронически относились к сводкам немецкого верховного командования, в которых говорилось об обстрелах «военных объектов» Ленинграда».

Стреляя по городу, солдаты и офицеры сопровождали выстрелы выкриками, вроде следующих: «А, ну-ка, ещё в один дом трахнем!», «Привет большевикам!», «Эх, посмотреть бы, как рушится квартал!», «Ещё куча трупов!», «А, ну-ка, давай фарш!».

Немецко-фашистские убийцы стреляли по городу планомерно и методично, выбирая часы наибольшего оживления уличного движения, чтобы уничтожить как можно больше мирных граждан.

Пленный Рудольф Ловнен (240-й артполк, 9-я батарея 170-й пехотной дивизии) на допросе показал:

«Артбатарея 240 артполка вела огонь по Ленинграду утром часов в 8 — 9, днём с 11 — 12 час, вечером наиболее интенсивно с 17 до 18 и затем с 20 до 22 ч. одиночными выстрелами. Основная задача была — обстрел жилых зданий и истребление жителей Ленинграда, поэтому мы вели огонь в то время, когда на улицах города было наибольшее скопление жителей».

Вот некоторые факты зверского истребления немцами мирного населения Ленинграда, взятые из многочисленных актов:

8.11.41 г. в 16.02 на Нарвской площади 3-мя артиллерийскими снарядами ранено 16 чел., убито 14 чел.

30.11.41 г. в 16.03 у трамвайной остановки против дома №32 по проспекту Карла Маркса разрывом артиллерийского снаряда ранено 15 чел., убито 2 чел.

21.12.41 г. в 14.00 на площади Ситного рынка 4-мя артиллерийскими снарядами ранено 41 чел., в том числе 8 детей, убито 55 чел.

4.7.42 г. в 13.15 на Нарвской площади артиллерийским снарядом ранено 2 чел., убито 6 чел.

7.1.43 г. в 7.45 в трамвайный поезд, находившийся на углу Нижегородской улицы и Лесного проспекта, попал артиллерийский снаряд. Ранено 76 чел., убито 93 чел. Большинство пострадавших — подростки-ремесленники, направлявшиеся на работу.

17.4.43 г. в 15.30 на улице у дома №27 по Загородному проспекту артиллерийским снарядом ранено 50 чел., убито 7 чел.

3.8.43 г. в 15.07 у трамвайной остановки против дома №52 по Невскому проспекту артснарядом ранено 49 чел., убито 43 чел.

18.10.43 г. в 18.45 у дома №30 по Международному проспекту артиллерийским снарядом ранено 17 чел., убито, 9 чел.

22.12.43 г. в 19.48 у трамвайной остановки против дома №51 по Невскому проспекту разрывом 2-х артиллерийских снарядов разрушены 3 трамвайных вагона, ранено 69 чел., из них 2 детей, убито 29 чел.

4.1.44 г. в 7.55 в трамвайном поезде, следовавшем по улице Куйбышева, у дома №21, разорвавшимся артиллерийским снарядом ранено 10 чел., убито 8 чел.

6.1.44 г. в 9.10 на улице против дома №55/57 по Садовой улице разорвавшимся артиллерийским снарядом ранено 13 чел., убито 8 чел.

18.1.44 г. в 14.47 у трамвайной остановки против дома №61 по Международному проспекту разорвавшимся артиллерийским снарядом ранено 9 чел., убито 4 чел.

Об этом же свидетельствует большое количество показаний советских граждан. Вот, например, что свидетельствуют врач 4-го батальона МПВО Берлин и медицинская сестра Тверская:

«6 сентября 1941 года снаряд разорвался на улице. На панели с распостёртыми руками лежит убитая женщина. Рядом валяется корзина с продуктами. Деревянный забор скошен и обagrён кровью. На нём налипли куски размозженного человеческого тела: петли кишок, окровавленные осколки костей, куски мозга. На панели — разорванный пополам труп беременной женщины, виден труп почти доношенного младенца. Во дворе — 5 трупиков девочек в возрасте 5—7 лет. Они лежат полукругом, в том же порядке, как стояли тут до момента смерти, играя в мяч».

Вот что пишет ленинградская писательница Вера Инбер об артиллерийском обстреле 8 августа 1943 г.:

«Снаряды с дьявольской точностью ложились в центре города, главным образом на перекрёстке Невского и Садовой, у трамвайной остановки. Там в это время кишело народом. Воскресный день. На мостовой лежали куски человеческих тел, бидоны, кошелки, лопаты, овощи, многие ехали на загородные огороды или возвращались оттуда».

Приведённые факты, как и многочисленные другие, имеющиеся в распоряжении Комиссии, неопровержимо свидетельствуют о том, что при обстрелах города фашистские бандиты не преследовали военных целей^[83].

В журнале боевых действий 768-го тяжёлого дивизиона резерва главного командования имеются следующие записи по поводу обстрела невоенных объектов в Ленинграде:

«30-11-41 г. с 14.01 по 15.00 дивизион обстреливал кондитерскую фабрику в Ленинграде 15 снарядами».

«17-1-42 г. в 10.45 дивизион 4 орудиями производит огневой налёт по жилым кварталам Петербурга, выпущено 28 снарядов».

«6-3-42 г. с 9.15 до 9.32 дивизион произвёл огневой налёт 50 снарядами по 8-К-11, 16, 21 и 7-К-20, 25 (военные госпитали в Петербурге)».

«18-5-42 г. во второй половине дня дивизион 4 орудиями произвёл огневой налёт на трамвайный парк в Петербурге» и т. д.

Пленные немцы по поводу обстрела Ленинграда показали следующее:

Унтер-офицер Ганс Кернер, телефонист штаба 708-го артиллерийского дивизиона резерва главного командования, показал:

«Все три батареи дивизиона были предназначены для обстрела Ленинграда. Особенно часто вела огонь первая батарея. Были дни, когда первая батарея производила по Ленинграду огневые налёты, выпуская по 20 снарядов в течение получаса, в частности такой огневой налёт был произведён 24/ХІІ-43 г. Командир первой батареи (капитан Кваас) по своей инициативе часто открывал огонь по Ленинграду, и орудия его батареи стреляли почти ежедневно. В виде поощрения он систематически спаивал своих солдат, они часто вели огонь по Ленинграду, будучи пьяными. Командир 708 дивизиона капитан Хатель за эти действия высказывал капитану Кваас своё одобрение».

Штабс-ефрейтор 2-й батареи того же дивизиона Генрих Беккер показал:

«Батареи вели интенсивный огонь по Ленинграду. Вторая батарея, в которой я служил, стреляла почти ежедневно. Бывали дни, когда она выпускала до 400 снарядов».

Командир дивизиона (тогда дивизионом командовал майор Вебер) по своему усмотрению отдавал приказания на открытие огня, и огонь вели настолько интенсивно, что за время с 15 марта по июль 1942 года материальная часть выбыла из строя. Батарея, как и весь дивизион, до последнего дня вела огонь по Ленинграду».

Как следует из записей «Журнала боевых действий» 768-го артиллерийского дивизиона резерва главного командования, обстрелы Ленинграда велись по указаниям гитлеровского командования, которые выполнялись неукоснительно. По приказу можно проследить, что командир 768-го артдивизиона майор Реннер вёл варварские обстрелы города по приказанию командира 303-й высшей артиллерийской группы генерал-майора Кратцера, а с сентября 1943 г. сменившего его генерал-лейтенанта Томашки. Эти палачи в свою очередь получали приказания от командующего 18-й армией генерал-полковника Линдемана, непосредственно выполнявшего волю верховного командования фашистской Германии.

Разрушение немецкими варварами культурно-исторических памятников и просветительных учреждений Ленинграда

За время осады и блокады Ленинграда немецко-фашистскими варварами разрушено и повреждено бомбами и снарядами 187 исторических зданий города, выстроенных прославленными зодчими.

Всемирно известный Зимний дворец, построенный в 1754—1764 гг. гениальным зодчим Растрелли, потерпел значительные разрушения от попадания фугасной бомбы и десяти артиллерийских снарядов.

Здание Адмиралтейства, являющееся выдающимся архитектурным памятником Ленинграда и одной из прекраснейших в Европе построек эпохи классицизма, созданное русскими зодчими Коробовым и Захаровым, так-

же получило значительные повреждения. Это здание неоднократно подвергалось бомбардировкам и артиллерийским обстрелам. На него было сброшено двадцать шесть фугасных бомб, пятьдесят артиллерийских снарядов и сотни зажигательных бомб.

Серьёзные разрушения и повреждения причинены Инженерному замку — одному из оригинальнейших зданий Европы, построенному в 1797—1801 гг. архитекторами Баженовым и Бренна; историческому зданию Таврического дворца, возведённому в 1788 г. архитектором Старовым; зданиям бывшего Синода и Сената, созданным Росси; зданию бывшей Фондовой биржи постройки Тома де Томона; Строгановскому дворцу, выстроенному Растрелли и Ворониным; зданию бывшего Пажеского корпуса постройки Растрелли; Мариинском дворце, ансамблю Петропавловской крепости и многим другим величественным памятникам Ленинграда.

В результате бомбёжек дотла сгорел выдающийся по своей целостности архитектурно-художественный ансамбль начала XIX века — созданный Росси Елагинский дворец.

Десять артиллерийских снарядов крупного калибра частично разрушили здание Государственного Эрмитажа — творение зодчих Деламота, Фельтена, Кленце и Кваренги^[84]. Значительный ущерб нанесён музейным ценностям: пострадали представляющие исключительную научную и художественную ценность собрания фресок из Китайского Туркестана, античные стелы из различных пород камня, картины русских и Западноевропейских мастеров, предметы прикладного искусства XVII—XIX веков. Полностью уничтожены 151 и повреждены 27 376 музейных экспонатов.

Девять фугасных бомб и 21 артиллерийский снаряд, выпущенные немцами по Государственному Русскому музею, нанесли его зданиям и музейным коллекциям тяжёлые повреждения.

Четырьмя фугасными бомбами и шестью артиллерийскими снарядами причинены громадные разрушения зданию Государственного музея этнографии и его коллекциям, собраниям и экспонатам. Погибли археологическая коллекция материалов из Афросиаба (Самарканд), майолика из архитектурного комплекса Шах-Зинда, мавзолея Гур-Эмир, мечети Биби-Ханым, разная медная утварь и керамическая посуда узбекских и таджикских мастеров, коллекция архитектурной деревянной «глухой» резьбы XVIII века, коллекции бытовых вещей алтайских народностей.

Разрушен Суворовский музей.

Серьёзные повреждения от бомб и артиллерийских снарядов причинены также и другим музеям Ленинграда: Артиллерийскому историческому музею РККА, Горному и Географическому музеям, Государственному музею социалистического сельского хозяйства, Государственному музею революции, Центральному Военно-морскому музею, Центральному музею связи, Ленинградскому музею железнодорожного транспорта и др. Прямым попаданием бомб и артиллерийских снарядов были разрушены Государственный Академический театр оперы и балета имени С.М. Кирова, театр имени Ленинского комсомола и др. Значительные повреждения нанесены ряду театров: Государственному Академическому театру драмы имени А.С. Пушкина, Государственному Академическому малому оперному театру, Государственному Большому драматическому театру имени М. Горького, Новому ТЮЗу и др.

Большой ущерб причинён другим театрам, домам культуры, клубам и кино. Группа театрально-зрелищных зданий в объёмном отношении потерпела ущерб в 229,9 тыс. куб. м. полностью уничтоженной кубатуры и 453,6 тыс. куб. м. уничтоженной частично. Размещённый в Аничковом дворце лучший в Советском Союзе дом культуры советской детворы — Дворец пионеров также потерпел значительный ущерб от фугасной бомбы и 16 артиллерийских снарядов.

Пострадали также от варварских обстрелов пользующаяся мировой известностью Государственная Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина и Дом занимательной науки.

Значительному разрушению и частичному уничтожению подверглись прекрасные гранитные набережные Невы, Фонтанки, Мойки и других рек и каналов Ленинграда, высокохудожественные решётки и ограды, выполненные по рисункам величайших зодчих Воронихина, Кваренги, Росси и др.

Повреждены Нарвские ворота, Ростральные колонны у Фондовой биржи, памятник Жертвам революции на Марсовом поле, памятник на месте дуэли А.С. Пушкина, прекрасные парковые ансамбли города. Только в одном Летнем саду уничтожено свыше 800 деревьев. Тысячи деревьев погибли от авиабомбардировок и артобстрелов в Центральном парке культуры и отдыха (бывш. Елагин остров), в Таврическом, Михайловском и других садах города.

Гитлеровские бандиты не щадили и храмы Ленинграда, многие из которых являются всемирно известными историческими памятниками. Полностью разрушено 6 и повреждено 66 зданий религиозных культов. Повреждены Исаакиевский, Казанский и Измайловский соборы. Из действующих соборов Ленинградской епархии наибольшие повреждения получил собор Николы Морского^[85]. Сильно разрушены костёл Екатерины на Невском проспекте, построенный в XVIII веке, Хоральная синагога и др.

Ущерб, причинённый научным учреждениям

Серьёзный ущерб нанесён варварскими бомбардировками немецко-фашистской авиации и артобстрелами всемирно известным учреждениям Академии наук Советского Союза.

В комплексе зданий Академии наук, построенных архитектором Кваренги, размещены Астрономический и Археологический институты, Институт языка и мышления с многочисленными лабораториями и специальными библиотеками. В главном здании Академии наук помещалась известная мозаичная картина знаменитого русско-

го учёного М.В. Ломоносова — «Полтавская баталия».

Актами зафиксированы воздушные бомбардировки и артиллерийские обстрелы этих зданий 10 сентября, 18 октября, 6, 15 и 19 ноября, 3 и 4 декабря 1941 г.; 18 марта, 6 апреля и 10 июня 1942 г.; 26 января, 11 февраля, 25 апреля и 1 мая 1943 г. В результате этих варварских деяний повреждены здания, художественная лепка их фасадов, внутреннее убранство, имущество и оборудование. Картина М.В. Ломоносова «Полтавская баталия» получила трещины.

Бомбардировками и артиллерийскими обстрелами повреждены также институты Академии наук — Зоологический, Этнографии и антропологии, Литературы, Ботанический и др.^[86]

На территории Ботанического института разрушены исключительные по своему научному значению оранжереи. От попадания фугасной бомбы погибли уникальные растения — папоротники 4—5-тысячелетнего возраста, пальмы и другие представители тропической и субтропической растительности.

Значительный ущерб причинён типографии Академии наук, располагающей шрифтами почти всех языков мира и приспособленной для печатания научных работ Академии. Прямым попаданием авиабомбы разрушено правое крыло производственного корпуса. Кроме того, типографии причинён ущерб артиллерийскими снарядами.

Многочисленными бомбовыми ударами и артобстрелами повреждены также десятки других научных институтов и учреждений. Среди них Институт экспериментальной медицины, Естественно-научный институт имени Лесгафта, Всесоюзный институт растениеводства, Институт усовершенствования врачей имени С.М. Кирова, Научно-исследовательский дизельный институт и др.

Фашистские бандиты нанесли серьёзный ущерб также ленинградским высшим учебным заведениям. Пять институтских зданий уничтожены полностью. Сто пятьдесят учебных корпусов имеют частичные повреждения. В объёмном выражении уничтожено до 41 тыс. куб. м. строений и требуют восстановления около 1 млн. куб. м. Получили повреждения от авиабомбардировок и артобстрелов построенное архитектором Ворониным здание одного из старейших учебных заведений страны — Горного института, здание Академии художеств, здание Ленинградского Государственного университета, начатое постройкой при Петре I, Институт инженеров железнодорожного транспорта, Военно-медицинская академия, Технологический и Политехнический институты и другие высшие учебные заведения.

Гитлеровские бандиты разрушали школы и детские учреждения

Детские учреждения Ленинграда у гитлеровских бандитов также значились под номерами «военных объектов» и подвергались беспощадным бомбардировкам и артиллерийским обстрелам.

Так, например, по объекту №736 — школа на Бабурином переулке — рекомендовалось стрелять осколочно-фугасными снарядами, по объекту №192 — Дворец пионеров — предпочтительно было стрелять фугасно-жигательными и т.д.

Об этих чудовищных гитлеровских злодеяниях неоспоримо свидетельствуют многочисленные показания и факты.

Директор школы №218 по улице Рубинштейна 13 пишет:

«18 мая 1942 г. школа №218 пострадала от артиллерийского обстрела... 12-летний мальчик Лёня Изаров убит. Маленькая девочка Дора Бинамова побледнела, стонет от боли. «Мамочка, как же я буду без ножки», — говорит она. Генделев Лёва истекает кровью. Ему оказывают помощь, но она уже не нужна. Со словами «проклятый Гитлер» — он умирает на руках у своей матери. Тяжело раненый Куторов Женя просит не расстраивать отца, у которого больное сердце.

Преподаватели школы и старшие школьники оказывают помощь пострадавшим. Четверо учащихся убиты и семеро ранены. Невинно пролитая кровь вызывает к мести...».

13 мая 1942 г. при артобстреле были убиты 12 воспитанников детского сада фабрики имени Урицкого. Убиты: Равель Базыков 5 лет, Олег Белин 4 лет, Володя Буров 5 лет, Володя Васильев 4 лет, Людмила Громова 6 лет, Лида Земкова 5 лет, Володя Кольцов 4 лет, Олег Перфильев 4 лет, Александр Румянцев 4 лет, Юрий Сик 5 лет, Ира Шиманова 4 лет и Майя Карцева 4 лет. Кроме того, ранены: Галя Москалёва 5 лет, Игорь Шиманов 5 лет, Зина Муравьёва 6 лет и воспитательница детского сада Назарова.

Фашистские каннибалы уничтожили 22 школьных здания и 393 школы повредили, причём многие из школ получали повреждения неоднократно. Среди них школы №208, 211, 218 и 220, школа глухонемых, школа слепых детей и др.

Детских учреждений уничтожено или повреждено 195, в том числе детские ясли №№1, 2, 5, 200, детские сады №№8, 12, 37, 48, испанский детский дом, детские дома №№9, 50, 51 и др.

Немецкие изверги намеренно разрушали госпитали и больницы

В фашистских планах зверских обстрелов Ленинграда госпитали и больницы занимали особое место. В захваченных у немцев планах объектов для артиллерийских обстрелов Ленинграда были особо выделены больницы. Каждая, помимо номера, ещё заштрихована красными полосками (особо важный объект) и снабжена разъяснительной надписью «Krankhaus». Объект №89 — больница имени Эрисмана, объект №96 — Первая психиатрическая и т.д.

В журнале 768-го арtdивизиона РК имеются совершенно откровенные записи, свидетельствующие о преднамеренном артиллерийском обстреле госпиталей: «6.III—1942 года. С 9.15 до 9.32 дивизион производит огневой налёт 50 снарядами по военным госпиталям в Петербурге».

Фашистская авиация во время своих разбойничьих налётов на Ленинград разрушала госпитали и больницы. Так, попаданиями фугасных и зажигательных бомб был полностью разрушен госпиталь по Суворовскому проспекту д. №50. От попадания бомб и возникшего пожара в этом госпитале было убито и ранено 442 человека, в том числе 160 чел. обслуживавшего госпиталь персонала.

В результате попадания пяти артиллерийских снарядов в здание больницы по проспекту Обуховской обороны №52 было убито 5 чел. и ранено 50 чел., находившихся в больнице на излечении.

Фашистские изувечья нанесли ущерб 482 лечебным учреждениям.

Разрушение жилищного хозяйства, коммунальных предприятий, городского хозяйства

Жилищное хозяйство Ленинграда занимало не последнее место среди «военных объектов», подвергавшихся жестоким бомбёжкам и артиллерийским обстрелам. В захваченном длинном списке «оборонных» объектов Ленинграда под №757 значился квартал на Большой Зелениной улице, застроенный многоэтажными жилыми домами. Стояли номера на жилых кварталах на улице Чайковского, улице Некрасова, на Литейном, Невском, Садовой и многих других..

Немецко-фашистские звери обрушили на мирные жилые кварталы Ленинграда десятки тысяч снарядов и авиабомб, разрушали дома, убивали и калечили женщин, детей и стариков.

Вот несколько фактов этих злодейских преступлений гитлеровцев:

10 сентября 1941 г. фугасной бомбой был разрушен дом №32 по 5-й Советской улице. Было убито 18 и ранено 65 чел., из них 13 детей.

Того же числа четырьмя фугасными бомбами был полностью разрушен дом №25 и повреждены дома №27/14 и 26/9 по Гесслеровскому проспекту. Убито 2 и ранено 124 чел., из них 16 детей.

19 сентября 1941 г. пятью фугасными бомбами были разрушены дома №12 и 14 по Стремянной улице. При этом было убито 39 и ранено 130 мирных граждан.

24 сентября 1941 г. прямым попаданием бомб, сброшенных на торговые помещения Гостиного двора, было убито 98 чел. и ранено 148 чел. Среди пострадавших 211 женщин, в большинстве случаев пожилого возраста.

4 ноября 1941 г. фугасной бомбой был разрушен жилой флигель по Нижегородской ул. №12, убито 30 и ранено 39 чел.

6 ноября 1941 г. фугасной бомбой были разрушены жилые дома №29 и 31 по Таврической улице. Было убито 22 и ранено 24 чел., из них 11 детей.

22 июня 1942 г. артиллерийским снарядом была пробита стена жилого дома №62 по Большому проспекту. При этом убито 2 и ранено 11 чел., из них 2 детей.

20 ноября 1942 г. попаданием артиллерийского снаряда был повреждён жилой дом по Обводному каналу №156. При этом было убито 9 чел., из них 7 детей, и ранено 9 детей.

Блокада Ленинграда немецко-фашистскими войсками оказала губительное действие на жилищное и коммунальное хозяйство города. Вызванное блокадой отсутствие электроэнергии и топлива вывело из строя водопровод, отопительные системы, предприятия культурно-бытового обслуживания и т.д. В результате вражеских артобстрелов и бомбардировок с воздуха полностью разрушено 205 каменных домов с общей кубатурой 1 966 297 куб.м., 1 849 деревянных домов с общей кубатурой 2 047 323 куб. м. и прочих типов жилых домов — 47 с общей кубатурой 69 251 куб. м. Вследствие тех же причин повреждено 6 403 каменных дома и 740 деревянных домов, ввиду чего выбыло из строя 9 121 тыс. куб. м. жилой площади. Кроме того, погибло от пожаров 1 073 дома с общей кубатурой 4 032 706 куб.м. и деревянных жилых домов, снесенных на топливо, — 9 192 с общей кубатурой 8 359 800 куб. м. Немцы лишили крова сотни тысяч жителей города.

Крупный ущерб нанесён немцами коммунальным предприятиям Ленинграда. Разрушено 2 и повреждено 57 бань. Полностью разрушены 2 коммунальные механизированные прачечные и частично пострадало 12 прачечных.

Серьёзно пострадал также городской транспорт. За время блокады разрушено 38,8 км. трамвайного пути, 118 трамвайных вагонов, 13 троллейбусов, частично повреждено 980 трамвайных и 114 троллейбусных вагонов. Значительные разрушения причинены хозяйствам трамвайных и троллейбусных парков. Большой ущерб нанесён автомобильному транспорту: полностью уничтожено 498 автомашин и повреждено 171. Значительные потери нанесены также речному транспорту. Уничтожено 25 пассажирских и 3 грузовых парохода, 554 баржи, повреждено 32 парохода и 88 барж.

Большие повреждения нанесены городскому водопроводу, который немецко-фашистские захватчики всеми способами стремились уничтожить. Фашистские варвары многократно безуспешно пытались уничтожить главную городскую водопроводную станцию. Крупные повреждения причинены Южной водопроводной станции.

Артобстрелами и бомбардировками с воздуха они полностью разрушили или повредили 44 км. водопроводной сети. Канализационная сеть разрушена или повреждена на протяжении 75 км.

Сильно пострадало наружное уличное освещение города. Полностью уничтожено около 20 тыс. и повреждено около 10 тыс. фонарей.

Значительный ущерб потерпело городское дорожное хозяйство. Разрушено более 46,2 км. городских дорог и

повреждено 94,4 км. Полностью разрушено 225 пог. м. мостов и частично — 744 пог. м.

Причинены серьёзные повреждения телефонной и радиотрансляционной сетям города.

Таков ущерб, нанесённый немцами жилищному и городскому хозяйству Ленинграда. Приведённые факты не являются исчерпывающим перечнем потерь городского хозяйства, развитию и реконструкции которого Советское правительство всегда придавало огромное значение как одному из важнейших средств улучшения материального и бытового положения населения Ленинграда.

Разрушение транспортных средств

Как крупнейший транзитный и транспортный центр страны Ленинград является узлом важнейших железнодорожных и водных артерий. Он располагает широко разветвлённой сетью железных дорог, богатейшей материально-дорожной базой и мощным паровозным и вагонным парком. В Ленинграде — прекрасно оборудованный и механизированный торговый порт с годовым грузооборотом более 3 млн. тонн, через который проходило до 19% общего грузооборота всех портов СССР. Ленинград — конечный пункт мощных водных магистралей страны: Мариинской системы и Беломорско-Балтийского канала.

С блокадой города это богатейшее транспортное хозяйство города — железнодорожные линии, выходящие с Московского, Витебского, Варшавского и Балтийского вокзалов, были парализованы полностью. Полностью прекратил свою деятельность и Ленинградский торговый порт. Таким образом, эти линии транспортной связи не могли играть никакой военно-стратегической роли.

Несмотря на это, немецко-фашистские захватчики за весь период блокады систематически обрушивали свою авиацию и огонь своей артиллерии на вокзалы и железнодорожное хозяйство, на Ленинградский торговый порт и речное пароходство, стремились причинить им максимальный ущерб^[87]. Было разрушено более 285 км. железнодорожного полотна, нанесён значительный ущерб вокзалам, железнодорожным сооружениям, паровозному и вагонному парку. Уничтожено и повреждено 106 паровозов и 640 вагонов.

Огромный ущерб нанесён техническому флоту Балтийского моря. Врагом затоплено или повреждено 218 землечерпательниц, буксиров, плавучих доков, кранов и т.п. Ущерб речного транспорта составляет 88 пароходов, 640 барж и шаланд и 74 судна специального назначения, уничтоженных или повреждённых немецко-фашистскими захватчиками.

На территорию торгового порта было сброшено 13 920 авиационных бомб и 15 700 артиллерийских снарядов. Разрушались стоящие у причалов торговые суда, портовые сооружения и механизмы.

Таковы методы бессмысленных и ничем не оправданных варварских действий немецких вооружённых сил под Ленинградом, стремившихся любыми средствами причинить городу максимальный ущерб и разрушения.

Ущерб, причинённый Ленинградской промышленности и другим хозяйственным предприятиям

Враг причинил огромные разрушения предприятиям ленинградской промышленности, не относящимся к объектам военного значения. И здесь немецкие вандалы руководствовались своей ненавистью ко всему русскому, пытаясь стереть с лица земли крупнейший и передовой центр советской индустрии.

Немцы разрушили до основания одну из лучших электростанций Ленинграда — 8-ю ГЭС, мощность которой составляла 200 тыс. киловатт. В результате систематических артиллерийских обстрелов был разрушен коксо-газовый завод, предназначенный для обслуживания бытовых нужд населения. Немецкие варвары уничтожили до основания оборудованную по последнему слову техники хлопчатобумажную фабрику «Первое мая», Ленмясокомбинат имени С.М. Кирова и ряд других промышленных предприятий. Они подвергали систематическим артиллерийским обстрелам такие «военные объекты», как кондитерская фабрика.

Ленинградская промышленность может предъявить огромный счёт немецко-фашистским захватчикам. Ими разрушено 840 зданий промышленного значения и повреждено 3 090. Уничтожено и повреждено 218 паровых котлов, 16 паровых турбин, 389 электрогенераторов, 7 110 электромоторов, свыше 3 700 станков по металлу, 195 банкаброшей, 446 ватеров и много другого промышленного оборудования. Ущерб ленинградской промышленности, нанесённый врагом, далеко не исчерпывается разрушениями, причинёнными предприятиям. Огромные потери понесла ленинградская промышленность от вынужденной эвакуации промышленных предприятий на восток, а затем в связи с расходами по их резэвакуации.

О размерах убытков в связи с эвакуацией промышленности свидетельствует то, что из Ленинграда было вывезено 75% промышленного оборудования, большая часть рабочих и инженерно-технического персонала. Всё это вызвало большие транспортные расходы, а также расходы, связанные с демонтажом и монтажом оборудования, с вынужденным простоем производственного оборудования и рабочей силы.

Кроме того, большой ущерб понесла ленинградская промышленность в связи с потерями, вызванными остановкой производства, ростом незавершённого производства и частичной невозможностью его использования, уничтожением артиллерийскими обстрелами и бомбардировками с воздуха сырья и готовой продукции, и по прочим причинам, связанным с вражеской блокадой.

Значительно пострадала также и местная промышленность (промкомбинаты, заводы стройматериалов и т.п.).

К ответу немецко-фашистских бандитов!

Немецко-фашистские захватчики нанесли огромный ущерб Ленинграду и причинили большие жертвы его населению. Но это ещё не всё. Кроме умерших от голода, убитых, искалеченных и потерявших трудоспособность, население понесло ещё и другой, огромный ущерб от зверской вражеской блокады. В результате блокады было уничтожено и потеряно гражданским населением огромное количество имущества, в связи с эвакуацией были потеряны заработки и вызваны большие расходы и т.д.

Благодаря могуществу Советского государства, доблести его Красной Армии, стойкости и героизму защитников Ленинграда город не только выдержал варварскую блокаду, но и разгромил и изгнал осаждавшие его немецко-фашистские полчища.

Советский народ победоносно завершил войну против гитлеровской Германии, водрузил своё знамя победы над её столицей и вынудил гитлеровское германское командование принять условия безоговорочной капитуляции.

Великая историческая победа над гитлеровской Германией ни в коей мере не может заставить забыть о тех злодеяниях, которые чинили немецко-фашистские изверги в отношении осаждённого ими Ленинграда и его населения.

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что зверские бомбардировки, артобстрелы и блокада Ленинграда осуществлялись по прямому указанию германского правительства и верховного военного командования офицерами и солдатами немецкой армии.

Гитлеровские негодяи должны ответить за всё это и понести суровое наказание.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список лиц германского военного командования, генералов и офицеров, под руководством которых осуществлялись варварские бомбардировки, артобстрелы и блокада Ленинграда

Генерал-фельдмаршал фон-Лееб, командовавший до января 1942 г. северной группой армий.

Генерал-фельдмаршал фон-Кюхлер Георг, командовавший до января 1942 г. 18-й армией и после января 1942 г. — северной группой армий.

Генерал-полковник Линдеман Георг, командовавший с 18 января 1942 г. по 16/1—44 г. 18-й армией и с 16/1—44 г. по 5/VII—44 г. — северной группой армий.

Генерал авиации Кортен, командовавший 1-м воздушным флотом.

Генерал авиации Плюгбай, командовавший 1-м воздушным флотом.

Генерал-полковник Келлер, командовавший 1-м воздушным флотом.

Генерал-лейтенант Кратцерт, командовавший артиллерией 18-й армии до 22 февраля 1943 г.

Генерал-лейтенант Томашки, командовавший артиллерией 18-й армии с сентября 1943 г.

Генерал-лейтенант Ферзок, командовавший 24-й пехотной дивизией.

Генерал-лейтенант Герцок, командовавший 291-й пехотной дивизией.

Генерал-лейтенант Крюгер, командовавший полицейской дивизией «СС».

Генерал-лейтенант Краузе, командовавший 170-й пехотной дивизией.

Генерал-лейтенант Матцкий, командовавший 21-й пехотной дивизией.

Генерал-лейтенант Гоппе Гарри, командовавший 126-й пехотной дивизией.

Генерал-лейтенант Берчин, командовавший 227-й пехотной дивизией.

Генерал-лейтенант Шеппер, командовавший 81-й пехотной дивизией.

Генерал-лейтенант Эндерс, командовавший 212-й пехотной дивизией.

Генерал-майор Вендель, командовавший 121-й пехотной дивизией.

Генерал-майор фон-Граффен, командовавший 58-й пехотной дивизией.

Генерал-майор Рихман, командовавший 212-й пехотной дивизией.

Генерал-майор Хейнрихе, командовавший 290-й пехотной дивизией.

Генерал-майор Риссе, командовавший 225-й пехотной дивизией.

Генерал-майор Непекен, командовавший 96 и пехотной дивизией.

Генерал-майор Хюнер, командовавший 61-й пехотной дивизией.

Генерал-майор Шульц, командовавший 28-й лёгкой пехотной дивизией.

Генерал-майор Лаш, командовавший 217-й пехотной дивизией.

Генерал-майор Шельвитц, командовавший 23-й пехотной дивизией.

Генерал Кехлинг, командовавший 254-й пехотной дивизией.

Генерал-майор Райман, командовавший 212-й пехотной дивизией.

Генерал-майор Лонгин, командовавший 9-й авиаполевой дивизией.

Генерал-майор Мартола Илмари Армас Эйно, командовавший 2-й финской пехотной дивизией.

Генерал-майор Ханнуксела Ханну Эса, командовавший 10-й финской пехотной дивизией.

Генерал-майор Херсало Нийло Виктор, командовавший 15-й финской пехотной дивизией.

Генерал-майор Пояри Ааро Олави, командовавший 18-й финской пехотной дивизией.

Генерал-майор Рикхоф, командовавший 1-й воздушной дивизией.

Генерал Кох, командовавший 1-й бомбардировочной эскадрой «Гинденбург».

Полковник Высоцкий, командовавший 405-м пехотным полком 121-й пехотной дивизии.

Полковник Шульцен, командовавший 407-м пехотным полком 121-й пехотной дивизии.

Полковник Гертц, командовавший 240-м артиллерийским полком 170-й пехотной дивизии.
Полковник Носке, командовавший 215-м артиллерийским полком 215-й пехотной дивизии.
Полковник Ниманд, командовавший 24-м артиллерийским полком 24-й пехотной дивизии.
Полковник Гиммлер, командовавший 504-м пехотным полком 291-й пехотной дивизии.
Полковник Бизли, командовавший 316-м пехотным полком 212-й пехотной дивизии.
Полковник Шмидт, командовавший артиллерийским полком дивизии СС «Полицай».
Полковник Тиссен, командовавший 225-й пехотной дивизией.
Полковник Шверин-Криссен, командовавший 1-й пехотной дивизией.
Полковник Варен, командовавший 10-й авиаполевой дивизией.
Полковник Борман, командовавший 76-й бомбардировочной эскадрой.
Полковник Холлебен, командовавший 100-й эскадрой ночных бомбардировщиков.
Полковник Кауз, командовавший 101-й смешанной бомбардировочной эскадрой.
Полковник Вейткус, командовавший 53-й бомбардировочной эскадрой «Легион Кондор».
Полковник Вильке, командовавший 53-й бомбардировочной эскадрой «Легион Кондор».
Полковник Бэм, командовавший 101-й бомбардировочной эскадрой.
Полковник Траутлофт, командовавший 54-й истребительной эскадрой.
Подполковник Кирхбах, командовавший 408-м пехотным полком 121-й пехотной дивизии.
Подполковник Рихтман, командовавший 121-м артиллерийским полком 121-й пехотной дивизии.
Подполковник Грубер, командовавший 215-м артиллерийским полком 215-й пехотной дивизии.
Подполковник Гофман, командовавший 220-м пехотным полком.
Подполковник Отгенмайер, командовавший 1-м батальоном 17-го егерского полка.
Полковник Мадер, командовавший 54-й истребительной эскадрой.
Подполковник Прагер, командовавший 122-й разведывательной группой бомборазведчиков «ДД».
Майор Люнебург, командовавший 126-м артиллерийским полком 126-й пехотной дивизии.
Майор Инден, командовавший 1-м дивизионом 215-го артиллерийского полка 215-й пехотной дивизии.
Майор Вебер, командовавший 708-м артиллерийским дивизионом РГК.
Майор Шилле, командовавший 914 м артиллерийским дивизионом РГК.
Майор фон Дивитц, командовавший 121-м артиллерийским полком.
Майор Шимерг, командовавший 2-м полком дивизии СС «Полицай».
Майор Гюнтер, заместитель командира 802-го артиллерийского полка.
Майор Венер, командовавший 768-м тяжёлым артиллерийским дивизионом РГК.
Майор Ризен, командовавший 1-й бомбардировочной эскадрой «Гинденбург».
Майор Дальге, командовавший 1-й группой 1-й бомбардировочной эскадры.
Майор Мабеш, командовавший 1-й группой лёгких ночных бомбардировщиков особого назначения.
Майор Габин, командовавший 1-м отрядом лёгких ночных бомбардировщиков особого назначения.
Майор Мокранд, командовавший 53-й бомбардировочной эскадрой.
Майор Мюнх, командовавший 3-й группой 53-й бомбардировочной эскадры.
Майор Гаян, командовавший 2-й группой 54-й эскадры.
Майор Тауберт, командовавший 122-й разведывательной группой бомбардировщиков-разведчиков «ДД».
Капитан Хагель, командовавший и 708-м артиллерийским дивизионом РГК.
Капитан Гартль, командовавший 708-м артиллерийским дивизионом РГК.
Капитан Кваас, командовавший 1-й батареей 708-го артиллерийского дивизиона РГК.
Капитан Фере, командовавший 2-й батареей 708-го артиллерийского дивизиона РГК.
Капитан Радемахер, командовавший 2-й батареей 708-го артиллерийского дивизиона РГК.
Капитан Бюзинг, командовавший 214-м артиллерийским дивизионом РГК.
Капитан Райман, командовавший 2-й батареей 214-го артиллерийского дивизиона РГК.
Капитан Мартенс, начальник концлагеря в с. Рождественском, Гатчинского района.
Капитан Шинке, командовавший 3-й батареей 214-го артиллерийского дивизиона РГК.
Капитан Хевель, командовавший 2-й батареей 768-го тяжёлого артиллерийского дивизиона РГК.
Капитан Гроссман, командовавший 3-й батареей 768-го тяжёлого артиллерийского дивизиона РГК.
Капитан Кантер, командовавший 3-й группой 1-й бомбоэскадры.
Капитан Пфайф, командовавший 2-м отрядом 1-й бомбоэскадры.
Капитан Каунич, командовавший 5-й эскадрой пикирующих бомбардировщиков.
Капитан Лоуренс, командовавший 1-м отрядом 5-й эскадры пикирующих бомбардировщиков.
Капитан Папе, командовавший 3-м отрядом 5-й эскадры пикирующих бомбардировщиков.
Капитан Ханбок, командовавший 3-й группой 6-й бомбоэскадры.
Капитан Ивелинг, командовавший 7-м отрядом 53-й бомбоэскадры.
Капитан Занд, командовавший 8-м отрядом 53-й бомбоэскадры.
Капитан Хайзе, командовавший 1-й группой 76-й бомбоэскадры.
Капитан Зивель, командовавший 2-м отрядом 76-й бомбоэскадры.
Капитан Петке, командовавший 4-й группой 100-й эскадры ночных бомбардировщиков.
Капитан Шмидт, командовавший 11-м отрядом 100-й эскадры ночных бомбардировщиков.
Капитан Фритше, командовавший 120-м отрядом 100-й эскадры ночных бомбардировщиков.

Капитан Герцберг, командовавший 2-й группой 101-й смешанной бомбардировочной эскадры.
Капитан Каат — нач. штаба 54-й истребительной эскадры.
Капитан Брезен — нач. штаба 54-й истребительной эскадры.
Капитан Филипп, командовавший 1-й группой 54-й истребительной эскадры.
Капитан Зайде, командовавший 2-й группой 54-й истребительной эскадры.
Капитан Юнг, командовавший 3-й группой 54-й истребительной эскадры.
Капитан Шмоле, командовавший 3-й группой 54-й истребительной эскадры.
Капитан Зиннер, командовавший 4-й группой 54-й истребительной эскадры.
Капитан Кельх, командовавший 7-м отрядом 54-й истребительной эскадры.
Ст. лейтенант Вихман, командовавший 3-м батальоном 315-го артиллерийского полка 215-й пехотной дивизии.
Ст. лейтенант Гилер — нач. штаба 708-го артиллерийского дивизиона.
Ст. лейтенант Граунитц, командовавший 1-й батареей 708-го артиллерийского дивизиона РКК.
Ст. лейтенант Рихтер, командовавший 3-й батареей 708-го артиллерийского дивизиона РКК.
Ст. лейтенант Койцелау — нач. штаба 214-го артиллерийского дивизиона РКК.
Ст. лейтенант Мейстер, командовавший 1-й батареей 214-го артиллерийского дивизиона РКК.
Ст. лейтенант Гольдман — офицер 1-й батареи 214-го артиллерийского дивизиона РКК.
Ст. лейтенант Пленсель, командовавший 7-м отрядом 1-й эскадры пикирующих бомбардировщиков.
Ст. лейтенант Климм, командовавший 458-й тяжёлой артиллерийской батареей.
Лейтенант Вендт — заместитель командира 458-й тяжёлой артиллерийской батареи.
Ст. лейтенант Лях, командовавший 2-м батальоном 768-го тяжёлого артиллерийского дивизиона РКК.
Ст. лейтенант Шнейдер, командовавший штабной батареей 768-го тяжёлого артиллерийского дивизиона РКК.
Ст. лейтенант Витги, командовавший 1-й батареей 768-го тяжёлого артиллерийского дивизиона РКК.
Ст. лейтенант Карл — заместитель командующего 515-й батареи береговой обороны РКК.
Ст. лейтенант Крамм, командовавший 7-м отрядом 1-й бомбоэскадры.
Ст. лейтенант Михель, командовавший 8-м отрядом 1-й бомбоэскадры.
Ст. лейтенант Шранк, командовавший 2-м отрядом 5-й эскадры пикирующих бомбардировщиков.
Ст. лейтенант Пешке, командовавший 10-м отрядом 100-й эскадры ночных бомбардировщиков.
Ст. лейтенант Шульц, командовавший 2-й группой 53-й бомбардировочной эскадры.
Ст. лейтенант Армии Крюгер, командир самолёта 10-го отряда.
Ст. лейтенант Шторц, командовавший 5-м отрядом 54-й эскадры.
Ст. лейтенант Крейнер, командовавший 6-м отрядом 54-й эскадры.
Ст. лейтенант Хютен, командовавший 5-м отрядом 122-й разведывательной группы.
Ст. лейтенант Ганс Фишер, командовавший самолётом.

СООБЩЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ И ПРИЧИНЕННОГО ИМИ УЩЕРБА ГРАЖДАНАМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ СССР...

О РАЗРУШЕНИЯХ И ЗЛОДЕЯНИЯХ СОВЕРШЕННЫХ НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В г.г. ВЯЗЬМЕ, ГЖАТСКЕ И СЫЧЕВКЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ И В ГОР. РЖЕВЕ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ^[88]

Отступая под ударами Красной Армии, немецко-фашистская армия беспощадно уничтожает советские города и сёла, применяя насилие, пытки, истязания и совершая убийства мирных граждан, а также советских военнопленных.

История еще не знает такого массового истребления людей, какое учиняют немецко-фашистские захватчики. Чувство жалости и милосердия им неизвестны. С чудовищной жестокостью они глумятся над беспомощными стариками. Их не останавливают ни слезы матерей, ни протянутые с мольбой о помощи детские руки. Воспитанная Гитлером немецкая армия истязает и умерщвляет всех, кто немцам не нужен, а тех, кто на них может работать, они увозят, как скот в Германию, на рынки рабов.

Председатель Чрезвычайной Государственной Комиссии Н.М. Шверник и член Чрезвычайной Государственной Комиссии Николай Митрополит Киевский и Галицкий лично установили в Вяземском, Гжатском, Сычевском и Ржевском районах факты чудовищных злодеяний немецких оккупантов, истязания, пытки, убийства, увод советских граждан в немецкое рабство, разрушение городов, сёл и деревень.

Злодеяния немецких фашистов и их сообщников подтверждены показаниями советских граждан, проживавших во время оккупации в этих районах, а также актами, составленными комиссиями из представителей советских, хозяйственных, кооперативных, профсоюзных и других общественных организаций и рабочих, служащих, колхозников, городской и сельской интеллигенции и военнослужащих.

Убийства и истязания советских граждан

Поставив своей целью уничтожить Советское Государство, лишить советских людей крова и национальной культуры и превратить их в немецких рабов, германское военное командование приказало своим воинским частям беспощадно расправляться не только с военнопленными, но и с мирным населением сёл и городов Советского Союза.

В районах Вязьмы и Гжатска, Ржева и Сычевки командующие 4-й германской армией генерал-полковник Хейнриц и 9-й германской армией генерал-полковник Модель, не считаясь ни с какими законами человеческой морали, глумились, истязали и убивали мирных ни в чем не повинных советских граждан. По их приказанию офицеры и солдаты германских воинских частей пытали, выкалывали глаза, отрезали ноги, руки, уши, убивали женщин, детей и стариков.

Части жандармского корпуса генерала Шимана, бургомистр Арнольд Штамми и начальник гестапо барон Адлер замучили и убили в городе Вязьме тысячи мирных граждан.

10 декабря 1942 г. они вывезли на машинах за город 34 человека мужчин и женщин советских граждан, заставили их вырыть себе могилы и расстреляли их.

25 февраля 1942 г. фашисты расстреляли хирурга Вяземской городской больницы Бирштейна М.Д. 65 лет, врача-окулиста Лопырева А.Я. 62 лет и его 16-летнего сына.

Бессмысленному издевательствам и зверствам подвергся В.И. Мурашевский 74-х лет. Он нес к себе домой ведро воды из уличного колодца. Немецкий солдат, проживавший с ним по соседству, позвал его к себе в дом и там зверски убил его. При осмотре трупа Мурашевского установлено, что правая щека у него разрезана и вывернута к правому уху, правое ухо оторвано, левый глаз выколото, веко вырезано треугольником, верхняя губа отрезана, на виске вырезан треугольник, кожа на затылке срезана бритвой.

Немецко-фашистские захватчики заставили женщин врачей работать в госпиталях санитарками. Ефрейтор Рихтер — комендант инфекционного отделения госпиталя, за малейшую провинность избивал до потери сознания санитарок и медсестер. Русские врачи и медсестры не могли пользоваться уборными, на дверях которых висела надпись: *«Русским вход запрещен, за нарушение расстрел»*.

В Сычевке беспощадно расправлялся с женщинами, детьми и стариками комендант города обер-лейтенант Кислер.

7 января 1943 г. он согнал около 100 евреев — женщин, стариков и детей, сначала избил их, потом вывел на окраину города и расстрелял.

28 февраля 1943 г. немецко-фашистские изверги согнали в дом 57 по Набережной улице больных тифом жителей Сычевки, якобы, для оказания медицинской помощи, заперли их там и дом подожгли. Усилиями медсестры Поповой и других медработников часть больных во время пожара, была всё же спасена.

Около деревни Холмец Сычевского района понадобилось разминировать участок дороги. По распоряжению командира 102 германской пехотной дивизии генерал-майора Физлер фашисты согнали жителей, деревни Холмец и погнали их по минированной дороге. Все эти люди погибли на взорвавшихся минах.

Фашистские власти заподозрили жителей деревни Корбутовки в связи с партизанами и сожгли, деревню догнали. Колхознице Барановой, протестовавшей против такого разорения, немцы разрезали живот, изрезали лицо ножом, а детям ее вывернули руки и проломали черепа.

В деревне Зайчики гестаповцы согнали в один дом Заикова Михаила, 61 года. Белякова Никифора, 69 лет, Бегорову Екатерину, 70 лет, Голубеву Екатерину, 70 лет, Дадонова Егора, 5 лет, Зернову Миру, 7 лет, и других, всего 23 человека, подожгли дом и сожгли живыми всех находившихся в нем.

В деревне Клины немцы бросили в костер ребенка колхозницы Богдановой, а затем сожгли и ее.

В деревне Васильевке немецкие палачи повесили железным крюком за челюсть председателя колхоза Тарбина и кладовщика Ермолинского. Виселица с их трупами долго стояла на улице.

При отступлении немцев из деревни Драчево Гжатского района в марте 1943 г. помощник начальника немецкой полевой жандармерии лейтенант Бос согнал в дом колхозницы Чистяковой 200 жителей из деревень Драчево, Злобино, Астахове, Мишино, закрыл двери и поджег дом, в котором сгорели все 200 человек. Среди них были старики, женщины и дети: Платонов М.П. 63 лет; Платонова П.Л. 59 лет; Платонов Василий 35 лет и его дети Вячеслав 5 лет, Александр 3 лет; Васильева П.И. 42 лет, ее дочери Мария 11 лет, Анна 9 лет и сын Аркадий 5 лет; мать Васильева М.С. 72 лет; Чистякова К.Г. 64 лет, ее сын Иван 13 лет и внук Юрий 4 лет; Смирнов М.И. 63 лет и его жена Смирнова Е.М. 58 лет, их дочь А. М. 27 лет с детьми 3 лет и 1,5 года, дочь М.М. Смирнова 15 лет и другие.

В деревне Степаники, Гжатского района, немецкие захватчики посадили в баню Елену Федоровну Ильину 35 лет и 7 дней мучили ее, истязали плетью, палками, обливали холодной водой.

8 января 1943 г. они согнали всех жителей деревни Степаники присутствовать при казни и повесили Ильину на дереве.

В деревнях Куликово и Колесники, Гжатского района, фашисты сожгли в избе всех жителей от мала до велика.

В городе Ржеве на центральной площади, где раньше был памятник Ленину, по приказу командующего 27 германским армейским корпусом генерал-майора Вейс, комендант города майор Куртфельд установил виселицу, на которой повесил десятки мирных граждан: Александра Дроздова, Анну Пожарскую, Медоциева и других. Несколько тысяч человек были расстреляны.

20 марта 1943 года в доме №47 Палова по улице Воровского были обнаружены убитые фашистами три женщины и трое маленьких детей. Имущество разграблено.

В соседнем доме обнаружена замученная немецкими солдатами семья Садова: отец и мать расстреляны, дочь Рая 12 лет заколото штыком, сын Валентин 15 лет убит выстрелом в правый глаз, дочь Зина 18 лет изнасилована и задушена, дочь Катя 5 месяцев застрелена в висок.

В одном из дворов квартала №116, на огороде, обнаружено в яме 8 трупов советских граждан, обезображенных до неузнаваемости: Соловьева И.В. 30 лет, у которой отрезаны губы, Андреева А.К. 28 лет исколото штыком и другие.

Злодеяния над советскими военнопленными

Стремись к массовому истреблению советских военнопленных, германские военные власти обрекают красноармейцев на вымирание от голода, тифа и дизентерии. Военнопленным не оказывают медицинской помощи^[89].

В Вязьме имелся госпиталь для военнопленных в неотапливаемом каменном сарае. Лечения и ухода за больными никакого не было. Ежедневно умирало от 20 до 30 человек. Больным выдавали в день пол котелка супа без хлеба. По данным врача Михеева Е.А., в один из дней в этом госпитале умерло от истощения и болезни 247 человек. Кроме того, немецкие солдаты избрали в виде мишени для стрельбы больных пленных красноармейцев, когда они проходили по двору госпиталя.

Хирургу Раздершину В.Н. вместе с группой врачей пришлось провести в помещении лагеря для военнопленных одну ночь. Врачи рассказывают, что всю ночь из разных помещений лагеря доносились крики истязуемых: «спасите», «помогите», «за что бьете», «ох, умираю».

Днем, во время раздачи еды, военнопленные столпились у кухни. Для наведения порядка немецкий охранник снял с ремня гранату и бросил ее в толпу. Несколько человек было убито и много ранено.

В феврале 1943 года, перед отступлением из Вязьмы, фашисты привезли группу арестованных советских граждан и пленных красноармейцев на станцию Новоторжская, что около Вязьмы. Пока истощенных голодом людей переводили от Новоторжской до лагеря, многие из них падали от изнеможения. Немецкие конвоиры таких пристреливали. От Новоторжской до Вязьмы было пристрелено 43 человека.

Нечеловеческим истязаниям и казням подвергал советских военнопленных комендант лагеря №2, старший унтер-офицер Раутенберг.

После освобождения г. Сычевки от немецких оккупантов, там, в лагере, в огромном рву, было обнаружено свыше 3 000 трупов пленных красноармейцев и советских граждан. Осмотр трупов свидетельствует о зверских истязаниях: у многих перебиты руки, ноги, проломлены черепа, отрезаны носы, уши, выколоты глаза, отрезаны половые органы.

В деревне Харино в январе 1943 года фашисты согнали на скотный двор 79 военнопленных красноармейцев и сожгли их живыми.

В деревне Кобыловка в ноябре 1941 г. немецкие солдаты тренировались в стрельбе по красноармейцам, убив таким образом 14 человек.

В июне 1942 г по приказанию начальника жандармерии капитана Шульца из Вяземского лагеря военнопленных были выведены 5 красноармейцев, конвоиры велели им бежать и стали стрелять в них — трое были убиты сразу, а двоих раненых они добились прикладами.

В Вязьме, на Комсомольской улице один из красноармейцев отошел от группы других пленных, чтобы напиться из ручья, текущего с края тротуара, немец-конвоир избил красноармейца прикладом, затем отвел в сторону и застрелил.

Около станции Вязьма пленный красноармеец зашел в столовую для рабочих и попросил тарелку супа. За ним вошел конвоир и потребовал, чтобы красноармеец немедленно вышел из столовой. Пленный попросил разрешения доест суп. Конвоир вытащил красноармейца из столовой на улицу и тут же у дверей застрелил его.

В декабре 1942 года немец-конвоир застрелил двух пленных красноармейцев на улице Софьи Перовской. Трупы их валялись на улице несколько дней.

Увод советских граждан в немецкое рабство

По далеко не полным данным, фашисты, за время оккупации, угнали на каторжные работы в Германию из Вязьмы около 5 000 человек, из Сычевки — 1 500 человек, из Гжатска^[90] и Ржева — около 10 000 человек.

2 марта 1943 г. угнали в Германию двух дочерей гражданина гор. Вязьмы Виноградова — Веру 20 лет и Надежду — 16 лет. В ответ на просьбу Виноградова пощадить его дочерей и не угонять их, фашисты сожгли его дом.

Из деревень Куликово и Ивановской немцы отобрали 31 человека и угнали в Германию. Остальных жителей уничтожили, а деревни сожгли.

Из деревни Андреевское и Дятлово немецкие власти, угнали в Германию 43 человека: Никонова Василия 40 лет, Малинину Раису 15 лет, Родионову Марию 40 лет, Чистова Василия 18 лет, Воронова Николая 33 лет, Халдееву Татьяну 48 лет, Сафонова Николая 41 года, Колосову Марию 45 лет, Фетисову Анну 16 лет, Веткина Егора 17 лет, Веткину Валентину 15 лет и других.

В списках граждан, которых немцы угоняют на каторжные работы в Германию, нет людей старше 50 лет и моложе 15 лет. Всех, кто старше и моложе, немцы истребляют беспощадно.

Разрушение городов, жилищ, культурных учреждений и церквей

Немецкие военные части грабят и разрушают жилые здания, культурные учреждения, предприятия и церкви. Причем всё это представляет собой не какие-то отдельные акты, совершаемые недисциплинированными воинскими частями, а определенную систему, заранее предусмотренную высшим военным командованием.

Разрушения городов и сёл, ограбление мирного населения, а также культурных учреждений и церквей в Ржевском, Сычевском и Гжатском районах произвели воинские части: 87 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Штудниц, 129 пехотной дивизии генерал-майора Брауна, 72 пехотной дивизии генерал-майора Мюллера, 14 мо-

тодивизии генерал-майора Эвердина, 337 пехотной дивизии генерал-майора Шонемана, 268 пехотной дивизии генерала Грейнера.

В Вязьме и Гжатске командиры: 35 пехотной дивизии генерал-майора Меркер, 252 пехотной дивизии генерал-майора Шефер, 7 пехотной дивизии генерал-майора Ропперт выделили специальные отряды факельщиков и минеров, которые поджигали и взрывали жилые дома, школы, театры, клубы, музеи, библиотеки, больницы, церкви, магазины, заводы, оставляя по пути своего отступления лишь пепел и развалины.

В Вязьме из 5 500 зданий уцелел лишь 51 деревянный дом. Здесь с 20 февраля по 6 марта 1943 г. немцы произвели 476 взрывов, которыми уничтожены: 2 больницы, родильный дом, женская и детская консультации, туберкулезный диспансер, туберкулезный санаторий, 2 поликлиники и городская аптека, 15 школ, учительский институт, 2 медицинских школы, городской театр, кинотеатр, центральная публичная библиотека, дом пионеров, 4 рабочих клуба, детский дом, 5 детских яслей и 4 детских сада, дом учителя, дом Красной Армии, летний театр, дом колхозника, здания Госбанка, сберкассы, Горсовета, райисполкома, Горторготдела, Райсоюза, Нарсуда и Прокуратуры; здания городской бани и хлебозавода. Вырублено 2 городских парка. При отступлении из Вязьмы немцы отравили цианистой солью большинство колодцев, взорвали Духовскую и Троицкую церкви; взорвали Егорьевский, Зуевский, Фроловский, Сусленков и Смоленский мосты.

В Гжатске из 1 600 зданий уцелело только 300 домов. Взорваны, и сожжены: городская электростанция, водопровод, больница, сельско-хозяйственный техникум, 2 общежития техникума, Дом учителя, детские ясли, детский дом им. Ленина, кинотеатр, городской клуб, клуб Красной Армии, пекарня, баня, завод промышленной кооперации «Металлист», дом инвалидов, районная ветлечебница, здание райвоенкомата и другие государственные предприятия и учреждения.

Церкви в Гжатске превращены были в конюшни и склады. В Благовещенской церкви немцы устроили бойню для рогатого скота. Предтеченская церковь и Казанский собор взорваны. Колодцы в городе отравлены и заминированы.

В Сычевке из 1 030 жилых домов взорвано и сожжено 770 зданий. Сожжен музей, в котором погибло свыше 5 000 картин, среди них были полотна Репина, Левитана, Перова, Айвазовского, Коровина и других, скульптуры Антокольского, золотые, серебряные и бронзовые вещи работы мастеров XVII, XVIII, XIX веков.

В Историко-краеведческом отделе музея погибла ценная коллекция орудия доисторического человека.

Взорваны и сожжены 3 средних и 2 начальных школы, школы ФЗО, колхозный техникум, дом учителя, дом пионеров, библиотека, больница, столовая, 2 детских дома, водонапорная башня, городская амбулатория, телеграф, радиоузел и другие здания.

В ночь с 5 на 6 марта, накануне отступления из Сычевки, немецкие оккупанты взорвали все 7 церквей, в том числе: старинную Старообрядческую и Кладбищенскую церкви, собор и монастырь.

Фашисты глумятся над религиозными чувствами русских людей. В Сычевке они разрешили открыть для богослужения кладбищенскую церковь. Верующие пришли в церковь в праздничной одежде, тогда немцы окружили церковь, вывели из нее верующих и ограбили их.

В Сычевском районе из 248 деревень немецкие оккупанты сожгли дотла 137 деревень^[91].

Старинный русский город — Ржев превращен немецкими оккупантами в груды развалин. Из 5 443 зданий осталось только 495 более или менее сохранившихся домов. Так, фашисты разрушили и сожгли драматический театр, кинотеатр, краеведческий музей, дворец пионеров, центральную библиотеку с 60 000 книг, 3 клуба, 22 начальных и средних школы, 21 детский сад, учительский институт, планово-экономический и сельско-хозяйственный техникумы, фельдшерско-акушерскую школу, поликлинику, женскую консультацию, амбулаторию, больничный городок, баню, электростанцию и другие учреждения. Приведено в негодность железнодорожное хозяйство и подвижной состав^[92]. Оборудование промышленных предприятий вывезено в Германию.

Сожжены и разрушены корпуса заводов: №307, спиртозавода, маслозавода, механического завода, лесозавода и фабрик шелкокрутильной, пуговичной и других. Немцы взорвали железнодорожный мост через Волгу и 5 мостов через реку Ходынку.

В Ржеве фашисты вырубали все сады и парки до последнего дерева. Разрушены: Успенский собор, Варваринская, Единоверческая, Екатерининская, Рождественская, Ильинская, Смоленская, Казанская, Вторая Покровская Старообрядческая, Третья Покровская Старообрядческая, Предтеченская, Владимирская, Спасская, Благословенная Старообрядческая церкви и польский костел.

Покровскую церковь немцы разграбили и увезли все ценности. В церкви они устроили казармы для солдат. Священника Андрея Попова расстреляли. Перед отступлением фашисты заминировали Покровскую церковь и согнонали в нее около 200 мирных жителей. Тех, кто отказывался идти, или не мог дойти до церкви — мужчин, женщин и детей, фашисты расстреливали «за неповиновение немецким властям». Согнав жителей в церковь, они наглухо закрыли двери, но церковь взорвать не успели, — ворвавшиеся в город части Красной Армии помешали им осуществить это преступление^[93].

Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР считает ответственными за истязание и истребление мирных граждан и военнопленных, за увод советских людей в немецкое рабство, за произведенное разрушение городов Вязьмы и Гжатска, Сычевки и Ржева, а также сёл и деревень^[94] командующего 4-й германской армией генерал-полковника Хейнриц и командиров 7, 35, 98, 252, 268 пехотных дивизий и жандармского корпуса, входящих в эту армию: генерал-майора Ропперт^[95], генерал-майора Меркер, генерал-майора Гараис, генерал-

майора Шефера, генерала Грейнер, командира жандармского корпуса генерала Шимана; командующего 9-й германской армией генерал-полковника Модель, командира 27 армейского корпуса генерал-майора Вейс, командиров 6, 72, 87, 102, 129, 337 пехотных дивизий, входящих в эту армию: генерал-лейтенанта Гросман^[96], генерал-майора Мюллер, генерал-лейтенанта Штудниц, генерал-майора Физлер, генерал-майора Браун, генерал-майора Шонеман^[97], генерал-майора Эвердин; бургомистра города Вязьмы Арнольда Штамми, начальника гестапо барона Адлер; коменданта города Сычевки обер-лейтенанта Кислера, начальников лагерей для военнопленных, старших унтер-офицеров Фокс и Рауутенберг; военного коменданта города Ржева, майора Куртфельд, коменданта города Гжатска обер-лейтенанта Лейман^[98]. Они должны понести суровую ответственность и заслуженное наказание за все их неслыханные злодеяния и преступления, совершенные против народов СССР.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ^[99]

Преступные действия немецких оккупантов в Ставрополе, Георгиевске, Кисловодске, Ессентуках, Минеральных Водах, Железноводске и в Теберде засвидетельствованы актами комиссии, заявлениями потерпевших, показаниями свидетелей, заключениями медицинских экспертов, документальными материалами, а также подтверждаются членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Алексеем Толстым, лично посетившим эти города и районы Ставропольского края и установившим факты чудовищных злодеяний и массового истребления мирных советских граждан.

Установлено, что перед отступлением из города Георгиевска 9 и 10 января с.г., по приказу начальника немецких лазаретов шеф-врача барона фон Гайман, с целью отравления советских людей, немецкие солдаты продали на городском рынке спирт и питьевую соду, причем спирт оказался метиловым, а «сода» — щавелевой кислотой. Произошло массовое отравление жителей города. Из 714 случаев были отравлены метиловым спиртом 214 человек и 50 человек совершенно потеряли зрение — ослепли.

Тяжелое отравление многие жители получили от так называемой «соды», которую они примешивали в тесто для выпечки хлеба.

Установлено массовое истребление немцами мирного советского населения путем отравления окисью углерода в специально оборудованных автомашинах-«душегубках». Военнопленный Фенихель Е.М. сообщил:

«Работая автомехаником, я имел возможность детально ознакомиться с устройством автомашин, специально приспособленных для удушения — уничтожения людей отработанным газом. Таких машин в городе Ставрополе при гестапо было несколько.

Устройство ее было таково: кузов длиной примерно, 5 метров, шириной два с половиной метра, высота кузова также, примерно, два с половиной метра. Кузов имел форму вагона, без окон, внутри обит оцинкованным железом, на полу, тоже обитом железом, лежали деревянные решетки; дверь кузова обита резиной, с помощью автоматического замка плотно закрывалась. На полу автомашины, под решеткой, находились две металлические трубы диаметром, примерно 1,5 дюйма и длиной два с половиной метра. Трубы эти между собой были соединены поперечной такого же диаметра трубой (расположенные в форме буквы «Н»). Эти трубы имели частые полусантиметровые отверстия; от поперечной трубы вниз, через отверстие оцинкованного пола выходит резиновый шланг, на конце которого шестигранная гайка с резьбой, соответствующая резьбе на конечности выхлопной трубы мотора. Этот шланг навинчивается на выхлопную трубу и при работе мотора весь отработанный газ идет во внутрь кузова этой герметически закрытой машины. В результате скопления газов, находящийся в кузове человек через непродолжительное время умирал. Кузов машины может вместить 70—80 человек. Мотор на этой автомашине установлен марки «Зауер». Кузов изготовлен в Берлине и имеет на левой стороне, вблизи мотора, металлическую дощечку с надписью: «Завод строительства автокузовов акционерного общества в Берлине».

Для расправы над советскими гражданами при гестапо существовала специальная команда численностью в 25 человек. Возглавлял эту команду немец обер-лейтенант Кацендорф и его помощник обер-лейтенант Бенцель, а впоследствии эту команду возглавлял начальник «СД-12» обер-лейтенант Клейбер и его заместитель офицер гестапо Кнор. Начальником тюрьмы гестапо был немецкий офицер обершарфюрер Вильгельм Шмидт и его заместитель и переводчик венгерец Энгель Николай».

В Ставропольском крае в таких автомашинах немцы умертвили тысячи ни в чем неповинных советских людей^[100].

Установлено, что в декабре 1942 г., по приказу начальника гестапо города Микоян-Шахар обер-лейтенанта Отто Вебера, было организовано исключительное по своей жестокости умерщвление больных костным туберкулезом советских детей, находившихся на излечении в санаториях курорта Теберда^[101]. Очевидцы этого злодеяния сотрудники детских санатория, медицинская сестра Иванова С.Е. и санитарка Полупанова М.И. сообщили:

«22-го декабря 1942 г. к подъезду санатория первого отделения подъехала немецкая автомашина. Прибывшие с этой автомашиной семь немецких солдат вытащили из санатория 54 тяжело больных ребенка в возрасте от трех лет, уложили их штабелями в несколько ярусов в машине, затем захлопнули дверь, впустили газ (окись углерода) и выехали из санатория. Через час автомашина вернулась в поселок Теберда. Все дети погибли, они были умерщвлены немцами и сброшены в Тебердское ущелье близ Гуначгира».

Установлено, что с 5 по 10 августа 1942 г. немецкие солдаты из комендатуры «СС» во главе с обер-фельдфебелем Герингом и фельдфебелем Шмитцем вывезли из Ставропольской психиатрической больницы и умертвили

окисью углерода в автомашинах 660 человек больных.

Для того, чтобы скрыть следы своих кровавых преступлений от населения города, фашистские изверги объявили главному врачу больницы доктору Гамбарову Д.С. и медицинскому персоналу, что они всех больных перевозят из города Ставрополя в больницы сел Донское и Пролетарское, где подготовлено всё необходимое для приема — специальное оборудование и квалифицированный немецкий медицинский персонал, а в действительности всех больных умертвили.

Установлено, что с начала оккупации города Кисловодска санаторий Наркомнефти, оборудованный и оснащенный по последнему слову медицинской науки и техники, был занят под немецкий лазарет №31136. Начальником этого лазарета был немец обер-артц Геллер. Бесчеловечное, зверское отношение к советским гражданам началось с первых же дней. Пощечины, порки, розги, угрозы, напоминания о расстрелах и репрессиях были обычным явлением жизни немецкого лазарета. Советские люди жили в вечном страхе и угнетении. Немцы использовали лучших советских врачей, медицинских сестер и другой медицинский персонал на черной работе — уборке мусорных ям, уборных и грязных патрульных помещений. На такую работу были поставлены: врач-терапевт Анищик М.И., старшие медицинские сестры: Баташева М.Е., Киселева А.Н. и Козлова Е.В. Особыми зверствами отличалась немецкая медсестра Минна, которая избивала старшую операционную медицинскую сестру Буримову Ф.А., санитарок Коломийцеву Н.Е., Галенину Е.П. и Фицкую Е.И. Эта Минна, в своей ненависти к советским людям доходила до иступления; она беспощадно избивала, кусала и щипала свои жертвы. За избиениями следовали порки розгами до потери сознания.

Так, старший фельдфебель Ромакау и фельдфебель Райф, по приказу обер-артца Геллера, зверски избивали советских людей: Мигаль И.Т. — столяр 58 лет был засечен резиновыми розгами насмерть; Мидулин А.Я. — повар 50 лет, получил 35 двойных плетей и был засечен до потери сознания; Мирошниченко В.Г. — сторож 45 лет, получил 10 плетей, Федоровский В.Н. — истопник 56 лет, получил 15 плетей.

9-го сентября 1942 г. из санатория Наркомнефти, по приказу военного коменданта города Кисловодска Поль и начальника гестапо Вельбена, обманым путем, под предлогом отправки в малонаселенные районы Украины, были вывезены и расстреляны в противотанковом рву, в районе Минеральных Вод, лучшие советские врачи, медицинские сестры и обслуживающий персонал санатория, с семьями, включая грудных и малолетних детей, инвалидов и стариков — всего 46 человек.

Установлено, что в городе Кисловодске, в школе №16, в августе 1942 г., гестаповцы организовали застенок, где зверски истязали советских граждан. В этот застенок они привезли из Бугурустана и Бекешевки 150 человек арестованных, эвакуированных из Крыма и со станции Кавказской. 6-го сентября 1942 г. здание школы №16, где помещались арестованные, оцепили немецкие солдаты. Затем приехали четыре машины, в которые немцы стали грузить арестованных. Сначала погрузили в них первую партию арестованных — одних только мужчин и увезли. Через некоторое время эти же машины вернулись и погрузили оставшихся женщин и детей. Свои жертвы гестаповцы свозили за реку Подкумок и там в овраге расстреливали из автоматов. Среди расстрелянных погибло 47 человек детей от грудного и до 15-летнего возраста.

Расстрел 150 советских граждан, содержащихся в застенке гестапо в помещении школы №16 был произведен по приказу коменданта города майора Лидтке.

22-го июня 1943 г., под городом Кисловодском, после сильного дождя, возле горы Кольцо, в районе колхоза им. Кирова, жителями были найдены 26 трупов расстрелянных советских граждан.

При осмотре и судебно-медицинском освидетельствовании трупов было установлено среди них: 2 мужских, 15 женских и 9 детских трупов в возрасте от 2 до 12 лет. На всех 26 трупах были обнаружены следы насилий, истязаний: переломы конечностей и размозженные черепа.

При осмотре другого оврага, расположенного недалеко от горы Кольцо, на расстоянии 250 метров от дороги, идущей из Кисловодска в Первомайский аул, была обнаружена размытая насыпь глубиной в 10 метров, из которой были видны отдельные части человеческих трупов.

В этом месте с 26 по 29 июля 1943 г. были произведены раскопки, в результате которых извлечено 130 трупов. Судебно-медицинским осмотром было установлено: труп 4-месячной девочки насильственных признаков смерти не имел, ребенок был брошен в овраг живым и погиб от удушения; труп мужчины в одежде красноармейца с перевязанной правой рукой и левой ногой, рядом с этим трупом обнаружены костыли. При осмотре трупов младенцев медицинская экспертиза установила, что все они были заживо брошены в овраг вместе с расстрелянными матерями. На всех остальных трупах обнаружены следы пыток и истязаний: оторванные нижние челюсти, переломанные конечности, вывихи и изувеченные лица.

В результате произведенных раскопок в районе горы Кольцо, за время с 26 июня по 7 июля 1943 г. было извлечено 322 трупа советских граждан, расстрелянных и зверски замученных по приказам военного коменданта города Кисловодска Поль, второго коменданта майора Лидтке, начальника гестапо Вельбена, помощника начальника гестапо Вебера, при участии исполнителей их приказов первого следователя гестапо Геринга, второго следователя Циже, заместителя коменданта гестапо Келлера, начальника хозяйственной части гестапо Хаусмана и второго начальника хозяйственной части Хуше.

Среди погибших были опознаны трупы советских граждан Абрамова П.В., Захарченко Е.П., врача Годьберг Л.А., Кушнарченко И.А., инженера Архиповой З.И., Шининой Е.М., а также были обнаружены следующие документы: паспорт серии П-ЭЕ №509311, выданный Павлоградской милицией на имя Овсевич Ф.Х. 1900 года рождения, эвакуированной из Краснодарского края; паспорт серия УЛ №550776 на имя Гуральник М.Л. 1886 года рождения уроженца Белой церкви; паспорт серии П-ЭЕ №680361, выданный Днепропетровской милицией на

имя Стискина Е.М. 1896 года рождения, уроженца Черниговской области: паспорт серии I-ЭЕ №520536, выданный Павлоградской милицией 21.IV—1941 года на имя Вагнер А.Г. 1901 года рождения, уроженца города Павлограда, Днепропетровской области и другие паспорта и документы, удостоверяющие, личности расстрелянных.

Установлено, что за время оккупации города Пятигорска немецкими властями был совершен ряд чудовищных злодеяний над мирными советскими гражданами. Главными организаторами и непосредственными участниками злодеяний над советскими гражданами в городе Пятигорске были: капитан Винц — начальник гестапо «СД-12», бывший работник германского посольства в СССР; обер-лейтенант Фишер — заместитель начальника гестапо «СД-12» по следственной работе и полковник Монц — начальник полевой жандармерии.

Исключительные по своей жестокости пытки и истязания советских граждан, производились в помещении гестапо. Так, например, гражданина Ковальчук Филиппа Акимовича 1891 года рождения, проживающего в городе Пятигорске, арестовали 27 октября 1942 г. у себя на квартире, избили до потери сознания, затем отвели в гестапо и бросили в одну из камер. Через сутки гестаповцы приступили к его истязаниям и пыткам. Допрашивали и избивали его только ночью. Для допросов вызывали в отдельную камеру, где были специальные приспособления для пыток — цепи с поручнями для закрепления рук и ног. Эти цепи были прикреплены к цементному полу камеры. Арестованных предварительно раздевали наголо, клали на пол, затем руки и ноги заковывали в цепи. Таким пыткам и подвергали гр. Ковальчук. Находясь закованным в цепях, он совершенно не мог двигаться и лежал вверх спиной, в таком положении избивали его резиновыми палками в течение 16 дней.

Кроме таких нечеловеческих пыток, гестаповцы применяли и следующие. Закованным в цепи на спину клали широкую доску и сверху по этой доске тяжелыми гирями наносили резкие удары, вследствие чего у заключенного лилась кровь изо рта, носа и ушей и он терял сознание.

Камера пыток в гестапо была устроена таким образом, что когда одного арестованного пытали, то остальные арестованные, сидящие, в соседней камере и ожидавшие предстоящей расправы, наблюдали за пытками и истязаниями.

После пыток, заключенного, потерявшего сознание, бросали в сторону и следующую свою жертву гестаповцы силой волокли из соседней камеры, вновь заковывали в цепи и таким же путем продолжали пытать. Камеры пыток всегда были в крови. Доска, которую накладывали на спину, также была вся в крови, резиновые палки, которыми избивали арестованных, от крови были красные.

Арестованных советских людей, обреченных на расстрел, после невероятных пыток и истязаний загоняли в машину, увозили за город и расстреливали.

Освобожденная Красной Армией из застенка гестапо Супрун Анастасия Иосифовна, 1908 года рождения, проживающая в городе Пятигорске, по улице Власова, №3, была арестована и заключена в одну из камер гестапо; вскоре к ней в камеру для допроса явился заместитель начальника гестапо обер-лейтенант Фишер с переводчиком. Переводчик предложил ей раздеться и лечь вниз лицом на скамейку. После того, как она легла на скамейку, палач Фишер сам лично избил ее деревянной палкой до потери сознания.

Не добившись вынужденных показаний, переводчик предупредил Супрун что в дальнейшем за «неискренность» показания на допросе она будет получать по 25 палок и будет забита насмерть. В дальнейшем при допросах ее также до потери сознания избивал этот же офицер гестапо.

Чайка Варвара Ивановна, 1912 года рождения, проживающая по улице Дзержинского, 31, кв. 3, во время пребывания в заключении гестапо подвергалась со стороны начальника гестапо капитана Винц невероятно жестоким пыткам. Вот что сообщает об этом Чайка В.И.:

«Я была подвергнута издевательствам и пыткам со стороны начальника гестапо немца капитана Винц. Однажды он меня вызвал на допрос в камеру пыток. В этой камере было четыре стола, на полу деревянные решетки и два таза с водой, в которых лежали кожаные плетки. На потолке — два кольца с продетыми в них веревками, на которые подвешивали арестованных во время пыток. По команде капитана Винц гестаповцы положили меня на стол, сняли с меня всю одежду и сильно избивали плетьюми. Избиениям я подвергалась дважды. Всего мне нанесли 75 ударов плетьюми, отбили почки и выбили 8 зубов».

В городе Пятигорске немецкие власти производили массовое истребление советских граждан.

Вблизи памятника места дуэли Лермонтова, на горе Машук, были открыты пять могил, в которых обнаружены 75 трупов.

На Комсомольской поляне, в шести километрах от города Пятигорска, у подножья горы Машук, в восьми могилах обнаружены 125 трупов зверски замученных, расстрелянных советских граждан.

В районе Белой Ромашки, на Кузнечной улице, против конюшен, обнаружено шесть трупов красноармейцев, расстрелянных немцами 10 августа 1942 г. В этом же районе около первой городской больницы были открыты трупы 16 курсантов танкового училища. Установлено, что немцы добились раненых курсантов.

Всего в засыпанных ямах в районе Пятигорска обнаружено 356 трупов замученных и расстрелянных советских граждан, в числе которых мужчин — 283, женщин и детей 66. Это не полные данные. Много могил еще не обнаружено.

Из Пятигорска в октябре месяце 1942 г., по приказу начальника, так называемой пятигорской «биржи труда», офицер Ланке, было насильственно угнано в рабство в Германию на каторжные работы 800 человек советских граждан. Насильственная отправка советских граждан в Германию сопровождалась издевательствами, избиениями и угрозами расстрела.

Исключительную жестокость в обращении с советскими гражданами при угоне их в Германию проявил на-

чальник пятигорской «биржи труда» офицер Ланке.

Установлено, что немецкие оккупанты с невероятной звериной ненавистью учинили кровавую бойню над еврейским населением г. Кисловодска. 16-го августа 1942 г. на второй день оккупации города немецкое командование, в лице военного коменданта города Кисловодска Поль и начальника гестапо Вельбена, обязало еврейское население города немедленно сдать немецкому командованию ценности: золото, бриллианты, серебро, ковры, костюмы, белье, обувь и сто тысяч рублей наличными деньгами.

18 августа 1942 г. военным комендантом Поль была объявлена регистрация всего еврейского населения, независимо от пола и возраста. После регистрации всем лицам еврейской национальности, под угрозой расстрела, было приказано носить на правой, стороне груди отличительный знак — шестиконечную звезду.

7 сентября 1942 г. последовало предписание от немецкой комендатуры №12, в котором евреям было предложено явиться 9 сентября на товарную станцию Кисловодска, взяв с собой багаж, весом не больше 20 килограммов, наиболее ценные вещи и двухдневный запас продуктов для отправки, якобы, в малонаселенные пункты Украины. Ключи от квартиры было предложено сдать в комендатуру №12, с указанием на особой записке адресов квартир.

9 сентября 1942 г. на товарную станцию Кисловодска собралось около 2 000 человек евреев, — среди них были старики, женщины и дети, которых погрузили в эшелон, состоящий из 18 открытых платформ и двух крытых вагонов, и под усиленным конвоем отправили на ст. Минеральные Воды.

На основании показаний жителей города Минеральные Воды, очевидцев фашистских злодеяний: Лисицина Ф.И., Михеева Н.В., Белоусовой Е.Е., Розанова А.Н. и других, а также машинистов паровозного депо Минеральные Воды — Павлова А.М. и Сапунова А.В., сопровождавших со станции Кисловодск эшелон с еврейским населением в составе 18 платформ и двух вагонов, установлено, что прибывшие 9 сентября 1942 г. в эшелоне со станции Кисловодск около 2 000 советских граждан по национальности евреи были, по приказу коменданта города Кисловодска Поль, начальника гестапо города Кисловодска Вельбен, его помощника Вебер и коменданта города Минеральные Воды майора Барт, расстреляны в противотанковом рву против стекольного завода, в двух с половиной километрах от г. Минеральные Воды. Здесь же были расстреляны тысячи евреев с их семьями, вывезенные из Эссентуков и Пятигорска.

10 июля 1943 г. членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Алексеем Толстым была произведена раскопка этого противотанкового рва на протяжении 551 метра. Комиссия установила, что в этом противотанковом рву находится не менее 6 300 зверски расстрелянных советских граждан.

Установлено, что организаторами истязаний и расстрелов советских граждан в г. Минеральные Воды были немецкий военный комендант города майор Барт и начальник полевой жандармерии штаб-фельдфебель Ройтгард, по приказу которых расстреляны железнодорожники, рабочие и служащие советских учреждений^[102].

При вскрытии того же противотанкового рва были опознаны трупы граждан Минеральные Воды — кондуктора Табурченко И.К., его сына учителя Табурченко В.И., кондуктора Кукса П.П., токаря паровозного депо Захарова М.И., машиниста депо Советова И.А. и других.

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за совершенные злодеяния в городах: Ставрополе, Георгиевске^[103], Кисловодске^[104], Эссентуках, Минеральных Водах, курорте Теберда и других районах Ставропольского края — за массовые убийства многих тысяч невинных мирных жителей, за убийства и истязания раненых и больных военнопленных, за нечеловеческие пытки в застенках гестапо, за ограбление и увод в немецкое рабство советских граждан, организованные по прямым приказам и директивам гитлеровского военного командования: командующего первой танковой армии генерала кавалерии Макензена, начальника тыла танковой армии генерала Штубенрауха, начальника пропаганды танковой армии зондерфюрера доктора Витте, начальника полевой жандармерии полковника Монца, а также непосредственных исполнителей указанных зверских преступлений:

1) По гор. Ставрополю — начальника гестапо Майера, начальника команды «СД-12» обер-лейтенанта Кацендорфа, начальника «СД-12» обер-лейтенанта Клейбера, его заместителя — офицера гестапо Кнора, обер-лейтенанта гестапо Венцеля, начальника тюрьмы гестапо обер-лейтенанта Шмидта, его заместителя венгерца Энгель Николая, офицеров гестапо — Шульца, Фреймана, Штунфа, Байера, следователя гестапо Горинтропа, обер-лейтенанта войск «СС» Ферника, офицеров врачей «СД-12» Рауша и Шредера, доктора Шульца, шефа по вопросам сельского хозяйства Клейна, обер-фельдфебеля команды «СД-12» Геринга, фельдфебеля команды «СД-12» Шмитца, ефрейтора команды «СД-12» Чич Адольфа и начальника ГФТ (тайной полевой полиции) лейтенанта Ноя.

2) По гор. Кисловодску — комендантов Поль и майора Лидтке, начальника гестапо Вельбена, помощника начальника гестапо Вебера, первого следователя гестапо — Геринга, второго следователя — Циже, заместителя коменданта гестапо — Келлера, начальника хозяйственной части Хаумана, второго начальника хозяйственной части — Хуш, начальника немецкого лазарета №31136, обер-артца Геллера, старшего фельдфебеля Ромакау, фельдфебеля Райфа и старшую медицинскую сестру этого лазарета Минну.

3) По гор. Пятигорску — начальника гестапо «СД-12» капитана Винца, заместителя начальника гестапо «СД-12» обер-лейтенанта Фишера, начальника биржи труда полковника Аншпона, второго начальника биржи труда офицера Ланке.

4) По гор. Эссентуки — коменданта обер-лейтенанта фон Бека, обер-лейтенанта фон Пфайфер.

5) По гор. Минеральные Воды — коменданта майора Барта, начальника полевой жандармерии штаб-фельдфебеля Ройтгарда.

- 6) По гор. Георгиевску — начальника немецких лазаретов шеф-врача барона фон Гаймана.
- 7) По курорту Теберда — коменданта города Микоян-Шахар обер-лейтенанта Отто Вебера.
- 8) По гор. Железноводску — комендантов капитанов Вульфа и Кофмана, офицера гестапо Франка.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОРОДЕ ОРЛЕ И ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ^[105]

Оккупировав в 1941 году Орел и часть Орловской области, немецко-фашистские захватчики, попирая международные законы и обычаи войны, установили здесь режим насилия, кровавого террора, грабежа, рабско-крепостнического труда и повели планомерное разрушение городов и сёл Орловской области и уничтожение культурно-исторических памятников русского народа.

Эти преступления оккупантов подтверждаются многочисленными актами о разрушениях и зверствах, показаниями потерпевших и свидетелей, заключениями судебно-медицинских экспертов, документами самих оккупантов, захваченными Красной Армией, и расследованием, произведенным членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Н.Н. Бурденко.

Уничтожение городов и сёл и ограбление мирного населения

Немецко-фашистские захватчики разграбили и разрушили старинный русский город Орел. Заводы, фабрики, больницы, санатории, учебные заведения, музеи и театры гитлеровцы превратили в развалины. Они почти полностью разрушили культурные учреждения, жилые дома, здания и оборудование промышленных и коммунальных предприятий, сооружения и путевое хозяйство железнодорожного узла и трамвая. Из 36 учебных заведений города, в которых обучалось 18 тысяч детей, юношей и девушек, осталось годных к восстановлению всего лишь 6 зданий. В городе остался один музей, одна библиотека, но и они подверглись частичному разрушению и разграблению. От благоустроенной больницы на 600 коек имени МОПР'а остались лишь груды щебня и куски железа. Так же варварски гитлеровцы поступили с городской больницей имени Семашко. Они уничтожили каменные здания: родильного дома, детской поликлиники, детской больницы, женской консультации, детского санатория и других лечебно-профилактических учреждений.

С первых же дней своего прихода в Орел гитлеровцы превратили областную библиотеку имени Крупской в казарму для своих солдат. Они отправили в Германию всю ценную литературу, все карты и все атласы. В детской центральной библиотеке немецкие солдаты разграбили и уничтожили 20 тысяч книг, в библиотеке имени Пушкина — 25 тысяч, в библиотеке имени Тургенева — 22 тысячи. Немцы увезли в Германию 15 тысяч книг из железнодорожной технической библиотеки.

Так же хозяйничали фашистские захватчики и в районах Орловской области. Ими разрушены города: Мценск, Болхов, Кромы и другие. По неполным данным, в 19 районах Орловской области они уничтожили и разрушили 583 здания государственных учреждений, 317 зданий промышленных предприятий, 316 зданий дорожного хозяйства, 881 здание учебных заведений и культурных учреждений, 181 здание лечебно-санитарных учреждений, 284 коммунальных здания, 493 здания торговых предприятия, 56 866 сельскохозяйственных построек. Там, где до прихода варваров — немецких оккупантов были благоустроенные города и цветущие колхозы, остались лишь груды развалин и пепелища.

Врываясь в города и села Орловской области, немецкие офицеры и солдаты, по прямым указаниям военного командования и гражданских оккупационных властей, грабили имущество и продовольствие мирных граждан и при малейшем сопротивлении сжигали их дома и применяли кровавые расправы. Они отобрали у населения и колхозов: 11 986 лошадей, 17 161 голову крупного рогатого скота, 38 004 головы овец и коз, 10 994 головы свиней, 334 415 голов птицы, 82 054 тонны зерна и продуктов. Они забирали всё, что им попадалось на глаза: продукты питания, одежду, обувь, постельные принадлежности, мебель, посуду и даже детские игрушки.

В бешеной злобе против советского народа, вызванной поражением на фронте, командующий 2-й немецкой танковой армией генерал Шмидт и командовавший Орловским административным округом военный комендант города генерал-майор Гаманн создали специальные отряды подрывников для разрушения городов сёл и колхозов Орловской области. Эти команды громил и поджигателей уничтожали всё на пути своего отступления. Они разрушали памятники культуры и искусства русского народа, жгли города, сёла и деревни.

Массовое истребление мирного советского населения и военнопленных

В Орловской городской тюрьме немецко-фашистские оккупанты организовали лагерь для военнопленных и гражданского населения. Показаниями освобожденных военнопленных, в частности т.т. Толубеева, Равкина, Кабалдина, Жильцова и других установлено, что в Орловском лагере гитлеровцы истребляли советских граждан^[106]. Питание военнопленных не обеспечивало даже голодного существования. Пленным в день давали по 200 грамм хлеба с примесью древесных опилок и по литру супа из гнилой сои и прелой муки.

Начальник лагеря майор Гофман избивал военнопленных и заставлял истощенных от голода выполнять тяжелые физические работы в каменных карьерах и по разгрузке снарядов. У военнопленных были отобраны сапоги

и ботинки и выданы деревянные колодки. В зимнее время колодки делались скользкими и при ходьбе, в особенности при подъеме на второй или третий этажи, пленные падали на лестницах и получали увечья.

Врач Цветков Х.И., находившийся в лагере военнопленных, дал следующее показание:

«За время своего пребывания в Орловском лагере отношение к военнопленным со стороны немецкого командования могу охарактеризовать, как сознательное истребление живой силы в лице военнопленных. Питание, содержащее максимум 700 калорий, при тяжелой непосильной работе приводило к полному истощению организма (кахексии) и вело к смерти, при явлении голодных отеков и необратимых кишечных расстройств. Немецкие врачи лагеря Купер и Бекель, несмотря на наши категорические протесты и борьбу с этим массовым убийством советских людей, утверждали, что питание вполне удовлетворительно. Мало того, они отрицали происхождение отеков у пленнх на почве голода и с полным хладнокровием относились к ним за счет сердечных или почечных явлений. В диагнозах запрещалось отмечать: «голодный отек». В лагере была массовая смертность. Из общего числа умерщвленных 3 000 человек погибли в результате голодания и осложнений на почве недоедания. Военнопленные жили в ужасных, не поддающихся описанию, условиях: полное отсутствие топлива, воды, огромная вшивость, невероятная скученность в камерах тюрьмы — в помещении площадью 15—20 квадратных метров размещалось от 50 до 80 человек. Военнопленные умирали по 5—6 человек в камере и живые спали на мертвых».

Непокорных военнопленных и активистов из гражданского населения, независимо от пола и возраста, помощник начальника лагеря капитан Матерн помещал в первый корпус. Заключенные называли его «блоком смерти». Здесь их морили голодом и расстреливали группами по 5—6 человек, по расписанию, по вторникам и пятницам.

«Обреченных, — показали военнопленные т.т. Левитин и Широков, — гестаповцы выводили к месту расстрела группами и заставляли ложиться на землю лицом вниз или ставили лицом к стене. Расстреливали военнопленных и мирных граждан в затылок в присутствии немецкого врача Купера и обер-ефрейтора Диля».

10 марта 1942 года военнопленный Левитин наблюдал из окна тюрьмы расстрел советских граждан. «Расстрел, — говорит он, — производился около 10 часов 30 минут утра, на обычном месте у стенки тюремного двора. Из первого блока были выведены шесть девушек, одна женщина и одиннадцать мужчин, группами по четыре человека.

Последующие группы расстреливались, когда застреленные еще бились в предсмертной агонии. Расстреливали гитлеровцы заключенных из пистолетов в затылок».

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Н.Н. Бурденко лично установил систематическое истребление военнопленных в лагере и в «лазарете»-тюрьме, где содержались раненые красноармейцы.

«Картины, — сообщает академик Н.Н. Бурденко, — которые мне пришлось видеть, превосходят всякое воображение. Радость при виде освобожденных людей омрачалась тем, что на их лицах было оцепенение. Это обстоятельство заставляло задуматься, — в чем тут дело? Очевидно, пережитые страдания поставили знак равенства между жизнью и смертью. Я наблюдал три дня этих людей, перевязывал их, эвакуировал — психический ступор не менялся. Нечто подобное в первые дни лежало и на лицах врачей. Гибли в лагере от болезней, от голода, от побоев, гибли в «лазарете»-тюрьме от заражения ран, от сепсиса, от голода.

Гибли гражданские люди от расстрелов, которые производились в тюремном дворе с немецкой точностью, по расписанию — по вторникам и пятницам, группами по 5—6 человек. Немцы вывозили осужденных также в отдаленные места, где были траншеи, сделанные русскими войсками перед оставлением города, и там расстреливали.

Расстрелянных в городе свозили и бросали в траншеи, преимущественно в лесистой местности. Казни в тюрьме совершались так: мужчины ставились лицом к стене, жандарм производил выстрел из револьвера в затылочную область. Этим выстрелом повреждались жизненные центры и смерть наступала мгновенно. В большинстве случаев женщины ложились лицом вниз на землю и жандарм стрелял в затылочную область. Второй способ: группу людей загоняли в траншею и, обернув их лицом в одну сторону, расстреливали из автоматов, направляя выстрелов ту же затылочную область. В траншеях обнаружены трупы детей, которых, по свидетельству очевидцев, закапывали живыми».

По показаниям очевидцев и свидетелей, на кладбище около городской тюрьмы, за время оккупации немцами города Орла, было похоронено не менее 5 000 военнопленных и мирных советских граждан. Таких могил, жертв немецко-фашистских оккупантов, в Орле и Орловской области десятки.

Жители Ломаковского сельсовета, Орловского района, Н.П. Филатов, П.М. Облепов, И.В. Кузьмин, О.М. Бышева и П.К. Филатов показали:

«Недалеко от деревни Некрасово находился детский городок. Заняв эту местность, гитлеровцы организовали в городке концентрационный лагерь для гражданского населения. От непосильного труда и голода в лагере ежедневно умирало много заключенных, в том числе детей и подростков. Немецкие фельдфебели Винклер, Штрикке и Шольц издевались над советскими людьми. В августе 1942 года был такой случай: четырех заключенных немцы заставили копать могилу. У этой могилы они расстреляли 8 цыган, расстреляли и тех четырех, которые копали могилу».

Главный врач психиатрической больницы Кишкинка А.Х. Беляев, завхоз З.С. Конокотин, рабочие И.Н. Дронов, В.А. Ларионова, Н.А. Пучкова и М.П. Романчук сообщили:

«26 июля 1942 года гестаповцы, в сопровождении немецкого врача Ширмана, пришли в психиатрическую больницу и заявили, что больница закрывается, а больные вывозятся в тыл, в Белоруссию. Заявление Ширмана

подтвердил гарнизонный немецкий врач Эрлих. Всех больных немцы силой посадили в автомашины, уложили больничное белье, посуду, продукты питания и отправили в сторону деревни Некрасово и там больных расстреляли».

Немцам понадобилось произвести испытание противоипритного препарата. Воспользовавшись тем, что орловской кустарной мастерской жестяных изделий нужна была серная кислота, начальник немецкой хозяйственной комендатуры Шмидт предложил руководителю мастерской взять серную кислоту со склада хозяйственной комендатуры. Когда «кислоту» доставили в мастерскую, у многих рабочих и, в частности, у Ноздрунова и Черенкова началась рвота. Утром же 9 сентября все рабочие мастерской потеряли зрение и были отправлены в городскую больницу. Там врачи определили у больных тяжелое отравление ипритом, но принять каких-либо мер лечения они не могли, так как немецкие власти предложили всех больных, отравленных ипритом, поместить в немецкий лазарет. Там, в лазарете, немцы подвергли отравленных тщательному клиническому лабораторному исследованию, неоднократно фотографировали их и демонстрировали больных немецким врачам, приезжавшим из Киева, Харькова и Одессы.

Медицинская экспертная комиссия в составе: члена Чрезвычайной Государственной Комиссии академика Н.Н. Бурденко, главного судебно-медицинского эксперта фронта, полковника медицинской службы И.Ф. Огаркова, врачей орловской больницы В.И. Бикенева, В.Н. Преображенского, Н.А. Марченко, Н.Я. Сабурова, Б.Н. Гусева и С.П. Протопопова, на основании показаний и результатов освидетельствования пострадавших Ноздрунова, Хархардиной и Нестерова, установила, что немецкие оккупанты отравили ипритом рабочих мастерской преднамеренно.

Медицинско-экспертная комиссия в составе: члена Чрезвычайной Государственной Комиссии академика Н.П. Бурденко, Главного судебно-медицинского эксперта фронта, полковника Н.П. Огаркова, Главного патолога фронта, профессора Д.Н. Выропаева, армейского патолога, доцента Н.В. Константиновича, армейского судебно-медицинского эксперта, капитана В.А. Дробышевского и врача патолога анатомической лаборатории, старшего лейтенанта О.И. Дорохова, вскрыла и исследовала 932 трупа, извлеченных из могил у городской тюрьмы, кирпичного завода, в овраге деревни Некрасово, на территории бывшего детского городка, в Медведевском лесу и в лесу у деревни Малая Гать.

Комиссия установила, что это трупы советских граждан, расстрелянных год—полтора тому назад. Расстрел производился на близком расстоянии огнестрельным оружием в затылочную часть черепа. В частности, у деревни Некрасово, в могилах на дне оврага, были обнаружены лежавшие в беспорядке 72 трупа. На трупах подростков и женщин обнаружены полотняные белые и серые рубахи с клеймом «Областная психиатрическая больница». Приглашенные на место раскопок: бывший главный врач психиатрической больницы Беляев, заведующий одним из отделений той же больницы Рябцев и старшая медсестра Елисеева опознали одежду на трупах и подтвердили принадлежность ее психиатрической больнице. По одежде они опознали также трупы многих больных.

Установление крепостнического режима и увод советских граждан в немецкое рабство

Заняв город Орел, немецко-фашистские оккупанты сразу же приступили к насильственному угону советских людей в рабство в Германию. Угон в рабство осуществлялся специально созданной «Биржей Труда», которую возглавлял Лева. Его заместителем был Фохт и ассистентами Мутце и Плац. При «Бирже Труда» был организован лагерь, возглавлял который Лох.

5 декабря 1941 года, в первом номере газеты «Речь», было опубликовано объявление, за подписью командующего Орловским административным округом генерал-майора Гаманн о том, что население города Орла обязано явиться на регистрацию на «Биржу Труда». Немецко-фашистские поработители заставляли советских граждан подписывать «трудовые обязательства».

Гражданка А.М. Сысоева, проживающая в городе Орле, по улице Сакко-Ванцетти, дом №48, сообщила:

«За отказ подписать «трудовое обязательство» о «добровольной» поездке в Германию военная комендатура арестовывала советских граждан и держала в подвале по 3—5 суток, принуждая подписывать «трудовые обязательства».

За весь период немецкого хозяйничания в городе Орле было угнано в рабство только одних девушек и женщин свыше 20 000 человек^[107].

Ужас германского рабства толкал советских граждан на причинение себе тяжелых увечий. Многие девушки и женщины, не желавшие превратиться в рабынь, сознательно увечили себя, лишь бы не попасть на фашистскую каторгу. Например, гражданка Сысоева Александра и Ковалева Александра с этой целью обожгли себе руки серной кислотой и стали инвалидами. Таких случаев было немало.

Только ценой жестоких страданий и мучений советские люди добывали возможность не быть угнанными в немецкое рабство или посланными на принудительные работы. Уклонявшиеся от работы на немцев арестовывались, направлялись в концентрационные лагеря, где и расстреливались. Так, например, 15 января 1942 года, в Первомайском сквере, трое молодых людей в возрасте от 18 до 21 года были повешены только за то, что они не захотели выполнить работу на ненавистных врагов.

16 января 1942 года газета «Речь» по этому поводу опубликовала следующее сообщение:

«За невыполнение приказа местного коменданта по ежедневной явке на работу, что является саботажем, безработные Матвеев Алексей, Кочергин Иван и Ключников Дмитрий повешены 15 января 1942 года, как саботаж-

ники.

Местный комендант».

Перед отступлением немецко-фашистских войск из города Орла военный комендант палач Гаманн опубликовал объявление, в котором сказано:

«Орел объявляется боевой зоной. Гражданское население должно немедленно покинуть город в западном направлении. Покиданию города в другом направлении будет воспрепятствовано силой оружия. Мужчины в возрасте от 15 до 55 лет, способные носить оружие, будут, как и раньше, задерживаться. Они избежат задержания только тогда, если немедленно явятся в лагерь военнопленных на Казарменной улице. Каждое гражданское лицо, которое после наступления темноты будет встречено на улице, будет расстреляно.

Военный комендант Гаманн, генерал-майор».

Немецкие захватчики объявили всех мужчин жителей города Орла военнопленными и предложили им эвакуироваться в тыл. Но советские патриоты, не желая отправляться на фашистскую каторгу, скрывались и прятались где только возможно. Гитлеровцы искали скрывающихся по домам и всех, кто им попадался, отправляли под конвоем в тыл. Как хищные звери, рыскали немецко-фашистские мерзавцы в поисках своей добычи. Жители Пятницкой Слободы города Орла прятались в пещерах, образовавшихся в каменоломнях под обрывом правого берега реки Оки.

В районе Пятницкой слободы таких пещер четыре. Длина каждой из них достигает до 400—500 метров. В глубине этих пещер спасались мужчины, женщины и дети Пятницкой слободы и других районов города.

Жители этой слободы Навозин В.А., Логвинов М.А., Чепелевич М.А., Кудрина М.А., Поспешинская Е.А., Перслыгина В.А., Боев Г.Н., Клочкова Е.А., Кожин А.А., Гаврилов П., Казпачеева А.Н. и Семенов Н.Д. рассказали:

«Узнав, где скрывается население, фашистские жандармы, 2 августа 1943 года, явились и пещерам. Они потребовали, чтобы скрывающиеся вышли, угрожая в противном случае взорвать пещеры. Женщины и дети подчинились этому требованию, а мужчины отказались. Тогда фашисты в каждую пещеру заложили взрывчатые вещества, намереваясь завалить входы. Советские патриоты задыхались от газов, образовавшихся вследствие взрывов, но не вышли, предпочитая лучше погибнуть, чем отдаться в руки гитлеровских палачей. Не добившись успеха, фашисты уехали и на другой день, т.е. 3 августа 1943 года, опять приехали к пещерам на автомашинах, нагруженных взрывчатым веществом. С собою они привезли несколько пленных советских военнослужащих и под угрозой расстрела заставили их закладывать авиабомбы и ящики с аммоном у входа каждой пещеры. Ни слезы детей, ни просьбы женщин, ничто не остановило гитлеровцев. Они взрывом завалили входы в пещеры, но убить им советских патриотов не удалось. Женщины и дети раскопали завалы и освободили измученных советских людей».

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за совершенные злодеяния в городе Орле и Орловской области, за массовые убийства невинных мирных жителей; за убийства и истязания раненых и больных военнопленных; за ограбление и увод в немецкое рабство советских граждан; за разрушение колхозов, деревень, сёл и городов; за расхищение имущества государственных, кооперативных и общественных учреждений: командующего 2-й немецкой танковой армией генерала Шмидта^[108], командующего Орловским административным округом, военного коменданта города, генерал-майора Гаманна^[109], а также непосредственных исполнителей чудовищных преступлений: начальника Орловского лагеря военнопленных майора Гофмана, помощника начальника Орловского лагеря военнопленных капитана Матерна, гарнизонного врача Эрлиха, немецкого врача Ширмана, немецкого врача лагеря военнопленных Купера, начальника Биржи труда Лева, заместителя начальника Биржи труда Фохта, начальника хозяйственной комендатуры Шмидта, ассистентов Мутце и Плац, заведующего лагерем Биржи труда Лоха, фельдфебелей Винклера, Штрикке и Шольца, обер-ефрейтора Диля. Все они должны понести суровое наказание за свои чудовищные злодеяния, совершенные против советского народа в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками освобожденных ныне Красной Армией города Орла и Орловской области.

О РАЗРУШЕНИИ ГОР. СМОЛЕНСКА И ЗЛОДЕЯНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ НАД СОВЕТСКИМИ ГРАЖДДАНАМИ^[110]

Древнейший русский город Смоленск, богатый событиями в своем развитии, из века в век отражал в истории нашей Родины рост ее могущества и славы. Небывалого расцвета достиг он за годы советской власти. С необычайной быстротой увеличивалось количество промышленных предприятий, культурно-просветительных учреждений.

15 июля 1941 года в Смоленск ворвались гитлеровские орды. 26 месяцев и 10 дней длилось их кошмарное хозяйничанье, сопровождавшееся неслыханными злодеяниями и насилиями. С чудовищной жестокостью и коварством изо дня в день разрушали они фабрики и заводы, больницы и поликлиники, институты и техникумы, школы и музеи, парки и сады — весь древнейший город, превращая его в пепел и развалины.

После освобождения города лишь за 10 дней минерами было извлечено из различных зданий более 100 тысяч килограммов авиабомб и мин замедленного действия.

На основании актов, составленных представителями государственных предприятий и учреждений, обще-

ственных организаций, показаний очевидцев и свидетелей, а также на основании произведенного членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Н.Н. Бурденко расследования фактов разрушений и злодеяний, учиненных в г. Смоленске немецко-фашистскими варварами, установлено:

Разрушение коммунального хозяйства

Специальные команды поджигателей взрывали и сжигали новые большие дома, целые кварталы и улицы. В каменных зданиях автогеном вырезали железные балки и увозили в Германию. Из 8 000 домов с полезной площадью более 650 тыс. кв. метров разрушено и сожжено 7 300 домов. Разрушены: железобетонный 3-пролетный арочный мост с двухколейными трамвайными путями, выстроенный в 1930—1931 году, соединявший Заднепровье с центром города: 3-пролетный железный мост с каменными, облицованными гранитом быками, два виадука через полотно железной дороги у станции Смоленск; все помещения бань и подсобные предприятия банно-прачечного комбината.

Немецкими оккупантами приведено в негодность все трамвайное хозяйство, состоявшее из 27 километров пути, воздушной линии и трамвайного парка. Выведен из строя водопровод. Население города осталось без воды. Взорваны и сожжены: водонапорные башни с железобетонными баками, главная насосная станция с оборудованием, насосами, моторами, камерой управления и трубопроводом, насосная станция с подсобными сооружениями, станции 1-го и 3-го подъема с железобетонными резервуарами и камерой управления; разрушены оборудование и строения над шахтами артезианских скважин.

При отступлении из Смоленска немецкие мерзавцы разрушили электрическую станцию и город оставили без света и электроэнергии. Турбины, котлы и трансформаторы привели в негодность: уничтожили 67 трансформаторных киосков, сняли около 90 километров воздушной сети высокого и низкого напряжения: контрольно-измерительные приборы вывезли в Германию.

Фашистские захватчики полностью разрушили и сожгли в Смоленске 170 магазинов, 260 ларьков, 85 столовых и ресторанов, 2 фабрики-кухни и другие подсобные постройки торговых организаций.

Большой ущерб немецко-фашистские захватчики нанесли хозяйству Управления связи. Они уничтожили здание телеграфа, автоматической телефонной станции, почтамта, радиостанций, радиоприемного пункта. Привели в негодность в уничтожили оборудование телеграфа и блок-станции, автоматической телефонной станции, междугородной телефонной станции. Имущество, материалы и хозяйственный инвентарь Управления связи вывезли в Германию.

По далеко неполным данным общий ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками коммунальному хозяйству, связи и торговле, составляет свыше 700 миллионов рублей.

Разрушение промышленности

Немецкие захватчики уничтожили в Смоленске все 96 фабрик и заводов. Они разрушили Смоленский льнокомбинат имени А.А. Андреева, пущенный в эксплуатацию в 1937 году, а оставшиеся станки, котлы, рельсы и различное оборудование увезли в Германию. Завод «Метиз», музыкальную фабрику, завод №35, механический завод, 30 предприятий промысловой кооперации, трикотажную фабрику, завод им. Калинина, выпускавший дорожные машины, битумные котлы и цистерны, гитлеровцы разрушили до основания. На фабрике «Красный швейник» оккупанты взорвали и уничтожили производственный корпус, здание школы ФЗУ и складские помещения.

В последние дни перед бегством немецких оккупантов из Смоленска подверглись разрушениям предприятия и жилые помещения Областного Управления промышленности стройматериалов.

На кирпичном заводе №1 они взорвали и разрушили обжигательную печь, здания двух формовочных цехов, механическую мастерскую, электроподстанцию, на втором кирпичном заводе — взорвали и сожгли все производственные здания и сооружения и вывезли в Германию трансформаторные подстанции и моторы; 8,5 километра узкоколейных путей; полностью сожгли жилые дома и постройки рабочего поселка. От кирпичного завода №5 остались лишь груды развалин. Керамический завод разрушен, а оборудование вывезено в Германию. Оборудование и инструмент механического завода немецко-фашистские захватчики вывезли в Германию, здание частично разрушили; 4-этажное здание смоленской контрольной научно-исследовательской станции стройматериалов сожгли.

Общий размер ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками промышленным предприятиям, исчисляется более чем в 300 миллионов рублей.

Разрушения железнодорожного узла

Смоленский железнодорожный узел, связывавший столицу Советского Союза с важнейшими экономическими и промышленными центрами страны, через который ежедневно проходили десятки товарных и пассажирских поездов на Москву, Минск, Брянск, Витебск, Сухиничи, оккупантами разрушен полностью. Паровозное и вагонное хозяйство, оборудование мастерских, силовых станций, аппаратура связи и автоблокировки, в том числе и подвижной состав, увезены в Германию.

При своем отступлении из Смоленска немецкие оккупанты взорвали 194 километра железнодорожных стан-

ционных путей, 700 стрелочных переводов, 5 депо, 3 поворотных круга, 7 пунктов набора воды; уничтожили 3 тысячи погонных метров погрузочно-разгрузочных площадок, 18 300 кв. метров служебных зданий, 9 бань; разрушили и сожгли 228 жилых зданий общей площадью 38 тысяч кв. метров.

Размер ущерба по железнодорожному узлу исчисляется в 60,5 миллиона рублей.

Разрушения учреждений здравоохранения

Ворвавшись в город, немецкие захватчики разрушили большинство лечебных учреждений, больных, находившихся в больницах, выбросили на улицу, а ценное медицинское оборудование вывезли в Германию. Жители города были лишены медицинской помощи.

Отступая от Смоленска, гитлеровские мерзавцы сожгли и взорвали здания лечебных учреждений. Они разрушили терапевтическое, хирургическое, инфекционное, гинекологическое и родильное отделения 1-й советской клинической больницы, размещавшейся в 20 корпусах. Полностью уничтожили рабочую поликлинику, третью, четвертую и пятую амбулатории и шестую амбулаторию при Льнокомбинате, три тубдиспансера, пункт скорой помощи, три женско-детских консультации, санаторий для подростков, 25 детских яслей на 1 800 мест, дезостанцию, молочно-контрольную станцию, санитарно-бактериологическую лабораторию, акушерскую клинику, инфекционную больницу, дом ребенка, детскую и зубоветеринарную поликлиники; разграбили кожно-венерический диспансер, институт физических методов лечения, детскую больницу, детскую физио-терапевтическую больницу, зубоветеринарную школу, дом санитарного просвещения и др.

Ущерб, причиненный немецко-фашистскими оккупантами лечебным учреждениям города Смоленска, исчисляется более чем в 70 миллионов рублей.

Разрушения учебных заведений, культурно-просветительных учреждений, музеев и памятников старины

Немецко-фашистские захватчики уничтожили в Смоленске институты, техникумы, школы; разграбили ценнейшие коллекции музеев, осквернили и сожгли памятники старины. Учебники и литературу, наглядные пособия и приборы, экспонаты и музейные коллекции, представлявшие огромную ценность, фашисты вывезли в Германию. Богатейшая библиотека педагогического института, насчитывавшая сотни тысяч книг, была замурована в подвале для сохранения от пожара во время бомбардировок. Немецкие выродки разыскали эту библиотеку и все книги сожгли. Ценную литературу, учебники, приборы и инструменты медицинского института и института иностранных языков вывезли в Германию.

В апреле 1943 года немецко-фашистским мерзавцам понадобился щебень. Они взорвали для этой цели среднюю школу №23 и, добытый таким путем щебень использовали на исправление дороги.

При отступлении из Смоленска немецко-фашистские захватчики разрушили почти все учебные заведения. Они сожгли здания педагогического, стоматологического и сельскохозяйственного институтов; разрушили финансовый, кооперативный, железнодорожный техникумы и электро-техникум связи; сожгли и взорвали 22 школы, восемь детских садов, областную, центральную, детскую городскую, Заднепровскую библиотеки, библиотеку им. Горького и Рачевскую библиотеку им. Первого Мая. В этих библиотеках погибло 646 тысяч книг.

Ущерб, нанесенный немецко-фашистскими оккупантами школам и учреждениям Смоленского городского отдела народного образования, исчисляется в 74 миллиона рублей.

В 1939 году в Смоленске был открыт драматический театр в новом, прекрасно оборудованном здании. Немецкие захватчики разграбили костюмерную театра, насчитывавшую до 5 000 предметов. Электрооборудование привели в негодность; осветительную аппаратуру и антикварную мебель вывезли в Германию, декорации уничтожили. Они сожгли Государственный цирк на 2 500 мест со всем оборудованием, здание филармонии и музыкальной школы им. Глинки. Немецкие оккупанты разрушили кинотеатры им. «Пятнадцать лет Октября» на 1 000 мест, «Палас» на 700 мест, «Деткино» и др.

Древнейший город Смоленск сохранял ценнейшие памятники истории и культурного прошлого. В нем имелись храмы начального периода каменного строительства XII века, Кремль, представляющий одно из крупнейших в мире крепостных сооружений, а также и ряд других памятников, характеризующих дальнейшее развитие русской национальной культуры и искусства вплоть до нашего времени.

В Смоленске до немецкой оккупации было 4 музея, располагавших ценными коллекциями.

Художественный музей, собиравшийся с 1898 года, имел богатейшие собрания преимущественно русских историко-художественных, историко-бытовых, этнографических и других ценностей: картин, икон, бронзы, фарфора, литья, тканей. Эти собрания представляли мировую ценность — экспонировались на выставке во Франции. Оккупанты разрушили музей, ценнейшие экспонаты вывезли в Германию. В музее сохранились только бронзовая скульптура Никиты Панина и большой гипсовый барельеф. Вне музея, на Соборной горе, в одной из комнат бывшего архиерейского дома, обнаружено небольшое количество беспорядочно сваленного, поломанного и побитого имущества.

Исторический музей, помещавшийся в здании Богословской церкви XII века, полностью разграблен, помещение музея частично взорвано. В музее хранились подлинные экспонаты, характеризующие историю города, и, как единственное в этом отношении собрание, оно являлось исключительно ценным.

Музей природы в Громовой башне Кремля состоял из собрания, характеризовавшего природу Смоленской об-

ласти. Музейные ценности фашистские мерзавцы разрушили, а здание приспособили под казарму.

В Петропавловской церкви, построенной в 1146 году, с пристройками XVII и XVIII веков они сожгли междуэтажные перекрытия и все деревянные части здания. Архангельская (Свирская) церковь постройки 1194 года сожжена фашистами 28 июня 1942 года. Сгорели полностью покрытия главы колокольни и вся внутренность постройки 1833 года. Во время оккупации Смоленска немецкие военные власти использовали здание церкви под склад. Ивано-Богословская церковь 1180 года с пристройкой 1770 года, взорвана при отступлении из Смоленска.

В крепостных башнях и стенах Кремля постройки 1567—1602 годов произведены разрушения. Немецко-фашистские захватчики сняли кровлю с 9 башен Кремля: Волкова, Веселухи, Раговки, Орла, Аврамцевской, Заалтарной, Воронина, Долгочевской и Зимбулки; сожгли Днепровские ворота с надвратной церковью; разобрали междуэтажные перекрытия башни Бублейки. В Гуркиной башне они устроили склад взрывчатых веществ. В восточной стене Кремля сделали несколько проломов. Немецкие оккупанты сожгли Троицкий монастырь. В соборе монастыря постройки 1674 года сгорели крыши над всеми зданиями. В колокольне XVII века сгорела глава, в церкви Зачатья постройки 1767 г. сгорела крыша, перекрытия и все деревянные части здания. Деревянный дом наместника архиепископа постройки XVII века уничтожен пожаром. Сохранились только каменные сводчатые подвалы.

Немецкие захватчики полностью сожгли церкви: Спасскую постройки XVIII века, Духовскую — XVIII века, Покровскую — XIX века. Сожгли все деревянные части в церквях: Нижне-Никольской за Днепром постройки XVIII века, Георгиевской — начала XVIII века, Нижне-Благовещенской — 1779 года, в Богоявленском соборе — 1781 года; взорвали Верхне-Никольскую церковь и Введенскую церковь Авраамиева монастыря; увезли в Германию бронзовый Памятник Кутузову и пушки с памятника 1812 года.

Главный штаб Розенберга по изъятию и вывозу ценностей из оккупированных районов востока имел в Смоленске специальное отделение, возглавляемое доктором Нерлингом, — организатором разграбления музеев и исторических памятников.

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает приведенные данные об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям города Смоленска, только предварительными. Точные размеры ущерба, будут установлены после окончательной расчистки территории города и тщательной экспертизы разрушения жилых зданий, фабрик, заводов, культурно-просветительных учреждений, музеев, исторических памятников и других сооружений.

Массовое истребление военнопленных и мирных советских граждан

Чрезвычайная Государственная Комиссия на основании заявлений советских граждан, показаний свидетелей, актов и специального расследования установила, что немецко-фашистские захватчики в городе Смоленске и его окрестностях истязали и истребляли мирных советских граждан и военнопленных.

24 апреля 1942 года близ деревни Александровка карательный отряд гестапо в 400 человек зверски расстрелял 176 советских граждан. В районе поселка Геденоновка, близ разрушенного здания радиостанции они расстреляли не менее 5 000 советских граждан. На опушке Вязовеньской лесной рощи, в одном километре от деревни Магаленщина, в июле месяце 1942 года немецкие власти расстреляли три с половиной тысячи советских граждан. Чрезвычайной Государственной Комиссией установлены личности 1 327 расстрелянных. Свидетели по делу зверского истребления советских граждан в Вязовеньской роще — Варфоломеев И.Е., Нокладова В.К., Субботина А.В., Новожилов А.С. и другие показали:

«В июле месяце 1942 года немецкие захватчики в одном километре от нашей деревни Магаленщина, на опушке Вязовеньской лесной рощи, в течение целого дня расстреливали население города Смоленска, которое до этого было согнано в лагерь, располагавшийся в поселке «Садки». В этот день было расстреляно более 2 000 человек — стариков, женщин и детей».

Немецко-фашистские захватчики планомерно истребляли раненых и военнопленных советских граждан. Врачи Смирнов А.Н., Лазунов А.Н., Демидов А.М., Погребнов А.С. и другие, бывшие в лагере военнопленных, сообщили, что по дороге от Вязмы в Смоленск гитлеровцы расстреляли несколько тысяч человек.

Осенью 1941 года оккупанты пригнали из Вязмы в Смоленск партию военнопленных. Многие из них от побоев и истощения не в состоянии были держаться на ногах. При попытке населения дать кому-либо из пленных кусок хлеба немецкие солдаты отгоняли советских людей, били их палками, прикладами и расстреливали. На большой Советской улице, Рославльском и Киевском шоссе фашистские мерзавцы открыли беспорядочную стрельбу в колонну военнопленных. Пленные пытались бежать, но солдаты настигали их и пристреливали. Так было расстреляно около 5 000 советских граждан. Трупы расстрелянных несколько дней валялись на улицах.

Это подтверждают жители города Смоленска — Соловьева П.С., Егоров В.М., Егорова Г.Н., Лунченкова Ф.Т., Агафонова П.Л. и другие^[11].

Немецкие военные власти истязали военнопленных. По пути в Смоленск, и особенно в лагере, военнопленные погибали десятками и сотнями. В лагере военнопленных №126 советские люди подвергались истязаниям, больных посылали на тяжелые работы, не оказывали медицинской помощи. Пленные в лагере подвергались истязаниям, посылались на непосильную работу, расстреливались. От истощения на почве голода, от эпидемии тифа и дизентерии, замерзания, изнурительных работ и кровавого террора ежедневно погибали 150—200 человек^[12]. Немецко-фашистские захватчики истребили в лагере свыше 60 тысяч мирных граждан и военнопленных. Факты истребления пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также мирных граждан подтвержде-

ны показаниями пленных врачей, содержащихся в этом лагере: Смирнова А.Н., Хмырова В.А., Погребнова А.С., Ерпылова П.И., Демидова А.М., медицинскими сестрами Шубиной Т.С., Ленковской А.Г., а также, красноармейцами и жителями города Смоленска.

Под руководством зондерфюрера Эдуарда Гисс в лагере были расстреляны тысячи военнопленных.

Унтер-офицер Гатлин зверски расправлялся с пленными. Зная об этом, они старались не попадаться ему на глаза. Гатлин же переодевался в костюм красноармейца, замешивался в толпу и, избрав себе жертву, избивал ее до полусмерти.

Рядовой Рудольф Радтке, бывший борец одного из цирков Германии, специально изготовил себе плетку из алюминиевой проволоки, которой избивал содержащихся в лагере. По воскресным дням он приходил в лагерь пьяным, набрасываясь на первого попавшегося пленного, мучил его и убивал.

На Смоленской городской электростанции фашисты заставляли работать истощенных и выбившихся из сил, больных советских людей. Нередко наблюдались случаи, когда пленные, изнуренные голодом, падали от непосильной работы и тут же расстреливались зондерфюрером Сцепальским, зондерфюрером Брам, Гофманом Маузером, зондерфюрером Вагнером.

В Смоленске существовал госпиталь для военнопленных, советские врачи, работавшие в этом госпитале, общили:

«До июля 1942 года, больные лежали на полу, без перевязок. Одежда и подстилка у них была покрыта не только грязью, но и гноем. Помещение не отапливалось, в коридорах пол покрывался ледяной коркой».

Отношение к раненым точно соответствовало программе поголовного истребления русского народа. Никаких ни общечеловеческих, ни юридических норм не признавалось. Раненые военнопленные подвергались мучениям и физическим и моральным.

В свое время в печати сообщалось, как гитлеровские палачи инсценировали «обследование» своей же кровавой расправы над польскими офицерами в Катынском лесу (в районе Смоленска), чтобы мошеннически выдать это злодеяние за «преступление большевиков». Эти гнусные измышления матерых фальсификаторов еще характернее выступают теперь в свете новых чудовищных преступлений, совершенных ими в г. Смоленске.

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что в городе Смоленске и его окрестностях немецко-фашистские изверги расстреляли и замучили свыше 135 тысяч мирных советских граждан и военнопленных.

Чрезвычайная Государственная Комиссия поручила специальной судебно-медицинской экспертной комиссии произвести исследование трупов расстрелянных и замученных советских граждан в Смоленске.

Ниже публикуется акт судебно-медицинской экспертизы:

«АКТ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ»

Согласно указанию Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР — от 28-го сентября 1943 года. Судебно-медицинская Экспертная Комиссия в составе:

Члена Чрезвычайной Государственной Комиссии, академика Н.Н. Бурденко;

Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, доктора В.И. Прозоровского;

профессора кафедры судебной медицины 2-го Московского Медицинского института, доктора медицинских наук В.М. Смольянинова;

старшего научного сотрудника танатологического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора П.С. Семеновского;

старшего научного сотрудника судебно-химического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доцента М.Д. Швайновой — в период с 1-го по 16-е октября 1943 года произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов в местах погребения в гор. Смоленске и его окрестностях, для:

- 1) установления личности покойных.
 - 2) диагностики причины смерти,
 - 3) определения количества погребённых и срока давности погребения.
- Обстоятельства дела изложены в документах следствия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебно-медицинская комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских, судебно-химических и спектроскопических исследований, а также на изучении следственных документов, приходит к заключению:

Материалы следствия, количественная характеристика трупов в раскрытых ямах-могилах и изучение участков территории массовых погребений — делают возможным вывод, что в обследованных пунктах гор. Смоленска и его окрестностей количество трупов советских граждан, умерщвлённых и погибших в период временной оккупации немцами, превышает 135 000, распределяясь следующим образом:

1. На территории бывш. Смоленской Радиостанции у сел. Гедеоновка до **5 000** трупов
2. -"- селений Магаленщина—Вязовенька до **3 500** -"-
3. -"- плодово-овощного хозяйства у сел. Реадовка до **3 000** -"-
4. -"- Пионерского (соснового) сада до **500** -"-
5. -"- Дома Красной Армии до **1 500** -"-
6. -"- большого концентрационного лагеря №126 до **45 000** -"-
7. -"- малого концентрационного лагеря №126 до **15 000** -"-

8. -"- Медгородка Западной железной дороги до **1 500 -"-**
9. -"- деревни Ясенная до **1 000 -"-**
10. -"- бывш. немецкого госпиталя для военнопленных и общежития студентов Мединститута по Рославльскому шоссе до **30 000 -"-**
11. -"- Лесопильного и Ликёро-водочного заводов до **500 -"-**
12. -"- концентрационного лагеря у дер. Печорской до **16 000 -"-**
13. -"- селения Ракитня до **2 500 -"-**
14. -"- авиазавода №35 в районе станции Красный Бор, совхоза Пасово, дер. Александровской, ГЭС, пос. Серебрянка и Дубровенька до **12 000 -"-**

В период с 1-го по 16-е октября 1943 года на территории гор. Смоленска и его окрестностей были произведены эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов в следующих пунктах:

1. На территории бывш. Смоленской радиостанции;
2. -"- селений Магаленщина—Вязовеяка;
3. -"- Пионерского сада;
4. -"- плодово-овощного хозяйства (у дер. Реадовка);
5. -"- большого концентрационного лагеря (№126);
6. -"- малого концентрационного лагеря (№126);
7. -"- Железнодорожной больницы (Медгородок Западной железной дороги);
8. -"- дер. Ясенная;
9. -"- Дома Красной Армии;
10. -"- Авиазавода №35;
11. -"- бывш. немецкого госпиталя для военнопленных и общежития студентов Медицинского института по Рославльскому шоссе;
12. -"- Лесопильного и Ликеро-водочного заводов;
13. -"- концентрационного лагеря у дер. Печорская;
14. -"- дер. Ракитня.

В указанных пунктах было раскрыто 87 мест захоронений (ям и могил), эксгумировано и исследовано 1 173 трупа, из которых было 1 033 трупа мужчин, 122 женщин и 18 детей и подростков.

При исследовании трупов было констатировано наличие:

18 детей и подростков в возрасте до 16 лет.

835 мужчин в возрасте от 20 до 40 лет.

103 женщины в возрасте от 20 до 40 лет.

217 мужчин и женщин в возрасте свыше 40 лет.

В процессе раскрытия могил-ям установлено, что в них не производилось погребения трупов в обычном смысле слова, а имело место хаотическое сбрасывание и закапывание трупов мужчин, женщин и детей, в некоторых случаях вместе с частями трупов животных (собака, лошадь), при этом закапывание трупов совершалось на различной глубине от 0,3 метра до 3,0 метра. Трупы в ямах большею частью были или вовсе без одежды или в поношенном нижнем белье, в меньшей же части — трупы обнаружены в одежде или воинском обмундировании. На нижнем белье некоторой части трупов, эксгумированных из могил на территории большого и малого концентрационных лагерей, отмечается множество мертвых вшей.

Вместе с трупами в ямах или в карманах одежды находились различные предметы бытового обихода: плетеные и клеенчатые сумки с картофелем или кусками хлеба, эмалированные кружки и фляги, бритвы и перочинные ножи, почтовые карточки, карандаши, зеркала, мундштуки, мелкие деньги и проч. Документы, удостоверяющие личность, были найдены лишь в 16 случаях (три паспорта, одна красноармейская книжка и 12 воинских медальонов). В некоторых случаях в качестве материала для опознавания личности покойного могли быть использованы только частично сохранившиеся предметы одежды и татуировки.

Давность погребения эксгумированных трупов, судя по результатам судебно-медицинских исследований, должна быть отнесена, преимущественно, ко второй половине 1941 года, 1942 году и только в 4-х местах захоронения — к 1943 году.

При судебно-медицинской исследовании в отношении 567 трупов получены данные, свидетельствующие о том, что причиной смерти были огнестрельные ранения головы и грудной клетки — 538 случаев; множественные переломы костей черепа от удара тупым, твердым предметом — 29 случаев.

Огнестрельные ранения были констатированы у 431 мужчины, 100 женщин и у 7 детей и подростков. Входные отверстия ранения, как правило, располагались в затылочной области головы или на задней поверхности шеи; в некоторых отдельных случаях — в теменных, височных и лобной областях, а также на передней поверхности грудной клетки и на спине. Повреждения головы тупым, твердым, тяжелым предметом были у 24 мужчин, 4-х женщин и 1 подростка.

При исследовании 606 трупов не обнаружено причин смерти травматического характера, при этом в одной части случаев, основываясь на судебно-медицинских данных, следует считать, что причиной смерти послужило голодание или острые инфекционные болезни. В отношении другой части трупов далеко зашедшие гнилостные изменения лишают возможности с определенностью судить о причине смерти.

Эксгумация и исследование трупов показали, что в могилах на территории бывш. Смоленской Радиостанции, Пионерского сада, Железнодорожной больницы, деревни Ясенной и Дома Красной Армии находятся лишь тру-

пы, имеющие огнестрельные ранения с ясно выраженными их признаками.

В могилах на территории у селений Магаленщина—Вязовенька и плодово-овощного хозяйства у деревни Реадовка обнаружены трупы, имеющие огнестрельные ранения, повреждения тупыми, твердыми, тяжелыми предметами, а также трупы без следов механической травмы. В отношении этой части трупов, принимая во внимание показания ряда свидетелей и другие данные, можно утверждать, что причиной смерти могло явиться отравление окисью углерода в специальных автомашинах.

Исследование трупов, извлеченных из могил на территории большого и малого концентрационных лагерей, завода №35, бывшего немецкого госпиталя для военнопленных, лесопильного завода, концентрационного лагеря у деревни Печорская и деревни Ракитная показало, что в подавляющем большинстве случаев в качестве причины смерти, при учете следственных данных, могут быть признаны голодание или острые инфекционные болезни. Объективным доказательством смерти от голодания является, помимо установленного при исследовании трупов полного отсутствия подкожно-жировой клетчатки, обнаружение в ряде случаев в полости желудка травянистых масс, кусков грубых листьев и стеблей растений.

Материалы экспертизы, при учете показаний многочисленных свидетелей, дают судебно-медицинской экспертной комиссии основание прийти к следующему заключению.

Расположение мест погребения показывает, что захоронение трупов умерщвленных или погибших советских граждан происходило в одних случаях в специально для этого избранных немцами окрестностях города Смоленска (у бывшей Радиостанции, сел. Реадовка, сел. Магаленщина—Вязовенька), в других — в непосредственной близости от мест гибели (территории концентрационных лагерей), в третьих — на месте умерщвления в центре города Смоленска (у Дома Красной Армии, в Пионерском саду).

Значительное количество раскрытых ям-могил (87) с массами трупов в них, при учете установления разновременности погребения, относящегося ко 2-й половине 1941 года, 1942 году и 1943 году, свидетельствует о систематическом уничтожении советских граждан.

Этому уничтожению подвергались в подавляющем большинстве случаев мужчины и, главным образом, в наиболее цветущем возрасте от 20 до 40 лет. Это не представляет случайности, так как максимальное число умерщвленных (расстрелянных) женщин также падает на возраст от 20 до 40 лет.

Обращает на себя особое внимание регулярно отмечаемое обстоятельство, что на эксгумированных трупах обувь отсутствует (за крайне редкими исключениями), одежда также, как правило, отсутствует или состоит из поношенного нижнего белья или из отдельных предметов ветхого верхнего платья. Отсюда естественным является вывод, что снятие обуви и одежды, представляющей ценность, постоянно, в обязательном, узаконенном порядке предшествовало уничтожению советского населения. В тех случаях, когда на трупах была одежда, документов, удостоверяющих личность покойного, в карманах одежды, за весьма редким исключением, не обнаруживалось. Это говорит о намеренном обезличении убиваемых и погибших для сокрытия совершенных злодеяний.

Экспертными данными и свидетельскими показаниями с бесспорностью констатируются широко практиковавшиеся немецким командованием следующие способы истребления мирного советского населения и военнопленных в городе Смоленске:

а) Массовые расстрелы, а также раздробление костей черепа тупым, твердым предметом у мужчин, женщин, подростков и детей;

б) В качестве другой формы насильственного умерщвления, примененной в отношении военнопленных и арестованных, содержавшихся в концентрационных лагерях, следует признать установленным такой режим питания, который вызывал голодание и в кратчайший срок приводил к смерти от истощения;

в) Недопустимая антисанитарная обстановка и намеренное создание огромной скученности в лагерных помещениях при фактическом отсутствии медицинской помощи — приводили к возникновению эпидемий, инфекционных болезней с неизбежным смертельным исходом. Это должно быть расценено как специально организованное мероприятие по уничтожению военнопленных и арестованных советских людей.

Указываемые свидетелями иные способы умерщвления советских граждан, практиковавшиеся в городе Смоленске, как-то: отравление окисью углерода в специально приспособленных для убийства советских людей автомашинах, содержание военнопленных и арестованных при низкой температуре в неотапливаемых помещениях — имеет свое полное обоснование в сообщаемых свидетелями фактических данных.

Вся совокупность применявшихся способов умерщвления, его систематичность и массовость, — доказывают, что в городе Смоленске немецко-фашистскими властями в течение всего периода оккупации проводилось планомерно организованное истребление мирного советского населения и военнопленных.

22 октября 1943 года.»

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что за разрушение города Смоленска, за массовое истребление и убийство мирных советских граждан и военнопленных ответственны германское правительство и следующие непосредственные исполнители злодеяний: генерал-майор Науман^[13], шеф гестапо обер-лейтенант Торман, руководитель полиции обер-лейтенант Щит, старший следователь гестапо капитан Майер, зондерфюрер гестапо при лагере военнопленных №126 Эдуард Гисс, военный комендант гор. Смоленска фон Швец, унтер-офицер Гатлин, рядовой Рудольф Радтке, шеф комендатуры по медицинским учреждениям Гампель, шеф жандармерии №907 лейтенант Кельм, руководитель полиции по линии жандармерии лейтенант Опец, дежурный начальник тюрьмы штабс-фельдфебель Лемхен, дежурный начальник тюрьмы обер-фельдфебель Немке, шеф штаба Розенберга доктор Нерлинг, начальник отдела пропаганды капитан доктор Думф, заместитель начальника от-

дела пропаганды Миллер и профессор Еше.

Все они должны понести суровую ответственность за злодейские преступления, совершенные против советского народа.

О РАЗРУШЕНИЯХ, ПРИЧИНЕННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ГОРОДСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ, КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ^[14]

Сталинская область является важнейшим угольно-металлургическим центром СССР. В 152 шахтах комбината «Сталинуголь» ежедневно добывалось свыше 140 000 тонн высокосортного угля. Мощные электрические станции производили до 3 миллиардов квтч. электроэнергии для предприятий Донбасса и Запорожья.

Коксо-химические комбинаты выпускали со своих 78 коксовых батарей 8,5 млн. тонн первоклассного кокса в год и перерабатывали донецкий уголь в химическую продукцию.

На металлургических заводах 22 доменные печи давали ежегодно 5 млн. тонн чугуна, 43 мартеновских печи — свыше 4 млн. тонн стали, 3 блюминга и 34 прокатных стана — свыше 3 млн. тонн прокатного металла.

В Сталинской области было широко развито производство высокосортного цемента, стекла, технического фарфора, керамики, красного кирпича, добывались алебастр, известь, огнеупорные глины, гранитный камень.

Пятнадцать институтов и техникумов горной, металлургической, химической специальностей готовили высококвалифицированные кадры.

За годы сталинских пятилеток города: Сталино^[15], Горловка, Енакиево, Константиновка, Краматорск, Макеевка, Мариуполь и другие стали крупными культурно-промышленными центрами.

Немецко-фашистские захватчики и их сообщники, действуя по плану германского верховного командования, разрушили угольные шахты, электростанции, металлургические, химические, машиностроительные заводы, культурные учреждения, школы, больницы, театры, музеи и коммунальное хозяйство городов и поселков Донбасса.

В звериной ненависти к советским людям фашистские мерзавцы истязали и убивали мирное население, угоняли советских людей в немецкое рабство.

Секретной инструкцией хозяйственного руководителя группы южных армий от 2 сентября 1943 года №1 (313) 43 г., предписывалось армейским руководителям и руководителям хозяйственных команд проводить полное разрушение промышленных предприятий, шахт, электростанций, заводских сооружений Донбасса, а также вывозить всё ценное имущество и оборудование в Германию.

Этой инструкцией, изданной в то время, когда советские войска прорвали немецкий фронт на реке Миус и приступили к освобождению Донбасса от фашистских захватчиков, предписывалось:

«Весь Донецкий бассейн восточнее позиции «Черепахи» должен быть эвакуирован в хозяйственном отношении и полностью разрушен».

«...Всё, что не может быть эвакуировано, подлежат разрушению, в особенности: водонапорные и электрические станции, шахты, заводские сооружения, средства производства всех видов, урожай, который не может быть вывезен, деревни и дома».

«...Разрушения следует произвести не в последний момент, когда войска будут уже вести бой или отступать, а своевременно».

«...Все хозяйственные органы и хозяйственные подразделения, Общество по эксплуатации Востока (Остгезельшафт) и филиалы частных фирм (Патернфирмен) обязаны выделять всех подходящих людей для работы по эвакуации и разрушению».

«...Армейские хозяйственные руководители должны доносить каждый вечер сводные данные в штаб хозяйственного руководителя группы армий Юга. КП в Сталино передает каждый вечер короткий обзор о положении в Донбассе в штаб №1 майору Паульсу».

Подписано: *«Южная группа армии по поручению:*

Хозяйственный руководитель группы армии Кагель».

На основании документальных материалов, заявлений потерпевших, показаний свидетелей, заключений технических в медицинских экспертов, а также путем выезда в города и в районы, подвергавшиеся оккупации, специальной комиссии в составе: председателя Сталинской Областной Комиссии тов. Дрожжина М.И., председателя Сталинского Облисполкома тов. Решетняк Ф.Н., члена Облисполкома тов. Чечкова А.Т., представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии тов. Кудрявцева Д.И., Чрезвычайная Государственная Комиссия установила факты варварского разрушения промышленности, городского хозяйства, жилищ, школ, больниц, культурно-просветительных учреждений, и чудовищных злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками.

Разрушение угольной промышленности

За время оккупации и при своем отступлении немецко-фашистские захватчики почти полностью разрушили угольную промышленность Сталинской области, а наиболее ценное оборудование вывезли в Германию.

Фашистские мерзавцы вывели из строя и разрушили 140 шахт; уцелело только 12 мелких шахт с общей су-

точной добычей в 500 тонн угля.

Немецкие захватчики взорвали и уничтожили 154 шахтных ствола протяжением 15 517 метров, 192 копра, 292 подъемных машины, 189 вентиляторов. Из 526 паровых котлов выведено из строя 393 котла с поверхностью нагрева в 37 615 кв. метров. Из 268 надшахтных зданий взорвано и сожжено 241 здание объемом в 385 430 куб. мтр. Оккупанты разрушили 266 машинных зданий в 260 067 куб. метров, 183 здания трансформаторных подстанций в 80 328 куб. метров, 161 эстакаду протяжением в 17 571 метр. Они разрушили компрессоры, сортировки, материальные склады, механические мастерские. Перед отступлением они уничтожили и затопили в шахтах: 1 900 врубовых машин, 1 209 конвейерных установок, 802 электровоза, 1 651 электросверло, 760 насосов, 1 065 скрепперных лебедок и 4 155 отбойных молотков.

Не ограничиваясь уничтожением шахт, производственных зданий и оборудования, немецкие захватчики уничтожали и жгли жилые дома рабочих, клубы, детские сады, детские ясли, столовые, школы, больницы, магазины, парки культуры и отдыха.

Только по комбинату «Сталинуголь» уничтожено 1 126 900 квадратных метров жилой площади.

Комиссия установила, что виновниками всех этих разрушений, совершенных по директивам немецкого военного командования и горно-металлургического акционерного общества «Восток», являются: технический руководитель шеф-генерал Винаккер; начальник отдела геологии и маркшейдерии капитан Релесман, начальник отдела горного хозяйства обер-лейтенант Крюммер, начальник финансового отдела и сбыта капитан Шунт, управляющий дирекцией Якоб Кун, руководители: Сталинской группы шахт обер-лейтенант Бранс, Чистяковской группы Фульд, Горловской группы фон Фельзен; по тресту «Сталинуголь» управляющий Клебер; по тресту «Макеевуголь» директор обер-лейтенант Штеф и его заместитель лейтенант Тебель; по тресту «Буденовуголь» управляющий зондерфюрер Офферман; по тресту «Куйбышевуголь» управляющий зондерфюрер Ройтеч, технический директор Флойтер; по тресту «Советскуголь» зондерфюрер Ляшнер, по Никитовской группе шахт директор Шуберт.

Ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками угольной промышленности Сталинской области, по предварительным данным, определяется в два миллиарда рублей.

Разрушения по городу Сталино

Немецкие оккупанты разрушили промышленный и культурный центр Донбасса — Сталино. В Сталино уничтожены крупнейшие предприятия, культурные учреждения, жилища.

Сталинский металлургический завод своей продукцией снабжал советское машиностроение, судостроительную и автотракторную промышленность. На заводе работало более 12,5 тыс. рабочих. Доменный цех завода имел 3 разливочных машины по 1000 тонн, газозащитную и мокрую газоочистительную станции. Мартеновский цех имел восемь печей, из них одну качающуюся печь, 16 разливочно-уборочных и завалочных кранов. Прокатный цех имел мощное газовое хозяйство, турбогенератор в 10 000 киловатт. Гитлеровцы превратили этот завод в груды развалин. При отступлении они взорвали доменный, мартеновский, прокатный, инструментальный цехи, компрессорную станцию, заводскую лабораторию, главную контору; привели в негодность доменные печи, грейферные котловые краны, разливочные машины, турбогенератор. Они разрушили дворец культуры, клуб инженерно-технических работников, здание ФЗО, детские ясли, материальные склады.

Немецко-фашистские оккупанты взорвали завод металлоконструкций, выпускавший оборудование для железнодорожных мостов, доменных печей, плотин и шлюзов. По указаниям представителя фирмы «Дортмундер Унион» Вилли Маника, директора завода той же фирмы Брюкенбау-Беккера, главного инженера Альфельдта и начальников производства Смида и Кемпера специальные команды саперов-подрывников взорвали завод. Взрывами уничтожены двое гильотинных ножниц для резки листового железа, два кромкострогальных станка, паровой молот, сверлильные станки, четыре путевых крана.

Разрушению подверглись так же Сталинский, Смоляниновский, Мушкетовский, Рутченковский коксохимические заводы, «Донэнерго», азотный, машиностроительный ремонтный и другие заводы.

Огромные разрушения немецкие захватчики причинили городскому хозяйству гор. Сталино. Они сожгли трамвайный парк, 89 вагонов, 4 электровоза, уничтожили 35 километров трамвайного пути, 35 километров контактной сети и 10 новых троллейбусов. По указанию и под наблюдением капитана Шенка, зондерфюреров Гебхарта и Гусса, капитана Кауэрмана и фельдфебеля Филлера разрушили городской водопровод и под руководством шефа энергогруппы доктора Бутлера — электрохозяйство города. При отступлении из Сталино гитлеровцы полностью разрушили 3 761 дом с жилой площадью в 1 207 470 квадратных метров, 113 школ, 62 детских сада, 390 магазинов, зимний и летний театры на 1 100 мест, Дворец пионеров, Радиотеатр, Музей Революции, Картинную галерею, клуб имени Дзержинского и другие лучшие здания города.

Специальные отряды саперов объезжали школы, обливали их горючей жидкостью и поджигали. Советских людей, пытавшихся тушить пожары, фашистские мерзавцы расстреливали на месте.

Военнопленный ефрейтор 597 пехотного полка, 306 дивизии германской армии Форгольц Герман показал:

«В составе команды подрывников я принимал участие в поджоге и взрыве государственных учреждений и жилых домов на 1 линии, главной улице города Сталино. Лично я закладывал взрывчатые вещества, которые затем я поджигал и таким путем взрывал здания. Всего с моим участием было взорвано пять больших домов и несколько подожжено».

Другой военнопленный ефрейтор 574 пехотного полка 304 дивизии Гольд Йоган сообщил:

«В городе Сталино я лично сам сжег один дом и взорвал два других больших здания. В двух зданиях помещалось мирное население, а в третьем был склад зерна. Перед взрывом я жителей об этом не предупреждал и предупреждать не считал нужным, так как нам было приказано не заниматься никакими разговорами, а взрывать и сжигать независимо от того, есть ли в домах жители или нет. Сейчас же после взрыва одного из домов я слышал крик и плач женщин и детей и видел среди них убитых и раненых, придавленных камнями и балками, но на это я не обращал никакого внимания. Я выполнял приказы моих начальников».

Фашистские захватчики разграбили ценное имущество и оборудование Дворца пионеров, Детской сельскохозяйственной станции, Экскурсионного бюро. Исключительно большой ущерб причинили оккупанты медицинским учреждениям города. Они сожгли и полностью разрушили Детскую больницу на 2 000 коек, Клиническую больницу имени Ворошилова на 1 000 коек, 12 лечебных учреждений на 2 000 коек и 5 поликлиник. Ценную аппаратуру, оборудование и инвентарь больниц немецкие оккупанты разграбили. Разрушение больниц совершено по указанию и при участии главного врача военного лазарета Троммера и заместителя коменданта города военного советника Нарушата. По приказу обер-фельдмаршала Ролля, главного врача госпиталя Белиндорфа, главного врача Кухендорфа был разгромлен Медицинский институт, представлявший собой образцовое научное учреждение, в котором обучалось 2 000 студентов.

По распоряжению директора горно-металлургического акционерного общества «Восток» шеф-генерала Винаккера, его заместителя доктора Бранса, зондерфюрера Стельмана, обер-лейтенанта Бурхарта и непосредственного исполнителя зондерфюрера Фогеля сожжены все здания Индустриального института имени тов. Хрущева, в котором обучалось до 15 тыс. студентов. Вместе с институтом они сожгли студенческую поликлинику, общежитие и подсобные помещения. Из 600 тыс. томов книжного фонда научной и художественной литературы гитлеровцы сожгли 530 тыс. томов книг.

Варварское разрушение города Сталино производилось по указаниям и приказам коменданта города полковника Петерса, а затем сменившего его подполковника Ленца, заместителя коменданта военного советника Нарушата, начальника гестапо оберштурмфюрера Моора, а затем сменившего его оберштурмфюрера Леунштейна, капитана Трома, полевого инспектора юстиции Штеккера, оберинспектора Крюгнера, старшего лейтенанта Лея, доктора Гайде, бургомистра Эйхмана.

Разрушения в городе Краматорске

Немецко-фашистские захватчики разрушили всю промышленность гор. Краматорска, в том числе один из лучших заводов машиностроения — Ново-Краматорский завод имени Сталина^[116], Старо-Краматорский машиностроительный завод имени Орджоникидзе^[117], металлургический завод имени Куйбышева, завод тяжелого станкостроения, цементный, коксохимический, этернитовый и другие заводы.

Ново-Краматорский машиностроительный завод имени Сталина выпускал оборудование для доменных, мартеновских, коксовых печей, прокатных станов и угольных шахт. Завод занимал территорию в 200 гектаров и состоял из 20 основных и 10 вспомогательных производственных цехов. Только основные цехи завода занимали площадь в 183 045 квадратных метров. Мартеновский цех отливал болванки весом до 20 тонн из высоколегированной стали. Балансовая стоимость всех заводских зданий, оборудования, транспорта и энергохозяйства составляла 900 миллионов рублей. На заводе работало 20 тысяч рабочих, инженеров, техников и служащих.

Немецкие оккупанты привели в негодность на этом заводе 1 113 станков, разрезали автогенной станиной 800-тонного пресса; вывезли в Германию оборудование прессового цеха, моторы и вентиляторы, ковочные прессы и оборудование насосных станций; взорвали гидравлический 300-тонный горизонтальный пресс; разрушили мартеновские печи; вывезли паровые котлы станции холодного газа. Гитлеровцы уничтожили энергетическое хозяйство завода, все котлы ТЭЦ, силовое оборудование, более 100 километров кабеля. Они разрушили и уничтожили заводские больницы, клубы, детские ясли, школы, летний театр на 1 200 мест, три кинотеатра. Из 247 многоэтажных домов завода сожжено 204.

В городе Краматорске оккупанты сожгли и взорвали Дворец культуры, театр им. Пушкина, клуб «Штурм», разрушили стадион, сожгли более 1 300 лучших домов. Из 18 школ в городе остались только три. Сожжены 3 больницы, две поликлиники, детская больница, родильный дом.

Все эти разрушения города производились под руководством коменданта города лейтенанта Мойшке и бургомистра Шопена.

Разрушения в городе Макеевке

Макеевский металлургический завод имени Кирова^[118] являлся одним из самых крупных металлургических заводов Советского Союза. До войны на заводе работало 20 000 рабочих, инженеров, техников и служащих. За время оккупации и при своем отступлении гитлеровцы превратили завод в груду развалин.

На заводе взорваны и сожжены: доменный цех с 4 доменными печами, машинный цех со всем энергетическим хозяйством, прокатный, два мартеновских цеха с 14 мартеновскими печами, фасонно-литейный, модельный, механический и электроремонтные цехи; лаборатории: химическая, механическая, рентгенографическая, б электроподстанций, связь, сигнализация и автоблокировка. Разрушено 57 километров железнодорожных путей, 248 комплектов стрелочных переводов.

Немецкие оккупанты вывезли с завода в Германию часть оборудования электроподстанций, разливочные ма-

шины, два паровых молота, станки и электрооборудование механического цеха. Они взорвали и сожгли заводскую школу, три здания детских ясель, гостиницу, театр, 186 жилых домов. Всего на заводе захватчиками взорвано, сожжено и разрушено 2 867 000 куб. метров производственных, бытовых и вспомогательных помещений и зданий.

На Старо-Макеевском коксо-химическом заводе хозяйничали: сначала акционерное общество «Восток», потом немецкая фирма «Колин» и, наконец, в последнее время — фирма «Отто». Немецкие захватчики вывезли с этого завода часть оборудования и при своем отступлении сожгли и взорвали: дробильное и дозировочное отделения, машинный зал, 6 транспортеров, 6 отсадочных машин, 89 коксовых печей; в химическом цехе взорвали машинный зал, газопроводы 12 газовых холодильников, аммиачное и бензолное отделения, химические лаборатории; в паро-котельном цехе — 4 котла, насосную водоочистку, вентиляционное отделение.

Разрушение Старо-Макеевского завода производилось по указаниям и под руководством представителей: акционерного общества «Восток» — офицера Руфуса, фирмы «Колин» — шеф-директора Якобса, фирмы «Отто» — директора завода Ренкгофа.

Немецко-фашистские захватчики разрушили в гор. Макеевке трамваи, осветительную сеть, водопровод, взорвали и сожгли здание Городского Совета, гостиницу, дом инженеров и техников, городской театр на 1 000 мест, цирк на 1 500 мест, 49 школ, 20 детских ясель, 44 детских сада. По распоряжению коменданта города Фоглера были сожжены на костре 35 тыс. книг центральной библиотеки им. Горького.

Разрушение и ограбление города Макеевки производилось под руководством и по приказам коменданта города майора Фукса, его помощника капитана Мюллера, начальника охранной полиции капитана Розенталя.

Разрушения в городе Горловке

За годы сталинских пятилеток гор. Горловка вырос в крупный угольно-индустриальный центр Донбасса с мощными промышленными предприятиями, с многочисленными культурными учреждениями. На территории Горловского района работала 21 крупнейшая шахта с суточной добычей в 15 000 тонн угля. В Горловке находились 13 крупных заводов и фабрик, в том числе известные во всем Советском Союзе: Азотно-туковый завод имени Орджоникидзе, Коксо-химический завод, Машиностроительный завод имени Кирова и другие.

Немецко-фашистские захватчики за время своего хозяйничания и при отступлении взорвали и затопили все шахты вместе с оборудованием и механизмами, разрушили и сожгли заводы, электростанции и другие сооружения города. Полностью разрушили *Азотно-туковый завод им. Орджоникидзе*. На этом заводе они взорвали и сожгли 9 производственных корпусов, служебные помещения, подсобные предприятия, жилые дома, вывезли в Германию большое количество разных материалов. Ущерб, причиненный немецкими оккупантами Азотно-туковому заводу, по предварительным данным выражается в сумме 243,3 миллиона рублей.

На Коксо-химическом заводе немецкие оккупанты взорвали и сожгли все 25 промышленных зданий с объемом в 310 400 куб. метров.

В Горловском районе оккупанты разрушили заводы: Машиностроительный имени Кирова, производивший оборудование для всей каменноугольной промышленности Донбасса, Никитовский ртутный, Горловский трубный, предприятия «Подземгаза», Доломитный комбинат, три механизированных хлебозавода, крупнейший Горловский мясокомбинат и многие предприятия местной промышленности. Фашистские мерзавцы разрушили центральную электростанцию с двумя турбогенераторами, силовую электросеть протяжением в 248 километров и 516 километров световой электросети, 3 мощных водокачки, 632 жилых здания, оставив население Горловки без света, воды и жилищ. Они уничтожили в городе 32 школы, в которых обучалось 21 649 детей, сожгли городскую больницу, пять поликлиник, церковь, здания Дома Советов, «Донэнерго» и Дворец культуры.

Разрушения в Горловке производились по указаниям и под руководством представителя Акционерного общества «Восток» фон Фельзена, директора треста «Артемуголь» Миллера и его заместителя Горшца.

Разрушения в городе Енакиеве

В Енакиеве оккупанты разрушили и вывели из строя *металлургический завод*, оборудованный и оснащенный передовой техникой. До войны на нем работало 14,5 тысяч рабочих. Немецкие захватчики разрушили и подорвали: основные конструкции здания конверторного цеха, гидравлическое оборудование бессемеровского цеха, мартеновские печи, крановое оборудование, нагревательные печи, новую машину стана Блюминг, центральную насосную станцию; сожгли центральную и химическую лаборатории, 148 жилых домов; вывезли с завода в Германию свыше 60 000 тонн металла и металлоизделий, а также большое количество оборудования и станков, демонтировали стан Блюминг и вывезли основные его детали.

Разрушением и разграблением завода руководили гитлеровцы: директор завода Штрекенбах, главный инженер Геншайдт, коммерческий директор Форм, начальник доменного и коксовых цехов Беке.

В Енакиеве немецко-фашистские мерзавцы полностью разрушили Ново-Енакиевский, Старо-Енакиевский коксо-химические, цементный и другие заводы; разрушили трамваи, рельсы вывезли в Германию; взорвали и сожгли 505 жилых домов, Дворец пионеров, здание Горсовета, кинотеатр на 1 000 мест, первую, вторую и туберкулезную больницы, костно-туберкулезный санаторий, две городские поликлиники и другие лечебные учреждения. Лучшие магазины города во время оккупации были использованы под гаражи и конюшни, а при отступлении немецкой армии сожжены.

Разрушением и поджогами в городе Енакиево руководили комендант лейтенант жандармерии Фишер и старший лейтенант жандармерии Шоинг.

Разрушения в городе Константиновке

В Константиновке было 13 крупных заводов. Немецко-фашистские бандиты полностью разрушили: завод «Автостекло», коксо-химический, металлургический, химический, цинковый, стекольный, бутылочный, производства огнеупоров, «Красный Октябрь» и другие заводы.

Завод «Автостекло» был оборудован новейшими станками для обработки зеркальных отражателей, все цеха завода были механизированы. До войны на заводе работало 4 500 рабочих и служащих. Окупанты сожгли и взорвали все цеха завода, уничтожили оборудование, механизмы, сожгли культурно-бытовые здания, клуб, библиотеку, амбулаторию, стадион. Из 22 тыс. квадратных метров жилой площади они сожгли и уничтожили 17 тыс. квадратных метров.

На *Константиновском стекольном заводе*, являвшемся одним из крупнейших специализированных стекольных заводов в СССР, окупанты сожгли и разрушили: газо-генераторную станцию, две электроподстанции, цех триплекс-стекла, керамический, составной, ремонтно-строительный цехи; взорвали здание машино-ванного цеха со стеклоплавильными печами и машинами Фурко; здание паро-котельных установок; сожгли рабочий и деловой клубы, детский сад, детские ясли, санатории. Фашистские грабители вывезли с завода в Германию: три трансформатора, 50 электромоторов, 20 редукторов, 10 машин Фурко и много другого оборудования и станков.

Разрушения на заводе производили саперно-подрывные команды под руководством начальников Лечерта и Гернера.

Окупанты взорвали и сожгли городскую электростанцию и водопровод, 226 домов, все 25 городских школ, два кинотеатра, центральную городскую библиотеку с 35 тыс. томов книг, пионерский клуб, детскую техническую станцию, городскую больницу, детские ясли; взорвали Дом Советов, почтамт и другие учреждения.

Разрушения в городе Мариуполе

Город Мариуполь являлся крупнейшим индустриальным центром Советского Юга, в нем было 47 промышленных предприятий: металлургический завод имени Ильича, завод «Азовсталь» имени Орджоникидзе^[19], коксо-химический, трубный имени Куйбышева, металло-конструкций, радиаторный, рыбо-консервный, ультрама-риновый, графитный и другие заводы.

Первоклассный *Мариупольский металлургический завод имени Ильича* немецкие окупанты превратили в развалины. Они разрушили доменный цех, взорвали мартеновские цехи, разливочные и завалочные краны. В листопрокатном и сортопрокатном цехах взорвали три паровых машины; вывели из строя всё энергетическое хозяйство. Гитлеровцы взорвали здания электростанций, турбогенераторы, паровые котлы, силовые трансформаторы, здания газогенераторной станции с 20 генераторами системы Керпели, Сартанской водокачки и насосной станции второго подъема.

Модельный цех вместе со складским хозяйством, ремонтно-механические и строительные цехи, центральную инструментальную мастерскую, электро-ремонтную мастерскую гитлеровцы взорвали.

На заводе «*Азовсталь*» окупанты полностью разрушили доменный цех с 4 печами, 3 газоочистки, мартеновский цех с 6-ю качающимися 400-тонными печами, компрессорное здание со всем оборудованием, 8 электроподстанций, систему водоснабжения с оборудованием, инструментальную мастерскую, лаборатории, заводскую столовую, здание заводоуправления. Из 2-х установок кислородных станций они одну уничтожили, а другую вывезли в Германию. Вывезена также часть моторов и паровых машин.

Разрушение заводов и фабрик в гор. Мариуполе производилось по приказу и под руководством фельдкоменданта генерала Гофмана, коменданта города Михаэля, его заместителя обер-лейтенанта Хука и руководителя команды «СД-6» обер-лейтенанта Вульфа. Перед отступлением из Мариуполя немецкие оккупационные власти сожгли 1 593 дома с жилой площадью в 370 000 квадратных метров, все 68 школ, 17 детских садов, 101 библиотеку, Дворец пионеров; вывели из строя трамвай и электросеть.

Истребление мирного населения и угон советских граждан в немецкое рабство

Во время оккупации Сталинской области немецко-фашистские захватчики установили для населения рабско-крепостнический режим. Трудоспособное население угонялось в немецкую каторгу. Они повсеместно широко применяли возмутительное насилие, грабежи и истребление советских граждан. Тысячи советских людей были замучены и расстреляны.

Неслыханные преступления фашистских мерзавцев установлены многочисленными свидетелями и документами, актами комиссий и судебной экспертизы, находящимися в распоряжении Чрезвычайной Государственной Комиссии.

Комиссия в составе: члена исполкома Сталинского Областного Совета депутатов трудящихся Дубровой Ф.Г., председателя Артемовского горисполкома Баландина С.А., настоятеля Всехсвятской церкви священника Крещановского И.К., граждан города Артемовска — Пруденко С.П. и Орадовского М.С, при участии судебно-медицинских экспертов: профессора, доктора медицинских наук Войнара А.И., профессора, доктора медицинских наук

Чаругина А.И. и майора медицинской службы Абрамова А.А. в присутствии представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Кудрявцева Д.И., установила, что по приказу немецкого коменданта гор. Артемовска майора фон Цобеля было расстреляно и замучено более 3 000 советских граждан — женщин, детей и стариков. Трупы советских граждан были замурованы в туннеле карьеров Алебастрового завода. Комиссия установила:

«В двух километрах к востоку от города Артемовска в туннеле карьеров Алебастрового завода на расстоянии 400 метров от входа имеется небольшое отверстие, замурованное кирпичами. После вскрытия этого отверстия обнаружено продолжение туннеля, заканчивающегося широкой, овальной пещерой. Вся пещера заполнена трупами людей, лишь небольшое пространство у входа и узкая полоса в центре ее свободны от трупов. Все трупы тесно прижаты один к другому и обращены спинами к входному отверстию пещеры. Трупы настолько близко соприкасаются, что на первый взгляд представляют собой сплошную массу тел».

Чудовищные злодеяния совершены немецкими захватчиками в городе Краматорске. 25 сентября 1943 года комиссия в составе: представителя командования гвардейской армии подполковника Шапошникова, священника Покровской церкви Стрижко Д., учительницы Анищенко, представителя военной прокуратуры 3-й гвардейской армии майора юстиции Айзенварта Д.И., при участии главного судебно-медицинского эксперта Юго-западного фронта капитана медицинской службы Шингановича А.В., главного патологоанатома Юго-западного фронта полковника медицинской службы Шур Б.Ю., армейского судебно-медицинского эксперта капитана медицинской службы Поташина произвела, на северной окраине города Краматорска на старом глиняно-меловом карьере раскопки 3 ям.

«При снятии верхних слоев породы на глубине от 20 сантиметров до одного метра, говорится в акте комиссии, обнаружены трупы советских граждан, лежащие рядами, лицом вниз. Из этих 3-х ям извлечено 812 трупов. При обследовании оказалось 740 мужских трупов, 50 женских и 22 детских. 126 трупов были опознаны, среди них мастер завода им. Куйбышева Соломко Н.И., счетовод Давиденко Н.И., инженер Греков Е.С., домашняя хозяйка Солод М.И. и другие.

Судебно-медицинской экспертизой установлено, что у 761 трупа имеются сквозные пулевые отверстия черепа, у 40 трупов сквозные пулевые ранения шейного отдела позвоночника. Из подвергнутых экспертизе трупов во всех 812 случаях смерть наступила в результате выстрела из ручного огнестрельного оружия в затылок, на близком расстоянии, почти в упор».

Расстрелы мирных граждан в городе Краматорске осуществлялись по приказу немецкого коменданта города лейтенанта Мойшке.

В километре от города Сталино немецко-фашистские мерзавцы замучили и расстреляли десятки тысяч мирных советских граждан и сбросили их в ствол Калиновской шахты 4-4 Бис. Чтобы скрыть следы своих кровавых преступлений, гитлеровцы подорвали шахтный копер и завалили таким образом ствол шахты. Областная Комиссия по установлению злодеяний немецко-фашистских оккупантов производит раскопки и извлечение трупов.

В гор. Сталино немецкие захватчики согнали жителей Дома профессуры в сарай, завалили вход в него, сарай облили горючим веществом и подожгли. Все находившиеся в сарае люди, за исключением двух случайно спасшихся девочек, сгорели. 11 сентября 1943 года комиссия в составе: заместителя председателя исполкома Сталинского областного Совета депутатов трудящихся Кремнева Л.К., священника настоятеля Преображенской церкви города Сталино Одринского, представителя политотдела части №05830 старшего лейтенанта Зиньковского, при участии судебно-медицинских экспертов профессоров — Войнара Л.И. и Чаругина А.И. и врачей Михалевой и Ермолаевой, произвела раскопки сгоревшего сарая. При раскопках пепелища комиссия обнаружила 41 обгоревший человеческий труп^[120].

В городе Сталино на территории клуба имени Ленина и в здании центральной поликлиники находился лагерь для военнопленных и мирных советских граждан. Бежавшие из этого лагеря красноармейцы Плахов И.В. и Шацкий К.С. сообщили:

«В лагере нас морили голодом. Помещения, в которых мы содержались, не были застеклены; были случаи массового обмороживания. В жаркие летние месяцы страдавшие от жары военнопленные по 3—5 суток не получали питьевой воды. По всякому незначительному поводу нас избивали. В результате такого режима смертность среди военнопленных доходила до 200 человек в день».

Комиссия в составе: председателя Сталинозаводского райисполкома депутатов трудящихся Яковлева Н.П., протоиерея Чернявского, директора центральной поликлиники Ильинского А.А., при участии судебно-медицинских экспертов профессора Афанасьева Н.К. и городского судебного врача Михалевой установила, что на территории лагеря при клубе имени Ленина и центральной поликлиники похоронено не менее 25 тысяч советских граждан. Истребление советских людей и издевательства над ними производились по указанию и при непосредственном участии начальника лагеря немецкого офицера Гафбеля.

14 сентября 1943 года Комиссия в составе военного прокурора города Артемовска Мусатина И.В., врача города Артемовска Леонидова В.П., представителя пограничной части лейтенанта Бородина В.К., священника Покровской церкви Зумина А.И. и представителя дистанции пути Обухова, обнаружила на территории военного городка за северным вокзалом города Артемовна 25 могил. Комиссия установила, «что в 25 могилах на территории военного городка города Артемовна похоронено до 3 000 трупов советских граждан, содержащихся в лагере, расположением на территории военного городка».

За время оккупации Сталинской области немецко-фашистские власти насильно, под угрозой расстрела, угнали в Германию более 125 тысяч советских граждан.

* * *

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что ответственность за все эти зверские преступления наряду с гитлеровским правительством несут следующие немецко-фашистские офицеры и другие лица: хозяйственный руководители группы армий Нагель, бывшие коменданты *города Сталино* полковник Петерс в подполковник Ленц, заместитель коменданта военный советник Нарушат, начальники гестапо оберштурмфюреры Моор и Леунштейн, руководитель концлагерей оберштурмфюрер Домник и капитан Тром, технический руководитель акционерного общества «Восток» шеф-генерал Винаккер, его заместитель доктор Бранс; комендант *города Краматорска* лейтенант Мойшке, бургомистр Шопен; коменданты *города Макеевка* Фоглер, майор Фукс, помощник коменданта капитан Мюллер, нач. охранной полиции капитан Розенталь; комендант *гор. Енакиево* лейтенант жандармерии Фишер, старший лейтенант жандармерии Шоинг, директор Штрекенбах, главный инженер Беншайдт; коменданты *гор. Мариуполя* — фельдкомендант генерал Гофман, комендант Михаэль, его заместитель обер-лейтенант Хук, руководитель команды «СД-6» обер-лейтенант Вульф, руководитель шугполиции обер-лейтенант Шалерт; комендант города Артемовна фон Цобель, советник Шмок Герд, капитан Гергардт.

Кроме того, ответственность за все указанные выше преступления несут также следующие лица: полевой инспектор юстиции Штеккер, бургомистр Эйхман, старшие инспектора — старшие лейтенанты Лей и Момсен, полевой инспектор юстиции Штольц, обер-инспектор Крютнер, капитан Брандт, советник доктор Меер, лейтенант Баас, капитан — доктор Гайде, военный инспектор доктор Франк, капитаны Майлинк и Шнайдер, главные врачи Белиндорф и Кухендорф, обер-фельдартц Ролль, главный врач лазарета Троммер, представитель фирмы «Дортмундер Унион» Вилли Маник, директор завода той же фирмы Брюкенбау-Беккер, главный инженер Альтфельдт, начальники производства Смид и Кемпер, капитан Шенк, зондерфюреры Гебхарт и Гусс, капитан Клуэрман, шеф энергогруппы доктор Бутлер, зондерфюрер Стельман, обер-лейтенант Бурхарт, зондерфюрер Фогель, начальники отделов общества «Восток» капитан Релесман, обер-лейтенант Крюммер, капитан Шунт, управляющий дирекцией Якоб Кун, бывшие руководители шахт: обер-лейтенант Бранс, зондерфюрер Фульд, фон Фельзен, управляющий дирекцией Клебер, директор обер-лейтенант Штеф и его заместитель лейтенант Тебель, управляющий дирекциями Офферман и Ройтеч, технический директор Флойтер, зондерфюрер Лашнер, директор Шуберт, представители: акционерного общества «Восток» — Руфус, фирмы «Колин» — шеф-директор Якобс, фирмы «Отто» директор завода Ренкгоф; коммерческий директор Форм, начальник доменного и коксового цехов Беке, фельдфебель Пекерс; директор треста «Артемуголь» Миллер, его заместитель Горшц, ефрейторы Иоган Гольд, Герман Фергольд, фельдфебель Филлер.

Все эти преступники должны понести суровую кару за свои чудовищные злодеяния, совершенные против советского народа.

О РАЗРУШЕНИЯХ И ЗВЕРСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ГОРОДЕ КИЕВЕ^[121]

Немецкие захватчики, вступив на территорию Украины, прежде всего приступили к разграблению народного достояния и имущества мирных жителей.

Гитлеровский ставленник на Украине — рейхскомиссар Эрих Кох писал:

«Речь идет прежде всего о том, чтобы поддержать и обеспечить для немецкого военного хозяйства и немецкого командования чрезвычайно большие источники сырья и пищевых продуктов этой страны для того, чтобы Германия и Европа могли вести войну любой продолжительности».

Для проведения этих грабительских планов немцы пытались установить рабско-крепостнический режим на Украине.

В секретном циркуляре командующего германскими тыловыми войсками на Украине генерала авиации Китцингера от 18 июля 1942 года за №1571/564/42 подчеркивалось:

«Украинец был и останется для нас чуждым. Каждое простое, доверчивое проявление интереса к украинцам и их культурному существованию идет во вред и ослабляет те существенные черты, которым Германия обязана своей мощью и величием».

В Киеве орудовала шайка кровавых фашистских бандитов. Эту шайку возглавляли генерал-комиссар Магуния, комендант города генерал Эбергардт, высший руководитель СС и полицейфюрер Гальтерхан, генерал полиции порядка Шеер, оберштурмбаннфюрер Эрлингер, штатткомиссар СА — бригаденфюрер Квитцрау. Под руководством этих бандитов, наряду с грабежами, разрушениями и систематическим истреблением населения Киева, проводилась политика онемечивания украинского народа. Украинская культура всячески подавлялась и уничтожалась, советские люди обрекались на голод и смерть. На стенах многочисленных магазинов, ресторанов появились вывеска: «Только для немцев». Украинский оперный театр имени Шевченко, стадион и другие общественные учреждения были объявлены доступными только для немцев. Приказом за №184 от 6 августа 1942 года комендант города, генерал-майор Ремер запретил немцам приглашать «туземцев» (украинцев) на стадионы и в рестораны. Историческое место Киева — Аскольдову могилу оккупанты превратили в немецкое кладбище.

Разрушение промышленности, транспорта и коммунального хозяйства города и ограбление населения
Немецкие оккупанты в городе Киеве разграбили и вывезли в Германию оборудование промышленных пред-

приятый, а здания взорвали и сожгли. Гитлеровцы разрушили машиностроительные и металлообрабатывающие заводы «Большевик», «Красный экскаватор», которые снабжали промышленность, транспорт и сельское хозяйство машинами, инвентарем и запасными частями; взорвали, сожгли и разрушили все путевое хозяйство (крупнейшего железнодорожного узла Киев—Дарница: все станционные здания, депо на станции Киев 1-й, паровозовагоноремонтный завод; они взорвали железнодорожные мосты через Днепр и железнодорожные виадуки в городе, взорвали и сожгли построенные за годы советской власти крупные фабрики — текстильные, прядильно-трикотажную, швейную им. Горького, первую, четвертую, восьмую обувные и другие.

Фашисты взорвали, сожгли и разрушили электростанции и электросеть, трамвайный и троллейбусный парки, водопровод и канализацию^[122], а также хлебозаводы и другие предприятия, лишив население крупнейшего города — воды, хлеба, отопления, освещения и средств передвижения.

Немецко-фашистские варвары за время своего хозяйничанья в Киеве взрывами и поджогами совершенно уничтожили главную улицу — Крещатик, а также лучшие здания на прилегающих улицах: Прорезной, Институтской, Большой Васильковской. Они разрушили 940 зданий государственных и общественных учреждений с площадью около 1 млн. кв. метров, в том числе здания — Верховного Совета УССР, Главного почтамта, гостиницы Континенталь и др.; 1 742 коммунальных дома с жилой площадью более 1 млн. кв. метров, 3 600 домов частных владельцев с жилой площадью около 500 тыс. кв. метров. В результате этих злодеяний больше 200 тысяч жителей Киева лишились крова.

6 октября 1942 года СС оберштурмбаннфюрер Шпацель опубликовал распоряжение:

«12 августа 1942 года имперский руководитель дал указание, на основании которого всё золото, серебро и другие благородные металлы и все ценные вещи без исключения должны быть изъяты и направлены обергруппенфюреру Польш».

Гитлеровцы объявляли целые районы города «боевой зоной». Насильственное переселение жителей из этой «зоны» было лишь поводом для разнузданного грабежа.

— *Изгнание жителей из «боевых зон», — сообщил* наместник Киево-Печерской лавры архимандрит Валерий, — *сопровождалось избиением. Вышвыривали из квартир стариков и старух, не могущих ходить... Имущество изгнанных жильцов было разграблено. Мы видели эти злодеяния, ужасались и не могли понять, в чем их смысл, какая их цель. Не видя, трудно было поверить, на что способны гитлеровские изверги. Но мы видели всё это своими глазами, пережили и уже не забудем никогда.*

Заводы и фабрики почти не работали, культурные и научные учреждения были разгромлены. Многих деятелей науки немцы под угрозой угона в Германию заставляли работать сторожами, кассирами. Профессор математики Круковский работал кассиром на водной станции, доцент химии Страшкевич — заведующим прачечной, доцент Печук — сторожем.

Насильственный угон мирного населения на каторгу в Германию принял самые широкие размеры.

Комендант города Киева генерал-майор Ремер после многократного насильственного угона советских людей в немецкое рабство вновь писал 9 октября 1942 года:

«Город Киев обязан в ближайшие дни вновь предоставить для Германии минимум 7 000 рабочих. Командиры частей и руководители учреждений уже сейчас должны составить списки, каких рабочих (девушек и бездетных женщин) в возрасте от 16 до 45 лет они могут отпустить... Серьезность положения с рабочими на родине требует, чтобы все учреждения и т.д. ограничились небольшим количеством туземных рабочих».

Фашистские рабовладельцы угнали сотни тысяч советских граждан на немецкую каторгу. «*Благодаря труду немецких руководителей, — писал* рейхскомиссар Украины Эрих Кох, — *нам удалось послать сотни тысяч украинских рабочих для работы в Германию и, прежде всего, на предприятия военной промышленности*»^[123].

Два года немецко-фашистской оккупации были полны сплошными издевательствами над человеческим достоинством советских людей; это было время голода и разорения, время полного бесправия и беззащитности^[124].

Разрушение и разграбление культурных и исторических ценностей города Киева

Гитлеровцы с первых же дней вторжения на Украину приступили к планомерному уничтожению школ, высших учебных заведений, музеев, библиотек, клубов, театров, больниц и детских садов.

В Киеве, до вторжения немцев, было 150 средних и начальных школ. Из них 77 школ оккупанты заняли под казармы, 9 — приспособили под склады и мастерские, в двух разместили воинские штабы и 8 школ попользовали под конюшни. При отступлении из Киева немецкие варвары разрушили 140 школ.

Фашисты закрыли все детские сады, имущество их разграбили, часть зданий использовали под квартиры. Детские сады №14, 107 и 217 приспособили под конюшни, 27 детских садов сожгли и 51 детский сад разрушили. Они разрушили также 13 детских домов, 4 дворца культуры, дом учителя, клуб профсоюза политпросветработников.

Немецкие оккупанты расхитили из книжных фондов киевских библиотек свыше четырех миллионов книг. Из одной только библиотеки Академии наук УССР гитлеровцы вывезли в Германию более 320 тысяч различных ценных и уникальных книг, журналов и рукописей. Старший лейтенант Шмиц и доктор Паульсен, служившие в частях СС, вывезли в Германию из университетской библиотеки карты, атласы, книги по географии, статистике и экономике^[125].

5 сентября 1943 года немцы сожгли и взорвали один из старейших центров Украинской культуры Киевский

государственный университет имени Т.Г. Шевченко, основанный в 1834 году и построенный по проекту архитектора Беретти старшего. В огне погибли величайшие культурные ценности, служившие на протяжении столетий основой научно-учебной работы университета; погибли материалы исторического архива древних актов, представлявших исключительную ценность; погибла библиотека с фондом свыше 1 300 тысяч книг; зоологический музей университета, имевший свыше 2 миллионов экземпляров экспонатов, и целый ряд других музеев, как, например, зооанатомический, анатомический, ботанический, общей биологии, минералогии, палеонтологии, петрографии; погибли 20 университетских лабораторий, 18 специальных кабинетов и мастерских. В сентябре 1943 года немецкий руководитель архивного дела — доктор Вингер вывез в Каменец-Подольск самые древние документы, хранившиеся в библиотеке университета.

Немецкие оккупанты разрушили также и другие высшие учебные заведения Киева: индустриальный, лесохозяйственный, педагогический им. Горького и другие институты.

За время оккупации города фашистские варвары разрушили, сожгли и разграбили большинство медицинских учреждений. Они сожгли коклюшную больницу, детскую инфекционную больницу на Кловском спуске, больницы в Дарнице и Слободке; разрушили детскую больницу на Дегтяревской улице; взорвали и разрушили 3 родильных дома, 4 женских и детских консультации, молочную кухню, 17 детских яслей, 4 поликлиники; разграбили имущество Железнодорожной, Октябрьской и других больниц. Все эти разрушения и грабежи произведены при непосредственном участии руководителя здравоохранения при генерал-комиссариате города Киева доктора Гросскопф.

Фашистские варвары сожгли в Киеве здание драматического театра Красной Армии на 1 000 мест, театральный институт, консерваторию, в которой сгорели инструменты, богатейшая библиотека и всё оборудование; взорвали прекрасное здание цирка на 2 500 мест; сожгли со всем оборудованием Театр юного зрителя имени М. Горького; уничтожили Еврейский театр. По распоряжению интенданта Брюкнера разграблены все склады и костюмерная театра оперы и балета имени Т.Г. Шевченко.

Немецко-фашистские оккупанты, под руководством доктора Винтер, его заместителя доктора Бенцинг, доктора Розкамф и художника Клейн, разрушили музеи и вывезли в Германию все находившиеся в них экспонаты^[126].

В музее западно-европейского и восточного искусств осталось лишь несколько больших полотен, которые грабители не успели снять с высоких стен лестничной клетки. Из музея русского искусства гитлеровцы вместе со всеми экспонатами вывезли ценнейшую коллекцию русских икон. Они разграбили музей украинского искусства: из 41 тысячи экспонатов отдела народного искусства этого музея осталось только 1 900. Гитлеровцы вывезли из Киева украинскую посуду XVIII, XIX и начала XX столетий, в том числе образцы работ крупнейших мастеров Ф. Лавренюка, А. Гончара с Подолии, И. Панасюка и других. Они вывезли изразцы работы гончара Бахметюка, разграбили богатейшую коллекцию вышивок XVIII, XIX и XX столетий, вывезли коллекцию народной одежды и богатейшую коллекцию писанок, вывезли 11 420 предметов из художественно-промышленного отдела, в том числе коллекцию фаянса Киево-Межигорской фабрики 1780—1798 г.г., 5 384 предмета живописи, графики, скульптуры художников А. Мурашко, Н. Мурашко, Бурачека, Пимоненко, Яровского, Святославского, Светлицкого, Жемчужникова, Ижакевича, Левченко, Яремича и др. Ценную музейную мебель немцы вывезли в Германию. Доктор Ласке, «работавший» в архивном управлении, вывез, например, гарнитур красного дерева первой половины XIX века, обитый французским гобеленом; доктор Винтер вывез из музея золоченые стулья, обитые серебряной парчей с вышивкой.

Гитлеровцы разграбили музей имени Т.Г. Шевченко и исторический музей. Они разграбили величайший памятник славянских народов — Софийский собор, из которого вывезли 14 фресок XII века, в том числе 4 фрески со стен Михайловского Златоверхого монастыря, драгоценную утварь и предметы культа.

По приказу немецкого командования воинские части ограбили, взорвали и разрушили древнейший памятник культуры — Киево-Печерскую лавру. Рано утром 3 ноября 1941 года немецкие жандармы выселили из лавры всех жителей и в 2 часа дня взорвали Успенский собор.

Комиссия в составе: Наместника Киево-Печерской лавры архимандрита Валерия Устименко, проживающего в ней с 1891 года, схимника Киево-Печерской лавры Пимена Иванова, директора Управления Киево-Печерской лавры В.М. Тверского, педагога 75-й средней школы города Киева П.Д. Рудич, проживающего в лавре с 1912 года, старшего инспектора комиссии по охране памятников Комитета по делам искусств при СНК СССР П.Д. Барановского — обследовала состояние Киево-Печерской лавры после двухгодичного хозяйничанья немецких оккупантов и установила:

«Успенский собор, построенный в 1075—1089 годах Великим князем Святославом и расписанный внутри в 1897 году известным художником В.В. Верещагиным, 3-го ноября 1941 года взорван немцами. В результате взрыва памятник сильно разрушен. Основная центральная часть постройки XI века вместе с куполом, сводами, западной и северной стенами и алтарными абсидами превращена в груды обломков и щебня. После взрыва вокруг бывшего собора образовались четыре огромных провала в земле, угрожающих сохранности остатков памятника».

В октябре—декабре 1941 года немцы вывезли из лавры ценнейшие экспонаты исторического музея, в том числе весь отдел оружия, насчитывавший около 4 000 предметов, среди них были уникальные вещи, как, например, сабля Стефана Батория, витрина запорожского оружия и другие; разграбили ценнейшие экспонаты отдела истории Украины XV—XIX столетий: грамоты, нумизматику, печати, стекло, фарфор, ткани; вывезли из архива музея акты XV—XVIII столетий и рукописи научных трудов. Часть экспонатов немецкие солдаты и офицеры

брали себе «на память». Так, например, немецкий начальник исторического музея Штампфусс преподнес генерал-комиссару Магуния нитку древних бус, украденных из фондов музея. Штампфусс украл также несколько картин из собрания музея украинского искусства.

В Успенском соборе Киево-Печерской лавры находилось больше 20 серебряных риз на иконах, серебряные царские врата, серебряные массивные доски на алтаре и жертвеннике, несколько евангелий в серебряных оправках, три серебряных гробницы, собрание тканей и парчи Киево-Печерской лавры, насчитывавшие более 2 000 редких и ценных образцов с дарственными записями царей и гетманов^[127]. Все эти ценности немецкие варвары разграбили и вывезли в Германию.

В сентябре—октябре 1943 года были вывезены в Германию материалы раскопок в Пушкарях, Мезыне, Кирилловской стоянке в Киеве, раскопок Трипольской культуры на Коломыйщине, в Халопье и целый ряд уникальных коллекций.

Из отдела Скифии Исторического музея гитлеровские грабители вывезли уникальные бронзовые фигурки зверей, наконечники значков и знамен, оружие, керамику, бытовые вещи; из отдела греческих причерноморских колоний — кипрскую керамику — около 5 000 предметов, керамику из Ольвии; вывезли материалы отдела «Киевская Русь», в числе их такие уникальные вещи, как запрестольный крест X столетия Десятиной церкви, изразцы с гербом Рюриковичей и другие ценные экспонаты.

— *Нельзя без скорби смотреть*, — сообщает член Чрезвычайной Государственной Комиссии Николай Митрополит Киевский и Галицкий, — *на груды развалин Успенского собора, созданного в XI-м веке гением бессмертных строителей. От взрыва образовалось несколько огромных провалов в земле на окружающей собор территории и, глядя на них, кажется, что даже земля содрогнулась при виде злодеяний тех, кто не имеет права на человеческое имя. Точно страшный ураган пронесся по лавре, всё опрокинул вверх дном, рассыпал и разбросал мозаичные лаврские здания. Два с лишним года Киев был закован в немецкие кандалы. Гитлеровские палачи принесли с собою в Киев смерть, руины, голод и казнь. Всё это со временем отойдет от близкого прошлого в отдаленное, но никогда не забудут этого злодеяния не только украинский и русский народы, но и всё честное человечество во всем мире.*

Массовое истребление мирных граждан и советских военнопленных

Немецкие палачи с первых же дней захвата Киева проводили массовое истребление населения путем истязаний, расстрелов, повешения, отравления газом в «душегубках». Людей хватили прямо на улицах, расстреливали большими группами и в одиночку. Для устрашения населения вывешивались объявления о расстрелах:

«В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева. Пусть это послужит предостережением. Каждый житель Киева является ответственным за акт саботажа. Киев, 22.X—1941 года. Комендант города».

Или:

«Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам. Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева. Киев, 2 ноября 1941 года. Эбергардт, генерал-майор и комендант города».

Фашисты массами убивали мужчин, женщин, детей, стариков и больных. Так, 14 октября 1941 года в психиатрическую больницу во главе с немецким гарнизонным врачом Риковским ворвался отряд эсэсовцев. Гитлеровцы загнали 300 больных в одно из зданий, в котором продержали их без пищи и воды несколько дней, а затем расстреляли в овраге Кирилловской рощи. Остальные больные были истреблены 7 января, 27 марта и 17 октября 1942 года.

Вот что сообщили об этой кровавой расправе профессор Е.А. Копытынский, врачи А.Г. Дзевалтовская, Т.К. Пенская, И.М. Фарбер, А.И. Евстафьева и медсестра Е.Ф. Троепольская:

«В больницу прибыли автомашины. В эти машины — «душегубки» начали вталкивать больных, приблизительно по 60—70 человек в каждую, тут же их умерщвляли и трупы выбрасывались у здания больницы. Зверства эти продолжались несколько дней, в течение которых было уничтожено 800 больных».

Организаторами этих убийств были: немецкий руководитель здравоохранения при генеральном комиссариате — Гросскопф и врач военного лазарета — Больм.

Убийствам часто предшествовали садистские истязания. Архимандрит Валерий сообщил, что фашисты до полусмерти избивали больных и слабых людей, поливали их на морозе водой и, наконец, пристреливали в немецком полицейском застенке, находившемся в Киево-Печерской лавре.

Убивали мирных граждан якобы за принадлежность к советско-партийному активу, за связь с партизанами, убивали и без всяких мотивов.

Зверствовали немецкие бандиты и в Дарницком и в Сырецком лагерях. Мирных советских граждан и военнопленных заставляли выполнять тяжелые изнурительные работы, подвергали неслыханным издевательствам и убивали. В Сырецком лагере орудовал пьяница, садист штурмбаннфюрер Радомский и его помощник Ридер.

Радомский и Ридер всячески ухищрялись в истреблении советских людей. Они, например, «изобрели» следующий способ убийства: одних советских людей заставляли влезать на дерево, а других подпиливать его. Люди падали вместе с деревом и разбивались. Или. Радомский собирал всех заключенных, проходил по строю, отбирал человек 25, выводил их из строя и тут же расстреливал.

Гитлеровские бандиты согнали 29 сентября 1941 года на угол улиц Мельника и Доктеревской тысячи мирных советских граждан. Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а затем расстреляли. Проживающие вблизи Бабьего Яра граждане Н.Ф. Петренко и Н.Т. Горбачева рассказали о том, что они видели, как немцы бросали в овраг грудных детей и закапывали их живыми вместе с убитыми и ранеными родителями. «Было заметно, как слой земли шевелился от движения еще живых людей».

В 1943 году, чувствуя непрочность своего положения в Киеве, оккупанты, стремясь скрыть следы своих преступлений, раскапывали могилы своих жертв и сжигали их. Для работы по сжиганию трупов в Бабьем Яру немцы направляли заключенных из Сырецкого лагеря. Руководителями этих работ были офицер СС — Топайде, сотрудники жандармерии Иоганн Мэркель, Фохт и командир взвода СС — Рэвер.

Свидетели Л.К. Островский, С.Б. Берлянт, В.Ю. Давыдов, Я.А. Стеюк, И.М. Бродский, бежавшие от расстрела в Бабьем Яру 29 сентября 1943 года, показали:

«В качестве военнопленных мы находились в Сырецком концлагере, на окраине Киева. 18 августа нас в количестве 100 человек направили в Бабий Яр. Там нас заковали в кандалы и заставили вырывать и сжигать трупы советских граждан, уничтоженных немцами. Немцы привезли сюда с кладбища гранитные памятники и железные ограды. Из памятников мы делали площадки, на которые клали рельсы, а на рельсы укладывали, как колосники, железные ограды. На железные ограды накладывали слой дров, и на дрова — слой трупов. На трупы снова укладывали слой дров и поливали нефтью. С такой последовательностью трупы накладывались по несколько рядов и поджигались. В каждой такой печи помещалось до 2500—3000 трупов. Немцы выделили специальные команды людей, которые снимали с трупов серьги, кольца, вытаскивали из челюстей золотые зубы. После того, как все трупы сгорали, закладывались новые печи и т.д. Кости трамбовками разбивали на мелкие части. Пепел заставляли рассеивать по Яру, чтобы не оставалось никаких следов. Так мы работали по 12—15 часов в сутки. Для ускорения работы немцы применили экскаватор. За время с 18 августа по день нашего побега — 29 сентября было сожжено, примерно, семьдесят тысяч трупов. Здесь же сжигались и вновь привозимые трупы мужчин, женщин и детей, убитых в газовых автомашинах».

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии, после освобождения Киева от немецко-фашистских захватчиков была произведена раскопки в местах массовых истреблений советских людей в Сырецком лагере, в Бабьем Яру, в Дарнице, и других местах. В раскопках приняли участие немецкие военнопленные. После окончания раскопок немецкие военнопленные подали следующее заявление:

«Нам, 850 немецким военнопленным в лагере военнопленных Киева, советскими властями была предоставлена возможность убедиться в зверствах, совершенных над русским населением во время оккупации Киева немцами. 160 избранных нами доверенных лиц произвели раскопки пяти из многочисленных ям. Только в двух местах нами были обнаружены 150 убитых русских граждан. В других местах мы натолкнулись на бесчисленные остатки сожженных тел, одежды и костей. Мы утверждаем: здесь, в Киеве, были произведены массовые убийства, невероятных размеров, русского гражданского населения, жертвы которых доходят до несколько десятков тысяч мужчин, женщин и детей. Кто это делал — известно. Это немецкие оккупационные войска, преимущественно соединений СС, СД и полевой жандармерии».

Следуют подписи, среди них: *майор-интендант 208 — Лау; штабной врач 246 полка — доктор Гелленбрандт; врач-ассистент 3-го батальона 76-го полка — доктор Беккер; военный священник евангелистской церкви 208 Круммахер; лейтенант 208 Юнге; лейтенант 215 батальона Гергард и другие.*

Специальная Комиссия в составе: председателя Н.С. Хрущева, членов Комиссии Наркомпроса УССР академик — П. Тычина, Секретаря Союза Советских писателей УССР академика М. Рыльского, Кандидата биологических наук академии наук УССР — Д. Марковского, с участием медицинских экспертов: профессоров Я.И. Пивовонского, Ю.Ю. Крамаренко, А.М. Зюкова и судебно-медицинского эксперта профессора Н.А. Шепелевского, в присутствии представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии В.Д. Шевцова установила, что, по неполным данным, в Киеве замучено, расстреляно и отравлено в «душегубках» более 195 тысяч советских граждан, в том числе:

1. В Бабьем Яру свыше 100 тысяч мужчин, женщин, детей и стариков.
2. В Дарнице — свыше 68 тысяч советских военнопленных и мирных граждан^[128].
3. В противотанковом рву, у Сырецкого лагеря и на самой территории лагеря — свыше 25 тысяч советских мирных граждан и военнопленных.
4. На территории Кирилловской больницы — 800 душевнобольных.
5. На территория Киево-Печерской лавры — около 500 мирных граждан.
6. На Лукьяновском кладбище — 400 мирных граждан.

На основании заявлений советских граждан, протоколов опроса, свидетельских показаний, материалов Специальной Комиссии, заключений Судебно-Медицинской Экспертизы и личным расследованием, произведенным членами Чрезвычайной Государственной Комиссии — Николаем Митрополитом Киевским и Галицким и академиком И.П. Трайниным, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что разрушения в городе Киеве, поголовное ограбление населения, массовые истязания и убийства мирных советских граждан и военнопленных произвели по указаниям германского правительства и верховного командования: рейхскомиссар Украины Эрих Кох, заместитель рейхскомиссара фон Ведельштетдт, главнокомандующий армейской группой «Юг» генерал-фельдмаршал фон Манштейн, генерал авиации Китцингер, генерал-лейтенант войск СС Ютнер, генерал-комиссар генеральной области Киева Магуния, руководитель СС и полицейфюрер Гальтерман, генерал полиции порядка Шеер, оберштурмбаннфюрер Эрлицгер, СА бригаденфюрер Квитцрау, коменданты города Киева — гене-

рал-майор Эбергардт и генерал-майор фон Ремер, генерал-майор Виров, начальник бригады СС генерал-майор Лернер, СС штандартенфюрер Нордман, СС оберфюрер Гофман, генерал полиции Приюцман, СС оберштурмбаннфюрер Шпацель, командующий войсками СС на юге России и на Украине генерал-майор Троенфельд, начальник военно-воздушных сил Киевского гарнизона полковник Альтерман, руководитель оборонного участка «С» полковник фон Вессель, командир 304 полицейского батальона майор Бекерт, коменданты гарнизона в Дарнице капитан Прицковский и оберлейтенант Кваст, СС штурмбаннфюрер Гумперт, штурмбаннфюрер Радомский, его помощник Ридер, штатдкомиссар Рогауш, начальник бюро набора доктор Яницкий, руководитель киевского бюро гитлеровской молодежи Брейер, штатдкомиссар Берндт, шеф управления архивами, библиотекарями и музеями при рейхскомиссариате Украины доктор Винтер, его заместитель доктор Бенцинг, начальник исторического музея Штампфусс, врач военного лазарета Больм, сотрудник штаба Розенберга доктор Розкамф, сотрудник архивного управления доктор Ласке, старший лейтенант частей СС Шмиц, военнослужащий частей СС, доктор Паульсен, руководитель здравоохранения при генералкомиссариате, доктор Гросскопф, офицер СС Топайде, сотрудники жандармерии Иоганн Мэркель, Фохт и Рэвер, интендант Брюккер, шеф клейнкунсттеатра Телин, шеф фронтального театра Бекерс.

Все они должны понести суровую ответственность за чудовищные злодеяния совершенные перед советским народом.

О РАЗРУШЕНИЯХ И ЗЛОДЕЯНИЯХ, ПРОИЗВЕДЕННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ГОРОДЕ НОВГОРОДЕ И В НОВГОРОДСКОМ РАЙОНЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ^[129]

Древний русский город Новгород немецко-фашистские захватчики превратили в груды развалин. Они разрушили исторические памятники, а часть из них разобрали на постройку оборонительных сооружений.

На основании документальных материалов, свидетельских показаний, заключения технической экспертизы специальная комиссия в составе: председателя тов. Штыкова Т.Ф., членом комиссии — депутата Верховного Совета РСФСР Белокурова К.Д., председателя Исполкома Новгородского Городского Совета Депутатов Трудящихся Юдина М.В., члена правления Союза советских писателей Груздева П.А., представителя Митрополита Ленинградского и Новгородского — благочинного церковей Ленинградской области протоиерея Ломакина Н.И., заведующего отделом древнерусского искусства Государственного музея Дмитриева Ю.Н., начальница государственной инспекции по охране памятников — архитектора Давыдова С.Н. — установила факты разрушения города Новгорода и уничтожения его мировых художественных сокровищ немецко-фашистскими оккупантами, а также совершенных ими злодеяний над мирными советскими гражданами и захваченными ими в плен офицерами и бойцами Красной Армии.

Разрушение города Новгорода

До Отечественной войны Новгород являлся крупным научным и культурным центром. В нем сохранялись исторические памятники русского искусства и культуры. Здесь находились филиал института истории Академии наук СССР, музей, учительский институт, медицинский и автодорожный техникумы, педагогическое училище, фельдшерско-акушерская и фармацевтическая школы.

Немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили древний русский город Новгород. Из 2 346 жилых домов в городе сохранилось только 40. Фашисты разрушили в Новгороде мясокомбинат, хлебокомбинат, обувную и мебельную фабрики, литейный, механический, судоремонтный, лесопильный, два кирпичных и черепичный заводы, судовой верфь, фабрику школьных принадлежностей, железнодорожное депо, ремонтные мастерские НКПС; вывели из строя водопровод, водонапорную и водонасосную станции; разрушили всё электрохозяйство, городскую телефонную станцию, почту, телеграф, радиоузел.

При своем отступлении фашисты расхитили в музее ценнейшие коллекции по археологии, истории и искусству, а здание музея и его художественную галерею разрушили; они разграбили научную библиотеку, редчайшую фототеку и библиографическую картотеку филиала Института истории Академии наук СССР; разрушили и сожгли учительский институт, техникумы, педагогическое училище, медицинские школы, 5 клубов, 2 кинотеатра, дом Красной Армии, городской театр на 1 040 мест, 3 больницы, 5 амбулаторий, родильный дом, детскую поликлинику, 5 детских яслей, главный корпус психиатрической больницы.

Все разрушения в Новгороде произведены немецко-фашистскими оккупантами преднамеренно и по определенному плану, что подтверждается многочисленными показаниями свидетелей.

Немецкий военнопленный, старший ефрейтор 9-й роты 3-го батальона 1-й авиаполевой дивизии Шмидт Пауль показал:

«До начала сентября 1943 года по правому берегу реки Волхов от Новгорода на Хутины производилось строительство новой шоссейной дороги. Строительный материал подвозился на автомашинах из Новгорода, для чего специально подрывались аммоном городские здания и сооружения».

Из показаний Дерюгиной Пелагеи Николаевны видно, что немецкое командование преднамеренно разрушало лучшие здания города^[130]:

«В августе 1941 года немцы заставляли советских пленных разбирать кирпичные дома, а кирпич увозили по

железной дороге, причем разбирали не разрушенные дома, а именно хорошие».

Разрушения не ограничивались только зданиями. Немцы разрушали и расхищали и другое ценное имущество, вплоть до различных подземных сооружений. Немецкий военнопленный солдат 5-й роты 2-го батальона авиаполевой дивизии Кулик Вальтер показал:

«В конце ноября 1943 года я видел, как по дороге из Новгорода на Деревеницы, в районе Погорелиц, солдаты армейской связи выкапывали подземный кабель. По словам этих солдат, медный кабель отправлялся в Германию. В ноябре ими было извлечено до 25 километров такого кабеля».

Разрушение исторических памятников Новгорода

Немецко-фашистские вандалы разрушили и уничтожили в Новгороде величайшие памятники древнего русского искусства. В Георгиевском соборе Юрьева монастыря, построенном в начале XII века, фашисты разрушили своды и стены башни собора с фресками XII века.

Софийский собор, построенный в XI веке, являлся одним из древнейших памятников русского зодчества, выдающимся памятником мирового искусства. Благодаря фрескам XII века, иконам XII — XVII веков, древним иконостасам и другому внутреннему убранству, собор представлял собой сокровищницу древнерусского искусства. Здание собора немцы разрушили. Разрушение средней главы собора привело к полному уничтожению фресок^[131]; в северо-западной главе разрушены купол и часть стены. Во многих местах пробиты стены, разрушены несколько сводов и верхняя часть северного портала. Гитлеровцы полностью разграбили внутреннее убранство собора, увезли все иконы с иконостасов, древние паникадила, в том числе паникадило, принадлежащее Борису Годунову^[132].

Установлено, что ограблением Софийского собора непосредственно руководил командир 1-й немецкой авиаполевой дивизии, генерал-майор Вильке.

Немецкий военнопленный старший ефрейтор 5-й роты 2-го батальона Кулик Вальтер показал:

«13 мая 1943 года я проходил через Кремль и видел, как немецкие солдаты снимали с купола церкви позолоченные листы. На земле валялись листы размером не менее одного квадратного метра и толщиной 2—3 миллиметра. Сам генерал-майор Вильке стоял у подножия собора и наблюдал эту картину. Шофер генерал-майора Вильке рассказывал мне, что Вильке приказал казначею батальона Штинцгофу изготовить для него из золоченых листов блюда, бокалы и чайный сервиз».

Церковь Благовещения на Аркаже XII века с фресками, выполненными в том же веке, была обращена фашистами в дот и казарменное помещение. В окнах алтаря устроены амбразуры в южном полукружии сооружено деревянное перекрытие на балках, врубленных в стене с древней росписью. В южной стене пробита амбразура. Фрески южного полукружия на значительном участке стены сбиты.

Церковь Успенья на Волотовом поле, памятник новгородской архитектуры XIV—XV веков, немцами превращена в груду камней и кирпича, из-под которых выступают остатки стен; роспись этого храма, выполненная в XIV веке, являлась одним из лучших произведений монументальной живописи и пользовалась широкой известностью.

Церковь Спаса Преображения на Ильине улице — один из лучших образцов новгородской архитектуры XIV века, особенно известная своей росписью, выполненной в это же время великим византийским мастером Феофаном Греком. В барабане главы церкви и в верхней части восточной стены оккупанты пробили широкие амбразуры, западную часть здания разрушили, уничтожили средний западный свод, пробили верхние угловые своды. В результате разрушений юго-западный угол отделился от здания широкими трещинами. Значительная часть фресок погибла, а уцелевшие испорчены гитлеровскими солдатами.

Фашисты варварски разрушили знаменитый памятник древне-русского и мирового искусства XII века — церковь Спаса-Нередицы, расписанную внутри всемирно известными фресками. Церковь представляла собой уникальный памятник византийской и русской живописи XII века. Здание церкви немцами превращено в развалины. Гибель памятника является огромной утратой для русской и мировой культуры.

Более чем двухгодичное хозяйничание гитлеровцев в Новгороде привело к разрушению целого ряда и других замечательных памятников древнерусского зодчества. В числе последних особенно пострадали древние башни Кремля: разрушена верхняя часть северо-восточного угла башни Векуй, нижний свод Спасской башни; на 5 башнях уничтожены покрытия; во Владимирской башне немцы пробили свод. Немецко-фашистскими захватчиками были также разгромлены древние здания в Кремле, относящиеся к XV—XVII векам. Здесь были размещены казармы, солдатские клубы, оружейные мастерские, склады и т.п.

По приказу командующего 18 германской армии, генерал-полковника Линдемана, немецкие варвары разобрали и подготовили для отправки в Германию памятник 1000-летия России. Этот памятник был воздвигнут на Кремлевской площади в 1862 году по проекту известного русского скульптора академика Микешина и запечатлевал в художественных образах основные этапы развития нашей Родины до 60-х годов XIX столетия. Композицию памятника составляли бронзовые фигуры виднейших русских государственных, общественных и военных деятелей, а также выдающихся деятелей науки и искусства, являющихся лучшими представителями величия культуры и творческого развития русского народа.

Гитлеровские варвары разобрали памятник на части, разбили скульптурные изображения. Но отправить памятник, как металлический лом на сплав, фашистам не удалось. Советские воины выбили их из Новгорода.

Немецкий военнопленный, старшина 10-й роты 49-го егерского полка 23-легкой пехотной дивизии штабс-

фельдфебель Иоган Подер показал:

«В начале января 1944 года я видел, что памятник был разобран по частям, каждая часть была занумерована. Я слышал из разговоров солдат, что генерал-полковник Линдеман приказал разобрать памятник и перевезти его в Германию».

Другой военнопленный солдат 1-й роты 1-го батальона 1-й авиаполевой дивизии Вальтер показал:

«8 января 1944 года я видел, как солдаты снимали фигуры с находящегося в Кремле памятника. Я слышал, что памятник разбирается для отправки в Германию».

Таких показаний, уличающих немецко-фашистскую солдатчину в грабеже и вандализме, имеется немало.

Истребление мирных советских граждан и военнопленных

Специальная комиссия установила многочисленные факты планомерного истребления немецкими оккупантами мирных советских граждан и военнопленных. В Колмовской психиатрической больнице находилось на лечении 800 человек больных. В ноябре—декабре 1941 года все эти больные были гитлеровцами умерщвлены^[133]. В октябре 1941 года фашистские изверги замучили и убили 250 человек больных Хутынской больницы. В деревнях Кшентицы и Заолешье гитлеровцы уничтожили 30 человек жителей, среди них были женщины, старики и даже 2 грудных ребенка. Зарегистрированы многочисленные факты истребления также и вообще мирного советского населения. Так, в совхозе «Заверяжские Покосы» весной 1942 года немцы расстреляли жителя города Новгорода Масальского Семена Васильевича вместе с его семьей и родными. В этом же совхозе немцы расстреляли ещё 25 человек, в большинстве женщин и детей. В деревне Жестяная Горка немецкий карательный отряд истребил свыше 2 000 мирных жителей.

В Новгородском районе немцами было организовано в бараках и сараях 10 лагерей для советских военнопленных. Эти лагеря были расположены на территории совхозов «Заверяжские Покосы», «Чайка», на черепичном заводе, в деревнях Вяжище, Люболяды, Григорово и в других. Военнопленные содержались здесь в тяжелых антисанитарных условиях, подвергались побоям и истязаниям. В результате голода, непосильного труда, расстрелов только в 6 лагерях Новгородского района из 5 000 человек военнопленных к концу 1943 года уцелело 336 человек.

Немецко-фашистские изверги подвергали советских людей и особенно попавших к немцам в руки советских военнослужащих жестоким пыткам и истязаниям. В деревне Осия комиссия обнаружила 30 трупов советских военнопленных, на телах которых имелись следы пыток. Из них опознаны: лейтенант Калмыков А.Ф., ефрейтор Попов М.Г., боец Ситник М.И. и другие.

Гражданин Кузнецов Даниил Федорович, житель деревни Малое Подосенье, сообщил комиссии, что *«военнопленные работали на дороге, они были голодные, распухшие; каждую ночь из лагеря выносили мертвецов, и я видел, как люди умирали на работе. Немецкие конвоиры всегда носили, кроме оружия, дубинки. Избиение советских людей у них было системой»*.

Жительница совхоза «Заверяжские Покосы» сообщила:

«Я сама лично видела, как падавших с ног советских военнопленных немецкие солдаты тут же на работе или на дороге расстреливали».

Пленный унтер-офицер полевой жандармерии Ионда сообщил комиссии:

«Мне известно, что немцы широко практиковали расстрелы советских военнопленных. Расстреливали больных, слабосильных и тех, кто не был в состоянии двигаться».

Угон советских граждан в немецкое рабство

По приказу командующего 1-й германской авиаполевой дивизией генерал-майора Вильке, немецкий комендант города капитан Руф в сентябре—ноябре 1943 года организовал насильственный угон в Германию тысяч мирных советских граждан.

Немецкий военнопленный, старший ефрейтор штаба 2-го батальона Хенген Роберт по поводу насильственного угона советских людей в Германию сообщил следующее:

«В сентябре 1943 года комендант города капитан Руф, используя солдат дивизионного обоза, произвел выселение всего русского населения из Новгорода и его района. Русским жителям был дан срок 3 часа для того, чтобы они упаковали и забрали свои вещи. Солдаты нашего батальона, сопровождавшие выселяемых, рассказывали, что им жутко было наблюдать, как плакали русские женщины и дети, вынужденные оставлять свои родные селения».

За отказ выехать на работу в Германию фашисты подвергали советских людей избиениям и расстрелам.

В результате насильственного угона населения в немецкое рабство при освобождении Новгорода от фашистских оккупантов в нем осталось только 30 жителей^[134], а в Новгородском районе из 80 тысяч граждан после освобождения района от немецко-фашистских захватчиков зарегистрировано только 900 человек.

Разрушение государственных предприятий и колхозов Новгородского района

Новгородский район имел развитое сельское хозяйство, лесную, торфяную промышленность. За время оккупации гитлеровцы сожгли и разрушили 96 сел и деревень. Из 8 849 жилых домов оккупанты уничтожили 5 630

и частично разрушили 1 705; из 76 школ сожгли 75, в том числе: 3 средних, 13 неполных средних и 59 начальных школ, в которых обучалось свыше 15 тысяч человек; сожгли 3 больницы, 10 фельдшерско-акушерских пунктов, 7 сельских зооветпунктов, контрольно-семенную и ветеринарную лаборатории, инкубаторную и метеорологическую станции, 165 магазинов и ларьков; разрушили десятки культурно-просветительных учреждений — клубов, изб-читален, сельских библиотек и т.д.; были также разрушены немцами все кирпичные и лесопильные заводы и торфяные предприятия.

Гитлеровцы причинили колхозам, предприятиям, учреждениям и населению Новгородского района огромный ущерб. Они угнали из района свыше 2 000 лошадей, 10 000 коров, 18 000 голов мелкого рогатого скота; вывезли сельскохозяйственные продукты, имущество и весь сельскохозяйственный инвентарь, вплоть до деревянных лопат и граблей; полностью уничтожили все жилые и хозяйственные постройки в Шолоховском, Никольском, Хутынском, Дубровском, Любецком и Котовицком сельских советах.

* * *

На основании документальных материалов расследования, произведенного Специальной Комиссией, свидетельских показаний и заявлений потерпевших, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что преднамеренное разрушение древнего русского города Новгорода, с его памятниками выдающегося мирового искусства, массовое истребление мирных советских людей и военнопленных, а также угон советских граждан на работу в Германию произведены офицерами и солдатами немецкой армии по приказам гитлеровского правительства и под руководством: командующего 18 германской армией генерал-полковника Линдемана Георга, командира 250 испанской «голубой дивизии» генерал-майора Муньос Гранде, командира 1 немецкой авиаполевой дивизии генерал-майора Вильке, командира 1 немецкой авиаполевой дивизии генерал-майора Петраушке, занявшего этот пост в декабре месяце 1943 года, коменданта города Новгорода — капитана Руф.

Все они должны понести суровую кару за свои злодейские, кровавые преступления.

О РАЗРУШЕНИЯХ, ГРАБЕЖАХ И ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СОБЩНИКОВ В ГОРОДЕ РОВНО И РОВЕНСКОЙ ОБЛАСТИ^[135]

Обнаруженные в г. Ровно — резиденции быв. рейхскомиссара Украины, Эриха Коха документы и многочисленные свидетельские показания, данные Комиссии в составе генерал-майора Бегма В.А., председателя Ровенского облисполкома депутатов трудящихся Васильковского П.И., учителя Новак Т.Ф., депутата Верховного Совета СССР Ефимчук-Дьячук У.В., протоиерея Владимира Нижицкого, ксендза Феликса Савицкого и представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Готцева Б.Т., расследовавшей преступления немецко-фашистских захватчиков в Ровно и Ровенской области, еще раз подтверждают, что гитлеровские бандиты стремились создать на захваченной ими территории Украины рабско-крепостнический режим и искоренить украинскую государственность и культуру.

Потеряв надежду на сохранение Украины, как своей колонии, немецко-фашистские бандиты стали, по заранее обдуманному плану, опустошать украинскую землю, разрушать государственные, общественные и частные здания и сооружения, в особенности украинские культурно-просветительные учреждения и грабить все, что попадало им под руку. Не довольствуясь этим, озверевшие гитлеровские палачи с безудержной жестокостью истребляли мирное украинское население.

1. Расчленение Украины и установление рабско-крепостнического режима

С целью уничтожения государственного единства Украины указом Гитлера от 1 августа 1941 г. украинская территория была расчленена: часть Западной Украины — Львовская, Дрогобычская, Станиславская и Тарнопольская области — была включена в состав «польского генерал-губернаторства». Южная часть Украины — от Николаева и далее на север по реке Буг до линии Бершадь—Могилев-Подольский — была передана Румынии. Остальная часть Украины была включена в рейхскомиссариат под управлением рейхскомиссара Эриха Коха.

По распоряжению министра Розенберга от 19 ноября 1941 г. местным жителям запрещалось переезжать и переходить из одной части Украины в другую.

Во многих случаях установленные между частями Украины границы проходили так, что земли крестьян, живших в одном губернаторстве, оказывались в другом губернаторстве и обработка их была сопряжена с трудностями и даже риском для жизни. Заместитель генерал-комиссара Волыни и Подолии Швайгер приказом от 26 июня 1942 года разрешил жителям «переходить границу для проведения хозяйственных работ на принадлежащих им за границей землях только в определенные часы и в определенных местах».

Немецко-фашистские оккупанты ввели на территории Украины рабско-крепостнический режим. Советские граждане на захваченной немецкими фашистами территории были поставлены в положение бесправных париев.

Все приказы и распоряжения Гитлера, Розенберга, Коха и представителей немецкой власти на оккупированной территории содержат в себе угрозы советским гражданам разного рода наказаниями и больше всего смертной казнью. Особенно характерно в этом отношении распоряжение Розенберга от 17 февраля 1942 года о введении для советских граждан особых уголовных законов.

По этим законам советскому гражданину угрожала смертная казнь за оскорбление «чести» немецкой армии,

немецкой полиции, национал-социалистской немецкой партии и даже за антинемецкие настроения или поведение, «понижающее уважение к немецкому государству или немецкому народу».

Смертная казнь угрожала каждому советскому гражданину, если он не доносил гестапо и другим немецким властям об антинемецких настроениях или действиях.

По распоряжению Розенберга от 27 августа 1942 года, *«все жители занятых восточных областей, независимо от возраста»*, привлекались к обязательной трудовой повинности.

2. Разгром гитлеровцами украинской культуры и уничтожение украинской интеллигенции

Немецко-фашистские оккупационные власти принимали все меры к тому, чтобы искоренить украинскую культуру и уничтожить украинскую интеллигенцию.

Имеющиеся в распоряжении Чрезвычайной Комиссии многочисленные материалы, основанные на документах, показаниях свидетелей и личном осмотре членами Комиссии и ознакомлении их с состоянием различных культурно-просветительных учреждений на территории Украины, освобожденной Красной Армией, не оставляют никакого сомнения в том, что немецко-фашистские варвары имели своей задачей уничтожить украинскую культуру, истребить лучших представителей украинского искусства и науки, попавших в их руки; школы, высшие учебные заведения, клубы, библиотеки, музеи, театры, созданные украинским народом на протяжении почти четверти века советской власти, гитлеровцы безжалостно уничтожали. Об этом свидетельствуют, в частности, факты, установленные Чрезвычайной Комиссией в гор. Ровно и Ровенской области. Немецко-фашистские захватчики закрыли в Ровно почти все культурно-просветительные учреждения. 30 ноября 1941 года в газете «Волянь» было официально объявлено о закрытии школ в генерал-комиссариате Воляни и Подолии.

Городской театр обслуживал только немцев. Местным жителям разрешалось смотреть в нем спектакли и слушать концерты один раз в неделю. Из репертуара театра гитлеровцы изъяли произведения украинских классиков. Большинство украинских артистов вынуждено было уйти из театра и многих из них гитлеровцы убили. Так, летом 1943 года были расстреляны артист Долгопольский, артистка Ирина Янковская, артист Борис Курганов и ряд других.

В тяжелом положении оказались работники школ, библиотек и других культурных учреждений. *«Все школы города, — сообщил учитель В. Кобалевский, — немцы превратили в казармы. В казармы они превратили прежнее здание пединститута. Учителя, которым удалось избежать физического уничтожения, принуждены были стать чернорабочими, деквалифицироваться и владеть жалкое существование. Мне лично пришлось пойти на работу в слесарную мастерскую, хозяйном которой был немец Эдуард Нейман. Как и другие рабочие мастерской, я на себе испытал всю тяжесть немецкой эксплуатации».*

Таких фактов имеется много. Но этим дело не ограничилось. Отступая под ударами Красной Армии, гитлеровцы жгли, взрывали и уничтожали и школы, и музеи, и другие культурно-просветительные учреждения. Так, оставляя Ровно, они уничтожили институт усовершенствования учителей, серьезно повредили Краеведческий музей и сотни школ, библиотек, больниц, клубов и т.д.

3. Разрушения в городе Ровно и Ровенской области

Как и всюду, откуда их выгоняла Красная Армия, гитлеровцы перед своим уходом из Ровно и Ровенской области разрушили всё, что успели разрушить до прихода советских войск. В городе Ровно гитлеровцы полностью уничтожили 845 строений, 2 гостиницы, 24 столовых и ресторанов, 83 магазина, 5 хлебопекарен, 5 кирпичных заводов, 2 кондитерских, 2 швейных, колбасную и макаронную фабрики; причинили серьезные повреждения 2 больницам, 4 церквям и 2 костелам. Гитлеровцы привели в негодность 40 километров линии наружного освещения и связи, 2 холодильника, электростанцию, 22 километра водопроводной сети.

В Корецком районе Ровенской области они уничтожили 909 крестьянских хозяйств, разрушили 50 процентов жилых домов в самом районном центре. В Березновском районе они сожгли и взорвали 3 механизированных мельницы, 3 пекарни, 5 медицинских пунктов, 2 кирпичных завода, электростанцию; 6 сёл полностью снесли с лица земли. В Александрийском районе ими разрушено: электростанция, маслозавод, 2 203 хозяйственных постройки и 1 237 жилых домов.

Таким же разрушениям немецкие захватчики подвергли и другие населенные пункты области. В Гоцанском, Межиричском, Острогомском, Ровенском, Рокитневском, Здолбуновском, Клеванском, Клесовском, Костопольском, Людвипольском, Сарненском и Тучинском районах разрушено 286 населенных пунктов.

В отношении разрушений, произведенных гитлеровцами в Ровенской области, немецкий военнопленный, старший сапер саперной роты Франц Ярбот показал:

«Мы 24 января 1944 года уходили из деревни Станы. Командир саперной роты обер-лейтенант Кребс выделил группу поджигателей в составе фельдфебеля Опиц, обер-ефрейтора Кристиансен и сапера Блюм и приказал им сжечь деревню. Приказ обер-лейтенанта был немедленно выполнен. Когда загорелась деревня, Кребс сказал: «Мы не должны оставлять русским ни одного целого дома».

4. Ограбление государственных и общественных учреждений и гражданского населения

В течение всего периода своего пребывания в Ровно и Ровенской области гитлеровские офицеры, солдаты и

чиновники безудержно грабили мирных советских граждан и растаскивали имущество культурно-просветительных учреждений. Из областного музея искусств, историко-краеведческого музея, дома народного творчества, филармонии, из библиотек, дворца пионеров и школьников захватчики забрали обстановку, книги, экспонаты, картины, музыкальные инструменты.

Значительную часть награбленных ценностей руководители оккупационных властей присваивали лично себе. В качестве примера такого грабежа можно указать на ограбление Краеведческого музея так называемым немецким окружным комиссаром Беером. По свидетельству директора Краеведческого музея М. Дубовского, окружной комиссар, доктор Беер при поездке в Германию захватил с собой более 30 чемоданов с награбленными вещами.

Многочисленные свидетели подтвердили организованный характер грабежей. Так, например, житель села Глинки Ровенского района С.М. Подгаюк показал:

«Ранним утром 27 сентября 1943 года немецкие, солдаты и офицеры начали обходить дворы нашего села и отбирать хлеб, скот, птицу, лошадей, повозки и другое имущество».

Такие же показания дали и жители других сёл и деревень.

Нет ни одного населенного пункта в Ровенской области, который не ограбили бы немецкие солдаты и офицеры.

В шести районах Ровенской области (Гошанском, Здолбуновском, Корецком, Ровенском, Сарненском и Тучинском) немецко-фашистские грабители похитили у жителей 13 995 лошадей, 19 599 голов крупного и 23 026 голов мелкого скота.

Попытки спасти свое имущество от грабежа влекли за собой зверские пытки и истязания советских граждан. Яков Ушаков сообщил Комиссии, что в Ровенской тюрьме вместе с ним сидел гражданин Меленчик, которому *«на допросе вырвали волосы с головы и лопатой перебили два ребра за то, что он спрятал один центнер хлеба»*.

5. Массовое истребление мирных граждан и военнопленных

Осуществляя свой чудовищный план истребления мирного советского населения, гитлеровские палачи в Ровно беспощадно и систематически уничтожали мирных советских граждан. Ровенская тюрьма, постоянно была переполнена обреченными на смерть. Это подтверждается показаниями многочисленных свидетелей и документальными данными.

Гражданка В. Байдан сообщила:

«В течение 5-ти месяцев мне пришлось быть в заключении и испытать все ужасы тюремного режима гитлеровцев. Фашистские разбойники ежедневно избивали десятки мужчин, женщин и подростков. Два раза в месяц они вывозили на расстрел большие партии заключенных. Часто во двор тюрьмы заезжали герметически закрытые машины. Когда в такие машины бросали людей, раздавались душераздирающие крики и вопли».

18 марта 1943 года ровенская газета немецких оккупантов «Вольны» опубликовала следующее извещение:

«8 марта 1943 года пытались бежать заключенные Ровенской тюрьмы. При этом они убили одного немецкого тюремного чиновника и одного часового».

Энергичным выступлением тюремная стража предотвратила бегство. По распоряжению командующего немецкой полицией безопасности и СД, в тот же день были расстреляны все заключенные в тюрьме».

В ноябре 1943 года неизвестным лицом был убит немецкий областной судья. В ответ на это гитлеровцы опять расстреляли свыше 350 заключенных, содержащихся в Ровенской тюрьме.

Работавший в немецком хозяйстве, расположенном недалеко от улицы Белой, Я. Карпук рассказал:

«Я не раз видел, как гитлеровцы уничтожали советских граждан — украинцев, русских, поляков, евреев^[136]. Происходило это обычно так: немецкие палачи привозили к месту расправы обреченных, заставляли их копать яму, приказывали раздеваться донага и ложиться в яму лицом вниз. По лежащим гитлеровцы стреляли из автоматов в затылок, потом на трупы расстрелянных таким же образом клали второй слой людей и умерщвляли их, затем третий, до тех пор, пока яма не наполнялась. После этого трупы обливались хлорной известью и засыпались землей».

Гражданка села Выдумка А. Морозовская показала^[137]:

«Из своего дома я видела, как немцы расстреливали советских людей в карьерах у нашего села. В июне 1943 года к этим карьерам подъехали 4 машины, из которых гитлеровцы стали выводить мужчин и женщин, одетых в одно нижнее белье. Вскоре послышалась стрельба. Когда машины уехали, я пошла в карьеры и перед моими глазами раскрылась ужасная картина: трупы людей, слегка засыпанные землей, и всюду лужи крови. В июле 1943 года в карьеры прибыли 10 машин, наполненных советскими гражданами. Раздалась автоматная стрельба, крики и стоны, а немного позже к вечеру в карьерах запылал костер и в воздухе запахло горелым мясом. Трупы горели два дня. Подобные зверства немцев я видела в сентябре и октябре 1943 года и в январе 1944 года».

Таких показаний имеется очень много. Зверства гитлеровцев подтверждаются и многочисленными показаниями попавших в руки Красной Армии германских военнослужащих. Так, например, военнопленный Франц Ярбот показал:

«В середине ноября 1943 года я в числе 30 солдат из 68 резервного саперного батальона прибыл в Ровно. На восточной окраине города мы занялись созданием обороны. Этим были заняты также около 300 мужчин и женщин — жителей Ровенской и Львовской областей, преимущественно украинцы и поляки. Для них был создан

каторжный режим труда. Их морили голодом, за невыполнение норм били. 15 декабря утром мы явились на работу и не застали ни одного из этих людей. Мы стали спрашивать солдат из охранного батальона, куда девались рабочие, на что получили следующий ответ: «Уничтожены сегодня ночью при помощи газового автомобиля».

Солдат 4-го эскадрона 17-го кавалерийского полка 8-й кавалерийской дивизии СС, Адольф Матцке сообщил:

«Наш эскадрон принимал участие в расстрелах мирных граждан местечка Колки. Я сам участвовал в расстреле 3 граждан. Затем мы сожгли часть местечка. При отступлении, когда мы переправлялись через реку Стырь, мы сожгли первую деревню за рекой. В этой деревне наш 2-й взвод, которым командует унтерштурмфюрер Корн, расстрелял 25 человек. Я лично расстрелял 2 человека. Среди расстрелянных были также женщины. Из нашего взвода особенно активное участие в расстрелах принимали: ротенфюрер Ванек, унтершарфюрер Полин, унтершарфюрер Штайкдель, кавалеристы Ширман и Фаут. Расстрелы производились по приказам командира полка штандартенфюрера Цехендера».

Немецко-фашистские захватчики беспощадно уничтожали попавших в их руки офицеров и бойцов Красной Армии, содержавшихся в трех ровенских лагерях, где для военнопленных были созданы невыносимые условия существования^[138].

Ксендз города Ровно Феликс Савицкий, лично наблюдавший то, что происходило в этих лагерях, рассказал:

«В результате невероятных условий в лагерях и систематического голодания среди военнопленных была высокая смертность. Тысячи людей гибли от сыпного тифа и других эпидемических заболеваний. Но большинство погибло от штыка и приклада, от пули и пыток немецко-фашистских мерзавцев. Почти ежедневно из лагерей выезжали машины, до отказа нагруженные трупами пленных. Многих закапывали живыми».

Массовое истребление военнопленных как путем прямых убийств, так и путем лишения их необходимых средств существования^[139] подтверждается и целым рядом других доказательств, отмеченных в соответствующих актах комиссии.

6. Заключение судебно-медицинской экспертизы

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: Ровенского областного судебно-медицинского эксперта, майора медицинской службы Рыбаковой Н.В., майора медицинской службы Железновского В.Ф. и военного судебно-медицинского эксперта армии, майора медицинской службы Молчан В.А., с участием капитана юстиции Богопольского Л.С., учителя Новака Т.Ф., протоиерея Владимира Нижицкого и ксендза Ровенского костела Феликса Савицкого, а также жителей города Ровно и его окрестностей, с 1-го по 10-е марта 1944 года произвела судебно-медицинскую экспертизу трупов, извлеченных из мест захоронения уничтоженных немцами мирных советских граждан и военнопленных и установила:

«1. Во всех исследованных местах захоронения трупов в городе Ровно и его окрестностях обнаружено свыше 102 тысяч расстрелянных и умерщвленных немцами мирных советских граждан и военнопленных, из них:

- а) в городе Ровно по Белой улице у дровяного склада — 49 000
- б) в городе Ровно по Белой улице на огороде — 32 500
- в) в селе Сосенки — 17 500
- г) в карьерах у села Выдумка — 3 000
- д) на территории тюрьмы города Ровно — 500

2. Судя по состоянию трупных изменений и на основании данных вскрытия трупов, необходимо считать, что:

- а) массовые расстрелы и захоронение трупов в селе Сосенки производились во второй половине 1941 года;
- б) массовые расстрелы по Белой улице около дровяного склада с последующим закапыванием трупов производились в конце 1941 года;
- в) массовые расстрелы по Белой улице на огородах относятся к периоду 1942—1943 годов;
- г) умерщвление мирных граждан путем отравления угарным газом в «душегубках» и последующее захоронение трупов относится к концу 1943 года;
- д) расстрелы и сожжение трупов в селе Выдумка, в карьерах, относятся ко второй половине 1943 года;
- е) расстрелы и закапывание трупов на территории тюрьмы произведены в начале 1944 года.

3. Уничтожение мирных граждан и военнопленных в городе Ровно производилось путем массовых расстрелов из автоматов и пулеметов, умерщвлением угарным газом в машинах «душегубках» и в отдельных случаях люди сбрасывались в могилы и засыпались живыми. Часть расстрелянных людей, в частности в карьерах у села Выдумка, подвергалась сожжению на заранее подготовленных и приспособленных площадках.

4. Во многих случаях (при исследовании трупов в могиле по Белой улице и на территории тюрьмы) обнаружены следы внешнего насилия, свидетельствующие об избиениях незадолго до смерти.

5. Показания свидетелей — граждан города Ровно о массовых зверствах и уничтожении военнопленных и мирного населения в городе Ровно на протяжении 1941—1944 годов полностью подтверждаются данными судебно-медицинской экспертизы».

* * *

То обстоятельство, что все эти преступления совершались в резиденции бывшего рейхскомиссара Украины Эриха Коха, служит еще одним доказательством того, что все преступления гитлеровских бандитов совершались в осуществление плана истребления советских людей и опустошения временно занятой гитлеровцами советской территории, задуманного и проводившегося в жизнь гитлеровским правительством.

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за разрушения, грабежи и злодеяния, со-

вершенные в городе Ровно и Ровенской области, — правительство гитлеровской Германии, рейхскомиссара Розенберга, рейхскомиссара Коха, генерального комиссара Вольни и Подолии Шене, его заместителя Швайгера, Ровенского окружного комиссара доктора Беера и всех лиц из числа немецко-фашистских захватчиков, упомянутых в настоящем сообщении.

Недалек час, когда все они понесут заслуженную кару за совершенные ими злодеяния.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕМЕЦКО-РУМЫНСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ГОРОДЕ ОДЕССЕ И РАЙОНАХ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ^[140]

В награду за поставляемые румынским правительством Германии: пушечное мясо, нефть, хлеб, скот и т.п. гитлеровское правительство разрешило клике Антонеску грабить и истреблять население на оккупированной советской территории между Бугом и Днестром, ныне освобожденной Красной Армией. Установив свое «управление» на этой территории, Антонеску объявил ее «искони румынской» и назвал «Транснистрией»^[141] — частью румынского королевства. Центром «Транснистрии» румыны сделали Одессу, оккупированную немецко-румынскими захватчиками в октябре 1941 года.

В так называемой «Транснистрии» румыны, в полном согласии со своими немецкими хозяевами, установили кровавый произвол и неслыханный национальный гнет над украинцами, русскими и молдаванами. Они хотели «румынизировать» Одессу — город старинной украинской и русской культуры. Вместе с тем румынские захватчики предавались безудержному грабежу и взяточничеству^[142], разрушили в Одессе ряд зданий и сооружений.

Специальная Комиссия в составе: депутата Верховного Совета Союза ССР А.Г. Колыбанова, И.А. Сосновского, депутата Верховного Совета Союза ССР В.Ф. Михайличенко, члена Академии Наук УССР Г.И. Маркелова, протоиерея В. Брага, с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Д.И. Кудрявцева, а также специально командированный член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик И.П. Трайнин произвели расследование преступлений, совершенных немецко-румынскими захватчиками, и установили неопровержимые факты кровавого террора по отношению к мирному населению, варварских разрушений и бесшабашного ограбления как государственных и общественных учреждений и предприятий; так и отдельных граждан.

Румынское «управление» и «юстиция»

«Управление» Транснистрией возглавлялось румынским губернатором Алексиану. Губернаторство делилось на 13 уездов, во главе которых были поставлены румынские префекты. Административный аппарат состоял из специально вывезенных из Румынии чиновников, для которых этот аппарат стал средством грабежа, спекуляции и лёгкой наживы.

В Одессе «управляли»: Одесская городская префектура во главе с префектом Чоновичем, комиссар сигуранцы Никулеску, генеральный примарь (городской голова) Пынтя и его заместители — Видрашку, Нибреску, Синклиу, Киореску. Все они являлись также участниками целого ряда спекулятивных предприятий.

Административный комиссар «Префектур полиции» города Одессы Санду Габриэль, допрошенный Комиссией, сообщил: *«Заняв часть территории Советского Союза, присоединив её к Румынии и назвав «Транснистрией», мы грабили этот край и проводили «румынизацию».* Санду Габриэль в своих показаниях охарактеризовал румынскую администрацию, как воров, взяточников и грабителей.

— *Первая категория,* — говорит Санду Габриэль в своих показаниях, — *это полиция, сигуранца, военный суд. Чиновники этих органов изучали у себя в Румынии криминальное дело и являются «профессионалами без идей»... Они служат тому, кто платит, и, естественно, широко берут взятки.*

Вторая категория — чиновники губернаторства и прочие. Они — коммерсанты, нажившие здесь крупное состояние. Так, например, заместитель примаря (городского головы) Киореску в Румынии был бедняком, в Одессе же он разбогател и купил в Бухаресте гостиницу за несколько миллионов лей. Заместитель примаря Видрашку имел в Одессе гостиницу «Бухарест» по Дерибасовской улице и дом терпимости. Тудосе до войны проживал в Румынии, в г. Текуч, и имел маленькую лавочку возле аэродрома, в Одессе стал крупным коммерсантом и владельцем гостиницы «Пассаж», кинотеатра «Виктория», ресторана «Карпаты», типографии, завода сельтерских вод, нескольких лавок и комиссионных магазинов.

Взяточничество стало неотъемлемой системой «управления», нормой поведения всех румынских чиновников. На всех руководящих должностях в губернаторстве и примарии были только румыны. Делопроизводство велось на румынском языке.

Основным судебным органом в Одессе был румынский военно-полевой суд. Следствие производилось, главным образом, в сигуранцах (охранках). Обыкновенным методом допроса были истязания и пытки. Режиссер кинохроники Крапивный Павел, подвергавшийся пыткам и истязаниям в сигуранце, рассказал, что в качестве орудий пыток применялись электрический стул, подвешивание за плечи и другие истязания.

«Румынские солдаты привязывали к специальному стулу подследственного и через ручки стула включали электрический ток... Следователь включал стоящий на столе реостат и когда подследственный не так отвечал на вопрос, как того хотел следователь, рукоятка реостата безжалостно шла на напряжение, тело подследственного

начинало дрожать, а глаза вылезали из орбит».

Или:

«Подследственного со связанными назад руками подвешивали к потолку... и начинали его крутить вокруг собственной оси. Покрутившись, таким образом, до 200 раз, висящий на верёвке подследственный с бешеной скоростью раскручивался в обратном направлении. В этот момент палачи с двух сторон били его резиновыми палками. Человек терял сознание не только от бешеного вращения, но и от побоев».

(Из показаний Крапивного П.).

Аресты, пытки, истязания, произвол сплошь и рядом применялись, как средство вымогательства взяток.

— *Взятки*, — как показал одесский адвокат Дьяконов, — *брали в полиции, в сигуранце, в прокуратуре и суде. Так, например, когда летом 1942 года центральная сигуранца, находившаяся на Пушкинской улице, возбудила против меня дело за укрывательство евреев, ведший моё дело комиссар Ионеску взял взятку за более лёгкие выходы в заключении по моему делу*^[143]. *После этого дело перешло в военный суд и попало к следователю (прокурору) Атанасиу, который арестовал меня и взял взятку у моей семьи за благополучный исход по делу...*

Свидетельница Анжелина Нутис сообщила комиссии:

«Семья, хлопотавшая обо мне, давала взятки — деньгами и вещами — на сумму около трёх тысяч марок. Взятки давались через румынского адвоката Сырбу. Взятки получали: прокурор Атанасиу и шеф полиции VII района Одессы Аврамеску».

Особенно известны своим взяточничеством шефы сигуранцы Розван, Стврат, комиссар Нагру, генеральный военный прокурор Солтан К., прокуроры Радулеску, Габрилович, Ионеску Ион, шеф полиции 1-го района Никулеску.

Немецко-румынские палачи истребили в Одесской области 200 тысяч советских граждан

Захватив Одессу, немецко-румынские оккупанты приступили к массовому истреблению советских людей^[144], проводившемуся систематически и самыми зверскими способами.

19-го октября 1941 года они сожгли в помещениях бывших пороховых складов свыше 25 тысяч мирных советских граждан и их детей.

— *19 октября 1941 года в помещения пороховых складов, расположенных по Лютторфскому шоссе, возле моего дома*, — сообщила жительница Одессы Бобкова М.И., — *румыны начали тысячами сгонять арестованных мирных жителей — мужчин, женщин и детей. Когда они заполнили советскими людьми 9 пустых складских помещений, тогда стали подкатывать к складам бочки с горючим... Я лично видела, как румыны насосами качали горючее из этих бочек и через шланги поливали склады, в которых находились согнанные ими жители города. Когда склады были облиты горючим, румынские солдаты их подожгли. Поднялся страшный крик... Женщины и дети, объятые пламенем, кричали: спасите нас, не убивайте, не сжигайте! Подожжённые румынами склады продолжали гореть несколько дней. Когда пожар прекратился, румыны к месту пожарища призвали жителей города, которые выкопали большие ямы, длиной метров в 100, шириной в 5—6 метров и глубиной около 3-х метр. каждая. Потом появились румынские солдаты, стаскивали обгоревшие трупы в эти вырытые ямы и закапывали.*

Аналогичные показания о массовом сжигании заживо советских людей в помещениях пороховых складов дали граждане: Поладиенко Л.М., Неживенко П.П., Склифасовский П.И., Кручкова А.И., Мушек Н.А., Стрельникова А.П. и другие.

Исключительные по своей жестокости злодеяния немецко-румынские захватчики совершили над советскими людьми в районах Богдановки, Доманевки и др. Они истребили ни в чем неповинных мужчин, женщин и детей, предварительно подвергнув их нечеловеческим пыткам и истязаниям. Убийства мирных жителей они, обычно, совершали в концентрационных лагерях^[145]. В один из таких лагерей в совхозе «Богдановка» Доманевского района немецко-румынские оккупанты в ноябре 1941 года согнали свыше 55 тысяч советских граждан. Заключенные советские люди содержались под открытым небом и в свинарниках совхоза. Им не давали пищи и воды. Тяжелые антисанитарные условия стали источником массовых заболеваний. Люди умирали от голода, холода и болезней.

21 декабря 1941 года румынские жандармы приступили к расстрелу заключенных в лагере. Заключенные выводились под охраной к полуразрушенному строению, находящемуся на опушке леса, ставились на колени на краю обрыва и расстреливались. С края обрыва убитые, а часто только раненые, падали на дно оврага, где был сложен гигантский костер из соломы, камыша и дров. Маленьких детей палачи сбрасывали живыми в пламя этого костра. Сжигание трупов производилось круглые сутки. По ночам жители села Богдановка видели из своих домов большое зарево в районе совхоза. Колхозник Стонога Павел Иванович сообщил комиссии, что в селе Богдановка *«целыми днями были слышны выстрелы, а пламя горевшего костра было видно днем и ночью; ветер доносил в село запах человеческого мяса»*.

Расследованием установлено, что румынские палачи расстреляли в этом лагере около 52 000 мирных советских граждан и свыше 2 000 человек сожгли в бараках. Факты зверского истребления румынами мирных советских людей на территории совхоза Богдановка подтверждены многочисленными показаниями свидетелей и судебно-медицинской экспертной комиссией в составе: действительного члена Академии Наук УССР Г.И. Маркелова, профессора судебной медицины Одесского Медицинского Института Ф.Н. Жмайлович, доцента А.Н. Целлариус, главного патологоанатома 3-го Украинского фронта подполковника медицинской службы Р.Д. Штерн.

В том же Доманевском районе румынские оккупационные власти с 19 декабря 1941 года по 15 февраля 1944 года расстреляли свыше 22 тысяч советских граждан на территории села Доманевка, в совхозе им. Энгельса, Карловского сельсовета и в сёлах Мареновка, Маренбург, Новосёлровка, Николаевка, Владимировка и Молдавка. Расстрелами советских людей руководили — начальник районной жандармерии старший лейтенант Голиторий и старший лейтенант Шонтя.

В Мостовском районе немецко-румынские захватчики с августа 1941 года по март 1944 года расстреляли свыше 35 тысяч советских граждан. Многочисленные могилы с расстрелянным мирным советским населением обнаружены на территориях Голованевского и Веселовского сельсоветов.

По предварительным данным, установленным комиссией, немецко-румынские оккупанты расстреляли, замучили и сожгли в Одессе и Одесской области до 200 тысяч человек.

Среди обнаруженных при расследовании трупов замученных немецко-румынскими извергами советских людей были опознаны: рабочие одесского порта братья Петр и Михаил Емельяновы, ученик 98 школы Гредин Октябрь, рабочие государственной мельницы Колесниковы Георгий и Анна, студент 5-го Медицинского института Горячев Василий Дмитриевич, инженер-механик Сологуп Петр Степанович, Белоконь Елена, Федоренко Таисия, ученик музыкальной школы Пуговский Владимир, артист Госцирка Пуговский Анатолий, Корованский Григорий, братья Кузнецовы Иван и Петр, Ануров Анатолий, Мозуркевич Николай, капитан парохода дальнего плавания Ратонос Михаил и многие другие.

Немецко-румынские оккупационные власти разграбили и разрушили культурно-просветительные учреждения и коммунальное хозяйство Одессы

Одесса — крупный индустриальный и первоклассный портовый город, город передовой культуры, город курортов. До захвата его немецко-румынскими оккупантами в нем было 18 вузов, 29 техникумов, 42 научно-исследовательских института, 12 театров, много библиотек, клубов и других культурно-просветительных учреждений^[146].

Германское военное командование ограбило Одесские музеи, вывезя из музеев сотни уникальных предметов — 200 картин, 80 предметов фарфора, 60 предметов бронзы, 40 экземпляров старинного оружия, 30 ковров, 10 изделий из слоновой кости и другие музейные ценности. (Акт №22).

Румынские оккупанты, по примеру немецких оккупантов, разграбили и уничтожили культурно-просветительные учреждения и разрушили жизненно-важные объекты городского хозяйства.

— *Мне известно, — говорит административный комиссар «Префектур полиции» Санду Габриэль, — что чиновники Одесского муниципалитета, от рядового до руководителя, грабили жизненно важные объекты городского хозяйства Одессы, вывозили все в Румынию и продавали там в целях личной наживы. В Румынию вывозились: подземный кабель электромагистрали, трамвайные линии, вагоны, станки и машины заводов, дорогостоящая мебель и пианино, антикварные и художественные ценности... Этим занимались: примарь гор. Одессы Пынтя и его заместители Киореску, Видрашкю, Синеклиу... Помимо грабежа, взяточничества и спекуляции, все эти лица занимались своей официальной деятельностью как представители государственных органов Румынии.*

Для ограбления культурно-просветительных и научных учреждений румынские оккупационные власти создали так называемые трофейные комиссии во главе с генералом Василиу.

Трофейная комиссия, возглавлявшаяся румынским профессором Михулом, вывезла в Румынию из Одесского Университета^[147] ценное оборудование физико-математического факультета, все лаборатории, оборудование географического факультета, уникальные экспонаты геологического и палеонтологического музея. Ограбление ценностей Университета производилось при участии румынских профессоров Рантя, Ходарча, Джеордыеску и ассистента Бухарестского Университета Поп.

Румынский Генеральный Секретарь Университета Мойсев вывез из Медицинского Института ценное оборудование, аппаратуру и инструментарий.

Из Индустриального Института трофейная комиссия вывезла в Румынию дорогостоящее оборудование физической лаборатории, 18 станков из лаборатории резания и другое ценное оборудование.

Из института инженеров водного транспорта румыны вывезли в Констанцу научные пособия и рентгеновскую лабораторию по исследованию металлов.

Директор румынского национального театра Ауфель Майкан вывез в Румынию все театральное имущество Украинского театра.

Трофейная комиссия, возглавлявшаяся секретарем отдела культуры городской управы Клеопатрой Консолярино, ограбила русский драматический театр имени Иванова и вывезла из него все костюмы, обувь и другой реквизит^[148].

По распоряжению румынского представителя дирекции искусств Цикулеску из Одессы вывезено в Румынию более 2 000 роялей и пианино.

Из Одесской Государственной Консерватории^[149] вывезены в Румынию все инструменты, ноты, лучшая мебель, ковры, кабинет звукозаписи, оборудованный по последнему слову техники.

Румынские оккупанты вывезли все театральные костюмы, нотный материал 109 опер и 16 балетов, редчайшую библиотеку по истории, музыке и живописи из Одесского театра оперы и балета. Здание театра немецко-румынские захватчики перед своим отступлением заминировали и подготовили к взрыву. Только благодаря бы-

строму занятию Красной Армией Одессы им не удалось осуществить свой варварский план.

Расследованием, произведённым специальной комиссией, установлено, что из художественных музеев украинско-русского и западного искусств расхищены различными румынскими должностными лицами редчайшие музейные ценности: картины русских и иностранных художников (Репина, Иванова, Куинджи, Маковского, Нестерова, Строчи, Вассолини и др.), старинные художественные гарнитуры мебели высокой ценности, старинный фарфор, статуи, ковры и пр. В частности, по распоряжению начальника отдела искусств губернаторства — Лявю Руссу, были вывезены на дачу Антонеску стильная мебель, фарфор, скульптура, рояль художественной ценности стиля рококо; картины известных художников — Куинджи, Саврасова и др. (Акт от 4.XII.1942 года, листы №№48—53, 70, 72, 74).

Румынские оккупанты ограбили Одесскую Государственную Библиотеку имени Ленина. Они вывезли в Румынию ценные книги по истории, языковедению и литературе.

Румынские оккупанты разграбили также научные учреждения, предприятия и учреждения городского хозяйства. Они вывезли, в Бухарест, Констанцу и Яссы 108 моторных трамвайных вагонов^[150], 25 километров трамвайных путей, 10 троллейбусов, разрушили Городскую и Междугородние телефонные станции, Центральный телеграф, радиостанцию, 122 начальных и средних школы, 6 музыкальных школ, театр оперетты на 1 200 мест, Большешонтанский летний театр на 1 000 мест и Областной дом народного творчества; сожгли учебный корпус Института инженеров гражданского и коммунального строительства; взорвали студенческое общежитие; вывели из строя водопровод и канализацию.

Такая же участь разрушения постигла научные учреждения Одессы: Электротехнический институт инженеров связи, Научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации, Научно-исследовательский институт холодильной промышленности, механический и автомобильный техникумы, Высшее Морское училище и другие.

По заранее составленному плану немецко-фашистские захватчики разрушили значительную часть городского хозяйства Одессы. Они взорвали и сожгли 2 290 наиболее крупных, представляющих архитектурно-художественную и историческую ценность зданий, в том числе: Дом Красной Армии, здания Одесского почтамта, Коммунального банка, домик А.С. Пушкина, Главный пассажирский вокзал; здание Городской больницы, Сабанские казармы, построенные в 1827 году, и другие, представляющие собой ценные памятники материальной культуры начала XIX столетия.

Гитлеровцы разрушили в Одессе курорты и учреждения здравоохранения

Немецко-румынские захватчики разрушили в Одессе: первую инфекционную, вторую окружную, соматическую, психиатрическую и 2 детских больницы, детскую поликлинику, 7 детских консультаций, 55 детских яслей, 2 родильных дома, диспансер, лепрозорий, 6 поликлиник и научно-исследовательские институты: Туберкулезный, Институт Курортологии и другие. Они разрушили 29 санаториев расположенных вблизи Одессы. Ценное оборудование, аппаратуру, инструментарий, медикаменты, а также мягкий инвентарь, принадлежавший лечебным учреждениям и курортам, румынские захватчики вывезли в Румынию.

Немецко-румынские захватчики уничтожили и разграбили промышленные предприятия и сельское хозяйство

За время своего хозяйничания румыны причинили народному хозяйству Одессы большой ущерб. Они полностью разрушили, взорвали и сожгли заводы, фабрики, предприятия промысловой кооперации и кооперации инвалидов. Техническое, энергетическое оборудование, инструменты и материалы вывезли в Румынию. К числу уничтоженных крупных предприятий относятся: судостроительный и судоремонтный завод им. Марти со всеми вспомогательными сооружениями и оборудованием, завод имени Январского восстания, Второй Государственный кожевенный завод, табачная фабрика и др.

Разрушение завода имени Марти произведено румынским инженером Купфер Ромео и его заместителем инженером Олару.

Станкостроительный завод имени XVI Партсъезда, завод сельскохозяйственных машин им. Октябрьской революции, сталепрокатный завод им. Дзержинского, завод «Кинап», джутовая фабрика, суконная фабрика, завод «Красный Профинтерн», трикотажная фабрика имени Н.К. Крупской, мясокомбинат, макаронная фабрика, молочный завод, кофейная фабрика, хлебозаводы, все мельницы, кондитерская фабрика, рафинадный завод и другие предприятия румыны превратили в развалины.

В течение 7—8 апреля 1944 года немецко-румынские захватчики разрушили первоклассный, полностью механизированный Одесский порт; взорвали Воронцовский маяк, холодильник, элеватор, механический амбар, плавучие, порталные паровые краны; разрушили причалы, 56 складов; вывели из строя электрохозяйство порта; сожгли жилые дома и служебные помещения.

Ещё в середине марта 1944 года немцы окончательно ликвидировали румынское «управление» в Одессе и установили свой режим, довершивший разрушение всей промышленности города Одессы. 9 апреля 1944 года, накануне вступления Красной Армии в Одессу, по приказу немецкого командования был разрушен последний крупный промышленный объект — консервный завод имени Ленина^[151].

Лишь стремительное наступление Красной Армии спасло от гибели население ряда кварталов Одессы и его

жилища от разрушения.

Военный ефрейтор подрывной команды 420 батальона 203 немецкой дивизии — Альбрехт Эмиль показал:

«8 апреля утром мы получили схему от обер-лейтенанта Миллера, на этой схеме были указаны кварталы, которые я и мой товарищ должны были взорвать. 7 апреля 1944 года я должен был выяснить, сколько семейств живёт на Гаванной улице. Зайдя в один из дворов, я узнал, что в нём 40 квартир. Я должен был вернуться и доложить об этом обер-лейтенанту Миллеру, который 8-го утром дал нам распоряжение: в ночь с 8 на 9 по схеме взорвать эти квартиры вместе с населением».

Немецко-румынские захватчики отобрали у колхозов и колхозников и вывезли в Румынию 1 042 013 центнеров зерна, 45 227 лошадей, 87 646 голов крупного рогатого скота, 31 821 свиней, 64 778 овец; 1 741 трактор, 4 860 различных сельскохозяйственных машин, 1 134 комбайна и локомотива. Они разрушили 3 195 колхозных домов и строений.

* * *

На основании документальных данных, свидетельских показаний, протоколов опроса, заключения судебно-медицинской экспертизы и других материалов Специальной Комиссии, а также проверкой всех фактов и личным расследованием, произведенным членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком И.П. Трайниным, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что массовое ограбление и истребление мирного населения, разрушение промышленных предприятий, научных учреждений, школ, больниц и курортов производилось по специальному указанию германского верховного командования, немецкого и румынского правительств.

К ответу немецко-румынских грабителей и палачей!

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что непосредственными виновниками указанных выше преступлений являются следующие немецкие генералы и офицеры: командир 44 армейского корпуса генерал-полковник Д'Ангелис, командир 9 пехотной дивизии генерал-лейтенант Шейденау, командир 36 пехотного полка подполковник Кольб, командир 57 пехотного полка полковник Шенхайг, командир 116 пехотного полка майор Кельнер, командир 9 армполка полковник Бальтазар, командир 17 пехотной дивизии полковник Брюккер, командир 21 пехотного полка полковник Прой, командир 55 пехотного полка подполковник Гауль, и.о. командира 95 пехотного полка капитан Шобор, командир 17 армполка полковник Бауэр командир саперного батальона капитан Фогель, командир 302 пехотной дивизии генерал-майор Боген, командир 572 пехотного полка полковник Вейс, командир 302 армполка полковник Фишер, командир 306 пехотной дивизии генерал-лейтенант Келлер, командир 579 пехотного полка полковник Хольн, командир 580 пехотного полка подполковник Шредер, командир 500 батальона особого назначения капитан Бунцман, командир 304 пехотной дивизии генерал-лейтенант Зиллер, командир 573 пехотного полка полковник фон дер Гольц.

Такою же ответственность несут следующие представители румынских властей: гражданский губернатор Транснистрии Алексиану, военный губернатор генерал Потопяну, командующий военным округом дивизионный генерал Гуго Шваб, командир 4/24 пехотной румынской дивизии генерал Наста, командир 21 пехотной румынской дивизии генерал Тринпотанас; генеральный примарь (городской голова) Герман Пынтя, его заместители: Видрашку, Киореску, Нибреску, Синеклиу; директора кабинета губернатора Ротару, Попеску, Фотиаде, Минеску; Одесский городской префект Чонович, префект Голтовского уезда подполковник Исопеску, комиссары сигуранцы полковник Никулеску, прокурор Ионеску, полковник жандармерии Гросиу, префект Одесской полиции Попович, шефы городской сигуранцы Стуврат, Розван, начальник 1-го района полиции — Никулеску, шеф полиции VII района Аврамеску, председатель военного суда полковник Велчау, военный прокурор Атанасиу, Габрилович, Солтан; директор Одесского порта Д. Попеску, Ливно Руссу, генеральный директор музыки Антони Чолан, директор румынского национального театра Аурель Майкан, секретарь отдела культуры городской управы Консоларино, директор детского театра Нани, профессор Штефан, Попеску Г., архитектор губернаторства Ионицу, представитель дирекции искусств Цикулеску, глава трофейной комиссии генерал Василиу, профессор Михул, профессор Рантя, ассистент Бухарестского университета Поп, профессор минералогии Бухарестского университета Ходарча, профессор Джеордысеску, инженер Купфер Ромео, В. Олару, комиссар Негру, прокурор Радулеску, архитектор Тудореску, генеральный секретарь Мойсев, директор завода Т. Салаколу, старшие лейтенанты Голиорий и Шонтя, Санду Габриэль.

Все они должны понести суровую ответственность за свои преступления, совершенные против советского народа.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ ФИНСКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР^[152]

На временно оккупированной территории Карело-Финской ССР правительство и верховное военное командование Финляндии, осуществляя свои империалистические планы, стремились поработить советских людей, уничтожить культуру народа и превратить Карело-Финскую ССР в колонию^[153]. В наставлении, так называемого «Восточно-Карельского просветительного отдела» Финского штаба, захваченном Красной Армией при раз-

громе штаба 13-го берегового артиллерийского полка в июне 1944 года указывается воинским частям на необходимость осуществления захвата территории Карело-Финской ССР и других областей Советского Союза. В нем говорится:

...«Если в Финляндии теперь недостает строительного леса, то *богатые леса Восточной Карелии ждут превращения их в капитал...* Преимущественно в Восточной Карелии лес старый, созрелый, в то время, как в Финляндии он молодой, мало пригодный, как строительный материал. К тому же вывоз леса из Восточной Карелии при наличии такого большого количества рек и озер стоит малых затрат. Экономическая же выгода от этого очень велика».

Финское правительство с беспримерной наглостью объявило всё советское население на захваченной территории пленными и заключило мужчин, женщин, стариков и детей в специально созданные концентрационные лагеря, создав к ним режим голода, истязаний и непосильного изнурительного труда с целью преднамеренного истребления советских людей^[154].

Комиссия в составе: депутата Верховного Совета Союза ССР, генерал-майора Куприянова Г.Н., председателя Совнаркома Карело-Финской ССР Прекконен П.С., полковника Никитина Д.Н., с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Макарова В.Н. и судебно-медицинских экспертов расследовала и установила факты беспримерных злодеяний, совершенных финско-фашистскими оккупантами на временно захваченной ими территории Карело-Финской ССР.

Разрушение городов и сел советской Карелии

Город Петрозаводск, основанный в 1703 году Петром Первым на западном берегу Онежского озера, за годы советской власти стал крупным центром промышленности и культуры Карело-Финской Советской Социалистической Республики.

Финско-фашистские захватчики за время оккупации, и особенно перед отступлением, подвергли столицу Карело-Финской ССР огню, грабежу и разрушениям.

В непримиримой ненависти к советской культуре финны сожгли и разграбили в Петрозаводске университет, научно-исследовательский Институт культуры, Публичную библиотеку, Государственную филармонию, Дворец пионеров, театр, музыкальное училище, 2 педагогических училища, индустриальный техникум, 5 школ, 9 детских садов, кинотеатр, физиотерапевтическую лечебницу, психоневрологический диспансер, разграбили государственный музей, взорвали и сожгли все мосты и свыше 485 жилых домов, в том числе дом, где жил знаменитый поэт XVIII века Г.Р. Державин, варварски разрушили памятники В.И. Ленину и С.М. Кирову.

Они полностью уничтожили промышленность города, разрушили железнодорожный узел, сооружения и флот Беломорско-Онежского государственного пароходства, все предприятия связи. Перед уходом из Петрозаводска финны взорвали, сожгли и разрушили 7 электростанций, 3 плотины, фидерную подстанцию, трансформаторные киоски, вывезли в Финляндию ценное электрооборудование.

Финские захватчики взорвали и уничтожили электростанцию, плотину, жилой фонд, подсобные предприятия старейшего Онежского металлургического и машиностроительного завода, хозяйство которого создавалось на протяжении столетий и особенно за годы советской власти. При этом захватчики вывезли из завода в Финляндию оборудование всех 20 цехов завода.

Финны разрушили в Петрозаводске крупнейшую в Советском Союзе лыжную фабрику, выпускавшую до войны в год свыше 500 тысяч лыж первоклассного качества, сожгли лесопильные заводы, уничтожили холодильник, типографию, ликеро-водочный и пивоваренный заводы, хлебозаводы, взорвали надводные сооружения и цехи судостроительного завода.

В оккупированных районах Карело-Финской ССР фашистские захватчики уничтожили все механизированные предприятия и сооружения лесозаготовок и лесосплава: сожгли 4 лесопильных завода и мебельную фабрику, Кондопожский целлюлозный завод, взорвали водосброс на Кондопожской Государственной Электростанции, электростанцию в Медвежьегорске, Повенецкий судоремонтный и Кондопожский пегматовый заводы и много других предприятий. Крупнейшие разрушения финские оккупанты причинили сооружениям Беломорско-Балтийского канала имени Сталина: взорвали 7 шлюзовых ворот, аварийные ворота, эстакадные стенки камер шлюзов, плотины, дамбы, водоспуски, бетонные устои. Такие же разрушения финские погромщики произвели во всех городах и большинстве сел Карело-Финской ССР.

Финские захватчики пытались превратить мирных советских граждан в своих рабов

Сразу же после вторжения в Карело-Финскую ССР фашистские захватчики объявили советских людей пленными и заключили их в специальные концентрационные лагеря^[155].

В городе Петрозаводске было организовано шесть таких лагерей, в которых содержалось до 25 тысяч человек — женщин, детей и стариков^[156]. Концентрационные лагеря для мирных граждан были организованы также в Медвежьегорске, близ города Олонец, в совхозе Ильинском и в других местах Карело-Финской ССР. Во всех лагерях финнами был установлен для заключенных жесточайший режим издевательств, изнурительных непосильных работ, пыток и насилий.

Территория лагерей была обнесена высоким забором и колючей проволокой. С 7 часов утра «пленников», не считаясь ни с полом, ни с возрастом, ни с состоянием здоровья, под конвоем выгоняли на тяжелые изнуритель-

ные работы. «Пленным» советским гражданам в лагерях в качестве питания выдавали в день 100—200 граммов недоброкачественного хлеба и нерегулярно — по 200 граммов мороженого картофеля или гнилую колбасу из конского мяса^[157]. Охрана лагеря, которую возглавлял полковник Рольф Шильд, истязала поголовно всех советских людей, заключенных в лагери. Финские рабовладельцы избивали заключенных за невыполнение норм выработки, за неправильную укладку дров в поленицы, за недостаточную почтительность к чинам охраны, били и истязали без всяких поводов. Одной из мер наказания было также лишение пайка на двое-трое суток и заключение в карцер.

«Пленных» мирных советских людей финские палачи подвергали невероятным истязаниям и пыткам. Один из жителей Петрозаводска, давший свои показания Следственной комиссии, Новиков Б.И. был очевидцем того, как в лагере №2 финны отобрали 30 человек, как якобы военнопленных. Их увезли на улицу Льва Толстого, где подвергли мучительным истязаниям. «Пленным» жгли пятки калёным железом, били резиновыми палками, затем 15 человек из них расстреляли. Остальные 15 человек через 25 суток были возвращены в лагерь №2. Пленный финский солдат 1-й роты 2-го батальона бригады самокатчиков бронетанковой дивизии Лагуса Вилхо Кургила показал:

«Когда мы вошли осенью 1941 года в город Петрозаводск, то населения там не нашли: все оно разбежалось по окрестным лесам. Финские власти издали приказ, которым предлагали населению под угрозой расстрела немедленно вернуться в город. Были созданы отряды для поимки населения и обратного его возвращения в Петрозаводск. Население таким образом собрали и загнали в лагери. Один лагерь был создан в Куковке, другой — в местечке под названием «Дорога в Соломенчуги», 3-й находился за радиомачтой. Всех — и старых, и молодых под конвоем гоняли на тяжелые работы. На людей было страшно смотреть — до того у них был несчастный и забитый вид. Очень многие не выдерживали и умирали. В то время, когда жители находились в лагерях, мы, финские солдаты, очень хорошо пожили как в самом Петрозаводске, так и в окрестных деревнях. В домах оставалось все имущество местного населения и много продуктов. Все это добро было объявлено безнадзорным и, разумеется, мы не зевали, брали все, что нам казалось подходящим. Много добра мы отправили родственникам в Финляндию. Особенно отличались в этих делах солдаты 3-й роты нашего батальона, да и другие не отставали от них».

Финны истязали в лагерях не только взрослых, но и детей, которые также считались «пленными». Пленный финский солдат 13-й роты 20-й пехотной бригады Тойво Арвид Лайне показал:

«В первых числах июня 1944 года я был в Петрозаводске. На станции Петрозаводск я видел лагерь для советских детей. В лагере помещались дети от 5 до 15 лет. На детей было жутко смотреть. Это были маленькие живые скелеты, одежды в невообразимое тряпье. Дети были так измучены, что даже разучились плакать и на все смотрели безразличными глазами».

«Пленных» детей финские рабовладельцы наравне со взрослыми заставляли выполнять непосильную работу^[158]. Финский солдат Ахо Суло Иоганнес из 2-го отдельного батальона береговой обороны был очевидцем, как *«в течение лета 1943 года было сознано свыше 200 человек, главным образом, подростков из ближайших деревень на строительство дороги в районе Толбуя и пристани Шитики. Все эти люди работали под охраной финских солдат, как заключенные»*.

В сентябре месяце 1943 года 10-летний мальчик Зуев Ленья, содержащийся в лагере №2, хотел перелезть через проволочный забор. Финский охранник заметил Зуева, без всякого предупреждения выстрелил в него и ранил мальчика в ногу. Когда Ленья свалился, финн выстрелил в него вторично. Израненный Зуев с трудом дополз до зоны лагеря^[159]. Свидетельница Лахина Е.В., содержащаяся в лагере №5, сообщила комиссии о жутких жилищно-бытовых условиях заключенных, находившихся в лагерях:

«В помещениях в 15—20 метров проживало от 6 до 7 семей. Бани и прачечной в лагере не было. Воду брали из канавы, в которой валялись человеческие трупы. Мыла совершенно не выдавали. Среди «пленных» наблюдалась массовая вшивость. Нечеловеческие условия жизни в лагере повлекли за собой развитие эпидемий — цинги, дизентерии, сыпного тифа».

В результате голода и массовых эпидемических заболеваний во всех концлагерях была исключительно высокая смертность: ежедневно умирали десятки людей, трупы которых свозились на кладбища по 2—3 раза в неделю. Вот что рассказали об этом очевидцы. Очевидец Коломенский Алексей Прокофьевич, находившийся в 5-м петрозаводском лагере с 1 декабря 1941 года по 28 июня 1944 года, сообщил:

«Работая возчиком, я вывозил из лагеря умерших на кладбище «Пески», расположенное в 5 километрах от города Петрозаводска. Умерших вывозили во вторник, четверг и субботу каждую неделю. По моим записям в мае 1942 года умерло 170 человек, в июне — 171, в июле — 164, в августе — 152. Всего с мая по 31 декабря 1942 года умерло в нашем лагере 1 014 человек. В начале 1942 года в этом лагере было около 7,5 тысячи человек, а к моменту освобождения нас Красной Армией оставалось четыре с половиной тысячи».

В Комиссию поступило письмо бывших заключенных в петрозаводских концлагерях, в котором они пишут:

«Почти 3 года мы были оцеплены двойной колючей проволокой, окружены тюремными вышками и охранялись вооруженным конвоем. Нас морили голодом, избивали нагайками за малейшую провинность. Особенно зверствовали в лагере №2 комендант лейтенант Салаваара, а также комендант лагеря Вилки Лакоонен... Для «правонарушителей», состоявших преимущественно из детей, молодежи и женщин, созданы были лагери специального назначения: в Кутижме, Вилге, Киндосове, по своим условиям не уступавшие средневековым казематам. Здесь советских людей морили голодом, выгоняли на лесные работы зимой в рваных резиновых галошах на босую ногу. Здесь население лагерей питалось мышами, лягушками, дохлыми собаками. Здесь умирали тысячи

пленных от кровавого поноса, тифозной горячки, от воспаления легких — без всякой врачебной помощи. Врач-зверь Колыхмайнен вместо лечения бил больных палками и кулаками, выгонял сыпнотифозных на мороз». Под этим письмом подписалось 146 советских граждан — бывших заключенных в петрозаводских концентрационных лагерях.

О нечеловеческой жестокости финских негодяев в отношении к советским мирным гражданам, заключенным в концентрационные лагеря, свидетельствует и такой далеко не единичный факт. В руки Комиссии попало письмо бывшего студента университета в Хельсинки рядового 7-го пограничного егерского батальона Салминена, который в этом письме писал буквально следующее: *«Вчера расстреляли двух русских, отказавшихся приветствовать нас. Уж мы покажем этим русским!»*.

В результате каторжного режима, болезней, пыток и расстрелов в петрозаводских лагерях истреблено свыше 7 000 советских граждан^[160].

Комиссия под председательством депутата Верховного Совета СССР Дильденкина, председателя Петрозаводского городского совета Степанова, профессора Петрозаводского университета Базанова, с участием судебно-медицинских экспертов — главного судебно-медицинского эксперта Карельского фронта, майора медицинской службы Петропавловского, главного патолога Карельского фронта, подполковника медицинской службы, доктора медицинских наук Ариэль и других, осмотрев петрозаводское кладбище «Пески», обнаружила 39 групповых могил и установила, что во всех этих могилах захоронено не менее 7 000 трупов. Судебно-медицинской экспертизой эксгумированных трупов установлено, что причиной смерти большинства погребенных являлось истощение. У части трупов имеются сквозные повреждения черепа огнестрельным оружием.

Финские палачи истязают и истребляют голодной смертью советских военнопленных

Фашистское командование в сентябре 1941 года организовало в городе Олонце Карело-Финской ССР пересыльный лагерь №17, в котором содержались бойцы и младшие командиры Красной Армии, попавшие в плен на Свирском участке фронта. Территория лагеря была обнесена двумя рядами колючей проволоки высотой до 2 метров. Все здания лагеря также были изолированы друг от друга колючей проволокой. Количество содержащихся в лагере военнопленных колебалось всё время от 600 до 1 000 человек одновременно. Комендант лагеря лейтенант Сойнинен Тойво в пьяном виде приходил в бараки и лично избивал военнопленных, а также приказывал избивать их своим подчинённым. Заместители коменданта Ингман и Салмело, следователь лагеря лейтенант Шепалис и военный чиновник Шмидт систематически, без всякого повода, жестоко избивали советских военнопленных палками и плетями.

Советских военнопленных, которые, по мнению финско-фашистских палачей, плохо работали, ставили с вытянутыми руками на высокий пень и заставляли стоять в таком положении от 30 минут до полутора часов. В зимнее время такие пытки над военнопленными приводили к обмороживанию конечностей и тяжёлым заболеваниям. Администрация и охрана лагеря не только пытали, истязали и морили голодом советских военнопленных, но и расстреливали их за малейшую «провинность». Бывший советский военнопленный Бедан Т. показал, что один из финских солдат-охранников очередь из ручного пулемёта застрелил военнопленного за то, что тот близко подошёл к проволочному ограждению. За это убийство комендант лагеря Алапиес присвоил убийце звание капрала. Летом 1943 года военнопленный Быков, как показал свидетель Феклистов М.Е., по дороге с работы стал собирать грибы и отстал от группы. Комендант Сойнинен и охранник Хервонен, встретив Быкова по дороге возвращавшимся в лагерь, застрелили его из пистолетов.

При занятии Олонцецкого района Красной Армией в госпитале Олонцецкого лагеря военнопленных была найдена регистрационная книга больных военнопленных, которая даёт яркую картину истребления финнами советских военнопленных. По записям книги значится, что только за первые 6 месяцев 1942 года из общего числа зарегистрированных 1 888 больных в госпитале умерло от общей слабости, истощения и отечности 588 человек. Трупы умерших и замученных военнопленных закапывались в общей траншее, вырытой специально для этого в 100 метрах от лагеря.

Судебно-медицинская экспертная комиссия произвела эксгумацию и исследование трупов, обнаруженных на кладбище возле Олонцецкого лагеря №17. При судебно-медицинском исследовании трупов установлено, что подкожная жировая клетчатка, а также клетчатка внутренних органов истощена или полностью отсутствует, что свидетельствует о резком истощении, развившемся вследствие длительного голодания. У части трупов обнаружены следы огнестрельных ранений головы и грудной клетки.

На основании исследований трупов, показаний свидетелей установлено, что финско-фашистские палачи морили голодом советских военнопленных, применяли к ним пытки и истязания, а также расстрелы.

Финско-фашистские палачи убивают раненых офицеров и бойцов Красной Армии

Финско-фашистские мерзавцы добивают попавших в плен раненых советских офицеров и бойцов. Ниже приводится часть имеющихся в распоряжении Чрезвычайной Государственной Комиссии документов и показаний свидетелей, доказывающих беспримерные факты злодеяний белофиннов над советскими бойцами и командирами Красной Армии:

«АКТ. Мы, нижеподписавшиеся, военврач 3-го ранга Голынский, военврач 3-го ранга Педарян, младший политрук Бестолов, старшина Бочкарев, санитар Жуков, красноармеец Босенко, военфельдшер Рябов, обследовав

трупы зверски замученных белофинскими бандитами бойцов Красной Армии, констатируем следующее:

1) На трупе краснофлотца Кулешева: обрезано правое ухо, в области лица следы ударов прикладом и ряд штыковых ран, правая нога вывернута в колене и тазобедренном суставе. 2) На трупе краснофлотца Зива: обожжены кожные покровы лица, усы и борода, в области правого глаза больших размеров кровоподтеки, на левом виске имеется ранение, нанесенное холодным оружием. 3) На трупе красноармейца Кривулина: в области правой сонной артерии рана холодным оружием — вскрыта сонная артерия, перелом ключицы, ряд ранений на правом плече, верхнее веко левого глаза вырезано, поврежден глаз. 4) На трупе красноармейца Баранова: в области грудной клетки свыше 6 штыковых ран, на обоих пятках крестообразные ранения, нанесенные холодным оружием».

28 июня 1944 года во время боя за деревню Пуско-Сельга финны прорвались к месту, где были сосредоточены более 70 раненых бойцов и офицеров Красной Армии. Фашистские изверги учинили чудовищную расправу над советскими ранеными, добывая их очередями из автоматов и ударами штыков, ножей и прикладов. От этой зверской расправы, притворившись мертвыми, случайно уцелели 3 человека: сержант Марков И.С. и бойцы Криворучко И.И. и Крючков В.В.

— *Когда перестрелка прекратилась, — рассказал сержант Марков, — финские солдаты и офицеры стали обшаривать наших убитых и раненых. В нескольких метрах от меня лежал раненый в ногу сержант Щучка. 4 финна подошли к нему, сорвали с гимнастерки гвардейский значок и расстреляли. Другая группа финнов исколола штыками и изрубила ножами раненого младшего лейтенанта Баранова. Кругом слышались стоны убиваемых. Некоторые раненые пытались спастись, отползая в сторону, но финские солдаты и офицеры настигали их и зверски расправлялись.*

11 и 12 июля 1944 года майор медицинской службы, профессор патологической анатомии, доктор медицинских наук М.Е. Браул произвел вскрытие трупов зверски замученных финнами офицеров и бойцов Красной Армии в районе озера Котоярви. В результате вскрытия трупов установлено, что раненые были убиты после боя финскими солдатами и офицерами, из них: одиночными выстрелами и автоматными очередями убито 34 человека, раздроблены кости черепа тяжелым тупым орудием у 1 человека, выстрелами, с одновременным раздроблением тупым орудием черепа, убито 6 человек.

Сознательное истребление раненых бойцов и командиров Красной Армии финскими воинскими частями подтверждается многочисленными показаниями финских военнопленных. Солдат Хейсканен Юхо из 3-й пехотной бригады показал:

«В Петрозаводске навстречу нам шли пленные красноармейцы. Их гнали ударами прикладов. Я видел раненого красноармейца. Один из наших солдат взял автомат и застрелил его на месте».

Солдат финской армии Вийне Неваранта из 21 отдельного батальона сообщил:

«Наш батальон повел наступление севернее Медвежьегорск. Во время этого боя попало к нам в плен около 100 красноармейцев. Их повели в тыл. Лейтенант Ниemi оставил раненых красноармейцев при себе, заявив, что их привезут после на подводах. Когда остальные пленные достаточно удалились от этого места, Ниemi стал из револьвера пристреливать раненых красноармейцев. Лично он застрелил 8 человек, остальных велел прикончить одному из автоматчиков. Очевидцами этого были все солдаты нашего взвода».

Аналогичные показания дал комиссии связной начальника тыла 27 пехотного полка 18 дивизии солдат Ниemi Леопольд:

«Я знаю много случаев, когда финские солдаты и офицеры расстреливали русских военнопленных. В марте 1942 года при занятии острова Гогланд нами было захвачено в плен более 30 русских моряков. Я видел, как солдаты нашего 1 батальона расстреляли около дороги 3-х из них, а после допроса были расстреляны и остальные. Офицеры говорили, что русские матросы — это самые злые большевики и их нельзя оставлять в живых. Операцией по захвату острова руководил генерал-майор Пояри».

Секретной инструкцией штаба 7-й финской пехотной дивизии за №511 частям финской армии предписано самое откровенное мародерство:

«При всех обстоятельствах, как только позволяет обстановка, надо снимать с убитых солдат противника всё обмундирование и снаряжение. В случае надобности к этой работе можно привлекать военнопленных. (Основание: телеграфное распоряжение штаба финской карельской армии)».

Захваченный в плен Красной Армией бывший заместитель начальника Олонцкого лагеря военнопленных №17 Пелконен на допросе показал:

«Я полностью разделял проводимую финнами фашистскую пропаганду. В лице русской национальности я видел истинных врагов моей страны. С таким мнением я пошел воевать против русских. В лагере для советских военнопленных №17 администрация лагеря, в частности мой начальник лейтенант Сойнинен говорил, что русские, даже находясь в плену, продолжают оставаться для финнов врагами и не поддаются воспитанию, а способны соблюдать лагерный режим только после физических мер воздействия. На основании этого я считал советских военнопленных за ничтожество, ощущал свое превосходство над ними и, пользуясь их беспомощностью, при всяком удобном случае вымещал на них злобу»...

Финских палачей к суровому ответу!

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что виновными за все злодеяния, совершенные финско-фашистскими захватчиками на территории Карело-Финской ССР, являются, наряду с финским правитель-

ством и командованием армии, следующие лица: начальник Управления Восточной Карелией подполковник Котляйнен, начальник штаба Управления Восточной Карелией генерал-майор Арраури, командир 8-й дивизии финской армии генерал-майор Полоярви, командир 4-го финского пехотного полка 8 дивизии полковник Вистора, генерал-майор Пояри, полковник Рольф Шильд, военный комендант города Петрозаводска капитан Лаурикайнен, заместитель коменданта лейтенант Эломоа, коменданты концентрационных лагерей города Петрозаводска: Вилки Лакоонен, лейтенант Салаваара, майор Куурема, лейтенант Калдио, лейтенант Толонен Пентти, лейтенант Нуотто Юсси, Эррикайнен, Кангас, заместители комендантов лагерей: Ингман, Айрола и Сепеля, начальник канцелярии лагеря Сарайоки, коменданты Олонцекого лагеря №17 лейтенант Алапиес, лейтенант Сойнинен Тойво, заместители коменданта лагеря Салмело, Пелконен, следователи: лейтенант Шепалис, военный чиновник Шмидт, переводчики Карпелайнен и Пистилляйнен, начальник Киндосовской тюрьмы капитан Тойвонен, его помощники Ковала и Сихвонен, комендант Киндосовского лагеря сержант Вихула, заместитель коменданта лагеря №2 сержант Линдхольм Вейкко, сержанты: Аллагонен Пентти, Сивонен Эмиль, Юллилуомма Мати, Вуори Арво, Касимьяки Тюкио, Ламбер Вейкко, охранник Хервонен, капрал Инкель Койвосала, охранник Юллиманола Эдверд, лейтенант Ниemi.

Все они должны предстать перед судом советского народа и понести суровую кару за совершенные злодеяния.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОРОДЕ МИНСК^[161]

Ворвавшись в Минск — столицу Белорусской Советской Социалистической Республики, немецко-фашистские захватчики пытались уничтожить культуру белорусского народа и превратить белоруссов в послушных немецких рабов. По прямым директивам германского правительства гитлеровские военные власти беспощадно уничтожали научные исследовательские институты и школы, театры и клубы, больницы и поликлиники, детские сады и детские ясли; тысячами истребляли мирных советских людей — женщин, детей, стариков, а также военнопленных.

Преступления немецко-фашистских оккупантов в Минске расследовала специальная комиссия в составе: Председателя Совнаркома БССР Пономаренко П.К., генерал-майора Героя Советского Союза Козлова В.И., академика Якуба Колас, члена Президиума Всеславянского Комитета Горбунова Т.С., кандидата медицинских наук Стельмашонок И.М., белорусского писателя Лынькова М.Т. с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Табелева В.Ф.

Специальная Комиссия обследовала концентрационные немецкие лагеря, опросила свыше 120 пострадавших и свидетелей зверств гитлеровцев, а также пленных немецких офицеров и солдат, бывших очевидцами или участниками преступлений.

На основании документальных материалов, представленных специальной комиссией, и личного расследования, произведенного членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Бурденко Н.П., Чрезвычайная Государственная Комиссия установила:

Гитлеровские палачи истязали и уничтожали мирных граждан

Немецко-фашистские захватчики ввели в Минске режим кровавого террора и насилия. Это подтверждают в своих показаниях не только советские люди, содержавшиеся в тюрьмах и лагерях, но и пленные немцы. Вот что рассказал председатель военного трибунала 267 немецкой стрелковой дивизии капитан Райхоф Юлиус:

«17 июня 1941 года Гитлером был издан приказ, в котором говорилось, что немецкие солдаты имеют право грабить советское население и истреблять его. За действия, чинимые немецкими солдатами над советскими гражданами, солдат не разрешалось по приказу Гитлера предавать суду военного трибунала. Солдата мог наказать только командир его части, если он сочтет это необходимым. По тому же приказу Гитлера офицер немецкой армии имел более широкие права... Он мог истреблять русское население по своему усмотрению... Командиру было предоставлено полное право применять к мирному населению карательные меры борьбы, как-то: полностью сжигать деревни и города, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию. Приказ Гитлера был доведен до сведения рядового состава немецкой армии за день до нападения Германии на Советский Союз... В соответствии с приказом Гитлера, немецкие солдаты, руководимые офицерами... учиняли различного рода зверства».

Выполняя этот приказ Гитлера^[162], фашистские мерзавцы истязали, грабили и убивали всех тех, кто им попался под руку. В Минске и его окрестностях они создали для истребления советских людей целую систему концентрационных лагерей^[163].

От рук немецких палачей погибли тысячи советских граждан в концентрационных лагерях. Редко кому удавалось выбраться живым из минского лагеря, находившегося на Широкой улице^[164].

— *За время моего пребывания в лагере на Широкой улице с 21 августа 1943 года по 30 июня 1944 года, — сообщил комиссии Мойсевич Л.А., — немецкие палачи уничтожили около 10 тысяч советских людей. Они убивали стариков, женщин, подростков, не щадили беременных женщин и женщин-матерей с новорожденными. Я был очевидцем того, как немцы уничтожали людей в «душегубках». В каждую «душегубку» они насильно*

сталкивали от 70 до 80 человек и увозили в неизвестном направлении. Я видел, как в «душегубку» были посажены содержащиеся в лагере жители города Минск профессора Елумов и Анисимов.

Показания Мойсевича подтвердил также другой свидетель, содержащийся в лагере на Широкой улице, Беляев Г.И.

«Мне известно, сообщил он, что много людей было уничтожено в специальной автомашине — «душегубке». Я неоднократно присутствовал во время промывки такой машины и видел, что кузов ее обит оцинкованным железом, двери закрываются плотно, от выхлопной трубы мотора в вузов проведена труба, через которую поступают отработанные газы, на полу положена деревянная решетка. 3—4 раза в день в «душегубке» увозили заключенных из лагеря. С 17 по 26 февраля 1943 года гитлеровцы вывезли в «душегубке» 3 000 советских граждан, доставленных из города Полоцк. Мне известно также, что немецкие палачи — комендант лагеря Вакс и его помощники вешали и расстреливали людей в самом лагере».

Для массового истребления людей гитлеровские изверги использовали также обычные бани, в которые загоняли советских людей и отравляли окисью углерода. В сентябре 1941 года таким способом они уничтожили 200 больных, находившихся в загородной больнице Новинки. Служащие этой больницы Колоницкая Е.К. и Науменко В.И. сообщили комиссии:

«Фашисты загоняли больных в баню, запирали их там, а затем через специальные отверстия в двери, по шлангам, соединенным с автомашинами, пускали газы. Через несколько минут они вытаскивали оттуда умерших и загоняли новую партию больных».

В специальном лагере-гетто, находившемся в западной части города Минск, немцы содержали до 100 тысяч евреев^[165]. Свидетели Бруднер М.И., Божко Ф.Ф., Нестерович Р.А., Ермоленко В.Ф., Чертова Р.А. и другие сообщали, что комендант лагеря Риддер и его помощники Готтенбах и Бенцке глумились над заключенными, пытали и убивали их без всякого повода. Заключенных травили собаками, кололи штыками и кинжалами, расстреливали, бросали живыми в огонь^[166]. Помощник начальника лагеря-гетто Готтенбах под музыку провозглашал тосты за уничтожение евреев, заставлял обреченных петь песни, плясать и сам лично расстреливал заключенных.

Лагерь немецкой тайной полиции в Малом Тростинце

В 10 километрах от Минска, у деревни Малый Тростинец, немецко-фашистские захватчики организовали концентрационный лагерь немецкой тайной полиции, в котором содержались обреченные на смерть мирные граждане^[167]. В урочище Благовщина, расположенном в 1,5 километрах от лагеря, они расстреливали заключенных в лагере и трупы закапывали в траншеях. Осенью 1943 года, с тем, чтобы скрыть следы своих преступлений, немцы приступили к раскопке ям-могил, извлекли из них трупы расстрелянных и стали сжигать их^[168]. Житель деревни Тростинец Головач П.Н. видел, что:

«В лесу Благовщина немецкие палачи убивали мужчин, женщин, стариков и детей; видел, как трупы убитых они складывали в заранее подготовленные траншеи... утрамбовывали их гусеничным трактором, затем снова клали слой убитых и опять утрамбовывали. Осенью 1943 года немцы раскопали траншеи в Благовщине и стали сжигать выкопанные трупы. На подвозку дров для сжигания трупов они мобилизовали все подводы из окрестных деревень».

Для уничтожения трупов замученных советских людей оккупанты осенью 1943 года построили специальную кремационную печь в урочище Шашковка в полукилометре от концентрационного лагеря Малый Тростинец. Работавшие при концентрационном лагере Коваленко К.Е. и Карета А.С. сообщили, что в этой печи сжигались трупы расстрелянных и умерщвленных в «душегубках». Ежедневно сюда прибывало 3—5 автомашин, набитых людьми.

— Я ежедневно видел, — говорит житель деревни Малый Тростинец Башко В.А., — как немецкие бандиты, во главе с комендантом лагеря гетто палачом Риддер, убивали мирных граждан в лесу Шашковка и трупы убитых сжигали в печи. Недалеко от этой печи я пас скот и часто слышал плач и мольбу людей о пощаде. Я слышал автоматные очереди, после которых прекращались вопли несчастных.

Следственная комиссия подробно ознакомилась с кремационной печью. В момент осмотра печи в ней обнаружены рельсы, на рельсах — листы железа с отверстиями и масса мелких перегоревших человеческих костей. К печи устроен специальный спуск для автомашин. У входа в печь обнаружены бочка и черпак с остатками смолы. Тут же разбросаны вещи расстрелянных: обувь, одежда, женские кофточки, головные уборы, детские носки, пуговицы, гребенки, перочинные ножи. Судя по огромному количеству стрелянных гильз и остаткам взорванных гранат, немцы расстреливали обреченных у входа в печь и в самой печи. Трупы поливались смолой и перекладывались дровами. Для повышения температуры в печь закладывались зажигательные бомбы.

В связи с быстрым продвижением на запад Красной Армии в конце июня 1944 года гитлеровские палачи придумали новый способ массового истребления советских мирных жителей. 29—30 июня они стали вывозить заключенных из концентрационных лагерей, а также трупы расстрелянных в деревню Малый Тростинец. Трупы складывали штабелем в сарае, там же немцы расстреливали советских людей и сарай поджигали.

Спасаясь от смерти Савинская С.И. показала следственной комиссии:

«Проживая на оккупированной территории в городе Минск, я 29 февраля 1944 года вместе с мужем, Савинским Яковом Владиславовичем, была арестована немецко-фашистскими захватчиками и посажена в минскую тюрьму за связь с партизанами. После длительных и мучительных пыток, когда мы не признались в своих связях с партизанами, нас с мужем, в середине мая, перевели в концлагерь «СС», расположенный по Широкой ули-

це, где мы содержались до 30 июня 1944 года. В этот день вместе с другими женщинами в количестве 50 человек меня погрузили в автомашину и повезли в неизвестном направлении. Отъехав примерно 10 километров от города Минск, возле деревни Малый Тростинец, автомашина остановилась у одного из сараев. Здесь мы все поняли, что нас привезли на расстрел... По команде немецких палачей заключенные женщины по четыре выходили из машины. Вскоре очередь дошла и до меня. Я, совместно с Голубович Анной, Семашко Юлей и еще одной женщиной, фамилии которой не знаю, влезла на верх уложенных трупов. Послышались выстрелы, я была легко ранена в голову и упала. Будучи раненой, я продолжала лежать среди трупов до позднего вечера. Потом я стала выбираться из сарая, увидела раненых двух мужчин и мы все трое решили бежать. Заметив это, немецкий конвой открыл стрельбу, мужчины были убиты, а мне удалось скрыться в болоте. Там я пробыла 15 дней, не зная, что Минск уже освобожден Красной Армией».

При осмотре сарая в деревне Малый Тростинец, сожженного немцами, следственная комиссия обнаружила огромное количество пепла, костей, а также частично сохранившиеся трупы. Рядом на штабеле бревен находилось 127 не полностью обгоревших трупов мужчин, женщин и детей. Вблизи пожарища найдены вещи личного пользования.

Судебно-медицинской экспертизой обнаружены на трупах огнестрельные ранения в области головы и шеи. В сарае и на штабелях бревен немцы расстреляли и сожгли 6,5 тысяч человек.

Гитлеровские убийцы пытались скрыть следы своих преступлений

В 5 километрах от города, у железной дороги Минск—Молодечно, вблизи деревни Глинище следственная комиссия обнаружила 197 могил расстрелянных немцами советских людей. Трупы в могилах свалены в беспорядке, без верхней одежды, голые или в нижнем белье. Здесь были похоронены советские военнопленные, содержащиеся в лагере «Шталаг №352»^[169], истребленные охраной лагеря, во главе с немецким комендантом, капитаном Липп.

Судебно-медицинской экспертизой установлено наличие на некоторых трупах повреждений черепа и головного мозга, нанесенных тупым твердым предметом со значительной силой. В двух случаях обнаружено размятие грудной клетки с обширными прижизненными повреждениями позвонков и множественными переломами ребер. На кладбище вблизи деревни Глинище похоронено около 80 тысяч советских военнопленных^[170].

В урочище Благовщина обнаружены 34 ямы-могилы, замаскированные хвойными ветвями. Некоторые могилы достигают в длину 50 метров. При частичном вскрытии пяти могил, в них, на глубине 3 метров, найдены обуглившиеся трупы и слой пепла толщиной от половины до одного метра. Вблизи ям комиссия нашла множество мелких человеческих костей, волосы, зубные протезы и массу всевозможных мелких вещей личного обихода. Следствием установлено, что здесь фашисты истребили до 150 тысяч человек.

В 450 метрах от бывшего хутора Петрашкевичи^[171] обнаружены 8 ям-могил, размерами 21 метр в длину, 4 метра в ширину и 5 метров в глубину. Перед каждой ямой-могилой имеются огромные залежи пепла, оставшегося от сжигания трупов. Среди пепла найдены остатки обгоревших и обуглившихся костей, пучки волос, мелкие металлические вещи, обгоревшая женская и детская обувь. Следствием установлено, что на бывшем хуторе Петрашкевичи немцы сожгли до 25 тысяч расстрелянных мирных жителей города Минск.

На 9-м километре по автомагистрали Минск—Москва в урочище Уручье обнаружены 10 ям-могил. Из них: 8 могил — размером 21 на 5 метров, одна — 35 на 6 метров и другая — 20 на 6 метров, все ямы глубиной от 3 до 5 метров. В могилах комиссией обнаружены три продольных ряда трупов, в семь слоев каждый.

Все трупы лежали вниз лицом, многие одеты в красноармейскую форму частей танковых войск. В карманах одежды некоторых трупов найдены документы, часы, советские деньги и различные предметы личного пользования. Преобладающий возраст погибших от 20 до 30 лет. В могилах обнаружено также несколько трупов женщин в гражданской одежде. У могил и в могилах найдено большое количество стрелянных немецких гильз.

При судебно-медицинском исследовании 120 эксгумированных в выборочном порядке трупов установлено, что причиной смерти советских людей почти во всех случаях были сквозные огнестрельные, пулевые ранения головы, сопровождавшиеся значительными разрушениями костей свода и основания черепа. Всё это указывает на расстрелы военнопленных из винтовок или карабинов на близком расстоянии, в упор. Общее количество расстрелянных и похороненных на территории в урочище Уручье, по свидетельским показаниям и данным экспертизы, превышает 30 тысяч человек.

Северо-восточнее концентрационного лагеря, находившегося на территории поселка Дрозды^[172], обнаружена траншея-канавы 400 метров в длину, 2,5 метра в ширину и 2,5 метра в глубину. При раскопках в нескольких местах траншеи на глубине 0,5 метра найдены остатки трупов (черепа, кости) и ислетившая одежда. Следствием установлено, что в этой траншее-канаве похоронены около 10 000 расстрелянных немцами советских граждан.

Массовые могилы замученных немцами советских людей обнаружены также на Минском еврейском кладбище, в Тучинке, на Кальварийском кладбище, в парке культуры и отдыха и других местах.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: члена Чрезвычайной Государственной Комиссии академика Бурденко Н.Н., доктора медицинских наук, профессора Смольянинова В.М., доктора медицинских наук, профессора судебной медицины Червакова В.Ф. установила, что немецко-фашистские мерзавцы истребляли мирных жителей и советских военнопленных голодом, непосильным трудом, отравляли окисью углерода и расстреливали.

Следствием установлено, что в Минске и его окрестностях гитлеровцы истребили около 300 тысяч советских

граждан, не считая сожженных в кремационной печи.

Разрушение города Минск

В течение трех лет немецко-фашистские захватчики планомерно разрушали в Минске научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, библиотеки, музеи, учреждения Академии Наук, театры и клубы.

Более двадцати лет создавалась в Минске библиотека имени В.И. Ленина. В 1932 году было закончено постройкой специальное здание с большим оборудованным книгохранилищем. Немцы вывезли из библиотеки в Берлин и Кенигсберг 1,5 миллиона ценнейших книг по истории Белоруссии, в том числе собрание старопечатных изданий Георгия Скорины, первое издание Литовского статута, коллекции рукописей Янки Купалы, Максима Богдановича, Змитрака Бядули.

Немецко-фашистские захватчики, пытаясь искоренить культуру белорусского народа, разрушали в Минске все культурно-просветительные учреждения. Представители немецкого генерального комиссариата: шеф по так называемым культурным делам доктор Сивица, доктор Рахель, доктор Мюллер, доктор Кох, доктор Мах вывезли в Германию библиотеки Академии Наук с фондом в 300 тысяч томов, Государственного университета, политехнического института, научную медицинскую библиотеку, городскую Публичную библиотеку имени А.С. Пушкина.

Гитлеровцы разрушили Белорусский Государственный университет вместе с зоологическим, геолого-минералогическим и историко-археологическим музеями, разрушили медицинский институт со всеми его клиниками; разгромили Академию Наук с 9 институтами, зоологическим и геологическим музеями, ботаническим садом; уничтожили Минский политехнический институт, в котором обучалось до 9 тысяч студентов; разрушили Государственные филармонию и консерваторию.

Они уничтожили Государственную картинную галерею, а картины и скульптуру русских и белорусских мастеров: Репина, Айвазовского, Перова, Боголюбова, Козловского, Бразера, Асгура, Керзина вывезли в Германию; разграбили Государственный белорусский театр оперы и балета, 1-й белорусский драматический театр, Дом народного творчества, дома союзов писателей, художников и композиторов. Из оперного театра немцы вывезли в Германию театральные декорации, мебель, люстры, зеркала, картины, ковры, ткани.

Фашисты уничтожили в Минске 47 школ, 24 детских сада, дворец пионеров, 2 родильных дома, 3 детских больницы, 5 городских поликлиник, 27 детских ясель, 4 детских консультации, превратили в руины институт охраны материнства и младенчества.

Немецко-фашистские захватчики сожгли и взорвали в Минске 23 крупнейших предприятия: вагоноремонтный завод, станкостроительный завод, стекольный завод «Пролетарий», два кирпичных завода, весовой завод «Ударник»; уничтожили 11 хлебозаводов, кондитерскую бисквитную и трикотажную фабрики, мясокомбинат, швейные фабрики «Октябрь» и имени Крупской; разрушили в городе 4 гостиницы; привели в негодность водопровод, канализацию, телефонно-телеграфную сеть^[173].

Немецкие генеральные комиссары Кубе и Беккер разместили на предприятиях города Минск немецкие фирмы: «Борман», «Шорова-Верк», «Требец», «Шлахтхоф», «Троль». Они вывезли в Германию оборудование всех предприятий и подвесную контактную сеть городского трамвая; заставляли советских граждан работать на немецких захватчиков, морили их голодом, истязали, принуждали выполнять непосильные работы^[174]. Технический руководитель мастерской по производству военных повозок фирмы «Требец» Райтцук Феликс, уроженец города Алленштайн Восточной Пруссии, допрошенный следственной комиссией, показал:

«Я, как представитель фирмы «Требец» в Минске, утверждаю, что советских граждан... оккупационные власти направляли работать в принудительном порядке... Представители фирм жестоко эксплуатировали советских граждан, заставляли даже стариков работать по 10—12 часов в сутки за малую плату, били и плохо кормили. Хозяин фирмы — Борман лично избивал советских людей, работавших у него. Рабочих кормил очень плохо и только один раз в сутки. Обед состоял из 80 граммов хлеба и жидкого картофельного супа. Ужинов и завтраков не было. На заработанные деньги, говорит он, рабочие покупать ничего не могли, а поэтому жили, как и рабочие других фирм, впроголодь, ходили оборванными».

Ввиду неоспоримых улик и доказательств Райтцук вынужден был признать себя перед следственной комиссией виновным в указанных выше преступлениях.

К ответу фашистских мерзавцев!

За все злодеяния, совершенные немецкими захватчиками в городе Минск, за разрушение культурных и материальных ценностей, истязания и убийство мирных граждан и военнопленных несут ответственность гитлеровское правительство, верховное военное командование, а также следующие организаторы и непосредственные исполнители злодеяний: комендант города Минск генерал-лейтенант Шперлинг, начальники СД (тайной полевой полиции) Шлегель и Штраух; заместитель начальника СД Кайзер, начальник войск СС Готберг, генеральные комиссары Белоруссии Кубе и Беккер; командир 18 моторизованной дивизии генерал-лейтенант Путаверн; командир 25 моторизованной дивизии генерал-лейтенант Ширман, командир 31 пехотной дивизии генерал-лейтенант Окснер, командир 78 пехотной дивизии генерал-лейтенант Траут, командир 256 пехотной дивизии генерал-лейтенант Вюстенгаген, командир 260 пехотной дивизии генерал-майор Кляммт, командиры 5 танковой дивизии генерал-майор Деккер и генерал-майор Хаузен, командир 20 танковой дивизии генерал-майор Кассель Пауль,

командир 2-го велополка подполковник Шмаль; председатель военного трибунала 267 немецкой стрелковой дивизии капитан Райхоф Юлиус, комендант «Шталаг №352» капитан Липп, комендант лагеря-гетто Риддер, помощники коменданта лагеря Готтенбах, Рихтер, Бенцке; комендант лагеря Вакс, представители генерального комиссариата: шеф по культурным делам доктор Сивица, доктор Рахель, доктор Кох, доктор Мюллер, доктор Мах; предприниматели фирм «Вормап», «Требец», «Шорова-Верк», «Шлахтхоф», «Троль» и технический руководитель фирмы «Требец» в Минске Райтцук Феликс.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ЭСТОНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ^[175]

С первых дней оккупации Эстонской Советской Социалистической Республики немцы и их сообщники упразднили государственную самостоятельность эстонского народа, начали вводить «новый порядок», искоренять культуру, искусство и науку, истреблять и угонять на каторжный труд в Германию мирное население, опустошать и грабить города, деревни и хутора.

Специальная комиссия в составе: Н.Г. Каротамм, Председателя Совнаркома Эстонской ССР А.Т. Веймер, профессора Х.Х. Круус, прокурора Эстонской ССР К.М. Паас, депутата Верховного Совета Эстонской ССР А.В. Иоэр, генерал-лейтенанта Д.И. Холостом, представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Б.Т. Готцева, при участии экспертов генерал-майора юстиции Ф.Л. Петровского и государственного советника юстиции Э.Я. Удрас, расследовала злодеяния немецко-фашистских захватчиков. Комиссия осмотрела разрушения, произведенные гитлеровцами, изучила обнаруженные в Таллине и других городах документы оккупационных властей и командования немецкой армии.

На основании расследования, произведенного специальной комиссией, заключения судебно-медицинской экспертизы, а также заключения экспертов по промышленности, сельскому и коммунальному хозяйству, по историческим и художественным ценностям, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила:

Гитлеровцы пытались превратить Советскую Эстонию в немецкую колонию

Оккупировав Эстонию, немцы полностью ликвидировали ее самостоятельность и независимость, лишили эстонский народ всех политических, и экономических прав.

17 июля 1941 года Гитлер своим декретом передал *законодательную власть* на территории Эстонии рейхсминистру Розенбергу. Последний в свою очередь передоверил законодательную власть окружным немецким комиссарам.

В Эстонии был введен произвол, стал свирепствовать террор над мирным населением. Рейхсминистр Розенберг, рейхскомиссар Прибалтики Лозе и генеральный комиссар Эстонии Лириан полностью лишили эстонский народ каких бы то ни было политических прав. На основании декрета Гитлера от 17 июля 1941 года, рейхсминистр Розенберг издал 17 февраля 1942 года закон, специально для лиц, не принадлежащих к немецкой национальности, и установил для них смертную казнь за малейшие выступления против германизации и за всякие насильственные действия против лиц немецкой национальности.

Для рабочих и служащих эстонцев оккупанты ввели телесное наказание. 20 февраля 1942 года чиновник Управления железных дорог в Риге Валк направил в управление железных дорог Эстонии телеграмму следующего содержания:

«Каждое нарушение служебной дисциплины со стороны служащего, принадлежащего к *местной национальности*, в особенности неявка на работу, опоздание на службу, появление на службу в пьяном виде, невыполнение служебного приказа и т.д., отныне должно караться со всей строгостью:

- а) в первый раз 15 ударами палкой по обнаженному телу,
- б) в повторных случаях 20 ударами палкой по обнаженному телу».

12 января 1942 года рейхсминистр Розенберг создал «чрезвычайные суды», которые состояли из председателя — полицейского офицера и двух подведомственных ему полицейских. Процессуальные порядки определял суд по своему усмотрению. «Суды» эти всегда выносили смертные приговоры и конфисковывали имущество. Другого наказания «суды» не определяли. Обжалование приговоров не допускалось. Кроме «судов», созданных Розенбергом, смертные приговоры выносила немецкая политическая полиция и в тот же день приводила их в исполнение.

Для рассмотрения гражданских и уголовных дел генеральный комиссар Лицман ввел местные суды. Судей, прокуроров, следователей, тюремщиков, нотариусов и адвокатов, всех без исключения, утверждал лично сам Лицман.

Постановлением рейхскомиссара Лозе от 18 августа 1941 года государственным языком в Эстонии был установлен немецкий.

Чтобы добиться более эффективной эксплуатации и закабаления эстонского народа, оккупанты создали так называемое «Эстонское самоуправление» во главе с изменником родины Мяз. 22 декабря 1942 года генеральный комиссар Лицман разрешил главному директору «Эстонского самоуправления» Мяз издавать постановления и инструкции к ним. Но это было уловкой, нужной фашистам для обмана народа, фактически же все постановле-

ния исходили, от немецких властей Берлина, Риги и Таллина. Даже самые незначительные постановления главного директора так называемого «Эстонского самоуправления» Мяз должны были согласовываться с соответствующими немецкими органами. Это «самоуправление» являлось по существу подразделом немецкого генерального комиссариата и «директоры» «самоуправления» фактически являлись немецкими чиновниками.

В секретном годовом отчете немецкой политической полиции и СД Эстонии за время с июля 1941 года по 30 июня 1942 года подробно описывается, как «Эстонское самоуправление» было в личном, административном и экономическом отношении подчинено немецкому генеральному комиссариату Эстонии.

О взаимоотношениях немецкого генерального комиссара Эстонии Лицмана и директора «Эстонского самоуправления» Мяз в этом секретном отчете в разделе: «Политическое бесправие», говорится дословно следующее:

«Отношения между Лицманом и Мяз характеризуются безусловным внешним и внутренним авторитетом Лицмана, его взглядов и решений, безусловным внешним и внутренним подчинением Мяз».

В другом разделе отчета: «Принципиальные вопросы, политики на Востоке», личное подчинение Мяз генеральному комиссару Лицману разъясняется как необходимость закабаления эстонского народа. Там говорится, что в Прибалтийских государствах немцы должны стараться *завоевать симпатии народов*. Поэтому нужно было создать видимость того, будто немцы лишь руководят, а эстонцы через «местное самоуправление» управляют страной.

«Эстонцы не желают, чтобы их эксплуатировали немцы, но они согласны эксплуатировать сами себя под их собственным режимом».

Фашистский генеральный комиссар Лицман создавал видимость самостоятельности эстонского народа и его государства, на деле в своих выступлениях открыто говорил, что «Самостоятельное эстонское государство» никогда больше не будет существовать.

Немецкое правительство, оккупировав Эстонию, Латвию и Литву, пыталось поработить народы советских социалистических республик и утвердить свое господство в Балтийском море.

В приказе от 15 августа 1944 года командир 2-го немецкого армейского корпуса генерал-лейтенант Гассе писал:

«Прибалтийский плацдарм, находящийся непосредственно у ворот нашей родины, представляет собой связующее звено с Финляндией и образует фундамент, на котором зиждется оборона северного фланга Европы. Он является залогом германского господства в Балтийском море».

Немецкие оккупанты уничтожали культуру и исторические памятники эстонского народа

Превратив Эстонию в колонию Германии, фашистские поработители не могли оставить эстонскому народу его культуру.

В первую очередь оккупанты приступили к чистке библиотек. Секретным циркуляром «директора просвещения» от 9 декабря 1941 года приказано было изъять из библиотек: все советские произведения за время с 1917 по 1941 год, эстонскую литературу за 1940 и 1941 года. Кроме того, изымались все без исключения литературные произведения следующих поэтов и писателей: Алле, Антсон, Барбарус, Хийр, Хинт, Якобсон, Юрна, Киппель, Кярнер, Рауд, Семпер, Таммлаан.

На площадях эстонских городов запыхали костры, превращая в пепел сокровища эстонского национального творчества и лучшие произведения литературы народов Европы. Писателям и поэтам, оказавшимся в фашистской неволе, не разрешали печатать свои произведения. Многих из них: Таммлаан, Сирге, Сютисте, Паульсон, Антсон, Саар, Кангро-Пооль, Адамс, Руммо и Р. Тийтус фашисты заключили в концлагери. Зверски замучены в тюрьме талантливый новеллист Иоган Рувен и молодой писатель Отт Кыдали.

Такая же судьба постигла талантливых художников, не пожелавших работать на немцев. Сидели в тюрьмах: Гори, Куммите, Ныммик, убиты фашистскими палачами Юхани, Лийманд, Лайго.

В Эстонии почти не осталось картин и скульптур национальных художников и скульпторов. Немцы вывезли в Германию более 10 000 произведений искусств. Они сожгли национальный музей Эстонии, находившийся в имении Раади около Тарту.

В театре «Эстония» немцы разрешали ставить оперы и оперетты лишь на немецком языке.

В концентрационных лагерях и тюрьмах были заключены артисты Мюрк, Сахк, Рейнинг, Тюрк Э. и Тюрк М., Хелль и другие; не перенесли лишения и умерли Трильярв, Сяллик, Сави, дирижер-композитор Куль, режиссер П. Сепп; умерщвлены: Аумере, Парис с женой; покончили самоубийством артист и драматург Муржак, Закк.

Перед отступлением немцы подожгли театры в городах Тарту («Ванемуйне»), Нарва («Выйтлея»), Вильянди («Угала»), Пярну («Эндла»). Они разрушили исторические памятники архитектуры Эстонии: центральную часть города Нарвы с домами кладки XVII века, красивейший ансамбль ратушной площади с историческими зданиями и двумя церквями, нарвский дом Петра Великого; немцы подорвали две исторические крепости в Нарве — Шведскую крепость и «Ивангород»; в Тарту разрушили башню Св. Иоанна, построенную в XIV веке; в Пярну — выдающийся исторический памятник XIV века Николаевскую церковь.

Гитлеровцы разграбили и частично разрушили Тартуский Университет, имеющий более чем 300-летнее славное прошлое и являющийся старейшим высшим учебным заведением. Они расстреляли лучших представителей профессорско-преподавательского состава, среди них профессора А. Климан и П. Рубель.

Гитлеровцами разрушены в Эстонии промышленные предприятия

В последний довоенный год в Эстонии бурно развивалась промышленность. Громадное народно-хозяйственное значение имела сланцевая промышленность. Добыча сланца в 1941 году по плану должна была достигнуть нескольких млн. тонн. Сланцевая промышленность являлась базой для развивающейся химической промышленности Эстонии.

Немецкие варвары почти полностью уничтожили предприятия сланцевой промышленности. Так, на перегонном заводе в Силламяэ немцы сняли всё оборудование, а здание большей частью разрушили. Полностью разрушены завод в Кохтла, завод Кивизэли.

Гитлеровцы разрушили предприятия металлообрабатывающей промышленности: в Тарту — машиностроительный и металлообрабатывающий заводы, в Нарве — литейный завод, в Пярну — моторостроительный завод «Эсти Мотор».

В Таллине на крупном машиностроительном заводе «Ильмарине» гитлеровцы разрушили сталелитейный цех. В Тарту они разграбили оборудование телефонной фабрики, а здания ее разрушили.

Из крупных предприятий промышленности стройматериалов серьезные повреждения гитлеровцы причинили цементному заводу «Пунане Кунда». На кирпичном заводе «Пунане Киви» в уезде Вирума они полностью разрушили оборудование и большую часть зданий, разрушили также завод высококачественных термоизоляционных материалов «Эсти Диатомит».

На фанерно-мебельном комбинате в Таллине гитлеровцы полностью разрушили: фанерный, сушильный, пластинный, столярный, красильный цехи и лесопилку, а запасы сырья, полуфабрикатов и готовую продукцию сожгли. Они полностью разрушили бумажную фабрику в городе Тюри.

Фашисты превратили в развалины хлопчатобумажную Нарвскую фабрику «Кренгольмская Мануфактура». Это был гигант текстильной промышленности, еще до первой мировой войны он имел около полумиллиона веретен. Немцы полностью разрушили другие текстильные предприятия Нарвы: льняную, суконную и шелкоткацкую фабрики.

Из предприятий пищевой промышленности фашисты полностью уничтожили в Таллине крупный зернокомбинат «Пыхья Вески» и конфетную фабрику «Квалитет».

Разрушение коммунального хозяйства городов

Немецко-фашистские захватчики в городах Эстонии сожгли и разрушили 9 200 домов. Особенно большие разрушения были произведены в Нарве по приказу командира 4 танково-гренадерской бригады «Нидерланд» генерал-лейтенанта Вагнер. Из 3 500 домов в Нарве осталось только 114 и те требуют значительного ремонта. В Тарту из 5 083 домов разрушено 2 432 дома. В Таллине немцы разрушили 1 885 домов.

Немецко-фашистские захватчики намеревались превратить столицу Эстонии в груды развалин. После освобождения Таллина было обнаружено 75 заминированных мест и извлечено свыше 100 тонн взрывчатых веществ и фугасов. Под Вышгородом были обнаружены минные галереи, в одной из которых находилось 12 тонн взрывчатых веществ.

Большой ущерб гитлеровцы причинили коммунальным предприятиям городов. Они разрушили 60 из 120 гостиниц и заезжих домов. В Тарту, например, сохранилось лишь 2 из 11 гостиниц. Из прежней мощности 71 тыс. квт. электростанций осталось всего около 11 тыс. квт.

При бегстве из Эстонии гитлеровцы намеревались разрушить все электростанции. Однако этого им не удалось сделать. При приближении Красной Армии рабочие некоторых электростанций с оружием в руках встали на охрану общественной собственности. На электростанцию Таллина немецкие подрывные команды приходили четыре раза, но, встретив вооруженную охрану из рабочих, уходили обратно. Тогда гитлеровцы открыли огонь по электростанции с военных судов, находившихся в порту. С оружием в руках рабочим удалось отстоять также таллинский водопровод и газовую фабрику.

Разрушение гитлеровцами лечебно-профилактических учреждений

Цветущую Эстонию гитлеровцы превратили в рассадник инфекционных заболеваний. Среди населения в небывалых размерах распространялись сыпной тиф, дизентерия, дифтерит и другие заболевания. По немецким официальным данным за шесть месяцев 1943 и 1944 годов было зарегистрировано 3 476 случаев сыпного тифа, 7 950 случаев дифтерита. При немецкой оккупации в невиданных размерах среди населения распространилась также чесотка и вшивость.

Оккупационные власти не госпитализировали инфекционных больных и не оказывали медицинской помощи населению. Они отменили охрану источников водоснабжения городов, больше того, нарушая самые элементарные требования по водоохране, они устроили на берегу озера «Юлемисте», являющемся источником водоснабжения Таллина, конюшни и открытые полевого типа уборные для рабочего батальона.

Здания лечебно-профилактических учреждений немецко-фашистские захватчики приспособили под склады и солдатские казармы или сожгли и разрушили. В Таллине они уничтожили детскую больницу, детскую поликлинику, аптечный склад, три аптеки и три санитарно-гигиенических магазина, три детских и женских консульта-

ции; в городской центральной больнице разрушили шесть корпусов, в инфекционной больнице — один корпус. Оборудование, инвентарь, медикаменты, аппаратуру всех лечебно-профилактических учреждений Таллина гитлеровцы разграбили.

В Тарту немцы разрушили первую и вторую городские больницы, 6 аптек, водолечебницу и детскую поликлинику. В Пярну они разрушили поликлинику, тубдиспансер и родильный дом; в Нарве — все лечебно-профилактические учреждения, среди них 8 аптек, поликлинику, санитарно-эпидемиологическую станцию.

Ограбление гитлеровцами сельского населения

Немецкие захватчики безудержно грабили сельское население Эстонии. Ограбление проводилось в форме взиманий с крестьян различного вида принудительных поставок сельскохозяйственных продуктов.

Нормы сдачи сельскохозяйственной продукции, установленные немцами, были огромны. Крестьянин уезда Хартюма, волости Хагари, Петр Ребане сообщил, что за 1942—1943 годы на его хозяйство была наложена поставка — 900 килограммов мяса. За невыполнение поставки мяса у Петра Ребане были отобраны две коровы. За просрочку в выполнении поставки на крестьян накладывались также денежные штрафы или арест.

Землю, переданную Советской властью в 1940 году крестьянам-беднякам, общей площадью в 404 000 га, немцы отобрали. Они заставили крестьян выплачивать не только старые земельные долги, но и погашать те ссуды, которые были выданы крестьянам Советской властью.

В результате хищнического хозяйничания немцев и бешеной эксплуатации ими эстонского крестьянства сельское хозяйство Эстонии непрерывно падало. Площадь под посевами зерновых в 1944 году по сравнению с 1941 годом сократилась на 35 процентов, площадь под посевом картофеля уменьшилась за это же время на 31 процент, под посевом льна — на 64 процента.

Уменьшение посевных площадей и понижение урожайности наблюдаются по всем зерновым, техническим и кормовым культурам. Общее уменьшение посевной площади в 1943 году по сравнению с посевной площадью 1939 года составляет 170 234 га.

За годы немецкой оккупации уничтожено 35 000 га леса, что составляет в переводе на древесину около 3 500 000 кубометров.

Немцы отобрали у крестьян и угнали в Германию лошадей 107 000 голов, коров 31 000 голов, свиней 214 000 голов, домашней птицы 790 000 голов. Они разграбили около 50 000 пчелосемей.

При Советской власти в Эстонии было организовано 25 МТС с общим парком в 350 гусеничных тракторов. Немцы разрушили и разграбили эти станции. Они увезли в Германию 236 тракторов, 151 пятикорпусных плугов, 22 плуга для поднятия целины, 30 плугов для раскорчевки пней и свыше 500 других сельскохозяйственных машин. Большой ущерб гитлеровцы причинили станциям по аренде сельскохозяйственных машин. Они угнали со станции 1 700 лошадей, разрушили и похитили 2 474 разные сельскохозяйственные машины.

Гитлеровцы отобрали лично принадлежавшие крестьянству 1 000 молотилок, 600 молотильных моторов, 700 локомотивов, 350 тракторов и 24 781 других сельскохозяйственных машин.

Наиболее сильный ущерб фашисты причинили сельскому хозяйству уезда Вирума. В этом уезде они сожгли 2 566 жилых домов и сельскохозяйственных построек. Полностью уничтожили сельское хозяйство в Нарвской, Пириской, Раяской, Алутагуской, Вайварской и Вакс-Нарвской волостях.

Уничтожение гитлеровцами мирных советских граждан и военнопленных

Немецко-фашистские захватчики покрыли захваченную ими территорию Эстонии густой сетью концентрационных лагерей, тюрем и гестаповских застенков.

Они беспощадно уничтожали мирных граждан и военнопленных. Согласно ежемесячным отчетам главного врача лагерей оберштурмфюрера СС фон Бодман на 1 февраля 1944 года в Эстонии было более 20 лагерей. Только в четырех лагерях — Эреда-Асундус, Кивиэли, Вайвара и Клога — в феврале 1944 года содержалось более 6 000 заключенных.

Заключенным советским гражданам в лагерях присваивали номера и лишали фамилий, их избивали нагайками, железными палками, использовали на непосильной работе. Руководила работами организация «Тодт». Рабочий день длился 16—18 часов. За невыполнение норм заключенных лишали пищи, жестоко избивали и расстреливали. Чтобы скрыть следы своих злодеяний, немцы сжигали трупы убитых на кострах, а несгоревшие кости размельчали и вместе с пеплом разбрасывали по полям.

Отступая под натиском Красной Армии, немцы поспешно ликвидировали концентрационные лагеря, причем большую часть заключенных расстреляли.

В 44 клм. юго-западнее Таллина, в дачном местечке Клога-Аэдли, в сентябре 1943 года немецкие оккупанты создали концентрационный рабочий лагерь организации «Тодт». Независимо от пола и возраста заключенные в лагере подвергались каторжному режиму. Каждому заключенному присваивался номер. Для предотвращения побегов женщинам сбрасывали волосы на голове, а мужчинам пробрасывали полосу, идущую от лба к затылку. Заключенных, в том числе и детей, принуждали работать по 12—15 часов в сутки.

Ежедневно в лагере производились публичные порки заключенных на специально оборудованном для этого станке. Кроме того, за малейшую провинность оставляли без пищи на двое суток, привязывали в сильные морозы на 2—3 часа в столб. Издевательствами над заключенными занимались не только охранники-эсэсовцы, но и

администрация лагеря и немецкие врачи. Немецкий доктор Ботман лично избил двух заключенных: врача Закинсона и врача Гецова. Кроме того, Ботман систематически отравлял заболевших заключенных, впрыскивая под кожу яд (эвипан). Санитар лагеря унтершарфюрер Гент топором зарубил 23 престарелых заключенных. Свидетель Ратнер И.М. показал:

«В феврале 1944 года в лагере в Клога родилось двое детей, оба эти ребенка были живыми брошены в топку кочегарки и сожжены. Я сам видел, как сжигали детей. В мае 1944 года в лагере родился третий ребенок, его сразу же удушил унтершарфюрер Бар».

19 сентября 1944 года немцы приступили к ликвидации лагеря Клога. Унтершарфюрер лагеря Шварце и начальник канцелярии гауптшарфюрер Макс Дальман отобрали из заключенных 300 человек и заставили их носить дрова на лесную поляну, других 700 человек заставили устраивать костры. Когда костры были готовы, немецкие палачи приступили к массовому расстрелу заключенных. В первую очередь были расстреляны подносчики дров и строители костров, а затем и остальные. Расстрел происходил так: на подготовленную площадку костра немцы — из полицейских команд СД силой оружия заставляли заключенных ложиться вниз лицом и расстреливали их из автоматов и пистолетов. Расстрелянных, сжигали на кострах. В лагере Клога 19 сентября 1944 года было уничтожено около 2 000 человек.

В августе 1944 года в районе Таллинского лесного кладбища немцы расстреливали мирных граждан, которых привозили на автомашинах по 25—30 человек. Трупы расстрелянных они также сжигали на кострах. Местному населению категорически запрещалось приближаться к этому месту под предлогом того, что здесь производятся опыты «с новой военной техникой». С 8 августа 1944 года по 19 сентября 1944 года на Таллинском лесном кладбище было расстреляно и сожжено более тысячи человек.

Одним из мест массового уничтожения людей немцы избрали лощину между холмами в Калеви-Лийва, расположенную в 5 километрах от деревни Кабернеме, в волости Кусалу, уезда Хартюма. В 1942 году немцы объявили местному населению, что в районе этих холмов производятся оборонительные работы и появление граждан в этом районе категорически воспрещается.

В июле 1942 года двумя железнодорожными эшелонами на станцию Расику гитлеровцы доставили 3 000 человек, затем автобусами перевезли их к холмам Калеви-Лийва и там расстреляли. В дальнейшем на протяжении 1943 и 1944 годов к этим холмам на автобусах гитлеровцы привозили новые группы мирных граждан и расстреливали.

Следствием установлено, что в районе холмов Калеви-Лийва фашисты уничтожили около 5 000 человек. Чтобы скрыть следы своих преступлений, немцы с начала 1944 года начали выкапывать и сжигать трупы расстрелянных, а несгоревшие кости размельчать и вместе с пеплом зарывать в землю или разбрасывать по полям.

На сланцевых разработках, в рабочем поселке Кивизели, уезда Вирума, немцы создали 3 концлагеря. В этих лагерях содержалось до 9 000 заключенных мирных граждан. Все они использовались на работах по добыче сланцев. За невыполнение норм заключенных избивали резиновыми шлангами, лишали пищи на 5—6 дней, бросали в колодцы шахт, наполненные водой. За малейшую провинность заключенных расстреливали.

Свидетель Вихула М.Ф. показала:

«Мой муж, Вихула Юган, в течение 15 лет работал шахтером на сланцах Кивизели. Как только к нам пришли немцы, его арестовали, а 27 августа 1941 года расстреляли. С ним вместе были расстреляны еще 70 шахтеров, среди них: Салусоо, Клампе, Коосе, Коппель, Нормак, Алферов, Мяги».

В городе Нарва немецко-фашистские захватчики создали 7 лагерей для мирных граждан и военнопленных. Под лагеря немцы приспособили эстонскую начальную школу, корпуса льнопрядильной фабрики, русский клуб и «Красные амбары». В лагерях находилось постоянно десятки тысяч людей. В одном только лагере для советских военнопленных, размещенном в «Красных амбарах», постоянно находилось 15—20 тысяч человек. Гитлеровцы систематически расстреливали заключенных. Трупы замученных, а иногда и живых людей они сжигали в топках печей котельной льнопрядильной фабрики, зарывали в землю в лесу за деревней Попонка и в траншеях за «Красными амбарами».

Специальная Комиссия установила, что за три года в Нарве гитлеровцы уничтожили около 30 000 мирных граждан и советских военнопленных, 8 000 советских людей они уничтожили в лагерях уезда Вирума: Куремяэ, Вивиконна, Аувере, Йыхви, Кохтла-Ярве, Кукресе, Перм Гольфильдс, Эреда-Асундус, Сонда, Азери и Кунда.

Находившийся в одном из лагерей Эреда-Асундус бывший заключенный Гордон М.С. показал:

«В апреле 1944 года меня, в числе 150 человек, заключили в лагерь Эреда. Начальником лагеря тогда был немец Шнибель. Этот лагерь был разбит на две части. В одной из них находились здоровые, а во второй больные, смертность в лагере доходила до 20—30 человек в сутки. Большим медпомощи не оказывали. Немец санитар Глингер избивал до смерти больных тростью».

Особой жестокостью в лагерях отличался ефрейтор войск СС немец Шарфетер. Бывший заключенный лагеря Йыхви Гамбург Д.Ш. показал:

«По прибытии к нам в лагерь ефрейтор Шарфетер в декабре 1943 года заявил, что у него больных не будет, и в первый же день он расстрелял двух больных, а трупы их сжег в печи лесопильного завода. Немного позже Шарфетер застрелил еще двух больных тифом».

К ответу немецких палачей

Чрезвычайная Государственная Комиссия за все злодеяния, разрушения культурных и материальных ценнос-

тей и грабежи считает ответственными гитлеровское правительство, немецкое военное командование, а также конкретных организаторов и исполнителей злодеяний: генерал-фельдмаршала фон Лееб, генерал-фельдмаршала фон Кюхлер, генерал-полковника Модель, генерал-полковника Линдеман, генерала пехоты Фриснер, генерал-полковника Шернер, немецкого генерального комиссара обергруппенфюрера Карла Лицман, командующего армейской группой «Нарва» генерала пехоты Грассер, командира 3 германского танкового корпуса СС генерала пехоты Штайнер, командира 4 танково-гренадерской бригады «Нидерланд» генерал-лейтенанта Вагнер, командира 11 танково-гренадерской дивизии «Нидерланд» генерал-майора Циглер, группенфюрера Астер, штандартенфюрера Менцель, штандартенфюрера принца фон Хогенлое, начальника немецкой полиции безопасности СД — оберштурмбанфюрера доктора Зандбергер, его заместителя штурмбанфюрера Гейсслер, штандартенфюрера Бекинг, штандартенфюрера Лотар Бомбе, комиссара Тартуского округа фон Менен, руководителя всеми работами лагерей Эстонии — гауптштурмбанфюрера Шварце, главного врача лагерей доктора Бодман, начальника лагеря Клога Верлее и других лиц, упомянутых в настоящем сообщении.

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГИТЛЕРОВСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ЛИТОВСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ^[176]

Оккупировав Литовскую Советскую Социалистическую Республику, немецкие фашисты пытались превратить Литву в германскую колонию и поработить литовский народ. Эта преступная цель гитлеровского правительства нашла свое полное выражение в повсеместном грабеже, всеобщем разорении, насилиях и издевательствах над литовским населением, в массовых убийствах стариков, женщин, детей и военнопленных. Фашисты лишили литовское крестьянство земли, разгромили и закрыли университеты и школы, разрушили промышленность и культурные ценности. Под руководством рейхсминистра Розенберга оккупанты пытались онемечить литовский народ, искоренить национальную культуру. Литва была объявлена частью немецкой провинции «Остланд».

После освобождения Красной Армией Литовской ССР, специальная комиссия в составе: депутата Верховного Совета СССР Снечук А.Ю., Председателя Совета Народных Комиссаров Литовской ССР Гедвилас М.А., Народного Комиссара Внутренних Дел Литовской ССР Барташунас И.М., профессора Пуренас А., литовского писателя Юргинис И.М., с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Зурабова В.С. произвела расследование совершенных гитлеровцами в Литве преступлений. Чрезвычайная Государственная Комиссия на основании материалов расследования этой комиссии, раскопок могил замученных фашистами жертв, показаний свидетелей установила факты злодеяний и разрушений, совершенных немецко-фашистскими бандитами за время оккупации ими Литовской Советской Социалистической Республики.

Гитлеровцы пытались уничтожить литовскую культуру

За год существования в Литве советской власти литовская культура получила все условия для своего широкого развития.

Были открыты новые учебные заведения, развернута сеть новых школ, созданы Государственная филармония, Дом народного творчества, открыты Художественная академия в Вильнюсе и Институт прикладного искусства в Каунасе. Организовались союзы литовских писателей, художников, композиторов.

Немецкие оккупанты сразу же после своего вторжения разгромили литовские культурные учреждения. Они закрыли Филармонию, Каунасскую консерваторию, Академию искусств в Вильнюсе, Институт прикладного искусства, ликвидировали все художественные учебные заведения, разогнали союзы творческих работников.

17 марта 1943 года гестаповцы оцепили здание старейшего Вильнюсского Университета, разбили в нем статуи и орнаменты, изорвали картины, разграбили экспонаты, ценные учебные пособия, научную литературу, эпидиоскопы, электромоторы, станки и другое научно-вспомогательное оборудование; увезли в Германию 1 743 грамма платины. В разгроме университета принимали активное участие немецкие «ученые» доктора Мюллер и Вульп.

Такая же участь постигла и другой крупнейший литовский Государственный университет и химический институт. Немцы разрушили в Вильнюсе и Каунасе 14 гимназий и 46 начальных школ, а также учебные заведения в Шяуляе, Мариамполе, Папешежисе, Укмерге; взорвали и уничтожили Сельскохозяйственную Академию, Высшую сельскохозяйственную школу и 7 низших сельскохозяйственных школ.

Гебитскомиссар города Вильнюс Хингст присвоил и вывез из Вильнюсского Государственного художественного музея ценные коллекции мебели, старинный фарфор, ковры, картины, гравюры и другое музейное имущество. Из этого же музея немцы похитили 40 ценных картин XIX и XX веков, 130 матриц очень редких гравюр на меди (XVII, XVIII, XIX веков), конкурсную модель проекта памятника Петру Великому скульптора, Т. Крюгера. Генерал Рунау украл ценные картины «Святое семейство» (мастерской Рубенса) и «Пейзаж» (Тенирса). Из библиотеки Академии искусств были похищены немцами 743 книги наиболее старинных и редких изданий, коллекции исторических золотых и серебряных медалей. Полному разгрому подверглись широко известные еврейские культурные учреждения: 1) библиотека им. М. Страшуна, 2) еврейский научный институт Академии Наук Литовской ССР, 3) Историко-этнографический музей. 10 тысяч экземпляров старинных изданий XV, XVI, XVII

веков были направлены в Берлин (Бисмаркштрассе, 1). Немецкие захватчики отправили во Франкфурт на Майне ценные картины Репина, Левитана, Марка Шагала, скульптуры М. Антокольского, Гинцбурга, Аронсона, Н. Третьякова, рукописи и письма Максима Горького, Льва Толстого, Романа Роллана, Шолом-Алейхема и др. При отступлении гитлеровцы сожгли в Литве старейшую библиотеку евангелическо-реформатского синода, основанную в 1611 году и состоявшую из 20 000 томов уникальных книг XVI, XVII и XVIII веков.

В городе Каунас немцы разграбили дом-музей известного литовского поэта Майрониса и театры: оперный, драмы и оперетты. В городе Шяуляй сожгли самый крупный из периферийных литовских театров и Краеведческий музей со всеми уникальными этнографическими, археологическими и историческими коллекциями. Немцы разграбили театры в городах Паневежис и Мариамполь.

Представители литовской интеллигенции подвергались жесточайшим преследованиям и репрессиям. Немцы расстреляли известного мастера многих произведений скульптуры Грибаса, поэта Монвила, дирижеров Гофмеклерис и Дурмашкина, режиссера и художественного руководителя польского театра музыкальной комедии, в Вильнюсе Вырвич-Вихровского. От тяжелых условий фашистского режима погибли: академик, хирург Кузьма, поэт и драматург Бинкис, профессор Альбинас Римка, художники Диджиокас, Менчинскис, Самуолис, заслуженные композиторы Шимкус и Карнавичюс. Заведующий кафедрой истории театра Вильнюсского университета и драматург Балис Сруота заключены в один из концентрационных лагерей в Германии.

Чудовищные злодеяния гитлеровцев на территории Литовской ССР

За время оккупации Литовской ССР гитлеровские мерзавцы установили режим кровавого террора. Стремясь подавить всякое сопротивление со стороны населения фашистской колонизаторской политике, немцы планомерно и методически истребляли советских людей, подвергали их всевозможным издевательствам, пыткам и насилиям. По далеко неполным данным, они истребили в концентрационных лагерях на территории Литвы 165 тысяч военнопленных, расстреляли, сожгли и замучили свыше 300 тыс. человек мирного населения.

Массовые убийства советских людей в местечке Панеряй

Сразу же после захвата столицы Литовской ССР — Вильнюса немецкие оккупанты начали массовое истребление его населения. В местечке Панеряй (Понары), в 8 километрах от Вильнюса, был организован специальный лагерь. Массовые убийства в этом лагере начались с июля 1941 года и продолжались до июля 1944 года.

— *Начиная с июля 1941 года, — сообщил свидетель Сейнюс Станислав Степанович, проживающий на станции Панеряй, — в этот лагерь ежедневно пригонялись и расстреливались группы в несколько сот человек. Когда привозили людей на машинах, я уже издали слышал их громкие крики. Расстрелы совершались почти ежедневно, с утра и до вечера, и продолжались до самого освобождения города Вильнюс Красной Армией.*

С конца 1943 года гитлеровские палачи особенно тщательно старались замести следы своих кровавых преступлений. С этой целью они организовали в местечке Панеряй сожжение трупов расстрелянных людей.

— *В декабре 1943 года, — сообщил свидетель Зайдель Матвей Федорович, — нас заставили выкапывать и сжигать трупы. Вначале клади дрова, затем трупы в ряд по сто человек, обливали их горячей жидкостью и опять накладывали трупы. Таким образом на каждый костер мы укладывали около 3 000 трупов, заливали их нефтью, с четырех сторон клали зажигательные бомбы и поджигали.*

Сжигание трупов продолжалось с конца 1943 года до июня 1944 года. За это время из девяти ям с общим объемом 21 179 кубических метров было извлечено и сожжено на кострах не менее 100 тысяч трупов.

Последние дни перед отступлением гитлеровцы не успевали сжигать трупы расстреливаемых, сбрасывали их в ямы и слегка засыпали сверху песком. По документам, обнаруженным в одежде убитых, и на основании свидетельских показаний установлено, что среди погибших были ученые и рабочие, инженеры и студенты, ксендзы и православные священники — жители не только Вильнюса, но и других городов, местечек и деревень Литовской ССР.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: главного судебно-медицинского эксперта фронта подполковника медицинской службы Никольского В.П., главного патолога-анатома фронта доктора медицинских наук подполковника мед. службы Молоткова В.Г., профессора патологической анатомии Марбурга С.Б., городского судебно-медицинского эксперта гор. Вильнюс Буткевича И.Ю. и других установила:

«Исследованные трупы относятся преимущественно к гражданскому населению. Небольшое количество трупов обнаружено в одежде военнослужащих. На некоторых трупах найдены предметы религиозного культа католической и православной церкви. На основании обнаруженных предметов и документов установлено, что среди расстрелянных были: врачи, инженеры, студенты, шоферы, слесаря, железнодорожники, портнихи, часовщики, торговцы и другие.

В большинстве случаев причина смерти — сквозное огнестрельное ранение в голову от одиночных выстрелов с разрушением мозгового вещества. В некоторых случаях обнаружены двойные и множественные входные отверстия.

Типичный размер входных пулевых отверстий — 0,8 сантиметра — соответствует пулям немецкого образца. По характеру входного отверстия можно считать, что выстрелы производились в упор.

Состояние исследованных трупов и обнаруженные в одежде документы показывают, что расстрелы производились с осени 1941 года и до июля 1944 года».

Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецко-фашистские палачи расстреляли и сожгли в Панеряй не менее 100 тысяч человек.

«Форт смерти» в Каунасе

Форт №9 жители Каунаса называли «Фортом смерти». Форт расположен в 6 километрах северо-западнее города и представляет собой старое железобетонное крепостное сооружение. Внутри его имеется большое количество казематов, которые были использованы немцами в качестве камер для заключенных. Со всех сторон форт обнесен железобетонной стеной и колючей проволокой.

Гитлеровцы в первые же дни своего прихода в Каунас сожгли в форт №9 около тысячи советских военнопленных и заставили их отрывать рвы на поле площадью больше 5 гектаров, у западной стены форта. В течение июля—августа 1941 года было отрыто 14 рвов, каждый шириной около 3 метров, длиной свыше 200 метров и глубиной больше 2 метров. Все, кто попадали в форт №9, в живых не оставались. Колоннами в несколько тысяч человек гитлеровцы гнали сюда женщин, детей, подростков, мужчин и стариков на расстрел и сжигание.

Свидетель Михайловский Станислав Никодимович из деревни Кумпяй сообщил комиссии:

«Я сам видел, как немцы осенью 1941 года гнали колонной советских граждан в форт №9. Один раз я наблюдал колонну людей длиной от форта до города Каунас. Кроме того, немцы возили людей в закрытых машинах. Согнанных на казнь и мучения советских граждан немцы раздевали догола в саду форта, затем партиями по 300 человек сгоняли в вырытые рвы и там расстреливали из автоматов и винтовок. Обреченных людей было так много, что они по несколько часов стояли голыми на холоде в ожидании смерти».

Свидетель Счестно В.А. из деревни Гедрайц показал комиссии:

«Когда были приготовлены рвы, немцы стали пригонять в форт №9 большое количество мирных советских граждан из Каунаса и других районов и здесь их расстреливали».

Только за два дня в ноябре 1941 года в форте №9 было расстреляно 7 тысяч мирных советских граждан, а за два дня в декабре 1941 года — около 22 тысяч человек.

В форте №9 были расстреляны люди различных национальностей: русские, украинцы, белорусы, литовцы, поляки, евреи. В этом форте расстреляны: депутат Верховного Совета Союза ССР Буджинскиене, депутат Верховного Совета Литовской ССР Зибертас, каунасский рабочий-стахановец Щербаков со своей женой и новорожденным ребенком и многие другие.

Кроме советских людей, гитлеровцы уничтожали в форте №9 граждан из Франции, Австрии, Чехословакии. Бывший надзиратель форта №9 Науджюнас Ю.Ю. показал:

«Первая группа иностранцев в количестве 4 000 человек поступила в форт в декабре 1941 года. Я разговаривал с одной женщиной, которая сказала, что их везли в Россию якобы на работу. 10 декабря 1941 года началось уничтожение иностранцев. Им было предложено выходить из форта группами по 100 человек как бы для проведения прививок. Вышедшие на «прививку» больше не возвращались: все четыре тысячи иностранцев были расстреляны. 15 декабря 1941 года прибыла еще одна группа численностью около 3 000 человек, которая также была уничтожена».

К октябрю 1943 года все рвы западнее форта №9 были заполнены трупами расстрелянных. В каждом из таких рвов находилось от 3 до 4 тысяч трупов. Всего здесь гитлеровцы уничтожили до октября 1943 года свыше 50 тысяч человек, из которых больше 40 тысяч советских граждан и около 10 тысяч иностранцев. Чтобы скрыть следы своих преступлений, гитлеровцы с октября 1943 года начали сжигать трупы убитых ими людей на специальных кострах.

Бывший заключенный форта Гельтрук Михаил Ильич, которого немцы заставили вместе с другими в течение 6 недель раскапывать и сжигать трупы, рассказал комиссии следующее:

«В день мы откапывали и сжигали по 600 трупов. Это была норма, установленная немцами. Ежедневно горело по два больших костра, в каждом из которых помещалось по 300 трупов. После сжигания трупов кости раздроблялись металлическими предметами и зарывались в землю. За 6 недель нами было раскопано три с половиной рва, из которых было извлечено и сожжено 12 тысяч трупов; еще оставались неразрытыми девять с половиной рвов и много мелких ям, в них находилось не менее 40 тысяч трупов».

Гитлеровцы привозили в форт №9 для сжигания трупы и из других мест. На этих же кострах немцы сжигали и живых людей. Так, по показаниям свидетеля Гельтрук, 16 декабря 1943 года в форте №9 была заживо сожжена семья доцента Шапиро, состоявшая из 5 человек. Свидетель, гражданин деревни Гедрайц, Корольков Н.Ф. рассказал:

«Я видел, как днем подъезжали к костру крытые машины, из которых выбрасывали людей в огонь. Нередко раздавались крики и выстрелы».

После того, как все трупы были сожжены, гитлеровцы засыпали рвы, вспахали и засеяли поле. С апреля 1943 года истребление советских людей производилось уже во дворе форта, во рву, у западной степы, где также постоянно горел костер. В этом рву обнаружены остатки дров, 8 бочек с горючей смесью и следы большого костра.

Комиссия по расследованию преступлений фашистских негодяев в городе Каунас, в составе: депутата Верховного Совета Литовской ССР Григолавичиус И., председателя Исполкома Каунасского совета депутатов трудящихся Руткаускас, профессора Мажилис, докторов Тикниус, Гураускас, Лашиене, Гуревичиус, Вуйвидайте-Куртене, писательницы Фелиции Борткевичиене, художника Михась Пранцкунас, студента Ажукайтис, майора

Франчук и майора Румянцева — установила, что гитлеровцы уничтожили в форте №9 более 70 тысяч мирных жителей.

Зверства немецких фашистов над мирным населением в лагере близ города Алитус и в других местах Литовской ССР

На территории Литовской ССР гитлеровцы истребили в огромном количестве не только местное население, но и согнанных сюда жителей Орловской, Смоленской, Витебской и Ленинградской областей. Через лагерь для эвакуированного населения близ города Алитус (бывший лагерь №133 для советских военнопленных) с лета 1943 года по июнь 1944 года прошло до 200 тысяч человек. Все бараки были оплетены колючей проволокой в два ряда. За самовольный выход за проволоку каждого «виновного» наказывали заключением в карцер и жестокой поркой. Заключенные должны были работать на тяжелых физических работах, их морили голодом: в день давали 150—200 граммов хлеба с опилками и поллитра супа-баланды из испорченной чечевицы или гороха. Наиболее здоровых и молодых отправляли на работу в Германию.

Тяжелые антисанитарные условия, невероятная скученность, отсутствие воды, голод и болезни, а также массовые расстрелы привели к тому, что за 14 месяцев в этом лагере погибло до 60 тысяч мирных советских людей, что подтверждается документами и показаниями свидетелей, жителей города Алитус: Гашкерис Ст. Вл., Гашкерис Максимильяна Германовича, Петрова, доктора Рыбкина, Новаковского, Стрембовского и других.

К концу 1943 года в бывший лагерь для военнопленных возле аэродрома в городе Каунас были пригнаны мирные жители, мужчины и женщины разных возрастов, а также дети. Количество заключенных в этом лагере все время колебалось от 1 200 до 1 500 человек. Из строевой записи, обнаруженной в канцелярии лагеря, видно, что на 3-е января 1944 года в лагере числилось: мужчин трудоспособных — 433, нетрудоспособных — 26, женщин трудоспособных — 737, нетрудоспособных — 42, детей — 253, а всего на этот день в лагере числилось 1 491 человек.

В начале 1944 года немцы в этом лагере насильно отобрали детей в возрасте от 6 до 12 лет и увезли. Житель города Каунас Владислав Блюм показал:

«На моих глазах происходили душераздирающие сцены: у матерей немцы отбирали детей и отправляли неизвестно куда, а многие дети погибли при расстреле вместе с матерями».

Внутри лагеря на стенах здания обнаружены надписи о злодеяниях фашистских извергов. Вот некоторые из них: *«Отомстите за нас! Пускай весь мир знает и поймет, как зверски уничтожали наших детей. Наши дни уже сочтены, прощайте!»*. *«Пусть весь мир знает и не забудет отомстить за наших невинных детей. Женщины всего мира! Вспомните и поймите все зверства, которые произошли в XX-м веке с нашими невинными детьми. Моего ребенка уже нет, и я ко всему безразлична»*.

Для семей военнослужащих Красной Армии на территории Литовской ССР немцами были созданы специальные концентрационные лагеря.

В этих лагерях был вывешен приказ:

«За высказывание недовольства германскими властями и нарушение лагерного режима советских граждан без суда расстреливать, подвергать тюремному заключению, отправлять на вечную каторгу в Германию».

В лагерях нередко производились публичные расстрелы.

О фактах истязаний и большой смертности в лагерях для семей советских военнослужащих рассказали свидетели, жены командиров Красной Армии: Козлова В.М., Шабеева А.М., Выглова М.Ф., Паньшина Н.С., Лапочкина В.В. и другие.

Начальник четырех таких лагерей немка Елизавета Зеелинг неоднократно заявляла заключенным: *«Вы мои рабы, я буду вас наказывать, как хочу»*. Она применяла в лагерях жестокие пытки, избивала и даже лично расстреливала заключенных.

Зеелинг на допросе показала, что сотрудник гестапо шеф лагерей Яцке и оберштурмфюрер Мюллер дали на инструктивном совещании следующие указания:

«За женщинами, находящимися в лагерях, строго следить, так как они являются женами советских командиров. Если кто будет отказываться от работы, немедленно отправлять их в лагери для расстрела без следствия. Из лагерей никого не выпускать. Установить строгую дисциплину. Жестоко пресекать всякую малейшую попытку к неповиновению или враждебные действия».

В урочище «Лысая Гора», на восток от села Лозники, Вильнюсского уезда, комиссией обнаружены две площадки — 30 на 12 метров и 10 на 6 метров, где сжигались трупы расстрелянных немцами жителей Науио Вильня, Мицкунай, Лаворишкис, Шумскас, Медниникай, Тоторкаймис и других пунктов. По заявлениям граждан села Лозники Андрушковича, Натановича и Петрулевича, немцы осенью 1941 года сгоняли сюда советских людей на расстрел. С 1-го по 18 июня 1944 года немцы произвели вскрытие ям и сожжение трупов. Пепел закапывали в ямы. Насильственно пригнанных для раскопок и сожжения трупов советских людей немцы расстреляли. В урочище «Лысая Гора» немцы расстреляли 10 тыс. человек.

В сентябре 1941 года, в местечке Эйшишкис были расстреляны из пулемета 800 человек. В городе Пренай немецкие палачи во главе с комендантом города капитаном войск СС Рейнартом замучили и убили свыше 3 000 граждан, в том числе Степанавичюс Юозас, Марцункевичене Маре, Штукшене Мацелле и других. В предместье города Каунас Вильямполь немцы сожгли около 8 000 советских граждан.

3 июня 1944 года в деревню Перчюпе, Тракайского уезда, ворвались гитлеровцы; окружив деревню, они про-

извели повальный грабеж, после чего, загнав всех мужчин в один дом, а женщин и детей в три других дома, зажгли эти дома. Пытавшихся вырваться и бежать фашистские изверги ловили и снова бросали в горящие дома. Так было сожжено все население деревни — 119 человек, из них 21 мужчина, 29 женщин и 69 детей. Здесь погибли: Ялкомас с женой и четырьмя детьми, Валькишнос Юозас с женой и семью детьми, Ковалюскене Стасе с тремя детьми, Уждаинене Ева с тремя детьми, Имбалейкис с ребенком, Уждавинене Марьяна с четырьмя детьми, Уждавинис Стасис с двумя детьми, Маркевичюс Юозас с матерью, Маркевичюс Юозас с тремя детьми, Бразаускас с ребенком и другие.

Зверское массовое истребление мирных жителей немецкие оккупанты произвели в районе города Мариамполь, где было уничтожено 7 700 человек. В местечке Сейрийай, Алитусского уезда, было расстреляно немцами 1 900 человек; в Пильвишкяй было расстреляно свыше тысячи жителей. В Шяуляйском уезде, по неполным данным, было уничтожено 3 830 человек. В городах Тракай, Паневежис, Укмерге, Кедайняй и Биржай немцы истребили 37 640 человек мирного населения.

Истребление советских военнопленных

В Каунасе, в форте №6, находился лагерь №336 для советских военнопленных. В лагере к военнопленным применялись жестокие пытки и издевательства в строгом соответствии с найденным там «Указанием для руководителей и конвоиров при рабочих командах», подписанным комендантом лагеря №336 полковником Эргардт. В этом указании говорится: *«Каждый военнопленный рассматривается в качестве врага»*. На основе этой директивы, немецкие солдаты и конвоиры распоряжались жизнью военнопленных по своему усмотрению.

Военнопленные в форте №6 были обречены на истощение и голодную смерть. Голод, холод и тяжелый непосильный труд быстро истощали организм пленных. Свидетельница, гражданка деревни Петрушаны Мидешевская Розалия, сообщила комиссии: *«Военнопленные ужасно голодали. Я видела, как они рвали траву и ели ее»*. Житель города Каунас учитель Интересов Дмитрий рассказал:

«Проживая с 24 декабря 1943 года близ форта №6, я имел возможность несколько раз разговаривать с русскими военнопленными. Они рассказывали, что живут в сырых и мрачных подземельях крепости, но так как и этих помещений далеко недостаточно, то многие валяются прямо в крепостной канаве под открытым небом. Пища их состоит из сырой свеклы, картофельной шелухи и других овощных отходов, а о хлебе, соли и других продуктах и думать не приходится».

Местному населению под угрозой смерти запрещалось оказывать какую-либо помощь военнопленным. При входе в лагерь №336 сохранилась доска со следующим объявлением на немецком, литовском и русском языках:

«Кто с военнопленными будет поддерживать связь, особенно, кто будет им давать съестные припасы, папиросы, штатскую одежду, сейчас же будет арестован. В случае бегства будет расстрелян».

В лагере форта №6 был «лазарет» для военнопленных, который в действительности служил как бы пересыльным пунктом из лагеря в могилу. Военнопленные, брошенные в этот лазарет, были обречены на смерть. Из месячных немецких сводок заболеваемости военнопленных в форте №6 видно, что только с сентября 1941 года по июль 1942 года, т.е. за 11 месяцев, в «лазарете» умерло 13 936 советских военнопленных.

В лагерьном дворе комиссия обнаружила 67 стандартных могил размером 5 на 2,5 метра каждая. При вскрытии могил обнаружены сложенные штабелями скелеты. В канцелярии лагеря найден план кладбища №5 с точным нанесением могил и указанием количества трупов в них. Из этого плана видно, что на одном только кладбище №5 похоронено 7 708 человек, всего же, как свидетельствуют лагерные документы, здесь похоронено около 35 тысяч военнопленных.

В Каунасе также был лагерь для военнопленных без номера, расположенный на юго-западной окраине каунасского аэродрома. Также как и в форте №6, здесь свирепствовали голод, плеть и палки. Истощенных военнопленных, которые не были в состоянии двигаться, ежедневно выносили за лагерь, живыми складывали в заранее вырытые ямы и засыпали землей. Это подтверждают свидетели, местные жители — Гутавкинас И.В., Гедрис И.И., Ионайтис Б.К. Близ лагеря были обнаружены: 13 могил размером 25 на 2 метра, 5 могил размером 12 на 2 метра и 1 могила размером 15 на 15 метров. При раскопках этих могил на глубине 3/4 метра найдены трупы людей, одетых в серые шинели и защитного цвета обмундирование. На основании раскопок, документов и показаний свидетелей комиссия установила, что здесь, в районе аэродрома, замучено и погребено около 10 тысяч советских военнопленных.

Близ города Алитус немцами в июле 1941 года был организован лагерь №133 для советских военнопленных, который просуществовал до начала апреля 1943 года. Еще по пути в этот лагерь пленных морили голодом и многих из них привозили мертвыми или в состоянии сильного истощения. Как показали свидетели, литовский партизан Маргялис и жители города Алитус, при выгрузке военнопленных из вагонов немцы расстреливали на месте всех неспособных дальше двигаться. Военнопленные были размещены в конюшнях, где они зачастую замерзали, так как у них было отобрано всё обмундирование. Гитлеровцы открывали по пленным стрельбу из пулеметов и автоматов. В этом лагере №133 погибло от расстрелов, голода, холода и сыпного тифа не менее 35 тысяч человек. Особо зверской жестокостью отличались начальник лагеря майор Розенкранц, его помощник Эверт, доктор СС Ганке, зондерфюрер Мамат.

Осенью 1941 года немецко-фашистские захватчики организовали лагерь для советских военнопленных на территории военного городка города Науиои Вильня. Одновременная загрузка этого лагеря составляла не менее 20 тысяч человек. Свидетель Туманов А.А. рассказал комиссии об истязаниях, которым подвергали немцы за-

ключенных в этом лагере:

«Пленных пытали до потери сознания, подвешивая их на цепях за ноги, затем снимали, обливали водой и снова повторяли то же самое».

Смертность военнопленных здесь никогда не была ниже 150 человек в сутки. Умерших закапывали на кладбище в 200 метрах от лагеря.

На основании многочисленных показаний свидетелей, жителей местечка Науиои Вильня: Галевского Л.И., Галевской Р.Н., Козловского К.А., Туманович А.И., Бублевича С.Н., Гульбияского А.А., Кондратович К.О. комиссия установила преднамеренное систематическое массовое истребление в этом лагере советских военнопленных путем голодного режима, изнурительного и непосильного труда, истязаний и расстрелов. Общее число жертв, истребленных гитлеровцами в этом лагере, составляет свыше 60 тысяч человек.

В 5 километрах от станции Безданы, Неменчинской волости, Вильнюсского уезда, был организован лагерь для советских военнопленных. По показаниям очевидцев, жителей села Безданы, Ластевского И.М., Мацкевича А.В., Родзевича И.В., Брыжука Ф.Ю., Букшанского Л.И. и других, тяжелые условия, в которых находились военнопленные: систематический голод, массовые избиения, расстрелы, порождали среди них огромную смертность. На территории данного лагеря обнаружено 18 больших могил. Лагерь был немцами полностью сожжен в августе 1943 года. Общее количество погибших здесь военнопленных, согласно документов и показаний свидетелей, достигает 25 тысяч человек.

Установлено, что во всех перечисленных лагерях на территории Литовской ССР немцы уничтожили не менее 165 тысяч советских военнопленных.

Разорение сельского хозяйства и закрепощение литовских крестьян

В 1940—1941 годах в Литве свыше 75 000 сельскохозяйственных рабочих, безземельных и малоземельных крестьян были наделены земельными участками. Среди них было распределено около 400 тысяч га земли. Все получившие землю обеспечены кредитом на строительство, сельскохозяйственным инвентарем, оборудованном, семенами. Таким образом в Литовской ССР были заложены основы расцвета сельского хозяйства.

Фашистские колонизаторы сразу же отобрали у трудового крестьянства полученную ими землю. Гитлеровский министр земледелия Дарре откровенно заявил:

«...Мелкие местные крестьяне должны быть удалены со своих земель и превращены в безземельных пролетариев, чтобы было сокращено их размножение. Культивируемые земли должны перейти в руки класса немецких господ. На всем восточном пространстве только немцы имеют право быть владельцами крупных поместий. Страна, заселенная чужой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных слуг и промышленных работников».

Генеральный комиссар Литвы фон Рентельн в приказе от 18 сентября 1941 года распорядился:

«Новоселы и малоземельные крестьяне, получившие в пользование землю согласно постановлению большевистского Совета Министров от 5 августа 1940 года, считаются утерявшими это право. Настоящее применяется также к лицам не немецкого происхождения, переселившимся из Германии. Земельные участки, предоставленные новоселам и переселившимся из Германии, передаются в управление тем кому они принадлежали до отчуждения».

Стоняя трудовое литовское крестьянство с земли, гитлеровцы грабили у него весь живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь и оборудование, отнимали даже тот лес, который у него был заготовлен для строительства жилых построек. Рейхскомиссар Остланда Лозе в приказе от 13 сентября 1941 года дал следующее указание:

«Весь принадлежащий сельскому хозяйству живой и мертвый инвентарь переходит в пользование старых владельцев или соответственно назначенных управляющих, которые несут ответственность за все ведение хозяйства».

Отобрав у литовских крестьян землю, оккупанты закрепостили их и превратили в рабов немецких колонистов. В приказе Лозе от 13 сентября 1941 года говорилось: *«Новоселы считаются наемниками хозяев, которым возвращается земля»*. В развитие этого приказа генеральный комиссар Литвы Рентельн 13 сентября 1941 года указал:

«...строго наказуемы сельскохозяйственные рабочие и бывшие новоселы, которые откажутся занять указанное им место работы, оставят его или будут мешать утвержденному управляющему принять управление хозяйством».

В январе 1942 года в Риге было создано общество по управлению землей «Остланд», в задачу которого входила организация хозяйств немецких колонистов. По неполным данным, только до осени 1942 года в Литву было завезено из Германии 16 300 немецких семейств, не считая многочисленных владельцев различного рода сельских и городских торговых и промышленных предприятий.

В продолжение всей оккупации немцы беспощадно изгоняли из своих хозяйств литовских крестьян и грабили их имущество. Так, в течение осени 1942 года в Мариампольском, Таурагском, Кедайнском и Вилкавишкском уездах были лишены земли 2 057 семей. Вместе с землей у них было отобрано все движимое имущество: 2 475 лошадей, 2 267 коров, 2 973 свиньи, 2 386 овец, 1 426 плугов, 1 318 борон, 859 повозок. Все эти семьи были обязаны без всякого возмещения оставить немцам следующие запасы сельскохозяйственных продуктов (в центнерах): ржи — 22 166, пшеницы — 16 307, ячменя — 13 114, овса — 22 914, картофеля — 57 052.

В результате хозяйничанья гитлеровских захватчиков, по неполным данным, лишь по 14 уездам Литовской ССР поголовье скота и птицы по сравнению с 1940—1941 г.г. сократилось: по лошадям — на 136 140 голов, по крупному рогатому скоту — на 565 995 голов, по свиньям — на 463 340 голов, по овцам — на 594 492 головы, по курам — на 996 000 голов, по гусям и уткам — на 424 178 голов.

Разрушение промышленности, коммунального хозяйства и транспорта Литовской ССР

Гитлеровские захватчики нанесли огромные разрушения промышленности Литовской ССР. Они взорвали крупные электростанции республики: Вильнюсскую, мощностью в 9 тыс. киловатт, и Каунасскую, мощностью в 16 тыс. киловатт. Они разрушили, сожгли и разграбили в городах Литвы все основные промышленные предприятия.

В гор. Каунас немцы уничтожили металлургический завод «Металас», оптическую фабрику «Спектрас», резиновую фабрику «Гума», мясокомбинат, стекольный завод, 3 мельничных комбината, 2 мыловаренных фабрики. Вывезли в Германию оборудование лесозаводов, фабрики шерстяных и бумажных тканей, фабрики «Рамуна».

В гор. Вильнюс захватчики разрушили завод радиоаппаратуры «Электрит», лесопильные и фанерные заводы. В гор. Шауляй сожгли и уничтожили первоклассный кожевенный завод №6, обувную фабрику «Ватас», выпускавшую до 2 тысяч пар обуви в день, 3 кондитерских фабрики, пивоваренные заводы, маслобойный завод.

В гор. Науоис Вильне немцы уничтожили станкостроительный завод и бумажную фабрику, в местечке Швенчупе сожгли спиртовой завод. С табачных фабрик республики оккупанты вывезли все электромоторы, сожгли много известковых и кирпичных заводов. В Паневежисе взорвали 7 мельниц и хлебозавод. С бумажной фабрики в Петрушанах захватчики из 300 имевшихся там электромоторов вывезли 244. По всей территории республики немцы разрушили большое количество мелких промышленных и кустарных предприятий.

Немецко-фашистские захватчики варварски уничтожили в городах Литвы коммунальное хозяйство. Помимо электростанций, они разрушили в Вильнюсе газовый завод, водонасосную станцию со всеми агрегатами, Каунасский водопровод в Эйгулях с резервуаром на Жалякальнис. Городское население было оставлено без света и воды. В Вильнюсе немцы взорвали новые мосты через реку Нерис (Вилию): Жверинасский, длиной в 82 метра, Зеленый, длиной 86 метров, Антокольский, длиной в 110 метров, в Каунасе уничтожили 3 моста: 2 через реку Немунас и один через реку Нерис (Вилию).

Перед своим отступлением из Литвы, начиная с 6 июля 1944 года, в течение 7 дней, немецко-фашистские захватчики взрывали и сжигали наиболее благоустроенные дома и общественные здания в городах, уничтожали целые кварталы и улицы. Одна из центральных улиц города Вильнюс, Вокеню, центр торговых предприятий, после ухода немцев представляет собой сплошные руины. В гор. Каунас сожжено немцами, вместе с населением, предместье Вильямполе, уничтожена улица Бирштоно. Всего в городах Вильнюс и Каунас разрушено 4 612 домов с кубатурой в 8 414 тыс. куб. метров. Взорваны и сожжены уездные города Вилкавишкис и Расейняй.

Огромные разрушения фашистские громилы причинили учреждениям связи. Сожжены здания городской и междугородной телефонных станций, радиостанции и почтамтов. Приведены в негодность и уничтожены линия связи и кабельные сооружения. Значительная часть оборудования автоматической и междугородней телефонных станций, центрального телеграфа, радиостанций, радиоузла и мастерских немцы вывезли в Германию.

Под руководством гитлеровского начальника литовских железных дорог Доллинга, его заместителей Гофмана и Гиркенса, начальника полиции литовских железных дорог Краузе немецкие захватчики произвели разгром железнодорожного хозяйства в Литве. Они взорвали, сожгли и разрушили железнодорожные электростанции, здания депо и паровозоремонтных мастерских, насосные станции, водонапорные башни, разрушили тоннель близ гор. Каунас, взорвали железнодорожные мосты через реку Немунас длиной в 332 метра, через реку Нерис длиной в 301 метр и 49 других мостов, уничтожили 330 километров главных и 46 километров станционных путей, взорвали вокзалы на станциях: Каунас, Турмонтас, Дукштас, Жасляй, Кайшадорис, Варена, разрушили вокзалы на станциях Вильнюс, Швенченелай, Пабраде и других, уничтожили или подорвали 4 283 товарных, 257 пассажирских вагонов и 183 паровоза; вывезли в Германию механическое оборудование многих депо и паровозоремонтных мастерских, аппаратуру телефонных и телеграфных станций.

Фашистские захватчики проводили массовый грабеж литовского городского населения. Все лучшие дома и квартиры были отняты у жителей и переданы немецким гражданским и военным чиновникам и переселившимся из Германии «колонизаторам». У населения городов гитлеровцы отбирали вещи и продукты.

Ценные вещи и товары были собраны гитлеровцами в специальные магазины с надписью «Только для немцев» и продавались немцам по баснословно низким ценам.

Погромщики и убийцы мирного населения и советских военнопленных должны предстать перед судом советского народа

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что виновниками чудовищных преступлений, совершенных на территории Литовской Советской Социалистической Республики, являются: рейхскомиссар Лозе, заместители рейхскомиссара: Эше, Матиссен и Фреундт, генеральный комиссар Литвы д-р фон Рентельн, его заместители — обергубертсфюрер Наберсберг, доктор Пензе, капитан Шененбек и доктор Декстеймер, командующий войсками генерал кавалерии Бремен, начальник полиции Остланд обергруппенфюрер СС Искельн, начальник полиции Литвы бригаденфюрер СС генерал-майор Гарм, начальник СС и полиции Литвы бригаденфюрер

СС, генерал-майор Высоцкий, начальник полиции безопасности и СД Литвы оберфюрер доктор Фуке, начальник СС и полиции доктор Музиль, начальник бригады СС Гинтце и генерал-майор Вансе, представитель генерального комиссара доктор Вреде, секретари генерального комиссара фон Фрик и Веер, адъютант генерального комиссара Мейзе, военный комендант Литовского генерального округа генерал-майор Юст, начальник охранной полиции Косман, руководители гитлеровской молодежи в Литве обербанфюрер Кортманн и штурмбанфюрер СА Вестер, руководитель общества по колонизации доктор Кобе, руководитель штаба по переселению штурмбанфюрер СС Дукарт, высший государственный советник штандартфюрер СА Лют, начальник судебного отдела генерального комиссариата Фризе, начальник управления по распределению рабочей силы, правительственный советник доктор Дюнбир, чиновник по вопросам сельского хозяйства на Востоке профессор доктор Касниц, советники военного управления: доктор Гауль, доктор Фридрих, Росс, Фрелих и Эльсман, начальник Литовской железной дороги Доллинг, его заместители Гофман и Гиркенс, начальник полиции по Литовской железной дороге Краузе, советник по железной дороге Лангнер, шефы концентрационных лагерей Яцке и оберштурмфюрер Мюллер, оберейнзацфюрер штаба Розенберга доктор Мюллер, руководитель «исследовательского музея восточных народов» во Франкфурте-на-Майне доктор Поль, директор банка Вильгельм Шпильгер, комендант гор. Вильнюс генерал-майор Дитфурт и фон Остманн, начальник СС и полиции в гор. Вильнюс оберштурмбанфюрер Криг, главный окружной руководитель по труду Мюллер, окружной руководитель по сельскому хозяйству Бекманн, гебитскомиссары: Хингст, оберфюрер СА Крамер, Ленцен, Вульф, Гевеке, фон Штаден, оберштурмбанфюрер СС Вальтер Неум, заместители: Аппенродт, Лакнер, ректор Браун, Мурер, начальник охранной полиции в Каунасе капитан Бюнгер, обершарфюрер Ланге, командиры охранной полиции и полевой комендатуры в Каунасе капитан Моргерд, капитан Пабст, капитан Кейдель, лейтенанты Тиль, Вейс и Тильман, командир гарнизона в Каунасе Гюс, комендант города Пренай, капитан войск СС Рейнерт, судьи Гафакен и Лукас, прокурор Лихтенштейн, начальники политических отделов: штурмфюрер СА барон фон Штаден, барон фон Ропп, Реке, криминальный советник Шмитц, главный областной руководитель по труду Рихтер, руководитель народного образования в Каунасе штандартфюрер доктор Эрих Майер, оберштурмбанфюрер СС Шмолл, фрауенфюрер Элленброк, гестаповцы: оберфюрер СА Вагнер, оберштурмбанфюрер Гекке, гауптштурмфюрер Ринк, унтершарфюрер Пильграм, обершарфюрер Ауэр, обершарфюрер Финитер, обершарфюрер Киттель, Гротт, шеф гестапо Вульф из Берлина, капитан Герт из Кенигсберга, оберштурмфюрер Нойтебауер, оберштурмфюрер Артшвагер из Клайпеды, оберштурмфюрер Рихтер из Берлина, обершарфюрер Майер Герман из Вены, Швейнбергер из Берлина, начальник тюрьмы г. Вильнюс, гауптшарфюрер Мартин Вайсе из Карлсруэ, начальник концентрационных лагерей Елизавета Зеелинг, комендант концентрационного лагеря №336 полковник Эргардт, начальник концентрационного лагеря №133 майор Розенкранц, его помощник Эверт, врач того же лагеря доктор СС Ганке, зондерфюрер Мамат, старший командир штурмовиков СС Сонс, командир штурмовиков СА Лют, начальник отдела комендатуры Бранд, начальник отдела пропаганды Велема, руководитель службы связи в Каунасе Гарш, командир роты штурмовиков Мюллер, обершарфюрер Фаульгарбер, шеф района Панеряй Пэрр, начальник охраны района Панеряй Бинке, шеф штаба Розенберга в гор. Вильнюс Шпоркет, руководитель Каунасского отделения штаба Розенберга доктор Вульп, зондерфюрер Ганс Луц, командир окружной жандармерии в гор. Каунас лейтенант Мюллер, комендант лагеря в Вилиямполе оберштурмфюрер Иордан, управляющий делами общества «Остланд» доктор Гартманн, главные окружные руководители по труду Габерман и Мюллер, доктор фон Берт из Берлина, Шпинклер из Берлина, Вилли Шеффер из Касселя, директора заводов: спиртового Кирхгеер и пивоваренного Гилланд.

Все они должны предстать перед судом и понести суровое наказание за свои кровавые злодеяния.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ^[177]

Ворвавшись в город Львов 30 июня 1941 года, немецкие захватчики объявили Львовскую область «дистриктом Галиции» и ввели в ней так называемый «новый порядок» безудержного грабежа, насилий, пыток, массовых расстрелов и убийств мирного населения.

Убийства советских граждан совершались не случайными бандитскими группами немецких офицеров и солдат, а преднамеренно немецкими воинскими соединениями, полицией и СС, организованно, по заранее разработанному плану германского правительства. Для массового истребления советских людей был создан особый аппарат и организована целая сеть лагерей для уничтожения людей.

Главным вдохновителем и организатором системы истребления людей являлся рейхсминистр Германии Гимлер, неоднократно приезжавший в Львов для инспектирования и проверки деятельности учрежденных по его воле «предприятий смерти».

Для расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков Чрезвычайная Государственная Комиссия назначила специальную комиссию в составе депутатов Верховного Совета Союза ССР генерал-майора И.С. Грушецкого, Н.В. Козырева и В.Г. Садового, доктора И.М. Трегуба, Е.С. Грушко, председателя исполкома Львовского Городского Совета П.В. Бойко, П.С. Турченко, А.А. Вишневого, представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии С.Т. Кузьмина, при участии главного судебно-медицинского эксперта Красной Армии доктора медицинских наук М.И. Авдеева, помощника главного судебно-медицинского эксперта Красной Армии В.И. Пухнаревича, судебно-медицинского эксперта Д.А. Голаева, эксперта-криминалиста Н.И. Герасимова, про-

курора Львовской области И.П. Корнетова и начальника следственного отдела Львовской областной прокуратуры П.З. Крыжановского.

На основании материалов расследования, произведенного специальной комиссией, заключения судебно-медицинской экспертизы, а также многочисленных свидетельских показаний советских граждан и граждан иностранных государств Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что в Львове, Рава-Русской, Золочеве, Сокале, Яворове, Жолкве, Городке, Бродях, в Подкаменском, Ново-Ярычевском, Ивано-Франковском и других районах Львовской области немецкие захватчики истребили около 700 тысяч советских людей — мужчин, женщин, детей, а также подданных Чехословакии, Югославии, Голландии, Великобритании, Соединенных Штатов Америки, привезенных в Львов из концентрационных лагерей Германии.

Немецкие захватчики убили в Львове виднейших деятелей науки и искусства

Отряды гестаповцев еще до захвата Львова имели составленные по указанию германского правительства списки виднейших представителей интеллигенции, предназначенных к уничтожению. Тотчас же после захвата города Львова начались массовые аресты и расстрелы. Гестаповцы арестовали: члена Союза советских писателей, автора многочисленных литературных произведений, профессора Тадеуш Бой-Желенского, профессора медицинского института Романа Ренцкого, ректора университета профессора судебной медицины Владимира Серадского, доктора юридических наук Романа Лонгшамю-де-Берье вместе с тремя его сыновьями, профессора Тадеуша Островского, профессора Яна Грека, профессора хирурга Генрика Гиляровича, профессора-стоматолога Антона Тешинского, профессора Францишека Гроэра, профессора патологической анатомии Витольда Новицкого, докторов физико-математических наук Владимира Стожека и Антона Ломницкого, академика Соловий, почетного члена многих академий наук Казимира Бартель, доктора химических наук Станислава Пилат, доктора технических наук Каспара Ваятеля, доктора технических наук Романа Виткевича, доктора технических наук Владимира Круковского, профессора Станислава Прогульского, профессора Менчевского, этнографа Адама Фишера, доктора технических наук Казимира Ветуляни, известного юриста, члена Кодификационной Комиссии Польши, профессора Мауриция Аперханда, львовскую писательницу Галину Гурскую, критика Остапа Ортвина, доцентов Ауэрбаха, Пясецкого, физика Бандера, инженера Шимона Блюментала, хирурга Руффа, доцента Чортковера и других профессоров и преподавателей учебных заведений.

Профессор Львовского медицинского института Ф.В. Гроэр, которому случайно удалось избежать смерти, сообщил комиссии:

«Когда 3 июля 1941 года, в 12 часов ночи, меня арестовали и посадили на грузовую машину, в ней уже находились профессора: Грев, Бой-Желенский и другие. Нас повезли в дом «Бурса Абрагамовичев». Ведя нас по коридору, гестаповцы глумились над нами, подталкивали прикладами винтовок, дергали за волосы и били по голове... Позже я видел, как из общежития «Бурса Абрагамовичев» немцы вывели под конвоем 5 профессоров, четверо из них несли окровавленный труп убитого немцами при допросе сына известного хирурга Руффа. Молодой Руфф был также специалистом. Вся эта группа профессоров под конвоем проследовала по направлению в Кадетской горе. Спустя, 15—20 минут я услышал залп из винтовок в том направлении, куда повели профессоров».

Чтобы унижить человеческое достоинство, немцы прибегали к самым изощренным истязаниям арестованных ученых, а затем расстреливали их.

Житель города Львова Гольцман Б.О. показал перед специальной комиссией, что он сам видел, как во двор дома №8 на улице Артишевского в июле 1941 года эсэсовцы *«привели 20 человек, среди них 4 профессора, адвокаты, врачи. Одного из них я знаю по фамилии — доктор юстиции Крепс. Среди приведенных было 5—6 женщин. Эсэсовцы заставили их языком и губами мыть лестницы в 7-ми подъездах 4-этажного дома. После того, как все лестницы были вымыты, этих же людей заставили собирать на дворе губами мусор... Весь собранный мусор нужно было перенести в одно место двора... Всё это вместе со мной видел также дворник дома №8 по улице Артишевского Гира Леопольд. После окончания работы гестаповцы выбрали из этой группы 5 человек, вывели их за город и расстреляли».*

Фашистские захватчики тщательно скрывали факты истребления интеллигенции. На неоднократные просьбы родственников и близких сообщить, какая судьба постигла ученых, немцы отделывались «незнанием».

По приказу рейхсминистра Германии, Гимmlера, осенью 1943 года гестаповцы сожгли трупы расстрелянных профессоров. Производившие раскопки трупов бывшие заключенные Яновского лагеря Мандель и Корн сообщили комиссии следующее:

«5 октября 1943 года ночью между улицами Кадетской и Вулецкой, по приказу одного из гестаповцев, при свете прожекторов нами была отрыта яма, из которой мы извлекли 36 трупов. Все эти трупы нами были сожжены. Во время извлечения трупов из ямы мы обнаружили документы на имя профессора Островского, доктора физико-математических наук Стожека и профессора политехнического института Казимира Бартеля».

Расследованием установлено, что в первые же месяцы оккупации немцы арестовали и убили в Львове свыше 70 виднейших деятелей науки, техники и искусства.

Массовое истребление немецко-фашистскими захватчиками мирного населения и советских военнопленных

Немецкий губернатор «дистрикта Галиции», в который входила Львовская область, — доктор Вехтер и гене-

рал-майор СС Кацман в ноябре 1941 года, в Львове, на Яновской улице создали так называемый «лагерь принудительных работ». Он был огорожен кирпичной стеной и обнесен колючей проволокой. Сюда немцы стогнали мирных граждан и военнопленных. Заключенных в Лагере, морили голодом, заставляли выполнять непосильные работы, зверски избивали палками, заражали тифом и дизентерией. Рацион дневного довольствия состоял из 2 стаканов «черного кофе», приготовленного из древесных опилок, 100 граммов хлеба с примесью тех же опилок, тарелки супа из картофельных очисток и не обеспечивал даже голодного существования. Заключенные тысячами умирали от голода, тифа, дизентерии и расстреливались.

Гауптштурмфюрер СС Гебауэр установил в Яновском лагере систему зверского истребления людей, которую потом, после его перевода на новую должность, «совершенствовали» коменданты лагеря оберштурмфюрер СС Густав Вильгауз и гауптштурмфюрер СС Франц Варцок.

— *Я лично видел*, — сообщил комиссии бывший заключенный лагеря Аш, — *как гауптштурмфюрер СС Фриц Гебауэр душил женщин и детей, а мужчин зимой замораживал в бочках с водой. Бочки наполнялись водой, жертвам связывали руки и ноги и опускали в воду. Обреченные находились в бочке до полного замерзания.*

По показаниям многочисленных свидетелей советских военнопленных, а также французских подданных, находившихся в немецких лагерях, установлено, что немецкие бандиты «изобретали» самые изощренные методы истребления людей, причем все это считалось у них делом особой чести и поощрялось главным военным командованием и правительством.

Гауптштурмфюрер СС Франц Варцок, например, любил подвешивать заключенных за ноги к столбам и так оставлять их до наступления смерти; оберштурмфюрер Рокита лично распарывал заключенным животы; начальник следственной части Яновского лагеря Гайне просверливал тела заключенных палкой или куском железа, плоскогубцами вырывал у женщин ногти, затем раздевал свои жертвы, подвешивал их за волосы, раскачивал и стрелял по «движущейся мишени».

Комендант Яновского лагеря, оберштурмфюрер Вильгауз, ради спорта и для удовольствия жены и дочери, систематически стрелял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключенных, работавших в мастерских, потом передавал автомат своей жене, и она также стреляла. Иногда, чтобы доставить удовольствие своей 9-летней дочери, Вильгауз заставлял подбрасывать в воздух 2—4-летних детей и стрелял в них. Дочь аплодировала и кричала: «Папа, еще, папа, еще!», и он стрелял.

Заключенные в лагере истреблялись без всякого повода, часто на спор. Свидетельница Киришнер Р.С. сообщила следственной комиссии, что комиссар гестапо Вепке поспорил с другими палачами лагеря о том, что он одним ударом секиры разрубит мальчика. Те ему не поверили. Тогда он поймал на улице 10-летнего мальчика, поставил его на колени, заставил сложить руки ладонями вместе и пригнуть к ним голову, примерился, поправил голову мальчика и ударом секиры разрубил его вдоль туловища. Гитлеровцы горячо поздравляли Вепке, крепко пожимали ему руки, хвалили.

В 1943 году в день рождения Гитлера (ему исполнилось 54 года) комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вильгауз отсчитал из числа заключенных 54 человека и лично расстрелял их.

При лагере для заключенных была организована больница. Немецкие палачи Брамбауэр и Бирман каждого 1-го и 15-го числа проводили проверку больных и, если устанавливали, что среди них имеются такие больные, которые находятся в больнице более 2 недель, тут же их расстреливали. При каждой такой проверке расстреливались от 6 до 10 человек.

Пытки, истязания и расстрел немцы производили под музыку. Для этой цели они организовали специальный оркестр из заключенных. Оркестром заставили руководить профессора Штрикс и известного дирижера Мунд. Композиторам немцы предложили сочинить особую мелодию, которую назвали «Танго смерти». Незадолго до ликвидации лагеря немцы расстреляли всех оркестрантов.

В Яновском лагере фашисты расстреляли более 200 тысяч мирных советских людей. Бывший заключенный этого лагеря Мантель показал:

«За два месяца моего пребывания в лагере немцы убили до 60 тысяч заключенных и в том числе 8 тысяч детей».

Основным местом массовых расстрелов в Яновском лагере был овраг, названный заключенными «Долиной смерти», который находился на расстоянии полкилометра от лагеря.

На территории Яновского лагеря комиссия обнаружила 3 ямы с трупами расстрелянных во второй половине июля 1944 года советских граждан. Как показали свидетели и родственники убитых, немцы расстреляли здесь советских людей, привезенных из разных тюрем гестапо. Нарушив обычный порядок, гитлеровцы на этот раз не обыскали одежды убитых. В карманах одежды замученных комиссия обнаружила документы. По этим документам установлено, что в числе убитых и замученных были: Рыбий Василий, 1910 года рождения, Панасюк Василий, Окунь Михаил, Сорока Егор, 1921 года рождения, уроженец г.Львова. Рыбаковский Рудольф, 1913 года рождения, уроженец г.Львова, Говалевич Леон, Лакрайх, 1913 года рождения, уроженец с.Седлиска, Львовской области, Цыганик Варфоломей, 1904 года рождения, уроженец с. Комарно, улица Садовая, №66, Вонсович Михаил, 1905 года рождения, Табак Василий, Гаврилов Михаил, 1904 года рождения, Белый Чеслав, 1914 года рождения, проживавший в г.Львов, Синерухин Александр, 1916 года рождения, Табино Василий, 1919 года рождения.

Судебно-медицинская экспертная комиссия, обследовав «Долину смерти» в Яновском лагере и изучив показания свидетелей, установила:

«1. В Яновском лагере производились массовые убийства мирного гражданского населения.

2. Убийства производились в основном путем расстрела типичным немецким приемом — выстрелом в затылочную область головы. Часть расстрелянных убила выстрелами в теменную область черепа.

3. На территории, прилегающей к Яновскому лагерю, немцы производили массовое захоронение и впоследствии сожжение трупов. Сожжение трупов производилось длительное время и в разных местах территории лагеря, но большую часть трупов немцы сжигали в балке-выемке.

4. Земля в этой балке на значительной глубине оказалась пропитанной трупными жидкостями и жирами с гнилостным запахом и запахом гари.

5. Характер обнаруженного пепла, состоящего из мелких кусочков костей, хрупкость более крупных обломков костей свидетельствуют о том, что сожжение трупов производилось при высокой температуре. Оставшийся при сожжении трупов пепел зарывался в различных местах на территории лагеря на глубине до 2 метров. Таких мест обнаружено 59. Кроме того, пепел с костями был обнаружен на поверхности почвы почти на всей осмотренной территории лагеря.

Учитывая общую площадь закапывания и рассеивания пепла и костей, достигающую 2 квадратных километров, экспертная комиссия считает, что в Яновском лагере истреблено более 200 тысяч советских граждан».

В июле 1941 года немецкое военное командование создало в центре города Львов, на территории крепости, именуемой «Цитадель», концентрационный лагерь для военнопленных. Под угрозой расстрела немцы заставляли заключенных работать с утра до поздней ночи. Помещения лагеря не отапливались. Заключенные десятками тысяч умирали от голода, побоев, болезней и расстреливались.

На основе свидетельских показаний установлено, что в лагере «Цитадель» за время его существования содержалось более 280 тыс. военнопленных, из которых от голода, болезней, истязаний и расстрелов погибло свыше 140 тыс. человек.

Свидетель Никифор Григорьевич Голук, находившийся в этом лагере с 8 июля 1941 года по апрель 1942 года, сообщил комиссии:

«Как медфельдшер, работавший в этом лагере, я знаю, что за 4 месяца — с августа по ноябрь 1941 года в лагере умерло только от дизентерии около 3 тысяч военнопленных. Никаких мер борьбы с болезнями немецкое командование не принимало. Наоборот, немцы умышленно привезли в этот лагерь из лагеря №385 в Рава-Русская больных сыпным тифом и разместили их в казармах группами по 10 человек среди здоровых военнопленных. После этого неизбежно в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа, от которой с ноября 1941 года по март 1942 года умерло около 5 тысяч военнопленных».

При осмотре лагеря «Цитадель» комиссия обнаружила в камерах надписи замученных военнопленных: *«Здесь умирали с голоду русские пленные тысячами. 22 января 1944 года». «Доблестная русская армия, вас ждут с нетерпением не только народы, но и военнопленные, которые обречены на голодную смерть. Как тяжело умирать».*

Массовые расстрелы мирного населения и военнопленных немцы производили также и в Лисеницком лесу, находящемся на окраине Львова по направлению к Тернополю. В этот лес немцы ежедневно пригоняли и привозили на автомашинах большие партии советских военнопленных из лагеря «Цитадель», заключенных из Яновского лагеря, Львовской тюрьмы, а также мирных советских людей, задержанных на площадях и улицах города Львова во время многочисленных облав.

Судебно-медицинская экспертная комиссия, обследовав место расстрелов советских военнопленных, обнаружила на поверхности земли и в разных ямах пепел и уцелевшие кости человеческих скелетов, искусственные зубы, предметы личного обихода, человеческие волосы. *«Остатки мозгового вещества, волосы, предметы личного обихода и резкий трупный запах в ямах свидетельствуют о том, что в них первоначально продолжительное время были зарыты трупы, которые потом были вырыты и сожжены».*

На основании расследования установлено, что немцы расстреляли в Лисеницком лесу свыше 200 тысяч человек.

В сентябре 1941 года, по указанию генерал-майора полиции СС Кацман, в Львове было организовано гетто, названное немцами «Юденлаг» — еврейский лагерь. Гетто было размещено на окраине города. Территория лагеря была обнесена забором с проволокой. Выходить из гетто никому не разрешалось.

На работу и с работы евреев водили только под конвоем. В лагере находилось 136 тысяч человек. Население подвергалось грабежу. Условия жизни в гетто были ужасающими — люди спали на голом полу и под открытым небом, с евреями обращались хуже, чем со скотом. Немцы проводили в городе массовые облавы на евреев. Они не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей. Взрослых они просто убивали, детей отдавали командам гитлеровской молодежи в качестве мишеней при стрельбе.

Вот что сообщила по этому поводу в своем письменном заявлении французская подданная Ида Вассо, diretриса существовавшего в Львове еще задолго до войны специального убежища для престарелых и нетрудоспособных французов:

«...С приходом немецких властей мы были постоянно уверены, что будут убийства. И, действительно, не прошло и 2—3 дней, как мы услышали стрельбу из автомата, которая уверила нас в расстреле евреев — этих несчастных людей. Я имела возможность посетить гетто. Гигиенические условия там были ужасны. Люди жили по 15—20 человек в одной комнате, без воды и электричества. Дороговизна была ужасная и, как всегда, сила денег играла свою роль. Несчастные были обречены на голод. Один раз в неделю их посещало гестапо, которое одних увозило в Бельзец (Польша), других к песчаному рву, чтобы расстрелять. Приговоренных увозили в одних сорочках, так как немецкие бандиты имели наглость отбирать их одежду и награбленное отправлять вагонами».

ми в Германию. Маленькие дети были мучениками. Их отдавали в распоряжение гитлеровской молодежи, которая из этих детей делала живую мишень, учась стрелять. Никакой жалости к другим, все для себя, таков девиз немцев. Надо, чтобы весь мир знал об их методе. Мы, которые были беспомощными свидетелями этих возмутительных сцен, мы должны рассказать об этих ужасах, чтобы все знали о них, а, главное, не забыть их, так как вездесудно не вернет жизнь миллионам людей.

Забвение было бы изменой человечеству. Страдания советских, французских, английских, американских пленников должны быть отомщены. Запомните на всю жизнь».

Ида Вассо Том.

За время существования гетто с 7 сентября 1941 года по 6 июня 1943 года немцы истребили свыше 130 тысяч человек, часть из них была расстреляна в самом гетто, часть в Яновском лагере, остальных немцы отправили для уничтожения в лагерь смерти в Бельзец (Польша).

Немцы производили массовое уничтожение советских людей и в других городах Львовской области. В городе Рава-Русская немцы организовали лагерь военнопленных. С июня 1941 года по апрель 1942 года в этом лагере находилось свыше 18 тысяч советских военнопленных. Все они к концу этого периода были уничтожены. Военнопленных, поступивших в лагерь, немцы раздевали, оставляли на них только одно белье, в зимнее время водили на работу раздетыми и разутыми. Лишенные сил военнопленные падали. Немцы их добивали из автоматов и просто кололи штыками.

Житель села Яныче, Магеровского района, Кочак Василий Степанович показал перед следственной комиссией:

«Я работал в лагере советских военнопленных с декабря месяца 1941 года по апрель 1942 года. За это время немцы уничтожили голодом, холодом и расстреляли около 15 тысяч военнопленных. Трупы умерших и расстрелянных увозили на тракторных прицепах в Волковицкий лес. Голодные и истощенные военнопленные, когда их проводили по территории лагеря, набрасывались на кучи гнилой и мерзлой картошки, но конвоиры их тут же расстреливали. Я видел, как выводили совершенно голых военнопленных, привязывали веревками к стене или столбу и в зимнее время держали их так, пока они не замерзали».

Массовое истребление советских людей немцы производили повсеместно, особенно в городах: Золочеве, Сокале, Яворове, Жолкве, Городке, Бродах.

Немцы истребили в лагерях Львовской области тысячи подданных иностранных государств

Чрезвычайной Государственной Комиссией установлено, что немецкое правительство систематически направляло в лагеря Львовской области военнопленных и мирных граждан иностранных государств из концентрационных лагерей, расположенных на территории Германии. Здесь немцы подвергали их истязаниям и убивали.

Житель города Львова Бичь З.Е. сообщил комиссии:

«Когда я находился в заключении в Яновском лагере, там были, кроме украинцев, поляков и евреев, подданные Франция, Чехословакии, Италии и других государств».

Военнопленных иностранных государств немцы принуждали к непосильной работе, избивали, морили голодом, преднамеренно истребляли. Все это подтверждается многочисленными показаниями советских граждан, а также показаниями Освобожденных Красной Армией в Львове Французских военнопленных, находившихся в заключении в «Цитадели» и Яновском немецких лагерях.

Уроженец города Ангулем департамента Шарант (Франция) Эмиль Леже, взятый немцами в плен 13 июня 1940 года в Шампани (Франция), сообщил:

«С первых же минут моего плена мне пришлось испытать на себе жестокие методы, применяемые немцами... Под страхом смерти нас заставляли работать без отдыха, без достаточного количества пищи; мы были истощены, изнурены, покрыты вшами, без обуви, наше обмундирование было в лохмотьях. Когда мы жаловались на подобный режим, нам отвечали: «Это еще слишком хорошо для французских свиней и собак».

В течение этого времени мы не имели известий от наших родных. Когда мы просили разрешения написать им, то немцы отвечали нам: «Зачем? Ваши родные, без сомнения, убиты, а с вашими женами спят немецкие солдаты»...

...В 1941 году я присутствовал при первом прибытии русских военнопленных в «Шталаг» Нейбранденбург. Это было ужасно. Русские были настоящими скелетами, в которых еще теплились остатки жизни. У многих из них были штыковые раны на ягодицах и спине. Некоторых немцы убивали, некоторые сами падали мертвыми от истощения при малейшем передвижении. Мертвых раздевали, складывали на телегу и везли в общую могилу, находившуюся в окрестностях «Шталага». Телега возвращалась в «Шталаг», нагруженная хлебом и овощами для кухни на телеге были кровавые пятна. Это было отвратительно! В эти минуты мы поняли, на какую утонченную жестокость способны немцы. Каждое утро немецкие офицеры и унтер-офицеры посещали лагерь русских военнопленных. Они говорили: «Мы идем упражняться в тире по живой мишени».

Приблизительно 200 человек русских солдат умирали ежедневно. Их убивали или они умирали от болезней и голода. Среди многих убийств я лично видел ужасный способ убийства русских военнопленных немецкими солдатами. Ударами палки или ударами сапога они разбивали им головы, говоря: «Русские собаки не стоят ружейной пули». Доведенные до высшей степени утонченности подлость, варварство и жестокость являются отличительными чертами «бошей» в лагерях.

В январе 1943 года я был отправлен в «дисциплинарный лагерь 325» в Галицию (Рава-Русская — Тернополь

— Львов). Здесь был еще более жестокий режим.

Много французов было убито в этом «Шталаге». Это был террор. Один просвет, одна мысль — смерть. Во время моего тюремного заключения в Львове мне приходилось ходить на работы по мощению улиц, что позволило быть свидетелем убийств немцами десятков тысяч людей. Улицы были завалены горами трупов женщин, детей, мужчин, убитых ночью».

Лооф Клеман сообщил следственной комиссии об ужасах немецких лагерей, которые ему пришлось пережить, будучи пленником:

«Воинскую повинность я отбывал в Сент-Авольд, близ Меца, в 18-м кавалерийском полку. Попал в плен к немцам 4 июня 1940 года в Сент-Клере (департамент Сена)... Рава-Русский лагерь военнопленных, куда я прибыл 3 сентября 1942 года, англичане называли «медленной смертью». В этом лагере был один водопроводный кран на 12 тысяч человек. Пользоваться им разрешалось только в течение 4—5 часов в день... Немецкая охрана нас терроризировала. За малейшую провинность грозила смерть. Нам не разрешалось пить воду. Мы голодали. Утром во время переключки мы с трудом стояли на ногах; нам давали на день 200 гр. хлеба, по утрам мы получали горячую воду с сосновыми иглами, днем поллитра супа. Часто суп был только водой. Мы спали на полу. Повсюду были блохи и вши. Русские военнопленные тысячами умирали в лагере от голода и тифа... По ночам в Рава-Русской происходили убийства еврейских женщин и мужчин.

Всю ночь работал пулемет. Утром, идя на работу, я сам видел большое количество трупов. Немцы даже не зарывали их и не давали себе труда увезти их»

Бывший французский военнопленный №18057, XII. Д. Марсель Риветт о зверствах немцев сообщил следующее:

«...Я отбывал воинскую повинность в Саарбурге (Мозель) в 59-м пехотном полку. Во время всеобщей мобилизации был направлен в 60-й армейский моторизованный полк. 24 июня 1940 года я попал к немцам в плен в Вогезах...

В Трире я впервые встретился с русскими военнопленными. К ним относились очень плохо. Среди военнопленных были и поляки. Русские жили отдельно в своих камерах, и им давали в пищу картофельную шелуху.

В Лимбурге в «Шталаге XII.А.» обращение с военнопленными было еще более суровым. В 6 часов утра нас выгоняли из барака ударами дубины... В полдень давали суп, который русские должны были есть стоя. Если кто-либо из них присаживался, тут же щелкала винтовка или стрелял пулемет. Французский товарищ подымал упавшего и нес его в госпиталь, где врачу оставалось только констатировать смерть. Ежедневно умирало 15—20 русских. Причиной смерти были: голод, болезнь или убийство. Французский доктор, который делал вскрытие, находил в кишках умерших траву, земляных червей, которых ели умиравшие от голода пленные...

...Начальник «Шталага XII.А.», барон фон Бок, нашел, что сборы в бараках происходят слишком медленно (нас было 1 200 человек в двух бараках №№7, 8). Последовал приказ быть готовым в 4 минуты, опоздавших разрешалось колоть штыками. В этом находил себе, удовольствие унтер-офицер Шрейнер, коловший нас. Нас перепели в Рава-Русскую. Там мы обратили внимание на плохой вид русских военнопленных. Было 10 января, и термометр показывал 10—15 гр. ниже нуля, а многие были только в сорочках, кальсонах, босые, без шапок и все страшно похудевшие, почти скелеты. У всех у них были штыковые раны на спине и ягодицах. Нам удалось поговорить с русскими и узнать, что они военнопленные и работают непосредственно на линии фронта. И когда их спросили, почему они раздеты, то получили ответ, что немцы раздели их, чтобы защитить себя самих от холода. После двухдневной проверки и вызовов нас поместили в подвале без света. Мы ничего не ели. Было 20 гр. ниже нуля, среди нас были солдаты Северной Африки, которые невыносимо страдали от холода.

1-го июня 1943 года произошла кровавая бойня, во время которой было убито 10 тысяч человек. Некоторые куда-то были увезены. На следующий день, когда мы шли утром на работы, мы видели много трупов женщин, детей, мужчин, лежавших в лужах крови. Немцы убивали без разбора всех евреев, где бы они их ни встретили. Это было невообразимо! Убийства продолжались около месяца.

Советская армия вступила в Львов. И с тех пор мы свободны, ожидаем скорого возвращения во Францию. Я надеюсь, что немцы сполна заплатят за пролитую ими кровь и будут наказаны за все ими содеянное. Марсель Риветт, военнопленный №18057, XII.Д.».

Ле Фуль Жорж сообщил комиссии:

«После пяти тяжелых суток мы ночью прибыли в Рава-Русскую. Нас тащили, так как большинство военнопленных совершенно ослабели. Немецкий унтер-офицер крикнул нам: «Вот вы и приехали в страну солнца». Но какой ужас этот лагерь!...

Немец-адъютант сказал нам, что в лагере Рава-Русская умерло более 3 000 русских военнопленных от тифа. Мы зарываем их тут. Случается, что среди них попадаются еще не умершие, но их всё равно бросают в ямы и засыпают негашеной известью, от которой они задыхаются. Ежедневно в лагерь прибывало 1 000 французов, бежавших из Германии. Это были те, кто не хотел работать для победы Германии»...

Вблизи г. Рава-Русская, в 200 метрах от городской больницы и метрах 50 от шоссе, на опушке леса, комиссия обнаружила 22 могильных холма. На некоторых из них сохранились кресты с французскими надписями.

Судебно-медицинской экспертной комиссией были вскрыты 2 могильных холма. В одном из них был обнаружен труп мужчины в форменной одежде французской армии. На отворотах воротника имелась цифра «24». Документов при трупе не обнаружено. В другом комиссия обнаружила два мужских трупа без одежды, со следами обугливания по всей поверхности трупов. По сохранившимся надписям на крестах могильных холмов установлено, что в них захоронены французы, замученные немцами: Бонэ Рожер, рождения 1911 года, Годи Пьер, ро-

ждения 1915 года, Дастю Пьер, Леплей Жозеф, 30 лет, Самье Арман, Блонди Рожер, 29 лет, Посэ Поль, 34 лет, Гуйон Андрэ, 30 лет, Рейю Шарль, 29 лет, Витто Эйжен, 34 лет, Сирг Камиль, Боннуа Альфонс, Котье Рожер и другие.

Немецкие захватчики, лишённые всякой морали, истребляли всех неугодных им людей: русских, украинцев, евреев, поляков, французов, чехов и даже вчерашних своих друзей по оружию — итальянцев.

Работавшая в период немецкой оккупации переводчицей в команде «Ретрово-Итальяно» Петрушковна Нина Здиславовна, по национальности полька, сообщила:

«После падения Муссолини фашисты потребовали от итальянских солдат, находившихся в городе Львове, присяги на верность гитлеровской Германии. Многие из них отказались дать присягу. Всех, кто отказывался от присяги, фашисты арестовывали. Так было арестовано 2 000 человек итальянцев и всех их немцы расстреляли.

Среди расстрелянных было 5 генералов и 45 офицеров итальянской армии, которых я знала. В числе расстрелянных находились следующие генералы и офицеры итальянской армии: генерал-майоры Манджанини Энрико, Форнароли Альфред, Джанноти Джузеппе, полковники: Манджонини Луиджи, Ашенцо, Стефанини Карло, офицеры: Джино Каруссо, Фузаролли Луиджи, Томмасо Серафини, Форнаролли Энрико, Нино Манто, Эдуард Монджианнини, Альфред Ломбарди, Ливно Корсини, Джiovанни Джакомини, Луиджи Стефанини, Персини Клено, Кастеляни Ришардо, Персианини Тулио, Дельниери Марино, Моросси Альфредо, Кастори Джиорджио, Бастианини Альфредо, Сторелли Эдуардо, Биньями Джiovанни, Валентини Джино, Саво Луиджи, Сабо Ришардо, Винченци Эмануэло, Лоренцо Веранини, Тоскано Альфонсо, Родоканакши Массимо, Либери Марселло Кристианини Роберто, Цитрини Джузеппе, Паулин Эмилио, Бискезе Донато, Джантини Луиджи, Джиаголи Тулио, Джакоцотто Тулио, Тороссе Эвальд, Кристианини Серджио, Кедрианини Лоренцо, Валентине Альфредо, Каусуро Ришардо, Руссини Бенито, Тиорсини Тулио, Кристаллини Марино, Фарино Антонио, Кальниери Марино, Массони Луиджи, Кальцари Марино».

Гражданка Французской республики Ида Вассо также подтвердила факт расстрела немцами итальянских генералов, офицеров и солдат:

«После отставки Муссолини, говорит она, немцы арестовали всех итальянцев, которые не хотели примкнуть к фашистской партии, и уничтожили их. Трупы их исчезли. Без сомнения, они были сожжены или залиты негашеной известью».

Специальные мероприятия немецких захватчиков по скрытию следов своих преступлений

В связи с успешным наступлением Красной Армии и паническим отступлением немецко-фашистских войск, гитлеровское правительство и военное командование приступили к скрытию своих чудовищных преступлений по истреблению мирного населения, советских военнопленных и подданных Франции, Чехословакии, Югославии, Польши, Голландии, Бельгии, Соединённых Штатов Америки, Великобритании, находившихся в немецких концентрационных лагерях Львовской области.

По указанию рейхсминистра Германии Гиммлера и генерал-майора полиции СС Кацман в июне месяце 1943 года были проведены специальные мероприятия по выкапыванию и сжиганию трупов замученных и расстрелянных мирных жителей, советских военнопленных и подданных иностранных государств.

В Львове немцами была создана особая зондеркоманда №1005, состоявшая из 126 человек. Шефом этой команды был гауптштурмбанфюрер Шерляк, его заместителем — гауптштурмбанфюрер Раух. В обязанности зондеркоманды входило выкапывание из земли трупов убитых немцами мирных жителей и военнопленных и сжигание их. Раскопкой и сжиганием трупов руководил шарфюрер СД Раух и обервахмейстер СД Кепик.

Извлечённые из ям трупы укладывались на специальных площадках в штабеля, от 1 200 до 1 600 трупов в каждом. Трупы обливались смолой, бензином и сжигались. Пепел и остатки костей просеивались через специальное решето с целью сбора золотых предметов — коронок, зубов, колец, часов. Свидетели Величкер, Хамайде и другие в своих показаниях сообщили, что за пять месяцев их работы в «бригаде смерти» из пепла сожжённых ими трупов было высеяно и отправлено немцами в Германию 110 килограммов золота.

Пепел рассеивался по полям, а также закапывался в землю, крупные кости собирались отдельно и перемалывались в машине-костедробилке, которая была сконструирована для ускорения «работы». Костедробилку немцы не успели уничтожить, она осталась на территории бывшего Яновского лагеря вещественным доказательством кровавых преступлений гитлеровских палачей. Руководителем по перемалыванию костей замученных был немец, шарфюрер СД Елитко.

Бывший заключённый Яновского лагеря Величкер Л.А., которого немцы заставили работать в бригаде по раскопке и сжиганию трупов, показал:

«В «бригаде смерти» по сжиганию трупов я работал с 6 июня 1943 года до 20 ноября 1943 года. За это время бригадой было сожжено свыше 310 тыс. трупов, из них около 170 тыс. на песчанике Яновского лагеря, свыше 140 тыс. в Лисеницком лесу. В это число входят как те трупы, которые бригадой выкапывались из могил, так и те, которые не закапывались в землю, а сразу после расстрела сжигались. 20 ноября 1943 года вся наша бригада сбежала. Только немногие остались в живых, остальные при побеге были убиты. Немецкие палачи организовали другую бригаду из заключённых, которые продолжали сжигание трупов. Какое количество трупов было сожжено после моего побега, я не знаю, но знаю, что сжигание трупов в Лисеницком лесу продолжалось до января 1944 года».

Свидетель Манусевич Д.Ш., также работавший в «бригаде смерти», показал следующее:

«После сжигания трупов в яру возле Яновского лагеря, нас ночью автомашинами повезли в Лисеницкий лес, где мы отырыли 45 ям с трупами расстрелянных граждан. По форме одежды, по знакам различия, пуговицам, медалям и орденам мы опознали среди трупов расстрелянных красноармейцев, а также французских, бельгийских и итальянских военнопленных, среди них были также и трупы мирных граждан».

Судебно-медицинская экспертная комиссия, во главе с главным экспертом Красной Армии, профессором Авдеевым М.И., провела обследование мест захоронения и сжигания трупов в Лисеницах и установила:

«Симметричное расположение на поверхности площадок, где были обнаружены ямы с пеплом, молодых побегов деревьев, из которых часть засохла или слабо развивается, указывает на то, что деревья посажены на этих площадках искусственно, с целью маскировки площадок. Для этой же цели производилось вкапывание по поверхности площадок пней деревьев. Эти факты свидетельствуют о том, что немецко-фашистские власти всемерно стремились скрыть следы своих преступлений. Выбор места для своеобразных «фабрик смерти» в глубине котловины, скрытой почти со всех сторон от постороннего взора высокими холмами и деревьями, также помогал немцам орудовать скрытно. Естественные условия местности, применявшаяся маскировка и сильная охрана позволяли палачам творить свое страшное дело в глубокой тайне».

Таким образом гитлеровские убийцы на территории Львовской области придерживались той же методики скрытия своих преступлений, которую они начали раньше, убив польских офицеров в лесу под Катынь. Экспертная комиссия установила полную идентичность маскировки расположенных в Лисеницах могил с такой же маскировкой могил убитых немцами польских офицеров в Катыни.

Для распространения опыта по истреблению людей, сжиганию трупов, маскировке преступлений немцы создали в Львове при Яновском лагере специальную школу по подготовке «квалифицированных кадров».

В эту школу приезжали коменданты лагерей из Люблина, Варшавы, Кракова и других городов. Руководитель зондеркоманды №1005 Шерляк у «рабочего места» учил комендантов, как производить извлечение трупов из земли, как складывать их в штабели, сжигать, высевать пепел, перемалывать кости, засыпать ямы, производить на них маскировочную посадку деревьев и кустарника.

Немецких палачей к суровому ответу!

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за массовое зверское уничтожение в гор. Львове и Львовской области мирных советских граждан, военнопленных и подданных иностранных государств гитлеровское правительство, особенно рейхсминистра Германии Гимmlера, неоднократно приезжавшего в г.Львов для инспектирования немецких убийц и палачей.

Наряду с главными вдохновителями и организаторами массовых убийств ни в чем неповинных людей виновниками их являются следующие лица: глава генерал-губернаторства доктор Франк, генерал-губернатор «дистрикта Галиции» бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции доктор Ляш, губернатор «дистрикта Галиции» доктор Вехтер, начальник полиции генерал-майор СС Кацман, начальник «Шталага XII.A.» в Германии барон фон Бок, унтер-офицер в этом же лагере Шрейнер, организатор Яновского лагеря гауптштурмфюрер Гебауэр, коменданты Яновского лагеря гауптштурмфюрер СС Варцок Франц и оберштурмфюрер СС Видьгауз Густав, помощники и заместители коменданта Яновского лагеря: лейтенант СС Шейнбах, обер-лейтенант СС Силлер, штурмфюрер СС Райс, штурмфюрер Веске Вилли, оберштурмфюрер СС Рокита, оберштурмфюрер СС Урман, оберштурмфюрер СС Шульц, обер-лейтенант СС Венке, шеф Яновского лагеря оберштурмфюрер Манвингер, шарфюрер СС Колянко, начальник следственной части шарфюрер СС Гайне, шефы «гетто»: унтерштурмбанфюрер Гайниш, шарфюрер Мансфельд, гауптштурмбанфюрер Гжимик, шеф зондеркоманды СД №1005 гауптштурмбанфюрер Шерляк, его заместитель гауптштурмбанфюрер Раух, руководитель группы по перемалыванию костей шарфюрер СД Елитко, руководитель группы по выкапыванию трупов шарфюрер СД Прайс, руководитель «бригады смерти» гауптшарфюрер Эйдель, шарфюреры СД Раис и Маер, руководитель группы по сжиганию трупов обервахмейстер СД Кепик, обервахмейстер Вольф, оберштурмбанфюрер Савицкий, коменданты лагеря «Цитадель»: капитан Блют, майор Сидорен, майор Рох, оберфельдфебель 328 полка Миллер Фриц, оберфельдфебель Пер, комиссары по делам евреев: Энгель, Зейс Икварт, Ленард, директора заводов в Яновском лагере Бляйнс, Кауфман, шарфюреры СС: Рерих, Чекаля, Хан, Блюм, Вурет, Биттерман, Мельхиор, Боэр, Коллер, Бирман, Битвер, Ульман, Браумбауер, рядовые команды СС Фокс, Гайнер, Раузер, Поляпис, Ган, Лейдарман, Кроп, оберштурмфюрер СС Гишвентнер, заместитель коменданта «гетто» Циллер, комиссар гестапо Вепке, комендант города Сокаль Миллер, гестаповцы Цейман, Гартман Риман, Гайзагов, Лекор, Крамаер, Сушес, Кроммер, Бельц, Шнар, Бенер, помощник коменданта лагеря в городе Золочев Галимак, комендант лагеря в селе Ляцки обер-лейтенант Зоммбарен Иоган, начальник полиции города Золочев майор Людвиг, начальник жандармерии города Золочев Мура, жандарм Гильзенкар, штурмовики отряда СС в городе Золочев Прейзнер, Людвиг, Монс, начальник гестапо города Жовква капитан Папен, начальник полиции обермайстер Кетер, оберштурмфюрер СС Гильденбрант, крайсгауптман города Каменка-Бугская Неринг, комендант лагеря Липник, комендант города Городок Штаер, комендант жандармерии Кремлер, комендант «гетто» Шитт, крайсгауптман в городе Рава-Русская Хагер, штаткомиссар Лиске, начальник гестапо Шпейт, шеф жандармерии — комендант города Кляйп, офицеры жандармерии: Тригнер, Маерт, Фрейнтонк, комиссары по делам евреев Гольц и Штрук, коменданты лагеря военнопленных майор Фишер, майор Гассинер, майор Флевер, заместитель коменданта лагеря майор Бем, начальник гестапо Новарро, офицер Броер, врач лагеря лейтенант Найман, ортскомендант города Яворов капитан Енке, оберштурмфюрер СС Лейбмаер, ландкомиссар Штаер, полицейские Голлоб, Нойце, Вольф.

Все они должны понести суровую ответственность за свои чудовищные злодеяния.

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ^[178]

Захватив Латвийскую Советскую Социалистическую Республику, немецко-фашистские оккупанты ликвидировали ее самостоятельность и стремились поработить латышский народ. Они объявили Ригу главным городом «Остланд» («Восточная территория») и резиденцией штаба рейхсминистра Розенберга, рейхскомиссара Прибалтики Лозе и генерального комиссара Латвии Дрекслера.

В своей преступной деятельности немецкие захватчики руководствовались директивой рейхсфюрера СС Г. Гимmlера не просто колонизировать, а превратить «Восточную территорию» в немецкие области и заселить их немцами.

В центральном берлинском органе эсэсовцев «Дас Шварце Кор» в августе 1942 года была помещена передовая статья: «Германизировать ли?». В ней говорилось следующее:

«Для одного из номеров журнала «Дейче Арбайт», посвященного заданиям по заселению Востока, рейхсфюрер СС написал следующий лозунг: «Наша задача не германизировать Восток в прямом смысле этого слова..., а способствовать тому, чтобы Восток населяли люди только немецкой, германской крови»...

И далее:

«...Мы должны создать почву для того, чтобы поселенцы, которых наш народ посылает на Восток... развивали бы биологическую силу, которая в будущем пропитает собой область и станет управлять ею и формировать ее».

«...В широте пространств, приобретаемых им (немецким солдатом) для своего народа, в том изобилии, которое они ему открывают, не будет больше ни понижения рождаемости, ни забот о пропитании, ни ограничений в жилплощади, ни чахлах городских детей, ни ухода от естественного развития в мучительные узкие рамки цивилизации. В естественных условиях немецкие матери снова будут в состоянии рожать своим мужьям детей в большом количестве...»

Захватывая землю латышских крестьян для баронов и помещиков, немцы беспощадно истребляли мирное население — мужчин, женщин и детей.

Комиссия в составе: депутата Верховного Совета СССР Калнберзина Я.Э., председателя СНК Латвийской ССР Лациса В.Т., писателей Рокпельниса Ф.Я., Судрабалнса Я.К., председателя Рижского городского исполкома Деглава А.Ф. и представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Дымова Н.Н., с участием судебно-медицинской экспертизы в составе: начальника санитарной службы армии Асатуряна А.А., армейского судебно-медицинского эксперта Кривцова С.Н., начальника армейского судебно-медицинского диагностического отделения Кузема В.А. и патологоанатома Ильинского О.П., расследовала факты злодеяний немцев.

На основании данных расследования и многочисленных показаний свидетелей, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что немецкие захватчики причинили городам Рига, Даугавпилс, Резекне огромные разрушения, разгромили научные и культурные учреждения Латвийской ССР, разорили сельское хозяйство, преднамеренно истребили свыше 250 тысяч мирных жителей, 327 тысяч советских военнопленных и угнали в немецкое рабство 175 тысяч граждан Латвийской ССР.

Немецкие захватчики разрушили в Латвии города, разгромили учреждения науки, культуры и искусства

В течение более трех лет немецкие захватчики разрушали предприятия, коммунальное хозяйство, библиотеки, музеи, жилые дома в городах Латвии. Гитлеровцы пытались уничтожить всё, что связано с национальными традициями латышского народа. Улицы, бульвары в городе Рига носившие имена латышских писателей и общественных деятелей — Райниса, Вальдемара и других, были заменены немецкими названиями. Улица Бривибас (Свободы) была переименована в улицу Адольфа Гитлера. Государственным языком был объявлен немецкий язык.

В Латвии немецкие захватчики разграбили ценнейшие библиотеки. Они разрушили в Риге 8 зданий государственной библиотеки, а здание по Англиканской улице — выдающийся памятник архитектуры XIII—XIV веков — превратили в казарму. Штабом Розенберга увезено в Германию 100 тысяч томов книг и 70 ящиков старинной периодической литературы и ценных монографий.

Немцы сожгли Рижскую городскую библиотеку, основанную в 1524 году, в которой хранились редчайшие книги и рукописи. В этой библиотеке погибло около 800 тысяч библиографических единиц, чем нанесен латышскому народу огромный ущерб в области национальной культуры.

Картинную галерею Рижского городского музея гитлеровцы превратили в склад и казарму, картины же известных латышских, русских и иностранных художников увезли в Германию. Многие картины латышских художников — Розенталя, Страла и других, были расхищены представителями немецких оккупационных властей. Генеральный комиссар Дрекслер украл 10 картин, генерал полиции Шредер — 4 картины, гебитскомиссар Медем — 6 картин, доктор Беннер — 9 картин, доктор Циммерман — 4 картины.

Немцы разграбили Академию Художеств, Государственную консерваторию, Музыкальное училище и превратили их в казармы; взорвали здание бывшего Ремесленного общества с крупнейшим концертным залом; разрушили в Риге 65 школ. Экспонаты музеев Государственно-исторического, Рижского Думского и Военно-исторического немцы вывезли в Германию.

Многих представителей латышской интеллигенции немцы заключили в тюрьмы и концентрационные лагеря, замучили в застенках гестапо и расстреляли; многих насильно угнали в Германию. Немецкие палачи расстреляли одного из крупнейших деятелей, народного образования, депутата Верховного Совета Латвийской ССР Лиенкниса Я., художника Айженс Яниса, писателя-драматурга Лукса Роберта, артиста Церова Б.К., известного историка профессора Дубнова С.М., инженера Полонского Г., врача Гинзбурга, учителя Лат М., депутата Верховного Совета Латвийской ССР Струповича Т. Молодому писателю Лею Ф. немцы произвели насильственное выкачивание крови, после чего он заболел острой формой туберкулеза.

Немецкие захватчики разрушили в Риге крупнейшие предприятия: государственный электротехнический завод «ВЭФ», государственный вагоностроительный завод «Вайрогс», завод резиновых изделий «Квадрат», 13 гостиниц; привели в негодность водопроводную и телеграфно-телефонную сеть. Они взорвали Кегумскую гидроэлектростанцию мощностью в 55 тысяч киловатт, разрушили Рижский порт и железнодорожный узел, уничтожили 300 километров железнодорожных и 6 километров трамвайных путей, 100 километров воздушной электросети, повредили 330 трамвайных вагонов, вывезли в Германию 200 автобусов.

Немцы разрушили в Риге 2 789 жилых домов; уничтожили целые кварталы с домами, построенными в XV—XVII столетиях.

В Даугавпилсе (Двинске) гитлеровцы взорвали Народный дом, вокзал, вагоноремонтные мастерские, депо, электростанцию; уничтожили 40 предприятий местной промышленности, городскую библиотеку со всеми книгами; разрушили 32 школы, 4 гостиницы, 15 бань, телефонно-телеграфную сеть, 2 896 жилых домов. В своей звериной ненависти к латышскому народу немецкие захватчики при своем отступлении жгли, взрывали, разрушали школы, библиотеки, больницы, жилые дома и промышленные предприятия.

Немецкие захватчики разорили сельское хозяйство Латвийской Республики

Сразу же после оккупации Латвийской Советской Республики немецкие захватчики разорили сельское хозяйство. Они отобрали от сельско-хозяйственных рабочих, безземельных и малоземельных крестьян около 600 тысяч гектар земли, которой они были наделены советским правительством Латвии. Немцы отобрали у крестьян скот, весь сельскохозяйственный инвентарь, на обустройство которым советским правительством Латвии был выделен крестьянам кредит в сумме 27 179 тысяч рублей. Немецкие захватчики стали восстанавливать помещичьи и кулацкие хозяйства, заселять Латвию людьми «только немецкой, германской крови». Более 75 тысяч семей латышских крестьян немцы лишили земли и прикрепили их к немецким баронам и латышским помещикам и кулакам.

Немцы разграбили в Латвии все машинно-тракторные станции и, по далеко не полным данным, вывезли в Германию 700 тракторов, 180 автомашин, 4 057 плугов, 2 815 культиваторов, 3 532 бороны, 10 600 жаток и сенокосилок, 506 молотилок и другой инвентарь; отобрали у крестьян 628 329 тонн разных сельскохозяйственных продуктов, уничтожили 3 млн. голов домашней птицы. В результате разорения немецкими захватчиками сельского хозяйства в Латвии уменьшилось поголовье скота: на 127 300 лошадей, на 443 700 голов крупного рогатого скота, на 318 200 свиней, на 593 800 овец.

Немецкие душегубы истребили 250 тысяч мирных граждан Латвии

Следуя своей неизменной политике массового истребления свободолюбивых народов, немецкие палачи убили в Риге более 170 тысяч мирных граждан — мужчин, женщин, детей, стариков. Вокруг города Рига немцами были организованы концентрационные лагеря для мирных граждан: в Саласпилсе, Межанарке, в Страздумйже, Бишу-Муйже, Мильгравис и других местах. Тысячи граждан были арестованы и заключены в тюрьмы: Центральную, Срочную, «Цитадель» и другие.

В лагерях и тюрьмах немецкие палачи подвергали заключенных истязаниям, пыткам и расстрелам. В Центральной тюрьме заключенных били и пытали. В течение круглых суток в камерах были слышны крики и стоны. Ежедневно от истязаний умирали 30—35 человек. Кто оставался в живых после истязаний и пыток, возвращался в камеру неузнаваемым: в крови, обожженный, с изорванными частями тела. Медицинской помощи истязуемым не оказывали. Об истязаниях сообщили комиссии очевидцы, содержавшиеся в заключении в Центральной тюрьме: Глузде А.Ю., Заранкин С.Е., Лаукс Р., Якобсон М.Я., Ванга В., Трифонов Я.Я., адвокат Мункевич К.Г. и многие другие.

Истязаниям и пыткам гитлеровцы подвергали советских людей во всех городах Латвийской ССР.

Свидетель Осипов Г.М., содержавшийся немцами в тюрьме в городе Даугавпилс (Двинск), показал:

«Немецкие палачи избивали меня резиновой трубкой, пытали при помощи электрического тока. Избиениям и пыткам подвергались все заключенные, подозреваемые в сочувствии советской власти. Многим во время допросов скручивали на руках узлом колючую проволоку».

Немецкие изверги не щадили никого. Они убивали мужчин и женщин, здоровых и больных, детей и стариков. В Центральной тюрьме в Риге они убили более 2 000 детей, отобранных от родителей, и в Саласпилском ла-

гере — более 3 000 детей. В Первой и Второй рижских психиатрических больницах они убили всех душевнобольных.

Как показал врач Второй психиатрической больницы Херманис Салтупс, немцы вывезли из больницы 29 января 1942 года свыше 350 душевнобольных и истребили их. Врач Первой психиатрической больницы Дрикуитис В.И. показала:

«14 апреля 1942 года в больницу прибыли эсэсовцы и увезли более 200 больных. По указанию администрации, на историях болезни я сделала отметки: «Эвакуированы СС полицией». В октябре 1942 года немцы вывезли еще около 100 душевнобольных».

Все душевнобольные были расстреляны немцами в Бикернекском лесу.

Ниже публикуются немецкие документы, найденные в помещении «Департамента командующего полицией безопасности и СД», которые подтверждают кровавую расправу гитлеровцев с душевнобольными:

«Командующий

полицией безопасности и СД

Рига, 19/V—1942 г.

Латвия.

Секретно.

Отд. II ДВ №109/42 г.

В бюро гражданских записей г. Рига

Отн.: Извещение о смертных случаях.

Ссылка: —

Приложений: 10

Сим удостоверяю, что перечисленные в прилагаемом списке 368 неизлечимых душевнобольных умерли 29.1.1942 года.

Исполняющий обязанности Кирсте СС Штурмбанфюрер».

К этому рапорту приложен поименный список расстрелянных больных.

И еще два точно таких же документа со списками за подписью того же Кирсте: от 28 мая 1942 года — о «смерти» 14 апреля 1942 года 243 душевнобольных и от 15 марта 1943 года — о «смерти» 22 октября 1942 года 98 душевнобольных.

22 августа 1941 года в местечке Аглонь были расстреляны душевнобольные из Даугавпилской психиатрической больницы — около 700 взрослых и 60 детей, в том числе 20 здоровых детей, на время переведенных в помещения больницы из детского дома.

Арестованный советскими органами соучастник расстрела душевнобольных полицейский Мотисан А.А. на допросе показал:

«Во время расстрела я с лопатой стоял у ямы. Расстрел длился около 6 часов. Люди кричали и плакали, но пощады не было. После расстрела для палачей привезли две бочки пива, началась попойка».

В 1942 году на территории старого гарнизонного стрельбища, в 18 километрах от Риги, немцы организовали Саласпилский лагерь для мирных граждан. Режим этого лагеря представлял продуманную систему умерщвления людей. В бараках, рассчитанных на 100—150 человек, содержалось по 500—600 мужчин, женщин и детей. Бараки не отапливались. Из-за отсутствия места часть заключенных находилась и зимой под открытым небом.

Заключенных мучили непосильной работой. Рабочий день длился 12—14 часов. Больных направляли к врачу, и если врач находил, что по состоянию здоровья они работать не могут, заключенных расстреливали.

В начале 1943 года немцы пригнали в Саласпилский лагерь граждан из Ленинградской, Калининской, Витебской, Орловской областей. Скуденность в лагере достигала ужасающих размеров, люди умирали каждый день сотнями. Для борьбы с эпидемическими заболеваниями немцы организовали так называемый «карантин». Свидетели Лаугалайтис К.А., Яскевич А.Н. и другие сообщили, что немцы, в целях соблюдения этого «карантина», заставили *«всех заключенных в лагере раздеться, потом голых, по грязи и снегу, погнали в баню, находившуюся на расстоянии 600—800 метров от барак. Во дворе бани у женщин ножницами стригли волосы, причем издевательски оставляли клоchyя волос, а местами до кожи выстригали. Стригли, как овец... В бане заставляли мыться холодной водой. После мытья всех заключенных пригнали обратно в бараки, где была оставлена одежда. Однако одежды уже не было. Раздетых людей продержали в бараках с выбитыми окнами в течение 4-х суток, после чего выдали разное тряпье».* В результате такого истязания в Саласпилском лагере погибли сотни советских людей.

Заключенных в лагере подвергали всевозможным пыткам. Бывшая заключенная Виба Э. сообщила комиссии, что комендант лагеря Краузе *«независимо от времени года, заставлял заключенных ложиться на землю и ментально вставать и прыгать на корточках. Раздавалась команда: «ложись», «вставай», «прыгай», а в это время собака коменданта лагеря Краузе нападала на заключенного и рвала его. Краузе и другие фашисты наблюдали сцену наказания и потешались над жертвой. Часто после такого истязания заключенный уже не мог подняться с земли, тогда полицейские били его резиновыми палками...».*

Расстрелянных и погибших в Саласпилском лагере от голода, болезней, пыток и избиений гитлеровские палачи зарывали на старом гарнизонном кладбище, недалеко от лагеря. Там комиссией обнаружено 9 огромных могил-рвов общей площадью в 3 043 кв. метра.

Судебно-медицинской экспертизой исследованы места захоронения, произведены обмер могил и эксгумация трупов. На основании данных экспертизы, а также многочисленных показаний свидетелей, в том числе бывших

заклоченных лагеря Бакшс Я.А., Зекунде В.М., Кузьмина Ф.Л., Трифонова Я.Я., Крониш И.И. и других, комиссия установила, что в Саласпилском лагере немцы замучили более 56 тысяч мирных граждан.

Жителей города Рига и его окрестностей немцы истребляли также в Бикернекском лесу, Дрейлинском лесу и Румбульском лесу.

В Бикернекском лесу, расположенном на окраине города Рига, гитлеровцы расстреляли 46 500 мирных граждан. Свидетельница Стабульнек М., проживающая недалеко от этого леса, рассказала:

«В пятницу и в субботу перед пасхой 1942 года автобусы с людьми круглые сутки курсировали из города в лес. Я насчитала, что в пятницу с утра до полудня мимо моего дома прошел 41 автобус. В первый день пасхи многие жители, и я в том числе, пошли в лес к месту расстрела. Мы там увидели одну открытую большую яму, в которой были расстрелянные женщины и дети, голые и в нижнем белье. На трупах женщин и детей были следы пыток и издевательств — у многих на лицах кровавые подтеки, на головах ссадины, у некоторых отрублены руки, пальцы, выбиты глаза, распороты животы».

Факты массовых расстрелов в Бикернекском лесу подтвердили свидетели, проживающие вблизи мест расстрелов: Каркльнш М.Я., Алекснис З., Циемгалс М.Т., Шапочка А.И., Берзинш Ю.А., Дзедулыс З.Ф. и многие другие.

На месте расстрелов комиссия обнаружила 55 могил общей площадью в 2 885 квадратных метров.

В Дрейлинском лесу, находящемся в 5—7 километрах восточнее города Рига, по Лубанскому шоссе, немцы расстреляли свыше 13 тысяч мирных граждан и военнопленных. Свидетель Ганус В.З. показал:

«Начиная с августа 1944 года, немцы организовали раскопки могил и жгли трупы в течение недели. Лес был оцеплен немецкими часовыми, вооруженными пулеметами. В 20 числах августа из Риги стали приходить черные закрытые автомашины с гражданами, среди которых были женщины, дети, так называемые «беженцы», их расстреливали, а трупы сразу же сжигали... Я спрятавшись в кустах, видел эту страшную картину. Люди ужасно кричали. Я слышал крики: «Убийцы, палачи!» Дети кричали: «Мамочка, не оставляй». Пули убийц прерывали крики».

Массовые расстрелы мирных жителей гор. Рига немцы производили также в Румбульском лесу.

На основании произведенного комиссией расследования и показаний свидетелей: Круминьш Ц.И., Лутрын М.С, Спуль Е.А., Калсонс Л.С, Приеда П.Я., Цейрулис Ф.А., Калсонс М.М. и многих других установлено, что в этом лесу немцы расстреляли 38 тысяч мирных жителей.

В Даугавпилсе (Двинске) немцы ежедневно расстреливали сотни советских людей, заключенных в тюрьмы и лагеря. На территории «Золотая Горка», между дер. Погулянка и дачей Будревича, возле тюрьмы немцы расстреляли свыше 40 тысяч мужчин, женщин и детей.

Участник немецких зверств в Даугавпилсе, могильщик Вильцан П.А., показал:

«Массовые расстрелы мирных граждан в Даугавпилсе начались в конце июля 1941 года. Мне, как могильщику, пришлось работать на Средней Погулянке. Мы приготовили могилу длиной 100, шириной 3 и глубиной 21/2 метра на 800—1000 человек. К рассвету к этой могиле немцы пригнали обреченных, в том числе женщин с детьми различных возрастов. Началось раздевание и ограбление обреченных граждан. Раздавались крики, стоны, плач детей. Матери вели своих детей к могилам за руки. Расстреливали группами по 10—12 человек в затылок. Я видел окровавленную массу людей с разможенными головами. Потом полицейские принялись за дележку одежды, обуви и прочих вещей расстрелянных. Мне, как могильщику, выдали несколько пар ботинок, брюки, френч, и головной дамский платок».

Немецкие бандиты сожгли деревню Аудрины и уничтожили всех ее жителей

В январе 1942 года в Резекненском (Режицком) уезде немцами была уничтожена деревня Аудрины со всем населением якобы за помощь красноармейцам. В городах Латвии по этому поводу было вывешено следующее извещение на немецком, латышском и русском языках:

«Командир германской полиции государственной безопасности Латвии сим извещает следующее:

...2. Жители деревни Аудрины, Режицкого уезда, более четверти года скрывали у себя красноармейцев, прятали их, давали им оружие и всячески способствовали им в противогосударственной деятельности.

В борьбе с такими элементами были расстреляны латышские полицейские.

3. Как наказание я назначил следующее:

а) Смести с лица земли деревню Аудрины.

б) Жителей деревни Аудрины арестовать.

с) 30 жителей мужского пола деревни Аудрины 4.1—42 г. публично расстрелять на базарной площади гор. Режицы.

И впредь приму строжайшие меры как против лиц, которые думают настоящий порядок саботировать, также против лиц, которые этим элементам оказывают какую-либо помощь.

*Командир германской полиции
государственной безопасности
Латвии*

Штраух, СС оберштурмбанфюрер».

Деревня Аудрины, в которой имелось 41 хозяйство, была подвергнута ограблению и полностью сожжена. Все ее жители в количестве 194 человек, в том числе женщины, старики, дети, были арестованы и заключены в

Резекненскую тюрьму. Из них 30 человек мужского пола были публично расстреляны на базарной площади в городе Резекне (Режица), в том числе мальчик 12 лет. Все остальные арестованные были вывезены в Анчупанские горы и там расстреляны.

Всего в городе Резекне и в уезде немцы истребили 15 200 мирных граждан, в том числе свыше 2 тысяч детей.

Кровавая расправа немцев с еврейским населением Латвийской ССР

С первых же дней оккупации немцы приступили к кровавой расправе с еврейским населением Латвийской республики. Евреев истязали, подвергали издевательствам и пыткам, расстреливали в тюрьмах, на улицах городов, в собственных квартирах. Евреи обязаны были носить желтую звезду на груди и спине, не имели права показываться в общественных местах, производить покупки в магазинах «для арийцев», ходить по тротуарам. Немцы загоняли евреев в синагоги, наглухо запирали все выходы и затем сжигали здания вместе с людьми. Так были сожжены вместе с 2 000 евреев синагоги: на Столбовой и Гоголевской улицах, на Старом еврейском кладбище и в Югеке.

В октябре 1941 года в Риге было организовано «гетто», куда гитлеровцы загнали 35 тысяч евреев. «Гетто» было оцеплено, двумя рядами проволочных заграждений, и доступ туда был закрыт. Заключенных из «гетто» выпускали в город только в рабочих колоннах, под охраной полиции. Скученность в «гетто» была ужасающая, вызывала эпидемические заболевания и огромную смертность.

Свидетель Баринбаум Г.Л. сообщил:

«На работу нас водили в колоннах под надзором полиции. После работы полицейские у входа в «гетто» всех нас обыскивали и при этом избивали резиновыми дубинками или просто кулаками. Специально избивались те лица, у которых немцы находили куски хлеба или папиросы. По ночам в «гетто» приезжали эсэсовцы. Они грабили и избивали людей, глумились над девушками».

В ноябре 1941 года немцы отобрали в «гетто» 4 500 работоспособных мужчин и 300 женщин, а остальных 30 ноября и 8 декабря 1941 года расстреляли.

Свидетельница Долгицер Л. следующим образом описывает картину расстрела евреев из «гетто»:

«Люди с маленькими детьми, старики и старухи высыпали на улицу, где их выстроили в ряды. Отправка совершалась в автобусах, но большей частью людей гнали пешком. По улицам тянулись бесконечные колонны евреев. Отправка продолжалась с субботы, с 5 часов дня, всю ночь и закончилась в воскресенье к вечеру. На улице была гололедица, люди падали, и их тут же на месте расстреливали. Улицы «гетто» окрасились кровью. Беспощадно расстреливались дети, матери. Люди совершали свой последний, смертный путь... Маленьких детей немецкие звери вырывали из рук матерей, хватили за ноги и разбивали о столбы и заборы...»

Евреи были расстреляны в Румбульском лесу, расположенном в 12 километрах от Риги.

О расстрелах евреев в Румбульском лесу случайно спасшаяся от смерти Фриде Ф.З. рассказала следующее:

«Я попала к яме первого декабря 1941 года. Перед рассветом нас заставили раздеться до нижнего белья. Пытавшихся сопротивляться беспощадно избивали резиновыми палками. Одежду надо было класть отдельно от обуви. Не доходя до ямы, я умышленно упала; охрана приняла меня за убитую, а обреченные на расстрел, проходя мимо, забросали обувью. В течение всего дня до вечера мне пришлось слышать душераздирающие крики и вопли расстреливаемых. Пролежав до ночи, я незаметно для охраны подползла к одежде, оделась и, пользуясь темнотой, убежала в лес...»

В Даугавпилсе (Двинске), как показали свидетели Бляхман А.С., Рожанский В.В., Ляк С.Г., Яковлев В.В., Гравец П.Л. и другие, в июне и июле 1941 года немцы арестовали около 3 000 евреев и расстреляли их возле тюрьмы в железнодорожном садике. Всех остальных евреев — стариков, женщин и детей гитлеровцы заключили в «гетто». Сюда же были помещены евреи из близлежащих городов и местечек — Вышки, Краслава, Догда и др.

В Даугавпилском «гетто» немецкие палачи организовали 5 массовых расстрелов евреев. Последний массовый расстрел был произведен 1 и 2 мая 1942 года. Из 30 тысяч евреев в «гетто» осталось только 400 человек, которые были переведены в крепость.

Комсомолец Шпунгин С.И. показал комиссии:

«Всё, что творили немецко-фашистские изверги, не поддается описанию. Людей избивали и живыми бросали в яму. Детей разрывали пополам на глазах матерей. Трудно описать трагедию 1 мая 1942 года. «Гетто» представляло, ужаснейшую картину. На полу валялись изуродованные трупы детей, всюду была застывшая кровь убитых людей. 30 человек которые отказались направиться в грузовик, были расстреляны во дворе «гетто».

Изобретательность немцев в издевательствах над людьми не имела границ. Немецкий комиссар города Рига Витрок обязал всех женщин еврейской национальности, состоящих в смешанных браках произвести стерилизацию (обесплодение). Стерилизация производилась в Первой рижской городской больнице докторами: Крастиньш, Эйкен, Легздиньш, Петерсон и Олоф. Мужчины, имевшие женами евреек, вызывались в гестапо и им ставился ультиматум: или согласиться на стерилизацию жен, или их жены будут расстреляны.

Подвергшаяся стерилизации гражданка Г. показала:

«По распоряжению немецких властей города Рига, я, как еврейка, состоящая в смешанном браке, подверглась стерилизации в конце мая 1942 года».

Аналогичные заявления в комиссию о насильственной стерилизации были сделаны свидетелями Деникиной Б.М., врачом Первой городской рижской больницы Бриедис К.К., подвергшейся стерилизации гражданкой Я. и другими.

Фашисты замучили и расстреляли в Латвии 327 тысяч советских военнопленных

Для советских военнопленных немецкие захватчики организовали в Риге, в помещениях бывших казарм, расположенных по улицам Пернавской и Рудольфа «Шталаг 350», который просуществовал с июля 1941 до октября 1944 года. Советские военнопленные содержались в нечеловеческих условиях. Здания, где они помещались, были без окон и не отапливались. Несмотря на тяжелую каторжную работу по 12—14 часов в сутки, паек военнопленных состоял из 150—200 граммов хлеба и так называемого супа из травы, порченого картофеля, листьев деревьев и разных отбросов.

Бывший военнопленный Яковенко П.Ф., содержащийся в «Шталаге 350», показал:

«Нам давали 180 граммов хлеба, наполовину из опилок и соломы, и один литр супа без соли, сваренного из нечищенного гнилого картофеля. Спали прямо на земле; нас заедали вши. От голода, холода, избиений, сыпного тифа и расстрелов с декабря 1941 года по май 1942 года в лагере погибли 30 тысяч военнопленных».

Немцы ежедневно расстреливали военнопленных, которые не могли по слабости или болезни отправиться на работу, издевались над ними, избивали без всякого повода.

Новицкис Г.Б., работавшая старшей сестрой в госпитале для советских военнопленных по Гимнастической улице, дом 1, сообщила, что она постоянно видела, как больные, чтобы ослабить мучения голода, ели траву и листья деревьев.

В отделениях «Шталага 350» на территории бывшего пивоваренного завода и в Панцерских казармах от голода, истязаний и эпидемических заболеваний только с сентября месяца 1941 года по апрель 1942 года погибло более 19 тысяч человек. Немцы расстреливали и раненых военнопленных.

— *В августе 1944 года,* — сообщила свидетельница Зекунде В.М., — *в Саласпилский лагерь доставили 370 раненых советских военнопленных; в конце этого месяца днем на глазах у всех их расстреляли. 25 сентября 1944 года из больницы Саласпилского лагеря забрали всех больных и расстреляли в лесу, недалеко от лагерей.*

Советские военнопленные погибали и в пути следования в лагерь, так как, их немцы оставляли без пищи и воды. Свидетельница Таукулис А.В. показала:

«Осенью 1941 года на станцию Саласпилс прибыл эшелон с советскими военнопленными в составе 50—60 вагонов. Когда открыли вагоны, на далекое расстояние разнесся трупный запах. Половина людей была мертва; многие были при смерти. Люди, которые могли вылезти из вагонов, бросились к воде, но охрана открыла по ним огонь и расстреляла несколько десятков человек».

Железнодорожный мастер станции Шкиротава (Сортировочной) Коктс А.Ю. рассказал комиссии, что «немцы заставляли советских военнопленных при 35-градусном морозе голыми руками перетаскивать рельсы. Больных и падавших от истощения немцы укладывали на снег в ряд по 20 человек, а после, замерзших, тут же закапывали». С 1941 по 1943 г.г. на территории железнодорожной станции Шкиротава немцы уничтожили более 2 000 человек. Всё это подтвердили свидетели Чуктс А.Р., железнодорожный рабочий Фолкман Б.А., стрелочник Квач С.П., составитель поездов Шереметьев А.В. и другие.

В «Шталаге 350» и в его отделениях немцы замучили и расстреляли более 130 000 советских военнопленных. Комиссия обнаружила, в Риге и ее окрестностях 12 мест массового захоронения трупов замученных советских военнопленных, из них наиболее крупные — в Саласпилсе, Зиепниеку-Калнс, на территории Панцерских казарм, на новом еврейском кладбище.

В Даугавпилсе (Двинске) существовал лагерь для советских военнопленных — «Шталаг 340», который среди узников лагеря и жителей города был известен под именем «лагеря смерти» и в котором за 3 года погибло от голода, истязаний и расстрелов свыше 124 000 советских военнопленных.

Расправу с военнопленными немецкие палачи обычно начинали в пути следования в лагерь. Летом пленных отправляли в наглухо закрытых вагонах, зимой — в полувагонах и на открытых площадках. Люди массами погибали от жажды и голода, летом задыхались от духоты, зимой замерзали. Свидетель, путевой сторож Орбидан С.Ю., сообщил комиссии:

«В июле 1941 года на разезд «214 километр» прибыл первый эшелон с советскими военнопленными. Второй эшелон прибыл вслед за первым. В каждом вагоне было по 70—80 человек. Вагоны были закрыты наглухо. Когда открыли вагоны, военнопленные жадно глотали воздух открытыми ртами. Многие, выйдя из вагонов, падали от истощения. Тех, кто не мог идти, немцы тут же у моей будки расстреливали. Из каждого эшелона выбрасывали по 400—500 трупов. Пленные рассказывали, что они по 5—6 суток не получали в дороге ни пищи, ни воды».

Свидетель Усенко Т.К. рассказал:

«В ноябре 1941 года я дежурил на станции Мост в качестве стрелочника и видел, как на «217 километр» подали эшелон, в котором было более 30 вагонов. В вагонах ни одного живого человека не оказалось. Не менее 1 500 мертвых были выгружены из этого эшелона, все они были в одном нижнем белье. Трупы пролежали у железнодорожного полотна около недели».

Коменданты Даугавпилского лагеря Хуго Маер, Нисин, Зимсон и другие так же, как и в других немецких лагерях, морили советских военнопленных голодом, истязали, подвергали мучительным пыткам и издевательствам, массами расстреливали.

Существовавший при лагере госпиталь также был подчинен задаче уничтожения военнопленных. Работавшая в госпитале свидетельница Ефимова В.А. рассказала комиссии:

«Редко кто выходил живым из этого госпиталя. При госпитале работало 5 групп могильщиков из военнопленных, которые на тележках вывозили умерших на кладбище. Бывали часто случаи, когда на тележку бросали еще живого человека, сверху накладывали еще 6—7 трупов умерших и расстрелянных. Живых закапывали вместе с мертвыми; больных, которые метались в бреду, убивали в госпитале палками».

Зимой 1942—1943 годов в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа. В качестве меры борьбы с тифом, сообщил бывший военнопленный Дараган Д.М., фашистские мерзавцы организовали массовые расстрелы: достаточно было заболеть 3—4 военнопленным, как всех остальных, находившихся в этом бараке, немцы выводили к ямам на крепостной эспланаде и расстреливали. Так фашистские мерзавцы истребили на крепостной эспланаде у разъезда «214 километр» около 45 тысяч советских военнопленных.

К суровому ответу фашистских преступников

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что кровавые злодеяния на территории Латвийской ССР, разгром городов и сельского хозяйства произведены по прямому указанию гитлеровского правительства и германского верховного командования.

Виновниками всех этих чудовищных злодеяний, помимо гитлеровского правительства, являются: командующие северной группой немецкой армии генерал-полковники Модель и Шернер, генерал полиции Шредер, начальник полиции «Остланд» обергруппенфюрер СС Иекельн, рейхскомиссар Лозе, генеральный комиссар Латвии Дрекслер, генеральный директор Латвии Данкерс, командир германской полиции государственной безопасности Латвии оберштурмбанфюрер СС Штраух, начальник гестапо штурмбанфюрер доктор Ланге, заместитель командира полиции безопасности СС штурмбанфюрер Кирсте, комендант города Рига генерал-майор Брамберг, начальник полиции города Рига майор Колбе, префект полиции Штиглиц, начальник центральной тюрьмы Виркхан, начальник «гетто» и комендант Саласпилского лагеря Краузе, начальник концлагеря Межапарк штурмбанфюрер Зауер, его помощник обершарфюрер Бруннер, командир полиции СС Тидеман, комиссар города Рига Виттрок, штурмбанфюрер Микке, офицер гестапо Гимлер, организатор «гетто» унтерштурмфюрер СС Шульц, начальник малого «гетто» Ткель, коменданты «гетто»: унтершарфюрер Рошман, обершарфюрер Мигге, лейтенант гестапо Хесис, начальник «гетто» Гесфер, редактор фашистской газеты «Дейче Цейтунг ин Остланд» Микел, руководитель отдела прессы при рейхскомиссаре доктор Циммерман, военный комендант города Рига Нхтигаль, помощник коменданта «гетто» унтершарфюрер Гимлих, помощник начальника гестапо штурмфюрер Мегсе, руководитель отрядов СС Зелингер, помощник начальника концлагеря Межапарк врач штурмбанфюрер Кребсбах, обершарфюрер СС Бухгольц Ганс, врач СС доктор Блудау, обершарфюрер СС Кнабе, унтершарфюрер СС Клеченс Герман, унтершарфюрер СС Хонис, штурмбанфюрер СС Зайтлер, лейтенант войск СС Руйслер, комендант города Даугавпилс майор Ниссель, начальник полиции безопасности СД Шилле, окружной комиссар Швунк, начальник штаба окружного комиссара Гайнель, начальник Даугавпилского отделения гестапо Таборт, его помощники Беку, Мауриц, коменданты «Шталага №340» капитан Хуго Маер, Нисин, Зимсон, офицеры штаба «Шталага №340» капитаны: Петер, Паулин, Мориц, Паулзин, заведующий рабочей силой капитан Мартин, заведующий кухней Роанз, переводчик и палач Миллер Якоб, заведующий хозяйством Ойген Дейле, начальник строительства лагеря Лауперт, коменданты концлагеря в городе Резекне майор Риттер фон Келиандер и капитан Данцейзен, начальник 3-го отделения гестапо лейтенант Клепфман офицер 3-го отделения гестапо Штайнер, начальник политической полиции Резекнеского уезда майор войск СС Алберт, унтер-офицеры Пийтсамер, Ульман, фельдфебели Брик, Бахман, вахмистры полиции СС Кок, Миллер, Крепш, Маер, Тухель, Ганс Коп, Нейман, ефрейторы Айзеле Карл, Штрикле Карл, солдаты Фрай Оган, Вольф Андре и переводчики Пирог и Хейлиш.

Преступников постигнет суровая кара за совершенные ими злодеяния.

РАЗРУШЕНИЕ И РАЗГРАБЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ И НАУЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, МОНАСТЫРЕЙ, ЦЕРКВЕЙ И ДРУГИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ^[179]

На основании материалов расследования, показаний очевидцев и фотодокументов, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что гитлеровские бандиты, по указанию германского военного командования разрушили и уничтожили культурно-исторические памятники русского народа, связанные с жизнью и творчеством великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Чрезвычайная Государственная Комиссия ниже публикует акт о разрушениях и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими варварами в Пушкинском Заповеднике Академии Наук СССР.

«АКТ

В целях сохранения культурно-исторических памятников русского в народа; связанных с жизнью и творчеством гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, Советское Правительство 17 марта 1922 года объявило усадьбу поэта в Михайловском, его могилу в Святогорском монастыре и близлежащие места — Тригорское, Городище и деревню Воронич Государственным Заповедником.

Пушкинский Заповедник и, особенно, усадьба поэта в Михайловском драгоценны для русского народа; здесь Пушкин закончил третью и создал четвертую, пятую и шестую главы «Евгения Онегина», закончил поэму «Цыганы», написал трагедию «Борис Годунов», большое число поэм и лирических стихотворений.

В июле 1941 года в Пушкинский Заповедник ворвались гитлеровцы. Три года они хозяйничали здесь, разрушая и уничтожая Пушкинские памятники.

Комиссия, в составе: Председателя Союза Советских писателей Н.С. Тихонова, депутата Верховного Совета Союза ССР И.П. Бойцова, писателя Л.М. Леонова, писателя К.А. Федина, члена-корреспондента Академии Наук Союза ССР, профессора П.И. Лебедева-Полянского, доктора филологических наук профессора Д.Д. Благого, доктора филологических наук, профессора Н.К. Гудзия, старшего научного сотрудника Б.В. Шапошникова и представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии П.О. Савчука, в течение с 26 июля по 1-е августа 1944 года всесторонне расследовала разрушения и злодеяния немецко-фашистских захватчиков в Пушкинском Заповеднике и установила, что немецко-фашистские захватчики преднамеренно разрушили Пушкинский Заповедник Академии Наук СССР.

Разрушения усадьбы поэта в Михайловском

В начале Отечественной войны часть ценностей Пушкинского музея в Михайловском во время эвакуации была перехвачена немцами в деревне Жарки, Новоржевского района. Вторая часть ценностей была упакована в ящики и зарыта в землю. Вначале немцы, выступая «охранителями культуры», открыли музей для посетителей. Как потом выяснилось, немцы открыли музей для того, чтобы собрать спрятанные от них все музейные ценности, а затем вывезти их в Германию.

Когда музейные ценности были снова собраны, немцы отстранили прежних служащих музея от работы, а некоторых арестовали. Так, в 1942 году был арестован заместитель директора Пушкинского Заповедника Н.И. Аксенов. В числе 700 человек была угнана в немецкое рабство 25 апреля 1942 года Екатерина Иванова, работавшая в библиотеке музея. Она очутилась в Крейс-Торгау, где ее за попытку бежать в Советский Союз посадили в тюрьму. Заведующим музея немцы назначили несведущего в литературе человека — лесовода К.В. Афанасьева. В качестве экскурсовода музея оккупанты прислали немку Шиллер. Расхищение музейных ценностей началось еще в августе 1941 года.

Представитель немецкой военной комендатуры обер-фельдфебель Фоссфинкель неоднократно приезжал в музей и увозил из него всё, что ему нравилось, — картины, мебель, книги.

Осенью 1943 года комендант Пушкинской военной комендатуры Трайбхольц предложил К.В. Афанасьеву подготовить к эвакуации все ценности музея. При этом Трайбхольц заявил, что речь идёт о мерах по охране этих

ценностей, ввиду приближения фронта. Все ценности музея были упакованы, немецкие власти погрузили их на машины и вывезли в Германию.

Факт вывоза немцами музейных ценностей удостоверяется показаниями Ф.В. Васильева, Ф.К. Дьяконова, М.А. Ивановой, Т.Н. Бельковой и проживавшей на территории заповедника Екатерины Григорьевны Шендель, которая сообщила:

«Осенью 1943 года я увидела около музея десять автомашин. На эти машины русские военнопленные под надзором немецких солдат грузили ящики. Шофера на машинах были немцы. Я знала, что в ящиках находятся вещи музея, которые до этого в течение месяца упаковывались под наблюдением немца Зингера и немки Шиллер. Шиллер была прислана в музей немцами и говорила, что она является родственницей немецкого поэта Шиллера».

Гитлеровцы в Пушкинских Горах не ограничивались грабежами ценностей Пушкинского Заповедника. Они также грабили местное население, издевались над русскими людьми и убивали их. Немецкий военный комендант майор Зангер лично вешал и расстреливал советских граждан в Пушкинских Горах. С особым садизмом и жестокостью был произведен немецкой военной комендатурой расстрел цыган, включая женщин и детей, проживавших в Выборгском, Пушкинском и Новоржевском районах. Их расстреляли только за то, что они цыгане.

Зимой 1943 года в Пушкинские Горы немцы прислали инженера Иосифа Амеля, который приступил к опустошению лесов Пушкинского и Новоржевского районов. Весной 1943 года он начал рубку векового бора Пушкинского Заповедника.

Местное население, возмущившись осквернением Пушкинского Заповедника, в виде протеста сожгло весь заготовленный лес. После этого руководивший порубкой и заготовкой леса инженер Иосиф Амель заявил, что он вырубит весь Заповедник. Всего было вырублено в Пушкинском Заповеднике до 30 тысяч кубометров.

В конце февраля 1944 года Михайловское было превращено немцами в военный объект и один из опорных пунктов немецкой обороны. Территория парка была изрыта траншеями, ходами сообщения, земляными убежищами. «Домик няни» был немцами разобран, а рядом с ним и даже частично на его месте построен большой пятикатный блиндаж. Другой такой же блиндаж был построен немцами около бывшего здания музея.

Перед отходом из Михайловского немцы завершили разорение и осквернение Пушкинской усадьбы. Дом-музей, выстроенный на фундаменте дома, в котором жил Пушкин, немцы сожгли и от него осталась только груды развалин. Мраморная плита для памятника Пушкину разбита и брошена возле пепелища. Из двух других домов Пушкинского Заповедника у въезда в Михайловскую усадьбу один сожжен немцами, а другой сильно разрушен. Немецкие вандалы прострелили в трех местах большой портрет Пушкина, который висел на арке у входа в Михайловский парк; самая арка уничтожена.

После ухода из Михайловского гитлеровцы обстреляли его минометами и артиллерийским огнём. Лестничные спуски к реке Сороть разрушены немецкими минами; старые липы на круговой аллее, которая вела к дому, поломаны; центральный вяз перед домом поврежден снарядами и осколками. Самые крупные ели знаменитой Пушкинской аллеи повалены.

Разрушения в Тригорском, Городище и деревне Воронич

С Тригорским — усадьбой друзей Пушкина, Осиповых-Вульф, связано много лет жизни и творчества поэта.

Немецко-фашистские захватчики опустошили и загадили парк в Тригорском, изрыли траншеями, оплели проволочными заграждениями и заминировали.

Под огромным вековым «Пушкинским» дубом, который по преданию сильно любил Пушкин, немцы устроили блиндаж. Красивейшее место парка — склон у берега Сороть, где была расположена так называемая «Скамья Онегина», исковеркано немцами. В парке много деревьев вырублено, большая часть парка заминирована.

Прилегающее селение Воронич, связанное с написанием «Бориса Годунова», в значительной части разрушено. Сожжены «Дом туриста» и ряд других зданий; разрушена школа. Сожжена деревянная церковь, сохранявшаяся со времени Пушкина, в которой он отслужил 7 апреля 1825 года панихиду по великому английскому поэте Байроне. Кладбище около церкви, на котором погребены один из родственников Пушкина В.П. Ганнибал и близкий знакомый поэта, священник И.Е. Раевский, заминировано, изрыто траншеями и разорено.

Могилы членов семьи Осиповых-Вульф, находящиеся на соседнем с Вороничем холме Городище, также подверглись осквернению со стороны немцев. Мраморная плита над могилой владелицы Тригорского П.А. Осиповой разбита; мраморный крест на могиле ее сына, приятеля Пушкина А.Н. Вульфа, поврежден.

Исторический облик Заповедника, в котором русский народ видел пушкинские образы, — немцами искажен до неузнаваемости.

Осквернение могилы Пушкина и разрушение Святогорского монастыря

Кошунственное отношение немцев к национальным святыням русского народа ярче всего обнаруживается в надругательстве и осквернении могилы Пушкина. Стремясь охранить Пушкинский Заповедник от опасности разрушения, части Красной Армии оставили этот район без боев и отошли к Новоржеву. Несмотря на это, 2-го июля 1941 года немцы подвергли бомбардировке Святогорский монастырь, у стен которого находится могила Пушкина.

В марте 1943 года, задолго до подхода линии фронта к Пушкинским Горам, немцы приступили к систематическому разрушению «охранявшегося» ими Святогорского монастыря. По свидетельству священника И.Д. Дмитриева, немцы дважды подрывали главную церковь монастыря — Успенский собор, построенный в XVI веке по повелению Ивана Грозного. В результате второго взрыва, собор, у стен которого находится могила Пушкина, разрушен: колокольня рухнула, а древний двухсотлетний большой колокол разбит на мелкие куски, валяющиеся в обломках кирпича по склонам горы; крест соборного купола сорван; западная часть купола пробита снарядом; крыша приделов обрушилась. Сожжены и полностью уничтожены Никольская церковь монастыря, трапезная, келья монахов, монастырская гостиница и другие монастырские сооружения. Ворота монастыря повреждены артиллерийским снарядом, икона с западных ворот сорвана.

При отступлении немцы сожгли почти все здания в районном центре Пушкинские Горы и довершили дикий и бессмысленный разгром Успенского собора. Вокруг него все завалено грудями кирпича, железа, разбитыми досками, иконостас сильно поврежден; все иконы из него вырваны и раскиданы по полу; некоторые прострелены. Так, например, прострелен в нескольких местах пулями из ручного оружия с близкого расстояния большой образ апостола Петра на наружных дверях. Всюду валяются обломки церковной утвари; пол усеян листьями, вырванными из богослужебных церковных книг и подлинных документов, освещающих историю Святогорского монастыря.

Могила поэта была найдена сильно захламленной. Обе лестницы, ведущие к могиле, разрушены; площадка вокруг могилы Пушкина завалена мусором, щебнем, обломками иконных досок, кусками листового железа. Плиты на могилах дедушки и бабушки поэта (Осипа Абрамовича и Марии Алексеевны Ганнибал) совершенно засыпаны мусором и землей. Дощечки с надписями сломаны и брошены в груды обломков. Железная решетка вокруг памятника в ряде мест повреждена, погнута и промята, металлические наконечники по углам ее сбиты. Мраморная балюстрада вокруг площадки также повреждена в нескольких местах осколками снарядов и пулями.

Сам памятник отклонился в восточную сторону на 10—12 градусов вследствие оползания холма после бомбардировок и взрывов фугасных бомб, заложенных немцами.

В конце февраля 1944 года из Пушкинского Заповедника был выселен и сторож при могиле Пушкина И.Х. Харитонов. Когда через некоторое время ему удалось получить разрешение на один день побывать в Пушкинских Горах, он увидел, что памятник на могиле Пушкина грубо и наспех обшит досками. Установлено, что обшивка памятника произведена немцами с целью скрыть его минирование. Как потом выяснилось, в то время, когда все русские люди были выселены из района Пушкинского Заповедника, немцы подготавливали взрыв могилы Пушкина, Святогорского монастыря и самого холма, на котором находится могила поэта.

Под дорогу, проходящую вдоль северной стены монастыря, был заложен фугас, взрывом которого разрушена монастырская стена на протяжении 20 метров.

Второй фугас огромной силы был заложен на дороге с восточной стороны, у подножья могилы Пушкина: немцы прорыли специальный туннель, протяжением в 20 метров, тщательно замаскированный, в который были заложены специальные мины и 10 авиабомб по 120 килограммов каждая. Взорвать его немцы не успели ввиду стремительного наступления Красной Армии.

Оккупанты хорошо знали, что, войдя в Пушкинские Горы, бойцы и офицеры Красной Армии прежде всего посетят могилу поэта, и потому немцы превратили её в западню для патриотов. На территории монастыря и в близлежащей местности обнаружено и извлечено советскими сапёрами подразделений Смирнова и Сачкевиуса до трёх тысяч мин.

Территория Пушкинского Заповедника сильно заминирована. Проходящие сапёрные части не успели разминировать всех мест и в момент пребывания Комиссии ежедневно на немецких минах подрывались советские граждане. Так, по неполным данным, Комиссии стало известно, что 26 июля подорвалось три человека — Дмитрий Андреев, Анатолий Алексеев, Алексей Васильев; 27 июля подорвались — Петр Михайлов, Прасковья Богданова, Клавдия Петрова, Сергей Андреев; 28 июля подорвались — Евгений Евстюгин и Иван Прокофьев.

Установленные факты разрушения и опустошения гитлеровскими громилами Пушкинского Заповедника являются новым свидетельством неслыханных злодеяний немецко-фашистских захватчиков».

* * *

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает, что за все злодеяния, совершенные немецко-фашистскими захватчиками в Пушкинском Заповеднике, ответственны — германское правительство и его военное командование, а также непосредственные исполнители: комендант Трайбхольц, майор Зангер, капитан Зингер, обер-фельдфебель Фоссфинкель, инженер Иосиф Амель и Шиллер.

Все они должны понести суровую кару за свои злодейские преступления.

О РАЗРУШЕНИЯХ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И АРХИТЕКТУРЫ В ГОРОДАХ ПЕТРОДВОРЕЦ, ПУШКИН И ПАВЛОВСК^[180]

Всему миру известны величественные памятники искусства и архитектуры городов Петродворец (бывший Петергоф), Пушкин (бывшее Царское Село), Павловск. Лучшие зодчие мировой архитектуры создавали в XVIII и XIX веках дворцы, постройки, парки этих городов-музеев.

Петродворец (Петергоф) был основан в 1705 году Петром Первым первоначально, как место остановки по

пути на остров Котлин, где была начата постройка крепости Кронштадт. Здесь, на берегу Финского залива, были построены пристань и небольшой дом, получивший название «Петров двор». С 1714 года на берегу Финского залива было развернуто огромное строительство Петродворца (Петергофа). По замыслу и под наблюдением самого Петра в Петродворце строились дворцы — Монплеизр, Марли, Эрмитаж, центральная часть Большого дворца, большинство фонтанов, парков, гранитная фабрика самоцветов.

Французский архитектор Леблон построил в Петродворце замечательные дворцы Марли и Эрмитаж, Верхний и Нижний парки; итальянец Растрелли создал Большой дворец; мастерству Джакомо Кваренги принадлежит Английский дворец; знаменитый русский зодчий Воронихин, вышедший из крепостных, дополнял Нижний парк изящными павильонами. Замечательные дворцы и парки Петродворца получили широкую известность как исключительные памятники мировой архитектуры XVIII и XIX веков.

Фонтаны Петродворца были известны во всем мире. Большой каскад-водопад фонтанной системы Петродворца вместе с Большим дворцом, фонтаном «Самсон» и каналом, выходящим в море, представлял собой исторический памятник, посвященный победе русского оружия над шведами под Полтавой. Бронзовая фигура Самсона, разрывающего пасть льва, изображал историческую победу Петра Первого над Швецией (лев — государственный герб Швеции), которая открыла для России широкий выход в европейские страны.

Со времени Октябрьской революции Петродворец стал местом, куда ежегодно приезжали тысячи экскурсион не только со всех концов Советского Союза, но и из многих зарубежных стран. До 150 тысяч ленинградцев выезжало в Петродворец для отдыха в выходные дни.

В течение двух веков создавались художественные архитектурные памятники — дворцы, парки, скульптуры в городе Пушкин (Царское Село), бывшем до 1917 года царской резиденцией. Великие зодчие XVIII и XIX веков; Квасов, Земцов, Растрелли, Кваренги, Ринальди, Воронихин, Фельген, Нееловы, Камерон, Стасов, скульпторы Гордеев, Мартос, Демут-Малиновский, Козловский, живописцы Скотти, Щедрин, Гонзаго и другие своими произведениями создали Царскому Селу заслуженную славу во всем мире.

Памятники Царского Села тесно связаны с целым рядом крупнейших событий в истории России. В Екатерининский дворец 6 июля 1757 года были привезены ключи и знамена завоеванного русскими войсками прусского города Мемель. В дворцовых парках были воздвигнуты: Чесменская колонна в память победы русского флота над турецким в 1770 году при бухте Чесме; Кагульский обелиск — в ознаменование победы в этом же году русских войск над турками при реке Кагуль в Молдавии; Башня — руина — в честь Кучук-Кайнарджикского мира, заключенного Россией с турками в 1774 году; Орловские ворота — в ознаменование побед русских войск под командованием графа Григория Орлова. В Царском Селе адмиралтействе была собрана исключительная по своей исторической ценности коллекция гребных и парусных судов; здесь же в адмиралтействе находился знаменитый Готторпский глобус, сделанный по распоряжению герцога Готторпского в середине XVII века и в 1713 году подаренный Петру Первому. Огромный глобус, внутренняя поверхность которого представляла звездное небо, вращался в соответствии с движением земного шара; внутри глобуса были помещены стол и скамья на 10 человек.

С Царским Селом связана деятельность лучших представителей русской литературы: Ломоносова, Сумарокова, Жуковского, Карамзина, Лермонтова, Чаадаева, Тютчева, Гоголя. В Царском Селе; лицее воспитывался великий русский поэт А.С. Пушкин.

Великолепные Екатерининский дворец, воздвигнутый в городе Пушкин Варфоломеем Растрелли, Александровский дворец, построенный там же Джакомо Кваренги, Камероновы термы и Камеронова галерея, носящие имя их знаменитого создателя, являлись лучшими образцами мировой архитектуры.

Павловский дворец и парк в городе Павловск являлись выдающимися памятниками архитектурного и садово-паркового искусства. Дворец и парк создавали прославленные мастера архитектуры: Камерон, Росси, Воронихин, Бренна; скульпторы: Мартос, Козловский, Демут-Малиновский, Прокофьев; живописцы: Скотти, Щедрин, Меттенлайтер, Гонзаго, В 1823 году архитектор К. Росси в левом крыле дворца построил и отделал известную всему миру библиотеку.

Советский народ бережно хранил города-музеи — Петродворец, Пушкин и Павловск, в которых были сосредоточены памятники истории России, созданные творчеством и трудом народа. Ежегодно затрачивались огромные средства на благоустройство этих городов и их парков, на работы по ремонту и реставрации дворцов, фонтанов и других построек. Во дворцах были помещены бесценные сокровища русского и мирового искусства, редчайшие образцы мебели, фарфора, живописи, гобеленов и скульптуры русских и иностранных мастеров.

К моменту вторжения немецких захватчиков в Петродворце после эвакуации оставалось еще 34 214 различных музейных экспонатов (картин, художественных изделий, скульптуры) и 11 700 ценнейших книг дворцовых библиотек. В нижних помещениях Екатерининского и Александровского дворцов города Пушкин были сосредоточены гарнитуры мебели русской и французской работы середины XVIII века, 600 предметов художественного фарфора конца XIX и начала XX веков, большое количество мраморных бюстов, мелкой скульптуры, до 35 000 томов книг дворцовых библиотек.

На основании документальных материалов, заявлений и свидетельских показаний очевидцев, показаний немецких военнопленных и тщательного расследования, проведенного специальной комиссией в составе: председателя Ленинградской городской комиссии генерал-лейтенанта А.А. Кузнецова, председателя Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся П.С. Попкова, главного архитектора Ленинграда Н.В. Баранова, митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия, вице-президентов Академии Наук СССР: академик А.А. Байкова и академик Л.А. Орбели, председателя Союза советских писателей Н.С. Тихонова, народной

артистки СССР В.А. Мичуриной-Самойловой, члена-корреспондента Академии архитектуры СССР А.И. Гегелло, профессора В.А. Мануйлова, начальника Государственной Инспекции по охране памятников Ленинграда Н.Н. Белехова, директора Государственного Эрмитажа академика И.А. Орбели, доктора искусствоведческих наук профессора М.В. Доброклонского, профессора М.В. Фармаковского, кандидата архитектурных наук В.И. Пиллявского, секретаря комиссии Л.И. Куприяновой, а также на основании личного расследования фактов разграбления и разрушения памятников искусства и архитектуры, произведенного членами Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком А.Н. Толстым и Николаем митрополитом Крутицким, установлено:

Немецкие громилы разграбили и разрушили памятники искусства Петродворца

Ворвавшись в Петродворец 23 сентября 1941 года, немецкие захватчики сразу же приступили к грабежу ценностей дворцов-музеев и вывозили имущество дворцов в течение нескольких месяцев.

Из дворцов — Большого, Марли, Монплеизир и Коттеджа они разграбили и вывезли в Германию около 34 000 предметов музейных экспонатов и среди них 4 950 предметов уникальной мебели — английской, итальянской, французской и русской работы Екатерининского, Александровского и Николаевского времени; много редких сервизов фарфора иностранных и русских заводов XVIII и XIX веков. Немецкие варвары содрали шелк, гобелены и другие декоративные материалы, украшавшие стены дворцовых зал.

В ноябре 1941 года немцы сняли бронзовую скульптуру Самсона работы скульптора Козловского и увезли ее. Жители Петродворца Е.О. Андреева и М.Р. Барабанова сообщили комиссии, что в начале ноября 1941 года они видели машину, увозившую фигуру Самсона, прикрытую брезентом.

На уступах водяной лестницы фонтана «Самсон» были расположены статуи реки Волхов в образе старика и реки Невы в образе женщины. Немцы вывезли и эти статуи, так же как и большую фонтанную бронзовую фигуру «бога морей» Нептуна, стоящую в центре композиции большого бассейна в Верхнем парке. Они вывезли в Германию художественные решетки ограждавшие парки.

Разграбив музейные ценности, немецкие бандиты подожгли Большой дворец гениальное творение зодчего Варфоломея Растрелли. Во дворце полностью погибли: Танцевальный зал, Аудиенц-зал, парадная лестница и церковь, украшенные деревянной золоченой резьбой, выполненной по рисункам Растрелли; Тронный, Чесменский и Столовый залы, созданные Фельтеном, дубовая лестница и дубовый кабинет, отделанные тончайшей резьбой.

При своем отступлении из Петродворца немцы с помощью мин замедленного действия разрушили дворец Марли. Дворец имел тончайшую лепную отделку и резьбу.

Немцы разрушили Петровский Монплеизир. Они уничтожили все деревянные части павильонов и галерей, внутреннюю отделку кабинета, спальни и китайских комнат; во время оккупации среднюю, наиболее ценную в историко-художественном отношении часть дворца — превратили в ДОТ, в западном павильоне дворца устроили конюшню и уборную. В помещениях Ассамблейного корпуса немцы разобрали полы, выпилили балки, уничтожили двери и оконные рамы, ободрали обшивку потолка.

В парковом павильоне — Эрмитаж гитлеровцы устроили пулеметно-артиллерийскую огневую точку, уничтожив внутреннюю отделку здания и старинный подъемный механизм обеденного стола.

В северной части парка, так называемой Александрии, они взорвали дачу Николая II, полностью уничтожили деревянный офицерский домик, Александрийские ворота, павильоны фонтана Адама, пилон главных ворот Верхнего парка и Розовый павильон.

Дворец Николая I — Коттедж немцы заняли под медицинский пункт, а в Фермерском дворце разместили свой штаб. Всё внутреннее убранство этих дворцов уничтожено.

Немцы разрушили знаменитую фонтанную систему петродворцовых парков. Они подорвали питающую фонтаны линию на всем протяжении от плотины у «Розового павильона» до Верхнего парка.

Главная аллея Нижнего парка, идущая параллельно берегу Финского залива, на участке от канала до Александрии полностью вырублена; из деревьев немцы сделали заминированный завал. В центральной части Верхнего парка выкопан противотанковый ров.

После занятия Нового Петродворца части 291 немецкой пехотной дивизии огнем тяжелых орудий полностью уничтожили знаменитый Английский дворец в Старом Петродворце, построенный по указу Екатерины II архитектором Кваренги. Немцы выпустили по дворцу 9 000 тяжелых артиллерийских снарядов. Вместе с дворцом уничтожен живописный Английский парк и все парковые павильоны.

316-й пехотный полк 212-й немецкой дивизии артиллерийским огнем уничтожил так называемую «Собственную дачу Александра II», построенную при Николае I.

В Старом Петродворце немцы уничтожили все церкви и в том числе Знаменскую, в которой хранились военно-исторические реликвии эпохи Отечественной войны 1812 года. Разрушен храм-музей Серафимовского монастыря с замечательным иконостасом в стиле древнего северо-русского церковного зодчества.

Установлено, что немецкие захватчики преднамеренно, с целью разрушения, включали дворцы и парки, имеющие историческое значение, в систему немецкой обороны.

Об этом свидетельствует найденный в одном из помещений Фермерского дворца макет немецких укреплений Петродворцового района. На макете показаны важнейшие здания, зеленые массивы с их планировкой, водные зеркала, протоки и нанесены узлы сопротивления, минные поля и другие фортификационные сооружения немецких захватчиков. Макет дает полное представление системы обороны немцев в Петродворце, в которую

включены в качестве опорных узлов все дворцовые постройки береговой полосы: Марли, Эрмитаж, Иллюминационный дворец, Монплеzier и другие.

Гитлеровские бандиты разрушили дворцы города Пушкин

Разграбление и разрушение исторических и художественных дворцов г. Пушкин (Царское Село) производилось преднамеренно, по указаниям высших германских властей.

Захваченный в плен в феврале 1944 года капитан медицинской службы 61 пехотной дивизии Хельмут Антес показал:

«Мне известно, что в 1941 году в Германии была создана специальная комиссия «Кунсткомиссион». В функции этой комиссии входило изымать дворцовое имущество в оккупированных районах России и всё изъятое перевозить в Германию. Эта комиссия в 1941 и 1942 годах всё ценное имущество Пушкинских дворцов грузила в эшелоны и вывозила в Германию. Сколько было вывезено ценностей этих дворцов, — я не знаю, но, во всяком случае, брали всё. Как мне известно, в Екатерининском дворце в городе Пушкин имелась комната, стены которой были выложены янтарем. Янтарь был содран и вывезен в Германию».

Значительную часть Екатерининского дворца немцы сожгли. В огне погибла знаменитая Растреллиевская трехсотметровая амфилада парадных зал. Погибли знаменитые Антикамеры («Залы ожидания»), отделанные Растрелли. Все стены Антикамер были покрыты золоченой резьбой, огромные потолки затянуты великолепными холстами работы художников середины XVIII в.: Валлериани, Градици, Бельского и других. Не имея возможности снять эти огромные полотна, немцы изрезали замечательные произведения искусства на куски.

Страшную картину разрушения представляет собой Большой зал — гениальное творение Растрелли. Уничтожены уникальные плафоны работы Торелли, Джордано, Брюллова и других крупнейших итальянских и русских мастеров; содран и похищен старинный расписной китайский шелк XVIII века со стен китайской гостиной и спальни Александра I и желтый шелк с тканым рисунком лебедей и фазанов русской ручной работы XVIII века, которым были обтянуты стены Малой столовой; погибли наборные паркеты из ценных пород дерева, выполненные по рисункам архитектора Ринальди.

Разгромлена и разграблена изумительная по своей внутренней отделке дворцовая церковь — одно из лучших произведений Растрелли. Иконостас церкви разбит, иконы вывезены, часть плафонов срезана, а часть уничтожена, полы выломаны, лепные золоченые украшения содраны.

Немцы разрушили личные комнаты Екатерины II, отделанные художественным стеклом, бронзой, фарфором, зеркалами, майоликой, миниатюрными фресками и наборным деревом. Они разбили на мелкие куски все пластинки молочного, фиолетового и синего стекла, которыми были накрыты стены «Табакерки» и спальни Екатерины II.

При отступлении в январе 1944 года немецкие захватчики подготовили полное уничтожение того, что еще оставалось от Екатерининского дворца и примыкающих к нему зданий. С этой целью в нижнем этаже сохранившейся части дворца, а также под Камероновой галереей было заложено 11 больших авиабомб замедленного действия весом от одной до трех тонн.

Гитлеровские бандиты разгромили в Пушкине знаменитый Александровский дворец, построенный в конце XVIII века знаменитым зодчим Джакомо Кваренги.

Все помещения дворца, в том числе и центральная анфилада зал, имевшая отделку, выполненную Кваренги, были использованы под казармы. Размещавшиеся во дворце немецкие команды разграбили всё оборудование, мебель и другое дворцовое убранство, хищнически выломали все двери, вывезли металлические украшения, вплоть до дверных ручек и замков, разбили мраморную отделку парадных зал и подорвали правую часть дворца.

Вся музейная мебель, сосредоточенная в подвалах Екатерининского и Александровского дворцов, предметы художественного фарфора, книги из дворцовых библиотек вывезены в Германию.

Знаменитый плафон «Пир богов на Олимпе» в Главном зале павильона Эрмитаж снят и увезен в Германию. Разрезаны на части плафоны русских и итальянских мастеров в боковых галереях и кабинетах. Старинные шлюпки, уникальные памятники истории русского флота, немцы использовали для увеселительных прогулок по прудам. Большинство этих шлюпок погибло. Знаменитая «Турецкая баня», отделанная внутри олонекским мрамором с позолотой, взорвана. Сожжен Турецкий киоск, построенный Кваренги в 1771—81 годах.

Большие разрушения произвели гитлеровцы в великолепных Пушкинских парках, тысячи вековых деревьев вырублены.

Разрушение Павловского дворца в городе Павловск

Батальоном особого назначения Риббентропа и командами штаба Розенберга из Павловского дворца вывезена в Германию ценнейшая дворцовая мебель, созданная по эскизам Воронихина и крупнейших мастеров XVIII века. Во дворце снят паркет из дорогого дерева художественной ценности. Со стен сорваны барельефы, гобелены, стенные и потолочные плафоны. Сняты даже все ручки и дверные украшения из бронзы и дерева. Варварски изуродованы фрески Гонзаго, представляющие громадную художественную ценность, скульптуры Прокофьева, мраморные вазы Жилле.

Большие разрушения произведены в парке. Сожжен дотла Розовый павильон, построенный Воронихиным.

От Охотничьего домика «Крик», построенного в XVII веке, остался лишь входной тамбур. Уничтожен также Константиновский дворец и примыкающие к нему служебные постройки.

Отступая, фашистские захватчики подожгли Павловский дворец. Большая часть здания дворца совершенно выгорела. Купол, венчавший центральную часть, обрушился. Со стороны фасада огнём уничтожены трельяжи над колоннадами галерей с деревянной резьбой XVIII века, а также и библиотека К. Росси. Деревянные части художественной отделки дворца сгорели дотла во всех этажах. Погибли живопись и лепка плафонов, скульптурные панно, мраморные каминные и пилястры.

К ответу немецко-фашистских варваров!

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что разрушение памятников искусства в Петродворце, Пушкине и Павловске произведено по прямому указанию германского правительства и верховного военного командования офицерами и солдатами немецкой армии под руководством генерал-фельдмаршалов: фон Лееб, фон Кюхлер; командующего 18-й армией генерал-полковника Линдемана, командующих 50 армейским корпусом генералов пехоты Клеефель и Вегенер, командиров 58-й пехотной дивизии генерал-майора Альприхтер и генерал-майора фон Граффен, командира 10 авиаполевой дивизии генерал-майора Ведель, командира 1-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Грязс, командира 3 авиаполевого корпуса генерала зенитных войск Оденбрехт; командира 291-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Герцог, командира 504-го пехотного полка 291-й пехотной дивизии полковника Гиммлер, командира 212-й пехотной дивизии генерал-майора Рихман, командира 316-го пехотного полка 212-й пехотной дивизии полковника Бизли, командира 220-го пехотного полка подполковника Гофман, командира 9-го немецкого АПД генерал-майора Эрдман, командира 17-го егерского полка полковника Рюккес, командира 1-го батальона 17-го егерского полка подполковника Оттенмайер, командира 5-й горнострелковой дивизии генерал-лейтенанта Рингель; командующих 26-м артиллерийским корпусом генерала артиллерии Водриг и генерала пехоты Лайзер, командира 11-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Бурдах, командира полицейской дивизии СС генерал-лейтенанта Крюгер, генерал-майора Вандель, командира 121-го артиллерийского полка подполковника Рихтман, майора фон Дивиц, полковника Ваден, командиров 250-й испанской дивизии генералов Муниос Грандес и Инфантес.

За свои злодеяния все они должны понести суровую кару.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ВОЕННОПЛЕННЫХ И МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ

СООБЩЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РАССТРЕЛА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В КАТЫНСКОМ ЛЕСУ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ОФИЦЕРОВ^[181]

Постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была создана Специальная Комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

В состав Комиссии вошли: член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Н.Н. Бурденко (председатель Комиссии), член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Алексей Толстой, член Чрезвычайной Государственной Комиссии Митрополит Николай, председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант Гундоров А.С.; председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Колесников С.А., Народный Комиссар просвещения РСФСР академик Потемкин В.П., начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии генерал-полковник Смирнов Е.И., председатель Смоленского облисполкома Мельников Р.Е.

Для выполнения поставленной перед нею задачи Комиссия привлекла для участия в своей работе следующих судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР директора Научно-Исследовательского института судебной медицины Прозоровского В.И., заведующего кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института доктора медицинских наук Смольянинова В.М., ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР

Семеновского П.С., ст. научного сотрудника Государственного Научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР доцента Швайкову М.Д., гл. патолога фронта майора медицинской службы профессора Выропаева Д.Н.

В распоряжении Специальной Комиссии находился обширный материал, представленный членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Н.Н. Бурденко, его сотрудниками и судебно-медицинскими экспертами, которые прибыли в гор. Смоленск 26 сентября 1943 года, немедленно после его освобождения и провели предварительное изучение и расследование обстоятельств всех учиненных немцами злодеяний.

Специальная Комиссия проверила и установила на месте, что на 15-ом километре от гор. Смоленска по Витебскому шоссе в районе Катынского леса, именуемом «Козьи Горы», в 200-х метрах от шоссе на юго-запад по направлению к Днепру, находятся могилы, в которых зарыты военнопленные поляки, расстрелянные немецкими оккупантами.

По распоряжению Специальной Комиссии и в присутствии всех членов Специальной Комиссии и судебно-медицинских экспертов могилы были вскрыты. В могилах обнаружено большое количество трупов в польском военном обмундировании. Общее количество трупов по подсчету судебно-медицинских экспертов достигает 11 000.

Судебно-медицинские эксперты произвели подробное исследование извлеченных трупов и тех документов и вещественных доказательств, которые были обнаружены на трупах и в могилах.

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов Специальная Комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершенных немецкими оккупантами.

Из показаний свидетелей выясняется следующее:

Катынский лес

Издавна Катынский лес был излюбленным местом, где население Смоленска обычно проводило праздничный отдых. Окрестное население пасло скот в Катынском лесу и заготавливало для себя топливо. Никаких запретов и ограничений доступа в Катынский лес не существовало.

Такое положение в Катынском лесу существовало до самой войны. Еще летом 1941 г. в этом лесу находился пионерский лагерь Промстрахкассы, который был свернут лишь в июле 1941 г.

С захватом Смоленска немецкими оккупантами в Катынском лесу был установлен совершенно иной режим. Лес стал охраняться усиленными патрулями; во многих местах появились надписи, предупреждавшие, что лица, входящие в лес без особого пропуска, подлежат расстрелу на месте.

Особенно строго охранялась та часть Катынского леса, которая именовалась «Козьи Горы», а также территория на берегу Днепра, где, на расстоянии 700 метров от обнаруженных могил польских военнопленных, находилась дача — дом отдыха Смоленского Управления НКВД. По приходе немцев в этой даче расположилось немецкое учреждение, именовавшееся: «Штаб 537-го строительного батальона».

Военнопленные поляки в районе Смоленска

Специальной Комиссией установлено, что до захвата немецкими оккупантами Смоленска в западных районах области на строительстве и ремонте шоссе дорог работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные поляки в трех лагерях особого назначения, именовавшихся: лагери №1-ОН, №2-ОН и №3-ОН, на расстоянии от 25 до 45 км. на запад от Смоленска.

Показаниями свидетелей и документальными материалами установлено, что после начала военных действий, в силу сложившейся обстановки, лагеря не могли быть своевременно эвакуированы, и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам.

Допрошенный Специальной Комиссией быв. нач. лагеря №1-ОН майор государственной безопасности Ветшников В.М. показал:

«...Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками выехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряженное положение. Я обратился к нач. движения Смоленского участка Западной ж.д. т.Иванову с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза военнопленных поляков. Но т.Иванов ответил, что рассчитывать на получение вагонов я не могу. Я пытался связаться также с Москвой для получения разрешения двинуться пешим порядком, но мне это не удалось.»

К этому времени Смоленск уже был отрезан от лагеря и что стало с военнопленными поляками и оставшейся в лагере охраной — я не знаю.»

Замещавший в июле 1941 г. начальника движения Смоленского участка Западной ж.д. инженер Иванов С.В. показал Специальной Комиссии:

«Ко мне в отделение обращалась администрация лагерей для польских военнопленных, чтобы получить вагоны для отправки поляков, но свободных вагонов у нас не было. Помимо того, подать вагоны на трассу Гусино, где было больше всего военнопленных поляков, мы не могли, так как эта дорога уже находилась под обстрелом. Поэтому мы не могли выполнить просьбу администрации лагерей. Таким образом, военнопленные поляки остались в Смоленской области.»

Нахождение польских военнопленных в лагерях Смоленской обл. подтверждается показаниями многочисленных свидетелей, которые видели этих поляков близ Смоленска в первые месяцы оккупации до сентября м-ца 1941 г. включительно.

Свидетельница Сашнева Мария Александровна, учительница начальной школы дер. Зеньково, рассказала Специальной Комиссии о том, что в августе м-це 1941 г. она приютила у себя в доме в дер. Зеньково бежавшего из лагеря военнопленного поляка.

«...Поляк был в польской военной форме, которую я сразу узнала, так как в течение 1940—41 г.г. видела на шоссе группы военнопленных поляков, которые под конвоем вели какие-то работы на шоссе... Поляк меня заинтересовал потому, что, как выяснилось, он до призыва на военную службу был в Польше учителем начальной школы. Так как я сама окончила педтехникум и готовилась быть учительницей, то потому и завела с ним разговор. Он рассказал мне, что окончил в Польше учительскую семинарию, а затем учился в какой-то военной школе и был подпоручиком запаса. С начала военных действий Польши с Германией он был призван на действительную службу, находился в Брест-Литовске, где и попал в плен к частям Красной Армии... Больше года он находился в лагере под Смоленском.

Когда пришли немцы, они захватили польский лагерь, установили в нем жесткий режим. Немцы не считали поляков за людей, всячески притесняли и издевались над ними. Были случаи расстрела поляков ни за что. Тогда он решил бежать. Рассказывая о себе, он сказал, что жена его также учительница, что у него есть два брата и две сестры...»

Уходя на другой день, поляк назвал свою фамилию, которую Сашнева записала в книге. В представленной Сашневой Специальной Комиссии книге «Практические занятия по естествознанию» Ягодовского на последней странице имеется запись:

«Лоек Юзеф и Софья. Город Замостье улица Огородная дом №25».

В опубликованных немцами списках под №3796 Лоек Юзеф, лейтенант, значится, как расстрелянный на «Козьих Горах» в Катынском лесу весной 1940 г.

Таким образом, по немецкому сообщению получается, что Лоек Юзеф был расстрелян за год до того, как его видела свидетельница Сашнева.

Свидетель Даниленков Н.В., крестьянин колхоза «Красная Заря» Катынского сельсовета, показал:

«В 1941 г. в августе—сентябре м-це, когда пришли немцы, я встречал поляков, работающих на шоссе группами по 15—20 чел.»

Такие же показания дали свидетели: Солдатенков — быв. староста дер. Борок, Колачев А.С. — врач Смоленска, Оглоблин А.П. — священник, Сергеев Т.И. — дорожный мастер, Смирягин П.А. — инженер, Московская А.М. — жительница Смоленска, Алексеев А.М. — председатель колхоза дер. Борок, Куцев И.В. — водопроводный техник, Городецкий В.П. — священник, Базекина А.Т. — бухгалтер, Ветрова Е.В. — учительница, Савватеев И.В. — дежурный по ст. Гнездово и другие.

Облавы на польских военнопленных

Наличие военнопленных поляков осенью 1941 г. в районах Смоленска подтверждается также фактом проведения немцами многочисленных облав на этих военнопленных, бежавших из лагерей.

Свидетель Картошкин И.М., плотник, показал:

«Военнопленных поляков осенью 1941 г. немцы искали не только в лесах, но и привлекалась полиция для ночных обысков в деревнях.»

Быв. староста дер. Новые Батеки Захаров М.Д. показал, что осенью 1941 г. немцы усиленно «прочесывали» деревни и леса в поисках польских военнопленных.

Свидетель Даниленков Н. В., крестьянин колхоза «Красная Заря», показал:

«У нас производились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных поляков. Такие обыски два или три раза были в моем доме. После одного обыска я спросил старосту Сергеева Константина — кого ищут в нашей деревне. Сергеев сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, по которому во всех без исключения домах должен быть произведен обыск, так как в нашей деревне скрываются военнопленные поляки, бежавшие из лагеря. Через некоторое время обыски прекратились.»

Свидетель Фатьков Т.Е., колхозник, показал:

«Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе—сентябре 1941 года. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел.»

Расстрелы военнопленных поляков

Упомянутый выше «Штаб 537 строительного батальона», помещавшийся на даче в «Козьих Горах», не производил никаких строительных работ. Деятельность его была тщательно законспирирована.

Чем на самом деле занимался этот «штаб», показали многие свидетели, в том числе свидетельницы: Алексеева А. М., Михайлова О.А. и Конаховская З.П. — жительницы дер. Борок Катынского с/с.

По распоряжению немецкого коменданта поселка Катынь они были направлены старостой деревни Борок — Солдатенковым В.И. — для работы по обслуживанию личного состава «штаба» на упомянутой даче.

По прибытии в «Козьи Горы» им через переводчика был поставлен ряд ограничений: было запрещено вовсе

удаляться от дачи и ходить в лес, заходить без вызова и без сопровождения немецких солдат в комнаты дачи, оставаться в расположении дачи в ночное время. Приходить и уходить на работу разрешалось по строго определенному пути и только в сопровождении солдат.

Это предупреждение было сделано Алексеевой, Михайловой и Конаховской через переводчика непосредственно самим начальником немецкого учреждения, оберст-лейтенантом Арнесом, который для этой цели по одиночке вызывал их к себе.

По вопросу о личном составе «штаба» Алексеева А.М. показала:

«На даче в «Козьих Горах» постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был оберст-лейтенант Арнес, его адъютантом являлся обер-лейтенант Рекст. Там находились также лейтенант Хотт, вахмистр Люмерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, его помощник Изике, обер-фельдфебель Греневский, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фамилию которого я не помню, переводчик из немцев Поволжья, имя его кажется Иоганн, но мы его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне неизвестны».

Вскоре после своего поступления на работу Алексеева, Михайлова и Конаховская стали замечать, что на даче совершаются «какие-то темные дела».

Алексеева А.М. показала:

«...Переводчик Иоганн, от имени Арнеса, нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны «держать язык за зубами» и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то темные дела...

В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в «Козьи Горы» почти ежедневно приезжало несколько грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час, останавливались где-то на проселочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума машин начиналась одиночная стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала, и машины подъезжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин на дачу прибывали дополнительно солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно к месту остановки машин, так как через полчаса или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, Конаховскую и Михайлову) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же не выпускали из кухни, если мы находились на кухне.

Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присмотреться за тем, что происходило на даче. Тогда я и заметила странные перерывы в движении машин, их остановки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей — двух ефрейторов. Один из них был высокий, рыжий, другой — среднего роста, блондин.

Из всего этого я заключала, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как, приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженабросанную землю. Площадь, занятая этой свеженабросанной землей, ежедневно увеличивалась в длину. С течением времени земля в этих местах приняла свой обычный вид».

На вопрос Специальной Комиссии, что за люди расстреливались в лесу близ дачи, Алексеева ответила, что расстреливались военнопленные поляки, и в подтверждение своих слов рассказала следующее:

«Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню и затем пьянствовали.

И вот был еще такой случай. Я как-то задержалась на даче несколько позже обычного времени. Михайлова и Конаховская уже ушли. Я еще не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришел солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение Розе. Он же проводил меня до шоссе.

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150—200, я увидела, как по шоссе шла группа военнопленных поляков человек 30 под усиленным конвоем немцев.

То, что это были поляки, я знала потому, что еще до начала войны, а также и некоторое время после прихода немцев, я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую же форму, с характерными для них четырехугольными фуражками.

Я остановилась у края дороги, желая посмотреть, куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к

нам на дачу в «Козьи Горы».

Так как к этому времени я уже внимательно наблюдала за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и, укрывшись в кустах у обочины дороги, стала ждать. Примерно через минут 20 или 30 я услышала характерные, мне уже знакомые, одиночные выстрелы.

Тогда мне стало все ясно, и я быстро пошла домой.

Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днем, когда мы работали на даче, но и ночью в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно еще и потому, что я вспомнила случай, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, за исключением часовых, просыпался поздно, часам к 12 дня.

Несколько раз о прибытии поляков в «Козьи Горы» мы догадывались по напряженной обстановке, которая царил в это время на даче...

Весь офицерский состав уходил из дачи, в здании оставалось только несколько караульных, а вахмистр беспрерывно проверял посты по телефону...»

Михайлова О.А. показала:

«В сентябре месяце 1941 года в лесу «Козьи Горы» очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обращала внимания на подъезжавшие к нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зеленый цвет, всегда сопровождавшиеся унтер-офицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в то же время не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года.

Среди унтер-офицеров, которые всегда ездили в кабинах рядом с шоферами, я стала замечать одного высокого с бледным лицом и рыжими волосами. Когда эти машины подъезжали к даче, то все унтер-офицеры, как по команде, шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче.

Однажды этот высокий, рыжий немец, выйдя из машины, направился в кухню и попросил воды. Когда он пил из стакана воду, я увидела кровь на обшлаге правого рукава его мундира».

Михайлова О.А. и Конаховская З.П. один раз лично видели, как были расстреляны два военнопленных поляка, очевидно бежавшие от немцев и затем пойманные.

Михайлова об этом показала:

«Однажды, как обычно, я и Конаховская работали на кухне и услышали недалеко отдачи шум. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окруженных немецкими солдатами, что-то разъяснившими унтер-офицеру Розе, затем к ним подошел оберст-лейтенант Арнес и что-то сказал Розе. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что за проявленное любопытство Розе нас избьют. Но нас все-таки заметили, и механик Глиневский, по знаку Розе, загнал нас на кухню, а поляков повел в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшиеся вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер Розе оживленно разговаривали. Я и Конаховская, желая выяснить, как поступили немцы с задержанными поляками, снова вышли на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи адъютант Арнеса по-немецки что-то спросил Розе, на что последний также по-немецки ответил: "Все в порядке". Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти два поляка расстреляны».

Аналогичные показания по этому вопросу дала также Конаховская З.П.

Напуганные тем, что происходило на даче, Алексеева, Михайлова и Конаховская решили под каким-нибудь удобным предлогом оставить работу на даче. Воспользовавшись снижением им «зарплаты» с 9 марок до 3-х марок в месяц в начале января 1942 г., по предложению Михайловой, они не вышли на работу. За ними в тот же день вечером приехали на машине, привезли на дачу и в наказание посадили в холодную — Михайлову на 8 суток, а Алексееву и Конаховскую на 3-е суток.

После того, как они отсидели этот срок, их всех уволили.

За время своей работы на даче Алексеева, Михайлова и Конаховская боялись делиться друг с другом своими наблюдениями обо всем том, что на даче происходило. Лишь будучи арестованными, сидя в холодной, ночью они поделились об этом.

Михайлова на допросе от 24 декабря 1943 года показала:

«Здесь мы впервые поговорили откровенно о том, что делается на даче. Я рассказала все, что знала, но оказалось, что и Конаховская и Алексеева также знали все эти факты, но тоже, как и я, боялись говорить мне об этом. Тут же я узнала о том, что немцы в «Козьих Горах» расстреливали именно польских военнопленных, так как Алексеева рассказала, что она однажды осенью 1941 года шла с работы и лично видела, как немцы загоняли в лес «Козьи Горы» большую группу военнопленных поляков, а затем слышала в этом месте стрельбу».

Аналогичные показания об этом дали также Алексеева и Конаховская.

Сопоставив свои наблюдения, Алексеева, Михайлова и Конаховская пришли к твердому убеждению, что в августе и сентябре месяцах 1941 года на даче в «Козьих Горах» немцами производились массовые расстрелы военнопленных поляков.

Показания Алексеевой подтверждаются показаниями ее отца — Алексеева Михаила, которому она еще в период своей работы на даче осенью 1941 года рассказывала о своих наблюдениях по поводу творимых немцами на даче дел.

— Она мне долго ничего не говорила, — показал Алексеев Михаил, — только приходя домой жаловалась, что на даче работать страшно и она не знает, как ей оттуда вырваться. Когда я ее спрашивал, почему ей страшно, она говорила, что в лесу очень часто слышится стрельба. Однажды, придя домой, она сказала мне

по секрету, что в лесу «Козьи Горы» немцы расстреливают поляков. Выслушав дочь, я ее очень строго предупредил, чтобы она больше никому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадает вся наша семья.

Показания о приводе на «Козьи Горы» военнопленных поляков небольшими группами в 20—30 человек, под охраной 5—7 немецких солдат, дали и другие свидетели, допрошенные Специальной Комиссией: Киселев П.Г. — крестьянин хутора «Козьи Горы», Кривоцерцев М.Г. — плотник станции Красный Бор в Катинском лесу, Иванов С.В. — быв. нач. ст. Гнездово в районе Катинского леса, Савватеев И.В. — дежурный по той же станции, Алексеев А.М. — председатель колхоза дер. Борок, Оглоблин А.П. — священник Купринской церкви и др.

Эти свидетели слышали и выстрелы, раздававшиеся из леса на «Козьих Горах».

Особо важное значение для выяснения того, что происходило на даче в «Козьих Горах» осенью 1941 г., имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в Смоленске — Базилевского Б.В.

Профессор Базилевский в первые дни оккупации немцами Смоленска был насильно назначен ими зам. начальника города (бургомистра), а начальником города был назначен адвокат Меньшагин Б.Г., впоследствии ушедший вместе с ними, предатель, пользовавшийся особым доверием у немецкого командования и в частности у коменданта Смоленска фон Швеца.

В начале сентября 1941 г. Базилевский обратился с просьбой к Меньшагину — ходатайствовать перед комендантом фон Швецем об освобождении из лагеря военнопленных №126 педагога Жиглинского. Выполняя эту просьбу, Меньшагин обратился к фон Швецу и, затем, передал Базилевскому, что его просьба не может быть удовлетворена, так как по словам фон Швеца «получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жестокий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе».

«...— Я невольно возразил, — показал свидетель Базилевский. — Что же может быть жестче существующего в лагере режима?

Меньшагин странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, тихо ответил: «Может быть! Русские, по крайней мере, сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить».

— Как так? Как это понимать? — воскликнул я.

— Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина, — ответил Меньшагин и тут же попросил меня «ради всего святого» никому об этом не говорить...»

Недели через две после описанного выше разговора с Меньшагиным я, будучи снова у него на приеме, не удержался и спросил:

— Что слышно о поляках?

Меньшагин помедлил, а потом все же ответил:

— С ними уже покончено. Фон Швец сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска.

Видя мою растерянность, Меньшагин снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал «объяснять» мне линию поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора».

Базилевский также рассказал Специальной Комиссии о своей беседе с зондерфюрером 7-го отдела немецкой комендатуры Гиршфельдом — прибалтийским немцем, хорошо говорящим по-русски:

«Гиршфельд с циничной откровенностью заявил мне, что исторически доказана вредность поляков и их неполноценность, а потому уменьшение населения Польши послужит удобрением почвы и создаст возможность для расширения «жизненного пространства Германии». В этой связи Гиршфельд с бахвальством рассказал, что в Польше интеллигенции не осталось совершенно, так как она повешена, расстреляна и заключена в лагери».

Показания Базилевского подтверждены опрошенным Специальной Комиссией свидетелем — профессором физики Ефимовым И.Е., которому Базилевский тогда же осенью 1941 г. рассказал о своем разговоре с Меньшагиным.

Документальным подтверждением показаний Базилевского и Ефимова являются собственноручные записи Меньшагина, сделанные им в своем блокноте.

Этот блокнот, содержащий в себе 17 неполных страниц, был обнаружен в делах Городского Управления Смоленска после его освобождения Красной Армией.

Принадлежность указанного блокнота Меньшагину и его почерк удостоверены как показаниями Базилевского, хорошо знающего почерк Меньшагина, так и графологической экспертизой.

Судя по имеющимся в блокноте датам, его содержание относится к периоду от первых дней августа 1941 года до ноября того же года.

В числе различных заметок по хозяйственным вопросам (о дровах, об электроэнергии, торговле и проч.) имеется ряд записей, сделанных Меньшагиным, очевидно, для памяти, как указания немецкой комендатуры Смоленска.

Из этих записей достаточно четко вырисовывается круг вопросов, которыми занималось Управление города, как орган, выполнявший все указания немецкого командования.

На первых трех страницах блокнота подробно изложены порядок организации еврейского «гетто» и система репрессий, которые должны к евреям применяться.

На странице 10-й, помеченной 15 августа 1941 года, значится:

«Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру».

На странице 15-ой (без даты) записано:

«Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз. гор. (Умнову)».

Из первой записи явствует, во-первых, что 15 августа 1941 года военнопленные поляки еще находились в районе Смоленска и, во-вторых, что они арестовывались немецкими властями.

Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершенном им преступлении в среду гражданского населения, специально давало указания о проверке этого своего предположения.

Умнов, который упоминается в записи, был начальником русской полиции Смоленска в первые месяцы его оккупации.

Возникновение немецкой провокации

Зимой 1942—43 г. общая военная обстановка резко изменилась не в пользу немцев. Военная мощь Советского Союза все усиливалась, единение СССР с союзниками крепло. Немцы решили пойти на провокацию, используя для этой цели злодеяния, совершенные ими в Катынском лесу, и приписав их органам Советской власти. Этим они рассчитывали поссорить русских с поляками и замести следы своего преступления.

Священник села Куприно Смоленского р-на А.П. Оглоблин показал:

«...После Сталинградских событий, когда немцы почувствовали неуверенность, они подняли это дело. Среди населения пошли разговоры, что «немцы свои дела поправляют».

Приступив к подготовке катынской провокации, немцы, в первую очередь, занялись поисками «свидетелей», которые могли бы под воздействием уговоров, подкупа или угроз дать нужные немцам показания.

Внимание немцев привлек проживавший на своем хуторе ближе всех к даче в «Козьих Горах» крестьянин Киселев Парфен Гаврилович, 1870 года рождения.

Киселева вызвали в гестапо еще в конце 1942 года и, угрожая репрессиями, требовали от него дать вымышленные показания о том, что ему, якобы, известно, как весной 1940 года большевики на даче УНКВД в «Козьих Горах» расстреляли военнопленных поляков.

Об этом Киселев показал:

«Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошел в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я зашел, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня — давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково мое материальное положение.

Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе «Козьих Гор» с 1907 года и работаю в своем хозяйстве. О своем материальном положении я сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне.

После непродолжительного разговора на эту тему офицер заявил, что, по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катынском лесу на участке «Козьих Гор» расстреляли польских офицеров, и спросил меня — какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слышал, чтобы НКВД производило расстрелы в «Козьих Горах», да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как «Козьи Горы» совершенно открытое многолюдное место и, если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень.

Офицер ответил мне, что я все же должен дать такие показания, так как это, якобы, имело место. За эти показания мне было обещано большое вознаграждение.

Я снова заявил офицеру, что ничего о расстрелах не знаю и что этого вообще не могло быть до войны в нашей местности. Несмотря на это, офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания.

После первого разговора, о котором я уже показал, я был вторично вызван в гестапо лишь в феврале 1943 года. К этому времени мне было известно о том, что в гестапо вызывались и другие жители окрестных деревень и что от них также требовали такие показания, как и от меня.

В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведенного, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что ложных показаний давать не стану. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и прочитал его. В нем было сказано, что я, Киселев, проживая на хуторе в районе «Козьих Гор», сам видел, как в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офицеров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: «Или вы сейчас же подпишите, или мы вас уничтожим. Выбирайте!»

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится».

В дальнейшем, после того как немцы организовали посещение катынских могил различными «делегациями», Киселева заставили выступить перед прибывшей «польской делегацией».

Киселев, забыв содержание подписанного в гестапо протокола, спутался и под конец отказался говорить.

Тогда гестапо арестовало Киселева и, нещадно избивая его в течение полутора месяцев, вновь добилось от него согласия на «публичные выступления».

Об этом Киселев показал:

«В действительности получилось не так.

Весной 1943 года немцы оповестили о том, что ими в Катынском лесу в районе «Козьих Гор» обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году.

Вскоре после этого ко мне в дом пришел переводчик гестапо и повел меня в лес в район «Козьих Гор».

Когда мы вышли из дома и остались вдвоем, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям все в точности, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе.

Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это «польские делегаты», прибывшие для осмотра могил.

Когда мы подошли к могилам, «делегаты» на русском языке стали задавать мне различные вопросы по поводу расстрела поляков. Но так как со времени моего вызова в гестапо прошло более месяца, я забыл все, что было в подписанном мною документе, и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю.

Немецкий офицер очень разозлился, а переводчик грубо оттащил меня от «делегации» и прогнал.

На следующий день, утром, к моему двору подъехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он объявил, что я арестован, посадил в машину и увез в Смоленскую тюрьму...

После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвел, и потом отправили в камеру.

При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобожден из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избили.

Таких допросов, сопровождавшихся побоями, было несколько, в результате я совершенно обессилел, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой.

Примерно через месяц после моего ареста немецкий офицер вызвал меня и сказал: «Вот видите, Киселев, к чему привело ваше упрямство. Мы решили казнить вас. Утром повезем в Катынский лес и повесим». Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что я не подхожу для роли «очевидца» расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому снова что-нибудь напутаю. Офицер настаивал на своем. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками.

Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие выступить публично с вымышленным рассказом о расстреле поляков большевиками. После этого я был освобожден из тюрьмы с условием — по первому требованию немцев выступать перед «делегациями» в Катынском лесу...

В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывал во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение получаса заставлял заучивать наизусть все, что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году.

Я вспоминаю, что переводчик говорил мне примерно следующее: «Я живу на хуторе в районе «Козьих Гор» недалеко от дачи НКВД. Весной 1940 г. я видел, как свозили в лес поляков и по ночам их там расстреливали». И обязательно нужно было дословно заявить, что «это дело рук НКВД».

После того, как я заучивал то, что мне говорил переводчик, он отводил меня в лес к разрытым могилам и заставлял повторять все это в присутствии прибывших «делегаций». Мои рассказы строго контролировались и направлялись переводчиком гестапо.

Однажды я выступал перед какой-то «делегацией» и мне задали вопрос: «Видел ли я лично этих поляков до расстрела их большевиками». Я не был подготовлен к такому вопросу и ответил, как было в действительности, т.е. что видел польских военнопленных до начала войны, так как они работали на дорогах. Тогда переводчик грубо оттащил меня в сторону и прогнал домой.

Прошу мне верить, что меня все время мучила совесть, так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 году, но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и пыток.

Показания Киселева П.Г. о его вызове в гестапо, последующем аресте и избиениях подтверждаются проживающими вместе с ним его женой Киселевой Аксиной, 1870 года рождения, его сыном Киселевым Василием, 1911 года рождения, и невесткой Киселевой Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у Киселева на хуторе комнату дорожным мастером Сергеевым Тимофеем Ивановичем, 1901 года рождения.

Увечья, причиненные Киселеву в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования.

В поисках «свидетелей» немцы в дальнейшем заинтересовались работниками железнодорожной станции Гнездово, находящейся в двух с половиной километрах от «Козьих Гор».

На эту станцию весной 1940 года прибывали военнопленные поляки, и немцам, очевидно, хотелось получить соответствующие показания железнодорожников. В этих целях весной 1943 года немцами были вызваны в гестапо бывший начальник станции Гнездово — Иванов С.В., дежурный по станции Савватеев И.В. и другие.

Об обстоятельствах своего вызова в гестапо Иванов С.В., 1882 года рождения, показал:

«...Это было в марте 1943 года. Меня допрашивал немецкий офицер в присутствии переводчика. Расспросив меня через переводчика о том, кто я такой и какую должность занимал на станции Гнездово до оккупации района немцами, офицер спросил меня, известно ли мне о том, что весной 1940 года на станцию Гнездово в нескольких поездах, большими партиями, прибыли военнопленные польские офицеры.

Я сказал, что об этом я знаю.

Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что большевики той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров, всех их расстреляли в Катынском лесу.

Я ответил, что об этом мне ничего неизвестно и что этого не может быть потому, что прибывших весной 1940 года на станцию Гнездово военнопленных польских офицеров я встречал на протяжении 1940—1941 г.г., вплоть до занятия немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах.

Офицер тогда заявил мне, что если германский офицер утверждает, что поляки были расстреляны большевиками, то значит так было на самом деле. «Поэтому, — продолжал офицер, — вам нечего бояться, и вы можете со спокойной совестью подписать протокол, что военнопленные польские офицеры были расстреляны большевиками и что вы являлись очевидцем этого».

Я ответил ему, что я старик, мне уже 61 год и на старости лет я не хочу брать греха на душу. Я могу только показать, что военнопленные поляки действительно прибыли на станцию Гнездово весной 1940 года.

Тогда германский офицер стал уговаривать меня дать требуемые показания, обещая в положительном случае перевести меня с должности сторожа на переезде и назначить на должность начальника станции Гнездово, которую я занимал при советской власти, и обеспечить меня материально.

Переводчик подчеркнул, что мои показания, как бывшего железнодорожного служащего станции Гнездово, расположенной ближе всего к Катынскому лесу, чрезвычайно важны для германского командования и что я жалеть не буду, если дам такие показания.

Я понял, что попал в чрезвычайно тяжелое положение и что меня ожидает печальная участь, но тем не менее я вновь отказался дать германскому офицеру вымышленные показания.

После этого офицер стал на меня кричать, угрожать избиением и расстрелом, заявляя, что я не понимаю собственной выгоды. Однако, я твердо стоял на своем.

Тогда переводчик составил короткий протокол на немецком языке на одной странице и рассказал своими словами его содержание.

В этом протоколе был записан, как мне рассказал переводчик, только факт прибытия польских военнопленных на станцию Гнездово. Когда я стал просить, чтобы мои показания были записаны не только на немецком, но и на русском языке, то офицер окончательно вышел из себя, избил меня резиновой палкой и выгнал из помещения...»

Савватеев И.В., 1880 года рождения, показал:

«...В гестапо я показал, что действительно весной 1940 года на ст. Гнездово в нескольких поездах прибывали военнопленные поляки и что они на машинах проследовали дальше, а куда — мне неизвестно. Я также добавил, что этих поляков я позднее встречал неоднократно на шоссе Москва—Минск, производивших небольшими партиями ремонтные работы.

Офицер заявил мне, что я путаю, что я не мог встречать поляков на шоссе, так как они расстреляны большевиками, и требовал, чтобы я именно об этом и показал. Я отказался.

После длительных угроз и уговаривания офицер посоветовался о чем-то с переводчиком на немецком языке, и переводчик тогда написал короткий протокол и дал мне его на подпись, объяснив, что здесь изложено содержание моих показаний. Я попросил переводчика дать мне возможность самому прочесть протокол, но тот оборвал меня бранью и приказал немедленно же подписать его и убираться вон. Я помедлил минуту, переводчик схватил висевшую на стене резиновую дубинку и замахнулся на меня. После этого я подписал подсунутый мне протокол. Переводчик сказал, чтобы я убирался домой и никому не болтал, иначе меня расстреляют...»

Поиски «свидетелей» не ограничились названными лицами. Немцы настойчиво старались разыскать бывших сотрудников НКВД и заставить их дать нужные для них ложные показания.

Случайно арестовав бывшего рабочего гаража УНКВД Смоленской области Игнатюка Е.Л., немцы упорно, путем угроз и избиений, добивались от него дать показания о том, что он, якобы, являлся не рабочим гаража, а шофером и лично возил на расстрел военнопленных поляков.

По этому вопросу Игнатюк Е.Л., 1903 года рождения, показал:

«Когда я был в первый раз на допросе у начальника полиции Алферчика, он, обвиняя меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что я работал в гараже Управления НКВД Смоленской области в качестве рабочего. Алферчик на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я ему дал показания о том, что я работал в Управлении НКВД не рабочим гаража, а шофером.

Алферчик, не получив от меня нужных показаний, был сильно раздражен и вместе со своим адъютантом, которого он называл Жорж, завязали мне голову и рот какой-то тряпкой, сняли с меня брюки, положили на стол и начали бить резиновыми палками.

После этого меня опять вызвали на допрос, и Алферчик требовал от меня, чтобы я дал ему ложные показания о том, что польских офицеров в Катынском лесу расстреляли органы НКВД в 1940 году, о чем мне, якобы, как шоферу, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моем согласии дать такие показания Алферчик обещал освободить меня из тюрьмы и устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае они меня расстреляют..

Последний раз меня в полиции допрашивал следователь Александров, который требовал от меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и Алферчик, но и у него на допросе я отказался давать вымышленные показания.

После этого допроса меня опять избили и отправили в гестапо...

...В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции, ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году советскими властями, о чем мне, как шоферу, якобы, известно».

В изданной германским Министерством иностранных дел книге, в которой были помещены сфабрикованные немцами материалы по «Катынскому делу», кроме упомянутого выше Киселева П. Г., были названы в качестве «свидетелей» Годезов (он же Годунов), 1877 года рождения, Сильверстов Григорий, 1891 года рождения, Андреев Иван, 1917 года рождения, Жигулев Михаил, 1915 года рождения, Кривозерцев Иван, 1915 года рождения, и Захаров Матвей, 1893 года рождения.

Проверкой установлено, что первые двое из перечисленных выше (Годезов и Сильверстов) умерли в 1943 г. до освобождения Смоленской области Красной Армией; следующие трое (Андреев, Жигулев и Кривозерцев) ушли с немцами, а может быть, были ими увезены насильно, а последний — Захаров Матвей — бывший сцепщик на станции Смоленск, работавший при немцах старостой в дер. Новые Батеки, был разыскан и допрошен Специальной Комиссией.

Захаров рассказал, каким способом немцы получили у него нужные им ложные показания по «Катынскому делу»:

«В начале марта 1943 года, показал Захаров, ко мне на квартиру пришел сотрудник Гнездовского гестапо, фамилии его я не знаю, и сказал, что меня вызывает офицер.

Когда я пришел в гестапо, немецкий офицер через переводчика заявил мне: «Нам известно, что вы работали сцепщиком на ст. Смоленск-центральная и должны показать, что в 1940 году через Смоленск направлялись вагоны с военнопленными поляками на станцию Гнездово, после чего поляки были расстреляны в лесу у «Козьих Гор».

В ответ на это я заявил, что вагоны с поляками в 1940 году действительно проходили через Смоленск по направлению на запад, но где была станция назначения — я не знаю...

Офицер сказал мне, что если я по-хорошему не желаю дать показания, то он заставит сделать это по принуждению. После этих слов он взял резиновую дубинку и начал меня избивать. Затем меня положили на скамейку, и офицер вместе с переводчиком били меня. Сколько было нанесено ударов, я не помню, т.к. вскоре потерял сознание.

Когда я пришел в себя, офицер потребовал от меня подписать протокол допроса, и я, смалодушничав под воздействием побоев и угроз расстрела, дал ложные показания и подписал протокол. После подписания протокола я был из гестапо отпущен...

Через несколько дней после моего вызова в гестапо, примерно в середине марта 1943 года, ко мне на квартиру пришел переводчик и сказал, что я должен пойти к немецкому генералу и подтвердить там свои показания.

Когда мы пришли к генералу, он спросил у меня — подтверждаю ли я свои показания. Я сказал, что подтверждаю, т.к. еще в пути был предупрежден переводчиком, что если я откажусь подтвердить показания, то испытаю еще гораздо худшее, чем испытал в первый раз в гестапо.

Боясь повторения пыток, я ответил, что свои показания подтверждаю. Потом переводчик приказал мне поднять вверх правую руку и сказал мне, что я принял присягу и могу идти домой».

Установлено, что немцы пытались получить нужные им показания, применяя уговоры, угрозы и истязания, и от других лиц, в частности от бывшего помощника начальника Смоленской тюрьмы Каверзнева Н.С., бывшего работника той же тюрьмы Ковалева В.Г. и других.

Так как поиски нужного количества свидетелей не увенчались успехом, немцы расклеили в г. Смоленске и окрестных деревнях следующую листовку, подлинный экземпляр которой имеется в материалах Специальной Комиссии:

«ОБРАЩЕНИЕ К НАСЕЛЕНИЮ

Кто может дать данные про массовое убийство, совершенное большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами священниками в лесу Козьи Горы около шоссе Гнездово—Катынь?

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездова в Козьи горы или кто видел или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом?

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица 6, в Гнездово, в немецкую полицию дом №105 у вокзала.

Фосс

лейтенант полевой полиции

3 май 1943 года».

Такое же объявление было помещено в издававшейся немцами в Смоленске газете «Новый путь» (№35 (157) от 6 мая 1943 г.)

О том, что немцы сулили награду за дачу нужных им показаний по «Катынскому делу», заявили опрошенные Специальной Комиссией свидетели — жители гор. Смоленска: Соколова О.Е., Пущина Е.А., Бычков И.И., Бондарев Г.Т., Устинов Е.П. и многие другие.

Обработка катынских могил

Наряду с поисками «свидетелей», немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катынском ле-

су: к изъятию из одежды убитых ими польских военнопленных всех документов, помеченных датами позднее апреля 1940 года, т.е. времени, когда, согласно немецкой провокационной версии, поляки были расстреляны большевиками; к удалению всех вещественных доказательств, могущих опровергнуть ту же провокационную версию.

Расследованием Специальной Комиссии установлено, что для этой цели немцами были использованы русские военнопленные числом до 500 человек, специально отобранные из лагеря военнопленных №126.

Специальная Комиссия располагает многочисленными свидетельскими показаниями по этому вопросу.

Из них особого внимания заслуживают показания врачебного персонала упомянутого лагеря.

Врач Чижов А.Т., работавший в лагере №126 в дни оккупации немцами Смоленска, показал:

«...Примерно в начале марта месяца 1943 года из Смоленского лагеря военнопленных №126, из числа более физически крепких пленных, отобрано было несколько партий, общим количеством до 500 человек, для направления, якобы, на окопные работы. Впоследствии никто из этих пленных в лагерь не вернулся».

Врач Хмыров В.А., также работавший при немцах в том же лагере, показал:

«Мне известно, что примерно во второй половине февраля месяца или начале марта 1943 г. из нашего лагеря было отправлено в неизвестном мне направлении около 500 человек военнопленных красноармейцев. Отправка этих пленных производилась, якобы, на окопные работы, почему и отбирались физически полноценные люди...»

Тожественные показания дали: медсестра Леньковская О.Г., медсестра Тимофеева А.И., свидетельницы Орлова П.М., Добросердова Е.Г. и свидетель Кочетков В.С.

Куда на самом деле были направлены 500 советских военнопленных из лагеря №126, явствует из показаний свидетельницы Московской А.М.

Гр-ка Московская Александра Михайловна, проживавшая на окраине гор. Смоленска и работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 г. заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов с просьбой вызвать ее для дачи важных показаний.

Будучи вызвана, она рассказала Специальной Комиссии, что в апреле месяце 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у берега Днепра, она нашла в нем неизвестного человека, который оказался русским военнопленным.

Московская А.М., 1922 года рождения, показала:

«...Из разговора с ним я узнала следующее:

Его фамилия Егоров, зовут Николай, ленинградец. С конца 1941 года он все время содержался в немецком лагере для военнопленных №126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек был направлен из лагеря в Катинский лес. Там их, в том числе и Егорова, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, выгаскивать эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточки и все другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер на этих трупах обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу изъятых таким образом вещей и документов, которые потом сжигались.

Кроме того, в карманы трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезенных с собой ящиков или чемоданов (точно не помню).

Все военнопленные жили на территории Катинского леса в ужасных условиях, под открытым небом и усиленно охранялись.

В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать...

Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усилена. Егоров заподозрил что-то неладное и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они часа 3—4 в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы, погнали к яме, а затем стали расстреливать.

Военнопленные заволновались, зашумели, задвигались. Недалеко от Егорова несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. Егоров воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы.

После этого страшного рассказа, который врзался в мою память на всю жизнь, мне Егорова стало очень жаль, и я просила его зайти ко мне в комнату отогреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберется сил. Но Егоров не согласился... Он сказал, что во что бы то ни стало сегодня ночью уйдет и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии.

Но в этот вечер Егоров не ушел. Наутро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошел шагов пятьдесят, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видимо, сказалось длительное истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он еще день—два побудет у меня с тем, чтобы окрепнуть.

Накормив Егорова, я ушла на работу.

Когда вечером я возвратилась домой, мои соседки — Баранова Мария Ивановна и Кабановская Екатерина Викторовна сообщили мне, что днем во время облавы немецкими полицейскими в моем сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они увели с собой».

В связи с обнаружением в сарае Московской военнопленного Егорова она вызывалась в гестапо, где ее обвиняли в укрывательстве военнопленного.

Московская на допросах в гестапо упорно отрицала какое-либо отношение к этому военнопленному, утверждая, что о нахождении его в сарае, принадлежавшем ей, она ничего не знает. Не добившись признания от Московской, а также и потому, что военнопленный Егоров, видимо, Московскую не выдал, она была выпущена из гестапо.

Тот же Егоров рассказал Московской, что часть военнопленных, работавших в Катынском лесу, помимо выкапывания трупов, занималась привозом в Катынский лес трупов из других мест. Привезенные трупы сваливались в ямы вместе с выкопанными ранее трупами.

Факт доставки в катынские могилы в большом количестве трупов расстрелянных немцами в других местах подтверждается также показаниями инженера-механика Сухачева П.Ф.

Сухачев П.Ф., 1912 года рождения, инженер-механик системы «Росглавхлеб», работавший при немцах машинистом на Смоленской городской мельнице, подал 8 октября 1943 года заявление с просьбой о вызове.

Будучи вызван Специальной Комиссией, он показал:

«...Как-то раз на мельнице во второй половине марта месяца 1943 года я заговорил с немецким шофером, немало владевшим русским языком. Выяснив у него, что он везет муку в деревню Савенки для воинской части и на другой день возвращается в Смоленск, я попросил его захватить меня с собой, дабы иметь возможность купить в деревне жировые продукты. При этом я учитывал, что проезд на немецкой машине для меня исключал риск быть задержанным на пропускном пункте. Немецкий шофер согласился за плату. В тот же день, в десятом часу вечера, мы выехали на шоссе Смоленск—Витебск. Нас в машине было двое — я и немец-шофер. Ночь была светлая, лунная, однако устилавший дорогу туман несколько снижал видимость. Примерно на 22—23 километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен объезд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на объезд, как нам навстречу из тумана внезапно показалась грузовая машина. То ли от того, что тормоза у нашей машины были не в порядке, то ли от неопытности шофера, но мы не сумели затормозить нашу машину и вследствие того, что объезд был довольно узкий, столкнулись с шедшей навстречу машиной. Столкновение было не сильным, так как шофер встречной машины успел взять в сторону, вследствие чего произошел скользящий удар боковых сторон машин. Однако, встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась одним боком на косогор. Наша машина осталась на колесах. Я и шофер немедленно выскочили из кабинки и подошли к свалившейся машине. Меня поразил сильный трупный запах, очевидно шедший от машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина была заполнена грузом, покрытым сверху брезентом, затянутым веревками. От удара веревки лопнули, и часть груза вывалилась на косогор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму.

Около машины находилось, насколько я помню, человек 6—7, из них один немец-шофер, два вооруженных автоматами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и одеты были соответствующим образом.

Немцы с руганью набросились на моего шофера, затем предприняли попытки поставить машину на колеса. Минуты через две к месту аварии подъехали еще две грузовых машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спросил одного из русских военнопленных: «Что это такое?» Тот так же тихо мне ответил: «Которую уж ночь возим трупы в Катынский лес».

Свалившаяся машина еще не была поднята, как ко мне и моему шоферу подошел немецкий унтер-офицер и отдал приказание нам немедленно ехать дальше. Так как на нашей машине никаких серьезных повреждений не было, то шофер, отведя ее немного в сторону, выбрался на шоссе, и мы поехали дальше.

Проезжая мимо подошедших позднее двух машин, крытых брезентом, я также почувствовал страшный трупный запах».

Показания Сухачева подтверждаются показаниями Егорова Владимира Афанасьевича, состоявшего в период оккупации на службе в полиции в качестве полицейского.

Егоров показал, что, неся по роду своей службы охрану моста на перекрестке шоссе на дорогах Москва—Минск и Смоленск—Витебск, он несколько раз ночью в конце марта и в первые дни апреля 1943 года наблюдал, как по направлению к Смоленску проезжали большие грузовые машины, крытые брезентом, от которых шел сильный трупный запах. В кабинках машин и сзади поверх брезента сидело по несколько человек, некоторые были вооружены и, несомненно, это были немцы.

О своих наблюдениях Егоров доложил начальнику полицейского участка в деревне Архиповка Головневу Кузьме Демьяновичу, который посоветовал ему «держаться язык за зубами» и добавил: «Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела».

О том, что немцы перевозили трупы на грузовых машинах в Катынский лес, дал также показания Яковлев Соколов Флор Максимович, 1896 года рождения, бывш. агент по снабжению столовых Смоленского треста столовых, а при немцах — начальник полиции Катынского участка.

Он показал, что лично видел один раз в начале апреля 1943 года, как с шоссе в Катынский лес прошли четыре крытых брезентом грузовых автомашины, в которых сидело несколько человек, вооруженных автоматами и винтовками. От этих машин шел резкий трупный запах.

Из приведенных свидетельских показаний со всей ясностью можно заключить, что немцы расстреливали поляков и в других местах. Свозя их трупы в Катынский лес, они преследовали тройную цель: во-первых, уничто-

жить следы своих собственных злодеяний; во-вторых, свалить свои преступления на Советскую власть; в-третьих, увеличить количество «большевистских жертв» в могилах Катынского леса.

«Экскурсии» на Катынские могилы

В апреле месяце 1943 года, закончив все подготовительные работы на могилах в Катынском лесу, немецкие оккупанты приступили к широкой агитации в печати и по радио, пытаясь приписать Советской власти зверства, совершенные ими самими над военнопленными поляками. В качестве одного из методов этой провокационной агитации немцы организовали посещения катынских могил жителями Смоленска и его окрестностей, а также «делегациями» из стран, оккупированных немецкими захватчиками, или находящихся в вассальной зависимости от них.

Специальная Комиссия опросила ряд свидетелей, участвовавших в «экскурсиях» на катынские могилы.

Свидетель Зубков К.П., врач-патологоанатом, работавший в качестве судебно-медицинского эксперта в Смоленске, показал Специальной Комиссии:

«...Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни, была довольно хорошо сохранившейся. Металлические части одежды — пряжки ремней, пуговицы, крючки, шипы на ботинках и прочее имели не резко выраженную ржавчину и в некоторых случаях местами сохраняли блеск металла. Доступные осмотру ткани тела трупов — лица, шеи, руки имели преимущественно грязный зеленоватый цвет, в отдельных случаях грязнокоричневый, но полного разрушения тканей, гниения не было. В отдельных случаях были видны обнаженные сухожилия белесоватого цвета и часть мышц. Во время моего пребывания на раскопках на дне большой ямы работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и другие инструменты, а также брали трупы руками, перетаскивали их за руки, за ноги и одежду с места на место. Ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распадались, или чтобы отрывались у них отдельные части.

Учитывая все вышеизложенное, я пришел к выводу, что давность пребывания трупов в земле — не три года, как утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что в массовых могилах гниение трупов протекает быстрее, чем в одиночных и тем более без гробов, я пришел к выводу, что массовый расстрел поляков был произведен около полутора лет тому назад и может относиться к осени 1941 г. или весне 1942 г. В результате посещения раскопок я твердо убедился, что совершенное чудовищное злодеяние — дело рук немцев».

Показания о том, что одежда трупов, ее металлические части, обувь, а также сами трупы хорошо сохранились, дали допрошенные Специальной Комиссией многочисленные свидетели, участвовавшие в «экскурсиях» на катынские могилы, в том числе: заведующий Смоленской водопроводной сетью Куцев И.З., учительница катынской школы Ветрова Е.Н., телефонистка Смоленского отделения связи Щедрова Н.Г., житель дер. Борок Алексеев М.А., житель дер. Новые Батеки Кривозерцев М.Г., дежурный по ст. Гнездово Савватеев И.В., гражданка Смоленска Пушина Е.А., врач 2-й Смоленской больницы Сидорук Т.А., врач той же больницы Кесарев П.М., и др.

Попытки немцев замести следы своих злодеяний

Организованные немцами «экскурсии» не достигали своей цели. Все побывавшие на могилах убеждались в том, что перед ними налицо самая грубая и явная немецко-фашистская провокация. Поэтому со стороны немецких властей принимались меры к тому, чтобы заставить сомневающихся молчать.

Специальная Комиссия располагает показаниями целого ряда свидетелей, которые рассказали о том, как преследовали немецкие власти тех, кто сомневался или не верил в провокацию. Их увольняли со службы, арестовывали, угрожали расстрелом. Комиссия установила два случая расстрела за неумение «держать язык на привязи»: такая расправа была учинена над бывшим немецким полицейским Загайновым и над Егоровым А.М., работавшим на раскопках могил в Катынском лесу.

Показания о преследовании немцами людей, выразивших свои сомнения после посещения могил в Катынском лесу, дали: уборщица аптеки №1 Смоленска Зубарева М.С., помощник санитарного врача Сталинского райздравотдела Смоленска Козлова В.Ф. и другие.

Быв. нач. полиции катынского участка Яковлев-Соколов Ф.М. показал:

«Создалась обстановка, вызывавшая серьезную тревогу в немецкой комендатуре, и на места полицейским аппаратам срочно были даны указания во что бы то ни стало пресечь все вредные разговоры и арестовать всех лиц, высказывающих неверие в «катынское дело».

Мне лично, как нач. участковой полиции, такие указания дали: в конце мая 1943 г. немецкий комендант с. Катынь обер-лейтенант Браунг и в начале июня — нач. Смоленской районной полиции Каменский.

Я созвал инструктивное совещание полицейских своего участка, на котором предложил задерживать и доставлять в полицию каждого высказывающего неверие и сомневающегося в правдоподобии сообщений немцев о расстреле большевиками польских военнопленных.

Выполняя эти указания немецких властей, я явно кривил душой, так как сам был уверен, что «катынское дело» — немецкая провокация. Полностью я убедился в этом, когда лично побывал на «экскурсии» в Катынском лесу».

Видя, что «экскурсии» местного населения на катынские могилы не достигают цели, немецкие оккупационные власти летом 1943 г. распорядились зарыть эти могилы.

Перед своим отступлением из Смоленска немецкие оккупационные власти стали наспех заметать следы своих злодеяний. Дача, которую занимал «штаб 537 строительного батальона», была сожжена до тла. Трех девушек — Алексееву, Михайлову и Конаховскую — немцы разыскивали в дер. Борок, чтобы увезти с собой, а может быть и уничтожить. Разыскивали немцы и своего главного «свидетеля» — Киселева П.Г., но тот вместе со своей семьей успел скрыться. Немцы сожгли его дом.

Немцы старались схватить и других «свидетелей» — б. начальника станции Гнездово Иванова С.В. и б. дежурного по этой станции Савватеева И.В., а также б. сцепщика ст. Смоленск Захарова М.Д.

В самые последние дни перед отступлением из Смоленска немецко-фашистские оккупанты искали профессоров Базилевского и Ефимова. Обоим удалось избежать увода или смерти лишь потому, что они заблаговременно скрылись.

Однако замести следы и скрыть свои преступления немецко-фашистским захватчикам не удалось.

Произведенная судебно-медицинская экспертиза эксгумированных трупов с неопровержимой ясностью доказывает, что расстрел военнопленных поляков был произведен самими немцами.

Ниже приводится акт судебно-медицинской экспертизы.

Акт судебно-медицинской экспертизы

По указанию Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу (близ гор. Смоленска) военнопленных польских офицеров, судебно-медицинская экспертная комиссия в составе:

Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — В.И. Прозоровского;

Профессора судебной медицины 2-го Московского Государственного медицинского института, доктора медицинских наук — В.М. Смольянинова;

Профессора патологической анатомии, доктора медицинских наук — Д.Н. Выропаева;

Старшего научного сотрудника Танатологического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора П.С. Семеновского;

Старшего научного сотрудника судебно-химического отделения Государственного Научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доцента М.Д. Швайковой;

при участии:

Главного судебно-медицинского эксперта Западного фронта, майора медицинской службы Никольского;

Судебно-медицинского эксперта Н... армии, капитана медицинской службы Бусоедова;

Начальника патолого-анатомической лаборатории 92, майора медицинской службы — Субботина;

Майора медицинской службы Оглоблина;

Врача-специалиста, старшего лейтенанта медицинской службы Садыкова;

Старшего лейтенанта медицинской службы Пушкаревой,

в период с 16-го по 23-е января 1944 г. произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов польских военнопленных, погребенных в могилах на территории «Козьи Горы» в Катинском лесу, в 15-ти километрах от гор. Смоленска. Трупы польских военнопленных были погребены в общей могиле размером около 60х60х3 метра и, кроме того, в отдельной могиле размером около 7х6х3,5 метра. Из могил эксгумировано и исследовано 925 трупов.

Эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов произведены для установления:

а) личности покойных;

б) причины смерти;

в) давности погребения.

Обстоятельства дела: см. материалы Специальной Комиссии.

Объективные данные: см. протоколы судебно-медицинских исследований трупов.

Заключение

Судебно-медицинская экспертная комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских исследований трупов, приходит к следующему заключению:

По раскрытию могил и извлечения трупов из них установлено:

а) среди массы трупов польских военнопленных находятся трупы в гражданской одежде, количество их по отношению к общему числу исследованных трупов незначительно (всего 2 на 925 извлеченных трупов); на трупах были надеты ботинки военного образца;

б) одежда на трупах военнопленных свидетельствует об их принадлежности к офицерскому и частично к рядовому составу польской армии;

в) обнаруженные при осмотре одежды разрезы карманов и сапог, вывороченные карманы и разрывы их показывают, что вся одежда на каждом трупе (шинель, брюки и др.), как правило, носит на себе следы обыска, произведенного на трупах;

г) в некоторых случаях при осмотре одежды отмечена целостность карманов. В этих карманах, а также в разрезанных и разорванных карманах под подкладкой мундиров, в поясах брюк, в портянках и носках найдены обрывки газет, брошюры, молитвенники, почтовые марки, открытые и закрытые письма, квитанции, записки и другие документы, а также ценности (слиток золота, золотые доллары), трубки, перочинные ножи, курительная бу-

мага, носовые платки и др.;

д) на части документов (даже без специальных исследований) при осмотре их констатированы даты, относящиеся к периоду от 12 ноября 1940 г. до 20 июня 1941 г.;

е) ткань одежды, особенно шинелей, мундиров, брюк и верхних рубашек, хорошо сохранилась и с очень большим трудом поддается разрыву руками;

ж) у очень небольшой части трупов (20 из 925) руки оказались связанными позади туловища с помощью белых плетеных шнуров.

Состояние одежды на трупах, именно тот факт, что мундиры, рубашки, поясные ремни, брюки и кальсоны застегнуты; сапоги или ботинки надеты; шарфы и галстуки повязаны вокруг шеи, помочи пристегнуты, рубашки заправлены в брюки — свидетельствует, что наружного осмотра туловища и конечностей трупов ранее не производилось.

Сохранность кожных покровов на голове и отсутствие на них, а также на покровах груди и живота (кроме трех случаев из 925) каких бы то ни было надрезов, разрезов и других признаков экспертной деятельности указывает, что судебно-медицинского исследования трупов не производилось, судя по эксгумированным судебно-медицинской экспертной комиссией трупам.

Наружный и внутренний осмотры 925 трупов дают основания утверждать наличие огнестрельных ранений головы и шеи, в четырех случаях сочетавшихся с повреждением костей свода черепа тупым, твердым, тяжелым предметом. Кроме того, в незначительном количестве случаев обнаружено повреждение живота при одновременном ранении головы.

Входные отверстия огнестрельных ранений, как правило, единичные, реже — двойные, расположены в затылочной области головы вблизи от затылочного бугра, большого затылочного отверстия или на его краю. В небольшом числе случаев входные огнестрельные отверстия найдены на задней поверхности шеи, соответственно 1, 2, 3 шейным позвонкам.

Выходные отверстия обнаружены чаще всего в лобной области, реже — в теменных и височных областях, а также на лице и шее. В 27 случаях огнестрельные ранения оказались слепыми (без выходных отверстий) и в конце пулевых каналов под мягкими покровами черепа, в его костях, в оболочках и веществе мозга найдены деформированные, слабо-деформированные и вовсе недеформированные оболочечные пули, применяемые при стрельбе из автоматических пистолетов, преимущественно калибра 7,65 мм.

Размеры входных отверстий на затылочной кости допускают вывод, что при расстрелах было употреблено огнестрельное оружие двух калибров: в подавляющем большинстве случаев — менее 8 мм, т. е. 7,65 мм и менее; в меньшем числе — свыше 8 мм, т. е. 9 мм.

Характер трещин костей черепа и обнаружение в некоторых случаях пороховых остатков у входного отверстия говорит о том, что выстрелы были произведены в упор или почти в упор.

Взаиморасположение входных и выходных отверстий показывает, что выстрелы производились сзади, при наклоненной вперед голове. При этом пулевой канал проходил через жизненно важные отделы головного мозга или вблизи от них и разрушение ткани мозга являлось причиной смерти.

Обнаруженные на костях свода черепа повреждения тупым, твердым, тяжелым предметом сопутствовали огнестрельным ранениям головы и сами по себе причиной смерти не служили.

Судебно-медицинские исследования трупов, произведенные в период с 16 по 23 января 1944 г., свидетельствуют о том, что совершенно не имеется трупов в состоянии гнилостного распада или разрушения и что все 925 трупов находятся в сохранности — в начальной стадии потери трупом влаги (что наиболее часто и резко было выражено в области груди и живота, иногда и на конечностях; в начальной стадии жировоска; в резкой степени жировоска у трупов, извлеченных со дна могил); в сочетании обезвоживания тканей трупа и образования жировоска.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что мышцы туловища и конечностей совершенно сохранили свою макроскопическую структуру и свой почти обычный цвет; внутренние органы грудной и брюшной полости сохранили свою конфигурацию, в целом ряде случаев мышца сердца на разрезах имела ясно различимое строение и присущую ей окраску, а головной мозг представлял характерные структурные особенности с отчетливо выраженной границей серого и белого вещества. Кроме микроскопического исследования тканей и органов трупа, судебно-медицинской экспертизой изъят соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях.

В сохранении тканей и органов трупов имели известное значение свойства почвы на месте обнаружения.

По раскрытии могил и изъятии трупов и пребывания их на воздухе они подвергались действию тепла и влаги в весенне-летнее время 1943 г. Это могло оказать влияние на резкое развитие процесса разложения трупов.

Однако степень обезвоживания трупов и образования в них жировоска, особо хорошая сохранность мышц и внутренних органов, а также и одежды дают основания утверждать, что трупы находились в почве недолгое время.

Сопоставляя же состояние трупов в могилах на территории «Козьи Горы» с состоянием трупов в других местах захоронения в г. Смоленске и его ближайших окрестностях — в Гедеевке, Магаленщине, Реадовке, лагере №126, Красном бору и т.д. (см. акт суд. мед. экспертизы от 22-го октября 1943 г.), надлежит признать, что погребение трупов польских военнопленных на территории «Козьих Гор» произведено около 2-х лет тому назад. Это находит свое полное подтверждение в обнаружении в одежде на трупах документов, исключающих более ранние сроки погребения (см. пункт «д» ст. 36 и опись документов).

Судебно-медицинская экспертная комиссия на основе данных и результатов исследований — считает установленным акт умерщвления путем расстрела военнопленных офицерского и частично рядового состава польской армии;

утверждает, что этот расстрел относится к периоду около 2-х лет тому назад, т.е. между сентябрем—декабрем 1941 г.;

усматривает в факте обнаружения судебно-медицинской экспертной комиссией в одежде трупов ценностей и документов, имеющих дату 1941 г. — доказательство того, что немецко-фашистские власти, предпринявшие в весенне-летнее время 1943 г. обыск трупов, произвели его не тщательно, а обнаруженные документы свидетельствуют о том, что расстрел произведен после июня 1941 г.;

констатирует, что в 1943 г. немцами произведено крайне ничтожное число вскрытий трупов расстрелянных польских военнопленных;

отмечает полную идентичность метода расстрела польских военнопленных со способом расстрелов мирных советских граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимся немецко-фашистскими властями на временно оккупированной территории СССР, в том числе в городах — Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре, Воронеже.

*Главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — **В.И. ПРОЗОРОВСКИЙ**.*

*Профессор судебной медицины 2-го Московского государственного медицинского института, доктор медицинских наук — **В.М. СМОЛЬЯНИНОВ**.*

*Профессор патологической анатомии, доктор медицинских наук — **Д.Н. ВЫРОПАЕВ**.*

*Старший научный сотрудник танатологического отделения Государственного Научно-исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР, доктор — **П.С. СЕМЕНОВСКИЙ**.*

*Старший научный сотрудник судебно-химического отделения Государственного Научно-исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР, доцент — **М.Д. ШВАЙКОВА**.*

Смоленск, 24 января 1944 г.

Документы, найденные на трупах

Кроме данных, зафиксированных в акте судебно-медицинской экспертизы, время расстрела немцами военнопленных польских офицеров (осень 1941 г., а не весна 1940 г., как утверждают немцы) устанавливается также и обнаруженными при вскрытии могил документами, относящимися не только ко второй половине 1940 г., но и к весне и лету (март—июнь) 1941 г.

Из обнаруженных судебно-медицинскими экспертами документов заслуживают особого внимания следующие:

1. На трупе №92:

Письмо из Варшавы, адресованное Красному Кресту в Центральное Бюро военнопленных — Москва, ул. Куйбышева, 12. Письмо написано на русском языке. В этом письме Софья Зигонь просит сообщить местопребывание ее мужа Томаша Зигоня. Письмо датировано 12.IX—40 г. На конверте имеется немецкий почтовый штамп — «Варшава, IX.—40» и штамп — «Москва, почтамт 9 экспедиция, 28.IX—40 года» и резолюция красными чернилами на русском языке: «Уч. установить лагерь и направить для вручения. 15.XI—40 г.» (подпись неразборчива).

2. На трупе №4:

Почтовая открытка, заказная №0112 из Тарнополя с почтовым штемпелем «Тарнополь 12.XI—40 г.»

Рукописный текст и адрес обесцвечены.

3. На трупе №101:

Квитанция №10293 от 19.XII—1939 г., выданная Козельским лагерем о приеме от Левандовского Эдуарда Адамовича золотых часов. На обороте квитанции имеется запись от 14 марта 1941 г. о продаже этих часов Ювелирторгу.

4. На трупе №46:

Квитанция (№ неразборчив), выданная 16.XII—1939 г. Старобельским лагерем о приеме от Арашкевича Владимира Рудольфовича золотых часов. На обороте квитанции имеется отметка от 25 марта 1941 г. о том, что часы проданы Ювелирторгу.

5. На трупе №71:

Бумажная иконка с изображением Христа, обнаруженная между 144 и 145 страницами католического молитвенника. На обороте иконки имеется надпись, из которой разборчива подпись — «Ядвина» и дата «4 апреля 1941 г.»

6. На трупе №46:

Квитанция от 6 апреля 1941 г., выданная лагерем №1-ОН о приеме от Арашкевича денег в сумме 225 рублей.

7. На том же трупе №46:

Квитанция от 5 мая 1941 г., выданная лагерем №1-ОН о приеме от Арашкевича денег в сумме 102 рубля.

8. На трупе №101:

Квитанция от 18 мая 1941 г., выданная лагерем №1-ОН о приеме от Левандовского Э. денег в сумме 175 рублей.

9. На трупе №53:

Неотправленная почтовая открытка на польском языке в адрес: Варшава, Багателя 15 кв. 47 Ирене Кучинской. Датирована 20 июня 1941 г. Отправитель Станислав Кучинский.

Общие выводы

Из всех материалов, находящихся в распоряжении Специальной Комиссии, а именно — показаний свыше 100 опрошенных ею свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, извлеченных из могил Катынского леса, с неопровержимой ясностью вытекают нижеследующие выводы:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западнее Смоленска и занятые на дорожно-строительных работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск до сентября 1941 г. включительно;

2. В Катынском лесу осенью 1941 г. производились немецкими оккупационными властями массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей;

3. Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием «штаб 537 строительного батальона», во главе которого стояли оберст-лейтенант Арнес и его сотрудники — обер-лейтенант Рекст, лейтенант Хотт;

4. В связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки к началу 1943 г. немецкие оккупационные власти в провокационных целях предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам Советской власти в расчете посорить русских с поляками;

5. В этих целях:

а) немецко-фашистские захватчики, путем уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний, старались найти «свидетелей» из числа советских граждан, от которых добивались ложных показаний о том, что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами Советской власти весной 1940 г.;

б) немецкие оккупационные власти весной 1943 г. свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с расчетом скрыть следы своих собственных злодеяний и увеличить число «жертв большевистских зверств» в Катынском лесу;

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работ по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих их документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнению этой работы были немцами расстреляны.

6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается:

а) время расстрела — осень 1941 г.;

б) применение немецкими палачами при расстреле польских военнопленных того же способа pistolетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности, в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске.

7. Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 г. полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катынских могил;

8. Расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов.

*Председатель Специальной Комиссии, член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик **Н.Н. БУРДЕНКО**.*

ЧЛЕНЫ:

*Член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик **Алексей ТОЛСТОЙ**.*

*Член Чрезвычайной Государственной Комиссии Митрополит **НИКОЛАЙ**.*

*Председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант **А.С. ГУНДОРОВ**.*

*Председатель Исполкома Союза Обществ «Красного Креста» и «Красного Полумесяца» **С.А. КОЛЕСНИКОВ**.*

*Народный Комиссар Просвещения РСФСР, академик **В.П. ПОТЕМКИН**.*

*Начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии, генерал-полковник **Е.И. СМИРНОВ**.*

*Председатель Смоленского облисполкома **Р.Е. МЕЛЬНИКОВ**.*

Гор. Смоленск. 24 января 1944 года.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПУТЕМ ЗАРАЖЕНИЯ СЫПНЫМ ТИФОМ^[182]

Чрезвычайная Государственная Комиссия в своих предыдущих сообщениях опубликовала ряд документов, изобличающих гитлеровское правительство и верховное командование германской армии в массовом истреблении мирного советского населения. С особой жестокостью немецкие оккупанты и их сообщники проводили истязания, пытки и массовые убийства советских людей в концентрационных лагерях, организуемых в тылу германской армии. Не только военные, но и все другие оккупационные власти прикрывали создание этих лагерей

потребностями эвакуации советского населения из прифронтовой полосы.

«Лагери смерти» для советских людей у переднего края немецкой обороны

В настоящее время установлено, что немецко-фашистские мерзавцы, в связи с поражениями германской армии на советско-германском фронте и с изменившейся обстановкой, начали широко практиковать новые зверские способы истребления советских людей. Одним из таких способов является распространение эпидемий сыпного тифа среди советского населения и частей Красной Армии, для чего гитлеровцы, как это выяснилось, организуют у переднего края своей обороны специальные концентрационные лагеря.

19 марта 1944 года наступающие части Красной Армии в районе местечка Озаричи, Полесской области, Белорусской ССР, обнаружили на переднем крае немецкой обороны три концентрационных лагеря, в которых находилось свыше 33 тысяч детей, нетрудоспособных женщин и стариков. Эти лагеря размещались: первый — на болоте у поселка Дерт^[183]; второй — в 2 километрах северо-западнее местечка Озаричи^[184]; третий — на болоте в 2 километрах западнее деревам Подосинник.

Специальная комиссия в составе: Председателя Совнаркома Белорусской ССР Пономаренко П.К., депутата Верховного Совета Белорусской ССР Грековой Н.Г., действительного члена Белорусской Академии Наук Якуба Коласа, депутата Верховного Совета СССР Гришко Г.Е., генерал-майора интендантской службы Саковича А.П., начальника санитарной службы армии подполковника Колодкина В.Н. с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Кудрявцева Д.И. — расследовала обстоятельства, связанные с созданием этих лагерей.

Лагери представляли собой открытую площадь, обнесенную колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Никаких построек, даже легкого типа, на территории лагерей не было. Заключенные размещались прямо на земле. Многие из них, потерявшие способность двигаться, без памяти лежали в грязи. Заключенным было запрещено разводить костры, собирать хворост для подстилки. За милейшую попытку нарушения этого режима гитлеровцы расстреливали советских людей.

Создавая концентрационные лагеря у переднего края обороны, немцы, во-первых, выбирали места для лагерей там, где они не надеялись удержать свои позиции; во-вторых, концентрируя большие массы советских людей в лагере, они размещали в них преимущественно детей, нетрудоспособных женщин и стариков; в-третьих, вместе с истощенным и нетрудоспособным населением, находившимся в антисанитарных условиях, они размещали в лагерях тысячи сыпнотифозных больных, специально вывезенных из различных временно оккупированных районов Белорусской ССР. Среди освобожденных из лагерей детей до 13-летнего возраста было 15 960 человек, нетрудоспособных женщин — 13 072 и стариков — 4 448. Расследованием установлено, что фашистские мерзавцы сгоняли все мирное советское население в пересылочные лагеря под видом эвакуации населения из прифронтовых районов.

В городе Жлобин немецкая комендатура объявила по радио следующее воззвание к населению:

«Граждане города Жлобин, германское командование направляет вас в глубокий тыл, так как красноармейцы вас будут обстреливать из артиллерии и минометов. Желая спасти вас от большевистских зверств, мы эвакуируем вас в глубокий тыл. Берите с собой все вещи, лошадей, телеги, скот. Берите с собой котелки и ложки, так как по дороге вы будете обеспечены горячей пищей. Слушайте немецкого солдата, не скрывайтесь и не убегайте. Весь город оцеплен немецкими войсками. Всякий пытающийся скрыться или бежать будет застрелен. Выходите на улицу и двигайтесь, куда вам укажут немецкие солдаты».

По заранее разработанному плану немецко-фашистские власти организовывали пересылочные пункты, в которые сгоняли все мирное население. В них немцы предварительно отбирали трудоспособных мужчин, женщин и детей свыше 13-летнего возраста и отправляли на каторжные работы в Германию, остальных детей и нетрудоспособных взрослых направляли в концентрационные лагеря у переднего края обороны.

В период с 9 по 13 марта 1944 года гитлеровцы, под усиленным конвоем СС и охранной полиции, согнали в лагеря в районе местечка Озаричи десятки тысяч советских людей из пересылочных пунктов, расположенных в районах станции Рудобелка, Рабор, Старушка, Красный Берег и населенных пунктов Микуль-Городок, Поролище, Медведевка.

— 12 марта 1944 года на рассвете, — сообщила учительница Е. Маз, — нас, жителей города Жлобин, немцы согнали за линию железной дороги, к зданию школы. Здесь они отобрали всех трудоспособных, а оставшихся стариков, детей и женщин погрузили в эшелон по 60—70 человек в холодные, неотопляемые вагоны. В исключительно тяжелых антисанитарных условиях, в холоде и грязи нас довели до станции Рабор и погнали в лагерь, расположенный в 3-х километрах от станции. От холода и голода много детей замерзло и умерло в вагонах, много погибло стариков, женщин и детей по дороге в лагерь.

Освобожденная из лагеря Л. Пекарская сообщила Комиссии:

«12 марта 1944 года под вечер нас, жителей города Жлобин, заставили собраться в течение получаса на станции Жлобин-Южная. Здесь немцы отобрали молодых и увели их. Загнав нас в теплушки, немцы наглухо закрыли двери. Куда нас везут, мы не знали, но все предчувствовали недоброе. Как потом оказалось, нас везли по Рудобелковской ветке и разгрузили под вечер 15 марта. Ночью по колена в липкой грязи нас погнали в лагерь. Из этого лагеря нас перегнали во второй. В дороге немцы били нас, отстававших расстреливали. Вот идет женщина с тремя детьми. Один малыш упал, немцы стреляют в него. Когда же мать и двое ее детей в ужасе оборачиваются, солдаты звери поочередно стреляют и в них. Мать поднимает истошный крик, и этот крик обрывается вы-

стрелом в упор. Идут мать и сын Бондаревы. Ребенок не выдержал утомительного пути и упал. Мать наклоняется над ним, она хочет утешить его словом, но ни сын, ни мать больше не встали, не увидели голубого неба — немцы застрелили их».

Лисовая А.И. из села Малецкая Рудня сообщила:

«В пути следования в лагерь группа усталых советских людей присела отдохнуть. Гестаповец, конвоировавший нас, натравил собак, которые сильно искусили Квитковскую и других».

— *На моих глазах*, — сообщил житель совхоза «Авангард», Буслов М.П., — *была убита в лагере немцами гражданка Крек из деревни Михайловская — мать троих детей за то, что вышла на несколько шагов за колючую проволоку, чтобы собрать сучья для костра.*

Жительница деревни Ковальки Манько Х.О. показала:

«Рядом с проволокой, которой был обнесен лагерь, были вырыты канавы, заполненные грязной болотной водой. В канавах валялось много разложившихся трупов. Воды для питья нам немцы не давали, и мы вынуждены были брать ее из этих канав».

Житель села Гадуни Безнивец П.Н., содержащийся в лагере, сообщил:

«Лагерь, в котором я находился, был обнесен колючей проволокой и заминирован. Заключенные, пытавшиеся выйти за пределы лагеря за водой или дровами, избивались и расстреливались. Так была убита мать 4-х детей Мокряк П.А. из села Слобода, Домановичского района».

У заключенных в лагерях советских граждан немецко-фашистские захватчики отбирали носильные вещи и сохранившиеся ценности.

Шуляренко Л.Д. из деревни Давидовичи показала:

«В лагерь пришли 50 человек немецких солдат. В руках у них были палки. Они осматривали заключенных, у кого находили хорошую одежду или обувь, отбирали ее. Кто сопротивлялся, того избивали палками. Я сама видела, как немецкие солдаты стаскивали с женщин платки, пальто и обувь».

Умышленное распространение немецко-фашистскими палачами эпидемии сыпного тифа среди советского населения

На основании материалов указанной выше Комиссии членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Трайниным И.П. и судебно-медицинской экспертной комиссией было произведено дополнительное расследование, которым было установлено, что немецкие военные власти преднамеренно, с целью распространения сыпного тифа, размещали сыпнотифозных больных вместе со здоровым населением, заключенным в концентрационные лагеря у переднего края немецкой обороны. Сыпнотифозные больные свозились немцами в эти лагеря из населенных пунктов Полесской, Минской, Гомельской и других областей Белорусской ССР.

Жительница деревни Заболотье Лабезникова М.Б., содержащаяся в лагере, сообщила Комиссии:

«К нам в дом пришли немцы. Узнав, что я больна тифом, они в тот же день прислали двух солдат и на лошади отвезли меня в лагерь».

Шептунова О.А., из деревни Солоновое, рассказала:

«Все население нашей деревни немцы согнали в деревню Воротынь, где было много больных сыпным тифом. Потом всех жителей деревни Воротынь вместе с больными отправили в концентрационный лагерь, находившийся в районе местечка Озаричи».

Освобожденная из лагеря Митрахович П.С, жительница села Ново-Белица, показала:

«Нас, больных сыпным тифом, повезли в район деревни Миккуль-Городок, в лагерь, огороженный колючей проволокой».

Жительница местечка Новогрудок Гаврильчик З.П. сообщила:

«В течение 3-х суток в лагерь привозили на машинах больных сыпным тифом, в результате чего многие здоровые, заключенные в лагере, заболели. В ночь с 15 на 16 марта умерло от сыпного тифа очень много заключенных».

Жительница деревни Пганцы Е. Душевская показала:

«Нас, больных сыпным тифом, немцы перевезли в лагерь из деревни Ковчицы, Паричского района. Мы знали, что можем заразить здоровых, просили немцев отделить нас от здоровых, но они не обратили никакого внимания».

Фашисты размещали в лагерях у переднего края обороны не только здоровых и больных, переведенных из пересыльных пунктов, но и специально завозили в них советских граждан, больных сыпным тифом, из больниц и лазаретов.

Больная Третьякова Н.П. из деревни Замощаны сообщила:

«Я заболела в середине февраля месяца, после чего была помещена в больницу деревни Лески. В больнице лежала на полу, не раздевалась. Никакого лечения не было. Потом меня из больницы немцы направили в концентрационный лагерь около деревни Дерт».

Широков Г.С, житель города Жлобин, показал:

«12 марта из Жлобинской больницы вывезли 200 человек больных сыпным тифом. Все больные были посланы в лагерь».

Романенко И.О. сообщил Комиссии:

«Находясь в заключении в концлагере, я видел большую группу жителей города Жлобин больных тифом».

Они лежали на мокрой земле, в грязи. Среди них были мертвые. Несколько человек, будучи в бреду, ползали по грязи. Врачей не было. Среди больных я видел граждан города Жлобин: Щуклина и Гурскую. Они сообщили мне, что их, больных тифом, вывезли в лагерь из городской больницы».

Аналогичные показания дали Комиссии бывшие заключенные концентрационных лагерей, советские граждане: Жданович Д.Г., Зайцева О.А., Русинович Х.Т., Решотко Т.И., Анисимова М.Т., Дробова И.Р., Новик Л.К., Верос П.Я., Коваленко А.Е., Бондаренко В.Ф., Довыденко М.В. и многие другие.

Таким образом, преднамеренный, вывоз немцами тифозных больных в лагерь, с целью распространения сыпнотифозной инфекции неопровержимо доказан многочисленными показаниями советских граждан, которые были принудительно отправлены немецкими властями в концентрационные лагеря на 5, 7, 8, 9 день заболевания тифом.

Вот ряд документально установленных случаев такого рода, составляющих, однако, ничтожную часть всех зарегистрированных многочисленных фактов.

Болейко Е.П. из села Барбару была направлена в лагерь на седьмой день заболевания тифом, причем ее четверо детей: Николай 11 лет, Нина 9 лет, Любовь 7 лет, Василий 5 лет заболели уже по пути в лагерь. На 5—9 день болезни тифом в лагерь были отправлены Крек из с. Слобода, Новик Л.К. из с. Юрки, Коваленко А.Е. из с. Ломовичи, Пархоменко А. из д. Замошаны, Решотка М.М. из с. Хомичи, Получи Н.Е. из д. Детбин, Голубь М.И. из с. Подветки, Крук Т.П. из с. Годуни, Евстратовская из с. Ковальки и многие другие.

В концентрационных лагерях заболели тифом: Земжецкая М.Д. из с. Буда, Романов И. из д. Белица, Венцов И. из с. Заполье, Бельке П. из д. Волосовичи, Пощен М.З. из дер. Порослище, Дроздова В.С. из д. Комадовка, Ящур А.М. из г. Иванище, Пацай М.И. из д. Гар, Дайнеко Ф.Д. из д. Пружилище, Козлова Т. из д. Новоселки, Шкутова Ф.С. из д. Годиновичи, Грыжкова А.С. из д. Радужа, Антоник Е. из д. Трельцы, Удот А. из д. Закеричи и многие другие.

Командование германской армии специально посылало в лагеря у переднего края обороны своих агентов, которым было вменено в обязанность следить за распространением эпидемии сыпного тифа среди населения, а также среди частей Красной Армии.

Задержанный немецкий агент разведывательной группы 308 Расторгуев Ф. показал:

«11 марта 1944 года я в сопровождении обер-лейтенанта немецкой армии — начальника группы 308 Керст был доставлен на автомашине на железнодорожную станцию, расположенную в 40—45 километрах южнее города Глуск. Вечером он сказал мне, что я на некоторое время посылаюсь в лагерь для гражданского населения, расположенный в 30 километрах от этой станции. Керст объяснил мне, что в этом лагере находится до 40 тысяч мирных советских граждан из которых до 7 тысяч больных сыпным тифом, что в ближайшие 3—4 дня в этот лагерь будет брошено еще до 20 тысяч лиц гражданского населения. Здесь же мне сделали противотифозную прививку.

Задание, данное мне начальником группы 308, заключалось в следующем: прибыть в лагерь, находящийся западнее деревни Озаричи, и быть там, оставаясь незамеченным в массе. Мне надо было установить, что будут делать части Красной Армии с гражданским населением, когда лагеря окажутся в расположении частей Красной Армии, куда направят женщин и детей, как поступят с больными. После того, как я выполню данное мне задание, я должен буду возвратиться на сторону немцев и сообщить о собранных мною сведениях».

Заключение судебно-медицинской экспертизы

Преднамеренное распространение эпидемии сыпного тифа среди мирного советского населения, заключенного германскими властями в концентрационные лагеря у переднего края обороны, подтверждается также данными судебно-медицинской экспертизы.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе армейского эпидемиолога подполковника Юлаева С.М., армейского судебно-медицинского эксперта майора Алексева Н.Н. и начальника армейской патолого-анатомической лаборатории майора Бутянина В.М. установила, что в целях заражения советских людей сыпным тифом:

а) германские власти поместили в концентрационных лагерях здоровых и сыпнотифозных больных советских граждан (эпиданамнезы №№158, 180, 161, 164, 178, 183 и др.);

б) для более быстрого распространения сыпного тифа в лагерях немцы практиковали перевод сыпнотифозных больных из одних лагерей в другие (данные эпиданамнеза, клиники и серологических исследований за №№2, 8, 10, 15, 16, 17 и другие);

в) в случаях, когда сыпнотифозные больные отказывались идти в лагеря, немецкие власти применяли насилие (протоколы опроса за №№269, 270, 271, 272);

г) немецкие захватчики перебрасывали сыпнотифозных больных из больниц и смешивали их со здоровым населением в лагерях. Это подтверждается эпиданамнезами за №№138, 139, 149, 166, 175, 180, 40, 49, 50 и протоколом опроса №273;

д) заражение соседского населения сыпным тифом было произведено в период 2-й половины февраля и первой половины марта».

После освобождения района местечка Озаричи Полесской области от немецких оккупантов, с 19 по 31 марта 1944 года командование частей Красной Армии госпитализировало 4 052 советских гражданина, из них детей в возрасте до 13 лет 2 370 человек.

На основании расследования специальной комиссии, заключения судебно-медицинской экспертизы, докумен-

тальных материалов, а также на основании произведенного расследования членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Трайниным И.П., Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что созданием концентрационных лагерей у переднего края обороны с размещением в них здоровых и сыпнотифозных больных немецкие военные власти пытались преднамеренно распространить эпидемию сыпного тифа среди советского населения и частей Красной Армии, что является грубейшим нарушением законов и обычаев ведения войны, признанных цивилизованными народами.

К ответу немецко-фашистских палачей!

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает виновниками всех этих преступлений гитлеровское правительство, верховное командование германской армии, а также командующего 9-й армией генерала танковых войск Харпе, командира 35 армейского корпуса генерала пехоты Визе, командира 41 танкового корпуса генерал-лейтенанта Вейдман^[185], командира 6 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Гроссман, командира 31 пехотной дивизии генерал-майора Экснер, командира 296 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Кульмер, командира 110 пехотной дивизии генерал-майора Вайсгаупт, командира 35 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Рихард^[186], командира 34 пехотного полка полковника фон Капф, командира 109 пехотного полка майора Рогиланн, начальника «Абвергрупп 308» обер-лейтенанта Керст.

Все они должны понести суровую ответственность за преступления, совершенные против советского народа.

ДИРЕКТИВЫ И ПРИКАЗЫ ГИТЛЕРОВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ГЕРМАНСКОГО ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ ОБ ИСТРЕБЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И МИРНЫХ ГРАЖДАН^[187]

1. Гитлеровские секретные директивы об истреблении советских людей

Преступное гитлеровское правительство и верховное командование германской армии еще до вероломного нападения на Советский Союз тщательно разработали планы чудовищного истребления передовой части советского народа и ссылки на каторгу в Германию миллионов советских людей.

Опубликованные в свое время Чрезвычайной Государственной Комиссией сообщения о немецко-фашистских злодеяниях в городах Краснодаре, Ставрополе, Орле, Сталино, Смоленске и Киеве, а также специальные расследования, произведенные членами Чрезвычайной Государственной Комиссии путем выезда на места, установили существование продуманной системы преднамеренного массового истребления немецкими оккупантами военнопленных и мирных советских граждан.

Только по *предварительным* данным, зарегистрированным Чрезвычайной Государственной Комиссией, немецко-фашистские оккупанты убили, отравили в «душегубках» и замучили в оккупированных ими советских районах около 2 миллионов человек, — стариков, женщин и детей, мирных советских граждан, а также много военнопленных — бойцов и офицеров Красной Армии.

В настоящее время в распоряжение Чрезвычайной Государственной Комиссии поступили захваченные в гор. Киеве органами советской власти немецкие документы, обнаруженные в негоряемом шкафу в помещении, где в период немецкой оккупации находилось гестапо. Эти документы содержат оперативные приказы верховного командования германской армии, имперского министра оккупированных восточных областей, начальника полиции безопасности и СД и другие документы, в которых излагается порядок «очистки» лагерей для советских военнопленных и мирных граждан от «подозрительных лиц». Из этих документов видно, что в качестве единственной меры «очистки» немецко-фашистскими властями в чудовищных масштабах практиковалось применение убийств, которые фигурируют в документах под терминами: «экзекуции», «особый режим», «ликвидация», «особые меры», «очистительные мероприятия». Эти документы относятся к первым месяцам вторжения немецких захватчиков в СССР, к периоду июль—декабрь 1941 года. Важность обнаруженных документов характеризуется тем, что на всех их имеется гриф: «Секретно, государственной важности», «Секретно, командный документ».

В целях предотвращения опасности захвата Красной Армией этих документов, раскрывающих преступления немецко-фашистских палачей и их кровавые планы физического уничтожения русского населения, в оперативном приказе №14 начальника немецкой полиции говорилось:

«Особо вменяю в обязанность, чтобы оперативные приказы №№8 и 14, а также относящиеся к ним дополнительные указы, в случае опасности, немедленно уничтожались».

В приказе ставки верховного командования германской армии №11, 7 октября 41 г. подчеркивается:

«Письменное (даже в виде выдержек) распространение этого приказа воспрещается. Ознакомление окружающих комендантов по делам военнопленных и комендантов пересыльных лагерей производится устно».

2. Подготовка к массовому истреблению советских военнопленных и мирных граждан

Из обнаруженных документов видно, что гитлеровские палачи еще до своего нападения на СССР составляли списки, розыскные книги и собирали необходимые сведения о руководящих советских работниках, которые, по их кровавым планам, подлежали уничтожению. Так были подготовлены «Особая розыскная книга СССР», «Гер-

манская розыскная книга», «Списки по выявлению местопребывания» и другие подобного рода «розыскные книги и списки», которые гитлеровским убийцам должны были облегчить истребление передовой части населения СССР.

В документе, именуемом: «Приложение №2 к оперативному приказу №8 начальника полиции безопасности и СД», датированном — «Берлин, 17 июля 1941 года» и подписанном Гейдрихом, исполнявшим в те время обязанности заместителя Гимmlера, указывается, однако, на недостаточность списков и розыскных книг и на необходимость не стеснять инициативу исполнителей убийств.

В документе говорится:

«Для осуществления ваших задач нет возможности предоставить в распоряжение команд пособия. «Германская розыскная книга», «Списки по выявлению местопребывания», «Особая розыскная книга СССР» окажутся полезными лишь в небольшом количестве случаев. «Особая розыскная книга СССР» поэтому недостаточна, так как в нее занесена лишь незначительная часть советских русских, которых следует считать опасными». (См. фотокопию №5)^[188].

С разбойничьим вторжением в СССР и оккупацией ряда советских районов гитлеровцы повели систематическое истребление советского населения, в особенности его передовых и наиболее активных слоев, независимо от имевшихся в их руках списков.

Для выполнения своих преступных планов немецкие оккупанты в стационарных и пересыльных лагерях для военнопленных, устроенных в то время на германской территории, в так называемом польском «генерал-губернаторстве» и на оккупированной советской территории, создали «зондеркоманды» (особые команды).

В оперативном приказе №8 начальника полиции безопасности и СД, датированном «Берлин, 17 июля 1941 года, Б. №21 Б41, г. Рс IV А1 ц», подписанном Гейдрихом, говорится:

«Предлагаю немедленно выделить для находящихся на той территории лагерей военнопленных команду в составе одного СС фюрера и 4—6 рядовых. В случае, если для выполнения поставленных задач потребуются дополнительные силы, об этом необходимо немедленно сообщить мне...

...Для облегчения проведения чистки должны быть выделены в распоряжение начальника лагерей военнопленных в 1-м военном округе, Восточной Пруссии — генерал-майора фон Гинденбурга и начальника лагерей военнопленных в генерал-губернаторстве — генерал-лейтенанта Геррготт, в Кельцах — по одному руководителю (führer'y) связи...

В качестве руководителей связи должны быть немедленно откомандированы:

а) криминальрат Шиффер, отдел государственной полиции Штетина, — в распоряжение генерал-майора фон Гинденбурга, в Кенигсберг (Пруссия);

б) криминаль-комиссар Рашвиц при начальнике полиции безопасности и СД в Кракове — в распоряжение генерал-лейтенанта Геррготт в Кельцах.

...В задачи этих руководителей связи входит, особенно к моменту начала операций, направлять в соответствии с настоящими директивами деятельность команд, а также обеспечивать нормальные отношения с военными органами).

В приложении №1 к оперативному приказу №14 начальника полиции безопасности и СД (Секретно. Государственной важности, экземпляр 15-й), датированном — «Берлин, 29 октября 1941 года», указывается порядок формирования «зондеркоманд»:

«Формирование зондеркоманд, полиции безопасности и СД производится по договоренности между начальником полиции безопасности и СД и верховным командованием вооруженных сил от 7.X—1941 года.

Команды работают на основе особых полномочий и, согласно данным им общим директивам, в рамках лагерного распорядка, самостоятельно. Само собой разумеется, что команды поддерживают тесный контакт с комендантами лагерей и офицерами контрразведки». (См. фотокопию №2).

Это было вторичным разъяснением еще ранее изданной директивы от 17 июля 1941 г. (См. начало фотокопии №5)

В свою очередь и верховное командование германской армии в приложении №2 к приказу от 7.X—1941 года указало:

«1. ...в пересыльных лагерях армейского тыла зондеркоманды полиции безопасности и СД по выявлению неблагонадежных элементов действуют под собственную ответственность в соответствии с прилагаемыми директивами.

2. По согласованию с начальником полиции безопасности и СД, деятельность предусмотренных зондеркоманд регулируется следующим образом: а) предусмотренные для выполнения этих задач зондеркоманды подчиняются уполномоченному начальнику полиции безопасности и СД при командующих армейским тылом, согласно пересланному с отношением «а» соглашению от 28.IV—1941 года

...д) В тех лагерях армейского тыла, в которых нет возможности произвести фильтрацию при помощи зондеркоманд, под личную ответственность коменданта остаются в силе существовавшие до сих пор положения. С появлением зондеркоманд выявление неблагонадежных элементов является исключительно их задачей».

Приказ начальника полиции безопасности и СД от 29 октября 1941 г. об организации зондеркоманд был разослан оперативным группам в Красногвардейск, Смоленск, Киев, Николаев и «информационно» в Ригу, Могилев, Кривой Рог.

Нужно также отметить, что гитлеровцы во время своего наступления на Москву создали в Смоленске специальную «зондеркоманду Москва», задачей которой должны были явиться массовые убийства москвичей. (См.

фотокопию №1).

О задачах, возложенных на «зондеркоманды», говорят оперативные директивы, приложенные к приказу начальника полиции безопасности и СД №8, датированному — «Берлин, 17 июля 1941 года», который под видом «*филтрации гражданских лиц и подозрительных военнопленных, захваченных в восточном походе*», указывает, что «*особая обстановка восточного похода требует особых мер, которые должны проводиться под собственной ответственностью, вне каких-либо бюрократических и административных влияний*».

Как документально установлено, на «зондеркоманды» возлагалась обязанность «филтрации», т.е. выявления «неблагонадежных», подлежащих в дальнейшем уничтожению.

В связи с этим, в приложении к оперативному приказу Гейдриха №8 от 17.VII—1941 г. указывается, что:

«Заключенные лагерей для русских должны поэтому быть разделены внутри лагеря по следующим признакам:

- 1) Гражданские лица.
- 2) Солдаты (в том числе и такие, которые явно переодеты в гражданское платье).
- 3) Политически вредные элементы из числа лиц 1 и 2 категорий...
- 4) Лица 1 и 2 категорий, достойные доверия, а потому пригодные для использования при восстановлении оккупированных районов.
- 5) Национальные группы среди военнопленных и гражданских лиц».

3. Планы истребления советских деятелей и советской интеллигенции

Гражданское население временно захваченных немецко-фашистскими оккупантами районов СССР, как это неоднократно сообщалось, заключалось в лагеря наряду с военнопленными, вопреки всем существующим законам и обычаям ведения войны. Бесчеловечный режим, созданный гитлеровскими палачами для военнопленных, был распространен также и на мирных советских граждан. В этом отношении нужно отметить так называемые «экзекуции».

Гитлеровцы с самого начала установили широкий круг «подозрительных», подлежащих «экзекуции». К этому кругу гитлеровцы раньше всего относили руководящую и активную группу советских работников. В приложении №1 к оперативному приказу №14 начальника полиции безопасности от 29 октября 1941 г., подписанному Гейдрихом, по этому поводу говорится:

«Прежде всего необходимо выявить:

- 1) всех выдающихся государственных и партийных должностных лиц, в особенности профессиональных революционеров,
- 2) деятелей Коминтерна,
- 3) всех влиятельных деятелей немецкой коммунистической организации в СССР и примыкающих к ней организаций в Центральном Комитете, в окружных и районных организациях.
- 4) всех Народных Комиссаров и их заместителей,
- 5) всех бывших политкомиссаров Красной Армии,
- 6) руководящих лиц государственных учреждений центрального и среднего звеньев,
- 7) руководящих лиц в хозяйственной жизни,
- 8) советско-русских интеллигентов и евреев, поскольку это касается профессиональных революционеров или политических деятелей, писателей, редакторов, работников Коминтерна и др.» (См. фотокопию №4).

В «дополнении к директивам для команд полиции безопасности и СД», подписанном Гейдрихом, датированном: «Берлин, 17 июля 1941 года», прямо указывается на необходимость применять аналогичные меры не только к русскому народу, но и к украинцам, белоруссам, азербайджанцам, армянам, грузинам, тюркским народностям и др.

Следует отметить, что кровавые расправы проводились гитлеровцами и над теми украинцами-националистами, которых Гитлер использовал вначале для борьбы против Советского Союза, а затем разделался с ними самым гнусным и коварным образом, под предлогом якобы того, что бандеровцы «готовили восстание». В директиве оперативной команды Ц/5 полиции безопасности и СД за №12/41 от 25 ноября 1941 г. с грифом «секретно, государственной важности» в отношении, например, украинских националистов, возглавлявшихся Бандерой, говорится:

«Все активисты бандеровского движения должны немедленно арестовываться и после тщательного допроса должны быть без шума ликвидированы под видом грабителей...»

Этот документ, после ознакомления с ним, должен быть немедленно уничтожен начальством команды» (подчеркнуто в подлиннике). (См. фотокопию №7).

Правящая гитлеровская клика систематически проверяла выполнение своих директив в отношении выявления «подозрительных», требовала строгого и полного их учета. В приложении №2 к оперативному приказу №8 начальника полиции безопасности и СД строго предписывается:

«Каждую неделю начальник оперативной команды представляет в Главное управление имперской безопасности краткое донесение по телеграфу или срочным письмом. В этом донесении должны быть изложены: 1) краткое описание деятельности за прошедшую неделю; 2) число лиц, которые должны окончательно считаться подозрительными (достаточно указать цифру)...»

Из документов видно, что эти «экзекуции» являлись не чем иным, как истреблением советских людей, кото-

рые массами подвергались казням, творимым немецко-фашистскими палачами.

4. Попытки немецко-фашистских убийц скрыть свои преступления

Жестоко и бесчеловечно расправляясь с советскими людьми, попавшими в руки фашистско-немецкого зверья, германские власти тщательно старались скрыть свои преступления, пытаясь окутать эти злодеяния густым покровом тайны. Об этом также свидетельствуют многочисленные приказы немецкого военного командования и немецкой полиции.

В оперативном приказе начальника полиции безопасности и СД №8 от 17 июля 1941 года по этому поводу указывается:

«Экзекуции должны проводиться не в самом лагере и не в непосредственной близости от него, они негласны и должны производиться, по возможности, незаметно».

Далее в приложении №2 к этому же приказу говорится:

«Экзекуции не должны производиться в лагере или в непосредственном соседстве с лагерем. Если лагеря генерал-губернаторства находятся в непосредственной близости от границы, то пленных для специальной обработки следует, по возможности, отвозить в бывшие советские районы. Если экзекуции потребуются вследствие нарушения лагерной дисциплины, то в этом случае начальник оперативной команды должен обратиться к коменданту лагеря». (См. фотокопию №6).

В приложении №2 к приказу ставки верховного командования германской армии №11, датированному 7.X—1941 года, говорится:

«б) Деятельность зондеркоманд с санкции командующих армейским тылом (районных комендантов по делам военнопленных) должна проходить так, чтобы фильтрация проводилась, по возможности, незаметно, а ликвидация без промедления и на таком расстоянии от самих пересыльных лагерей и населенных пунктов, чтобы это не было известно остальным военнопленным и населению».

В приложении №1 к оперативному приказу №14 начальника полиции безопасности и СД, датированному «Берлин. 29 октября 1941 года, №21 Б/41 г. Рс—IV А 1 ц, секретно, государственной важности», рекомендуется следующий «порядок» проведения «экзекуций»:

«Начальники оперативных групп под свою ответственность решают вопросы об экзекуции и дают соответствующие указания зондеркомандам.

Для проведения установленных данными директивами мер командам надлежит требовать от руководства лагерей выдачи им пленных. Верховным командованием армии дано указание комендатурам об удовлетворении подобных требований.

Экзекуции должны производиться незаметно, в удобных местах и, во всяком случае, не в самой лагере или в непосредственной близости от него. Необходимо следить за немедленным и правильным погребением трупов».

В дополнении к директивам для командироваемых в лагери военнопленных команд полиции безопасности и СД, подписанном Гейдрихом, еще раз указывается:

«Наконец, я вновь указываю на то, что экзекуции ни в коем случае не должны совершаться ни в самом лагере, ни в непосредственной близости от него».

«Экзекуции» приняты с течением времени столь широкие размеры, что гитлеровцы, как это известно из предыдущих сообщений Чрезвычайной Комиссии, стали их проводить и в самих лагерях или вблизи лагерей.

Впоследствии, когда Красная Армия стала очищать от немецко-фашистских полчищ временно оккупированные ими территории Советского Союза и когда советские власти стали раскрывать чудовищные преступления фашистских извергов, обнаруживая многочисленные могилы замученных фашистами советских граждан, бойцов и офицеров, германское командование приняло срочные меры к тому, чтобы скрыть и уничтожить следы своих преступлений. В этих целях немецкое командование организовало повсеместные раскопки могил и сжигание находившихся в этих могилах трупов. Особым приказом оберштурмфюрера, датированным «Ровно, 3 августа 1943 г. IV А 1 — №35/43сс», адресованным областному руководителю жандармерии в Камень-Каширске, предписывалось «*немедленно сообщить о местонахождении и количестве могил (общих) особо-репрессированных*» по данной области.

Среди документов, обнаруженных в здании гестапо в Ровенской области, найдены донесения об исполнении указанного выше приказа с перечнем около 200 пунктов, где были зарегистрированы такие могилы.

Из этого списка видно, что немецко-фашистские палачи выбирали для могил, в которые закапывали свои жертвы, преимущественно глухие и малодоступные для посторонних лиц места. Вот часть таких мест:

78. Шепетовка, в лесу — 3 могилы.

79. Славута, в разработках гравия — 1 могила.

80. Славута, в лесу — 1 могила.

121. Горохов, в 1 км. южнее Горохова, в 100 м. от дороги на Дрешкополь — 1 могила.

Городское кладбище, в западном углу, справа — 1 могила.

В карьере кирпичной глины южнее Горохова — 1 могила.

123. Берестечко, во дворе жандармских казарм, примерно в 500 м. севернее совхоза Наренчин — 1 могила.

124. Локачи, в 1 км. южнее города (в карьере кирпичной глины) — 1 могила.

125. Кизелин, примерно в 1 км. северо-западнее Кизелина, около развалин здания — 1 могила

140. Ковель, Нагорная ул., в песчаном карьере, в 400 м. за сев. казармами — 1 могила.

Нагорная ул., северо-вост. от города, в песчаном карьере, справа от дороги — 1 могила.

Владимирская ул., ок. еврейского кладбища — 1 могила.

В тюремном саду — 1 могила.

Площадная ул., ок. старого кладбища — 1 могила.

142. Ратно, в 3 км. восточнее города, ок. ветряной мельницы — 1 могила.

143. Крымно, в 2 км. северо-западнее ок. озера — 1 могила.

144. Мацеев, Меловой карьер, в 200 м. за казармами охр. полиции — 1 могила.

145. Голобы, в лесу 4 км. сев.зап. от города — 1 могила.

146. Мельница, в 2 км. западнее Мельницы, ок. песчаного карьера — 1 могила.

147. Маневичи, в 2,5 клм. зап. от города в песчаной горе — 1 могила.

149. Осерани, в 5 клм. сев.зап. от деревни, в песчаном карьере — 1 могила,

В конце списка говорится: «В списке предусмотрены все могилы, включая и могилы команд, работавших здесь раньше».

Десятками тысяч сжигались трупы расстрелянных и замученных немецкими палачами военнопленных и мирных советских граждан в Харькове, Киеве, Ровно и в ряде других городов и районов по пути отступления гитлеровской армии.

С целью проверки точного выполнения своих директив о массовом истреблении советских военнопленных и мирных граждан гитлеровская правящая клика требовала представления отчетности от непосредственных исполнителей «экзекуций».

Начальник полиции безопасности и СД в приложении №2 к своему оперативному приказу №8 требовал от начальников зондеркоманд:

«В отношении примененных репрессий команды должны вести списки, в которых должны содержаться следующие сведения: номера по порядку, фамилии и имена, время и место рождения, воинское звание, профессия, последнее местожительство, основания для репрессии, время и место репрессии».

Далее в приказе говорилось, что «подобные сообщения должны, как правило, в информационном порядке передаваться в 1 отдел IV Управления Главного управления имперской безопасности (IV A 1)».

В развитие этой директивы оперативная команда Ц/5 полиция безопасности и СД уточняет:

«В конце каждого месяца необходимо представлять сюда отчет о деятельности команд СД в стационарных лагерях военнопленных. Необходимо указывать количество ликвидаций по национальностям, в соответствии с изложенными в инструкциях директивами».

О том, как все вышеуказанные директивы выполнялись, говорит донесение оперативной команды 7 (оберштурмбаннфюрера Липера бригадфюреру «доктору» Томасу) в Виннице от 4 декабря 1941 г. В этом донесении указывается, что в лагере в Виннице, после так называемой «фильтрации» лагеря, осталось всего 25 человек, которые могли быть отнесены к категории «подозрительных»:

— *Это ограниченное количество, —* говорится в донесении, *— объясняется тем, что местные органы повседневно предпринимали необходимые, мероприятия по линии полиции безопасности против отрицательных элементов в стационарных лагерях военнопленных в контакте с комендантами или соответствующими офицерами контрразведки.*

Таким образом, помимо массовых казней, проводившихся специально созданными для этого «зондеркомандами», широко практиковалось систематическое истребление советских людей комендантами и находящимися в их подчинении командами лагерей для советских военнопленных.

5. Гитлеровцы преступно попирают нормы международного права, законы и обычаи ведения войны

Формально гитлеровские бандиты никогда не объявляли о том, что они отказываются от международных правил ведения войны, которые зафиксированы в различных Международных конвенциях и требуют гуманного обращения с военнопленными. Больше того, гитлеровское правительство в 1934 году даже ратифицировало Женевскую конвенцию 1929 года «О содержании военнопленных».

Но это присоединение гитлеровского правительства к международным конвенциям о военнопленных было рассчитано на обман мирового общественного мнения, что получило свое подтверждение с начала этой войны и особенно со времени подлого нападения гитлеровской Германии на СССР.

В приложении №1 к оперативному приказу №14 начальника полиции безопасности и СД цинично заявляется, что «большевицкий солдат потерял право на обращение с ним, как с честным солдатом и в соответствии с Женевской конвенцией». (См. фотокопию №3).

Свои чудовищные преступления против советских военнопленных гитлеровские бандиты пытаются, таким образом, прикрыть циничными ссылками на якобы неприменимость общепринятых правил обращения с военнопленными к советским людям.

Документально также установлено, что в преступные планы немецко-фашистского командования и полиции входило применение «экзекуций» и «очистительных мер», т.е. массового истребления и в отношении, польской интеллигенции. В этом не оставляет никакого сомнения оперативный приказ №2 начальника полиции безопасности и СД, помеченный: «Берлин, 1 июля 1941 года», в котором говорится следующее:

«Поляки, проживающие во вновь оккупированных областях, особенно на территории бывшей Польши, будут проявлять себя на основе их опыта как антикоммунистически, так и антисемитски».

«Поэтому, само собою разумеется, что настроенных таким образом поляков *на первых порах* (подчеркнуто Чрезвычайной Комиссией) не следует подвергать очистительным мероприятиям».

«В отношении польской интеллигенции и т.д., поскольку в каждом отдельном случае обстоятельства не требуют принятия немедленных мер, решение может быть принято позднее».

Как уже было установлено, такие решения неоднократно принимались. Такие «очистительные мероприятия» были действительно, как известно, проведены немецкими убийцами в отношении польских офицеров в Катинском лесу.

6. К суровому ответу гитлеровское правительство и германское военное командование — организаторов чудовищных преступлений!

Все приведенные выше тайные приказы и инструкции германского военного командования и полиции со всей убедительностью говорят о тщательно разработанной гитлеровцами системе массового истребления советских людей в виде особо организованного для этих чудовищно преступных целей аппарата, всяких «оперативных команд», «зондеркоманд», специальных «фильтраций», «экзекуций», «ликвидации», являвшихся не чем иным, как массовым убийством советских военнопленных и мирных советских граждан.

Эти приказы и инструкции говорят о том, что:

- 1) немецко-фашистские захватчики уже в первые же месяцы войны с СССР приступили к массовому истреблению как гражданского населения СССР, так бойцов и командиров Красной Армии, попавших в плен;
- 2) массовое истребление населения и военнопленных было предписано и проводилось по согласованию между органами полиции безопасности и СД и верховным командованием германских вооруженных сил;
- 3) для физического выполнения «экзекуций» составлялись «оперативные» и «особые команды» (зондеркоманды), имевшие право самостоятельно решать вопрос о применении расстрелов;
- 4) расстрелы военнопленных и гражданского населения немцы старались проводить тайно, чтобы остальные военнопленные и гражданское население ничего об этом не знало;
- 5) в отдельных случаях предписывалось специально привозить советских военнопленных для расстрела на оккупированную немцами территорию Советского Союза.

Публикуемые документы указывают, таким образом, на то, что директивы о преднамеренном истреблении военнопленных и мирных советских людей шли из Берлина, от германского правительства и верховного германского командования, от имперского министра оккупированных восточных областей, начальника безопасности и СД и других членов гитлеровской шайки преступников.

* * *

Чрезвычайная Государственная Комиссия на основании материалов, публикуемых в настоящем сообщении, а также на основании документальных материалов, ранее опубликованных Комиссией по результатам расследования злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в освобожденных от немецкой оккупации советских районах, — установила, что:

- 1) Непосредственными организаторами и руководителями массового уничтожения советских военнопленных и мирных советских людей являются: начальник лагерей военнопленных 1-го Военного округа Восточной Пруссии генерал-майор фон Гинденбург, начальник лагерей военнопленных «генерал-губернаторства» генерал-лейтенант Геррготт, офицеры связи криминальрат Шиффер, криминалькомиссар Рашвитц.
- 2) Непосредственными исполнителями этого чудовищного истребления советских людей являются личный состав зондеркоманд, оперативных команд, коменданты и персонал комендатур лагерей, а также их пособники.

Все они должны понести суровую кару за свои преступления, совершенные против советского народа.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В «ГРОСС-ЛАЗАРЕТЕ» СЛАВУТА КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ^[189]

При освобождении от немцев частями Красной Армии города Славуты на территории бывшего военного городка был обнаружен «лазарет» советских военнопленных. В нем находилось свыше 500 истощенных и тяжело больных людей. Они рассказали об умерщвлении немецкими врачами и охраной «лазарета» десятков тысяч советских военнопленных.

Под председательством Хрущева Н.С., председателя Совнаркома УССР, специальная следственная комиссия расследовала обстановку и обстоятельства умерщвления гитлеровцами в славутском лазарете офицеров и бойцов Красной Армии, попавших в немецкий плен. Комиссия проверила материал допроса, произведенного старшим советником юстиции Прокуратуры УССР Мальцевым Л.Г., при участии представителей Чрезвычайной Государственной Комиссии Готцева Б.Т. и Кононова В.А., и данные анализа судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава УССР профессора доктора медицинских наук Сапожникова Ю.С., заведующего патоморфологическим сектором Московского центрального нейро-хирургического института профессора доктора медицинских наук Смирнова Л.И. и директора Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы НКЮ УССР профессора Бокариуса Н.Н.

В результате следствия собрано огромное число показаний свидетелей и пострадавших, распоряжений окку-

пационных властей и других документов, изобличающих гитлеровское правительство и верховное командование германской армии в грубом попрании элементарных правил человечности.

На основании этих материалов Чрезвычайная Государственная Комиссия установила:

Осенью 1941 года немецко-фашистские захватчики оккупировали город Славуту и организовали в нем для раненых и больных офицеров и бойцов Красной Армии «лазарет», наименовав его: «Гросс-лазарет Славута, цвай лагерь 301». «Лазарет» был расположен в полутора-двух километрах юго-восточнее Славуты и занимал десять трехэтажных каменных зданий-блоков. Все здания гитлеровцы обнесли густой сетью проволочных заграждений. Вдоль заграждений, через каждые 10 метров, были построены вышки, на которых находились пулеметы, прожектора и охрана.

Администрация, немецкие врачи и охрана «Гросс-лазарета» в лице коменданта гауптмана Планка, затем сменившего его майора Павлиски, заместителя коменданта гауптмана Кронсдорфера, гауптмана Ное, штабсарцта доктора Борбе, его заместителя доктора Штурма, обер-фельдфебеля Ильземана и фельдфебеля Беккера — проводили массовое истребление советских военнопленных путем создания специального режима голода, скученности и антисанитарии, применения пыток и прямых убийств, лишения больных и раненых лечения и принуждения крайне истощенных людей к каторжному труду.

Немецкий «Гросс-лазарет Славута» — лазарет смерти

В «Гросс-лазарете» немецкие власти сосредоточивали тяжело и легко раненых, а также страдающих различными инфекционными и неинфекционными заболеваниями советских военнопленных. На смену умершим сюда непрерывно направлялись новые партии раненых и больных советских военнопленных. В пути следования военнопленных подвергали истязаниям, морили голодом и убивали. Из каждого эшелона, прибывающего в «лазарет», гитлеровцы выбрасывали сотни трупов. Машинист водонапорной башни, расположенной на территории бывшего военного городка, Данилюк А.И. сообщил Следственной Комиссии, что он видел, как *«из каждого вагона прибывавшего эшелона выбрасывалось по 20—25 трупов и на железнодорожной ветке оставалось до 800—900 трупов»*.

В пути пешего следования тысячи советских военнопленных погибали от голода, жажды, отсутствия медицинской помощи, дикого произвола немецкого конвоя. Медицинская сестра Славутской больницы Иванова А.Н. показала перед Следственной Комиссией, что в больницу местными жителями часто доставлялись советские военнопленные, брошенные конвоем, с тяжелыми ранениями, нанесенными в пути. В числе доставленных в больницу и скончавшихся она назвала техника-интенданта первого ранга Соломай, штабного писаря Пошехонова и рядового бойца Капилеса.

Как правило, гитлеровцы ударами прикладов и резиновых дубинок встречали партии военнопленных у ворот «лазарета», затем отбирали у вновь прибывших кожаную обувь, теплую одежду и личные вещи.

Немецкие врачи преднамеренно распространяли в «лазарете» инфекционные заболевания

В «Гросс-лазарете» немецкие врачи искусственно создавали невероятную скученность. Военнопленные принуждены были стоять, тесно прижавшись друг к другу, изнемогали от усталости и истощения, падали и умирали. Фашисты применяли различные способы «уплотнения» «лазарета». Бывший военнопленный Хуажев И.Я. сообщил, что немцы *«выстрелами из автоматов уплотняли помещения, и люди невольно тесно прижимались друг к другу; тогда сюда гитлеровцы вталкивали еще больных и раненых и двери закрывали»*.

В «лазарете» немецкие врачи преднамеренно распространяли инфекционные заболевания. Больных сыпным тифом, туберкулезом, дизентерией, раненых с тяжелыми и легкими повреждениями они размещали в одном блоке и в одной камере. Бывший военнопленный советский врач Крыштоп А.А. показал, что *«в одном блоке находились больные сыпным тифом и туберкулезом, количество больных доходило до 1 800 человек, в то время как в нормальных условиях там можно было разместить не более 400 человек»*. Уборка камер не производилась. Больные по несколько месяцев оставались в том белье, в котором попадали в плен. Спали они без всякой подстилки. Многие были полураздеты или совершенно голые. Помещения не отапливались, а примитивные печи, сделанные самими военнопленными, разрушались. Элементарная санитарная обработка поступающих в «лазарет» не производилась. Все это способствовало распространению инфекционных заболеваний. В «лазарете» не было воды для умывания и даже для питья. В результате антисанитарии вшивость в «лазарете» приняла чудовищные размеры.

Немецкие врачи и охрана «Гросс-лазарета» голодом истребляли советских военнопленных

Суточный пищевой рацион советских военнопленных состоял из 250 граммов эрзац-хлеба и 2 литров так называемой «баланды». Эрзац-хлеб выпекался из специальной, присылаемой из Германии муки. В одном из складов «лазарета» обнаружено около 15 тонн этой муки, хранившейся в 40-килограммовых бумажных мешках с фабричными этикетками «Шпельцмель». Судебно-медицинской и химической экспертизой, а также анализом, произведенным Институтом питания Наркомздрава СССР от 21 июня 1944 г., установлено, *«что «мука» представляет собой мякину с ничтожной примесью крахмала (1,7 процента). Наличие крахмала свидетельствует о содержании в исследуемой массе ничтожного количества муки, по-видимому, образовавшейся от случайно*

попавших в солому зерен при обмолоте. Питание «хлебом», приготовленным из этой муки, влекло за собой голодание, алиментарную дистрофию, в ее кахектической и отеочной (голодный отек) формах и способствовало распространению среди советских военнопленных тяжелых кишечно-желудочных заболеваний, обычно кончавшихся смертью».

Так же пагубно действовала на организм «баланда», изготовлявшаяся из шелухи гречихи и проса, неочищенного и полусгнившего картофеля, всякого рода отбросов, с примесью земли, осколков стекла. Нередко пища готовилась из падали, подбираемой по распоряжению коменданта в окрестностях «лазарета».

По заявлению бывших военнопленных Иноземцева И.П., Чигрина Е.И. и Жданова П.Н., в «Гросс-лазарете» периодически отмечались вспышки заболеваний неизвестного характера, называвшиеся немецкими врачами «парахолерой». Заболевание «парахолерой» было плодом варварских экспериментов немецких врачей. Как возникали, так и заканчивались эти эпидемии внезапно. Исход «парахолеры» в 60—80 процентах случаев был смертельный. Трупы некоторых умерших от этих заболеваний вскрывались немецкими врачами, причем русские врачи военнопленные к вскрытию не допускались.

Несмотря на то, что славутский лагерь официально именовался «Гросс-лазаретом» и в его штате числилось значительное количество медицинского персонала, больные и раненые офицеры и бойцы Красной Армии не получали самой элементарной медицинской помощи. Медикаменты для больных и раненых не выдавались. Хирургической обработке раны не подвергались и не перевязывались. Раненые конечности с повреждениями костей не иммобилизовались. Даже за тяжело больными не был организован уход. Бывшая военнопленная санитарка Молчанова П.А. сообщила, что *«больные и раненые в большом количестве, сосредоточенные в соседнем с нами помещении, за дощатой перегородкой, не получали никакой медицинской помощи. Днем и ночью из их палаты доносились непрерывная мольба о помощи, просьба о том, чтобы им дали хоть каплю воды. Сквозь щели между досками проникало тяжелое зловоние от гноящихся и загноившихся ран».*

Пытки и расстрелы советских военнопленных

Советских военнопленных в «Гросс-лазарете» подвергали пыткам и истязаниям, били при раздаче пищи, при выводе на работу. Не щадили фашистские палачи даже умирающих. Судебно-медицинская экспертиза при эксгумировании трупов обнаружила в числе других трупов военнопленного, которому в агональном состоянии было нанесено колотое ранение ножом в паховую область. С торчащим в ране ножом он был брошен в могилу и еще живым засыпан землей.

Одним из видов массовых пыток в «лазарете» было заключение больных и раненых в карцер, который представлял собою холодное помещение с цементным полом. Заключенные в карцер на несколько дней лишались пищи, и многие там умирали. Больных и слабых людей гитлеровцы с целью еще большего истощения заставляли бегать вокруг зданий «лазарета», а тех, кто не мог бегать, запарывали до полусмерти.

Нередки были случаи убийства военнопленных немецкой охраной ради потехи. Бывший военнопленный Бухтийчук Д.П. сообщил о том, как немцы бросали на проволочные ограждения внутренности павших лошадей и, когда обезумевшие от голода военнопленные подбегали к ограждениям, охрана открывала по ним стрельбу из автоматов. Свидетель Кирсанов Л.С. видел, как был заколот штыком один из военнопленных за то, что он поднял с земли клубень картофеля. Бывший военнопленный Шаталов А.Т. *«был очевидцем, как конвоир застрелил военнопленного, пытавшегося получить вторую порцию «баланды».* В феврале 1942 года он *«видел, как часовой ранил одного из пленных, который искал в мусорной яме объедки, оставшиеся в немецкой кухне обслуживающего персонала, раненый был немедленно уведен к яме, раздет и пристрелен».*

Комендатура и охрана лагеря неоднократно применяла изощренные меры истязаний. Среди вскрытых эксгумированных трупов судебно-медицинская экспертиза обнаружила четыре трупа военнопленных, умерщвленных холодным оружием, с колотыми головными ранами, проникающими в полость черепа.

Раненых и больных военнопленных, несмотря на крайнюю степень истощения и резкую слабость, гитлеровцы принуждали к непосильному физическому труду. На военнопленных перевозились тяжести, вывозились трупы умерщвленных советских людей. Изнемогающих и падающих военнопленных конвоиры убивали на месте. Путь на работу и с работы, по заявлению ксендза города Славуты Милевского, намечен, как вехами, маленькими надмогильными холмиками.

Наиболее ярким свидетельством изуверского отношения немецко-фашистских палачей к советским военнопленным является тот факт, что многих больных и раненых они закапывали в могилы заживо. Бывшему военнопленному Панкину А.М. известен случай, когда в феврале 1943 года в мертвецкую был вынесен больной, находившийся в забытьи. В мертвецкой больной очнулся, о чем было доложено немцу — шефу блока. Но он приказал оставить больного в мертвецкой, и больной был похоронен.

На основании обнаружения в глубоких дыхательных путях четырех трупов военнопленных, вплоть до мельчайших бронхов, *«большого количества песчинок, которые могли попасть так глубоко лишь при дыхательных движениях засыпанных песком»*, судебно-медицинская экспертиза установила, что в «Гросс-лазарете» охрана комендатуры с ведома немецких врачей хоронила советских людей живыми.

Немецкие палачи расстреливали мирных граждан за оказание помощи советским военнопленным

Несмотря на строжайшую охрану и безудержные репрессии, советские военнопленные совершали индиви-

дуальные и групповые побеги из «лазарета», находя приют у местного населения Славуты и окружающих населенных пунктов. В связи с этим 15 января 1942 г. Шепетовский гебитскомиссар, правительственный советник доктор Ворбс, в округ которого входил город Славута, специальным распоряжением предупредил население, что «за оказание «посторонним лицам», т.е. бежавшим военнопленным, какой бы то ни было помощи виновные будут расстреляны. Если же непосредственные виновники не найдутся, то в каждом случае будет расстреляно 10 заложников». Районная управа города Славуты, в свою очередь, объявила, что «все военнопленные, самовольно покинувшие лазарет, объявляются вне закона и подлежат расстрелу в любом месте их обнаружения».

Бежавших и задержанных военнопленных, а также граждан, оказывавших им помощь, гитлеровцы арестовывали, подвергали избиениям и расстреливали. Священнику Журковскому известен факт об аресте и расстреле 26 мирных граждан, оказавших помощь военнопленным. Свидетель Фригауф Я.А. сообщил, что за помощь военнопленным были арестованы доктор местной больницы Махнилов, дочь доктора Вайцещука, медсестра Неонила.

Особую активность в расправах с задержанными военнопленными и мирными гражданами проявлял шеф славутской жандармерии обервахмейстер Роберт Готовиц и его заместитель вахмейстер Лор. Расстрел советских людей гитлеровцы производили на участке, прилегающем с юга к водонапорной башне бывшего военного городка, возле «Гросс-лазарета». Это место ими было избрано с целью устрашения военнопленных, которые являлись невольными свидетелями чудовищных злодеяний.

Последствия варварского режима, установленного в «Гросс-лазарете»

При медицинском освидетельствовании 525 освобожденных из «Гросс-лазарета» Славуты советских военнопленных было установлено: у 435 — крайняя степень истощения, у 59 — осложненное течение ран, у 31 — нервно-психическое расстройство. Судебно-медицинская экспертиза на основании внутреннего исследования 112 и наружного осмотра 500 эксгумированных трупов пришла к заключению, что администрация и немецкие врачи «лазарета» создали такой режим, при котором была почти поголовная смертность больных и раненых. Основной причиной смерти советских военнопленных судебно-медицинские эксперты считают истощение крайней степени, инфекционные заболевания, нанесение ран из автоматов и холодным оружием. Такой смертности, которая была в «лазарете», не знает ни одно лечебное учреждение. Круглые сутки военнопленные, впряженные в повозки, вывозили трупы к заранее подготовленным ямам и все же не успевали. Тогда для ускорения «транспортировки» трупы выбрасывались из «лазарета» прямо из окон и там во дворе складывались штабелями.

Бывший военнопленный Севрюгин А.В. сообщил:

«Люди вокруг меня умирали сотнями. Возле меня ежедневно умирали 9—10 человек. Мертвых увозили, места занимались новыми больными, а утром повторялась та же картина. Колоссальная смертность доходила до 300 человек в день».

За два года оккупации города Славуты, при участии немецких врачей Борбе, Штурм и других медицинских работников, в «Гросс-лазарете» гитлеровцы истребили до 150 тысяч офицеров и бойцов Красной Армии.

Немецкие палачи пытались скрыть следы своих преступлений

Немецко-фашистские палачи всячески старались замести следы своих преступлений. Они тщательно маскировали места захоронения советских военнопленных. Это подтверждается данными расследования и судебно-медицинской экспертизы. Только на территории бывшего военного городка обнаружено до тысячи могил массового захоронения. На кресте могилы №623 было написано восемь фамилий похороненных. При вскрытии этой могилы в ней оказалось 32 трупа. То же самое выявлено при вскрытии могилы №624. В других могилах при вскрытии обнаружена грунтовая прослойка между лежащими в ней трупами. При вскрытии могилы №625 было извлечено 10 трупов, а под слоем грунта толщиной в 30 см — еще два ряда трупов. То же самое выявлено при раскрытии могилы №627 и могилы №8. Из последней извлечено 30 трупов, под слоем грунта найдено еще множество трупов значительно большей давности захоронения.

Гитлеровцы маскировали места захоронения путем посадки на них деревьев, прокладки дорожек, разбивки клумб и т.д. У казармы №6 под одной из дорожек, выложенной камнями, была обнаружена могила размером 4,5 метра на 3 метра. В северо-западном направлении от этой казармы, недалеко от шоссе, ведущего в Шепетовку, обнаружены три замаскированные могилы размером от 6 метров на 2 метра до 6,5 метра на 2,5 метра.

К ответу гитлеровских палачей

На основании показаний свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы и расследования, произведенного специальной комиссией, Чрезвычайная Государственная Комиссия неопровержимо установила факт преднамеренного, истребления охраной и немецкими врачами «Гросс-лазарета» до 150 тысяч советских военнопленных.

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за эти преступления правительство и военное командование фашистской Германии, а также непосредственных виновников: штабсарцта доктора Борбе, его заместителя доктора Штурм, Шепетовского гебитскомиссара, правительственного советника доктора Ворбс, майора Павлиски, гауптмана Планк, гауптмана Ное, гауптмана Крондорфер, обер-фельдфебеля Ильземан, фельдфебеля Беккер, шефа Славутской жандармерии обер-вахмайстера Готовиц и его заместителя вахмайстера

Лор.

Все они должны понести суровую кару за свои чудовищные кровавые преступления, выразившиеся в преднамеренном истреблении советских военнопленных бойцов и офицеров Красной Армии.

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ГЕРМАНСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И ГЕРМАНСКИМ ВЕРХОВНЫМ КОМАНДОВАНИЕМ ПРОТИВ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЛАГЕРЕ ЛАМСДОРФ^[190]

[Документ СССР-415]

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии Специальная Комиссия в составе: Д.И. Кудрявцева, государственного советника юстиции П.И. Тарасова-Родионова, профессора М.И. Авдеева, с участием судебно-медицинских экспертов майора медицинской службы Е.А. Казанцева, майора медицинской службы В.М. Атлер, капитана медицинской службы И.И. Глясс, капитана медицинской службы В.Р. Пуховицкого и других произвела расследование преступлений, совершенных немцами в лагере Ламсдорф против советских военнопленных и военнопленных союзных армий.

Комиссия обследовала территорию и помещения лагеря; произвела эксгумацию и судебно-медицинскую экспертизу трупов замученных немцами в лагере военнопленных; опросила 142 свидетеля — бывших заключенных и служащих лагеря — немцев и поляков; рассмотрела и изучила обнаруженные в лагере немецкие документы: приказы, распоряжения, инструкции, статистические записи и донесения.

На основании произведенного расследования Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что в Ламсдорфе, в районе г. Оппельн, с 1941 года по март 1945 года существовал немецкий стационарный лагерь №344. В 1940 и 1941 годах в этом лагере содержались польские военнопленные, а с конца 1941 года в него стали поступать советские, английские и французские военнопленные. В лагере было два основных отделения, называвшихся «английский лагерь» и «русский лагерь».

В отличие от других эсэсовских лагерей — Освенцима, Майданека, Треблинки — лагерь №344 в Ламсдорфе был подчинен германскому верховному командованию и непосредственно VIII военному округу в Бреслау и предназначен только для военнопленных.

В лагере существовал жестокий режим, рассчитанный на поголовное истребление людей. Советских военнопленных морили голодом, избивали, заставляли выполнять непосильную работу, а изнемогающих от изнурения, чтобы принудить к более интенсивной работе, кололи штыками, били прикладами и расстреливали. У военнопленных отбирали верхнюю одежду и обувь, и они должны были, даже зимой, ходить босиком. За время существования лагеря через него прошли не менее 300 тыс. военнопленных, из них около 200 тыс. советских и 100 тыс. польских, английских, французских, бельгийских и греческих военнопленных.

Наиболее распространенным методом истребления советских военнопленных в Ламсдорфском лагере была продажа заключенных для работы на предприятиях различных германских фирм, где их беспощадно эксплуатировали до полной потери сил и смерти.

В отличие от многочисленных германских «бирж труда», где уполномоченные Заукеля продавали угнанных в немецкое рабство советских граждан немецким хозяйчикам «в розницу», в Ламсдорфском лагере была организована «оптовая» продажа предпринимателям военнопленных, сформированных в «рабочие команды». Таких «рабочих команд» в лагере было 1 011. Военнопленные, работавшие на предприятиях в составе этих команд, числились за лагерем и после смерти на работе от истощения, от болезней, от расстрелов заменялись новыми.

Советских военнопленных направляли на самые тяжелые работы в шахтах, а также на следующих предприятиях: 1) «Герман Герингверке» в Глявице, 2) «Герман Герингверке» в Катовицах, 3) «Айзенверке» в Триснице, 4) «Кенигслеврехютте» в Кенигсхютте, 5) «Вальденхютте» в Катовицах, 6) «Рейхсверке» в Кнурове, 7) «Прессверке» в Лабанде, 8) «Эдерштальверке» в Малапане, 9) «ИГ Фарбениндустри» в Тайхене, 10) «Патроник Крайниц» в Крайнице, 11) «Цементверке» в Оппельне, 12) «О.М.Ц. Верке» в Штрелице, 13) «Штайн Брук» в Гроссе, 14) завод «Гидриг» в Блях Гиммере и на ряде других.

В рабочих командах, являвшихся командами смерти, военнопленные погибали тысячами. Это была настоящая каторга, отягощенная издевательствами, истязаниями, безнаказанными массовыми убийствами. Если военнопленный не умирал на работе, то его в состоянии полного истощения от непосильного труда и голода возвращали в Ламсдорфский лагерь, где он умирал в одном из «медицинских учреждений» лагеря: в «санчасти», «лазарете» или в «блоке А» для туберкулезных. Во всех этих учреждениях условия существования больных военнопленных были еще хуже, чем в бараках или в землянках. Больных не лечили, кормили хуже, чем здоровых, истязали и расстреливали. Ежедневно несколько телег с трупами военнопленных направлялось на лагерное кладбище. Сплошь и рядом среди трупов на телегах были и живые, ослабевшие военнопленные, которых сваливали в ямы-могилы вместе с трупами.

Сводки о движении заключенных и донесения о смертности в «рабочих командах» комендатура лагеря, состоявшая из военнослужащих германской армии, направляла шефу по делам военнопленных VIII военного округа в Бреслау, главному штабу вооруженных сил в Берлине, генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы Заукелю.

В Ламсдорфском лагере на основании приказов верховного военного командования Германии проводилась беззастенчивая дискриминация советских военнопленных. Указания на явную дискриминацию советских военнопленных имеются во многих приказах и распоряжениях военного командования, обнаруженных в лагере, а также в показаниях свидетелей, как немцев, так и бывших советских военнопленных — узников Ламсдорфа.

Советские военнопленные посылались для работы на военные заводы, на рытье окопов, а в самом лагере — на склады военного снаряжения по разборке, чистке, транспортировке вооружения и снарядов.

Немецкие документы свидетельствуют о преднамеренном истреблении советских военнопленных в Ламсдорфском лагере №344

Специальной Комиссией обнаружены в Ламсдорфском лагере приказы, распоряжения и инструкции VIII немецкого военного округа в Бреслау, на основании которых лагерная комендатура творила расправу над военнопленными. Эти документы неопровержимо свидетельствуют о зверском режиме, приводившем к гибели военнопленных, о массовом преднамеренном истреблении советских людей.

В памятке об использовании труда советских военнопленных VIII немецкого военного округа, изданной в Бреслау 15 августа 1941 г., говорится:

«...10) «Русские военнопленные прошли школу большевизма, их нужно рассматривать как большевиков и обращаться с ними, как с большевиками... Поэтому нужно с самого начала обращаться со всеми русскими военнопленными с беспощадной строгостью...»

Беспощадная строгость по отношению к советским военнопленным в лагере поддерживалась голодом, истязаниями, штыком и расстрелом.

Преднамеренное истребление и дискриминацию советских военнопленных в Ламсдорфском лагере неопровержимо подтверждают следующие документы немецкого военного командования:

[Документ №13]^[191]

стационарный лагерь

VIII-B

Ламсдорф
(Верхняя Силезия)
5 ноября 1943 г.

ПРИКАЗ ПО ЛАГЕРЮ №86

...12. Расстрел советских военнопленных (судебный офицер).

О расстрелах советских военнопленных и о происходящих с ними несчастных случаях со смертельным исходом впредь не требуется доносить по телефону начальнику по делам военнопленных как о чрезвычайных происшествиях...

Подлинник подписал Гилек капитан 1-го ранга и комендант

...Из приведенных документов немецкого военного командования видно, что лагерь для военнопленных и в особенности для советских военнопленных ничем не отличались от «лагерей уничтожения», существовавших на территории стран Европы и СССР, подвергшихся немецкой оккупации.

В Ламсдорфском лагере №344 немецкое военное командование так же и такими же методами тысячами истребляло людей, как истребляли их в эсэсовских лагерях.

Показания немцев, служащих Ламсдорфского лагеря, об истреблении военнопленных

Специальная Комиссия, созданная Чрезвычайной Государственной Комиссией, опросила 60 немцев, бывших служащих лагеря Ламсдорф №344. Все они крайне сдержанно и осторожно, но достаточно ясно в своих показаниях изложили Комиссии неопровержимые факты жесточайшего режима, созданного военным командованием в лагере Ламсдорф и приводившего к поголовному истреблению советских военнопленных.

Служащая лагеря Фрай Цецилия сообщила:

«Транспорты советских военнопленных прибывали часто, 1—2 транспорта в день; и когда несколько дней не было транспортов, то затем их приходило 4—5. В каждом транспорте прибывало по 1—2 тыс. человек, а бывало что и больше. Мне помнится, что в феврале месяце 1943 года прибыло сразу 6 транспортов в один день... Военнопленные были одеты по-разному. Большинство из них не имели шинелей, несмотря на сильный мороз, доходивший до 20—25[°]. Многие были без головных уборов, в деревянных колодках, в рваной одежде.

...Из разговоров с военнопленными, несмотря на запрещение охраны, я знаю, что в вагонах, в пути движения, военнопленных не кормили. После выгрузки военнопленные долго стояли на ветру и холоде в ожидании отправки в лагерь. Иногда стояли в ожидании по 5—6 часов, а когда прибывал большой транспорт, то и больше. Здесь, на станции, военнопленных не кормили...

...Смертность в лагере для русских военнопленных была большая. Когда прибывали эшелоны с русскими военнопленными, то многие из них, из военнопленных, болели дизентерией... В зимний период 1941 года в лагере

для русских военнопленных свирепствовала эпидемия тифа. Военнопленных, больных и здоровых, содержали вместе, так как были построены еще не все бараки, и военнопленные жили в ямах на территории лагеря. Особенно эпидемия свирепствовала в ноябре—декабре 1941 года и в январе 1942 года и затем в июне, июле и августе 1942 года... Во время свирепствования эпидемии тифа рассказывали, что смертность доходила до 100 человек ежедневно.

...В лагерях были разные болезни: тиф пятнистый, лихорадка и кровавый понос, который особенно мучил людей. Когда прибывал транспорт военнопленных, которых гнали в лагеря, то железная дорога и дорога до лагерей была вся в пятнах крови. Умирало очень много русских...»

Служащий лагеря Шприндер Кароль, рождения 1899 года, проживает Лиготка №3, р-н Немодлин, сообщил Комиссии:

«...Пленные русские в зимнюю пору ходили босые и в порванной одежде, так что видно было тело. Часто бывало, что пленные, которые могли ходить, снимали с мертвых товарищей одежду и сами в ней ходили. За этот проступок их тоже вешали. Видел я, как русские пленные с голоду шли и сами не знали, куда идут и как. Караульные стреляли в тех, кто ...подходил близко к колючей проволоке. ...Однажды я наблюдал, как будут убирать мертвых, лежащих около проволоки, которых я насчитал 80 человек. Видел я раз, как один пленный поднял окурок и за это его расстреляли.

Вообще русским военнопленным было так плохо, что рассказать обо всем этом я не смогу...»

Циммер Цецилия показала:

«...В марте 1943 года меня направили работать в лагерь для русских военнопленных — Ламсдорф, который также назывался «шталаг 344». В одном из служебных помещений перед входом в лагерь, где помещались военнопленные, размещался филиал оппельнского бюро по распределению рабочей силы... Это бюро занималось распределением рабочей силы из обоих лагерей для военнопленных на различные работы на шахты, заводы и фабрики, а также на полевые работы. На работы посылались команды в г. Катовицы в шахты «Макс», в шахты «Кенигслаухютте», в шахты «Негвилевундшгрубе», в шахты в г. Гинденбург, в шахты в Войтенгрубе и в другие города Верхней Силезии: округа Нейсе, Оппельн, Фалькенберг, Нойштадт, Лиопшиц, Ратиор, Коузель. «Рабочие команды» посылались на цементный завод в г. Оппельн, на заводы фирмы «Фарбениндустри» в г. Нейдебрюк, в Нойштадт для фирмы «Эхнер и К0». ...В шахты посылались команды по 400—600 человек, на фабрики и заводы — по 90—100 человек.

...На работах, особенно в шахтах, военнопленные от тяжелой физической работы и плохого питания изнурялись. Изнуренных и больных возвращали в лагерь. ...Они впоследствии умирали, так как уже не могли поправиться. Смертность среди военнопленных, посылаемых на работы вне лагеря, была особенно велика и главным образом в шахтах.

...Русских военнопленных кормили плохо: утром на завтрак давали кофе или чай, в обед давали суп, сваренный из капусты, репы, картофеля, а вечером снова кофе или чай. Буханку хлеба весом 1,5 кг давали на 5 человек на целые сутки. Одевали военнопленных тоже плохо, особенно тех, кто был в лагере. Бараки плохо отапливались зимой, поэтому были случаи обморожения со смертельным исходом. Зимой смертность среди военнопленных увеличивалась на 100%.

...Ежемесячно составлялись отчеты о движении людей в лагере для русских военнопленных. ...Отчеты, составляемые на основании картотеки, посылались начальнику лагеря, на биржу труда в город Оппельн директору Альтхоффу, президенту биржи труда всей Верхней Силезии в г. Катовицы; квартальный отчет посылался в Берлин генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы Заукелю. Из составленных мной отчетов была видна смертность в лагере для русских военнопленных. В 1943 году ежемесячно смертность достигала 1500—1600 человек. В 1944 году смертность была меньше и доходила ежемесячно до 600—800 человек.

...В обоснование этой цифры показываю, что в отдельные шахты для работы направлялись большие группы военнопленных по 800—1000 человек и из этого количества около 150—200 человек возвращались в лагерь больными и изнуренными. Они не могли уже поправиться и умирали в лагере. Например, в декабре 1944 года из шахты «Кенигслаухютте» вернулись в лагерь 240—250 человек, которые умерли в лагере... В отчетах о причинах смертности, составляемых ежемесячно и кварталом, не указывалась настоящая причина смерти... Настоящими же причинами высокой смертности являлись непосильный изнуряющий труд, голод и расстрелы...».

Бывший «караулмайстер» лагеря Генкель Йозеф сообщил:

«...Русским военнопленным не меняли и не давали другой одежды, а старая была очень рваная, поэтому они ходили голые и босые, в лохмотьях. Пленные тогда стаскивали последнюю одежду с мертвых товарищей, чтобы самим в ней ходить, за это караульные издевались над ними и часто вешали за это по 5—7 человек, а иногда и больше. Больных пленных посылали в специальный барак, так называемый «кранкен баракен», туда их бросали на солому на пол, где они умирали. Я никогда не видел, чтобы больному пленному делали какую-нибудь перевязку или же давали лекарство... Я видел, как на кладбище проезжали два воза, нагруженные трупами голых пленных и покрытые палаткой. Трупы эти были так худы, что видны были кости...».

Бывшая машинистка бюро обысков лагеря Бильцер Криста сообщила:

«...В лагере русских военнопленных Ламсдорф я работала с апреля 1943 до апреля 1944 года...»

...По прибытии транспорта с военнопленными немецкие солдаты производили личный обыск, при котором присутствовал начальник бюро. При военнопленных никаких вещей в мешках и чемоданах не было. Все вещи были отобраны раньше, так как военнопленные в лагерь Ламсдорф прибывали из фронтовых пересыльных лагерей. При обыске отбирались предметы, которые запрещалось иметь при себе в лагере, как-то: ножи и другие, а

также деньги и ценности... Никаких квитанций об изъятых деньгах и ценностях не выдавалось. Куда девались потом деньги и ценности, мне неизвестно. Кроме обысков военнопленных бюро занималось учетом беглецов из лагеря и их допросом. При допросах я стенографировала и печатала протоколы допросов на машинке... Большой частью военнопленные бежали с мест работ в шахтах, на заводах и фабриках. ...В большинстве случаев бежавшие были пойманы. При допросах в лагере они показывали, что причиной, побудившей их к побегу, послужили тяжелая работа, голод и побои. Работали на шахтах в две смены по 12 часов смена. Питание было скудное.

...За время моей работы в лагере для русских военнопленных с апреля 1943 года по апрель 1944 года мне известно из докладов дежурного офицера по лагерю капитана Блюмиха моему начальнику, что ежедневно по лагерю было от 20 до 30 смертных случаев. Причина смерти не докладывалась. ...Раньше, в конце 1942 года и начале 1943 года, по рассказам немецких солдат, в лагере свирепствовала эпидемия пятнистого тифа, и тогда смертность в лагере для русских военнопленных доходила до тысячи человек в неделю.

...Количество пленных русского лагеря мне известно, так как я работала с учетными карточками. Сначала — бежавших военнопленных, а затем — всех военнопленных: было их в лагере около 10—15 тыс. и на разных работах за пределами лагерей около 80 тыс. Это были главным образом русские. Кроме них в лагере были французы, сербы, итальянцы, но немного; примерно каждой национальности было около 100 человек. Поляков-пленных было тоже очень мало. ...С пленными русскими обращались очень плохо. ...Питание было очень плохое...»

В Ламсдорфский лагерь много раз приезжали представители VIII военного округа в Бреслау для инспектирования и проверки исполнения комендатурой лагеря приказов и распоряжений верховного военного командования.

Служащая лагеря Огаль Регина сообщила Комиссии:

«...За время моей работы в лагере телефонисткой примерно в августе 1942 года в Ламсдорф для осмотра находившихся там лагерей приезжал генерал Вольф, из VIII военного округа в Бреслау. Насколько мне известно, генерал Вольф был комендантом всех лагерей для военнопленных Ламсдорфа, Вагана и Горлица... Кроме генерала Вольфа в лагерь Ламсдорф приезжал генерал Роткох, который был командующим войсковыми частями, входящими в военный округ г. Бреслау... Я слышала, что в апреле 1942 года в лагерь военнопленных Ламсдорф приезжала для осмотра лагерей военнопленных комиссия из Берлина...»

Показания служащих лагеря Ламсдорф, так же как и немецкие документы, найденные в лагере, неопровержимо доказывают, что немецкое военное командование проводило в своих концентрационных лагерях массовое истребление советских военнопленных.

Показания бывших военнопленных — узников Ламсдорфа

Специальная Комиссия опросила 76 свидетелей — бывших военнопленных, освобожденных из лагеря Красной Армией. Показания военнопленных подтверждают, что в лагере Ламсдорф проводились жуткие истязания, пытки и истребление военнопленных. Ниже приводится в выдержках часть этих показаний.

1. *Лупаков Иван Афанасьевич, 1912 года рождения, уроженец Орловской области, Мценского района, Подбелевского с/с, деревня Алешино:*

«...В лагерь Ламсдорф я прибыл примерно 3—5 декабря 1941 г. и пробыл в нем до 29 декабря 1941 г. ...Лагерь представлял собой следующее: большая площадь обнесена проволочным ограждением и разбита на отдельные секции, которые также обнесены проволочным ограждением каждая в отдельности. В каждой секции вырыты ямы длиной примерно 300—400 м и шириной около 3 м. Высота ямы по центру в рост среднего человека... Набивалось в каждую землянку до отказа, а кто не помещался, вынужден был оставаться на улице под открытым небом или вырывать себе какую-нибудь яму, чтобы прикрыться от ветра. Никакой подстилки в землянках не было, и мы спали на голой земле... Начиная с 10 часов утра нас всех выгоняли из землянок и строили по соткам для раздачи пищи... Раздаваемый нам суп приготавливался из брюквы, мороженой нечищенной картошки, а порой и из одних очисток картофеля... Кто был не в состоянии вылезти из землянки в связи с недомоганием, тот оставался совершенно голодным, в связи с чем и смертность в лагере была ежедневно... Я сам видел, что каждый день из всех землянок выносили трупы и, как дрова, складывали на фургон и увозили на кладбище...»

Приходилось наблюдать и такие случаи, когда на носилках из землянки выносили военнопленных, которые еще были живы, дышали, изо рта шла пена, и их тоже взваливали с мертвецами на фургон и увозили хоронить. Погибали люди от истощения вследствие систематического недоедания, от холода, от скученности в землянках, так как туда набивалось до 700 человек, порой там можно было задохнуться, и от ряда других причин. Ежедневно были случаи, что крыша какой-нибудь из землянок обваливалась и людей, находящихся в ней, заваливало землей с крыши; такие случаи были на моих глазах в землянке, где я находился, там сразу задохнулось около 50 человек...»

2. *Самчук Макар Степанович, 1910 года рождения, уроженец Ровенской области, Дубновского района, село Княгинин:*

«...В 1943 году зимой, примерно в январе, из нашего блока «Д», где я находился, сбежало 18 пленных... Всех пленных блока «Д», в том числе и меня, выстроили во дворе блока в количестве 900 человек, держали под автоматами до прихода охраны с собаками...»

...Пленных числом около 900 заставили ходить гусиным шагом в течение двух часов. Кто поднимался или выбивался из сил и падал, того немцы избивали плетками...»

Я неоднократно лично видел, как немцы расстреливали пленных и кололи штыками за то, что они близко

подходили к проволочному ограждению. Подобных случаев было настолько много, что я затрудняюсь сейчас сосчитать... Было много случаев, когда слабых пленных насмерть загрызали собаки...»

3. *Пузиков Василий Мамонович, 1908 года рождения, уроженец Ростовской области, Пролетарского района, ст. Пролетарская:*

«...Русских военнопленных в большинстве случаев посылали на более опасные места, т.е. где были обвалы, вода и т.п.; я лично наблюдал несколько случаев, когда пленного заливало и калечило или убивало насмерть. За невыполнение нормы выработки рабочих-военнопленных избивали палками и чем только можно.

...Военнопленные быстро, вследствие истощения и непосильного труда, выбывали из строя, и их направляли обратно в Ламсдорфский лагерь... От голода и холода русских военнопленных умирало очень много. Я лично сам наблюдал, когда на кладбище вывозили по 3—4 повозки с умершими военнопленными, где находилось по 12—20 трупов...»

4. *Попов Федор Васильевич, 1903 года рождения, уроженец Ростовской области, Мигулинского района, станица Мешковская:*

«...В июне 1942 года я был привезен в лагерь военнопленных Ламсдорф, где находился по 25 июня 1944 г. Фактически в данном лагере я пробыл, как приехал, только два месяца, а 5 сентября уже был направлен с другими военнопленными в г. Катовицы на металлургический военный завод...

...Люди погибали от систематического недоедания — истощения и плюс к тому от непосильного физического труда... Приходилось видеть почти ежедневно людей, которые болели дизентерией и, не выдерживая, умирали. Кроме тех, кто умирал в нашем лагере, были и такие, кто доходил до полного истощения и, несмотря на это, их снова посылали на работу, хотя тот или иной уже был не в состоянии работать и, идя на работу, погибал.

Но были случаи, когда такую категорию истощенных, но еще живых людей, отправляли обратно в лагерь Ламсдорф, а оттуда присылали свежих, и так шло систематически, т.е. когда доведут до истощения, отправляют обратно в лагерь, если человек не умрет на работе. Этот завод изготавливал стволы для орудий, пулеметов и какие-то части к танкам...»

5. *Мягих Николай Еремеевич, 1922 года рождения, уроженец Орловской области, Должанского района, село Нижнее-Ольшанское:*

«...На работе в шахте (в г. Бойтен) нас беспощадно избивали немцы и поляки-надсмотрщики за то, что люди не понимали немецкого языка; когда мы что-нибудь говорили или тихо работали, им казалось, что мы не хотим работать и били чем попало и куда попало... Неоднократно я сам был избит своим надсмотрщиком и мастером-немцем, фамилия его Малик. Избивали они меня за то, что я уставал и не в состоянии был работать... Как наказание применялся и такой вид: провинившегося на улице ставили во весь рост на стул между проволочным ограждением с поднятыми в стороны руками, где он в таком состоянии должен простоять восемь часов. Для того чтобы он не опустил руки, караулить ставили собаку. Если руки опустил, собака начинает лаять, и если не поднял снова, бросается на провинившегося и начинает рвать одежду и кусать. Часовой, наблюдавший за этим, отгоняет собаку и снова заставляет стоять в таком же положении. Никто такой пытки не выдерживал...»

6. *Сухопаль Евдоким Владимирович, 1909 года рождения, уроженец Черниговской области, Ново-Басанского района, деревня Ново-Басан:*

«...Люди до того были изнурены непосильным физическим трудом и истощены от недостатка питания при такой нагрузке, что умирали прямо в шахте, как мухи. Не было ни одного дня, чтобы 5—6 человек не умерли прямо в шахте, а порою и в казарме. Администрация лагеря один-два раза в месяц обновляла состав нашей команды новыми силами, привезенными из лагеря Ламсдорф, а истощенных и измученных работой увозили обратно в лагерь... Через 5 месяцев работы на шахте из нашей команды в 150 человек осталось около 25 человек, а остальные в большинстве умерли прямо в шахте и по пути в лагерь...»

7. *Востраков Семен Михайлович, 1911 года рождения, уроженец Воронежской области, Воронцовского района, с. Кленовка:*

«...Осенью 1944 года вместе с 12 больными я был привезен в Ламсдорфские лагерь и помещен в блок слабых «С», откуда по истечении одного месяца я был перевезен в санчасть лагерей... В санчасти мы лежали вдвоем на одной койке... Постельных принадлежностей на койках не было, за исключением матрацев, однако матрацами их назвать нельзя, так как это были мешки из редкой ткани, набитые стружками. Я лежал в санчасти на протяжении 4-х месяцев. В течение этого времени стружки не менялись, в результате они превратились в пыль. Трогать эти матрацы было нельзя, так как поднималась пыль. На этих матрацах, ничем не покрытых, лежали и остальные больные; матрац, на котором я лежал с товарищем, был грязный, до меня стружки в нем не менялись давно. Больные, из ран которых сочился гной, лежали на таких же матрацах; в результате создавалась невыносимая обстановка для этого больного и остальных... Питание в санчасти было плохое. Мы получали по 800 граммов хлеба пополам с березовыми опилками, суп два раза по 0,75 литра, чай без сахара и по несколько отваренных полугнилых картофелин. В 1945 году на протяжении 24-х дней мы совершенно не получали хлеба. Смертность в санчасти, особенно у туберкулезных больных, была большая. Ежедневно вывозилось по 2—3 телеги трупов...»

8. *Куйбеда Михаил Федорович, 1911 года рождения, уроженец Станиславской области, с. Козары:*

«...В конце февраля 1945 года в наш барак вошел немец, высокого роста, лет 35, и приказал всем выйти на построение. Некоторые не могли подняться с коек из-за слабости — этот немец в нашем бараке прямо на койке пристрелил трех человек. Пристрелит он одного человека и за руку вытаскивает из барака, потом следующего. В нашем блоке было 6 барakov — примерно за один час этот немец обошел все баракы нашего блока и таким же образом, как и в нашем бараке, убил 80 пленников...»

Показаниями военнопленных Ламсдорфского лагеря устанавливается, что немецкое военное командование проводило в лагерях для военнопленных определенную систему преднамеренного истребления людей нечеловеческим изнурительным трудом, голодом, истязаниями, убийствами.

По заключению Специальной комиссии, за время существования Ламсдорфского лагеря немцами было замучено более 100 тыс. советских военнопленных. Из них большая часть погибла в шахтах и на предприятиях или при обратной перевозке в лагерь, часть была задавлена в землянках, многие были убиты в пути при эвакуации лагеря, 40 тыс. военнопленных были замучены в самом лагере Ламсдорф.

Судебно-медицинская экспертная комиссия, произведя исследование мест захоронения трупов советских военнопленных в лагере Ламсдорф на территории быв. английского и русского кладбищ, вскрыла 20 могил-траншей, эксгумировала и исследовала 1 030 трупов. Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что на территории лагеря захоронено свыше 40 тыс. трупов советских военнопленных, замученных гитлеровцами в Ламсдорфе, в самом лагере №344. В акте судебно-медицинской экспертизы, говорится:

«Советские военнопленные в лагере Ламсдорф, содержались в исключительно антисанитарных, нечеловеческих условиях, которые непосредственно вызвали развитие массовых заболеваний, истощение и высокую смертность...

Фактически никакого медицинского обслуживания советских военнопленных в лагере Ламсдорф не было. Медицинские учреждения лагеря для советских военнопленных (санчасть, лазарет, туберкулезный блок) по своему санитарному состоянию и режиму ничем не отличались от остальных блоков лагеря, но были значительно хуже, являясь «блоками смерти», в которых попавшие туда больные-военнопленные, будучи предоставлены самим себе, погибали без всякой медицинской помощи и не только от болезней, но и от голода...

В лагере для советских военнопленных в Ламсдорфе за три с половиной года умерло свыше 40 тыс. военнопленных. Такая ужасающая смертность была следствием исключительного режима, установленного для советских военнопленных. Основными причинами, приводившими к массовой смертности, были голод и изнурительный каторжный труд военнопленных...

Кроме того, в лагере советские военнопленные находились в совершенно недопустимых антисанитарных условиях. Невероятная скученность, отсутствие белья, обуви, постельных принадлежностей, хотя бы сколько-нибудь удовлетворительной одежды, отсутствие медицинской помощи, изнурительный труд приводили к быстрому истощению, способствовали распространению желудочно-кишечных заболеваний, туберкулеза, дизентерии, сыпного тифа и массовой смертности от голода и болезней».

К суровому ответу гитлеровских преступников

На основании материалов расследования Чрезвычайная Государственная Комиссия установила факты чудовищного истребления советских военнопленных в лагере Ламсдорф, созданном германским верховным командованием для намеренного истребления военнопленных союзных армий и в особенности советских военнопленных. Следственные материалы по лагерю Ламсдорф являются новыми доказательствами преступности гитлеровского верховного военного командования.

Непосредственными виновниками преступлений, совершенных в лагере Ламсдорф №344, являются: командующий VIII военным округом генерал от кавалерии Кох Эрих, старший начальник по делам военнопленных в VIII военном округе генерал войск СС и полиции Шмаузер, начальник управления по делам военнопленных в VIII военном округе генерал-лейтенант Детмеринг, начальник штаба VIII военного округа по делам военнопленных генерал-майор Кригер, начальник гарнизона Ламсдорф подполковник Шустер, комендант лагеря для военнопленных №344 полковник Браксатор, заместитель коменданта лагеря для военнопленных №344 подполковник Бетчер, командир 749-го охранного батальона майор Райгбер, командир 3-й роты 749-го охранного батальона капитан Андрес, начальник отдела охраны капитан Бамбинек, адъютант коменданта лагеря капитан Шварц, офицер контрразведки обер-лейтенант Ноак, начальник лагеря советских военнопленных капитан Блюмих, командир охранной роты капитан Блех, помощник начальника лагеря обер-лейтенант Тауер, комендант лагеря «VIII Б» полковник Борноманн, комендант лагеря №318 майор Гофманн, судебный офицер обер-лейтенант Бойер, врач Шэфране, Рудольф, Петрих, Цигаль, Пионтек и многие другие.

ОБ УБИЙСТВЕ НЕМЦАМИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В РАЙОНЕ ГОРОДА ОСТРОВ-МАЗОВЕЦКИЙ В ПОЛЬШЕ^[192]

Получив сообщение об обнаружении в районе города Остров-Мазовецкий в Польше (в 100 километрах к северо-востоку от Варшавы) мест захоронения замученных немцами советских военнопленных и о существовании в этом районе во время оккупации Польши немецких концентрационных лагерей для советских военнопленных, Чрезвычайная Государственная Комиссия направила для расследования в Польшу специальную комиссию в составе: государственного советника юстиции Кудрявцева Д.И., представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Никитина Р.М. и главного судебно-медицинского эксперта МВС профессора Авдеева М.И.

На основании произведённого этой комиссией расследования, эксгумирования и исследования трупов и черепов, опроса 26 свидетелей — жителей окрестных деревень и города Остров-Мазовецкий Чрезвычайная Государ-

ственная Комиссия установила факт преднамеренного умерщвления немецко-фашистскими захватчиками свыше 67 тысяч советских военнопленных в двух лагерях в районе города Остров-Мазовецкий.

Сознательное истребление советских военнопленных немецкие фашисты производили путём ужасающих антисанитарных условий в лагерях, голода, болезней, подмешивания в пищу ядовитых веществ, истязаний, повешения и расстрелов.

В лагере при деревне Гронды за 6 месяцев его существования (с июня по декабрь 1941 года) было замучено и захоронено немцами в ямах-могилах свыше 41 тысячи советских военнопленных. В лагере при деревне Комарово за 1 1/2 года его существования (1942—1943 гг.) было убито и замучено свыше 24 тысяч советских военнопленных.

При прибытии в лагери новых партий военнопленных агенты гестапо отбирали политруков, комиссаров, военнослужащих-евреев и вообще «подозрительных», отвозили к двум противотанковым рвам у деревни Гуты-Буйны (в 13 километрах от города Остров-Мазовецкий) и там расстреливали. Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что в этих рвах расстреляно и закопано не менее 1 800 советских офицеров и солдат.

Установлено, что всего в районе города Остров-Мазовецкий убито и замучено немцами свыше 67 тысяч советских военнопленных.

Чрезвычайная Государственная Комиссия публикует ниже:

- 1) акт специальной советской комиссии об убийстве немцами советских военнопленных в районе города Остров-Мазовецкий;
- 2) акт судебно-медицинской экспертизы;
- 3) опись предметов, изъятых при раскопках трупов^[193];
- 4) протокол совместного заседания членов советской комиссии и членов польской комиссии по расследованию немецких злодеяний.

АКТ

9 июля 1947 года.

г. Остров-Мазовецкий (Польша).

Специальная комиссия, командированная в Польшу Чрезвычайной Государственной Комиссией, в составе: председателя Кудрявцева Д.И., членов комиссии: Никитина Р.М. и Авдеева М.И., с участием представителя командования северной группы войск подполковника Дмитрусенко С.А., а также старосты города Остров-Мазовецкий и его уезда Роговского С.И., произвела с 25 июня по 8 июля 1947 года расследование дела об убийстве немецко-фашистскими захватчиками советских военнопленных близ города Остров-Мазовецкий (в Польше).

Комиссия произвела осмотр 2-х бывших немецких лагерей для советских военнопленных при деревне Гронды и деревне Комарово, мест массового захоронения замученных немцами советских военнопленных, 2-х противотанковых рвов близ деревни Гуты-Буйны, в которых немцы расстреливали и закапывали советских людей; произвела раскопки массовых ям-могил, эксгумацию и исследование трупов; допросила 26 свидетелей — жителей города Остров-Мазовецкий и окрестных деревень — Липники, Сельцы, Майдан-Козиковский, Комарово, Гуты-Буйны; исследовала вещественные доказательства и установила следующее:

1. История и описание лагеря при деревне Гронды

В настоящее время бывший немецкий лагерь для советских военнопленных при деревне Гронды Остров-Мазовецкого уезда в Польше представляет собой голое, выжженное солнцем поле, площадью в 2 1/2 кв. километра, лишённое всякой растительности, даже травы. Поверхность этого поля покрыта мхом, местами сплошным песком со следами ям и песчаными холмами.

Вокруг всей площади бывшего лагеря валяются обрывки колючей проволоки и имеются правильные ряды ям от столбов. При осмотре поля комиссией кое-где обнаружены сгнившие тряпки от одежды, обрывки ремней и остатки ботинок и сапог советского военного образца, котелки из консервных банок, пуговицы и другие предметы, доказывающие, что здесь был лагерь советских военнопленных. Никаких следов строений не обнаружено. Согласно единогласным показаниям свидетелей, здесь, на территории бывшего польского артиллерийского полигона, в мае—июне 1941 года немцами был построен лагерь для содержания советских военнопленных.

При строительстве лагеря немцами были мобилизованы крестьяне окрестных деревень с подводами, которые подвозили к лагерю доски, столбы, колючую проволоку, продукты для немцев и рабочих.

Свидетель — крестьянин деревни Сельцы, Остров-Мазовецкого уезда, Кенжур Станислав Игнатович следующим образом описывает лагерь при деревне Гронды:

«В мае 1941 года, во время оккупации немцами Польской республики, я был мобилизован немецкими военными властями вместе со своими лошадьми на работу в лагерь под названием «Гронды»... В июне 1941 года строительство лагеря было закончено, и этот лагерь представлялся в следующем виде: огромная площадь лагеря сплошь была обнесена в два ряда колючей проволокой. Первый ряд внешней проволоки был высотой 3 метра и второй ряд — примерно 1,5 метра.

Сам лагерь внутри также был разделён на поля, или сектора, причём каждый сектор внутри лагеря также был обнесён проволокой в один ряд. Кроме того, каждое четвёртое поле, которое являлось «штрафным» полем, было обнесено проволокой в 2 ряда. Первый — высотой 3—4 метра и второй — 1,5 метра. В каждом поле, или секто-

ре, была построена землянка размером в длину до 40 метров, в ширину 10 метров и в глубину до 3—4 метров. Сверху землянка была накрыта брёвнами типа навеса. В землянках военнопленные размещались в 3—4 яруса.

«Штрафная» землянка представляла собою такое же строение-яму, что и обыкновенная землянка, но была без навеса, и внутри её не было нар. В указанные штрафные ямы военнопленные загонялись на ночь, а днём с 10 часов утра и до 16 часов, невзирая ни на какую погоду, они находились под открытым небом в течение шести часов, под усиленной охраной, стоя, иногда с поднятыми вверх руками».

То же показывают свидетели Наревский, Конферович, Карпинский, Бжостек, Козел и другие.

Лагерь усиленно охранялся. Через каждые 250 метров были построены вышки для охраны, которая была вооружена пулемётами. Такие же вышки были и внутри лагеря между секторами. Охрана была снабжена сторожевыми собаками. Ночью лагерь освещался сильными прожекторами, а также осветительными ракетами. Крестьянам, работавшим в лагере на строительстве, а также по вывозке трупов заключённых в места их закапывания, сторожайше запрещалось приближаться к военнопленным и разговаривать с ними. При всякой попытке крестьян общаться с пленными немцы их беспощадно избивали, а заключённых расстреливали.

Лагерь находился в ведении «Вермахт», т.е. германских вооружённых сил. Гестаповцы и «СС»-овцы бывали в лагере только наездами для производства «фильтрации», «очисток» лагеря. Они отбирали отдельные группы заключённых и увозили их из лагеря на расстрел.

2. Поступление в лагерь заключённых

Первые партии советских военнопленных стали поступать в лагерь сразу же после вторжения немцев в Советский Союз, в конце 1941 года, сначала небольшими партиями по 300—500 человек, а затем по 1 000, 3 000, 5 000 и более. Наибольшее поступление пленных в лагерь было в сентябре и октябре 1941 года, после чего значительно уменьшилось; в конце декабря 1941 года лагерь в Грондах был ликвидирован, а оставшиеся ещё в живых 12—13 тысяч советских военнопленных были переведены в лагерь около деревни Комарово в конюшни бывших артиллерийских казарм, в 3 клм. от лагеря в Грондах.

В связи с тем, что строительство землянок ещё не было закончено, первые группы заключённых некоторое время содержались в лагере прямо в поле, под открытым небом.

Вот как описывает поступление пленных в лагерь свидетель Наревский Иосиф Иосифович, председатель уездной народной рады города Остров-Мазовецкий, работавший в лагере «Гронды» по мобилизации в качестве столяра:

«Немцы пригоняли военнопленных в лагерь партиями по 500 человек, по 1 000, а потом, когда они продвинулись в глубь советской территории, то стали пригонять по 5 и более тысяч.

Когда колонны шли по шоссе, то военнопленные, будучи очень голодными, бросались рвать из гряд картошку. Всех этих людей тут же немцы убивали. Точно так же поступали и с теми, кто от слабости не мог идти и падал на дороге. На другой день немцы посылали подводы, и подбирали трупы советских военнопленных, которых хоронили на кладбище возле лагеря.

Очень часто таким же способом гнали немцы и раненых русских военнопленных и совершенно не делали между ними и здоровыми никакой разницы... Когда поступала новая партия военнопленных, то их обычно в лагери сразу не пускали, а загоняли в поле, что с правой стороны от дороги. Поле это со всех сторон охранялось пулемётами, которые простреливали всю местность... На этом поле людей держали по 3 дня, не давали им никакой пищи, а затем строили их в колонны по 6 человек в ряд и проводили их мимо 4 стоявших на этот случай гестаповцев.

Эти гестаповцы вглядывались в лица проходивших и некоторых из рядов отзывали в сторону. Затем через переводчика немцы заявляли военнопленным, что если они хотят есть и жить, то они должны указать политруков, комиссаров и евреев.

Политруков, комиссаров и евреев и ранее отобранных гестаповцами военнослужащих Советской Армии, независимо от национальности и партийности, гестапо переписывало, затем людей этих грузили на машины и увозили за 13 километров от лагеря к бывшей границе СССР и возле деревни Гуты расстреливали из автоматов и зарывали во рвах, которые остались от недостроенных советских пограничных укреплений.

Всех остальных людей делили на 3 группы по национальностям. В одной были русские, в другой — украинцы, в третьей — казахи, узбеки и другие. Соответственно с этим в лагери вводили советских военнопленных, каждую группу в свой отгороженный колючей проволокой участок. Следует отметить, что в большой лагерь загоняли только рядовых и младших командиров Советской Армии, так как кроме этого было 2 лагеря для офицеров... С правой стороны от дороги, напротив основного лагеря, помещался лагерь небольшого размера для старших офицеров — от майора до генерала включительно.

Лично я видел в этом лагере одного генерала, немцы говорили, что это генерал, а также я слышал, что военнопленные его называли: «товарищ генерал», фамилию его я не знаю. Через 3 дня после прибытия его в лагерь немцы его застрелили».

Свидетель Теляковский Тадеуш Станиславович, служащий в городе Остров-Мазовецкий, рассказал комиссии о лагере в Грондах следующее:

«В указанном выше лагере я работал два с половиной месяца в качестве кузнеца, ковал шалнеры к дверям, делал гвозди, шурупы и другие кузнечные работы...

Когда прибывала партия военнопленных, то их загоняли на общее поле и держали там трое суток без пищи и

воды. Первое время военнопленные прибывали партиями от 500 до 1 000 человек, а потом стали прибывать партиями по 5—6 тысяч человек.

Из общего сектора, пройдя так называемый 3-дневный «карантин» без пищи и воды, военнопленные группами по 500—600 человек выводились на сортировку около шоссе, к гестаповскому барраку.

Выводили их строем, ширина колонны — 6 человек. Эту колонну проводили медленным шагом мимо 4 гестаповцев, которые внимательно всматривались в лица проходивших и жестом показывали, кому выйти из строя. Отобранных выстраивали отдельно. Затем предлагали из общего строя выйти комиссарам, политрукам и евреям, которых пристраивали к ранее отобранным на-глаз. Отобранных указанным выше способом сажали на машину, уволели в район деревни Гуты, расположенной возле советской границы 1939 года, и там их расстреливали, а трупы зарывали в противотанковые рвы».

По показаниям большинства свидетелей, в лагере «Гронды» в разное время перебивало до 80—100 тысяч советских военнопленных, в лагере при деревне Комарово — до 40 тысяч.

3. Режим в лагере

Режим для советских военнопленных как в лагере при деревне Гронды, так и в лагере при деревне Комарово был системой сознательного массового уничтожения советских людей путём голода, истязаний, болезней, изнурительного труда, прямого убийства. Заключённых почти не кормили. В день давали от 50 до 100 граммов хлеба, пол-литра «супа» — воды, смешанной с мукой или с гнилой брюквой, и две чашки кофе без сахара.

Истощённых от голода и жажды военнопленных немцы изнуряли на работах по разгрузке вагонов, по постройке железнодорожной ветки, по разборке разрушенных зданий казарм и на других тяжёлых работах. В лагере свирепствовали тиф, дизентерия и другие инфекционные болезни, причем никакой медицинской помощи не оказывалось.

Заключённых беспощадно избивали, травили собаками, подвергали истязаниям, обессилённых и падавших от голода и тяжёлой работы людей пристреливали или добивали палками. Одним из мучительных видов наказаний было подвешивание на столбах. Заключённых привязывали под плечи к столбу и заставляли висеть в таком положении по многу часов. Естественно, что многие не выдерживали такой пытки и умирали.

Другим видом истязаний было стояние под открытым небом, под палящим солнцем с поднятыми вверх руками по нескольку часов. Заключённых бросали на ночь в «штрафные» землянки, где не было никаких нар...

В результате изнурительного голода, болезней, истязаний, расстрелов смертность в лагере достигала огромных размеров — до 500 и до 1 000 человек в день.

— *За период моей работы в лагере, — рассказывает свидетель Конферович Николай Александрович, столяр, проживающий в посёлке Остров, Остров-Мазовецкого уезда, — я видел, как издевались немцы над военнопленными. Морили их голодом, избивали и расстреливали. Я лично видел, как военнопленные, будучи на работе, рвали траву, листья с деревьев, и за это их немцы били палками и расстреливали. Военнопленные еле волочили ноги, были страшно истощены и оборваны.*

Свидетель крестьянин деревни Липники, расположенной в одном километре от лагеря, Жабик Антон Александрович рассказал комиссии:

«Для охраны военнопленных, кроме охранников, немцы применяли собак. Немецкая охрана не только морила голодом советских военнопленных, но и издевалась над ними. Я могу привести один характерный факт, который я видел сам. Не помню какого числа, в июле месяце 1941 года, я работал в поле на своём участке, который расположен рядом с лагерем военнопленных. Наблюдая за лагерем, я увидел, как один из пленных пошел в уборную тут же в расположении лагеря. Как только он подошёл к уборной, на него набросилась большая собака, которая искусила пленного, тут же подошёл немецкий охранник и ударом палки добил лежавшего на земле пленного.

В августе месяце 1941 года я стал замечать, что из лагеря ежедневно выносили мёртвых. Смертность военнопленных с каждым днём всё увеличивалась, она достигала больших размеров в сентябре—октябре 1941 года, когда смертность доходила до 500—1000 человек ежедневно. Ямы для закапывания мёртвых копали сами военнопленные. При наличии большого количества умирающих военнопленных немцы мобилизовали крестьян с лошадьми для вывоза трупов с территории лагеря».

Крестьянин той же деревни Бжостек Станислав Петрович показал:

«В октябре 1941 года в мой дом пришёл советский военнопленный, бежавший из лагеря; он до такой степени был истощен недоеданием, что не мог держаться на ногах. Пленному я дал кушать. Я сам несколько раз помогал ему подняться на ноги, но он не мог передвигаться.

Пленный переночевал в подвале одну ночь и на следующий день ушёл, но, отойдя от дома примерно 150 метров, военнопленный упал и, не вставая, на этом месте умер...

С каждым днём смертность военнопленных увеличивалась, особенно смертность была большая в сентябре и октябре 1941 года. К началу ликвидации лагеря мёртвых было настолько много, что немцы мобилизовали местных жителей, которые вывозили на подводах трупы военнопленных с территории лагеря и сваливали их во рвы возле кладбища.

Сколько умерло в лагере и убито, я не знаю, но знаю, что во рвах возле лагеря закопано трупов военнопленных десятки тысяч».

Уже упомянутый выше свидетель Наревский Иосиф Иосифович, работавший в лагере «Гронды» столяром,

рассказал об истязаниях немцами советских военнопленных следующее:

«В самом лагере, кроме перечисленных 3-х огорожек по нациям, были ещё следующие огороженные места: место, где стояли виселицы, на которых периодически вешали разных провинившихся военнопленных. Виселицы эти всегда были в работе, потому что каждый день обязательно там висели люди. Был огороженный отдел, где под навесами стояли кухни, было огороженное место для различных экзекуций. Там было закопано 15 столбов, к которым подвешивались люди за какую-либо провинность. Подвешивались люди за плечи, лицом к солнцу, и в таком положении они висели по 24 часа. Наказания эти давались за то, что военнопленные переходили из загородки одной национальности к другой. Скажем, русский не имел права перейти к узбеку и наоборот. Это же наказание давалось за то, что кто-либо из военнопленных, кроме работавших на кухне, подходил к помпе за водой. Помпы в лагере тоже были за отдельной перегородкой, и туда имели доступ лишь работавшие на кухне.

Если бы даже всем разрешили добывать воды сколько угодно, то её в помпах и вообще на территории лагеря не хватило бы даже для незначительной части пленных. Всего помп было 20 штук, но большинство из них было для немцев, и если к ним подходил военнопленный, то его сразу убивали».

Свидетель Теляковский Т.С. показал:

«Смертность в лагере была очень большая. Выносили трупы для похорон ежедневно с утра до вечера. Военнопленные умирали, как мухи, от голода. Вдобавок страшный бичом была дизентерия. Медицинской помощи никакой не оказывалось. Я лично видел своими глазами, как раненые гнили заживо, вокруг ран и в самих ранах кишело множество червей. Было даже страшно на них смотреть. Я работал в указанном лагере до конца сентября 1941 года и больше работать не мог, так как не мог смотреть на всё то, что творилось в этом лагере, как издевались там над людьми и морили их в массовом масштабе голодом».

Немецкие изверги не только морили в лагере советских военнопленных голодом, но для скорейшего умерщвления заключённых подмешивали в пищу отравляющие, вредные для организма вещества.

Так, на хлебе, выпекавшемся для заключённых, стоял специальный штамп «для русских», и охрана предупреждала работавших в лагере крестьян, чтобы они не ели этого хлеба. Свидетель Кенжур, несмотря на предупреждение, съел маленький кусочек хлеба и после этого долго страдал поносом. Допрошенный в качестве свидетеля пекарь Верещинский Станислав Иосифович, проживающий в городе Остров-Мазовецкий, показал комиссии следующее:

«В 1940 году немецкие военные власти мобилизовали меня на работу в хлебопекарню по выпечке хлеба для немецких войск. В июле 1941 года, после поступления в лагерь «Гронды» советских военнопленных, я и другие пекари начали выпекать хлеб также и для русских военнопленных.

Для военнопленных хлеб выпекали отдельно, так как в этот хлеб добавляли суррогата 20% который состоял из мелких опилок и каштановой муки. Такой хлеб было кушать совершенно невозможно, так как он был очень горький.

На хлебе, который мы выпекали для военнопленных, имелась надпись «для русских»... На 15 пудов муки мы добавляли 30 килограммов опилок и 30 килограммов каштановой муки».

В своих показаниях свидетель Наревский Иосиф Иосифович рассказал комиссии о случае сознательного отравления военнопленных каким-то веществом под видом соли:

«В сентябре 1941 года, не помню точно когда, всем столярам, работавшим в лагере, заказали сделать носилки. Мы сделали их около 200 штук за 2 дня и не понимали, для чего столько носилок. Через 2 дня в лагере вдруг возникла огромная смертность. Вообще в лагере и так была высокая смертность, так как люди умирали от голода и дизентерии. Получаемой ими пищи было настолько недостаточно, что люди съели всю траву на территории лагеря. Кроме того, у всех почти был понос. Поэтому с утра до вечера с разных сторон лагеря военнопленные таскали трупы на кладбище. Однако новая, вдруг возникшая смертность настолько была велика, что кругом лежали прямо горы трупов. Один из военнопленных, поляк по национальности, служивший в Советской Армии, мне говорил, что из его подразделения, так как они были разбиты на подразделения, умерло за одну ночь 400 человек. Он объяснил мне, что сначала им не выдавали соли, да это я и сам хорошо знал, а тут вдруг выдали соль, и кто съел соль, тот умер. Он мне сказал, чтобы ни я, ни кто-либо из работавших там не брали соли...»

Для вывоза трупов на кладбище немцы мобилизовали крестьян с лошадьми из ближайших деревень. Ежедневно на вывозке трупов работало до 20 подвод. Каждая лошадь должна была сделать не менее 4-х ездов и вывезти к месту захоронения от 20 до 40 трупов. Кладбище было расположено рядом с лагерем. Сначала немцы хоронили трупы в одиночных могилах, но уже через несколько дней после начала функционирования лагеря стали закапывать по 30, 40, 50 трупов в одну могилу, а затем заставили заключённых рыть огромные рвы-могилы, в которые сбрасывались для закапывания навалом в несколько рядов по 300—500 трупов. Большинство трупов немцы раздвали догола.

По показаниям свидетелей, возивших трупы на кладбище, были случаи, когда среди трупов были ещё живые, до крайности истощённые люди. Свидетель Кенжур С.И. рассказал комиссии, что однажды, когда он вёз трупы советских офицеров, среди них оказался живой офицер, который слабым голосом попросил его дать закурить.

Как уже сказано выше, после ликвидации лагеря в Грондах оставшихся в живых заключённых в количестве 12—13 тысяч человек перевели в конюшни при бывших артиллерийских казармах в деревне Комарово. Сюда также поступали новые партии военнопленных, но уже значительно меньше, так что за полтора года существования этого лагеря (до середины 1943 года), по показаниям свидетелей, здесь перебивало до 40 тысяч заключённых. Часть из них немцы вывезли в Германию, остальные, так же как и в лагере «Гронды», погибли в результате голода, болезней и истязаний. При отступлении немцы сожгли все постройки в этом лагере и в артиллерийских

казармах.

Жительница деревни Комарово Витенская Елена Степановна рассказала комиссии о лагере в Комарове следующее:

«В лагере была очень большая смертность. Сразу же с прибытием военнопленных военнопленные сделали кладбище, где хоронили своих умерших товарищей... Военнопленные отрывали большие канавы и хоронили там своих.

Люди, которые работали в лагере, говорили, что не было дня, чтобы военнопленные не умирали. Обычно, когда копали рвы, то копали один для непосредственного захоронения, а по два и больше — для последующих похорон. Однажды я подходила к такому рву и видела, как военнопленные носили мертвецов на носилках и сбрасывали их в ров без всякого порядка.

Я ни разу не видела, чтобы трупы были в одежде. Из окна моего дома часто было видно, как мертвецов носили голыми на кладбище».

Фотографом Дембеком, имеющим фотоателье в городе Острове-Мазовецком, представлены комиссии фотографии, сделанные самими немцами-«фотолюбителями». Эти «любители» приносили фотографу Дембеку снимки для проявления и отпечатывания. Дембек сумел сохранить дубликаты некоторых из них. Снимки изображают прибытие партий военнопленных в лагерь, виселицы с повешенными в лагере «Гронды», трупы замученных советских военнопленных. Тут же на снимках изображены и самодовольные немецкие офицеры — палачи заключённых советских людей.

Эти немецкие снимки неопровержимо свидетельствуют о чудовищных злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в лагере «Гронды».

4. Раскопки мест захоронения

Комиссия произвела раскопки мест захоронения трупов советских военнопленных у лагерей «Гронды» и «Комарово». Судебно-медицинские эксперты под руководством профессора медицинских наук полковника Авдеева М.И. произвели эксгумацию и исследование ряда трупов. Раскопки и эксгумация трупов полностью совпали с показаниями свидетелей.

Страшная картина представилась в раскопанных рвах-могилах. На глубине от 1 до 1 1/2 метров обнаружены груды трупов, в беспорядке, в несколько слоев наваленных друг на друга. На пространстве в 6 кв. метров рва-могилы №1 было извлечено 38 трупов, т.е. на 1 кв. метр площади рва глубиной в 2 1/2 метра приходится более 6 трупов. Вследствие давности захоронения трупы распались на отдельные кости, и подсчёт производился по количеству черепов. Найденные среди костей остатки одежды и разные предметы не оставляют сомнений в том, что во всех этих ямах-могилах похоронены замученные немцами советские военнопленные.

Общая площадь захоронения трупов на 2-х вышеназванных кладбищах составляет около 22 тысяч кв. метров. На кладбище «Гронды» на первоначальных одиночных и групповых могилах сохранились отдельные столбики с датами похорон от 18.VIII 1941 года до 28.VIII 1941 года. Согласно акту судебно-медицинской экспертной комиссии, прилагаемому к настоящему акту, комиссия определила, что число захороненных трупов замученных немцами советских военнопленных на кладбище лагеря «Гронды» составляет свыше 41 тысячи человек, а на кладбище лагеря «Комарово» свыше 24 тысяч человек, а всего на обоих кладбищах захоронено свыше 65 тысяч трупов. Это количество трупов комиссией определено с крайней осторожностью, как минимальное. Однако и оно показывает ужасающую смертность заключённых в лагерях советских военнопленных, особенно в лагере «Гронды», где за 6 месяцев существования этого лагеря замучено немцами и захоронено свыше 41 тысячи заключённых.

5. Рвы у деревни Гуты-Буйны

Как уже описано выше, немцы при поступлении в лагерь партий военнопленных производили так называемую «фильтрацию». Эту «фильтрацию» производили отряды гестапо, в полном соответствии с директивами верховного германского командования, а также приказом начальника полиции безопасности и СД №8 от 17 июля 1941 года о «фильтрации гражданских лиц и подозрительных военнопленных, захваченных в восточном походе». (Эти директивы и приказы были опубликованы Чрезвычайной Государственной Комиссией в Сообщении от 10 марта 1944 года.^[194])

Гестаповцы отбирали из прибывших партий военнопленных комиссаров, политруков, евреев и вообще «подозрительных военнопленных» и расстреливали их. В соответствии с теми же директивами и специальным приказом Гейдриха, в котором говорилось о том, что «эзекуции (расстрелы) ни в коем случае не должны совершаться ни в самом лагере, ни в непосредственной близости от него», гестаповцы отвозили отобранных пленников за 13 километров от лагеря к противотанковым рвам близ деревни Гуты-Буйны у прежней советско-польской границы и там производили расстрел.

Раскопки этих рвов, произведённые комиссией, показали, что немцы расстреляли здесь около 2 тысяч советских военнопленных. Во рвах обнаружены беспорядочно наваленные в несколько слоев в разных положениях трупы, в большинстве в советской военной форме. 77% исследованных черепов имеют одиночные или множественные огнестрельные ранения. По характеру ранений можно определить, что расстрел производился не только на краю рвов, но и в самых рвах. Очевидно, немцы добивали выстрелами сверху ещё живых людей.

Множество обнаруженных среди трупов остатков одежды, предметов обмундирования и вещей свидетельствует, что расстрелянные — советские военнослужащие. Эти предметы перечислены в приложении к акту судебно-медицинской экспертной комиссии.

Обнаружено несколько документов, а также медальонов советских военнослужащих с сохранившимися полустёртыми записями имён, фамилий, адресов расстрелянных.

Допрос свидетелей — жителей близлежащей деревни Гуты-Буйны также подтвердил факт расстрелов в противотанковых рвах советских военнопленных.

Свидетель Гутовский Владимир Аполлинарьевич, крестьянин из деревни Гуты-Буйны, показал:

«Я лично неоднократно видел, как немцы привозили на автомашинах советских военнопленных в район с. Гуты-Буйны, загоняли их в противотанковые рвы, а затем из пулемётов расстреливали. В июле и августе 1941 года расстрелы были ежедневными, но не массовыми, а начиная с августа 1941 года и по день изгнания немцев из нашего района они систематически привозили из лагеря, который расположен в с. Гронды, на автомашинах военнопленных, которых в массовом порядке расстреливали... Я лично видел в сентябре 1941 года, как немцы на грузовых машинах на опушку леса привезли военнопленных... Автомашины по очереди подъезжали к противотанковым рвам, людей загоняли в ров, а затем их из пулемётов расстреливали; оставшихся в живых немецкие солдаты и офицеры добивали из ручного оружия... Много есть могил или канав, где расстреляны малые группы или одиночные военнопленные, и этих могил я сейчас обнаружить не могу.

При расстрелах местное население не допускалось, а совершенно изолировалось, при этом немцы вокруг места, где намечался расстрел, делали оцепление, состоявшее из солдат и сторожевых собак».

Свидетель Гутовский Иосиф Францевич, крестьянин той же деревни, сообщил комиссии:

«В июле 1941 года я видел, как со стороны шоссе, идущего из города Остров-Мазовецкий в Варшаву, шли грузовые машины, в них было полно людей... Как только машина подходила ко рву, через несколько минут происходила сильная ружейная стрельба и были слышны разрывы гранат...

Мне удалось видеть, как немцы после того, как была расстреляна очередная партия пленных, привезённых на машине, ходили вокруг рва и стреляли, добивая оставшихся в живых... Когда всю партию военнопленных расстреляли, то немцы мобилизовали жителей деревни Гуты, в том числе принимал участие и я в закапывании расстрелянных военнопленных в двух рвах. При закапывании я видел — все расстрелянные были в форме Советской Армии...»

Расследование, произведённое комиссией, полностью подтвердило факты немецких злодеяний над советскими военнопленными в районе города Остров-Мазовецкий в Польше. Лагери в Грондах и Комарове, противотанковые рвы с трупами расстрелянных близ деревни Гуты-Буйны — ещё одно звено в длинной цепи преступлений немецких фашистов, требующих сурового возмездия.

Допросом свидетелей, раскопкой могил, исследованием трупов и изучением вещественных доказательств комиссия установила, что в лагерях «Гронды» и «Комарово» немцы голодом, истязаниями, прямыми убийствами сознательно уничтожили свыше 65 тысяч и расстреляли в двух противотанковых рвах близ деревни Гуты-Буйны не менее 1 800 советских военнопленных.

Акт подписали:

Председатель комиссии **КУДРЯВЦЕВ Д.И.**

Члены комиссии **НИКИТИН Р.М., АВДЕЕВ М.И.**

Представитель командования северной группы войск, подполковник **ДМИТРУСЕНКО С.А.**

Староста города Остров-Мазовецкий и уезда **РОГОВСКИЙ С.И.**

АКТ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

По предложению Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: главного судебно-медицинского эксперта вооружённых сил СССР полковника медицинской службы профессора Авдеева М.И., начальника судебно-медицинской лаборатории северной группы войск майора медицинской службы Алексева Н.М., врача-специалиста патолого-анатомической лаборатории СГВ майора медицинской службы Шевченко И.Н., врача-специалиста той же лаборатории старшего лейтенанта медицинской службы Давыденко С.О. с 1 по 7 июля включительно произвела обследование мест массового захоронения: 1) у лагеря «Гронды», 2) у лагеря «Комарово». 3) в противотанковых рвах близ деревни Гуты-Буйны в Польше.

Комиссия произвела осмотр и обследование мест массового захоронения, изъятие из общих могил и исследование трупов и их частей, изъятие и осмотр предметов, обнаруженных при трупах и в местах массового захоронения.

1. Место массового захоронения у лагеря «Гронды»

Место массового захоронения трупов у лагеря «Гронды» представляет собой квадратный участок поля 175 X 160 метров, площадью 28 тысяч кв. метров. Границы участка отмечены редким низким кустарником. Часть площади на этом участке представляет собой нетронутое поле, другая половина этого участка, около 14 тысяч кв. метров, занята различных размеров участками. Над частью их имеются небольшие возвышения в виде холмиков, часть холмиков почти сравнялась с поверхностью поля и часть контурируется в виде западений^[195] квадрат-

ной или удлинённой формы.

На некоторых участках видны одинаковые деревянные колья с набитыми на них дощечками. На дощечках чёрной краской обозначены даты. Обнаружены даты от 18.VIII 1941 г. до 28.VIII 1941 г. Обнаружено по несколько колея (от 4 до 9) с одинаковыми датами.

На нескольких кольях обнаружены деревянные кресты с надписями чёрной краской: «32 (36,30) рус. солд.» и датой. Подавляющее большинство этих участков без каких-либо обозначений. Как на самом кладбище, так и на окружающем кладбище поле обнаружены остатки костров с обгоревшими кусками колея и крестов, таких же, какие обнаружены и на кладбище. В центральной части кладбища обнаружен ров шириною 5 метров и длиной 38 метров, частично засыпанный.

Для выяснения количества захороненных трупов и их исследования комиссия вскрыла часть ям-рвов.

Была вскрыта яма №1 на всём протяжении и полностью две ямы-рва в секторе IX.

Вдоль №№11—15 в поперечном направлении, по краю их и вдоль границы кладбища, был прорыт широкий ров глубиной до 2,5 метра. Из этого рва каждая яма-ров была вскрыта на протяжении 3—4 метров.

Яма-ров №1. Яма-ров №1 представляет собою ров длиной 21 метр, шириною 3 метра и глубиной 2,5 метра. На глубине менее одного метра были обнаружены трупы. На всём протяжении этой ямы-рва верхний слой земли толщиной около одного метра был снят, и при этом обнаружено, что на всём протяжении рва заполнен трупами. Трупы расположены в исключительном беспорядке, в самых различных позах и положениях, друг на друге, местами плотность захоронения — свыше шести трупов на квадратный метр площади захоронения.

Состояние трупов. Обнаруженные в этой могиле трупы представляют собою скелеты, легко распадающиеся на части и почти лишённые мягких тканей. В отдельных участках мягкие ткани сохранились в виде бурой, маркой, дурно пахнущей массы. Внутренние органы отсутствуют. Повреждений костей скелетов не обнаружено.

Одежда и предметы. На скелетах обнаружены остатки истлевшей одежды — гимнастёрок, военных брюк, обмоток и т.п., остатки кожаных и керзовых сапог, ботинок, брючные брезентовые ремни. В одежде трупов обнаружены обложка советского паспорта и удостоверение об окончании Витебского медицинского техникума, медные и серебряные монеты советской чеканки и советские бумажные деньги (см. описание предметов).

Ямы №№11—15. Вскрытые на протяжении 3—4 метров ямы №№11—15 оказались такими же рвами, как и яма №1, длиной 21 метр, шириною 3 метра и глубиной 2,5 метра. Все вскрытые рвы, начиная с глубины около 1 метра и до глубины 2,5 метра, плотно заполнены скелетами, беспорядочно расположенными в самых разнообразных позах и положениях. Плотность расположения трупов, их состояние и состояние одежды оказались такими же, как и в яме №1. Повреждений костей не обнаружено.

Две ямы в секторе IX. Две вскрытые ямы в секторе IX общей площадью около 120 метров, глубиной до 2,5 метра оказались также заполненными плотно лежащими трупами. И в этих ямах трупы находились в различных позах и положениях. В одной из этих ям обнаружены скелеты и в сидячем положении. Состояние скелетов, одежды на скелетах и предметов оказалось таким же, как и в ямах №1 и 11—15.

Заключение. Участок поля у лагеря «Гронды» является местом массового захоронения трупов. Трупы зарывались в огромных ямах-рвах, вмещавших до 500 трупов. Трупы сваливались в рвы в беспорядке, отдельными партиями. Одновременное захоронение больших количеств трупов в таких рвах свидетельствует о большой смертности в лагере «Гронды». Плотность захоронения трупов во вскрытых ямах-рвах в различных участках кладбища доходит до 6—7 трупов на один квадратный метр площади. Учитывая возможность менее плотного захоронения и одиночные могилы, следует принять минимальную среднюю плотность захоронения — три трупа на 1 кв. метр площади захоронения. Так как общая плотность захоронения у лагеря «Гронды» составляет 13 864 кв. метра, то общее количество минимально составляет 41 592 трупа. Вероятнее, что количество захороненных на этом кладбище значительно выше. Исследование значительного количества скелетов не обнаружило никаких механических повреждений черепов или костей скелетов.

Давность захоронения трупов соответствует времени, указанному свидетелями, т.е. 1941 году.

При трупах обнаружены остатки военного обмундирования советского образца, советские деньги, почтовые марки, советские документы.

2. Место массового захоронения у лагеря «Комарово»

Место массового захоронения у лагеря «Комарово» представляет собою кладбище из ряда могил с надмогильными возвышениями, обложенными дёрном. Могилы расположены правильными рядами. Ширина могил 2 метра, длина от 2 метров до 69 метров. Для установления порядка захоронения, количества трупов и их исследования были вскрыты часть могилы, имеющей длину 69 метров, №1, и могила в следующем ряду длиной 7 метров, №2.

При раскопках оказалось, что могилы-рвы шире надмогильных насыпей на 1 метр, т.е. ширина их 3 метра.

Могила №1 представляет собою яму-ров шириною 3 метра, глубиной 2,5 метра, длиной 69 метров.

Трупы начали обнаруживаться уже на глубине 0,5 метра, они лежали плотным слоем толщиной до 2 метров. Трупы расположены в исключительном беспорядке, в самых различных позах и направлениях, друг на друге, очень плотно. Плотность захоронения трупов во вскрытой части рва такая же, как и в рвах на кладбище в лагере «Гронды», т.е. до 6—7 трупов на 1 кв. метр площади захоронения. На трупах в этой могиле обнаружены остатки одежды и обуви советского военного образца.

Могила №2 представляет собою яму-ров шириною 3 метра, глубиной 2,5 метра, длиной 7 метров.

В этом рву на глубине 2,5 метра обнаружены трупы-скелеты, лежащие в один ряд, плотно один около другого. Все черепа обращены лицевой частью в одну сторону. Плотность расположения трупов составляет 4—5 на 1 метр рва. Остатков одежды на скелетах и в могилах не обнаружено.

Состояние трупов. От трупов остались лишь скелеты, которые кое-где покрыты остатками бурых масс. При исследовании обращает на себя внимание у подавляющего большинства черепов наличие хорошо сохранившихся крепких зубов без каких-либо следов стирания резцов, а также чёткий рисунок швов между костями черепа и подвижность их. Это свидетельствует о том, что большинство исследованных скелетов относится к людям возраста 20—25 лет.

Заключение. Кладбище у лагеря «Комарово» является местом массового захоронения трупов. Трупы зарывались в ямах-рвах протяжённостью до 79 метров. Часть могил заполнена трупами, свалившимися в рвы в беспорядке, в одежде. Часть рвов заполнена трупами, уложенными плотно в один ряд, без одежды. Учитывая различную плотность захоронения трупов в различных рвах, следует принять как минимальную среднюю плотность захоронения 3 трупа на 1 кв. метр площади захоронения.

Так как общая плотность захоронения у лагеря «Комарово» составляет 8 002 кв. метра, то общее количество трупов, захороненных на этом кладбище, составляет 24 006 трупов.

Исследование скелетов, обнаруженных в этих рвах-ямах на кладбище Комарово, не обнаружило никаких механических повреждений черепов и костей скелетов.

Давность захоронения трупов соответствует времени, указанному свидетелями, т.е. 1941/42 году.

3. Место массового захоронения в противотанковых рвах близ деревни Гуты-Буйны

Километрах в 13 от города Острова-Мазовецкого, по дороге на Белосток, близ деревни Гуты-Буйны, в 1,5 километрах от шоссе, обнаружены два противотанковых рва на расстоянии 300 метров один от другого. Рвы частично засыпаны землёй.

Противотанковый ров №1. Этот ров расположен под разрушенным дотом, имеет в длину около 200 метров, ширину 7 метров и глубину до 3 метров. На протяжении 100 метров ров до краёв засыпан землёй, поросшей травой. На дне рва под толстым слоем земли обнаружены беспорядочно расположенные трупы в различных положениях, отдельными группами, разделёнными небольшими прослойками земли. Большая часть трупов располагается на стороне рва, проходящей под дотом. На большинстве трупов сохранилось истлевшее военное обмундирование советского образца. Обнаружены части сапог и ботинок. В самом рве, на трупах и в одежде обнаружены различные мелкие предметы, советские медные, серебряные и бумажные деньги и другие предметы. Обнаружены, кроме того, 10 чёрного цвета медальонов из пластмассы военного образца. В трёх медальонах обнаружены заполненные вкладыши. Записи в двух вкладышах неразборчивы. Третий вкладыш заполнен карандашом. Можно разобрать следующую надпись: «*Гордеев Дмитрий Васильевич. 1916 года рождения, рядовой*» и адрес семьи. Кроме того, обнаружены и другие предметы. Многие металлические предметы (кружки, фляжки и др.) прострелены.

Многие обнаруженные предметы и одежда покрыты и пропитаны буро-коричневой массой, напоминающей по внешнему виду изменившуюся кровь.

В участке рва, прилегающем к свободной, незасыпанной его части, обнаружены несколько трупов в гражданской одежде и женских платьях. На ногах одного трупа обнаружены высокие резиновые ботинки.

Часть трупов представляет собою скелеты, у отдельных трупов сохранились остатки мягких тканей. Внутренние органы отсутствуют вследствие разрушения гнилостными процессами. (Общее количество трупов в этом рве около 500.)

Ров №2 расположен на расстоянии около 800 метров от первого по направлению к городу Острову-Мазовецкому.

Этот ров на протяжении 264 метров наполовину засыпан вдоль одной стороны.

Другая его половина сохранилась свободной. Засыпанная сторона рва поросла травой. На всем протяжении засыпанная часть рва была вскрыта. При снятии земли стали обнаруживаться трупы в различных позах и положениях.

На трупах частично сохранились одежда и обувь военного советского образца и различные мелкие предметы (см. опись).

Трупы представляют собою скелеты с остатками мягких тканей в виде распадающейся бурой массы.

На один метр рва приходится в среднем 5 трупов. Общее количество трупов в этом рве превышает 1 300.

Из обоих рвов было извлечено и исследовано 232 черепа. В 179 черепах (77%) обнаружены одиночные и множественные огнестрельные ранения. Входные отверстия располагаются в затылочной, лобной, височных, теменных областях.

На некоторых черепах обнаружено по 2 и 3 огнестрельных ранения на расстоянии 5—7 см. одно от другого по одной линии, от огнестрельных отверстий отходят трещины в костях черепа. Многие черепа распадаются на отдельные куски. Черепа с огнестрельными ранениями покрыты буро-коричневыми сухими наложениями, напоминающими кровь.

Заключение. В обоих противотанковых рвах обнаружены массовые захоронения трупов, общее количество которых превышает 1 800.

У подавляющего большинства трупов обнаружены одиночные и множественные огнестрельные поврежде-

ния черепов.

Расположение на одной линии и с небольшими промежутками нескольких огнестрельных повреждений свидетельствует о том, что выстрелы производились из автоматов со сравнительно небольшого расстояния.

На большинстве трупов сохранились остатки военного обмундирования советского образца. Обнаружено небольшое количество трупов с остатками гражданской одежды, в том числе и женской.

Обнаружено большое количество мелких предметов военного образца (медальоны, фляжки, котелки и др.).

Общее заключение

Судебно-медицинская экспертная комиссия, обследовав места массового захоронения трупов у лагеря «Гронды», у лагеря «Комарово» и два противотанковые рва у деревни Гуты-Буйны, установила следующее:

1. Кладбища у лагеря «Гронды» и у лагеря «Комарово» представляют собою места массового захоронения трупов.

Трупы беспорядочно набрасывались в огромные ямы-рвы, вмещавшие до 500 и более (в лагере «Комарово») трупов.

Лишь в отдельных ямах трупы располагались в один ряд.

Общее количество трупов, захороненных на кладбищах лагерей «Гронды» и «Комарово», превышает 65 тысяч.

Такое количество трупов свидетельствует об исключительной массовой смертности в этих лагерях.

Исследование трупов в этих местах массового захоронения не обнаружило никаких указаний на механические повреждения костей скелетов.

В соответствии со свидетельскими показаниями следует считать, что массовая смертность советских военнопленных в лагерях «Гронды» и «Комарово» была обусловлена режимом голода и эпидемиями.

2. В двух противотанковых рвах у деревни Гуты-Буйны обнаружено свыше 1 800 трупов.

Большинство трупов имеет на себе остатки военного обмундирования советского военного образца. У части трупов обнаружены остатки гражданской одежды и обуви, в том числе женской.

Подавляющее большинство исследованных черепов имеет одиночные и множественные огнестрельные повреждения.

Этими данными устанавливается, что в противотанковых рвах обнаружены жертвы массовых расстрелов.

Главный судебно-медицинский эксперт вооружённых сил Союза ССР — полковник медицинской службы, профессор (АВДЕЕВ)

Начальник судебно-медицинской лаборатории северной группы войск — майор медицинской службы (АЛЕКСЕЕВ)

Врач-специалист патолого-анатомической лаборатории северной группы войск — майор медицинской службы (ШЕВЧЕНКО)

Врач-специалист патолого-анатомической лаборатории северной группы войск — ст. лейтенант медицинской службы (ДАВЫДЕНКО)

ПРОТОКОЛ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ КОМИССИИ

по расследованию дела об убийстве немецко-фашистскими захватчиками советских военнопленных в районе города Остров-Мазовецкий в Польше

Варшава, 12 июля 1947 года.

ПРИСУТСТВУЮТ:

Со стороны СССР: председатель советской комиссии Кудрявцев Д.И., члены комиссии — Никитин Р.М. и Авдеев М.И., представитель Главного командования северной группы войск подполковник Дмитрусенко.

Со стороны Польши: председатель польской правительственной комиссии вице-министр юстиции Польской республики Леон Хайн, члены комиссии — директор комиссии по расследованию немецких злодеяний Януш Гумковский и вице-прокурор Судебной палаты, член Прокурорского надзора в Министерстве юстиции Польской республики Тадеуш Цибульский.

СЛУШАЛИ:

Доклад председателя советской комиссии Кудрявцева Д.И., об итогах расследования злодеяний немецко-фашистских оккупантов над советскими военнопленными в районе города Остров-Мазовецкий.

ПОСТАНОВИЛИ:

На основании 1) личного посещения и осмотра членами советско-польской комиссии мест бывших немецких лагерей близ деревень Гронды и Комарово, кладбищ при этих лагерях, произведённых раскопок рвов-могил на этих кладбищах и двух противотанковых рвов близ деревни Гуты-Буйны, эксгумированных трупов и черепов, 2) рассмотрения результатов судебно-медицинской экспертизы, 3) изучения протоколов допросов 26 свидетелей — комиссия считает установленным:

1. В течение 1941—1943 годов немцы в лагерях близ деревень Гронды и Комарово умертвили путём голода, истязаний и прямых убийств десятки тысяч советских военнопленных, из которых на кладбище при лагере

«Гронды» закопано не менее 41 592 трупов и на кладбище при лагере «Комарово» не менее 24 тысяч трупов.

II. В 2-х противотанковых рвах близ деревни Гуты-Буйны немцы производили «экзекуции» (расстрелы) отобранных из вышеназванных 2-х лагерей политруков, комиссаров и евреев, а также «подозрительных военнопленных». В обоих рвах расстреляно немцами и закопано не менее 1 800 человек.

III. Всего на 2-х кладбищах — при лагере «Гронды» и при лагере «Комарово» и в 2-х противотанковых рвах близ деревни Гуты-Буйны закопано не менее 67 тысяч трупов замученных и расстрелянных немцами советских военнопленных.

Подписали:

Со стороны СССР

Кудрявцев Д.И.

Никитин Р.М.

Авдеев М.И.

Дмитрусенко С.А.

Со стороны Польской республики

Вице-министр юстиции Леон Хайн

Януш Гумковский

Тадеуш Цыбульский

ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

КОММЮНИКЕ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЦЕВ, СОВЕРШЕННЫХ В ЛАГЕРЕ УНИЧТОЖЕНИЯ НА МАЙДАНЕКЕ В ГОРОДЕ ЛЮБЛИНЕ^[196]

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия по расследованию злодеяний немцев, совершенных в городе Люблин, в составе: заместителя председателя Польского комитета национального освобождения г-на А. Витоса (Председатель комиссии), прелата Люблинского католического собора, ксендза, доктора Крушинского, члена Польского комитета национального освобождения доктора Зоммерштейна, председателя Люблинского Красного Креста адвоката Христианса, профессора Люблинского католического университета Бялковского, профессора Люблинского католического университета Поплавского, прокурора Люблинского апелляционного суда Бальцежака, председателя Люблинского окружного суда Щепанского (Польша); Кудрявцева Д.И. (заместитель председателя Комиссии), профессора Прозоровского В.И., профессора Гращенкова Н.И. (СССР) — расследовала злодеяния, совершенные в Люблине.

Гитлеровцы создали на территории Польши разветвленную сеть концентрационных лагерей: в Люблине, Демблине, Освенциме, Холме, Сабибуре, Бялой Подляске, Треблинке и в других местах.

В эти лагеря они свозили для уничтожения из оккупированных стран Европы — Франции, Бельгии, Голландии, Италии, Чехословакии, Югославии, Греции, Дании, Норвегии и других — сотни тысяч людей.

Гитлеровское преступное правительство организовало в этих лагерях систему массового истребления неугодных ему групп населения и в первую очередь интеллигенции оккупированных стран Европы, советских и польских военнопленных и евреев.

Все то, с чем встретилась Комиссия по расследованию немецких злодеяний в г. Люблине, по своему зверству и варварству оставляет далеко позади уже известные международному общественному мнению факты чудовищных злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

I. Лагерь уничтожения на Майданеке в Люблине

В Люблине на Майданеке гитлеровские палачи создали огромный комбинат смерти. Немцы его называли «Фернихтунгслагер», т.е. лагерь уничтожения.

Захваченные в плен служившие в этом лагере немцы показали:

Ротенфюрер СС Шолен Тео:

«Этот лагерь носил название «Лагерь уничтожения» — «Фернихтунгслагер» именно потому, что здесь истреблялось колоссальное количество людей».

Кампфполиций Штальбе Гейнц:

«Основной целью этого лагеря было истребление как можно большего количества людей, поэтому он носил

название «Фернихтунгслагер», т.е. «лагерь уничтожения».

Лагерь «Майданек» расположен в двух километрах от г. Люблина и занимает площадь в 270 гектаров. Строительство его началось в конце 1940 года.

К началу 1943 года было закончено строительство 6 полей лагеря. На каждом поле было 24 барака, а всего 144 барака (не считая всяких построек под склады, мастерские и пр.), вмещавшие каждый до 300 человек и более. Лагерь был обнесен двумя рядами колючей проволоки. Сверх этого все 6 полей были отделены внутри лагеря целой системой проволочных заграждений, с отдельным караульным помещением при входе на каждое поле. Через эти проволочные заграждения проходил ток высокого напряжения. По всему лагерю были расположены большие вышки, на которых постоянно находились часовые с пулеметами. Лагерь сильно охранялся войсками СС. Сверх этого было 200 немецких овчарок, составлявших очень важный элемент в охране лагеря, и вспомогательная полиция, кампфполиция, формируемая из уголовных элементов.

II. Контингент заключенных лагеря

Лагерь одновременно мог вместить от 25 до 40 тысяч заключенных. В отдельные периоды в лагере содержалось до 45 тысяч заключенных.

Контингент заключенных лагеря не был стабильным. Содержавшиеся в этом лагере систематически уничтожались, на их место прибывали новые транспорты с заключенными, и, таким образом, лагерь для подавляющего большинства лиц, направленных туда, был только временным этапом на пути к смерти.

В лагере содержались военнопленные бывшей польской армии, плененные еще в 1939 году, советские военнопленные, граждане Польши, Франции, Бельгии, Италии, Голландии, Чехословакии, Греции, Югославии, Дании, Норвегии и других стран.

Это установлено:

а) обнаруженным на территории лагеря большим количеством паспортов и иных документов граждан различных стран Европы, погибших в лагере.

Так, например: паспорта граждан СССР — Горюновой Марии Тимофеевны, Мазуркевича Николая Францевича и др.; документы граждан Польши — Седлецкого Чеслава, Соничного Владислава, Янкевича Станислава и др.; документы граждан Франции — Лябружа Габриэля, Молтань Эмиля, Руа Люсьена, Широля Огюста, Пренсона Андре и др.; документы граждан Чехословакии — Глюче Иозефа, Фельдингера Рудольфа и др.; документы граждан Италии — Муоле Густава, Мусих Джузеппе, Тинози Пио и др.; документы граждан Голландии — Ван-дер-Пальм Бертуса, Ван-дер-Ирими Андертинуса, Янсена Петруса и др.; документы граждан Югославии — Степановича Степана, Жунит Рано и др.; документы граждан Бельгии — Базео Леона, Ван-Гаузрана Теофиля и др.; документы граждан Греции — Зурене Еан и другие, а также документы лиц других национальностей;

б) книгой записи умерших в так называемом «лазарете лагеря», а фактически истребленных, в которой есть указание на значительное количество умерших лиц различных национальностей. Только в течение одного марта месяца 1944 года из умерших 1 654 заключенных: 615 человек русских, 247 поляков, 108 французов, 74 югославов, а остальное количество падает на другие национальности, живущие в странах Западной Европы;

в) показаниями целого ряда свидетелей — бывших заключенных лагеря и военнопленных немцев, служивших ранее в лагере, а также показаниями бывших заключенных лагеря: француза Ле-Дю-Корантена, чеха Томашека, голландца Бенена и других.

Список уничтоженных людей, заключенных в лагере, постоянно пополнялся за счет советских военнопленных, за счет различных групп населения, привезенного из оккупированных стран Европы, за счет лиц различных групп населения, захваченного гестапо на улицах, вокзалах, в домах при систематических облавах и обысках, постоянно проводившихся гитлеровцами в Польше и в других странах Европы, а также за счет евреев, привозимых из созданных гестапо в Польше и различных городах Западной Европы гетто.

Среди заключенных было много женщин, детей и стариков. В заключении находились иногда целые семьи. Дети были разных возрастов, в том числе и малолетние.

Таким образом, лагерь был местом массового уничтожения различных народностей Европы.

III. Попытки и кровавые расправы в «лагере уничтожения»

Режим в «лагере уничтожения» был подчинен задаче массового истребления заключенных.

Заключенные владели голодным существованием. Один раз в день кофе из жженой брьюквы, два раза суп из травы и от 180 до 270 граммов хлеба наполовину с древесными опилками или каштановой мукой — обычный рацион заключенного, который приводил к полному истощению, широкому распространению туберкулеза и иных болезней и к массовому вымиранию заключенных. За малейшую «провинность» заключенных лишали и этой скудной пищи на несколько дней, что по существу означало голодную смерть.

Бывший заключенный лагеря чех Томашек на заседании Комиссии заявил:

«Люди все время голодали, наблюдалось массовое истощение заключенных и смертность от истощения. Заключенные ели падаль, кошек, собак. Большинство заключенных представляло собой или ходячие скелеты, обтянутые кожей, или были неестественно толстыми от отеков и опухания на почве голода».

Бывший заключенный лагеря — капитан польской армии Резник показал:

«Я видел, что русских военнопленных почти не кормили, они дошли до крайней степени истощения, опухли

и не в состоянии были даже говорить. Они умирали массами.

Режим голода в лагере был одним из существенных факторов в общей системе уничтожения людей.

Рабочий день начинался в 4 часа утра. В бараки врвались немцы и кнутами поднимали людей с нар. Начиналась поверка, на которой должны были быть все здоровые и больные; те, которые ночью умерли, выносились соседями по койке на плац для поверки. Поверка продолжалась два часа и больше и сопровождалась избиениями и издевательствами над заключенными. Если заключенный впадал в бессознательное состояние и на поверке не отзывался, он заносился в список умерших, и его потом добивали палками.

В 6 часов утра заключенных выводили на работу. Работа была исключительно тяжелой и изнурительной. Она сопровождалась тяжкими избиениями, издевательствами и убийствами. Команды заключенных, возвращавшихся в 11 часов на так называемый обед, приносили с собой избитых, изувеченных людей и трупы убитых.

На вечерней поверке дежурным эсэсовцем зачитывался список заключенных, которые «плохо» работали, и их на специальной скамье били плетью, палками, розгами. Число ударов колебалось от 25 и выше. Людей часто запарывали насмерть».

Доцент Варшавского университета Зелент, содержащийся в лагере, сообщил:

«Я знал адвоката Носека из Радома, которому дали 100 ударов, от чего он через три дня умер».

В отношении интеллигенции и видных лиц из числа заключенных лагеря применялись особенно утонченные издевательства. Крупнейшего профессора по детским болезням Михаловича — 72 лет, профессора Варшавского Политехникума Помировского — 60 лет, члена Верховного Суда Польши Вонсовича — 75 лет и многих других немцы заставляли работать на самых тяжелых работах, всячески над ними издеваясь.

Бывший заключенный лагеря магистр химии поляк Тадеуш Будзынь показал:

«Большую группу профессоров, врачей, инженеров и других специалистов в 1 200 человек, привезенных из Греции, немцы поставили на непосильную работу по переноске тяжелых камней. Обессилевших и падавших от этой тяжелой работы ученых эсэсовцы избивали до смерти. Системой голода, изнурительного труда, избиений и убийств вся эта группа греческих ученых была в течение пяти недель истреблена».

Арсенал истязаний и мучений был необычайно разнообразен. Многие из них носили характер так называемых «шуток», которые очень часто кончались умерщвлением заключенных. К числу их можно отнести мнимый расстрел с оглушением жертвы ударом по голове доской или каким-нибудь тупым предметом, мнимым утоплением в бассейне лагеря, которое часто завершалось настоящим утоплением.

Среди немецких палачей в лагере были специалисты по тем или иным методам истязаний и убийств. Убивали ударом палки по затылку, ударом сапога в живот или в пах и т.д.

Эсэсовские истязатели топили свои жертвы в грязной воде, вытекавшей по небольшой канаве из бани: голова жертвы погружалась в эту грязную воду и прижималась сапогом эсэсовца до тех пор, пока жертва не лишалась жизни.

Излюбленным методом гитлеровских эсэсовцев являлось подвешивание заключенных за связанные назад руки. Француз Ле-Дю-Корантен, испытавший на себе эту меру наказания, рассказал, что при подвешивании заключенный быстро теряет сознание, после чего подвешивание прекращается, а когда сознание возвращается, подвешивание начинается снова, и так происходит много раз.

Немецкие изверги за малейшую провинность, особенно за подозрение в попытке к побегу, вешали заключенных лагеря. В центре каждого поля был столб с вбитым в него на высоте двух метров кронштейном, на котором вешали людей.

— *Видел я из своего барака, — говорит свидетель — бывший заключенный лагеря, советский военнопленный Домашев, — как на столбе, находившемся среди поля, вешали людей.*

Возле прачечной, на межполе между первым и вторым полем, был специальный барак с перекладинами у потолка, на которых вешали людей целыми группами.

Не меньшим издевательствам и истязаниям подвергались женщины, заключенные в лагере: те же формы поверок, непосильный труд, избиения и издевательства. Особой жестокостью отличались эсэсовки: главная надзирательница Эрих и надзирательницы Браунштейн, Девид Ани, Вебер, Кноблик, Эллерт и Редли.

Комиссия установила много фактов совершенно неслыханных жестокостей со стороны немецких палачей в лагере.

Немец кампфполицай Штальбе Гейнц на пленарном заседании Комиссии заявил, что он был очевидцем, как шеф крематория обершарфюрер Мусфельд связал по рукам и ногам женщину-польку и живую бросил в печь.

Свидетели Елинский и Олех, работавшие в лагере, также рассказывают о сожжении в печах крематория живых людей. «Ребенка отняли у матери от груди и на глазах ее убили о стенку барака», — говорит свидетель Атрохов. «Я видел лично, — говорит свидетель Баран Эдвард, — как у матерей брали маленьких детей и на их глазах убивали: за одну ножку брали рукой, на другую — становились ногой и таким образом разрывали ребенка».

Исключительным садизмом отличался заместитель начальника лагеря оберштурмфюрер СС Туманн. Он ставил в ряд на колени группы заключенных и ударами палки по голове убивал их; он травил заключенных овчарками; он принимал самое деятельное и активное участие во всех казнях и умерщвлениях заключенных.

Таким образом, голод, непосильный труд, пытки, истязания, издевательства и убийства, сопровождавшиеся неслыханным садизмом, были поставлены на службу массовому истреблению узников лагеря.

IV. Массовые расстрелы военнопленных и гражданского населения в лагере

Массовое истребление гражданского населения стран Европы, в том числе Польши и оккупированных областей СССР, составляло политику гитлеровской Германии, вытекавшую из планов порабощения и уничтожения передовой и активной части славянских народов.

Создание в порабощенной Польше лагерей массового уничтожения европейских народов и военнопленных обуславливалось стремлением гитлеровской правящей клики всячески замаскировать и скрыть эти злодеяния. Эти лагеря, в том числе и «лагерь уничтожения» на Майданеке, явились также местом поголовного уничтожения еврейского населения. Одним из методов истребления огромных масс неугодных гитлеровской Германии людей были массовые расстрелы, которые широко применялись в Люблинском «лагере уничтожения».

Кровавая история этого лагеря начинается с массового расстрела советских военнопленных, организованного эсэсовцами в ноябре — декабре 1941 года. Из партии больше чем в 2 000 человек советских военнопленных осталось всего лишь 80 человек, — все остальные были расстреляны и небольшая часть замучена пытками и истязаниями.

В период с января по апрель 1942 года в лагерь привозили новые партии советских военнопленных, которые расстреливались.

Работавший в лагере по найму грузовым возчиком свидетель поляк Недзялек Ян показал:

«Около 5 000 русских военнопленных немцы зимой 1942 года уничтожили таким образом: грузовыми автомобилями вывозили из бараков к ямам на бывшей каменоломне и в этих ямах их расстреливали».

Военнопленные бывшей польской армии, плененные еще в 1939 году и содержавшиеся в различных лагерях Германии, были уже в 1940 году собраны в Люблинском лагере на Липовой улице, а затем вскоре по частям привозились в «лагерь уничтожения» на Майданеке и подвергались той же участи: систематическим истязаниям, убийствам, массовым расстрелам, повешению и т.п.

Свидетель Резник показал следующее:

«В январе 1941 года нас — около 4 000 человек евреев военнопленных — погрузили в вагоны и отправили на Восток... Нас привезли в Люблин, здесь выгрузили из эшелонов и сдали эсэсовцам. Примерно в сентябре или октябре 1942 года в лагере на Липовой улице №7 было решено оставить только людей, имеющих фабрично-заводскую квалификацию и нужных в городе, а все остальные, и я в том числе, были отправлены в лагерь «Майданек». О том, что направление в лагерь «Майданек» означает смерть, мы все уже хорошо знали».

Из этой партии в 4 000 человек военнопленных сохранились лишь отдельные лица, бежавшие с внелагерных работ.

Летом 1943 года в лагерь на Майданеке было привезено 300 советских офицеров, из них 2 полковника, 4 майора, все остальные — в чине капитанов, старших лейтенантов. Все указанные офицеры были расстреляны в лагере.

В течение всего 1942 года производились массовые расстрелы как заключенных лагеря, так и населения, привозимого извне.

Житель дер. Кремпец (8 километров от Люблина) поляк Драбик Тадеуш был очевидцем, как в один из дней эсэсовцы на 88 грузовых машинах привезли людей различных национальностей и возрастов — мужчин, женщин и детей. Привозимые в Кремпецкий лес высаживались из машин, у них отбирались все вещи и ценности и затем их над заранее выкопанными ямами расстреливали. Массовые расстрелы в Кремпецком лесу в течение 1942 года немцы проводили систематически.

Весной 1942 года в лагерь были привезены одновременно 6 000 человек и расстреляны в течение двух дней.

3 ноября 1943 г. в лагере было расстреляно 18 400 человек. Из самого лагеря было взято 8 400 человек, а 10 000 человек было пригнано из города и из других лагерей. За три дня до этого массового расстрела были вырыты на территории лагеря за крематорием большие рвы. Расстрел начался с утра и закончился поздно вечером. Людей, раздетых догола, эсэсовцы выводили группами по 50 и 100 человек к рвам, укладывали на дно рва лицом вниз и расстреливали из автоматов. На трупы укладывалась новая партия живых людей, которые также расстреливались. И так до тех пор, пока рвы не заполнялись. Трупы затем были присыпаны небольшим слоем земли, а через 2—3 дня были извлечены и были сожжены в крематории и на кострах.

Для того чтобы заглушить при расстрелах крики жертв и стрельбу, немцы установили возле крематория и на территории лагеря мощные репродукторы, через которые передавали целый день бравурную музыку.

Этот массовый расстрел стал широко известен населению г. Люблина.

Работавший в лагере эсэсовец Фогель Герман показал:

«Помимо тех людей, которых привели из города, было в этот день взято из Люблинского лагеря и расстреляно 8 400 человек. Я точно знаю эту цифру потому, что на следующий день в вещевой склад, где я работал, были поданы официальные сведения об уничтожении 8 400 человек, так как мы должны были списать их одежду».

Работавший в канцелярии лагеря заключенный поляк Станиславский о расстреле 3 ноября 1943 г. показал:

«Этот расстрел немцы называли «зондербехандлунг» (специальное мероприятие), и под этим же названием был отправлен доклад в Берлин. В этом докладе говорилось дословно так: «Разница между количеством содержащихся в лагере заключенных утром и вечером возникла в результате специального уничтожения 18 000 человек».

Жители дер. Десента были часто очевидцами массовых расстрелов, в том числе в 1944 году. Начиная с марта месяца до 22 июля включительно, гестаповцы привозили на машинах и на повозках значительное количество польского населения: здесь были мужчины, женщины и дети. Их подводили к крематорию, возле которого раздевали догола, и во рвах расстреливали.

— *Были дни,* — заявляет свидетель Недзялек, очевидец этих массовых расстрелов польского населения, — *когда расстреливалось от 200 до 300 и больше человек.*

Советский военнопленный Канунников был очевидцем расстрела в июле 1943 года 40 женщин с маленькими детьми на первом поле. Рано утром трупы расстрелянных были свезены в крематорий для сжигания.

Во второй половине мая 1943 года эсэсовцы привезли в Кремпецкий лес две платформы трактором и один грузовик с трупами детей поляков.

Свидетель Гангол показал:

«Помню еще один яркий факт, который видел лично и сегодня его подтверждаю полностью: во второй половине мая 1943 года эсэсовцы привезли в Кремпецкий лес две платформы трактором и один грузовой автомобиль только одних детей поляков. Они были совсем голые. Все трупы этих детей были в лесу сложены в штабели и сожжены».

Свидетель Красовская сообщила Комиссии о факте расстрела в апреле 1943 года 300 женщин, привезенных из Греции.

Приведенные выше эпизоды массовых расстрелов отражают лишь незначительную часть фактов, собранных Комиссией.

Судебно-медицинская экспертиза под председательством профессора судебной медицины Люблинского Католического Университета, профессора Шиллинг-Сингалевича, в составе: старшего врача Городской Управы г.Люблина доктора медицины Рупневского, главного судебно-медицинского эксперта фронта подполковника медицинской службы Шкарабского, главного патолога-анатома фронта доктора медицинских наук, подполковника медицинской службы Краевского, главного токсиколога фронта подполковника медицинской службы Блохина, судебно-медицинского эксперта 1-й Польской Армии капитана Графинской — установила:

«При исследовании 467 трупов и 266 черепов были обнаружены следы пулевых ранений в количестве 342, что указывает на то, что в лагере широко практиковался расстрел заключенных путем выстрела по преимуществу в затылок на близком расстоянии из оружия калибром в 0,9 см».

Таким образом, многочисленными свидетельскими показаниями очевидцев, а также рядом других доказательств (последующие раскопки, проведенные судебно-медицинской экспертизой) установлено, что немцы в Люблинском лагере на протяжении всего периода его существования проводили массовые расстрелы заключенных мужчин, женщин и детей, лиц различных национальностей, часть из коих была расстреляна также в Кремпецком лесу, расположенном в 8 километрах от Майданека.

V. Удушение газом

Одним из самых распространенных методов массового истребления людей в лагере на Майданеке было удушение газом.

Судебно-техническая и химическая экспертиза в составе: председателя — инженера-архитектора г.Люблина Келлес-Краузе, инженера-майора доцента Телянера, кандидата технических наук Григорьева, кандидата технических наук Пелькиса — установила, что камеры, построенные на территории лагеря, использовались в основном для массового уничтожения людей. Всего таких камер было шесть. Одни из них были приспособлены для умерщвления газом СО, другие для умерщвления посредством химически-ядовитого вещества «Циклон».

На территории лагеря обнаружено 535 банок с препаратом «Циклон-Б» и несколько баллонов, содержащих окись углерода. При химическом анализе установлено:

«Содержимое банок было проверено на наличие синильной кислоты реакцией образования берлинской лазури, безидинацинатной индикаторной бумажкой и пикратом натрия. При этом взяты пробы из 18 банок и проведено отдельных 48 реакций. Все пробы дали положительный результат на содержание синильной кислоты с вышеуказанными реактивами... Таким образом, исследованное содержимое банок представляет собой препарат «Циклон-Б», состоящий из специально приготовленного кизельгура в виде гранул размером до 1 см, пропитанных жидкой стабилизированной синильной кислотой. Содержимое банок, обнаруженных в большом количестве в лагере с этикеткой «Циклон», идентично с «Циклоном-Б»... Пробы газа, взятые из 5 баллонов, были проверены на содержание окиси углерода при помощи реакции с пятиокисью иода и хлор-палладиевой индикаторной бумажкой. Всего реакций с пятиокисью иода проведено 16, а с хлорпалладиевой индикаторной бумажкой 10. Все пробы с указанными реактивами дали положительные реакции на окись углерода».

На основании точных расчетов технического исследования газокамер, химического анализа угарного газа и вещества «Циклон» экспертиза установила:

«Технический и санитарно-химический анализ газовых камер концлагеря на Майданеке целиком подтверждает, что все эти камеры, особенно I, II, III и IV, были предназначены и использованы для массового и систематического уничтожения людей путем отравления общеядовитыми газами, как то: синильной кислотой (препарат «Циклон») и окисью углерода».

При одновременном использовании всех камер, приспособленных для отравления, можно было в один прием умертвить 1914 человек. Установлено, что в этих газовых камерах отравлялись все истощенные от голода, ослабевшие от изнурительного труда, жестокого режима заключенные, не способные к физическому труду, все заболевшие сыпным тифом и все прочие, которых немцы считали необходимым умертвить.

В процессе расследования собрано значительное количество фактов массового отравления заключенных в газокамерах на Майданеке.

Свидетель Станиславский сообщил Комиссии:

«В марте 1943 года в газовой камере было умерщвлено 300 поляков, 20 июня 1943 г. на первом поле раздели донага 350 человек и всех голыми повели в баню, а оттуда в газокамеру, где и задушили; 14 октября 1943 г. тем же путем умерщвлено 270 человек».

Свидетель Зелент приводит факт удушения газом 87 поляков 15 марта 1944 г.

Свидетель поляк Вольский Ян — бывший заключенный лагеря — по поводу массового отравления газами показал:

«В октябре 1942 года в лагерь было привезено большое количество женщин и детей. Здоровых отобрали для использования на работе, а всех слабых, больных и детей удушили в газовой камере. В марте 1943 года в той же камере снова были уничтожены газом 250 женщин и детей, а через несколько дней еще 300 человек различных национальностей. 16 или 17 мая 1943 г. на автомашинах было доставлено в лагерь 158 детей в возрасте от 2 до 10 лет. Этим детям умертвили в газовой камере. В июне 1943 года администрация лагеря собрала всех больных военнопленных и заключенных — около 600 человек и всех их умертвила в газокамере».

О массовом удушении людей газами рассказали на заседании Комиссии немцы-эсэсовцы, служившие в лагере:

Ротенфюрер СС Генше показал, что 15 сентября 1942 г. в газовой камере было умерщвлено 350 человек, в том числе женщины и дети.

Обершарфюрер СС Тернес сообщил Комиссии о факте удушения в газокамерах 16 октября 1943 г. 500 человек, среди которых было много женщин и детей.

Отбор людей для удушения производили систематически немцы — врачи лагеря Блянке и Риндфляйш.

Тот же Тернес показывает:

«Мне рассказывал врач лагеря унтерштурмфюрер СС Риндфляйш вечером 21 октября 1943 г., что в этот день в газовой камере было удушено препаратом «Циклон» 300 детей в возрасте от 3 до 10 лет».

Трупы из газокамер систематически вывозились для сжигания в крематорий и на кострах. Перевозили трупы на машинах, на специальных платформах, буксируемых трактором. Об этом рассказывают много свидетелей-очевидцев.

Немецкий военнопленный ротенфюрер СС Шолен Тео, работавший в лагере, показал:

«Я часто видел эту машину с прицепом, курсирующую от газокамеры к крематорию и обратно, причем от газокамеры она шла с трупами, обратно — пустая».

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия установила, что, помимо газовых камер, немцы в Люблине умерщвляли людей также в специально приспособленной автомашине, так называемой «душегубке».

Свидетели — бывший солдат польской армии Стетдинер и советский военнопленный Атрохов подробно описывают эту машину, в которой немецкие изверги удушали свои жертвы выхлопными газами от мотора машины.

Обнаружение на территории лагеря некоторого количества трупов с характерными признаками отравления окисью углерода подтверждает, что немцы использовали окись углерода для умерщвления заключенных.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в вышеназванном составе считает, что:

«Истребление заключенных в концентрационном лагере производилось различными методами. В начале существования лагеря гитлеровцами в основном практиковались массовые расстрелы. Позже, наряду с этим, они применяли также массовое отравление людей в специально выстроенных и оборудованных газокамерах сильно действующими отравляющими веществами — синильной кислотой (препарат «Циклон») и окисью углерода (угарный газ)».

Таким образом, многочисленными показаниями свидетелей-очевидцев, данными судебно-медицинской, технической и химической экспертиз установлено, что гитлеровские палачи систематически на протяжении почти трех лет производили в лагере на Майданеке массовое удушение газами сотен тысяч ни в чем не повинных людей, в том числе стариков, женщин и детей.

VI. Немецкие палачи заметали следы своих тягчайших преступлений

В первый период существования лагеря на Майданеке немцы трупы всех расстрелянных и замученных ими закапывали. Позже и особенно в 1943—1944 гг. немцы, стали сжигать трупы, эксгумируя их из ям, где трупы расстрелянных были прежде закопаны.

На территории лагеря уже в начале 1942 года были построены две печи для сжигания трупов. Вследствие того, что трупов было очень много, немцы в 1942 году начали строить и к осени 1943 года построили новый мощный крематорий на пять сжигательных печей. Эти печи горели непрерывно. Температура в этих печах могла подниматься до 1 500° С. Для того чтобы в печь вмещалось возможно больше трупов, они расчленились, в частности обрубались конечности трупов.

Техническая экспертиза, тщательно исследовавшая конструкцию печей, дала следующее заключение:

«Печи предназначались для сжигания трупов и были рассчитаны на непрерывную работу. В одну печь можно было вложить четыре трупа одновременно с обрубленными конечностями. Время, потребное для сжигания четырех трупов, составляло 15 минут, что при круглосуточной работе всех печей давало возможность сжечь 1920 трупов в сутки. Учитывая большое количество костей, обнаруженных на всей территории лагеря (в ямах, на огородах, в буртах с навозом), экспертная комиссия считает, что недогоревшие кости выгружались из печей раньше срока, необходимого для полного стораения, вследствие чего в действительности в печах сжигалось зна-

чительно больше, чем 1 920 трупов в сутки».

Комиссия установила, что немцы на протяжении длительного времени, особенно за последние два года, наряду с сжиганием трупов в специальных печах, широко практиковали сжигание трупов на кострах как на территории лагеря, так и в Кремпецком лесу.

На рельсы или на рамы автомобиля, которые выполняли роль колосников, накладывались доски, на доски трупы, затем снова доски и снова трупы. Так укладывалось на костер от 500 до 1 000 трупов. Все это обливалось горячей жидкостью и поджигалось. Каждый такой костер горел двое суток.

Свидетели — жители дер. Десента (возле лагеря Майданека) и дер. Кремпец—Господарек и Матгысек подтвердили, что они видели на территории лагеря и в Кремпецком лесу гигантские костры, на которых сжигались трупы расстрелянных и замученных немцами людей.

На территории «лагеря уничтожения» и в Кремпецком лесу обнаружено большое количество площадок, на которых производилось сжигание трупов. В одном из рвов на территории лагеря обнаружена после раскопки рама автомашины, на которой сжигались трупы.

После разоблачения зверств немцев в Катынском лесу гитлеровцы особенно усиленно принялись за извлечение трупов из ям и рвов и сожжение их. Судебно-медицинская экспертиза вскрыла 20 таких ям, из них 18 ям на территории Майданека и 2 ямы на территории Кремпецкого леса. В некоторых ямах обнаружено значительное количество трупов, которые немцы не успели сжечь.

Так, в результате раскопок в яме №1 возле крематория обнаружено 42 трупа, в яме №19 в Кремпецком лесу обнаружено 368 трупов мужчин, женщин и детей; в других ямах обнаружено значительное количество трупов, уже окончательно разложившихся, и скелетов. В ряде ям обнаружено огромное количество костей.

Для того чтобы скрыть гигантские размеры массового уничтожения людей, гитлеровские изверги зарывали пепел в ямы и рвы, рассыпали его по большой территории лагерных огородов, смешивали пепел с навозом и употребляли для удобрения полей.

На территории «лагеря уничтожения» Комиссия обнаружила свыше 1 350 кубометров компоста, состоящего из навоза, пепла от сожженных трупов и мелких человеческих костей.

Гитлеровцы прибегали к перемалыванию мелких костей на специальной «мельнице». Об этой мельнице и ее устройстве дал подробные показания свидетель Стетдинер, по специальности дизель-механик, которого немцы заставили работать на этой «мельнице».

Бывший военный комендант г. Люблина генерал-лейтенант германской армии Гильмар Мозер сообщил:

«У меня нет причин умалчивать о тяжких преступлениях Гитлера или их покрывать, поэтому я считаю себя обязанным рассказать всю правду о так называемом «лагере уничтожения», сооруженном гитлеровцами близ г.Люблина на Холмском шоссе.

Зимой 1943—1944 гг. там было уничтожено большое количество заключенных, в том числе, к моему большому возмущению, женщины и дети. Число убитых достигало сотен тысяч человек. Несчастные частично были расстреляны, частично умерщвлены газами.

Мне неоднократно рассказывали, что обреченных людей в «лагере уничтожения» заставляли выполнять чрезвычайно тяжелые работы, превосходящие их силы, и подгоняли их при этом побоями. С возмущением я узнал, что заключенных в лагере перед тем, как уничтожить, пытали и мучили.

Весной этого года было вновь выкопано бесчисленное количество трупов и сожжено в специально сооруженных печах, видимо, чтобы замести следы преступлений, совершенных по приказу Гитлера.

Массивные печи были построены из кирпича и железа и представляли собой крематорий с большой пропускной способностью. Запах трупов проникал часто в город, по крайней мере в восточную часть его, поэтому даже менее информированным лицам было ясно, что творится на этом страшном месте...

Подтверждением того, что деятельность «лагеря уничтожения» направлялась гитлеровским правительством, может служить факт посещения лагеря самим Гиммлером, который приезжал в Люблин летом 1943 года».

Комиссия установила, что только в печах крематория было сожжено свыше 600 000 трупов; на гигантских кострах в Кремпецком лесу было сожжено более 300 000 трупов; в двух старых печах было сожжено свыше 80 000 трупов; на кострах в самом лагере возле крематория было сожжено не менее 400 000 трупов.

В целях скрытия следов своих преступлений немцы уничтожали обслуживающий персонал газокамер и крематория, состоявший из заключенных.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в вышеуказанном составе, под руководством профессора судебной медицины Люблинского Католического Университета профессора Шиллинг-Сингалевича, в результате анализа многочисленных судебно-медицинских актов и вещественных доказательств, установила:

«В Люблинском концентрационном лагере «Майданек» в течение всего периода его существования на протяжении четырех лет преднамеренно, в порядке продуманной системы и последовательности, проводилось массовое истребление людей, как содержащихся в лагере, так и специально привозимых в этот лагерь для истребления».

VII. Гитлеровцы грабили ценности и имущество заключенных лагеря

Ограбление заключенных и замученных в лагере гитлеровцы возвели в систему.

Вещественные доказательства, обнаруженные Комиссией в лагере: склад обуви расстрелянных и погибших, склад с различными вещами заключенных, а также склад, принадлежавший гестапо и находившийся по ул. Шо-

пена в г. Люблине, свидетельствуют о том, что все награбленные вещи и имущество заключенных тщательно сортировались и направлялись в Германию.

На огромном складе обуви, обнаруженном в лагере на шестом поле, имеется обувь с фирменными марками Парижа, Вены, Брюсселя, Варшавы, Триеста, Праги, Риги, Антверпена, Амстердама, Киева, Кракова, Люблина, Львова и других городов, различных фасонов и размеров, мужская, женская, подростков, детей дошкольного возраста, солдатские сапоги, ботинки и крестьянские сапоги. Наряду с обувью в складе обнаружено большое количество разделанной обуви (отдельно подошвы, стельки, каблуки), расфасованной, уложенной в штабели и подготовленной к отправке в Германию.

Комиссия установила, что только в «лагере уничтожения» разной детской, мужской и женской обуви замученных и погибших заключенных имеется свыше 820 000 пар.

В огромном складе гестапо на улице Шопена в Люблине Комиссия обнаружила большие запасы различного мужского, дамского и детского белья, а также всевозможных предметов личного обихода. Например: несколько полок с клубками шерстяных ниток для вязки, тысячи очков, десятки тысяч пар различной мужской, дамской и детской обуви, десятки тысяч мужских галстуков с марками различных городов — Парижа, Праги, Вены, Берлина, Амстердама, Брюсселя, десятки тысяч дамских: поясов, часть из которых расфасована и подготовлена к отправке, купальные халаты, пижамы, ночные туфли, множество детских игрушек, соски, кисточки для бритвы, ножницы, ножи и огромное количество других предметов домашнего обихода. Здесь же обнаружено множество различных чемоданов, принадлежавших советским гражданам, полякам, французам, чехам, бельгийцам, голландцам, грекам, хорватам, итальянцам, норвежцам, датчанам, а также евреям различных стран.

В этом складе Комиссия обнаружила часть делопроизводства склада, из которого видно, что склад по ул. Шопена являлся базой, где вещи сортировались и готовились к отправке в Германию.

В отношении пересылки вещей расстрелянных в лагерях имелось специальное указание следующего содержания:

«СС — Главное Хозяйственное Управление Начальник Управления Д-Конц. лаг.»

Д/1 Ац: 14 Д 3/От/И Оранненбург, 11 июля 1942 г.

Всем комендантам концентрационных лагерей

Согласно заявлению Главного Управления Государственной Безопасности, из концентрационных лагерей были высланы пакеты с одеждой, главным образом в Управление Гестапо г. Брюнн, причем оказалось в некоторых случаях, что вещи эти были прострелены и покрыты кровью. Часть этих пакетов была повреждена, и, таким образом, посторонние люди имели возможность узнать о содержании пакета.

Ввиду того, что Главное Управление Государственной Безопасности в ближайшем времени издаст устав, регулирующий вопрос об оставшихся после смерти заключенных вещах, немедленно прекратить высылку вещей до окончательного выяснения вопроса, как быть с вещами, оставшимися после казненных заключенных.

Подписано: Глюкс

СС — командующий бригадой и генерал-майор войск СС».

Свидетельскими показаниями военнопленных эсэсовцев, ранее работавших в «лагере уничтожения», устанавливается, что в нем существовали организованная система грабежа личных вещей и имущества заключенных и использование имущества замученных и расстрелянных людей различными должностными лицами.

Военнопленный немец ротенфюрер Фогель, эсэсовец, на пленарном заседании Комиссии заявил:

«Я был заместителем начальника вещевого склада лагеря на Майданеке. Одежда и обувь с истребляемых заключенных здесь сортировалась и все, что было лучшего, отправлялось в Германию. Я лично только в этом 1944 году отправил в Германию свыше 18 вагонов одежды и обуви. Я не могу точно сказать, сколько было отправлено обуви и одежды, однако я утверждаю, что одежды и обуви было очень много. То, что я отправил, это только часть отправленного в Германию. Все это отправлялось в адрес: «Плетцензе — Берлин. Штрафанштальт».

Военнопленный офицер немецкой армии оберштурмфюрер СС Тернес как бывший финансовый ревизор лагеря показал:

«Мне лично известно, что деньги и ценности, которые отбирались у заключенных, отправлялись в Берлин. Золото, изъятое у заключенных, отправлялось в Берлин по весу. Все это, по существу, ограбленное добро составляло статью дохода немецкого государства. Золота и ценностей было отправлено в Берлин очень много. Мне все это известно потому, что я работал в этом лагере по линии финансово-ревизионной. Должен подчеркнуть, что много денег и ценностей, которые были отобраны у заключенных, совсем не приходовались, так как они разворовывались теми немцами, которые все это отбирали».

Таким образом, ограбление замученных в лагере на Майданеке, так же как и в других лагерях, составляло определенную статью дохода гитлеровских грабителей разного ранга.

* * *

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия, на основе документальных материалов, опроса свидетелей и очевидцев злодеяний немцев в г.Люблин, в концентрационном лагере на Майданеке, в Люблинской тюрьме и в Кремпецком лесу, а также на основе многочисленных вещественных доказательств, обнаруженных Комиссией, и на основе материалов судебно-медицинской, технической и химической экспертиз, — установила:

1. Концентрационный лагерь «Майданек», именуемый немцами «Фернихтунгслагер», т.е. лагерь уничтожения, являлся местом массового уничтожения советских военнопленных, военнопленных бывшей польской армии и мирного гражданского населения различных стран Европы, оккупированных гитлеровской Германией, а также временно оккупированных областей Польши и СССР.

2. В лагере «Майданек» существовал зверский режим в отношении заключенных. Методами массового уничтожения заключенных были: одиночные и массовые расстрелы и убийства, массовое и одиночное умерщвление в газокамерах, повешение, пытки, истязания и организованный голод.

В этом лагере палачи СС и гестапо проводили массовое истребление поляков, французов, голландцев, итальянцев, сербов, хорватов и лиц других национальностей, а также советских военнопленных и военнопленных бывшей польской армии, как содержащихся в заключении в этом лагере, так и специально привозимых в этот лагерь из других лагерей и мест для уничтожения.

3. Для заметания следов своей преступной деятельности гитлеровские палачи осуществляли целую систему мер, как то: сжигание трупов заключенных на гигантских кострах в Кремпецком лесу и в лагере, сожжение в специально построенном крематории, перемалывание мелких костей, рассеивание пепла по полям и огородам, принадлежавшим гитлеровским руководителям этого лагеря, изготовление больших буртов удобрения из человеческого пепла с навозом.

Гитлеровские разбойники осуществляли целую систему ограбления замученных ими людей, обогащая как рядовых эсэсовцев и гестаповцев, так и крупных руководящих деятелей этой разбойничьей банды. Система ограбления узников этого лагеря составляла значительную доходную статью гитлеровского государства.

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия установила, что за четырехлетнее существование «лагеря уничтожения» Майданека гитлеровские палачи, по прямому приказу своего преступного правительства, истребили путем массовых расстрелов, массового умерщвления в газокамерах около полутора миллиона человек — советских военнопленных, военнопленных бывшей польской армии, граждан различных национальностей: поляков, французов, итальянцев, бельгийцев, голландцев, чехов, сербов, греков, хорватов и большую массу евреев.

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия по расследованию зверств немцев в Люблине установила, что основными виновниками этих злодеяний являются гитлеровское правительство, обер-палач Гиммлер и их ставленники из СС и СД на территории Люблинского воеводства.

Основными исполнителями этих зверств являются; обергруппенфюрер — руководитель СС и СД в Люблине — Глобчник, бывший губернатор Люблинского воеводства — Венхлер, руководитель СС и СД в Люблине штурмбанфюрер Доминник, начальник лагерей военнопленных в Польше штурмбанфюрер Лиски, начальники лагерей штандартенфюрер Кох, оберштурмфюрер Кегель, заместитель коменданта лагеря гауптштурмфюрер Мельцер, гауптштурмфюрер Клепман, оберштурмфюрер Туманн, обершарфюрер Мусфельд, обершарфюрер Костмаль, врачи лагеря гауптшарфюрер Грюн Эрих, гауптшарфюрер Риндфляйш, гауптштурмфюрер Бланке, начальник крематория унтерштурмфюрер Венде и все другие лица, исполнявшие роль палачей, виновные в истреблении ни в чем неповинных людей.

О ЧУДОВИЩНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОСВЕНЦИМЕ^[197]

Еще до освобождения Красной Армией польской территории в Верхней Силезии в Чрезвычайную Государственную Комиссию поступали многочисленные сведения о существовании вокруг гор. Освенцима огромного лагеря, созданного германским правительством для уничтожения плененных советских людей. После освобождения советскими войсками польской Силезии частями Красной Армии был обнаружен этот лагерь.

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии Прокуратурой 1-го Украинского фронта, совместно с представителями Чрезвычайной Государственной Комиссии товарищами Кудрявцевым Д.И. и Кузьминым С.Т., в течение февраля—марта 1945 года было произведено тщательное расследование злодеяний немцев в Освенцимском лагере.

В расследовании принимали участие специальные экспертные комиссии: судебно-медицинская, в составе главного судебно-медицинского эксперта 1-го Украинского фронта Брыжива Ф.Ф., судебно-медицинского эксперта армии Чурсанова М.Г., эксперта-терапевта Перцова И.И., начальника патолого-анатомической лаборатории армии Лебедева Н.А., гинеколога армии Колегаева Г.А., эксперта-психиатра Ванновского Н.Р., эксперта-криминалиста Герасимова Н.П., бывших заключенных лагеря: профессора-педиатра, директора клиники Пражского университета Эпштейн Б.В., профессора патологической анатомии и экспериментальной медицины из гор. Клермон-Ферран (Франция) Лимузен Г.Г., доцента медицинского факультета в Загребе (Югославия) Гроссмана М.Я., и техническая, в составе профессоров из Кракова — Давидовского Романа и Долинского Ярослава, кандидата химических наук инженера Лаврушина В.Ф. и инженера Шуера А.М.

На основании опроса и медицинского освидетельствования 2 819 спасенных Красной Армией узников Освенцимского лагеря и изучения обнаруженных в нем немецких документов, остатков взорванных немцами при отступлении крематориев и газовых камер, найденных на территории лагеря трупов, вещей и документов истребленных немцами людей различных стран Европы, сохранившихся в складах и бараках лагеря, установлено.

1. Путем расстрелов, голода, отравлений и чудовищных истязаний немцы истребили в Освенцимском лагере свыше 4 миллионов граждан Советского Союза, Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран.

2. Немецкие профессора и врачи производили в лагере так называемые «медицинские» эксперименты над живыми людьми — мужчинами, женщинами и детьми.

3. По степени продуманности, технической организованности, по массовости и жестокости истребления лю-

дей Освенцимский лагерь оставляет за собой далеко позади все известные до сих пор немецкие «лагери смерти».

В Освенцимском лагере были и газовые камеры, и крематории, и хирургические отделения, и лаборатории — все это было предназначено для чудовищного уничтожения людей. Газовые камеры немцы называли «баними особого назначения». На входной двери этой «бани» было написано «Для дезинфекции», а на выходной «Вход в баню». Таким образом, люди, предназначенные для уничтожения, ничего не подозревая, заходили в помещение «Для дезинфекции», раздевались и оттуда загонялись в «баню особого назначения» — то-есть в газовую камеру, где они истреблялись ядовитым веществом «циклоном».

В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми. Они производили опыты по стерилизации женщин, кастрации мужчин, над детьми, по искусственному заражению массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдение; производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ.

Рейхсфюрер СС Гиммлер — организатор Освенцимского лагеря уничтожения людей

Освенцимский лагерь был построен в 1939 году по приказу рейхсфюрера СС Гиммлера специально для уничтожения поработанных граждан оккупированных стран Европы. Лагерь расположен на огромной территории вокруг города Освенцима и представлял из себя целую систему лагерей: Аушвиц, Биркенау, Моновице, Голешау, Явишовиц, Нейдахс, Блехамер и другие. Основные из них — Аушвиц и Биркенау — были расположены на территории в 467,5 гектара и имели свыше 620 жилых бараков и служебных помещений. В лагерях Освенцима содержалось постоянно от 180 до 250 тысяч заключенных. Все лагеря были обведены глубокими рвами и оцеплены густой сетью колючей проволоки, через которую пропускался ток высокого напряжения.

В 1941 году в лагере Аушвиц был выстроен для сжигания трупов умерщвленных людей первый крематорий с 3-мя печами. При крематории была так называемая «баня особого назначения», то-есть газовая камера для удушья людей. Первый крематорий просуществовал до середины 1943 года. Летом 1942 года рейхсфюрер СС Гиммлер произвел инспекторский осмотр Освенцимского лагеря и распорядился расширить его до гигантских размеров и технически усовершенствовать. Строительство новых мощных крематориев было поручено немецкой фирме «Топф и сыновья» в Эрфурге, которая немедленно начала строить в Биркенау 4 мощных крематория и газовые камеры. Из Берлина нетерпеливо требовали ускорения строительства и окончания всех работ к началу 1943 года. В делах канцелярии лагеря Аушвиц найдена обширная переписка администрации лагеря с фирмой «Топф и сыновья», в том числе следующие письма:

I.

*«И.А. Топф и сыновья.
Эрфурт, 12 февраля 1943 г.*

*Центральному строительству СС и полиции
Аушвиц (Освенцим.)*

Касается: крематории 2 и 3 лагеря военнопленных.

Подтверждаем получение Вашей телеграммы от 10 февраля следующего содержания: «Еще раз подтверждаем получение Вашего заказа на 5 штук тройных муфельных печей, включая два электрических лифта, для подъема трупов и один временный лифт для трупов. Также заказано практическое приспособление для подачи угля и приспособление для транспорта пепла. Вам надлежит доставить полную установку для крематория №3. Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 года».

И.А. Топф и сыновья.

II.

*«№12115/42/Ер/На
Пункт 2.*

В отношении установки 2-х трехмуфельных печей у каждой из «бань особого назначения» инженером Прюфером было предложено изъять их из заготовленных для отправки в Могилев печей. Руководитель служебной части, находившейся в СС-Хозяйственном Управлении Главного Отдела в Берлине, был немедленно об этом осведомлен и его попросили распорядиться о дальнейшем».

СС унтерштурмфюрер (С), Освенцим, 21 августа 1942 года.

В четырех новых крематориях находилось 12 печей с 46-ю ретортами; в каждую реторту можно было поместить от 3 до 5 трупов, процесс сжигания которых продолжался около 20—30 минут.

При крематориях были построены «бани особого назначения» — газовые камеры для умерщвления людей, помещавшиеся или в подвалах, или в особых пристройках к крематориям. Кроме того, в лагере имелись еще две отдельные «бани», трупы из которых сжигались на особых кострах. Предназначенных для умерщвления людей

загоняли в «бани» ударами палок, ружейных прикладов, собаками. Двери камер герметически закрывались, и люди, находившиеся в них, отравлялись «циклоном». Смерть наступала через 3—5 минут; спустя 20—30 минут трупы выгружались и направлялись к печам крематориев. Перед сжиганием дантисты вырывали у трупов золотые зубы и коронки.

«Производительность» «бань» — газовых камер значительно превышала пропускную способность печей крематориев, и потому для сжигания трупов немцы применяли еще огромные костры. Для этих костров были вырыты специальные рвы длиной от 25 до 30 метров, шириной от 4 до 6 метров и глубиной в 2 метра. На дне рвов проходили особые каналы в качестве поддувал. Трупы подвозились к кострам по узкоколейкам, укладывались в рвы послойно с дровами, обливались нефтью и таким образом сжигались. Пепел зарывался в больших ямах или сбрасывался в реки Сола и Висла.

С 1943 года немцы, с целью промышленного использования несгоревших костей, стали дробить кости и продавать фирме «Штрём» для переработки в суперфосфат. В лагере найдены документы на отправку в адрес фирмы «Штрём» 112 тонн 600 килограммов костной крошки от человеческих трупов. Для промышленных целей немцы также использовали волосы, срезанные с женщин, предназначенных для уничтожения.

В Освенцимском лагере немцы ежедневно умерщвляли и сжигали от 10 до 12 тысяч людей, из них 8—10 тысяч из прибывавших эшелонов и 2—3 тысячи из числа узников лагеря.

Допрошенные в качестве свидетелей, ранее работавшие в специальной команде по обслуживанию газовых камер и крематориев, *бывшие заключенные Драгом Шлема, житель местечка Жировни, Варшавского воеводства, и Таубер Генрих из города Кжанув (Польша)*, показали следующее:

«...В начале работы лагеря немцы имели две газовых камеры, находившиеся друг от друга в трех километрах. При них имелось по два деревянных барака. Прибывающих из эшелонов людей приводили в бараки, раздевали, а затем вели в газовую камеру... В газовые камеры загоняли по 1500—1700 человек, а затем через люки эсэсовцы в противогазах забрасывали «циклон». Газирование продолжалось от 15 до 20 минут, после чего трупы выгружались и на вагонетках вывозились в рвы, где сжигались... Позже на территории лагеря в Биркенау работали 4 крематория, при каждой из них имелась газовая камера. Крематории №№2 и 3 были одинаковой конструкции и имели по 15 печей, а крематории №№4 и 5 были другой конструкции, по размерам и техническому усовершенствованию менее удобные, и имели по 8 печей каждый. Все эти крематории в течение суток сжигали по 10—12 тысяч трупов».

Немецко-фашистские профессора и врачи-убийцы пленников Освенцима

В Освенцимском лагере немецко-фашистские профессора и врачи широко проводили «медицинские» опыты над живыми людьми, проявляя при этом чудовищную изобретательность.

Бывшие заключенные, спасенные Красной Армией врачи: Штейнберг из Парижа, Гордон из Вильнюса, профессор Гроссман из Югославии, доктор медицины Валентин Эрвин из Берлина, Кеппих Анна из Венгрии, Де-Винд Эдуард из Голландии, Флехнер Альберт из Парижа, сообщили, что они были очевидцами огромного количества «медицинских» экспериментов немецко-фашистских профессоров и врачей над заключенными лагеря.

Хирургические операции производились по произволу немецких врачей, практиковавшихся в освоении оперативной техники. Молодой немецкий врач Кениг отбирал заключенных с воспалительными процессами конечностей и практиковался в ампутации последних. Немецкие врачи Тилло и Фишер собирали большие массы заключенных и без всяких показаний производили грыжесечения. Главный врач больницы Эндерс при малейшей жалобе на боли в животе производил чревосечения, практикуясь на операциях по поводу язвы желудка.

В больничных отделениях лагеря Аушвица проводились эксперименты над женщинами. В 10 блоке лагеря содержалось одновременно до 400 заключенных женщин, над которыми производились опыты по стерилизации путем облучения рентгеном и последующего удаления яичников, опыты по привитию рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии матки. В блоке №28 производились опыты над заключенными по искусственным поражениям кожи керосином, различными солями, пастами, пудрами. Здесь же применяли акрихин с целью изучения искусственно вызванной желтухи. Этими опытами занимался немецкий врач Эмиль Кошуб. В блоке №21 производились массовые опыты по кастрации мужчин с целью изучения возможности стерилизации рентгеновскими лучами. Кастрация производилась через известное время после облучения. Такими опытами облучения, и кастрации занимались профессор Шуман и врач Деринг. Нередко операции заключались в том, что после облучения рентгеном у подопытных удаляли одно или оба яичка для исследования.

Все эти факты подтверждены также показаниями бывших узников лагеря: Кляйн Юдитой, Аусен Кларой, Гарбман Минной, Зондерс Нонной, Скурник Яковом, Сурес Давидом и многими другими, над которыми немецкие врачи производили те или иные эксперименты.

По приказу главного немецкого врача Эндерс, с 1941 по 1944 год в больницах лагеря производилось умерщвление заключенных путем вливания фенола в сердце. Первые вливания делал врач Деринг, а затем они производились санитарями. Особенно отличался в этом бывший сапожник немец Клер, умертвивший таким способом тысячи жертв. Заключенный из поляков, некий Панщик, впрыскиванием фенола умертвил 12 тысяч человек (впоследствии он был убит самими поляками-заключенными). Немец Штесс уничтожил такими уколами 10 тысяч человек.

Факты нечеловеческих опытов над заключенными подтверждаются также рядом документов, найденных в

канцеляриях лагеря. В отчете хирургического отделения лагерного госпиталя значится, что за 3 месяца — октябрь—декабрь 1943 года — хирургами отделения среди прочих операций произведено: 89 ампутаций яичек (кастрация), 5 стерилизаций, 5 удалений яичников. В телеграмме №2678 от 28.IV—1943 года оберштурмфюрер СС полковник Зоммер дает предписание комендатуре лагеря отнести по отчету 128 женщин в графу «Заключенных для опытов». В обнаруженном «Статистическом обозрении коменданта лагеря числа и распределения заключенных женщин по различным категориям», за подписью заместителя коменданта лагеря Селла, имеется постоянная графа: «Заключенные, предназначенные для различных опытов». В этой графе значится «подопытных женщин»: за 15.V—1944 г. — 400 чел., за 5.VI — 1944 г. — 413 чел., за 19.VI—1944 г. — 348 чел., за 30.VII—1944 г. — 349 чел. и т.д.

Немецкие врачи играли руководящую роль и в так называемых «селекциях», то-есть в отборе заключенных на газирование и кремацию. «Селекцию» они производили всюду: около крематориев, в больницах, в бараках. Людей истощенных, больных, непригодных для работы немецкие врачи отправляли в газовые камеры. Отбором заключенных для умерщвления занимались следующие немецкие врачи: Виртс, Менгеле, Родэ, Фишер, Тилло, Китт, Кениг, Клейн и многие другие.

По приказу главного немецкого врача Освенцимского лагерного объединения Виртс, при эпидемиях сыпного тифа производилось умерщвление людей целыми бараками путем отравления газами.

Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецкие врачи в Освенцимском лагере производили следующие эксперименты над живыми людьми:

1. Массовое иссечение тканей шейки матки, или даже полную ампутацию последней.
2. Испытание ряда неизвестных веществ для целей рентгенографии матки и труб. Указанные вещества с помощью специальных приборов под давлением вводились в полость матки, что зачастую было сопряжено с мучительными болями для экспериментируемых жертв.
3. Стерилизация женщин путем облучения рентгеновскими лучами тазовой области, с последующим чревосечением и изъятием яичников. Эти опыты производились преимущественно над молодыми женщинами.
4. Изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм. По показанию немецкого врача, доктора медицины Валентина Эрвин, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Глаубер из Кенигсгютте и химик Гебель специально купили у администрации лагеря 150 женщин.
5. Стерилизация мужчин путем рентгеновского облучения.
6. Опыты над мужчинами с применением раздражающих химических веществ на коже голени для искусственного вызывания язв, флегмон.
7. Ряд других опытов — искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение и т.д.

Очень многие опыты кончались быстрой и мучительной смертью подопытных заключенных. После окончательного использования заключенных для экспериментов их убивали и сжигали. Этим путем немцы стремились уничтожить свидетелей своих бесчеловечных опытов.

Допрошенный в качестве свидетеля *бывший заключенный Штерн Самуил Абрамович, житель гор. Бухареста*, показал:

«...В лагере Аушвиц я работал в качестве исполняющего обязанности фельдшера. По приказанию оберфельдфебеля Кошуб я делал уколы и другие манипуляции заключенным. Хорошо знаю, что многим заключенным впрыскивался керосин под кожу в голень... 2-й метод экспериментов: химическое раздражение кожи. Для этой цели применялся 80% раствор уксусно-кислого алюминия (алюминиацетикум). После этого снимали весь слой кожи и отправляли на исследование. У тех же, у которых было глубокое раздражение кожи, вырезали кусок мяса с кожей и также отправляли на исследование... Кошуб прививал также искусственную желтуху и вливал кровь маляриков».

Подвергавшийся экспериментам Валигура М. сообщил:

«...спустя несколько дней после того, как меня привезли в Биркенау, кажется, в первых числах декабря 1942 года, всю молодежь в возрасте от 18 до 30 лет (мужчин) подвергли стерилизации путем просвечивания мошонки рентгеновским аппаратом. В числе стерилизованных был также и я. Спустя 11 месяцев после того, как меня подвергли стерилизации, т.е. 1 ноября 1943 года, я был подвергнут кастрации... Со мной были подвергнуты стерилизации в один день 200 человек...»

Свидетель Сурес Давид из гор. Салоники (Греция) дал следующее показание:

«...Примерно в июле 1943 года меня и со мной еще 10 человек греков записали в какой-то список и направили в Биркенау. Там всех нас раздели и подвергли стерилизации рентгеновскими лучами. Через один месяц после стерилизации нас вызвали в центральное отделение лагеря, где всем стерилизованным была произведена операция — кастрация...»

Бывшая заключенная Хаузер М. (Париж. Снэг Мильтон, 9) сообщила:

«...В Аушвице нас поместили в 10-й блок. Для чего нас забрали в 10-й блок — мы не знали. В этом блоке было больничное отделение, хотя все мы были совершенно здоровые женщины... В 10-м блоке у меня сначала взяли один шприц крови; для чего брали кровь — мне неизвестно. В конце августа 1943 года меня взяли в операционную комнату, дали наркоз и под наркозом сделали операцию в половых органах. Операцию делал заключенный врач Самуэль под руководством и по указаниям немецкого врача Вирц. После этой операции я пролежала в 10-м блоке больной 11 месяцев. Из числа подвергавшихся стерилизации была одна еврейка из Греции по имени Бела, фамилии ее не знаю. После рентгеновских лучей ей была сделана операция: разрез вдоль живота.

После операции она поправилась и рана на животе зажила. Приехал в 10-й блок немецкий врач Шуман и в порядке контрольной проверки взял Белу в 28-й блок и там сделал вторичный разрез живота поперек. Поперечный разрез живота у нее я сама видела. Через несколько дней после вторичной «операции» Бела умерла».

Немецкие палачи убивали в Освенцимском лагере граждан всех стран Европы

Как установлено следствием, в Освенцим ежедневно прибывало от 3 до 5 железнодорожных эшелонов, предназначенных для умерщвления людей, по 1500—3000 чел. в каждом эшелоне. Обреченные привозились из всех стран Европы. Среди освидетельствованных судебно-медицинской комиссией 2 819 освобожденных узников Освенцимского лагеря имелись подданные: Польши — 745 чел., Венгрии — 542 чел., Франции — 346 чел., Чехословакии — 315 чел., СССР — 180 чел., Голландии — 159 чел., Югославии — 143 чел., Италии — 91 чел., Греции — 76 чел., Румынии — 52 чел., Бельгии — 41 чел. и др. стран.

Из каждого прибывавшего эшелона немцы отбирали от 200 до 500 чел. наиболее трудоспособных для работы в лагерях, остальных направляли прямо к газовым камерам и к крематориям в лагери Аушвиц и Биркенау.

Диспетчер службы движения станции Освенцим, Станек Францишек, показал:

«...Эшелоны прибывали с заключенными в 1942, 1943, 1944 годах из Чехословакии, Бельгии, Франции, Голландии, Норвегии, Греции, Польши и других стран».

Свидетель Де-Винд Эдуард показал:

«...После оккупации немцами Голландии в ноябре 1940 года была произведена чистка государственного аппарата, учреждений и учебных заведений Голландии. Нас, троих ассистентов университета, выгнали. Я переехал в Амстердам. В одном из кварталов Амстердама был найден убитым фашист-голландец. В ответ на это немцы арестовали 400 заложников, в числе которых попал и я. Схватили меня на улице и отвезли сюда в лагерь».

Свидетель Гордон Яков, уроженец города Вильнюс, показал:

«...В лагерь Освенцим меня привезли 22 января 1943 года. Всего в нашем эшелоне было 3 650 чел., из них вошли в лагерь 265 мужчин и около 80 женщин, всех остальных сейчас же отправили в крематорий — газировали и сожгли, в том числе сожгли мою жену Матильду, по специальности врача, сына четырех с половиной лет, отца 73 лет и мать 64 лет».

Свидетельница Дессанти Эмили, по национальности итальянка, показала:

«...12 сентября 1944 года гитлеровцы вывезли нас из Италии и привезли в лагерь Освенцим. Всего в лагерь нас, итальянцев, привезли 500 чел., из них осталось в живых только 30 чел., остальные зверски замучены и уничтожены в лагере».

Свидетель Сурес Давид показал:

«...В лагерь Освенцим я прибыл с эшелонем из Греции 3 апреля 1943 года. В эшелоне было больше 2 500 чел., в числе которых была моя мать 53 лет, сестра с ребенком и я. Из 2 500 чел. приблизительно 300 чел. отправили в лагерь, остальных, в том числе мою мать и сестру с пятилетним ребенком, прямо из эшелона повели в крематорий на сожжение».

Свидетель Китман Георг, из Румынии, показал:

«...В июне 1944 года я и мои родители, вместе с другими в числе 3 000 чел. мужчин, стариков, женщин и детей, эшелонем были привезены в лагерь Освенцим. При выгрузке всех стариков, матерей с маленькими детьми отделили от здоровых, отправили в крематорий и сожгли. Среди сожженных был мой отец 52 лет и мать 48 лет. Из 3 000 чел. в лагерь направили не больше 350 чел.»

Свидетельница Шптер Зиска показала:

«...В феврале месяце 1943 года я прибыла из Франции в числе 1 100 чел. Из них в этот же день было отобрано 205 трудоспособных, которые были направлены в бараки, а остальных 895 чел. — стариков, женщин и детей — отвели в газовую камеру, где они были удушены газами».

Бывшая заключенная Кептих Анна, венгерка из города Клуж, показала:

«...Я прибыла в Освенцимский лагерь в июне месяце 1944 года в числе 3 000 венгерских заключенных, из них, по прибытии в лагерь, 500 чел. трудоспособных были оставлены в лагере для работы, а остальные 2 500 чел. направлены в газовую камеру для уничтожения».

Доктор медицины Пражского университета, профессор Бертольд Эпштейн рассказал комиссии:

«...Отобранных заключенных направляли в газовые камеры для умерщвления. В течение нескольких месяцев мы видели длинные вереницы идущих на смерть в крематорий людей, особенно большие группы уничтожались в мае—июне—июле 1944 года. В это время в крематориях сжигали днем и ночью, что было видно по выступавшему из труб крематориев пламени. Нередко мы чувствовали запах горелого мяса, волос или ногтей. В это время мы, кроме огня из труб крематориев, видели два больших костра, которые ночью горели огромным пламенем. Всю ночь в лагере были слышны вопли и крики, а также лай караульных собак эсэсовцев. Несчастные жертвы, которых, вследствие переполнения крематориев, по очереди вели к кострам на смерть, при виде костров догадывались, какая участь их ожидала... Я знал, что и моих близких родственников постигла та же участь и что мне ее также не избежать. Примерно каждые две недели врачом лагеря доктором Менгеле производился отбор, после чего отобранные жертвы направлялись в крематории на уничтожение. Так в один из дней уничтожили 500 детей. При отправке этих детей разыгрались потрясающие сцены, так как уже все знали, куда их ведут. Эсэсовцы и их помощники при этом отличались особенной жестокостью... Когда мы прибыли в Освенцим, нас с женой разлучили, я ее уже больше не видел. Впоследствии я узнал, что ее в лагерь не приняли. Нет сомнения, что мою

жену убили обычным способом. В марте 1944 года эсэсовцы уничтожили также мою свояченицу с двумя детьми и мою племянницу 38 лет. В июле 1944 года погибла так же моя сестра».

Лагери Освенцима — конвейеры смерти

Как установлено расследованием, в Освенцимских лагерях, кроме людей, предназначенных для опытов, постоянно содержалось около 200 тыс. узников для эксплуатации на самых изнурительных каторжных работах. На этих работах люди доводились до крайнего истощения, после чего, как негодные, истреблялись. Каждую неделю немецкие врачи производили среди заключенных отбор («селекцию»), в результате которого всех больных и потерявших трудоспособность умерщвляли в газовых камерах. Вместо них общий состав заключенных постоянно пополнялся отобранными из приходящих эшелонов. Это была организованная система *страшного конвейера смерти*: одни умерщвлялись, другие ставились на их место, беспощадной эксплуатацией доводились до истощения и болезней и в свою очередь направлялись в газовые камеры.

В 1941 году немцы близ Освенцима развернули строительство крупного военного химического завода *И.Г. Фарбениндустри*, а также военного завода взрывателей и запалов для бомб и снарядов. Строительство проводили фирмы Крупп, затем Унион и другие. Десятки тысяч освенцимских узников разных национальностей — русские, украинцы, белоруссы, поляки, французы, чехи, югославы, греки, бельгийцы, голландцы, итальянцы, изнемогая от свирепой эксплуатации, работали на этих строительствах, а также на осушке болот, в шахтах, на строительстве дорог.

От барачных концлагерей к местам работы было 7—8 километров. Эсэсовцы выстраивали людей в тысячные колонны и под вооруженной охраной, окруженных надсмотрщиками с палками и собаками, гнали на работы. В процессе работ эсэсовцы, надсмотрщики и мастера зверски избивали каждого: одного за то, что разогнул спину, другого за то, что мало земли забрал лопатой, третьего за медленную работу, четвертого побоями заставляли возить тачку с породой бегом. Мастера приговаривали: «Фирма платит за тебя четыре марки, ты должен работать, как лошадь».

Тех, кто падал от изнеможения, здесь же на месте расстреливали. Места работ были одновременно местами массовых убийств заключенных. Убийства всячески поощрялись начальством. Оберштурмбанфюрер Либгеншель издал приказ о выплате эсэсовцам 60 марок за каждого убитого заключенного *«при покушении последнего на побег»*. В погоне за этой премией охранники безнаказанно убивали людей.

Об истреблении заключенных на строительных участках Освенцима рассказал *бывший заключенный бельгиец Штазмаи Морис*:

«...В августе 1943 года я работал на площадке строительства завода *И.Г. Фарбениндустри*. В один из дней эсэсовцы привели на эту площадку 400 заключенных, среди которых были югославы, греки, французы и бельгийцы, завели их в выкопанный ров и начали живыми закапывать. Погибающие на разных языках просили о помощи, а рядом эсэсовцы обращались к нам: «Смотрите да лучше работайте, а то и с вами будет то же». Спустя две недели нас перебросили подготовить площадку для одного из строений лагеря Аушвиц. Эсэсовец Лосман с группой других эсэсовцев отобрали из нас 30 чел., завели их в выкопанную яму и закопали по плечи. Затем сели на лошадей и начали скакать по площадке, задавив всех 30 человек».

Огромная площадь Освенцимских болот стала могилой многих тысяч людей разных национальностей. Здесь работало свыше 300 команд — от 50 до 1 200 чел. в каждой. Бесчеловечные условия труда в болотах во все времена года, избиения, убийства и насилия приводили к тому, что никто из работавших не выживал больше 2—3 месяцев. Люди умерщвлялись на самих болотах или после потери трудоспособности их убивали вливаниями фенола в сердце, либо в газовых камерах.

60-летний инженер-мелиоратор из Венгрии *Кениг Яков*, работавший на болотах в качестве простого землекопа, показал:

«...Я был в команде по осушке болот, в которой насчитывалось 400 чел... Надсмотрщики из числа немецких уголовников избивали людей палками и лопатами до потери сознания. В нашей команде работали мужчины и женщины всех возрастов. Много было людей интеллигентного труда — врачей, педагогов, профессоров. Из одной только Югославии простыми землекопами работали 14 инженеров».

Бывший заключенный, бельгиец Майзелье Симон, сообщил:

«Из нашей команды в 1 200 чел. в течение 3 месяцев 1944 года ежедневно приносили по 100 и 200 трупов заключенных на работе людей, вместо которых команды пополнялись новыми жертвами».

Особенно свирепствовали немецкие палачи над советскими пленниками, которые, как правило, по прибытии в лагерь сразу же уничтожались и только в виде исключения из них оставляли наиболее трудоспособных.

В канцелярии лагеря найден следующий приказ о советских гражданах:

«Ораниенбург, 15 ноября 1941 года.

Секретно.

Рейхсфюрер СС

Инспектор концлагерей

Полиция (Освенцим: 14 ф 14Л) ОТ

Касается: казни русских военнопленных.

Лагерным комендантам концентрационных лагерей.

Копии: лагерным врачам, лагерфюреру заключенных под надзором, управлениям.

Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции дал свое принципиальное согласие откладывать казнь для тех из общего количества русских военнопленных, направленных для казни в концлагери (особенно комиссаров), если они по своему физическому состоянию способны работать на каменоломне. Для этого мероприятия необходимо получить согласие начальника полиции безопасности и полиции СД. Поэтому приказываю:

По прибытии эшелонов для казни в лагеря, физически здоровые русские, годные для работы на каменоломнях, отбираются начальником лагеря (Е) и главным лагерным врачом. Именной список отобранных русских в двух экземплярах должен быть нам направлен. На этом списке лагерный врач должен отметить, что не возражает против привлечения этих лиц на работы с медицинской точки зрения.

После получения согласия со стороны начальника полиции безопасности и полиции СД, пересылка соответствующих русских в каменоломни будет отсюда оформлена приказом.

Подпись ГЛЮКС, фюрер бригады СС и генерал-майор.

На основании этого приказа часть советских пленников оставляли для самых тяжелых изнурительных работ, при этом отношение к ним со стороны эсэсовцев и надсмотрщиков было наиболее жестоким и бесчеловечным.

Житель города Освенцим Гандзлик Мариан показал:

«...Зимой 1941 года, в 35-градусные морозы, по дороге из лагеря Освенцим в село Бабице ежедневно в течение двух недель, как скот, гнали плетьюми и палками русских военнопленных. Многие из них были без шапок, в одних гимнастерках, в одних кальсонах, с изорванной обувью. Вечером из села Бабице направлялось несколько подвод, полные трупами этих русских военнопленных. На каждой подводе наверху сидели по два—три их товарища, с обмороженными лицами, руками и ногами, до крайности измученные».

Гитлеровцы беспрестанно требовали от своих подчиненных новых и новых убийств. 14 февраля 1944 года начальник гарнизона Освенцим оберштурмбанфюрер Либегеншель издал приказ, в котором говорится следующее:

«...Продолжительными личными наблюдениями я установил, что на всех рабочих местах, кроме военных заводов, работает слишком много заключенных, рабочая сила которых не использована. Они лентяйничают... Мы знаем, что для повышения производительности труда заключенных необходимо усилить надзор со стороны младшего командного состава СС, но мы также знаем, что такого состава добавочного в нашем распоряжении нет, так как он или находится на фронте, или несет службу на других важных участках. Мы сами себе поможем... Ясно, что тут следует действовать быстро, и я надеюсь, что каждый от себя сделает то, что необходимо...»

В результате этого приказа каждый вечер со всех концов Освенцимских лагерей — с заводов, из болот, из шахт — тянулись к баракам страшные процессии: окровавленные, измученные узники, окруженные эсэсовцами и надсмотрщиками с огромными сворами собак, несли на деревянных носилках трупы своих товарищей. Во время вечернего смотра заключенные становились в строй, перед ними в ряды складывались трупы замученных за день, и надсмотрщики докладывали начальникам о выполнении приказа Либегеншеля. Начальство благодарило тех из них, команды которых приносили наибольшее количество трупов. Здесь же перед строем били палками провинившихся заключенных.

К страшным условиям каторжной работы прибавлялись кошмарные условия жизни в бараках. В бараках, рассчитанных на 400—500 чел., немцы помешали по 1000—1500 заключенных. Голод, болезни, истязания, антисанитарные условия — всё создавалось с определенной, продуманной целью быстрее истребления заключенных.

Судебно-медицинская комиссия, освидетельствовав 2 819 спасенных Красной Армией узников Освенцима, установила, что 2 189 человек, или 91%, больны от крайнего истощения и 223 человека больны туберкулезом легких. Экспертизой так же установлено, что немцы подвергали заключенных истязаниям, в результате которых у обследованных Комиссией людей обнаружены переломы ребер, конечностей, позвонков, костей лица, различные ранения, язвы, обморожения кистей и стоп. Очень многие из освобожденных страдают тяжелыми нервно-психическими заболеваниями.

Судебно-медицинской комиссией произведено вскрытие 536 трупов заключенных, найденных в разных местах на территории лагерей. Установлено, что в 474 случаях (88,3%) смерть последовала от истощения.

Убийцы детей

Сотни тысяч детей в возрасте от грудного ребенка до 16 лет истребили гитлеровские изверги в Освенцимском лагере. Как правило, прибывавших в эшелонах детей немцы сразу же направляли в газовые камеры и там истребляли. Только небольшую часть здоровых подростков оставляли для лагерных работ.

Следствием установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнуряли на тяжелых физических работах. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребенка до полного истощения, и тогда его убивали.

Бывший заключенный Гордон Яков, врач из города Вильнюс, показал:

«...В начале 1943 года в лагере Биркенау были отобраны 164 мальчика и отвезены в больницу, где при помо-

щи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены».

Бывшая заключенная Бакаш Вельдграут, из города Дюссельдорф (Германия), показала:

«В 1943 году, в то время, когда мы огораживали крематорий №5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей».

Вот что рассказывают сами дети, спасенные Красной Армией, о мучениях, которым подвергали их фашистские звери.

Мальчик Мудианов Самий, 1930 года рождения, житель города Род (Италия):

«...Нас, детей, заставляли работать по 15—20 человек — на лямках возить груженные повозки с разным грузом, но больше отвозили трупы умерших в специальному блоку, где они складывались и оттуда увозились в крематорий. Работали мы с 4 часов утра до вечера. В конце октября 1944 года производивший проверку немец дал нам «кару» за то, что не было чисто в блоке. Нас 150 чел. построили на улице около блока и отвели в купальню, где раздели донага, облили холодной водой, голых повели по улице в свой блок, после чего многие из детей заболели».

9-летний мальчик Леринцакош Андраш, уроженец города Клез (Венгрия), показал:

«...Когда нас пригнали в лагерь в 22-й блок, там нас били, особенно приставленные к нам женщины-немки. Били палками. За время пребывания в лагере у меня доктор Менгеле брал много раз кровь... В ноябре месяце 1944 года всех детей переводили в лагерь «А», в «Цыганский» лагерь; при проверке одного из нас не оказалось. Тогда начальница женского лагеря Брандем и ее помощник Мендель выгнали нас всех на улицу в час ночи, и мы простояли на морозе до 12 часов дня...»

Детей, родившихся в лагере, эсэсовцы отбирали от матерей и умерщвляли. При выявлении у прибывших женщин беременности, их немедленно выделяли в особый барак, где вызывали у них преждевременные роды. В случае сопротивления беременных женщин направляли в газовую камеру.

Бывшая заключенная Фляке Софья Исаковна, из города Краков, показала:

«...У многих женщин, прибывших в августе 1944 года в лагерь, имелись дети в возрасте от 5 до 12 лет. Все они, по прибытии в лагерь, вместе с матерями были отправлены в крематорий. Я прибыла с семимесячной беременностью. При осмотре врач СС Кениг обнаружил у меня беременность и направил в барак В-3 (Биркенау). Там было 65 таких же женщин. Через 3 дня мне сделали укол в область бедра с целью вызвать преждевременные роды. Такие уколы проделывали четыре дня. На пятый день я родила ребенка которого у меня забрали. В бараке за мое пребывание таких случаев я видела 14. Новорожденные или преждевременно рожденные увозились неизвестно куда».

Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется 180 детей, из них: в возрасте до 8 лет — 52 чел., от 8 до 15 — 128 чел. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия 1944 года, т.е. находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребенка больны легочно-железистым туберкулезом, 49 детей — алиментарной дистрофией (крайнее истощение), 31 ребенок имеет обморожения и т.д.

Уничтожение интеллигенции

В Освенцимском лагере немцы уничтожили десятки тысяч видных ученых и представителей интеллигенции разных стран.

Фудри Андрэ, уроженец города Сомт Дипуен, рассказал комиссии следующее:

«...Из 600 французов, прибывших в лагерь вместе со мной, через несколько месяцев большинство погибло. Среди них: экономист Бюро Эмиль, профессор лицея гор. Компьен Жаан, депутат департамента Лоди Гарон Филиппо, бургомистр гор. Вильвиве Лебигу, педагоги — Годо и Бру, инженер-архитектор Молине и др.»

Профессор Клермон-Ферранского университета Лимузен Анри сообщил:

«...В ноябре 1944 года меня из лагеря в Дахау отправили в Освенцим, как специалиста по патологии. Здесь я пробыл приблизительно месяц в карантинном блоке, где должен был чистить уборные, полы и носить обеды тем заключенным, которые находились в тюрьме».

В Освенцимском лагере были убиты: известный голландский профессор-экономист — Фрейда, доктор Лавослав, инженер Кимар, доктор-инженер Эндоклян — из Югославии, польский инженер Висневский, магистр фармации гор. Варшавы Тайхерт, польские профессора: Гешчикевич и Рюбарский, чехословацкие профессора: невропатолог Отто Ситик, психиатр Лео Таусик, хирург Ян Левит, знаменитый адвокат из Вены Краус, генерал — врач французской армии, доктор Жоб и многие, многие другие. Все они были замучены на непосильных работах или задушены в газовых камерах.

В Чрезвычайную Государственную Комиссию поступило «Обращение к международной общественности» на трех языках — немецком, венгерском и французском, — за подписями 27 бывших заключенных Освенцимского лагеря — профессоров, докторов, инженеров, адвокатов, студентов и других представителей интеллигенции разных стран. Обращение начинается следующими словами:

«Мы, нижеподписавшиеся, освобожденные великой Красной Армией от кровавого нацистского господства, обвиняем перед международной общественностью германское правительство под руководством Адольфа Гитлера в проведении величайших в истории человечества массовых убийств, зверств и увода в немецкое рабство...»

Кончается это Обращение следующими словами:

«Мы обращаемся к международной общественности с просьбой выяснить судьбу миллионов исчезнувших

людей всех национальностей и принять все меры для спасения миллионов заключенных всех народов, еще томящихся в гитлеровской Германии. Чудом спаслись мы во время отступления нацистов из лагеря Освенцима. Хотя гитлеровцы отступали в панике, они увели с собой около 58 тысяч заключенных из лагеря Освенцима и филиалов. Люди эти, истощенные от голода, должны были идти пешком, но вряд ли большинство из них могло пройти больше, чем несколько километров... Мы полагаем, что при дальнейшем продвижении фронта в глубь Германии та же судьба ожидает всех людей, еще находящихся во власти кровавых нацистов. Мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к международной общественности воюющих и нейтральных государств и к их правительствам и во имя гуманности просим сделать всё возможное, чтобы зверства и преступления нацистов в будущем не повторялись, чтобы кровь миллионов невинных жертв не была пролита напрасно.

Мы просим, и вместе с нами просят около 10 тысяч спасенных заключенных всех национальностей, чтобы преступления и невероятные зверства гитлеровцев не остались безнаказанными.

Спасенные бывшие заключенные обязаны своей жизнью доблестной Красной Армии, и просят международную общественность и все правительства принять это к сведению и выразить благодарность от нашего имени...»

Гитлеровцы—грабители

В Освенцимском лагере гитлеровцы разоблачили себя перед всем миром не только как кровавые убийцы беззащитных людей, но и как жадные грабители своих жертв. Миллионы людей, привозимых из разных стран в концлагерь Освенцима, в первый же час их пребывания подвергались организованному ограблению. Все вещи: чемоданы, одежда, постельные принадлежности, вплоть до нательного белья и обуви, забирались эссовцами в специально построенные и оборудованные склады и направлялись в Германию. Часть трудоспособных людей, которая оставалась на каторжных работах, вместо своих вещей получала арестантскую полосатую одежду.

На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды, из которых 29 немцы перед своим отступлением под напором Красной Армии сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся 6 складских помещениях обнаружено:

1. Мужской верхней и нижней одежды — 348 820 комплектов
2. Женской -" — 836.255 -"
3. Женской обуви — 5.525 пар
4. Мужской обуви — 38.000 -"
5. Ковров — 13.964 шт.

В складах также обнаружено большое количество бывших в употреблении у заключенных: зубных щеток, кисточек для бритья, очков, огромное количество зубных протезов, всевозможной посуды. Там найдено большое количество детской одежды: рубашки, распашонки, штанишки, пальто, шапочки. Кровавые руки гитлеровских детоубийц тщательно пересчитывали эти вещи убитых ими детей и отправляли в Германию.

Осмотром вещей, обнаруженных в складах, комиссия установила, что все они принадлежали замученным и убитым людям различных национальностей. На одежде, обуви и других вещах обнаружены фабричные марки Франции, Бельгии, Венгрии, Голландии, Югославии, Чехословакии и других государств. На чемоданах сохранились ярлыки различных гостиниц европейских городов.

Комиссия обнаружила на территории лагеря 7 вагонов с одеждой и постельными принадлежностями, уже подготовленных немцами для отправки в Германию. Из найденной в бумагах лагеря справки за подписью обершарфюрера СС Рейхенбаха видно, что только в течение 47 дней, с 1.XII—1944 года по 15.I—1945 года, в лагере было обработано для посылки в Германию:

- 1) Детского платья и белья — 99 922 комплекта
- 2) Женского -" — 192 652 -"
- 3) Мужского -" — 222 269 -"

Всего: 514 843 комплекта.

На кожевенном заводе Освенцимского лагеря 7 марта 1945 года комиссией были обнаружены 293 тюка запакowanych женских волос, общим весом 7 тысяч килограммов. Экспертная комиссия установила, что волосы срезаны со 140 тысяч женщин.

Гитлеровские бандиты убили в Освенциме более 4 миллионов человек

Тщательно заматывая следы своих чудовищных преступлений в Освенциме, немцы перед своим отступлением старательно уничтожали все документы, могущие показать всему миру точное количество людей, уничтоженных ими в Освенцимском лагере. Но сооруженная немцами в лагере мощная техника человекоубийства, показания освобожденных Красной Армией узников Освенцима, показания 200 опрошенных свидетелей, отдельные найденные документы и другие вещественные доказательства достаточно изобличают немецких палачей в том, что в Освенциме ими уничтожены, отравлены и сожжены миллионы людей. Только по пяти крематориям (52 репорты) за время их существования немцы могли уничтожить:

Крематорий №1:

Продолжительность существования — 24 месяца;

пропускная способность по сожжению трупов/месяц — 9 000;

пропускная способность за весь период существования — 216 000.

Крематорий №2:

Продолжительность существования — 19 месяцев;
пропускная способность по сожжению трупов/месяц — 90 000;
пропускная способность за весь период существования — 1 710 000.

Крематорий №3:

Продолжительность существования — 18 месяцев;
пропускная способность по сожжению трупов/месяц — 90 000;
пропускная способность за весь период существования — 1 620 000.

Крематорий №4:

Продолжительность существования — 17 месяцев;
пропускная способность по сожжению трупов/месяц — 45 000;
пропускная способность за весь период существования — 765 000.

Крематорий №5:

Продолжительность существования — 18 месяцев;
пропускная способность по сожжению трупов/месяц — 45 000;
пропускная способность за весь период существования — 810 000.

Общая пропускная способность по сожжению трупов/месяц — 279 000;

Итого за весь период существования — 5 121 000.

Учитывая применение немцами в широких масштабах костров для сожжения трупов, общая пропускная способность сооружений для убийства людей в Освенциме должна быть значительно повышена.

Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные простои их, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем не менее 4 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран.

К суровому ответу немецко-фашистских мерзавцев

Чудовищные преступления, совершенные немцами в концлагерях Освенцима, проводились по директивам гитлеровской правительства и под руководством палача-рейхсфюрера СС и полиции Гиммлера. Непосредственными исполнителями злодеяний являлись: начальник лагерей Германии генерал-лейтенант СС и полиции Глюкс, начальник Главного Санитарного Управления концлагерей генерал СС и полиции Поль, начальник строительства концлагерей генерал-майор СС Каммлер, представитель фирмы «Топф и сыновья» старший инженер Прюфер, начальники лагерей: оберштурмфюрер Полячек, штурмбанфюреры Гесс, Вер и Шварц; коменданты лагерей: оберштурмбанфюрер Либегеншель (он же начальник гарнизона), штурмбанфюрер Краус, гауптштурмфюрер Аумеер, оберштурмфюрер Гофман оберштурмфюрер Гесслер, оберштурмфюрер Иостен, оберштурмфюрер Шварцубер начальники крематорцев Освенцима: обершарфюрер Молль, обершарфюрер Богер, унтершарфюрер Шетер, ротенфюрер Шульц; начальник рабочих команд оберштурмфюрер Селл; начальник строительного бюро штурмбанфюрер Бишоф; унтершарфюрер Шумахер, обершарфюрер Клерман, унтершарфюрер Лахман, обершарфюрер Эмерих; унтершарфюрер Штибиц, обершарфюрер Клаузен, обершарфюрер Хартвик, унтершарфюрер Кадук, обершарфюрер Палич, оберштурмфюрер СС Зоммер; врачи лагеря: руководитель отдела испытаний, майор — доктор Шмит, оберштурмфюрер — доктор Менгеле, унтерштурмфюрер Кениг, ротенфюрер Роде, оберштурмфюрер — доктор Фишер, оберштурмфюрер — доктор Клейн, доктор Деринг, гауптштурмфюрер — доктор Вирц, оберштурмфюрер — доктор Тилло, штурмбанфюрер — доктор Клауберг, профессор Шуман, доктор Вабер, обер-фельдфебель Эмиль Кошуб, оберштурмфюрер Эндрес, гауптштурмфюрер — доктор Геотмерман, гауптштурмфюрер — доктор Китт, гауптштурмфюрер — доктор Горстман, гауптштурмфюрер — доктор Краус.

Все они так же, как и все те немцы, которые принимали личное участие в убийстве и истязаниях узников Освенцима, должны предстать перед судом народов и понести заслуженную суровую кару.

ОБ УСТАНОВЛЕННЫХ РАССЛЕДОВАНИЕМ ЧУДОВИЩНЫХ ЗЛОДЕЯНИЯХ, ЧИНИМЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ИЗВЕРГАМИ НАД ЗАКЛЮЧЕННЫМИ — СОВЕТСКИМИ ГРАЖДАНАМИ И ГРАЖДАНАМИ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ В КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ ШТУТГОФ (ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ)^[198]

Задолго до капитуляции гитлеровской Германии в Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников поступили многочисленные сведения о существовании в Штутгофе огромного концентрационного лагеря, созданного германским правительством для уничтожения советских людей и граждан других государств. После капитуляции Германии этот лагерь был обнаружен частями Красной Армии.

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии генерал-майор Истомин, генерал-майор Михальчук, полковник Брезгин, полковник мед. службы Фирсов, помощник военного прокурора майор юстиции Свиначев в течение мая—июня 1945 года произвели тщательное расследование злодеяний немцев в Штутгофском кон-

центрационном лагере.

В расследовании принимали участие специальные экспертные комиссии: судебно-медицинская в составе армейского хирурга полковника мед. службы профессора Добычина, судебно-медицинского эксперта капитана мед. службы Брацлавской, начальника патолого-анатомической лаборатории майора мед. службы доцента Попова и техническая в составе инженеров: инженер-майора Федорова и капитана Капустина.

На основании опроса и медицинского освидетельствования 258 спасенных Красной Армией узников Штутгофского концентрационного лагеря и изучения обнаруженных в нем немецких документов, остатков взорванных немцами перед капитуляцией крематория и газовой камеры, обнаруженной ямы, в которой на кострах в большом количестве сжигались умерщвленные, установлено:

1. Путем расстрелов, отравлений, впрыскивания в область сердца бензина, путем голода, повешений, умышленного распространения инфекционных заболеваний — сыпного тифа, дизентерии, брюшного тифа, а также чудовищных истязаний немцы истребили в Штутгофском концентрационном лагере около 100 тыс. граждан Советского Союза (русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, евреев), Польши, Франции, Чехословакии, Югославии, Дании, Венгрии и других государств.

2. По степени продуманности, технической организованности, по массовости и жестокости истребления людей Штутгофский концентрационный лагерь представляет собой «лагерь смерти».

Штутгофский лагерь уничтожения

Штутгофский лагерь уничтожения расположен на болотистых дюнах, неподалеку от побережья Балтийского моря в 40—45 км от г. Данцига, с которым он связан узкоколейной железной дорогой, пересекающей р. Вислу. К югу от лагеря простирается морской залив Фриш Гаф. Море и залив окружают лагерь с трех сторон.

Строительство лагеря было начато немцами в 1939 году и продолжалось во все последующие годы, причем масштабы строительства все время возрастали. К 1941 году лагерь имел только до 15 деревянных стандартного типа бараков и необходимые мелкие здания служб и предназначался в основном для политзаключенных. Но с расширением контингента заключенных количество построек возрастало. К концу 1944 года их уже имелось 112. Согласно макету, обнаруженному в канцелярии коменданта лагеря Штутгоф, лагерь в своей значительной части еще не был достроен, так как предполагалось общую численность жилых бараков довести до 180, причем новая часть лагеря в отличие от старой строилась из кирпича. Все строительство производилось силами заключенных.

При нормальном расселении лагерь мог вместить 32 400 человек, фактически же общая численность заключенных, размещенных в лагере, периодами достигала от 62 до 72 тыс.

Вся территория концлагеря была обнесена забором из колючей проволоки. Кроме того, жилая часть лагеря обнесена отдельным забором из колючей проволоки, установленной на фарфоровых изоляторах. Через проволоку пропускаться электрический ток высокого напряжения. На подходах к колючей проволоке со стороны бараков дополнительно установлена колючая проволока в наброс глубиной до 3 м.

Предназначенный в первое время для политзаключенных, лагерь в дальнейшем, по мере расширения заполнялся самыми разнообразными людьми. В отделении лагеря, построенном в 1943 году в 3 км от центра и называемом «германский лагерь», немцы поместили около 300 норвежских полицейских и служащих полиции. В другом отделении, выстроенном в 1944 году ближе к центру и называемом «особый лагерь», содержались заключенные, привозимые из Познани, по всем данным немцы, которых держали в очень строгой изоляции. Сюда присылали за самые разнообразные «преступления»: принадлежность к политическим партиям, тайным организациям, сопротивление властям и т.п. Сюда присылали и за вредные высказывания о государстве, за изготовление самогона и просто за воровство.

8 декабря 1944 г. в лагере находились люди 22 национальностей, в основном русские и поляки. Состав заключенных систематически пополнялся новыми людьми, которых группами от 12 до 80 человек присылали под строгой охраной из Данцига, Мариенбурга, Эльбинга, Кенигсберга, Тильзита, Бромберга и других городов. В 1944 году стали прибывать все большие партии заключенных с востока, из эвакуируемых немцами русских областей. В конце этого года порядковый номер заключенного превысил 100 тыс. Из Штутгофа партии заключенных направлялись иногда в другие лагеря, например в Маутхаузен, Дахау, Бухенвальд, Равенсбрюк (специальный женский лагерь), Гросс-Розен, Саксенхаузен.

Многие заключенные еще до прибытия в лагерь Штутгоф при допросах избивались полицией и направлялись прямо в больницу, а часто умирали. Некоторые умирали по дороге в лагерь.

Невыносимые антисанитарные условия, в которых находились заключенные, голод, непосильная физическая работа по 16—17 час. в день, отсутствие надлежащей обуви и одежды, особенно в зимнее время, наконец, изощренные зверские расправы и экзекуции, которые проводились в лагере (избиения, расстрелы, повешение, впрыскивание яда и т.п.), приводили в итоге к массовому уничтожению людей.

Для сжигания трупов немцы построили в 1942 году крематорий с двумя печами, а в 1943 году другой — с двумя новыми печами. При крематории находилась так называемая «баня особого назначения» — газовая камера для удушения людей отравляющим веществом «циклон».

Предназначенных для умерщвления заставляли раздеваться, а потом ударами палок, ружейных прикладов и другими средствами загоняли в «баню». Все двери камеры герметически закрывались и в круглое отверстие перекрытия засыпался «циклон». Процесс удушения продолжался 45 минут, после чего трупы вытаскивались и

сжигались в печах крематория. Перед сжиганием у трупов вырывались золотые зубы и коронки. На небольшой в 24 кв. м внутренней площади газовой камеры одновременно отравлялось по 96 до крайней степени изможденных и истощенных людей.

В каждой кремационной печи одновременно сжигалось по 12 трупов, положенных продольно в два ряда. Вследствие того, что «производительность бани» значительно превышала пропускную способность печей крематория, немцы сжигали умерщвленных на кострах, расположенных несколько в стороне от лагеря. На костер обычно укладывалось 800—900, а иногда свыше 1000 трупов, затем гигантский штабель человеческих тел и дерева поливался смолой или другим горючим веществом и зажигался. Процесс сожжения на костре продолжался 2—3 дня. В Штутгофском лагере немцы ежедневно умерщвляли и сжигали сотни заключенных. А в общей сложности они умертвили здесь свыше 100 тыс. людей.

Методы истребления заключенных

Как установлено расследованием, немецкие изверги и их приспешники, получавшие за свое угодничество перед немцами различные подачки — вино, одежду, улучшенное питание и денежные премии, уничтожали обреченных в Штутгофском концентрационном лагере различными методами, путем чудовищных издевательств.

Наиболее распространенным методом истребления заключенных являлось удушение их в газовой камере ядовитым веществом «циклон».

Отбор заключенных для уничтожения, как показывает *свидетель Скишповская Хелена*, производился следующим образом:

«В женский лагерь приходил шеф женского лагеря СС Фотт и предлагал построить заключенных. Я вызывала комендантов блоков и отдавала им аналогичное приказание. Фотт обходил строй и по своему усмотрению отбирал заключенных. Последних я и коменданты блоков выстраивали по 5 человек в ряд и охраняли до окончания отбора. Я подсчитывала число отобранных и докладывала Фотту, после чего заключенных отводили в 3-й лагерь».

Из 3-го лагеря отобранные заключенные партиями под различными предлогами (санобработка, медосвидетельствование) направлялись в газовую камеру для умерщвления «циклоном». Об этом рассказал арестованный *эсэсовец Штуммер Лоренц*:

«Умерщвление в газовой камере, которая работала до апреля 1945 года, производилось следующим образом: обреченных эсэсовцы приводили партиями, рассчитанными на вместимость газокамеры, и предлагали им войти в нее. Спротивлявшиеся вталкивались насильно, в чем я лично принимал участие, после чего двери закрывались специально устроенной чекой. Сразу же на поверхность камеры поднимался начальник крематория унтершарфюрер СС Рах и в отверстие перекрытия высыпал отравляющее вещество, являющееся одним из препаратов синильной кислоты, а затем отверстие плотно закрывал привинчивающейся крышкой. Примерно через 25—30 мин. двери газокамеры открывали работники крематория, причем заключенные были уже мертвы. Умерщвление производилось не каждый день, но иногда умерщвляли в один день две партии по 55—60 человек в каждой».

За время существования газокамеры в ней были истреблены десятки тысяч заключенных. По этому поводу *свидетель Герман Вальтер* показал:

«Однажды в парикмахерской, в январе 1945 года, Фотт рассказал, что по январь 1945 года посредством газовой камеры уничтожено 15 тыс. человек. Этот разговор я сам лично слышал».

Кроме удушения немецкие палачи систематически проводили расстрелы. *Свидетель Кравчик* описывает их так:

«Расстрел заключенных производился в одной из комнат в здании крематория. Заключенные приводились к зданию крематория группами в 20—30 человек, где их раздевали якобы для медицинского осмотра, затем унтершарфюрер Рах вводил в комнату по одному человеку, ставил в ростомер, а Фотт выстрелом в затылок убивал. После каждого расстрела я или Франц Киттэ брали труп, уносили в крематорий и сжигали».

Расстрелы заключенных, как показывает *свидетель Штуммер Лоренц*, проводились и в тире:

«Со слов штурманов батальона СС «Мертвая голова» — Лойера Вольфа Петера и Леваловского, мне известно, что заключенные подвергались расстрелам в специально выстроенном тире».

По этому же вопросу *Герман Вальтер, работавший в лагере парикмахером*, показал:

«В ноябре 1944 года в парикмахерской в моем присутствии между Кемницей и унтершарфюрером Петерсом происходил разговор о том, как они в тире поставили двух заключенных (мужчин) на расстояние 100 м и стреляли из пистолетов по живым мишеням. Кемниц смеялся над Петерсом, что тот плохо стреляет и не может попасть с такого расстояния, в то время как он, Кемниц, попадал в человека с первого выстрела».

Наряду с расстрелами немецкие палачи умерщвляли свои жертвы путем впрыскивания в тело бензина, о чем *Кравчик* рассказал:

«Умерщвление заключенных путем уколов производилось в той же комнате, где и расстрелы, куда обреченные вводились по одному человеку. Унтершарфюрер Шмидт, одетый в белый халат, говорил заключенному, если он был здоров, что будет делать прививки от тифа, а больному — что будет делать уколы для лечения. Тут же заключенному делался укол в область сердца, после чего наступала моментальная смерть. Трупы отравленных уносились мной в крематорий и сжигались».

Свидетель Липкин М., являвшийся фармацевтом аптеки лагеря, по этому же вопросу показывает:

«В 1944 году, зимой, Шмидт несколько раз по утрам, когда больные поступали из лагеря в больницу за оказа-

нием медицинской помощи, производил отбор наиболее слабых заключенных, в числе 30—40 человек. При помощи шприца им вводился в вену бензин, и они умирали».

О массовом истреблении заключенных *свидетель Бени* говорит:

«В конце августа 1944 года Шмидт, санитары Бент и Червинский после обеда пошли в лагерь, где самостоятельно отобрали истощенных женщин. Отобрав группы, от 20 до 30 человек каждая, они на телеге перевезли их к крематорию. Здесь Бент и Червинский вводили в комнату по одному человеку, а Шмидт делал им смертельные уколы. Таким образом, до 15 сентября 1944 г. Шмидт, Червинский и Бент уничтожили до 1 000 человек. В последующих месяцах — октябре и ноябре 1944 года — Шмидт, Червинский и Бент еженедельно приводили в больницу заключенных группами в 30—50 человек, умерщвляли их посредством уколов, а трупы вывозили в крематорий на сожжение».

Повешение заключенных также являлось одним из методов истребления обреченных.

Свидетель Скишповская Елена вспоминает:

«Для поддержания «порядка» в лагере немцы в сентябре или же в октябре 1944 года повесили трех заключенных, причем на место казни привели всех заключенных, которых в то время насчитывалось до 40 тыс. Двух человек повесил старшина лагеря Зелонка, а третьего Кемниц».

Другой свидетель повешения обреченных, *Герман Вальтер*, сообщил:

«За период моего нахождения в лагере я сам являлся свидетелем семи случаев, когда производилось публичное повешение заключенных. Всего было повешено около 20 человек. Кроме того, я лично видел у крематория замаскированную виселицу, на которой в феврале 1945 года повесили 8 человек».

Кроме вышеизложенного немцы умышленно распространяли среди заключенных инфекционные заболевания, о чем арестованный, *бывший комендант мужского лагеря Куссауэр Пауль* говорит:

«Из разговоров со старшиной лагеря немцем Зелонка мне известно, что администрация лагеря в декабре 1944 года приступила к массовым прививкам заключенным сыворотки сыпного тифа. За короткий срок были сделаны прививки 3 тыс. мужчин и 1 500 женщинам. Примерно через 18 дней в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа, от которой в 3-м лагере, как его называли «лагерь смерти», умерло 5 500 женщин и 7 000 мужчин».

Расследованием установлено, что немецкие изверги и их прислужники подвергали заключенных всевозможным издевательствам.

В Штутгофском концентрационном лагере 14-й блок заключенные прозвали курсовым.

Как показал *бывший заключенный Ремез Р.П.*, назначение этого блока сводилось к следующему:

«В апреле 1944 года нас, прибывших в лагерь в составе 300 человек, поместили в 14-й блок. На протяжении месяца с 4 час. утра и до 8 час. вечера комендант блока (фамилию не помню) в присутствии офицера СС выстраивал нашу группу и приступал к занятиям».

Нас заставляли ходить гусиным шагом и в это время подражать петушину и гусиному крику, а также собачьему лаю и мяуканью; прыгать на одной ноге, ползать на животе, бегать вокруг столба с аналогичными выкриками. Отстающих или не желавших кричать комендант блока и штубовой избивали палками».

Бывший заключенный Бильдо Бруно рассказал:

«В декабре 1943 года из лагеря сбежал один заключенный. В наказание за это комендант лагеря Хоппе выстроил всех мужчин лагеря на площадке и заставил стоять на морозе».

Не отставала в совершении зверств от своих прямых начальников и нижестоящая администрация лагеря, например коменданты блоков.

Бывшая заключенная Покомунская Рива показала:

«Комендант блока 19-б Бондаренко Валентина в апреле 1945 года мне и еще двум девушкам ножницами остригла на голове волосы, а затем поставила нас на колени с поднятыми руками в центре лагеря и продержала в таком положении три часа, после этого заставила нас голыми руками чистить уборную».

Свидетельница Вольская заявила:

«Комендант 1-го блока Яцковская в феврале 1944 года заставила 25 женщин заниматься под дождем штрафной «гимнастикой». В течение 2 часов женщины стояли на корточках с вытянутыми руками, после чего Яцковская заставила их ходить гусиным шагом».

Эта же свидетельница показала:

«Комендант еврейского лагеря Куссауэр в январе и феврале 1945 года неоднократно принимал участие в истязаниях заключенных (женщин и девушек). Выстроив группу в 50—60 человек, приказывал им раздеться догола, смачивал их платя в холодной воде, затем заставлял надевать их и держал людей на морозе по несколько часов. Многие заключенные простуживались, а некоторые из них умирали».

Находящаяся под следствием Пецихина Александра говорит о зверствах над заключенными следующее:

«Работая комендантом женского лагеря, я требовала от своих подчиненных жестокого обращения с заключенными и давала им полную самостоятельность для того, чтобы избивать и применять другие методы издевательства над заключенными».

Лично я ежедневно избивала от пяти и более заключенных.

В октябре 1944 года я без причины задержала на два часа обед 500 заключенным, прибывшим с работы. Я задерживала выдачу обедов неоднократно и в дальнейшем.

В октябре же 1944 года я без причины заставила сидеть на корточках 500—600 заключенных в течение 30 минут. Помимо указанных массовых случаев издевательства над заключенными я производила издевательства над

ними в индивидуальном порядке. Так, заключенную, совершившую какой-либо проступок, я ставила на стул во весь рост, выгоняла всех заключенных из блока и выстраивала их вокруг стула, заставив наказуемую повторять в течение часа, за что ее поставили на стул».

Находящаяся под следствием Скишиковская, являвшаяся начальницей женского лагеря, показала:

«В декабре 1943 года при температуре — 18—20° Кемниц приказал выстроить 1 700 заключенных, взять в обе руки снег и держать его до тех пор, пока он не растает. В результате многие заключенные обморозили себе руки и ноги».

Часто издевательства над заключенными приводили к смертельным исходам.

Свидетель Возняк приводит пример:

«Зимой 1945 года во время проверки один из эсэсовцев без всякой причины подошел и ударил кулаком по лицу одного из заключенных, сбив с него шапку. Тот нагнулся за шапкой. Эсэсовец убил его за «попытку к бегству».

В другой раз три эсэсовца резиновыми дубинками загнали двух заключенных к колючей проволоке и хохотали, наблюдая, как их жертвы гибнут от электрического тока».

При концентрационном лагере находился батальон СС «Мертвая голова», где было 50 сторожевых собак, которых немцы на потеху себе спускали с цепей и натравливали на заключенных.

Собаки также служили для розыска беглецов из лагеря. По этому поводу *свидетель Теплов В.Ф.* показал:

«В ноябре 1943 года во время работы один из заключенных, по национальности украинец, пытался бежать из лагеря и спрятался в куче опилок за территорией лагеря. Во время вечерней поверки немцы обнаружили его исчезновение и пустили на розыск собак, которые обнаружили заключенного и разорвали его на куски.

Немцы бросили растерзанный труп у ворот лагеря, осветили его прожекторами и для устрашения заставили нас, всех заключенных, пройти мимо трупа».

Кроме перечисленных выше фактов истребления и издевательств над заключенными руководство лагеря создавало невыносимые условия на работах, вследствие чего заключенные доходили до крайней степени изнеможения, многие из них умирали.

Уничтожение работников умственного труда

За период существования Штутгофского концентрационного лагеря немецкие изверги уничтожили тысячи работников умственного труда и представителей интеллигенции разных стран.

Отступая под натиском Красной Армии, немцы заматали следы своих преступлений, но все же полностью сделать этого им не удалось.

В помещении комендатуры Штутгофского концентрационного лагеря была обнаружена часть учетных карточек (в количестве 1 057 шт.) умерщвленных заключенных.

При изучении этих карточек установлено, что в течение 1942 года в лагере умерщвлено значительное число инженеров, врачей и других категорий интеллигенции.

Вот, например, карточка №888/42. В ней записано:

/1/ — Керенский Иван, 1910 года рождения, уроженец Харьковской области, русский, по профессии инженер.

Умер 1 сентября 1942 г. в 3 часа 20 мин. в м. Штутгоф, обл. Данциг, от разрыва сердца.

578/42 — Левандовский Мицеслав, 1914 года рождения, уроженец г. Варшавы, поляк, инженер.

Умер 30 июня 1942 г. в 3 часа 20 мин. в м. Штутгоф.

Причина смерти: ослабление сердечной деятельности, общая слабость организма.

196/42 — Мирау Стефан, 1901 года рождения, уроженец Розенберга, район Данциг, поляк, по профессии врач. Умер 24 апреля 1942 г. Причина смерти: хронический грипп, ослабление сердечной деятельности.

144/42 — Кейльманн Николаус, 1896 года рождения, уроженец г. Риги, эстонец, врач.

Умер 30 марта 1942 г. в 9 час. 20 мин. Причина смерти: ослабление сердечной деятельности.

77/42 — Бисс Артур, 1880 года рождения, уроженец Швейцарии, журналист.

Умер 12 февраля 1942 г.

Причина смерти: ослабление сердечной деятельности.

910/42 — Марченко Михаил, 1924 года рождения, уроженец Сумской области, русский, студент.

Умер 2 сентября 1942 г.

Причина смерти: ослабление сердечной деятельности.

Из изучения этих карточек явствует, что большинство из «умерших» было насильно умерщвлено. Это же подтверждается показаниями *бывшего заключенного Влодарчика Францишека*.

«Работая в политическом отделе лагеря, говорит он, я часто видел, как вели заключенных в газокамеру или в крематорий, а через несколько дней к нам поступали списки на этих же людей с указанием даты и диагноза смерти — «умер от ослабления сердечной деятельности».

Расстрелы и убийства советских военнопленных

Немцы, игнорируя и попирая международные правила об отношении к военнопленным, часто учиняли над ними кровавые расправы.

Свидетель Влодарчик Францишек показал:

«В сентябре 1944 года в лагерь поступило 76 военнослужащих Красной Армии, попавших ранеными в плен. После выздоровления они были выписаны из различных немецких госпиталей в Латвии, многие из военнопленных не имели ног или рук. Три дня они находились в лагере под открытым небом, не получая никакой пищи, лишь за полчаса до смерти им было выдано по кусочку хлеба и сказано, что их сейчас направят на полевые работы. В действительности же их повели в газокамеру. Некоторые догадались об этом и стали разбегаться, но конвой, применив оружие, заставил всех войти, в газокамеру, где они и были удушены.

В апреле 1944 года в лагерь прислали четверых пленных летчиков Красной Армии в военной форме. Спустя два часа после их прибытия в лагерь за ними пришли Кемниц и Литке и повели их в крематорий. Как только летчиков завели в здание, я услышал пистолетные выстрелы. Летчики были убиты, а потом сожжены в крематории.

В декабре 1944 года в лагерь прибыло 13 парашютистов Красной Армии, попавших в плен к немцам около г. Алленштейн.

В первых числах января 1945 года все 13 парашютистов были отведены к зданию крематория и расстреляны. В книге учета все они помечены как умершие.

5 мая 1945 г. в районе устья реки Вислы, в дер. Бозак, в плен к немцам попали 20 рядовых Красной Армии. По прибытии в лагерь все они были расстреляны в здании крематория и сожжены в печах крематория».

Нацистские палачи убивали в Штуттофском концентрационном лагере граждан СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, Франции, Венгрии и других государств

Как установлено многочисленными показаниями свидетелей, в Штуттофском концентрационном лагере немецкими палачами систематически уничтожались граждане Советского Союза, Польши, Чехословакии, Франции, Югославии и Венгрии. Люди уничтожались путем удушения в газовой камере, расстрелов, повешений, специальных смертельных уколов и последующего сожжения трупов в печах крематория. В дни наибольшей смертности трупы сжигались также и на кострах.

Допрошенный в качестве свидетеля бывший заключенный Влодарчик Францишек показал, что в концентрационном лагере немцами ежедневно производились массовые удушения заключенных в газокамере. В книгах учета лица, умерщвленные в газокамере, помечались как умершие, и проставлялась дата «смерти». Работая писарем по учету заключенных, Влодарчик знал, что за сутки через газокамеру пропускалось до 200 заключенных лагеря.

Влодарчик привел несколько примеров уничтожения людей в газокамере.

В феврале 1944 года в Белостокской области было арестовано 25 поляков, по прибытии в лагерь все они были уничтожены в газокамере.

В мае 1944 года из Варшавы поступило 1 500 арестованных поляков, большинство из них вскоре также было умерщвлено в газокамере.

В газокамере уничтожались без разбора молодые и старые, мужчины, женщины и дети всех национальностей.

Истребление заключенных производилось и посредством массовых расстрелов, для чего намеченных лиц приводили под конвоем к зданию крематория, куда впускали по одному человеку. Как только человек входил в раскрытую дверь крематория, стоявшие за дверью обершарфюрер СС Фотт, гауптшарфюрер СС Кемниц поочередно стреляли в затылок вошедшего, после чего труп убирался в другую комнату, где находились печи, и сжигался.

Одним из методов уничтожения заключенных являлось впрыскивание им в вену специальных жидкостей, от которых наступала быстрая смерть.

Таким образом, можно сказать, что расстрелы, удушения в газокамере и умерщвление путем уколов носили массовый характер. Это была тщательно продуманная система уничтожения заключенных лагеря.

Гитлеровские бандиты истребили в лагере около 100 тыс. человек

Боясь ответственности за совершенные преступления в Штуттофском концентрационном лагере, немецкие палачи перед отступлением старательно уничтожали следы своих злодеяний — документы, могущие показать всему миру их подлую работу по уничтожению заключенных лагеря и точное число людей, уничтоженных ими с начала существования концентрационного лагеря.

Но благодаря стремительному наступлению Красной Армии немцам не удалось полностью замести следы своих кровавых злодеяний, хотя ими при лагере и была оставлена специальная команда с задачей подорвать крематорий, газовую камеру, сжечь бараки, где содержались больные и обреченные на смерть заключенные. Указанной команде удалось лишь подорвать крематорий, газовую камеру и сжечь 10 бараков с заключенными. Никакие ухищрения не помогли гитлеровцам. Показания оставшихся в живых заключенных, найденные отдельные документы и другие вещественные доказательства убедительно изобличают немецких палачей в том, что в Штуттофском концентрационном лагере ими уничтожено, отравлено, расстреляно и сожжено в крематории и на кострах около 100 тыс. заключенных, главным образом поляков, русских и евреев.

К суровому ответу немецко-фашистских негодяев

Чудовищные злодеяния, совершенные немецко-фашистскими извергами в Штуттофском лагере, проводились по директивам гитлеровского правительства Германии и под руководством рейхсфюрера СС и полиции Гиммлера, генерал-лейтенанта СС Кацмана, обергруппенфюрера Хельфига, гаулейтера Альберта Форстрера.

Непосредственными исполнителями злодеяний являлись комендант лагеря штурмбанфюрер СС Хоппе Пауль, заместитель коменданта лагеря гауптштурмфюрер Майер, помощник коменданта лагеря гауптштурмфюрер фон Бони, начальник полиции лагеря обершарфюрер Фотт, старший врач лагеря гауптштурмфюрер Хойдель, старшина лагеря Зелонка Франц, командир 1-й и 2-й рот батальона СС «Мертвая голова» гауптштурмфюрер Редих, командир 3-й роты батальона СС гауптштурмфюрер Элле Пауль, руководитель абвергруппы гауптштурмфюрер Кемниц, помощник руководителя абвергруппы унтершарфюрер Публиц, руководитель политического отдела лагеря обершарфюрер Литкэ, начальник строительного отдела лагеря шарфюрер Люц, руководитель охраны лагеря Трауготт Майер, начальник газокамеры и крематория лагеря Рах и штурмфюрер Шмидт.

Все вышеуказанные лица, руководившие лагерями и принимавшие личное участие в убийствах и истязаниях над заключенными лагеря смерти Штуттоф, должны предстать перед судом народа и понести заслуженную кару.

О МАТЕРИАЛЬНОМ УЩЕРБЕ, ПРИЧИНЕННОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ О МАТЕРИАЛЬНОМ УЩЕРБЕ, ПРИЧИНЕННОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И ГРАЖДАНАМ СССР

Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года Чрезвычайная Государственная Комиссия произвела учет ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, и установила, что на территории Советского Союза, подвергавшейся оккупации, враг причинил огромный ущерб народному хозяйству и населению.

Немецкие армии и оккупационные власти, выполняя директивы преступного гитлеровского правительства и верховного военного командования, разрушали и грабили захваченные ими советские города и села, промышленные предприятия и колхозы, разрушали памятники искусства, уничтожали, расхищали и вывозили в Германию оборудование, запасы сырья, материалов и готовой продукции, художественные и исторические ценности, производили всеобщее ограбление городского и сельского населения.

На территории Советского Союза, подвергавшейся оккупации, проживало до войны 88 миллионов человек, валовой выпуск промышленной продукции составлял 46 миллиардов рублей (в неизменных государственных ценах 1926—27 гг.), было 109 миллионов голов скота, в том числе 31 миллион голов крупного рогатого скота и 12 миллионов лошадей, 71 миллион гектаров посевов сельскохозяйственных культур, 122 тысячи километров железнодорожной колеи.

Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1 710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, сожгли и разрушили свыше 6 миллионов зданий и лишили крова около 25 миллионов человек. Среди разрушенных и наиболее пострадавших городов — крупнейшие промышленные и культурные центры: Сталинград, Севастополь, Ленинград, Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Новгород, Псков, Орел, Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону и многие другие.

Немецко-фашистские захватчики разрушили 31 850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 миллионов рабочих; уничтожили или вывезли 239 тысяч электромоторов, 175 тысяч металлорежущих станков.

Разрушили 65 тысяч километров железнодорожной колеи, 4 100 железнодорожных станций, 36 тысяч почтово-телеграфных учреждений, телефонных станций и других предприятий связи.

Уничтожили или разгромили 40 тысяч больниц и других лечебных учреждений, 84 тысячи школ, техникумов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, 43 тысячи библиотек общественного пользования.

Разорили и разграбили 98 тысяч колхозов, 1 876 совхозов и 2 890 машинно-тракторных станций; зарезали, от-

обрали или угнали в Германию 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов голов свиней, 27 миллионов овец и коз, 110 миллионов голов домашней птицы.

Преступные действия немецких военных и гражданских властей неопровержимо доказаны и описаны в тех миллионах актов об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям, которые к настоящему времени уже поступили в Чрезвычайную Государственную Комиссию. К составлению актов и установлению ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками, было привлечено огромное количество представителей советской общественности. В работе по составлению актов приняли участие свыше 7 миллионов человек рабочих, колхозников, инженеров, техников, людей науки и других общественных деятелей.

На основании этих актов Чрезвычайная Государственная Комиссия определила ущерб, причиненный народному хозяйству СССР и отдельным сельским и городским жителям в сумме 679 миллиардов рублей в государственных ценах 1941 года, из них:

1. Государственным предприятиям и учреждениям — 287 миллиардов рублей
2. Колхозам — 181 -"- -"-
3. Сельским и городским жителям — 192 -"- -"-
4. Кооперативным, профсоюзным и другим общественным организациям — 19 -"- -"-

По союзным республикам ущерб распределяется следующим образом:

1. Российской СФСР — 249 миллиардов рублей
2. Украинской ССР — 285 -"- -"-
3. Белорусской ССР — 75 -"- -"-
4. Латвийской ССР — 20 -"- -"-
5. Литовской ССР — 17 -"- -"-
6. Эстонской ССР — 16 -"- -"-
7. Молдавской ССР — 11 -"- -"-
8. Карело-Финской ССР — 6 -"- -"-

Приведенные цифры далеко не исчерпывают всего ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками Советскому Союзу. Они охватывают только потери от прямого уничтожения имущества граждан, колхозов, общественных организаций, государственных предприятий и учреждений.

В сумму ущерба не включены такие потери, как снижение народного дохода от прекращения или сокращения работы государственных предприятий, колхозов и граждан, стоимость конфискованного германскими оккупационными войсками продовольствия и снабжения, военные расходы СССР, а также потери от замедления темпов общего хозяйственного развития страны в результате действий врага на протяжении 1941—1945 годов.

В сумму ущерба не включены неоценимые потери нашего народа, которые связаны с гибелью миллионов советских людей, истребленных немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной ими советской территории.

Разрушение промышленности, транспорта и связи

Гитлеровское правительство и германский генеральный штаб еще до начала войны разработали подробный план нападения и разгрома Советского Союза, а также организованного ограбления его народного хозяйства.

В секретном немецком документе «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» (Берлин, июнь 1941 года), подписанном «рейхсмаршалом германской империи» Герингом, были даны детальные указания германской армии и немецким хозяйственным учреждениям о порядке планомерного расхищения имущества Советского Союза и вывоза в Германию промышленного оборудования, сырья, готовой продукции и полуфабрикатов.

Эти пресловутые «директивы» в дальнейшем дополнялись и уточнялись многочисленными инструкциями и распоряжениями различных государственных и военных инстанций. В качестве примера можно привести следующий приказ того же Геринга:

*Рейхсмаршал германской империи
Уполномоченный по четырехлетнему плану.
Штаб по руководству хозяйством на Востоке.
У.Р. 110(83).*

*Берлин,
6 сентября 1941 г.
Лейтцигеритрассе, 3.*

...Хозяйственный штаб Востока (Виртшафтсштаб ОСТ) несет ответственность передо мной за захват и вывоз запасов сырья из областей с военными органами власти. Также и в областях с гражданскими органами власти (как я уже отдал распоряжение в моем приказе от 18 июня 1941 г. У.Р.—11604).

3. ...назначаю генерал-лейтенанта Виттинга генеральным инспектором по захвату и использованию сырья в оккупированных Восточных областях.

Область деятельности генерального инспектора распространяется на все оккупированные области Советского Союза, независимо от того, существуют ли там военные или гражданские органы власти...

(Подпись) Геринг

Выполнение этого преступного плана ограбления народного хозяйства Советского Союза гитлеровским правительством было возложено на рейхсминистра СС (гитлеровских штурмовых отрядов), на имперских министров и представителей немецких фирм, которым были подчинены различного рода хозяйственные группы, технические батальоны, экономические штабы и хозяйственные инспекции. Особенно активно расхищали имущество Советского Союза немецкие фирмы: «Фридрих Крупп и Ко», «Герман Геринг», «Сименс Шуккорт», Горно-металлургическое общество «Восток», Акционерное общество группа «Север», «Генрих Ланц», «Ландмашинабауиндустри», «И.Г. Фарбениндустри» и многие другие.

Стремясь в полной мере осуществить свой преступный план ограбления промышленности Советского Союза, гитлеровское правительство и военное командование не останавливались перед беспощадным уничтожением шахт, нефтеносных скважин, заводов, машин и всего промышленного оборудования в тех случаях, когда немецкие войска вынуждены были отступать под ударами Красной Армии и не имели возможности увезти с собой это оборудование с оставляемой ими территории. Уничтожение и разрушение заводов, машин, станков, шахт и нефтеносных скважин в таких случаях принимали массовый характер и причинили громадные потери советскому народному хозяйству. От такой преступной деятельности немецко-фашистских орд наибольшие потери понесли следующие отрасли советской промышленности:

Угольная промышленность. В Донецком и Подмосковном угольных бассейнах немецко-фашистские захватчики разрушили 1 135 шахт, на которых было занято 337 тысяч рабочих и добывалось свыше 100 миллионов тонн угля в год. Они разграбили и вывезли в Германию: 2 400 рудничных электровозов и мотовозов, 2 700 врубловых машин, 15 тысяч отбойных молотков, 5 тысяч насосов, 2 800 компрессоров и вентиляторов, 160 тысяч вагонеток; разрушили и разграбили электрические станции, обслуживающие угольные шахты.

Нефтяная промышленность. Фашистская Германия придавала исключительно важное значение захвату нефтяных районов Советского Союза. В вышецитированных «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» указывалось:

«3. б) В промышленном сырье главным продуктом является нефть. Среди мероприятий, не относящихся к продовольственному снабжению, все вопросы, связанные с добычей и вывозом нефти, должны при всех случаях стоять на первом месте».

Во исполнение этих указаний германские армии прилагали все усилия к захвату нефтеносных районов Кавказа.

Вместе с тем, во всех случаях, когда немецким фашистским оккупантам не удавалось закрепиться в захваченных ими нефтяных районах и когда они вынуждены были оставлять эти районы, они не останавливались перед разрушением и уничтожением нефтяных скважин, оборудования, мастерских, складов и т.п.

На нефтяных промыслах Грозного и в Краснодарском крае немецко-фашистские захватчики с помощью воздушных бомбардировок и иными способами разрушили и уничтожили свыше 3 тысяч нефтяных скважин с добычей до 5 миллионов тонн нефти в год.

Они взорвали в Грозном атмосферно-вакуумную установку с годовой производительностью 660 тысяч тонн нефтепродуктов и крекинг-установку с годовой переработкой 227 тысяч тонн нефти, а также Одесский и Харьковский крекинг-заводы; разрушили Краснодарский нефтеперегонный завод; вывели из строя керосинопровод «Грозный—Трудовая» и уничтожили металлические резервуары емкостью свыше 2 миллионов кубометров на 720 нефтяных базах.

Электростанции. За время оккупации и особенно при своем отступлении, немцы разрушили мощные энергосистемы Днепра, Донбасса, Ленинграда, Харькова, Краснодарского края, Киева, Воронежа, Крыма, Белорусской ССР и Кольского полуострова, а наиболее ценное оборудование электрических станций вывезли в Германию.

Они взорвали, сожгли и частично разрушили 61 крупнейшую и большое количество мелких электрических станций, с общей мощностью около 5 миллионов киловатт, вывели из строя около 10 тысяч километров магистральных высоковольтных линий электропередач, уничтожили более 12 тысяч зданий электростанций и подстанций и вывезли в Германию 14 тысяч паровых котлов, 1 400 турбин, 11 300 электрогенераторов.

Черная и цветная металлургия. Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили 37 заводов черной металлургии, на которых работало 168 тысяч человек. На этих заводах ежегодно производилось 11 миллионов тонн чугуна, 10 миллионов тонн стали, 8 миллионов тонн проката. Немцы уничтожили и частично разрушили 62 домы, 213 мартеновских печей, 248 прокатных станков, 4 740 коксовых печей с годовой производительностью в 19 миллионов тонн кокса. Они уничтожили 29 заводов огнеупорных изделий и 18 рудных предприятий с годовой добычей свыше 20 миллионов тонн железной руды. В числе разрушенных заводов находятся: «Запорожсталь» с 12 тысячами рабочих^[199], Мариупольский завод с 26 тысячами рабочих, «Азовсталь» с 9 тысячами рабочих, Макеевский завод имени Кирова с 18 тысячами рабочих, «Красный Октябрь» с 13 тысячами рабочих, Криворожский коксохимический с 2 тысячами рабочих, Мариупольский коксохимический с 3 тысячами рабочих, Семилукский огнеупорный с 2 тысячами рабочих, Часов-Ярские огнеупорные с 6 тысячами рабочих.

Немецко-фашистские захватчики разрушили и вывели из строя 12 крупнейших предприятий цветной металлургии, в том числе: Днепропетровские — алюминиевый, магниевый и электродный заводы, Тихвинские — глиноземный завод и бокситовые рудники.

Химическая промышленность. Немцы разрушили 66 азотно-туковых и химических заводов, выпускавших химические продукты и туковые удобрения для сельского хозяйства, а также комбинаты по выработке каучука,

резиновых и асбестовых изделий, в том числе: Сталиногорский и Рубежанский химкомбинаты, Константиновский, Перекопский, Сакский и Харьковский химические заводы; Днепродзержинский, Горловский, Лисичанский, Сталинский азотно-туковые заводы; Одесский, Винницкий суперфосфатные заводы.

Машиностроение. Огромный ущерб немецко-фашистские захватчики нанесли машиностроительной промышленности.

Они разрушили 749 заводов **тяжелого и среднего машиностроения**, на которых было занято 919 тысяч рабочих, инженеров, техников и служащих. Особенно пострадали крупнейшие заводы: Краматорский с 25 тысячами рабочих, Ворошиловградский с 23 тысячами рабочих, Бежецкий с 20 тысячами рабочих, Харьковский с 5 тысячами рабочих, Таганрогский с 4 тысячами рабочих, Людиновский с 6 тысячами рабочих, Ленинградский «Русский дизель» с 3 тысячами рабочих.

Большой ущерб гитлеровцы причинили предприятиям, производящим тракторы, автомобили, железнодорожные вагоны, мотоциклы, велосипеды. Они полностью уничтожили 21 и частично разрушили 27 таких заводов, в частности, превратили в груду развалин крупнейшие Сталинградский и Харьковский тракторные заводы; разрушили Харьковский, Гомельский, Ростовский ремонтно-подшипниковые заводы; Калининский, Крюковский и Бежецкий вагоно-строительные заводы с общим годовым выпуском 23 тысячи товарных вагонов; уничтожили Лодейнопольский и Вельский заводы автоприцепов, Харьковский велосипедный и Ленинградский мотоциклетный Заводы.

Немецко-фашистские захватчики разрушили 64 **станкостроительных и абразивных** завода, в том числе: Харьковский, Краматорский, Краснодарский, Киевский, Одесский, Минский, Ленинградский и другие.

Они полностью уничтожили 169 заводов **сельскохозяйственного, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения** и среди них заводы: имени Коминтерна, «Красный Аксай», «Ростсельмаш», «Коммунар», «Большевик», «Красная звезда», «Серп и Молот», «Октябрьская Революция».

Заводам **электротехнической промышленности**, выпускавшим электрогенераторы, электромоторы, трансформаторы, электровозы и другое оборудование, немцы причинили большой ущерб. Они разрушили 41 завод, в том числе: Харьковский электромеханический (ХЭМЗ) и Ленинградские — «Электросила», «Электропровод», «Красная заря».

С заводов машиностроительной промышленности немецкие фирмы вывезли в Германию: 47 тысяч комплектов подъемного оборудования, 34 тысячи молотов с механическим приводом, прессов и другое кузнечно-прессовое и литейное оборудование.

Лесная и бумажная промышленность. Немецко-фашистские захватчики разрушили большое число лесозаготовительных предприятий с годовой производительностью в 64 миллиона кубических метров древесины, 260 лесопильных и деревообрабатывающих предприятий производительностью в 12 миллионов кубических метров пиломатериалов в год, 28 фанерных заводов с выпуском 380 тысяч кубических метров фанеры в год.

Они уничтожили также 14 спичечных фабрик с годовым выпуском около 4 миллионов ящиков спичек и 77 бумажно-целлюлозных предприятий с годовой производительностью в 300 тысяч тонн бумаги.

Текстильная и легкая промышленность. В текстильной и легкой промышленности оккупанты разрушили 120 фабрик хлопчатобумажных тканей, 75 трикотажно-текстильных, 69 льняных, 125 пенькоджутовых, 36 фабрик шерсти, 12 меховых, 8 искусственного волокна, 160 предприятий кожевенно-обувной промышленности, свыше 100 стекольных заводов.

В результате разрушений текстильная промышленность лишилась 3 миллионов прядильных веретен и свыше 45 тысяч ткацких станков.

Пищевая и мясо-молочная промышленность. В пищевой и мясо-молочной промышленности немецко-фашистские захватчики полностью уничтожили и разрушили 204 сахарных, 649 спирто-водочных заводов, 47 консервных, 29 масложировых заводов, 43 табачных фабрики и ферментационных заводов, 157 хлебопекарен, 4 490 мясоколбасных, сыромолочных и маслодельных предприятий.

Промышленность строительных материалов. В промышленности строительных материалов немецко-фашистские захватчики разрушили 409 предприятий. В том числе полностью уничтожены крупнейшие цементные заводы: Енакиевский, Кричевский, Брянский и Новороссийские — «Пролетарий» и «Октябрь».

Транспорт. В период оккупации части территории Советского Союза и в особенности при своем отступлении немецко-фашистские захватчики причинили большой ущерб **железным дорогам**, водному и речному транспорту.

Специальными путеразрушительными машинами они вывели из строя 26 и частично повредили 8 магистральных железных дорог, разрушили 65 тысяч километров железнодорожной колеи и 500 тысяч километрово-километров автоблокировки и линий железнодорожной связи. Они взорвали 13 тысяч железнодорожных мостов общей протяженностью около 300 километров, 4 100 станций, 1 200 насосных станций, 1 600 водонапорных башен, 3 200 гидрокколонок. Они уничтожили 317 паровозных депо и 129 паровозоремонтных и вагоноремонтных заводов, а также заводов железнодорожного машиностроения.

Они разрушили, повредили и увезли 15 800 паровозов и мотовозов и 428 тысяч вагонов.

Враги причинили большой ущерб сооружениям, предприятиям, учреждениям и судам **морского транспорта** Северного Ледовитого океана, Белого, Балтийского, Черного и Каспийского морей. Они потопили и частично повредили свыше 1 400 пассажирских, грузовых и специальных судов.

Сильно пострадали оснащенные передовой техникой морские порты — Севастопольский, Мариупольский, Керченский, Новороссийский, Одесский, Николаевский, Ленинградский, Мурманский, Лепая, Таллинский и

другие.

Оккупанты потопили и захватили 4 280 пассажирских, грузовых и буксирных пароходов *речного транспорта* и технического служебно-вспомогательного флота, 4 029 самоходных судов; разрушили 479 портово-пристанских хозяйств, в том числе Ленинградский, Сталинградский, Киевский порты; сооружения Беломорско-Балтийского канала и канала Москва—Волга; 89 судостроительных верфей, механических заводов и предприятий.

Отступая под натиском Красной Армии, немецкие войска подорвали и разрушили 91 тыс. км *шоссейных дорог* и 90 тысяч дорожных мостов общей протяженностью 930 километров.

Разрушение колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций

Немецко-фашистские захватчики, по заранее разработанному плану, проводили на оккупированной территории Советского Союза политику уничтожения колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций.

Для управления сельским хозяйством в так называемых «восточных областях» немецким правительством были созданы специальные отделы, руководство которыми было поручено рейхсминистру земледелия Дарре, рейхскомиссару Эрих Кох, рейхскомиссару «Остланд» Лозе.

Гитлеровский министр земледелия Дарре с циничной откровенностью заявил:

«На всем восточном пространстве только немцы имеют право быть владельцами крупных поместий. Страна, населенная чужой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных слуг и промышленных работников».

На занятой территории СССР немецкие захватчики отбирали землю, переданную советским государством в вечное и бесплатное пользование колхозам или принадлежавшую совхозам, и раздавали ее немецким генералам и офицерам, помещикам и кулакам.

Так, например, совхоз «Металлист» Амвросиевского района Сталинской области был передан комендантам Боссе и Гамблех, конезавод №72 Олыкского района Волынской области передан барону фон Пепке и Ришарду Тимлер, совхоз имени Фрунзе в Чистяковском районе Сталинской области передан комендантам Баэр, Айгоф и Зельде, колхозы — имени Ильича и имени Политотдела со всеми постройками, скотом и инвентарем были переданы комендантам Вельке и Крайеру. Число подобных примеров можно во много раз увеличить.

На основании «Земельного закона», изданного в конце февраля 1942 года имперским министром оккупированных восточных областей Альфредом Розенбергом, немецко-фашистские захватчики вместо колхозов на оккупированной территории стали создавать так называемые «общинные хозяйства», являвшиеся наиболее удобной формой для ограбления крестьян. В «общинных хозяйствах» они вводили крепостнический труд, принуждая колхозников работать бесплатно на немецких господ. За отказ или невыход на работу немцы объявляли каждого преступником против германского государства и подвергали побоям, тюремному заключению или расстрелу.

Колхозные крестьяне оказывали сопротивление осуществлению этой фашистской «земельной реформы». В ответ немецкие захватчики выжигали целые деревни, уничтожали посевы, в самых широких размерах применяли кровавые расправы с населением, истребляли ни в чем не повинных советских людей.

Так, например, в Псковской области немецкие солдаты согнали жителей деревень Замошье, Красуха, Чухонские Заходцы, Ланева Гора, Голованово, закрыли двери и сожгли дома вместе с людьми. Тех, кто пытался выскочить из огня, они расстреливали из автоматов. Так погибли 350 человек, среди них женщины, дети и старики. Подобным же образом в Псковской области было уничтожено свыше 500 сел и деревень.

В Калининской области гитлеровцы сожгли и уничтожили все населенные пункты в Митьковском, Коростельском, Крятинском, Антоновском, Раменском, Зелениченском, Павловском, Гришенском сельсоветах Ржевского района. В Емельяновском районе они сожгли около 80 процентов, в Тургиновском 60 процентов домов. В Погорельском районе из 7 тысяч домов, принадлежавших колхозникам, сожгли свыше 5 тысяч домов.

Сжигая села и деревни, немецкие фашисты производили всеобщее ограбление граждан этих деревень. Крестьян, сопротивлявшихся ограблению, они зверски убивали.

В деревне Еремкино Высоковского района колхозница Перлова пыталась скрыть от фашистов свою последнюю корову. Разозленные гитлеровцы выкололи Перловой глаза, отрезали нос, отрубили руки.

В Рогачевском районе той же области не осталось ни одной деревни, ни одного поселка, где бы оккупанты не производили ограбления колхозников и жестокой расправы с ними. Отдельные деревни подвергались полному уничтожению. Так, были разграблены и сожжены дотла деревни: Селец, Фалеево, Мортково, Толчково.

В Каменец-Подольской области немецкие захватчики сожгли 33 села и 530 населенных пунктов. В 1 600 колхозах они уничтожили более 16 тысяч колхозных строений; зарезали или угнали в Германию 170 тысяч голов крупного рогатого скота, 235 тысяч свиней, 158 тысяч овец и коз, 687 тысяч голов разной птицы, 198 тысяч лошадей, отняли у колхозов 142 тысячи тонн зерна и муки.

В Курской области немцы разрушили 5 220 колхозов; сожгли и уничтожили в них 80 тысяч строений; отобрали 280 тысяч голов крупного рогатого скота, 320 тысяч лошадей, 250 тысяч свиней, 420 тысяч овец и коз, зарезали 1 300 тысяч голов разной домашней птицы.

В колхозе имени Буденного, Ставропольского края, немецко-фашистские захватчики разрушили и повредили все сельскохозяйственные постройки и сооружения, разграбили или поломали сельскохозяйственный инвентарь, уничтожили посевы. Они угнали из колхоза 160 лошадей, 200 голов крупного рогатого скота, 270 свиней, уничтожили 16 гектаров тутовых насаждений, 5 гектаров фруктовых садов и 12 гектаров виноградников, причинив колхозу ущерб в сумме 15 миллионов рублей.

Колхозу «За мир и труд» Краснодарского края оккупанты причинили ущерб в сумме 18 миллионов рублей. Они разрушили и уничтожили в колхозе 70 построек, угнали 70 голов крупного рогатого скота, 340 свиней, 240 лошадей, отобрали и вывезли 2 тысячи тонн зерна, 140 тонн подсолнуха и т.д.

В колхозе «За темпы» Сталинской области, по распоряжению коменданта города Лиман Пекка, немецкий офицер Шварц, возглавлявший специальный отряд, отобрал у колхоза 450 голов крупного рогатого скота, 205 свиней, 350 овец, 208 лошадей.

В октябре 1943 года перед отступлением немцев под натиском Красной Армии отряд СС по распоряжению немецкого сельскохозяйственного коменданта Ганненкампа поджог все строения колхоза имени «Ильича» Киевской области и уничтожил запасы сельскохозяйственных продуктов, скот, сельскохозяйственные орудия, причинив колхозу ущерб в сумме свыше 4 миллионов рублей.

В Могилевской области Белорусской ССР немецко-фашистские захватчики разрушили 2 100 колхозов, уничтожили в них около 40 тысяч строений.

В Житомирской области оккупанты отобрали в 1 920 колхозах свыше 240 тысяч голов крупного рогатого скота, 195 тысяч лошадей, 200 тысяч свиней, 230 тысяч овец и коз, 460 тысяч голов разной птицы, 55 тысяч тонн зерна; разрушили и уничтожили свыше 20 тысяч колхозных строений.

Подобные разрушения и ограбления колхозов немецко-фашистские захватчики производили повсеместно на оккупированной территории СССР. Они уничтожали постройки, сжигали и травили посевы, вырубали сады; грабили и увозили в Германию скот, запасы продуктов и всякое иное колхозное имущество.

Немецко-фашистские захватчики причинили огромный ущерб совхозам СССР. Они вывезли из них запасы сельскохозяйственной продукции, разрушили хозяйственные и другие совхозные постройки.

В период оккупации части территории Советского Союза особенно пострадал зерносовхоз «Гигант» Ростовской области, располагавший 28 тысячами гектаров уборочной площади и широко развитым животноводством.

Немцы причинили большой ущерб семеноводческому совхозу «Кубань», Краснодарского края, с уборочной площадью в 10 тысяч гектаров.

Конный завод №62 Полтавской области в результате немецкой оккупации лишился племенного маточного поголовья русско-американских рысаков. До войны в этом конном заводе было 670 племенных лошадей. Так немцы поступили и с другими племенными совхозами.

В зерновых и животноводческих совхозах немцы истребили или угнали более 180 тысяч голов крупного рогатого скота, 290 тысяч свиней, 680 тысяч овец, 57 тысяч лошадей, уничтожили более одного миллиона двести тысяч гектаров посевов всех культур.

Разрушая колхозы и совхозы, немецко-фашистские захватчики уничтожали также их техническую базу — машинно-тракторные станции.

В оккупированных областях РСФСР они уничтожили свыше 1 000 машинно-тракторных станций, разрушили или вывезли из них 46 тысяч тракторов, 18 тысяч комбайнов, 23 тысячи сеялок. На Украине немцы уничтожили, разрушили и сожгли 1 300 машинно-тракторных станций и вывезли из них 56 тысяч тракторов и 24 тысячи комбайнов. В Белорусской ССР они полностью уничтожили 316 машинно-тракторных станций, из которых вывезли в Германию 8 тысяч тракторов, одну тысячу комбайнов и другие машины и сельскохозяйственные орудия.

В Латвийской, Литовской, Эстонской республиках немецкие захватчики уничтожили полностью все машинно-тракторные станции.

Во всех колхозах, совхозах и машинно-тракторных станциях оккупанты разрушили, захватили и вывезли в Германию 137 тысяч тракторов, 49 тысяч комбайнов, около 4 миллионов плугов, борон и других почвообрабатывающих сельскохозяйственных орудий, 265 тысяч посевных и посадочных машин и 885 тысяч уборочных и сортировочных машин.

Разрушая колхозы, совхозы и машинно-тракторные станции, гитлеровцы уничтожали также научно-производственную базу сельского хозяйства. Они полностью разрушили 137 научно-исследовательских сельскохозяйственных институтов; уничтожили 176 инкубаторных птицеводческих станций и 14 селекционных станций, снабжавших колхозы высококачественными семенами сельскохозяйственных культур.

Разрушение школ, научных учреждений и учреждений здравоохранения

Немецко-фашистские захватчики причинили огромный ущерб культурным учреждениям советского народа. Они разрушили школы, высшие учебные заведения, научные институты, библиотеки, больницы, санатории, дома отдыха.

На территории Советского Союза, подвергавшейся немецкой оккупации, к началу 1941 года было 82 тыс. начальных и средних школ с 15 миллионами учащихся. Все средние школы имели библиотеки, насчитывавшие от 2 до 25 тысяч томов книг каждая, те или другие оборудованные физические, химические, биологические и другие кабинеты. Для размещения детей, живущих далеко, при многих средних школах существовали общежития.

Немецко-фашистские захватчики сожгли, разрушили и разграбили эти школы со всем имуществом и оборудованием. Миллионы советских детей вынуждены были прекратить учение, а после изгнания оккупантов возобновить его в неприспособленных школах, лишенных необходимого оборудования, книг и наглядных пособий.

Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили 334 высших учебных заведения, в которых обучалось 233 тысячи студентов; а оборудование лабораторий и кабинетов, уникальные экспонаты университетских и институтских коллекций и библиотеки вывезли в Германию.

В результате разрушений сильно пострадал Киевский Государственный университет, в котором уничтожены учебное и научное оборудование, сотни лабораторий и ценнейшие коллекции.

В Ленинградском университете артиллерийским обстрелом повреждено главное здание, а также здания физического и химического институтов.

Большой ущерб причинен медицинским высшим учебным заведениям. В Ленинграде от вражеских обстрелов пострадали известный Медицинский институт имени Павлова и институт усовершенствования врачей имени С.М. Кирова, на Украине первый и второй Харьковские, Киевский, Днепропетровский и Сталинский медицинские институты. В Воронежском медицинском институте разрушены 22 здания, в Смоленском медицинском институте разрушено 17 зданий.

Оккупанты разрушили и ограбили 137 педагогических и учительских институтов — в Пскове, Новгороде, Смоленске, Феодосии, Орле, Ростове-на-Дону, Симферополе, Харькове, Киеве, Ворошиловграде, Минске, Могилеве, Гомеле и других городах.

Они вывезли из специальных библиотек историко-архивные материалы и старинные рукописи; расхитили и уничтожили в массовых библиотеках свыше 100 миллионов томов книг.

Немецко-фашистские захватчики преднамеренно разрушали учреждения науки, сжигали и разоряли лаборатории, библиотеки, расхищали ценнейшее имущество и оборудование. Всего ими было уничтожено 605 научно-исследовательских институтов.

Воздушными бомбардировками и артиллерийскими обстрелами во время блокады Ленинграда было разрушено 8 зданий научных учреждений и 32 оранжереи Ботанического сада Академии наук с редчайшей коллекцией тропических и субтропических растений.

Немцы уничтожили близ Ленинграда Главную астрономическую обсерваторию в Пулкове. Она была снабжена редчайшими инструментами, изготовленными выдающимися мировыми и советскими мастерами. В обсерватории находился первоклассный солнечным телескоп оригинальной конструкции лауреата Сталинской премии И. Пономарева.

В Крыму немецко-фашистские захватчики разрушили Симеизскую астрономическую обсерваторию, основанную в 1908 году, а оборудование ее — 40-дюймовый большой отражательный телескоп, измерительные приборы, библиотеку, насчитывавшую свыше 9 тысяч негативов со снимками неба и спектрами звезд, — вывезли в Германию.

Огромный ущерб немцы причинили лечебным учреждениям СССР. Они разрушили и разграбили 6 тысяч больниц, 33 тысячи поликлиник, диспансеров и амбулаторий, 976 санаториев, 656 домов отдыха. Они уничтожили также 60 фабрик и заводов химико-фармацевтической и медико-инструментальной промышленности и среди них: Витебскую очковую фабрику, Полтавскую фабрику термометров, Харьковский, Киевский и Одесский химико-фармацевтические и другие заводы.

Особенно пострадали от преступных действий фашистов и превращены в развалины многочисленные санаторно-курортные учреждения всесоюзной здравницы на Южном берегу Крыма, на Кавказских Минеральных Водах, в Одессе и других местах, где ежегодно лечились и отдыхали несколько миллионов трудящихся.

В Севастополе немцы разрушили Научно-исследовательский институт имени Сеченова, являвшийся всесоюзным центром по разработке и применению в курортной практике физических методов лечения.

В помещениях любимого советскими детьми всесоюзного пионерского лагеря «Артек» немцы разрушили главный корпус, дачу «Орлиное гнездо», дворец в Суук-Су и многие другие постройки.

Они вырубали в Крыму леса и парки, выращенные вблизи санаториев и на Ай-Петринской Яйле, а также уничтожили питомники с посадочным материалом для лесо-культурных работ.

Разрушение музеев и исторических памятников

Немецко-фашистские захватчики разрушили на оккупированной территории 427 музеев из общего числа 992 музеев, имевшихся в Советском Союзе, в том числе: в Российской СФСР — 173, в Украинской ССР — 151, в Белорусской ССР — 26, в Литовской ССР — 15, в Эстонской ССР — 26, в Латвийской ССР — 30, в Карело-Финской ССР — 2 и в Молдавской ССР — 4 музея.

Погибли богатейшие музеи Смоленска, Сталинграда, Ленинграда, Новгорода, Полтавы, Чернигова и других городов.

В Херсонесском историко-археологическом музее немецкие захватчики разрушили свыше 150 тысяч предметов и коллекций, освещавших историю народов Черноморья.

В порту Керчи немцы уничтожили панораму «Штурм Перекопа», выполненную советскими художниками. Большие повреждения причинены знаменитой панораме «Оборона Севастополя» академика Рубо. В Сталинградской картинной галерее они уничтожили все экспонаты — работы кисти Репина, Шишкина, Айвазовского, Серова, Маковского, Иванова и других. Пострадали все художественные музеи Крыма, разграблены коллекции Бахчисарайского дворца-музея, включая Большой коран Бахчисарайской ханской мечети со множеством орнаментальных украшений.

Немецко-фашистские захватчики причинили большой ущерб бывшим царским дворцам в Пушкине, Павловске, Гатчине, превращенным после Октябрьской Социалистической революции в музеи. Из этих дворцов-музеев они вывезли в Германию гарнитуры старинной художественной русской и французской мебели, ценные книги дворцовых библиотек, предметы изобразительного искусства, художественный фарфор и другие экспонаты.

С особой ненавистью немцы отнеслись к наиболее дорогим советскому народу памятникам культуры.

Они осквернили Пушкинский заповедник и усадьбу в Михайловском, где великий поэт писал «Евгений Онегин», «Цыганы», «Борис Годунов»; сожгли дом-музей и разрушили могилу А.С. Пушкина в Святогорском монастыре, вырубали вековые деревья в парке. Мебель, предметы домашнего обихода и библиотеку поэта вывезли в Германию.

Такое же варварство немцы проявили и в отношении заповедника «Ясная Поляна», где родился, жил и творил гениальный русский писатель Л.Н. Толстой. Заняв «Ясную Поляну» 30 октября 1941 года, они разорили, изгадили и подожгли ее. Редчайшие рукописи, книги и картины разорвали, выбросили или уничтожили, а могилу писателя осквернили. Мебелью и книгами отапливали дом. В ответ на протесты сотрудников музея против этих бесчинств германский офицер Шварц заявил: «Мы сождем, все, что связано с именем вашего Толстого».

В Клину немецко-фашистские захватчики разрушили дом гениального русского композитора П.И. Чайковского, в котором он создал всемирно известные оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама» и много других прославленных музыкальных произведений. В самом здании музея немецкие офицеры и солдаты устроили гараж для мотоциклов и отапливали этот гараж нотами, книгами, мебелью и другими экспонатами, находившимися в музее.

Немцы уничтожили также музей крестьянского поэта С.Д. Дрожжина — в селе Завидове, музей народного поэта И.С. Никитина — в Воронеже и музей знаменитого польского поэта Адама Мицкевича — в Новогрудке Белорусской ССР. В Алагире они сожгли материалы народного певца Осетии Коста Хетагурова.

Немецко-фашистские захватчики разрушили 44 тысячи зданий театров, клубов, красных уголков. В результате воздушных налетов и артиллерийского обстрела пострадали: в Ленинграде — академический театр оперы и балета имени С.М. Кирова, академический театр имени А.С. Пушкина и малый оперный театр; в Москве — Государственный академический Большой театр и театр имени Вахтангова. Немцы подожгли театры Эстонской ССР, разрушили в Киеве драматический театр Красной Армии и Театр юного зрителя им. Горького, а также уничтожили городские театры в Петрозаводске, Новгороде, Макеевке. Из Смоленского и Одесских театров они вывезли костюмы, нотный материал, реквизит и библиотеки.

Разрушение и ограбление монастырей, церквей, костелов, синагог и других учреждений религиозного культа

За время Отечественной войны немецко-фашистские захватчики уничтожили и повредили на территории СССР, подвергавшейся оккупации, 1 670 церквей, 237 римско-католических костелов, 69 часовен, 532 синагоги и 258 других зданий, принадлежащих учреждениям религиозных культов.

Они разрушили в Чернигове: древний Борисоглебский собор, построенный в начале XII века, церковь Параскевы-Пятницы-на Торгу — ценнейший памятник русской архитектуры XII века и собор Полоцкого Ефросиниева монастыря, построенного в 1160 году.

В Новгороде немецко-фашистские захватчики разрушили Антониев, Хутынский, Зверин, Деревяницкий и другие древние монастыри; художественный памятник — знаменитую церковь Спаса-Нередицы постройки XII века превратили в развалины; повредили здания Новгородского Кремля, в том числе: церковь святого Андрея Стратилата, Покровскую церковь, звонницу Софийского собора постройки XIV—XVI веков. В окрестностях Новгорода от вражеского обстрела погибли собор Кириллова монастыря и церкви: Николы «на Липке». Благовещения «на Городище», Спаса «на Ковалеве», Успения «на Болотовом поле», Михаила архангела в Сквородинском монастыре, св. Андрея «на Ситке» — все постройки XII—XIV веков.

В груды кирпича превращена Успенская церковь Киево-Печерской лавры, построенная в 1073 году, а вместе с ней и 8 монастырских корпусов.

Разрушая монастыри, храмы, мечети и синагоги, расхищая их утварь, немецкие захватчики глумились над религиозным чувством людей. Солдаты и офицеры приходили в храмы в шапках, курили здесь, надевали на себя церковное облачение, держали в церквях лошадей и собак, из икон устраивали нары для спанья.

Разрушение культурно-бытовых учреждений, общественных организаций и коопераций

В потребительской и промысловой кооперации, в профессиональных союзах и в других общественных организациях немецкие захватчики разрушали на территории СССР, подвергавшейся оккупации, предприятия, магазины и лавки, клубы, стадионы, дома отдыха, санатории.

У кооперативных, профсоюзных и других общественных организации они уничтожили свыше 87 тыс. зданий хозяйственного назначения, в том числе: 27 тыс. магазинов, лавок и ларьков, 26 тыс. складов и торговых баз, 10 тыс. жилых зданий и 1 839 культурно-бытовых учреждений. Они утащили в Германию 700 паровых котлов, 636 локомотивов, 16 тысяч электромоторов, 12 тысяч металлорежущих, 9 тысяч деревообделывающих и 8 тысяч ткацких станков, 7 тысяч автомашин, 70 тысяч швейных и специальных машин, около 8 миллионов томов книг, а также отобрали много скота, обуви, тканей и других материальных ценностей. В результате было разрушено свыше 40 процентов всей торговой сети потребкооперации СССР и ликвидировано свыше 17 тысяч потребительских обществ и 1 600 районных союзов. Из владений профессиональных союзов немецкие захватчики полностью уничтожили 120 санаториев и 150 домов отдыха, которыми ежегодно обслуживалось более 3 миллионов рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Из этого общего числа в Крыму они разрушили 59

санаториев и домов отдыха на 11 900 мест, на Кавказских Минеральных Водах — 32 санатория и дома отдыха на 5 400 мест, в Ленинградской области - 33 санатория и дома отдыха на 7 700 мест, на Украине — 88 санаториев и домов отдыха на 18 700 мест.

От разрушения пострадали такие известные санатории и дома отдыха, как: Горный санаторий по лечению туберкулеза «Долоссы» в Симеизе, Институт физических методов лечения в Феодосии, Алуштинский дом отдыха, Одесский нервно-соматический санаторий, Пушкинский туберкулезный санаторий в Ленинграде и многие другие.

Немецко-фашистские захватчики разрушили здания 46 пионерских лагерей и детских оздоровительных учреждений, принадлежащих профсоюзам.

Они уничтожили 189 клубов и дворцов культуры, в том числе: в Ленинграде — Дом учителя профсоюза работников начальной и средней школы; в городе Красный Луч — Дворец культуры профсоюза рабочих каменноугольной промышленности Донбасса, одновременно обслуживающий 4 000 человек; в Ростове-на-Дону — Дворец культуры профсоюза рабочих железных дорог Юга на 3 тысячи человек; дворцы культуры и клубы в Сталинграде, Краматорске, Сталино, Горловке, Енакиеве, Харькове и во многих других местах.

Массовое ограбление немцами советских граждан

Во всех республиках, краях и областях Советского Союза, подвергавшихся оккупации, немецко-фашистские захватчики грабили сельское и городское население, отбирали имущество, ценные вещи, одежду, предметы домашнего обихода, облагали мирных жителей штрафами, налогами, контрибуциями.

Повсеместный грабеж населения являлся частью общей продуманной программы гитлеровского правительства — разорить Советскую страну, подорвать ее благосостояние, превратить советских граждан в нищих.

Секретной инструкцией германского командования от 17 июля 1941 года, обнаруженной при разгроме штаба 68-й немецкой дивизии, указывалось на необходимость *«воспитывать у каждого офицера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне»*...

Германское правительство сознательно развязывало самые низменные и зверские инстинкты у офицеров и солдат немецкой армии.

В распоряжении Чрезвычайной Государственной Комиссии имеется огромное количество материалов и документов, которые изобличают немецко-фашистских захватчиков, как грабителей и варваров, производивших расхищение имущества не только государственных, колхозных и общественных организаций, но и личного имущества колхозников, рабочих, интеллигенции и служащих.

В Смоленской области оккупанты отобрали у городского и сельского населения лично им принадлежавшие 136 тысяч голов крупного рогатого скота, 107 тысяч свиней, 240 тысяч овец и коз, 180 тысяч тонн зернопродуктов, около 400 тысяч тонн картофеля и овощей. Фашистские захватчики сожгли в 2 265 селах и деревнях 129 тысяч жилых домов и 278 тысяч надворных построек, составлявших личную собственность граждан.

В Орловской области гитлеровцы сожгли и разрушили у граждан 173 тысячи домов и 197 тысяч надворных построек. Они отобрали у населения 15 тысяч лошадей, 200 тысяч голов крупного рогатого скота, 112 тысяч свиней, 312 тысяч овец и коз, около 3 миллионов голов домашней птицы, 96 тысяч тонн зерна, 14 тысяч тонн муки, 133 тысячи тонн картофеля.

Только в 10 районах Ленинградской области фашисты уничтожили 25 600 домов, принадлежавших рабочим, колхозникам и служащим. Все личное имущество жителей в этих районах было немцами разграблено.

В Демянском и Лычковском районах они отняли у населения 4 800 пар валенок, 2 900 шуб и полушубков, 23 тысячи овчин, 40 тысяч килограммов шерсти.

В Днепропетровской области немецкие захватчики отобрали у граждан лично им принадлежавших 137 тысяч голов крупного рогатого скота, 3 тысячи лошадей, 67 тысяч свиней, 16 тысяч овец и коз, свыше миллиона голов разной домашней птицы, 36 тысяч тонн зерна и муки, 35 тысяч тонн картофеля и овощей; сожгли и разрушили 57 тысяч жилых домов и 33 тысячи надворных построек.

В Сумской области гитлеровцы сожгли и разрушили 130 тысяч жилых и надворных построек, принадлежавших гражданам; отобрали у них 106 тысяч голов крупного рогатого скота, 5 тысяч лошадей, 29 тысяч овец и коз, 52 тысячи свиней, 67 тысяч тонн зерна и муки, 47 тысяч тонн картофеля.

Проводя организованное ограбление рабочих, колхозников и служащих в Черниговской области, немецкий карательный отряд 18 апреля 1943 года окружил село Загребальная Слобода и открыл пулеметный огонь. Жители, оставив все имущество, бежали в лес, после чего их имущество было полностью разграблено, а село сожжено.

Таким способом немцы уничтожили близ города Чернигова села Бобровицу и Ярцево, районный центр Крюковку, рабочий поселок Алексеевку, села Елено, Кувечино, Кезары, Пески, Клубовку и другие. Они сожгли здесь у граждан 30 тысяч жилых домов, 70 тысяч надворных построек, отобрали у них 140 тысяч голов крупного рогатого скота, 790 тысяч голов птицы, уничтожили сады с 330 тысячами плодовых деревьев.

У граждан Полоцкой области немецкие захватчики отобрали 70 тысяч голов крупного рогатого скота, 17 тысяч лошадей, 51 тысячу свиней, 148 тысяч овец и коз, 178 тысяч тонн зерна и муки. Они сожгли у них 94 тысячи жилых домов и надворных построек; уничтожили сады с 36 тысячами деревьев многолетних насаждений. Лишь немногим из пострадавших удалось спасти свои домашнее имущество, носильные вещи и одежду.

В Витебской области немцы отобрали у граждан 109 тысяч голов крупного рогатого скота, 189 тысяч овец и

коз, 820 тысяч голов разной домашней птицы, 39 тысяч тонн зерна, 156 тысяч тонн картофеля и овощей.

Немецко-фашистские захватчики отобрали у крестьян Латвийской, Литовской и Эстонской советских республик землю, которой их наделила Советская власть, и передали ее немецким баронам и кулакам.

Рейхскомиссар «Остланд'а» (Прибалтики) Лозе в приказе от 13 сентября 1941 года объявил:

«Весь принадлежащий сельскому хозяйству живой и мертвый инвентарь переходит в пользование старых владельцев или соответственно назначенных управляющих, которые несут ответственность за все ведение хозяйства».

Под предлогом исполнения этого приказа гитлеровцы сгоняли трудовое крестьянство Прибалтики с земли, отобрали у него сельскохозяйственный инвентарь и оборудование, отняли даже лес, заготовленный крестьянами для строительства жилых построек. В Латвийской ССР немецкие захватчики отобрали у бывших батраков, безземельных и малоземельных крестьян 600 тысяч гектаров земли, весь скот и сельскохозяйственный инвентарь, на приобретение которого Латвийское Советское правительство выдало им ссуду в размере 27 миллионов рублей.

Немцы отобрали у латышских крестьян и вывезли в Германию 320 тысяч единиц сельскохозяйственного оборудования и инвентаря, около 2 миллионов голов скота; уничтожили 500 тысяч плодовых деревьев, отобрали, разграбили или вывезли свыше 9 миллионов тонн сельскохозяйственных продуктов.

У литовских граждан немецкие захватчики отобрали 620 тысяч голов крупного рогатого скота, 220 тысяч лошадей, 770 тысяч свиней, 270 тысяч овец и коз, 760 тысяч тонн зерна, 485 тысяч тонн прочих сельскохозяйственных продуктов.

С целью грабежа и кровавой расправы с населением фашистские захватчики совершали налеты карательных отрядов на села и деревни.

В сентябре 1942 года офицеры и солдаты 15 полицейского полка на территории Белорусской ССР ограбили и расстреляли поголовно всех жителей деревень Борисовки, Борок и Заблочье, после чего деревни сожгли дотла.

Командир роты этого полка обер-лейтенант Мюллер после уничтожения деревни Борки с исключительным цинизмом рапортовал своему начальству:

«...конфискация зерна и инвентаря происходила, если не считать сдвига во времени, планомерно. Число телег оказалось достаточным, так как количество зерна было невелико и место, куда складывалось необмолоченное зерно, недалеко.

Погонщики скота собрались быстро; работали они ловко и усердно. Неблагоприятным оказалось то обстоятельство, что в поместье Мокраны не было сделано никаких приготовлений, так что с кормежкой и доением скота натолкнулись на большие трудности. Следует обсудить вопрос, не явится ли целесообразным в будущем производить заранее нужные приготовления под каким нибудь другим предлогом.

Домашняя утварь и сельскохозяйственный инвентарь были увезены вместе с подводами с хлебом.

Привожу численный итог расстрелов. Расстреляны 705 лиц из них мужчин 203, женщин 372, детей 130.

Число собранного скота может быть определено лишь примерно, так как на месте пригона учета не производилось: лошадей 45, рогатого скота 250, телят 65, свиней и поросят 450 и овец 308.

При действиях в Борках было израсходовано: винтовочных патронов 786 штук, патронов для автоматов 2 496 штук».

Обер-лейтенант и исполняющий обязанности командира роты Мюллер.

Таких озверевших немецких грабителей, как этот Мюллер, было много на оккупированной немцами советской земле.

Немецкие оккупанты всюду и безгранично грабили жителей советских городов.

В Киеве 6 октября 1942 года оберштурмбанфюрер Шпацель обязал население сдать все золото, серебро, все ценные вещи. Не рассчитывая на добровольное выполнение населением этого приказа, гитлеровцы разбили город на так называемые «боевые зоны», из которых все жители выселялись, и в покинутых домах производился повальный грабеж.

После занятия города Артемовска Сталинской области немецкие солдаты и офицеры врывались в дома граждан, производили обыски и грабежи, отбирая у населения все имущество.

В Новороссийске оккупанты отобрали у граждан под угрозой расстрела теплую одежду, белье, постельные принадлежности, часы, ковры, картины, ценную мебель. Награбленное имущество гитлеровцы отправляли в Германию.

В Сталинграде по приказу начальника комендатуры генерал-майора Хенинга Пауля немецкие солдаты и офицеры врывались в подвалы, в которых укрывались от бомбардировок мирные граждане, и отобрали у них все ценные вещи.

В Кисловодске в августе 1942 г. военный комендант Поль и начальник гестапо Вельден потребовали от еврейского населения города сдать все ценные вещи. Во исполнение этого приказа в немецкую комендатуру было внесено 100 тысяч рублей деньгами, 530 штук золотых и серебряных колец, портсигаров и часов, 105 дюжин серебряных ложек, 230 пар обуви, кроме того, большое количество пальто, костюмов, ковров. Все это немцы забрали, после чего всех евреев расстреляли.

Ограбление советского населения немецкие захватчики производили на всей территории Советского Союза, подвергавшейся оккупации.

Чрезвычайная Государственная Комиссия произвела учет ущерба, причиненного оккупационными властями советским гражданам, и установила, что немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили около 4 миллио-

нов жилых домов, составлявших личную собственность колхозников, рабочих и служащих, конфисковали у них 1,5 миллиона лошадей, 9 миллионов голов крупного рогатого скота, 12 миллионов свиней, 13 миллионов овец и коз, а также отобрали огромное количество всякого домашнего имущества.

* * *

Немецкие оккупанты, виновные в организации и осуществлении на территории Советского Союза разрушений городов и сел, фабрик и заводов, колхозов и совхозов, и в ограблении личного имущества граждан, должны нести полную ответственность за свои преступные деяния, а ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству СССР и советским гражданам, должен быть возмещен Германией.

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ИНИЦИИРОВАННЫЕ ЧРЕЗ- ВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СО- ОБЩНИКОВ И ПРИЧИНЕННОГО ИМИ УЩЕРБА ГРА- ЖДАН, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗА- ЦИЯМ, ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ СССР

ПРОЦЕССЫ 1943 ГОДА

В этом разделе представлены отчеты ТАСС о ходе двух процессов: в Краснодаре (в июле 1943 года) и Харькове (в декабре 1943 года). Если на первом процессе рассматривались дела пособников немецко-фашистских захватчиков, то на Харьковском процессе рассматривались дела немецких военных преступников. Помимо этих двух процессов имели место и другие военные суды, в силу массового характера гитлеровских зверств.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР №39 «О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗЛОДЕЕВ, ВИНОВНЫХ В УБИЙСТВАХ И ИСТЯЗАНИЯХ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ПЛЕННЫХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ, ДЛЯ ШПИОНОВ, ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ ИЗ ЧИСЛА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН И ДЛЯ ИХ ПОСОБНИКОВ»

Москва, 19 апреля 1943 г.

В освобожденных Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков городах и селах обнаружено множество фактов неслыханных зверств и чудовищных насилий, учиненных немецкими, итальянскими, румынскими, венгерскими, финскими фашистскими извергами, гитлеровскими агентами, а также шпионами и изменниками родины из числа советских граждан над мирным советским населением и пленными красноармейцами. Многие десятки тысяч ни в чем неповинных женщин, детей и стариков, а также пленных красноармейцев зверски замучены, повешены, расстреляны, заживо сожжены по приказам командиров воинских частей и частей жандармского корпуса гитлеровской армии, начальников гестапо, бургомистров и военных комендантов городов и сел, начальников лагерей для военнопленных и других представителей фашистских властей.

Между тем, ко всем этим преступникам, виновным в совершении кровавых расправ над мирным советским населением и пленными красноармейцами, и к их пособникам из местного населения применяется в настоящее время мера возмездия, явно не соответствующая содеянным ими злодеяниям^[200].

Имея в виду, что расправы и насилия над беззащитными советскими гражданами и пленными красноармейцами и измена родине являются самыми позорными и тяжкими преступлениями, самыми гнусными злодеяниями, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение^[201].

2. Пособники из местного населения, уличенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, караются ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

3. Рассмотрение дел о фашистских злодеях, виновных в расправах и насилиях над мирным советским населением и пленными красноармейцами, а также о шпионах, изменниках родины из числа советских граждан и о их пособниках из местного населения возложить на военно-полевые суды, образуемые при дивизиях действующей армии в составе: председателя военного трибунала дивизии (председатель суда), начальника особого отдела дивизии и заместителя командира дивизии по политической части (члены суда), с участием прокурора дивизии.

4. Приговоры военно-полевых судов при дивизиях утверждать командиру дивизии и приводить в исполнение немедленно^[202].

5. Приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов при дивизиях — повешение осужденных к смертной казни — производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предаёт свою родину.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН

РГВА ф.4, оп.11, д.75, л.568—570. Подлинник.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О ЗВЕРСТВАХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ГОР. КРАСНОДАРА И КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ИХ ВРЕМЕННОЙ ОККУПАЦИИ^[203]

Город Н.^[204], 14 июля.

Сегодня перед судом Военного Трибунала Северо-Кавказского фронта предстала группа изменников Родине, пособников врага, активных участников злодеяний немецко-фашистских оккупантов на территории гор. Краснодара и Краснодарского края.

В переполненном зале присутствуют сотни трудящихся — рабочие и служащие предприятий и учреждений города Н., представители интеллигенции, колхозники, приехавшие на процесс из станиц. Многие из них являются живыми свидетелями кровавого шестимесячного хозяйничанья немецко-фашистских извергов в городах и станицах Кубани. У многих из них гитлеровские оккупанты убили и замучили родных и близких, разграбили нажитое многолетним трудом имущество, лишили крова.

Дело слушается в открытом судебном заседании. Председательствует полковник юстиции тов. Н.Я. Майоров, члены Трибунала — полковник юстиции тов. Г.К. Захарьянц и майор юстиции тов. Н.Н. Костров, при секретаре майоре юстиции тов. Л.А. Гореве. Государственное обвинение поддерживает военный прокурор генерал-майор юстиции тов. Л.И. Яченин. Защищают по назначению суда адвокаты тт. А.И. Назаревский, В.И. Якуненко и С.К. Казначеев. К участию в судебном следствии привлечена экспертиза в составе главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР д-ра В.И. Прозоровского, главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава РСФСР доцента В.М. Смольянинова, главного судебно-медицинского эксперта Красной Армии проф. М.И. Авдеева, консультанта московской судебно-медицинской экспертизы д-ра П.С. Семеновского и судебного химика С.М. Соколова.

По настоящему делу преданы суду по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58—1 «а» и 58—1 «б» Уголовного Кодекса РСФСР (измена родине)^[205]: Кладов И., Котомцев И., Ластовина М., Мисан Г., Напцок Ю., Павлов В., Парамонов И., Пушкарев Н., Речкалов И., Тищенко В. и Тучков Г.

В вечернем заседании Военного Трибунала было оглашено Обвинительное Заключение.

Обвинительное заключение подробно воспроизводит жуткую картину массовых убийств ни в чем неповинных советских людей, которые были тысячами уничтожены немецко-фашистскими захватчиками, временно оккупировавшими Краснодарский край.

Данными предварительного следствия установлено, что все эти убийства, зверства, насилия и грабежи проводились частями и карательными органами 17-ой немецкой армии под командованием генерал-полковника Руоф.

Непосредственное руководство и осуществление всех этих зверств было возложено на Краснодарское гестапо, во главе с шефом гестапо немецким полковником Кристман.

В состав гестапо входила особая карательная команда тайной полиции, под наименованием «Зондеркоманда

СС-10-а», которая непосредственно и осуществляла все эти злодеяния.

Следствием установлены факты: издевательства над арестованными и сожжения заключенных, содержавшихся в подвалах Краснодарского гестапо; массовых убийств больных Краснодарской городской больницы, Березанской лечебной колонии, а также детской краевой больницы, расположенной на хуторе «3-ья речка Кочеты» Усть-Лабинского района.

Наконец, следствием установлены факты удушения окисью углерода в специально оборудованных автомашинах «душегубках» многих тысяч советских людей.

«Зондеркоманда СС-10-а» представляла собой карательную команду гестапо, насчитывавшую около 200 чел. Начальником указанной «зондеркоманды» являлся шеф гестапо — немецкий полковник Кристман, а его непосредственными помощниками в деле истребления советских людей были немецкие офицеры: Раббе, Босс, Сарго, Сальге, Ган, Эрих Мейер, Пашен, Винц, Ганс Мюнстер, немецкие военные врачи тюрьмы и гестапо. — Герц и Шустер, а также сотрудники гестапо — переводчики Якоб Эйкс и Шертерлан.

Кроме того гестапо были завербованы и принимали участие во всех зверствах, привлеченные в качестве обвиняемых по настоящему делу, предатели — Тищенко В., Тучков Г., Речкалов И., Ластовина М., Пушкарев Н., Мисан Г., Напцок Ю., Парамонов И., Котошев И., Павлов В., Кладов И.

Произведенным расследованием установлены следующие конкретные факты злодеяний, совершенных в Краснодарском крае немецко-фашистскими захватчиками.

Вскоре после занятия Краснодара, в результате систематических облав и массовых арестов мирных жителей, подвалы Краснодарского гестапо были до отказа переполнены заключенными. Никакого «следствия» по делам этих сотен и тысяч ни в чем неповинных людей не производилось. Арестованные подвергались самым изощренным пыткам и избиениям, причем судьбу их лично решал своей властью шеф гестапо полковник Кристман, который и давал приказы о физическом уничтожении арестованных.

Начиная с осени 1942 года, немцы начали применять для уничтожения советских людей специально оборудованные автомашины, которые получили известность среди населения под наименованием «душегубки».

«Душегубки» представляли собой крытые 5—7-тонные грузовики серого цвета с дизель-мотором. Эти машины были обиты внутри оцинкованным железом и снабжены в задней части кузова двухстворчатой, герметически закрывающейся дверью. В полу кузова находилась решетка, под которой проходила труба с отверстиями, соединявшаяся с выхлопной трубой мотора. Отработанные газы дизель-мотора, содержащие окись углерода высокой концентрации, поступали в кузов машины, вызывая быстрое отравление и смерть от удушения помещенных внутри людей.

По несколько раз в неделю, а в январе месяце, перед отступлением немцев из Краснодара, по 2—3 раза в день «душегубки» загружались арестованными из подвалов здания гестапо, помещавшегося на улице Орджоникидзе, 61. Погрузкой обычно руководил заместитель шефа гестапо, он же начальник гестаповской тюрьмы, капитан Раббе. Перед этим арестованные раздевались, а затем по 60—80 человек загружались в «душегубку», дверь которой герметически закрывалась, и машина, простояв несколько минут со включенным мотором, направлялась к противотанковому рву, расположенному за заводом измерительных приборов. «Душегубку» обычно сопровождал конвой полицейских из «Зондеркоманды СС-10-а». В противотанковом рву производилась выгрузка и беспорядочное закапывание людей, которые были уже умерщвлены газами в пути следования машины. В машину обычно загружались мужчины, женщины и дети совместно.

Несмотря на то, что немцы пытались законспирировать этот чудовищный метод истребления советских людей, с течением времени жители, проживавшие по соседству с гестапо, а через них и местное население, узнали о назначении этих машин.

Узнали также о «душегубках» и арестованные, которые при посадке в машину начали оказывать сопротивление, оглашая двор гестапо криками и воплями, в связи с чем их вталкивали в машину посредством насилия. Крики несчастных вскоре после, того, как включался мотор, постепенно стихали, и находившиеся там люди погибали.

Свидетельница Гажик Евдокия Федоровна, наблюдавшая однажды картину насильственной посадки в машину «душегубку» одной арестованной женщины с пятилетней девочкой, показала:

«В этот «автобус» гестаповцы силой вталкивали женщину в возрасте, примерно, около 30 лет. Женщина в машину не шла, сопротивлялась и всё время рвалась к стоявшей сзади девочке 4—5 лет, которая кричала: «мамочка, мамочка, я поеду с тобой». Не сумев осилить арестованную, гестаповец схватил девочку и смазал ей каким-то черным полужидким веществом губы и нос. Ребенок моментально упал в бессознательном состоянии и был брошен гестаповцами в кузов машины. Увидев всё происшедшее, мать подняла истерический крик и бросилась на гестаповца. После нескольких секунд борьбы, гестаповцу удалось обессилевшую женщину втащить в машину».

В «душегубках» истреблялись не только арестованные, но и лица, случайно схваченные на улицах при массовых облавах.

При раскопке противотанкового рва среди жертв фашистских мерзавцев были обнаружены трупы с корзинками и другими предметами, с которыми погибшие направлялись в город, на базар и т.п. При раскопках противотанкового рва в районе совхоза №1 было обнаружено множество трупов, впоследствии опознанных родными.

Так, житель гор. Краснодара Коломийцев Николай Кузьмич опознал труп своей жены Коломийцевой Раисы Ивановны, арестованной гестапо 2.П.1943 г. Рабочий завода «Краснолит» Петренко Василий Николаевич опознал трупы своей жены Веры Зиновьевны, сына Юрия 7 лет и дочери Инны 3-х лет. Жена Петренко была аресто-

вана вместе с детьми также 2.П.43 г. Священник Георгиевской церкви гор. Краснодара Ильяшов лично опознал известных ему жителей г. Краснодара — Луганского Кирилла, Головатого Владимира и др.

В августе 1942 г. в Краснодарскую городскую больницу приехал врач гестапо немец Герц, который собрал сведения о численности и составе больных. Вскоре после этого Герц приехал в эту больницу с несколькими немецкими офицерами, которые осмотрели больницу и уехали.

22 августа Герц явился к главному врачу больницы доктору Башлаеву, и объявил ему и другим врачам, что, согласно установке, полученной от немецкого командования, больные должны быть «убраны» из больницы. Вскоре во двор больницы прибыла «душегубка», куда начали насильно загонять больных.

В первый рейс было погружено около 80 человек, машина ушла и вскоре вернулась. В течение последующих двух часов машина сделала 4 рейса, забрав свыше 300 больных, которые все были умерщвлены указанным выше способом, а трупы их были выброшены в противотанковый ров у завода измерительных приборов.

Эти факты установлены показаниями очевидцев: Макарова, Кантонистова, Мохно и др.

Так, свидетель Мохно показывает:

«Сделав несколько рейсов, эта же машина подошла и к корпусу, где были больные мужчины. От немецкого офицера поступило распоряжение — всех мужчин, могущих как-либо, передвигаться, раздеть и выводить их к машине. Здесь опять поднялся шум, стоны и крики больных, но немцы зверствовали, они хватили их и вталкивали в машину, а тяжело больных на носилках выносили, и немцы, тоже бросали в машину».

Однажды в момент погрузки больных в машину на территорию больницы явился за справкой задолго до того выписавшийся из больницы житель г. Краснодара Иван Иванович Котов. Один из немецких офицеров, наблюдавших за погрузкой, увидев Котова, схватил его и втолкнул в «душегубку». В дальнейшем, когда дверь машины захлопнулась и машина двинулась, то Котов, почувствовав удушье, порвал сорочку и, омочив ее собственной мочой, закрыл себе рот и нос. Через некоторое время он впал в бессознательное состояние и очнулся уже в противотанковом рву, где он лежал среди беспорядочно сваленных трупов. Выбравшись из рва, Котов возвратился домой.

На следствии Котов показал:

«...Немец, стоявший у машины, с непонятными мне выкриками бросился на меня, схватил сзади за воротник пиджака и втолкнул меня в машину. Когда я был брошен в машину, там уже находилось много людей. Сколько их было, не могу сказать. Здесь были мужчины и женщины. В машине было очень тесно. Люди стояли, прижавшись друг к другу. В машине стояли стоны, крик, плач, люди совершенно обезумели, видимо предчувствуя, что немецкие варвары готовят нам кошмарные пытки и смерть. За мной в машину были брошены еще человек пять, после чего дверь машины, захлопнулась, и через несколько минут машина двинулась с места. Во время движения я почувствовал, что начинаю задыхаться. Я сорвал с себя рубашку, смочил ее мочой и закрыл ею рот и нос, после этого я сразу почувствовал облегчение».

После истребления больных Краснодарской больницы в ней было оставлено лишь 20 коек, на которые принимались новые больные. Однако фактически это отделение больницы явилось ловушкой, так как врач гестапо Герц дважды приезжал за новыми больными, поступавшими в это отделение, и также увозил их в «душегубку».

5 сентября 1942 г. этот же гестаповец Герц явился в Березанскую лечебную колонию и объявил главврачу этой колонии Кирееву, в присутствии врача Шаповаловой, что 7 сентября прибудет машина за больными, которых также нужно истребить. Киреев попросил Герца не забирать хотя бы выздоравливающих, занятых на сельскохозяйственных работах. Герц на это согласился и дал распоряжение выздоравливающих вывести в отдельное помещение. Утром 7 сентября «душегубка» прибыла в колонию и в нее начали грузить больных женщин, предварительно раздевая их донага. Многие из больных пытались сопротивляться, но их силой заталкивали в «душегубку».

В общей сложности из Березанской колонии было таким образом вывезено и истреблено 320 больных, трупы которых были засыпаны в противотанковом рву, расположенном в 5 км. от колонии.

Через несколько дней после этого в колонию прибыла группа немцев, во главе с офицером из гестапо Хансом Мюнстером. Эта группа разграбила все материальные ценности и продукты, принадлежащие колонии.

В октябре 1942 г. в колонию было доставлено из Краснодара 17 больных, которые впоследствии также были истреблены в «душегубке». Что же касается выздоравливающих больных, которые были оставлены по разрешению Герца, то 20 октября 1942 г. их по приказу Ханса Мюнстера погрузили в количестве 60 чел. в грузовик и вывезли к противотанковому рву, где они и были расстреляны. Перед этим одна из больных, по имени Маруся, в исступлении закричала: *«Придут наши и отомстят за нас»*. Мюнстер избил эту больную прикладом винтовки, до крови искалечив ей лицо и голову. Больной Добунцов пытался бежать но был убит выстрелом из винтовки.

В сентябре 1942 г. немцы таким же образом организовали истребление больных детей, находившихся в детской краевой больнице, помещающейся на хуторе «3-ья речка Кочеты», Усть-Лабинского района, Краснодарского края. В указанной больнице поселились офицер гестапо Эрих Мейер и переводчик Якоб Эйкс.

21 сентября 1942 г. к больнице подъехала одна «душегубка» и одна легковая машина, в которой прибыл врач Герц и с ним еще несколько немцев. В «душегубку» были в одних трусиках и майках помещены 42 больных ребенка, которые были истреблены указанным выше способом. Трупы детей были сброшены в специальную большую яму, вырытую еще за несколько дней до этого в районе хутора «Чернышева» местными жителями, по приказанию Мейера и Эйкса, якобы для установки зенитного орудия.

В процессе предварительного следствия по настоящему делу в 13 пунктах были разрыты ямы с закопанными в них трупами жертв немецко-фашистских палачей и была произведена судебно-медицинская экспертиза. Из ог-

ромного количества обнаруженных в этих местах трупов были подвергнуты судебно-медицинскому исследованию 623 трупа, из них 85 трупов детей, 256 трупов женщин и 282 трупа мужчин, в том числе 198 трупов стариков.

На основании всесторонних судебно-медицинских, судебно-химических и спектроскопических исследований, экспертная комиссия, в составе Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР д-ра Прозоровского В.И., главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава РСФСР — доцента Смольянинова В.М., главного судебно-медицинского эксперта Красной Армии д-ра медицинских наук профессора Авдеева М.И., консультанта московской городской судебно-медицинской экспертизы д-ра Семеновского П.С. и судебного химика Соколова С.М., — пришла к заключению, что причиной смерти в 523 исследованных случаях было отравление окисью углерода, а в ста случаях смерть наступила в результате огнестрельных пулевых ранений, нанесенных в подавляющем большинстве случаев в голову.

В своем заключении комиссия экспертов указывает, что смертельное действие окиси углерода безусловно могло иметь место при поступлении отработанных газов от дизель-мотора в закрытое помещение.

Комиссия констатировала:

«Если источник поступления окиси углерода (в том числе и выхлопные газы) находится в закрытом помещении, то концентрация окиси углерода в этом помещении нарастает чрезвычайно быстро, что может привести к наступлению смерти даже в течение нескольких минут (до 5—10)».

Таким образом, материалы судебно-медицинской экспертизы полностью подтвердили полученные предварительным следствием данные о массовом зверском уничтожении органами гестапо, советских граждан, содержащихся под стражей в Краснодарском гестапо, а также и других мирных жителей, больных, как взрослых, так и детей, находившихся на излечении в Краснодарской больнице, Березанской лечебной колонии и Краевой детской больницы.

Общее количество советских граждан, удушенных путем применения машин «душегубок», достигает 7 000 человек.

Обвинительное заключение также излагает установленные обстоятельства массовых арестов и истязаний советских граждан в Краснодарском гестапо.

В подвалах гестапо ежедневно производились избиения заключенных. Гестаповцы зверски избивали их шомполами, палками и ногами, загоняли им под ногти булавки и т.п. После этих пыток арестованные сбрасывались в подвалы в бессознательном состоянии и обезображенные до неузнаваемости.

Особенно изощрялся в отношении истязаний арестованных шеф Краснодарского гестапо полковник Кристан и врач гестапо Герц. Свидетельница Морошникова, содержащаяся некоторое время в гестапо, показала:

«За время моего пребывания в камере 1-1 Краснодарского гестапо я была очевидцем, когда с допроса в камеру сильно избитыми возвращались Бронник Вера, Яценко Ирина, Григорьева Груня и целый ряд других советских девушек и женщин. По их рассказам, офицеры гестапо избивали их плетьюми, ногами, предварительно раздев догола. Некоторые из них при допросе были изнасилованы. Возвращаясь в камеру, девушки были покрыты сплошными кровоподтеками и струпьями запекшейся крови, некоторых из них в таком состоянии бросали в одиночки, где лишали воды или выдавали сильно соленую воду».

По показаниям свидетельницы Гажик, из подвалов, где содержались заключенные, систематически доносились вопли о помощи. Нередко приходилось слышать, как заключенные кричали: *«Дайте глоток воды или хотя бы кусочек хлеба. Умирают дети!»*.

Перед своим бегством из гор. Краснодара, вызванном наступлением Красной Армии, гестаповцы осуществили новое чудовищное злодеяние.

10.11.1943 г. здание гестапо было подожжено отрядом «Зондеркоманды СС-10-а», под руководством офицера Гана. Быстро распространившееся пламя и взрывы предварительно заложенных мин сделали невозможным спасение заживо горящих заключенных. Из пламени удалось выскочить только одному заключенному, фамилия которого осталась неизвестной, так как он вскоре скончался в результате перенесенных пыток и полученных при пожаре ожогов, что подтверждается показаниями свидетелей Рожковой, Добровой, Гажик и обвиняемого Пущкарева.

В общей сложности, количество арестованных советских граждан, погибших мучительной смертью при поджоге здания гестапо, достигает 300 человек. Некоторые из числа обгоревших трупов, обнаруженных потом в подвалах гестапо, носили на себе следы чудовищных пыток и издевательств. Так, например, среди этих трупов был обнаружен труп неизвестного мужчины средних лет с отрубленными руками.

В своем зверском стремлении истребить как можно больше советских граждан немецко-фашистские бандиты не останавливались перед самыми гнусными провокациями. Так, например, однажды населению города было объявлено, что на Новом базаре будут продаваться мясные отходы (требуха). Поверив в, это объявление, голодные жители собрались в указанном месте. Вместо мясных отходов туда прибыла крытая машина с полицейскими и немецкими солдатами, доставившая неизвестного краснофлотца, которого, тут же в присутствии собравшихся повесили на столбе. В последний момент краснофлотец, обратившись, к плачущей толпе, закричал: *«Не плачьте! Палачи народа ответят тысячами своих жизней. Скоро наши придут и за всё отомстят»*.

В другом случае населению города было объявлено немецким командованием, что несколько тысяч пленных бойцов Красной Армии, якобы, будут проведены через город и что населению разрешено оказать им помощь продовольствием. В связи с этим большое количество жителей гор. Краснодара вышло навстречу, захватив с собой подарки и продукты, но вместо советских военнопленных им навстречу были пущены автомашины с немец-

кими ранеными солдатами, причем тут же была произведена фото и киносъемка, которая по замыслу немецких провокаторов должна была иллюстрировать «встречу», якобы, устроенную советскими гражданами немецким солдатам.

Подводя итоги чудовищным злодеяниям, установленным произведенным расследованием, обвинительное заключение указывает, что всю полноту ответственности за зверства и злодеяния, учиненные в период оккупации, гор. Краснодара и Краснодарского края за пытки и издевательства, за массовые расстрелы и истребление изуверскими методами, путем удушения газами в специально приспособленных машинах, за сожжение и др. виды умерщвления ни в чем неповинных советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей, — несут руководители разбойничьего фашистского правительства Германии и немецкого командования, а в частности, командующий 17 армией генерал-полковник Руоф, а также непосредственные исполнители этих злодеяний:

Кристман — полковник, шеф Краснодарского гестапо

Раббе, — капитан, заместитель гестапо

Сальге — офицер гестапо

Сарго — офицер гестапо

Пашен — офицер гестапо

Викц — следователь гестапо

Ган — офицер гестапо

Мюнстер Ганс — офицер гестапо

Мейер Эрих — офицер гестапо

Герц — врач гестапо

Шустер — врач гестапо

Эйкс Якоб — сотрудник гестапо

Шертерлан — сотрудник гестапо.

Наряду с ними обвиняются во всех этих зверствах и злодеяниях привлеченные в качестве обвиняемых по настоящему делу: Тищенко В., Тучков Г., Речкалов И., Ластовина М., Пушкарев Н., Мисан Г., Напцок Ю., Парамонов И., Котомцев И., Павлов В., Кладов И.

Все они на предварительном следствии признали себя виновными в предъявленных им обвинениях и дали подробные показания о своей предательской деятельности и соучастии в зверствах немецко-фашистских оккупантов.

Все, обвиняемым предъявлены обвинения по ст. 58-1 «а» и ст. 58-1 «б» Уголовного Кодекса РСФСР. Дело слушанием продолжится несколько дней.

Продолжение заседания 14 июля

После короткого перерыва Военный Трибунал приступает к допросу обвиняемых. Первым допрашивается подсудимый **Тищенко**. Это — прожженный изменник, добровольно поступивший на службу в немецкую полицию, переведенный в гестапо — вначале старшиной «зондеркоманды» и, наконец, следователем гестапо.

Представитель государственного обвинения генерал-майор юстиции тов. Яченин спрашивает подсудимого, какова была система работы гестапо. Тищенко вынужден признать, что в гестапо полностью и безраздельно действовал дикий разнузданный произвол, система массового истребления советских людей.

Прокурор: Расскажите об этом конкретнее и подробнее.

Тищенко: Арестованным в гестапо никаких обвинений не предъявляли, свидетелей не вызывали, очных ставок не делали. Офицеры допрашивали в сильно нетрезвом виде, били арестованных шомполами, палками, плетьюми, коваными сапогами, вырывая волосы, срывая ногти. Офицеры Кристиан, Раббе, Сальге, Сарго и другие насильствовали арестованных женщин.

Прокурор: Это — система?

Тищенко: Да, система.

Подсудимый Тищенко, всячески пытающийся умалить свою роль, признает, что он лично избивал арестованных, что по материалам, представленным Тищенко, были расстреляны советские активисты Саркисов и Патущинский, а остальные заключены в концлагери.

Подсудимому задается вопрос о «душегубках» — автомашинах, специально оборудованных для зверского умерщвления советских граждан. Тищенко отвечает подробно, с явным знанием дела. Это были машины грузоподъемностью 7—8 тонн с двойными стенами и фальшивыми окнами, придававшими им вид автобуса, в задней стенке кузова имелась герметически закрывающаяся дверь. Внутри кузова была сделана решетка, под нею проходила выхлопная труба, по которой отработанный газ поступал из дизеля в кузов. При работе мотора, когда машина стояла на месте, смерть наступала через 7 минут, если машина находилась в движении — через 10 минут. Арестованным стало известно, что в этой машине их ожидает мучительная смерть. Поэтому они всячески сопротивлялись при посадке, кричали и звали на помощь. Гестаповцы вталкивали свои жертвы в машину силой. Посадкой в «душегубки» обычно руководили шеф гестапо полковник Кристиан, Раббе и другие немецкие офицеры. Тищенко показывает, как однажды на его глазах в «душегубку» загнали 67 взрослых и 18 детей.

Когда на вопрос прокурора о возрасте детей, брошенных в «душегубку», Тищенко отвечает: «От одного года до пяти лет» — в зале раздаются невольные возгласы возмущения. Нет меры возмездия, которая была бы достаточной для гитлеровских, детоубийц.

Каждое слово подсудимого изобличает его, как изменника родине, оголтелого гитлеровского пособника. Тщетно пытается Тищенко увильнуть от вопроса председателя суда и прокурора — чем собственно объясняется такая его быстрая гестаповская карьера — инспектор полиции — старшина «зондеркоманды» — следователь гестапо.

Председательствующий: Значит, немцы вам доверяли, если так быстро вас продвигали по службе?

— Да, — отвечает Тищенко, — доверяли.

Тищенко полностью признает себя виновным в измене родине, в том, что он добровольно перешел на сторону врага, поступил на службу в немецкую полицию, а затем в гестапо, принимал участие в слежке за советскими гражданами, в их избиваниях и пытках, в их массовом истреблении.

На этом заседании суда 14 июля заканчивается. Объявляется перерыв.

Утреннее заседание 15 июля

Сегодня с утра продолжался допрос обвиняемых. В ходе судебного следствия полностью вскрылась картина чудовищных преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников — массовое истребление советских людей, истязания, насилия, грабежи, которые совершали изо дня в день гитлеровские негодяи на территории гор. Краснодар и Краснодарского края.

Из 11 обвиняемых десять состояли на службе в так называемой «зондеркоманде СС-10-А» (особая команда тайной полиции) — в карательном органе гестапо. Все они поступили туда добровольно и ревностно выполняли, свои палаческие обязанности, стараясь всячески выслужиться перед немецкими хозяевами. В «зондеркоманду», так же, как и в полицию, немцы вербовали различные уголовные элементы — растратчиков, воров, в свое время осужденных советским судом и отбывавших наказание (таковы Речкалов, Котомцев, Тучков), бывших кулаков, антисоветски настроенных людей. Это — самые мерзкие человеческие отбросы, лишённые чести, изменники и предатели, ставшие активными пособниками злейших врагов и палачей советского народа.

Утреннее заседание начинается продолжением допроса обвиняемого Тищенко. Этот предатель, выслужившийся до должности следователя гестапо, дополняет свои вчерашние показания новыми фактами кровавой расправы немецких оккупантов над мирными советскими гражданами. Он приводит многочисленные примеры насилий, творимых шефом гестапо полковником Кристманом, офицерами Раббе, Сальте, Сарго и другими над советскими женщинами, рассказывает, как заключённым в подвалах гестапо людям, страдавшим от жажды, давали солёную воду, как насильно сажали в «душегубки» женщин, а вслед за ними, как поленья дров, бросали маленьких детей. Когда одна из матерей, показывает Тищенко, не вынесла страданий своего ребенка и бросилась ему на помощь, ее сшибли с ног ударом приклада. Ребенок, которого насильно тащили в «душегубку», укусил немца за руку, другой немец ударом приклада размозжил ребенку голову.

Следующим допрашивается обвиняемый **Пушкарев**. Он поступил на службу в гестапо добровольно, вскоре выслужился и был назначен группенфюрером, вместе с другими гестаповцами выезжал в станицы.

Прокурор требует, чтобы Пушкарев более подробно рассказал об этих поездках.

— *Нас снабдили фальшивыми документами,* — показывает Пушкарев, — *и отправили по станицам под видом военнопленных, освобожденных из лагерей. Нам дали задание выявлять советских активистов и людей, сочувствующих партизанам. Во время поездки я был свидетелем расстрела немцами 20 мирных жителей в Анапе. Их предварительно раздели, пинками загнали в яму и расстреляли в упор из автоматов.*

Прокурор спрашивает обвиняемого, что ему известно о злодеяниях гестапо. Пушкарев приводит ряд фактов — один чудовищнее другого. Однажды в гестапо привезли целую семью — большого мужа, жену и 10-летнего ребенка. Мужчину, несмотря на то, что он был болен и не мог самостоятельно двигаться, отнесли на руках в подвал и полуголым бросили на нары. Стояли сильные заморозки, часовой слышал раздававшиеся из подвала стоны и крики о помощи. К утру они затихли большой замерз.

Как группенфюрер, Пушкарев часто бывал караульным начальником.

Прокурор: То-есть обеспечивали охрану жертв гестапо?

— Да, — отвечает Пушкарев. — *Я видел, как людей приводили в гестапо, отправляли на допрос, возвращали в камеры. Они выходили с допроса редко, большей частью их выносили и выволакивали с обезображенными лицами, синяками, кровоподтеками, переломанными конечностями. Особенно свирепствовал шеф гестапо полковник Кристман. Не отставали от него, впрочем, и другие офицеры.*

Из показаний обвиняемого выясняется, что Пушкарев был весьма «требовательным» к своим подчиненным группенфюрером. «*Это вам не советская власть, нас немцы воспитали иначе,*» — сказал он одному из своих подчиненных. В декабре был случай, когда только что арестованная гестапо женщина пыталась бежать, это ей могло удалиться, но, желая выслужиться перед немцами, группенфюрер Пушкарев дал команду стрелять, а когда полицейский замешкался, — выхватил у него винтовку и сам застрелил женщину.

Обвиняемый Пушкарев полностью подтверждает показания других обвиняемых о «душегубках». Его показания особенно важны, так как он принимал, непосредственное участие в погрузке арестованных в эти страшные машины.

— *Руководили погрузкой,* — показывает Пушкарев, — *Кристиан, Раббе, Ган, доктор Герц и другие немецкие офицеры. Сначала в машины загоняли женщин, потом мужчин. При мне в машину бросили 11 детей, в том числе грудных. Стоял невообразимый плач и стон. Кто сопротивлялся, тех избивали до полусмерти и бросали в машину насильно. Затем запирали дверь и включали мотор.*

Пушкарев из зондеркомандовцев последним ушел из помещения гестапо перед бегством немцев из Краснодара. Он участвовал еще в одном страшном злодеянии немецких оккупантов.

— *Перед уходом немцев,* — показывает Пушкарев, — *в камере было полно арестованных. Стоя в карауле, я слышал выстрелы и крики в подвале. После того, как оттуда вышли немецкие офицеры, из окон подвала вырвалось сильное пламя. Я понял, что офицеры подожгли здание вместе с находившимися в нем арестованными. Крики усиливались, стали душераздирающими и, наконец, постепенно затихли.*

Прокурор: Зачем вы были поставлены на пост, для чего находились, в карауле? Для того, чтобы помешать несчастным жертвам спастись?

Пушкарев: Да, когда люди сгорели, караул сняли.

Показаниями Пушкарева вскрываются мерзкие провокации немецких оккупантов. Людей, уничтоженных самими гестаповцами, оккупанты пытались представить «жертвами советской власти».

— *Однажды,* — показывает Пушкарев, — *немцы распустили слух, что через город пройдет партия русских военнопленных, которым можно давать продукты. Когда народ собрался на улицах — пустили навстречу автомашины с немецкими ранеными и организовали фотографирование и киносъёмку. Эта инсценировка должна была изобразить встречу раненых немецких солдат населением Краснодара.*

Заканчивая свои показания, Пушкарев говорит, что, как ему проболтался в нетрезвом виде следователь Винц, незадолго до отступления немцев был получен секретный приказ командующего 17-й немецкой армией генерал-полковника Руоф: при отходе из Краснодара не оставить от города камня на камне, сжечь всё, истребить как можно больше советских граждан, а остальных угнать, с собой.

Успешное наступление Красной Армии помешало гитлеровским извергам в полной мере осуществить этот злодейский замысел.

Допрашивается подсудимый **Речкалов**. Растратчик и вор, дважды судимый и отбывавший наказание, он добровольно поступил в гестапо.

— *Для чего вы это сделали?* — спрашивает прокурор.

— *Искал работу полегче, а заработок побольше,* — объясняет Речкалов.

Как и другие обвиняемые, Речкалов выезжал на облавы, охранял арестованных, старательно делал всё, что приказывали ему немецкие палачи. Однажды он сопровождал «душегубку» к противотанковому рву. Вот что он показал об этом.

— *Во время погрузки люди сопротивлялись и кричали. «Что вы делаете, ведь меня ни разу не допрашивали», — кричала одна женщина. Когда погрузка закончилась и машина тронулась, вслед за ней поехали верхом 12 карателей из «зондеркоманды», в том числе и я. У противотанкового рва машина остановилась, и мы начали выгрузку. Все люди были мертвыми. По трупам было видно, что перед смертью они испытывали страшные муки. У одной женщины в руке была зажата прядь волос, вырванных ею из головы. Среди трупов я видел несколько детских.*

Отвратительное впечатление производит обвиняемый **Мисан**. Невнятной скороговоркой он показывает, отвечая на вопросы суда и прокурора, как он лично участвовал в погрузке в «душегубки» арестованных, в том числе женщин и детей, как добровольно вызвался расстрелять полицейского Губского, которого немцы заподозрили в тайном сочувствии советской власти, и как, выполнив эту палаческую обязанность, завоевал доверие гестаповских офицеров.

Мисан пытается увертываться, но обвиняемые Парамонов, Напцок, Речкалов и другие тут же на суде изобличают его как тайного агента гестапо, провокатора и шпиона.

Впечатление законченного предателя производит обвиняемый **Котомцев**. Бывший военнослужащий, он добровольно сдался в плен и перешел на сторону врага, поступил на службу в полицию, а затем в гестапо. Котомцев, как он сам показал на суде, участвовал в трех карательных экспедициях.

— *Одну карательную экспедицию,* — показывает Котомцев, — *возглавлял «сам» шеф гестапо полковник Кристиан. Во время этой экспедиции была повешена одна неизвестная девушка, заподозренная в том, что она поддерживает связь с партизанами; всё же остальное население было выгнано с хутора.*

— *Как же отблагодарило вас немецкое командование?* — спрашивает прокурор.

Котомцев пытается прикинуться, что не понимает вопроса, но в конце концов отвечает, что получил от шефа гестапо благодарность.

Прокурор: За что? За верную службу немецким оккупантам, за то, что помогали им истреблять советских людей?

— *Да,* — отвечает Котомцев, сам подводя этим ответом итог своей преступной изменнической деятельности.

Следующим допрашивается обвиняемый Напцок.

— *Знали ли вы,* — спрашивает его председательствующий, — *что «зондеркоманда» — это карательный орган гестапо, что его основной функцией являлось истребление советских людей.*

— *Да,* — отвечает обвиняемый, — *знал.*

Председательствующий: Следовательно, вы сознательно изменили родине и перешли, на сторону злейших врагов нашего народа.

Напцок (после непродолжительного молчания): Да, сознательно.

Последним на утреннем заседании допрашивается обвиняемый **Тучков**. Он полностью признает, что, поступив на службу гестапо, всячески старался выслужиться перед немецкими офицерами, активно участвовал во всей террористической и провокаторской работе, которую проводило гестапо на территории Краснодара и Крас-

нодарского края.

Вечернее заседание 15 июля

На вечернем заседании, был закончен допрос обвиняемых. Допрашивались **Кладов, Парамонов, Павлов и Ластовина**. Их показания дополнили новыми деталями картину, нарисованную остальными обвиняемыми. В частности полностью подтверждено всё, что связано с изобретенными немецкими извергами «душегубками» — специально оборудованными автомашинами для зверского умерщвления людей. Вначале, как показали подсудимые, рейсы этих «душегубок» производились по определенным дням, затем, когда Красная Армия перешла в наступление и немецкие захватчики почувствовали, что скоро им придется бежать из Краснодара, они начали истреблять советских людей с лихорадочной поспешностью. «Душегубки» заработали с предельной нагрузкой, совершая по несколько рейсов в день. Всего по неполным подсчетам в них умерщвлено до 7 000 человек, в том числе сотни детей.

Все подсудимые полностью признали себя виновными в предъявленных им обвинениях — активном пособничестве немецким захватчикам, в насилиях и зверствах над населением Краснодара и Краснодарского края. Все они поступили на службу в гестапо, выполняли все злодейские приказы и распоряжения немецких офицеров, непосредственно участвовали в массовом истреблении советских людей.

Подсудимый **Ластовина** работал санитаром в Березанской лечебной колонии, где находились сотни больных.

После того, как немцы вывезли на «душегубках» и утертвили этим изуверским способом большинство больных, они собрали остальных и повезли их на грузовиках к противотанковому рву. Ластовине немцы приказали сопровождать грузовики с обреченными людьми, и он с радостью согласился.

— *Когда сажали в машину,* — показывает Ластовина, — *больные сопротивлялись, молили о пощаде, но немцы силой вталкивали их в кузов. Одной больной по имени Маруся, которая сопротивлялась особенно сильно и под конец крикнула: «Наши за всё отомстят!» — немецкий офицер разбил голову и бросил женщину в машину. Всех отвезли за 5 километров к противотанковому рву и по пять человек начали вытаскивать из машины. Я их раздевал, а после расстрела сбрасывал в противотанковый ров.*

После короткого перерыва суд перешел к допросу свидетелей. Они нарисовали в своих показаниях страшную картину террористического разгула гитлеровских мерзавцев, невероятных насилий и издевательств, которым они подвергали население оккупированных городов и сёл. Первой допрашивается свидетельница Климова. Она рассказала о том, что ей довелось видеть и пережить, когда она была арестована и брошена в подвал гестапо.

— *Женщин,* — показывает Климова, — *сидевших в нашей камере, приводили после допросов в таком состоянии, что их невозможно было узнать. Как сейчас, помню страшный рассказ одной девушки, возвратившейся с допроса. Немецкие офицеры приказали раздеть ее и обнаженной привязать к столу. Завели патефон, и пока пластинка проигрывалась, — девушку били смертным боем. Потом начался допрос. Поскольку она ни в чем не признавалась, немцы снова завели патефон и били ее до тех пор, пока не была проиграна пластинка. Так продолжалось два часа.*

С напряженным вниманием выслушивается присутствующими показание свидетеля Головатого.

— *У меня,* — говорит свидетель, — *был арестован сын 17 лет, комсомолец. Его взяли в гестапо. С тех пор я его не видел. Лишь после того, как немцы были изгнаны из Краснодара, я увидел сына, но уже мертвым. В противотанковом рву я нашел изуродованный, искалеченный труп своего сына. Возле него лежало множество других трупов, в том числе трупы женщин и маленьких детей. Убитые были, свалены немцами в противотанковый ров рядами один на другой. Вместе со мной был рабочий нашего завода, он также обнаружил здесь зверски изуродованные трупы, своей жены и маленького ребенка.*

Свидетель изобличает сидящих на скамье подсудимых, как подлейших изменников родине и активных пособников гитлеровцам во всех их кровавых злодеяниях и насилиях, чинимых над советскими людьми.

Утреннее заседание 16 июля

На утреннем заседании 16 июля продолжался допрос свидетелей. 22 свидетеля прошло перед Военным Трибуналом. Среди них — люди, побывавшие сами в лапах гестапо, потерявшие родных и близких, непосредственные очевидцы кровавых зверств фашистских захватчиков.

Утреннее заседание начинается допросом свидетеля Коломийцева.

— *В начале февраля,* — показывает свидетель, — *была арестована моя жена. Увидел я ее лишь 28 февраля — мертвой в противотанковом рву. Ее лицо пересекали продольные полосы с небольшой синевой.*

Прокурор: Много там было других трупов?

Коломийцев: Тысячи. Бросалось в глаза множество детских трупов, в том числе детей грудного возраста, женщин, дряхлых стариков. На многих были ясно видны следы жестоких побоев и пыток. На большинстве трупов не было никаких следов огнестрельных ранений — по всей видимости их удушили каким-то отравляющим веществом.

Прокурор: Что вам до этого было известно о зверствах немцев?

Коломийцев: С первого дня хозяйничанья в Краснодаре они начали истреблять советских людей, а в конце января это приобрело массовый характер. По всему городу были установлены виселицы, вешали также на телеграфных столбах. Так, я помню висевший несколько суток труп мужчины, на груди которого была надпись: «Во-

ровал дрова у Германиш». Его повесили только за то, что он взял с кладбища несколько сухих сучьев.

Следующим допрашивается свидетель Петренко.

— *Вскоре по приходе немцев в Краснодар, — показывает он, — меня вызвали в гестапо и предложили указать местонахождение известных мне советских активистов. Дали два дня срока. Я не захотел стать предателем и скрылся из города в одну из станиц, а семья не успела, и гестапо в порядке мести арестовала мою жену и вместе с нею двоих детей.*

Прокурор: Сколько им лет?

Петренко: Сыну семь, дочери три.

Прокурор: Продолжайте ваши показания.

Петренко: После освобождения Краснодара от немецких оккупантов я вернулся в город и начал искать свою семью. Где только я не был, побывал во всех подвалах гестапо, пересматривая трупы заживо сожженных гитлеровцами людей, наконец, бросился к противотанковым рвам. Там не было счета трупам. Среди них я нашел жену и дочь. Обе были раздеты. Сына я нашел спустя две недели в том же рву. Все они, как после выяснилось, были умерщвлены при помощи «душегубки».

Прокурор: Что вы видели в подвалах гестапо, когда искали трупы?

Петренко: Сгоревших заживо людей. По их позам было видно, что перед смертью они страшно мучились и в отчаянии пытались выбраться из подвала.

После Петренко дает показания старая женщина Агриппина Антоновна Корольчук, живущая невдалеке от противотанкового рва, куда немцы сбрасывали свои жертвы.

— *Большие закрытые машины, — показывает Корольчук, — ходили ко рву мимо нашего дома каждый день. Их обычно сопровождали верховые с лопатами.*

Однажды машина застряла в грязи. Как немцы ни старались ее вытащить, у них ничего не вышло. Тогда они загнали нас всех в дом, чтобы мы не смотрели. Но из окна я украдкой видела, как к машине подъехала подвода и немцы начали наваливать на нее трупы. Навалят, отвезут ко рву, сбросят туда и снова приезжают к машине. Так это продолжалось шесть или семь раз подряд, пока не вывезли всех.

О массовой расправе немецких оккупантов с мирными советскими гражданами говорит в своих показаниях и свидетельница Талашенко, также живущая возле противотанкового рва.

Среди тех, кого немцы ежедневно привозили на расстрел, было много женщин и детей. У меня и сейчас стоит в ушах их душераздирающий крик: «Боже мой, сколько нас здесь безвинных!». ...Ежедневно подъезжала к противотанковому рву и «душегубка», ее подводили вплотную к насыпи, открывали дверь и выбрасывали трупы, как дрова, чуть закидывали землей и уезжали.

Допрашивается свидетель Ильашев — старик, священник Георгиевской церкви.

Он рассказывает о многих русских семьях, у которых немцы отняли кормильца, замучили мать, убили сына или дочь.

Буквально назавтра после бегства немцев из Краснодара меня пригласили в одну семью, которая переживала большое горе. Только что привезли труп единственного сына, убитого фашистскими палачами. Назавтра я был в семье моего знакомого фотографа Луганского. Еще недавно мы с ним встречались, а сейчас вот пригласили совершить погребальный обряд.

— Немцы убили? — спрашиваю.

— Немцы, батюшка, будь они прокляты!

Я не мог совершать обряда — слезы безудержно катились из глаз, думалось о русских людях, безвинно погибших на своей родной земле от руки немецких извергов. Погибла от их проклятых рук и моя соседка Раиса Ивановна. Я близко знал ее семью — хорошая, дружная и трудолюбивая русская семья. Немцы удушили Раису Ивановну каким-то отравляющим веществом — никаких ран на ней не было, только лицо избородили красноватые полосы.

— *Многие прихожанки рассказывали мне, — продолжает свидетель Ильашев, — как немцы передевались в красноармейскую форму и накануне своего отступления ходили по домам и говорили: «Что вы ждете, граждане, Красная Армия уже здесь, идите и помогайте ей». Доверчивые люди выбегали на улицу, многие брали с собой припрятанное оружие. А немецкие провокаторы вылавливали их и убивали.*

Всё, что творили здесь немцы — массовые репрессии, облавы, истребление тысяч мирных людей — окончательно убедило меня в том, кто такие немцы. Я свидетельствую здесь перед всем русским народом, перед всем миром, что это дикие звери, и нет у меня слов, которые бы выразили всю ненависть и проклятье наше этим извергам!

Еще об одной немецкой провокации показывает свидетельница Скрынникова:

Немцы объявили, что такого-то числа, в такой-то час мимо собора проведут большую партию пленных красноармейцев и, мол, кто желает, может передать, им продукты. Собрались тысячи людей. Тогда немцы пустили грузовики со своими ранеными, а сами забрались на балконы и телеграфные столбы, и защелкали фотоаппараты — вот, дескать, как население Краснодара приветствует немецкую армию. Когда грузовики прошли, немцы начали разгонять толпу, применяя насилие и оружие.

С огромным вниманием присутствующие выслушивают показания свидетеля Козельского — врача Краснодарской городской больницы.

В первые дни оккупации (рассказывает доктор Козельский) в нашу больницу явился так называемый немецкий врач, а попросту — гестаповский палач Герц. Он спросил, сколько больных и кто они. Через несколько дней

пришла группа немецких офицеров в сопровождении того же Герца. 22 августа по коридорам больницы вновь раздался топот кованых сапог немецкой солдатни. По приказанию Герца в кабинет главного, врача собрались все врачи нашей больницы. Герц снял с пояса револьвер, положил на стол к ломаным русским языком спросил:

— Коммунисты, комсомольцы, евреи есть?

Услышав, что среди врачей коммунистов, и евреев нет, Герц продолжал:

— Я — немецкий офицер, мне приказано изъять отсюда больных. Немецкое командование приказало, чтобы больных во время войны не было. Они должны быть уничтожены. Как их уничтожат, вас не касается.

Воцарилось гробовое молчание. Лица всех присутствующих были бледны, как мел. Кто-то спросил:

— А как же выздоравливающие? Ведь они скоро поправятся, это почти уже здоровые люди.

— Об этом я скажу вам, — грубо оборвал Герц, — а сейчас приступаю к делу.

Я вышел во двор и увидел, что пока Герц нас собирал — погрузка в «душегубку» уже началась. Первое время больные не догадывались, в чем дело, — им сказали, что перевозят в другую больницу, — но потом догадались. Крики, и вопли, буквально раздирали душу. «Душегубку» загрузили до отказа — она отвозила свои жертвы и возвращалась за новой партией. За несколько рейсов немцы умертвили более 300 больных. Должен добавить, что, уничтожив больных, немцы оставили в больнице небольшое отделение человек на 20 — это была настоящая ловушка, чтобы привлекать, и истреблять новых больных — «душегубка» приезжала еще пару раз и забирала тех, кто попадался в эту ловушку. То же самое, как мне потом стало известно, произошло и в детской больнице «Третья речка Кочеты». Очевидцы рассказывали мне, что, когда детей погрузили и машина тронулась, из кузова раздалась приглушенные детские крики и плач. Среди работников детской больницы были люди, которые потом лично узнавали своих маленьких пациентов, зверски умерщвленных немецкими извергами. Когда была открыта одна из ям — в ней обнаружили сорок два трупа с метками детской больницы на белье.

Полностью подтвердила эти показания Козельского свидетельница Анохина. Она лишь добавила, что тех больных, которые не могли идти самостоятельно в машину, немцы выносили на носилках и сбрасывали в кузов.

О трагедии, разыгравшейся в Березанской лечебной колонии, показала свидетельница Мохно.

Однажды в колонию ворвался немецкий офицер и приказал всех больных отправлять во двор. Тем, кто сопротивлялся, скручивали руки. Их избивали и насильно бросали в кузов.

«Русский больной газом капут», — слышала я, как говорил кому-то, ухмыляясь, немецкий солдат.

Свидетельница подробно сообщает также о фактах немецкой провокации:

Как-то был пущен слух, что на новом базаре будут раздавать мясные отходы — требуху. Собралось много народа — люди за время хозяйничанья немцев вконец изголодались. Стоят — ждут. Вдруг подъезжает грузовик, оттуда выводят человека в матросской тельняшке, накидывают ему на шею петлю и собираются вешать. Женщины замерли от ужаса, многие заплакали. Тогда матрос крикнул: «Не плачьте, скоро наши вернутся и за всё отомстят!».

Свидетель Котов — человек, который был брошен немцами в «душегубку» и спасся только благодаря своей исключительной находчивости и хладнокровию.

— *Двадцать второго августа, — как показал Котов, — я пришел за справкой в третью городскую больницу, где раньше находился на излечении. Когда я вошел во двор, то первое, что мне бросилось в глаза, — это большая автомашина с темносерым кузовом. Я не успел сделать и двух шагов, как какой-то немецкий офицер схватил меня за воротник и толкнул в кузов. Там было битком набито людей — некоторые были совсем раздеты, некоторые — в нижнем белье. Дверь захлопнулась. Я почувствовал, что машина тронулась. Через несколько минут мне стало плохо, я начал терять сознание. В свое время я обучался на курсах ПВХО и сразу понял в чем дело — нас травят каким-то газом. Я разорвал рубашку, смочил ее мочой и прижал к носу и рту. Стало легче дышать, но всё же сознание я потерял. Очнулся я в яме среди десятков трупов. Кое-как выбрался и с большим трудом дополз домой.*

Жуткую картину истребления немецкими оккупантами детей воспроизводит в своих показаниях свидетельница Иноземцева — работница детской больницы.

Тринадцатого сентября (показывает Иноземцева) в детскую больницу приехала группа немецких офицеров — Эрих Мейер, Якоб Эйкс и другие. Они остались у нас на несколько дней, шныряли по всем палатам, следили за детьми и медицинским персоналом. 23 сентября, выйдя на дежурство, я увидела во дворе большую темносерую машину, внешним видом напоминающую товарный вагон. Высокий немец грубо спросил меня, сколько людей живет в окрестностях больницы и кто они по национальности. Это оказался доктор Герц — один из самых лютых гестаповских палачей. Приехавшие с ним нубцы по его приказу начали грузить детей в машину. Одевать детей не разрешали, хотя и сказали нам, что везут их в Ставрополь — а это путь немалый.

Дети были лишь в трусах и майках. Закончив погрузку, палачи захлопнули дверь, и машина тронулась, а следом за ней пошла легковая машина, в которой сидели немецкие офицеры. Через 20—25 минут они вернулись и начали пьянствовать. Никогда не забуду, как маленькие дети — среди них были и годовалые — плакали и кричали, инстинктивно чувствуя, что над ними затевают что-то страшное.

— Прощай, товарищ Сталин, прощайте, нянечки, я больше не вернусь, — крикнул один из наших маленьких питомцев Володя Зузуев. Пока я живу на свете — мне не забыть этого страшного дня.

То, что показала свидетельница Иноземцева, полностью подтверждает и свидетельница Попович: 42 ребенка из детской, больницы «Третья речка Кочеты» были зверски умерщвлены немецкими извергами в их дьявольских «душегубках».

Свидетельница Ивко, живущая в окрестностях Краснодара, оказалась невольной очевидицей того, что про-

изошло после того, как «душегубка» выехала за ворота детской больницы.

Как-то приехали к нам немцы (показывает Ивко), и заставили жителей вырыть большую яму — сказали, что это для установки зенитного орудия. Ну, мы побоялись послушаться и вырыли. Через несколько дней около нашей кооперативной лавки остановилась большая серая машина.

Из кабинки выскочил немец и побежал в правление колхоза. Я тем временем подошла к машине — слышу приглушенные стоны. Прислушалась: в самом деле стоны. Заслышав шаги, я быстро отскочила от машины. Вижу немец выходит из правления и ругательски ругает нашего учетчика — такой, сякой, русская свинья, где хочешь доставай лопату. Когда лопату достали, машина поехала дальше — прямо к яме, которую мы вырыли несколько дней назад. Минут через 15 туда же проехала и легковая машина с офицерами.

Все мы сразу поняли, в чем дело и заплакали. Наверное, думаем, повезли негодяи убивать партизан или евреев. А вскоре прибегает девочка, смотрю, на ней лица нет. Оказывается, она была у ямы, поворошила, свеженасыпанную землю, с песком зацепила темно-синюю детскую майку. Потом мы узнали, что здесь немцы закопали детей из больницы «Третья речка Кочеты», которых они удушили газом в своей «душегубке».

Затем допрашивается свидетельница Рожкова. Вот что она показала.

— *Накануне бегства немцев из Краснодара к нам в дом зашел неизвестный человек. Вернее сказать не зашел, а заполз. Оказалось, что это пленный красноармеец узбек. Он выбрался из подвала гестапо после того, как немцы подожгли здание. Мы его напоили, уложили отдохнуть, но все наши старания были напрасны — вскоре он умер.*

Прокурор: Как выглядел?

Рожкова: Он был весь изранен и обожжен, челюсть у него была сбита набок.

Прокурор: Успел он вам что-нибудь сказать?

Рожкова: Единственное, что успел сказать, — в камере, где он сидел, было 40 человек и из всех сорока спасся только он один. А остальные все заживо сгорели.

Последней допрашивается свидетельница Гажик. Она жила рядом с домом, где помещалось гестапо, и часто, подметая улицу, наблюдала, что там творится.

Я много раз (показывает свидетельница), слышала женские крики и детский плач. Они раздавались из подвала гестапо. Часто заключенные слабыми голосами просили: «Дайте хоть глоток воды». Когда часовой зазевается, иногда удавалось сунуть в окно через решетку кружку с водой или корку хлеба, и тогда я слышала взволнованные детские голоса: «Не пей, не пей всё, оставь мне хоть немножко».

Через забор я видела, как сажали людей в «душегубку». Я слышала собственными ушами, как пятилетняя девочка, не понимая, что происходит, кричала матери, которую волокли в машину: «Мамочка, я поеду с тобой». Тогда один из немецких офицеров вытащил из кармана тюбик и смазал девочке губы каким-то веществом.

Она затихла, и ее бросили в кузов. Мать вцепилась ногтями в морду немецкому палачу и укусила его — ей скрутили руки и тоже бросили в машину.

Уходя, немцы поджигали дома — на наших глазах они подожгли здание Госбанка, табачного склада и другие. После взрыва здания гестапо я спустилась в подвал. Первое, что я увидела, был труп с отрезанными руками. Кругом лежали обугленные трупы и рядом с ними — покоровившиеся от жара банки из под бензина. Трупов было так много, что их я не могла сосчитать. И не только в подвале. Весной нам отвели под огород участок во дворе дома, где помещалось общежитие «зондеркомандь» — вот этих (*свидетельница указывает на скамью подсудимых*). Когда начали копать, обнаружили несколько трупов замученных советских людей.

Допросом свидетельницы Гажик заканчивается утреннее заседание.

Вечернее заседание 16 июля

На вечернем заседании суда представили свое заключение судебно-медицинские эксперты — главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР доктор В.И. Прозоровский, главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава РСФСР — заведующий кафедрой судебной медицины второго Московского медицинского института доцент В.М. Смольянинов, консультант Московской городской судебно-медицинской экспертизы доктор П.С. Семеновский и судебный химик С.М. Соколов.

Общее заключение судебно-медицинской экспертной комиссии огласил доктор В.И. Прозоровский, который сообщил, что эксгумация трупов жертв немецко-фашистских захватчиков позволила установить следующее:

Трупы располагались в ямах, представляя своеобразные клубки человеческих тел. Одни трупы находились в лежачем — горизонтальном положении, с раскинутыми в стороны руками и ногами, то вверх, то вниз лицом; другие трупы были в лежачем положении с полусогнутым туловищем, были трупы и в позе сидящего или стоящего человека, руки, ноги и головы разных трупов так переплетались, между собой, что при попытке изъять отдельный труп из ямы извлекалось сразу несколько трупов. Это свидетельствует, что трупы были подвергнуты не погребению, а были беспорядочно сброшены в ямы и закопаны в них.

На трупах мужчин, женщин и детей (в том числе и грудных), как правило, одежда и обувь отсутствовали. В тех же случаях, где одежда была обнаружена, она представляла собой поношенное белье и ветхое верхнее платье. В некоторых ямах вместе с трупами между ними обнаружены деревянные костыли (протезы), вещи домашнего обихода (корзинки, бутылки и т.п.).

Всего с 1 марта по 26 июня 1943 года было эксгумировано и подвергнуто исследованию 623 трупа.

Судебно-медицинские, судебно-химические и спектроскопические исследования с бесспорностью установили, что причиной смерти в 523 случаях было отравление окисью углерода, а в 100 случаях — огнестрельные ранения головы и грудной клетки.

По ходатайству представителя государственного обвинения Суд приобщает к делу акт Краснодарской городской Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Председательствующий объявляет судебное следствие законченным и предоставляет слово представителю государственного обвинения, генерал-майору юстиции т. Л.И. Яченину. Его обвинительная речь с огромным вниманием была выслушана сотнями трудящихся, присутствующих в зале суда.

Речь государственного обвинителя генерал-майора юстиции тов. Л.И. Яченина

— С чувством глубокой скорби за невинно пролитую кровь тысяч замученных советских людей, — начинает свою речь государственный обвинитель, — с чувством неутолимой ненависти к немецким захватчикам за зверства, и насилия, за горе и слезы нашего народа, я начинаю свою обвинительную речь.

Мы прошли с вами, товарищи судьи, за эти несколько дней процесса по следам зверя. Перед нами раскрылись черные провалы противотанковых рвов, превращенных немецко-фашистскими извергами в гигантскую могилу более 7 тысяч мирных советских людей — женщин, детей и стариков. В наших ушах еще и сейчас стоит стон и предсмертные хрипы растерзанных, удушенных, расстрелянных наших братьев, сестер и детей.

Коричневая саранча за шесть месяцев опустошила и обездолила богатейший Краснодарский край. Откатившись под ударами Красной Армии, она оставила за собой реки крови, потоки слез, горы трупов, дым пожарниц, бездну безысходного народного горя.

Краснодарский край — не исключение. Везде, где ни ступит нога фашистского зверя, воцаряется мрачная ночь, гибнет жизнь и в открытые могилы сбрасываются сотни и тысячи ни в чем неповинных людей.

Такова сущность фашизма, такова его, людоедская программа в действии.

Еще до начала войны об этих кровавых планах, с дьявольской откровенностью, говорил гнусный главарь фашистской банды Гитлер.

И его подручные, по его прямому приказу, убивают, душат, грабят, вешают.

Гитлер и его клика годами воспитывали в немцах мораль диких зверей, вытравляя, хотя бы малейшие намеки на совесть, честь. Товарищ Сталин 6 ноября 1941 года, характеризуя гитлеровцев, привел в своем докладе слова Гитлера и Геринга:

«Убивайте, говорит Геринг, каждого кто против нас, убивайте, убивайте, не вы несете ответственность за это, а я, поэтому убивайте!»

«Я освобождаю человека, говорит Гитлер, от унижающей химеры, которая называется совестью. Совесть, как и образование, калечит человека. У меня то преимущество, что меня не удерживают никакие соображения теоретического или морального порядка».

Кончится нашей победой война, будут восстановлены разрушенные здания Краснодара и других наших городов. Вновь расцветут сады и в них зазвонит детский смех. Наша земля залечит глубокие раны, нанесенные этой фашистской ордой, но черные ямы противотанковых рвов, похоронившие тысячи человеческих жертв, обгорелые стены здания гестапо, под которыми нашли смерть в огне 300 советских патриотов, тысячи удушенных, расстрелянных, растерзанных, замученных, — вечно будут стоять страшной тенью, чудовищных злодеяний и звать нас к неукротимой мести и к расплате.

Враг еще на нашей земле, он продолжает свои насилия над советскими людьми захваченных территорий. И сейчас, когда я произношу свою речь, где-то в еще оккупированных немецко-фашистскими варварами районах рокочут моторы «душеубок», вывозящих новые жертвы в подготовленном для них могилам.

Всю полноту ответственности за зверства и злодеяния, учиненные в период оккупации г. Краснодара и Краснодарского края, — говорит далее государственный обвинитель, — за пытки и издевательства, за массовые расстрелы, сожжение и изуверское истребление отравляющими газами, за сожжение и повешение ни в чем неповинных советских людей — стариков, женщин и детей, несут руководители разбойничьего фашистского правительства Германии и немецкого командования.

За эти страшные злодеяния отвечает командующий 17-й немецкой армии генерал-полковник Руоф, за них полностью отвечает палач Краснодара шеф гестапо — полковник Кристман, а также его заплочных дел подмастерья офицеры гестапо — капитан Раббе, Сальге, Паишен, Сарго, Винц, Ган, Мюнстер, Эрих Мейер, выдававший себя за врача Герц и сотрудники гестапо — Якоб Эйнс и Шертерлан.

Переходя к обстоятельствам дела, прокурор устанавливает подлую изменническую деятельность предателей Тищенко, Речкалова, Напцок, Мисана и других подсудимых, привлеченных к ответственности по этому делу.

Прокурор напоминает суду о жутких подробностях пыток, истязаний и массовых убийств ни в чем неповинных людей, которые широко практиковались Краснодарским гестапо и в которых вместе с немцами принимали участие предатели, сидящие сейчас на скамье подсудимых. Говоря о пытках и зверствах немецко-фашистских палачей, государственный обвинитель подчеркивает: самые утонченные пытки, самые жестокие избиения проводил лично начальник гестапо — полковник Кристман. Все в гестапо знали, что если повели арестованного к шефу, то он будет там замучен.

Государственный обвинитель указывает также и на то, что Краснодарское гестапо и, так называемая, зондер-

команда систематически организовывали выезды в станицы и хутора Краснодарского края для истребления советских людей.

— *Эти карательные экспедиции, — говорит прокурор, — стоили много крови русским людям. Шестнадцать повешенных советских патриотов в станице Крымская, ни в чем неповинная, девушка, повешенная, на хуторе Курундупе, массовые избиения, аресты и расстрелы в районе Темного Гастагая, повальный грабеж населения, — вот только некоторые вехи кровавого пути, пройденного гестаповцами в Краснодарском крае.*

В этих карательных экспедициях принимали самое активное участие подсудимые Пушкарев, Речкалов, Котомцев, Напцок и Павлов.

Прокурор напоминает суду о чудовищных подробностях, пыток и истязаний, которым подвергались жертвы гестапо до того, как перед ними раскрывались двери «душегубок».

— *Широким потоком, — говорит прокурор, — вливались в подвалы гестапо всё новые, и новые узники. Здесь томилась и семидесятилетние старики, и юные девушки, и маленькие дети, захваченные вместе с матерями.*

Со звериной жестокостью и чисто немецким хладнокровием проводили гестаповцы массовое истребление советского населения.

Звери, именующие себя носителями технического прогресса, они изобрели специальные машины — «душегубки» для массового истребления людей. Они создали конвейер смерти.

— *По неполным подсчетам, — говорит далее прокурор, — основанным на ряде свидетельских показаний, «душегубки» из подвалов гестапо вывезли и уничтожили 6 930 человек.*

Прокурор переходит затем в изложению фактов истребления советских людей в больницах и лечебных учреждениях края, которые были превращены фашистскими извергами, в ловушки.

Прокурор подробно излагает обстоятельства истребления более чем 300 больных, вывезенных в «душегубках» из Краснодарской городской больницы, 320 больных из Березанской лечебной колонии, дополнительно еще 17 больных из той же колонии и, наконец, 60 человек выздоравливающих, которые были вывезены к противотанковому рву и там расстреляны немецко-фашистскими палачами.

Затем прокурор излагает установленные на судебном следствии обстоятельства истребления 42 больных детей, находившихся на излечении в Краснодарской детской краевой больнице, что на хуторе «3-ья речка Кочеты».

— *Здесь, — говорит прокурор, — возвращались к жизни и здоровью, окруженные заботой советской власти 42 больных ребенка, но «душегубка» докатилась и сюда. 21 сентября сюда прибыл немецкий офицер Герц. За несколько дней до этого в колонию прибыли гестаповцы Эрих Мейер и Якоб Эйнс. Сами гестаповцы погрузили всех детей в «душегубку» и вывезли со двора больницы.*

Мейер и Эйнс еще за несколько дней до этого заставили местных жителей вырыть глубокую яму, якобы для установки зенитного орудия.

Закончив свои приготовления, детоубийцы приступили к уничтожению детей. Посадка детей сопровождалась трагическими сценами. Полураздетые дети сопротивлялись, молили о помощи, о защите, цеплялись ручонками за санитаров и врачей, некоторые падали в обморок.

Когда после изгнания фашистских разбойников из Краснодарского края представители общественности вскрыли места погребения, их глазам представилось бесформенное месиво переплетенных детских трупиков в майках и трусиках, на которых были штампы детской краевой больницы. Некоторые эти вещи приобщены как вещественные доказательства к делу.

Прокурор напоминает суду, что заключением судебно-медицинской экспертизы, произведшей эксгумацию, осмотр и вскрытие 623 трупов из числа обнаруженных в ямах и противотанковых рвах в г. Краснодаре, Березанской колонии и близ хутора «3-ья речка Кочеты», установлено, что в 523 случаях смерть последовала от отравления окисью углерода и в 100 случаях — от огнестрельных смертельных ранений.

— *Немецко-фашистские палачи, — говорит далее прокурор, — не останавливались и перед самыми гнусными провокациями для того, чтобы выявить среди населения г. Краснодара советских патриотов для расправы с ними. Такой кровавой провокацией ознакомили гитлеровцы и свое оставление Краснодара.*

Один из арьергардных отрядов, составленный из людей, владеющих русским языком и одетых в красноармейскую форму, обходил дома жителей Краснодара и призывал молодежь вооружиться и начать преследование отступающего врага. Кое-кто из доверчивых юных патриотов поддались на эту провокацию и заплатили за это своей жизнью.

Можно было бы до бесконечности продолжать этот список провокаций, но в этом нет необходимости.

Звериный облик фашистских извергов-кровопийц и без того ясен до содрогания.

Свои последние дни в Краснодаре немецкие варвары отметили самым злодейским актом. Под утро 10 февраля ярко запылало, облитое бензином, начиненное зажигательными минами, окруженное усиленной полицейской охраной здание гестапо. Около 300 человек заключенных погибли в пламени. Только одному обожженному и изуродованному красноармейцу удалось вырваться из огненного ада и он перед своей смертью рассказал свидетельницам Гажик, Дубровой и Рожковой о последних ужасных минутах узников Краснодарского гестапо.

— *Чудовищный кровавый вихрь, — говорит далее прокурор, — пронесся над городами и селами Краснодарского края и унес в могилы десятки тысяч человеческих жизней, но он не сломил ни на минуту духа советских людей и их веры в победу. В момент, когда смерть уже глядела в его глаза, краснофлотец, с накинута на шею петлей, на площади Краснодара, отбросив пинком ноги в сторону предателя-полицейского, крикнул рыдающим женщинам: «Не плачьте Палачи народа ответят тысячами своих жизней. Скоро наши придут и за всё отом-*

стоят».

И окровавленная, избитая Маруся с Березанской лечебной колонии в последние минуты жизни также бросила в лицо палачам: «Придут наши и отомстят за нас».

Пройдут года. На лучшей площади возрожденного Краснодара будет воздвигнут памятник герою-краснофлотцу и всем тем безвестным патриотам, которые отдали свою жизнь за нашу Советскую Родину, за свой великий народ.

Так склоним же головы перед прахом принявших мученическую смерть наших братьев и матерей, наших детей и сестер и поклянемся именем их отомстить страшной мезтью за предсмертные муки, за их кровь, за страшную их судьбу!

Поклянемся до конца выполнить приказ Великого Сталина:

«Освободить от гнета немецких захватчиков граждан наших сёл и городов, которые были свободны и жили по-человечески до войны, а теперь угнетены и страдают от грабежей, разорения и голода, освободить, наконец, наших женщин от того позора и поругания, которому подвергают их немецко-фашистские изверги». «...Мстить беспощадно немецким захватчикам за кровь и слезы наших жен и детей, матерей и отцов, братьев и сестер».

Беспощадная мезть, к которой призывает наш гениальный учитель и вождь, свершится; она неминуемо настигнет фашистских зверей, терзавших Краснодарский край, виновников тысяч смертей мирных жителей. Она настигнет и этих гнусных немецко-фашистских пособников, представших сейчас перед судом Военного Трибунала!

После этого государственный обвинитель перешел к оценке индивидуальной вины подсудимых. Дав подробный анализ чудовищных преступлений каждого из подсудимых, прокурор закончил свою речь требованием смертной казни в отношении подсудимых Пушкарева, Мисан, Напцок, Котомцева, Кладова, Речкалова, Тищенко и Ластовина, преступления которых квалифицированы по ст.ст. 58-1 «а» и 58-1 «б» Уголовного Кодекса РСФСР.

В отношении подсудимых Парамонова, Тучкова и Павлова, как менее активных пособников главных обвиняемых, прокурор считает возможным не применять смертной казни.

Заканчивая свою обвинительную речь, прокурор сказал:

«Сегодня советский закон опускает карающую руку на голову предателей, фашистских наймитов и лакеев. Завтра суд истории, суд свободолюбивых народов произнесет свой неумолимый приговор над кровавыми властителями гитлеровской Германии и всеми ее сообщниками — врагами человечества, повергшими мир в кровавую пучину нынешней войны. Ни одному из них не уйти от беспощадной кары.

Кровь за кровь, смерть за смерть!»

* * *

После речи государственного обвинителя на вечернем заседании 16 июля, председательствующий предоставил слово адвокату т. Казначееву, защищающему по назначению суда на процессе подсудимых Тищенко, Парамонова и Ластовина. Свою речь адвокат т. Казначеев начинает с того, что людоедская сущность фашизма, известная человечеству еще до войны, раскрылась, однако, во всей своей омерзительности во время войны.

— *Прежде всего мне хочется,* — говорит адвокат т. Казначеев. — *выразить свое сожаление о том, что главные организаторы и вдохновители этих чудовищных преступлений пока еще не сидят на скамье подсудимых. Главные обвиняемые по этому делу — это Гитлер и его преступная банда генералов и офицеров немецкой армии, в руках которых лица, сидящие сейчас на скамье подсудимых, являлись тупым орудием выполнения их злодейских указаний и распоряжений.*

Признавая всю тяжесть совершенных его подзащитными Тищенко, Парамоновым и Ластовина преступлений, адвокат т. Казначеев просит суд при определении их судьбы учесть их чистосердечные признания и то обстоятельство, что они были лишь исполнителями^[206] преступной воли фашистско-немецких убийц.

Затем слово предоставляется адвокату т. Якуненко, защищающему по назначению суда подсудимых Пушкарева, Тучкова, Котомцева и Кладова. В своей речи адвокат просит суд сохранить жизнь подсудимому Тучкову. В отношении Пушкарева адвокат просит учесть то обстоятельство, что он сам явился с повинной после освобождения Краснодара от немецко-фашистских захватчиков и полностью сознался в совершенных им преступлениях. Аналогичные просьбы адвокат т. Якуненко выдвинул и в отношении подсудимых Котомцева и Кладова.

— *Главная тяжесть преступления и ответственности,* — говорит адвокат т. Якуненко, — *лежит на тех, кто, как и их пособники, не уйдет от суда. Не «группенфюреры» вроде моего подзащитного Пушкарева, а тот фюрер, который является главным организатором бесчисленных злодеяний и убийств, — Адольф Гитлер и его банда будут сидеть на скамье подсудимых, на грядущем суровом, но справедливом суде.*

После речи адвоката т. Якуненко суд объявляет перерыв до утра 17 июля.

Утреннее заседание 17 июля

Утреннее заседание 17 июля начинается речью адвоката т. Назаревского, защищающего по назначению суда подсудимых Павлова, Речкалова и Мисана, Адвокат т. Назаревский, говоря об ужасах шестимесячного пребывания немцев в Краснодаре и Краснодарском крае, обращает внимание суда на то, что немецко-фашистские палачи — основные виновники всех этих чудовищных преступлений и злодеяний должны нести основную ответственность за всё, что они совершили. Адвокат т. Назаревский говорит:

— *Судьба подсудимого Павлова наглядно показывает, к каким страшным последствиям приводит потеря мужества и чувства долга перед Родиной. Здесь первоисточник его падения. Павлов запутался в кровавой ге-*

стаповской паутине. Он потерял чувство долга и мужества и стал предателем и изменником. Подсудимого Речкалова потянуло его уголовное прошлое. Но в своих показаниях на суде Речкалов обнаружил, что он искренне до конца осознал всю гнусность своего падения и, если ему сохранить жизнь, он не пощадит ее, чтобы искупить свою вину перед Родиной. Подсудимый Мисан также искренно признал свою вину и осознал тяжесть совершенных им преступлений. На этом основании адвокат т. Назаревский просит суд сохранить жизнь его подзащитным.

Так как подсудимый Напцок в начале судебного заседания отказался от защитника, то председательствующий предоставляет ему самому слово для защитительной речи. Но Напцок от этого отказывается. Председательствующий предоставляет последнее слово подсудимым.

Все подсудимые в своих последних словах полностью признают себя виновными, но просят суд учесть, что они являлись лишь исполнителями преступной воли немецко-фашистских убийц и что на службу к немецким палачам они пошли из чувства страха. Подсудимые просят суд сохранить им жизнь и дать возможность искупить свои кровавые преступления перед Родиной и советским народом.

Выслушав последние слова подсудимых, суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

Приговор Именем Союза Советских Социалистических Республик

14—17 июля 1943 года Военный Трибунал Северо-Кавказского фронта в составе председательствующего — председателя Военного Трибунала Северо-Кавказского фронта полковника юстиции Майорова Н.Я., членов: заместителя председателя Военного Трибунала того же фронта — полковника юстиции Захарьянц Г.К. и члена Военного Трибунала фронта — майора юстиции Кострова Н.Н., при секретаре майоре юстиции Гореве Л.А., с участием государственного обвинения в лице военного прокурора, генерал-майора юстиции Яченина Л.И. и защиты по назначению суда, в лице членов адвокатуры Казначеева С.К., Якуненко В.И. и Назаревского А.М., в открытом судебном заседании в гор. Краснодаре, рассмотрел дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков и, их пособников на территории г. Краснодара и Краснодарского края, по которому обвиняются:

1. Тищенко Василий Петрович — 1914 года рождения, уроженец хутора Бичевая Балка, Павловского района, Краснодарского края.

2. Речкалов Иван Анисимович — 1911 года рождения, уроженец деревни Пичевки, Юргамышского района, Челябинской области, дважды судим за хищение и осужден каждый раз к пяти годам лишения свободы, наказания отбыл.

3. Ластовина Михаил Павлович — 1883 года рождения, уроженец станицы Ново-Титаровской, Краснодарского района, Краснодарского края, кулак.

4. Тучков Григорий Петрович — 1909 года рождения, уроженец станицы Ново-Дмитриевской, Советского района, Краснодарского края.

Все четверо — в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «а» УК РСФСР.

5. Пушкарев Николай Семенович — 1915 года рождения, уроженец гор. Днепропетровска.

6. Мисан Григорий Никитович — 1916 года рождения, уроженец станицы Суздальской, Горяче-Ключевского района, Краснодарского края.

7. Напцок Юнус Мицухович — 1914 года рождения, уроженец аула Лекшукай, Тахтамукаевского района, Краснодарского края.

8. Котомцев Иван Федорович — 1918 года рождения, уроженец деревни Половец, Зуевского района, Кировской области. Судим в 1937 году за хулиганство и осужден на 2 года лишения свободы. Наказание отбыл.

9. Павлов Василий Степанович — 1914 года рождения, уроженец гор. Ташкента.

10. Парамонов Иван Иванович — 1923 года рождения, уроженец гор. Ростова на Дону.

11. Кладов Игнатий Федорович — 1911 года рождения, уроженец деревни Сизикова, Невьянского района, Свердловской области.

Все семь — в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «б» УК РСФСР.

Материалами предварительного и судебного следствия Военный Трибунал фронта установил:

9 августа 1942 года немецко-фашистские войска, временно захватив гор. Краснодар и территорию Краснодарского края, по прямому указанию гитлеровского правительства и приказанию командующего 17-й германской армией генерал-полковника Руоф, при самом активном участии гестапо — немецкой тайной полиции, действовавшей под руководством шефа гестапо — полковника Кристман, его заместителя капитана Раббе, офицеров-гестаповцев — Пашен, Босс, Сарго, Сальге, Ган, Винц, Эрих Мейер, Ганс Мюнстер, немецких военных врачей тюрьмы и гестапо Герц и Шустер, сотрудников гестапо — переводчиков Якоб Эйкс и Шертерлан, совместно со своими пособниками — изменниками и предателями нашей социалистической родины — Тищенко В., Речкаловым И., Мисан Г., Ластовина М., Пушкаревым Н., Тучковым Г., Парамоновым И., Напцок Ю., Котомцевым И., Павловым В. и Кладовым И., в течение более полугода различными зверскими методами истребляли мирное население гор. Краснодара и Краснодарского края. Гитлеровскими извергами и поименованными выше их пособниками расстреляно, повешено, удушено посредством отравляющих газов окиси углерода и замучено много тысяч ни в чем неповинных советских людей, в том числе женщин, стариков и детей.

Немецкие захватчики и их сообщники сожгли все промышленные предприятия, лучшие здания и дома мирных жителей гор. Краснодара, разграбили и уничтожили имущество государственных, хозяйственных, культурных и общественных организаций гор. Краснодара и Краснодарского края, забрали у населения всё продоволь-

стве и другие материальные ценности и угнали в немецкое рабство большое количество советских граждан. В феврале месяце 1943 года после изгнания Красной Армией германских оккупантов с территории Краснодарского края все вышепоименованные чудовищные злодеяния были советскими органами вскрыты во всей их полноте.

Судебным следствием также установлены факты систематического истязания и сожжения гитлеровскими разбойниками многих арестованных советских граждан, находившихся в подвалах гестапо, и истребления путем отравления газами окиси углерода в специально оборудованных автомашинах «душегубках» около семи тысяч невинных советских людей, в том числе свыше 700 человек больных, находившихся в лечебных заведениях гор Краснодар и Краснодарского края, из них 42 человека детей в возрасте от 5 до 16 лет.

Выслушав объяснения обвиняемых, показания свидетелей, заключение судебно-медицинской экспертизы, а также речи государственного обвинения и защиты, Военный Трибунал установил виновность каждого из подсудимых, заключающуюся в том, что:

1. Тищенко в августе месяце 1942 года добровольно поступил на службу в немецкую полицию, в сентябре месяце 1942 года был переведен в порядке поощрения сначала на должность старшины карательного органа гестапо «Зондеркоманды СС-10-А», а затем — следователя гестапо, одновременно являясь тайным агентом последнего.

Занимая у немецких, захватчиков названные выше должности, Тищенко вместе с офицерами гестапо Боссом и др. часто выезжал на облавы и аресты партизан, коммунистов и других советских активистов. Под руководством, офицеров — гестаповцев Сарго и Сальге вел на них следственные дела, избивал их плетьюми, по его инициативе было задушено несколько человек, числившихся за ним, заключенных советских граждан путем отравления окисью углерода в специально оборудованных для этой цели автомашинах «душегубках».

2. Пушкарев в августе месяце 1942 года добровольно поступил на службу к гитлеровцам в полицию, затем, вскоре был переведен на должность группенфюрера, командира отделения в вышеуказанной «Зондеркоманде».

Пушкарев совместно с гитлеровцами — офицерами Штейн, Герц, Ган и др., под руководством шефа гестапо полковника Кристман, неоднократно выезжал с провокаторскими и карательными целями в станицы Гладковскую, Красный Псебебо, гор. Анапу и другие пункты, где участвовал в розысках, арестах и расстрелах партизан и других советских активистов.

Будучи начальником караула гестапо Пушкарев охранял арестованных советских граждан, участвовал в их истязаниях и избиениях, присутствовал при погрузке их в автомашины «душегубки», в которых немецко-фашистские палачи умерщвляли людей путем отравления окисью углерода.

В начале февраля 1943 года перед изгнанием немцев из гор. Краснодара принимал участие в поджоге гестаповцами и взрыве здания, где помещалось гестапо, с находившимися в нем арестованными советскими гражданами, в результате чего последние погибли.

3. Речкалов, будучи досрочно освобожден из места заключения, где он отбывал наказание за кражу, и уклонившись от мобилизации в Красную Армию, перебежал на сторону немецко-фашистских захватчиков в августе месяце 1942 года, добровольно поступил на службу в немецкую полицию, откуда через несколько дней за ревностное отношение к службе был переведен в «Зондеркоманду СС-10-А».

Выполняя обязанности полицейского и тайного агента гестапо, Речкалов нес охрану арестованных, неоднократно выезжал в составе карательного отряда гестапо в станицы Гладковскую, Ново-Покровскую, Гастогаевскую и г. Анапу для выявления, арестов и убийств советских граждан.

В декабре месяце 1942 года сопровождал автомашину с отравленными окисью углерода людьми к противотанковому рву и участвовал в их разгрузке и закапывании.

4. Мисан в августе месяце 1942 года добровольно поступил на службу в немецкую полицию, а через 12 дней был переведен в «Зондеркоманду СС-10-А», где он систематически нес охрану арестованных советских граждан, которые на его глазах подвергались истязаниям.

Мисан неоднократно принимал участие в погрузке арестованных советских людей в автомашины «душегубки», в которых гестаповцы умерщвляли их окисью углерода.

Мисан изъявил желание участвовать в расстреле гражданина Губского, проводившего антифашистскую деятельность. Мисан расстрелял Губского, чем заслужил доверие немецких оккупантов, и был после этого назначен тайным агентом гестапо.

5. Котомцев в сентябре месяце 1942 года добровольно поступил на службу в полицию при лагере для военнопленных, а в ноябре месяце 1942 года перешел добровольно на службу в «Зондеркоманду СС-10-А», в составе которой активно помогал гестапо в истреблении советских граждан, участвуя в карательных экспедициях по борьбе с партизанами.

В январе месяце 1943 года Котомцев с карательным отрядом участвовал в вылавливании и арестах партизан в хуторе Курундупе и станице Крымской. При активном участии Котомцева в Курундупе была повешена девушка за связь с партизанами и в станице Крымской было повешено 16 человек советских людей.

6. Напцок добровольно поступил на службу в «Зондеркоманду СС-10-А» гестапо, где систематически нес охрану находившихся в ее застенках советских граждан. Много раз выезжал с карательной экспедицией по выявлению и истреблению партизан и других советских граждан. В январе с.г. при активном участии Напцок в станице Гастогаевской и на хуторе Курундупе были повешены несколько советских людей.

7. Кладов в период временной оккупации немцами гор. Краснодара, в сентябре 1942 года добровольно поступил на службу в «Зондеркоманду СС-10-А» гестапо, где охранял арестованных и одновременно был назначен

тайным агентом по вылавливанию партизан и других лиц, помогавших Красной Армии.

8. Ластовина, скрывшись от репрессии в 1932 году, как кулак, прибыл в гор. Краснодар, где и устроился в больнице на службу в качестве санитаря. В декабре 1942 года в период временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками гор. Краснодара участвовал с гестаповцами в расстреле шестидесяти человек больных советских граждан.

9. Тучков в период временной оккупации немецкими захватчиками гор. Краснодара добровольно поступил на службу в немецкую полицию, а затем перешел в «Зондеркоманду СС-10-А», в составе которой 3 раза участвовал в облавах и арестах сочувствующих советской власти людей.

10 и 11. Парамонов и Павлов добровольно поступили на службу в «Зондеркоманду СС-10-А» гестапо и находились в ней до изгнания фашистов из гор. Краснодара, неся в этой команде охрану арестованных и здания гестапо, участвуя в облавах и арестах партизан.

Таким образом, виновность всех перечисленных выше подсудимых в измене Родине доказана их собственными признаниями и показаниями свидетелей.

На основании ст.ст. 319—320 Угол.-Процес. Кодекса РСФСР^[207] и, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19-го апреля 1943 года об изменниках Родины, Военный Трибунал

ПРИГОВОРИЛ:

Тищенко Василия Петровича, Речкалова Ивана Анисимовича, Ластовина Михаила Павловича, Пушкарева Николая Семеновича, Мисана Григория Никитовича, Напцок Юнуса Мицуховича, Котомцева Ивана Федоровича, Кладова Игнатия Федоровича — к смертной казни через повешение.

Тучкова Григория Петровича, Павлова Василия Степановича и Парамонова Ивана Ивановича, — как менее активных пособников, уличенных в оказании содействия немецко-фашистским злодеям, совершавшим зверские расправы с советским гражданским населением и пленными красноармейцами — к ссылке в каторжные работы сроком на двадцать лет каждого.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий — полковник юстиции — Н. Майоров.

Члены: полковник юстиции — Г. Захарьянц.

майор юстиции — Н. Костров.

Приговор над изменниками Родины приведен в исполнение

18 июля в 13 часов в г. Краснодаре на городской площади был приведен в исполнение приговор над изменниками Родины — Тищенко, Пушкаревым, Речкаловым, Мисаном, Котомцевым, Напцок, Кладовым и Ластовиной, приговоренными Военным Трибуналом Северо-Кавказского фронта по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в гор. Краснодаре и Краснодарском крае к смертной казни через повешение. На площади присутствовало свыше 30 тысяч трудящихся Краснодара и колхозников близлежащих станиц. Оглашение приговора Трибунала было встречено долго не смолкавшими аплодисментами всех присутствовавших на площади. Трудящиеся Краснодара с исключительным единодушием одобряют приговор.

Краснодар, 18 июля. (ТАСС).

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС О ЗВЕРСТВАХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ГОР. ХАРЬКОВА И ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ИХ ВРЕМЕННОЙ ОККУПАЦИИ

О ПРОЦЕССЕ

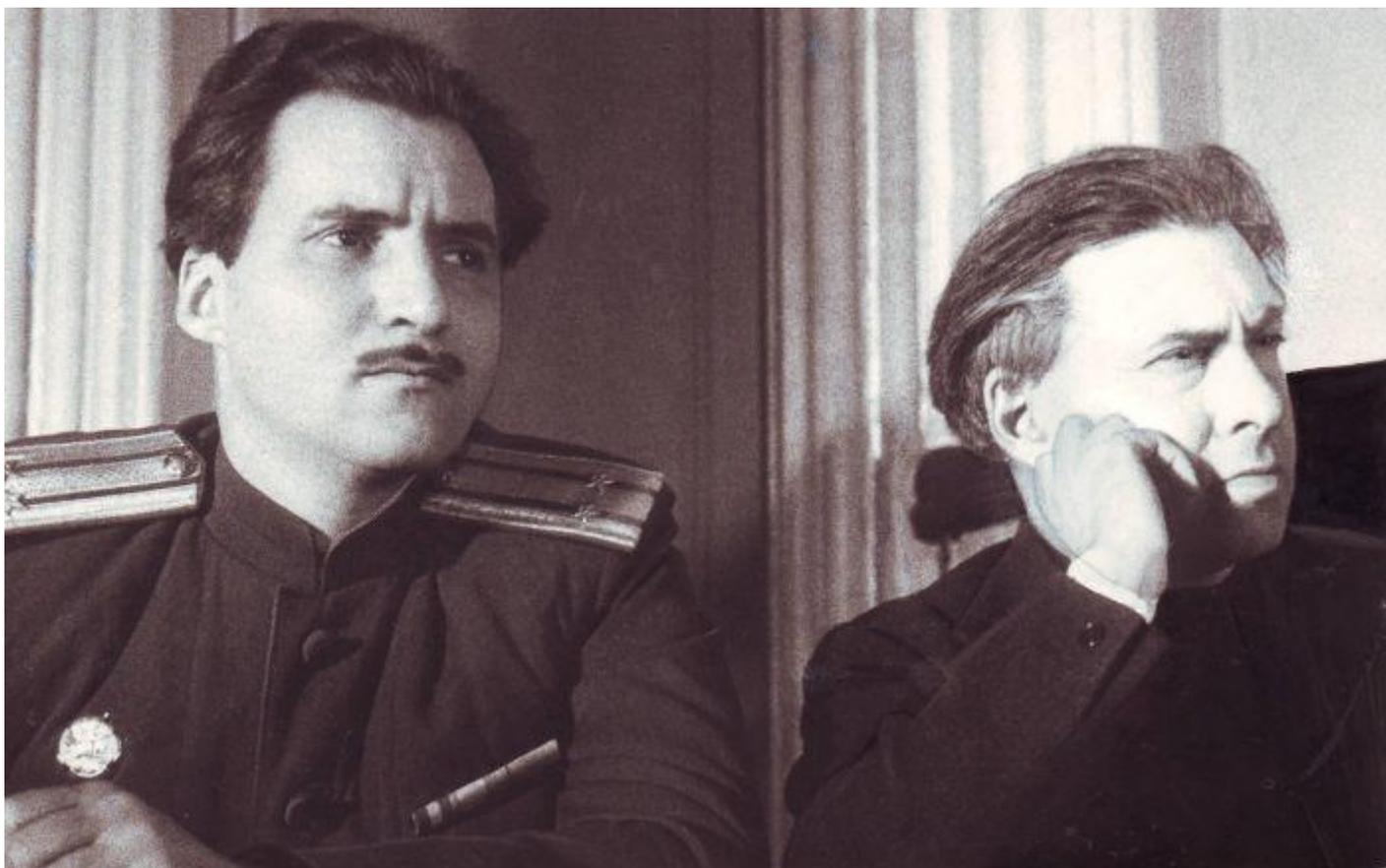
«Я ехал из Москвы в Харьков. Очередная редакционная командировка на этот раз была не на фронт, а на судебный процесс, начинавшийся в Харькове над тремя немцами и одним русским. Процесс предстоял над мелкими сошками гитлеровской машины уничтожения. Главный обвиняемый, офицер военной контрразведки германской армии, был всего-навсего капитаном, остальные двое немцев в еще меньших чинах. И русский тоже был не бургомистром, и не начальником полиции, а всего-навсего шофером душегубки.

Однако процесс этот был первый за войну... На процесс, чтобы писать о нем, поехали известные всей стране люди, как Илья Эренбург и Алексей Толстой, являвшийся заместителем председателя Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию фашистских злодеяний. Поехало на процесс и большинство сидевших в Москве иностранных корреспондентов».

Константин Симонов, «Разные дни войны»

«Я долго ждал этого часа. Я ждал его на дорогах Франции. Я ждал его в Истре и Волоколамске, глядя на пепелища и виселицы. Я ждал его в селах Белоруссии, в городах омраченной Украины. Я ждал часа, когда прозвучат слова: «Суд идет!». Сегодня я их услышал. Суд открыт... Мы запомним день 15 декабря — в этот день мы перестали говорить о предстоящем суде над преступниками. Мы начали их судить».

Илья Эренбург, репортаж из зала суда.

В ложе прессы К.Симонов и И.Эренбург

ХАРЬКОВ, 15 декабря. (ТАСС).

Сегодня в гор. Харькове в Военном Трибунале 4-го Украинского фронта под председательством генерал-майора юстиции тов. А.Н. Мясникова и при участии государственного обвинителя полковника юстиции тов. Н.К. Дунаева началось слушанием дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации.

По настоящему делу преданы суду по обвинению в преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, чиновник 560 группы германской тайной полевой полиции старший ефрейтор вспомогательной полиции Рецлав Рейнгард, офицер германской военной контрразведки Лангхельд Вильгельм, заместитель командира роты СС «зондеркоманды СД», унтерштурмфюрер СС Риц Ганс и их пособник, изменник Родине Буланов, служивший в качестве шофера в харьковской «зондеркоманде СД».

В судебном заседании участвует судебно-медицинская экспертиза в составе главного судебно-медицинского эксперта НКЗ СССР директора научно-исследовательского института судебной медицины г. В.И. Прозоровского, профессора кафедры судебной медицины 2 Московского медицинского института т. В.М. Смольянинова, старшего научного сотрудника института судебной медицины т. П.С. Семеновского, главного судебно-медицинского эксперта 2-го Украинского фронта, майора медицинской службы т. М.П. Притворова, судебно-медицинского эксперта, майора медицинской службы т. Г.И. Городниченко и патологоанатома майора медицинской службы т. Д.Е. Якаша.

Обвиняемых защищают по назначению от суда адвокаты гг. Н.В. Коммодов, С.К. Казначеев и Н.П. Белов^[208].

Председательствующий генерал-майор юстиции тов. Мясликов производит опрос подсудимых и свидетелей, предупреждая свидетелей об их обязанности показывать суду правду. Председатель предупреждает судебно-медицинских экспертов, что они должны представлять суду свои заключения в соответствии со своими специальными познаниями. Присутствующие на суде переводчики предупреждаются председателем об их обязанности с абсолютной точностью переводить все вопросы и ответы.

После того, как опрос подсудимых и свидетелей закончен, суд оглашает обвинительное заключение. Его зачитывает секретарь суда капитан юстиции т. Кандыбин.

Обвинительное заключение подробно воспроизводит чудовищную картину массовых убийств и истязаний ни в чем не повинных советских людей, которые были тысячами уничтожены немецко-фашистскими извергами, временно оккупировавшими город Харьков и Харьковскую область.

Ниже приводится текст обвинительного заключения.

Обвинительное заключение по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в г. Харькове и Харьковской области

По мере изгнания немецко-фашистских захватчиков с временно оккупированной советской территории вскрываются всё большие и большие злодеяния, творимые войсками германской армии.

После освобождения от немецких фашистов города Харькова, и Харьковской области были выявлены многочисленные факты чудовищного истребления немцами мирных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей.

Немецко-фашистские войска, под руководством своих начальников, удушили в специально оборудованных газовых машинах — «душегубках», повесили, расстреляли и замучили многие десятки тысяч советских людей, разграбили имущество государственных, хозяйственных, культурных и общественных организаций, сожгли и разрушили целые города и тысячи населенных пунктов, угнали в немецкое рабство многие сотни тысяч мирных жителей.

Все эти злодеяния и бесчинства являются не отдельными изолированными фактами, а лишь звеном в боль-

шой цепи преступлений, которые творились и творятся немецкими захватчиками по прямому указанию германского правительства и верховного командования немецкой армии.

Еще задолго до войны главарь немецких фашистов Гитлер, излагая планы порабощения Европы, указывал на необходимость истребления славянских народов — русских, украинцев, поляков, чехов и других.

Ближайший помощник Гитлера — Геринг, реализуя установки своего хозяина, призывал немцев убивать советских граждан.

Эти людоедские установки фашистских руководителей являлись и являются основой воспитания немецкой армии, давшего свои кровавые плоды.

Для практического осуществления планов Гитлера по истреблению славянских народов германское командование в своих военных школах и училищах ввело специальный курс лекций на тему о необходимости истребления советских людей.

Так, обвиняемый по настоящему делу старший ефрейтор германской армии Рецлав Рейнгард, пришедший обучение в отдельном батальоне «Альтенбург», на следствии показал:

«На курсах даже было организовано несколько лекций руководящих чиновников ГФП (германской тайной полевой полиции), которые прямо указывали о том, что народы Советского Союза и особенно русской национальности являются неполноценными и должны быть, в подавляющем большинстве, уничтожены, а в незначительной своей части использованы немецкими помещиками в качестве рабов.

Эти указания исходили из политики германского правительства в отношении народов, оккупированных территорий и, надо признать, что в практической работе каждым военнослужащим германской армии, в том числе и мной, неуклонно выполнялись».

(том 2., л.д. 67).

Когда началась война с СССР, эти установки немецкие войска начали проводить в жизнь во временно оккупированных районах Советского Союза.

Вторгнувшись на территорию нашей Родины и встретив повсеместное сопротивление советского народа, немецко-фашистские армии и германские карательные органы начали широко применять разбой и убийства ни в чем не повинных советских людей.

Взятый в плен частями Красной Армии оберштурмбаннфюрер Хейниш Георг — бывший заместитель начальника штаба Гесса, занимавший на временно оккупированной советской территории пост окружного комиссара города Мелитополя, член национал-социалистской партии с 1923 года, на допросе показал:

«В середине августа 1943 года в одном из поселков близ города Ровно состоялась конференция 28-ми окружных комиссаров Украины.

Работой конференции руководил имперский комиссар Украины — Кох.

Из докладов окружных комиссаров вытекало, что население сопротивляется насильственной мобилизации на работу в Германию.

В связи с этим Кох говорил о необходимости усилить мероприятия: против населения и не останавливаться перед тем, чтобы уничтожить лишних несколько тысяч человек.

В частности, он заявил, что принял решение отправить на работу в Германию максимальное количество работоспособных жителей районов Северной Украины, а остальное население этих районов полностью уничтожить, так как в этих районах действовало несколько неуловимых партизанских отрядов, а ранее применяемые к мирному населению репрессивные меры — сожжение деревень, массовые расстрелы и уничтожение жителей этих районов, по словам Коха, удовлетворительных результатов не дали.

Уничтожение наибольшего числа граждан Советской России может пойти только на пользу Германии, так как это ослабляет Россию.

Последние слова Коха отражают линию Гитлера и его ставки. Особенно беззастенчиво германское командование проводит эту линию при отступлении, когда производятся максимально полные разрушения всех населенных пунктов и принудительная эвакуация местного населения.

Того, кто отказывается эвакуироваться, расстреливают на месте.

Дети, старики, а также женщины, угоняемые немцами, погибают от голода, так как их никто не снабжает продовольствием, от болезней и лишений. Ясно, что такого рода мероприятия не имеют другого смысла, кроме уничтожения максимального количества советских людей с тем, чтобы большевики не получили рабочей силы и пополнений в армию».

(Том 3, л.д. 9—10).

Таким образом зверское истребление советских людей путем умерщвления их в газовых автомобилях — «душегубках», расстрелов и избиений, насилия и грабежей, чинимых немецкими войсками в городе Харькове и Харьковской области, являются выполнением чудовищных планов правящей клики фашистской Германии по уничтожению советского народа.

Следствием установлено, что зверства, насилия и грабежи в городе Харькове и Харьковской области во время их оккупации немцами чинились офицерами и солдатами германской армии и в частности:

дивизией СС «Адольф Гитлер», под командованием обергруппенфюрера войск СС Дитрих;

дивизией СС «Мертвая голова», которой командовал группенфюрер войск СС Симон;

германскими карательными органами;

Харьковской «зондеркомандой СД», во главе с ее начальником штурмбаннфюрером Ханебиттер;

группой германской тайной полевой полиции г. Харькова, возглавляемой комиссаром полиции Кархан и его

заместителем — секретарем полиции Вульф;

560 группой ГФП при штабе 6-й германской армии — комиссаром полиции Мериц; привлеченными по настоящему делу в качестве обвиняемых:

Рецлав Рейнгардом, чиновником 560 группы германской тайной полевой полиции;

Лангхельд Вильгельмом — капитаном германской военной контрразведки;

Риц Гансом — заместителем командира роты СС «зондеркоманды СД»;

пособником немцев, изменником Родины:

Булановым Михаилом — шофером Харьковской «зондеркоманды СД».

Предварительным следствием установлена система:

удушения — окисью углерода в специально оборудованных автомашинах «душегубках» многих тысяч советских людей;

зверской расправы над мирными советскими гражданами и уничтожения городов и населенных пунктов временно оккупированной территории;

массового истребления стариков, женщин и малолетних детей;

расстрелов, сожжения и издевательств над советскими ранеными и военнопленными.

Всё это является вопиющим нарушением правил ведения войны, установленных международными Конвенциями и общепринятыми правовыми норм.

I.

Судебным следствием по делу о зверствах немецких оккупантов в городе Краснодаре, произведенным в июле 1943 года, было установлено существование специально оборудованных автомашин, называемых «душегубками», в которых германские карательные органы умерщвляли мирных советских граждан окисью углерода.

Судебно-медицинская экспертиза, производившая эксгумацию и исследование трупов, обнаруженных в противотанковом рву близ города Краснодара, в своем заключении от 29 июня 1943 года констатировала:

«На основании судебно-медицинских данных — розовой, розовокрасной и яркокрасной оболочки кожных покровов, слизистой губ, скелетных мышц, наружной оболочки сердца, брюшины, наружной оболочки кишечника, слизистой оболочки желудка, поверхности разрезов почек и в некоторых случаях других внутренних органов (например: легких, сердца), — судебно-химических и спектроскопических исследований крови, кровянистой жидкости и кусочков органов, изъятых из трупов при судебно-медицинских исследованиях, установлено, что причиной смерти в 523 случаях (из эксгумированных 623 трупов) было отравление окисью углерода».

(т.4 л.д.77—78).

Как установило следствие, такие же «газовые автомобили», получившие название «душегубки», немцы применяли для умерщвления мирных советских граждан, помимо Краснодара, также и в городе Харькове.

Машины эти, как показывают обвиняемые немцы, привлеченные по настоящему делу, а также и свидетели, являвшиеся очевидцами творимых немцами злодеяний, — представляют собой крытые больших размеров автомашины темносерого цвета, с дизель-мотором.

Внутри эти автомашины обиты оцинкованным железом и в задней части кузова имеют две двухстворчатые, герметически закрывающиеся дверцы. Пол кузова оборудован деревянной решеткой, под которой проходит труба с отверстиями, соединяющаяся с выхлопной трубой мотора.

Отработанные газы дизель-мотора, содержащие окись углерода высокой концентрации, поступают в кузов автомашины, вызывая быстрое отравление и смерть от удушений запертых в машине людей.

Обвиняемый по настоящему делу старший ефрейтор германской армии Рецлав Рейнгард, чиновник группы германской тайной полевой полиции в городе Харькове, принимавший непосредственное участие в умерщвлении советских людей посредством газовых автомобилей — «душегубок». — показал:

«Массовые казни путем повешения и расстрелов казались для германского командования слишком хлопотливыми и медленными средствами для достижения поставленных перед карательными органами задач, поэтому приходилось задумываться над применением более простых способов истребления населения и, надо сказать, что они были найдены.

Придя как-то в первых числах марта 1942 года в тюрьму, я обратил внимание на группу полицейских, столпившихся около находившейся во дворе большой автомашины темносерого цвета, которая стояла около самого входа в тюрьму с открытыми сзади дверцами.

Увидев среди столпившихся полицейских своего знакомого сотрудника СД Каминского (немец из Берлина, служивший до войны в отряде СС), я спросил у него, что это за машина и для какой цели она предназначена.

Каминский рассказал, что это «газовый автомобиль» и предназначен для умерщвления людей.

Впоследствии мне много раз приходилось наблюдать работу этой машины и несколько раз принимать непосредственное участие в погрузке в нее арестованных, содержащихся в Харьковской тюрьме. При этом я убедился, что газовый автомобиль вполне соответствует своему назначению».

(т.2, л.д.68—69).

Применение немцами для уничтожения советских граждан «газовых автомобилей» — «душегубок» подтверждают также привлеченные по настоящему делу в качестве обвиняемых немцы: унтерштурмфюрер Риц Ганс, заместитель командира роты СС, капитан германской армии Лангхельд Вильгельм — офицер военной контрразведки, изменник Родины Буланов Михаил — шофер Харьковской «зондеркоманды СД», а также свидетели: нем-

цы оберштурмбаннфюрер Хейниш — окружной комиссар города Мелитополя, Кош Карл — инженер роты 79 германской пехотной дивизии и Бойко Иван — шофер Харьковской «зондеркоманды СД».

Свидетель оберштурмбаннфюрер Хейниш показал:

«В СД (служба безопасности) был изготовлен так называемый «газовый автомобиль». По внешнему виду он почти ничем не отличался от обыкновенного тюремного автомобиля, но его кузов закрывается герметически и выхлопные газы от мотора по специальной трубке направляются в кузов. В эту машину помещается несколько десятков человек. Им, обыкновенно, объявляется, что они отправляются в другую тюрьму или лагерь.

Когда автомобиль трогается, газы направляются в кузов и находящиеся там люди задыхаются».
(т.3 л.д.4).

Показывая о применении немцами этого страшного орудия смерти, сами же немцы — обвиняемые по настоящему делу, рисуют чудовищные картины подготовки к умерщвлению и насилию над советскими гражданами во время погрузки их в газовые автомобили-«душегубки».

Тот же обвиняемый ст. ефрейтор германской армии Рецлав показал:

«Когда доходила очередь до посадки в машину женщин, — это были самые страшные картины. Все без исключения женщины, не говоря уже о детях, рыдали, падали на колени, умоляя пощадить их. Плач женщин перемешивался с плачем детей, которые обращались к нам, к непосредственным участникам и исполнителям этих злодеяний, с просьбами о пощаде. Но в ответ на это получали пинки, удары прикладами винтовок и рукоятками пистолетов.

В таких случаях я, а вместе со мной и другие чиновники ГФП и СД скручивали женщинам руки и вталкивали их в машину.

С детьми дело обстояло еще проще. Их хватили за руки, а нередко и за ноги и с размаха бросали в кузов машины.

Такие действия вызывали проклятия по адресу немцев, и двор наполнялся душераздирающими криками, мольбой о помощи и пощаде.

Мне припоминается такой факт, когда женщина, на глазах которой офицер СД бросил в кузов машины ее ребенка, — набросилась на офицера, вцепилась руками ему в лицо и расцарапала его до крови.

В большинстве случаев с такими непокорными арестованными расправлялись просто: их тут же пристреливали, а затем бросали в машину».

(т.2 л.д. 94—95).

Свидетель Бойко Иван Семенович, работавший шофером в Харьковской «зондеркоманде СД» и ставший вследствие этого очевидцем многих, злодеяний немецких фашистов, показал:

«Больные, поняв, что они обмануты и что им готовят гибель, при посадке в машину сопротивлялись, но гестаповцы загоняли людей в «газваген» ударами прикладов и палок, заставляя более здоровых втаскивать в машину тех кто не мог передвигаться самостоятельно.

В кузове машины слышались крики о помощи и рыдания женщин.

Когда в «газваген» было погружено около 50 человек больных и обслуживающего персонала, дверь машины захлопнули, и она направилась за город».

(т.3 л.д. 87).

Свидетельница Подкопай Ульяна Никитична, проживающая в городе Харькове по Рыбной улице, где размещался гараж гестапо, в котором стояли «душегубки», показала:

«Среди арестованных были мужчины, женщины и дети, которых гестаповцы пинками и прикладами загоняли в машину. У многих на лицах были синяки и кровоподтеки, одежда порвана. Женщины и дети плакали, но гестаповцы их хватили и насильно вталкивали в машину.

Когда автомашинка была битком набита людьми и ее хотели уже закрыть, два гестаповца ввели во двор плачущую женщину с двумя девочками лет 8 и 10-ти.

Одна из девочек, не понимая, что происходит, торопясь, стала кричать: «мама, иди быстрее, а то машина уйдет без нас».

Подойдя к машине, женщина, услышав из нее крики и стоны, заплакала еще сильнее и остановилась, но ее силой втолкнули в кузов.

Одна из девочек в это время тоже заплакала и стала кричать: «мама, мама».

Стоявшие рядом гестаповцы схватили обеих девочек и вбросили в машину к обезумевшей от страха матери. Вслед за этим двери машины захлопнулись, и она выехала со двора тюрьмы».

(т.3 л.д.182).

Следствием также установлено, что немецкие захватчики трупы советских людей, после умерщвления их в «душегубках», вывозили на окраину города Харькова, где выбрасывали в пустые бараки и другие полуразрушенные здания, обливали бензином и затем сжигали.

Обвиняемый старший ефрейтор германской армии Рецлав по этому вопросу показал:

«В конце марта 1942 года я принимал участие в погрузке людей в «газовый автомобиль» и затем получил приказание Ханебиттер сопровождать машины к месту разгрузки. Проехав через город, мы достигли барачков Харьковского тракторного завода и там остановились. При этом начальник команды СД Ханебиттер приказал находившимся с нами солдатам «зондеркоманды» разгружать трупы и складывать их в коридор одного из барачков, в котором, как я видел своими глазами, уже находилось большое количество трупов, привезенных, видимо, раньше.

Когда разгрузка была закончена, Ханебиттер дал команду отвести все машины в сторону за исключением одного грузовика, на котором ехала группа солдат «зондеркоманды».

Из этого грузовика, по указанию Ханебиттер, солдаты взяли несколько банок с бензином, пошли во внутрь барака, облили все выброшенные туда трупы, затем облили некоторые места наружной части барака и подожгли его».

(т.2 л.д.95—96)

Факты сожжения немцами трупов людей, умершвленных посредством «газового автомобиля» — «душегубки» в бараках Харьковского тракторного завода, помимо обвиняемого Рецлава, подтверждаются показаниями свидетеля Серикова Даниила Александровича, Ризван Порфирия Иосифовича и заключением судебно-медицинской экспертизы, производившей эксгумацию и исследование трупов, вскрытых на территории города Харькова и его окрестностях.

Исследовав обстоятельства сожжения трупов в бараках Харьковского тракторного завода и останки тел и костей, извлеченных при раскопке на месте сожжения бараков, — судебно-медицинская экспертиза в своем заключении от 15 сентября 1943 года констатирует:

«При осмотре территории нескольких сгоревших бараков ХТЗ обнаружено значительное число обгоревших человеческих костей и целых черепов без механических повреждений.

При разрытии одной из нескольких щелей (укрытий) около одного сгоревшего барака среди золы, земли и мусора также были найдены обгоревшие человеческие кости (ключицы, ребра, позвонки) и целые черепа без механических повреждений.

Кроме того, также были найдены обгоревшие куски одежды, ложки, котелки, металлический замок от дамской сумочки и т.п.».

Боясь ответственности за совершаемые чудовищные преступления и истребление советских людей при помощи специально оборудованных автомашин немецкие фашисты за последнее время стали принимать меры к тому, чтобы скрыть применение ими этого орудия смерти.

Оберштурмбаннфюрер Хейниш на допросе показал, что в июле 1943 года на закрытом совещании 5-ти окружных комиссаров Таврической области выступил начальник СД и гестапо по Крыму и Таврии генерал-лейтенант полиции фон Альвенслебен, который заявил, что Гитлер крайне недоволен болтливостью лиц, которым так или иначе стало известно о существовании «газового автомобиля». В результате этой болтливости, заявил фон Альвенслебен, а также в результате беспечности отдельных руководителей СД и гестапо материалы о «газовом автомобиле» попали в руки русских.

В связи с этим, как заявил Хейниш, фон Альвенслебен передал им предписание Гитлера о необходимых мерах к прекращению подобного рода болтливости и к усилению конспирации при использовании «газового автомобиля», (т.3, л.д.5).

II.

Стремясь истребить возможно больше мирных советских граждан, немецкие захватчики, помимо уничтожения людей посредством «газовых автомобилей» — «душегубок», прибегали к массовым расстрелам, виселицам, истязаниям и пыткам над советскими людьми.

В результате систематических облав и массовых арестов мирных советских граждан, как показали обвиняемые по настоящему делу — Рецлав, Риц, Лангхельд и изменник Родины Буланов, тюрьмы гестапо и других германских карательных органов были переполнены ни в чем не повинными советскими людьми.

Чиновники фашистских карательных органов на допросах каждого арестованного, независимо от наличия на него материалов, подвергали нечеловеческим пыткам и избиениям шомполами, резиновыми дубинками, плетками и палками, добываясь таким образом от них «показаний».

Причем многих из них избивали до такой степени, что они умирали прямо на допросах.

Особенно жуткое зрелище представляла расправа немецких извергов с советскими детьми и подростками. Неодинаковы случаи, когда малолетних детей немцы живыми бросали в ямы и закапывали.

В городе Харькове, по распоряжению гестапо, многие мирные советские граждане были переселены из городских квартир в специально отведенные бараки, расположенные на территории рабочего городка Харьковского тракторного завода.

Во время переселения из городских квартир в этот рабочий поселок, как показал обвиняемый Буланов, советские граждане подвергались неоднократным ограблениям и издевательствам со стороны немецких солдат и сотрудников гестапо.

После того, как все переселяемые были водворены в бараки, немцы стали формировать партии по 200—300 человек в каждой, куда входили также и подростки, дети и старики, а потом под видом отправки их в глубокий тыл уводили в балку, расположенную в 4—5 километрах от рабочего городка Харьковского тракторного завода, где и расстреливали их у заранее приготовленных больших ям.

В декабре 1941 года гестаповцами было, расстреляно 900 советских граждан, находившихся на излечении в Харьковской больнице, среди которых было много детей и стариков. Расстрел их был произведен в 4—5 километрах от города Харькова, недалеко от дороги, идущей в сторону Чугуева. Трупам были наполнены две больших ямы, которые заранее были подготовлены для этой цели.

Обвиняемый Буланов, участник этих расстрелов, показал:

«Мне было предложено на трехтонной автомашине выехать в больницу, находившуюся на окраине города Харькова. Там уже находились и другие машины. Как только я поставил свою машину вплотную к парадному одного из больничных корпусов, гестаповцы стали выводить больных в одном белье и погружать их в кузов машины. В каждую машину помещалось до 40 человек.

Погрузив свою машину, я отвез их к месту расстрела, которое было оцеплено гестаповцами.

Там больных из машин вытаскивали и ставили к яме. На месте разгрузки слышался душераздирающий плач, вопли взрослых и детей, больные, умоляя, просили о пощаде, однако гестаповцы не обращали на это внимания, расстреливали всех, сваливая их затем в яму.

Насколько я помню, исключительным зверством отличались — переводчик гестапо Берг Ганс и медфельдшер Алекс. Оба они сопротивляющихся ударами сбивали с ног, сбрасывали в яму, а затем расстреливали.

Я видел, как некоторые из сопротивляющихся, сброшенные в яму, будучи только ранеными, окровавленными, пытались подняться. Их снова сбивали с ног, а затем по приказанию участников этого злодеяния — шефа гестапо и переводчика Берг Ганс — закапывали еще живыми.

Среди закопанных в ямах живыми было много подростков и детей».
(т.2 л.д.255—256).

Лесопарк, расположенный в районе поселка Сокольники, на окраине города Харькова, покрыт густой сетью могил, в которых закопаны жертвы немецко-фашистского террора.

Описывая чудовищные картины расстрелов советских людей в лесопарке, свидетели Беспалов Александр Филиппович и Даниленко Дарья Васильевна, проживающие в поселке Сокольники и являющиеся невольными очевидцами творимых немцами злодеяний, показали, что на протяжении 1942—1943 г.г. немецкие фашисты почти ежедневно на нескольких машинах доставляли в лесопарк обреченных на смерть людей, где над ними издевались, мучили и расстреливали их. Некоторые из заключенных набрасывались на немцев, но их сбивали с ног, кололи штыками, били ногами и прикладами винтовок.

По лесу раздавались душераздирающие крики и стоны умирающих людей. Видно было, как отдельные люди корчились в предсмертных судорогах и в таком положении немецкими палачами сбрасывались в ямы.

Картину одной из таких зверских расправ свидетель Беспалов обрисовал следующим образом:

«В конце июня прошлого года я лично видел, как в лесопарк было привезено на 10—12 грузовых автомашин до 300 девушек и женщин.

Несчастные в ужасе метались из стороны в сторону, плакали, рвали на себе волосы и одежду, многие падали в обморок, но немецкие фашисты не обращали на это внимания. Пинками, и ударами прикладов и палок заставляли их подняться, но с тех, кто не поднимался, палачи сами срывали одежду и бросали в ямы. Несколько девушек, с которыми были дети, пытались бежать, но были убиты.

Я видел, как после автоматной очереди некоторые женщины, шатаясь и размахивая беспомощно руками, с душераздирающими криками шли навстречу стоявшим немцам. В это время немцы их расстреливали из пистолетов...

Обезумевшие от страха и горя матери, прижимая к груди детей, со страшными воплями бегали по поляне, ища спасения.

Гестаповцы вырывали у них детей, хватали их за ноги или за руки и швыряли живыми в яму, а когда матери бежали за ними к яме, то их расстреливали».

(т.3 л.д.162—163).

Подтверждая факты массового расстрела советских людей в лесопарке, свидетель Даниленко показала:

«В конце января 1943 года на этом же месте немцы в течение двух дней опять расстреливали советских граждан. В эти страшные два дня в лесу была слышна стрельба и невероятные крики людей, слышны были, мужские, женские и детские голоса.

Весной 1943 года, когда снег растаял и земля, которой были засыпаны ямы, осела, я вместе с другими жителями ходила засыпать ямы. Когда я пришла к месту, где были расстреляны наши советские граждане, то увидела, что обе ямы были набиты трупами расстрелянных. Из-под небольшого слоя земли были видны торчащие голые человеческие руки и ноги».

(т.3 л.д.152).

III.

Международные правовые нормы запрещают жестокое обращение с военнопленными.

Военнопленные — раненые и больные, согласно этим международным положениям, должны пользоваться защитой со стороны воюющего, во власти которого они окажутся.

Однако, попирая всякие международные правовые нормы, германо-фашистские головорезы систематически уничтожали и уничтожают советских раненых военнопленных.

Более того, в лагеря военнопленных германское военное командование помещает мирных советских граждан, захваченных на временно оккупированной территории Советского Союза, рассматривая их, как военнопленных.

Так, свидетель фельдфебель германской армии Янчи Гейнц, сотрудник при офицере контрразведки в лагере военнопленных именуемом «Дулаг-231», показал:

«Кроме советских военнослужащих, в германском лагере военнопленных «Дулаг-231» находились также мирные граждане, захваченные на оккупированной территории Советского Союза и расцениваемые германским

командованием, как военнопленные. Среди этих мирных жителей были старики, женщины и дети.

Мне известно, что пленники из мирного гражданского населения оккупированных германскими войсками советских областей были не только в нашем лагере, но и в других германских лагерях, именуемых официально лагерями для военнопленных.

Мирные советские граждане заключаются в лагеря военнопленных под предлогом эвакуации населения, в других случаях под предлогом набора рабочей силы для отправки в Германию и, наконец, в целях изоляции нежелательного элемента, в том числе детей и подростков, как потенциальных бойцов антинемецких формирований».

(т.3 л.д.38—39).

С целью уничтожения советских военнопленных, больных, раненых и гражданского населения немцы создали невыносимые условия содержания больных и раненых в госпиталях, военнопленных и мирных граждан в лагерях. Их морили голодом, медицинской помощи не оказывали, и чрезмерной скученностью и отсутствием элементарных санитарных условий вызывали среди них массовые эпидемические заболевания, приводящие к большой смертности.

Беспричинно и путем искусственного создания «материалов обвинений» немцы расстреливали и заживо сжигали раненых и военнопленных, предварительно учиня над ними пытки и издевательства, вплоть до натравливания на них собак.

Все эти злодеяния немцев находят свое подтверждение в показаниях обвиняемых Рица, Лангхельда и свидетелей: немца Янчи Гойнца, профессора Каткова Е.С., врача Джинчвиладзе Г.З., медицинской сестры Сокольской В.А., Козловой М.А. и других, а также актами судебно-медицинской экспертизы.

О нечеловеческих мучениях советских военнопленных и мирных граждан в германских лагерях дал показания и обвиняемый по настоящему делу капитан германской армии Лангхельд, являвшийся непосредственным участником всех этих убийств и издевательств.

Лангхельд показал:

«Зверства, которые чинили германские офицеры и солдаты и я в том числе над русскими людьми путем истребления, голодной смертью, физическими избиениями истощенных людей, расстрелами, травлей собаками и проч., соответствовали установкам германского правительства по отношению к русским людям...

По моему приказанию люди расстреливались неоднократно.

Так, например, в мае—июне 1942 года, в Дергачах, близ Харькова, по моему приказанию была расстреляна группа русских военнопленных, примерно в 20 человек, по обвинению в связи с местным населением... Я должен заявить, что обвинение в данном случае было спровоцировано, ибо в самом деле люди были просто истреблены за то, что они русские.

Другой случай расстрела группы русских офицеров был на сборно-пересыльном пункте военнопленных осенью 1941 года.

Выбрав 10 русских средних офицеров, я приказал солдатам на глазах у всех военнопленных расстрелять их из автоматов.

Трупы расстрелянных были сброшены в заранее подготовленные ямы.

Как правило, русские не выдавали военных секретов, в связи с чем я избивал военнопленных палкой толщиной в 4—5 см., после чего допрашиваемых нередко из моего кабинета приходилось выносить. Избиения военнопленных практиковались во всех частях немецкой армии.

...На толпу измученных и голодных людей во время раздачи скудной пищи конвойные солдаты натравливали собак.

Собаки врывались в толпу, рвали в клочья одежду и тела пленных, сшибали отдельных из них на землю и тащали, терзая их, по земле. Некоторых растерзанных и полуживых военнопленных и гражданских лиц солдаты пристреливали и приказывали выбросить за ограду, чтобы не возиться с их лечением».

(т.2 л.д.194—195, 211).

В марте 1943 года немцы расстреляли и сожгли захваченных ими в плен 800 раненых бойцов и офицеров Красной Армии, находившихся на излечении в 1-м армейском сортировочном госпитале 69-й армии, размещавшемся в городе Харькове по улице Тринклера.

Описывая обстоятельства этого злодеяния немецко-фашистских захватчиков, свидетели профессор Катков, врач Джинчвиладзе и медсестра Сокольская, работавшие в то время в госпитале, показали, что 13 марта 1943 года к госпиталю подъехали три автомашины с эсэсовцами дивизии «Адольф Гитлер», которые закрыли дверь, ведущую в 8-й корпус, и бросили в него зажигательный снаряд. Корпус загорелся. Спасаясь от смерти, находившиеся в корпусе раненые выбрасывались из окон горящего здания, но здесь же расстреливались эсэсовцами из автоматов.

На другой день группа эсэсовцев в количестве 9-ти человек вновь явилась в этот госпиталь и, выгнав из палаты медперсонал, расстреляла всех остальных раненых, находившихся в других корпусах госпиталя.

Свидетель Козлова Мария Александровна, муж которой был зверски убит во время этой кровавой расправы гитлеровцев, показала:

«Будучи в действующей Красной Армии, мой муж был ранен и помещен на излечение в 1-й армейский госпиталь, находившийся в то время в городе Харькове.

15 марта я решила снести ему передачу. Подойдя к месту расположения госпиталя, я не могла сразу узнать, что это тот самый госпиталь, в котором находится на излечении мой муж.

Жуткая картина встала перед моими глазами, везде и всюду груды развалин, по всей территории валялись трупы сожженных и зверски замученных советских граждан. Видя чудовищные злодеяния, я, не помня себя, побежала к уцелевшему от огня 4-му корпусу. Ужас охватил меня, когда я вошла в первую палату. Горы трупов, изуродованных до неузнаваемости, валялись в ней. В беспомощности я подбежала к кровати мужа — она была пуста и залита кровью. При этом труп своего мужа, обезображенный и окровавленный, я увидела на полу валявшимся между кроватями. Голова была пробита, один глаз выколот, руки сломаны, из зияющих ран еще сочилась кровь».

(т.3 л.д.146—147).

Таким образом, материалами следствия — показаниями обвиняемых, свидетелей, а также актами судебно-медицинской экспертизы установлено, что немецко-фашистские захватчики за период временной оккупации города Харькова и Харьковской области умертвили в «газовых автомобилях» — «душегубках» и повесили, расстреляли и замучили в застенках гестапо свыше 30 000 советских граждан.

IV.

Таким образом является установленным, что всю полноту ответственности за массовые убийства и злодеяния, учиненные немецко-фашистскими захватчиками в период временной оккупации города Харькова и Харьковской области, за пытки и массовое истребление мирных жителей, за расстрелы и умерщвление путем удушения окисью углерода, в специально оборудованных автомашинах «душегубках», за сожжение и другие виды уничтожения ни в чем не повинных советских людей, в том числе женщин, стариков и детей, несут руководители разбойничьего фашистского правительства Германии и верховного командования германской армии.

Установлено также, что в преступлениях, явившихся объектом расследования по настоящему делу и конкретно изложенных выше, принимали непосредственное участие нижеследующие командиры и начальники немецких воинских, полицейских и карательных организаций:

1. Командир дивизии СС — «Адольф Гитлер», обергруппенфюрер Дитрих;
2. Командир дивизии СС — «Мертвая голова», группенфюрер войск СС Симон;
3. Начальник Харьковской «зондеркоманды СД», штурмбаннфюрер Ханебиттер;
4. Начальник группы германской тайной полевой полиции города Харькова — комиссар полиции Кархан;
5. Начальник 560 группы ГФП при штабе 6-й германской армии — комиссар полиции Мериц;
6. Зам. начальника группы германской тайной полевой полиции города Харькова — секретарь полиции Вульф.

Виновность всех вышеназванных лиц в совершенных ими преступных действиях полностью доказана произведенным расследованием, в силу чего все они подлежат уголовной ответственности за преступления, совершенные ими в отношении советских граждан на советской территории, в соответствии с уголовным законодательством Союза ССР.

Наряду с ними виновными во всех этих зверских злодеяниях являются участники преступления, привлеченные в качестве обвиняемых по настоящему делу сотрудники военных, полицейских, разведывательных и карательных органов немецкой армии — Рецлав Рейнгард, Риц Ганс, Лангхельд Вильгельм, а также их; пособник, изменник Родины Буланов Михаил.

Конкретная преступная деятельность названных лиц выразилась в нижеследующем:

РЕЦЛАВ Рейнгард, являясь чиновником германской тайной полевой полиции в Харькове, вел следствие по делам ряда арестованных советских граждан, вымогая у них показания путем нечеловеческих истязаний и пыток и фальсифицируя в отношении их заведомо искусственные обвинения.

Составил заведомо вымышленные заключения о том, что трое арестованных якобы сознались в антигерманской деятельности, и умышленно вписал в эти заключения 25 человек рабочих Харьковского тракторного завода и Харьковской городской электростанции.

На основании его заключений эти рабочие были арестованы и в дальнейшем из них 15 человек были расстреляны, а 10 умерщвлены посредством «душегубки».

Неоднократно лично погружал в «душегубку» советских граждан, убив таким образом еще до 40 человек.

Сопровождая «душегубку» к месту разгрузки на территорию Харьковского тракторного завода, принимал непосредственное участие в сожжении трупов удушенных.

РИЦ Ганс, являясь заместителем командира роты СС при Харьковской «зондеркоманде СД», принимал участие в истязаниях и расстрелах мирных советских граждан.

В июне 1943 года участвовал в массовом расстреле ни в чем не повинных советских людей в районе деревни Подворки, близ Харькова.

Участвовал в допросах арестованных «зондеркомандой СД».

Лично избивал их шомполами и резиновыми палками, добываясь получения от них заведомо вымышленных показаний о проводимой якобы ими антигерманской деятельности.

ЛАНГХЕЛЬД Вильгельм, являясь офицером военной контрразведки, принимал непосредственное участие в расстрелах и зверствах, чинимых над военнопленными и мирным населением.

Допрашивал военнопленных, путем истязаний и провокаций добивался от них заведомо вымышленных показаний.

Сфальсифицировал ряд искусственных дел против советских граждан, по которым было расстреляно до 100

человек.

БУЛАНОВ Михаил Петрович, изменив Родине, перешел на сторону немцев и поступил к ним на службу на должность шофера Харьковского отделения гестапо.

Принимал участие в истреблении советских людей путем их удушения в «душегубке».

Вывозил на расстрел мирных советских граждан.

Принимал личное участие в расстреле группы детей, в количестве 60 человек.

Все обвиняемые, привлеченные по настоящему делу, а именно: Рецлав Р., Риц Г., Лангхельд В. и Буланов М.П., признали себя виновными в предъявленном им обвинении и дали подробные показания о своей преступной деятельности.

На основании изложенного обвиняются:

Рецлав Рейнгард, 1907 г. рождения, уроженец гор. Берлина, со средним образованием, чиновник германской тайной полевой полиции города Харькова, старший ефрейтор вспомогательной полиции.

Риц Ганс, 1919 года рождения, уроженец гор. Мариенверден (Германия), немец, с высшим образованием, член национал-социалистской партии с 1937 г., зам. командира роты СС, унтерштурмфюрер СС.

Лангхельд Вильгельм, 1891 г. рождения, уроженец г. Франкфурт на Майне, немец, член национал-социалистской партии с 1933 года, офицер военной контрразведки германской армии, капитан, —

в том, что:

являясь военными служащими германской армии, в 1941—1943 г.г. принимали непосредственное участие в массовом и зверском истреблении мирных советских людей посредством применения специально оборудованных автомашин, называемых «душегубками», а также в том, что лично участвовали в массовых расстрелах, повешении, сожжении, грабежах и издевательствах над советскими людьми, — т.е. в преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

Буланов Михаил Петрович, 1917 года рождения, уроженец станции Джанибек, Казахской ССР, русский, беспартийный, в том, что: изменив Родине, добровольно перешел на сторону немцев и поступил на службу в германские карательные органы.

Вместе с немцами принимал непосредственное участие в массовом уничтожении советских людей путем удушения их в «душегубках».

Лично расстреливал мирных советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей, — т.е. в преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года.

Вследствие изложенного, перечисленные выше лица подлежат суду Военного Трибунала.

Обвинительное заключение составлено 11 декабря 1943 г.

* * *

После оглашения на суде обвинительного заключения и перевода его на немецкий язык все подсудимые, отвечая на вопрос председательствующего, заявили, что полностью признают себя виновными в предъявленных им обвинениях.

* * *

Первым допрашивается подсудимый **Вильгельм Лангхельд** — капитан германской контрразведки. Он признает, что являлся непосредственным участником массовых расстрелов советских людей. Недаром он считался примерным служакой и получил от своего командования три награды. Отвечая на вопросы прокурора, Лангхельд рассказывает о том, как в лагерях для военнопленных гитлеровцы фабриковали ложные обвинения, на основании которых ни в чем неповинные люди подвергались расстрелу.

— *Мое непосредственное начальство*, — показывает он, — *майор Люляй сделал мне замечание, почему у меня мало расстрелов. Я извинился, сказал, что недавно в этом лагере и еще не имел возможности себя проявить.*

Прокурор. — А вы не пытались доказать майору, что военнопленные не совершили никаких преступлений?

Лангхельд. — Да. Я знал, что нет преступлений и нет дел, но замечание майора воспринял, как приказ создать их; если нет, то выдумать. Я приказал привести ко мне одного из самых истощенных пленных, думая, что от него мне удастся легче получить нужные показания.

Прокурор. — То есть вымышленные?

Лангхельд. — Да, разумеется, вымышленные, спровоцированные. Когда ко мне привели пленного, я спросил, известно ли ему, кто в лагере собирается совершить побег, и пообещал при этом улучшить его питание. Пленный отказался назвать мне какие бы то ни было фамилии, сказав, что он о таких случаях не знает. Но так как я всё-таки должен был выполнить приказ майора, то приказал бросить пленного на землю и избивал его палками, пока он не лишился сознания. Затем я составил протокол, пинками поднял потерявшего сознание пленного и попытался заставить его подписать протокол. Он снова отказался.

Прокурор. — Кто же всё-таки подписал протокол?

Лангхельд. — Переводчик.

Прокурор. — Следовательно, этот протокол был подложный?

Лангхельд. — Да.

Прокурор. — Что же в нем было записано?

Лангхельд. — Мы написали, что двадцать военнопленных якобы собираются совершить побег. Фамилии называли совершенно произвольно. Я просто выбрал их из лагерного списка. На следующий день протокол доложили майору, и он распорядился всех расстрелять. Это распоряжение было выполнено.

Прокурор. — Таким образом были расстреляны ни в чем неповинные люди?

Лангхельд. — Да.

Из дальнейших показаний подсудимого выясняется, что подобная практика у Лангхельда и других немецких офицеров была системой. Подсудимый показывает о втором таком же случае. На этот раз его жертвой были шесть ни в чем неповинных украинских женщин. Это были крестьянки ближайших деревень. Они приходили в лагерь искать своих родственников. Желая отличиться перед начальством, Лангхельд решил добиться от этих женщин показаний в том, что они якобы помогали установить связь между партизанами и находящимися в лагере военнопленными. С этой целью были арестованы шесть женщин, из них одна с пятилетним ребенком. От них добивались вымышленных показаний теми же методами: раздевали, бросали на скамью, били палками и шомполами. Но никакие мучения и пытки не могли вынудить у советских женщин ложных признаний. Они падали без сознания, но не сказали ни слова.

— *Как вела себя женщина, у которой был ребенок, — спрашивает прокурор, — и как вел себя ребенок?*

Лангхельд. — Ребенок сначала цеплялся за мать, плакал, а затем отполз в угол и забился там в страшном испуге.

На следующий день Лангхельд написал служебную записку в местную комендатуру, указав, что якобы им вскрыты пять случаев связи партизан с военнопленными. Местная комендатура увезла пятерых женщин и, как выяснилось впоследствии, расстреляла.

Прокурор. — Но ведь женщин было шесть. Что же стало с шестой?

Лангхельд бесстрастным тоном показывает, что шестая в ту же ночь умерла от побоев, и поэтому для него не было смысла включать ее в служебную записку. Этой шестой и была женщина с пятилетним ребенком.

На вопрос прокурора, что же стало с ребенком, Лангхельд отвечает: он цеплялся за мертвую, мать, громко кричал. Ефрейтору, который пришел, чтобы вытащить труп женщины из помещения, это надоело, и он застрелил ребенка.

Ропот возмущения пробегает по залу. Подлые детоубийцы! Они ответят за свои чудовищные злодеяния.

Допрос продолжается.

Прокурор спрашивает подсудимого, являлись ли подобные случаи единичными или они были системой в германской армии.

— *Это имело место всюду, было системой, —* отвечает Лангхельд.

Он далее указывает, что эту систему утверждали и поощряли приказы и распоряжения германского правительства и командования германской армии. На вопрос прокурора — значит можно считать установленным, что приказы о массовом уничтожении ни в чем неповинных советских людей исходили от германского правительства, Лангхельд отвечает твердо и четко: — *Да.* Он приводит факт, когда по его распоряжению в Дарницком лагере были расстреляны десять ни в чем неповинных офицеров Красной Армии, чтобы «предупредить побегу».

— *Эта моя инициатива, —* добавляет он, — *была полностью одобрена командованием.*

Лангхельд признает, что он не только знал о существовании так называемого «газового автомобиля» — специально оборудованной автомашины для удушения советских людей окисью углерода, но и видел лично эту машину, наблюдал, как производится в нее погрузка советских граждан.

Из дальнейших показаний Лангхельда выясняется страшная картина режима террора и провокации, царивших в немецких лагерях военнопленных. В этих лагерях вместе с военнопленными содержалось под видом военнопленных и гражданское население. Военнопленных и содержащихся под видом военнопленных гражданских лиц морили голодом, травили собаками, уничтожали под всяким предлогом и вовсе без предлогов. Лангхельд приводит такой факт. В одном из лагерей пленные жили под открытым небом. Чтобы согреться, они по ночам зажигали костры. Лагерное начальство само давало на это разрешение, а затем солдаты открывали стрельбу по беззащитным людям, собравшимся у костров. Это была заранее обдуманная изуверская провокация.

— *Скажите, Лангхельд, —* спрашивает прокурор, — *сколько лично вы уничтожили советских граждан?*

Фашистский палач глубокомысленно поднимает глаза вверх, минуту думает и отвечает:

— *Точно цифру назвать затрудняюсь, но полагаю, что не менее ста.*

Прокурор. — А известно ли вам, сколько всего было уничтожено немцами советских людей за время оккупации Харькова и Харьковской области?

Лангхельд. — Я слышал, что было уничтожено более тридцати тысяч человек. Столько же, а то и больше уничтожено в Киеве, около пятнадцати тысяч — в Полтаве.

Так Лангхельд и ему подобные проводили на практике указание германского правительства о массовом истреблении советских людей.

Председатель суда, генерал-майор юстиции Мясников уточняет путь палача Лангхельда по советской земле. Он был в Полтаве, под Киевом, в Дергачах, в Россоши.

Председатель. — И везде вы принимали такое активное участие в истреблении советских людей?

Лангхельд. — Да, везде.

Председатель. — Вам неизвестны случаи, когда германское командование привлекало бы своих офицеров к ответственности за издевательства над мирным населением?

Лангхельду этот вопрос кажется непонятным: такая практика не только не наказывалась, но всячески поощрялась германским командованием. И на вопрос председателя, за что он получил три награды, не за то ли, что так рьяно уничтожал советских людей, Лангхельд отвечает:

— *Да, я старался выполнять приказы моего начальства.*

Председатель. — Вопрос имеет член суда тов. Харчев.

Член суда тов. Харчев. — По каким мотивам и когда вы вступили в национал-социалистскую партию?

Лангхельд. — В национал-социалистскую партию я вступил в 1933 году, главным образом потому, что считал ее программу правильной.

Председатель. — У экспертов имеются какие-либо вопросы к подсудимому Лангхельду?

Эксперты. — Вопросов не имеется.

Председатель (к защите). — Имеются ли у защиты вопросы к подсудимому?

Защитник Коммодов. — Чем подсудимый Лангхельд занимался до войны?

Лангхельд. — До войны я был чиновником в городском управлении города Франкфурта на Майне.

Коммодов. — С какого времени вы на Восточном фронте?

Лангхельд. — С начала войны.

Коммодов. — Разделяли ли вы взгляды национал-социалистской партии до вступления в партию?

Лангхельд. — Нет, я до этого не был членом партии.

Коммодов. — Принимали ли вы участие в войне 1914—1918 гг.?

Лангхельд. — Да, я был участником мировой войны 1914—18 гг.

Коммодов. — Как вы объясните личное свое участие в совершении тех преступлений, в которых признаете себя виновным?

Лангхельд. — Я выполнял приказы своего начальства, и если бы я их не выполнил, то был бы предан военно-полевому суду.

Председатель. — У защиты имеются еще вопросы к подсудимому?

Защита. — Нет.

Логика фактов — самая сильная логика. Когда председатель суда, суммируя все факты, выявленные во время допроса Лангхельда, спрашивает его, считает ли он германское правительство и командование германской армии полностью ответственными за все эти злодеяния, за массовое истребление советских граждан, Лангхельд отвечает:

— Да, считаю.

После этого суд объявляет перерыв до 10 часов 16 декабря.

Утреннее заседание суда 16 декабря 1943 г.

Заседание начинается ровно в 10 часов утра.

Председатель, генерал-майор юстиции т. Мясников. — Судебное заседание Военного трибунала продолжается. Продолжаем допрос подсудимого Лангхельда.

Вопрос председателя суда.

— *Подсудимый Лангхельд, где вы видели «газовую машину»?*

Подсудимый Лангхельд отвечает через переводчика Копылова.

— *Я видел «газовую машину» в Харькове.*

Председатель. — Когда?

Лангхельд. — Это было примерно в мае 1942 года, когда я был в служебной поездке в Харькове.

Председатель. — Опишите, что представляет собой «газовая машина».

Лангхельд. — Насколько я припоминаю, «газовая машина» представляет из себя автомобиль темносерого цвета, совершенно закрытый, имеющий сзади герметически закрывающуюся дверь.

Председатель. — Сколько вмещала людей эта машина?

Лангхельд. — Примерно 60—70 человек.

Председатель. — При каких обстоятельствах вы видели эту «газовую машину» в Харькове?

Лангхельд. — Я был на Чернышевской улице, 76, где размещался штаб СД, и слышал во дворе этого здания сильный шум и крики.

Председатель. — Что же там происходило?

Лангхельд. — «Газовая машина» в это время подъехала к главному входу здания, и можно было видеть, как туда насильно загоняли людей, причем у дверей «газовой машины» стояли немецкие солдаты.

Председатель. — Вы присутствовали, когда загоняли людей в «газовую машину»?

Лангхельд. — Да, я находился в нескольких шагах от «газовой машины» и наблюдал это.

Председатель. — Расскажите, как происходила погрузка людей в «газовую машину».

Лангхельд. — Среди людей, которые грузились в «газовую машину», были старики, дети, пожилые, и молодые женщины. Добровольно эти люди не хотели входить в машину, и поэтому эсэсовцы пинками и ударами прикладов загоняли людей в газовый автомобиль.

Председатель. — А почему люди не шли добровольно в машину? Что, они знали, что это за машина?

Лангхельд. — Я предполагаю, что эти люди догадывались о судьбе, которая их ожидает.

Председатель. — Кто руководил погрузкой в «газовую машину» в вашем присутствии?

Лангхельд. — Я затрудняюсь назвать какие-либо определенные имена, так как всё это были лица мне незнакомые, но, во всяком случае, это были эсэсовцы. Возле газового автомобиля я встретил одного своего знакомого, капитана германской армии.

Председатель. — Как его фамилия?

Лангхельд. — Это был капитан Бойко.

Председатель. — В каких городах оккупированной советской территории применялась «газовая машина» для истребления советских людей?

Лангхельд. — Я слышал от капитана Бойко, что подобный газовый автомобиль применялся в большинстве городов оккупированной советской территории, как-то: в Харькове, Полтаве, Киеве.

Председатель. — Известно ли вам, что и в Смоленске была применена «газовая машина», как об этом вы показали на предварительном следствии?

Лангхельд. — Да, об этом я также слышал, что и в Смоленске газовый автомобиль применялся.

Председатель. — По чьему приказу?

Лангхельд. — Так как «газовая машина» применялась эсэсовцами, то можно заключить, что применение этого автомобиля производилось по указанию правительства.

Председатель. — Назовите фамилии и должности своих помощников, с которыми вы работали.

Лангхельд. — Моими помощниками являлись фельдфебель Рунге, переводчик Шульц, старшие ефрейторы Этман и Майнэ.

Председатель. — Они также принимали активное участие в расстрелах и избиениях русских военнопленных и мирных граждан?

Лангхельд. — Да, они все принимали одинаковое участие.

Председатель. — Уточните виновность каждого из них в отдельности.

Лангхельд. — Фельдфебель Рунге в основном выполнял приказы по приведению в исполнение расстрелов. Трое остальных принимали участие в избиениях на допросах и тому подобных действиях.

Председатель. — Следовательно, в отношении своих подчиненных вы являлись таким же лицом, как и майор Люляй?

Лангхельд. — Да, это можно так сказать.

Председатель. — Вы признаете это?

Лангхельд. — Да, я это признаю.

Председатель. — Расскажите, почему немецкие офицеры и солдаты, как вы показывали на следствии, проходя по лагерю, срывали с военнопленных фуражки и бросали их в запретную зону?

Лангхельд. — Солдаты этим занимались как развлечением, чтобы таким образом выразить свою ненависть по отношению к русским.

Председатель. — Как это происходило дальше?

Лангхельд. — Когда пленные пытались поднять принадлежавшие им фуражки, то охрана стреляла в них. Само собою разумеется, что при этом бывали случаи, когда они их убивали.

Председатель. — Были ли еще случаи, когда стреляли по пленным?

Лангхельд. — Да. Такие случаи имели место, и я сам наблюдал подобные факты в лагере в Полтаве.

Председатель. — Кто стрелял — солдаты или офицеры?

Лангхельд. — Особенно отличался в этом вахмистр, фамилию которого в настоящий момент я припомнить не могу.

Председатель. — Значит военнопленных избирали в качестве мишени, так?

Лангхельд. — Да, можно сказать, что военнопленных в данном случае рассматривали, как дичь, по которой можно стрелять.

Председатель. — Немецкие офицеры и солдаты раздевали военнопленных?

Лангхельд. — Да. Все хорошие вещи, которые имелись у военнопленных, отбирались у них.

Председатель. — То есть их грабили?

Лангхельд. — Да, так можно сказать.

Председатель. — И вы в том числе грабили?

Лангхельд. — Да, я принимал в этом участие.

Председатель. — Куда девались вещи, которые грабили у военнопленных?

Лангхельд. — Как правило, такие вещи раздавались военным служащим рот.

Председатель. — У мирного населения немецкая армия также отбирала вещи?

Лангхельд. — В отношении гражданского населения я не могу дать никаких подробных показаний.

Председатель. — А куда девались из лагерей трупы убитых военнопленных?

Лангхельд. — За пределами лагерей были вырыты ямы, и туда бросали трупы убитых пленников.

Председатель. — Какое ориентировочно количество военнопленных погибло в лагерях?

Лангхельд. — Наивысшая цифра составляет ориентировочно за сутки 60 мертвых пленников.

Председатель. — Получается, что это были не лагеря военнопленных, а лагеря смерти?

Лангхельд. — Да, можно сказать.

Председатель. — Есть ли дополнительные вопросы у военного прокурора?

Военный прокурор. — Нет.

Председатель. — У защиты имеются вопросы?

Защита. — Нет.

Председатель. — Садитесь, подсудимый Лангхельд.

После Лангхельда суд приступает к допросу подсудимого **Рица**. Допрос подсудимого начинает прокурор.

Прокурор. — Подсудимый Риц, скажите, какой у вас был чин в германской армии?

Подсудимый Риц отвечает через переводчика Стеснову, что у него был чин унтерштурмбаннфюрера СС, который соответствует чину лейтенанта.

Прокурор. — Вы служили в войсках СС?

Риц. — Да, я служил в войсках СС.

Прокурор. — Какие функции выполняли войска СС?

Риц. — Войска СС применяются так же, как и обычные армейские части, однако к СС-овцам предъявляются определенные требования: арийское происхождение, определенный рост, преданность национал-социализму и т.п.

Прокурор. — Какие функции выполняла часть, которой, вы командовали?

Риц. — Я руководил ротой СС, которая являлась карательным органом и была прикомандирована к «зондеркоманде СД» в гор. Таганроге.

Прокурор. — В частности, что эта рота конкретно делала?

Риц. — Рота СС действовала по приказу «зондеркоманды СД» города Таганрога и выполняла карательные функции, как то: расстрелы, принудительную эвакуацию населения из деревень и перевозку и охрану арестованных.

Далее, отвечая на вопросы прокурора, Риц уточняет «деятельность» роты СС, заместителем командира которой он был. Оказывается, эта «деятельность» заключалась, главным образом, в уничтожении мирного населения путем фальсификации разного рода искусственных обвинений. При этом истреблялись и старики, и женщины, и дети. Риц признает, что только по его личным приказам было уничтожено таким путем около 300 человек в районе Таганрога.

Прокурор. — А другими сведениями вы не располагаете, т.е. о других районах ничего не знаете?

Риц. — Мне известно также об уничтожении мирных граждан в Харькове. Об этом я узнал, когда был проездом в городе Харькове, а затем, когда находился при «зондеркоманде» города Харькова.

Прокурор. — Расскажите подробно об этом.

Риц. — 31 мая 1943 года я прибыл в Харьков и явился к начальнику «зондеркоманды» города Харькова Ханебиттер, которого я знал еще ранее по Германии. Там я познакомился также с офицерами «зондеркоманды» — заместителем начальника «зондеркоманды» Ирхнер, офицерами Фаст, Петерс, доктором Каппе и лейтенантом Якобе. Я могу рассказать о некоторых случаях, которые мне приходилось наблюдать в Харькове. В первую очередь мне приходилось сталкиваться с лейтенантом Якобе, который заявлял мне, что сейчас у них очень много работы с арестованными, содержащимися в Харьковской тюрьме, но что, слава богу, у них имеется специальный метод, который помогает им освобождать тюрьмы от арестованных. Тогда я спросил у него, что это за специальный метод. Якобе ответил, что это — газовый автомобиль. Когда я услышал термин — «газовый автомобиль», я вспомнил, что мне было известно еще в Германии об этой машине. Я помню об этой машине со времени пребывания в районе Варшавы, где мне приходилось наблюдать, как при помощи этой машины вывозилось неблагонадежное население г. Варшавы. Из разговоров с секретарем национал-социалистской организации г. Варшавы — Рихтером мне стало известно, что часть населения г. Варшавы эвакуировалась по железной дороге, а другая часть погрузалась в «газовую машину» и уничтожалась. На мой вопрос, что это за машина, Рихтер ответил, что это самая обычная грузовая, транспортная машина, но у нее выхлопные газы направляются в кузов, при помощи которых и уничтожаются находящиеся в ней люди. Подобного рода объяснения о газовой машине я получил также в сентябре 1942 г. в Риге от инженера-строителя Демпе и, кроме того, в мае 1942 г. от чиновника русского городского управления Майер, рассказавшего, что при помощи газового автомобиля уничтожалось мирное население г. Витебска. Об этих рассказах вышеуказанных лиц я вспомнил сейчас же, как только мне лейтенант Якобе сообщил, что в Харькове применяли газовый автомобиль. Я попросил лейтенанта Якобе разрешить мне осмотреть эту машину. Лейтенант Якобе дал на это свое согласие, заявив, что как раз для этого есть подходящий момент, так как на следующий день в 6 часов утра будет происходить погрузка в этот «газовый автомобиль», и я могу явиться во двор тюрьмы и посмотреть. На следующий день я явился в условленное время во двор тюрьмы, где находился лейтенант Якобе, поздоровался с ним, после чего он показал мне стоящую во дворе машину. Это была самая обыкновенная военная машина, предназначенная для перевозок, только с герметически закрывающимся кузовом. Лейтенант Якобе открыл дверцы машины и показал мне. Внутри эта машина была обита железными листами, в полу машины имелись отверстия, через которые поступали выхлопные газы из мотора, при помощи которых и отравляли находящихся в ней людей. Вскоре после этого открылись двери тюрьмы и группыми оттуда начали выводить арестованных. Среди них были женщины различных возрастов и старики, которые шли в сопровождении СС-овцев. Особенно тяжелое впечатление произвел на меня вид этих людей, люди были исхудавшие, с всклокоченными волосами, со следами побоев на лице. Те из арестованных, которые не хотели идти, получали побои и пинки. Им дано было приказание направиться к машине и погрузиться в нее. Хочу добавить еще, что количество арестованных составляло примерно 60 человек. Когда началась погрузка в машину, часть арестованных пошла в машину, другая же часть не хотела входить и оказывала сопротивление, но насильно вталкивалась эсэсовцами пинками и ударами прикладов. Наблюдая это, я спросил лейтенанта Якобе, почему известно этим людям, что их ожидает в «газовой машине». Лейтенант Якобе ответил мне на это, что собственно людям не говорили о том, что их ожидает, но так как «газовая машина» нашла уже широкое применение в Харькове, то многим, видимо, известно, что их ожидает в этой машине.

Прокурор. — Сколько раз вы наблюдали подобную погрузку в «газовую машину»?

Риц. — Я наблюдал это только единственный раз, о котором рассказываю.

Прокурор. — Присутствовали вы при массовых расстрелах советских граждан?

Риц. — Да, я принимал в этом участие.

Прокурор. — Расскажите об этом подробно.

Риц. — Ханебиттер мне сказал, что предстоит расстрел примерно 3 000 человек, которые при занятии гор. Харькова, советскими войсками приветствовали приход советской власти. Ханебиттер сказал мне, что я имею возможность присутствовать при этом расстреле.

Прокурор. — Вы сами напросились присутствовать при расстреле?

Риц. — Да, я сам просил майора Ханебиттер разрешить мне присутствовать при этой операции.

Прокурор. — Расскажите подробно об этом.

Риц. — 2 июня майор Ханебиттер, захватив меня, выехал с рядом офицеров в деревню, расположенную недалеко от г. Харькова — Надворки или Продворки, где должен был происходить расстрел. В пути мы обогнали три автомашины, нагруженные арестованными, в сопровождении эсэсовцев, которые также направлялись туда. Машина, на которой я ехал, обогнала машину с арестованными и прибыла на лесную поляну, где были подготовлены ямы. Эта поляна была оцеплена эсэсовцами. Вскоре после этого появились автомашины с арестованными. Ханебиттер сказал, что в этот день подлежит расстрелу до 300 человек. Арестованные были разделены на небольшие группы, которые поочередно расстреливались эсэсовцами из автоматов. Не хочу умалчивать и о своем участии в этой операции. Майор Ханебиттер сказал мне: «Покажите, на что вы способны», и я, как военный человек, офицер, не отказался от этого, взял у одного из эсэсовцев автомат и дал очередь по арестованным.

Прокурор. — Среди расстреливаемых были женщины и дети?

Риц. — Да, я помню, что была женщина с ребенком. Женщина, пытаясь спасти ребенка, прикрыла его своим телом, но это не помогло, так как пули, пронизали ее и ребенка.

Прокурор. — Сколько человек было в этот раз расстреляно в вашем присутствии?

Риц. — Мне майор Ханебиттер сказал, что в этот день должно было быть расстреляно до 300 человек.

Прокурор. — Не видели ли в ямах, в которых хоронили расстреливаемых людей, умерщвленных при помощи газового автомобиля?

Риц. — Да, когда мы, офицеры, потом осмотрели место расстрела, то лейтенант Якобе показал мне одну из ям, где слегка из-под присыпанной земли видны были очертания человеческих трупов. Якобе сказал, что вот, дескать, пассажиры вчерашней поездки на «газовом автомобиле».

Прокурор. — Вы занимались допросами арестованных мирных советских граждан?

Риц. — Да, я принимал участие в допросах советских граждан в городе Таганроге.

Прокурор. — Расскажите, как вы допрашивали советских граждан.

Риц. — Сначала я допрашивал арестованных согласно тем юридическим познаниям, которыми я обладал. Однако вскоре ко мне явился начальник зондеркоманды города Таганрога Эккер, который заявил, что так дальше дело не пойдет, что люди эти толстокожие и к ним надо применять другие меры. И тогда я начал избивать их на допросах.

Прокурор. — Побой были системой допроса советских граждан?

Риц. — Да, можно со всей определенностью сказать, что были системой. В городе Харькове, как я уже раньше показал, я имел возможность присутствовать при допросах и убедился, что все, начиная с начальника и кончая младшим чином зондеркоманды, избивали, причем сильно избивали на допросах. Так что, повторяю, это, безусловно, система.

Прокурор. — Вот вы, Риц, человек с высшим юридическим образованием очевидно, считающий себя человеком культурным, как вы могли не только наблюдать эти избиения, но и принимать в них активное участие. Расстреливать ни в чем повинных людей, причем расстреливать не только по принуждению, но и по собственной воле?

Риц. — Я должен был выполнять приказ, так как если бы я приказа не исполнил, то меня представили бы к военно-полевому суду и наверняка приговорили бы к смертной казни.

Прокурор. — Это не совсем так, потому что вы сами изъявили желание участвовать при погрузке людей в «газовую машину» и вас туда никто специально не приглашал.

Риц. — Да, верно то, что я сам изъявил желание присутствовать при этом, но прошу учесть, что тогда я еще являлся новичком на восточном фронте и хотел лично, убедиться, действительно ли здесь, на восточном фронте, применяется такая автомашина, о которой я слышал ранее. Поэтому я и изъявил желание лично присутствовать при погрузке в нее людей.

Прокурор. — Но в расстрелах невинных советских граждан вы, ведь, принимали непосредственное участие?

Риц. — Я уже показал ранее, что при расстрелах в Подворках майор Ханебиттер сказал: «Покажите, на что вы способны». Не желая оскандалиться, я взял у одного из эсэсовцев автомат и стал расстреливать.

Прокурор. — Следовательно, на этот мерзкий путь, на путь расстрелов ни в чем не повинных людей, вы стали по собственной воле, ибо вас к этому никто не понуждал?

Риц. — Да, я действительно в этом должен признаться.

Прокурор. — Вот вы, Риц, человек, обладающий некоторыми познаниями в области права, скажите — на восточном фронте нормы международного права немецкой армией в какой-либо степени соблюдались или нет?

Риц. — Я должен сказать, что на восточном фронте не могло быть и речи ни о международном, ни о каком-либо другом праве.

Прокурор. — Скажите, Риц, по чьему приказу всё это происходило, почему эта система совершенного бес-

правия и зверской расправы с неповинными людьми утвердилась?

Риц. — Это бесправие имело свои глубокие причины, а именно: оно вызвано указаниями Гитлера и его сотрудников, указаниями, которые можно подробно проанализировать.

Прокурор. — Расскажите подробно и конкретно, кто же именно виноват во всем этом?

Риц. — Первым и основным виновником я считаю Гитлера, призывающего, во-первых, к водворению системы жестокости и, во-вторых, говорившего о превосходстве германо-арийской расы, которая призвана водворить порядок в Европе. Он также говорил о необходимости уничтожения малочисленного русского народа. Далее я хочу указать на Гиммлера. Гиммлер неоднократно говорил, что нечего обращать внимание на параграфы, приговаривающие к смерти, а надо приговаривать согласно своему арийскому чувству. Это германо-арийское чувство в Германии надо было как-то прикрывать, а на восточном фронте немецкие войска творили неприкрыто. Далее я хочу сказать о Розенберге, на чей счет следует записать пропаганду, восхваляющую превосходство германской расы. Эта пропаганда, которую проводил Розенберг и в отношении русских, как варваров, привела к такому поведению германских солдат. Таким образом, говоря о действительных глубоких причинах этих злодеяний, я счел нужным указать на эти три имени, с которыми, безусловно, связаны преступления немецких войск.

Председатель. — Подсудимый Риц, расскажите кратко свою биографию.

Риц. — Я родился в 1919 г. в городе Мариенвердер (Германия) в семье профессора. С 1925 г. я сначала три года посещал народную школу, а затем девять лет гуманитарный университет, который и окончил, сдав испытания. Затем семь месяцев я отбывал трудовую повинность, после чего поступил в Кенигсбергский университет, где изучал право, а также занимался музыкой. С 1939 года я был призван в германскую армию, но затем был отпущен в отпуск для того, чтобы в марте 1940 года сдать государственный экзамен. До октября 1940 года я числился в рядах армии, но затем был демобилизован в связи с болезнью желудка и занимался в первое время судебной деятельностью при оберпрезидиуме Восточной Пруссии в Кенигсберге. С апреля 1941 года по май 1943 года я работал в качестве юриста в Познани. В конце мая 1943 года по так называемой тотальной мобилизации я был призван в германскую армию и направлен на восточный фронт.

Председатель. — Какие вы занимали общественные посты, будучи членом союза гитлеровской молодежи?

Риц. — Будучи членом союза гитлеровской молодежи с 1933 года, я вначале занимал небольшие руководящие должности, но затем был в Познани председателем суда чести союза гитлеровской молодежи.

Председатель. — Подсудимый Риц, сколько времени вы находились в Таганроге?

Риц. — Я находился в Таганроге с 5 июня по 1 сентября 1943 года.

Председатель. — Вы со своей ротой производили карательные мероприятия не только в Таганроге, но и в окрестностях Таганрога?

Риц. — Рота производила расстрелы, как я показал ранее, в районе песчаных карьеров, расположенных северо-восточнее города Таганрога. Кроме того, рота осуществляла и другие карательные экспедиции.

Председатель. — Сами вы принимали участие в расстреле в песчаных карьерах?

Риц. — Да, принимал участие в расстрелах, произведенных в песчаных карьерах.

Председатель. — Какое количество людей было расстреляно в песчаных карьерах?

Риц. — Там было расстреляно до 60 человек.

Председатель. — Это за один раз?

Риц. — Да, за один раз.

Председатель. — А всего?

Риц. — В общем за два раза было расстреляно 120 человек, общее количество расстрелянных составляло примерно 2000—3000 человек.

Председатель. — Это по Таганрогу?

Риц. — По Таганрогу и его окрестностям.

Председатель. — Назовите должности и фамилии гестаповцев, которые принимали активное участие в расстрелах в Таганроге и его окрестностях.

Риц. — Начальником и лицом, который полностью был ответственным за проведение расстрелов, являлся руководитель зондеркоманды гаупштурмфюрер Эккер, непосредственным участником расстрела был фельдфебель Шульц. Помню также капитала Васбергер, лейтенанта Хейнтель и рядовых Майнгор и Речке.

Председатель. — Расскажите вы, лично, принимали участие в расстрелах в яме, в окрестностях Таганрога?

Риц. — Как и во многих других случаях, я получил приказ от руководителя зондеркоманды гаупштурмфюрера Эккера выделить команду для расстрела. Взялся за это я сам. Выслав команду, я выехал на место расстрела проверить, насколько точно проводится в жизнь мое указание.

Председатель. — Что вы видели на месте?

Риц. — Когда я прибыл на место, я увидел яму, примерно размером 50 X 50 метров, глубиной 4 метра. Там находилась группа лиц, подлежащих расстрелу, примерно 50 человек, и команда под руководством фельдфебеля Туркел. Арестованные были избиты и плохо одеты. Фельдфебель Туркел доложил мне о готовности начать расстрел. Я ответил: начинайте, после чего был открыт огонь. Сразу же после открытия огня в яме образовался клубок окровавленных тел, среди которых были еще недобитые люди. Тогда я предложил спуститься в яму двум рядовым и прикончить тех, кто остался в живых. Вслед за этими двумя эсэсовцами сошел в яму и я. Двух людей, которые, будучи ранеными, еще были живы, я пристрелил из пистолета. После того, как операция была закончена, я приказал двум рядовым остаться на месте в качестве охраны, а остальной части команды вернуться в Таганрог, куда отправился и сам для того, чтобы рапортовать Эккеру о выполнении задания.

Председатель. — Были ли там женщины и дети?

Риц. — Детей при этом я не видел, на что там были женщины — это я могу совершенно точно сказать.

Председатель. — В каких городах применялись газовые машины?

Риц. — Мне известно о применении «газовых автомобилей» в Харькове, о чем я уже подробно рассказывал. Дальше из разговоров с Эккером и офицерами зондеркоманды СД мне известно, что последнему рассказывал бывший заместитель начальника СД по Краснодару Раббе, что и там применялись «газовые машины».

Председатель. — Кого уничтожали в Краснодаре в «газовых машинах»?

Риц. — Мне известно, что в Краснодаре уничтожалось гражданское население. Кроме того, при помощи «газового автомобиля» были уничтожены больные, находившиеся в больнице.

Председатель. — То есть уничтожали женщин, детей и больных?

Риц. — Это правильно.

Председатель. — Сколько человек было уничтожено в Краснодаре?

Риц. — Там было уничтожено несколько тысяч.

Председатель. — Вы показали, что уничтожение населения путем «газовой машины» происходило в Варшаве и Риге. Кто руководил в Варшаве и Риге уничтожением людей путем применения «газовых машин»?

Риц. — Это происходило в указанных городах также под руководством гестапо.

Председатель. — А кто конкретно руководил?

Риц. — Это мне неизвестно.

Председатель. — От кого вам стало известно, что «газовая машина» применялась в Варшаве?

Риц. — Об этом мне рассказывал, как я показал уже выше, некий Рихтер, бывший руководящий работник окружного руководства национал-социалистской партии.

Председатель. — А о гор. Риге откуда вам стало известно?

Риц. — Об этом мне известно от инженера-строителя Дешпе и от некоего майора, бывшего чиновника Рижского городского управления.

Председатель. — Есть ли у защиты вопросы к подсудимому?

Коммодов. — Скажите, остались ли вы верны идее национал-социалистской партии в настоящее время?

Риц. — Я не могу сказать, что я остался верен взглядам национал-социалистской партии, так как за время нахождения на Восточном фронте я имел возможность шаг за шагом убедиться в ложности тезисов национал-социалистской партии.

Коммодов. — Понимаете ли вы теперь, что германское правительство и национал-социалистская партия обманывают немецкий народ?

Риц. — Слово «обман» будет самым подходящим для этого определением.

Коммодов. — Разделял ли ваш отец профессор воззрения национал-социалистской партии?

Риц. — Мой отец, который до прихода Гитлера к власти был членом либеральной партии, в связи с тем, что он хотел сохранить свою должность, вступил в национал-социалистскую партию, стал ее членом. Однако я не могу сказать, что он полностью разделял взгляды национал-социалистской партии.

На этом допрос подсудимого Рица заканчивается.

По окончании допроса подсудимого Рица, после пятнадцатиминутного перерыва, утреннее заседание 16 декабря продолжается.

Допрашивается подсудимый **Рецлав**.

Прокурор. — Скажите, подсудимый Рецлав, из какой семьи вы происходите, какое имеете образование?

Рецлав. — Мой отец был служащим больничной страховой кассы. Я имею среднее образование.

Прокурор. — Чем вы занимались до войны?

Рецлав. — Я был заместителем начальника отдела по рассылке газет в редакции франкфуртской газеты.

Прокурор. — С какого времени вы служите в германской армии?

Рецлав. — С мая 1940 года.

Прокурор. — В качестве кого вы служили в германской армии?

Рецлав. — В начале мая 1940 года я получил подготовку в качестве радиста в артиллерийской части. Затем, совершив поход во Францию, я был переведён в охранный батальон, дислоцировавшийся вначале во Франции, а затем в Померании.

Прокурор. — Что это за охранный батальон?

Рецлав. — Этот батальон занимался охраной пленных, причём тогда мы охраняли французов и бельгийцев.

Прокурор. — Как вы попали в этот батальон?

Рецлав. — Я был назначен в этот батальон, так как находился в том возрасте, который после французского похода уже не призывался в действующую армию.

Прокурор. — Этот батальон был подчинён германской тайной полиции?

Рецлав. — Нет, он скорее являлся ополченским. В мае 1941 года из этого батальона я был переведён в батальон особого назначения «Альтенбург».

Прокурор. — Расскажите подробно, что из себя представляет батальон «Альтенбург».

Рецлав. — Батальон «Альтенбург» является школой, где проходили подготовку чиновники германской тайной полевой полиции.

Прокурор. — Как вы попали в этот батальон?

Рецлав. — Я был направлен командованием.

Прокурор. — Сколько в этом батальоне было человек?

Рецлав. — Количество личного состава батальона колебалось, но в то время, когда я обучался, там находилось около 200 человек.

Прокурор. — Кого готовил этот батальон?

Рецлав. — В этом батальоне готовились чиновники германской тайной полевой полиции. Это была единственная в Германии школа, где они проходили подготовку. Обучение охватывало военную подготовку и специальную подготовку по линии службы тайной полевой полиции.

Прокурор. — Какие дисциплины изучались в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав. — В этом батальоне велось преподавание в основном по следующим предметам: уголовное право, практика допросов, арестов, обысков, агентурная работа среди гражданского населения. Кроме того, нам читали специальные лекции.

Прокурор. — Какие именно?

Рецлав. — Руководящие чиновники гестапо нам читали специальные доклады, в которых освещалась роль германского народа как носителя высшей германской расы и его задачи по установлению «нового порядка» в Европе и связанных с этим мероприятий.

Прокурор. — Что же это за мероприятия?

Рецлав. — Нам говорили, что советский народ, как низшая раса, должен быть уничтожен.

Прокурор. — Следовательно, в батальоне вас обучали методам уничтожения советских людей?

Рецлав. — Да.

Прокурор. — Эта установка исходила от германского правительства?

Рецлав. — Да, эти установки германское правительство годами посредством печати, кино и радио внедряло в умы немцев.

Прокурор. — Следовательно, из вас готовили не чиновников, а палачей в этом батальоне?

Рецлав. — Да, как я позднее убедился на практике, так можно сказать.

Прокурор. — И в своей практической работе вы выполняли палаческие установки, которые получили в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав. — Да, я так же, как и другие чиновники тайной полевой полиции, выполнял эти указания.

Прокурор. — То-есть вы принимали непосредственное участие в истреблении советских людей?

Рецлав. — Я должен признать, что по приказу своих непосредственных начальников я принимал личное участие в истреблении советских граждан.

Прокурор. — Расскажите, как вы истребляли советских граждан?

Рецлав. — Когда я был в г. Житомире, где располагалась 560 группа «ГФП» (тайная полевая полиция), то убедился, что те методы, которые нам преподавали, в практической работе применяются.

Прокурор. — Говорите конкретнее.

Рецлав. — Как правило, все лица, которые задерживались военными властями и передавались для следствия в «ГФП», подвергались сначала избитию. Если арестованный давал нужные нам показания, то избития прекращались, а в отношении тех, которые показаний не давали, избития продолжались и дальше, так что нередко бывали случаи смертельного исхода...

Прокурор. — Значит, если человек не признавался, его убивали, а если признавался — его расстреливали. Правильно это?

Рецлав. — Да, так было в большинстве случаев.

Прокурор. — Были ли случаи, когда фабриковались дела, фальсифицировались показания?

Рецлав. — Да, всё это имело место и довольно часто, можно сказать, что это было в порядке вещей.

Прокурор. — Кроме расстрелов и виселиц, ещё к каким способам уничтожения советских людей прибегала тайная полевая полиция?

Рецлав. — Кроме этого, насколько я знаю, применялась «газовая машина».

Прокурор. — Что из себя представляет «газовая машина»?

Рецлав. — Когда я в марте 1942 года зашёл во двор Харьковской тюрьмы, я увидел там большую закрытую автомашину, окрашенную в тёмносерый цвет.

Прокурор. — Один раз видели эту машину или несколько раз?

Рецлав. — После этого я часто видел указанную машину.

Прокурор. — Расскажите всё, что вам известно о применении «газовой машины».

Рецлав. — В марте 1942 года я увидел во дворе Харьковской тюрьмы стоявшую автомашину. Я спросил знакомого мне солдата харьковской команды СД Каминского, для чего применяется эта машина, так как мне было известно, что до сих пор на расстрел возили в машине открытого типа. На это Каминский ответил, что эта машина является новым методом истребления русских, сокращающим много времени. Далее Каминский объяснил, что отработанные газы, поступающие из мотора в кузов автомашины, через некоторое время отравляют находящихся в машине людей. Я сам в середине и в последних числах мая получил от комиссара полиции Кархан указание передать 20 человек, арестованных по подозрению в антинемецкой деятельности, в распоряжение службы безопасности СД. Вместе со мной были фельдфебель Фольман и унтер-офицеры Тецман и Герлиц. По приходе в канцелярию тюрьмы я увидел там штурмфюрера СД Фрезе. Я доложил ему о цели своего прихода, на что Фрезе сказал, что как раз сегодня тюрьма подлежит очистке, и предложил мне принять в этом участие. Вскоре в тюремную канцелярию явился штурмбаннфюрер доктор Ханебиттер, предложивший всем сотрудникам вы-

йти во двор. Когда мы вышли во двор, то к двери тюрьмы подъехала «газовая машина». Доктор Ханебиттер приказал нам забрать из камер арестованных. У меня был на руках список с именами 20 заключённых. Я их вызвал из различных камер, после чего им было приказано построиться в коридоре. Затем некоторым из них было объявлено, что они переводятся в другую тюрьму, а другим было сказано, что их переводят в лагерь. После этого арестованные были выведены во двор тюрьмы, где перед выходом уже стоял «газовый автомобиль». Там сотрудники СД производили погрузку арестованных в машину, и мы присоединили к ним приведённую нами партию. Правда, назначение «газового автомобиля» держалось в строгой тайне, но, тем не менее, некоторым, очевидно, было известно о нём. Некоторые арестованные сопротивлялись при посадке в «газовый автомобиль», и при этом их ударами дубинок, прикладов и рукоятками пистолетов загоняли туда. Среди этих арестованных находились старики, женщины и даже дети. Как раз в этот день разыгралась дикая сцена. Женщины плакали, некоторые бросались на колени, умоляя сохранить им жизнь. Припоминаю случай, когда у одной женщины был вырван из рук ребёнок и она забилась в рыданиях, бросилась на стоящего офицера СД и расцарапала ему лицо. Этот офицер СД немедленно вынул пистолет и пристрелил женщину. Труп её был брошен солдатами СД в автомобиль.

Прокурор. — Сколько всего было уничтожено советских людей при помощи «газового автомобиля»?

Рецлав. — Со слов сотрудника СД Каминского мне известно, что в марте месяце было уничтожено всего 5 000 человек. Если учесть эту цифру и то, что «газовый автомобиль» совершал ежедневно свои смертные рейсы, то можно считать, что общее количество умерщвлённых в городе Харькове, примерно, 30 000 человек.

Прокурор. — Сколько советских людей уничтожено при помощи «газового автомобиля» и при вашем непосредственном участии?

Рецлав. — Я лично два раза принимал участие в погрузке людей в «газовый автомобиль», в марте и июле 1942 года. Каждый раз я погрузал до 20 человек.

Прокурор. — Как хоронились умерщвлённые в «газовом автомобиле» люди?

Рецлав. — Трупы умерщвлённых хоронились во рву, южнее Харькова, или сжигались.

Прокурор. — Почему сжигались?

Рецлав. — В конце марта 1942 года я получил приказ сопровождать «газовый автомобиль» и поехал в район барачков Харьковского тракторного завода. Когда мы туда прибыли, Ханебиттер приказал все автомашины, за исключением «газового автомобиля» и автомашины с сотрудниками СД, отвести в сторону. «Газовый автомобиль» остановился возле обращенного в серый цвет барака. Сотрудники СД выпрыгнули из автомашины, на которой они приехали, и стали выгружать трупы умерщвлённых людей из «газового автомобиля» в этот барак. Когда я сам зашёл в барак, то увидел, что боковые помещения справа и слева от коридора барака были уже завалены трупами, очевидно, привезёнными ранее.

Прокурор. — Сколько трупов, примерно, было в бараке вместе с привезёнными?

Рецлав. — Количество их составляло, примерно, 300—350 трупов.

Прокурор. — Продолжайте показания.

Рецлав. — Когда привезённые нами трупы умерщвлённых людей были сложены в коридоре барака, то солдаты СД вошли в барак и облили бензином трупы. Также были облиты бензином наружные стены барака, затем солдаты СД бросили зажжённый факел внутрь барачного помещения и подожгли его. Я видел ещё 6 подобных барачков, сожжённых таким же способом.

Далее подсудимый Рецлав показывает, что он видел эти сожжённые бараки и знает, что и в них были также сожжены трупы людей, умерщвлённых в «газовом автомобиле».

Прокурор. — С какой целью умерщвлённые в «газовой машине» сжигались в бараках?

Рецлав. — Это было вызвано тем, что назначение «газовой машины» должно было держаться в строгой тайне, поэтому и следы её работы — трупы — должны были быть сожжены.

Прокурор. — У меня вопросов к подсудимому больше не имеется.

Председатель. — Подсудимый Рецлав, в каких оккупированных советских городах вы работали?

Рецлав. — Я был в июне 1942 года в городе Житомире, работал в 560-й группе тайной полевой полиции. 560-я группа тайной полевой полиции была придана к штабу шестой германской армии, и вместе с этой группой я был в городах Иваньков, Переяслав, Дубны, Полтава.

Председатель. — Были ли вы в Житомире?

Рецлав. — В Житомире я был со второй половины июня до сентября месяца.

Председатель. — Во всех этих городах вы тоже занимались уничтожением советских людей?

Рецлав. — Да, во всех этих городах группа «ГФП» — тайной полевой полиции — проводила аналогичную деятельность.

Председатель. — Сколько было уничтожено советских людей в тех городах, в которых вам приходилось бывать?

Рецлав. — Только тайной полевой полицией в городе Житомире было уничтожено, примерно, 5—8 тысяч человек. Точную цифру я затрудняюсь назвать.

Председатель. — На предварительном следствии вы называли количество истреблённых советских людей также в Переяславе и Лубнах?

Рецлав. — Да, называл, но в этих городах уничтожением советских граждан занимались органы СД. Мне известны следующие данные: в Киеве было уничтожено 35 000 советских граждан, в Лубнах — 4 000, в Переяславе — 2 000. В отношении Полтавы я сведениями не располагаю.

Председатель. — В уничтожении какого количества советских граждан вы принимали непосредственное

участие?

Рецлав. — При моём участии в «газовую машину» было погружено не более 40 человек. Кроме того, по приказанию комиссара полиции Мериц, находясь в городе Житомире, я принимал участие в массовых расстрелах.

Председатель. — Кто ещё занимался массовыми расстрелами?

Рецлав. — Все работники 560-й группы тайной полевой полиции.

Председатель. — Подсудимый Рецлав, расскажите, как вы фальсифицировали дела о рабочих, которых допрашивали?

Рецлав. — В апреле 1942 г. я получил приказание начальника тайной полевой полиции города Харькова комиссара полиции Кархан допросить двух арестованных. Кархан предупредил меня, что необходимо изблечить арестованных в партизанской деятельности и добиться от них показаний об их соучастниках. На допросе я установил, что оба арестованных были рабочими Харьковского тракторного завода. У меня создалось мнение, что эти лица невиновны, и я доложил, об этом комиссару полиции Кархан. Кархан спросил меня: не применял ли я побои. Я ответил отрицательно. Тогда Кархан приказал мне избить арестованных. Я выполнил приказание Кархана, но это не дало желаемых результатов.

Председатель. — Расскажите подробно, как вы выполнили приказание Кархана?

Рецлав. — Я одолжил у фельдфебеля Тихнер принадлежащую ему резиновую дубинку, которой он обычно пользовался на допросах, и бил ею арестованных.

Председатель. — Добились ли вы этим чего-нибудь?

Рецлав. — Ничего я таким путём не добился и об этом доложил комиссару полиции Мелисс, который направился в кабинет, где я допрашивал. Мелисс сказал мне, что при допросах надо быть более изобретательными. Указывая на арестованных, он сказал: посмотрите, вот у этого арестованного чудесная борода. Выдерните из неё волосы, а другого поколите иголкой. Я выполнил и это приказание, но никаких результатов не добился.

Председатель. — Выдернули человеку всю бороду и не добились никаких результатов?

Рецлав. — Это не совсем так, я выдернул волосы из бороды одного арестованного, а другого я немного поколол иголкой. *(В зале движение).*

Председатель. — Скажите, что стало с рабочими, которых вы допрашивали?

Рецлав. — Мне так и не удалось добиться от них нужных показаний. Тогда комиссар полиции Кархан приказал мне через паспортное бюро города Харькова достать список рабочих тракторного завода и выписать из него 15 фамилий. Я выполнил это приказание Кархана и на следующий день передал ему список на 15 рабочих. Мне известно, что двое арестованных, которых я допрашивал, были удушены «газовым автомобилем», а 15 рабочих, фигурировавших в моем списке, были расстреляны.

Председатель. — На этих 15 рабочих вы давали какое-либо заключение?

Рецлав. — Нет, вообще в тайной полевой полиции не заводилось никаких дел и не писалось никаких заключений. Я просто составил список и передал его комиссару полиции. И по списку они были расстреляны.

Председатель. — Как часто вы пользовались таким методом следствия?

Рецлав. — Подобный метод был применён мною два раза: один раз в апреле — по приказанию комиссара полиции Кархан, а другой раз позднее по приказу комиссара полиции Вульф. Здесь дело касалось рабочих электростанции.

Председатель. — Кто командовал батальоном, в котором вы обучались?

Рецлав. — Батальоном командовал Кроне.

Председатель. — Кто читал вам лекции об истреблении советских людей?

Рецлав. — По знакам различия это были руководящие сотрудники германской тайной полевой полиции. Но так как на курсах они не постоянно преподавали, а делали лишь доклады, я их фамилии не знаю.

Председатель. — Не помните ли фамилии двух рабочих Харьковского тракторного завода, которые были умерщвлены в «газовой машине», и тех 15 рабочих, которые были расстреляны?

Рецлав. — Нет, не помню. За время моей работы мне пришлось возиться с таким большим числом арестованных и пленных, что запомнить все эти русские фамилии я не в состоянии.

Председатель. — Часто ли приходилось вам быть при погрузке советских людей в «газовую машину»?

Рецлав. — Лично я только два раза принимал участие в погрузке людей в «газовый автомобиль», но видеть мне «газовый автомобиль» приходилось часто, так как я ежедневно совершал обход Харьковской тюрьмы.

Председатель. — Расскажите, подсудимый, как происходила посадка людей в машину, особенно женщин и детей.

Рецлав. — Вообще погрузка в «газовый автомобиль» происходила сравнительно спокойно, так как в большинстве случаев люди не знали цели и назначения этой машины, но бывало, что один или несколько человек стариков, женщин и детей доставляли нам затруднения. В таких случаях сотрудникам СД приходилось подгонять их ударами прикладов и палок.

Председатель. — Признаёте ли вы, что систематически занимались истреблением советских людей?

Рецлав. — Да, признаю, хотя я и делал это всё по приказу моего непосредственного командования.

Председатель. — От кого же исходили указания по истреблению советских людей?

Рецлав. — Я получал приказы от своих начальников. Хочу также добавить, что германский народ годами воспитывался национал-социалистскими руководителями в духе проведения подобной политики.

Председатель. (Обращаясь к защите). — Имеются ли у защиты вопросы к подсудимому?

Казначеев. — Подсудимый Рецлав, вы рассказали здесь о ряде зверств, и я буду вас просить уточнить, в ка-

кой мере вы лично считаете себя ответственным за совершённые злодеяния?

Рецлав. — Господин Казначеев, я признаю себя виновным во всех преступлениях, которые совершил по приказу моего непосредственного командования.

Казначеев. — Чем было обусловлено то, что, имея специальность радиста, вы были направлены в батальон по охране военнопленных, а затем в батальон «Альтенбург»?

Рецлав. — Когда я кончил своё обучение в качестве радиста, окончилась война с Францией, и поэтому меня не использовали в качестве радиста, а направили в батальон по охране военнопленных. Далее, в связи с тем, что я являлся непригодным к действительной военной службе, а также в связи с тем, что по роду своей работы, как канцелярский служащий, я имел достаточную подготовку, меня направили в батальон «Альтенбург».

Казначеев. — Меня интересует вопрос о том, кто производил отбор в батальон «Альтенбург» и как он производился.

Рецлав. — В батальон «Альтенбург» меня отобрал бывший начальник батальона по охране военнопленных.

Казначеев. — Сколько времени вы пробывали в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав. — Курс, который проходили находившиеся в батальоне «Альтенбург», длился шесть недель.

Казначеев. — Все ли лица, находившиеся в батальоне «Альтенбург», направлялись в дальнейшем на службу в тайную полевую полицию?

Рецлав. — Нет, не все. По окончании курса всем было предложено написать подробно свою биографию, после чего часть курсантов была отправлена обратно по месту своей прежней службы.

Казначеев. — Вы сразу были направлены на службу и сразу стали чиновником полиции?

Рецлав. — Да, это было именно так. Я был направлен чиновником полиции. То же самое было и с большинством других, за исключением лишь небольшого числа, которые показали себя неспособными.

Казначеев. — Чиновником полиции вы прослужили около года?

Рецлав. — Да.

Казначеев. — Больше вопросов к подсудимому Рецлаву не имею.

Председатель. — На очереди допрос подсудимого **Буланова**. Прокурор имеет вопросы?

Прокурор. — Да. Подсудимый Буланов, сколько времени вы прослужили в гестапо и «зондеркоманде»?

Буланов. — В гестапо я прослужил с октября 1941 г. по февраль месяц 1943 г.

Прокурор. — В каких городах протекала карательная деятельность «зондеркоманды»?

Буланов. — Как мне известно, карательная деятельность нашей команды протекала в городе Харькове и в станции Нижне-Чирской.

Далее подсудимый Буланов подробно излагает факты зверской расправы с гражданским населением, которая проводилась «зондеркомандой» в Харькове, станции Нижне-Чирской и других районах. Работая в качестве шофёра «зондеркоманды», Буланов неоднократно присутствовал при расстрелах мирных советских граждан.

Прокурор. — Вы лично принимали участие в расстрелах советских людей, когда и где это происходило?

Буланов. — Да, работая шофёром гестапо, мне приходилось часто ездить на расстрелы, а также на аресты советских граждан в городе Харькове, в станции Нижне-Чирская и в других районах.

Прокурор. — Вот, расскажите об этом подробно.

Буланов. — В начале декабря месяца 1941 года в Харькове по приказанию шефа гестапо было расстреляно около 900 человек, находившихся на излечении в Харьковской больнице.

Прокурор. — Какое вы участие принимали в этом деле?

Буланов. — Мне было предложено подать трёхтонную машину в распоряжение Харьковской больницы. Когда я прибыл в Харьковскую больницу, туда прибыли также, кроме моей машины, ещё 9 грузовых трёхтонных автомобилей.

Прокурор. — Сколько рейсов сделали?

Буланов. — Мне пришлось сделать четыре рейса, за которые я доставил к месту расстрела, примерно, около 150 человек.

Прокурор. — Видели ли вы, как расстреливали немцы?

Буланов. — Да.

Прокурор. — Расскажите, как это происходило?

Буланов. — Когда я прибыл в больницу, то мне было сказано, чтобы я подал машину к одному из больничных корпусов. В этот момент гестаповцы стали выводить больных в одном белье и погружать их в машины. После погрузки, в сопровождении немцев, я повёл машину к месту расстрела. Это место находилось, примерно, в четырёх километрах от города. Когда я прибыл к месту расстрела, там уже стояли крики и плач расстреливаемых больных. Немцы расстреливали их на глазах у остальных больных. Люди молили о пощаде, падали в холодную грязь голыми, но немцы сбивали их в ямы, после чего производили расстрел.

Прокурор. — Расскажите, что вам известно о расстреле детей в Нижне-Чирской детской больнице?

Буланов. — Летом, когда команда СД была разбита по отделениям, и выехала в разные города, районы и местечки, то мне пришлось с отделением команды СД поехать в станцию Нижне-Чирская. Числа 25—26 августа 1942 года мне и шофёру Блохину было предложено приготовить машины. Когда машины были готовы, нам приказали вести их в Нижне-Чирскую детскую больницу. Когда мы приехали туда, то гестаповцы стали выводить детей из больницы и погружать в машины. Дети были оборванные, распухшие от голода. Многие дети сопротивлялись и не хотели погружаться в машину, но гестаповцы стали их уверять, что они поедут к дядям и тётям в город Сталинград. Некоторые дети, поддавшись уговорам, сели в машину, некоторые же сопротивлялись до кон-

ца, после чего гестаповцы насильно погрузили и их в машину, и мне было приказано застегнуть сзади машины брезент. Когда я выполнил это приказание, то в сопровождении немцев поехал на станцию Чирская, где за местом, в 3—4 километрах от станицы Нижне-Чирская, была заранее приготовлена яма. Подъехав к яме, я, по приказанию шефа отделения, а также и другие гестаповцы стали водить детей к яме, около которой стоял гестаповец, немец Аликс, фамилии точно не знаю. В упор из автомата в голову он расстреливал детей, после чего стаскивал их в яму. Дети, видя происходившее, вырывались и кричали: «Дядя, я боюсь», «Дядя, я хочу жить, не стреляйте в меня» и т.д., но на это немцы не обращали внимания.

Прокурор. — В каком же возрасте были дети?

Буланов. — Дети были в возрасте от 6 до 12 лет.

Прокурор. — Вы, Буланов, видели «газовую машину», в которой люди умерщвлялись окисью углерода?

Буланов. — В январе 1942 года к нам в гараж из Германии прибыла такая автомашина. Немцы эту машину называли «газенаген».

Прокурор. — А ремонтировать вам её приходилось?

Буланов. — Приходилось мне также её ремонтировать и производить чистку. При производстве чистки машины я видел внутри кузова, когда выметал, детские шапочки, башмачки, очевидно, спавшие с умерщвлённых детей.

Прокурор. — Расскажите подробно, что из себя представляла эта машина, устройство её, как она выглядит, как умерщвлялись люди в этой машине?

Буланов. — Эта машина представляет из себя двухосный огромных размеров автомобиль тоннажем примерно 5—7 тонн. Окрашена она в серую краску. На ней поставлен шестицилиндровый мотор. Кузов этой машины имеет двухстворчатую дверь, герметически закрывающуюся. Герметичность достигалась, очевидно, при помощи каучуковой прокладки, которая была на дверцах.

Прокурор. — Это прокладка дверей?

Буланов. — Да, прокладка дверей. Внутри кузов обит оцинкованным железом, внизу кузова находится деревянная решётка.

Прокурор. — То-есть эта решётка представляет из себя пол?

Буланов. — Да, как бы пол, на который становятся ногами арестованные. Внизу машины находится выхлопная труба мотора, от которой через специальный шланг в кузов проходит отработанный газ. Когда люди погружаются в автомобиль, он закрывается, включается мотор и идёт до места выгрузки. В этот период люди умерщвляются.

Прокурор. — Вы много раз наблюдали, как грузили людей в «газовую машину»?

Буланов. — Мне приходилось наблюдать погрузку несколько раз, а выгрузку приходилось наблюдать 20 с лишним раз.

Прокурор. — Кто из немцев обслуживал эту машину?

Буланов. — Шофёром на этой машине был немец лет 35—36, вид у него был болезненный. Фамилии его я не знаю.

Прокурор. — А по чьему приказанию эта машина использовалась, знаете?

Буланов. — По приказанию шефа гестапо.

Прокурор. — Как фамилия?

Буланов. — Фамилии шефа я хорошо не помню, как будто Ханебиттер.

Прокурор. — Какое участие вы принимали в погрузке в эту машину?

Буланов. — Моё участие выражалось в том, что я возил полицейских на место выгрузки.

Прокурор. — Сколько раз?

Буланов. — Мне приходилось возить больше 20 раз за период с января по июнь 1942 года.

Прокурор. — Сколько же, таким образом, на ваших глазах, при вашем участии было умерщвлено людей этой машиной?

Буланов. — Когда я привозил полицейских на место выгрузки, мы выгружали трупы в бараки Харьковского тракторного завода, после чего гестаповцы зажигали эти бараки. Когда мы вновь приезжали на место, то бараки были уже сожжены. Таким образом, мне приходилось сваливать трупы в два барака. Но до этого там были уже трупы. Точно определить я не могу, но приблизительно на моих глазах было сожжено до 600 трупов, а то и больше.

Прокурор. — Бараки эти сжигались на ваших глазах?

Буланов. — Я видел только, как их обливали какой-то жидкостью, но когда зажигали бараки, мне не приходилось видеть.

Прокурор. — Приходилось видеть вам, как грузили в эти «душегубки» детей, грудных младенцев?

Буланов. — Неоднократно. Два или три раза приходилось видеть, как гестаповцы погружают женщин с детьми в «душегубки».

Прокурор. — Какое же вознаграждение от немцев вы получили за свою предательскую деятельность?

Буланов. — От немцев я получал содержание 90 марок или 900 рублей, также получал паёк, солдатский. Кроме того, вещи от расстрелянных советских граждан, которые оставались, когда немцы отбирали себе лучшие, а прочее давали нам. (*В зале шум.*)

Прокурор. Что же, лучшие вещи немцы отправляли в Германию?

Буланов. — Хорошие вещи немцы отправляли в Германию.

Прокурор. — У меня вопросов нет.

Председатель. — Объявляется перерыв до 18 часов.

Вечернее заседание суда 16 декабря 1943 г.

Председатель. — Судебное заседание Военного Трибунала продолжается. Подсудимый Буланов, вам пришлось, ремонтировать «душегубку»?

Буланов. — Да, мне приходилось ремонтировать «душегубку».

Председатель. — Вы показывали, что принимали участие в расстреле 60 детей?

Буланов. — Да, я рассказывал об этом.

Председатель. — Вы этих детей привозили к месту расстрела?

Буланов. — Да.

Председатель. — Из машины детей выводили вы?

Буланов. — Да, я, а также и другие гестаповцы.

Председатель. — Вы показывали, что за свою работу получали деньги и вещи расстрелянных. Какие вещи вы получили за свою работу?

Буланов. — Получил пальто для жены и себя, а также получил два костюма и обувь.

Председатель. — Подсудимый Буланов, из ваших показаний следует, что вы изменили Родине, продались немцам за 90 марок, принимали активное участие в систематических расстрелах и уничтожении ни в чём не повинных советских людей. Признаёте вы себя виновным в этом?

Буланов. — Да, признаю.

Председатель. — У защиты имеются вопросы к подсудимому?

Защитник Белов. — В процессе следствия вы рассказывали всё честно и искренно, как здесь на суде?

Буланов. — Нет, когда меня арестовали, я, боясь, что в прифронтовой полосе со мной могут поступить жестоко, скрыл свою работу в гестапо, когда же меня перевели в лагерь, я решил рассказать всю правду.

Белов. — Скажите, подсудимый Буланов, известно ли вам, успела ли эвакуироваться «зондеркоманда», в которой вы служили?

Буланов. — «Зондеркоманда», в которой я служил, успела эвакуироваться.

Белов. — У меня больше нет вопросов.

Председатель. — У подсудимых есть вопросы к Буланову? Подсудимые через переводчика Иванову, переводившую им весь допрос Буланова, ответили, что вопросов не имеют.

На этом допрос обвиняемых заканчивается. Председательствующий генерал-майор юстиции т. Мясников объявляет, что суд переходит к допросу свидетелей.

Первым допрашивается свидетель Хейниш. Допрос его ведётся через переводчика Копылова.

Председатель. — Ваш год рождения?

Хейниш. — Я родился 8 ноября 1901 года в городе Нойштадт.

Председатель. — Из какой семьи происходите?

Хейниш. — Из семьи торговца.

Председатель. — Ваш военный чин?

Хейниш. — Я имею чин оберштурмбаннфюрера. В прошлом, являлся заместителем начальника штаба Гесса, а в последнее время был окружным комиссаром в гор. Мелитополе. Мой чин соответствует чину генерал-майора.

Председатель предупреждает свидетеля Хейниш, что он должен давать Военному Трибуналу правдивые показания. За дачу ложных показаний он будет отвечать по закону.

Председатель. — Свидетель Хейниш, к вам имеет вопросы военный прокурор.

Прокурор. — Скажите, свидетель, вы член национал-социалистской партии?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — С какого года?

Хейниш. — С 1923 года.

Прокурор. — Вы занимались активной партийной работой?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — Какую партийную работу вы выполняли?

Хейниш. — Я был организатором и руководителем отряда СД в городах Бремен, Франкфурт на Майне и политическим руководителем штаба Гесса до 1941 года.

Прокурор. — Какие вы имеете награды?

Хейниш. — Я имею следующие награды: бронзовую, серебряную и золотую медали национал-социалистской партии и почётный знак национал-социалистской партии, как член партии с 1923 года.

Прокурор. — Что вы делали и чем занимались, будучи в Мелитополе комиссаром?

Хейниш. — В мою задачу входило руководство управлением хозяйства и эксплуатацией вверенной мне области. Я должен был выкачивать сельскохозяйственные продукты для обеспечения армии и германского тыла.

Прокурор. — Что же, жители охотно сдавали вам продукты?

Хейниш. — Население неохотно сдавало продукты, саботировало сдачу их, а часть населения вообще не была в состоянии сдавать требуемую норму сельскохозяйственных продуктов.

Прокурор. — Что же вы делали с людьми, которые не сдавали продукты?

Хейниш. — Те лица, которые сопротивлялись и не сдавали нужные продукты, были арестованы гестапо и СД и ликвидированы.

Прокурор. — Что значит ликвидированы?

Хейниш. — Ликвидировать — значит уничтожить, расстрелять.

Прокурор. — Следовательно, вы занимались грабежом, а гестапо — убийствами.

Хейниш. — Так точно.

Прокурор. — Сколько людей было уничтожено в вашу бытность в Мелитополе?

Хейниш. — За время с 1 сентября 1942 года по 14 сентября 1943 года в Мелитопольской области было уничтожено 3—4 тысячи человек.

Прокурор. — Известно ли вам, что в Мелитополе после изгнания немцев было обнаружено 14 000 трупов? Не преуменьшаете ли вы цифру?

Хейниш. — Это расхождение объясняется тем, что ещё в 1941—42 гг. при оккупации Мелитополя органы гестапо и СД уничтожили многих советских граждан.

Прокурор. — Сколько таких больших операций было проведено в вашу бытность в Мелитополе?

Хейниш. — За время моей работы в Мелитополе было примерно 3—4 массовых операции, в частности в декабре 1942 года было арестовано 1 200 человек сразу.

Прокурор. — Это что, в ночь под Рождество?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — За что же были арестованы эти люди?

Хейниш. — За саботаж и антигерманские настроения.

Прокурор. — А что же сделали с этими людьми потом?

Хейниш. — Они были направлены в Симферопольский лагерь и там расстреляны или уничтожены при помощи «газового автомобиля».

Прокурор. — Там был лагерь для военнопленных?

Хейниш. — В России не организовывались концентрационные лагеря, а использовались для этой цели лагеря для военнопленных.

Прокурор. — Следовательно, гражданское население заключалось в лагеря для военнопленных?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — Расскажите всё, что вам известно о «газовом автомобиле».

Хейниш. — «Газовый автомобиль» представляет собой тип тюремного автомобиля с герметически закрывающейся двухстворчатой дверью, в котором выхлопные газы из мотора поступают по специальной трубке в кузов и таким образом все находящиеся в этом автомобиле люди душатся.

Прокурор. — Вы давно знаете о существовании этого «газового автомобиля»?

Хейниш. — Я о существовании «газового автомобиля» узнал во время совещания окружных комиссаров, на котором присутствовал генерал-лейтенант полиции фон Альвенслебен.

Прокурор. — Расскажите о совещании и о том, что вы узнали тогда о «газовом автомобиле».

Хейниш. — Генерал-лейтенант полиции фон Альвенслебен заявил на совещании, что в руки русских попали материалы о «газовом автомобиле». По заявлению генерал-лейтенанта полиции фон Альвенслебен, фюрер, то есть Гитлер, распорядился о том, чтобы болтовня по поводу «газового автомобиля» прекратилась, иначе виновники будут преданы специальному суду СС.

Прокурор. — Вы лично видели когда-нибудь «газовый автомобиль»?

Хейниш. — Да, «газовый автомобиль» я видел в городе Ровно, правда, не во время его работы, а во время стоянки.

Прокурор. — Вы принимали участие в умерщвлении людей посредством «газового автомобиля»?

Хейниш. — Нет, не принимал.

Прокурор. — Расскажите подробно о вашей беседе с Зоман.

Хейниш. — Зоман рассказал мне в беседе, что смерть от отравления газами безболезненна и более гуманна. Он указал, что смерть в «газовом автомобиле» наступает очень быстро, но на самом деле она наступала не в 12 секунд, а более медленно и была связана с муками. Зоман рассказал мне о лагере в Аушвиц (Германия), где также применялось отравление газами арестованных. Им говорили, что их переводят в другое место, а иностранным рабочим объясняли, что их отправляют на родину, и под этим видом направляли в баню. Лица, подлежащие казни, сначала поступали в барак с надписью «Дезинфекция», где раздевались мужчины отдельно и женщины и дети — отдельно. Затем им приказывали перейти в другой барак с надписью «Баня». Во время мытья открывали специальные клапаны, в помещение поступал газ, от которого люди умирали. Затем умерщвлённых сжигали в специальных печах, в которых одновременно может быть сожжено до 200 трупов.

Прокурор. — Вам не говорил Зоман, по чьему указанию стали применяться казни газом?

Хейниш. — Зоман рассказывал мне, что осенью 1942 г. состоялось совещание между Гитлером, Гиммлером и начальником СД Кальтербрунером, где было решено приступить к казням путём применения газов.

Прокурор. — Может быть, вы скажете о своём отношении к зверствам Гитлера и его клики?

Хейниш. — Как национал-социалист я призван выполнять приказания и указания, полученные от фюрера. Однако я отрекаюсь от жестокостей.

Прокурор. — Отрекаетесь от жестокостей?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — А к отравлению людей газом вы тоже отрицательно относитесь?

Хейниш. — Я считал, что отравление путём газа гуманное средство, но я не знал, что при этом смерть наступает после таких продолжительных мучений.

Прокурор. — Не известны ли свидетелю какие-либо документы, характеризующие политику германского правительства в оккупированных странах, в частности во временно оккупированных районах СССР?

Хейниш. — Нет, такие документы мне неизвестны. Однако из высказывания авторитетных руководителей я знаю, что предполагалось довольно быстро разбить русскую армию. Учитывая, что держать в повиновении русский народ будет весьма затруднительно, было приказано беспощадно применять репрессивные меры по отношению к гражданскому населению. Нечего было останавливаться перед арестами и расстрелами, так как только, таким образом была возможность держать, народ в повиновении и провести колонизацию страны. Кроме того, нужно было ослабить силу народа путём уменьшения количества людей, т.е. путём их истребления. Имперский комиссар Украины Кох говорил в августе этого года на совещании окружных комиссаров о трудностях, связанных с вербовкой рабочей силы для отправки в Германию. Кох требовал от комиссаров беспощадного применения всех имеющихся средств для поставки в Германию требуемого контингента рабочих. Далее Кох заявил на этом совещании, что он предполагает насильственным путём эвакуировать всё население районов Северной Украины в Германию. Кох говорил, что в борьбе с партизанами сожжение деревень и тому подобные репрессивные меры не приносят требуемых результатов, так как партизаны имеют возможность всегда укрыться в лесистых районах. С целью ослабления упорства русского народа Кох предлагал уничтожить все ненужные элементы.

Прокурор. — Что же, эти установки Коха отражали собой линию германских правителей?

Хейниш. — Так точно.

Прокурор. — У меня вопросов больше нет.

Председатель. — Скажите, свидетель Хейниш, кто такой Зоман?

Хейниш. — Зоман являлся начальником службы безопасности (СД) Бреславльского округа.

Председатель. — От него вам стало известно о применении газов?

Хейниш. — Так точно.

Председатель. — В каких городах применялись бани для отравления газами мирного населения?

Хейниш. — Уничтожение людей путём отравления газом должно было быть проведено в концентрационных лагерях.

Председатель. — На оккупированной немцами территории?

Хейниш. — В оккупированных областях нет концентрационных лагерей.

Председатель. — Значит, в Германии?

Хейниш. — Да.

Председатель. — Известно, что в Мелитополе 14 000 человек было удушено, повешено и расстреляно, вы же показали только о 4-х тысячах. Остальные 10 тысяч человек когда же были уничтожены?

Хейниш. — Наибольшая часть советских элементов была уничтожена сразу же после занятия города.

Председатель. — Значит, тогда, когда проходили передовые части германской армии?

Хейниш. — Так точно.

Председатель. — И население уничтожали передовые части германской армии?

Хейниш. — Да.

Председатель. — Но потом передовые части германской армии прошли дальше за Мелитополь, кто же уничтожил 4 000 человек?

Хейниш. — Гестапо и СД.

Председатель. — А при отступлении немецкой армии также уничтожалось мирное население?

Хейниш. — При отступлении германских войск города и деревни сжигались, а мирное население подвергалось насильственной эвакуации.

Председатель. — Какие задачи стояли перед вами, как окружным комиссаром, на случай эвакуации города Мелитополя?

Хейниш. — Я получил лично от полевого коменданта указания о проведении насильственной эвакуации населения. Её проводили армейские части.

Председатель. — Какие вы имели директивы в отношении разрушения в городах государственных и общественных зданий, жилых помещений?

Хейниш. — Помещения и учреждения города и важные в оборонном отношении здания были уничтожены хозяйственными отрядами армии.

Председатель. — По чьему приказу?

Хейниш. — По приказу полевого коменданта.

Председатель. — Кто в это время был полевым комендантом?

Хейниш. — Генерал Тазер.

Председатель. — По вашим показаниям выходит, что, когда германские передовые части вновь занимали территорию, они убивали и грабили мирное население, а потом гестапо, СД и другие карательные органы уничтожали советских людей. Перед отступлением частей германской армии также уничтожалось мирное население. Правильно это?

Хейниш. — Я не имею права критиковать указания фюрера, обусловленные военным временем. *(Смех в зале).*

Председатель. — Что вам известно о вывозе имущества и ценностей из занятых германской армией территорий и какие на этот счёт имелись директивные указания свыше?

Хейниш. — Я имел указание от имперского комиссара — всё, что не нужно германской армии на месте, выкачать у населения (это касается сельскохозяйственных продуктов) и отправить в Германию. Исполнительной властью в этом отношении пользовались хозяйственные отряды при генеральном комиссариате.

Председатель. — А кто вывозил имущество и ценности?

Хейниш. — Этим занимались хозяйственные отделы в округах, а в германской армии — хозяйственные команды.

Председатель. — Хозяйственные отделы кому подчинялись?

Хейниш. — Хозяйственные отделы были подчинены главному хозяйственному отделу при генеральном комиссаре.

Председатель. — Как вы считаете, кто виновен во всех совершённых немцами злодеяниях, в разрушении городов, селений, в уничтожении ни в чём не повинных людей?

Хейниш. — Я не распоряжаюсь гестапо и СД.

Председатель. — У защиты имеются вопросы к свидетелю Хейниш?

Защитник Белов. — Не сможет ли свидетель Хейниш сказать, какое наказание по законам военного времени предусматривается за уклонение от эвакуации при отступлении германских войск?

Хейниш. — Об имевшихся приказах по этому поводу я ничего не могу сказать.

Защитник Белов. — А если уклонится сотрудник «зондеркоманды» от эвакуации при отступлении германских войск?

Хейниш. — Он тогда, согласно военным законам, расстреливается.

Защитник Белов. — У меня нет больше вопросов.

На этом допрос свидетеля Хейниш заканчивается.

Председатель. — На очереди допрос свидетеля Кош.

Входит свидетель Кош, который даёт, свои показания суду через переводчика.

Председатель. — Ваша фамилия, год рождения?

Кош. — Кош, Карл, родился 27 декабря 1908 года.

Председатель. — Какое имеете образование?

Кош. — Архитектор.

Председатель. — Какую занимали должность в армии?

Кош. — Я служил в сапёрных частях.

Председатель. — Командиром или рядовым?

Кош. — Я был сапёр.

Председатель. — Какой имели военный чин?

Кош. — Рядовой солдат.

Председатель предупреждает, что свидетель обязан показывать правду.

Прокурор. — Скажите, свидетель Кош, что вам известно о способах истребления германской армией мирного советского населения.

Кош. — Кроме массовых расстрелов, которыми пользуются национал-социалисты для уничтожения мирного советского населения, мне ещё известно о специальном способе, а именно о «газовом автомобиле».

Прокурор. — Откуда вам известно о «газовом автомобиле»?

Кош. — Я слышал о «газовом автомобиле» от моих товарищей, а также эту машину видел лично.

Прокурор. — Расскажите, при каких обстоятельствах и где вы этот автомобиль видели.

Кош. — Это было в начале мая 1943 года в Сретенке близ Волновахи, где находился наш батальон. В этот день я должен был по служебным делам быть в Волновахе. Закончив свои дела, я должен был ожидать грузовой автомобиль, который принадлежал нашему батальону и который должен был меня отвезти обратно в Сретенку. Я стоял на шоссе и ожидал автомобиль. В этот момент по шоссе ехала в моём направлении большая автомашина, которую я принял за тюремный или почтовый автомобиль. Автомобиль остановился возле меня. Из кабины шофера вышел унтершарфюрер и спросил — не видел ли я большую грузовую машину с эсэсовцами. Затем унтершарфюрер подошёл ко мне, закурил папиросу, и я заметил, что унтершарфюрер был слетка навеселе. Я обратился к нему с вопросом — не может ли он меня подвести на своей машине по направлению к Мариуполю. Он засмеялся и, подойдя вместе со мной к задней двери автомашины, смеясь, заявил: «Ну, что ж, полезайте, здесь места хватит для многих». Когда он открыл дверь, оттуда понесло отвратительным запахом. Машина была совершенно пустой. И в этот момент я подумал, что, вероятно, это и есть тот «газовый автомобиль», о котором я раньше слышал. Я сказал: «Что же, вы хотите меня на этой машине прокатить в небеса?» Унтершарфюрер внезапно умолк, стал серьёзным и спросил: «А что вы знаете об этой машине?» Я ответил, что о «газовом автомобиле» я много слышал. Унтершарфюрер ответил, что это — действительно «газовый автомобиль», но я об этом ни звука никому не должен говорить, так как эта машина держится в строгой тайне. Унтершарфюрер далее заявил, что они только что приехали из одной местности, где были умерщвлены 42 русских.

Прокурор. — От кого вы впервые услышали об этой «газовой машине»?

Кош. — Впервые я услышал о существовании «газовой машины» от унтер-офицера Хаас. Хаас до этого был на центральном отрезке Восточного фронта и рассказывал, что он видел «газовый автомобиль» в окрестностях

Смоленска, а также в Витебске и Белгороде. Я слышал также о «газовой машине» от Винн и Бернхольд — военнослужащих 179 батальона 1 роты 79 германской пехотной дивизии. Эти люди также говорили, что они видели и слышали про «газовые машины» на центральном отрезке фронта в районах Смоленска, Витебска и Белгорода. Неудивительно, что теперь все народы связывают имя немцев с варварами. За это обозначение германский народ может благодарить Адольфа Гитлера, а также за то, что сейчас совсем невесело быть немцем. (*Смех и ожидание в зале*). Кровь и кровь сопровождает весь этот гитлеровский трест с начала его основания до конца. Гитлеровцы праздновали тризну крови всюду, где они появлялись.

Было бы самым справедливым, если бы Гитлер и его клика нашли бы себе место в этом «газовом автомобиле», который они выдумали на позор Германии.

Следующим допрашивается свидетель Янчи.

Председатель. — Ваша фамилия?

Янчи отвечает через переводчика Копылова.

Янчи. — Янчи Гейнц.

Председатель. — Год рождения?

Янчи. — 1916 года.

Председатель. — Место рождения?

Янчи. — Город Вена.

Председатель. — Образование?

Янчи. — Высшее образование.

Председатель. — В какой должности в армии были?

Янчи. — Я был фельдфебелем.

Председатель. — Свидетель Янчи, вы должны показать только правду. За дачу ложных показаний свидетели подвергаются ответственности по закону.

Прокурор. — Вы служили в лагере 271?

Янчи. — Да.

Прокурор. — Кто содержался в этом лагере?

Янчи. — В этом лагере содержались формально только военнопленные. В действительности там было и гражданское население.

Прокурор. — Расскажите, какой режим был в лагере военнопленных и что вам известно о лагере военнопленных в городе Вязьме.

Янчи. — В городе Вязьме в октябре и ноябре 1941 года имелся лагерь военнопленных.

Прокурор. — Сколько было заключённых в этом лагере?

Янчи. — Когда мы прибыли, в этом лагере было примерно 25 000 военнопленных и лиц гражданского населения.

Прокурор. — Расскажите, как эвакуировали заключённых из лагеря в Вязьме в Смоленск?

Янчи. — Командованием лагеря в городе Вязьме было решено этапировать в Смоленск заключённых.

Прокурор. — Сколько предполагалось этапировать человек?

Янчи. — 15 000.

Прокурор. — Известно свидетелю, сколько человек из 15 000 дошли до Смоленска?

Янчи. — Да. Из смоленского лагеря от приёмщика было сообщение, что в Смоленск прибыло 2 000 человек.

Прокурор. — Куда девались остальные 13 000?

Янчи. — Эти 13 000 по пути умерли от истощения, а часть просто была расстреляна охраной. Военнопленные, среди которых были женщины, старики и дети, ещё до отправки были истощены, разуты и раздеты. По пути многие от усталости и истощения падали и умирали от голода, истощённые солдаты из охраны расстреливали.

Прокурор. — Расскажите, свидетель, как были размещены и как потом жили оставшиеся в Вязьме военнопленные и гражданские лица?

Янчи. — 10 000 оставшихся военнопленных и гражданских лиц были переведены в здание, находившееся на площади завода.

Прокурор. — Это по Пекарной улице?

Янчи. — Да.

Прокурор. — Это здание, куда были переведены военнопленные и гражданские лица, по своей площади было достаточно для размещения такого количества людей?

Янчи. — Нет, военнопленные и гражданские лица были вынуждены стоя находиться в здании день и ночь, не имея возможности спать. Они стояли так, как стоят в переполненном трамвае. Здание было настолько заполнено, что первое время туда невозможно было зайти.

Прокурор. — Какая погода была в это время?

Янчи. — Погода была чрезвычайно скверная, сырость, дождь и холод.

Прокурор. — Вы сказали, что в здание нельзя было совершенно войти, а что же, потом стало свободнее там?

Янчи. — Да, после того когда большая часть находившихся там военнопленных и гражданских лиц умерла, в лагере стало немного свободнее.

Прокурор. — Много людей умерло в лагере?

Янчи. — Из 10 000, которые там находились, умерло 6 000.

Прокурор. — Медицинская помощь больным оказывалась?

Янчи. — В самом лагере не было врача, имелось лишь небольшое помещение, оборудованное под лазарет.

Прокурор. — Расскажите, свидетель, как кормили содержащихся в лагере?

Янчи. — Никакой кухни в лагере не было, питание заключалось в следующем: сторожевым командам выдавался ящик с концентратами (пакетиками) каши, солдаты сторожевой команды, чтобы облегчить себе раздачу пищи, выходили на лестницу и оттуда бросали в толпу заключённых пакетики с концентратами.

Прокурор. — А приготавливать пищу можно было?

Янчи. — Никто об этом не заботился, считали, что такой метод раздачи пищи вполне удовлетворителен.

Прокурор. — Всем давалась пища?

Янчи. — Нет, при таком способе раздачи пищи могли получить эти пакетики с кашей лишь те счастливы из заключённых, которые находились в первом ряду и могли поймать налету бросаемые пакетики, а остальная масса военнопленных, среди них и гражданские лица, дети, старики и больные, находившиеся в лагере, не могли получить эту пищу и умирали от голода.

Прокурор. — Много было в лагере детей, женщин, стариков?

Янчи. — Да.

Прокурор. — Расскажите, свидетель, были ли случаи расстрела военнопленных и гражданских лиц?

Янчи. — Да, охранная команда использовала всякую возможность для стрельбы по заключённым: например, при раздаче еды охранная команда стреляла по военнопленным и гражданским лицам из винтовок со сторожевой башни, стреляли и из пулемётов, бросали гранаты. По предложению офицера контрразведки капитана Живан, командиром лагеря майором фон Титскрон был издан специальный приказ, позволяющий стрелять. Я уже сказал, что заключённые, которые получали пакеты с кашей, не имели возможности её приготовить, для этого не было никаких средств. Они собирали из грязных луж и сточных канав воду и таким образом старались себе что-нибудь сварить, а также собирали по лагерю остатки топлива и раскладывали костры. При таком количестве военных и гражданских лиц необходимо было зажигать костры и в темноте. Лагерная охранная команда использовала приказ Титскрон для того, чтобы открывать стрельбу не только по тем, кто разводил костры, но также и по тем пленным которые собирали воду из луж или щепки и остатки топлива в лагере. В этом лагере стреляли с утра до вечера. Если бы кто-либо приблизился к лагерю, он мог бы подумать, что здесь идёт сражение стрелковых частей.

Прокурор. — Свидетель, вы в помещение лагеря заходили?

Янчи. — Да, я заходил в помещение лагеря, но лишь тогда, когда после всех этих расстрелов и смертей лагерь настолько опустел, что в него можно было зайти.

Прокурор. — Расскажите подробно, что вы видели в помещении лагеря, когда заходили?

Янчи. — Вид, который представлял собою лагерь после того, как туда можно было зайти, был ужасен. Площадка перед фабричным зданием была превращена в целое море грязи, которая местами доходила до полуметра, и в этой грязи были погребены сотни трупов военнопленных и трупов гражданских лиц. Так, можно было видеть в одном месте высовывающуюся руку, в другом — ногу, в третьем — голову. Особенно сплошным было скопление трупов около стен фабричного здания. Там лежали трупы расстрелянных, около лагерных стен находились также умирающие, сидя или стоя в каком-нибудь из углов лагеря, где они искали убежище от холода. На площадке перед фабричным зданием было большое количество канав, в которых собралась грязь и дождевая вода, и там лежали трупы, посиневшие и вздувшиеся от воды. Некоторые из этих канав использовались военнопленными, как отхожие места. Там также было большое количество трупов. Я никогда ранее не представлял себе, что человек перед смертью может быть настолько истощённым. Они были настолько истощены, что их трупы представляли собой обтянутый кожей скелет. Головы представляли собой настоящие черепа. В здании была та же картина: оконных проёмов в этом здании не было. Крыша этого здания была наполовину сломана, был сильный сквозняк.

Прокурор. — Расскажите, хоронили трупы умерших и расстрелянных военнопленных?

Янчи. — Трупы стали хоронить лишь тогда, когда в лагере почти все умерли, всюду лежали горы трупов, на одном лишь чердаке их было более 500—600. Тем же, которые ещё могли двигаться, были даны в руки обрывки телефонного провода, который прикреплялся петлёй за шею, руку или, ногу умершего или убитого, и таким образом тащили через весь лагерь к заранее вырытым ямам, куда их сбрасывали и засыпали землёй. Особенно ужасным было, что военнопленные, которые хоронили трупы, знали, что через пару дней они сами будут сброшены в эти ямы.

Прокурор. — Расскажите, свидетель, какое положение было в лагерях в Борисове, Касторном и Миллерове?

Янчи. — В этих лагерях было положение такое же, как и в Вязьме.

Прокурор. — Расскажите, свидетель, были ли в лагере собаки?

Янчи. — Да, были. Официально собаки находились в лагере для охраны лагеря, но фактически они использовались для натравливания на военнопленных, а также на гражданское население, которое скапливалось возле лагеря, чтобы узнать о судьбе своих близких.

Прокурор. — Кто-нибудь из инспекторских лиц посещал лагерь?

Янчи. — Да, и очень часто.

Прокурор. — И что же после этого режим лагеря улучшался?

Янчи. — Нет, положение не изменялось.

Прокурор. — Следовательно, об этих ужасах, которые творились в лагерях, знало высшее командование?

Янчи. — Да, высшее командование безусловно было осведомлено о положении в лагерях, так как в тот же лагерь, в Евдаково, прибыл полковник Рит, который заявил, что прибыл прямо от Адольфа Гитлера. Верховное командование не только было осведомлено о порядках, царивших в лагерях, но и само их организовывало. Эти лагеря были по существу не лагерями для военнопленных, а лагерями, где истреблялись военнопленные и гражданское население Советского Союза.

Прокурор. — Скажите, свидетель, кто является непосредственным виновником гибели советских военнопленных и гражданских лиц в 231 лагере?

Янчи. — Непосредственными виновниками гибели заключённых в 231 лагере являются в первую очередь комендант лагеря 231, работавший с начала советско-германской войны до декабря 1941 года, майор Фонст, затем сменивший его подполковник Гутшмидт, офицер контрразведки, доктор Гжеван, лагерный врач доктор Рабензонфнер и адъютант, он же заместитель коменданта лагеря, лейтенант Кирис. Это основные виновники.

Прокурор. — Вы жили в гор. Харькове?

Янчи. — Да, я был в Харькове.

Прокурор. — Расскажите, что вам известно о военнопленных и гражданских лицах, находившихся в лагере 364, который был расположен на Холодной Горе?

Янчи. — В лагере на Холодной Горе в гор. Харькове я жил всего четыре дня. Я приехал туда, чтобы взять оттуда заключённых на работу. То, что я там видел, несколько не отличается от того, что было в лагере 231. Кроме того, мне об этом лагере много рассказывал офицер Хельгеман.

Прокурор. — В этом лагере на Холодной Горе также содержались лица из гражданского населения?

Янчи. — Да, я сам видел гражданских лиц в этом лагере.

Прокурор. — Расскажите подробно об этом лагере.

Янчи. — Этот лагерь был размещён в здании бывшей тюрьмы. В помещение я не входил, но был во дворе лагеря. Там также лежали трупы умерших и умирающие, которым никто не оказывал помощи. Все они были истощены, оборваны, многие из них не имели обуви. Охранные посты ударами палок гнали этих заключённых на работу. За эти 4 дня, которые я был в лагере, пришёл приказ об отправке пешим порядком в Полтаву. Эвакуация проходила так же, как из Вязьмы в Смоленск. Люди были так истощены, что большинство из них до места назначения не дошло. Через несколько дней мне довелось ехать в автомашине в Коломак, и я увидел, что дорога была усеяна трупами пленных и лиц из гражданского населения. Среди них были женщины и дети. Несколько сот военнопленных оставалось в лагере на Холодной Горе. Они были уже настолько истощены, что не могли стоять. Как я позднее слышал от солдат, которые оставались там в лагере, незадолго до прихода советских войск военнопленные, оставшиеся в лагере, были расстреляны.

Следующим допрашивается свидетель *Бойко*.

Председатель. — Пригласите в зал судебного заседания свидетеля Бойко.

(В зал судебного заседания входит свидетель Бойко).

Председатель. — Ваша фамилия?

(Обвиняемым вначале переводят допрос на немецкий язык переводчик Стеснова, затем переводчик Иванова).

Свидетель. — Бойко.

Председатель. — Имя и отчество?

Бойко. — Иван Семёнович.

Председатель. — Год рождения?

Бойко. — 1900.

Прокурор. — Расскажите, как вы попали на службу к немцам?

Бойко. — В октябре 1941 года в г. Киеве я пошёл работать шофёром, а также переводчиком в карательный отряд при гестапо.

Прокурор. — Потом вы вместе с командой переехали в Харьков?

Бойко. — Через некоторое время отряд переехал из Киева в Харьков, куда мы приехали 16 ноября 1941 года.

Прокурор. — Расскажите, как переселялись по приказу германского командования граждане города Харькова из городских квартир в бараки. Вы знаете об этом?

Бойко. — Через некоторое время был приказ начальника СД о выселении жителей города Харькова за город, в бараки, находящиеся вблизи Харьковского тракторного завода.

Прокурор. — Расскажите, как вывозили из больницы города Волчанска больных людей и уничтожали их?

Бойко. — 12 июня 1942 г. был получен приказ о выделении 15 человек. В это число попал и я, и мне надо было выехать в город Волчанск. По приезде в Волчанск для размещения прибывших была избрана больница. Больница была переполнена, но Гельмрих дал приказ очистить больницу от людей и вывезти их оттуда. После этого стали выполнять приказ. Немецкие солдаты, войдя в больницу, приказали всем больным одеваться якобы для переезда в Харьков. Все начали одеваться, но ввиду того, что был отдан приказ не надевать на себя одежду, некоторые из них поняли, в чём дело, и здесь началась паника. Их гнали, они не хотели выходить. Больные рвали к дверям, но здесь кругом стояли гестаповцы и выходить не разрешали. В тех, которые пытались уйти, стреляли, и в результате этого много было ранено и убито. Затем началась погрузка в машину с применением палок и оружия.

Прокурор. — Сколько человек было уничтожено таким путём?

Бойко. — В первый раз они вывезли 50 человек, а потом остальных. Всего было уничтожено 90 человек, око-

ло 80 больных, а остальные — обслуживающий персонал больницы.

Прокурор. — Расскажите, что вам известно об уничтожении советских граждан — жителей города Воронежа, высланных по приказу фон Радецкого?

Бойко. — После того, как наш отряд закончил работу в Волчанске, мы выехали оттуда в город Воронеж. Когда мы проезжали Белгород, «газенваген» остался в Белгороде. Через Курск мы приехали в Воронеж.

Прокурор. — По дороге вы никого не арестовали?

Бойко. — По дороге из Волчанска в Курск, а затем в Воронеж всё время происходили аресты и расстрелы. По приезде в Воронеж фон Радецкий издал приказ, чтобы все жители, оставшиеся в городе, покинули его а тот, кто останется в городе, будет расстрелян или повешен. Приказано было идти по направлению к местечку Хохол. Запуганные жители с детьми из города направились к местечку Хохол. Часть жителей была оставлена на месте, а других направили в другую сторону для проверки документов.

Прокурор. — Сколько человек тогда уничтожили?

Бойко. — Около 2 000 человек.

Прокурор. — Расскажите, как производилось уничтожение?

Бойко. — Прибывших пешком в местечко Хохол заключённых я и другие шофёры повезли по направлению к селу Матрёновка. По прибытии на место мы получили приказ разгрузить машину. Среди приехавших на машинах началась паника. Тех, кто пытался бежать, немедленно расстреливали. Я помню, как одна женщина, плача, кричала: «Зачем вы нас убиваете, не убивайте». Помню, как одна девочка умоляла гестаповца не расстреливать её мать. Она просила: «Дяденька, не убивайте мою маму». Но гестаповец расстрелял сначала мать, а потом и девочку.

Прокурор. — Потом куда вы поехали?

Бойко. — Так продолжалось здесь несколько дней, и было расстреляно около 2 000 человек. После мы поехали в город Курск. Когда мы находились при гараже в городе Курске, шофёр Ганс Хери рассказал мне, как расстреляли людей в Курске. Он говорил, что несколько машин подъехало к тюрьме. В них были погружены арестованные, которых по приказу Радецкого отвезли к баракам и расстреляли. Ввиду нехватки патронов осталось нерасстрелянных 25 человек. Радецкому посоветовали, чтобы их отвезли в тюрьму и расстреляли в следующий раз, но он отдал приказ — обратно в тюрьму не возить, а убить их лопатами, винтовками и другими предметами.

Прокурор. — Следовательно, 25 человек, для которых не хватило патронов, были убиты винтовками и лопатами?

Бойко. — Да, винтовками и лопатами.

Прокурор. — Потом куда вы поехали?

Бойко. — Потом отряд выехал в Киев. Отсюда отряд поехал в Чернигов для борьбы с партизанами, но я заболел и остался в Киеве при местной команде. Я оставался на Институтской улице №5 в главном штабе.

Прокурор. — Главный штаб чего?

Бойко. — Главный штаб гестапо.

Прокурор. — Расскажите, что вы делали в Киеве?

Бойко. — Я работал в гараже. Шофёры, которые давно работали здесь говорили, что в Киеве каждый день происходят аресты в расстрелы. Я видел газовую машину, которая стояла в гараже. Она уходила утром и возвращалась к вечеру.

Прокурор. — Назовите, свидетель Бойко, фамилии гестаповцев, руководивших массовым уничтожением советских граждан в Харькове.

Бойко. — Штурмбаннфюрер Гранбель, оберштурмфюрер Фейнгольц, оберштурмфюрер Кирхе, оберштурмфюрер Фаст и его помощник Петерс.

Утреннее заседание суда 17 декабря

На утреннем заседании 17 декабря продолжался допрос свидетелей. Как и в предыдущие дни, зал переполнен народом. С напряжённым вниманием следят присутствующие за ходом судебного заседания, вскрывающего всё новые жуткие подробности преступлений, которые чинили немецко-фашистские захватчики в период временной оккупации Харькова и Харьковской области.

Перед Военным Трибуналом проходит группа свидетелей — бывших работников 1 армейского сортировочно-госпиталя 69-й армии.

Показания свидетелей вскрывают во всех подробностях страшную трагедию, разыгравшуюся в госпитале, в котором находились раненые красноармейцы, после захвата Харькова немцами.

— *То, что мне пришлось видеть и пережить в период немецкой оккупации,* — говорит свидетель Джинчвиладзе, — *просто не вмещается в человеческом сознании: в восьмом корпусе госпиталя было собрано 400 тяжёло раненых, нуждавшихся в немедленной оперативной помощи и находившихся в операционной и готовящихся к очередной операции, когда раздался глухой взрыв. Навстречу мне с криком бежали, санитарки. Оказывается, к госпиталю подъехали, эсэсовцы и, предварительно заколовив все входные двери, бросили в помещение две зажигательные бомбы. Первый этаж моментально охватило пламя. Огонь перекинулся на кровати, где лежали раненые. С загоревшейся одеждой они поползли к окнам. Многие были так слабы, что, не успев проползти нескольких шагов, падали мёртвыми. Тех же, кто успел добраться до окон и вылезти на подоконники, пристрели-*

вали из автоматов эсэсовцы, оцепившие здание кругом. Нельзя передать словами то, что происходило в этот момент: горящие люди металсь по палатам, им нигде не было спасения — в помещении бушевал огонь, а за окнами подстерегали пули. Такая же сцена разыгралась и во втором этаже, куда вскоре перекинулся огонь. Нам удалось спрятать группу раненых на лестничной клетке и, когда эсэсовцы, видимо, думая, что все раненые погибли в огне, уехали, вытащить их через окна на улицу. Из 400 человек, находившихся в корпусе, спаслось не более 50.

Раненых, оставшихся в других корпусах госпиталя, постигла та же участь. На завтра в госпиталь вновь приехал отряд эсэсовцев, и начался массовый расстрел. Эсэсовцы обшаривали все углы, подвалы. Некоторых раненых вытаскивали во двор и там расстреливали, других приканчивали на месте. Эта кровавая расправа продолжалась 4 дня. Трупы убитых 12 дней лежали, во дворе и в подвалах. Гестаповцы не разрешали их хоронить.

Показания Джинчвиладзе дополняет свидетель, профессор Катков, являвшийся к моменту этой трагедии заместителем начальника и фактически исполняющим обязанности начальника госпиталя. Его показания с неоспоримой ясностью устанавливают, что это чудовищное преступление было заранее обдумано, подготовлено и организовано гитлеровцами.

— Накануне трагедии, — показывает Катков, — в госпиталь явился немецкий офицер и приказал сосредоточить всех раненых в одном из корпусов, где, как он заявил, будет госпиталь для русских. Когда это было сделано, к госпиталю подъехали эсэсовцы, оцепили корпус, в котором мы начали сосредоточивать раненых, и подожгли его зажигательными бомбами, а тех, кто, спасаясь от огня, пытался выскочить в окно, расстреливали из автоматов. На завтра немцы начали обходить помещения остальных корпусов — палата за палатой, подвал за подвалом. Подойдя к какому-либо помещению, они вначале бросали туда несколько гранат, давали очередь из автоматов и затем, войдя в помещение, добивали тех, кто ещё оставался в живых. Каким-то чудом уцелевшие раненые рассказывали мне потом, что впереди немцев шёл офицер, который освещал карманным фонарём все углы. Подходя к каждой кровати и убедившись, что человек мёртв, он говорил: «Капут» и шёл дальше.

Не довольствуясь этими зверствами, немецкие изверги распяли одного из тяжело больных, прибив его гвоздями к стене во дворе госпиталя. Вокруг распятого собралась кучка немцев, они весело хохотали, а многие фотографировали свою жертву.

Все присутствующие с огромным удовлетворением восприняли приведённые свидетелем Катковым факты исключительной самоотверженности и патриотизма русских женщин. Рискую жизнью под немецкими пулями, женщины, фамилия которых, к сожалению, остались неизвестны, проникали на территорию госпиталя, приносили раненым, уцелевшим от расправы, еду, ухаживали за ними, как родные матери и сестры.

Следующей допрашивается свидетельница Сокольская, работавшая медицинской сестрой в 1 сортировочном госпитале. Её показания полностью подтверждают всё, о чём говорили на суде предыдущие свидетели.

Я находилась 14 марта в помещении госпиталя, когда раздался взрыв. Это немцы бросили зажигательные бомбы. В здании начался пожар. Раненые, спасаясь от мучительной смерти в огне, сползали с кроватей, но большинство тут же падало. Но и тем из них, кто добрался до окон, не удалось спастись. Немцы подстерегали их и расстреливали из автоматов.

Свидетельница Сокольская рассказывает о неслыханном преступлении гитлеровцев во дворе госпиталя. В одном из подвалов они нашли человека, который ещё был жив. Несчастного выволокли во двор и хотели тут же пристрелить. Один немец уже поднял было автомат, но другой ему что-то сказал, и оба громко захохотали. Первый немец куда-то убежал и быстро вернулся с молотком и гвоздями. Оба немца набросились на полуживого человека и, сорвав с него одежду, начали прибивать его к стене на потеху себе и другим немецким извергам.

Сильнейшее впечатление на всех присутствующих произвело краткое показание свидетельницы Козловой. Во время кровавой бойни, учинённой гитлеровскими извергами, в госпитале погиб её муж, который находился там на излечении.

— Когда я пришла в госпиталь, — рассказывает Козлова, — я не узнала здания. Вместо корпуса высились обгоревшие развалины. Внутри здания я увидела множество трупов. Ими было завалено всё помещение. Чтобы пройти из одной комнаты в другую, приходилось буквально шагать по трупам, среди них я нашла обезображенный труп своего мужа.

О кровавой расправе с советскими людьми, учинённой фашистами в Сокольническом лесопарке, показал проживающий на территории парка свидетель Беспалов. Из окна своего дома, на расстоянии каких-нибудь 150 метров, он трижды видел, как гитлеровские звери уничтожили несколько тысяч советских граждан, в том числе много детей, женщин, стариков.

— Несколько часов, — рассказывает Беспалов, — немцы возили арестованных к заранее подготовленным ямам. Всем было приказано раздеваться. Тех, кто сопротивлялся, избивали и насильно, сорвав одежду, живыми втаскивали в ямы и затапывали ногами. Вещи, отобранные у раненых, немцы собрали, погрузили на машины и с песнями уехали.

Через несколько дней в то же место была привезена большая партия женщин и детей. Лес огласился громкими криками и плачем.

Немцы избивали свои жертвы прикладами, топтали ногами, а детей вырывали из рук матерей. Многие гитлеровцы развлекались тем, что ещё до начала массового расстрела избирали себе жертву и расстреливали её из пистолета. Затем всех загнали в яму и расстреляли из автоматов.

— Возле моего сада, — показывает Беспалов, — немцы выкопали яму огромных размеров. В течение трёх дней они свозили сюда арестованных советских граждан. Среди них были и военнопленные, и женщины, и ма-

ленькие дети, и глубокие старики. Невозможно описать душераздирающие сцены, которые здесь разыгрывались. Люди плакали, прощались друг с другом, матери и отцы прижимали к груди детей, некоторые, отчаявшись, плевали в физиономию своим палачам, бросались на них с кулаками. Всех обречённых гитлеровцы загнали в яму, забросали ручными гранатами и одновременно выпустили по ним несколько автоматных очередей.

Такая же расправа, как показывает далее свидетель Беспалов, была учинена немцами над большой группой советских женщин, которых они собрали якобы для заготовки леса.

На вопрос председателя суда подсудимый Буланов подтверждает показания свидетеля и говорит, что он сам неоднократно возил в Сокольнический лесопарк осуждённых на расстрел советских граждан.

Следующим допрашивается свидетель Сериков. Он воспроизводит в своих показаниях обстановку, в которой производилось переселение тысяч харьковчан из городских квартир в бараки тракторного завода. С наступлением темноты переселяющимся было запрещено двигаться по улицам, заходить в дом, чтобы обогреться, им также не разрешали. Люди были раздеты и разуты. В это время стояли лютые холода, и многие замерзали прямо на улице. С наступлением рассвета то тут, то там можно было видеть трупы замерзших людей.

Свидетель показывает далее о том, что он видел бараки, битком набитые трупами.

— Однажды, — говорит Сериков, — комендант погнал меня на работу расчищать бараки. Я лично выносил из барачных обгоревшие трупы и складывал их в траншею. Несколько раз я наблюдал, как к барачкам, где были сложены трупы, подъезжали немецкие солдаты и поджигали их.

Свидетельница Подкопай, проживающая в Харькове на Рыбниковской улице 8, где помещался гараж гестапо дополняет вскрытую на суде картину массового уничтожения советских людей посредством «душегубки».

— Во дворе гаража, — говорит она, — было много машин. Но одна из них обращала на себя особое внимание это была машина с огромным кузовом, окрашенным в тёмносерый цвет. Я спрашивала шофёра гестапо Бойко, что это за машина. Он сначала отматчивался, говорил, что это секрет, а потом всё-таки рассказал: «Эта машина, — сказал мне Бойко, — предназначена для того, чтобы отравлять людей газом».

Однажды я стояла на дворе, когда подъехала «душегубка». Всех немедленно загнали в помещение. Из окна я видела, как немецкие солдаты вытаскивали из машины трупы. Впоследствии я узнала, что «душегубка» отправилась в очередной рейс, но по дороге испортилась и была возвращена в гараж для ремонта.

О зверском истреблении больных показал свидетель Гайдамак, проживавший на территории больницы Липецкого района, Харьковской области.

— Однажды мы увидели, — показывает Гайдамак, — что на территорию больницы пришёл большой отряд немецких солдат. Мы все бросились по домам прятать свои пожитки, так как знали, что раз пришли немцы, значит начнутся грабежи. Немцы приказали нам всем закрыть окна, запереть двери и предупредили, что всякий, кто выйдет на улицу, будет расстрелян. Вскоре после этого раздался ружейный залп. Я потихоньку выглянул в окно и увидел, что немец ведёт по больничному двору за оградой группу полураздетых больных. Снова раздался залп. Он повторялся много раз. Больные кричали, вырывались из рук палачей, — но немцы, подталкивая и избивая их прикладами винтовок и автоматов, принуждали идти к месту казни. Эта кровавая расправа продолжалась, пока не стемнело. Вскоре после этого многие работники больницы рассказывали мне, как происходило дело. К главврачу явился немецкий офицер и предложил отравить больных ядом. Когда главврач отказался, офицер заявил: «Ну, в таком случае я сам их уничтожу». Он приказал всему медицинскому персоналу оставаться на местах, а сам направился во двор больницы и руководил расстрелом. Так было расстреляно 435 больных, в том числе много женщин.

Вечернее заседание 17 декабря

На вечернем заседании 17 декабря допрашивается свидетель Головкин, работавший врачом Липецкой больницы.

— 21 ноября 1941 г., — показывает свидетель, — в больницу явилось трое немецких офицеров — один капитан и два лейтенанта. Один из них заявил мне, что имеется распоряжение об уничтожении всех больных, находящихся на лечении в нашей больнице, и предложил мне взять на себя отравление их ядом. Я горячо протестовал и заявил, что обязанность врачей лечить, а не травить людей. Тогда офицер спросил: «Может быть, кто-либо из медперсонала вашей больницы возьмёт на себя выполнение этого задания?»

Я ответил, что таких у нас не найдётся. Тем не менее офицер приказал мне собрать медперсонал и довести до его сведения это предложение. Я подчинился приказу, собрал весь медицинский персонал. Как я и ожидал, все работники больницы единодушно поручили мне заявить офицеру, что они отказываются стать палачами наших больных. Я довёл об этом до сведения офицера. Тогда он заявил: «В таком случае я сделаю это сам». Я пытался спасти больных, сказав, что если германскому командованию нужно помещение нашей больницы, то оно будет немедленно освобождено. «Нет, помещение нам не нужно, — ответил офицер, — нам нужно уничтожить больных». Он приказал всем работникам больницы войти в помещение и не выходить оттуда под угрозой расстрела. После этого во двор вошла группа германских солдат, другие солдаты окружили всю территорию больницы, а за оградой, на перекрестках дорог были выставлены пулеметы. По всему было видно, что немцы готовились к этой операции очень тщательно и продумали всё до мелочей. Офицер приказал солдатам выводить больных из отделений по 10 человек. Больных выводили из здания и приказывали идти в больничный сад. А там, в овраге, лежало несколько немецких солдат во главе с офицером. Когда больные приближались к оврагу, немцы открывали огонь. Кое-кто из больных пытался бежать, но немецкие солдаты их догоняли и добивали. В

это время подъехала другая машина — прибыл ещё один немецкий офицер, заявивший, что он врач, присланный принять от меня больничное имущество. Услышав слово «врач», я обрадовался и просил его помочь приостановить это зверское убийство незащитных больных. Офицер заявил, что его дело принять имущество, а всё остальное его не касается. Войдя в склад, этот «врач» первым делом выбрал себе свитер, примерил его и сказал «гут» и пошёл дальше. Тем временем в саду шли расстрелы. Они продолжались до позднего вечера и на завтра с утра возобновились. Были уничтожены почти все больные, за исключением нескольких, которые не могли двигаться. Немецкие солдаты выносили их во двор и там расстреливали.

— Сколько было в больнице больных? — спрашивает председатель суда.

— 435, — отвечает свидетель.

Председатель. — Дети и женщины среди них были?

Головко. — Да, более половины.

Председатель. — Использовалось ли в дальнейшем помещение больницы германским командованием?

Головко. — Нет, оно пустовало более года и только непродолжительное время использовалось в качестве казармы.

Суд приступает к допросу свидетельницы Осмачко. Это пожилая колхозница стояла под расстрелом, и только благодаря случайности ей удалось спастись от смерти.

— Услышав выстрелы, — показывает Осмачко, — несколько наших колхозниц решили выйти за село посмотреть, в чём дело. Я тоже пошла и взяла с собой своего сына Владимира. Не успели мы выйти за село, как нас остановили немецкие солдаты. Они приказали нам выстроиться вдоль дороги и повели в поле. Там возле большой ямы немцы расстреливали людей. Нас они поставили на край ямы и открыли по нас стрельбу. Женщины закричали, многие упали, обливаясь кровью. Я тоже упала в яму и потеряла сознание. Когда очнулась, слышу — стреляют. Рядом со мной лежал труп моего сына Владимира. Сверху продолжали падать прямо на меня всё новые и новые трупы. Я едва удержалась, чтобы не закричать, но решила, что единственное для меня спасение притвориться мёртвой. Я пролежала в яме дотемна, а когда гитлеровцы закончили расстрел и ушли, выбралась из ямы и кое-как доползла до дома.

Председатель суда генерал-майор юстиции Мясников объявляет, что допрос свидетелей окончен.

* * *

После допроса свидетелей суд заслушал заключение судебно-медицинской экспертизы.

Акт, составленный судебно-медицинской экспертизой, зачитал профессор кафедры судебной медицины 2-го Московского Медицинского института В.М. Смольянинов.

Старший сотрудник Института судебной медицины П.С. Семеновский и судебно-медицинский эксперт 69 армии майор медицинской службы Г.И. Городниченко дали ответ на вопросы, поставленные перед судебно-медицинской экспертизой на утреннем заседании суда 17 декабря.

Главный судебный медицинский эксперт НКЗ СССР В.И. Прозоровский зачитал общее заключение судебно-медицинской экспертизы по данному делу.

Заключение судебно-медицинской экспертной комиссии в судебном заседании Военного Трибунала 4-го Украинского фронта

Судебно-медицинская экспертиза исследовала в гор. Харькове и его окрестностях места, преступлений немецко-фашистских захватчиков — места, где ими производилось уничтожение советских граждан. Это — пожарище корпуса армейского госпиталя, где были расстреляны и сожжены военнопленные, тяжело раненные войны Красной Армии. Это — места массовых расстрелов здоровых, и больных, малых детей, подростков, молодых, пожилых и престарелых женщин и мужчин на территориях лесопарка «Сокольники», вблизи села Подворки, в Дробицком яру и на территории лечебницы колонии «Стрелечь». Судебно-медицинская экспертиза исследовала на этих территориях ямы-могилы и эксгумировала из них трупы расстрелянных, отравленных, сожженных и иным способом зверски истребленных советских граждан. Судебно-медицинская экспертиза исследовала места, где немецко-фашистские оккупанты уничтожали путем сожжения трупов следы своих преступлений — отравлений окисью углерода. Это — пожарище на территории, где находились бараки для рабочих Харьковского тракторного завода.

Изучение территорий на которых закапывались трупы или производилось их сожжение, изучение ям-могил и положения трупов в них, сопоставление с материалами судебного следствия дают право считать, что количество трупов умерщвленных советских граждан в гор. Харькове и его ближайших окрестностях исчисляется в несколько десятков тысяч человек, цифра же 30 000 уничтоженных советских граждан, называемая подсудимыми и некоторыми свидетелями, является весьма приближенной — несомненно преуменьшенной. В 13 ямах-могилах, что были раскрыты только на территории города и его ближайших окрестностей, оказались огромные массы трупов. В большинстве этих могил они были в исключительном беспорядке, хаотично переплетаясь между собой, образуя неподдающиеся описанию клубки человеческих тел. Трупы лежали так, что допустимо говорить об их сваливании, сбрасывании, но не о погребении в братских могилах. В двух ямах, что находятся на территории лесопарка «Сокольники», были обнаружены трупы, лежавшие правильными рядами, ничком, с руками, согнутыми в локтях, и кистями рук, прижатыми к лицу или шее. На всех трупах оказались сквозные огнестрельные ранения головы. Такое положение трупов не случайно. Оно свидетельствует о том, что жертв заставляли ложиться вниз лицом и в этом положении расстреливали. В ямах-могилах, где были трупы, или в тех местах, где

их сжигали, судебно-медицинская экспертиза находила предметы бытового обихода и личного пользования (сумки, мешки, ножи, котелки, кружки, очки, замок от дамской сумочки и пр.).

Факт, установленный материалами следствия, что перед умерщвлением советских граждан одежда и обувь с них снимались, имеет полное подтверждение судебно-медицинских данных, так как эксперты при эксгумации трупов чаще всего обнаруживали обнаженные или полураздетые трупы.

Для того, чтобы определить, кто из советских граждан подвергался истреблению и как оно производилось, было эксгумировано и исследовано в гор. Харькове и его окрестностях 1 047 трупов. Это оказались трупы 19 детей и подростков, 429 женщин и 599 мужчин. Возраст покойных колебался от 2-х до 70 лет. Обнаружение в ямах-могилах трупов детей и подростков, женщин и стариков, а также и инвалидов, с наличием на трупах или возле них гражданской одежды, вещей домашнего обихода и личного пользования — свидетельствует о том, что немецко-фашистские власти уничтожали мирное советское население независимо от пола и возраста. С другой же стороны обнаружение на трупах мужчин молодого и среднего возраста одежды военного образца, принятого в Красной Армии, и предметов военного снаряжения (котелки, кружки, пояса и др.) говорит об уничтожении советских военнопленных.

Истребление советского населения (мирных граждан и военнопленных) производилось путем отравления окисью углерода, расстрелов, сожжения и убийства тупыми, твердыми, тяжелыми предметами. Всё это с исключительной бесспорностью, без всяких противоречий, установлено материалами предварительного и судебного следствия, а также с научной объективностью доказано судебно-медицинской экспертизой.

Показания подсудимых и свидетелей констатируют, что в различных местах временно оккупированной территории СССР применялся немецко-фашистскими захватчиками специально оборудованный мощный автомобиль, в кузове которого с помощью выхлопных газов, содержащих окись углерода, производилось умерщвление советских граждан. Судебно-медицинская экспертиза это впервые безусловно доказала при исследованиях трупов, эксгумированных на территории города Краснодара и его окрестностей. И тогда совокупностью судебно-медицинских, судебно-химических и спектроскопических исследований крови на тканях и органов трупов было с бесспорностью установлено наличие окиси углерода. Такой же метод отравления окисью углерода, что и в городе Краснодаре, является доказанным при судебно-медицинском исследовании у некоторой части трупов, эксгумированных на территории города Харькова. Конструирование автомобиля, получившего наименование «газового автомобиля» или «душегубки», рассчитанного на то, чтобы посредством выхлопных газов, поступающих в герметически закрытый кузов автомашины, умерщвлять находящихся в нем людей, должно быть признано, как разработка специального механизированного метода для одновременного отравления больших групп людей. Кроме отравления окисью углерода, следственными и судебно-медицинскими данными установлено, что немцы широко применяли в городе Харькове и его окрестностях расстрелы из автоматического огнестрельного оружия, стреляя, как правило, в затылочную часть головы, заднюю поверхность шеи и спину. Исследования трупов также показали, что имели место случаи, когда для умерщвления применялось раздробление костей черепа и разрушение головного мозга посредством ударов тупым, твердым, тяжелым предметом. Надлежит отметить, что в городе Харькове было произведено особо мучительное истребление тяжело раненых советских военнопленных путем их сожжения в сочетании с расстрелом. Это доказано материалами предварительного и судебного следствия, а также судебно-медицинскими исследованиями частей трупов, найденных на пожарище сгоревшего корпуса Армейского госпиталя, когда, в частности, в дыхательных путях обгоревшего трупа было найдено наличие копоти, что свидетельствует, о прижизненном действии дыма и пламени. Следы своих преступлений, прежде всего отравления окисью углерода, немецко-фашистские захватчики пытались уничтожить, сжигая трупы отравленных. Однако материалами следствия и обнаружением частей скелетов от трупов, подвергнутых сожжению на территории барачных Харьковского тракторного завода, устанавливается факт сожжения трупов. Судебно-медицинская экспертиза, основываясь на всей совокупности данных своих исследований, предварительного и судебного следствия, констатирует:

- а) многочисленность мест захоронения на территории города Харькова и его ближайших окрестностей;
- б) колоссальное количество трупов в ямах-могилах;
- в) одновременность захоронения трупов в отдельных могилах;
- г) различную степень сохранности трупов в одной и той же могиле;
- д) характеристику трупов по полу и возрасту;
- е) однотипность методов умерщвления;
- ж) применение специально приспособленного для уничтожения людей «газового автомобиля».

Считаем это доказательствами систематического, массового, планомерно организованного истребления мирных советских граждан и военнопленных.

Главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — Прозоровский.

Профессор кафедры судебной медицины 2-го Московского медицинского института, доктор медицинских наук — Смольянинов.

Старший научный сотрудник Танатологического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — доктор Семеновский.

Главный судебно-медицинский эксперт 69 армии майор медицинской службы — Городниченко.

Патологоанатом майор медицинской службы — Якуша.

* * *

После перевода текста заключения судебно-медицинской экспертизы на немецкий язык председатель суда, генерал-майор юстиции Мясников, объявляет судебное следствие законченным.

На этом вечернее заседание 17 декабря закончилось.

Утреннее заседание 18 декабря

Открыв заседание, председательствующий предоставил слово государственному обвинителю.

Речь государственного обвинителя, полковника юстиции Н.К. Дунаева

Граждане судьи!

С момента вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу Родину народы Советского Союза каждый день узнают о новых преступлениях, о новых чудовищных злодеяниях, которые немецко-фашистские захватчики совершили на нашей земле.

Еще сравнительно недавно весь мир был потрясен кровавыми зверствами немецко-фашистских захватчиков, установленными на Краснодарском процессе, и вновь на этом суде мы убедились в тех ужасах, которые сотворили немецкие разбойники на территории Харькова и Харьковской области.

Горы трупов зверски убитых мирных советских людей нагромождены гитлеровцами во всех местах, где они побывали.

Тысячи истребленных детей, погубленных женщин и стариков, сожженных больных военнопленных — вот кошмарные следы немецкой оккупации.

«Как средневековые варвары или орды Аттилы, немецкие злодеи вытаптывают поля, сжигают деревни и города, разрушают промышленные предприятия и культурные учреждения» — говорил товарищ Сталин в своем докладе, посвященном 26 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Перелистывая кровавые страницы настоящего дела, представляется, что речь идет о самых мрачных периодах средневекового варварства, которые, впрочем, далеко перецегаляли современные немецкие палачи.

Не впервые в истории приходится сталкиваться с немецкими зверствами. Они общеизвестны.

Но всё, что было известно до сих пор, никак не может сравниться с тем, что немецкие захватчики натворили в эту войну, на нашей земле.

В Харькове и Краснодаре, всюду, где побывали немцы, — одни и те же кошмарные картины злодеяний, массовых убийств и разрушений встают, перед нашими глазами.

Перед глазами всего мира груды развалин, кучи щебня и пепла вместо цветущих городов и сёл нашей Родины. Глубокие ямы, до краев заваленные расстрелянным и повешенными и удушенными советскими людьми.

Общеизвестно, что это не случайные преступления отдельных немцев, а глубоко продуманная, подробно разработанная программа истребления русского, украинского, белорусского и других народов, что это — система уничтожения населения во временно захваченных районах Советского Союза.

Общеизвестно, что истребление народов Советского Союза было провозглашено Гитлером задолго до начала войны, навязанной нам немецко-фашистскими захватчиками.

Гитлер, Геринг, Геббельс, Гиммлер и уже с ними — вот кто являются главными вдохновителями и организаторами массовых убийств и злодеяний, совершенных немцами на советской земле, в Харькове, Краснодаре и других городах.

Обергруппенфюреры и группенфюреры войск СС — Дитрих и Симон, начальники гарнизонов, коменданты и жандармы, руководители гестапо всяческих рангов и званий немецкие палачи — вот кто непосредственные виновники гибели сотен тысяч советских граждан.

Далее прокурор подробно излагает факты чудовищных злодеяний, совершенных немецкими палачами в Харькове и Харьковской области. Приводя даты и называя места, в которых учинялось массовое истребление советских граждан, указывая методы этого истребления — расстрелы и виселицы, удушение окисью углерода в «душегубках» и истязания, сожжение заживо и т.п., прокурор говорит:

— Товарищи судьи! Мы имеем перед собою бесспорные доказательства того, что все эти чудовищные злодеяния немецкие захватчики творили по прямым указаниям руководителей германского разбойничьего правительства и верховного командования немецкой армии.

Прокурор далее подчеркивает, что, как это с предельной точностью доказано на предварительном и судебном следствии, массовые зверства и убийства мирных жителей в Харькове и Харьковской области совершались офицерами и солдатами германской армии и германскими карательными органами, а именно:

дивизии СС «Адольф Гитлер» — под командованием обергруппенфюрера войск СС — Дитриха;

дивизии СС «Мертвая голова» — под командованием группенфюрера войск СС — Симона;

германской «зондеркомандой СД» в г. Харькове, возглавляемой штурмбаннфюрером — Ханебиттер;

группой германской тайной полевой полиции г. Харькова во главе с ее начальником — комиссаром полиции

Кархан;

привлеченными в качестве обвиняемых по настоящему делу Лангхельд Вильгельмом, Риц Хансом, Рецлав Рейнгардом и их пособником, изменником Родины — Булановым.

Переходя затем к изложению конкретной вины каждого из подсудимых, прокурор подробно указывает факты злодеяний, которые совершил каждый из них, и перечисляет неоспоримые судебные доказательства, которыми

вина подсудимых доказана, — их собственные признания, показания свидетелей, заключение судебно-медицинской экспертизы и т.п.

После этого прокурор, ссылаясь на общеизвестные нормы международного права, а также на Гаагскую конвенцию 1907 года и Женевскую конвенцию 1929 года, устанавливающие правила ведения войны, констатирует, что немецко-фашистские захватчики цинично попирают все международные законы и обычаи ведения войны, несмотря на то что Германия 27 ноября 1909 г. присоединилась к Гаагской конвенции, а 21 февраля 1931 г. она поставила свою подпись под конвенцией 1929 года.

В связи с этим прокурор говорит:

— *Присоединившись к этим конвенциям торжественно и добровольно, Германия затем цинично я подло их нарушила, как нарушила и заключенные ею договора о мире.*

«Всюду, где только на советскую территорию вступали германские захватчики, — говорит нота товарища Молотова от 6 января 1942 года, — они несли с собою разрушение и разорение наших городов сел и деревень».

Творя гнуснейшие насилия над мирными жителями временно захваченных территорий, безудержно расправляясь со стариками, женщинами и детьми, не щадя раненых и больных, истребляя военнопленных, немецко-фашистские варвары попирают все международные законы и обычаи войны, творят уголовные преступления.

Для ответственности подсудимых немецких военнопленных не имеет никакого значения то обстоятельство, что приказы вышестоящих немецко-фашистских военных инстанций предписывали террор и истребление в отношении советского гражданского населения и военнопленных красноармейцев.

Есть действия, преступность которых очевидна для каждого, это тем более относится к тем чудовищным преступлениям которые были предметом настоящего судебного разбирательства.

Эти преступления совершались как по приказу гитлеровского правительства и немецкого командования, так и в порядке проявления собственной инициативы подсудимых, отдававших приказания своим подчинённым об истреблении советских граждан.

Подсудимые полностью признали это на судебном процессе.

Таким образом, вопрос об ответственности подсудимых за содеянные ими преступления является очевидным. Ссылки обвиняемых только лишь на исполнение приказа несостоятельны. Сошлёмся даже на немецкие материалы времён Веймарского режима. Известно, что после первой мировой войны Лейпцигский трибунал в 1921 году пытался прикрыть зверства немцев в войне 1914—1918 г.г.

Это, как известно, была «комедия суда». Но и этот суд по частному случаю вынужден был для успокоения возмущённого мирового общественного мнения по делу о зверском потоплении немецкой подводной лодкой англо-голандского госпитального судна «Ландоуэр Кестл» заявить, что, хотя деяние обвиняемых происходило из прямого или косвенного распоряжения их командира, это не освобождает их от ответственности, так как не может быть никакого сомнения в том, что обвиняемые, отдавали себе отчет в нечестности и преступности замысла командира.

Далее. Вашингтонский договор 1922 года устанавливающий правила подводной войны, считает, что всякое лицо, на службе какой бы державы оно бы ни находилось, действующее по приказу высшего начальства или нет, которое нарушит одно из указанных правил, будет считаться нарушителем законов войны и будет подлежать суду и наказанию, как если бы оно совершило акт пиратства.

Из этого видно, что не может быть и речи о том, что приказы начальства освобождают от ответственности гитлеровских извергов за их чудовищные злодеяния.

Многочисленные приказы гитлеровского правительства и гитлеровских военных властей предписывают совершение таких действий, которые явно и несомненно для всех и каждого являются величайшими преступлениями и вопиющими нарушениями международного права.

Германский служащий, поджигающий мирные города и селения, расстреливающий мирных граждан, заготавливающий в пылающие дома женщин, стариков и детей, — не может не знать, что такие действия являются издевательством над международным правом и над законами всех цивилизованных стран.

Поскольку война со стороны гитлеровской Германии носит характер широко организованного военного разбоя, уголовная ответственность за совершённые злодеяния должна быть возложена как на вдохновителей, так и на исполнителей преступлений, ибо иначе большинство чудовищных злодеяний, чинимых фашистскими преступниками, остались бы безнаказанными, поскольку преступники могли бы прикрываться приказами начальства.

Бывшие военнослужащие немецко-фашистской армии, занимающие сегодня скамью подсудимых, являются уголовными преступниками и должны понести заслуженную кару за совершенные ими уголовные преступления.

«Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», подписанная в 1943 году главами Правительств Соединенных Штатов Америки, Советского Союза и Великобритании, совершенно ясно предупреждает, что те германские офицеры, солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за зверства, убийства и казни, или добровольно принимали в них участие, будут судимы по законам тех государств, на территории которых они совершили свои злодеяния.

Подсудимые Рецлав, Риц, Лангхельд, творившие кровавые злодеяния на территории Советского Союза, должны отвечать в уголовном порядке перед советским судом по законам Союза Советских Социалистических Республик.

— *Перед нами, граждане судьи, — говорит прокурор, — на этом судебном процессе ещё и ещё раз раскрылись кровавые, страшные дела гитлеровских разбойников, проливших море человеческой крови мирных совет-*

ских жителей — детей, женщин и стариков, предавших огню и разрушению многочисленные наши города и сёла, причинивших неисчислимы бедствия и страдания нашему народу.

На этом процессе, перед лицом всего мира ещё и ещё раз показана и доказана чудовищная вина всех подсудимых, как тех, которые уже сидят на скамье подсудимых, так и тех, кто ещё будет сидеть на ней.

Их кровавые преступления вскрыты, разоблачены и доказаны: показаниями многочисленных свидетелей и потерпевших; подробными и научно обоснованными данными судебно-медицинской экспертизы; публичными и полными признаниями самих подсудимых и, наконец, множеством вещественных доказательств, имеющихся по этому страшному делу.

Неисчислимо количество этих вещественных доказательств неслыханных преступлений, которые сотворили на нашей земле подлые гитлеровские захватчики. Эти вещественные доказательства — сожжённые и взорванные дома и улицы, горы трупов, огромные котлованы и рвы, доверху наполненные останками заживо погребённых, удушенных, повешенных, расстрелянных, насмерть замученных ни в чём не повинных советских людей.

Эти вещественные доказательства находятся неподалеку, граждане судьи, в пригородах Харькова, в лесопарке, на территории тракторного завода и во многих других местах, превращённых фашистскими палачами в чудовищные могилы десятков тысяч жертв. Они взывают к мщению за невинно пролитую кровь!

На этом процессе ещё и ещё раз было показано всему человечеству, какие страшные, чудовищные плоды дала немецкая тупость, чванливая самоуверенность и человеконенавистничество, помноженные на дьявольскую гитлеровскую систему.

Ещё великий писатель земли русской Лев Николаевич Толстой, могилу которого, священную для русского народа и всего мира, варварски осквернили современные гунны — немецкие фашисты, останавливаясь на тупом бездушии немецких солдат и их руководителей, писал:

«В самом деле, что должно сделаться в голове какого-нибудь Вильгельма германского, ограниченного, малообразованного, тщеславного человека с идеалами немецкого юнкера, когда нет той глупости и гадости, которую бы он сказал, которая бы не встречена была восторженным хох и как нечто в высшей степени важное... он скажет, что солдаты должны убивать по его воле даже своих отцов — кричат ура! Он скажет, что евангелие надо вводить железным кулаком — ура! Он скажет, что в Китае войска должны не брать в плен, а всех убивать, и его не сажают в смиренный дом, а кричат ура и плывут в Китай исполнять его предписание...»

Героическая Красная Армия, руководимая великим Сталиным, нанесла немецкой военной машине ряд сокрушительных ударов и гонит немецкие банды с нашей советской земли!

Великая битва, которую ведут с озверелыми бандами Гитлера свободолюбивые народы всего мира и в первую очередь народы Советского Союза, — ещё не закончилась, но исход её уже предрешен.

Близится час полного и окончательного разгрома немецких армий, великий час победы. С гордостью будут говорить наши потомки, что в этом невиданном по своим масштабам сражении, в этом поединке света и тьмы, в этой войне, в которой решались судьбы нашей Родины и судьбы мира, — первые и решающие удары нанесла наша Красная Армия, наш народ, столь доблестно и героически встретивший коварное нашествие вооружённого до зубов врага!

Заканчивая свою обвинительную речь, я обращаюсь к вам, граждане судьи, с требованием сурово наказать трёх подлых представителей фашистского Берлина и их гнусного пособника, сидящих на скамье подсудимых, наказать за их кровавые преступления, за муки и кровь, за слёзы, за жизнь наших детей, наших жён и матерей, наших сестёр и наших отцов!

Сегодня они несут ответ перед советским судом, перед нашим народом и всем миром за совершённые ими злодеяния, масштабы и гнусность которых далеко превосходят самые чёрные страницы человеческой истории, ужасы средневековья и варварства!

Завтра будут отвечать их начальники — атаманы этих разбойников, вторгшихся на мирную, счастливую землю, на которой наш народ трудился, растил своих детей и строил своё свободное государство.

Я обвиняю Рецлава, Рица, Лангхельда и Буланова в преступлениях, предусмотренных частью 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 19 апреля 1943 года.

Именем закона и справедливости,

Именем десятков тысяч замученных и растерзанных людей,

Именем всего нашего народа, — я прошу Вас, граждане судьи, как государственный обвинитель, приговорить всех четверых подлых преступников к смертной казни через повешение.

* * *

После речи государственного обвинителя председательствующий поочерёдно предоставляет слово защитникам подсудимых адвокатам т.т. Н.В. Коммодову, С.К. Казначееву и Н.П. Белову.

Адвокат т. Н.В. Коммодов начинает свою речь с подробного анализа изуверской системы воспитания в фашистской Германии, порождающей таких нравственных уродов и преступников, как подсудимые.

— Является сомнение, — продолжает адвокат, — можно ли на одну доску поставить их, совершивших эти злодеяния, и тех, кто вдохновил их на эти преступления. Их сделали убийцами, убив сначала у них душу. И вот это сомнение, товарищи судьи, даёт мне нравственное право поставить вопрос о возможном отступлении от той меры, которую предлагает прокурор.

Адвокат т. С.К. Казначеев, также признавая чудовищность преступлений, совершенных подсудимым Рецлавом, говорит:

— Нельзя забывать, что Рецлав служил в той бандитской армии, где чувство человечности расценивалось,

как слабость, а разнузданность и изуверство, как заслуга. Нельзя забывать, что основные преступления совершались им по приказам и директивам фашистских заправил. Нет меры тяжести преступлений, совершенных Рецлавом. Но, учитывая те моменты, о которых я только что говорил, а именно, что Рецлав выполнял изуверские приказы своего начальства, что он долгие годы подвергался сам фашистской обработке, что теперь он осознал содеянное и в нем произошел психологический перелом, я полагаю возможной просьбу о сохранении ему жизни.

Защитник Буланова адвокат т. Н.П. Белов, признавая гнусность преступлений, которые совершил изменник Родины Буланов, просит суд учесть его молодость и его раскаяние.

* * *

После прений сторон председательствующий предоставляет последнее слово подсудимому Лангхельд.

Лангхельд. — Высокий суд, я ничего не имею добавить к своим показаниям. Я избивал русских военнопленных. По моим указаниям они расстреливались. По моим указаниям арестовывалось гражданское население, которое впоследствии расстреливалось. Я прошу принять во внимание, что не один я таков. Такова вся германская армия. Не один я творил зверства. Я не хочу как-либо преуменьшить свою вину. Хочу лишь указать, что глубокие причины всех зверств и преступлений немцев в России нужно искать в германском правительстве. Гитлеровский режим сумел подавить благородные чувства германского народа и воспитать у него низменные инстинкты. Это производилось как путем пропаганды, так и актами массового террора.

Особенно это нашло свое развитие в германской армии во время войны. Можно вспомнить слова германского поэта: «*Это проклятие зла, которое в свою очередь порождает зло*». Это зло, повторяю, показало себя особенно в настоящую войну. Это зло дало себя знать в приказах, в указаниях высших германских военных инстанций. Противоречить этим указаниям или их не выполнять, это означало приговорить себя самого к смерти. Я также был жертвой этих приказов и указаний.

Прошу принять это во внимание. Прошу также принять во внимание мой преклонный возраст, а также то, что я как на предварительном следствии, так и на суде рассказал всю правду.

Председатель. — Садитесь, подсудимый Лангхельд. Подсудимый Риц, вам предоставляется последнее слово.

Риц. — Господа судьи, судебное следствие приходит к концу, и вы предоставили мне возможность сказать свое последнее слово. Я хочу, однако, со всей ясностью открыто заявить о моем отношении ко всему происшедшему здесь. Я хочу, чтобы вы вынесли впечатление от моих показаний, данных как на предварительном следствии, так и на суде, и убедились, что я всегда открыто говорил обо всем, желая полностью, раскрыть картину совершенных преступлений. Как раньше, так и в настоящий момент, я не намерен преуменьшать степень своего соучастия в преступлении. Зверство остается зверством. Я повторяю, что не хочу ни в какой мере преуменьшать свое участие в этом. Я хочу, однако, чтобы вы не вынесли такого впечатления, что я совершал убийства и зверства потому, что я получал от этого какое-то удовольствие или имел какое-то удовлетворение. Дело не в этом. Дело в том, что я действовал по приказу. Дело во всей приказной системе германской армии, заставившей меня выполнять те или иные действия. Выслушав речь господина прокурора, я хочу просить суд, чтобы он принял во внимание старый принцип римского права — преступления под принуждением. Поверьте мне, что если бы я не выполнял приказ, то меня бы судил германский военный суд и приговорил к смерти, ибо совершенно ясно, что гитлеровская система направлена не только против чужих народов, но и против своего народа, если среди него найдутся такие лица, которые сопротивляются выполнению приказов.

Прошу, господа судьи, принять также во внимание мой жизненный путь. Когда гитлеровская система пришла к власти, я был еще ребенком, мне было всего тринадцать лет. С этого времени я подвергался систематическому и планомерному влиянию гитлеровской системы, воспитанию в духе мифа о господстве германской расы, воспитанию, которое говорило, что лишь германский парод призван первенствовать, воспитанию утверждавшему, что другие народы и расы являются низшими и подлежащими уничтожению. Я подвергался систематической обработке со стороны таких учителей, как Гитлер, Розенберг, Гиммлер, которые в таком духе воспитывали весь германский народ. Из этих же источников к началу войны прибавились новые пропагандистские тезисы, которые, впрочем, можно было встретить и до войны. Я имею в виду тезисы о некультурности и малоценности русского народа. Так они учили нас. Затем, при тотальной мобилизации я попал на фронт. Когда я прибыл на Восточный фронт, я убедился, что во всех этих фразах Гитлера, Розенберга и других нет ни слова правды, я убедился, что на Восточном фронте в германской армии не существует ни малейших понятий о каких-либо международных правовых нормах, что здесь нет правды во всем том, что творят германские власти, но мне ничего уже не оставалось, как идти дальше по этому пути.

На Восточном фронте я убедился и в другом, что система, на знамени которой написано: «Убийство и зверство», эта система не может быть правильной. Я понял, что уничтожение такой системы было бы справедливым актом. Я молод, жизнь еще только разворачивается передо мной. Я обращаюсь к вам с просьбой сохранить мне жизнь для того, чтобы, я мог посвятить себя борьбе против этой системы. Я могу доказать, что я способен вести борьбу против нее. Сегодня, господа судьи, я нахожусь здесь перед вами в качестве обвиняемого. Однако я уверен, что придет день, когда на скамью подсудимых сядут главные виновники и вдохновители преступлений, которые, как доказал и этот процесс, являются организаторами кровавых преступлений. Я хочу обвинять эту систему, которая отравила наше сознание, молодых офицеров и солдат Германии. Я хочу выступить также и от имени германского народа, чье имя запятнали они, не только на десятилетия, а может быть, и на столетия.

Я — солдат и нахожусь перед судом солдат. Я прошу учесть всё то, что я здесь говорил прямо и открыто. Я знаю, что предстоит вынесение приговора, приговора справедливого, в котором, я надеюсь, будет учтено всё то,

о чем я сейчас говорил. Я кончил.

Председатель. — Садитесь, подсудимый Риц. Подсудимый Рецлав, вам предоставляется последнее слово.

Рецлав. — Господа судьи, господин прокурор. Я признаю себя виновным в совершенных мною преступлениях.

Я хочу подчеркнуть, что в каждом отдельном случае я действовал по приказанию моих непосредственных начальников. В том случае, если бы я эти приказания не выполнял, то мне пришлось бы занять место моих жертв. Все мои преступные деяния являются следствием преступной пропаганды гитлеровских властителей. Нам вдалбливали в головы, что германский народ является высшей расой, а другие народы низшей. Нам говорили, что при установлении нового порядка в Европе германский народ должен был играть роль господина, а остальные народы должны быть его рабами.

За время моего нахождения на Восточном фронте, а также и в плену у русских я имел возможность убедиться в обратном. Я имел возможность убедиться в том, что гитлеровская пропаганда насквозь лжива. Я хочу открыть глаза германскому народу на лживость гитлеровской пропаганды.

Подытоживая всё вышесказанное, я прошу помиловать меня и дать возможность по возвращении в Германию обратить свое желание в действие. На этом я кончаю.

Председатель. — Подсудимый Рецлав, садитесь. Подсудимый Буланов, вам предоставляется последнее слово.

Буланов. — Я не хочу оправдываться перед вами, потому что я признаю себя виновным во всех совершенных мною преступлениях, которые я творил под угрозой немецкого оружия. Я признаю себя виновным в том, что был пособником немцев, которые творили кровавые злодеяния над советским народом. Я не могу выразить все, что я пережил. Но я хочу, чтобы вы почувствовали это. Работая у немцев, я насмотрелся на жуткие дела, которые они творили над советскими гражданами.

Я прошу вас, граждане судьи, об одном, чтобы вы при вынесении приговора сохранили мне жизнь, дабы в дальнейшем я мог бы искупить свою вину перед Родиной. На этом я заканчиваю.

Председатель. — Подсудимый Буланов, садитесь.

Суд удаляется на совещание.

Приговор именем Союза Советских Социалистических Республик

15—18 декабря 1943 года, Военный Трибунал 4-го Украинского фронта в составе: председательствующего — Председателя Военного Трибунала фронта генерал-майора юстиции Мясникова А.Н., членов: полковника юстиции Харчева М.А. и майора юстиции Запольского С.С. при секретаре, — капитане юстиции Кандыбине Н.М. с участием государственного обвинителя военного прокурора — полковника юстиции Дунаева Н.Н. и защиты по назначению суда адвокатов Коммодова Н.В., Казначева С.К. и Белова Н.П. в открытом судебном заседании в гор. Харькове рассмотрел дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков в гор. Харькове и Харьковской области, по которому обвиняются:

1. *Лангхельд Вильгельм*, 1891 года рождения, уроженец гор. Франкфурт на Майне (Германия), немец, член национал-социалистической партии с 1933 года, офицер военной контрразведки германской армии, капитан;

2. *Риц Ганс*, 1919 года рождения, уроженец города Марненверден (Германия), немец, с высшим юридическим образованием, член национал-социалистической партии с 1937 года, заместитель командира роты СС, унтерштурмфюрер СС;

3. *Рецлав Рейнгард*, 1907 года рождения, уроженец города Берлина, немец, со средним образованием, чиновник германской тайной полевой полиции города Харькова, старший ефрейтор;

4. *Буланов Михаил Петрович*, 1917 года рождения, уроженец станции Джаныбек, Казахской ССР, русский, беспартийный;

Все четверо — в совершении преступлений, предусмотренных 1-й частью Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года.

Материалами предварительного и судебного следствия Военный Трибунал фронта установил:

Вероломно напав на Советский Союз и временно оккупировав часть его территории, немецко-фашистские войска по прямому указанию гитлеровского правительства, вопреки подписанным и ратифицированным Германией международным конвенциям о правилах ведения войны, зверски истребляли мирное население, угнали в немецкое рабство сотни тысяч советских граждан, грабили, сжигали и разрушали материальные и культурные ценности советского народа.

На территории гор. Харькова и Харьковской области зверства и насилия над советским мирным населением чинились офицерами и солдатами:

Дивизии СС «Адольф Гитлер» под командованием обергруппенфюрера войск СС — Дитрих;

Дивизии СС «Мертвая голова» под командованием группенфюрера войск СС — Симон;

германскими карательными органами;

Харьковской «зондеркомандой СД», возглавляемой штурмбаннфюрером Ханебиттер;

группой германской тайной полевой полиции гор. Харькова, возглавляемой комиссаром полиции Кархан;

привлеченными к уголовной ответственности по настоящему делу — Лангхельд Вильгельмом, Риц Гансом, Рецлав Рейнгардом, совместно с их пособником — изменником Родине Булановым Михаилом.

В период временной оккупации гор. Харькова и Харьковской области немецко-фашистскими захватчиками

расстреляно и повешено, заживо сожжено и удушено посредством окиси углерода свыше 30 000 мирных, ни в чем не повинных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей.

Так, в ноябре 1941 года в гор. Харькове, по распоряжению гестапо, из городских квартир было переселено в бараки, расположенные на территории Харьковского тракторного завода, около 20 000 мирного советского населения. Впоследствии группами по 200—300 человек они направлялись в близлежащую балку и там расстреливались.

Немецкое командование, выполняя прямое указание разбойничьего гитлеровского правительства об истреблении советского народа, не останавливалось и перед уничтожением находившихся на излечении больных и раненых советских граждан, в том числе и детей.

Так, в декабре 1941 года гестаповцами было расстреляно 435 человек больных, находившихся в Харьковской областной больнице, среди которых было много стариков и детей.

В марте 1943 года немцами было расстреляно и заживо сожжено 800 раненых бойцов и офицеров Красной Армии, находившихся на излечении в 1-м армейском сортировочном госпитале 69-й армии, размещавшемся в г. Харькове по улице Тринклера.

Многочисленные, безвинно арестованные советские граждане подвергались в фашистских застенках гестапо и других карательных органах жестоким истязаниям и всякого рода надругательствам, причем нередко доводились таким путем «на допросах» до смерти.

Вопреки общепринятым законам и обычаям ведения войны, немецкое командование насильственно помещало мирных советских граждан, захваченных на временно оккупированной территории Советского Союза, в лагери военнопленных и рассматривало их, как военнопленных.

В этих лагерях, путем истязаний, расстрелов, доведения до голодной смерти и создания невыносимых условий, происходило массовое уничтожение военнопленных и гражданского населения, помещенного в эти же лагери.

Для массовых убийств советских граждан немецко-фашистские захватчики применяли так называемые «газенвагены», большие закрытые автомашины, которые известны у русских «душегубками». В эти «газенвагены» немецко-фашистские захватчики загоняли советских граждан и умерщвляли их путем пуска специального смертельного газа — окиси углерода.

С целью сокрытия следов совершенных чудовищных злодеяний и массового истребления советских людей путем удушения окисью углерода в «газенвагенах» немецко-фашистские преступники сжигали трупы своих жертв.

Во время успешного наступления Красной Армии летом 1943 года и освобождения гор. Харькова и Харьковской области от немецких оккупантов все чудовищные злодеяния, совершенные немецко-фашистскими преступниками, были вскрыты Советскими органами и подтверждены предварительным и судебным следствием.

Выслушав объяснения подсудимых, показания свидетелей, заключение судебно-медицинской экспертизы, а также речи государственного обвинения и защиты, — Военный Трибунал установил виновность каждого из подсудимых в следующем:

1. *Лангхельд Вильгельм*, являясь офицером немецкой военной контрразведки, принимал активное участие в расстрелах и зверствах над военнопленными и мирным населением, при допросах военнопленных, путем истязаний и провокации, добивался от них вымышленных показаний.

Лично сфальсифицировал ряд дел, по которым было расстреляно около ста ни в чем не повинных советских военнопленных и мирных граждан.

2. *Риц Ганс*, являясь заместителем командира роты СС при Харьковской «зондеркоманде СД», лично принимал активное участие в истязаниях и расстрелах мирных советских граждан в районе деревни Подворки близ Харькова, осуществлял руководство расстрелами, производившимися «зондеркомандой СД» в гор. Таганроге, и, допрашивая арестованных, избивал их шомполами и резиновыми палками, добиваясь от них таким путем вымышленных показаний.

3. *Рецлав Рейнгард*, являясь чиновником немецкой тайной полевой полиции в гор. Харькове и проводя следствие по делам арестованных советских граждан, вымогал у них, путем истязаний и пыток — выдергивание у арестованных волос и пытка иголками — вымышленные показания, составил фиктивное заключение в отношении 28 арестованных советских граждан об их виновности в антигерманской деятельности, в результате чего часть арестованных была расстреляна, а другая часть умерщвлена посредством «душегубки».

Лично загонял в «душегубку» советских граждан, предназначенных для умерщвления, и сопровождал «душегубку» к месту разгрузки, а также принимал участие в сожжении трупов удушенных.

4. *Буланов Михаил Петрович*, изменив Социалистической Родине, добровольно перешел на сторону врага, поступил к немцам на службу шофером Харьковского отделения гестапо, принимал личное участие в истреблении советских граждан посредством «душегубки», вывозил на расстрел мирных советских граждан и участвовал в расстреле 60 детей.

Таким образом, виновность всех перечисленных выше подсудимых в преступлениях, предусмотренных 1-й частью Указа Президиума Верховного «Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года, как предварительным, так и судебным следствием доказана.

Руководствуясь ст. 296 УПК УССР и Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года, — Военный Трибунал фронта —

ПРИГОВОРИЛ:

Лангхельд Вильгельма, Риц Ганса, Рецлав Рейнгарда и Буланова Михаила Петровича к смертной казни через повешение.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий генерал-майор юстиции — А. МЯСНИКОВ,

Члены:

Полковник юстиции — М. ХАРЧЕВ.

Майор юстиции — С. ЗАПОЛЬСКИЙ.

Приговор над осуждёнными к смертной казни через повешение немецко-фашистскими злодеями Лангхельд, Риц, Рецлав и изменником Родине Булановым — приведён в исполнение

19 декабря с.г. в 11 часов в городе Харькове на городской площади был приведен в исполнение приговор Военного Трибунала 4-го Украинского фронта над осуждёнными к смертной казни через повешение немецко-фашистскими злодеями — Лангхельд Вильгельмом, Риц Гансом, Рецлав Рейнгардом и их пособником — изменником Родине Булановым Михаилом Петровичем, за зверское истребление мирных советских граждан, в том числе женщин, детей и стариков в городе Харькове и Харьковской области.

На городской площади во время приведения в исполнение приговора Военного Трибунала присутствовало свыше 40 000 трудящихся города Харькова и колхозников близлежащих районов Харьковской области, бойцы и офицеры Красной Армии, представители советской и иностранной прессы.

Оглашение и приведение в исполнение приговора было встречено трудящимися города Харькова и присутствовавшими колхозниками районов Харьковской области с большим удовлетворением, бурными и долго не смолкающими аплодисментами.

ХАРЬКОВ, 19 декабря. (ТАСС).

ПРОЦЕССЫ 1945—1946 ГОДОВ

В этом разделе представлены отчеты ТАСС о ходе первых восьми послевоенных открытых судебных процессов над военными преступниками, проходивших в наиболее пострадавших от войны городах Советского Союза: Смоленске, Брянске, Ленинграде, Николаеве, Минске, Киеве, Великих Луках и Риге. В ходе процессов было осуждено 85 человек^[209], из них к смертной казни 67 человек.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВЦЕВ ЗА СОВЕРШАЕМЫЕ ЗВЕРСТВА

Москва, 30 октября 1943 г.

Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз получили из различных источников свидетельства о зверствах, убийствах и хладнокровных массовых казнях, которые совершаются гитлеровскими вооруженными силами во многих странах, захваченных ими, из которых они теперь неуклонно изгоняются. Жестокости гитлеровского господства не являются новым фактом, и все народы или территории, находящиеся в их власти, страдали от худшей формы управления при помощи террора. Новое заключается в том, что многие из этих территорий сейчас освобождаются продвигающимися вперед армиями держав-освободительниц и что в своем отчаянии отступающие гитлеровцы-гунны удваивают свои безжалостные жестокости. Об этом теперь с особой наглядностью свидетельствуют факты чудовищных преступлений на освобождаемой от гитлеровцев территории Советского Союза, а также на территории Франции и Италии.

В соответствии с вышеизложенным три союзные державы, выступая в интересах тридцати двух объединенных наций, торжественно заявляют и предупреждают своей нижеследующей декларацией:

В момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии, те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Списки

будут составлены со всеми возможными подробностями, полученными от всех этих стран, в особенности в отношении оккупированных частей Советского Союза, Польши и Чехословакии, Югославии и Греции, включая Крит и другие острова, Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции и Италии.

Таким образом, немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах итальянских офицеров или в казнях французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников, или критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или в истреблении населения на территории Советского Союза, которые сейчас очищаются от врага, должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилия. Пусть те, кто еще не обагрил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзных державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие.

Эта декларация не затрагивает вопроса о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств-союзников.

РУЗВЕЛЬТ, СТАЛИН, ЧЕРЧИЛЛЬ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(Б) «О ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ НАД БЫВШИМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ И НЕМЕЦКИХ КАРАТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ».

21.11.1945

п.132

Строго секретно

1. Провести в течение декабря 1945 — января 1946 г. открытые судебные процессы по делам изобличенных в зверствах против советских граждан бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов в городах: Ленинграде, Смоленске, Брянске, Великие Луки, Киеве, Николаеве, Минске и Риге.

2. Все дела заслушать в открытых судебных заседаниях Военных Трибуналов.

3. Руководство организацией, подготовкой и проведением судебных процессов возложить на Комиссию в составе: т.т. Вышинского (председатель), Рычкова (зам. Председателя), Голякова, Круглова, Абакумова, Афанасьева (Гл. Воен. Прок.).

4. Обязать НКВД (т. Круглов), НКГБ (т. Кобулов), Главное Управление СМЕРШ (т. Абакумов), Прокуратуру Союза ССР (т. Горшенин) провести предварительное следствие и подготовить следственные материалы в сроки, обеспечивающие начало рассмотрения указанных в п.1 дел в суде не позже 15 декабря с.г.

5. Обязать НКЮ СССР (т. Рычков) и Верховный Суд СССР (т. Голяков) обеспечить соответствующий состав членов суда, выделенных для рассмотрения всех указанных выше дел, а также необходимое количество защитников.

Обязать Прокуратуру СССР (т. Горшенин) выделить необходимое количество прокуроров для участия в указанных процессах в качестве обвинителей.

6. Обязать секретарей соответствующих ЦК КП(б) союзных республик и обкомов оказать необходимое содействие в организации и проведении упомянутых выше открытых судебных процессов.

7. Ход судебных процессов систематически освещать в местной печати и кратко освещать в центральной прессе.

8. В отношении всех обвиняемых, признанных виновными в совершении зверств, применить Указ 19 апреля 1943 г. (о применении к фашистским злодеям, уличенным в совершении убийств и истязаний советского гражданского населения и пленных красноармейцев, смертной казни через повешение).

РГАСПИ. ф.17. оп.162. д.37. л.159—160. Подлинник. Машинопись.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗВЕРСТВАХ В ГОР. СМОЛЕНСКЕ И СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

СМОЛЕНСК, 15 декабря. (ТАСС).

15 декабря в г. Смоленске в Военном Трибунале округа началось слушанием дело группы бывших военнослужащих германской армии, обвиняемых в массовых убийствах и истязаниях гражданского населения и пленных красноармейцев в период временной оккупации Смоленска и Смоленской области в 1941—1943 гг.

К ответственности привлечены 10 человек: военнослужащие охранных батальонов германской армии Вайс Вилли, Гаудиян Курт, Генчке Фриц, Мюллер Эрих, Краузе Вилли, Винклер Гейнц, Эвертс Эрих, лекарский помощник германского военного лазарета Модисш Рудольф, переводчик смоленской комендатуры Киршфельд Роберт и военнослужащий 350 пехотного полка германской армии Райшман Йозеф.

Дело рассматривается Военным Трибуналом на открытом судебном заседании под председательством генерал-майора юстиции т. Горячева, Государственное обвинение поддерживает старший советник юстиции т. Смирнов. Защитниками подсудимых по назначению от суда выступают адвокаты т.т. Казначеев, Белов, Луговой и Сидоренко^[210].

* * *

На утреннем заседании было оглашено обвинительное заключение, в котором указывается, что, совершив вероломное нападение на Советский Союз и оккупировав город Смоленск и Смоленскую область, немецко-фашистские войска приступили к планомерному истреблению советских граждан: расстреливали, вешали и умерщвляли газами мирных жителей, в том числе женщин, стариков и детей, зверски уничтожали советских военнослужащих, сжигали и разрушали города и деревни, грабили и уничтожали промышленные предприятия, колхозы и культурные учреждения, а так же угоняли в немецкое рабство советских людей.

Следствием установлено, что зверства, насилия и грабежи чинились в городе Смоленске и Смоленской области офицерами и солдатами немецкой армии по приказам командующего войсками по охране тыла армейской группы «Центр» генерала фон Шенкендорф (*не разыскан*), действовавшего по общим планам и указаниям верховного командования германской армии.

Специальная комиссия под руководством академика Н. Бурденко, выезжала в Смоленск и производившая раскопки ям-могил и изучавшая участки территории массовых погребений, установила, что в период временной оккупации немцами гор. Смоленск и Смоленской области немецко-фашистскими злодеями умерщвлено свыше 135 000 советских граждан^[211].

Следствием установлено, что непосредственное участие в организованном уничтожении мирного советского населения и военнопленных принимали различные воинские части германской армии, дислоцировавшиеся в Смоленске, в том числе 335 и 490 охранные батальоны и привлеченные по делу в качестве обвиняемых: Киршфельд Роберт, Модис Рудольф, Вайс Вилли, Гаудиян Курт, Генчке Фриц, Мюллер Эрих и Райшман Иозеф.

Материалами следствия устанавливается, что система истребления немцами мирных советских граждан в гор. Смоленске и Смоленской области была такой же, как и на всей другой территории Советского Союза.

Показания обвиняемых свидетельствуют о том, что истребление советских людей производилось по прямым указаниям гитлеровского правительства и командования германской армии.

Мирные жители, независимо от их пола и возраста, немецкими военнослужащими без причины хватились прямо на улицах города Смоленска и доставлялись в комендатуру или другие германские карательные органы, где в процессе допросов подвергались нечеловеческим издевательствам и пыткам, а затем уничтожались. Установлены также факты, когда участники немецких карательных отрядов не ограничивались расстрелами, а заживо сжигали свои жертвы.

Наряду с массовыми расстрелами в гор. Смоленске немцы для истребления мирных советских граждан широко применяли специально оборудованную автомашину, так называемую «душегубку».

В июне 1942 года немецкие фашисты истребили все население, в том числе детей, стариков и женщин, город-

ского района Верхние Садки и разграбили принадлежащее им имущество.

Наряду с истреблением мирных советских граждан немецко-фашистские войска чинили массовые расправы над советскими военнопленными в Смоленском пересыльном лагере военнопленных №126, именуемом немцами «Дулаг-126», и в Смоленском лагере №21, а так же при конвоировании в октябре 1941 г. колонны военнопленных через г. Смоленск и при перевозках по железным дорогам.

В германские лагеря военнопленных, как установлено показаниями арестованных и свидетелей, заключалось так же и мирное гражданское население, в том числе старики, женщины и дети.

Обвиняемые Вайс, Мюллер, Гаудиян, и другие показали, что на батальоны по охране тыла германской армейской группировки «Центр», в которых они служили, было возложено, наряду с проведением карательных мероприятий против мирного гражданского населения, так же охрана лагерей и конвоирование военнопленных.

Выполняя эти функции, арестованные по приказам своих начальников, а так же по собственной инициативе, проявление которой поощрялось германским командованием, методично расстреливали и вешали советских военнопленных и гражданских лиц, содержащихся в этих лагерях.

В конце октября 1941 года, при конвоировании большой группы советских военнопленных из г. Вязьмы в Смоленск, военнослужащие 335 и 490 охранных батальонов германской армии учинили над военнопленными расправу, в результате которой на трассе и в самом городе Смоленске было убито до 10 000 человек.

Следствием вскрыты и установлены так же факты зверств над русскими военнопленными находившимися в германском военном лазарете №551, дислоцировавшимся в период с сентября 1941 года по апрель 1943 года в г. Смоленске.

Следствием установлено, что на советских военнопленных производилось первичное испытание не опробованных ранее биологических и химических препаратов, причем, как правило, подвергавшиеся этим экспериментам уничтожались.

Как установлено следствием, немецко-фашистские войска за время пребывания в Смоленске и Смоленской области угнали на каторжные работы в Германию несколько тысяч советских мужчин и женщин, в том числе подростков.

Угон мирных советских граждан в Германию сопровождался массовыми расстрелами советских людей.

В период временной оккупации Смоленска и Смоленской области немецко-фашистские войска варварски разрушали города, деревни и грабили имущество государственных учреждений и мирных жителей.

Установлено, что немцы разрушили на территории города Смоленска 96 промышленных предприятий, 7 300 домов, а в районах области свыше 125 000 жилых домов.

Так, в Сафоновском районе из 9 119 домов разрушили 8 314, в Кордымовском из 5 655 — 5 123, в Ярцевском из 6 000 — 5 065.

Наряду с этим немцы уничтожили Смоленскую городскую электростанцию, 326 магазинов и баз, телеграф и телефонную станцию, железнодорожный узел ст. Смоленск, железнодорожное депо, 18 больниц и амбулаторий, 3 кинотеатра, 21 школу, 6 институтов, 3 музея и т.д. При этом оборудование и имущество этих учреждений полностью разграбили.

Разрушение и грабежи, совершенные немцами на территории города Смоленска и Смоленской области, подтверждены актами Государственной Чрезвычайной Комиссии.

Далее в обвинительном заключении приводятся конкретные преступления в которых изобличены материалами следствия привлеченные по настоящему делу в качестве обвиняемых военнослужащие германской армии Модис Рудольф, Киршфельд Роберт, Вайс Вилли, Гаудиян Курт, Генчке Фриц, Эвертс Эрих, Мюллер Эрих, Краузе Вилли, Винклер Гейнц и Райшман Иозеф.

Вечернее заседание 15 декабря

На вечернем заседании начинается допрос подсудимых. Первым допрашивается подсудимый **Модис Рудольф**. Являясь лекарским помощником в 551 германском военном лазарете в городе Смоленске с сентября 1941 года по апрель 1943 г., он принимал участие в истреблении пленных раненых бойцов и офицеров Красной Армии. Он лично умертвил не менее 23 советских военнопленных. Модис признает себя виновным в преступных экспериментах, производившихся над советскими военнопленными, а так же в том, что после произведенных экспериментов умерщвлял советских граждан, участвовал в ограблении медицинских учреждений, государственных и частных владений в Смоленске^[212].

Он признал себя так же виновным в том, что брал кровь у советских детей для лечения германских военнослужащих. Модис признал себя виновным и в том, что с целью так называемых экспериментов участвовал в искусственном заражении крови у раненых советских воинов^[213].

Ежедневно таким способом убивали по 180—200 человек, а всего за время службы Модиса в лазарете было, умерщвлено 3500—4000 советских военнослужащих.

Отвечая на вопрос государственного обвинителя, подсудимый Модис показывает об убийстве одного из советских офицеров-танкистов. Он говорит, что советский офицер был перенесен в операционную, где гитлеровские студенты, приехавшие на практику из Германии, производили эксперименты^[214]. В результате большой потери крови во время «операции» офицер лишился сознания. Подсудимый Модис, по его заявлению, перенес ослабевшего от потери крови лейтенанта в морг и умертвил его впрыскиванием большой дозы строфантина.

Далее подсудимый Модис показывает, что для лечения раненых германских офицеров у советских детей

брали большое количество крови, которое явно обрекало этих детей на смерть^[215]. Они умирали либо сразу после взятия у них крови, либо впоследствии, так как были истощены.

Государственный обвинитель спрашивает: Под каким предлогом заманивали советских детей в лазарет №551 для обескровливания?

Модиш: Родителям объясняли, что это необходимо для лечения их детей^[216].

Далее Модис показывает, какими средствами и способами он пользовался, чтобы вызвать заражение крови у легко раненых красноармейцев.

На вопрос государственного обвинителя, с какой целью это производилось. Модис отвечает: для экспериментов, чтобы испытать на больных новые лечебные средства. Модис показывает далее, что в лазарете у здоровых людей извлекали части роговой оболочки глаза, которая затем пересаживалась раненым немецким офицерам. Он приводит случай, когда профессор Мюллер взял у русской девушки кусочек роговицы глаза, и девушка ослепла.

После небольшого перерыва суд приступает к допросу обвиняемого **Киршфельда Роберта**.

Переводчик германской военной комендатуры в Смоленске Роберт Киршфельд, неоднократный участник карательных экспедиций, лично расстреливал советских граждан, сжигал советские села и деревни^[217].

— *Партизаны* — показывает подсудимый Киршфельд, — *были неуловимы, и немецкое командование решило подавить партизанское движение массовым расстрелом ни в чем не повинного мирного населения*. Выясняется, что Киршфельд участвовал в угоне советских людей в германское рабство^[218].

Допрашиваемый затем подсудимый **Эвертс Эрих** показывает суду о чудовищных злодеяниях карательных экспедиций, участником которых он был^[219].

Эвертс показывает, что он был свидетелем расстрела группы малолетних детей, подозреваемых в связи с партизанами. Дети были убиты выстрелами из пулеметов в затылок^[220].

Следующим дает показание подсудимый **Вайс**.

— *Под моим руководством*, — показывает он, — *солдаты подвергали расстрелу, повешению и сжиганию заживо советских людей*^[221].

Допросом подсудимого Вайса заканчивается вечернее заседание.

Утреннее и вечернее заседания 16 декабря

Утреннее заседание 16 декабря начинается допросом подсудимого **Краузе** — военнослужащего 335 охранного батальона. Краузе признает себя виновным в том, что избивал советских военнопленных, принимал участие в расстрелах, в ограблении русских деревень, изнасиловании к избиванию русских женщин и девушек. Он признает также, что участвовал в карательных экспедициях в деревне Каспля, Смоленской области, в деревнях, расположенных в районе города Осиповичи, и других. Во время этих экспедиций осуществлялось массовое истребление мирных советских граждан, угон колхозников в немецкое рабство, ограбление их имущества и сожжение их домов. При этом Краузе лично застрелил несколько десятков человек и поджег несколько домов^[222].

Государственный обвинитель рядом вопросов устанавливает многочисленные факты злодеяний Краузе.

Подсудимый показывает, что с октября 1941 года по май 1942 года в небольшом лагере на Восточном вокзале Смоленска было уничтожено больше 1 тысячи военнопленных^[223]. Вместе с военнопленными уничтожались женщины и дети, уклонившиеся от отправки в Германию.

В 1941 году в Смоленске стояла суровая зима, морозы доходили до 40 градусов. Советские военнопленные содержались в товарных вагонах без печей. Им выдавали раз в день тарелку бурды и кусочек эрзац-хлеба с опилками. Тех, кто не мог подняться от истощения, немцы на глазах у всех расстреливали.

Краузе показывает далее, что в деревне Каспля он и солдаты его роты расстреливали мирных жителей.

Подсудимый признает, что не дожидаясь приказа, он сам проявил инициативу в истреблении людей.

Представитель судебной медицинской экспертизы спрашивает, не знает ли подсудимый Краузе, чем болели советские военнопленные и в каких условиях они находились?

Краузе вынужден признать, что военнопленные, заболевшие сыпным тифом, оставались в вагонах, никакой медицинской помощи им не оказывалось, в результате чего они заражали и здоровых.

Суд допрашивает далее подсудимого **Курта Гаудияна**, военнослужащего охранного батальона. Гаудиян признает себя виновным в предъявленных ему обвинениях. Гаудиян показывает, что он принимал участие в расстрелах и повешении советских людей, в том числе 60 человек убил лично, участвовал в конвоировании колонны военнопленных из Смоленска в лагерь, при этом лично расстрелял 6 человек. В ряде деревень Смоленской области Гаудиян грабил мирное население, насиловал и убивал советских девушек.

Подсудимый Гаудиян вынужден признать, что он вместе с Генчке и другими военнослужащими охранного батальона активно участвовал в расстрелах мирных жителей, ограблении деревень, в насиловании женщин и девушек.

Подсудимый **Генчке** начинает свои показания с пространного перечисления совершенных им злодеяний. Он участвовал в расстреле советских военнопленных при транспортировке их из Вязьмы в Смоленск, из Смоленска в Минск и в лагере №126-юг^[224]. Он занимался ограблением советских деревень, участвовал в диких насилиях над мирными гражданами, сжег заживо крестьян одного села. В лагере, где содержались советские военнопленные, Генчке застрелил за 8 дней 15—18 человек.

Государственным обвинителем: Какой же порядок существовал в лагере?

Генчке: заключенным давали в день немного бурды и кусок хлеба, смешанного с опилками.

В ходе допроса выясняется, что жители Смоленска, узнав о тяжелом положении заключенных, пытались с риском для жизни передать им через ключую проволоку продукты. Когда измученные, голодные заключенные приближались к огаде, в них стреляли^[225].

Генчке «оправдывается», заявляя, что он убивал в среднем 2—3 человека в день, тогда как в лагере ежедневно убивали, примерно, 50 человек.

Государственный обвинитель: Было ли это только в лагере №126-юг?

Генчке: Такое положение было во всех лагерях.

Уточняя обстоятельства дела, государственный обвинитель начинает перекрестный допрос подсудимых.

И ходе этого допроса выясняется, что по приказу Вайса мирные жители, в том числе дети, расстреливались из пулемета.

Вайс: Я подтверждаю. Я отдавал такой приказ.

Показания Вайса и Краузе изобличают подсудимого *Генчке*, который пытался отрицать свое участие в расстреле мирных жителей.

Допросом *Генчке* утреннее заседание заканчивается.

* * *

На вечернем заседании первым допрашивается **Эрих Мюллер**.

— *Я принимал участие в массовом расстреле советских военнопленных в ночь с 20 на 21 октября 1941 года, — показывает подсудимый. — В сентябре 1943 года я принял участие в карательной экспедиции в деревне, расположенной недалеко от города Осиповичи. Во время этой экспедиции были заживо сожжены 50 местных жителей.*

В ходе допроса выясняется, что Мюллер, так же как и *Генчке*, участвовал в расстреле мирных жителей деревни Каспля.

Суд переходит к допросу подсудимого *Гейнца Винклера*. Винклер признает, что он принимал участие в расстрелах военнопленных и гражданского населения, в насильственной отправке мирных жителей на работу в Германию.

Отвечая на вопрос государственного обвинителя, подсудимый дал показания о Яцевском лагере для советских военнопленных. Зимой, при 40-градусном морозе, помещение не отапливалось. «Выстрелы облегчения» — так издевательски назывались убийства заболевших от истощения, лишенных медицинской помощи советских военнослужащих. Винклер лично убил 4 заболевших красноармейцев^[226]. Подсудимый подтверждает, что ежедневно из германской комендатуры в гор. Смоленске отправлялось на казнь 35 советских военнопленных.

В ходе судебного заседания устанавливается, что подсудимый Вайс насилует советские женщины, хотя на предварительном следствии он отрицал этот факт.

Допросом подсудимого Винклера вечернее заседание закрывается. Объявляется перерыв до 12 часов дня 17 декабря.

Утреннее заседание 17 декабря

Утреннее заседание начинается допросом подсудимой **Иозефа Райшмана** из 350-го пехотного полка 14-й пехотной дивизии германской армии, Райшман — активный участник многих злодеяний, совершенных немцами в Смоленске и окружающих деревнях. В одну из октябрьских ночей 1941 года по улицам Смоленска двигалась колонна советских военнопленных. Райшман вместе с другими гитлеровскими бандитами открыл стрельбу по колонне. Утром на Рославльском шоссе, по которому двигалась военнопленные, лишь на протяжении 500 метров было обнаружено более 50 трупов. Вся дорога была усеяна убитыми. Райшман вынужден признать, что в эту, по его выражению, «кровавую ночь» были уничтожены тысячи советских воинов.

Райшман участвовал в массовом расстреле мирного гражданского населения в поселке Монастырщина и в нескольких деревнях под Смоленском, в городе Борисове, где было истреблено свыше 12 тысяч советских граждан. В ходе судебного следствия устанавливается также, что Райшман насилует советских женщин и девушек.

Государственный обвинитель (обращаясь к подсудимому): Были ли среди расстрелянных мирных жителей Монастырщины дети?

Райшман: Были.

В результате дополнительных вопросов подсудимому устанавливается новый чудовищный факт — факт наравливания армейских служебных собак на женщин, стариков и детей^[227].

Затем суд переходит к допросу свидетелей.

Показания свидетелей рисуют чудовищную картину массового истребления советские военнопленных и гражданского населения Смоленска и Смоленской области.

Свидетельница М.М. Алексеева показывает, что немцы систематически 2 раза в неделю — по четвергам и субботам — привозили на расстрел большие группы мужчин, женщин и детей. Обреченных подводили к могиле. Из рук матерей вырывали младенцев и бросали их в яму, а взрослых убивали выстрелом в голову. Могилы засыпали и маскировали дерном.

Перед расстрелом несчастных раздевали, забирали у них все ценные вещи.

— *Как-то утром. — продолжает свидетельница, — пришла машина темного цвета, остановившаяся*

возле ямы. Сопровождающие машину гитлеровцы стали выбрасывать трупы, которые тут же были зарыты. Серая машина — «душегубка» стала регулярно появляться в этом районе: с марта и до конца августа 1942 года она доставляла сюда трупы убитых.

Жительница Смоленска П.В. Брызгалова была свидетельницей массового убийства советских военнопленных на Большой Советской улице. Свидетельница показывает, что, узнав о расстреле военнопленных, она побежала разыскивать среди убитых своих родственников, так как на фронте у нее было 14 племянников, муж и сын. К убитым ее не допустили, она заметила лишь, что трупов было очень много.

Осенью 1941 года, узнав о том, что немцы гонят советских военнопленных, свидетельница Брызгалова напекла пирожков, сварила картофель и пыталась приготовить пищу передать русским людям. Но ее не подпустили близко к колонне. Она видела, как упал один военнопленный, и хотела оказать ему помощь. Знаком она дала понять немецкому патрулю, что хочет взять военнопленного на несколько дней к себе подкормить и привезти в лагерь. В ответ на это немецкий солдат выстрелил красноармейцу в голову и убил его наповал. Живя недалеко от лагеря военнопленных, свидетельница видела, как оттуда выносили ежедневно по 40—50 трупов. Их хоронили раздетыми.

В заключение свидетельница приводит факт расстрела гитлеровцами 180 мирных жителей — женщин, мужчин и детей — в деревне Курченово.

Свидетеля Я.Д. Гаврилова в числе других мужчин деревни Красильщино пригнали в Смоленский лагерь. Здесь в сарае в невыносимых условиях находилось 3 тысячи военнопленных и гражданских лиц. Было так тесно, что люди спали сидя. Кормили гнилой картошкой и какой-то бурдой. Ежедневно в лагере умирало до 100 человек. Остававшиеся еще в живых были до того истощены, что едва волочили ноги. Гитлеровцы сознательно создали в лагере такие условия, в которых советские люди были обречены на неизбежную смерть.

Далее дает показания свидетельница Е.А. Ефименко.

— В 1941 году, — говорит она, — я проживала в Смоленске по улице Коммуны в доме №9. Осенью, как-то ночью, мы услышали выстрелы. Дождавшись рассвета, я вышла на улицу и увидела ужасную картину. Вся Советская улица была завалена трупами расстрелянных военнопленных красноармейцев и командиров Красной Армии. Мои дети побежали разыскивать среди убитых своего отца. Вскоре они возвратились и рассказали мне, что среди расстрелянных много тяжело и легко раненых. Легко раненые старались уползти кто куда мог. Но немцы начали рыскать по всему городу, собрали их к Дому Красной Армии и там расстреляли.

Отвечая на вопрос прокурора, свидетельница Ефименко приводит рассказ Ф.И. Лядниковой, жившей в Монастырщине. Она рассказывала ей, как гитлеровцы под Монастырщиной согнали в яму женщин, стариков и детей и расстреляли их. Фашисты никого не щадили. Даже грудного ребенка, которого мать положила на край могилы, думая, что хоть он останется живым, немец ударом сапога сбросил в яму.

Свидетельница А.И. Петрова сообщает суду, что немцы, ворвавшись в Смоленск, начали жестоко расправляться с советскими людьми. Целыми семьями люди выгонялись из родных домов. Лишенные питания и тепла, люди болели и ежедневно умирали сотнями. В ночь с 14 на 15 июля 1942 года немцы окружили район Верхних Садков. На утро всех жителей этого района выгнали из домов. Через некоторое время подошли две темные машины без окон с задней дверью. Жители поняли, что это «душегубки», что попавших туда ожидает страшная смерть. И вот несчастных стали загонять и машины. У матерей отнимали детей и бросали в машины, как дрова. Свидетельнице удалось спрятаться. Мимо нее несколько раз прошли немецкие машины, слышались приглушенные стоны.

К 2 часам дня 15 июля все жившие в Верхних Садках были вывезены немцами. Позже стало известно, что их привезли в деревню Магеляница и там уже мертвыми закопали в ямы. Чтобы скрыть свои преступления, немцы сравнивали могилы с землей и утрамбовали тракторами.

После занятия Смоленска немцами, показывает свидетель И.С. Богданов, в городе исчезли продукты. 23 сентября 1941 года свидетель отправился в район села Бобыри. Возвращаясь назад по Рославльскому шоссе, он увидел большую колонну советских военнопленных. Люди с трудом передвигали ноги, так как были сильно истощены. Позади колонны шла группа немецких автоматчиков. Они расстреливали всех оставших военнопленных. На всем пути до Смоленска по обеим сторонам шоссе лежали трупы.

В первых числах октября Богданов видел колонну советских военнопленных, которую гнали из Рославля в Смоленск. И снова всюду по дороге валялись трупы.

Немецкое командование, показывает свидетель, приказало всему мужскому населению Смоленска явиться на биржу труда. После регистрации Богданов был направлен на Смолгэс, где он раньше работал. Теперь в помещении электростанции был устроен лагерь для военнопленных^[228]. В выгоревшем здании поместили 350—400 человек. Их кормили болтушкой из костной муки и давали кусок эрзац-хлеба. От голода люди опухали, не могли передвигаться. Рабочих — жителей Смоленска и военнопленных, ослабевших от непосильного труда, гитлеровцы беспощадно расстреливали. После расстрела некоторые еще живыми лежали по нескольку часов, а потом их засыпали горячим шлаком.

Допросом свидетеля Богданова утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 17 декабря

На вечернем заседании продолжала допрос свидетелей.

Свидетельница М.А. Ляхова заявляет, что находившийся в Смоленске немецкий госпиталь для советских во-

еннопленных был настоящим «домом смерти», где от голода, истощения, отсутствия лечения ежедневно погибали десятки людей.

Следующим дает показания свидетель С.А. Ладнов, колхозник хутора Титово, Духовщинского района.

— *Немцы заняли деревню Титово и сразу же стали грабить и убивать жителей,* — показывает он. — *20 мая 1942 года все колхозники были выгнаны из домов и согнаны на окраину. Гитлеровцы расстреляли людей около рва из ружей и пулеметов а деревню полностью сожгли. Сам Ладнов случайно спасся от смерти. Жена и дочь его в этот день погибли. Из 130 жителей хутора Титово уцелело всего 38 человек.*

Одни за другим проходят перед судом свидетели. Свидетельница А.А. Перебязкина, жительница села Каспля, рассказывает о кровавых злодеяниях немцев в этом селе. Гитлеровцы забрали из села 157 человек, в том числе ее мужа, и в тот же день их расстреляли.

Свидетельница Н.Г. Виткина, жительница деревни Боровки. Глинковского района сообщила суду о чудовищных преступлении фашистских палачей в поселке Глинка, где немцы, согнав в школу много женщин, стариков и детей, учинили над ними кровавую расправу. Маленьких детей убивали ударом об стену, матерей и старших детей расстреливали. Такие же расправы над мирными жителями были устроены в деревнях Мончино и Ляхово.

Свидетельница Е.И. Баранова, жительница гор. Смоленска, в 1942 г. была насильно угнана в Германию. Она рассказывает о том, какие тяжелые муки испытала по дороге на фашистскую каторгу.

Следующий свидетель, старейший смоленский врач П.И. Кесарев, дал показания о зверских насилиях немцев над советскими женщинами и детьми, а также о сознательном уничтожении и ограблении гитлеровцами учреждений здравоохранения.

Допросом свидетеля Кесарева вечернее заседание заканчивается.

Утреннее заседание 18 декабря

Сегодня на утреннем заседании продолжался допрос свидетелей, которые приводили все новые и новые факты чудовищных злодеяний гитлеровцев.

Свидетельница Т.И. Чихиркина показывает, что уже перед отступлением в сентябре 1943 года немецкие солдаты и офицеры загнали в колхозное овощехранилище села Дудино свыше 170 мирных жителей и сожгли их заживо.

Свидетель С.Г. Антман показывает, что немецкие военнослужащие без причины хватили мирных жителей независимо от их пола и возраста, доставляли в комендатуру или другие германские карательные органы, где во время допросов подвергали мучительным пыткам и затем уничтожали. Антман сам подвергся пыткам в гестапо и лишь случайно спасся от смерти. В селе Каспля немцы повесили 3 мужчин, зацепив крючьями за челюсти. Люди погибли медленной смертью в страшных муках.

Свидетельницы А.П. Гришанова и П.Е. Денисова в своих показаниях дополнили новыми фактами картину страшных злодеяний, совершенных фашистскими бандитами на территории Смоленской области. Пытки, расстрелы мирных жителей, грабежи, сожжение домов — все это осуществляли гитлеровские палачи в каждом населенном пункте.

В суд поступило заявление Е.М. Чернышовой, которая явилась жертвой преступных экспериментов немецких врачей, извергов из лазарета №551, о котором говорил в своих показаниях подсудимый Модис. Военный Трибунал постановил вызвать Чернышову в суд для допроса в качестве свидетеля. Е.М. Чернышова показала, что фашистский профессор Мюллер произвел над ней эксперимент, в результате которого она лишилась глаза.

Допрос свидетелей закончен. Председательствующий и государственный обвинитель ставят в заключение ряд вопросов перед судебно-медицинской экспертизой для уточнения обстоятельств умерщвления гитлеровцами советских военнопленных и мирных жителей.

На этом утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 18 декабря

Вечернее заседание начинается оглашением акта судебно-медицинской экспертизы, который является ответом на вопросы, поставленные государственным обвинителем. Судебно-медицинская экспертная комиссия на основании эксгумации и исследования трупов из 87 мест захоронений установила, что количество умерщвленных советских граждан на территории Смоленска и Смоленской области за период их временной оккупации немцами, несомненно, превышает 135 тысяч человек.

После короткого перерыва с речью выступил государственный обвинитель старший советник юстиции Л.Н. Смирнов.

Речь государственного обвинителя старшего советника юстиции Л.Н. Смирнова

Свою речь государственный обвинитель начинает с характеристики чудовищных преступлений, содеянных немецко-фашистскими захватчиками в древнем, исконно русском городе Смоленске.

— *Мы слушали на судебном следствии,* — говорит он, — *показания свидетелей, устанавливающие факты преднамеренного уничтожения немцами города Смоленска. Об этом свидетельствуют сами развалины Смоленска. За 2 года оккупации фашисты разрушили больше, чем 9/10 зданий города, взорвали электростанцию,*

разрушили мосты через Днепр, вырубili Парк культуры и отдыха, увезли в Германию исторический памятник М.И. Кутузова, сожгли Дом Красной Армии, взорвали обсерваторию, осквернили древний смоленский Кремль.

Государственный обвинитель приводит выдержку из акта судебно-медицинской экспертизы при вскрытии мест захоронения 5 тысяч советских людей, злодейски умерщвленных немцами близ здания радиостанции. Профессоры Прозоровский и Смольянинов и старейший судебно-медицинский эксперт доктор Семеновский на вопрос обвинения экспертизе указывают, что число жертв немецких злодеяний значительно превышает 135 тысяч человек.

10 гитлеровских убийц, находящихся ныне на скамье подсудимых, пришли на советскую землю вместе с миллионами подобных им гитлеровских солдат — подлых преступников, без сердца и без чести, опустившихся, как справедливо сказал в свое время товарищ Сталин, «до состояния животных», прежде всего, для того, чтобы физически уничтожить народы Советского Союза.

На судебном следствии экспертами, продолжает обвинитель, был полностью охарактеризован арсенал зверских, недостойных человека, приемов, которыми немецкие изверги уничтожали советских людей. В этом арсенале — сожжение людей заживо, потрясающие своей холодной жестокостью случаи умерщвления людей во время медицинских экспериментов, умышленное заражение их разного рода инфекциями, умерщвление 5-летних детей путем обескровливания. В этом повинны сидящие перед нами 10 немецких злодеев. За это же отвечают и преступники на Нюрнбергском процессе. Как те, так и другие являются участниками одного и того же сообщества, как те, так и другие в неравных ролях, но в течение длительного времени состояли в одной и той же преступной шайке. 10 представших перед Военным Трибуналом обвиняемых преступную волю своего начальства неизменно дополняли собственной преступной инициативой, стараясь превзойти друг друга в зверствах и издевательствах над беззащитными людьми.

Обращаясь к истории расстрела 13 тысяч советских военнопленных, конвоированных из Вязьмы в Смоленск, и участия в этом черном деле обвиняемых по данному процессу, государственный обвинитель, основываясь на материалах следствия, заявляет:

— Вайс Мюллер, Краузе и другие, подобные им, вполне сознательно, без каких либо принуждений приняли на себя роль палачей, совершали убийства безоружных советских военнопленных, находя в этом удовольствие для себя. Мы воочию увидели здесь, как осуществлялись действиями подсудимых каннибальские установки фашистских главарей. Профессионалы криминалисты встречаются со многими тяжчайшими преступлениями. Но редкие из преступлений по своему цинизму и общественной опасности подобны тем, которые были совершены Райшмоном и другими подсудимыми.

Считая полностью установленной, юридически обоснованной ответственность перед уголовным законом всех подсудимых, государственный обвинитель дал подробную характеристику преступлений отдельных обвиняемых. Модисш, награжденный за усердие в кровавых и гнусных преступлениях железным крестом второй степени, не просто убивал советских людей, а старался увеличить физическую и моральную боль подвергавшихся невероятным мукам советских людей. Уничтожение поступивших на излечение советских военнопленных и малолетних детей, превращенных в доноров, было сознательным и преднамеренным. Лично Модисш, как это он сам признал, умертвил не менее 24 советских граждан.

Каждый из подсудимых принимал участие в карательных экспедициях, которые по-существу явились зверской расправой над беззащитным мирным населением, в расстрелах советских военнопленных и гражданского населения, сожжении заживо советских людей, и грабежах.

Уничтожение мирного населения Смоленска, как и других городов Советского Союза, производилось также путем применения так называемых «газенвагенов», или «душегубок».

Государственный обвинитель предъявляет обвинения всем подсудимым в преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Судебное следствие полностью установило преступность каждого подсудимого в отдельности, и все они должны понести суровое наказание. Их путь, начатый 22 июня 1941 года, может окончиться только на виселице.

— С чувством презрения и гнева смотрят на подсудимых присутствующие в зале жители многострадального Смоленска. — говорит прокурор т. Смирнов. — так смотрят на обезвреженных ядовитых гадюк.

Весь советский народ ждет вашего приговора, граждане судьи. Злодеи достойны смерти, и пусть смерть падет на их головы во имя святой памяти советских людей, злодейски умерщвленных немецко-фашистскими преступниками, во имя торжества права и справедливости!

После речи прокурора объявляется перерыв до следующего дня.

Вечернее заседание 19 декабря

На вечернем заседании председательствующий предоставляет слово адвокату С.К. Казначееву, защищающему по назначению суда на процессе подсудимых Модисша, Вайса и Эвертса.

— Если мысленно, — говорит защитник Казначеев, — всех гитлеровских военных преступников посадить на одну скамью подсудимых и представить себе, что всех их одновременно судит один и тот же суд, то станет ясным, что на одном конце скамьи окажутся главные немецкие военные преступники, на другом же найдут место Модисш, Эвертс и другие обвиняемые по настоящему процессу. Знак равенства не может быть поставлен между всеми этими лицами. Думаю, что злодейские преступления моих подзащитных явились итогом трагической дрессировки и муштровки мысли которой поневоле изо дня в день они подвергались в гитлеровской Гер-

маниш.

Основываясь на этом, защитник Казначеев высказывает надежду, что теперь, когда победоносно завершена Великая Отечественная война, к его подзащитным не будет применена высшая мера наказания.

Адвокат Н.П. Белов, признавая чудовищность злодеяний своих подзащитных Киршфельда, Генчке и Райшмана, просит суд о снисхождении.

Защитник Гаудияна и Винклера адвокат Н.Т. Сидоренко, подробно разбирая ход судебного следствия, указывает, что преступления его подзащитного Винклера менее тяжки, чем преступления других обвиняемых по данному делу. В своей речи он характеризует своих подзащитных как жертвы гитлеровской пропаганды, которая уничтожила в немцах совесть, мысль, человечность. Защитник просит суд учесть молодость его подзащитных, полное признание подсудимыми их злодеяний.

Отметив, что подсудимых Мюллера и Краузе толкало на совершенные ими поступления командование немецко-фашистской армии, адвокат А.А. Луговской указывает, что военные преступники должны понести возмездие. Однако защитник просит суд о снисходительности к подзащитным Мюллеру и Краузе.

После речей защиты председательствующий предоставляет последнее слово подсудимым.

Выслушав последние слова подсудимых, суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

* * *

В ночь на 20 декабря представительствующий председатель^[229] Военного Трибунала генерал-майор юстиции А.Д. Горячев огласил приговор по настоящему делу.

Военный Трибунал признал доказанной виновность подсудимых Киршфельд Роберта, Модис Рудольфа, Вайс Вилли, Гаудиян Курта, Генчке Фрица, Мюллер Эриха, Краузе Вилли, Эвертс Эриха, Райшман Иозефа, Винклер Гейнца в совершении зверств и насилий над мирным советским населением и пленными красноармейцами, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года.

Руководствуясь статьей 4 УК РСФСР^[230] и ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР и учитывая степень виновности каждого, Военный Трибунал приговорил: Киршфельд Роберта, Модис Рудольфа, Вайс Вилли, Гаудиян Курта, Генчке Фриц, Мюллер Эриха, Краузе Вилли — к смертной казни через повешение;

Райшман Иозефа — к 20 годам каторжных работ, Эвертс Эриха — к 15 годам каторжных работ, Винклер Гейнца — 12 годам каторжных работ.

Приговор был встречен присутствующими в зале суда трудящимися гор. Смоленска единодушным одобрением.

Приговор по делу о немецко-фашистских зверствах в городе Смоленске и Смоленской области приведен в исполнение

20 декабря с.г., в 12 часов, в г. Смоленске на городской площади был приведен в исполнение приговор Военного Трибунала округа над приговоренными к смертной казни через повешение немецко-фашистскими злодеями — Модисом Рудольфом, Киришфельдом Робертом, Вайсом Вилли, Гаудияном Куртом, Генчке Фрицом, Мюллером Эрихом, Краузе Вилли за зверское истребление мирных советских граждан, в том числе женщин, детей и стариков в г. Смоленске и Смоленской области.

Приведение в исполнение приговора было встречено присутствовавшими многочисленными трудящимися единоклассным одобрением.

15—20 декабря 1945 г.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗВЕРСТВАХ В ОРЛОВСКОЙ, БРЯНСКОЙ И БОБРУЙСКОЙ ОБЛАСТЯХ

БРЯНСК, 26 декабря. (ТАСС).

Сегодня здесь в Военном трибунале округа началось слушание дело группы бывших военнослужащих германской армии, обвиняемых в массовых истязаниях и убийствах гражданского населения и пленных красноармейцев, в грабеже, разрушении сел и городов в период временной оккупации Орловской, Брянской и Бобруйской областей в 1941—1944 гг.

К ответственности привлечены 4 человека: генерал-лейтенант германской армии Бернгард Фридрих-Густав, бывший командующий тылового округа 2-й танковой, а затем 9-й пехотной армии; генерал-майор германской армии Гаманн Адольф, бывший комендант городов Орла, Брянска и Бобруйска, одновременно являвшийся командующим Орловским административным округом, а затем командующим Бобруйским укрепленным районом; Штайн Карл-Теодор и Лемлер Мартин-Адольф — военнослужащие германской армии.

Дело рассматривается Военным трибуналом в открытом судебном заседании под председательством генерал-майора юстиции т. Микляева и членов трибунала — полковника юстиции т. Хрякова и полковника юстиции т. Кипарисова. Государственное обвинение поддерживает гвардии подполковник юстиции т. Максимов. Защитниками подсудимых по назначению от суда выступают адвокаты тт. Миловидов, Долгополов, Коваленко.

На вопрос председательствующего подсудимые заявляют, что они получили обвинительное заключение, изложенное на немецком языке, что оно им полностью понятно.

Подсудимые Штайн и Лемлер полностью признали себя виновными, Гаманн — лишь в том, что отдал приказ мобилизовать мирное население Бобруйска для работы на оборонительных сооружениях. Гаманн заявляет, что он лишь выполнял приказы непосредственного начальства и никаких преступлений, которые нарушили бы международную конвенцию, подписанную в Гааге, он не совершал. Подсудимый Бернгард признал себя виновным в создании жестокого режима в концентрационных лагерях, в мобилизации мирных граждан на работу по разминированию полей и в угоне мирного населения на работы в Германию.

Затем было оглашено обвинительное заключение, в котором указывается, что немецко-фашистские захватчики совершали в Орловской, Брянской и Бобруйской областях массовые зверские расправы с мирными советскими гражданами, в том числе женщинами, стариками и детьми: массовое истребление и истязание граждан, грабежи, разрушения городов и других населенных пунктов, уничтожение культурно-просветительных учреждений, промышленных предприятий и других материальных ценностей.

Следствием установлено, что наряду с другими немецко-фашистскими преступниками в этих злодеяниях, совершенных в Орловской, Брянской и Бобруйской областях, виновны: генерал-лейтенант германской армии Бернгард Фридрих-Густав, бывший командующий тылового округа 2-й танковой, а затем 9-й пехотной армии, и генерал-майор германской армии Гаманн Адольф, бывший комендант городов Орла, Брянска и Бобруйска, одновременно являвшийся командующим Орловским административным округом, а затем командующим Бобруйского укрепленного района.

Действуя по общим планам и указаниям верховного командования германской армии, они осуществляли непосредственное руководство установлением в указанных областях гитлеровского так называемого «нового порядка», т.е. режима убийств, насилий и ограбления советского населения.

В числе непосредственных участников этих злодеяний были обвиняемые по настоящему делу обер-ефрейтор 529 пехотного полка 299 пехотной дивизии Карл Штайн и ефрейтор 134 пехотного полка 211 стрелковой дивизии Мартин Лемлер.

На основе многочисленных документальных данных Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, актов экспертизы, показаний свидетелей и обвиняемых установлено, что обвиняемые генералы германской армии Бернгард и Гаманн установили на оккупированной территории Орловской, Брянской и Бобруйской областей варварский режим для населения, при котором советские граждане подвергались зверским расправам.

По распоряжениям и указаниям обвиняемых Бернгард и Гаманн военнослужащие подчиненных им воинских частей, и карательные органы, различными способами истязали и истребляли мирных советских граждан и военнопленных.

Расследованием установлено, что немецкие оккупанты за время оккупации Орловской и Брянской областей расстреляли и замучили около 90 000 мирных советских граждан, в том числе 4 565 детей и, кроме того, убили

и замучили в лагерях более 56 тысяч военнопленных.

По Бобруйской области расстреляно и замучено до 40 000 гражданского населения и около 40 000 военнопленных.

Расследованием установлено, что в лагерях для гражданского населения и военнопленных немецкие захватчики морили заключенных советских граждан голодом, содержали их в холодных бараках, совершенно непригодных для жилья, в крайне антисанитарных условиях. Все это приводило к эпидемическим заболеваниям и массовой смертности заключенных.

Помимо убийств и истязаний советских граждан, руководимые обвиняемыми Бернгард и Гаманн немецкие воинские части и карательные органы производили массовый насильственный угон советских людей в рабство в Германию.

Актами Чрезвычайной Государственной Комиссии и другими доказательствами установлено, что за попытки уклониться от угона в немецкое рабство фашистские варвары выжигали целые села и зверски уничтожали захваченных людей.

Документальными данными и актами Чрезвычайной Государственной Комиссии установлено, что всего войсками генералов Гаманн и Бернгард и другими частями немецкой армии из Орловской, Брянской и Бобруйской областей угнано в немецкое рабство 217 859 человек^[231].

За время оккупации немецко-фашистские захватчики почти совершенно разрушили и разграбили древний русский город Орел, города Брянск, Бобруйск, Карачев, Жиздру и ряд других городов и населенных пунктов этих областей.

Это делалось планомерно, причем заранее предусматривалось уничтожение заводов, фабрик, больниц, санаториев, учебных заведений, музеев и других культурных учреждений.

По Орловской области материальный ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям учреждениям, колхозам и гражданам, по данным Чрезвычайной Государственной Комиссии, составляет многие миллиарды рублей по Брянской области, по неполным данным, — свыше 22 миллиардов рублей, а по Бобруйской области свыше 7 миллиардов рублей.

По настоящему делу в качестве обвиняемых привлечены: Бернгард Фридрих Густав, Гаманн Адольф, Штайн Карл-Теодор и Лемлер Мартин-Адольф.

* * *

После оглашения обвинительного заключения суд приступил к допросу подсудимых.

Первым допрашивается подсудимый **Лемлер**. Он показывает, что, будучи командиром группы, принимал участие в истреблении мирного населения и уничтожении общественных зданий и жилых домов в Жиздре, Брянске, в селе Зикеево и других населенных пунктах. В селе Зикеево Лемлер со своей группой участвовал во взрыве вокзала и 10 домов. Когда немцы откатывались под натиском Красной Армии на запад, Лемлер со своей группой отошел в Жиздру, где его группой было взорвано около 60 жилых домов с людьми, продовольственные склады и другие здания. Затем Лемлер со своей группой прибыл в Брянск, где участвовал в уничтожении Восточного вокзала и домов, расположенных поблизости моста, соединяющего вокзал с городом, а также зданий в самом городе. Затем Лемлер выехал за 15 километров от Брянска. Немецкие бандиты в этом районе расстреляли или повесили до 200 человек.

На все задаваемые вопросы Лемлер отвечает заученной фразой: «*Мы выполняли приказ начальства*». Однако под давлением неопровержимых улик он вынужден сознаться, что часто убивал, грабил, жег дома по собственной инициативе.

Следующим допрашивается подсудимый **Штайн**. Он признает себя виновным в том, что лично расстреливал советских людей и поджигал дома. Подсудимый подробно рассказывает о том, как под видом борьбы с партизанами он и другие военнослужащие германской армии уничтожали мирное население советских сел и деревень. Деревню Михайловка немецкие изверги сожгли целиком. В деревне Вельяминово были расстреляны 40 мирных жителей, в том числе старики.

Штайн признает, что на всем пути отступления немецко-фашистских захватчиков от Орла до Клинцов было сожжено множество деревень и истреблено много мирных жителей.

— *Все это делалось под видом борьбы с партизанами, но самих партизан я не видел*, — вынужден признать на суде Штайн. Это было планомерное истребление мирного населения.

Вечернее заседание 26 декабря

На вечернем заседании продолжался допрос подсудимого **Гаманн**, начавшийся в конце утреннего заседания.

Подсудимой всячески пытался изобразить себя «*маленьким человеком*», прикрыть свои преступные действия приказами командующего второй немецкой танковой армией генерал-полковника Шмидта. Более того, Гаманн стремился доказать, что он сознательно не выполнял ряда приказов вышестоящего командования об истреблении советских граждан и разрушении советских городов.

Однако факты говорят о другом. С 8 июля 1942 года по 4 августа 1943 года, в период, когда Гаманн был командантом города Орел, в орловской тюрьме и в лагере для военнопленных было расстреляно около 5 тысяч советских граждан, истреблено 72 больных, находившихся психиатрической больнице^[232].

Документы уличают фашистского генерала и в том, что по его приказу советские граждане угонялись на карторжные работы, расстреливались при появлении на улицах с наступлением темноты, подвергались казни через

повешение «за плохую работу».

В Орле группа рабочих была отравлена ипритом. Как установлено судебно-медицинской экспертизой, это чудовищное преступление было совершено с целью «изучения» действия отравляющих веществ на живых людей. В 1943 году в лагере Марьино Горка у группы детей, насильно отнятых у родителей, бралась кровь для переливания раненым германским военнослужащим. По приказу Гаманна на еврейском кладбище около деревни Яловики были расстреляны заключенные советские граждане, доставленные из Бобруйска. В ходе судебного следствия Гаманн вынужден признать, что мирные советские граждане использовались также в качестве миноискателей, результатом чего были смерть и увечья.

Следующим допрашивается подсудимый **Бернгард**. Он показывает, граждане действительно использовались для разминирования дорог.

Документы уличают Бернгарда в том, что он руководил карательными экспедициями, истреблением мирных советских граждан, сожжением деревень.

В Почепе, Локоте, Жуковском и других районах Брянской области после наездов туда Бернгарда усилились массовые расстрелы советских людей. В Брасовском районе, контролировавшемся Бернгардом, было расстреляно 5 тысяч советских граждан. Только в Кисловском сельсовете, Жуковского района, были сожжены заживо более 140 жителей.

После допроса подсудимого Бернгарда суд переходит к допросу свидетелей.

Первой дает показание свидетельница В.Д. Пушкарева.

— *7 октября 1941 года.* — показывает она, — *в поселок Навля ворвались немцы. Сразу же начался массовый грабеж и расстрелы. Такой же участи подверглась соседняя деревня.*

Свидетельница далее говорит о расстрелах советских военнопленных, о кровавых расправах фашистских бандитов над мирными жителями деревень и сел.

Допросом свидетельницы Пушкаревой вечернее заседание заканчивается.

Утреннее заседание 27 декабря

На утреннем заседании продолжался допрос свидетелей, которые в своих показаниях приводят все новые и новые факты чудовищных злодеяний гитлеровских оккупантов — военнослужащих немецких частей, действовавших по приказу подсудимых Бернгарда и Гаманна.

Свидетель В.И. Скворцов — житель деревни Еловики, Бобруйской области, — показывает, что в 1941 году оккупанты осуществляли в области массовые расстрелы советских граждан. В одном из пригородов Бобруйска, в районе так называемого урочища Лысых Гор, немцы почти ежедневно расстреливали большие группы мирных жителей. Нередки были случаи, когда они приказывали зарывать людей еще живыми. Одного заживо погребенного свидетелю пришлось видеть лично, когда тот выбирался из ямы тяжело раненым. С приближением в августе 1943 года наступающих частей Красной Армии немцы, стараясь скрыть следы своих злодеяний, начали вырывать из могил трупы расстрелянных советских граждан и сжигать их. Сжигание трупов продолжалось в течение месяца.

Свидетель В.М. Сахаров приводит факты массовых расстрелов гражданского населения в районе брянского аэродрома, продолжавшихся в течение нескольких месяцев. Перед отступлением из Брянска гитлеровцы угнали почти все трудоспособное население, в том числе жену и сына свидетеля, в Германию на фашистскую каторгу. Перед бегством из Брянска немцы взорвали промышленные и культурные предприятия, жилые здания^[233].

Свидетельница И.С. Сахарова показала суду, что, как только немцы заняли Брянск, военной комендатурой был издан приказ, которым все мужчины от 14 до 60 лет обязывались к явке на биржу труда для регистрации. Биржа отправляла людей в лагеря, а оттуда на работы, главным образом оборонительного характера — рытье окопов, траншей и ремонт дорог. Советские люди подвергались в лагерях избиениям, пыткам, на них натравливали собак.

Свидетельница жительница города Орла В.С. Толкачева заявляет суду, что она видела в Орле подсудимого Гаманна и читала его приказ о явке населения на биржу труда для регистрации. Явившиеся отправлялись на тяжелые оборонительные работы или угонялись в рабство — в Германию.

Далее дает показания свидетель А.М. Устименко:

«14 января 1944 года в нашу деревню Алла, Паричского района, Бобруйской области, прибыли немецкая воинская часть и жандармерия, которые окружили деревню, подожгли ее, а население группами стогнали во дворы горевших домов. По выбегавшим из огня советским гражданам немцы стреляли из автоматов и бросали гранаты. Таким образом в нашей деревне немецко-фашистскими захватчиками расстреляно и сожжено заживо 1 558 человек. В числе погибших — моя жена, двое детей и родные».

Свидетели — бывшие немецкие военнослужащие Фукс, Бетке, Пфайфер и Кроль показывают суду о том, как немецкие оккупационные войска, подчиненные подсудимому Бернгарду, наводили «*порядок и спокойствие*». Часть, где служил Бетке, сожгла дотла 15 деревень и расстреляла сотни мирных советских людей. В районе станции Почеп батальоном, где служил свидетель Фукс, было захвачено 50 мирных жителей, которые были направлены в штаб Бернгарда, а затем бесследно исчезли.

О чудовищных злодеяниях гитлеровцев рассказывают суду малолетние свидетели 13-летние Иван Фомичев и Мария Гаридова.

Осенью 1942 года в районе Навли гитлеровцами было расстреляно из автоматов до 50 мирных жителей —

женщин, стариков и детей. Лишь случайно удалось спастись взрослому и трем малолетним, в том числе и свидетелям. Свидетель Ваня Фомичев спасся тем, что его мать, упав, сраженная автоматной очередью, прикрыла его своим телом.

Председательствующий (обращаясь к подсудимому Бернгарду): Вы показывали, что действовали в связи с немецким военным уставом. Такие операции, о которых показывали свидетели Фомичев и Гаридова, предусматривались военными уставами германской армии.

Бернгард: Нет.

Председатель: Значит, такие операции являлись выражением политики немецкого фашизма, преследующей истребление советского народа?

Бернгард: Так точно.

Свидетели Беднягин и Чернов, сражавшиеся против немецких оккупантов в составе партизанских отрядов, показывают суду, что гитлеровцы расстреливали советских людей без суда и следствия, беспощадно расправлялись с женщинами и стариками, родственники которых были отнесены к числу «неблагонадежных».

Свидетель И.А. Антошин в своих показаниях воспроизвел картину повешения немцами в поселке Тросна, Жуковского района, восьми ни в чем не повинных учителей.

Свидетельница Голенкова М.Б. рассказала о расстреле немецкими жандармами около 300 жителей поселка Воронов Лог, Брасовского района.

Свидетель Н.А. Марченко, старый орловский врач, и свидетельница, жительница Орла Е.П. Селихова-Демиденко показали, что чудовищный террор в Орле осуществлялся под руководством немецкой военной комендатуры, которую возглавлял подсудимый Гаманн.

Показаниями свидетельницы Селиховой-Демиденко утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 27 декабря

На вечернем заседании продолжался допрос свидетелей. Свидетельницы З.А. Байбакова и П.Ф. Кульбинская в своих показаниях привели факты расправ и насилий немецких оккупантов над советскими гражданами. В немецких концлагерях, куда заключались мирные граждане, людей морили голодом, подвергали пыткам и избиениям. Все это делалось по прямому указанию подсудимого Гаманна. Свидетельница Кульбинская 5 месяцев провела в Бобруйском лагере, после чего была насильно вывезена в Восточную Пруссию и в мае 1944 года продана как рабыня немецкому купцу из города Югенсбург.

Свидетель — бывший военный служащий немецкой армии И. Зандер подтверждает факты многочисленных расстрелов немецкими солдатами и офицерами советских граждан, в том числе женщин и детей.

Свидетель М.Ф. Михайлов сообщил суду, что немецко-фашистские захватчики за несколько дней до своего бегства из Брянска начали планомерно взрывать и поджигать общественные здания и жилые дома. Бывшая работница орловского музея И.С. Тургенева, свидетельница А.И. Сафронова рассказала суду о варварском ограблении и уничтожении гитлеровцами книг и других ценностей этого музея. Свидетельница М.Г. Борисенко, пробывшая 8 месяцев в лагере смерти — Майданеке, рассказала суду о массовом истреблении гитлеровцами советских людей.

Жуткие факты издевательств немцев над мирными жителями и военнопленными приводит в своих показаниях свидетель А.С. Сахненко. В марте 1942 года немецкий карательный отряд угнал из деревни Малое Полнино, Брянского района, все население — около 500 человек. Несчастные были помещены в концентрационный лагерь №142, находившийся под Брянском. В этом лагере от сыпного тифа и голода ежедневно умирали сотни людей.

В этом же лагере находились и советские военнопленные. В июле началась разгрузка лагеря. Всех, кто выжил и мог двигаться, отправляли в рабство в Германию, остальных истребляли.

Свидетельницы А.Я. Троянова и А. Харлапова в своих показаниях воспроизвели картины последних дней пребывания гитлеровцев в Брянске, когда, озлобленные поражениями на фронте, оккупанты всячески вымещали свою злобу на беззащитном мирном населении. Под дома, где жили люди, немцы закладывали мины замедленного действия, которые взрывались уже после прихода в город Красной Армии. В результате таких взрывов у обеих свидетельниц погибли дети.

Допрос свидетелей закончен.

По ходатайству государственного обвинителя суд оглашает ряд имеющихся в деле документов — показания бывших военнопленных германской армии, изобличающие подсудимых Бернгарда и Гаманна в зверском обращении с советскими военнопленными и мирным гражданским населением. Оглашенные документы изобличают также подсудимых в преднамеренном разрушении жилых домов, зданий общественных и культурно-бытовых учреждений, промышленных предприятий в Брянске, Орле, Бобруйске и в районах Брянской, Орловской и Бобруйской областей.

Утреннее заседание 28 декабря

Утреннее заседание началось с показаний подсудимого Гаманна, дававшего объяснения по поводу оглашенных документов — письменных свидетельских показаний бывших военнопленных германской армии и актов судебно-медицинской экспертизы. Затем объяснения давал подсудимый Бернгард. Оба подсудимых пытаются

отрицать свою причастность к преступлениям, которые перечислены в оглашенных документах, считая, что ответственность за эти преступления должны нести командование войск СД и батальонов так называемой народной стражи, командование германской армии и, в частности, командующий второй танковой армией генерал-полковник Шмидт.

Председательствующий задает вопросы подсудимым Лемлеру и Штайну.

— *Подсудимые Гаманн и Бернгард, бывшие генералы германской армии, пытаются уверить трибунал, что они ничего не знают о фактах злодеяний немецких войск, которые приведены в оглашенных документах. Как вы, военнослужащие, оцениваете показания подсудимых Бернгарда и Гаманна?*

Подсудимый Штайн отвечает:

— *По моему мнению, показания генералов неправильны. Мы, военнослужащие, выполняли их приказания. Все, что нами делалось, не могло не быть известно им.*

Подсудимый Лемлер подтверждает слова Штайна.

Председательствующий объявляет, что судебное следствие закончено. На этом утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 28 декабря

Вечернее заседание начинается прениями сторон. Слово предоставляется Государственному обвинителю, прокурору округа гвардии подполковнику юстиции тов. Максимову.

Речь Государственного обвинителя гвардии подполковника И.М. Максимова

В начале своей речи Государственный обвинитель воспроизводит картину чудовищных злодеяний немецко-фашистских захватчиков, совершенных ими над мирными гражданами нашей родины и советскими военнопленными.

— *Злодеяния, совершенные немецкими захватчиками на временно оккупированных ими территориях, — говорит Государственный обвинитель, — настолько чудовищны и бесчеловечны, что перед ними блекнут все ужасы и пытки средневековья.*

Свои чудовищные злодеяния немецкие военные преступники, — говорит тов. Максимов, — пытаются оправдать тем, что они выполняли приказы своего правительства и вышестоящего военного командования, что к этому их обязывала воинская дисциплина, их воинский долг. Но разве воинский долг и воинская дисциплина обязывают убивать детей, бросать в огонь, поджигать и взрывать здания вместе с находящимися в них мирными жителями, убивать больных и раненых военнопленных, уничтожать женщин, стариков и детей в газовых камерах и душегубках, закапывать живых людей в ямах и рвах?

Касаясь злодеяний, совершенных немецко-фашистскими преступниками на территории Орловской, Брянской и Бобруйской областей, Государственный обвинитель напомнил, что гитлеровские бандиты здесь замучили, повесили и расстреляли около 130 тысяч мирных советских граждан, замучили голодом и убили более 96 тысяч военнопленных, угнали в немецкое рабство свыше 217 тысяч советских граждан, разграбили и разрушили Орел, Брянск, Бобруйск и многие другие населенные пункты.

— *Подсудимые по настоящему делу — генералы бывшей германской армии Бернгард и Гаманн, являющиеся старшими войсковыми начальниками немецкой армии на территории Орловской, Брянской и Бобруйской областей в период оккупации, руководили установлением в этих областях гитлеровского так называемого «нового порядка», т.е. режима зверского убийства, насилия и ограбления советского населения. — говорит Государственный обвинитель. — По указаниям и под руководством подсудимых Бернгард и Гаманн немецкие военнослужащие истязали и истребляли мирных советских граждан и военнопленных, угоняли советских людей в немецкое рабство, уничтожали и разграбляли богатства, созданные трудом нашего народа.*

Государственный обвинитель указывает, что как установлено следствием, немецкие карательные органы и войсковые части, входившие в состав тылового округа, которым командовал генерал Бернгард, совершали массовые истребления ни в чем не повинных мирных советских граждан, в том числе стариков, женщин, детей.

Подсудимый Гаманн, будучи комендантом города Орла и командующим Орловским административным округом, а затем военным комендантом Брянска и Бобруйского укрепленного района, руководил деятельностью подчиненных ему немецко-фашистских частей, местных комендатур, карательных органов и органов управления. Все эти органы, действуя по приказу Гаманна, насильственно вменяли на оккупированных территориях зверский режим, направленный на порабощение и истребление советского народа. По приказам и распоряжениям Гаманна советские люди под угрозой расстрела вынуждены были работать на немецко-фашистскую армию. Уклоняющиеся от принудительных работ заключались в тюрьмы и лагеря, где расстреливались или гибли от голода и истязаний. По приказу Гаманна, как установлено следствием, у жителей Бобруйска насильственно отбирали детей и отправляли в «Марьину Горку», где у них выкачивали кровь для лечения немецких солдат и офицеров. Сам подсудимый Гаманн фактически признал массовый угон мирного советского населения в немецкое рабство. Там, где Гаманн был комендантом, разрушение и уничтожение городов и населенных пунктов проводилось по разработанным и утвержденным им планам.

Обращаясь к суду, Государственный обвинитель в заключение говорит:

— *С исчерпывающей полнотой вы рассмотрели все доказательства, изобличающие подсудимых Бернгарда,*

Гаманна, Штайна и Лемлера, совершивших на нашей земле чудовищные злодеяния. Винодность всех подсудимых доказана полностью. Ответственность за подобные злодеяния предусмотрена статьей 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.

Чудовищные злодеяния, совершенные подсудимыми Бернгардом, Гаманном, Штайном, Лемлером, лишают их права жить среди людей. Им место только на виселице!

* * *

После окончания речи Государственного обвинителя председательствующий предоставляет слово адвокату Н. Н. Миловидову, защищающему по назначению от суда подсудимого Бернгард.

Адвокат Б.Н. Долгополов, перечисляя злодеяния немецко-фашистских захватчиков, говорит об истоках и причинах этих чудовищных преступлений, считая, что они являются результатом политики немецкого фашизма, мечтавшего превратить нашу родину в огромную латифундию, где бы рабы-славяне работали на немецких господ. Анализируя конкретную вину своего подзащитного Гаманна, защитник просит это обстоятельство принять во внимание при вынесении приговора.

Защищающий подсудимых Штайна и Лемлера адвокат Я.П. Коваленко говорит о вредном влиянии гитлеровского режима на немецкую молодежь, просит суд о снисхождении к его подзащитным.

Выступлением защитников вечернее заседание заканчивается.

БРЯНСК, 30 декабря. (ТАСС).

30 декабря в 11 часов утра председательствующий — председатель военного трибунала генерал-майор юстиции А.М. Микляев огласил приговор. Военный трибунал округа установил виновность каждого из подсудимых в следующем:

Бернгард и Гаманн в период 1942—1944 годов на территории Орловской, Брянской и Бобруйской областей, попирая установленные международным правом правила ведения войны, установили для населения режим кровавого террора, подвергали мирных советских граждан и военнопленных массовому истреблению и истязанию, угоняли советских людей в немецкое рабство, разрушали города и населенные пункты, грабили и уничтожали имущество, принадлежащее государству, колхозам, общественным организациям и советским гражданам. Штайн и Лемлер, находясь в составе частей германской армии, непосредственно принимали участие в массовом убийстве советских граждан и в разрушении населенных пунктов т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года.

Руководствуясь ст.4 УК РСФСР и ст.ст.319 и 320 УПК РСФСР и учитывая степень виновности каждого, военный трибунал приговорил: Бернгард Фридриха-Густава, Гаманн Адольфа и Лемлер Мартина-Адольфа — к смертной казни через повешение, Штайн Карла-Теодора — к 20 годам каторжных работ.

Приговор был встречен присутствующими в зале суда трудящимися гор. Брянска единодушным одобрением.

* * *

Сегодня в 15 часов на городской площади был приведен в исполнение приговор Военного трибунала округа над приговоренными к смертной казни через повешение немецко-фашистскими злодеями — Бернгардом Фридрихом-Густавом, Гаманном Адольфом и Лемлером Мартином-Адольфом за массовое истязание и истребление мирных советских граждан, в том числе детей, женщин, стариков, в Орловской, Брянской и Бобруйской областях.

Приведение в исполнение приговора было встречено единодушным одобрением собравшихся на площади многочисленных трудящихся города.

26—30 декабря 1945 г.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗВЕРСТВАХ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ЛЕНИНГРАД. 28 декабря. (ТАСС).

Сегодня здесь в военном Трибунале Ленинградского военного округа началось слушанием дело группы бывших военнослужащих германской армии, обвиняемых в массовых убийствах, истязаниях и угоне мирных советских граждан в немецкое рабство, в грабежах, варварских разгромах и уничтожении городов и сел и других злодеяниях, совершенных на территории Ленинградской области в период временной оккупации ее немцами.

К судебной ответственности привлечены 11 человек: генерал-майор германской армии Ремлингер Генрих^[234], капитан германской армии Штрюфинг Карл-Герман, старший лейтенант Визе Франц, лейтенант Зоненфельд Эдуард, военнослужащие германской армии Энгель Фриц, Дюре Арно, Бем Эрнст, Герер Эрвин, Скотки Эрвин, Янике Гергард, Фогель Эрих-Пауль^[235].

Дело рассматривается в открытом судебном заседании под председательством генерал-майора юстиции т. Ис-аенкова Члены Трибунала — подполковники юстиции т.т. Комлев и Петров, Государственное обвинение поддерживает генерал-майор юстиции т. Петровский. Защитниками подсудимых по назначению от суда выступают адвокаты т.т. Зимин, Галепский, Борохов, Короленко, Волков^[236].

На утреннем заседании было оглашено обвинительное заключение^[237], в котором говорится, что на подвер-

гавшейся оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории районов Ленинградской области выявлены многочисленные факты истребления мирных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей, угон советского населения в немецкое рабство, уничтожения и разрушения советских городов, сел и разграбления имущества в этих районах.

Следствием установлено, что немецкими палачами было расстреляно, повешено, сожжено и замучено в тюрьмах и лагерях 52 355 человек мирных жителей.

За период оккупации Ленинградской области немецко-фашистскими захватчиками под угрозой расстрела было насильно угнано в немецкое рабство 404 230 мирных советских граждан.

Ленинградская область была отнесена фашистами к категории областей, подлежащих разрушению. За время своего «хозяйничанья» в Ленинградской области немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили 20 городов, 3 135 сел, деревень и других населенных пунктов.

В Ленинградской области немцами сожжено, разрушено и повреждено 152 338 домов, 3 783 промышленных предприятия, 1 933 школы, 256 лечебных учреждений, 235 детских домов, садов и яслей, 1 019 театров, кинотеатров, клубов, красных уголков и музеев, 795 магазинов и большое количество других зданий и сооружений.

Варварскому разрушению, пожарам и безудержному грабежу подверглись прекрасные пригородные дворцово-парковые комплексы Ленинграда, временно оккупированные немцами и их сообщниками — Гатчина, Павловск, Пушкин, Петергоф и др.

Немецкие захватчики сожгли разрушили древний русский город Новгород. Из 2 346 жилых домов в городе сохранилось только 40.

Превращен в груды развалин — древний русский город Псков, где немецкими захватчиками взорваны, сожжены и разграблены культурные учреждения промышленные предприятия, памятники музеи и древние соборы и церкви.

Колоссальный ущерб нанесен гитлеровцами хозяйствам колхозов области.

Преступления немецких захватчиков являются вопиющим нарушением законов и обычаев войны, установленных международными конвенциями, и общепринятых правовых норм. Эти преступления совершались офицерами и солдатами германской армии.

В качестве обвиняемых по настоящему делу привлечены 11 бывших военнослужащих германской армии генерал-майор Ремлингер Генрих, капитан Штрюффинг Карл, обер-фельдфебель Энгель Фриц, военнослужащий Дюре Арно, командир взвода Бем Эрнст, лейтенант Зоненфельд Эдуард, военнослужащие Герер Эрвин, Скотки Эрвин и Янике Гергард, обер-фельдфебель Фогель Эрих-Пауль, ст. лейтенант Визе Франц^[238].

Следствием установлено, что массовое истребление, истязания и угон в немецкое рабство советских граждан, а также разрушение и разграбление советских городов и сел на оккупированной территории Ленинградской области наиболее зверски производились военнослужащими комендатур и отрядов «особого назначения» немецкой армии.

Обвиняемый Ремлингер в 1943—1944 годах, являясь военным комендантом города Пскова и одновременно осуществляя руководство подчиненными ему районными комендатурами и частями «особого назначения», участвовал в массовом истреблении, истязании и угоне в немецкое рабство мирных советских граждан, а также в уничтожении и разрушении городов и населенных пунктов Ленинградской области.

Далее в обвинительном заключении приводятся конкретные преступления, в которых изобличены материалами следствия привлеченные по настоящему делу в качестве обвиняемых бывшие военнослужащие германской армии.

В заключении указывается, что обвиняемые Штрюффинг, Бем, Фогель, Энгель, Зоненфельд, Янике, Скотки, Герер и Дюре признали себя виновными в предъявленном им обвинении и дали подробные показания о своей преступной деятельности.

Ремлингер же виновным себя не признал, однако его участие в кровавых злодеяниях против ни в чем не повинных советских граждан, сожжении сел и деревень, в насильственном угоне на немецкую каторгу десятков тысяч советских граждан, полностью подтверждается показаниями обвиняемых, привлеченных по настоящему делу, свидетельскими показаниями и актами Государственной Чрезвычайной Комиссии.

Также не признал себя виновным Визе.

Утреннее заседание 28 декабря.

Первое заседание открывается в 11 часов утра^[239]. Члены трибунала занимают свои места, и председательствующий приказывает ввести подсудимых.

Вводят Ремлингера. Затем один за другим занимают указанные им места Штрюффинг, Бем, Энгель, Зоненфельд, Янике, Скотки, Фогель и прочие.

Начинается опрос подсудимых, устанавливается их личность.

Вот 63-летний невысокий человек с ехидно сжатыми губами и глубоко сидящими, будто спрятанными от света глазами. Это Генрих Ремлингер, генерал-майор немецкой армии, верный служака германской империалистической военной машины, свыше 25 лет занимавший командные офицерские должности. Он был гитлеровским комендантом Пскова и зверствовал на исконных русских землях. Его последняя должность на службе фашизму — комендант Будапешта.

Следующий — Карл Штрюффинг, рослый 33-летний капитан. У него лицо кинематографического злодея. а ма-

неры мелкого воришки.

Янике, Скотки, Фогель, Энгель и другие — воспитанные гитлеризмом профессиональные убийцы.

После установления личности подсудимых оглашается обвинительное заключение. Читается оно на русском языке, и все присутствующие в зале заседания Трибунала слушают его, затаив дыхание, и снова гневом и ненавистью против немецко-фашистских бандитов наполняются сердца^[240].

Материалы следствия раскрывают картину чудовищных злодеяний гитлеровских извергов на нашей земле. Массовым истреблением советских людей, огнем и кровью устанавливали фашистские мерзавцы свой «новый порядок», пытаясь поработить наш народ. Показания самих бандитов, сидящих на скамье подсудимых, неопровержимо свидетельствуют о том, что они лично, непосредственно виновны в неслыханных кровавых преступлениях, и никакими увертками не удасться им уйти от заслуженной кары.

Обвинительное заключение на немецком языке было заблаговременно вручено каждому обвиняемому^[241], и потому на вопрос председателя, нужно ли еще раз переводить оглашенный текст, подсудимые ответили отрицательно.

— *Подсудимый Дюре, признаете ли вы себя виновным?* — спрашивает председатель.

— *Признаю.*

И один за другим — Герер, Скотки, Янике, Зоненфельд, Энгель, Фогель, Бем, Штрюффинг признают себя виновными в предъявленных им обвинениях. Только Визе и Ремлингер отвечают:

— *Не признаю.*

После краткого перерыва Трибунал преступает к допросу подсудимых.

Первым дает показания **Бем**.

Подобострастно наклоняясь при каждой фразе, он прикидывается протачком. Но вот, отвечая на точные вопросы государственного обвинителя, Бем рассказывает о себе такое, что полностью характеризует его как гитлеровского выкормыша, пришедшего на нашу землю расправляться с мирными советскими людьми. Еще в 1933 году, во время гитлеровского переворота в Германии, Бем, будучи полицейским, нес охранную наружную службу, участвовал в арестах антифашистов, препровождал их в тюрьмы. На советско-германском фронте он командовал взводом «особого назначения», угонял советских людей на фашистскую каторгу, сжигал деревни, грабил, расстреливал мирных жителей. Пытаясь умалить свою вину, он говорит, что все эти злодеяния его взвод совершал по приказам командиров *«совместно с другими взводами, другими подразделениями, другими батальонами»*^[242]. Однако Бем признает, что со своим взводом принимал непосредственное участие в сожжении поселка Дедовичи и трех деревень в районе Новый Кривец. Названий деревень он не помнит. Но он старательно перечисляет, будто вспоминая, как в свое время рапортовал о своих разбойничьих делах, что в первой деревне было сожжено 9 домов, в следующих трех — 65, затем — 20 и, наконец, были уничтожены все уцелевшие дома. В этих деревнях было расстреляно 65 советских граждан. Вопрос государственного обвинителя припирает Бема к стене, и он вынужден признать:

— *Я лично расстрелял шесть человек. Да, это были женщины, старики и дети.*

Фашистскому палачу не удалось увильнуть от прямого признания своих преступлений. И дальше он рассказывает, как разбил свой взвод на группы, как применял для поджога домов солому и бумагу, как уничтожал скот. Он приказывал поджигать дома, заведомо зная, что в них оставались люди. Он руководил расстрелами беззащитного мирного населения на деревенских улицах. За эти чудовищные зверства, за убийства русских детей Бем получил от Гитлера награды — железный крест II класса, штурмовой значок, крест за военные заслуги II класса и медаль «За зимнюю битву на Востоке»^[243].

Следующим допрашивается фельдфебель **Фогель**, бывший член «Союза гитлеровской молодежи», командир взвода «особого назначения», служивший под начальством подсудимого Штрюффинга. Он тоже, подобно Бему, пробует прикинуться ничего не знающим и не понимающим, хотя в материалах следствия есть неопровержимые доказательства его преступлений. Он с готовностью сообщает, что Штрюффинг, Энгель, Дюре, Янике и неизвестно где находящийся капитан Финг, бывший командир его батальона, убивали мирных советских граждан, однако старательно умалчивает о себе. Наконец, он признает, что принимал участие в сожжении одной из деревень и расстреле ее жителей.

Государственный обвинитель спрашивает:

— *Сколько вы лично убили мирных советских граждан?*

— *Около десяти человек.*

Далее Фогель признает, что по приказу капитана Штрюффинга стрелял из карабина по старику, шедшему в стороне от дороги, на которой находились каратели, но оговаривается, что не знает, попал ли он в старика. Он категорически отрицает свое участие в убийстве детей. Но тут вскакивает подсудимый Дюре и заявляет, что фельдфебель Фогель лжет^[244].

Выясняется, что возле одной деревни Фогель лично расстрелял прячущуюся в кустах группу мирных жителей, в которой были женщины и дети. Старика он убил двумя выстрелами из карабина, а в деревне Юдино застрелил двух мальчиков.

Суд переходит к допросу подсудимого **Энгеля**. Командир взвода «особого назначения», еще в 1936 году добровольно вступивший в гитлеровскую армию, Энгель ничего не отрицает. С циничной откровенностью он перечисляет одно чудовищное злодеяние за другим. Спокойно рассказывает он, как в районе Дедовичи—Остров сжигались десятки деревень, как силой угонялось население и как расстреливались все, кто уклонялся от выполнения приказа гитлеровских бандитов. Взвод Энгеля расстрелял 100 человек и 80 заживо сжег в домах. Эн-

гель лично застрелил 11 человек.

На вопрос государственного обвинителя, точны или приблизительны эти цифры, матерый фашистский изверг развязано отвечает:

— *Может быть меньше, а может быть и больше... Подсчетом я не занимался.*

В ходе дальнейшего допроса устанавливается, что под руководством Энгеля в закрытых снаружи домах заживо сжигались все, кто противился отправке на фашистскую каторгу. Сжигались женщины, старики и дети. По заявлению Энгеля, одних только детей он лично сжег приблизительно двадцать.

Подсудимый говорит об этом, как о чем-то естественном. Фашистскому извергу недоступны человеческие чувства, у него нет совести, нет морали. Объясняет Энгель это зверское преступление очень просто. Он должен был сжигать дома. В домах находились дети. Вот он и сжигал дома вместе с детьми.

Допросом Энгеля закончилось утреннее заседание.

Вечернее заседание 28 декабря.

На вечернем заседании первым допрашивается подсудимый **Штрюфинг**. Он командовал ротой в батальоне «особого назначения», который находился недалеко от города Острова.

Каково было «особое назначение» подчиненной ему роты, обвиняемый обстоятельно показал еще на предварительном следствии. Он признал, в частности, что в ночь с 20 на 21 июля 1944 года, во время отступления немцев в направлении Остров—Опочка, его рота уничтожила две деревни из 30 дворов и расстреляла 25—35 мирных жителей. Сам Штрюфинг принимал непосредственное участие в убийствах советских людей. По его собственному признанию он лично расстрелял 4-х мирных граждан.

Однако теперь подсудимый изворачивается. Он пытается смягчить тяжесть совершенных им злодеяний. Он всячески стремится доказать, что его рота не выполняла карательных функций, эти все убийства — дело случая. Но буквально следующий ответ Штрюфинга говорит о том, что массовое истребление советских людей было преднамеренным и систематическим. На вопрос государственного обвинителя, получал ли он приказы о сожжении всех населенных пунктов, уничтожении советских людей, подсудимый заявляет:

— *Да, получал.*

— *От кого исходил этот приказ?* — спрашивает государственный обвинитель.

Подсудимый объясняет, что приказ дивизия получила из армии, и он, видимо, был подписан генералом Линдеманоном.

Отвечая на вопрос, какие задачи ставились в этом приказе, подсудимый говорит: сожжение всех деревень на пути отступления немецкой армии, расстрел мирного населения. В приказе говорилось, что каждый советский человек, который будет сопротивляться уводу на работу в Германию, должен быть расстрелян.

Рассказывая о том, как его рота сожгла деревню Юдино, Штрюфинг признает, что при подходе к деревне по его приказу была открыта стрельба по одинокой мужской фигуре.

Мужчина был убит. Подсудимый увिलивает от поставленного государственным обвинителем вопроса, знал ли он, что убитый был безоружным стариком.

— *Я не знал этого,* — упорствует подсудимый. — *Может быть, это был партизан или красноармеец.*

Подсудимый отрицает также, что по его приказу было расстреляно еще 8 мирных советских граждан. Он отрицает и другое злодеяние, сделанное по его указке: убийство двух мальчиков 10 и 13 лет.

Штрюфинга изобличают другие подсудимые.

Фогель заявляет, что старик-крестьянин был застрелен по прямому приказу Штрюфинга. Дюре показывает, что по приказу Штрюфинга были убиты два русских мальчика.

— *Кем именно убиты?*

— *Фогелем,* — говорит Дюре. — *Он выполнил приказ командира роты.*

Из показаний Штрюфинга вырисовывается картина кровавых деяний гитлеровских заплочных дел мастеров. В этих показаниях, как в капле воды, отражается преступная, варварская система, осуществлявшаяся командованием германской армии: уничтожать все русское, советское, безжалостно истреблять тех, кто воспротивится угону на немецкую каторгу, сеять повсюду смерть и опустошение, оставляя за собой зону пустыни.

И как бы ни увилывал Штрюфинг — организатор расстрелов советских людей, предававший огню их жилища, грабивший их имущество, — злодей в мундире германского офицера бессилён опровергнуть уличающие его факты.

Следующим допрашивается подсудимый **Дюре**, солдат той самой 2-ой роты, которой командовал Штрюфинг. Вместе с другими подсудимыми Дюре поджигал деревни, расстреливал мирных советских граждан. Отвечая на вопросы, он излагает жгучие подробности зверских расправ с женщинами, стариками, детьми.

— *Какие задачи выполнял ваш батальон?*

— *Сначала был на передовой линии, а потом при отступлении получил приказ сжигать деревни и расстреливать мирное русское население.*

Дюре и другие подсудимые охотно выполняли этот приказ. Дюре показывает, как после убийства двух детей и старика они подошли к одной деревне и здесь увидели в кустах мирных советских граждан. Штрюфинг приказал стрелять.

— *С какого расстояния?*

— *С 20 метров.*

- Из какого оружия?
- Из пулемета и карабинов.
- Кто подвергался расстрелу?
- Старики, женщины, дети.
- Вы стреляли?
- Да.

Допрос подсудимого Дюре отчетливо показал, как гитлеровское командование готовило своих солдат убийц и палачей мирного населения. Дюре и другие подсудимые попали в батальон «особого назначения». Им было сказано, что они должны *«оправдать себя и поэтому сжигать деревни и расстреливать людей»*. Так говорил Дюре и в военной тюрьме в Торгау, где он находился по ноябрь 1941 года^[245].

В ходе судебного заседания выясняется, что тогда комендантом тюрьмы был тот самый Ремлингер, который сидит сейчас на скамье подсудимых.

— *Когда вы были в тюрьме, Ремлингер говорил вам, как нужно вести себя на Восточном фронте?* — спрашивает государственный обвинитель.

— *Мы должны оправдать себя на Восточном фронте, а для этого надо быть безжалостными и не оставаться перед уничтожением мирного населения.*

Из допроса Дюре выясняются новые данные о чудовищном злодеянии фашистов в Катынском лесу. В сентябре 1941 года он был переброшен в район Катыни и здесь вместе с другими по ночам рыл ямы. Эсэсовцы на автомашинах привозили трупы людей и сбрасывали их в подготовленные рвы. Туда, по показаниям Дюре, были сброшены тысячи трупов.

— *Кто был в числе расстрелянных?* — спрашивает государственный обвинитель.

— *Это были польские офицеры, русские, евреи.*

— *Вы можете приблизительно определить, сколько расстрелянных было уложено в могилы?*

— *От 15 до 20 тысяч человек.*

Дюре показывает, что в Германских газетах он видел снимок этой могилы, причем под снимком было написано, что это сделали русские.

Суд переходит к допросу подсудимого **Янике**, военнослужащего 2-го батальона «особого назначения» 21-й авиаполевой дивизии.

Он также прошел обстоятельную подготовку для массовых убийств мирного советского населения, поджога сел и городов.

Подсудимый показал, что в районе Плюссы специальной роты, в которую он входил, был прочитан приказ генерал-майора Ремлингера, в котором говорилось, что в районе деятельности партизан Луга—Псков необходимо сжигать все населенные пункты, а гражданское население, которое там остается, расстреливать.

Рота приступила к выполнению приказа Ремлингера. Затем последовали новые поджоги и расстрелы. Везде, где не проходили гитлеровские каратели, оставались трупы и пепел. Потом они начали подрывать землянки, в которых проживали старики, женщины и дети. Из допроса выясняется, что в землянки бросали связки гранат. Кроме гранат саперы подвозили еще и мины. Так было в районе Больших Ляд, Плюссы, Струг Красных, Малой Плюссы, Потороченного, Заполя, Николаева, Углы.

— *Сколько деревень всего было сожжено?* — спрашивает государственный обвинитель.

— *От 25 до 30.*

— *А сколько домов?*

— *500—600.*

— *Сколько всего расстреляли людей?*

— *Полторы—две тысячи.*

— *Сколько лично вы уничтожили?*

— *Около 300.*

Все это делалось по приказу генерал-майора Ремлингера, который был прочитан в декабре 1943 года.

Подсудимый Янике пытается оправдать себя тем, что до приказа Ремлингера он якобы не занимался расстрелами гражданского населения. Но под перекрестным опросом вынужден признать, что и расстреливал мирных жителей, и сжигал дома, и угонял на каторгу в Германию советских людей, и грабил их имущество.

Из показаний Янике выясняется руководящая роль Ремлингера в чудовищных зверствах, которые творились на временно оккупированной территории Ленинградской области.

Допросом Янике заканчивается вечернее заседание.

Утреннее заседание 29 декабря.

Утреннее заседание Военного Трибунала началось с допроса подсудимого **Скотки**.

Сын ярого фашиста-эсэсовца, Эрвин Скотки с 1935 года состоял в «Союзе гитлеровской молодежи», где готовился к роли «завоевателя мира», проходил военную подготовку и усваивал бандитскую мораль бесноватого фюрера:

— *Мы стреляли там по тарелкам,* — невинно заявляет Скотки.

А через минуту фашистский выкормыш под возмущение всего зала говорит:

— *Нас учили, что Россия является некультурной страной, поэтому ее надо культивировать...*^[246]

Для чего Скотки тренировался в стрельбе и какую «культуру» он нес в нашу страну, наглядно показывают материалы следствия. Скотки принимал активное участие в зверских налетах гитлеровских карателей на мирное советское население. Только в районах Псков—Луга и Остров—Опочка каратели сожгли более 20 деревень. В огне погибли деревни Букино, Подборовье, Милутино, Мараморка, Борки, Новоселье, Трошкино, Ростково, совхоз «Андромер» и другие. И всюду с охапками соломы и факелами усердствовал Скотки. Палачи беспощадно расстреливали женщин, стариков, детей. И каждый раз Скотки выпускал по беззащитным очереди из своего автомата. Только в перечисленных деревнях Скотки лично сжег около 40 домов и расстрелял свыше 30 советских граждан.

А ведь Скотки побывал со своей бандой еще в деревнях Мачково и Сегелицы и во многих других деревнях возле Пскова, возле Луги, возле Плюссы и Порхова. В одном месте он застрелил 15 русских женщин и детей, а в другом — 20, в третьем — еще больше.

Сначала подсудимый пытается утверждать, что он участвовал только в перестрелках с партизанами. Но председательствующий напоминает Скотки его показания на предварительном следствии, когда тот заявил: *«Я расстреливал все советское население, которое попадалось мне по пути, причем я стрелял в каждого, независимо от пола и возраста».*

Председатель: Вы подтверждаете, свои показания?

Скотки: Да, подтверждаю, людей я расстреливал.

Государственный обвинитель: Вы подтверждаете, что расстреливали мирное советское население?

Скотки: Да.

И вслед за этим Скотки рассказывает, что приказы о расстрелах стариков, женщин и детей приходили в батальон «особого назначения» из Пскова, за подписью подсудимого генерал-майора Ремлингера^[247]. Вспоминает Скотки и конкретные приказы о сожжении деревень и расстрелах мирного населения, отданные подсудимым Штрюфингом и Визе. По этим приказам было сожжено 8 деревень и расстреляно 80 человек. Скотки лично видел, что Штрюфинг расстрелял не то 6, не то 8 человек. Визе потребовал еды в одном доме и, получив отказ, расстрелял всю семью.

Допрос вновь выясняет преступные действия самого Скотки. На поставленные в упор вопросы гитлеровский бандит вынужден признавать свои кровавые злодеяния. Он с тупым напряжением вспоминает даты, названия и цифры. Цифры, от которых стынет кровь и содрогается сердце.

Вот голый перечень фактов из показаний Скотки:

— *Вблизи Плюссы была деревня, в которой убито 100 человек и часть сожжена.*

— *Я принимал участие в уничтожении 120 землянок между Псковом и Лугой в декабре 1943 года. Мы подрывали землянки, в которых находилось гражданское население, подрывали минами или гранатами. Мы находили землянки, выгоняли из них жителей и расстреливали, а тех, которые не выходили из землянок, забрасывали гранатами или взрывали минами.*

— *В апреле 1944 года мы совершили такую же операцию в районе Плюссы.*

— *В ноябре 1943 года недалеко от Пскова я участвовал в расстреле 120 мужчин и женщин. Лично я застрелил 5 или 15, не могу точно сказать.*

— *В январе 1944 года в деревнях между Псковом и Лугой я сжег 15—20 домов и расстрелял 40 или, может быть, 60 человек. Среди них были женщины и дети. Они не хотели покидать свои дома.*

— *В феврале 1944 года в районе Плюссы я участвовал в расстреле 80 человек.*

— *В марте 1944 года в совхозе «Андромер» мы сожгли 25 домов и расстреляли 40 мужчин и женщин. Там были также и крестьяне из местных колхозов, которые не хотели покидать свои дома. Я лично убил там только 4 человека, потому что был занят — угонял скот.*

Это далеко не все. Но и эти ответы исчерпывающе характеризуют человекоподобного зверя Скотки и воспитавший его по своему образцу гитлеровский режим.

Отвечая на вопросы председателя и государственного обвинителя, подсудимый продолжает:

— *В деревне Букино, в январе 1944 года, я участвовал в расстреле 70 человек. На этот раз я убил всего четырех. Опять был занят угоном скота.*

— *В районе Ляды в самом начале 1944 года мы убили примерно 45 мирных жителей.*

— *Еще я участвовал в массовых расстрелах населения. Трупы мы сжигали в сараях или кучах соломы^[248].*

Как же оценивает Скотки свои бесчисленные преступления? Фашистский изверг говорит:

— *Я признаю, что поступал некрасиво, нехорошо.*

И только под напором прямых вопросов государственного обвинителя выдавлиывает из себя:

— *Поступал преступно.*

Стремясь оправдаться, он добавляет:

— *Меня обязывали убивать мирных советских граждан. В 94-м охранном полку мы проходили специальное обучение, как нужно вести себя на территории противника.*

Государственный обвинитель спрашивает:

— *Что же, вас обучали уничтожению мирного советского населения?*

И Скотки признает:

— *Да, это был специальный учебный курс для карателей.*

Начинается допрос подсудимого **Герера**^[249]. Карательный отряд «Айнграйф», в котором он служил, в начале 1944 года свирепствовал в районе Славковичи. Каратели врываются в мирные села, насильственно угоняли жите-

лей на немецкую каторгу, расстреливали стариков, женщин, грабили, жгли. После их ухода на месте деревень оставались руины и пепелища. Только в этом районе, как показывает подсудимый, было угнано в Германию до 600 советских граждан.

— *Кого отправляли в Германию?* — спрашивает государственный обвинитель.

— *Угонялись все трудоспособные,* — отвечает Герер.

Государственный обвинитель: А как поступали с детьми, стариками?

Подсудимый: Тот, кто не мог передвигаться, расстреливался.

Рота, в которой служил Герер, расстреляла 250 мирных граждан — стариков, женщин, детей.

Среди своих собратьев по злодеяниям Герер был одним из наиболее свирепых. Во время 14 карательных операций, в которых он участвовал в районе Славковичи, Герер лично убил около 100 мирных граждан, вся вина которых была в том, что они не хотели покидать насиженных мест, не хотели отдавать своего имущества.

— *Кто были убитые вами люди?* — спрашивает государственный обвинитель.

— *Это были старики и женщины,* — отвечает подсудимый.

С середины 1944 года злодейская «работа» Герера продолжалась во 2-ой роте батальона «особого назначения»^[250]. Этой ротой командовал подсудимый Штрюфинг. Рота систематически поджигала населенные пункты, расстреливала мирных граждан.

Допросом подсудимого Герера утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 29 декабря.

Первым на вечернем заседании допрашивается подсудимый **Зоненфельд**, лейтенант германской армии. Это — не рядовой исполнитель преступных приказов фашистского командования. Зоненфельд получил высшее образование, он инженер-кораблестроитель. Задолго до войны он был агентом гестапо. Перед тем как попасть на Восточный фронт, прошел специальное обучение. Он быстро отличился в кровавых расправах над мирным населением и был назначен командиром карательной группы.

В ходе судебного следствия устанавливаются подробности чудовищных злодеяний Зоненфельда, этого матерого палача, руководившего планомерным уничтожением деревень, массовыми расстрелами женщин, стариков, детей. Неопровержимые улики вынуждают подсудимого признаться, что он лично участвовал в истреблении мирных советских людей.

На вопрос государственного обвинителя, сколько было расстреляно мирных советских граждан во всех деревнях, где действовала его группа, Зоненфельд отвечает:

— *При моем пребывании больше 100 человек.*

— *Сколько в том числе было детей?*

— *Приблизительно от 20 до 30.*

Зоненфельд, как и другие подсудимые, пытается оправдать свои преступные действия приказами, которые он получал свыше, в частности, от генерал-майора Ремлингера, и которые требовали расстрела всех жителей, уклоняющихся от угона в Германию. Так было в Лядах, где было расстреляно около 35 человек. По показанию самого Зоненфельда, это главным образом женщины и дети.

— *Зачем же вы расстреливали женщин и детей?* — спрашивает государственный обвинитель.

— *Они отказывались уходить вместе с нашей ротой, тогда мы расстреляли их из пулемета. Приказ гласил, что население не должно иметь никаких сношений с партизанами.*

— *Следовательно, вы по своему усмотрению определяли, кто имеет связь с партизанами и должен быть расстрелян?* — спрашивает государственный обвинитель.

— *Мы вообще не думали, просто действовали,* — бесстрастным голосом отвечает фашистский убийца с высшим техническим образованием.

Под давлением улик он признает, что по его приказу в деревне Заполье было расстреляно 45 человек, а имущество их разграблено. Деревня была сожжена.

Зоненфельд старательно избегает ответа на вопрос, сколько мирных людей расстрелял он лично.

— *Я не могу сказать точно,* — уваливает он. — *Я принимал участие в расстреле два раза. Стрелял из пистолета и из автомата.*

Далее Зоненфельд показывает, что его рота подчинялась непосредственно Ремлингеру. Выясняется также, что Зоненфельд прошел выучку головореза еще в военной тюрьме в Торгау, где комендантом был тот же Ремлингер.

Подсудимый подробно показывает, как была построена система «воспитания» кадров фашистских убийц и насильников, подготовлявшихся для Восточного фронта. Ремлингер и его подручные ежедневно вдалбливали им, что они, не считаясь ни с чем, должны выполнять любые приказы командования^[251].

Попытки Зоненфельда приуменьшить свою роль в массовых расстрелах мирного советского населения опровергаются изобличающими показаниями подсудимого Янике, входившего в группу Зоненфельда. На вопрос председателя суда Янике показывает, что Зоненфельд лично участвовал в расстреле 50 человек в лесу, около деревни Николаев-Брод.

Суд переходит к допросу подсудимого **Визе**.

Материалы следствия и показания других подсудимых характеризуют Визе, обер-лейтенанта германской армии, как ярого гитлеровца, ретивого приверженца фашистского режима.

Двадцати лет этот гитлеровский выродок, бросив работу в книготорговой фирме, поступает на службу в полицию. Окончив в Киле специальную полицейскую школу, он затем несколько лет служит полицейским вахмистром. В 1935 году Визе добровольцем вступает в Германскую армию. Начальство доверяет ему подготовку рекрутов для летных частей. С начала войны обер-фельдфебель, а затем лейтенант и обер-лейтенант, Визе попадает сначала в захваченную фашистами Голландию, а затем на Восточный фронт.

Несмотря на неопровержимые факты, свидетельствующие о его злодеяниях, Визе виновным себя не признает. Он избрал одну линию поведения: отрицать все и вся, отрицать во что бы то ни стало. И на каждый вопрос государственного обвинителя он тупо твердит:

— Нет... не делал... Этого я не совершал...

Но со скамьи подсудимых поднимается Скотки и другие обвиняемые. Они вновь приводят факты преступных действий роты, которой командовал Визе.

В частности, Скотки показывает, что Визе действовал очень активно и сам возглавлял карательные операции. Он руководил сожжением деревень и расстрелами.

— *Я видел, как Визе лично расстреливал русское население,* — говорит Скотки.

Когда государственный обвинитель спрашивает Визе, отдавал ли он приказы об угоне скота и изъятии продуктов у гражданского населения, Визе отрицает и это. Председательствующий зачитывает показания подсудимого на предварительном следствии о том, что при отступлении из района Устья на Остров 2-й батальон «особого назначения» отбирал у населения хлеб, продукты и скот.

Уличенный этим сопоставлением собственных показаний, Визе признает, что дело обстояло именно так.

— *Значит, вы занимались грабежом мирного населения?*

— *Это не грабеж.*

Председательствующий поочередно спрашивает у подсудимых Дюре, Бема и Янике, что они знают о карательных функциях роты, которой командовал Визе?

Все говорят о том, что рота Визе при отступлении сжигала советские села, а трудоспособное население угоняла в Германию.

Допросом подсудимого Визе вечернее заседание заканчивается.

Утреннее заседание 30 декабря.

Заседание начинается допросом подсудимого генерал-майора **Генриха Ремлингера**.

Выйдя к барьеру, Ремлингер старается держаться так, будто он попал на скамью подсудимых по какому-то недоразумению. Вот-вот это недоразумение разъяснится и он, Ремлингер, из подсудимых превратится просто в военнопленного генерала. Он непрестанно повторяет, что никогда не интересовался политикой, что он только солдат.

Что же представляет собою этот «стоящий вне политики солдат Ремлингер»? Ему 63 года, из них 43 он прослужил в немецкой армии. Находясь «*в стороне от политической жизни*», Ремлингер, однако еще в 1919—1924 гг., активно участвовал в подавлении революционного движения трудящихся. В 1919 году этот верный служака разбойничьего германского империализма во главе кавалерийского эскадрона зверски расправляется с восставшими рабочими в Аугсбурге и Мюнхене. Вслед затем он не раз выслуживается перед оголтелой реакцией, выполняя одно жандармско-палаческое поручение за другим.

После прихода к власти Гитлера подсудимый верой и правдой служит фашистскому режиму. С 1936 по 1943 год он — начальник первой образцовой военной тюрьмы в Торгау. На эту должность палача Ремлингер пришел подполковником, ушел он с нее генералом^[252]. По его собственным словам, он был назначен в Торгау «*как лучший офицер-воспитатель*». И он оказался самым подходящим кандидатом на пост начальника тюрьмы — образцовой в стране тюрем, концлагерей и каторги.

Членом национал-социалистической гитлеровской партии Ремлингер, по его утверждению, никогда не был. Однако о том, как ценили его фашистские главари, говорит хотя бы тот факт, что только за время войны он получил два железных креста II класса, и два креста первого класса, причем один из них с почетными мечами.

На одном из допросов Ремлингер, увлеченный воспоминаниями о своей подлой жизни, проговорился: «*Моя военная тюрьма,* — сказал он, — *действительно являлась образцом, по которому строились новые военные тюрьмы. Начальники, которые назначались во вновь организуемые тюрьмы, приезжали ко мне, чтобы ознакомиться с постановкой дела.*»

Шесть лет Ремлингер воспитывал попадавших к нему людей. Тех, кого выращивал этот «лучший офицер-воспитатель», можно видеть здесь же, на процессе. Вот они, его выученики, сидящие перед Трибуналом на одной с Ремлингером скамье подсудимых. Это — Янике, убийца боле трехсот русских детей, женщин, стариков, поджигатель, грабитель и садист, заживо сжигавший ни в чем не повинных мирных людей. Это — Скотки, взрывавший землянки с русскими семьями, сжигавший деревню за деревней. Это — Зоненфельд, инженер по образованию, добровольно ставший агентом гестапо и затем руководителем карательных налетов на псковские и лужские деревни, организатором поджогов крестьянских домов и атаманом фашистско-бандитской шайки, занимавшейся беспощадным уничтожением русских людей.

В 1943 году Ремлингер направляется на временно оккупированную немцами советскую территорию и становится сначала ненадолго комендантом Опочки, а затем комендантом Пскова.

Предварительное следствие и два дня судебного процесса неопровержимо показали, что Ремлингер был на

Псковщине непосредственным организатором и главным руководителем чудовищных злодеяний^[253]. Подчиненные ему каратели угоняли на фашистскую каторгу десятки тысяч советских людей. Он приказывал дотла сжигать русские деревни, беспощадно расстреливать мирных жителей без разбора пола и возраста, расстреливать за отказ от «эвакуации» в Германию, за появление вне своей деревни, расстреливать по любому поводу и без всякого повода.

Многие десятки сожженных в районе Пскова, Луги и Плюссы деревень, тысячи замученных, расстрелянных, заживо сожженных, разорванных гранатами и минами детей, женщин и стариков — таковы факты людоедских злодеяний Ремлингера на русской земле.

Эти факты неопровержимы. Подсудимые один за другим заявляют суду, что приказы о расстрелах были подписаны Ремлингером, а он, как и в первый день процесса, отвечает:

— *Виновным себя не признаю.*

Прибегая ко всяческим уверткам, он все отрицает, от всего отрекается.

На вопрос государственного обвинителя, как он, Ремлингер, относился к зверскому террору, который проводился гитлеровцами в самой Германии, подсудимый отвечает:

— *Мы ничего не знали об этом.*^[254]

Весь мир знает о кровавых злодеяниях гестапо, о кошмаре гитлеровских концлагерей, о пытках, погромах и убийствах, и только Ремлингер ничего не заметил.

Суд переходит к выяснению преступной деятельности Ремлингера в бытность его комендантом Пскова.

Государственный обвинитель спрашивает:

— *Отдел контрразведки входил в состав комендатуры? Чем он занимался?*

Ремлингер: Это был отдел «1-Ц». Его обязанностью было распределять литературу, организовывать театры и охранять их.

Государственный обвинитель: А чем занималась подчиненная вам полевая жандармерия?

Ремлингер: Регулированием уличного движения... Ну, и некоторыми полицейскими мероприятиями, которые требовались в таком городе как Псков...

Так неприкрыто лжет Ремлингер. Пытаясь выгородить себя, он утверждает, что комендатуры в Карамышеве, Новоселье и других пунктах, находившиеся в его подчинении, занимались угоном советских людей в Германию и зверскими расправами без его ведома. Они выполняли, заявляет Ремлингер, приказы, полученные свыше.

Государственный обвинитель: Но приказы, относившиеся к вашим подчиненным, не могли не касаться вас?

— *Да.*

— *Значит, вы их выполняли?*

И Ремлингер, наконец, признается:

— *Постольку, поскольку приказы были, — я их выполнял.*

— *Вы знали, что вы этим совершаете тяжчайшее преступление, что вы нарушаете международную Гаагскую конвенцию, подписанную в свое время и Германией?*

— *Нет не знал.*

Так же ведет себя Ремлингер и дальше. Он отрицает все, даже самые неопровержимые факты. Он утверждает, что ничего не знал о расположении возле Пскова лагерей для военнопленных, о смертности в этих лагерях, уносившей в могилу десятки тысяч человек, о массовых расстрелах военнопленных без суда и следствия. Он заявляет, что ему ничего не было известно о расстрелах женщин, детей, стариков. Он вообще не знает ничего, что могло быть поставлено ему в вину.

По просьбе государственного обвинителя суд повторно допрашивает подсудимых Зоненфельда, Скотки и Янике. Они вновь подтверждают, что приказы о сожжении деревень, расстрелах мирного населения отдавались Ремлингером, что именно по его приказам были сожжены десятки деревень, убиты тысячи женщин, стариков и детей. Ремлингер пробует отрицать эти показания^[255]. Тогда Зоненфельд, не выдержав и указывая на своего бывшего генерала, кричит:

— *Ремлингер лжет!*

К концу допроса под давлением оглашенных государственным обвинителем и председателем суда материалов предварительного следствия, уличаемый другими подсудимыми, Ремлингер признает себя виновным в ряде преступлений. Он подтверждает, что отдавал приказы об угоне советских людей в немецкое рабство и о сожжении деревень. Он признает, что во время организованных по его приказам экспедиций против партизан, карательные отряды уничтожали мирное население, расстреливали стариков, женщин и детей.

Допросом Ремлингера заканчивается утреннее заседание.

Вечернее заседание 30 декабря.

На вечернем заседании суд переходит к допросу свидетелей. Их показания рисуют картину жестокого произвола гитлеровцев, массовых убийств, грабежей и насилий над мирными советскими гражданами на временно оккупированной территории Ленинградской области.

Первым дает показания свидетель В.Ф. Федоров — 58-летний колхозник деревни Ростково Новосельского района. Он приводит факты чудовищных злодеяний гитлеровских бандитов, которые систематически убивали крестьян этой и близлежащих деревень. Беспощадную расправу с жителями деревни Ростково учинил немецкий карательный отряд 23 декабря 1943 года. Рано утром староста пригнал работоспособное население на работу

под угрозой наказания и штрафов. Тем временем каратели спалили Ростково дотла. Оставшихся в деревне женщин, стариков и детей — всех от мала до велика — фашистские мерзавцы согнали в сарай и сожгли заживо. Тех, кого не успели сжечь, — расстреляли. У свидетеля в это страшное утро погибла вся семья: жена, невестка и 4-летняя внучка.

— *Сколько всего людей сожгли и расстреляли немцы в вашей деревне?* — спрашивает государственный обвинитель.

— *64 человека погибло от руки злодеев,* — говорит свидетель. — *из них 33 — малолетние ребята.*^[256]

Жительница той же деревни Е.Е. Сергеева, спасаясь благодаря тому, что находилась на работе вдали от Ростково, называет фамилии сожженных: вся семья Трофимовых, жена и трое детей колхозника Андреева, девушка Мария Федорова и многие другие. У самой свидетельницы немцы сожгли мать, трех малолетних братьев, двух племянниц.

Свидетельница Н.П. Филиппова из деревни Замошье, Карамышевского района, пряталась со своей 8-летней дочерью Клавдией и другими колхозниками в лесу, спасаясь от угона на немецкую каторгу. Это было в феврале 1944 года, накануне прихода Красной Армии. Полагая, что наши части уже заняли деревню, крестьяне группами стали возвращаться по домам, но были перехвачены гитлеровцами.

Фашистские бандиты открыли стрельбу по безоружным людям, по детям, женщинам, старикам. В результате было убито 24 человека. Многие из них подверглись зверским мучениям. Особенно надругались звери над Модестом Захаровым. Лицо его было изуродовано ножевыми ранами, голова расплющена. Девочка Нина и годовалый Миша Петуховы были растоптаны ногами.

Затем дает показания свидетель В.И. Пакулин. Он рассказывает как 18 февраля 1944 года гитлеровцы угоняли население из деревни Заполье, Плюсского района.

— *«Эвакуация» происходила так,* — говорит свидетель. — *Поставили нас всех в ряд около сельской церкви и начали расстреливать. 35 человек каратели убили, 15 тяжело ранили. Получила ранение и моя жена. А среди убитых было 12 детей и 65-летний Макар Сергеев.*

Картину чудовищных зверств Пакулин дополняет фактами расправы, учиненной немцами в деревне Седелицы. Там фашисты забросали гранатами землянки, в которых находились 50 мирных жителей. Все они погибли^[257].

Свидетель показывает также, что немцы угоняли весь колхозный скот. Только из деревень Скорицы, Подгорье, Заплюсье, Замошье, Милютино и Староверский Луг было угнано более 400 коров и 35 лошадей.

Представитель защиты просит свидетеля сказать, кого из подсудимых он может назвать как участника зверской расправы с населением деревни Заполье.

Пакулин называет Зоненфельда.

Председательствующий: Подсудимый Зоненфельд, вы в деревне Заполье были?

Зоненфельд: Да.

— *Сжигали эту деревню?*

— Да.

— *Участвовали в расстреле мирных граждан?*

— Да, — вновь вынужден признать подсудимый.

Жительница деревни Волково Карамышевского района П.Н. Цвекова рассказывает о немецких зверствах в деревне Пикалиха, которая находится рядом с Волково. Расстреляв мирных жителей, гитлеровцы сожгли деревню.

О варварском сожжении поселка Карамышево вместе с его жителями подробно показывает суду свидетельница В.Л. Егорова. Она говорит, что только в двух домах было обнаружено 180 трупов.

Свидетель Я.К. Кузьмин рисует картину злодеяний, совершенных гитлеровскими выродками в деревне Мачково Порховского района. Эту деревню немцы сожгли. Они сожгли также заживо много мирных жителей, а некоторых, в том числе малолетних, расстреляли. Свидетель опознает как карателей, участников этих зверств сидящих на скамье подсудимых Герера и Скотки.

Эти же факты подтверждает и свидетель — житель этой же деревни В.Е. Егоров. Он называет имена тех же подсудимых.

Факты поджога деревень, факты жестокого, бесчеловечного обращения с советскими людьми в лагерях для военнопленных приводит в своих показаниях свидетельница А.П. Стогаева^[258].

Свидетельница А.И. Лукинина, жительница деревни Шилово Порховского района, сообщает суду о зверской расправе немцев над мирными жителями деревни. Приехавшие немцы согнали около 80 человек в одну избу, якобы для проверки документов, закрыли двери, наставили пулеметы, а потом бросали внутрь гранаты. После взрыва гранат немецкие бандиты подожгли избу. Сгорело 48 человек, в том числе мать свидетельницы и две ее дочери.

О методическом сожжении поселка Струги Красные и планомерном истреблении мирного населения, показывает суду 58-летний свидетель П.Е. Астафьев.

— *Когда немцы стали отступать в феврале 1944 года, они долго жгли наш поселок, пожалуй, с неделю,* — говорит Астафьев. — *Лежал снег, постройки не загорались, каждую зажигали отдельно соломой, керосином. Сожгли все дотла. Население угоняли в Германию. Нас осталось не более 100 человек, а было в поселке около 5 тысяч.*

Гитлеровские палачи зверски замучили 73-летнего старика Василия Астафьева, брата свидетеля. Он скрывался в лесу. Немцы его захватили, когда он шел за продуктами, и потребовали, чтобы он указал, где находится на-

селение и партизаны. Русский человек отказался это сделать. Ему отрубили топором руку. Он и тогда ничего не сказал. Злодеи отрубили старику вторую руку, потом отрубили ноги и голову.

Свидетельница Т.М. Лаврентьева, колхозница из деревни Малые Пети Славковского района, была очевидицей расстрела немцами в этой деревне 50 мужчин и подростков.

Свидетельница А.Е. Малышева, колхозница из деревни Заполье Плюсского района, передала подробности расстрела большой группы женщин и детей за то, что они отказались ехать в Германию.

— *Нас выстроили в сажнях десяти от дороги и стали стрелять. Мы взялись за руки: умирать так вместе. Когда выстрелили, моей племяннице оторвало ноги. Немцы дали еще очередь. Попали ей в голову. Мне обожгло глаза. Муж лежал раненный. Всего было убито 30 человек и 15 ранено.*

О массовом сожжении мирных советских граждан в деревне Красуха Порховского района показала суду свидетельница М.Л. Павлова. Немцы согнали женщин, детей и стариков в два гумна и там сожгли. Тех, кто пытался бежать, они застрелили. Погибло две дочери свидетельницы: одна 12 и другая 7 лет.

Жуткие факты массовых расстрелов мирных жителей и сожжения населенных пунктов привели в своих показаниях и свидетели И.И. Иванов, С.И. Воробьев и В.И. Иванов. У последнего немецкие каратели сожгли жену, 13-летнего сына и 7-летнюю дочь.

Значительная часть чудовищных злодеяний, о которых говорили свидетели, происходила в Карамышевском и Новосельском районах, подчиненных коменданту Пскова подсудимому Ремлингеру^[259].

Утреннее заседание 31 декабря 1945 г.

На утреннем заседании продолжается допрос свидетелей. Первым допрашивается свидетель Д.В. Васильев, колхозный счетовод из деревни Молостово, Славковского района:

— *В середине февраля 1944 года, — рассказывает Васильев, — я вместе с двумя товарищами шел в лес, где наши семьи, выгнанные немцами из домов, жили в окопах. Возле деревни Рудаково нас встретили немцы и приказали спуститься в овраг. Там они отобрали у нас теплую одежду и приказали уходить. Едва мы отошли шагов на пять, как гитлеровцы открыли стрельбу из автоматов. Меня ранило в ногу. Я пополз. Меня снова ранило в руку, потом в грудь, потом в нижнюю челюсть. Я притворился мертвым. Стрельба стихла. Один немец ударил меня сапогом в бок. Я не пошевелился. Немцы ушли. Тогда я приподнялся и увидел, что мои товарищи убиты. Истекая кровью, я отполз в сторону. Меня подобрала местная жительница.*

Государственный обвинитель спрашивает у свидетеля, почему его и товарищей задержали немцы, требовали ли они предъявления документов? Васильев отвечает:

— *Нас просто так забрали, а потом начали расстреливать.*

Следующим суд допрашивает свидетеля Н.И. Сердюка, служившего в немецкой комендатуре в Крестах, возле Пскова. Свидетель показывает, что видел подсудимого Ремлингера когда тот, принимая должность коменданта Пскова, приезжал в Кресты, чтобы ознакомиться с подчиненной ему комендатурой. Опровергая утверждения Ремлингера, свидетель заявляет, что находившийся в Крестах лагерь для гражданских заключенных — жителей Пскова и окрестных деревень, — был в ведении псковского коменданта и что Ремлингер, приехав в Кресты, осматривал этот лагерь. В лагере было не менее 150 заключенных, которых морили голодом, нещадно избивали, держали в карцерах. В лагере медленной смертью погибали люди, не знавшие за собой никакой вины. Многие арестованные за неподчинение немецким властям, за уход с работы, опоздания, направлялись в Псков и по указанию генерала Ремлингера расстреливались или подвергались жестокому наказанию. Сообщения об этих расправах передавались псковским радиоузлом и всегда подписывались Ремлингером.

Свидетель Курт Дитмар, бывший командир отделения из 2-го батальона «особого назначения», служивший под командой подсудимых Фогеля и Штрюффинга, показывает, что в июле 1944 года, во время отступления немцев из-под Пскова, он видел, как Фогель и Штрюффинг из карабинов расстреливали мирных советских людей, старух и стариков^[260].

— *В одной деревне, у реки Великой, по приказу Штрюффинга, — показывает свидетель. — Фогель, Янике и я расстреляли 20—25 мужчин и женщин.*

Свидетель Эмиль Вибуш сообщает суду, что вместе с подсудимым Зоненфельдом проходил в Луге специальное обучение. Их учили, как должны действовать карательные группы.

— *Уже находясь в советском лагере для военнопленных, — говорит Вибуш. — Зоненфельд рассказывал мне, что ему в карательном отряде жилось хорошо. Они поджигали деревни, весь народ расстреливали, ели и брали что хотели. Женщин перед расстрелом насиловали.*

Государственный обвинитель обращается к суду с ходатайством вызвать дополнительно свидетелей. Он говорит, что имеются многочисленные документы о немецко-фашистских зверствах на территории Ленинградской области в период ее оккупации, о варварском разрушении немцами величественных памятников архитектуры и искусства в Пушкине, Петродворце, Новгороде, Пскове.

Для ознакомления с этими материалами суд решает вызвать дополнительно свидетелей: Н.Н. Белехова — начальника государственной инспекции по охране памятников Ленинграда, С.Н. Давыдова — начальника специальной проектно-реставрационной мастерской Комитета по делам архитектуры при Совнарком СССР, П.П. Тарасова — настоятеля кафедрального Николо-Богоявленского собора и секретаря митрополита Ленинградского и Новгородского. Кроме того, в качестве судебно-медицинского эксперта суд решает вызвать подполковника медицинской службы А.П. Владимирского — судебно-медицинского эксперта Ленинградского военного округа,

принимавшего участие в расследовании немецко-фашистских зверств и, в частности, обследовании могил, где похоронены замученные немцами советские граждане.

Свидетель Пауль Хейзе вместе с подсудимыми Бемом и Энгелем служил батальоне «особого назначения». Отступая под натиском Красной Армии, батальон сметал с лица земли десятки населенные пункты, грабил села, угонял скот, расстреливал мирных людей, оставляя за собой «зону пустыни».

— *На пути от Устья до Дедовичей,* — показывает свидетель, — *я не видел ни одной уцелевшей деревни, все кругом пылало.*

Особенно свирепствовал специальный лыжный взвод, которым командовал подсудимый Бем.

В этих зверских операциях, как показывает свидетель, помимо Бема участвовали подсудимые Дюре и Энгель.

Государственный обвинитель: Подсудимый Бем, правду ли говорит свидетель?

Бем: Да.

Подтверждают также показания свидетеля подсудимые Дюре и Энгель.

Об активном участии подсудимых Бема и Энгеля в уничтожении сел и деревень говорит также свидетель Вернер-Целинский, бывший военнослужащий батальона «особого назначения».

После пленения его Красной Армией свидетель содержался вместе с подсудимыми Скотки, Янике, Зоненфельдом и другими. Здесь, уже в плену, недавние соучастники по кровавым преступлениям хвастались своими чудовищными злодеяниями.

Скотки, цинично смакуя подробности, рассказывал о том, как он расстрелял из автомата 60 женщин. Зоненфельд говорил о том, как под его руководством, группа солдат бросала гранаты в мирных граждан, загнанных в один из домов.

Эти показания свидетеля не опроверг ни один из подсудимых.

Свидетель Н.Н. Белехов — начальник и главный архитектор государственной инспекции по охране памятников Ленинграда — рассказывает о варварском разрушении и уничтожении немецко-фашистскими захватчиками исторических, художественных памятников, музеев пригородов Ленинграда.

— *Историческим ценностям Ленинграда и его замечательных пригородов,* — показывает свидетель, — *немецко-фашистские варвары нанесли непоправимый урон. В Ленинграде имеется до 300 памятников искусства. В результате варварских обстрелов города и бомбежек 187 из них в той или иной мере повреждены. Чудовищный разгром произведен в пригородах Ленинграда. Дворцы Павловска, Пушкина, Гатчины были сначала разграблены немецкими войсками, а затем разрушены почти до основания.*

Ограблению и варварскому разрушению подверглись десятки других исторических памятников и культурных ценностей нашей области.

На этом судебное заседание 31 декабря заканчивается.

Утреннее заседание 2 января 1946 г.

На утреннем заседании продолжался допрос свидетелей, дополнительно вызванных судом по ходатайству государственного обвинителя.

Первым дает показания свидетель С.Н. Давыдов, начальник специальной проектно-реставрационной мастерской Комитета по делам архитектуры при Совнаркомом СССР. В январе 1944 года он участвовал в расследовании фашистских злодеяний в Новгороде и Пскове, и видел потрясающую картину разрушений, нанесенных немцами древнейшим памятникам русского зодчества в этих городах. Немецкие варвары сознательно разрушали и оскверняли памятники русской национальной культуры. Старинные здания с изумительной стеной живописью были превращены захватчиками в доты, казармы, конюшни. Уникальная утварь и иконы были разграблены.

Свидетель протоиерей П.П. Тарасов, настоятель центрального Николо-Богоявленского собора и секретарь митрополита Ленинградского и Новгородского, сообщил суду о многочисленных фактах кровавых злодеяний немецко-фашистских захватчиков и надругательствах над русской православной церковью. В частности в Петродворце под развалинами церкви погибло до 1 000 женщин, детей и стариков, которые искали убежища от немецких бомбежек и обстрелов.

Затем дает показания свидетель подполковник медицинской службы Владимирский, судебно-медицинский эксперт Ленинградского военного округа. По приглашению Чрезвычайной Государственной Комиссии он исследовал трупы советских людей, замученных и уничтоженных гитлеровцами. Он присутствовал при раскопках мест захоронения бесчисленных жертв фашистских кровавых преступлений, видел тысячи трупов, сваленных в огромные рвы.

В лесу, расположенном в 38 километрах от Гатчины, было обнаружено место массового расстрела советских людей. В гигантском рву лежали штабелями около 3 тысяч трупов, женщины прижимали к себе грудных детей.

Свидетель приводит десятки таких фактов. Немецкие бандиты использовали все способы для массового уничтожения мирного советского населения. Людей расстреливали, морили голодом, заживо сжигали, отравляли. В Гатчинской больнице немецкие врачи ввели трупный яд 850 больным. Чтобы замести следы чудовищного злодеяния, фашисты перед отступлением заставили советских военнопленных вырыть трупы и сжигать их. Две недели продолжалась эта страшная процедура. Когда она была закончена, немцы живыми сожгли военнопленных - свидетелей их преступлений.

Государственный обвинитель задает свидетелю Владимирскому вопрос:

— В каком районе вы находили больше всего могил замученных и расстрелянных немцами советских граждан?

— Центром уничтожения людей в пределах Ленинградской области, - отвечает свидетель, - был Псков. Я нигде в другом месте не видел столько кровавых следов немецко-фашистских злодеяний.

По ходатайству государственного обвинителя после перерыва был продемонстрирован документальный фильм о немецко-фашистских злодеяниях на территории Ленинградской области.

Кадры, заснятые кинооператором Ленинградского фронта, начиная с 1941 года, документально подтверждают чудовищные преступления немецко-фашистских злодеев в ленинградской земле.

На экране возникают руины Пскова, Новгорода, Луги, Гатчины, Гдова, десятков других городов, тысячи сел, сметенных немцами с лица земли. Воскрешаются картины страшных мучений, пережитых советскими людьми под пятой оккупантов. Кинооператоры, проникающие в тыл врага, засняли пылающие села, подожженные немцами. Жители их, женщины, дети, старики, лишённые крова, уходят в леса, селятся в землянках. Фильм производит десятки приказов немецкого командования, издававшихся в оккупированных районах. Каждый из приказов неизменно заканчивается словами — «подлежит расстрелу». Под одним из этих приказов размашистая подпись — Ремлингер. Ещё одна неопровержимая улика против фашистского карателя, сидящего на скамье подсудимых.

Фильм заканчивается короткими цифрами: на территории Ленинградской, Новгородской и Псковской областей немцы расстреляли, сожгли, замучили, повесили больше 67 тысяч мирных граждан.

После демонстрации фильма государственный обвинитель задает дополнительные вопросы подсудимому Ремлингеру, о преступной деятельности которого свидетели дали новые показания.

Государственный обвинитель предлагает подсудимому рассказать, кто приводил в исполнение в Пскове приговоры над советскими гражданами. Ремлингер пытается отрицать свое участие в расстрелах.

— Я ни одного человека не расстрелял, — с тупым упорством продолжает твердить гитлеровский генерал.

Но в конце концов он подтверждает, что расстрелы мирных граждан производились жандармерией, находившейся в его подчинении.

Затем по ходатайству государственного обвинителя зачитываются акты о сожжении деревни Пикилиха, Карамышевского района, находившегося в подчинении у Ремлингера, о злодеяниях немцев в деревнях Мачково и Малые Пети. Эти документы приобщаются к материалам следствия.

Председатель суда задает несколько дополнительных вопросов подсудимым и объявляет, что судебное следствие по делу закончено. Следующие заседание назначается на 18 часов 3 января.

Вечернее заседание 3 января.

Вечернее заседание открывается под председательством подполковника юстиции Комлева, который по решению суда заместил председательствующего генерал-майора юстиции Исаенкова ввиду болезни последнего.

Затем с речью выступает государственный обвинитель генерал-майор юстиции Петровский.

Речь государственного обвинителя генерал-майора юстиции Петровского.

Свою речь государственный обвинитель начинает с характеристики чудовищных злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками на территории Ленинградской области в период ее оккупации.

— Происходящий в Нюрнберге процесс главных военных преступников, — говорит государственный обвинитель, — точным языком документов раскрыл перед всем миром, что злодейские планы вероломного и внезапно нападения на нашу Родину, разграбления ее богатств, истребления и порабощения советских людей, долго и тщательно разрабатывались гитлеровскими людоедами. Авторы этих планов — держат ответ за свои преступления перед Международным Военным Трибуналом. Здесь на скамье подсудимых сидят исполнители этих варварских планов, те, кто осуществлял их.

— На территории Ленинградской области в период ее оккупации фашистскими палачами было расстреляно, заживо сожжено и замучено более 60 000 мирных советских граждан, том числе детей, женщин и стариков. Угнано на фашистскую каторгу свыше 500 000 советских людей. Фашистские бандиты уничтожили тысячи населенных пунктов. Они разрушили и повредили свыше 150 000 домов, 3 783 промышленных учреждений, 1 933 школы, 256 лечебных учреждений, 235 детских садов и яслей, множество театров, научных учреждений, памятников и музеев. Древнейшие русские города Псков и Новгород превращены в развалины. Варварскому разорению, взрывам, пожарам и разграблению подверглись известные всему миру новгородские и псковские соборы и церкви, исторические дворцы, музеи в Пушкине, Петергофе, Павловске и Гатчине. Много тяжелых ран фашистские разбойники нанесли Ленинграду, варварскими бомбежками и артиллерийскими обстрелами.

— Предварительным судебным следствием доказано, — продолжает государственный обвинитель, — что к числу гитлеровских палачей и бандитов, совершивших расправы над советскими людьми, принадлежат все сидящие на скамье подсудимых одиннадцать военнопленных германской армии: Ремлингер, Штрюффинг, Фогель, Энгель, Бем, Зоненфельд, Янике, Герер, Дюре, Скотки и Визе. Все они совершили на территории Ленинградской области такие злодеяния, как массовое истребление населения, массовый угон советских людей в немецкое рабство, сплошное сожжение населенных пунктов, разрушение и разграбление имущества.

При этом они не только выполняли преступные приказы высшего командования, но проявляли свою личную

преступную инициативу, действуя с изощренной нечеловеческой жестокостью: они без всяких причин расстреливали женщин, стариков и малолетних детей. То, что нам удалось установить в отношении привлеченных по настоящему делу обвиняемых, — это далеко не все. Сидящие на скамье подсудимых людоеды тщательно скрывают свои преступления. Но и то, что бесспорно установлено, ужасает и возмущает, как кровавый кошмар.

Государственный обвинитель переходит к рассмотрению вины каждого подсудимого в отдельности, напоминая суду имеющиеся в деле документы, показания свидетелей, признания самих обвиняемых.

— Подсудимый Ремлингер бывший военный комендант города Пскова и примыкающих к нему районов, генерал-майор германской армии, ревностно служил Гитлеру, с изощренной жестокостью производил кровавые расправы над советскими людьми. В период с июля 1943 года по август 1944 года Ремлингер проводил политику истребления мирного населения Ленинградской области и советских военнопленных, сожжения и разрушения населенных пунктов, угона советских граждан на немецкую каторгу.

Матерый бандит Штрюффинг, капитан германской армии, будучи командиром роты в батальоне «особого назначения», руководил поджогами деревень и расстрелами стариков, женщин и детей, принимая в расстрелах личное участие.

Охарактеризовав далее преступления подсудимых Бема, Фогеля, Дюре и Визе, государственный обвинитель подробно останавливается на злодейских действиях Янике, Герера и Скотки, доказанных их собственными признаниями, а также показаниями свидетелей и других подсудимых. Янике лично расстрелял более трехсот мирных советских граждан и сжег до 30 населенных пунктов. Герер во время 14 карательных операций в районе Славковичи лично убил более 100 женщин, стариков и детей. Скотки, бывший активный член «союза гитлеровской молодежи», лично убил более трехсот мирных советских людей.

— Не воскресить расстрелянных, сожженных, замученных немецко-фашистскими злодеями советских граждан, — говорит государственный обвинитель. — Ничем не утолить горе советских людей, потерявших своих близких, своих родителей, жен и детей. Не сразу встанут из развалин и пепла разрушенные немцами города, сожженные села и деревни. Весь наш народ, — ждет от вас, граждане судьи, справедливой, суровой кары виновникам этих злодеяний. Совесть человеческая не может примириться с тем, что эти изверги, хладнокровные убийцы стариков, женщин и детей, живут на земле. Пусть злодеи услышат суровый приговор советского суда. Преступления всех подсудимых предусмотрены статьей 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года. В соответствии с этим Указом я прошу приговорить всех подсудимых к смертной казни через повешение.

* * *

Присутствующие в зале судебного заседания около двух тысяч представителей трудящихся Ленинграда, колхозников Ленинградской, Псковской и Новгородской областей, всеобщим одобрением встретили это требование государственного обвинителя.

Затем председательствующий предоставляет слово защите.

Адвокат Зимин, защищающий по назначению суда подсудимого Ремлингера, отмечает, что за кошмарные преступления, совершенные немцами на территории, подведомственной коменданту Пскова, несет ответственность не только его подзащитный, так как здесь действовали также части, не находившиеся в его подчинении. Защитник просит учесть это обстоятельство при определении меры наказания подсудимому Ремлингеру.

Адвокат Борхов, защищающий подсудимых Бема, Янике, Фогеля и Визе, просит суд при вынесении приговора учесть неодинаковую степень преступлений его подзащитных.

Адвокат Галепский просит суд снизить меру наказания его подзащитным Энгелю, Зоненфельду и Гереру, основываясь на том, что они были лишь непосредственными исполнителями преступных приказов высших командиров германской армии.

С такой же просьбой обращается к суду адвокат Крельков, защищающий подсудимых Дюре и Скотки.

Председательствующий объявляет, что прения сторон закончены, и предоставляет последнее слово подсудимым.

Подсудимые Бем, Энгель, Скотки, Штрюффинг, Янике, Герер, Фогель полностью признают предъявленные им обвинения и просят суд о снисхождении. Подсудимый Визе снова пытается отрицать свою вину. Подсудимый Дюре от последнего слова отказывается.

На этом заседание заканчивается.

Вечернее заседание 4 января.

Сегодня на вечернем заседании председательствующий предоставил последнее слово подсудимым Ремлингеру и Зоненфельду.

В 19 часов 30 минут суд удалился на совещание, для вынесения приговора.

Поздно вечером председательствующий — подполковник юстиции т. Комлев огласил приговор военного трибунала.

Военный трибунал Ленинградского военного округа признал бывших военнослужащих германской армии Ремлингер Генриха Генриховича, Штрюффинг Карл-Германа, Визе Франца, Энгель Фрица, Герер Эрвин-Эрнста, Дюре Арно, Зоненфельд Эдуарда, Бем Эрнста, Скотки Эрвина, Янике Гергарда, Фогель Эриха-Пауля виновными в совершении массовых расстрелов, зверств и насилий над мирным советским населением, в сожжении и разграблении городов и сел, в угона советских граждан на немецкую каторгу, т.е. преступлениях, предусмотрен-

ных ст.1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года.

Руководствуясь статьей 4 Уголовного Кодекса РСФСР и статьями 319 и 320, Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР и учитывая степень виновности каждого из подсудимых, военный трибунал приговорил:

Ремлингер Генриха Генриховича, Штрюффинг Карла-Германа, Бем Эрнста, Энгель Фрица, Зоненфельд Эдуарда, Янике Гергарда, Скотки Эрвина, Герер Эрвина-Эрнста — к смертной казни через повешение;

Фогель Эрих-Пауля и Визе Франца — к ссылке в каторжные работы сроком на 20 лет каждого;

Дюре Арно — к ссылке в каторжные работы сроком на 15 лет.

Присутствующие в зале трудящиеся Ленинграда, Ленинградской, Новгородской и Псковской областей встретили приговор единодушным одобрением.

ЛЕНИНГРАД. 5 января. (ТАСС).

Сегодня в 11 часов утра в г. Ленинграде на площади у кинотеатра «Гигант» был приведен в исполнение приговор над немецко-фашистскими злодеями — Ремлингер, Штрюффинг, Бем, Энгель, Зоненфельд, Янике, Скотки, Герер, приговоренными военным трибуналом Ленинградского военного округа за совершение ими массовых расстрелов, зверств и насилий над мирным советским населением, сожжение и разграбление городов и сел, угон советских граждан в немецкое рабство — к смертной казни через повешение.

Тысячи трудящихся, присутствовавших на площади, встретили приведение приговора в исполнение единодушным одобрением.

28 декабря 1945 г. — 5 января 1946 г.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О ЗВЕРСТВАХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОРОДЕ НИКОЛАЕВЕ И НИКОЛАЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

НИКОЛАЕВ. 10 января. (ТАСС).

Сегодня здесь^[261], в Военной Трибунале Одесского военного округа началось слушанием дело о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в г. Николаеве и Николаевской области в период временной оккупации их 1941—1944 гг.

К судебной ответственности привлечены 9 человек: генерал-лейтенант германской армии, комендант г. Николаева Винклер Герман; оберштурмфюрер СС, б. начальник управления полиции безопасности (СД) Санднер Ганс; майор, б. начальник жандармерии Николаевской области Бютнер Макс; капитан, б. начальник жандармерии г. Херсона Кандлер Франц; б. начальник жандармского поста^[262] майор Михель Рудольф; б. начальник охранной полиции Николаевской области Витцлеб Франц; б. заместитель начальника охранной полиции Николаевской области Шмале Генрих и военнослужащие Берг Роберт^[263] и Хапп Иоган^[264].

Дело рассматривается в открытой судебном заседании под председательством полковника юстиции т. А.С. Зотова. Члены Трибунала — полковник юстиции т. Г.П. Михно и подполковник юстиции т. В.А. Мошев. Государственное обвинение поддерживает полковник юстиции т. И.Ф. Семашко. Защитниками подсудимых по назначению от суда выступают адвокаты гг. Шерешевский, Быков, Степаненко, Белостоцкий, Беклетов.

На утреннем заседании было оглашено обвинительное заключение^[265], в котором говорится, что немецко-фашистские захватчики во время оккупации значительной части Украинской ССР, в том числе и Николаевской области с г. Николаевом, попирая установленные международным правом правила ведения войны, последовательно проводили в жизнь намеченные правительством фашистской Германии и командованием германской армии чудовищные планы истребления и ограбления советского народа.

Материалами Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и данными следствия установлено, что за время своего «хозяйничания» в г. Николаеве и Николаевской области^[266] немецко-фашистские изверги расстреляли, повесили и замучили свыше 105 тысяч советских граждан, угнали в рабство более 60 тысяч человек и причинили материальный ущерб народному хозяйству области на сумму свыше 17 миллиардов рублей.

Следствием установлено, что с момента занятия немецкими захватчиками гор. Николаева — 16 августа 1941 года — там начались массовые аресты и убийства мирного населения, а так же советских военнопленных. Все это проводилось по заранее разработанному плану гитлеровского верховного командования.

Расстрелы производились изо дня в день. Для устрашения мирного населения гор. Николаева и области немецкие карательные органы систематически производили публичное повешение ни в чем невиновных советских граждан. Казням советских людей предшествовали пытки, беспримерные по своей нацистской жестокости.

Помимо истребления советского населения в городе Николаеве и Николаевской области, немецко-фашистские захватчики также систематически насильственно угоняли советскую молодежь, в германское рабство.

За время оккупации гор. Николаева немецко-фашистские захватчики систематически разрушали и уничтожали заводы, фабрики и предприятия, в том числе сожгли два крупных судостроительных завода — имени Марти и имени 61 коммунара, завод «Дормашина», вокзал. При оставлении города оккупанты взорвали три хлебозавода, кондитерскую фабрику, маслозавод, пивоваренный завод и ряд других предприятий.

Такому же варварскому разрушению подверглось и городское хозяйство.

Немецко-фашистские оккупанты разграбили музей, причем украдена и увезена в Германию большая часть экспонатов, в числе которых уникальные произведения живописи — картины Верещагина, Айвазовского, Шишкина и других.

Оккупанты разрушили и разграбили сельское хозяйство Николаевской области и личную собственность граждан.

Далее в обвинительном заключении приводятся конкретные преступления, в которых изобличены материалами следствия привлеченные по настоящему делу в качестве обвиняемых: Винклер Герман, Санднер Ганс, Бютнер Макс, Кандлер Франц, Михель Рудольф, Витцлеб Франц, Шмале Генрих, Берг Гоберт, Хапп Иоган^[267].

Утреннее заседание 10 января.

После оглашения обвинительного заключения суд переходит к допросу подсудимых. Все подсудимые, кроме Шмале, признают себя виновными в предъявленных им обвинениях.

Первым дает показания подсудимый **Санднер**^[268]. Он признает, что в Киеве он по заданию командования СС возглавил команду, которая в сентябре 1941 года расстреляла около тысячи советских граждан. В ноябре 1941 года Санднер получил назначение в Николаев, где, руководя полицией безопасности, был организатором и непосредственным участником массовых расстрелов советских граждан.

В декабре 1941 г. Санднер во главе карательного отряда выехал в село Ново-Александровка, Баштанского района, где по его приказу было расстреляно 54 человека, в том числе дети, женщины и старики.

Санднер неоднократно выезжал также в лагерь советских военнопленных в окрестностях Николаева. Его приезд сюда обычно сопровождался многочисленными расстрелами, пытками, истязаниями. По его приказу за короткое время было расстреляно 200 человек.

В 1942 году Санднер дает указание для устрашения населения города Николаева повесить 10 советских граждан. По указанию Санднера было также расстреляно 20 врачей и 22 члена их семей.

— *В чем чем были виновны эти люди?* — спрашивает прокурор.

Обвиняемый: Ни в чем.^[269]

Отвечая на вопросы председательствующего, Санднер вынужден признать, что органами СД было уничтожено 200 больных, находившихся на излечении в лечебнице.

Перекрестным допросом подсудимый также уличается в расстреле 1 500 мирных граждан, массовом применении пыток и истязаний, поголовном истреблении еврейского населения области и цыган^[270].

Пытаясь умалить свою вину, Санднер говорит, что он все это делал, подчиняясь приказам немецкого командования^[271]. На вопрос прокурора, как же можно назвать эти действия, Санднер ответил:

— *Действиями убийц и насильников.*

Допросом Санднера заканчивается утреннее заседание.

Вечернее заседание 10 января.

Заседание открылось допросом подсудимого **Берга**, сотрудника полевой жандармерии. Это — убийца и грабитель с большим стажем — он принимал участие в походах против Польши, Франции, Греции и других стран.

В сентябре 1941 года Берг вместе со своей частью полевой жандармерии прибыл в Николаев. До этого он успел побывать в городе Бендерах, где за 3 дня при его участии полевая жандармерия расстреляла до 16 000 мирных жителей^[272].

В первые же дни пребывания в Николаеве он принял участие в расстреле 28 рабочих, которых обвинили в том, что они якобы хотели подложить мину под здание Николаевской электростанции.

На вопрос председательствующего, было ли произведено расследование виновности советских людей, обвиняемый ответил:

— *Нет, нам это не нужно было. Мы расстреляли, а виновны ли они были или нет, это нас не интересовало.*

В Бахчисарае также было много «работы». Вблизи железнодорожной станции в то время организовывался лагерь для русских военнопленных. Но там были не только военнопленные, было много и гражданского населения. 200 обреченных отсюда отправляются в Севастополь на расстрел, а Берг со своей командой занимается приготовлением кладбищ.

В феврале 1942 года здесь было расстреляно 18 человек гражданского населения, в том числе дети. Берг заявляет, что эти люди были виновны, якобы, в саботаже. Прокурор задает вопрос:

— *А за что были расстреляны дети, какая их вина?* — Подсудимый молчит.

В ходе судебного следствия устанавливается также, что подсудимый Берг принимал личное участие в пытках и расстрелах ни в чем не повинных мирных советских граждан в Очакове, Симферополе, Бахчисарае, Севастополе и других городах.

Допросом Берга закончилось вечернее заседание.

Утреннее заседание 11 января.

Заседание начинается с допроса подсудимого **Михель**, бывшего заместителя начальника жандармерии Больше-Александровского района, а позднее начальника жандармерии Березнеговатского района. Это — типичный

гитлеровский полицейский служака, у которого бандитизм является основным ремеслом. Находясь в Больше-Александровском районе, он вместе со своими подчиненными жандармами устроил массовую облаву на мирных советских граждан. Во время облавы было задержано более 250 ни в чем не повинных людей, которые были переданы так называемой полиции безопасности для расправы.

Стремясь умалить свою вину, Михель отрицает факт расправы жандармов над мирными людьми. Тогда председательствующий оглашает выдержку из показаний Михеля на предварительном следствии, где он говорил: «Жандармы систематически избивали советских людей — кулаками, плетью, резиновыми дубинками. Это было у нас обычным явлением». Уличенный во лжи, обвиняемый вынужден подтвердить свои показания, данные на предварительном следствии.

— *Они не давали нам нужных показаний,* — нагло заявляет Михель, — *мы клали их на пол или скамью и били резиновыми палками, кулаками и ногами, пока ни добивались нужных сведений.*

Михель, однако, пытается отрицать, что людей при этом раздевали.

— *Они сами раздевались. Я не помню случая, чтобы они отказались раздеться.*

Спокойно, с чисто немецкой точностью, подсудимый рассказывает о расстрелянных им пяти советских гражданах, среди них одна женщина.

— *Она вела пропаганду.* — говорит Михель. — *Она говорила, что Красная Армия скоро вернется.*

— *Ну и что ж, она ошиблась?* — спрашивает председательствующий.

Михель молчит. На вопрос прокурора, были ли еще случаи расстрела советских граждан, обвиняемый заявляет, что помнит еще 10—15 расстрелов.

— *А за что были расстреляны шесть человек цыган?* — спрашивает прокурор.

— *Они были расстреляны в связи с эпидемией тифа. Цыгане не имели возможности соблюдать личную чистоту, и их уничтожили. Это была семья — отец, мать и дети 16, 14, 7 и 6 лет.*

Получив «повышение», Михель был переведен в Березнеговатский район. Здесь он организовал массовый угон населения в немецкое рабство. За короткое время Михель насильственно отправил в Германию более тысячи советских граждан, в том числе подростков, женщин, детей, глубоких стариков. Михель и его жандармы систематически учиняли кровавые расправы над мирными жителями и военнопленными. Гитлеровские бандиты произвели, например, дикую расправу над 10 задержанными советскими военнопленными, бежавшими из лагеря.

Далее допрашивается **Кандлер**, бывший начальник жандармерии г. Херсона. Возглавляя жандармерию, он осуществлял все карательные меры, направленные против советских граждан, являлся инициатором всех расправ, грабежей, насилий. На суде Кандлер пытается увильнуть от ответственности, однако под перекрестным допросом председательствующего и прокурора, он изобличается во многих злодеяниях. Весной 1943 года по указанию обвиняемого, жандармы арестовали, а затем расстреляли 15 агрономов.

В Херсонской жандармерии была введена система избиений, пыток, утонченных издевательств. Все это поощрялось и вдохновлялось подсудимым, принимавшим личное участие в кровавых расправах.

Особенно разнузданный характер принял террор накануне отступления немцев из Херсона. По приказу Кандлера ежедневно устраивались массовые облавы. За короткое время при облавах было задержано свыше 1 000 советских граждан. Больше половины из них было передано в органы «СД» для расстрела, остальные угнаны в Германию — на фашистскую каторгу. Всего жандармами Херсонского округа было угнано в немецкую неволю более 8 000 советских граждан.

В Херсон часто приезжал Бютнер — начальник жандармерии Николаевской области, сейчас сидящий на скамье подсудимых. Бютнер давал указания своему подчиненному Кандлеру проводить самую жестокую, беспощадную политику в отношении советских граждан. Кандлер в точности выполнял все эти указания, а вместе с тем проявлял и личную инициативу, стараясь выслужиться перед начальством.

Допросом подсудимого Кандлера заканчивается утреннее заседание.

Вечернее заседание 11 января.

На заседании продолжился допрос обвиняемого Кандлера. Шаг за шагом суд устанавливает виновность подсудимого в издевательствах, пытках, истязаниях, которые систематически практиковал Кандлер. Кандлер изобличается не только судом, но и обвиняемым Санднером.

Затем суду дает показания **Бютнер** — майор, бывший начальник жандармерии Николаевской области. Это одна из центральных фигур процесса. Он — старый член гитлеровской партии, в которую вступил еще в 1933 году, опытный заплечных дел мастер. Бютнер пытается умалить свою вину, ссылаясь на приказы командования. Однако в ходе судебного заседания и материалами предварительного следствия он полностью изобличается в предъявленных обвинениях.

Будучи начальником жандармерии Николаевской области, Бютнер имел в своем подчинении 13 жандармских округов. Подсудимый лично объезжал подчиненные ему жандармские участки, инструктировал их. Он учил своих жандармов, как нужно убивать, вешать, истязать, грабить мирных советских граждан. Обвиняемый Бютнер принимал личное участие в карательных экспедициях. Эти экспедиции заканчивались расстрелами сотен людей, угонем советских граждан в немецкое рабство. Бютнер лично расстреливал и лично возглавлял одну из крупнейших карательных экспедиций против мирного населения ряда районов Николаевской области. В результате этой экспедиции, здесь было сожжено 6 населенных пунктов, расстреляны сотни советских граждан.

По приказу Бютнера жандармы арестовывали сотни людей, бросали их в застенки. пытки здесь носили утонченный характер: людей лишали пищи, подвешивали вниз головой, жгли пятки раскаленным железом, били по голове резиновыми дубинками. За короткое время по приказу Бютнера в Николаеве было арестовано 1 500 ни в чем не повинных людей. Из них более 500 были переданы полиции безопасности «СД», откуда они не возвратились.

Руководитель жандармерии Бютнер производил массовый угон советских граждан в Германию. Проводившиеся при этом облавы сопровождались кровавыми расправами над населением. Всего николаевская жандармерия угнала из Николаевской области в Германию около 50 тысяч советских людей.

Допросом подсудимого Бютнера заканчивается вечернее заседание.

Утреннее заседание 12 января.

Заседание суда начинается допросом подсудимого майора **Витцлеба**, бывшего начальника охранной полиции гор. Николаева.

На вопрос председательствующего, признает ли он себя виновным в предъявленных обвинениях, подсудимый отвечает утвердительно.

Охранная полиция, руководимая Витцлебом, устраивала облавы на советских граждан, угоняла их в немецкое рабство, проводила массовые аресты, изымала продукты у населения. В январе 1942 года Витцлеб лично участвовал в повешении 10 советских граждан в Николаеве.

Подсудимый признает, что охранная полиция за время, когда он ее возглавлял, насильно угнала в Германию 10 000 советских граждан. Для этой цели систематически производились массовые облавы. Планы их разрабатывал лично Витцлеб. Людей, уклонявшихся от угона в немецкое рабство, охранная полиция подвергала жестоким избиениям и пыткам, затем они направлялись в «полицию безопасности» «СД», где, как правило, расстреливались. Чтобы скрыть следы своих преступлений, немецкие власти сжигали казненных.

Далее суд допрашивает подсудимого капитана **Шмале**, бывшего заместителя начальника охранной полиции г. Николаева.

Шмале, будучи заместителем начальника охранной полиции, не только выполнял приказы начальства — он проявлял и собственную «инициативу». Он — организатор и участник массовых облав, проводившихся в Николаеве, внушал подчиненным, чтобы людей, уклоняющихся от угона в Германию, немедленно расстреливали. В августе 1943 года Шмале выезжал с карательной экспедицией, которую возглавлял Бютнер. Каратели сожгли несколько населенных пунктов, расстреляли сотни советских граждан. Возглавляя полицию вместо уехавшего Витцлеба, подсудимый принимал активное участие в сожжении домов, в разрушении предприятий, школ, больниц. Только 26 и 27 марта 1944 года в Николаеве полицией было расстреляно более 150 человек.

Суд переходит к допросу обвиняемого **Винклера**^[273] — генерал-лейтенанта, бывшего коменданта Николаева, находившегося в городе около двух лет. Через подчиненные ему воинские части и карательные отряды Винклер осуществлял систематическое истребление советских людей, массовый угон мирных граждан в немецкое рабство, руководил разрушением предприятий, учреждений, больниц, музеев города.

В марте 1944 года, накануне бегства немцев из Николаева, Винклер издал приказ, в котором сообщалось, что все граждане, сопротивляющиеся угону в Германию, будут объявлены партизанами и расстреляны. Выраженная в приказах угроза широко осуществлялась полицией и жандармерией.

На суде генерал-лейтенант Винклер пытался изобразить себя «слепым исполнителем», осуществлявшим только указания высшего командования, однако в результате перекрестного допроса и предъявления документов Винклер изобличается как организатор и руководитель всех разрушений, произведенных в Николаеве немецкими оккупантами.

— *Известны ли вам решения союзников о наказании военных преступников?* — спрашивает председатель Трибунала подсудимого Винклера.

Подсудимый пытается объяснить, что он об этом не знал.

— *Но вы ведь работали в генеральном штабе германской армии? Как офицер генерального штаба, вы должны были знать о международных правилах ведения войны,* — продолжает председатель.

— *Да, эту войну мы вели нечисто,* — деловито констатирует сам подсудимый.

Допросом подсудимого Винклера утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 12 января.

На заседании продолжился допрос подсудимого Винклера. Отвечая на вопросы прокурора, обвиняемый вынужден признать, что он принимал участие в насильственном угоне в Германию трех тысяч квалифицированных рабочих, под угрозой репрессий посылал жителей города на тяжелые оборонительные работы.

В Николаеве было расквартировано более 60 тысяч немецких солдат. Для них по распоряжению Винклера были предоставлены лучшие городские здания — школы, клубы, техникумы, музеи. Все имущество, находившееся в этих помещениях, расхищалось. По его же указанию ценные экспонаты художественного музея — редкостные картины Айвазовского, Шишкина, Верещагина и других русских художников — были отданы в офицерский кабак.

Выполняя приказ Винклера, немецкие саперы, накануне бегства гитлеровцев из Николаева, заминировали

жилые дома, школы, корпуса завода имени Марти и другие.

Суд приступает к допросу подсудимого **Хапп**, бывшего обер-ефрейтора 783 охранного батальона. Хапп признает, что он принимал участие в массовом истреблении мирных советских граждан и военнопленных, истязаниях и пытках.

В лагере военнопленных, по словам подсудимого, за короткое время было расстреляно более 2 000 человек.

— *Ваше участие?*

— *Лично расстрелял 20 чел.*

— *За какие преступления?*

Хапп несколько минут молчит, а затем, потупив взгляд, вполголоса бормочет:

— *Не могу сказать...*

Допросом подсудимого Хаппа вечернее заседание заканчивается.

Утреннее заседание 13 января.

Суд переходит к допросу свидетелей. Их показания рисуют страшную картину жизни советских людей под игмом немецких оккупантов, издевательств, массовых расстрелов советских военнослужащих и мирного населения, осуществлявшихся немцами в гор. Николаеве и Николаевской области.

Первым дает показания свидетель Г.Г. Перегуда, старый рабочий морского порта, ныне инвалид труда. Он рассказывает о зверских методах, которыми сопровождался угон советских граждан в немецкую неволю. Под видом розыска оружия и партизан немцы устраивали в городах и селах массовые облавы. Задержанных бросали пачками в товарные вагоны. Тех, кто уклонялся от отправки в Германию, расстреливали.

Об угоне молодежи на каторгу показывает также на судебном заседании свидетель Н.Л. Вышеславский, заведующий кафедрой электротехники Николаевского кораблестроительного института. Он был также свидетелем планомерного, преднамеренного уничтожения гитлеровцами культурных учреждений и учебных заведений Николаева. Немецко-фашистские варвары разрушили и разграбили Николаевский кораблестроительный институт, судостроительный техникум, пединститут и др.

Свидетель Папахомова В.Ф. рассказывает о том, что за две недели до оставления города немцы начали сжигать дома, в том числе и жилые, не считаясь с тем, что в них было население. Лиц пытавшихся тушить пожар в своих жилищах, солдаты забрасывали гранатами и стреляли в них.

После занятия немцами Николаева, показывает суду свидетельница учительница Н.А. Крыжановская, гитлеровцы начали разрушать школьные здания, детские учреждения. Так были взорваны прекрасные здания новых школ №№8, 10, 13, уничтожена богатейшая детская библиотека, насчитывающая около 20 000 томов.

Свидетель М.К. Левашев, житель села Октябрьское, Октябрьского района, рассказывает о большой трагедии, которая произошла в его семье. Когда немцы уходили из села, вечером в его дом ворвались несколько гитлеровцев. Они выгнали на улицу трех сыновей, в том числе 14-летнего сына Ваню. Спустя несколько дней Левашев нашел обезображенные трупы своих сыновей в яме, возле элеватора. Здесь насчитывалось не менее 70 трупов детей, стариков, старух.

Далее дает показания свидетельница Л.П. Тищенко, научный сотрудник Николаевского художественного музея им. Верещагина, рассказывающая суду о варварском разграблении и разрушении немцами этого музея.

Председательствующий спрашивает подсудимого генерал-лейтенанта, бывшего коменданта гор. Николаева, Винклера:

— *Вы заслушали показания шести свидетелей, которые говорили о бесчинствах воинских немецких частей. Считаете ли вы себя виновным за эти преступные деяния?*

— *Да,* — отвечает Винклер.

Показания свидетельницы Барг повествуют о жутких страницах истории оккупации Николаева — о расстреле 20 советских врачей и 22 членов их семей.

— *Немцы расстреляли моего мужа,* — говорит свидетельница Е.И. Барг. — *Он был председателем научной секции врачей. Вместе с ним расстреляли 20 других местных врачей. Делали это фашистские изверги, которыми командовал сидящий здесь подсудимый Санднер.*

Председательствующий (обращаясь к подсудимому Санднеру): Подтверждаете ли вы этот факт?

Подсудимый Санднер: Да. Я арестовал и расстрелял этих врачей.

Далее дает показания свидетель, священник православной церкви А.М. Свиридовский:

— *Жандармы арестовали мою жену,* — говорит он. — *Ее держали в жандармерии Баитанского района, где подвергали нечеловеческим мучениям и пыткам, а затем расстреляли. Я был также очевидцем зверского отношения немцев к военнопленным. Как-то по херсонской дороге на Николаев шла большая группа пленных красноармейцев. Они были почти раздеты, еле держались на ногах. Я видел, как один из охраны подошел к обезсилевшему красноармейцу и тут же пристрелил его. Затем палач отбросил труп в кювет.*

Свидетель говорит об осквернении немцами русской церкви. Гитлеровцы разрушили храмы в селах Воскресенске, Константиновке, Погореловке и др. В селе Бормасове немцы устроили в церкви конюшню.

Свидетельница В.И. Капран рассказывает о том, как она была угнана в немецкое рабство и испытала на себе, как и другие невольники, издевательства и унижения.

Свидетельницы М.М. Лещенко и Ф. Саркисова привели ряд фактов фашистских расправ над мирным населением, жертвами которых явились они сами и их семьи.

Вечерние заседание 13 января.

Продолжается допрос свидетелей.

Свидетельница М.С. Ацеховская, жительница местечка Березнеговатое, подтверждает, что неоднократно видела, как подсудимый Михель жестоко избивал арестованных советских граждан, которые после этого оставались навеки калеками.

Свидетельница говорит о трагической судьбе ряда ее знакомых, арестованных Михелем. Вера Санченко после допроса сошла с ума, местный врач после зверского истязания покончил жизнь самоубийством.

Михель пытается опровергнуть показание свидетельницы, он заявляет, что при допросах лишь иногда бил арестованных. Но суд факт за фактом устанавливает, что истязания советских людей в жандармском посту села Березнеговатое были системными^[274].

Врач-невропатолог О.А. Доброславская показывает суду, что немцы уничтожили прекрасно оборудованную психолечебницу в Херсоне, расстреляв около 900 больных.

Свидетельница рассказывает о значительном увеличении психических заболеваний в годы оккупации. Затравленные, доведенные до отчаяния люди — жертвы фашистского террора, подвергались тяжелой психической травле.

— *Я знаю много случаев.* — говорит Доброславская — *когда матери, потерявшие своих детей, угнанных на немецкую каторгу, не только сходили с ума, но и умирали.*

Свидетель, житель местечка Баштанка, П.С. Гапон, рассказывая о зверствах жандармерии, приводит факт расстрела гитлеровцами в апреле 1943 года в каменоломне более 150 советских граждан.

После допроса Гапона суд допрашивает свидетеля В.С. Захарова, работника старообрядческого кладбища г. Николаева. Захаров рассказывает суду о похоронах замученных в гестапо людей. Могилы казненных имели 30 метров длины, 2,5 ширины и полтора метра глубины. Каждый раз эти ямы были наполнены до краев убитыми женщинами и детьми.

Свидетель М.С. Балушкин, работник лагеря военнопленных «Темвод», приводит факты массовых расстрелов гитлеровцами советских военнопленных, трупы которых затем сжигались в целях сокрытия следов преступлений. Холод, голод, невыносимая грязь и скученность в помещениях лагеря вели к заболеваниям людей, ежедневно уносили сотни человеческих жизней. Весь режим в лагере был направлен на уничтожение находившихся там советских граждан^[275].

Подсудимым предоставлено право задавать вопросы свидетелям. Но им нечего спрашивать, нечем опровергнуть показания очевидцев их преступлений.

Допросом свидетеля Балушкина вечернее заседание заканчивается.

Утреннее заседание 14 января.

В начале утреннего заседания, перед продолжением допроса свидетелей, слово предоставляется подсудимому Хапп, который добавляет к своим прежним показаниям некоторые факты нечеловеческого отношения в военнопленном в Кировоградском лагере. За два месяца тут было убито 11 000 чел. Ежедневно вывозили 120—130 мертвых военнопленных.

Подсудимый Хапп заявляет, что бывший военный комендант Николаева подсудимый Винклер должен был хорошо знать о том, что творится в Кировоградском лагере, также, как он знал о каторжных условиях в лагерях для военнопленных в Николаеве, Новом Буге и Херсоне^[276].

Свидетель Чиж А.П. рассказывает о зверской расправе немцев над мирным населением хутора Буда, Чигиринского района, Кировоградской области, происшедшей 18 июня 1943 года. Все здоровое население хутора было угнано в Германию, остальные жители были расстреляны, а хутор сожжен. Самому свидетелю и еще трем жителям хутора чудом удалось спастись.

Следующим дает показания свидетель врач Гричановский П.Д. из села Казанка. Буквально через несколько дней после вступления немецких войск в село, жандармами были расстреляны все проживающие в Казанке евреи. На школьном дворе была воздвигнута виселица. В июле 1942 г. был зверски замучен и убит священник Ярославский. В июле 1943 года, карательной группой СД в селе было арестовано 150 человек.

Перед уходом из района немцы угнали около 12 000 чел. местного населения в возрасте от 14 до 60 лет.

О насильственном угоне населения Елисаветградского района, Кировоградской области рассказал Трибуналу свидетель Кротенко Т.Я.

Следующей дает показания свидетельница Вдовиченко Е.Ф., жительница хутора Вдовичин, Чигиринского района. Вдовиченко рассказывает о поголовном истреблении населения хутора, о нечеловеческих расправах немецких карательных органов над крестьянами^[277]. В живых остались только двое. Хутор был сожжен. Среди подсудимых Вдовиченко узнает майора Бютнера, который лично руководил этой карательной группой.

Допросом свидетельницы Вдовиченко заканчивается утреннее заседание Трибунала.

Вечернее заседание 14 января.

На вечернем заседании, государственный обвинитель обращается и суду с ходатайством о вызове дополни-

тельных свидетелей по данному процессу: Эрнста Буссе, и Рихарда Ботмуса. После короткого совещания суд удовлетворяет ходатайство прокурора.

Допрашивается свидетель Буссе Эрнст, который с октября 1943 года по март 1944 г. работал во втором отделе областной жандармерии, которой руководил майор Бютнер. Буссе разоблачает подсудимого Бютнера, как руководителя и вдохновителя карательной экспедиции в районе Кировоград — Знаменка — Александрия, во время которой были зверски истреблены сотни ни в чем неповинных советских граждан. Свидетель также подтверждает показания свидетелей о зверской расправе над мирными жителями хутора Буда и утверждает, что и этой операцией руководил лично майор Бютнер.

Далее Буссе разоблачает Бютнера, как отъявленного грабителя, который отбирал у населения продовольствие и награбленное отсылал на родину, в Германию. Только во время отступления немецкой армии Бютнер увез в Германию 16 ящиков с мануфактурой, обувью, продовольствием и ценную картину, извлеченную из Николаевского художественного музея.

Свидетель Рихард Ботмус, который служил в охранной полиции, рассказывает, что в организации повешения мирных граждан в Николаеве участвовали лично подсудимые Витцлеб и Шмале.

Последним на вечернем заседании дает показания свидетель Гнездовский В.И. из села Арнаутовка, Белозерского района, который рассказал о расстреле немецкой жандармерией ни в чем неповинных 15 советских агрономов.

Утреннее заседание 15 января.

На заседании продолжился допрос свидетелей.

Свидетель Ф.И. Белоус показывает, что в апреле 1943 года к нему в дом пришли жандармы и забрали сына. Кандлер, к которому обратился Белоус с ходатайством об освобождении сына, избил его. Позднее сын был вторично арестован и в числе одиннадцати других граждан расстрелян^[278].

Свидетель И.Д. Ковальчук рассказывает суду, что он был свидетелем повешения трех советских граждан в Снигиревке в августе 1943 года. Руководил этой казнью подсудимый Кандлер.

Свидетельница В.И. Косоурова уличает подсудимого Кандлера в убийстве ее мужа. Гитлеровцы также зверски замучили ее несовершеннолетних детей^[279].

Фельдшер Херсонской психиатрической больницы, свидетель Д.Я. Шрамко, рассказывает суду, что 21 октября 1941 года в больницу приехали жандармы, забрали около ста человек, вывезли за город и расстреляли. Через некоторое время они приехали снова и забрали новую партию больных для расстрела. Всего немцы расстреляли около тысячи больных, а здание больницы сожгли.

Эксперт — председатель городской плановой комиссии тов. Коваленко рассказал суду об огромных разрушениях, причиненных немцами Николаеву, — эти разрушения производились планомерно и без всякой связи с боевыми действиями. Особенно сильно пострадали культурно-просветительные и бытовые учреждения города.

Государственный обвинитель просит суд приобщить к делу многочисленные телеграммы, поступившие в адрес Трибунала от граждан, пострадавших во время немецкой оккупации Николаева, а также фотографии разрушений города, совершенных гитлеровцами. Трибунал удовлетворил ходатайство государственного обвинителя.

* * *

После перерыва суд переходит к прениям сторон. Председательствующий предоставляет слово государственному обвинителю полковнику юстиции И.Ф. Семашко.

— *На протяжении 6 дней судебного следствия, — говорит государственный обвинитель, — перед нами раскрылась страшная картина чудовищных преступлений немецко-фашистских оккупантов, массового истребления и злодейских убийств советских людей, зверских насилий над ними, насильственного угона в немецкое рабство, картина безудержного ограбления и уничтожения заводов, фабрик, институтов и других культурных учреждений в городе Николаеве и Николаевской области.*

Показаниями обвиняемых и свидетелей подведены страшные итоги хозяйничанья банды фашистско-немецких грабителей и палачей в одной из плодороднейших областей Украины. 32 месяца немецкие варвары опустошали Николаевщину, терзали население, а при отступлении оставили за собой реки крови, потоки слез, горы трупов, бездну безысходного народного горя. Свыше 105 тысяч мирных советских граждан Николаевской области, среди которых подавляющее большинство старики, женщины и дети, пали жертвой дикого разгула немецко-фашистских бандитов.

За время фашистского хозяйничанья только по городу Николаеву без какой бы то ни было военной необходимости было сожжено и взорвано 316 зданий, разрушены десятки школ, институты, театры, медицинские учреждения, крупнейшие предприятия.

Суду были предъявлены бесспорные доказательства тех чудовищных злодеяний, которые творились немецкими захватчиками на протяжении 1941—1944 годов. Говоря о преступной деятельности каждого из подсудимых, я считаю нужным, — говорит государственный обвинитель, — подчеркнуть, что большинство подсудимых занимали высокие руководящие посты в системе немецких карательных органов — они направляли преступную работу рядовых немецких палачей.

Государственный обвинитель подробно говорит о персональной ответственности подсудимых Винклера, Санднера, Бютнера, Кандлера, Михеля, Витцлеба, Шмале, Берга, Хаппа, считая абсолютно доказанным их виновность в массовом истреблении советских людей, в грабежах, в угоне советских граждан на немецкую катор-

гу.

За преступления, совершенные сидящими на скамье подсудимых против нашей Родины, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года предусматривается одно наказание — смертная казнь через повешение.

Во имя справедливости, именем 105 тысяч мирных советских людей, замученных фашистскими оккупантами на территории Николаевской области, я прошу Военный Трибунал для всех подсудимых определить суровую и справедливую меру наказания: смертную казнь через повешение.

После перевода речи государственного обвинителя на немецкий язык, председательствующий предоставляет слово адвокату Беклешеву, защищающему по назначению от суда подсудимого Винклера. Анализируя конкретную вину обвиняемого, адвокат находит смягчающие вину обстоятельства и просит Трибунал учесть это при вынесении приговора его подзащитному.

Выступлением адвоката Беклешева заканчивается утреннее заседание.

Вечернее заседание 15 января.

На заседании продолжались прения сторон. Адвокат Быков, защищающий по назначению суда подсудимых Бютнера и Хаппа, ссылаясь на то, что подсудимый Бютнер признал свою виновность и осознал совершенные им тяжчайшие преступления, защитник просит Трибунал учесть это обстоятельство при вынесении ему приговора. Хаппа защитник рассматривает, как автомата, не имевшего права думать, чувствовать. Хапп, по заявлению защитника, полностью признал свою вину. Учитывая, что он рядовой, защитник считает возможным ходатайствовать о снисхождении к нему.

Защитник подсудимых Санднера и Шмале, адвокат Шерешевский, анализируя преступления подзащитных Санднера и Шмале, отмечает, что Санднер полностью и безоговорочно признает свои преступления. На суде он пришел к выводу, что гитлеровские карательные органы — это банда убийц. Хотя подсудимый Шмале, говорит защитник, и не хочет признать себя виновным, но надо учесть, что действовал он не самостоятельно, а как подчиненная личность.

Адвокат Белостоцкий, защищающий подсудимых Михеля, Витцлеба и Кандлера, говоря о подсудимом Витцлебе, отмечает, что он полностью признал свою вину и, кроме того, он занимал не первое место среди военных преступников. Защитник считает, что эти обстоятельства могут быть учтены при вынесении приговора. В отношении подсудимого Кандлера защитник считает необходимым учесть его признание своей вины и то обстоятельство, что он австриец и не был даже, представлен к награде в то время, как, другие обвиняемые были награждаемы за свою работу. Михель, говорит защитник, полностью признал свою вину, он не главный военный преступник, не руководитель.

Подсудимый Берг, отказавшись от защитника, в своем слове признает полную свою виновность за совершенные преступления.

Председательствующий объявляет прения сторон законченными и предоставляет последнее слово подсудимым.

Подсудимый Винклер, признавая свою вину за совершенные преступления, просит Трибунал учесть, что за все эти чудовищные злодеяния должны в первую очередь нести ответственность главные преступники, сидящие ныне на скамье подсудимых в Нюрнберге. Подсудимые Санднер и Бютнер полностью признают свою вину и просят суд о снисхождении. Подсудимые Витцлеб и Шмале в своем последнем слове пытаются, как и раньше, на судебном следствии, возложить ответственность за совершенные ими злодеяния на верховное командование германской армии. Подсудимый Кандлер, признавая свою вину, также просит суд о снисхождении.

Последним словом подсудимого Кандлера заканчивается вечернее заседание.

Утреннее заседание 16 января.

На заседании суда было заслушано последнее слово подсудимого Хаппа. Обвиняемый, считает себя виновным в том, что расстреливал военнопленных. Он просит суд принять во внимание, что ему, как солдату, приходилось выполнять приказы, которые издавали офицеры, сидящие здесь, на скамье подсудимых.

Председательствующий объявляет перерыв до 10 часов 17 января.

Заседание 17 января.

На сегодняшнем заседании суда было заслушано последнее слово подсудимого Михеля. Обвиняемый, полностью признав свою вину, просил суд о снисхождении. Полностью признал свою виновность в совершенных им злодеяниях также подсудимый Берг. Он просил суд учесть это признание при вынесении приговора и проявить к нему снисхождение.

Затем Трибунал удалился на совещание для вынесения приговора.

* * *

Сегодня в 13 часов председательствующий — председатель Военного Трибунала полковник юстиции тов. А.С. Зонов огласил приговор.

Военный Трибунал Одесского военного округа установил виновность каждого из подсудимых в следующем:

Попирая установленные международным правом правила ведения войны, бывшие военнослужащие германской армии Винклер, Санднер, Бютнер, Кандлер, Михель, Витцлеб, Шмале, Берг и Хапп в период оккупации гор. Николаева и Николаевской области в 1941—1944 гг. установили для населения режим кровавого террора, подвергали мирных советских граждан и военнопленных массовому истреблению и истязаниям, угоняли советских людей в немецкое рабство, разрушали города и населенные пункты, грабили и уничтожали имущество, принадлежащее государственным и общественным организациям, колхозам, советским гражданам, т.е. в преступлениях предусмотренных статьей 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

Руководствуясь статьей 2 Уголовного Кодекса и ст.ст. 295, 297 Уголовного Процессуального Кодекса УССР и учитывая степень виновности каждого, Военный Трибунал приговорил:

Винклера Германа, Санднера Ганса, Бютнера Макса, Михель Рудольфа, Витцлеба Франца, Шмале Генриха, Берга Роберта — к смертной казни через повешение;

Кандлера Франца и Хаппа Иоганна — к 20 годам каторжных работ каждого.

Присутствующие в зале суда трудящиеся гор. Николаева встретили приговор Военного Трибунала единодушным одобрением.

* * *

Сегодня в 17 часов на Базарной площади был приведен в исполнение приговор Военного Трибунала Одесского военного округа над осужденными к смертной казни через повешение немецко-фашистскими преступниками — Винклер Германом, Санднер Гансом, Бютнер Максом, Михель Рудольфом, Витцлеб Францем, Шмале Генрихом и Берг Робертом за чудовищные злодеяния, совершенные ими против советского народа.

Приведение в исполнение приговора было встречено единодушным одобрением собравшихся на Базарной площади трудящихся Николаева.

10—17 января 1946 г.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В БЕЛО-РУССКОЙ ССР

МИНСК. 15 января. (ТАСС).

Сегодня здесь, в Военном Трибунале округа, началось слушанием дело о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР.

К судебной ответственности привлечены 18 человек: генерал-лейтенант германской армии Рихерт Иоган Георг — бывший командир 286 охранной и 35 пехотной дивизии; генерал-майор полиции, бригаденфюрер «СС» — Герф Эдгард — бывший начальник полиции Белоруссии и заместитель начальника главного штаба по борьбе с партизанами; генерал-майор германской армии Эрмансдорф Готфрид Генрих — бывший комендант г. Могилева и Могилевского укрепленного района; подполковник полиции Вайсиг Георг Роберт — бывший командир 26 полицейского полка; капитан полиции Фальк Эрнест Август — бывший командир батальона 26 полицейского полка; майор Молл Рейнгард Георг — бывший комендант гор. Бобруйска и Паричи; капитан германской армии Лангут Карл Макс — бывший заместитель начальника лагеря 131 в Бобруйске; обер-лейтенант «СС», криминал-комиссар гестапо Кох Ганс Герман — бывший начальник полиции безопасности в Орле, Орше, Борисове и Слониме; Бурхард Рольф Оскар — зондерфюрер бобруйской комендатуры; капитан германской армии Битнер Август Иозеф — зондерфюрер, бывший комендант сельхозкомендатуры бобруйского района; капитан германской армии Гетце Бруно Макс — бывший заместитель коменданта бобруйской комендатуры; капитан германской армии Айк Пауль Карл — бывший заместитель коменданта гор. Орша, и бывшие военнослужащие немецкой армии Митман Бруно Франц, Гесс Франц Карл, Фишер Гайнц Иоганн, Хехтль Ганс Иозеф, Гетерих Алоиз Кильян и Роденбуш Альберт Иоганн.

Дело рассматривается в открытом судебном заседании Военного Трибунала в составе председательствующего генерал-майора юстиции т. Кедрова и членов — полковника юстиции т. Виноградова и полковника юстиции т. Сахарова с участием военного прокурора генерал-майора юстиции т. Яченина и защитников по назначению от суда — адвокатов тт. Гаврилова, Татаринцева, Савенко, Плевако, Жудра, Бедросова, Михальского, Малахова и Петренко.

На заседании было оглашено обвинительное заключение, в котором говорится, что немецко-фашистские захватчики, оккупировав в июне—сентябре 1941 года территорию Белорусской Республики, в соответствии с планами и указаниями преступного гитлеровского правительства и верховного командования германской армии, проводили массовое истребление и истязание советских граждан, угон их в немецкое рабство, а также разрушали города, деревни, промышленные предприятия, школы больницы, поликлиники, научные учреждения, музеи и исторические памятники.

Как установлено Чрезвычайной Государственной Комиссией, немецко-фашистские захватчики истребили свыше 2 200 000 мирных советских граждан и военнопленных, угнали в немецкое рабство около 380 тысяч человек, разрушили и сожгли 209 городов, в том числе столицу белорусского народа — город Минск, города Гомель, Полоцк, Витебск, Оршу, Борисов, Слуцк и многие другие, в 9 200 сел и деревень, разрушили и вывезли в Германию 10 338 промышленных предприятий, разрушили и разграбили 10 000 колхозов, 92 совхоза, отобрали и угнали в Германию 2 800 000 голов крупного и 5 700 000 голов мелкого скота; уничтожили 1 136 больниц, по-

ликлиник, амбулаторий, 1 085 театров, клубов, школ, высшие учебные заведения и музеи.

Все перечисленные злодеяния были совершены по заранее разработанному плану гитлеровского правительства и верховного командования германской армии и направлены на истребление и порабощение советского народа и овладение его богатствами.

Для организации и проведения в широком масштабе террора и грабежей и других злодеяний правительство фашистской Германии и высшее командование германской армии направило в Белоруссию многочисленные карательные органы и специальные части.

В составе этих Карательных органов и частей прибыли в Белоруссию обвиняемые по настоящему делу, которые осуществляли злодеяния под общим руководством генерального комиссара Белоруссии Кубэ (убит партизанами), командующего войсками «СС» и полиции Белоруссии группенфюрера Готберг (не разыскан), командующего армейской группой «Центр» — генерал-фельдмаршала Буш и командующего войсками «СС» по охране тыла армейской группы «Центр» — генерала фон Шенкендорф.

Немецко-фашистские преступники, в том числе и обвиняемые по настоящему делу, установили для советских граждан на оккупированной территории Белоруссии, невыносимо тяжелый режим, именованный ими «новым порядком» — режим организованных злодеяний, массового истребления и ограбления населения.

Одним из основных орудий порабощения и истребления советских людей были концентрационные лагеря, организованные в Белоруссии в большом количестве под различными наименованиями: лагеря эвакуированных, военнопленных, трудовые, «гетто» и т.п.

Мирные советские граждане десятками тысяч заключались в лагеря вместе со своими семьями без суда и всякого определения сроков наказания. Условия удержания в лагерях — голод, холод, непосильные работы, побои и истязания — были рассчитаны на то, чтобы довести всех заключенных до смерти, а потому ряд лагерей получил название «лагерей смерти».

Немецко-фашистские преступники, в том числе и обвиняемые по настоящему делу, применяли различные способы уничтожения советских граждан.

Помимо расстрелов, повешения, сожжения заживо, фашистские садисты истребляли советских людей путем удушения в специально оборудованных газовых машинах «душегубках».

Гитлеровские захватчики проводили массовый угон мирных советских граждан и военнопленных на рабский труд в Германию, причем это делалось такими методами, что во время нахождения в лагерях и транспортировки в Германию гибли десятки тысяч советских людей. Большая часть вывезенных в Германию заключенных от непосильного тяжелого труда истощалась и заболела, после чего подвергалась истреблению.

Встречая повсеместное сопротивление мирных советских граждан угону в рабство, немецко-фашистские преступники, в том числе и обвиняемые, по настоящему делу, проводили карательные экспедиции, сопровождавшиеся: массовыми расстрелами, сожжением заживо мирных советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей; сожжением и опустошением большого количества сел и деревень; грабежами и насилиями над советскими гражданами, у которых отбирался скот и другое имущество для вывоза в Германию.

Эти кровавые злодеяния над мирным населением совершались под видом борьбы с партизанами.

Злодеяния, совершенные обвиняемыми, являются вопиющим нарушением правил ведения войны, установленных международными конвенциями, общепринятых правовых норм и преступлениями против человечности.

В обвинительном заключении приводятся конкретные преступления, в которых изобличены материалами следствия привлеченные, по настоящему делу и качестве обвиняемых Рихерт, Герф, Эрмансдорф, Вайсиг, Фальк, Молл, Лангут, Кох, Бурхард, Битнер, Гетце, Айк, Митман, Гесс, Фишер, Хехтль, Гетерих и Роденбуш.

Утреннее заседание 16 января.

На заседании начался допрос подсудимых. Первым дает показания подсудимый **Рихерт**. До начала войны подсудимый командовал 35-м пехотным полком германской армии, который находился в Раненбурге. За 10 дней до нападения на Советский Союз Рихерт принимал участие в инструктивном совещании, где присутствовали командиры немецких полков и дивизий.

За активное участие в разрушении советских городов и сел, в уничтожении ни в чем не повинных советских граждан в апреле 1942 года Рихерт получил повышение — он был назначен командиром 286-й охранной дивизии, в которую входил 35-й пехотный полк. Этой дивизии было поручено «усмирить партизан».

Руководя операциями против партизанских отрядов, Рихерт осуществлял истребление ни в чем не повинных советских людей, уничтожение населенных пунктов. Сейчас на суде он пытается доказать, что он «*лишь исполнял приказы верховного командования*». Материалами судебного следствия установлено, что по приказам Рихерта сжигались населенные пункты в целях образования «пустынных зон», а разоренное население угонялось в немецкое рабство. Всего с ведома и по приказам обвиняемого было угнано в Германию около 5 тысяч мирных советских граждан, а имущество населения разграблено.

— *Сколько, во время ваших операций, было арестовано советских граждан, подозреваемых в связи с партизанами?* — спрашивает прокурор.

Рихерт: 1 300 человек было арестовано и заключено, 900 человек расстреляно и 500 направлено в концлагери Германии.

Прокурор: Кто допрашивал этих людей?

Рихерт: Директор полиции Трост.

Прокурор: Кто принимал окончательное решение: в лагерь или расстрел?

Рихерт: Я утверждал лично.

В ходе судебного следствия выясняется, что в результате приказов Рихерта подчиненные ему войска и тайная полевая полиция расстреляли более 2 300 человек.

После нападения партизан на железнодорожную станцию Славное был получен приказ Гитлера — расстрелять сто человек и сжечь деревни, расположенные поблизости от станции. Рихерт ревностно выполнил и этот приказ. Были арестованы и расстреляны сто ни в чем не повинных людей.

Нить за нитью разматывается клубок преступлений, осуществлением которых руководил или лично совершал подсудимый Рихерт. Во время многочисленных карательных экспедиций села Белоруссии подвергались артиллерийскому обстрелу и сжигались. В горящих домах погибали мирные люди.

Судебным следствием установлено, что Рихерт приказал разминировать дороги, принуждая к этому население. Под угрозой смерти мирных жителей заставляли тянуть бороны по заминированным дорогам. Многие при этом погибали.

Далее из показаний подсудимого выясняется, что из Орши, Кричева, Лепеля, Борисова и других районов расположения подчиненных Рихерту частей, население насильственно угонялось в Германию.

Судебным следствием также установлено, что Рихерт лично организовал Озаричский лагерь смерти, где было уничтожено около 10 тысяч советских людей, среди которых было большое количество стариков, женщин и детей.

На этом утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 16 января.

На заседании продолжался допрос подсудимого Рихерта.

В ходе судебного следствия выясняется, что Озаричский лагерь был типичным лагерем смерти. По приказу Рихерта этот лагерь был организован на 500 человек, а содержалось в нем вначале 1 500 заключенных, а впоследствии — более 10 тысяч.

Заключенные в лагере были обречены на голод и смерть. Под давлением улик подсудимый вынужден признать себя виновным во всех этих преступлениях.

Как установлено Чрезвычайной Государственной Комиссией, кровавые расправы над мирным населением осуществлялись орткомендатурами и фельдкомендатурами.

— *Эти комендатуры подчинялись вам?* — спрашивает председательствующий.

— *Так точно,* — отвечает Рихерт.

Председательствующий: Значит, кто несет ответственность за расстрелы и угон в рабство мирных советских граждан?

Рихерт: Такие деяния комендатуры не могли совершать без приказов командира дивизии.

Председательствующий: А командиром дивизии были вы?

— *Так точно,* — отвечает Рихерт.

По ходу судебного следствия суд допросил свидетелей Третьякову, Баранчик и Нурутдинова.

Первой дает показания свидетельница Третьякова, жительница деревни Крюково. Она подробно рассказывает об ужасающих условиях в Озаричском лагере, куда она, как и тысячи других женщин, была заключена по приказу подсудимого Рихерта.

Свидетели Баранчик и Нурутдинов приводят новые факты, изобличающие подсудимого Рихерта в кровавых расправах над мирными гражданами и в других преступлениях.

Далее суд переходит к допросу подсудимого Вайсига.

Утреннее заседание 17 января.

На заседании допрашивается подсудимый **Вайсиг**, подполковник полиции, командир 26 полицейского полка, состоявший в гитлеровской партии с 1933 года.

На временно оккупированной советской территории Вайсиг провел четыре карательных экспедиции. Во время первой экспедиции — в сентябре 1943 года, в районе города Друя и южнее Двинска, было захвачено 400 человек мирных советских граждан. 60 человек из них было расстреляно, а остальные переданы в «СД», и судьба их неизвестна.

Вайсиг признает, что районы, где действовали его войска, были ими совершенно опустошены: деревни сожжены, нетрудоспособное население отправлено к линии фронта, скот и имущество конфискованы.

Прокурор: Расскажите, подсудимый, о назначении карательных экспедиций в районе станции Зябки.

Вайсиг: Операция в районе станции Зябки носила название «Весенний праздник». Она проводилась под командованием генерала третьего танкового корпуса Ронгарт. Во время операции было сожжено 40 населенных пунктов, арестовано около двух тысяч мирных советских граждан. Число убитых неизвестно, но оно было очень большим. Все население, обнаруженное в населенных пунктах, причислялось к партизанам и расстреливалось.

Отъявленный гитлеровский головорез, старый полицейский службист, Вайсиг пытается умалить свою вину, ссылаясь на то, что он «*лишь точно выполнял приказы командования*».

Под давлением неопровержимых улик он вынужден, однако, признаться, что территория, которую «прочесы-

вала» его оперативная группа, была целиком превращена в «зону пустыни». Население обычно уничтожалось или угонялось в рабство, а имущество забиралось.

Полк, которым командовал Вайсиг, уничтожал исторические памятники, культурные учреждения, церкви.

Отвечая на вопрос прокурора, Вайсиг дает показания о чудовищном злодеянии немецких извергов в районе города Глубокое, где для разминирования дорог было использовано местное население. Мирных граждан здесь обрекали на верную смерть.

Прокурор: Считаете ли вы, что такой метод противоречит правилам ведения войны?

Вайсиг: Да, это противоречит всем законам ведения войны.

Суд допрашивает далее подсудимого **Фалька**.

Командуя батальоном, входящим в состав 26 полицейского полка, Фальк выполнял прямые указания Вайсига, осуществлял карательные экспедиции против мирного населения. Такие экспедиции проводились в районе города Луцк, в деревнях Вербаев и Новый Став, которые полностью сожжены. При прочесывании деревень, как указывает Фальк, расстреляно 30 человек.

— *Куда же девалось остальное население?* — спрашивает прокурор.

Фальк: Бежало.

Прокурор: Удалось им бежать?

— *По ним стреляли мои солдаты,* — уклоняясь от прямого ответа, говорит Фальк.

После того, как прокурор оглашает показания Фалька на предварительном следствии, подсудимый вынужден признаться, что деревни были полностью сожжены, население, в том числе дети, расстреляно, имущество разграблено, скот угнан.

Затем подсудимый Фальк дает показания о карательных экспедициях в районе Глубокое, которые продолжались четыре недели. Он показывает, что эти экспедиции были направлены исключительно против мирного населения. Здесь также дома сжигались, а население расстреливалось или угонялось в концлагери. Из одной только деревни Буреки было заключено в концлагерь 8 тысяч человек.

Отвечая на вопрос прокурора о карательных экспедициях в районе города Себеж, Фальк показывает, что уничтожение мирного населения проводилось здесь под руководством Вайсига. При этом было расстреляно 220 ни в чем не повинных советских граждан, в том числе 20 человек расстреляны подчиненными Фалька.

Следствием установлено, что во время карательных экспедиций на территории Молодечненской области, которыми руководили Вайсиг и Фальк, было сожжено 40 деревень, расстреляно более 400 человек мирных жителей и угнаны в немецкое рабство тысячи человек. Имущество пострадавших полностью разграблено.

Далее прокурор спрашивает подсудимого Вайсига, подтверждает ли он показания Фалька. Вайсиг отвечает утвердительно.

По ходу судебного следствия суд допрашивает свидетелей.

Первым дает показания житель деревни Лепейки, Полоцкой области, П.А. Федькович. Он приводит факты зверских расправ гитлеровских бандитов над колхозниками.

В апреле 1944 года немецкие карательные отряды ворвались в деревню Шарочи. Все мирное население, которое не успело эвакуироваться, было расстреляно. У свидетеля от руки фашистских палачей погибли отец 70 лет, брат, его жена и трое детей — младшему из них было 4 месяца.

Свидетель С.А. Хверенец из деревни Надозерье, Плисского района, рассказал о расстреле гитлеровцами весной 1944 года населения этой деревни.

Свидетель И.Г. Счастный, священник прихода Псуя, Полоцкой области, в своих показаниях рассказал о экспедициях, которые проводили гитлеровцы в апреле—мае 1944 года. Деревни Дуброва, Шо, Хролы, Прудники и другие подверглись зверским бомбежкам с воздуха и были стерты с лица земли. Сотни мирных жителей были расстреляны из автоматов и пулеметов в других деревнях прихода.

На вопрос прокурора, не опознает ли свидетель Счастный кого-либо из участников злодеяний, священник указывает на подсудимого Вайсига, сидящего во втором ряду.

Свидетель С.Ф. Даргаль из деревни Замон, Браславского района, Полоцкой области, был очевидцем расстрела 10 малолетних детей и 40 стариков. Он показывает также, что гитлеровцы сожгли 35 деревень района, истребив всех мирных граждан.

На этом утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 17 января.

Заседание началось с допроса подсудимого **Эрмансдорфа**. Подсудимый дает подробные показания о действиях подчиненных ему частей, с момента прибытия в Советский Союз, и о своей деятельности в должности коменданта Могилевского укрепленного района и города Могилева.

Прибыв в Могилев, Эрмансдорф тотчас же отдал приказ сгонять население для строительства крепости, организовав для этой цели два лагеря. Жандармерия организовала облавы на базарах, в домах, на улицах Могилева. В лагерь было согнано до тысячи жителей города. По указанию Эрмансдорфа было взорвано 600 домов и уничтожены деревни в районе линии обороны. По его же приказу в городе было уничтожено 25 промышленных предприятий, которые могли быть использованы наступающей Красной Армией.

В апреле 1944 года в Минске, у фельдмаршала Буша, состоялось совещание комендантов укрепленных районов, на котором было решено создать охранные зоны вокруг укрепленных районов, а населенные пункты, нахо-

дящиеся в этих зонах, «освободить от гражданского населения».

Тысячи мирных граждан были лишены крова, подверглись издевательствам, пыткам и уничтожению.

По приказу Эрмансдорфа трижды предпринимались карательные экспедиции, сопровождавшиеся кровавыми расправами над мирным населением. Часть людей расстреливались, а остальные отправлялись в германские концентрационные лагеря.

В ходе судебного следствия устанавливается, что Эрмансдорф приказал расстреливать военнопленных командиров Красной Армии. По его приказу было отправлено в немецкое рабство 10 тысяч советских граждан. За свои кровавые злодеяния на территории СССР подсудимый получил от гитлеровского правительства несколько высших наград.

Отвечая на вопрос прокурора, Эрмансдорф показывает, что в числе других генералов и адмиралов вооруженных сил Германии он прошел специальные высшие политические курсы, на которых в качестве преподавателей выступали Кейтель, Розенберг, Гиммлер и Гитлер.

В числе немногих генералов он был ознакомлен с приказом Гитлера о вероломном нападении на Советский Союз еще за 10 дней до события.

Далее по делу Эрмансдорфа дают показания свидетели. Свидетель протоиерей могилевской церкви Трех святителей Радзинович показал, что на строительстве Могилевского укрепленного района население принуждалось работать до полного истощения. Тех, кто не мог выйти на работы, расстреливали или заключали в лагерь смерти, а молодежь отправляли на каторгу в Германию.

Свидетели Рябцев и священник Агеев привели многочисленные факты кровавых расправ гитлеровцев над мирным населением в городе Могилеве.

На этом вечернее заседание заканчивается.

Утреннее заседание 18 января.

На заседании допрашивается подсудимый **Кох**, криминал-комиссар гестапо, бывший начальник полиции безопасности в городах Орел, Орша, Борисов, Слоним.

Кох подтверждает все свои показания, данные на предварительном следствии.

Зимой 1942—1943 гг. этим гитлеровским палачом было умерщвлено в душегубках 60 советских граждан; он расстрелял 39 человек, том числе 8 детей, уничтожил в душегубках большое количество мирного населения. Кох руководил лагерем «Орехи», где содержалось до 3 000 советских граждан, умерших от голода, пыток и истязаний.

Список кровавых преступлений Коха велик. Он отправил в Майданек для уничтожения 700 советских граждан, арестовал в Борисове 250 человек, из которых 30 были расстреляны, а остальные были также отправлены в лагерь. По приказанию Коха, в городах Орша и Борисов было сожжено свыше 3 000 тысяч трупов расстрелянных и удушенных советских граждан.

— Я должен кое-что добавить к моим показаниям, данным на предварительном следствии. Я вижу провал всего нашего дела. Утаивать бесполезно, — заявляет в начале допроса подсудимый Кох.

С первых дней нападения на Советский Союз Кох был начальником особой команды гестапо которая по приказу Гитлера и Гиммлера уничтожала еврейское население и советский актив.

Прокурор: Какое количество людей было уничтожено за время вашего пребывания в особой команде?

Кох: Я считаю, что 30 тысяч человек.

Прокурор: Почему такая округленная цифра?

Кох: Я подсчитал приблизительно.

Прокурор: Скажите суду подробнее — как осуществлялись аресты и преследования?

Кох: Это делалось быстро. Евреев мы выгоняли из своих домов, загоняли в гетто и немедленно их уничтожали. Жилые дома после этого сжигались. Это делалось в каждом населенном пункте Белоруссии.

Далее Кох показывает о своих злодеяниях, совершенных в лагерях, в которых заключались ни в чем не повинные мирные советские граждане. Один из таких лагерей был создан в гор. Орле. Кох показывает суду, что в целях маскировки этот лагерь смерти был назван «рабочим лагерем».

Председательствующий: Скажите, что это за лагерь «Орехи»? Какое вы имели к нему отношение?

Кох: Я был комендантом лагеря деревни Орехи, в котором находилось 3 тысячи человек, подозреваемых в связях с партизанами, а также партизанские семьи: дети, женщины и старики. Этих людей мы умерщвляли с помощью душегубок, а также тем, что содержали их на голодном пайке. Обычно дети очень быстро умирали от голода. Мужчин мы отправляли на работы в Германию, а женщин и детей в Майданек.

Председательствующий: Какое участие вы принимали в расстрелах советских людей и сколько лично расстреляли?

Кох: 500 человек. (*Шум в зале.*)

Прокурор: Расскажите о случае расстрела в 1943 году 15 человек, среди которых были 3 женщины. Сколько вы лично расстреляли?

Кох: Всегда при расстрелах я сам расстреливал лично первые 3—4—5 человек для того, чтобы показать своим подчиненным, каким должен быть гестаповец.

Прокурор: Это было наглядное преподавание?

Кох: Так точно.

Прокурор: Скажите, Кох, помимо 2 000 человек, расстрелянных в Орле, вы дополнительно расстреляли еще 40 человек, среди которых были дети? За что вы их расстреляли?

Кох: Эти люди имели коммунистическое мировоззрение. Среди них были 9 женщин и 8 детей от 2 до 10 лет.

Прокурор: У детей тоже было коммунистическое мировоззрение?

Кох: У нас был принцип, чтобы уничтожать и детей.

Прокурор: У вас дети есть?

Кох: Да, имею 3-х.

Прокурор: Какого возраста?

Кох: 1 год, 3 года и 5 лет.

Прокурор: Их можно в чем-либо политическом обвинить?

Кох: Нет, конечно нет.

Прокурор: По какому принципу вы расстреляли 8 советских детей? Они ни в чем не повинны.

Кох: Это было уничтожение населения другой расы.

Отвечая на вопрос прокурора, Кох говорит об обстоятельствах расстрела 3 офицеров Красной Армии.

Прокурор: В чем же вы их обвиняли? В том, что они русские?

Кох: Да, это была просто ненависть к русским.

Председатель Трибунала: Скажите, какие методы вами применялись при допросах?

Кох: Допрашиваемым мы заламывали руки назад, подвешивали на дверь, загоняли иглы под ногти, избивали палками, пытали электричеством, загоняли шомпола в заднюю часть тела.

Далее Кох показывает, что его командой практиковались пытки при допросах, массовое истребление заключенных в лагере «при попытке к бегству». С целью скрыть свои преступления команда Коха сожгла в районе Орла и Борисова около 6 тысяч трупов.

Прокурор: Это трупы тех, которые были расстреляны органами гестапо?

Кох: Да.

Прокурор: По чьему приказу производилось сжигание трупов?

Кох: По совершенно секретному приказу Гимmlера. Делалось это для того, чтобы впоследствии нельзя было установить, сколько советских граждан нами было уничтожено.

Прокурор: Что вы делали с людьми которых заставляли раскапывать могилы и сжигать трупы? Вы их впоследствии уничтожали?

Кох: Да, уничтожали.

Прокурор: Как вы расцениваете все свои преступления, которые с такой жестокостью совершались?

Кох: Это зверские преступления, совершенные против всех международных прав. Но я был нацист, и это была моя практическая работа по осуществлению расовой теории.

Далее суд переходит к допросу свидетелей по делу Коха.

Первым дает показания И.А. Киселев, рассказывающий суду о кровавых расправах гестапо над мирным населением в гор. Орше.

Другой свидетель — житель гор. Борисова, инвалид 2-й группы Д.Т. Мерук рассказывает суду:

— Я был арестован гестапо 14 апреля 1944 года и заключен в Борисовскую тюрьму, а затем переведен в концентрационный лагерь, где меня неоднократно избивали до потери сознания. Перед приходом Красной Армии арестованных стали выводить большими партиями на расстрел. К 28 июня 1944 года в лагере оставалось только 1 500 советских граждан. Их выстроили и стали расстреливать из автоматов и пулеметов. Я находился в числе расстреливаемых. Раненый тремя пулями в грудь и в ногу, я упал между трупами. Отсюда с огромным трудом мне удалось выползти и пробраться в сарай, из которого я наблюдал дальнейшую расправу гестаповцев над заключенными. Фашистские бандиты добивали раненых гранатами, приканчивали их штыками и пристреливали из пистолетов. Чтобы скрыть следы своих страшных преступлений, гитлеровцы облили трупы какой-то жидкостью и сожгли их.

Вечернее заседание 18 января.

На заседании первым допрашивается свидетель А.П. Лысухо, работающий регентом хора поселка Альбертин.

— Однажды в Альбертин прибыл карательный отряд гестапо, — показывает свидетель. — Начались аресты. Немцы арестовали и нашего ксендза, о судьбе которого до сих пор ничего не известно. При отступлении гитлеровцы сожгли монастырь, бумажную фабрику и все большие каменные здания.

После окончания допроса свидетелей по делу Кох, председатель Трибунала удовлетворяет просьбу Кох, который решил дополнить свои показания. Он признает, что, находясь на территории СССР, «добивался быстрого получения состояния». Немецкое командование предоставило ему вблизи города Орла именование Некраши, он имел своих рабов, лошадей и чувствовал себя «господином».

Председательствующий: Во имя получения «состояния» вы встали на путь убийств, угона в рабство советских граждан?

Кох: Да, я уже об этом сказал. (Шум в зале).

Далее Трибунал переходит к допросу служащего жандармерии Митмана, неоднократно участвовавшего в расстрелах мирных советских граждан.

Подтвердив свои показания, данные на предварительном следствии, Митман пытается вместе с тем изобразить себя рядовым исполнителем «приказов начальства», говорит о том, что к службе в жандармерии у него «ни какого интереса» не было. Однако, в ходе судебного следствия устанавливается, что Митман проявлял исключительное рвение, что его расправы над мирными советскими людьми отличались особой жестокостью. 28 сентября 1941 года команда, в которой служил Митман, расстреляла в деревне Марьина Горка 1 200 советских граждан. Митман лично расстрелял несколько человек. На вопрос прокурора, участвовал ли подсудимый в расстреле 100 душевнобольных Минска и 1 300 человек на станции Койданово, Митман отвечает утвердительно.

Прокурор: Много было детей, стариков и старух среди расстрелянных 1 300 человек на станции Койданово?

Митман: Да, было очень много, но в цифрах я не могу выразить, не знаю.

Далее выясняется, что Митман со своей командой жандармов повесил 8 советских граждан, заподозренных в связи с партизанами. За это злодеяние Митман получил повышение в чине. Митман подтверждает свое личное участие во многих расправах над мирным населением, о которых не говорил на предварительном следствии. По дороге в деревню Вишневка он расстрелял встретившегося ему 12-летнего подростка. В совхозе Вишневка он расстрелял 7 человек, в том числе 2 женщин и 2 детей.

Военный Трибунал переходит к допросу свидетелей по делу Митман.

Первой дает показания главный врач психиатрической больницы в Новинках Н.Н. Акимова.

— 5 ноября 1941 года, — говорит она, — к больнице подъехали несколько автомашин с жандармами и полицейскими. Они приказали поместить 200 больных в баню при больнице. Когда двери были закрыты, жандармы соединили генераторы автомашин через шланги с помещением бани и включили моторы. Баня быстро наполнилась газом, и больные погибли. 100 душевнобольных были расстреляны.

Свидетельница Акимова безошибочно указывает на подсудимого Митмана, сидящего на скамье подсудимых 4-м справа в первом ряду, как на одного из организаторов этого чудовищного злодеяния.

Неизгладимое впечатление а присутствующих в зале произвел рассказ свидетельницы О.И. Андросик, жительницы местечка Марьина Горка, Пуховичского района, Минской области. В это местечко немцы ворвались 1 июля 1941 года и сразу же начали кровавую расправу над советскими гражданами. Первыми жертвами фашистского террора были евреи. Гитлеровцы подвергли истязаниям, а потом расстреляли поголовно всех жителей местечка, в том числе сына и всех родственников свидетельницы.

Утреннее заседание 19 января.

Заседание началось допросом свидетелей по делу Митман. Первым дает показания свидетель, житель поселка Марьина Горка, Пуховичского района, Минской области, М.Д. Шматуха.

В сентябре 1941 года, заявляет он, в районе совхоза «Индустрия» происходили массовые расстрелы советских граждан. Немецкие бандиты принуждали арестованных, привезенных на автомашинах, ложиться в глубокие ямы и выстрелами в голову убивали их.

Председательствующий: Скажите, сколько всего здесь было расстреляно?

Свидетель: Из местечка Марьина Горка 700 человек, из местечка Пуховичи 500 человек.

Председательствующий: Когда вы были у места расстрела, не запомнили ли вы кого-нибудь из немецкой полиции, которые сейчас находятся на скамье подсудимых?

Свидетель: В первом ряду четвертым справа от переводчика сидит немец, который ходил с пистолетом вокруг ямы, которая была заполнена трупами, и добивал раненых.

Председательствующий: Это — Митман.

Свидетель: На моих глазах Митман застрелил 8-летнего мальчика.

Свидетель С.И. Агейчик — кузнец совхоза «Вишневка», Минской области, так же опознает Митмана.

— Карательный отряд, которым руководил Митман, сжег деревни Лесины, Колоница, Вышково, Булаши, — показывает свидетель Агейчик, — этот же карательный отряд в деревне Лесины согнал колхозников в 2 сарая и сжег заживо. Немцы схватили мою 18-летнюю дочь, в то время как она перевязывала раненых бойцов Красной Армии, и отвезли ее в минскую тюрьму, где она погибла.

Затем дает показания свидетельница В.Р. Иотко, воспитательница детского дома совхоза «Вишневка», Минской области. Она подтверждает факты зверств и издевательств над мирным населением, чинившихся Митманом и командой его полицейских.

Затем допрашивается свидетель В.В. Чуевский — учитель из деревни Кокшевичи, Дзержинского района, Минской области. Он рассказывает, как в 1942 году немецкая жандармерия г. Дзержинска заставляла население города рыть ямы, в которых потом расстреливались мирные советские граждане. В ноябре в этих ямах расстреляли 25—30 человек, привезенных на автомашинах из Руденского района, в декабре там расстреляли 2 жителей деревни Каменка. Затем на железнодорожную станцию Койданово был доставлен эшелон из 40 вагонов с советскими людьми. Немецкая жандармерия доставила этих людей к ямам и всех расстреляла. Многие не сразу погибли, а с тяжелыми ранами свалились в ямы и молили о пощаде. Среди них было много детей. Озверевшие фашистские палачи забросали их гранатами.

Суд переходит к допросу подсудимого Айк.

Айк — член национал-социалистской партии с 1933 года, офицер особых поручений, заместитель коменданта гор. Орши и начальник тюрьмы. В Орше он создал гетто. Находившиеся в нем 1 700 евреев были расстреляны при личном участии Айк. Будучи начальником тюрьмы, он истязал советских граждан и лично участвовал в

расстрелял их. Он отправлял молодежь в немецкое рабство. При отступлении немецких войск Айк руководил взрывом бумажной фабрики «Спартак» в Шклове.

Сейчас перед Трибуналом Айк пытается умалить свою вину, отрицает свои показания, данные им на предварительном следствии.

Прокурор: Согласно приказу Рихерта, вы, подсудимый Айк, были в течении 6 месяцев в г. Орше председателем комиссии по учету рабочей силы и отбору всех трудоспособных к отправке в Германию?

Айк: Да, я был председателем комиссии.

Прокурор: За это время сколько вы отобрали людей для отправки в Германию?

Айк: Я сейчас не помню.

Прокурор: На предварительном следствии вы назвали цифру свыше 100 человек.

Айк: Если я назвал, значит правильно.

Айк пытается отрицать свои преступления, совершенные в гор. Орше, однако, под давлением улик вынужден признать, что он организовал для евреев гетто и что по его приказу все население гетто было истреблено.

Прокурор: Скажите, подсудимый Айк, в чем было виновато еврейское население?

Айк: Ни в чем. Это выполнялась программа нацистской партии Германии.

Прокурор: Членом которой вы состояли?

Айк: Да.

Прокурор: Значит, это было выполнение программы фашистской партии?

Айк: Да.

После долгих запирательств и отрицания своих показаний, данных им на предварительном следствии, Айк вынужден подтвердить, что он работал совместно с жандармерией и выполнял все приказы, которые давались местной комендатурой гор. Орша.

Допросом Айка заканчивается утреннее заседание.

Вечернее заседание 19 января.

Заседание начинается допросом свидетелей по делу подсудимого Айка.

Свидетель А.С. Скаун показывает, что кровавый террор был установлен в Орше немецкой военной комендатурой, одним из руководителей которой был Айк. Особенным гонениям подверглось еврейское население.

Айк создал также в Орше лагерь, где содержалось 12 тысяч военнопленных. Заключенные находились без пищи. Каждый день из лагеря выносили десятки трупов, которые хоронились в городском саду. Айк как полновластный хозяин города в принудительном порядке отправлял мирных советских граждан на каторгу в Германию, руководил расстрелами мирных граждан в Орше.

О всех этих зверствах Айка показывает Трибуналу и свидетель И.С. Гладкий.

Свидетельница В.П. Роговская показывает:

— С приходом немецких бандитов в город Шклов, начались массовые аресты, расстрелы, угон советских граждан на работу в Германию. Особенно зверствовали гитлеровцы после того, как в феврале 1944 г. комендантом был назначен Айк.

Далее Трибунал приступает к допросу подсудимого **Гесса** — военнослужащего частей СС, неоднократно участвовавшего в расстрелах советских граждан, истреблении их в «душегубках».

Прокурор: Расскажите о вашем участии в уничтожении больных в психолечебнице.

Гесс: Мы приехали в эту больницу на трех грузовых машинах. Было также несколько легковых машин. Мы погрузили около 100 человек душевнобольных и вывезли их за Минск, где эти люди были расстреляны. Я лично участвовал в этом.

Прокурор: Расскажите о вашем участии в расстрелах заключенных Минской тюрьмы.

Гесс: Когда мы прибыли в тюрьму, там находилось несколько служащих СД, которые отбирали заключенных для расстрела. Располагая 4 грузовыми машинами, мы поместили по 30—40 человек в каждой. Заключенные были вывезены туда, где раньше расстреливали душевнобольных, т.е. за 30 километров от Минска. За заключенными ездили два раза. Они были плохо одеты, почти половина из них замерзла в пути. Возглавляли эту операцию по расстрелу заключенных обершарфюрер Гользер и унтерштурмфюрер Бугдорф. Всего было расстреляно приблизительно 250 человек.

Далее Гесс подтверждает, что он участвовал в расстреле 2 тысяч человек, вывезенных из гетто города Минска, и в погроме, организованном в городе Вилейка в марте 1942 года, во время которого было уничтожено 600 советских граждан-евреев. Из допроса подсудимого выясняется также, что он участвовал в расстреле советских граждан в городе Долгиново, причем лично уничтожил 80 человек, в том числе женщин, стариков и детей. Кровавые расправы над мирными жителями были учинены особой командой Гесса также в районе Илия, в городе Воложине, в Вишневке и в других местах. Расстрелы, сожжение людей заживо, отравление газами в «душегубках» — таковы методы истребления мирных, ни в чем не повинных граждан.

Свидетельские показания суду дает священнослужитель города Вилейка, член Областной Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков Л.А. Белявский.

Он приводит факты зверских расправ гитлеровцев над мирными жителями. Население облагалось непосильными налогами, несвоевременная уплата которых влекла за собой тяжелое наказание вплоть до расстрела. Свидетель приводит случай, когда 62-летний священник Владимир Назаревский был жестоко избит палками за то,

что не внес налог. Железнодорожница Бронислава Жеймо была убита немцами за то, что она не вовремя закрыла шлагбаум. 12 июля 1943 года в г. Вилейка было расстреляно свыше 140 граждан. Когда в Вилейке было организовано местное отделение гестапо, массовые уничтожение советских граждан приняло систематический характер. Жертвы кошмарных злодеяний не закапывались, а сжигались.

— Я сам видел обгоревшие человеческие кости и остатки черепов, — говорит Л.А. Белявский. — *Кровь стынет при воспоминании об этом ужасном зрелище.*

Показаниями свидетеля Белявского вечернее заседание заканчивается.

Утреннее заседание 20 января.

На заседании продолжается допрос свидетелей по делу подсудимого Гесса. Первым дает показания врач-психиатр О.И. Ольшевская, заявляющая, что осенью 1941 года в психиатрическом отделении второй клинической больницы было около 400 больных, которые были расстреляны гитлеровцами на станции Колодище.

О зверствах, которые чинили немецкие полицейские над еврейским населением в местечке Вишнево, Молодечненской области, рассказал суду свидетель И.В. Авласевич.

Свидетельница из местечка Долиново, Молодечненской области, М.Ю. Ходыс также приводит факты расправ гитлеровцев над мирным населением, в том числе еврейским.

О массовом уничтожении еврейского населения в местечке Илия, Молодечненской области, показала свидетельница О.И. Войтеховская. Свидетели М.М. Ястомб и П.Я. Добин показывают суду об уничтожении мирного населения в гг. Минске и Вилейка.

После показаний свидетелей Военный Трибунал переходит к допросу подсудимого **Герфа**, генерал-майора полиции.

Следствием установлено, что будучи начальником «полиции порядка» Белоруссии, а затем начальником главного штаба по борьбе с партизанами, Герф отдавал приказы жандармерии и полиции об арестах и расстрелах советских граждан. По его приказам производились в городе Минске и Минской области массовые убийства. Тысячи советских людей бросались в концлагери и там истреблялись. Герф принимал активное участие в угоне советских людей в немецкое рабство, приказывал сжигать города и села, грабить имущество населения.

В 1942—1943 годах в концлагерях Минска и поселка Дрозды, по личному распоряжению Герфа, полицией расстреляно несколько тысяч советских граждан, среди которых были дети, женщины и старики. Значительная часть их была заключена в лагерь тайной полиции, находившийся в местечке Малый Тростинец, и там расстреляна.

Прокурор: Расскажите об организации карательной экспедиции под именем «Герман».

Герф: Экспедицию организовал обергруппенфюрер Бах на границе Белоруссии и Украины. Когда он выехал оттуда, я получил задание лично доложить Гитлеру о результатах экспедиции. Во время этой карательной экспедиции было уничтожено 5 или 6 тысяч человек.

Прокурор: Сколько тысяч человек вы отправили в Германию?

Герф: 20 тысяч человек.

Далее из допроса Герфа выясняется, что под видом борьбы с партизанами по его приказу уничтожались деревни, расстреливались сотни тысяч ни в чем не повинных советских граждан, а молодежь угонялась в немецкое рабство.

Прокурор: Ответственность за действия своих подчиненных вы несете?

Герф: Да.

На этом утреннее заседание заканчивается. Следующее заседание Военного Трибунала состоится в 11 часов утра 22 января.

Утреннее заседание 22 января.

На заседании продолжается допрос подсудимого Герфа — начальника полиции в Белоруссии и заместителя начальника главного штаба по борьбе с партизанами.

По его указанию в четырех концентрационных лагерях в Минске и близ Минска были заключены десятки тысяч мирных советских граждан и военнопленных. Огромная скученность, голод, ежедневные побои и издевательства приводили к большой смертности. Особенно страшным местом казни и пыток был концлагерь Малый Тростинец.

Прокурор: Почему Тростинецкий лагерь назывался лагерем смерти?

Герф: Здесь производилось наибольшее количество расстрелов.

Далее суд устанавливает виновность Герфа в массовых расстрелах мирных советских граждан по всей Белоруссии. По неполным данным, немецкой полицией за время оккупации было расстреляно свыше 100 тысяч мирных советских граждан.

Однажды в Минске в столовой СД произошел взрыв. Вскоре сюда прибыл Герф. Немецкие полицейские и команды СД провели облаву, арестовав свыше 600 жителей Беломорской и Арктической улиц. Все эти ни в чем не повинные мирные граждане были вывезены в лагерь смерти Тростинец и там уничтожены.

Герф был также организатором и участником кровавых злодеяний в городе Сталино и в Крыму.

Прокурор: За время пребывания в Крыму сколько человек вы уничтожили?

Герф: Было истреблено приблизительно тысяча человек. Сюда входило и мирное население.

«Полиция порядка» города Сталино, возглавляемая Герфом, осуществляла расстрелы ни в чем не повинных советских людей, насильственно угоняла молодежь в Германию.

Когда партизанское движение в Белоруссии приняло широкий размах, Герф был переброшен командованием в Минск для расправы над партизанами. Подсудимый признает, что им была получена инструкция под названием «Борьба с партизанами». Во исполнение этой инструкции Герф проводил карательные экспедиции против белорусских партизан. За оба периода пребывания Герфа в Белоруссии подчиненными ему жандармами и полицией были арестованы и уничтожены тысячи советских граждан, сожжено около 70 деревень.

В ходе судебного следствия устанавливается связь подсудимого Герфа с генеральным комиссаром Белоруссии Кубе, под общим руководством которого осуществлялись все злодеяния немецко-фашистских захватчиков.

После убийства фашистского палача Кубе в Белоруссии усилились репрессии. На другой день в Минске были произведены массовые облавы, в результате которых было схвачено несколько тысяч советских граждан. Они были заключены в подведомственные Герфу концлагерь и тюрьму, а затем расстреляны, как заложники.

Прокурор: Теперь скажите, кто, когда, где и при каких обстоятельствах говорил вам об уничтожении 20 миллионов русских людей?

Герф: Когда я прибыл вторично в Белоруссию, я пришел к генеральному комиссару Кубе. Он говорил со мной о моей деятельности. Кубе мне сказал, что он получил приказ Гимmlера — уничтожить 20 миллионов русских, белоруссов и других славян.

Отвечая на вопрос члена Военного Трибунала полковника Сахарова, какие задачи перед подсудимым поставил Гимmlер, Герф показывает:

— *В июле 1943 года, когда я был в Берлине, Гимmlер мне сказал, чтобы немецкая полиция и войска действовали в России так, как когда-то действовал Чингиз-хан.*

Далее суд переходит к допросу свидетелей по делу Герфа. Первой допрашивается свидетельница Е.Г. Мазаник.

— *С 1941 по 1943 год я находилась в Минске, — говорит она, — и своими глазами видела зверства, которые чинили немецкие войска. В 1941 году, перед годовщиной Октября, в Минской городской комендатуре было повешено много советских граждан. На улицах я видела многочисленные трупы расстрелянных военнопленных. Незадолго перед этим немцы собрали жителей города и публично повесили заключенных, привезенных из тюрьмы.*

Кровавые расправы над мирными жителями осуществлялись гитлеровцами также на стадионе «Динамо», на еврейском кладбище и в других местах.

Председательствующий: Вы можете указать Герфа среди подсудимых?

Свидетельница: Он сидит в первом ряду слева третьим.

Допросом свидетельницы Мазаник утреннее заседание заканчивается.

Заседание 23 января.

Суд допрашивал подсудимого **Бурхарда**, которому немецкое командование поручило надзор над трудовым лагерем. Зондерфюрер Бурхард отправил на каторжные работы в Германию около 2 500 советских граждан, руководил сожжением деревень, истреблением оставшегося без крова мирного населения и расстрелами советских военнопленных.

Подсудимый пытается, однако, смягчить свою вину, ссылаясь на то, что он был «рядовым человеком».

Факты, документы изобличают Бурхарда как кровавого палача, организатора расстрелов мирного населения и военнопленных, стиравшего с лица земли деревни «для устрашения» населения.

Утреннее заседание 24 января.

На заседании начался допрос свидетелей по делу подсудимого Бурхарда. Учительница г. Бобруйска Н.Ф. Макаренко показала:

— *В мае 1944 года я была арестована немецкой контрразведкой и содержалась 10 дней в Бобруйской тюрьме. Там меня пытали электрическим током, травили собаками, а потом повели в «трудовой лагерь» местной комендатуры. 17 мая 1944 года в этом лагере была учинена кровавая расправа над арестованными. Людей вызывали по спискам в коридор, избивали, связывали руки колючей проволокой и обратно вталкивали в камеру. На утро всех ни в чем не повинных людей погрузили на машину и увезли в неизвестном направлении. Большие их никто не видел. В июне 1944 года меня перевели в так называемую «пожизненную тюрьму». Заключенных в эту тюрьму детей, стариков и больных посадили в машины и увезли неизвестно куда. Всех остальных заключенных, в том числе и меня, погнали по направлению к Минску.*

Нас гнали все время бегом, а тех, кто отставал, расстреливали. Я видела, как убивали знакомого адвоката Руднева, гражданина Мирошникова и многих других. В местечке Марьина Горка нас заперли в сарай и ночью хотели расстрелять, однако этому помешал налет советской авиации. Среди гитлеровцев поднялась паника, мне удалось бежать.

Колхозница, жительница Кировского района, Бобруйской области, Е.П. Габруева рассказала суду о чудовищной расправе гитлеровцев над мирным населением деревни Козуличи. В огне погибли 70-летний отец и 65-летняя мать свидетельницы, сестра, а также брат с женой, их дочь и сын. На пепелищах было обнаружено 318 обго-

ревших трупов.

Свидетельница Е.А. Михеева, жительница г. Бобруйска, испытавшая на себе ужасы немецкой неволи, привела факты, которые изобличают Бурхарда как организатора угона населения в рабство, как инициатора кровавых расправ над мирными жителями.

Колхозник сельхозартели «Рассвет», Осиповичского района, П.И. Чаропка рассказал суду о злодеяниях, учиненных немецкими бандитами в деревне Лучицы.

Затем суд переходит к допросу подсудимого Молл — майора германской армии, бывшего коменданта г.г. Бобруйск и Паричи, отправившего на каторжные работы в Германию свыше 12 тысяч советских людей. Он заставлял мирное население разминировать дороги и поля путем боронования их, вследствие чего погибло 100 человек. По его приказаниям арестовывались и расстреливались мирные советские граждане, грабилось и уничтожалось народное имущество.

Председательствующий: Ваши показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Молл: Да.

Прокурор: Сколько за время вашего пребывания в должности коменданта было расстреляно арестованных?

Молл: Всего 4 человека.

Прокурор: Расскажите о расстреле по вашему приказу 8 человек. Вы при этом присутствовали?

Молл: Такой приказ я не давал и при расстреле не присутствовал.

Молл старается замести следы кровавых злодеяний, которые он чинил над мирными советскими гражданами, но под давлением улик сознается, что он издал приказ расстрелять 8 человек и принимал личное участие в осуществлении этого приказа. В Паричи и Бобруйске Молл утвердил более 2 тысяч приговоров, среди которых были приговоры о расстреле.

Далее суд выясняет обстоятельства мобилизации населения для разминирования дорог.

После долгих уверток Молл признает, что при бороновании люди подрывались, что примененный им «способ» разминирования противоречит всем международным законам и является преступлением. Молл вынужден также сознаться, что им было насильно послано на каторжные работы в Германию из Бобруйского района 6 тысяч человек и из Паричского района — 3 тысячи человек.

Прокурор: Вы бывший комендант Бобруйска, несете ли вы ответственность за угон советских людей в рабство в Германию?

Молл: Да.

На прямой вопрос прокурора, — подтверждает ли Молл факт преступлений, совершенных его подчиненным Бурхардом, подсудимый отвечает также утвердительно.

Суд устанавливает далее, что в так называемые трудовые лагеря были согнаны целые деревни. Там были дети, старики и женщины, испытавшие на себе все кошмары лагерной жизни, ставшие жертвами фашистского террора.

Председательствующий: Теперь скажите, давались ли вами указания в августе 1943 года о разрушении домов в районе Березинского предместья в городе Бобруйске?

Молл: Да, я давал такой приказ.

Отвечая на вопрос адвоката Татаринцева, Молл показывает, что его близким знакомым в национал-социалистской партии является Герман Геринг, с которым в первую мировую войну он служил в одном полку.

На этом утреннее заседание суда заканчивается.

Вечернее заседание 24 января.

На заседании начинается допрос свидетелей по делу подсудимого Молл. Жительница г. Бобруйска свидетельница М.Д. Виноградова показала:

— В 1943 году, без всякой причины, немецкие жандармы арестовали меня и посадили в тюрьму при местной комендатуре. Там много раз меня избивали до потери сознания, требуя от меня заявления, что я связана с партизанами. Так продолжалось 3 недели. Однажды меня и еще семь человек втолкнули в машину и повезли за город. Машина остановилась на опушке леса. Нам приказали выйти. Полицейские стали по бокам, а жандармы сзади. Подвели нас к яме и приказали ложиться в нее. Я была в середине мужчин, когда всех нас уложили и начали стрелять. Пуля попала мне в грудь, но я осталась жива. Жандармы не переворачивали нас. Полицейские взяли лопаты и стали закидывать яму землей. Когда машина уехала, я выкарабкалась из ямы. Я не чувствовала никакой боли, только шумело в голове и горела грудь. Вернувшись в город, я скрывалась на чердаке и лечилась домашними средствами с помощью сестры. Таким образом, я скрывалась 11 месяцев — до прихода Красной Армии.

Свидетель А.И. Евдокимов, испытавший на себе чудовищные пытки и издевательства гитлеровцев, заявил:

— Я был перевозчиком на пароме и своими глазами видел, что в 1942—43 годах, в бытность Молла комендантом, ежедневно 3—4 автомашины были заняты на отправке советских людей к месту расстрела.

Свидетель опознает сидящего на скамье подсудимых Молла, который вызвал его на допрос и подверг избиванию.

Свидетельница З.П. Королькова рассказала Трибуналу, что в 1943 году она лично много раз видела расклеенные по городу приказы о расстрелах советских граждан. Она показывает:

— В помещении тюрьмы, где находилась полиция, не вместились все арестованные. Дополнительная тюрьма

была открыта в школе, возле моей квартиры. В ней было заключено очень много стариков, женщин с грудными детьми. Их вывозили на допрос в полицию, а потом под вечер расстреливали.

Свидетельница Г.Г. Козик показала, что после того, как Молл в начале 1942 года появился в Паричах в качестве коменданта, начались еще более жестокие расправы и зверства над мирным населением. Каждую ночь людей на машинах вывозили за деревню и расстреливали.

Свидетель Абрамчик, мобилизованный в свое время для разминирования дорог, рассказал суду о зверских пытках, которым он подвергался в немецкой жандармерии.

Свидетельница Е.И. Лепешкина привела новые факты массовых расстрелов ни в чем не повинных людей, которые осуществлялись по приказу Молла.

Суд переходит к допросу подсудимого **Битнера** — капитана германской армии, бывшего зондерфюрера Жлобинского района, а затем коменданта Бобруйского сельскохозяйственного района, члена гитлеровской партии. Этот фашистский бандит и убийца истреблял советских людей, уничтожал промышленные предприятия и культурные учреждения. В Бобруйском районе по его указанию было расстреляно 240 человек и направлено в рабство более 1 200 советских граждан.

На допросе Битнер подтвердил свои показания, данные им на предварительном следствии.

Под руководством Битнера работал большой аппарат комендатуры — 46 человек. Подсудимый признал, что в задачи комендатуры входило снабжение продовольствием немецких полевых частей, наблюдение за снятием урожая и изъятие всех видов продуктов у населения, подбор и назначение старост и применение репрессивных мер к населению.

Политика, которую проводили немцы через свою сельскохозяйственную комендатуру, сводилась к разорению и разрушению хозяйства страны, к истреблению мирного населения.

В ходе судебного следствия выясняется, что Битнер передавал в местную комендатуру списки неплательщиков налога, после чего люди арестовывались, имущество их конфисковывалось, а сами они подвергались зверским расправам.

На этом вечернее заседание Военного Трибунала заканчивается.

Вечернее заседание 25 января.

На заседании продолжился допрос подсудимого **Гетце**. Затем суд переходит к допросу подсудимого **Лангут**, бывшего заместителя начальника лагеря военнопленных №131 в городе Бобруйск.

Выясняется, что 20 тысяч военнопленных осенью и зимой содержались под открытым небом, а остальные ютились в нескольких полуразрушенных бараках без окон, дверей и полов. Заключенные в лагере были обречены на голодную смерть. В октябре и ноябре 1941 года ежедневно умирало от 600 до 800 военнопленных, а с наступлением зимы — до тысячи человек в день.

Прокурор: Какое же количество заключенных погибло в лагере?

Лангут: За зиму 1941—1942 года от голода, болезней и расстрелов погибло 30 тысяч военнопленных.

Прокурор: Чудовищные условия, созданные вами в Бобруйском лагере №131, являлись результатом обдуманного плана немецкого командования, имеющего целью уничтожить как можно больше военнопленных? Так?

Лангут: Да.

Прокурор: Вы, как лицо, которое осуществляло этот план, считаете себя виновным?

Лангут: Да, я полностью признаю себя виновным.

Далее, отвечая на вопросы прокурора, Лангут показывает, что в 1941 году, накануне годовщины Октябрьской революции, им был подготовлен провокационный поджог казарм, в которых размещалось 18 тысяч военнопленных. Фашистские палачи хотели уничтожить тысячи людей, чтобы, по выражению Лангута, *«избавиться от лишнего расхода продовольствия»*. За день до осуществления этого злодеяния в казармы, предназначенные для поджога, были помещены все больные военнопленные, а вокруг лагеря расположены пулеметы. Как только загорелись казармы, пулеметы открыли огонь. Расстреливались все выбегающие из горящего здания и военнопленные, находившиеся на территории лагеря.

Через несколько дней оставшиеся в живых были направлены в Слуцк, но по дороге их также расстреляли. Таким образом, все 18 тысяч советских военнопленных лагеря №131 были уничтожены.

Далее подсудимый Лангут показывает, как им в декабре 1941 года в 50 открытых вагонах было погружено 3 200 советских военнопленных и отправлено на запад. Эти люди в дороге замерзли, трупы их были сброшены под откос.

Суд устанавливает также, что среди 5 тысяч мирных советских граждан, находившихся в лагере, было 600 детей в возрасте от 10 до 15 лет. Они были доставлены в 1942 году вместе с эшеленом военнопленных. Около 250 детей умерло в лагере от болезней, а остальные были вывезены в тыл немецкой армии, и судьба их неизвестна.

Выясняется также, что в Бобруйском лагере №131 фашистский «профессор»-палач Борман получил от Лангута 50 мужчин и 50 женщин для проверки на них действия лекарства против сыпного тифа и других преступных экспериментов.

Утреннее заседание 26 января.

На заседании, Военный Трибунал перешел к допросу подсудимого **Хехтль** — военнослужащего германской

армии, участника двух карательных экспедиций против мирного населения.

Прокурор: Расскажите о первой карательной экспедиции.

Хехтль: В ноябре 1942 года мы атаковали одно село в 4—5 километрах с. Оболь. Эта деревня была сожжена вместе с ее жителями.

Только в феврале 1943 года часть, в которой служил Хехтль, сожгла в Полоцкой области 70 деревень и расстреляла 2 200 мирных жителей. В этой операции Хехтль лично сжег 40 домов и расстрелял 280 человек.

Вечернее заседание 26 января.

На вечернем заседании суд удовлетворил просьбу прокурора о приобщении к делу 18 протоколов допроса свидетелей и двух справок, изобличающих в преступной деятельности подсудимого Гетце при выселении жителей 13 деревень.

Затем по просьбе прокурора суд приобщил к делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками в Белорусской ССР, ряд заявлений, поступивших во время процесса от граждан Белоруссии.

После этого был показан документальный фильм о зверствах немцев на территории Белорусской ССР. Военный Трибунал определил приобщить также этот фильм к следственному делу в качестве вещественного доказательства.

Подсудимый Эрмансдорф в начале судебного следствия возбудил ходатайство о вызове на судебное заседание в качестве свидетеля бывшего лейтенанта германской армии Гейса. Ввиду того, что по полученным телеграммам Гейс в числе военнопленных не значится, Военный Трибунал определил в ходатайстве Эрмансдорфа отказать.

На этом вечернее заседание суда заканчивается.

На очередном заседании начнутся прения сторон.

Заседание 29 января.

На утреннем заседании продолжалось слушание последних слов подсудимых. Обвиняемые Роденбуш, Фишер, Хехтль, Бурхард, Молл, Гесс, Гетерих, Гетце, Витнер и Айк признают предъявленные им обвинения и просят военный Трибунал о снисхождении. Подсудимый Кох полностью признал свою вину.

Затем военный Трибунал удалился на совещание для вынесения приговора.

Приговор.

Военный Трибунал признал всех подсудимых виновными в преступлениях, предусмотренных ст.1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

Руководствуясь ст.ст. 319 в 320 Уголовного Процессуального Кодекса Белорусской ССР, Военный Трибунал приговорил:

Рихерта, Герфа, Эрмансдорфа, Вайсига, Фалька, Коха, Лангута, Митмана, Гесса, Молла, Бурхарда, Битнера, Фишера — к смертной казни через повешение;

Гетце, Хехтля — к 20 годам каторжных работ;

Гетериха, Роденбуша — в 15 годах каторжных работ.

МИНСК. 30 января. (ТАСС).

Сегодня в 14 часов 30 минут на ипподроме был приведен в исполнение приговор Военного трибунала Минского военного округа над немецко-фашистскими преступниками — Рихертом, Герфом, Эрмансдорфом, Вайсингом, Фальком, Кохом, Айком, Лангутом, Митманом, Гессом, Моллом, Бурхардом, Битнером, Фишером, приговоренными к смертной казни через повешение за чудовищные злодеяния совершенные ими в Белорусской ССР.

Жители Минска, присутствовавшие на ипподроме встретили приведение приговора в исполнение единодушным одобрением.

15—30 января 1946 г.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНСКОЙ ССР

КИЕВ, 17 января. (ТАСС).

Сегодня здесь в Военном Трибунале округа, началось слушание дело о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками, на территории Украинской ССР в период временной ее оккупации.

К судебной ответственности привлечены 15 человек: бывший начальник охранной полиции и жандармерии Киевской и Полтавской областей, генерал-лейтенант полиции Шеер Пауль Альбертович; бывший комендант ты-

ла 6 армии, действовавшей на территории Сталинской и Днепропетровской областей, генерал-лейтенант Буркхардт Карл Карлович; бывший командир 213 охранной дивизии, действовавшей в Полтавской области, а в последствии — комендант главной полевой комендатуры №392 генерал-майор фон Чаммер унд Остен Экхард Ханс; бывший гебитс-комиссар (окружной комиссар Мелитопольского округа) оберштурмбандфюрер «СС» Хейниш Георг Юзефович; бывший ортскомендант (местный комендант) Бородянской межрайонной комендатуры Киевской области, капитан Валлизер Оскар; бывший военный комендант городов Первомайск, Коростышев, Коростень и других населенных пунктов УССР, подполковник Трукенброд Георг Генрихович; бывший начальник «СД» (службы безопасности) Днепродзержинского района Днепропетровской области, обершарфюрер Геллерфорт Вильгельм Вильгельмович; бывший командир полевой жандармерии 44 пехотной дивизии и комендант лагерей военнопленных, лейтенант Кноль Эмиль Эмиль; бывший сельскохозяйственный комендант Бородянского района Киевской области, зондерфюрер Бенкенгоф Фриц Фрицович; бывший военнослужащий дивизии «СС» «Викинг» обер-ефрейтор Изенман Ханс Вильгельмович; бывший командир подразделения полевой жандармерии, обер-лейтенант Иогшат Эмиль Фридрих; бывший командир отделения 323 отдельного охранного батальона, унтер-офицер Майер Вилли Вилли; военнослужащий 73 отдельного саперного батальона 1 немецкой танковой армии, обер-ефрейтор Лауэр Иоган Пауль; бывший начальник канцелярии Бородянской межрайонной ортскомендатуры Киевской области, обер-ефрейтор Шадель Август; бывший зам. командира отделения полицейского батальона «Остланд», вахмистр полиции Драхенфельс-Кальювери Борис Борис Эрнст-Олег.

Дело рассматривается в открытом судебном заседании Военного Трибунала в составе: председательствующего полковника юстиции т. Сытенко и членов Трибунала полковника юстиции т. Жлобина и подполковника юстиции т. Индыченко, с участием военного прокурора генерал-майора юстиции т. Чепцова и защитников по назначению от суда; адвокатов тт. Казначеева, Белова, Ветвинского, Луговского, Бонкина, Никифорова, Попова-Юдикова, Жилова и Железевского.

На заседании было оглашено обвинительное заключение, в котором говорится, что в соответствии с планами и указаниями преступного гитлеровского правительства и верховного командования германской армии на оккупированной территории Украинской ССР проводилось массовое ограбление населения и обречение его на голод и вымирание, разрушение городов и сел, насильственный угон в Германию на каторгу миллионов советских людей, ликвидация национальной культуры.

— Украинская ССР, — говорится далее и обвинительном заключении, — с первых дней Отечественной войны испытала на себе весь ужас немецко-фашистской оккупации.

Материалы Чрезвычайной Государственной Комиссии СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков свидетельствуют о том, что немцы в период оккупации Украины убили и замучили свыше 4 000 000 советских граждан, в числе которых были старики, женщины, дети и военнопленные; угнали в рабство на каторгу в Германию свыше двух миллионов советских граждан, из коих значительное количество погибло в неволе от голода, истязаний и непосильного труда^[280].

Немецко-фашистские захватчики разрушали промышленные предприятия, а оборудование их вывезли в Германию. В Донбассе разрушили 140 шахт, вывели из строя мощную энергосистему Днепра, Донбасса, Харькова и Киева. Уничтожили заводы «Азовсталь» в Мариуполе, имени Кирова — в Макеевке, Днепровские алюминиевый, магниевый и электродный заводы Рубежанский химкомбинат, Краматорский, Ворошиловградский и Харьковский машиностроительные заводы, Харьковские тракторный, электро-механический и велосипедный заводы и тысячи других предприятий различных областей промышленности и транспорта; систематически ограбляли села, отбирая у крестьян все продовольствие, обрекая их на голод. За невыполнение непосильных поборов и поставок советских людей расстреливали, заключали в концентрационные лагеря и сжигали дотла целые села.

В колхозах Украины и у местного населения немцы насильственным путем изъяли 12 млн. тонн сельскохозяйственных продуктов, в том числе — 9,5 млн. тонн зерна и муки, 2,8 млн. голов лошадей, 7,3 млн. голов крупного рогатого скота, 5,9 млн. овец, 9 млн. свиней и свыше 36 млн. голов разной птицы.

За время оккупации Украины немцы разрушили и сожгли 647 тыс. жилых зданий, взорвали, сожгли и разрушили десятки тысяч культурных учреждений — университеты, институты, музеи, школы, театры, клубы и исторические памятники культуры, разграбили и разрушили значительное количество монастырей, церквей и синагог.

В обвинительном заключении приводятся конкретные преступления, в которых изобличены материалами следствия привлеченные по настоящему делу в качестве обвиняемых: Шеер, Буркхардт, фон Чаммер унд Остен, Хейниш, Валлизер, Трукенброд, Геллерфорт, Кноль, Беккенгоф, Изенман, Иогшат, Майер, Лауэр, Шадель, Драхенфельс-Кальювери.

После оглашения обвинительного заключения председательствующий — полковник юстиции тов. Т.Л. Сытенко приступает к персональному опросу подсудимых — признают ли они себя виновными.

Подсудимые Драхенфельс-Кальювери, Шадель, Беккенгоф, Валлизер, Майер, Лауэр, Иогшат, Геллерфорт, Изенман, Хейниш, Шеер признают себя виновными в предъявленных им обвинениях. Подсудимые Кноль и Буркхардт признают себя виновными частично. Подсудимый Трукенброд виновным себя не признает. Подсудимый Чаммер унд Остен признает себя виновным по одному пункту обвинения.

На этом вечернее заседание Военного Трибунала заканчивается.

Утреннее заседание 18 января.

На заседании начался допрос подсудимых. Первым допрашивается оберштурмбанфюрер СС Хейниш.

Это одна из наиболее зловещих фигур на этом процессе. В бытность свою гебитскомиссаром Мелитопольского округа он снискал себе известность, как кровавый палач украинского народа. По его приказу в Мелитопольском округе было арестовано 1 200 советских граждан, которые затем были расстреляны. В октябре 1942 года по его приказанию были расстреляны 3 000 детей. Хейниш насильственно угонял тысячи советских граждан на каторгу в Германию, а тех, кто сопротивлялся, беспощадно расстреливал.

Хейниш издал приказ о закрытии всех школ в Мелитопольском районе и ввел трудовую повинность для детей школьного возраста. Непосильными поборами он обрекал советских людей на голод и вымирание. По его же приказу немецкие солдаты и полиция во время отступления произвели массовые разрушения в промышленности и сельском хозяйстве Мелитопольщины, сожгли ряд окрестных сел, в том числе Константиновку и Вознесенку.

Допрос подсудимого Хейниша начинает прокурор генерал-майор юстиции А.А. Чепцов. Рядом вопросов он устанавливает подробности преступной деятельности подсудимого до назначения его гебитскомиссаром Мелитопольского округа.

Прокурор: Когда вы вступили в партию национал-социалистов?

Хейниш: В 1923 году.

Отвечая далее на вопросы прокурора, Хейниш показывает, что он был руководителем отрядов СА, а с 1935 года занимал пост заместителя начальника штаба министерства Гесса.

Во время войны с Советским Союзом Хейниша вызвали в главное управление национал-социалистской партии и предложили выехать в город Мелитополь на должность гебитскомиссара.

Прокурор: Почему выбор пал именно на вас?

Хейниш: Потому, что я был старым членом национал-социалистской партии, очень активным, и вообще фанатично относился к идеям Гитлера. На Украину отправляли наиболее опытных членов национал-социалистской партии.

Выясняя подробности преступной деятельности подсудимого в городе Мелитополе, прокурор предлагает Хейнишу рассказать о совещании, которое имело место в Мелитополе под председательством генерального комиссара Крыма генерала Фрауэнфельда.

Прокурор: Расскажите подробно, какие вы указания получали от Фрауэнфельда.

Хейниш: Во-первых, Фрауэнфельд заверил нас официально, что после окончания войны Украина будет полностью включена в состав Германии. Он поставил перед нами задачу изъять как можно больше продуктов и промтоваров для германской армии. Во-вторых, отправить из Украины как можно больше рабочей силы в Германию. Фрауэнфельд предупредил, что мы не должны считаться ни с чем для достижения этой цели, не останавливаться перед массовыми расстрелами и уничтожением городов и сел.

Такие же «директивы» подсудимый получил и на совещании, которое имело место в городе Ровно у рейхсминистра Коха. Когда Хейниш возвратился после совещания в Мелитополь, он начал активно проводить в жизнь «установки» Коха.

— *В моей практике,* — говорит подсудимый Хейниш, — *было немало случаев, когда я предавал суду крестьян за невыполнение непосильных поставок — все они были осуждены на смерть.*

Прокурор: Сколько человек было арестовано вами за невыполнение ваших приказов?

Хейниш: Около 4 000.

Прокурор: Какова их судьба?

Хейниш: Большинство из них — расстреляно, а остальные отправлены на каторгу в Германию.

Прокурор: Вы утверждали приговоры местного суда?

Хейниш: Да.

Далее суд устанавливает какими методами действовал подсудимый Хейниш в вопросах «вербовки» рабочей силы в Германию. Полиция и жандармерия по приказу Хейниша оцепляли целый ряд улиц и районов в городах, районных центрах, селах. Все жители выгонялись из домов и арестовывались. Трудоспособное население под охраной полиции отправлялось в специально организованный Хейнишем лагерь в селе Константиновка, близ Мелитополя. Там формировались эшелоны, и люди в запломбированных вагонах под конвоем отправлялись в Германию.

Суд переходит рассмотрению следующего пункта обвинения, предъявленного подсудимому Хейнишу, — расстрел 3 тысяч детей в городе Мелитополе. Эти дети, якобы родившиеся от смешанных браков, были собраны полицией и жандармерией, а затем вывезены к противотанковому рву за городом и расстреляны.

Хейниш пытается увильнуть от ответственности за это злодеяние, и ссылается при этом на начальника СД Шмидта. Однако прокурор рядом вопросов устанавливает полную ответственность подсудимого за уничтожение советских детей. Хейниш знал о готовящейся расправе и одобрил ее.

Прокурор: Скажите, сколько за время вашей работы гебитскомиссаром было угнано населения на каторгу в Германию?

Хейниш: В течении одного года моего пребывания в Мелитополе было угнано 7 000 человек.

Далее прокурор выясняет подробности ареста в Мелитопольском округе 1 200 советских граждан в ночь под рождество 1942 года. Подсудимый Хейниш сперва пытается доказать, что он не причастен к этим арестам. В ходе судебного следствия выясняется, что Хейниш знал и раньше о готовящемся аресте.

Под тяжестью неопровержимых улик Хейниш вынужден признаться, что он просил доставить в Мелитополь

газовую машину, так как расстрелы населения вызывают «большой шум». Только приход Красной Армии помешал этому обербандиту осуществить свои злодейские планы.

В заключение допроса Хейниш признает себя виновным в том, что он был организатором и исполнителем массового истребления советских людей, угона их в рабство и массового ограбления населения Мелитопольского района.

Прокурор: Что вам было обещано Гитлером и руководством фашистской партии в случае победы Германии?

Хейниш: Было ясно сказано, что после того, когда германской армии удастся захватить Украину, там расселится немецкое население. Особый почет будет оказан тем, кто принимал участие в походе на Советский Союз. Мне было предложено, чтобы я подыскал в Мелитопольском районе большое поместье, которое навсегда останется моим.

Председательствующий: Вы говорили, что Украина должна быть присоединена к Германии. Что предполагалось сделать с украинским народом?

Хейниш: Имелось намерение часть населения полностью уничтожить, а остальную часть переселить в северные районы Советского Союза.

В процессе допроса Хейниш рассказывает о своей встрече с начальником лагеря Освенцим. Этот концентрационный лагерь был организован исключительно для уничтожения населения оккупированных областей. В Освенциме находились люди различных национальностей — поляки, чехи, русские, украинцы, евреи. Для массового уничтожения пленных были организованы газовые бараки, к которым железнодорожными составами подвозили людей. Всем выгруженным заключенным объявляли, что в первую очередь они должны пройти дезинфекцию. Привезенных людей раздевали и заводили в бараки. Там открывались газовые краны, и людей душили газом. Трупы сжигались в крематориях.

На утреннем заседании был начат допрос подсудимого **Иогшата**, который был командиром полевой жандармерии и действовал на временно оккупированной территории УССР с марта 1942 по июнь 1944 года.

Вечернее заседание 18 января.

На заседании продолжился допрос подсудимого Иогшата.

Рядом вопросов председательствующий полковник юстиции Ситенко выясняет подробности преступлений, совершенных подсудимым в г. Артемовске. Разъезжая на автомашине, Иогшат расстреливал толпы беззащитных людей. Он сам признает, что расстрелял от 10 до 15 групп лично. Среди них были старики, женщины и дети.

На вопрос адвоката Никифорова, как вы расцениваете свои действия, подсудимый отвечает, что считает их преступными.

Затем суд переходит к допросу подсудимого **Буркхардта**, генерал-лейтенанта германской армии, который с марта 1943 года являлся комендантом тыла 6-й немецкой армии, действовавшей на территории Сталинской и Днепропетровской областей. Под видом борьбы с партизанами и «подозрительными» по приказанию Буркхардта ежедневно арестовывалось огромное число советских граждан, которые затем расстреливались. Большинство арестованных до расстрела подвергались пыткам.

В марте—сентябре 1943 года подсудимый Буркхардт дал директиву угнать все население Сталинской и Днепропетровской областей в тыл, в результате чего десятки тысяч советских людей были обречены на голод и вымирание. Не выполнявшие приказ об эвакуации расстреливались на месте. В организованных Буркхардтом в зоне тыла 6-й немецкой армии лагерях для военнопленных был введен режим, рассчитанный на массовое истребление людей.

В бытность комендантом тыла Буркхардт организовал демонтаж многих предприятий Сталинской области. Демонтированное оборудование было вывезено в Германию. Люди, мешавшие выполнению этого мероприятия, уничтожались.

Этот матерый бандит на суде пытается прикинуться невинным ягненок. Он всеми силами старается доказать, что выполнял лишь приказы гитлеровского командования. Однако, отвечая на прямые вопросы прокурора, подсудимый вынужден признать, что приказом Гитлера, изданным после поражения немцев под Сталинградом, он, Буркхардт, был облечен правами абсолютного диктатора и, следовательно, несет ответственность за все преступления, совершенные на территории его комендатуры.

Подсудимый Буркхардт создавал специальные «охотничьи команды» якобы для борьбы с партизанами. Каждая такая команда представляла собой группу из 10 вооруженных жандармов, имевших в своем распоряжении автомашину. Под видом борьбы с партизанами уничтожалось мирное советское население, выражавшее непокорность немецким оккупационным властям. Преступная деятельность подсудимого полностью изобличается материалами Государственной Чрезвычайной Комиссии и материалами судебного следствия.

Далее суд подробно выясняет вопрос о положении советских военнопленных в лагерях, организованных подсудимым Буркхардтом. Смертность в них была исключительно высокой.

Прокурор: Скажите, сколько на территории, которой вы ведали, было лагерей военнопленных?

Буркхардт: Всего было 6 лагерей. Из них 2 лагеря стационарных и 4 пересыльных.

Однажды в такой лагерь прибыл для «инспектирования» подсудимый Буркхардт. Он обратил внимание на две свежевыкопанные ямы на территории лагеря. Когда он спросил коменданта, что это за ямы, тот ответил: здесь похоронены 300 военнопленных, они погибли от истощения. В лагерях свирепствовали инфекционные болезни, но медицинский персонал не предпринимал ни каких мер для борьбы с ними.

Под непосредственным руководством Буркхардта производилось насильственное изъятие у населения продуктов и вещей, *«так-как, — заявляет подсудимый, — германская армия должна быть обеспечена всем необходимым»*. Немало вещей советских граждан попало на квартиру самого Буркхардта.

Подсудимый вынужден признать, что он культивировал закон грабежа и насилия над советскими людьми.

Еще до наступления Красной Армии Буркхардт организовал демонтаж многих промышленных предприятий для вывоза их в Германию.

Судом устанавливаются далее подробности сожжения немцами сел Вознесенка и Константиновка, близ Мелитополя. Подсудимый Буркхардт упорно отрицал на суде свое участие в этом злодеянии. Однако его уличает подсудимый Хейниш, который подымается с места и заявляет, что эти села были сожжены по прямому приказу Буркхардта.

Когда прокурор задает вопрос, в чем себя признает виновным подсудимый, Буркхардт отвечает, что несет ответственность за уничтожение 200, а затем 500 мирных граждан, за расстрелы невинных людей, за содействие отправке в рабство в Германию 25 000 девушек, за насильственную отправку в Германию 3 000 специалистов горного дела, за демонтаж оборудования и взрыв предприятий, а также за угон скота и ограбление населения.

Допросом Буркхардта вечернее заседание закончилось.

Утреннее заседание 19 января.

На заседании продолжался допрос подсудимого Буркхардта. Адвокат тов. Белов уточняет биографические данные подсудимого, этапы его службы в германской армии.

Адвокат Белов: Вчера на вопрос прокурора вы сформулировали пункты, по которым признали себя виновным. По каким мотивам вы совершали эти преступления?

Буркхардт сначала уклоняется от прямого ответа на поставленный вопрос, но затем вынужден признать, что совершал преступления, как представитель гитлеровского командования, назначенный на пост коменданта тыла. За свою службу в немецкой армии он неоднократно отмечался высшими наградами и повышался в чинах.

На вопрос председательствующего подсудимому Буркхардту, подтверждает ли он свое показание на предварительном следствии: *«Сколько расстреляно и повешено советских людей в Донбассе, я сказать затрудняюсь, так как учета не вел, однако я считал, что чем больше будет уничтожено советских граждан, тем легче будет нам, немцам, проводить свою колониальную политику»*, — подсудимый отвечает утвердительно.

Военный Трибунал переходит к уточнению обстоятельств гибели 75 000 невинных советских граждан, уничтоженных на территории шахты 4-бис.

Подсудимый Буркхардт пытается свалить с себя ответственность за это кошмарное злодеяние, ссылаясь на то, что массовое уничтожение советских людей было организовано органами СД. Однако, в процессе судебного следствия Военный Трибунал устанавливает, что Буркхардт знал об этом расстреле, который был произведен в зоне действия тыла его армии, и несет за него полную ответственность, точно также как и за сожжение сел Константиновка и Вознесенки.

Далее суд приступает к допросу подсудимого **Валлизера**, члена так называемой национал-социалистической партии с 1935 года, бывшего капитана германской армии, который состоял в должности ортскоменданта (местный комендант) в с. Бородянка, Киевской области. Валлизер не только руководил массовыми расстрелами советского населения Бородянки и окружающих сел, но и лично принимал в этих злодеяниях самое активное участие.

Прокурор напоминает подсудимому, что в Бородянке вскрыто 9 массовых могил, в которых обнаружено около 2 000 трупов.

Подсудимый Валлизер признает, что это дело его рук, что он сам организовал этот расстрел при помощи своих подчиненных, а также жандармерии и полиции.

Прокурор: Кому подчинялась жандармерия и полиция?

Подсудимый: Полиция и жандармерия имели двойное подчинение: непосредственно подчинялись мне как ортскоменданту, а также руководителю полиции генералу Шееру, находившемуся в Киеве.

В ходе судебного следствия выясняется, что подсудимый Валлизер принимал и личное участие в пытках и расстрелах мирных граждан.

С глубоким возмущением слушают присутствующие в зале суда откровенные, циничные признания подсудимого Валлизера о расстреле старого учителя местечка Бородянка — Креминского. Этот 60-летний старик «провинился» перед Валлизером только в том, что пришел в комендатуру узнать о судьбе своего сына, арестованного немецкими палачами.

Прокурор оглашает акт медицинской экспертизы, в котором говорится, что на трупе старого учителя обнаружены следы пыток, грудь обожжена, сорваны ногти на руках, череп пробит, на руках рваные раны.

Подсудимый Валлизер признает себя также виновным в сожжении заживо 40 советских граждан, среди которых были женщины, старики и дети.

На суде устанавливается также второй случай сожжения заживо людей — в селе Мирча.

Подсудимый Валлизер возглавлял несколько карательных экспедиций. Одной из них была экспедиция в с. Кодра. Под предлогом борьбы с партизанами село сожгли дотла. Уцелевшие жители спрятались в лесу. По приказанию Валлизера 370 человек, задержанных в лесу близ с. Кодра, были расстреляны, 70 человек были до расстрела подвергнуты страшным пыткам. Подобные кровавые расправы совершались в с. Расках, где было расстреляно 600 советских граждан, и в других селах.

Когда прокурор задает подсудимому вопрос, чем он объясняет такую неслыханную жестокость, — Валлизер отвечает, что как национал-социалист он *«должен был уничтожить советское население для обеспечения немцам более широкого жизненного пространства»*.

Все больше и больше вскрывается фактов чудовищных расправ Валлизера над мирным населением. 3 000 человек угнаны им из Бородянки на каторгу в Германию, по его приказу были взорваны вокзал, зернохранилище и другие здания.

Суд переходит к допросу обвиняемого **Беккенгофа**, бывшего сельхозкоменданта Бородянского района, Киевской области. Под давлением улики Беккенгоф вынужден признать, что он отобрал у населения 5 000 тонн хлеба, 10 000 тонн картофеля, 3 000 коров, большое количество продовольствия, а также уничтожил множество сельскохозяйственных машин.

Беккенгоф лично совершал зверские расправы над населением. Приехав с жандармами в одно село, он арестовал трех человек, в том числе старика 65 лет, затем завез их в лес и там расстрелял.

Факты, установленные на предварительном следствии, свидетельские показания, акты Государственной Чрезвычайной Комиссии заставляют Беккенгофа признать себя виновным в тяжчайших преступлениях: в расстрелах ни в чем не повинных людей, в угоне из Бородянки 3 000 советских граждан, в избивании советских людей, уничтожении сельскохозяйственных машин, разрушении зданий и грабежах.

На этом утреннее заседание суда закончилось.

Вечернее заседание 19 января.

Заседание началось допросом подсудимого **Шаделя**, оберфельдфебеля германской армии, служившего с января по ноябрь 1943 года начальником канцелярии Бородинской ортскомендатуры. Вместе с подсудимым Валлизером он участвовал во всех мероприятиях, направленных против жителей Бородинского района.

Валлизер ценил своего усердного помощника, возил за собой при перемещениях по службе. Вместе они орудовали в Могилеве, Любачеве, Полтаве, Умани и, наконец, в Бородинке.

Подсудимым Шаделем были предприняты карательные экспедиции, во время которых сожжены до основания села Кодра и Раски.

Прокурор: Что обещало вам ваше командование в случае победы?

Шадель: Каждому из нас было обещано поместье на Украине.

В ходе допроса Шадель вынужден признать себя виновным в предъявленных ему обвинениях.

Суд переходит к допросу одного из главных подсудимых по данному процессу **Шеера**, генерал-лейтенанта немецкой полиции, состоявшего с 15 октября 1941 года по март 1943 года начальником охранной полиции и жандармерии на территории Киевской и Полтавской областей.

По его приказам уничтожались тысячи советских граждан, угонялось в рабство большое количество населения, по его приказам производились массовые облавы в населенных пунктах, люди угонялись в специальные лагеря, где подвергались пыткам, а затем отправлялись в Германию. Руководимые Шеером жандармы и полицейские разоряли города и села, грабили имущество колхозов и колхозников, а 3 ноября 1941 года взорвали Успенский собор Киево-Печерской лавры. На всем протяжении допроса, подсудимый Шеер, старается возложить свою вину на других лиц. Но это ему не удается — конкретные факты говорят о том, что именно он создавал опорные пункты полиции и жандармерии под видом борьбы с партизанами, угонял рабочих на германскую каторгу, насильственно изымал продукты у населения, руководил массовыми расстрелами советских граждан.

Прокурор: В мае 1942 года вы участвовали в аресте мирных граждан?

Шеер: Да.

Прокурор: Сколько человек было арестовано?

Шеер: Несколько тысяч.

Прокурор: Какова их судьба?

Шеер: Большинство из них расстреляно.

В ходе судебного следствия выясняется, что подсудимый Шеер знал также о расстреле 75 000 советских граждан в Бабьем яру г. Киева и о расстреле 25 тысяч мирных жителей в гор. Ровно.

Выясняется, что во время пребывания Шеера в Киеве произошел, по его же словам, существенный перелом в деятельности карательных органов. Полиция и жандармерия начали применять более репрессивные меры к мирному населению на Украине, не считаясь со средствами и формами репрессий. На введение более жестких мер натолкнуло Шеера совещание, происходившее на главной квартире Гимmlера, недалеко от Житомира. На этом совещании Гимmlер заявил, что Украина должна быть полностью заселена немцами.

Прокурор: Как Гимmlер поставил вопрос о судьбе украинского населения?

Шеер: Он говорил, что здесь, на Украине, нужно расчистить место для немцев. Украинское население должно быть истреблено.

Прокурор: Вы проводили карательные экспедиции, сожжение сел, уничтожение населения этих сел?

Шеер: Да. Летом 1942 года в районе устья реки Десны была произведена карательная операция. Там было уничтожено 3 села. Жители этих сел были расстреляны.

Такие же карательные экспедиции были организованы летом 1942 года в районе Коростеня. В районе южной границы реки Припять Шеер произвел карательную операцию и лично на самолете корректировал движение полицейских. Близ одного села на Житомирщине был убит пилот личного самолета Гимmlера. За это село было сожжено, а население истреблено. Шеер лично выезжал контролировать исполнение этого злодеяния.

На этом вечернее заседание суда закончилось.

Утреннее заседание 20 января.

На заседании продолжался допрос подсудимого Шеера. Он рассказывает о карательных экспедициях, направленных якобы против партизан, об истреблении мирного населения, насильственном изъятии продуктов и вещей. Подробно останавливаясь на совещании в Киеве, которое проводили Розенберг и Кох, подсудимый указывает, что получил «установку» увеличить отправку в Германию рабочей силы и продовольствия. После совещания Шеер принял «твердые меры» для осуществления полученных установок.

Прокурор: Сколько было угнано в Германию мирных жителей Киева?

Шеер: Как мне стало известно, около 142 000 человек.

Прокурор: Люди шли добровольно или приходилось применять к ним меры репрессий?

Шеер: Никто не шел добровольно. Мы устраивали облавы на улицах, в кино, на базарах.

Прокурор: Это значит, что вами был создан такой режим, что человек ежедневно мог быть схвачен и отправлен на каторгу?

Шеер: Да это верно.

На суде во всей полноте раскрылась ужасная картина взрыва Киево-Печерской лавры. За несколько дней до взрыва немцы выселили всех жителей окрестных улиц для того, чтобы скрыть следы этого гнуснейшего преступления. Немцы предварительно заминировали Успенский собор и другие корпуса, ожидая удобного момента для взрыва. В ноябре 1941 года Киево-Печерскую лавру посетил предатель словацкого народа Тиссо. Это послужило подходящим моментом для провокации. После того, как Тиссо 3 ноября 1941 года вышел из лавры, она была взорвана. Впоследствии взрыв немцы приписывали советским патриотам, которые якобы покушались на Тиссо. Но даже такой матерый бандит, как подсудимый Шеер, должен был признать в суде, что это дело рук немецко-фашистских захватчиков.

Жуткие условия были созданы в концентрационных лагерях. Сырецкий лагерь, охраняемый жандармерией и полицией, превратился в «лагерь смерти». Ежедневно там умирали от голода, лишений и издевательств сотни людей. Такое же положение было и в других лагерях.

В ходе судебного следствия выясняется, что Шеер был организатором истребления советских людей.

Подсудимый Шеер признал также, что массовое истребление мирного населения, отправка людей на каторгу в Германию, ограбление населения, издевательства являются грубым нарушением требований Женевской и Гаагской конвенций о законах ведения войны.

Следующим допрашивается подсудимый **Кноль**, лейтенант немецкой армии, служивший командиром полевой жандармерии 44-й пехотной дивизии и комендантом лагеря военнопленных. В селе Андреевка, Балаклеевского района, Харьковской области, Кноль и его подчиненные систематически расстреливали военнопленных и гражданских лиц, создавая для находящихся в лагере людей невыносимые условия, приводившие к неизбежной гибели.

Военный Трибунал приступает к допросу подсудимого **Изенмана**, участника бесчисленных массовых расстрелов советских граждан на территории Украины во время ее оккупации. В начале войны подсудимый добровольно вступил в СС-овские войска, которые были призваны душировать, уничтожать и грабить мирное население, порабощенное немцами.

Рядом вопросов прокурор уточняет личное участие подсудимого Изенмана в расстрелах советских граждан в городах Львове, Бердичеве, Тараша.

Прокурор: Расскажите подробно, как производились расстрелы?

Изенман: Расстрелы производились следующим образом: примерно 45—50 человек подводились к ямам. Они стояли лицом к нам, и так мы их расстреливали из пулеметов, автоматов и карабинов.

Прокурор: Сколько вы лично расстреляли в это время?

Изенман: Во Львове около 120 человек.

Выясняется также, что подсудимый участвовал в расстрелах мирных граждан в Бердичеве, Тараша и других местах.

Допросом подсудимого Изенмана утреннее заседание заканчивается.

Следующее заседание суда — 22 января.

Утреннее заседание 22 января.

Первым на заседании допрашивается подсудимый **Драхефельс-Кальювери**, сотрудник полиции. В составе полицейского батальона «Остланд» в ноябре 1941 года этот фашистский головорез прибыл на временно оккупированную территорию УССР. Профессиональный убийца, окончивший специальную полицейскую школу, он по прибытии в г. Ровно участвовал в расстреле 25 000 мирных граждан, в Житомирской области — в сожжении ряда сел, грабежах и экзекуциях.

Военный трибунал устанавливает факт личного участия подсудимого в ровенской трагедии, когда за два дня гитлеровские изверги уничтожили более 25 000 советских граждан.

Многотысячную толпу, в которой было много женщин, стариков и детей, немцы погнали к оврагу в 9 километрах восточнее г. Ровно. Перед расстрелом пьяные гитлеровские бандиты срывали с обреченных одежду, заставляли ложиться на дно оврага и убивали выстрелами в затылок. Детей вырывали из рук матерей и уничтожали зверским образом.

После расстрела в г. Ровно Драхефельс-Кальювери сопровождал эшелон с украинским населением, угоняемым насильно на каторгу в Германию. Людей погрузили, как скот, в товарные вагоны по 50 человек в каждый. В этих вагонах не было даже соломы. Люди в пути не получали пищи.

Прокурор: Какие вы получили указания в отношении этих людей?

Подсудимый: Обращаться с ними только посредством ударов, а сопротивляющихся расстреливать.

Прокурор: И вы расстреливали?

Подсудимый: Так точно.

По возвращении на Украину подсудимый был отправлен в г. Овруч, где он под видом борьбы с партизанами истреблял мирных жителей окрестных сел. При его непосредственном участии были сожжены села Славечное и Антоновичи. Жители этих сел, в том числе старики, женщины и дети, были истреблены. На суде устанавливается виновность подсудимого также и в других злодеяниях, совершенных в разные периоды на территории Украины.

Военный Трибунал приступает к допросу подсудимого **Майера**, члена фашистской организации «Юнг-

фольк», военнослужащего германской армии. В июне—июле 1942 года во главе так называемого «Боевого отряда» он принимал участие в массовых расстрелах, поджогах и грабежах в районе г. Сарны, Ровенской области.

Подсудимый Майер вместе со своим отрядом участвовал в расстреле 14 000 граждан г. Сарны.

Прокурор: Сколько вы лично расстреляли человек?

Подсудимый: В первый день я расстрелял 80 человек, а во второй день — 140 человек.

Выясняется еще одна подробность чудовищного злодеяния в городе Сарны. Свыше тысячи человек — женщин, стариков и детей, узнав о расправе, пытались укрыться в бараках, недалеко от лагеря. Фашистские бандиты оцепили эти бараки и сожгли их вместе с людьми.

Следующим допрашивается подсудимый **Лауэр** — служащий ортскомандатуры, побывавший в разных городах временно оккупированной Украины. После нашествия Лауэра и его банды на окраинах городов, во рвах и карьерах оставались сотни трупов расстрелянных и замученных людей. Только за один день вблизи Львова в печаном карьере его бандой было расстреляно 300 человек, в том числе женщины, старики и дети.

Прокурор: Вы лично расстреливали?

Лауэр: Да.

Прокурор: Какие еще преступления вы совершали во Львове?

Лауэр: Мы взорвали тюрьму вместе с людьми.

Кровавыми злодеяниями отмечено пребывание палача Лауэра в Тернополе, Виннице, Полтаве, Сталино, Мариуполе.

На утреннем заседании был допрошен также подсудимый **Геллерфорт**, состоявший в должности начальника СД (служба безопасности) Днепродзержинского района, Днепропетровской области. Он прошел выучку в полицейской школе, добровольно вступил в полицию. Прибыв в Днепропетровск в июне 1942 года, Геллерфорт беседовал с начальником полиции безопасности Гусманом.

Прокурор: Какие он дал вам установки и указания?

Геллерфорт: Беспощадно уничтожать население.

В Днепропетровске Геллерфорт получил назначение в г. Днепродзержинск уполномоченным СД.

Прокурор предъявляет подсудимому документы, показания свидетелей, в которых изобличается преступная деятельность Геллерфорты.

Прокурор: Скажите конкретно, сколько вы арестовали, избили и отправили на смерть людей?

Геллерфорт: Около 300 человек.

Председательствующий предъявляет обвиняемому через переводчика ряд документов, говорящих о фактах злодеяний Геллерфорты. Подсудимый вынужден признать себя виновным.

Допросом подсудимого Геллерфорты закончилось утреннее заседание суда.

Вечернее заседание 22 января.

Заседание Военного Трибунала было посвящено допросу бывшего начальника СД службы безопасности Днепродзержинского района немецкого подполковника **Трукенброд** и свидетелей по его делу.

Утреннее заседание 23 января.

Все заседание суда было посвящено показаниям свидетелей.

Свидетельнице Т. Дураковой прокурор задает вопрос: Что вам известно о зверствах обвиняемого Геллерфорты в г. Днепродзержинске? Вы знаете его?

Дуракова: Знаю, он арестовал меня.

Тамара Дуракова рассказывает что Геллерфорт, арестовавший ее долго допрашивал ее в кабинете. Однажды вечером, часов в 9 ее снова вызвали на допрос. Геллерфорт сразу сказал: «Вы сегодня расскажете все». На все вопросы она отвечала «нет», «не знаю». Тогда он приказал позвать двух агентов, — в кабинете стоял диван, — продолжает рассказ Дуракова, — меня насильно заволокли на него. Один из агентов держал меня за руки, другой за ноги, а Геллерфорт сек меня плетью со свинцом. Я потеряла сознание. Это проделывали и с другими заключенными.

В начале августа нас отправили в лагерь на Игрэн, а оттуда в лагерь Магтхаузен (Австрия). Потом всех женщин отправили в Освенцим, а мужчин оставили на месте. В Освенцим нас привезли поздно ночью.

Нас ввели в холодное помещение с выбитыми стеклами. Там нас раздели догола, остригли и провели через зал под холодный душ. Мы стояли мокрые и раздетые в течение 5 часов. Наконец нам выдали полосатые длинные платья, зашивленное белье, на ноги — деревянные колодки, на головы — тряпки. Отовсюду сыпались удары.

Потом нас привели в длинный барак, выстроили по 5 человек. Эсэсовки расположились рядом и приказали по 3 человека подходить к каждой. Когда я подошла, мне, как и другим, на левой руке вытатуировали номер.

Прокурор: Какой был ваш номер?

Дуракова: 65163.

Тамара Дуракова отворачивает рукав, и все с содроганием смотрят на ее номер.

Подсудимого Геллерфорты опознает, также свидетель Павел Огурцов. Этот свидетель также перенес «допросы» Геллерфорты. Огурцова подвешивали, били нагайками и шомполами. Об издевательствах гитлеровцев над

мирными жителями рассказала и подруга Тамары Дураковой — Ванда Воловская.
Допросом Воловской закончилось утреннее заседание суда.

Вечернее заседание 23 января.

На заседании продолжался допрос свидетелей.

О жуткой трагедии, разыгравшейся в селе Кодра, Макаровского района, рассказывает Военному Трибуналу свидетель Куровский,

— *21 апреля 1943 года*, — говорит свидетель, — *на рассвете в село Кодра прибыл карательный отряд. Вначале вошли бронемашины, затем появилась пехота. Немцы окружили село, согнали все население в район школы и кладбища. В это время каратели начали жечь жилые здания. В течение трех часов Село Кодра было в огне.*

Прокурор: Сколько домов было сожжено в селе?

Свидетель: Шестьсот сорок домов, два стекольных завода, школа, амбулатория и клуб.

Свидетель Э.Б. Баумвальд рассказал суду о массовых зверствах немцев во Львове.

Утреннее заседание 24 января.

На заседании продолжался допрос свидетелей. Свидетель по делу подсудимого Лауэра, техник-строитель М.И. Соколов рассказал суду об огромнейших разрушениях, произведенных гитлеровцами в Виннице. Немцы с первого дня хозяйничания в городе планомерно разрушали квартал за кварталом.

Особенно свирепствовали фашистские поджигатели и убийцы перед отступлением из города. Они разрушили самый лучший район Винницы — Садки, улицы Льва Толстого, Розы Люксембург. Они уничтожили огромное здание медицинского института, дом обшпотребсоюза, все гостиницы, телеграф, кинотеатры. За время пребывания в Виннице немцы расстреляли, повесили и замучили более 30 000 мирных жителей.

Председательствующий: Подсудимый Лауэр, сколько человек было при вашем участии расстреляно в Виннице?

Лауэр: Примерно 400 человек.

Следующим дает показания свидетель по делу подсудимого Йогшата, учитель из г. Артемовска В.П. Замковой-Батрак.

— *3 января 1943 года*, — показывает свидетель, — *жители Артемовска были потрясены жуткой картиной: на здании городского театра было повешено 10 ни в чем не повинных граждан. Трупы повешенных были изуродованы, на лицах виднелись следы побоев.*

Прокурор: Что вам еще известно о зверствах немецких оккупантов в г. Артемовске?

Свидетель: 22 месяца немецкой оккупации Артемовска были сплошным кошмаром. Мы были свидетелями уничтожения 3 000 мирных граждан. Среди них были русские, украинцы, евреи. Этим людей немцы погнали к алебастровым карьерам, где имелись подземные тоннели: часть людей была расстреляна, а часть замурована в тоннелях.

Прокурор: Они были живыми замурованы?

Свидетель: Да, живыми.

Далее Замковой-Батрак рассказывает о насильственном угоне граждан г. Артемовска на каторгу в Германию.

В заключение своих показаний свидетель от имени граждан г. Артемовска обращается к Военному Трибуналу с просьбой приобщить к делу страницу областной газеты «Радянська Донеччина», где изобличаются подлые дела немецких оккупантов в Донбассе.

Суд удовлетворяет ходатайство свидетеля.

Свидетели Н.Н. Яковец и Г.И. Перельштейн рассказывают суду о зверской расправе немцев в г. Сарны, где было уничтожено свыше 14 000 мирных граждан.

Следующим дает показания суду свидетель — профессор Киевского университета им. Т.Г. Шевченко В.М. Артоболевский, подробно рассказывающий суду о том, как немецкие громилы сожгли одно из старейших учебных и научно-исследовательских учреждений страны — Кевский университет, разрушили исторические памятники. Во время пожара погибла и личная библиотека профессора, состоявшая из 3,5 тысяч экземпляров редчайших книг, все научные труды и рукописи, над которыми он работал многие годы.

В конце утреннего заседания дал показания свидетель В.М. Тверской, служащий музейного городка на территории Киево-Печерской лавры.

Прокурор: Скажите, свидетель, какие ценности оставались в лавре?

Свидетель: В лавре, главную ценность которой составлял Успенский собор, построенный в XI веке, имелось множество ценностей. В первый же день вступления в Киев они отобрали у нас, служащих, ключи от здания. На второй день лавру стали посещать немецкие офицеры и солдаты, которые варварским образом стали уничтожать и расхищать ценности. С октября 1941 года немцы начали систематический вывоз ценностей из лавры. Они вывезли лаврские ризницы, реликвии русских князей, московских царей — все вплоть до мебели. Когда лавра была разграблена до конца, немцы взорвали Успенский собор.

Допросом свидетеля Тверского закончилось утреннее заседание.

Вечернее заседание 24 января.

На заседании продолжался допрос свидетелей. Свидетельница Белокрыницкая рассказывает о черных днях немецкой оккупации в Киеве. 29 сентября 1941 года, — один из памятных дней для киевлян. В этот день собрали на Лукьяновку еврейское население города, которое затем было расстреляно в Бабьем Яру. Немцы ходили по квартирам расстрелянных и грабили.

Об уничтожении душевнобольных в Киевской психиатрической больнице им. академика Павлова рассказал бывший главврач этой больницы свидетель Танцюра.

В зал суда входит старая работница Киевского кабельного завода Д.Л. Руденко. Свидетельница рассказала суду о чудовищных преступлениях гитлеровцев. Она была арестована немцами 28 сентября 1941 года. Ее привели на допрос на ул. Мельника, д. №48. Перед домом играл оркестр, а внутри дома проходили допросы, истязания, в саду — расстрелы. После допроса, который сопровождался побоями, Руденко была сведена жандармами на первый этаж. Ее взору, через окно, предстало страшное зрелище: к огромной яме подводили людей и в затылок их расстреливали.

— *Когда стемнело, — продолжает показания Руденко, — мне велели раздеться. Выстрелили мне в затылок, я упала в яму и почувствовала, что ранена в плечо. Меня засыпали землей. Через некоторое время я разгрэбла землю, и, убедившись, что немцев уже нет, выбралась из могилы. С большим трудом я дошла к своим знакомым и таким образом спаслась.*

Свидетельница Д.М. Проничева дает показания о расстреле гитлеровцами мирных жителей в Бабьем Яру:

— *28 сентября 1941 года немцы издали приказ, в котором говорилось, что все евреи города Киева должны явиться 29 сентября к 8 часам утра на Дегтяревскую улицу, взяв с собой ценности и теплые вещи. 29-го утром я, как и все, вместе с отцом, матерью и сестрой пошла к месту назначения, решив, что нас будут вывозить из Киева. Таким образом мы дошли до ворот еврейского кладбища. У ворот уже были заграждения. Туда проходили все свободно, но обратно уже никто не возвращался.*

Прокурор: Много было женщин, детей, стариков?

Проничева: Были и старики, и женщины с грудными детьми. Когда мы пошли под небольшой уклон, увидели цепи немцев. Толпа ничего не знала до тех пор, пока не дошла до того места, где приказали всем раздеться. У каждого полицейского была дубинка, и проходящему устраивали палочный бой. Если кто падал или спотыкался, на несчастного спускались собаки, которые рвали, кусали, давили. Я видела людей, которые за несколько минут становились седыми. На кладбище начался расстрел...

Дальше Проничева рассказывает, как она еще до расстрела бросилась в яму и упала на трупы, как, не поверив, что она уже мертвая, один из немцев ткнул ее сапогом, другой встал ногами на грудь, раскровянил ей руку, но она молчала. Много мучений вынесла Проничева, пока ей удалось убежать и спрятаться в Дарнице. Ее снова ловили, сажали, мучили. Невозможно в кратких словах передать те ужасы и страдания, которые пережила эта мужественная женщина.

Не менее страшным был рассказ свидетеля С. Берлянда. Будучи раненым, он попал в плен. В числе нескольких сот других военнопленных его заковали в кандалы и заставили в августе 1943 года сжигать трупы расстрелянных в Бабьем Яру — немцы перед отступлением хотели замести следы своих гнусных злодеяний. Сожжение трупов продолжалось в течение двух месяцев. Берлянда и его товарищей ожидал расстрел, однако ночью перед расстрелом им удалось бежать.

Свидетельница Ткаченко, проживавшая в поселке Сыреп, около Бабьего Яра, подтверждает показания Проничевой и Берлянда. Она также видела расстрелы мирных жителей.

О трагедии, разыгравшейся в г. Василькове, рассказал свидетель И.С. Самарай. На территории Заготзерна были расстреляны тысячи советских граждан.

Допросом свидетеля Самарай закончилось вечернее заседание суда.

Вечернее заседание 25 января.

На заседании давал свидетельские показания профессор Чатугин.

Будучи членом Чрезвычайной областной комиссии, профессор Чатугин присутствовал при извлечении трупов из шахты 4-бис. С огромными трудностями были подняты на поверхность 113 трупов, так как немцы при отступлении взорвали шахту и затопили ее. Исследовав трупы, врачебная экспертиза установила, что жертвы предварительно подвергались пыткам; многих бросали в шахту живыми, связывая по 3—4 человека веревками. Комиссия установила, что в шахту 4-бис было сброшено 75 тысяч человек. Кроме того, было расстреляно 20 тысяч военнопленных, похороненных затем в общих могилах.

Все эти чудовищные злодеяния были совершены по прямому приказанию Буркхардта.

Отвечая на вопрос прокурора, подсудимый Буркхардт вынужден признать, что он несет ответственность за все эти преступления.

Суд переходит к допросу подсудимого **Чаммер унд Остен**, генерал-майора немецкой армии, бывшего командира 213 охранной дивизии.

По указанию подсудимого Чаммер унд Остен в ноябре—декабре 1941 года в городе Ново-Московске, Днепропетровской области, были произведены массовые расстрелы советских граждан.

В Знаменке, Кременчуге, Краснограде — всюду, где появлялись подчиненные Чаммера, рекой лилась кровь невинных людей.

В марте 1942 года, будучи главным, комендантом полевой комендатуры №392 в Западной Белоруссии, Чаммер под предлогом борьбы с партизанским движением, отдал приказ о массовом истреблении белоруссов. В городе Лида, местечках Шукино, Воронов, Новоселье, Ивье и многих других населенных пунктах гитлеровцами были расстреляны, повешены, сожжены или замучены по приказам Чаммера тысячи мирных советских граждан.

Махровый фашистский бандит всячески пытается уйти от неопровержимых фактов и документов, изобличающих его.

Логика фактов неумолима, и Чаммер вынужден в конце концов признать себя виновным в том, что уничтожал советских граждан, угонял жителей городов и сел на каторгу в Германию, грабил у населения продовольствие.

Вечернее заседание 26 января.

На заседании продолжался допрос свидетелей по делу о преступлениях, совершенных подсудимым Чаммером унд Остен в Кременчуге.

В 1941 году, захватив Кременчуг, гитлеровцы организовали в городе лагерь военнопленных, который, по общему признанию, заслужил названия «лагеря смерти».

Свидетельница — врач В.П. Богданова, испытывавшая на себе все ужасы лагерной жизни, показывает, что в этом лагере от голода, пыток и болезней погибали тысячи советских военнопленных.

Прокурор: Кому был подчинен лагерь?

Свидетель: Насколько мне известно, он был подчинен 213-й охранной дивизии, которой командовал генерал Чаммер унд Остен.

Суд заслушал также показания свидетеля П.И. Гриценко, рабочего насосной станции г. Кременчуг, — очевидца массовых расстрелов гражданского населения.

После допроса свидетеля Гриценко Военный Трибунал объявляет судебное следствие законченным.

Утреннее заседание 27 января.

На заседании начались прения сторон. Председательствующий полковник юстиции Т.Л. Сытенко предоставляет слово государственному обвинителю — заместителю главного прокурора Красной Армии генерал-майору тов. А.А. Чепцову.

Речь государственного обвинителя.

Свою речь государственный обвинитель начинает с характеристики грабительских планов фашистской Германии, подготовившей и развязавшей войну против демократии, цивилизации и культуры, вероломно напавшей на Советский Союз.

Украинская ССР испытала на себе весь ужас фашистского нашествия. Гитлеровцы убили и замучили на Украине свыше 4 миллионов советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей. Они угнали на каторгу в Германию свыше 2 миллионов человек, значительная часть которых погибла в неволе от голода, истязаний и непосильного труда. Немецкие захватчики разрушили промышленность Украины и вывезли ее оборудование в Германию. В колхозах и у колхозников они забрали 12 миллионов тонн сельскохозяйственных продуктов, огромное количество скота и иного добра.

Прокурор отмечает в своей речи, что настоящий процесс тесным образом связан с Нюрнбергским процессом. На материалах настоящего дела можно наглядно проследить, как практически осуществлялись на оккупированной территории человеконенавистнические планы гитлеровской клики. На территории Киевской и Полтавской областей эти планы осуществлял подсудимый Шеер, в Донбассе — подсудимый Буркхардт, в Первомайске — Трукенброд, в Мелитополе — Хейниш, в Новомосковске, Кременчуге, Знаменке — подсудимый Чаммер унд Остен, в других городах — подсудимые Валлизер, Геллерфорт, Кноль, Беккенгоф, Изенман, Иогшат, Майер, Лауэр, Шадель, Драхенфельс-Кальювери.

195 000 жертв кровавого фашистского террора покоятся в Бабьем Яру Киева, в многочисленных могилах Дарницы^[281] и Сырца. Столица Украины, многострадальный Киев, не забудет трагедии Бабьего Яра, о которой свидетельствовали суду свидетельница Проничева, работница кабельного завода Руденко и многие другие.

Государственный обвинитель подробно анализирует вину каждого подсудимого, останавливаясь на фактах истребления мирных советских граждан и военнопленных, на разрушениях городов и сел, уничтожении культурно-исторических ценностей.

За все эти преступления несут ответственность подсудимые Шеер, Буркхардт, Чаммер унд Остен, Хейниш, Валлизер, Трукенброд, Геллерфорт, Кноль, Беккенгоф, Изенман, Иогшат, Майер, Лауэр, Шадель, Драхенфельс-Кальювери, которые являлись организаторами и прямыми исполнителями злодейской программы гитлеровской клики.

— *Чтобы не оскорблять память тех, кто погиб в борьбе с фашизмом, — говорит в заключение прокурор, — чтобы оградить свободолюбивые народы мира от коричневой чумы, во имя счастья всего человечества и его грядущих поколений, я, представитель государственного обвинения, от имени миллионов замученных жертв,*

от имени всего советского народа требую подвергнуть всех подсудимых на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года единственной заслуженной ими каре — смертной казни через повешение.

** * **

После речи государственного обвинителя слово предоставляется адвокату С.К. Казначееву, защищающему по назначению суда подсудимого Шеера. Указывая, что его подзащитный является лишь исполнителем указаний гитлеровского командования, адвокат просит суд не применять к его подзащитному смертной казни.

Речью адвоката С.К. Казначеева закончилось утреннее заседание суда.

Заседание 28 января.

В ночь на 29 января председательствующий полковник юстиции Т.Л. Сытенко огласил приговор по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Украинской ССР.

Военный трибунал признал доказанной виновность подсудимых Шеера, Буркхардта, Чаммера унд Остена, Хейниша, Валлизера, Трукенброда, Геллерфорта, Кноль, Беккенгофа, Изенмана, Иогшата, Майера, Лауэра, Шаделя и Драхенфельса-Кальювери в совершении массовых расстрелов, зверств и насилий над мирными советскими гражданами и военнопленными, разрушений городов и сел, ограблении населения и угоне в рабство, т.е. в преступлениях предусмотренных в ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

Руководствуясь ст. 2 Уголовного кодекса УССР и ст.ст. 296 и 297 Уголовно-процессуального кодекса УССР и учитывая степень виновности каждого, военный Трибунал приговорил:

Шеера, Буркхардта, Чаммера унд Остена, Хейниша, Валлизера, Трукенброда, Геллерфорта, Кноль, Беккенгофа, Изенмана, Иогшата, Майера — к смертной казни через повешение;

Лауэра — к 20 годам каторжных работ;

Шаделя и Драхенфельса-Кальювери — к 15 годам каторжных работ каждого.

Приговор был встречен присутствующими в зале суда трудящимися города Киева с единодушным одобрением.

КИЕВ, 29 января.

Сегодня в 17 часов в г. Киеве на Крещатике был приведен в исполнение приговор Военного Трибунала Киевского военного округа над приговоренными к смертной казни через повешение немецко-фашистскими злодеями — Шеером, Буркхардтом, Чаммер унд Остеном, Трукенбрдом, Хейнишем, Валлизером, Геллерфортом, Беккенгофом, Кнолем, Изенманом, Майером, Иогшатом — за зверское истребление мирных советских граждан и военнопленных, за разрушение городов и сел, угон в рабство населения Советской Украины.

Многочисленные трудящиеся, присутствовавшие на Крещатике, встретили приведение приговора в исполнение всеобщим одобрением.

17—29 января 1946 г.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О ЗВЕРСТВАХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ВЕЛИКОЛУКСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ. 24 января.

Сегодня здесь^[282] в Военном Трибунале Ленинградского округа началось слушание дела о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Великолульской области. К судебной ответственности привлечены 11 человек: генерал-лейтенант германской армии фон Раппард Фриц, бывший начальник гарнизона города Великие Луки и командир 277 пехотного полка, а затем командир 83 и 7 пехотных дивизий; полковник германской армии фон Засс Эдуард, бывший начальник гарнизона гор. Великие Луки; майор германской армии Зонневальд Вильгельм — бывший комендант гор. Великие Луки; Куленкамп Элард — старший лейтенант германской армии; Кнауф Вальтер — капитан германской армии; Ганн Гуго — зондерфюрер, лейтенант германской армии; Вольф Фридрих — зондерфюрер, лейтенант германской армии, бывший переводчик немецких карательных органов в Себеже, Идрице и Невеле; Пешель Карл — фельдфебель германской армии, бывший начальник полевой жандармерии г. Невель; Герш Макс — оберфрейтор, Ратц Эрнст — фельдфебель и Кункель Вильгельм — оберфрейтор.

Дело рассматривается в открытом судебном заседании Военного Трибунала в составе председательствующего генерал-майора юстиции тов. Марчук и членов Трибунала подполковника юстиции т. Петрова и майора юстиции т. Ракова с участием военного прокурора полковника юстиции т. Дунаева и защитников по назначению от суда — адвокатов тт. Кроленко, Борхова, Михеева, В.Г. Маркова, Ткаченко, Старкова, Волкова, В.В. Маркова.

На заседании оглашено обвинительное заключение, в котором говорится, что после изгнания Красной Армией немецких войск с территории, ныне входящей в состав Великолульской области, было установлено, что немецко-фашистские захватчики, в соответствии с планами преступного гитлеровского правительства и командования германской армии, попирая установленные международным правом правила ведения войны, совершали зверства над мирным советскими гражданами, в том числе женщинами, стариками и детьми, а также над военнопленными. Они совершали массовые убийства и истязания, угоняли советских людей в немецкое рабство, грабили, разрушали города и населенные пункты, уничтожали культурно-просветительские учреждения, промышленные предприятия и другие материальные ценности.

Актами Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и материалами предварительного следствия по настоящему делу установлено, что на территории Великолульской области, немецкими захватчиками истреблено около 60 тысяч мирных советских гра-

ждан и советских военнопленных; угнано в немецкое рабство свыше 45 тысяч советских людей; нанесен материальный ущерб народному хозяйству и гражданам на сумму около 20 миллиардов рублей.

Следствием установлено, что на территории Великолукской области немецкими захватчиками, в том числе обвиняемыми по настоящему делу, планомерно производилось разрушение городов и населенных пунктов, уничтожение и разграбление промышленных предприятий, культурно-бытовых учреждений, сельского хозяйства и имущества граждан. Немецкие захватчики почти полностью сожгли и разрушили города Великие Луки, Пустошка, Холм и свыше 1 000 сельских населенных пунктов.

На территории области немцы разрушили и разграбили сотни промышленных предприятий, уничтожили 137 электростанций и подстанций, свыше тысячи школьных зданий, 220 зданий больниц, поликлиник, амбулаторий, свыше 60 тысяч колхозных строений, уничтожили и разграбили огромное количество промышленного и сельскохозяйственного оборудования, около 140 тысяч голов крупного рогатого скота, свыше 80 тысяч лошадей, около 200 тысяч голов мелкого скота и много другого имущества, принадлежавшего советскому государству, колхозам и советским гражданам.

В обвинительном заключении приводятся конкретные преступления, в которых избличены материалами следствия привлеченные по настоящему делу в качестве обвиняемых фон Раппард, фон Засс, Зонневальд, Куленкамп, Кнауф, Ганн, Вольф, Пешель, Герш, Ратц и Кункель.

Приказами обвиняемых фон Раппарда и фон Засса в городе установлен кровавый режим для населения допущавший и оправдывавший любые зверства немцев. Комендатура города, возглавляемая обвиняемым Зонневальдом, через подчиненную ей полевую жандармерию и полицию производила массовые аресты, расстрелы и истязания советских людей. Убийства мирных граждан производились без всякого повода, а просто по прихоти фашистских извергов.

В январе 1946 года Чрезвычайной Комиссией произведена раскопка ям на территории крепости города Великие Луки, откуда извлечено свыше 500 трупов, в числе которых имеются женские и детские трупы.

Обвиняемый Герш, будучи командиром отделения «яхт-команды», 1 апреля 1942 года участвовал в расстреле мирных жителей деревень Шипки и Борисиха. С участием Герш каратели в один день сожгли полностью пять русских деревень: Шипки, Скреплянка, Борисиха, Крутовраг, Дудницы. Зверское поголовное истребление мирного населения под видом борьбы с партизанами учинили немецкие каратели и в деревне Андриюково.

После оглашения обвинительного заключения суд приступил к допросу подсудимых.

Первым был допрошен обвиняемый Герш.

Утреннее заседание 25 января.

На заседании продолжился допрос подсудимого **Герш** — оберфельдфебеля германской армии, состоявшего с января 1942 года по январь 1943 года командиром отделения 277 пехотного полка. Он обвиняется в том, что, будучи в составе карательного отряда, под видом борьбы с партизанами осуществлял кровавые расправы над мирным советским населением. Герш и его подчиненные истребляли советских граждан, грабили их имущество, сжигали дома. Такие расправы были учинены в деревне Платоново, где было убито 30 и заживо сожжено 16 человек, в деревне Максимиха убито 16 человек, в деревнях Бубново и Бабчино — 6 человек. В одной только деревне Козулино Герш лично расстрелял 5 человек.

На судебном следствии обвиняемый Герш вначале пытался отрицать свое участие в этих злодеяниях. Однако под давлением улик он вынужден признать, что участвовал в 4-х карательных экспедициях и сожжении 8 деревень, и в том, что он лично принимал участие в расстреле 6 человек.

Отвечая на вопрос государственного обвинителя, Герш показывает, что в деревне Платоново каратели расстреляли все мужское население — 45—48 человек, а затем деревню сожгли.

Суд переходит к допросу обвиняемого **Ратц** — фельдфебеля германской армии, командира взвода 277 пехотного полка. Обвиняемый принимал участие в карательных экспедициях против мирного советского населения. В деревне Крюково карателями было уничтожено гранатами и выстрелами из автоматов более 30 человек, в том числе женщины, старики и дети. В деревне Заподорье каратели убили 4-х мирных жителей, предварительно подвергнув их пыткам. Этим же отрядом была сожжена деревня Меленки, где убито несколько жителей.

Подсудимый Ратц старается свести свою роль до уровня участника сторожевого охранения, утверждая, что он охранял карателей, оперирующих в той или иной деревне от внезапного нападения красноармейцев^[283]. Однако в ходе допроса вынужден признать, что сожжением деревни Меленки руководил именно он. Получив задание сжечь деревню, он обеспечил свой взвод бутылками с горючим и после артиллерийской подготовки двинулся в Меленки. В деревне вооруженных людей не было обнаружено. Однако деревня была сожжена — от нее остался всего лишь один дом.

Следующим суд допрашивает обвиняемого **Куленкамп** — старшего лейтенанта германской армии. Командуя карательным отрядом, он совершал карательные экспедиции против мирного населения. Им были учинены кровавые расправы в деревнях Лахты и Линепка, сожжены деревни Заречье, Китово, Лахниха и другие.

Куленкамп показывает, что его рота, так называемая «ударная», действовала по особым заданиям, в частности занималась сожжением деревень.

— *Я лично получил от Раппард задание совместно с полицией истребить несколько деревень в направлении Новосokolьники — показывает подсудимый, — это задание мы выполнили, деревни сожгли. Жителям мы приказали покинуть дома.*

Государственный обвинитель: Значит жители должны были погибнуть с голода?

На этот вопрос обвиняемый отвечает уклончиво.

Подтверждая свое участие в сожжении дер. Линепка, обвиняемый говорит, что на окраине деревни они увидели группу мужчин. «*Кто они были — партизаны или из регулярных войск — я не знаю. Я дал приказ стрелять по ним*».

Государственный обвинитель: А они в вас стреляли?

Обвиняемый: Нет.

Обвиняемый вынужден также подтвердить факт сожжения деревень Жастки, Козулино, Платоново, Конь, Богородицкое.

Следующим суд допрашивает обвиняемого **Кункеля** — оберфрейтора германской армии, который также принимал участие в карательных экспедициях против мирного советского населения, проводившихся под видом борьбы с партизанами. Эти экспедиции сопровождалось истреблением советских граждан, сожжением населенных пунктов. Он участвовал в экспедициях против жителей деревень Крюково, Заподорье, Меленки. Эти деревни были сожжены вместе со всем имуществом граждан^[284].

На этом утреннее заседание Трибунала заканчивается.

Вечернее заседание 25 января.

На заседании допрашивается подсудимый **Раппард**, генерал-лейтенант германской армии, бывший начальник гарнизона города Великие Луки^[285].

Этот фашистский палач установил для населения Великих Лук режим кровавого террора, организовал массовое истребление мирных советских граждан и военнопленных. По его приказу в январе 1942 года были расстреляны все заключенные, находившиеся в тюрьме в городе Великие Луки.

Отвечая на вопросы государственного обвинителя, подсудимый говорит о приказах гитлеровского военного командования, касающихся «методов ведения операций на Востоке». Обвиняемый упоминает об известном приказе Гитлера о борьбе с партизанским движением. В этом приказе говорилось о том, что солдаты должны уничтожать не только партизан, но и всех дающих им приют, невзирая на пол и возраст^[286]. Будучи начальником гарнизона, Раппард издал несколько приказов: приказ об уничтожении всех окрестных селений, а также жителей их, дающих приют партизанам; приказ, запрещающий после захода солнца появляться на улице, что каралось расстрелом; приказ, запрещающий под страхом расстрела собираться больше чем 2—3 жителям.

Обвиняемым Раппардом был также подписан приказ об обязательном участии населения в строительстве оборонительных сооружений, которое осуществлялось под непрерывным артиллерийским огнем.

Приказ об угоне мирного населения на немецкую каторгу был подписан Раппардом в соответствии с директивой Заукеля. 7—8 тысяч мирных жителей были после этого отправлены на каторгу в Германию. Наконец, в одном из приказов Раппарда говорилось об обязательном изъятии у крестьян урожая 1942 года.

— *Этим приказом вы обрекали жителей на голодную смерть?* — спрашивает подсудимого государственный обвинитель.

Подсудимый вынужден признать, что его приказы вели к гибели населения.

Далее обвиняемый показывает, что по его приказу было расстреляно 35 рабочих завода им. Макса Гельца^[287].

На судебном следствии выясняется, что ответственность за совершение казни над 35 рабочими завода им. Макса Гельца несет также бывший комендант города Великие Луки, обвиняемый по этому же делу, Зонневальд. Устанавливается также, что другой обвиняемый по данному делу — Ганн, будучи назначен немцами директором завода им. Макса Гельца, одновременно являлся агентом немецкой разведки и именно по его доносу были произведены аресты и расстрел рабочих.

Давая суду показания о борьбе с партизанами в Брянских лесах, обвиняемый Раппард признает, что он, будучи командиром 7-й пехотной дивизии, участвовал в операциях против мирных жителей Брянской области, прятавшихся от немцев в лесах^[288].

В конце заседания государственный обвинитель зачитывает приказ, которым руководствовались немецкие каратели, оперировавшие в Брянских лесах. Этот приказ гласил:

1. Расстреливать всех мужчин, независимо от того, входят ли они в партизанские отряды.
2. Расстреливать женщин, так как они в будущем могут родить партизан.
3. Расстреливать детей, так как они в скором будущем могут стать партизанами».

После вопросов защиты к обвиняемому объявляется перерыв до следующего дня.

Утреннее заседание 26 января.

На утреннем заседании к делу по просьбе Государственного обвинителя приобщается протокол допроса первого писаря штаба Раппарда Веде. В этом протоколе записаны показания о пяти массовых расстрелах жителей города Великие Луки.

Затем Трибунал переходит к допросу подсудимого **Зонневальда** — майора германской армии, бывшего коменданта города Великие Луки. Через подчиненную ему полевую жандармерию и полицию он производил массовые аресты, расстрелы и истязания мирных советских граждан.

Выполняя приказы подсудимых Раппарда и Засса, Зонневальд принуждал жителей города, в том числе и де-

тей, строить военные сооружения на передовой линии обороны под артиллерийским обстрелом. Зонневальд называет эту часть своей деятельности помощью воинским частям в мобилизации рабочей силы. Однако под давлением улики вынужден признать, что им сознательно посылались советские люди на передний край обороны, где многие погибли.

Далее выясняется, что в подчиненных Зонневальду лагерях для военнопленных был установлен жестокий режим. Людей морили голодом^[289].

Обвиняемый показывает, что по распоряжению Раппарда в феврале 1942 года он собрал в помещении госбанка и станционных бараках всех жителей Великих Лук мужского пола, включая детей от 14 лет и стариков^[290]. Всех согнанных переписали и выдали бирки — рабочие номера, которые они должны были носить при себе вместо документа. С ведома Зонневальда в городе был существовал штрафной лагерь для гражданского населения, где был установлен режим насилия, голода и холода.

Из дальнейшего допроса Трибунал устанавливает, что по указанию Зонневальда полиция и жандармерия систематически производила аресты и облавы на мирных жителей Великих Лук. Подчиненные ему люди участвовали в расстрелах арестованных.

Суд переходит к допросу обвиняемого **Гуго Ганна**, лейтенанта германской армии, состоявшего в период немецкой оккупации с 1941 года по 15 января 1943 года директором завода им. Макса Гольца. Он установил для рабочих завода каторжный режим. За невыполнение норм люди жестоко наказывались. В лагере, созданном при заводе, рабочие, в том числе и дети, умирали от голода, холода, эпидемических заболеваний.

В начале допроса Ганн пытается всячески умалить свою ответственность за совершенные злодеяния. Ганн пытается доказать, что ему был неизвестен характер режима, существовавшего для рабочих в лагере на заводе^[291]. Но государственный обвинитель оглашает собственноручно написанные Ганном показания о человекоубийственном режиме, существовавшем в лагере. Эти показания Ганн снова подтверждает.

Далее допрашивается подсудимый **Вальтер Кнауф**, капитан германской армии, командир роты 277 пехотного полка. Осенью 1942 года он принуждал жителей гор. Великие Луки к работе на опасном для жизни строительстве оборонительных сооружений. Жестоко обращаясь с принужденными работать советскими людьми, он требовал того же и от своих подчиненных.

Давая показания Трибуналу, Кнауф подтверждает, что на его участке обороны в строительстве укреплений принимали участие советские женщины и дети.

На этом утреннее заседание Трибунала заканчивается. Объявляется перерыв до 11 часов 27 января.

Утреннее заседание 27 января.

На заседании суд приступает к допросу обвиняемого **фон Засс**, полковника германской армии, бывшего во время немецкой оккупации — с 1 ноября 1942 года по 16 января 1943 года — начальником гарнизона Великие Луки. Предшественником его на этом посту был обвиняемый по настоящему делу фон Раппард.

В ходе судебного следствия выясняется, что по приказам фон Засса советские люди принуждались к работе на немецкую армию, продолжалось планомерное уничтожение города. Жилые здания разбирались на дрова.

В ходе судебного следствия выясняется, что по приказам фон Засса был разрушен завод им. Макса Гельца, взорваны железнодорожный путь, станция со всем пристанционным хозяйством и железнодорожный мост.

На судебном заседании подсудимый фон Засс, старается отрицать свою ответственность за злодеяния совершенные немцами в Великих Луках.

Следующим допрашивается подсудимый **Вольф**, переводчик немецких карательных отрядов и комендатур в городах Себеж, Идрица и Невель.

Показывая суду о своих преступлениях, он говорит, что его обязанностью были переводы во время допросов арестованных в комендатурах и во время карательных экспедиций против партизан, а так же при изъятии имущества и продовольствия у мирного советского населения.

Из показаний подсудимого Вольфа выясняется, что в деревне Забелье, куда прибыл карательный отряд, жандармами была расстреляна русская медицинская сестра^[292].

Вольф перечисляет множество случаев, когда на допросах арестованных без всякого основания жестоко избивали резиновыми палками, стремясь к нужным немцам показаниям. Подсудимый приводит факт расстрела в Идрице двух советских граждан. Их допрашивал капитан Штукрат. Сам подсудимый показывает, что эти люди были ни в чем не были повинны.

Подсудимый Вольф пытается отрицать свое личное участие в расстрелах советских людей. Однако, изобличенный фактами и документами, он вынужден признать себя виновным. Он признает так же, что ему было поручено руководство одной карательной экспедицией^[293].

Следующим допрашивается подсудимый **Пешель**, фельдфебель германской армии, начальник полевой жандармерии в г. Невеле. Пешель арестовывал и истязал мирных советских граждан, обрекая их на смерть.

На следствии Пешель признает, что им лично было арестовано пять советских граждан, а так же подтвердил свое участие в других арестах, производимых жандармами. В августе им были арестованы учительница Алевферко, гражданин Новиков вместе с женой и дочерью и ряд других советских граждан. При допросах Пешель и его жандармы пытали арестованных.

Подсудимый пытается отрицать свое участие в конвоировании жителей Невеля и Невельского района в Германию. Однако тут же на следствии его уличает в этом подсудимый Вольф, бывший переводчик Невильской ко-

мендатуры^[294].

Допросом Пешеля заканчивается утреннее заседание.

Вечернее заседание 27 января.

На вечернем заседании начался допрос свидетелей. Первыми были допрошены военнопленные Эрнст Отто Гаман, Гуго Вестфаль и Фриц Гайдемайер. Свидетель Гаман — санитар роты, показывает, что с апреля по октябрь 1942 года немецкие подразделения часто совершали вылазки за черту города в западном направлении. В деревнях солдаты забирали скот, сжигали дома, а население уводили в Великие Луки. В случае, когда экспедиция была направлена против тех, кто помогал партизанам, она заканчивалась расстрелом людей^[295].

Свидетель опознает Куленкампа, известного ему командира карательного отряда, и подсудимых Кункеля и Герша — участников карательных экспедиций.

Показаниями свидетеля, военнопленного Вестфала, служившего под командой обвиняемого по настоящему делу Кнауфа, еще раз устанавливается, что Кнауфом был отдан приказ, запрещающий солдатам брать русских в плен. Это показание подтверждает свидетель Гайдемайер. Далее выступают свидетели, советские граждане, показания которых раскрывают чудовищную картину злодеяний, которые были учинены немецкими извергами на временно оккупированной территории Великолукской области и в городе Великие Луки.

Свидетельница И. Иванова рассказала суду о налете карателей на деревню Санники, где она тогда проживала. Под предлогом борьбы с партизанами гитлеровские солдаты расстреляли всех мужчин, после чего пришла очередь женщин и детей. Всего в этот день погибло около 300 человек. Сама свидетельница будучи раненной была позже подобрана партизанами.

Жительница Великих Лук, свидетельница А.Г. Евдокимова рассказывает как при ней немецкие солдаты убили больного старика. Одна старуха была убита только за то, что пыталась взять с собой какие-то вещи, когда ее выгоняли из дому. Сама Евдокимова по принуждению работала на строительстве оборонительных сооружений и часто подвергалась избиениям.

Свидетельница А.В. Новикова рассказывает суду, что своими глазами видела в крепости ямы заполненные трупами убитых, и людей роющих себе ямы перед расстрелом. Свидетельница рассказывает о повешенных, чьи тела долго висели на центральной площади города.

О чудовищных преступлениях немецких захватчиков показывает Трибуналу и свидетельница А.Ф. Кириллова. Она рассказывает суду, что большая группа русских женщин была избита только за то, что женщины посмотрели на колонну военнопленных, которых гнали по улице Розы Люксембург, говорит о расстреле ни в чем не повинных людей на улицах Великих Лук.

Свидетельница Е.К. Иванова, работавшая во время оккупации переводчицей в городской полиции, показывает, что она хорошо знает подсудимого Зонневальда, ей известно, что в начале 1942 года он выражал недовольство работой подчиненной ему полиции, которая, по его мнению, мало арестовывала людей. После этого в городе начались массовые облавы, аресты и расстрелы. Свидетельница Иванова подтвердила суду, что ни один арест и расстрел в городе не производился без санкции Зонневальда.

Далее были допрошены свидетели М.Е. Шиповалова, М.И. Дейнеко, Е.А. Мошина и Е.А. Егорова. На этом закончилось вечернее заседание.

Утреннее заседание 28 января.

На заседании продолжился допрос свидетелей. Свидетельница А.С. Симонова рассказывает о страшных мучениях, которые пришлось испытать ей с пятью детьми:

— *Немцы, —* говорит она, *— стали жечь дома на нашей улице. Ко мне на квартиру пришли два солдата с автоматами и выгнали нас на мороз, не дав захватить с собой ничего. Пристанище мы нашли на Зеленой улице. Лишившись всего, я и мои дети стали пухнуть с голоду. Я ходила по свалкам и разыскивала остатки пищи.*

Отчаявшись она пошла в комендатуру за пропуском в район, где раньше находился ее дом, надеясь найти там остатки овощей. В комендатуре ее и детей жестоко избил плетью подсудимый Зонневальд. Свидетельница узнает его на скамье подсудимых.

Свидетель Н.И. Смирнов был, в числе других, арестован в феврале 1942 года. Арестованных связывали, подтягивая руки и ноги к шее. На допросах их избивали, заставляли зимой голых маршировать во дворе. В марте группу арестованных расстреляли с ведома подсудимого Зонневальда.

— *Немцы отняли у жителей Великих Лук все, —* показывает свидетель И.Е. Слесарев. Баней, в которой он работал, пользовались только немцы. В церкви захватчики устроили конюшню. В городе установили виселицы.

16-летний свидетель А.И. Смирнов вместе с матерью — работницей завода им. Макса Гольца был заключен в штрафной лагерь при заводе. Работать приходилось с 5 утра до темноты. Свидетель был избит за то, что не мог таскать тяжелые баллоны для автогена (в то время ему было 13 лет).

Рабочим переводчик зачитал приказ, подписанный в том числе обвиняемыми по настоящему делу Ганном и Зонневальдом. В приказе говорилось, что отлучка с завода будет караться в плоть до расстрела. Для устрашения рабочих тут же были повешены два рабочих завода.

Об истреблении военнопленных свидетельствуют показания жителя Великих Лук В.С. Митиенкова.

— *В январе 1942 года, —* говорит он, *— через Великие Луки прогоняли колонну военнопленных, оставших*

безжалостно расстреливали.

Сам свидетель видел расстрелянных разрывными пулями в затылок^[296].

Гр. Митиенков рассказывает, что около 200 военнопленных были выгнаны на улицу из Дома Советов во время артиллерийского обстрела, люди гибли от огня.

О злодеяниях Раппарда в бытность его командиром 7 пехотной дивизии, оперировавшей в составе группировки немецких войск против партизан и мирного населения в брянских лесах, дает показания свидетель А.Ф. Князев, бывший комиссар партизанской бригады. Бойцы этой бригады, прошедшие по следам дивизии Раппарда, видели пепелища сожженных деревень, видели более 2 500 трупов мирных жителей, в основном стариков, колдцы, забитые трупами женщин и детей, детей, которым немецкие изверги выдавили зубы, в партизанском госпитале — раненных, с отрезанными носами и ушами.

— В Суземском районе, — говорит свидетель, — до немецкого нашествия было 60 000 жителей, осталось же не более 3 500 человек. Остальные убиты или угнаны на немецкую каторгу.

Свидетель подтвердил, что немцы использовали мирное население при разминировании дорог. В числе других привел случай разминирования дороги в районе Красная Слобода-Смелиж. Немцы собрали детей и пустили их шеренгой по заминированной дороге. Дети подрывались на минах.

Свидетель П.В. Балашев, рабочий завода им. Макса Гольца, опознает в сидящем на скамье подсудимых Ганна, которого знал в качестве директора завода.

Далее перед судом проходят свидетели О.П. Антонова, В.К. Алеферко, Н.С. Новикова, Н.А. Матвеев, З.В. Толстоухова, Н.Н. Тишина, Н.И. Мазан, Т.Н. Сидоренкова, С.И. Новиков, А.И. Иванова, И.М. Могалев, Д.И. Лавренова. Они свидетельствуют о том, что немецкие изверги применяли массовые расстрелы советских людей, сожжение их живыми, повешение, пытки.

На этом судебное заседание заканчивается.

Утреннее заседание 30 января.

На заседании 30 января оглашается акт судебно-медицинской экспертизы. Экспертиза показала, что эксгумация 500 трупов, разрытых в городе Великие Луки, и 300 трупов в городе Себеж свидетельствует о насильственном характере смерти людей, как взрослых, так и детей.

Далее по ходу следствия адвокатура поставила ряд вопросов перед подсудимыми, затем в порядке дополнения к судебному следствию подсудимые Раппард, Кнауф, Ганн, Зонневальд ставят вопросы друг другу. Ответы на эти вопросы ничего нового в ход следствия не вносят. Подсудимые Кнауф, Зонневальд, Куленкамп возбуждают ходатайство о вызове в суд дополнительно ряда свидетелей. Суд, рассмотрев ходатайство подсудимых, не нашел нужным удовлетворить их просьбу.

Председательствующий объявляет судебное следствие законченным. Слово предоставляется государственному обвинителю полковнику юстиции тов. Дунаеву.

Речь государственного обвинителя.

В начале своей речи государственный обвинитель приводит перечень чудовищных злодеяний, совершенных фашистскими палачами в городе Великие Луки и на территории области. За время оккупации гитлеровцы убили и замучили 36 107 советских граждан. Жертвами фашистских палачей стали не только ни в чем не повинные взрослые мужчины и женщины, но даже грудные дети. Немецко-фашистские злодеи замучили, кроме того, 21 474 советских военнопленных. Немцами сожжены и разрушены города Великие Луки, Пустошка, Холм и свыше тысячи других населенных пунктов. По данным, которыми располагает Чрезвычайная Государственная Комиссия, материальный ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству области и отдельным гражданам, определяется миллиардами рублей.

Переходя к установлению злодеяний каждого из обвиняемых по настоящему делу, государственный обвинитель, основываясь на данных предварительного и судебного следствия, считает бесспорно доказанной виновность подсудимых в инкриминируемых им преступлениях.

— Я прошу, граждане судьи, сурово наказать всех находящихся на скамье подсудимых. Я обвиняю Раппарда, фон Засса, Зонневальда, Ганна, Кнауфа, Куленкампа, Ратца, Герша, Пешеля, Вольфа, Кункеля в преступлениях, предусмотренных пунктом первым Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года. Именем закона и справедливости, именем всего человечества, я прошу вас, граждане судьи, приговорить всех 11 сидящих на скамье подсудимых к смертной казни через повешение.

На этом утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 30 января.

На заседании первым выступает адвокат Короленко, защищающий по назначению от суда подсудимого Раппарда. Защитник просит суд при вынесении приговора учесть, что его подзащитный является, по существу, рядовым генералом германской армии, что он не может нести ответственность в той мере, в какой должны понести ее главные военные преступники, сидящие на скамье подсудимых в Нюрнберге. Защитник обвиняемого Засса тов. Борхов, адвокат тов. Михеев, защищающий Зонневальда, защитник подсудимого Кнауфа тов. Ткачев и

адвокат тов. Марков, защищающий обвиняемого Куленкампа, приводят некоторые, по их мнению, смягчающие вину обстоятельства и просят суд о снисхождении к их подзащитным.

На этом заканчивается вечернее заседание.

Утреннее заседание 31 января.

На заседании продолжались выступления защитников. Защитник подсудимого Ганна тов. Марков просит суд при определении меры наказания учесть, что его подзащитный совершил меньше злодеяний, чем другие, сидящие вместе с ним на скамье подсудимых.

— *Хотя у защиты нет оправдательных материалов, которые можно было бы противопоставить государственному обвинителю, —* говорит адвокат Стариков, защищающий по назначению от суда обвиняемых Вольфа и Кункеля, — *однако я прошу учесть, что мои подзащитные, как и многие другие военнослужащие германской армии, встали на путь грабежа, убийств и жестокости в результате фашистской пропаганды, отравившей их сознание.*

Адвокат Волков, защищающий подсудимых Герша, Пешеля и Ратца, говорит, что его подзащитные признали себя виновными в преступлениях против советского народа, и настаивает на утверждении, что указанные лица были только исполнителями преступных приказов гитлеровского командования.

Затем предоставляется последнее слово подсудимым. Подсудимые Раппард и Засс, давая объяснения причин, вызвавших совершение преступлений, просят суд учесть это при вынесении приговора.

Подсудимые Зонневальд и Ганн просят суд о смягчении им наказания. Подсудимые Кнауф, Куленкамп, Герш, Нешель, Ратц, ссылаясь на то, что они лишь выполняли приказы старших начальников, просят суд учесть это обстоятельство при определении им меры наказания.

На этом заканчивается утреннее заседание.

Вечернее заседание 31 января.

На заседании последнее слово предоставляется подсудимому Вольфу, который просит суд о смягчении ему приговора.

Суд удаляется на совещание.

Приговор.

Все обвиняемые по данному делу признаны виновными в совершении ими преступлений, предусмотренных статьей 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года. На основании статьи 4-й Уголовного Кодекса РСФСР и, руководствуясь статьями 319 и 320 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР, суд приговорил:

подсудимых Раппарда, Засса, Зонневальда, Куленкампа, Ганна, Вольфа, Пешеля, Герша — к смертной казни через повешение;

подсудимого Кнауфа — к 20 годам ссылки на каторжные работы;

подсудимых Ратца и Кункеля — к ссылке на каторжные работы сроком на 15 лет на каждого.

Присутствующие в зале жители Великих Лук и пригородных колхозов встретили приговор с большим удовлетворением.

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ. 1 февраля.

Сегодня в 12 часов, на Базарной площади был приведен в исполнение приговор Военного трибунала Ленинградского военного округа над осужденными к смертной казни через повешение немецко-фашистскими злодеями Раппардом, Зассом, Зонневальдом, Куленкампом, Ганном, Вольфом, Пешелем, Гершем за массовое истребление и истязание ими советских граждан и военнопленных в городе Великие Луки и на территории Великолукской области.

Приведение приговора в исполнение было встречено присутствующими на площади жителями города и окрестных деревень единодушным одобрением.

24 января — 1 февраля 1946 г.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИЙСКОЙ, ЛИТОВСКОЙ И ЭСТОНСКОЙ ССР

РИГА. 26 января.

Сегодня здесь ^[297] в Военном Трибунале округа началось слушание дело о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР в период их временной оккупации.

К судебной ответственности привлечено 8 человек: бывший верховный руководитель СС и полиции на территории Прибалтики, обергруппенфюрер СС, генерал полиции Еккельн Фридрих; бывший военный комендант Риги и крепости Виндава, генерал-лейтенант германской армии Руфф Зигфрид; бывший командир 167 полка 86 пехотной дивизии, 206 пехотной дивизии, командир 42 пехотной дивизии, командир 391 охранной дивизии, комендант крепости Либавы, генерал-лейтенант германской армии Дежон фон Монтетон Альбрехт; бывший командир 403 охранной дивизии, а затем комендант гор. Курска, генерал-лейтенант германской армии фон Дитфурт Вольфганг^[298]; бывший комендант полевых комендатур №№189 и 186, начальник строительства обороны в районе Риги и Рижского взморья, командир береговой обороны 16 армейского корпуса по охране побережья Рижского залива, генерал-майор германской армии Вергер Фридрих; бывший командир 81 пехотного полка, командир 15 пехотной дивизии, начальник управления лагерей советских военнопленных в Прибалтике, начальник управления главной полевой комендатуры в Минске, начальник тыла 4 германской армии, генерал-майор германской армии Павель Бруно; бывший комендант полевых комендатур №№818 и 810 в Двинске—Лиелварде—Мадлицин, Салдус, Кулдига, а затем военный комендант города Салдус, генерал-майор германской армии Кюппер Ганс; бывший гебитскомиссар уездов Таллин, Валга, Выру и Печеры Эстонской ССР, штандартенфюрер СА Беккинг Александр.

Дело рассматривается в открытом судебном заседании Военного Трибунала в составе председательствующего полковника юстиции т. Панкратьева и членов Трибунала полковника юстиции т. Кире и майора юстиции т. Якобсона, с участием военного прокурора полковника юстиции т. Завьялова и защитников по назначению от суда тт. Санникова, Миловидова, Долгополова, Дивногорского и Маркевича.

На заседании оглашено обвинительное заключение, в котором говорится, что немецко-фашистские захватчики по преступным планам, заранее разработанным германским правительством и командованием германской армии, поставили своей целью ликвидацию государственной самостоятельности Латвии, Литвы и Эстонии, и превращение их в немецкую колонию, уничтожение национальной культуры этих республик, разрушение и разграбление промышленности, сельского хозяйства, лишение народов этих республик политических и экономических прав и массовое истребление советских людей. Сразу же после оккупации Латвии, Литвы и Эстонии немецкие захватчики приступили к осуществлению этих людоедских планов.

Как установлено материалами дела, Гиммлер, давая общие указания об отношении к народам «Остланда» (Прибалтики), подчеркнул, что латыши, литовцы и эстонцы — низшие расы и этим должно определяться отношение к этим народам.

Гиммлер заявил, что основную массу латышей, литовцев и эстонцев необходимо выселить в Германию для использования на работах, а освободившееся пространство заселить немцами.

Материалами следствия и актами Чрезвычайной Государственной Комиссии установлено, что в Латвийской ССР немецкие оккупанты истребили свыше 600 тысяч мирных советских граждан и военнопленных, и угнали в рабство в Германию около 280 тысяч советских граждан.

В Литовской ССР немецкие захватчики истребили около 700 тысяч мирных советских граждан и военнопленных, и угнали в рабство в Германию свыше 36 тысяч советских граждан.

В Литовской ССР немецкие захватчики разрушили свыше 80 тысяч строений, в том числе около 2 тысяч промышленных зданий, 56 электростанций и подстанций, свыше 26 тысяч жилых домов, 72 больницы, поликлиники и амбулатории, 30 театров, клубов и красных уголков, 682 здания школ и высших учебных заведений, 15 зданий научных учреждений, 26 детских учреждений, свыше 200 церквей, костелов, синагог, около 20 тысяч магазинов и складов; уничтожили и вывезли в Германию оборудование промышленных предприятий, около 640 тысяч голов крупного рогатого скота, свыше 230 тысяч лошадей, свыше миллиона свиней, овец и коз, огромное количество сельскохозяйственных орудий, инвентаря и другого имущества.

В Латвийской ССР немцы разрушили около 140 тысяч строений, в том числе 5 790 промышленно-производственных зданий, 53 электростанции, свыше 47 тысяч жилых домов, 133 здания больниц, поликлиник и амбулаторий, 922 здания школ и высших учебных заведений, 41 детское учреждение, 15 музеев, 189 церквей и костелов; уничтожили и вывезли в Германию оборудование промышленных предприятий, свыше 800 тысяч голов крупного рогатого скота, свыше 100 тысяч лошадей, до миллиона свиней, овец и коз, десятки тысяч сельскохозяйственных орудий и другое имущество, уничтожили около полумиллиона фруктовых деревьев.

Немцами варварски разрушены города: Рига, Лепая (Либав), Даугавпилс (Двинск), Валмиера, полностью уничтожены города Резекне и Елгава (Митава).

У Эстонской ССР немецкие захватчики разрушили свыше 57 тысяч строений, в том числе 870 промышленных зданий, 43 электростанции и подстанции, около 20 тысяч жилых домов, 76 тысяч зданий больниц, поликлиник и амбулаторий, около 400 зданий школ, высших учебных заведений и научных учреждений, 95 театров, клубов, красных уголков, 15 детских учреждений, 103 церкви и других зданий религиозных культов; уничтожили и вывезли в Германию оборудование промышленных предприятий, свыше 58 тысяч голов крупного рогатого скота, свыше 15 тысяч лошадей, 80 тысяч свиней, овец и коз, большое количество сельскохозяйственных орудий и другого имущества.

В обвинительном заключении приводятся конкретные преступления, в которых избличены материалами следствия привлеченные по настоящему делу в качестве обвиняемых Еккельн, Руфф, Дежон фон Монгетон, фон Дитфурт, Вертер, Павель, Кюппер и Беккинг.

Утреннее заседание 27 января.

Заседание начинается допросом генерала немецкой полиции, подсудимого **Еккельна**. Судебное следствие устанавливает, что обвиняемый Еккельн, вступивший в национал-социалистскую партию в 1929 году, был приближенным Гитлера и Гиммлера.

Вскоре после вероломного нападения на СССР Еккельн назначается верховным руководителем СС и полиции так называемого «Остланда» — территории Советской Прибалтики и части Белоруссии, и осуществляет там насильственное насаждение «нового порядка». Отвечая на вопрос государственного обвинителя о политических установках, полученных им от Гиммлера при его назначении на пост руководителя СС в Прибалтике, Еккельн показывает:

— *Гиммлер в одной из бесед сказал мне, что территория Латвии, Литвы, Эстонии является объектом давних притязаний немцев. Поэтому нам необходимо проводить политику заселения этих территорий немцами. Часть местного населения должна быть уничтожена, часть — германизирована, а подавляющее большинство — вывезено на работы в Германию.*

Общее мнение Гиммлера, Геринга и Розенберга было таково, что надо уничтожить государственную самостоятельность Прибалтийских республик и включить их в состав Германии. Еккельн, являясь верховным руководителем войск СС и полиции в Прибалтике, создал здесь режим, при котором советские люди истреблялись сотнями тысяч. На территории Латвии, Литвы и Эстонии было уничтожено свыше миллиона 400 тысяч мирных советских граждан.

Председательствующий зачитывает ряд документов, вскрывающих чудовищные злодеяния гитлеровцев в различных городах Прибалтики. По показаниям самого Еккельна, по далеко не полным данным, в концлагерях Прибалтики было истреблено и замучено свыше 50 тысяч латышей, литовцев и эстонцев. В районе Риги было обнаружено 300 тысяч трупов мирных советских людей, явившихся жертвами фашистского террора.

Далее судебное следствие устанавливает участие Еккельна в провокационном убийстве митрополита Сергия.

За период временной оккупации Прибалтики немцы организовали под видом борьбы с партизанами крупные карательные экспедиции для истребления советских людей. Во время этих экспедиций расстреливались тысячи мирных жителей, сжигались десятки населенных пунктов.

Далее государственный обвинитель оглашает письма свидетелей и показания бывшего командира 26 полицейского полка Вайсига. Прокурор оглашает акт т.н. бюро гражданских записей в Риге об умерщвлении в психиатрической больнице в Либаве 700 душевнобольных.

На этом утреннее заседание суда заканчивается.

Утреннее заседание 28 января.

На заседании начался допрос свидетелей по делу обвиняемого Еккельна.

Первым дает показания свидетель Ю.К. Акменс — старший научный сотрудник химического факультета Рижского университета, продолжительное время находившийся в тюремном заключении во время немецкой ок-

купации.

Из показаний свидетеля раскрывается жуткая картина истребления немцами советских граждан, заключенных в многочисленных фашистских застенках Прибалтики. В тюрьмах гитлеровцы искусственно распространяли инфекционные заболевания, морили людей голодом, а потом расстреливали. Среди замученных советских патриотов свидетель называет имена депутата Верховного Совета Латвийской ССР Лиекниса, писателя-драматурга Лукса и других общественных деятелей.

Затем допрашивается свидетель Берг — главный врач Елгавской психиатрической больницы.

— *В августе 1941 года, — показывает Берг, — по приказанию немецкого командования отряд эсэсовцев расстрелял 540 больных нашей больницы. 440 человек были расстреляны немцами за один день в Елгавской больнице.*

Свидетель Е.Е. Бриедис, старший врач 1-й больницы в городе Риге, показывает, что в Прибалтике немцы под руководством Еккельна в широких масштабах осуществляли стерилизацию женщин.

Далее суд заслушивает свидетельские показания Юста, генерал-майора германской армии, бывшего начальника главной полевой комендатуры Литвы. Свидетель показывает, что части СС и СД готовили крупную операцию против партизан в районе Минск—Вильнюс. Партизаны, заранее узнав об этом, ушли из районов предполагаемой операции. На большой территории остались только дети, старики и женщины. На них и обрушились каратели. За исключением небольшого количества угнанных под конвоем людей, все остальные — старики, женщины и дети — были уничтожены. Все это, говорит свидетель, делалось с ведома и одобрения Еккельна.

Далее свидетель сообщает, что подсудимый Еккельн был широко известен своей жестокостью. Он смещал подчиненных, которые в какой-либо мере не выполняли его требований о беспощадной расправе с мирным населением — литовцами, латышами, эстонцами, а также с партизанами.

Следующим дает показания свидетель Я.Я. Каулиньш, рассказывающий суду о зверском режиме, который существовал в Саласпилском лагере смерти.

На этом утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 28 января.

На заседании продолжался допрос свидетелей по делу обвиняемого Еккельна. Первым допрашивается свидетель И.У. Адлер. В своих показаниях он воспроизводит картину массового истребления немецкими оккупантами советских военнопленных и мирного населения в городе Риге. Следующим дает показания 14-летняя свидетельница Марьяна Папп. Гитлеровцы в лагере замучили ее мать и бабушку. Все присутствующие в судебном зале с затаенным дыханием выслушали показания свидетельницы о том, как ее вместе с другими детьми немцы вывозили из лагеря на расстрел. Детей вырывали у матерей. Дети тшечно молили о пощаде. Девочке только чудом удалось бежать из-под расстрела и затем до прихода Красной Армии скрываться у знакомых.

Свидетель — председатель епархиального совета православной церкви Латвии Н.А. Македонский в своих показаниях приводит многочисленные факты кощунственного ограбления немецкими оккупантами церковей, ареста и угона в Германию церковных служителей, в том числе православных и католических епископов.

Свидетель И.И. Терентьев в своих показаниях рассказывает о чудовищных расправах гитлеровцев над мирными жителями города Резекне, деревень Аудини и Мортуки.

После этого допрашивается свидетель — военнослужащий германской армии Центрграф, оберштурмбаннфюрер, бывший начальник военного суда СС и полиции в так называемом Остланде.

Показаниями свидетеля полностью подтверждается то обстоятельство, что все злодеяния немцев в Советской Прибалтике производились под руководством или с ведома Еккельна.

На этом вечернее заседание заканчивается.

Утреннее заседание 29 января.

На заседании продолжался допрос свидетелей по делу обвиняемого Еккельна. Медицинский работник свидетельница М.Г. Бризман рассказывает о чудовищных пытках, о массовых расстрелах гитлеровцами женщин и детей.

Бризман сообщила также суду о том, что немецкие убийцы согнали в костел большую группу женщин, облили костел керосином и подожгли его.

Далее был допрошен бывший руководитель строительной группы войск СС и полиции оберштурмбаннфюрер СС Блашек.

— *На одном из банкетов на квартире у Еккельна, — показывает он, — Еккельн изложил нам свою программу действий в Остланде. По этому плану предполагалось полностью уничтожить латышей, литовцев и эстонцев, и заселить земли Прибалтики немцами.*

Блашек осуществлял одну из многочисленных так называемых «пересыльных» операций, проводимых по заданию Еккельна. Осенью 1941 года из Риги отправили многотысячную колонну советских женщин, стариков, детей и военнопленных. В 8 километрах от Риги ни в чем не повинных людей расстреляли и зарыли в специально подготовленных для этого рвах. Многие жертвы были зарыты живыми.

Суд переходит к допросу подсудимого **Руфф** — генерал-лейтенанта германской армии, бывшего военного коменданта Риги.

Суд устанавливает, что Руфф совместно с Еккельном 6 и 7 октября 1944 года провели в Риге одну из многочисленных массовых облав с целью захвата и угона в Германию мирных советских граждан. Войска и полиция оцепили целый район, хватали людей и отправляли в порт на пароходы. Сопротивлявшихся избивали или расстреливали.

Председательствующий оглашает выдержку из акта Чрезвычайной Государственной Комиссии, из которого явствует, что в Германию из Риги было угнано более 76 тысяч жителей.

Затем суд переходит к выяснению обстоятельств, связанных с приказом Руффа о разрушении Риги. Подсудимый показывает, что он издал приказ о подготовке многочисленных объектов к взрыву до 10 октября 1944 года.

В течении 11 и 12 октября в городе производились разрушительные работы. Были разрушены заводы «ВЭФ», «Вайрогс», «Квадрат», цементный, фанерная фабрика, крупнейшая в Латвии Кегумская гидроэлектростанция, стерт с лица земли порт, взорваны железнодорожные и понтонные мосты, рижский железнодорожный узел, гостиницы, школы, жилые дома и ряд других промышленных и культурных объектов.

На этом утреннее заседание заканчивается.

Утреннее заседание 30 января.

На заседании суду давал показания по делу подсудимого Руффа, свидетель Мутуль.

В результате судебного следствия суд установил полную ответственность подсудимого Руффа за все злодеяния, совершенные в Риге, в бытность его комендантом города.

Далее суд переходит к допросу подсудимого **Дежона фон Монтетона**, генерал-лейтенанта германской армии, бывшего коменданта города-крепости Лепая.

С декабря 1942 года по июль 1944 года подсудимый командовал 391-й охранной дивизией. В этот период под видом борьбы с партизанами по его приказу выжигались целые районы вдоль железных дорог, мирное население — старики, женщины и дети — расстреливалось, уцелевшие жители угонялись на каторгу в Германию, а их имущество подвергалось разграблению.

В июле 1944 года 391-я охранная дивизия была разгромлена наступающими частями Красной Армии. Отступая с остатками дивизии, Дежон фон Монтетон приказал уничтожать на пути жилые дома, школы, монастыри, промышленные предприятия. В октябре 1944 года этот фашистский палач, отличившийся в расправах над мирным населением, был назначен на должность коменданта города-крепости Лепая и находился в этой должности до капитуляции Германии.

По приказам подсудимого в городе проводились массовые облавы на мирных жителей.

Как показывает сам Дежон фон Монтетон, из Лепая было угнано в Германию более 12 тысяч советских граждан, оставшееся мирное население в принудительном порядке отправлено на сооружение оборонительных укреплений. Жители, не выполнившие приказ коменданта о выходе на оборонительные работы, обрекались на голод, пытки и расстрел.

Подсудимый признает, что по его приказу были минированы и подготовлены к разрушению все промышленные предприятия города, портовые сооружения, маяк и другие объекты.

Далее прокурор оглашает свидетельские показания гражданок Павловой и Щегловой о массовых расстрелах мирных граждан в деревнях, через которые проходили части, подчиненные Дежону фон Монтетону.

Подсудимый под давлением улик подтверждает, что эти факты действительно имели место.

В ходе судебного следствия установлено, что части 391-й охранной дивизии, которой командовал подсудимый, по его приказу под видом борьбы с партизанами занимались массовым истреблением мирного населения, сожжением деревень и грабежами. Это подтверждают в своих показаниях вызванные на суд свидетели А.П. Ковалев и бывшие военнослужащие германской армии Вайн и Шейфер.

На этом утреннее заседание суда заканчивается.

Вечернее заседание 30 января.

Заседание началось допросом обвиняемого **Вертера**, генерал-майора германской армии, бывшего коменданта полевых комендатур №№189, 186, командира обороны 16 армейского корпуса по охране побережья Рижского залива.

Суд устанавливает, что находившийся в Ленинградской и Калининской областях Вертер под предлогом борьбы с партизанами издал приказ о массовых расправах над мирным советским населением. Немецкие убийцы расстреливали население десятков деревень, а деревни стирали с лица земли. Зарегистрированы многочисленные факты, когда немецкие каратели, руководимые Вертером, загоняли советских граждан в дома и заживо сжигали.

Полевая комендатура №186, которой командовал Вертер, с марта по июнь 1944 года отправила на каторгу в Германию 17 000 советских граждан из городов Валмера и Цесис, 4 с половиной тысячи человек из г. Слоки. В апреле 1945 года войсками и жандармскими частями было угнано в Германию все латышское население из прифронтовой полосы.

Являясь начальником строительства обороны г. Риги и Рижского взморья, Вертер насильственно привлекал к тяжелым земляным работам мирных граждан и советских военнопленных. Немцы заставляли их работать под артиллерийским обстрелом.

Подсудимый является также соучастником разрушения промышленных предприятий, культурно-бытовых учреждений и других сооружений в городах Рига, Валмера, Цесис, Алуксне, Лимбажи и других.

Подсудимый Вертер подтверждает показания, данные им на предварительном следствии.

Свидетельница 72-летняя жительница г. Слоки Абикус в своих показаниях рассказала суду о том, как в начале осени 1944 года по приказу Вертера мирное население угонялось на строительство оборонительных сооружений, возводившихся под артиллерийским обстрелом.

Этот факт подтверждает свидетельница А.Г. Рослова, работавшая на строительстве оборонительных сооружений в районе г. Слоки вместе со своим сыном. Она говорит также о расстрелах немцами мирных граждан. От руки фашистских убийц погиб и ее муж.

По ходатайству прокурора оглашается текст акта комиссии по вскрытию мест захоронения трупов в г. Слоки. В акте говорится, что при вскрытии ямы было обнаружено 19 трупов с пулевыми ранениями и со следами страшных пыток.

Свидетель Быков показывает суду о преступлениях подсудимого Вертера, совершенных им на территории Псковской области.

— По приказу комендатуры, возглавляемой Вертером, все население района должно было явиться на определенный сборный пункт для отправки в Германию. Люди не явились. Тогда в район была направлена карательная экспедиция, которой придали полевую артиллерию. Карательный отряд в течении нескольких дней сжег дотла деревни Высоково, Акатьево, Костелево, Букино и многие другие.

— Затем немцы, — продолжает свидетель, — все население района объявили «партизанами» и запретили хождение из одного населенного пункта в другой. Нарушение этого приказа каралось расстрелом.

Допросом свидетеля Быкова вечернее заседание заканчивается.

Утреннее заседание 31 января.

Заседание начинается с допроса подсудимого **Кюппера**, генерал-майора германской армии, бывшего коменданта полевой комендатуры №818 в Даугавпилсе, военного коменданта города Саллус.

Отвечая на вопросы прокурора, подсудимый вынужден признать, что в августе—сентябре 1942 года, являясь представителем командующего тылового района армейской группировки на Украине, он осуществлял выселение всех жителей из 50-и километровой полосы. Это «выселение» заключалось в полном уничтожении населенных пунктов, истреблении людей и разграблении всего их имущества.

В Даугавпилсе на должность коменданта полевой комендатуры №818 Кюппер прибыл в феврале 1943 года. Будучи старшим военным начальником в отношении всех частей и учреждений немецкой армии, дислоцировавшихся в Даугавпилсе. Кюппер беспощадно расправлялся с мирным населением. В 1943 году им лично были организованы и под его руководством проведены карательные экспедиции под названием «венский лес» и «зимнее волшебство». Подсудимый признает, что эти экспедиции проводились крупными войсковыми силами с участием артиллерии и танков, что на протяжении многих десятков километров каратели выжгли селения, расстреляли жителей этих селений и что скот, сельскохозяйственный инвентарь, домашняя утварь увозились немцами.

В конце утреннего заседания, а также на вечернем заседании суду давали показания свидетели.

Вечернее заседание 31 января.

Суд переходит к допросу подсудимого **Павеля** — генерал-майора германской армии.

Судебным следствием устанавливается, что Павел в бытность командиром 15 пехотной дивизии при отступлении от Нарофоминска до Вязьмы, в конце 1941 года и в начале 1942 года, подвергал опустошению районы, через которые следовала дивизия.

В конце 1942 года подсудимый был назначен начальником лагерей советских военнопленных. Ему подчинялись все лагеря на территории Латвии, Литвы, Эстонии и части Белоруссии.

Зверский режим, установленный в лагерях, голод, болезни, пытки и издевательства приводили к огромной смертности среди военнопленных.

Выясняется также, что в апреле 1943 года во время карательной экспедиции против партизан в районе северо-восточнее Минска немецкие части сожгли много сел и деревень, уничтожили до 15 тысяч мирных жителей, которых в сводке верховного командования выдали за партизан.

Все эти кровавые злодеяния осуществлялись по прямым указаниям подсудимого Павеля.

На этом вечернее заседание заканчивается.

Утреннее заседание 1 февраля.

На заседании продолжался допрос свидетелей по делу подсудимого Павеля.

Далее суд переходит к допросу подсудимого **Беккинга** — штандартенфюрера СА.

Судебное следствие устанавливает, что Беккинг, будучи областным комиссаром в Эстонии, с беспредельной жестокостью проводил ограбление советских территорий. Путем террора и насилий он выкачивал у эстонского крестьянства все продовольствие, обрекая людей на голод и нищету.

Устанавливается также, что под контролем Беккинга находилось 2 концлагеря, где томились тысячи мирных

советских граждан, согнанных из Сталинградской и Псковской областей. Зверский режим, установленный в этих лагерях, приводил к массовой гибели людей.

Допросом подсудимого Беккинга утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 1 февраля.

Заседание начинается показаниями свидетеля Трейар, вызванного по делу подсудимого Беккинга. Затем показания дают свидетели Анолик, иеромонах Псковско-Печерского монастыря Серафим Розенберг.

По просьбе прокурора оглашается заключение судебно-медицинской экспертизы. Экспертизой установлено, что массовое истребление мирных советских граждан и военнопленных на территории Прибалтики происходило в течение всего периода немецкой оккупации. С приближением наступающей Красной Армии немцы, пытаясь замести следы своих преступлений, разрывали могилы, сжигали трупы, места массовых погребений сравнивали с землей, запахивали и засеивали хлебами, переносили старые кладбищенские кресты на могилы своих жертв и т.д. Экспертиза считает установленными факты массовой стерилизации женщин и кастрации мужчин, осуществлявшихся гитлеровцами.

На этом вечернее заседание суда заканчивается.

Утреннее заседание 2 февраля.

На заседании начались прения сторон. Председательствующий предоставляет слово государственному обвинителю полковнику юстиции тов. Н.П. Завьялову.

Речь государственного обвинителя.

В начале своей речи государственный обвинитель подчеркивает, что чудовищные преступления подсудимых являются составной частью преступных планов германского фашизма, ставившего своей целью превращение всех свободолюбивых народов мира в рабов немецких империалистов.

Гитлеровские захватчики, оккупировав Советскую Прибалтику, упразднили государственную самостоятельность латышского, литовского и эстонского народов. Территория этих республик была объявлена частью немецких провинций «Остланд».

Немецкие захватчики ввели здесь колониальный режим, покрыли страну сетью тюрем и концентрационных лагерей, сотнями и тысячами истребляли советских граждан.

За годы немецкой оккупации в Советской Прибалтике от рук фашистских убийц погибло 1 миллион 435 тысяч 410 человек.

Огромный ущерб нанесли немецкие оккупанты народному хозяйству. В Риге, Вильнюсе, Каунасе, Таллине, Нарве и в десятках других городов Прибалтики немцы уничтожили несколько тысяч промышленных и коммунальных предприятий, железнодорожные станции, разрушили десятки тысяч жилых домов. В руины превращены города Нарва, Елгава, Тарту, Резекне и др. Только в Литве и Латвии немцы разрушили около 150 тысяч крестьянских хозяйств, отняли у крестьян земли, полученные ими в 1940—1941 годах от советской власти.

Немецкие вандалы уничтожили национальную культуру латышей, литовцев и эстонцев. Они разгромили Вильнюсский и Литовский университеты, разграбили и уничтожили сотни и тысячи школ, музеев, картинных галерей, библиотек, зверски расправились со многими лучшими представителями интеллигенции.

За все эти злодеяния несут ответственность подсудимые Еккельн, Руфф, Дежон фон Монтетон, Вертер, Кюппер, Павел и Беккинг. Они были организаторами и исполнителями злодейских замыслов гитлеровской клики, сидящей сейчас на скамье подсудимых в Нюрнберге.

— *Перед вами, граждане судьи, — говорит государственный обвинитель, — на скамье подсудимых сидят преступники, на счету которых самые отвратительные, самые гнусные преступления против народов Прибалтики — литовцев, эстонцев, латышей и других народов нашей советской отчизны, преступления, которые по своей омерзительности превосходят самые чудовищные злодеяния средневековых инквизиторов.*

— *Именем замученных, убитых и растерзанных гитлеровцами советских людей, именем народов Латвии, Литвы и Эстонии, именем народов всего Советского Союза я обвиняю всех сидящих на скамье подсудимых в преступлениях предусмотренных статьей 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, и как государственный обвинитель требую, граждане судьи, приговорить всех их к смертной казни через повешение.*

Речью прокурора утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 2 февраля.

На заседании слово предоставляется защите. Выступают: по делу подсудимого Еккельна — адвокат тов. Миловидов, по делу подсудимого Руффа — адвокат тов. Долгополов, по делу подсудимого Дежона фон Монтетона — адвокат тов. Санников, по делу подсудимых Вертера и Кюппера — адвокат тов. Маркевич, по делу подсудимых Павеля и Беккинга — адвокат тов. Дивногорский.

Затем председательствующий предоставляет слово подсудимым. Подсудимые Еккельн^[299], Руфф, Дежон фон

Монтетон^[300], Вертер^[301], Кюппер, Павел и Беккинг, признавая свою вину, просят суд о смягчении приговора. Затем суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

Приговор.

Военный трибунал признал подсудимых Руффа, Еккельна, Дежона фон Монтетона, Вертера, Кюппера, Павеля и Беккинга виновными в преступлениях, предусмотренных статьёй первой Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, и, руководствуясь статьёй 4 Уголовного Кодекса РСФСР, действующего на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, и статьями 319 и 320 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР, приговорил:

Еккельна, Руффа, Дежона фон Монтетона, Вертера, Кюппера, Павеля, Беккинга — к смертной казни через повешение.

РИГА. 3 февраля. (ТАСС).

Сегодня в 3 часа дня был приведен в исполнение приговор Военного трибунала Прибалтийского военного округа^[302] над осужденными к смертной казни через повешение немецко-фашистскими злодеями: Руффом, Еккельном, Дежоном фон Монтетоном, Вертером, Кюппером, Павелем и Беккингом.

Приведение приговора в исполнение было встречено всеми присутствующими на площади единодушным одобрением.

Примечания

1

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 8 июля 1941 года.

2

Советский Союз, так же как и Германия, подписал Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, принятую на конференции в Женеве, 27 июля 1929 года.

3

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 27 августа 1941 года.

4

Так в тексте.

5

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 20 ноября 1941 года.

6

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 1 августа 1941 года.

7

Утреннее сообщение Светского Информбюро от 9 августа 1941 года.

8

Воспроизводится по публикации в газете «Известия», от 9 августа 1941 года.

9

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 6 декабря 1941 года.

10

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 19 декабря 1941 года.

11

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 20 июля 1941 года.

12

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 15 августа 1941 года.

13

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 27 июля 1941 года.

14

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 12 августа 1941 года.

15

Воспроизводится по публикации в газете «Правда», от 4 сентября 1941 года.

16

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 14 сентября 1941 года.

17

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 26 августа 1941 года.

18

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 7 октября 1941 года.

19

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 26 ноября 1941 года.

20

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 21 декабря 1941 года.

21

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 31 августа 1941 года.

22

Так в тексте.

23

Воспроизводится по публикации в газете «Правда», от 15 октября 1942 года.

24

Воспроизводится по «Ведомости Верховного Совета СССР» 1942 г. №40

25

Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии были использованы как материалы предварительного следствия при подготовке Международного Военного Трибунала в Нюрнберге.

26

Воспроизводится по «Инструкция о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников», 2-я тип издательства «Московский большевик», Москва, 1943 г.

27

Так в тексте.

28

Не публикуется.

29

Не публикуется.

30

Из докладной записки начальника штаба связи военно-хозяйственного управления ОКВ при рейхсмаршале Геринге генерала Нагеля от 14.08.41: «...Рейхсмаршал несколько раз указывал на то, что не нужно чинить никаких препятствий солдатам, если они по собственной инициативе снабжают себя. Конечно, не следует попусту растрачивать ценности, но не нужно и быть мелочными, в том числе в контроле на границе и в таможах. Конечно, при реквизициях и вывозе должен быть полный порядок...»

31

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 25 июня 1943 года.

32

Решение Ростовского Совета депутатов трудящихся об эвакуации наиболее ценных произведений русской и западноевропейской живописи, коллекции фарфора и скульптуры в Пятигорск, было принято в декабре 1941 года.

33

Часть коллекции, предназначенная для отправки в Германию, была спасена сотрудниками дома-музея города

Пятигорска. Рискаю жизнью, они изменили немецкую нумерацию ценных по составу ящиков. Позже полотна В.И. Сурикова, К.А. Коровина, И.И. Левитана и других мастеров русской живописи удалось вернуть в Ростовский областной музей изобразительных искусств, но всю довоенную коллекцию так и не удалось восстановить.

34

Штаб Розенберга целенаправленно занимался изъятием и отправкой в Германию произведений искусства, антиквариата, редких книг и других раритетов. На юге России действовала группа группа «Украина» — руководитель доктор Рудольф, и мобильная команда «Ростов», руководимая доктором А. Рекком.

35

Уничтожение «психически неполноценных» людей проводилось в рамках нацистской программы эвтаназии. Только в Германии за время действия «Указа об эвтаназии» было уничтожено по разным данным от 180 до 300 тысяч психиатрических пациентов.

36

Так в тексте.

37

Так в тексте.

38

См. раздел «Судебные процессы...».

39

Датируется по времени начала работы на территории Харькова Центральной комиссии по расследованию зверств немецких оккупантов.

40

Воспроизводится по публикации в газете «Комсомольская правда» от 2 декабря 1943 года.

41

Лагерь «Гранки», о котором идет речь в публикуемом документе, был создан на торфоразработках возле поселка Гранки Руднянского района. В лагере содержались в основном лица, арестованные за связь с партизанами, за саботаж мероприятий оккупационных властей, за политическую агитацию, за участие в деятельности подпольных патриотических организаций.

42

Документ оборван.

43

Массовое истребление мирных советских граждан гитлеровскими захватчиками в концлагерях близ мест. Озаричи Полесской обл. в марте 1944 г. Цитируется по изданию «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками», Сборник материалов, т. IV. М., Госюриздат, 1959, стр. 329—331. Смотри так же раздел «Преступления против военнопленных и мирного населения», сообщение об истреблении гитлеровцами советских людей путем заражения сыпным тифом.

44

В публикации «Озаричского», по названию районного центра.

45

Ошибочно. Кировский район — Могилевской обл.

46

В публикации «Озаричского».

47

По изданию «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками», Сборник материалов, т. IV. М., Госюриздат, 1959, стр. 321, 322.

48

Датируется по Сообщению ЧГК об истреблении гитлеровцами советских людей путем заражения сыпным тифом, раздел «Преступления против военнопленных и мирного населения».

49

По изданию «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками», Сборник материалов, т. IV. М., Госюриздат, 1959, стр. 331, 332.

50

По изданию «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками», Сборник материалов, т. IV. М., Госюриздат, 1959, стр. 325—327. Смотри также раздел «Преступления против военнопленных и мирного населения» — Истребление гитлеровцами советских людей путем заражения сыпным тифом.

51

В публикации «Озаричского».

52

По изданию «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками», Сборник материалов, т. IV. М., Госюриздат, 1959, стр. 317, 318.

53

По изданию «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками», Сборник материалов, т. IV. М., Госюриздат, 1959, стр. 336, 337.

54

По изданию «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками», Сборник материалов, т. IV. М., Госюриздат, 1959, стр. 346, 347.

55

По изданию «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками», Сборник материалов, т. IV. М., Госюриздат, 1959, стр. 347, 348.

56

10—17 января 1946 г. в г. Николаеве проходил судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Николаеве и Николаевской области. С отчетом о ходе процесса можно ознакомиться в разделе «Процессы 1945-1946 гг.».

57

Источник <http://archive.pskov.ru/pobeda65/chapter2/index.htm> — фотокопия.

58

Так в документе.

59

Так в документе.

60

Так в документе.

61

Датируется по содержанию документа.

62

Речь идет о так называемой операции «Сено» — плане захвата на оккупированных территориях СССР 40—50 тысяч белорусских и русских подростков в возрасте от 10 до 14 лет и вывоза их в Германию для онемечивания.

63

Начальника.

64

Не публикуется.

65

Дата освобождения гор. Минска от гитлеровских оккупантов.

66

В документе неразборчиво.

67

Так в документе.

68

«Заведомо ложный донос органу судебно-следственной власти или иным, имеющим право возбуждать уголовное преследование должностным лицам, а равно заведомо ложное показание, данное свидетелем, экспертом или переводчиком при производстве дознания, следствия или судебного разбирательства по делу...»

69

В «Именном списке на граждан г. Павловска...» она названа Косяк Нина.

70

Источник <http://archive.pskov.ru/pobeda65/chapter2/index.htm> — фотокопия.

71

В качестве обвиняемых в процессе по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков, проходившему 24 января — 1 февраля 1946 г. в г. Великие Луки, к суду были привлечены: Вольф Фридрих — зондерфюрер, лейтенант германской армии, бывший переводчик немецких карательных органов в Себеже, Идрице и Невеле; Пешель Карл — фельдфебель германской армии, бывший начальник полевой жандармерии г. Невель. См. раздел «Процессы 1945—1946 гг.».

72

Воспроизводится по «Нюрнбергский процесс» в трех томах, из-во Юридическая литература, 1966 г., т.3, с.313—317.

73

Воспроизводится по «Нюрнбергский процесс» в трех томах, из-во Юридическая литература, 1966 г., т.3, с.317—320.

74

Воспроизводится по «Смоленская область в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. Документы и материалы». М., 1977. С. 325—329.

75

Не приводится.

76

Собственноручная запись. Источник <http://archive.pskov.ru/pobeda65/chapter2/index.htm> — фотокопия.

77

Так в тексте.

78

Так в тексте. Икона Чирской Богоматери.

79

Игумен Иосаф, основатель Снятогорского Псковского монастыря.

80

Воспроизводится по «Акт Ленинградской Городской Комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесённом хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады», ОГИЗ, ГосполитИздат, 1945 г.

81

Из директивы ОКВ №44 1675/41 от 7 октября 1941 г.: «Фюрер снова решил, что капитуляция Ленинграда, а позже — Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником. ...Кто покинёт город против наших линий, должен быть отогнан назад огнём. Небольшие, неохраняемые проходы, делающие возможным выход населения для эвакуации во внутренние районы России, следует поэтому только приветствовать. И для всех других городов должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнём и воздушными налётами, а население должно быть обращено в бегство.»

82

Здесь не приводятся цифры умерших от голода и болезней. К сожалению до настоящего времени нет достоверных сведений о числе погибших. С известными оговорками на несовершенство имеющегося статистического материала, можно предполагать, что всего за 11 месяцев блокады (1941—1942 гг. период наивысшей смертности) погибли приблизительно 653 тыс. ленинградцев. Благодинный церковью города Ленинграда, протоиерей Н.И. Ломакин, будучи допрошен в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе, в частности показал: «Если до войны количество умерших колебалось от 30 до 50 человек в день, то во время войны цифра эта быстро увеличилась до нескольких сот в день. Не было физической возможности внести умерших в храм. Вокруг храма образовалась громадная очередь ящиков и гробов, наполненных кусками человеческого мяса, изуродованными трупами мирных жителей граждан г. Ленинграда, погибших в результате варварских налётов немецкой авиации. Наряду с отпеваниями принесенных к храму покойников необычайно возросла практика так называемых заочных отпеваний. Верующие люди не могли поставить в храм своих умерших родственников и знакомых. Их родственники и знакомые погребены были под обломками, под развалинами уничтоженных немцами жилых домов... ..Вследствие невероятных условий блокады, вследствие непрерывных налётов немецкой авиации на город, вследствие артиллерийских обстрелов города, количество отпеваний усопших дошло до невероятной цифры — до нескольких тысяч в день».

83

Из показаний благочинного церковью города Ленинграда, протоиерея Н.И. Ломакина, на Нюрнбергском процессе: «Просто удивляться приходилось: какой же военный объект искали горе-вояки в нашем святом храме. Как только великий праздник или просто воскресенье — сейчас же артиллерийский обстрел. Да и какой обстрел. В великий пост, на первой неделе, в 1943 году с самого раннего утра и до поздней ночи ни причт (т.е. духовенство), ни молящиеся не имели физической возможности выйти из храма. Кругом снаружи царили смерть и разрушения. Я сам лично видел человек 50, точно я затрудняюсь сейчас сказать цифру, моих духовных детей, погибших около храма. Они поспешили выйти, не дождавшись отбоя тревоги артиллерийского налёта, и нашли гибель около храма. В этом святом храме (Николо-Богоявленский собор) мне пришлось похоронить тысячи людей, изорванных в клочья, погибших в результате разбойничьих налётов немецкой авиации и обстрелов немецкой артиллерией мирных жителей города.»

84

Директор Государственного Эрмитажа академик Иосиф Орбели, будучи допрошен в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе, в частности показал: «...В Эрмитаж попали две авиабомбы и около 30 артиллерийских снарядов, причем снаряды эти причинили значительные повреждения зданию, а авиабомбы привели к разрушению системы канализации и водопроводной сети Эрмитажа. ...Одним из снарядов был разбит портик основного здания Эрмитажа, выходящего на Миллионную улицу, и повреждена скульптура «Атланты». Другой снаряд пробил потолок одного из самых парадных зал Зимнего дворца и причинил в этом зале большие повреждения. Два снаряда попали в бывший гараж Зимнего дворца, где расположены придворные парадные кареты XVII и XVIII веков, причем одним из этих снарядов были разбиты в щепки четыре кареты XVIII века художественной работы и одна парадная золоченая карета XIX века. Еще одним из снарядов был пробит потолок нумизматического зала, колонного зала — основного здания Эрмитажа и разрушен балкон этого зала. ...Относительно предумышленности обстрела здания Зимнего дворца я мог бы упомянуть о том, что 30 снарядов, о которых я говорил, попали

в Эрмитаж не в один налет, а в течение длительного периода времени, не более одного снаряда в каждый обстрел.»

85

Из показаний благочинного церкви города Ленинграда, протоиерея Н.И. Ломакина, на Нюрнбергском процессе: «...Как мною уже доложено вам, господа судьи, по должности благочинного я должен был периодически наблюдать за состоянием храмов города и докладывать моему владыке митрополиту подробно в данной связи. И вот тут мои впечатления и личные наблюдения таковы: церковь Воскресенья на канале Грибоедова — этот замечательный высокохудожественный храм — ...получил очень серьезные повреждения: пробиты купола, изуродована снарядами крыша, в разных местах по стенам мозаичные священные изображения также приведены частично в негодность или вообще уничтожены. Измайловская крепость, Троицкий собор, ...украшенный замечательными фризами, художественно отображающими эпопею взятия Измайловской крепости — ему причинены огромные разрушения систематическими обстрелами и артиллерийскими снарядами. Была совершенно разбита в разных местах крыша. Художественная лепка вся отбита. Остались лишь маленькие кусочки ее. ...Артиллерийскими обстрелами сильно повреждена, почти даже совсем разрушена, церковь на Серафимовском кладбище, артиллерийские снаряды попадали в церковь кладбища, кроме того, ей были причинены большие повреждения воздушными налетами.»

86

Из показаний Иосифа Орбели на Нюрнбергском процессе: «...Наблюдая разрушения Эрмитажа, я в то же время видел перед собой здания Академии наук, расположенные на другом берегу реки, а именно: музей антропологии и этнографии, зоологический музей и расположенный рядом с зоологическим музеем морской музей, в здании бывшей фондовой биржи. На все эти здания обращен был усиленный обстрел зажигательными снарядами, и последствия этих попаданий я видел из окон Зимнего дворца.»

87

Из директивы начальника штаба военно-морских сил об уничтожении гор. Ленинграда: «...3. Прежние требования военно-морского флота о сохранении судостроительных, портовых и прочих сооружений, важных для военно-морского флота, известны верховному главнокомандованию вооруженных сил, однако удовлетворение их не представляется возможным ввиду общей линии, принятой в отношении Петербурга.»

88

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 6 апреля 1943 года.

89

В Гжатске на Смоленской улице фашисты устроили лагерь для военнопленных. Лагерь был обнесен колючей проволокой в 10 рядов. Брошенным туда пленным выдавали в день 50 граммов хлеба и кружку воды. Раненым и больным пленным не оказывалось никакой медицинской помощи. Под видом пленных фашисты содержали многих местных жителей. Попытки жителей оказать помощь заключенным жестоко пресекались, нарушители подвергались избиению.

90

75 мирных жителей Гжатска, отказавшихся прибыть на сборные пункты для отправки в Германию, были публично расстреляны. Всего из Гжатского района было угнано около 6 тысяч человек, в том числе более 600 детей в возрасте до 14 лет.

91

Район был оккупирован с 10.10.1941 г. по 8.03.1943 г. До войны в Сычевском районе жило около 45 000 чел. (в городе — 8 248 чел.), после оккупации осталось 16 000 чел. (в городе — 3 152 чел.).

92

Из протокола допроса генерала артиллерии Гельмута Вейдлинга, 3 января 1946 г. в Москве: «Вопрос: Как вы претворяли в жизнь приказ Гитлера о разрушении советских населенных пунктов? Ответ: ...Нам все время напоминалось, что во время отступления мы должны оставлять за собой «зону пустыни»... Как эти указания претворялись в жизнь, служит наиболее ярким примером отступление 9-й армии из района Ржева в марте 1943 года. Это отступление было заранее подготовлено до мельчайших деталей, а между дивизиями были распределены полосы отступления, где они обязаны, были все уничтожать. Так, штаб 9-й армии мне, как командиру дивизии, предписывал сжигать при отступлении в намеченной полосе все населенные пункты, взрывать каменные постройки и уничтожать вообще все объекты, которые могут быть полезны противнику. ...Такие же задания получили около 15-ти арьергардных дивизий 9-й армии, которые при отступлении из района Ржева на участке в 300 км по фронту и 200 км в глубину уничтожили все населенные пункты... Вопрос: Как вы поступали с населением уничтожавшихся населенных пунктов? Ответ: Население, подлежавших уничтожению советских населенных пунктов, было заранее эвакуировано тыловой службой 9-й армии.»

93

На момент оккупации в городе в оставалось около 20 тысяч человек (из более чем 50 тысяч довоенного населения). В освобожденном городе насчитывалось лишь 362 человека, включая 248 узников Покровской церкви.

94

Из протокола допроса генерала артиллерии Гельмута Вейдлинга 25 ноября 1951 г. в Москве: «Вопрос: ...вы отличаетесь документами Чрезвычайной Государственной комиссии: актом о злодеяниях немецко-фашистских

захватчиков в Ржевском районе, сообщением Чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городах Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и в гор. Ржеве, Калининской области от 6 апреля 1943 года, актом о злодеяниях немцев в гор. Ржеве от 20 октября 1943 года. Ответ: Подчиненные мне военнослужащие 86-й пехотной дивизии совершали такие же преступления, какие указаны в актах Чрезвычайной Государственной комиссии. Моя 86-я дивизия входила в 27-й армейский корпус, который подчинялся непосредственной 9-й армии. Я, как бывший командир указанной дивизии, несу ответственность за те преступления, которые совершили мои подчиненные...»

95

Так в тексте, имеется в виду генерал-майор фон Роуперт командир 7-й пехотной дивизии.

96

Так в тексте, имеется в виду генерал-лейтенант Гроссман, командир 6-й пехотной дивизии (смотри также сообщение о заражении мирного населения сыпным тифом).

97

Как показывали военнопленные, командир 337-й немецкой пехотной дивизии приказал: «В случае вынужденного отхода полка с занимаемых позиций необходимо сжигать все населенные пункты и уничтожать все, что только возможно. Гражданское население оставляемых городов и деревень насильственно эвакуировать в тыл. Оказывающих сопротивление безжалостно уничтожать»

98

Население Гжатска голодало. Фашистские оккупанты не заботились об обеспечении жителей самыми необходимыми продуктами, только тем, кто работал на немцев, выдавалось по 150 граммов суррогатного хлеба. Лейман, обычно вручал жителям города приказ явиться с лопатой, одеждой и продовольствием для назначения на работу. «За неявку — расстрел».

99

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 5 августа 1943 года.

100

В частности в Ставрополе в первые дни оккупации объявили сбор евреев на площади у нынешнего цирка. Им было приказано явиться с вещами якобы для эвакуации. В назначенный день там собралось не менее тысячи евреев. Им приказали сложить все вещи в отведенном месте. Люди подняли шум: «Как мы найдем потом свои вещи?!». Под угрозой оружием их все же вынудили это сделать. Людей загоняли «душегубки» и вывозили на Холодный родник, где трупы и сбрасывали в овраг.

101

Немецкие врачи провели селекцию, рассортировав на детей три группы: евреи, дети коммунистов, прочие. Через некоторое время в поселке появился специальный автомобиль-«душегубка», в него погрузили 50 детишек в гипсах, из первой группы. Жертвы увезли в горы. Вторую группу детей использовали для опытов, никакой медицинской помощи им не оказывалось.

102

В сентябре 1942 г. в Минеральных Водах фашисты и их сообщники расстреляли и умертвили в душегубках более десяти тысяч ни в чем не повинных людей.

103

За время оккупации в Георгиевске было уничтожено 2 500 человек.

104

За пять месяцев оккупации в Кисловодске уничтожено около 3 тысяч мирных жителей и военнопленных.

105

Воспроизводится по публикации в газете «Красная Звезда», от 7 сентября 1943 года.

106

Из протокола допроса генерал-полковника Рудольфа Шмидта, 2 апреля 1948 г. в Москве: «Орловский лагерь был организован в ноябре 1941 года. При первом посещении Орловского лагеря 28 декабря 1941 года, ...я установил, что военнопленные содержались в очень плохих условиях: лагерь, располагавшийся в здании старой фабрики был переполнен, помещения, где содержались военнопленные, совершенно не отапливались, несмотря на то, что мороз доходил в ту зиму до 40 градусов, раненые и больные содержались вместе с остальными военнопленными, причем никакой медицинской помощи им не оказывалось, питание было недостаточное. Военнопленные использовались на тяжелой работе. Все это привело к тому, что смертность военнопленных в Орловском лагере, в результате обморожения, истощения и болезней была большой. Так, в январе 1942 года смертность в силу указанных причин достигла 10—20%...»

107

Из протокола допроса генерал-полковника Шмидта: «В мае 1942 года мною был получен приказ ставки, ...что в соответствии с распоряжением Заукеля я должен отправить на работы в Германию максимально возможное количество советских граждан, проживавших на территории 2-й танковой армии. ...В результате проведенных мероприятий было мобилизовано и до конца 1942 года отправлено свыше 14 000 советских граждан. ...Списки отправляемых на работы в Германию советских граждан утверждались мною лично. В конце декабря 1942 года

получен еще один приказ за подписью Цейтцлера, в котором было сказано, что я должен мобилизовать 40 000 советских граждан и отправить их в Германию. В связи с тем, что я уже отправил в Германию 14 000 советских граждан, а оставшееся гражданское население использовалось мной самим для нужд 2-й танковой армии, я под различными предлогами этот приказ не выполнил».

108

Генерал-полковник Шмидт находился в этой должности до 15 апреля 1943 г., после чего был арестован в г. Орле генеральным судьей квартиры Гитлера генерал-лейтенантом Закк, и уже в сентябре уволен в запас.

109

Генерал-майор Гаманн был назначен на эту должность приказом ОКХ.

110

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 6 ноября 1943 года.

111

Согласно показаниям фельдфебеля Янчи Гейнц, проходившему службу в лагере №271 в городе Вязьма, на процессе в Харькове 17 декабря 1943 г., где он привлекался в качестве свидетеля, при этапировании 15 000 военнопленных в Смоленск, 13 000 из них скончались в пути.

112

Из-за отсутствия пищи, доведенные до безумия люди, вырезали куски мяса из трупов умерших и употребляли в пищу. В начале ноября 1941 г. по приказу начальника лагеря за людоедство было повешено четверо заключенных.

113

Эрих Науманн бригадфюрер СС и генерал-майор полиции, командир айнзацгруппы «В» с ноября 1941 по март 1943. Штаб группы располагался в Смоленске с 5 августа 1941. Казнен в 1951 году американской военной администрацией.

114

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 13 ноября 1943 года.

115

Донецк.

116

На Ново-Краматорский машиностроительный завод, а также и домы в Краматорске, претендовал концерн Круппа.

117

На машиностроительный завод Старая Краматорская претендовал концерн «Рейхсверке Герман Геринг».

118

На Макеевский металлургический завод имени Кирова претендовал «Рейхсверке Герман Геринг».

119

Завод «Азовсталь» имени Орджоникидзе, вместе с трубным имени Куйбышева, привлекали внимание концерна Круппа.

120

В докладной записке начальника УНКВД по Сталинской области подполковника госбезопасности Чечкова секретарю Сталинского обкома КП/б/У Дрожжину, от 11 сентября 1943 года, речь идет о 35—40 семьях (ГАДО, Ф-Р1838, оп.1, д.39, л.14), соответственно заживо было сожжено около 150 граждан. Гражданка А.С. Яковенко была застрелена при попытке оказать помощь в спасении детей из огня. Спасти удалось трем малолетним девочкам: Нараткиным Лили, 7 лет, и Нине, 9 лет, и Сорокиной Тамаре, 7 лет.

121

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 29 февраля 1944 года.

122

В оккупированном Киеве трамвай оставался единственным общественным транспортом, автобусы забрали для нужд армии, часть троллейбусного парка была вывезена в Германию. Проезд в трамвае для немцев был бесплатным, для населения Киева 5 рублей. Водопровод в период оккупации действовал.

123

24 сентября 1942 г. городской голова издал распоряжение №268, в инструкции к которому говорилось следующее: «1. Дети 12-13 лет должны быть привлечены к работ... вместо выбывших в Германию работников...»

124

Из 400 тыс. человек, оставшихся в Киеве на момент его оккупации, в день освобождения 6 ноября 1943 г. насчитывалось всего 180 тыс. человек.

125

Из заявления оберштурмфюрера 4-й роты батальона особого назначения войск СС доктора Нормана Ферстера, от 10 ноября 1942 года: «...Богатые трофеи нам достались в библиотеке Украинской академии наук, где хранились редчайшие рукописи персидской, абиссинской, китайской письменности, русские и украинские летописи,

первые экземпляры книг, напечатанных русским первопечатником Иваном Федоровым, и редкие издания произведений Шевченко, Мицкевича, Ивана Франко».

126

Подверглись разграблению и частные собрания. Согласно указанию городской управы «об установлении адресов советской интеллигенции и культурных учреждений города с целью выявления и ревизии ценностей», оккупантам предоставлялись следующие сведения о них: «1. Списки и адреса квартир, где жили высшие руководители партии большевиков... 2. Списки и адреса известных людей – работников искусства, науки и других (артистов, художников, профессоров и т.д.). 3. Адреса квартир евреев, которые имели хорошие картины (оригиналы и копии), а также ценные книги...»

127

Кроме того в Киево-Печерской лавре были захвачены документы из архивов киевских митрополитов и книги из личной библиотеки Петра Могилы, собравшие ценнейшие памятники мировой литературы.

128

Подробно о Дарницком лагере смотри раздел «Акты районных и городских комиссий».

129

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 5 мая 1944 года.

130

Значительное количество зданий, в том числе и не пострадавших от военных действий, подверглись разрушению, их использовали для получения строительных материалов и топлива. Кирпичные дома взрывались и кирпич вывозили на строительство дорог, так для этой цели был взорвана церковь Фрола и Лавра. Деревянные здания разбирались на топливо и для строительства блиндажей.

131

Ветеринар немецкой авиационной дивизии доктор Штирофгубер на допросе 21 марта 1944 года показал: «В марте 1943 года я видел, что позолоченный купол на Софийском соборе в Кремле был частично разобран, однако часть покрывавших купол позолоченных листов оставалась ещё на месте, но примерно к июню месяцу все позолоченные листы этого купола были уже сняты. Я слышал, эти листы были просто растащены...».

132

Крест с голубем, олицетворявшим Святого Духа, с центрального купола Софийского собора был похищен солдатами «Голубой дивизии» в 1942-м, под предлогом «спасения христианских ценностей от варварства большевиков», и впоследствии находится в часовне музея Военно-инженерной академии в Мадриде. В 2004 году крест был передан Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II министром обороны Испании, и сейчас размещён внутри Софийского собора.

133

Со стороны немецких оккупационных властей в питании больных было отказано, объяснялось это тем, что психических больных они держат только 2 года, а потом умерщвляют (гитлеровская программа эвтаназии). В следствии спровоцированного голода, не смотря на все усилия персонала, около 600 пациентов скончались. Около 200 человек было отравлено, часть медперсонала расстреляна.

134

Численность населения г. Новгорода к началу 1941 г. составляла свыше 48 000 человек. В период с 15 июля 1941 г. по 15 августа 1941 года было эвакуировано около 45 000 человек. Таким образом в городе оставалось около 3 000 жителей. В день освобождения, 20 января 1944 года, в городе осталось 51 человек.

135

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 7 мая 1944 года.

136

9 и 12 июля 1941 г. зондеркомандой 4А расстреляны 240 евреев. 16 августа полицией безопасности Ровно были расстреляны еще около 300 евреев. 8 декабря 1941 г. силы 45-го батальона полиции безопасности расстреляли большинство евреев Ровно, всего согласно отчетам немецких властей, были расстреляны около 15 тысяч человек, а остальных заключили в гетто. 13 на 14 июля 1942 г. подразделения полиции безопасности, усиленные отрядами украинской полиции, вошли в гетто, были схвачены более 4 500 евреев, которых эшелонами вывезли под Костополь и расстреляли. Всего за время оккупации были расстреляны более 20 тысяч евреев города.

137

Долина у с. Выдумка, сейчас часть города Ровно, с весны 1943 г. стала местом массовых расстрелов узников Ровенской тюрьмы.

138

Самым большим был концлагерь в районе Кошары на ул. Белой. Еще два располагались в предместьях Грабник и Воля. Лагерь постоянно пополнялись военнопленными, которых переводили сюда из временных лагерей Киева, Холма, Полтавы и других мест. — Вечером, на закате, слышится какой-то жуткий непонятный шум, — вспоминал армейский хирург Ханс Киллиан. — С возвышенности нашему взору открывается долина, заполненная тысячами и тысячами русских пленных. Вид этой серо-коричневой массы людей вызывает отчаянье и напоминает согнанных в кучу коров или баранов. Что станет с ними, задаю я себе немой вопрос. Наступает ночь, ста-

новится прохладно. В ужасе я возвращаюсь обратно в дом...

139

Лишенные пропитания военнопленные ели кору деревьев и траву. От голода люди теряли человеческий облик, случались даже случаи каннибализма. Смертность среди пленных была крайне велика.

140

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 14 июня 1944 года.

141

Transnistria — Приднестровье, от румынского названия реки Нистру — русс. Днестр. В состав «Транснистрии» вошли нынешние Одесская область, юг Винницкой и запад Николаевской областей.

142

Взятничество и спекуляция не были отличительной чертой только румынской зоны оккупации, эти явления процветали и среди немцев.

143

Следователи «СД» тоже не отказывались от денег, в Харькове «легкие выводы» стоили 10 тысяч рублей, а за 20 тысяч можно было выйти на свободу, даже если речь шла о партизане взятом с оружием или подпольщике.

144

Уже на следующий день после занятия Одессы румынами были расстреляны и повешены на фонарных столбах на Привокзальной площади и Куликовом поле почти 4 тысячи человек.

145

В лагеря сгоняли евреев не только из Одессы и области, но и из Бессарабии и Северной Буковины.

146

Румынские власти считали что пришли в Одессу навсегда, поэтому сделали многое для того чтобы возобновить деятельность городских предприятий и городского хозяйства. Одесские фабрики и заводы с численностью свыше 100 рабочих перешли в собственность румынского губернаторства и городского самоуправления.

147

В период оккупации Университет возобновил свою деятельность.

148

В период оккупации театры работали, в том числе Русский драматический, Кукольный, «Гротеск» и Украинский драматический им. Т.Г. Шевченко. В Оперном театре исполнялись оперы «Борис Годунов», «Евгений Онегин», ставились балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица».

149

Консерватория продолжала свою деятельность и в период оккупации.

150

Во время оккупации румынская администрация поддерживала движение по 12 трамвайным маршрутам. Проезд стоил 25 пфенигов, за провоз груза взималась дополнительная плата в размере одной марки. Всего движение обеспечивали около шестидесяти моторных вагонов.

151

Работа Консервного завода была оккупантами возобновлена. В период оккупации завод производил в сутки до 30 тысяч банок различных овощных консервов и фруктовых компотов.

152

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 18 августа 1944 года.

153

Оккупационная политика финских властей предполагала различные подходы к местным жителям в зависимости от их происхождения. Родственные финнам в этническом отношении карелы, вепсы, представители других финно-угорских народов должны были остаться на своей территории и стать будущими гражданами Великой Финляндии. Этнически не родственные финнам местные жители, в основном русские, рассматривались как иммигранты, не националы или инонационалы (эти термины использовались в документах финских властей). На оккупированной территории в соответствии с приказом Главнокомандующего финскими вооруженными силами К.Г.Маннергейма от 15 июля 1941 г. были созданы Военное правление Восточной Карелии (территории Карело-Финской ССР, оккупированная финскими войсками) и Штаб Военного правления. Первоначально Штаб Военного правления находился в г. Йоэнсуу (Финляндия), а позднее — в г. Петрозаводске.

154

Для изоляции инонационалов по приказу главнокомандующего финской армией маршала Маннергейма от 8 июля 1941 г. на оккупированной территории создавались концентрационные лагеря. Впоследствии русское население должно было быть выслано в немецкую зону оккупации. Так как мужское население находящееся в трудоспособном возрасте было мобилизовано в РККА, речь идет в основном женщинах, детях и стариках.

155

Из приказа Командира Военного управления полковника В.А. Котилайна: «В концлагерях Военного управления восточной Карелии содержатся: а) Лица, относящиеся к не национальному населению и проживающие в тех районах, где их пребывание во время военных действий нежелательно. б) Политически неблагонадежные

лица, относящиеся к национальному и не национальному населению. в) В особых случаях и другие лица, пребывание которых на свободе нежелательно»

156

Из письма известного финского политического деятеля и депутата сейма Вяйне Войонмаа (V.Voionmaa) от 17 апреля 1942 года: «...из 20-тысячного русского населения Ээнислинна (Петрозаводск), гражданского населения 19 тысяч находятся в концлагерях и тысяча на свободе. Питание тех, кто пребывает в лагере, не очень-то похвалишь. В пищу идут лошадиные трупы двухдневной давности. Русские дети перерывают помойки в поисках пищевых отходов, выброшенных финскими солдатами. Что сказал бы Красный крест в Женеве, если бы знал о таком...».

157

Выдача порченных продуктов была нормой: картошка мерзлая, сыр заплесневелый, мясо гнилое и червивое, это же касалось и муки, вместо которой часто выдавался эрзац. Гражданские лица были приравнены в снабжении к военнопленным, которыми и были объявлены. В 1941—1942 гг. работу заключенных не оплачивали. Позднее стали платить от 3 до 7 финских марок в день, затем еще больше, до 20 марок (по рассказам очевидцев — три коробка спичек).

158

На иждивенцев содержание не выделялось, поэтому не смотря на то, что официально детский труд разрешали с 15 лет, на деле дети батрачили с 6—7 лет, чтобы помочь взрослым выполнить норму и как-то дополнительно заработать.

159

Голод гнал людей за колючую проволоку. Обычно за пределы лагеря посылали детей, потому что им было легче проскочить мимо охраны. Солдаты, жалея детей, бывало выпускали детей из лагеря, а то и выделяли им из часть своего пайка. Однако при смене караула, это могло закончиться трагедией.

160

Эти данные сильно разнятся, так по финским данным в лагерях для инационалов погибло 5 000 человек. Однако эти данные не включают так называемые «русские гетто», и бессудные расстрелы «пленных». Кроме того часть архивов была уничтожена при отступлении финских войск. Общая цифра умерших от естественных причин (голода и болезней) советских граждан, прошедших через финские лагеря, колеблется от 18 до 22 тысяч человек.

161

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 19 сентября 1944 года.

162

Из директивы Гитлера от 13 мая 1941 г. Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск: «I. 1. Преступления враждебных гражданских лиц впредь до дальнейших распоряжений изымаются из подсудности военных и военно-полевых судов. ...4. ...Заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны. В отношении населенных пунктов, в которых вооруженные силы подверглись коварному или предательскому нападению, должны быть немедленно применены распоряжением офицера, занимающего должность не ниже командира батальона, массовые насильственные меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновников... II. Отношение к преступлениям, совершенным военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к местному населению. 1. Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок. ...3. ...Судебный начальник предписывает судебное рассмотрение дела лишь в том случае, если это требуется по соображениям поддержания воинской дисциплины и обеспечения безопасности войск...».

163

На территории Минска находилось 9 концлагерей.

164

Концлагерь СД, куда свозили коммунистов, комсомольцев и подпольщиков.

165

Решение о создании гетто было принято 19 июля 1941 года — через три недели после захвата Минска вермахтом. Минское гетто было одним из самых крупных в Европе, а на оккупированной территории СССР занимало второе место по количеству узников после Львовского, которое насчитывало 136 тысяч человек. В августе 41-го в гетто находились 80 тыс. евреев, в сентябре—октябре этого же года — около 100 тыс.

166

К концу 1942 года в гетто погибли более 90 тысяч лиц еврейской национальности. К началу 1943 года в гетто оставались всего 6—8 тысяч человек.

167

Концентрационный лагерь был создан осенью 1941 года. Название «Тростенец» объединяет несколько мест массового уничтожения людей: урочище Благовщина — место массовых расстрелов; собственно лагерь — рядом с деревней Малый Тростенец в 10 км от Минска по Могилевскому шоссе; урочище Шашковка — место массово-

го сожжения людей. Всего в Тростенце гитлеровцами было замучено, расстреляно, сожжено свыше 206 500 граждан.

168

Особая команда СД, используя труд заключенных Минской тюрьмы, раскопала и сожгла в ноябре-декабре 1943 года около 100 тыс. трупов расстрелянных в урочище Благовщина.

169

«Шталаг №352» один из крупнейших на территории СССР лагерь военнопленных, который располагался в деревне Масюковщина (Минский район), и функционировавший с лета 1941 года по 1944 год. Вся территория лагеря была обнесена в несколько рядов колючей проволокой, укрепленной на бетонных столбах, высотой до трех метров. В ночное время по ней пропускался электрический ток. По линии проволочных заграждений и по углам располагались сторожевые вышки с прожекторными установками. Военнопленные содержались в бараках, конюшнях, полуразрушенных сараях, а часто особенно осенью и зимой 1941/1942 года вообще под открытым небом. Общей помывки военнопленных не производилось, мылись в холодной грязной воде. Белье не стиралось и не менялось. Освещение внутри бараков ночью запрещалось. В качестве наказания применялся карцер — клетка размером 1,5 на 2 метра, размещенная в помещении без крыши с бетонным полом. На высоте 130 см. в камере-клетке была густо натянута колючая проволока, находившийся в клетке человек не мог стоять и заходил в клетку на четвереньках. В таких клетках люди содержались по 3-5 дней.

170

Из показаний бывшего узника "Шталага №352" Г.А. Воронова, которые он дал 17 июля 1944 года Чрезвычайной Государственной Комиссии: «...В конце октября 1941 года нас русских военнопленных, в количестве 6700-6800 человек пригнали из города Минска в так называемый Лесной лагерь №352, находящийся северо-западнее Минска вблизи деревни Масюковщина. Помещения, в которых мы были размещены представляли собой два темных полуразрушившихся сарая, именуемых немцами бараками №21 и №22. В отверстия вверху сараев вырывался страшный холод... Питание состояло из суточной выдачи хлеба 80-100 граммов и 2 кружка перлового супа, сваренного с гнилой промерзшей картошки вместе с соломой... Каждое утро из сараев вытаскивали 100-150 трупов, которые сваливали как дрова в общую кучу...». Из воспоминаний Георгия Хольного, главы общественной организации "Объединение бывших военнопленных", 21 июня 2001 года: «...Я оказался в начале 42-го в этом лагере. В тифозном бараке я две недели лежал в бессмятстве, но все-таки выжил, и таких выживших было только 20 человек. Всего же в лагере погибли 80 тысяч военнопленных. Можно много рассказывать об этом, но мне вспоминается один случай. По лагерю шел пленный санитар Миша Сенькин, увидел, что немецкий солдат бьет военнопленного, и говорит ему: оставь парня, он еле жив. Немец выхватывает пистолет, стреляет в Мишу, тот падает мертвым. Его смерть взбудоражила весь лагерь. Смастерили гроб, установили в санчасти. Выставили почетный караул. Цветами усыпали гроб. Когда коменданту лагеря капитану Липпу доложили об этом, он взбешенный прибежал в санчасть. Но увидев, как на него смотрят военнопленные, снял фуражку и приказал похоронить Мишу не как обычно — пленных вывозили и сбрасывали в ямы, присыпая землей, а по-человечески...».

171

Хутор Петрашкевичи (Петрашкевича) находился на удалении около 1,5 км северо-западнее от «Шталаг №352» и около 800 м от деревни Глинищи. Возле этого хутора в небольшой низине было расстреляно по одним данным около 25 000, по другим данным около 54 000 гражданских лиц. Весной 1944 г. военнопленные под надзором спецкоманды СД около двух месяцев выкапывали захороненные тела расстрелянных минчан и сжигали их. Затем и этих пленных расстреляли, а затем также сожгли.

172

Временный концлагерь вблизи деревни Дрозды, в нескольких километрах от Минска, был создан в начале июля 1941-го. Лагерь просуществовал, по разным данным, от двух недель до трех месяцев. Однако расстрелы здесь продолжались вплоть до 1944 г. В 1996 году, в связи с обнаружением человеческих останков, специализированная поисковая рота в/ч 28443 провела раскопки в районе бывшего концлагеря, подтвердив заключение госкомиссии полувековой давности.

173

Электроосвещением были обеспечены только дома, занятые воинскими частями. АТС обслуживали только официальные учреждения и немецких должностных лиц. Город почти не отапливался.

174

Заработная плата чернорабочего — одна марка в день, высококвалифицированный рабочий получал меньше 600 рублей, т.е. 60 марок (одна немецкая оккупационная марка приравнивалась к 10 советским рублям). Директор предприятия, главный инженер или старший мастер получали до 100 марок. Рабочие, занятые в промышленности, получали в день по 150—250 г хлеба и по миске постного супа или баланды. Стоило это питание 1—2 рубля в день, вычитавшихся из зарплаты. Перекусить в чайной обходится в 3—5 марок. Килограмм масла или сала на рынке стоил 600 рублей. Услуги парикмахерской 10—15 рублей.

175

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 26 ноября 1944 года.

176

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 19 декабря 1944 года.

177

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 23 декабря 1944 года.

178

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 5 апреля 1945 года.

179

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 29 августа 1944 года.

180

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 3 сентября 1944 года.

181

Воспроизводится по публикации в газете «Известия», от 26 января 1944 года.

182

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 30 апреля 1944 года.

183

Подробнее смотри раздел «Акты и документы» — Акт комиссии военнослужащих красной армии и гражданского населения о массовом истреблении гитлеровцами стариков, женщин и детей в концлагерях близ дер. Холма и Медведов Домановичского района Полесской обл.

184

Подробнее смотри раздел «Акты и документы» — Акт комиссии из представителей воинской части Красной Армии и местной общественности о зверствах и издевательствах немецких фашистов над советскими людьми в концлагере у мест. Озаричи Домановичского района Полесской обл.

185

Так в тексте, речь идет о Вейдлинг. В ходе допроса в ноябре 1951 года генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг дал по этому поводу следующие показания: «...Примерно в марте 1944 года командующий 9-й германской армией генерал танковых войск Харпе приказал мне всех больных сыпным тифом и эвакуированных, проживающих на территории расположения частей 41-го танкового корпуса в принудительном порядке направить в лагерь под населенным пунктом Озаричи. Указанный населенный пункт находился в районе участка фронта, занимаемого соединениями армейского корпуса генерала пехоты Госсбах (Хоссбах). В соответствии с этим я издал по своему корпусу приказ насильно, под страхом расстрела, согнать в лагерь под Озаричами всех больных сыпным тифом и приезжих из других областей советских граждан. Помню, что в приказе Харпе делалось упоминание на то, что в случае наступления Советской Армии на нашем фронте концентрационные лагеря в Озаричах должны обязательно попасть в руки русских. ...Теперь я понимаю, что германское командование сосредоточило в непосредственной близости от линии фронта тысячи больных сыпным тифом с целью занесения эпидемии сыпного тифа в районы, освобождавшиеся тогда Советской Армией...».

186

Так в тексте, имеется в виду Рихерт, генерал-лейтенант, командир 35-й пехотной дивизии. Из показаний генерала артиллерии Гельмута Вейдлинга: «Командир 35-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Рихерт, в чьем распоряжении находились лагеря под Озаричами, мне рассказывал, что масса советских граждан погибла в лагерях, где не было даже нор, чтобы укрыться от холода. В марте 1944 года 35-я дивизия под командованием Рихерт перешла в мое подчинение, и я лично, выезжая в Озаричи, видел, что лагеря были просто участками земли, огороженными колючей проволокой».

187

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 11 марта 1944 года.

188

В данном издании документа фотокопии не приводятся.

189

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 3 августа 1944 года.

190

Документ воспроизводится в сокращенном виде по «Нюрнбергский процесс» в 3-х томах, из-во Юридическая литература, т.2., с.275—289.

191

Остальные документы не приводятся, так как они либо уже были опубликованы в семитомном издании «Нюрнбергский процесс...», либо опубликуются отдельно в трехтомном издании, по которому документ и воспроизводится.

192

Воспроизводится по публикации «Об убийстве немцами советских военнопленных в районе города Остров-Мазовецкий в Польше», из-во «Госполитиздат», 1947 год.

193

В данной публикации не приводится.

194

Смотри в этом же разделе.

195

Так в тексте.

196

Воспроизводится по публикации в газете «Известия», от 16 сентября 1944 года.

197

Воспроизводится по публикации в газете «Красная звезда», от 8 мая 1945 года.

198

Воспроизводится по «Нюрнбергский процесс» в 3-х томах, из-во Юридическая литература, т.3., с.415—424.

199

Здесь и далее, речь идет о рабочих местах.

200

По-видимому в связи с этим, а так же чрезвычайным характером Указа, в «Указаниях начальника Главного Управления Военных Трибуналов от 18 мая 1943 года о порядке рассмотрения дел в военно-полевых судах при дивизиях действующей армии», сказано: «...2. В отношении лиц, перечисленных в ст.1 и 2 Указа от 19 апреля 1943 г., бесспорно уличенных в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, дела рассматриваются военно-полевыми судами независимо от времени совершения преступления» Этот пункт фактически придает Указу обратную силу.

201

Таким образом в данной статье речь идет о преступлениях против личности, совершенных военнослужащими германской армии и стран сателлитов, общественно-опасным способом. По имеющимся сведениям, с 1943 года по 1952 год в рамках данного Указа, к ответственности было привлечено не менее 81 780 человек, в том числе 25 209 иностранцев из числа военнослужащих противника.

202

В «Указаниях начальника Главного Управления Военных Трибуналов от 18 мая 1943 года о порядке рассмотрения дел в военно-полевых судах при дивизиях действующей армии», об этом сказано следующие: «...8. Приговоры военно-полевого суда утверждаются командиром дивизии и приводятся в исполнение немедленно. Приговор к смертной казни приводится в исполнение в точном соответствии со ст.5 Указа от 19 апреля 1943 г. В случае замены командиром дивизии смертной казни осужденному каторжными работами, это решение является окончательным». В послевоенное время замена смертной казни каторжными работами стала частым явлением.

203

Воспроизводится по публикации отчета в газете «Красная звезда», от 15—20 июля 1943 года.

204

Имеется в виду Краснодар.

205

Контр-революционные действия, в широком смысле трактуются как: «ст.58.1. ...Контр-революционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего его, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции.» УК РСФСР, редакция 1926 г.

206

Так в тексте.

207

«Ст. 319. Суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. Ст. 320. При постановке приговора суд должен разрешить следующие вопросы: 1) имело ли место деяние, приписываемое подсудимому; 2) содержит ли в себе это деяние состав преступления; 3) совершил ли означенное деяние подсудимый; 4) подлежит ли подсудимый наказанию за учиненное им деяние; 5) какое именно наказание должно быть назначено подсудимому и подлежит ли оно отбытию подсудимым; 6) подлежит ли удовлетворению заявленный гражданский иск, а если иск заявлен не был, то надлежит ли принять меры обеспечения могущего быть заявленным гражданского иска; 7) как поступить с вещественными доказательствами; 8) на кого должны быть возложены судебные издержки.» УПК РСФСР, редакция 1923 г.

208

Все члены Московской коллегии адвокатов, по назначению суда. С.К. Казначеев и Н.П. Белов впоследствии привлекались к послевоенным судебным процессам над военными преступниками. Н.В. Коммодов скончался вскоре после окончания процесса.

209

18 генералов, 28 офицеров, 39 унтер-офицеров и солдат германской армии, СС, полиции и жандармерии.

210

Все члены Московской коллегии адвокатов, по назначению суда. С.К. Казначеев и Н.П. Белов ранее принимали участие в харьковском процессе 1943 года.

211

Здесь и далее в обвинительном заключении, смотри раздел «Акты районных и городских комиссий» — Сводный акт о зверствах фашистских оккупантов над мирными советскими гражданами и военнопленными на территории Смоленской области.

212

Свои действия он объяснил, тем что «в каждом русском мы видели лишь животное. Это ежедневно вдалбливалось в наши головы начальством. Поэтому совершая убийства и другие преступления мы не задумывались над этим, так как в наших глазах русские не были людьми».

213

Для этого брали кровь у больных заражением крови и переливали ее здоровым. В других случаях производился забор гнойных выделений и смазывание ими свежих ран военнопленных. Так испытывались новые вакцины. Кроме того у советских военнопленных откачивалась спинномозговая жидкость с целью ее дальнейшего использования при лечении немецких военнослужащих.

214

Долгое время пленному не оказывалась никакой медицинской помощи. Затем обер-артц Вагнер, осмотрев его, нашел, что имеет место быть интересный медицинский материал. Студенты практиканты приступили к удалению гноя из ран. В связи с тем, что каждый студент хотел попробовать свои силы при проведении операции, пациента просто «залечили».

215

Немецкие врачи отдавали предпочтение крови детей и подростков. Забор крови осуществлялся в количестве 600—800 кубических сантиметров одноразово.

216

Родителям детей объяснялось, что детей забирают на излечение и что они должны быть благодарны германским властям заботящимся об их детях.

217

Подсудимый участвовал во многих карательных операциях и расстрелах мирных жителей Смоленской и Псковской областей. Некоторыми акциями руководил лично. В январе—феврале 1943 года Киришфельд командуя карательным отрядом, проводил операции в районе Невель—Усвяты.

218

Если становилось известно, что в какой либо деревне замечен хотя бы один партизан, то населенный пункт сжигался, а жители, заподозренные в связях с партизанами, расстреливались. Имущество подвергалось разграблению. Сельхозпродукты и инвентарь вывозились, скот угонялся. Выживших крестьян угоняли в Германию на принудительные работы.

219

Эвертс Эрих был командиром отделения 490-го охранного батальона. Впервые он проявил себя в июне 1941 в селе Выдра, в 25 километрах северо-западнее Смоленска. Там было расстреляно около ста мирных жителей. Эвертс лично расстрелял четверых человек. В дальнейшем он принимал участие в сожжении сорока деревень и расстреле мирных жителей в районе Клетни Орловской области. Однажды в немецкий штаб патруль привел группу советских людей обвинявшихся в связях с партизанами. Люди были истощены настолько, что едва стояли на ногах. После короткого допроса поступила команда расстрелять их. Люди вырыли себе могилу и отделением Эвертса были расстреляны.

220

Так в тексте

221

Унтер-офицер Вайс Вилли организовывал и принимал участие в угоне трудоспособных граждан на принудительные работы в Германию. Тех кто пытался уклониться от мобилизации, расстреливал. В 1943 году близ города Осиповичи проводя карательный рейд, подразделение подсудимого расстреляло и заживо сожгло в домах крестьян заподозренных в связях с партизанами. Награбленное продовольствие использовали для своих нужд. Крестьяне облагались непосильным продовольственным налогом немецкими властями на местах, и в случае ограбления их карателями им грозила смерть от голода.

222

Речь идет о событиях произошедших в июле 1943 года во время большого карательного рейда против жителей деревень близ города Осиповичи. Подсудимый принял участие в расстреле 25 человек и повешении еще 10 жителей деревни, а также сожжении 60 мирных жителей.

223

Подсудимый надзирал за работой военнопленных по очистке железнодорожного полотна на Восточном вокзале города Смоленска с октября 1941 года по май 1942 года. При этом он лично расстрелял двадцать и забил до смерти тридцать человек, которые из-за истощения не могли, по его мнению, работать энергично.

224

Генчке Фриц служил в звании ефрейтора в 335-го охранном батальоне. В ноябре 1941 года рота где служил подсудимый конвоировала советских военнопленных, примерно в количестве пяти тысяч человек, из Смоленского пересыльного лагеря №126 в город Минск. Уже на этапе отбора наиболее слабых и не способных перенести транспортировку, Генчке собственноручно расстрелял около десяти военнопленных. За три дня пути в поезде умерло от истощения и было расстреляно около пятисот человек. Расстреливались также и те лица из гражданского населения которые по какой-либо причине приближались к вагонам. Та же ситуация повторилась во время транспортировки пленных в декабре 1941 года из Смоленска в город Двинск. За время пути погибло и расстреляно как минимум полторы тысячи военнопленных. При конвоировании военнопленных из Вязьмы в Смоленск команда конвойных, в которой состоял Генчке, получила усиленный боекомплект до 90 штук патронов. За время пути все они были израсходованы. Дорога, по которой пролегал маршрут, оказалась усеянной трупами.

225

Из «особых указаний по умиротворению оперативной области» командира 7-й танковой дивизии от 3 сентября 1941 года: «Делом достоинства и авторитета немецкой армии является, чтобы каждый немецкий солдат в отношении пленных держал себя той дистанции и того поведения, которые соответствуют ожесточению и нечеловеческой грубости русских в боях. Где нужно, применять оружие при сопротивлении, возмущении и т.д. Особенно следует немедленно стрелять пленных-беглецов».

226

Подсудимый отправился с военнопленными за дровами в лес, и поскольку те не могли справиться с заданием, расстрелял их.

227

Райшман Йозеф — старший солдат «хунде-фюрер» 350-го пехотного полка 14 пехотной дивизии служил в качестве ротного собаководом. Натравливая собаку на пленных содержавшихся в концлагере Гранки-Голынки действовал, как правило, по собственной инициативе, вызывая одобрительный смех сослуживцев. То же самое происходило и в поселке Монастырщина где он затравил собакой, после чего изнасиловал 14-и летнюю девочку. О лагере «Гранки» смотри раздел «Акты и документы» — акт о злодеяниях гитлеровцев в рабочем лагере Смоленского СД «Гранки»

228

Из приказа командования 140 немецкой пехотной дивизии от 24 сентября 1941 года: «Чтобы покончить со всяким сомнением, еще раз приказывается: всех местных жителей в возрасте, пригодном для военной службы, в обязательном порядке превратить в пленных. Подозрительные элементы уничтожать».

229

Так в тексте.

230

«Общая часть. ...Раздел 2. Пределы действия Уголовного Кодекса. ...4. Иностранцы за преступления, совершенные на территории Союза С.С.Р., подлежат ответственности по законам места совершения преступления.» УК РСФСР, редакция 1926 г.

231

Из приказа командования 2-й танковой армии от 11 мая 1943 года: «...При занятии отдельных населенных пунктов нужно немедленно и внезапно захватить имеющихся мужчин в возрасте от 15 до 65 лет, если они могут быть причислены к способным носить оружие, под охраной отправлять их по железной дороге в пересыльный лагерь №142 в Брянске. Захваченным объявлять, что они впредь будут считаться военнопленными и что при малейшей попытке к бегству будут расстреливаться...» За несколько дней до оставления немцами Орла комендантом был издан специальный приказ, в соответствии с которым всё население от 14 до 55 лет подлежало явке в лагерь, а оттуда — угону в тыл. Лица, отказавшиеся от добровольной явки, вылавливались и загонялись в лагерь силой.

232

25 июля 1942 г. оккупационными властями была закрыта Орловская психиатрическая больница в с. Кишкинка, больные были расстреляны.

233

Из письма унтер-офицера 473-го немецкого пехотного полка 253-й пехотной дивизии Карла Петерса своей жене: «Дорогая Герда!.. Теперь я стою в Брянске. Через город проходит передовая линия. Но это уже не город, а груда развалин. Да, когда мы сдаем город, то оставляем только развалины. Справа, слева и сзади нас высоко поднимаются взрывы. Фабрики сравниваются с землей. Огонь не берет только печи, они выглядят как лес из камней. Мосты и железные дороги летят в воздух. Громадные глыбы домов рассыпаются при хорошо организованном взрыве. Громадные пожары превращают ночь в день. Поверь мне, таких разрушений никакими бомбами англичанин не в состоянии добиться... И если мы отойдем до границы, то у русских от Волги до немецкой границы не останется ни одного города, ни одного села. А этого они, наверное, не выдержат... Да, здесь господствует «тотальная война» в высшем совершенстве. То, что здесь происходит, — это нечто невиданное в мировой истории. И несомненно, это явится решающим для исхода войны, а именно — в нашу пользу. В этой великой борьбе нашего народа наша собственная судьба не имеет значения, для этого будет время, когда мир будет завоеван. Гор.

Брянск. 15 сентября 1943 г.»

234

Ремлингер — до того как получить назначение во Псков, был начальником военной тюрьмы Торгау (1936—1943 гг.), комендантом Биаррица — французского курортного города. Короткое время был комендантом Опочки...

235

Все другие, кроме Эдуарда Зоненфельда, служили в первом и втором батальонах «особого назначения» 21-й авиаполевой дивизии (известна также как «Дивизия Майндль»), а Зоненфельд, бывший лейтенант, был командиром «особой группы» 322-го пехотного полка.

236

Зимин — защитник Ремлингера. Борхов, Волков, Галебский, Кроленко — для всех других.

237

Обвинительное заключение было подписано военным прокурором Ленинградского Военного округа, генерал-майором Петровским и утверждено главным военным прокурором Красной Армии, генерал-лейтенантом юстиции Афанасьевым.

238

Все преступления, поставленные в вину обвиняемым, совершены в 1943—1944 годах.

239

Заседания проходили в зале Выборгского дворца культуры.

240

В зале присутствовало более двух тысяч человек, велась киносъемка. Среди присутствовавших руководители партийных и общественных организаций, члены Ленинградской государственной чрезвычайной комиссии по расследованию немецких злодеяний, фронтовики — защитники Ленинграда: генералы, офицеры, солдаты, матросы; командиры и комиссары партизанских бригад, отличившиеся в годы войны рабочие ленинградских заводов, представители интеллигенции, делегации из всех районов, на территории которых происходили преступления обвиняемых.

241

Перевод обвинительного заключения был предоставлен подсудимым за 48 часов до начала процесса.

242

«— По чьему приказу? — Действовали на основании приказа командира батальона подполковника Клозе — первого батальона, и во время отступления командовавшего всеми тремя батальонами вместе. Подполковник Клозе получал приказы от Лихта, генерал-майора, командира 21-й авиаполевой дивизии.» Приказ Клозе гласил: «...Сжигать на своем пути все населенные пункты, выгонять скот и, если население не будет эвакуироваться, рассматривать его как партизан и расстреливать...»

243

Сообщение об этой награде вызвала в зале оживление и смех: «— Как называется эта медаль? — «Восточной медалью» или «Медалью за зимние битвы на Востоке». Давалась тем, кто перенес тяжелую зиму. Все время был на фронте.» Похоже присутствующим эта награда известна под другим, неофициальным, названием «Мороженое мясо».

244

В эпизоде со стариком, так же как и в эпизоде приведенном ниже (речь о мирных жителях, спрятавшихся в кустах в стороне от села), подсудимый ссылается на то, что события происходили в сумерках и он не мог видеть, что имеет дело с безоружными людьми. Подсудимый Дюре тянет руку, вскакивает: «Фогель лжет! — и объясняет: — Это было двадцатого июля, после обеда, в три часа, в деревне у реки Великой, Фогель приказал расстрелять группу детей и женщин! И первым стал стрелять!»

245

Дюре и другие из батальона «особого назначения» попали в него за провинности и, чтобы «оправдать себя», сжигали деревни, расстреливали людей.

246

Смех в зале.

247

Ремлингер уточняет: «— Точно ли, Скотки, помните, что приказы об убийствах были за подписью Ремлингера? — Приказы, которые приходили от Ремлингера, были подписаны Бушем и (пропуск в тексте)... — А Ремлингером? — Я не знаю, кем были подписаны, но приходили и выполнялись. — Уточните содержание! — говорит Ремлингер. — Шапка: приказ Ремлингера — об эвакуации города Пскова. Содержание: скот и население уводить. При отказе населения — расстрел. Читал приказ капитан Нойман, командир роты.»

248

Защитник уточняет: «— Сжигали живьем или только трупы? — Были случаи — живьем, потому что сжигал дома. Возможно, в домах были живые люди.»

249

Герер, до 1 марта 1944 года был на Волховском фронте. В этот день был арестован и 3 марта осужден военно-

полевым судом на четыре года военно-полевой тюрьмы. До 15 января 1944 года занимался на строительных работах, с лопатой в руках, а 15 января вместе с группой, в которой состоял, был вооружен. В дальнейшем группа была придана кавалерийскому полку «Норд». В задачу полка входила эвакуация местного населения в тюрьму, конфискация их имущества и скота.

250

«— Выполняя приказы, сознавал, что это — преступные приказы, но не мог их не выполнять, так как иначе сам был бы расстрелян... — И выполняли охотно? С удовольствием? — Нет, без удовольствия!»

251

Зоненфельд имеет в виду свое пребывание в военной тюрьме Торгау, куда попал за невыполнение приказа. Начальником (комендантом) тюрьмы был Ремлингер. «— Полковник Ремлингер нам говорил: «Вы являетесь тормозной колодкой в победоносной колеснице фюрера, и вы должны оправдать себя, научиться слушать и выполнять приказы». И потом посылал на фронт, в основном на Восточный фронт... Полковник Ремлингер каждый месяц держал речь. Смысл был такой: население Советского Союза нужно уничтожить...»

252

Ремлингер принял тюрьму Торгау как гражданскую, по версальскому договору Германия не могла иметь военных тюрем. Помимо званий, за свою деятельность на должности коменданта тюрьмы, он был отмечен следующими наградами: в 1941 году «крестом 2-го класса за военные заслуги», в декабре 1942 года — «крестом за военные заслуги, с мечами, 1-го класса».

253

В 1943—1944 годах в ведении Ремлингера были четыре комендатуры, которые располагались: в деревне Кресты, в пригороде Пскова; в селе Новоселье (на железной дороге Псков—Луга); на станции Середькино (между Псковом и Гдовом), и четвертая комендатура была при селе Карамышево. В его подчинении был кавалерийский полк «Норд» (командир полка принц фон Зельм), 3-й самокатный полк и другие части.

254

Ремлингер сам являлся участником этого террора. Вот что рассказывает о Торгау подсудимый Зоненфельд: «В ней находилось от двух тысяч до трех тысяч людей, одна часть которых легко воспитывалась, вторая — труднее, третьи были каторжные. И группа каторжников должна была выработать мужество. Это были скелеты, живые трупы. Когда этих людей видели, то было страшно. Примеры мужества: должны были прыгать через проволочные заграждения, проползая через него...» Вот воспоминания другого «клиента» образцовой тюрьмы. Людвиг Бауман, в июне 1942 года дезертировал из оккупационных войск во Франции, был задержан, судим: «...нас отравили в концлагерь, а потом — в Торгау — огромную военную тюрьму для солдат Вермахта. Там погибло примерно 1 300 наших — они умерли, или их расстреляли. А потом нас отправили на Восточный фронт...»

255

«— Во всех названных районах — Карамышево, Новоселье, Кресты, Середькино — были массовые расстрелы. Вы обязаны были об этом знать и несете за это ответственность. — О всех таких случаях местные комендатуры должны были доносить через меня в штаб группы, — отвечает Ремлингер. — Но там все это происходило. Такие донесения вы получали? — Нет. Никаких сведений не поступало. Я бы сам вмешался. — Но все это делалось по вашим приказам! — Нет. По моим приказам ничего не делалось. — Но такие приказы издавались? — Нет. Ни мной, ни другими таких приказов о массовых расстрелах не издавалось.»

256

«...Внучка, четырех лет, как единая куколочка, мы ее берегли... Тридцать три человека только детей погибло. Всего шестьдесят четыре человека погибло...»

257

«— А как вы сами остались целы? — Когда первый залп дали, я лег, и через меня уже весь народ падал, я лежал под убитыми. А потом я уже бежал — в лес, и там прятался до пяти часов утра... Жена моя — раненная только в ногу, тоже под трупами улежала, ребенок невредимый с нею остался...»

258

«— Около деревни Заполье лагерь русских военнопленных был? — Был... Я один раз наварила картошки, послала своего мальчику туда, его ударили, мальчик убежал... Помирали пленные от голодухи, а сколько — я не могу сказать!..»

259

«— В феврале, когда все это происходило, я уже не был комендантом и я не мог знать, — заявляет Ремлингер. — Это было и в ноябре, и в декабре... Вы, как генерал, за зверства своих подчиненных отвечаете или нет? — Отвечаю только за то, что делали мои войска, которые были мне подчинены... если мне это было известно!»

260

Между тем свидетель показал, что за отказ поджигать дома, унтер-офицер был расстрелян на месте.

261

Заседание проходило в зале Областного театра им. Чкалова.

262

Начальник жандармерии Березнеговатского района.

263

Фельдфебель полевой жандармерии.

264

Оберрефрейтор 783 охранного батальона.

265

Текст обвинительного заключения, переведенный на немецкий язык, был вручен обвиняемым еще до начала процесса.

266

В разделе «Акты и документы», представлена «Справка об итогах работы по учету ущерба причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками гражданам, колхозам, общественным организациям, предприятиям и учреждениям Николаевской области».

267

На вопрос председателя суда «признаете ли вы себя виновным» подсудимые Винклер, Санднер, Бютнер, Кандлер, Михель, Витцлеб, Берг, Хапп отвечают утвердительно. Только Шмале заявил: — Нет, я эти преступления, в которых меня обвиняют, не совершал.

268

Прибыл на территорию Советского Союза в конце сентября 1941 года, в Киев. Там, до назначения в Николаев, находился в распоряжении командующего отрядами СД Киева.

269

«— С какой целью вами были расстреляны в апреле 1942 года 20 врачей и 22 члена их семей, и почему именно врачи? — Был приказ из Киева. Мы должны были «убрать» интеллигенцию. Она мешала нам использовать народ в необходимых германскому командованию целях.»

270

«— Какое преступление совершило еврейское население, которое вы расстреливали — спрашивает государственный обвинитель. — Никакое.»

271

«— Значит в обязанности полиции безопасности СД входило планомерное уничтожение мирных советских граждан, — суммирует председатель Трибунала. — Выходит так, — нехотя отвечает Санднер.»

272

На предварительном следствии, по этому факту, подсудимый дал следующие показания: «— Я честно выполнял все задачи, поставленные передо мной, я старался быть образцовым солдатом, тем более, что за это хорошо платили... На двоих мы ежедневно получали бутылку водки.»

273

В ходе процесса Винклер много записывал и отвечая на вопросы Трибунала, то и дело обращается к блокноту, стараясь быть осторожным.

274

На вопрос председателя суда, помнит ли Михель фамилии замученных им людей, обвиняемый отвечает: — За последний год войны. Во время отступления, у меня было много разных переживаний, и я позабыл все фамилии. Я много думаю о своей семье. — А о семьях замученных вами людей вы не думаете? — задает вопрос председательствующий. Михель молчит. Ему нечего сказать.

275

«...Во время утренней проверки военнопленных заставляли раздетыми стоять на морозе по несколько часов. Когда проверка кончалась, на дворе оставалось несколько замерзших людей. В лагере был устроен «карцер» — небольшое пространство на дворе, огороженное колючей проволокой. Сюда провинившихся бросали на 8 и больше дней, оставляя без пищи, под открытым небом на морозе. К концу заключения в карцере люди, обычно, замерзали...»

276

«— Не раз, нам в Кировоградском лагере зачитываюсь приказы Винклера, в которых наказывались те, кто мягко относился к пленным.» Заявляет Хапп.

277

«...Немцы согнали нас в кучу, зверски избивали, толкали ногами в живот, груди. У меня на руках был сын четырех лет, а рядом дочь и сын 15 и 13 лет. У Вдовиченко Гали также трое детей, у Вдовиченко Христи пятеро детей, в том числе семимесячный ребенок, у Мицки Прасковьи четверо детей, у Лены Голуб — трое. Немецкие полицаи показывали на нас пальцами и кричали «партизаны, партизаны». Потом выхватили семимесячного ребенка, бросили его оземь и меня толкнули на него. Ребенок, был придушен, но немецкий полицай еще пристрелил его. Одного двухнедельного ребенка полицаи повесили. Всех моих детей расстреляли. Расстреляли также всех остальных жителей хутора, которые были согнаны сюда...»

278

«...Труп сына я нашел в балке недалеко от села. Хоронить мне его не давали, и я был вынужден ночью украсть труп сына и похоронить его сам.»

279

У Косоуровой было двое малолетних детей, — Лиза и Тамара. «— Я была свидетельницей, как обреченных на смерть малюток за волосы бросали в машину и увозили на расстрел. Мне не дали даже проститься с детьми.»

280

С сообщением о разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве можно ознакомиться в разделе «О разрушениях и зверствах на временно оккупированных территориях».

281

С актом о массовом истреблении военнопленных советских граждан в лагерях поселка Дарница Киевской области можно ознакомиться в разделе «Акты районных и городских комиссий».

282

Заседания проходят в помещении кинотеатра.

283

Особое место в показаниях Ратца занимает характеристика обвиняемого по настоящему делу капитана германской армии Вальтера Кнауф. Ратц показывает, что Кнауф, славился своей жестокостью даже среди солдат германской армии.

284

Обвиняемый Кункель также подтверждает характеристику Кнауфа. Последним был издан приказ: «Русских в плен не брать, а расстреливать на месте».

285

Давая показания Трибуналу, обвиняемый фон Раппард долго перечисляет отличия и награды, полученные им в германской армии.

286

Уточняя эту часть показания, государственный обвинитель задает вопрос подсудимому: — Значит, этот приказ следовало понимать, как требование поголовного истребления русских людей? — Да, — отвечает подсудимый. Однако тут же добавляет, что по своей личной практике он стремился щадить детей. На эту тему, мол, он отдавал устные распоряжения. Но никто из сидящих на скамье подсудимых не подтверждает этого.

287

Основанием послужил донос о якобы готовящемся на этом заводе восстании против немцев. Затем, на территории завода был создан штрафной лагерь, ставший тюрьмой для рабочих этого предприятия.

288

Его дивизия прочищала лесную зону. Все население отправлялось в лагерь, где оно впоследствии уничтожалось. В результате этих операций было уничтожено, по словам подсудимого, 24 000 человек. Кроме того, жители сел и деревень Брянской области привлекались к разминированию особо опасных участков.

289

Один из заключенных был расстрелян жандармами только за то, что выразил недовольство плохим питанием.

290

Людей держали под стражей около трех дней без пищи и воды.

291

Подсудимый в частности утверждал, что созданный лагерь не находился в его подчинении, а был создан начальником административного управления завода, сам же он только использовал труд заключенных.

292

Медсестра обвинялась в попытке отравления группы больных немцев, находившихся на излечении в больнице. Лабораторных исследований, подтверждающих обвинение, дожидаться не стали.

293

Всего он принимал участие в семи карательных экспедициях.

294

Подробнее о ситуации в г.Невеле и Невельском районе смотри в разделе «Акты районных и городских комиссий» — акт Невельской Чрезвычайной Районной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в городе Невеле и Невельском районе.

295

В одной из карательных экспедиций по приказу Раппарда было расстреляно 6 человек, в том числе трое детей.

296

Так в тексте.

297

Суд проходил в Доме офицеров, бывшем Доме Латышского общества.

298

Вольфганг фон Дитфурт, 1879 года рождения, в ходе процесса окончательно впал в маразм и скончался в тюремной больнице 22 марта от старческой дряхлости.

299

«Я должен нести всю ответственность за то, что произошло в границах Остланда в пределах СС, СД и гестапо. Этим самым моя вина увеличивается намного. Таким образом, мне трудно просить о более мягком наказании. Моя судьба находится в руках высокого суда, и поэтому я прошу единственно обратить внимание при вынесении приговора на смягчающие обстоятельства. Сам приговор я приму в полном раскаянии и буду считать достойным наказанием».

300

«В своем заключительном слове я прошу высокий суд обратить внимание, что я сам по себе являюсь очень гуманным офицером. Однако, как честный солдат, был верен клятве и тем самым связан приказами своих начальников».

301

«Основные массы германского народа и я также навсегда отказались от учения национал-социализма. Я намерен, насколько наказание, которое я получу, позволит это впредь, бороться за демократические идеи. Я хочу представить свои слабые силы в качестве демократа в пользу Германии. Германия может и должна сотрудничать только с Россией. Я желаю помогать в этом».

302